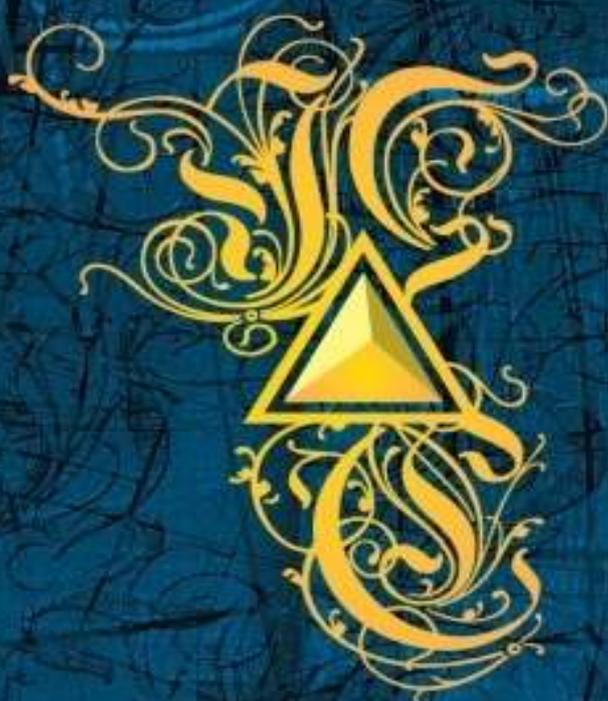

**ЖЮЛЬ
ВЕРН**

**ТРИЛОГИЯ
о капитане Немо и «Наутилусе»
В ОДНОМ ТОМЕ**

Annotation

Знаменитый французский писатель Жюль Верн создал в литературе новое направление - научную фантастику и предсказал многие открытия: изобретение самолета, телевидения, космические полеты. Три романа - приключенческий, научно-фантастический и роман-робинзонада о необыкновенных путешествиях и загадочном капитане Немо в одном томе. Рекомендовано любителям опасных приключений и дальних странствий.

Содержание:

Дети капитана Гранта (перевод А. Бекетовой)

Двадцать тысяч лье под водой (перевод Н. Яковлевой, Е. Корша)

Таинственный остров (перевод Н. Немчиновой, А. Худадовой)

Жюль Верн

Трилогия о капитане Немо и «Наутилусе» в одном томе

Дети капитана Гранта

Часть первая

Глава I

Рыба-молот

26 июля 1864 года по волнам Северного канала шла на всех парах при сильном норд-осте великолепная яхта. На ее бизань-мачте^[1] развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты^[2] виднелись шитые золотом буквы «Э.» и «Г.». Яхта эта носила название «Дункан» и принадлежала Эдуарду Гленарвану, виднейшему члену столь известного во всей Англии Королевского яхт-клуба Темзы.

На борту «Дункана» находились Гленарван со своей молодой женой Элен и один из его двоюродных братьев, майор Мак-Наббс.

Недавно в открытом море, в нескольких милях от залива Клайд, было произведено испытание этой яхты, и теперь она шла обратно в Глазго.

На горизонте уже вырисовывался остров Арран, когда стоявший на вахте матрос сигнализировал о том, что за кормой «Дункана» плывет какая-то огромная рыба. Капитан Джон Манглс немедленно приказал сообщить об этом Гленарвану, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют^[3].

— Скажите, что это за рыба, по-вашему? — спросил он капитана.

— Мне думается, сэр, что это крупная акула, — ответил Джон Манглс.

— Акула— в здешних водах! — воскликнул Гленарван.

— В этом нет никакого сомнения, — продолжал капитан — такие акулы встречаются во всех морях и под всеми широтами. Это рыба-молот. Или я сильно ошибаюсь, или мы имеем дело с одной из этих подлых тварей. Если вы, сэр, согласны и миссис Гленарван доставит удовольствие присутствовать при такой любопытной ловле, то мы не замедлим узнать в точности, что это за рыба.

— А вы какого мнения, Мак-Наббс? — обратился Гленарван к майору. — Стоит ли нам заняться этой ловлей?

— Я заранее присоединяюсь к вашему мнению, — невозмутимо ответил майор.

— Вообще следует уничтожать как можно больше этих хищных тварей, — заметил Джон Мангле. —

Воспользуемся же случаем, и мы увидим необычайное зрелище и заодно принесем пользу.

— Тогда за дело, Джон, — сказал Гленарван.

Вслед за этим он велел предупредить жену, и Элен, очень заинтересованная перспективой такой захватывающей рыбной ловли, поспешила на ют к мужу.

С капитанского мостика нетрудно было следить за всеми движениями акулы: она то ныряла, то с удивительной силой выскакивала на поверхность воды.

Джон Манглс отдал необходимые приказания. Матросы сбросили с правого борта яхты крепкий канат с крюком, на который была насажена приманка— большой кусок свиного сала. Прожорливая акула, хотя она и находилась ярдах[4] в пятидесяти от «Дункана», почуяла приманку и стала быстро догонять яхту. Видно было, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, с силой рассекали волны, тогда как хвостовой придаток помогал ей удерживать безукоризненно прямое направление. По мере того как акула приближалась к яхте, все отчетливее выступали ее большие, горящие алчностью глаза навывкате; когда же она переворачивалась, из разинутой пасти выглядывало четыре ряда зубов. Голова у нее была широкая и напоминала двойной молот, насаженный на рукоятку. Джон Манглс не ошибся — это действительно была рыба, являющаяся самым прожорливым представителем семейства акул: рыба-молот.

И пассажиры и команда «Дункана» с напряженным вниманием следили за акулой. Вот она уже оказалась совсем близко от крюка, вот перевернулась на спину, чтобы поудобнее схватить его. Миг — и огромная приманка исчезла в ее объемистой пасти. Еще миг — и акула, сильно дернув за канат, сама насадила себя на крюк. Тут матросы, не теряя времени, принялись подтягивать добычу.

Акула, чувствуя, что ее вырывают из родной стихии, отчаянно забилась, но с ней быстро справились, накинув на хвост мертвую петлю и тем парализовав ее движения. Еще несколько мгновений — и акула была поднята над бортовыми сетками и сброшена на палубу. Тотчас же один из матросов осторожно приблизился к акуле и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.

Рыбная ловля закончилась. Больше нечего было бояться чудовища. Чувство мести моряков было удовлетворено, но не их любопытство. Надо сказать, что на всех, судах принято тщательно осматривать желудок акул. Матросы, зная, до какой степени эта прожорливая рыба неразборчива, обыкновенно ждут от подобного осмотра какого-нибудь сюрприза, и ожидания их не всегда бывают напрасны.

Элен Гленарван не пожелала присутствовать при этом отвратительном «осмотре» и перешла в рубку. Акула еще дышала. Она была десяти футов[5] длины и весила больше шестисот фунтов[6]. Такая длина и вес обычны для рыбы-молота. Но, не будучи самой крупной среди пород акул, она считается одной из наиболее опасных.

Вскоре огромную рыбу без дальнейших церемоний вскрыли ударами топора. Крюк проник в самый желудок, оказавшийся совершенно пустым. Очевидно, акула давно постилась. Разочарованные моряки уже собирались было выбросить акулу в море, как вдруг внимание помощника капитана привлек какой-то грубый предмет, основательно засевший в ее внутренностях.

— Э! Что это такое? — крикнул он.

— Да, верно, кусок скалы, проглоченный голодной акулой, чтобы нагрузиться балластом, — ответил один из матросов.

— Рассказывай! — отозвался другой. — Это просто-напросто ядро: оно попало в желудок этой твари и еще не успело там перевариться.

— Помалкивайте, вы! — вмешался в разговор помощник капитана Том Остин. — Разве вы не видите, что эта тварь была горькой пьяницей и, чтобы ничего не потерять, не только вылакала все вино, но

проглотила еще и бутылку?

— Как! — воскликнул Гленарван. — Бутылка— в брюхе акулы?

— Настоящая бутылка, — подтвердил помощник капитана, — но, как видно, из погреба вышла она давненько.

— Ну, тогда, Том, выньте ее, да поосторожнее, — сказал Гленарван — ведь бутылки, найденные в море, нередко содержат в себе важные документы.

— Вы так думаете? — проговорил майор Мак-Наббс.

— По крайней мере, мне кажется, что это возможно.

— О, я не спорю с вами, — отозвался майор. — Быть может, в этой бутылке и кроется какая-нибудь тайна.

— Сейчас мы это узнаем, — промолвил Гленарван. — Ну как, Том?

— Вот, — ответил помощник капитана, показывая какой-то бесформенный предмет, извлеченный им не без труда из внутренностей акулы.

— Хорошо! — сказал Гленарван. — Велите обмыть эту неаппетитную вещь, а затем принести ее в рубку.

Том выполнил приказание, и бутылка, найденная при таких странных обстоятельствах, вскоре была поставлена на стол в кают-компании. Вокруг стола разместились Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Мангле и Элен — ведь говорят, что женщины всегда немного любопытны.

На море все является событием. С минуту все молчали. Каждый смотрел на хрупкий сосуд, стараясь угадать, что он в себе содержит: тайну ли какого-нибудь кораблекрушения или незначущую записку, вверенную волнам праздным мореплавателем.

Все же надо было наконец узнать, в чем тут дело, и Гленарван занялся осмотром бутылки, приняв все необходимые в таких случаях меры предосторожности. В эту минуту Гленарван напоминал коронера [\[7\]](#), вникающего в обстоятельства совершенного преступления. И он, конечно, был прав, относясь к делу так внимательно, ибо часто какой-нибудь, по-видимому самый незначительный, признак может открыть очень многое.

Прежде чем заглянуть внутрь бутылки, Гленарван осмотрел ее снаружи. У бутылки было удлиненное крепкое горлышко, на котором еще уцелел обрывок проржавленной проволоки. Стенки ее были так плотны, что могли выдержать давление в несколько атмосфер. Это говорило о том, что бутылка происходила из Шампани. Такими именно бутылками виноградари Эпернэ перебивают спинки стульев, причем на стекле не остается даже самой маленькой трещины. Несомненно, и эта бутылка могла безнаказанно вынести испытания дальних странствований.

— Бутылка фирмы Клико, — объявил майор.

И так как Мак-Наббс считался компетентным в этом вопросе, никто не подумал опровергать его слова.

— Дорогой майор, — обратилась к нему Элен, — мало толку в том, что нам известно происхождение этой бутылки, если мы не знаем, откуда она взялась.

— Это мы узнаем, дорогая Элен, — сказал Гленарван. — Да и теперь уже можно сказать, что она попала к нам издалека. Обратите внимание на каменный нарост, который ее покрывает. Это минеральные отложения морской воды. Бутылка долго носилась по волнам океана, прежде чем очутилась в брюхе акулы.

— Невозможно не согласиться с вами, — отозвался майор. — Конечно, этот хрупкий сосуд в своей каменной оболочке мог проделать длинное путешествие.

— Но откуда он? — спросила Элен.

— Погодите, погодите, дорогая Элен: с бутылками необходима выдержка. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что сама бутылка ответит нам на все наши вопросы.

С этими словами Гленарван принялся счищать нарост с горлышка бутылки, и вскоре показалась пробка, очень пострадавшая от морской воды.

— Досадное обстоятельство, — заметил Гленарван — если только там находится какая-нибудь бумага, она должна быть сильно повреждена.

— Боюсь, что так, — согласился майор.

— Могу еще добавить, — продолжал Гленарван, — что этой плохо закупоренной бутылке грозила опасность пойти ко дну. К счастью, акула вовремя проглотила ее и доставила на борт «Дункана».

— Без сомнения, так, — сказал Джон Манглс, — но все же было бы лучше, если бы мы ее выловили в открытом море, под определенной широтой и долготой. Тогда, изучив воздушные и морские течения, было бы возможно установить пройденный этой бутылкой путь, а теперь, с таким вот почтальоном, как акула, плывущая против ветра и течения, в этом будет очень трудно разобраться.

— Посмотрим, — сказал Гленарван и принялся с величайшей осторожностью вытаскивать пробку.

Когда бутылка была откупорена, по кают-компанин распространился сильный запах морской соли.

— Ну? — с чисто женским любопытством спросила Элен.

— Да, я был прав, — отозвался Гленарван — там бумаги.

— Документы! Документы! — воскликнула его жена.

— Только, по-видимому, они попорчены сыростью, — заметил Гленарван, — и их невозможно вытащить, до того они пристали к стенкам бутылки.

— Разобьем ее, — предложил Мак-Наббс.

— Я предпочел бы сохранить бутылку в целости, — ответил Гленарван.

— Я тоже, — согласился майор.

— Несомненно, хорошо было бы сохранить бутылку, — вмешалась Элен, — но содержимое ведь более ценно, чем самый сосуд, и потому лучше пожертвовать последним.

— Достаточно будет отбить горлышко, — посоветовал Джон Мангле, — и тогда можно будет вынуть документы без вреда для них.

— Ну, так сделайте это, дорогой Эдуард! — воскликнула Элен.

В самом деле, иным способом трудно было бы извлечь бумаги, и Гленарван решился отбить горлышко драгоценной бутылки. Так как каменный нарост на ней приобрел твердость гранита, пришлось прибегнуть к молотку. Вскоре на стол посыпались осколки, и из бутылки показались слипшиеся клочки бумаги. Гленарван осторожно извлек их и разложил перед собой. Элен, майор и капитан обступили его.

Глава II

Три документа

Вынутые из бутылки клочки бумаги были наполовину уничтожены морской водой. Из почти стертых строк можно было разобрать лишь немногие неразборчивые слова. Гленарван стал исследовать эти клочки. Он всячески поворачивал их, подставляя под лучи дневного света, и старался уловить малейшие следы тех начертаний, которые пощадило море. Затем он взглянул на своих друзей, не сводивших с него жадных глаз.

— Здесь, — сказал он, — три различных документа, по-видимому копии одного и того же документа, написанные на трех языках: английском, французском и немецком. Я пришел к этому выводу, сличив уцелевшие слова.

— Но, по крайней мере, в этих-то словах все же можно уловить какой-нибудь смысл? — спросила Элен.

— Трудно сказать что-нибудь определенное на этот счет, дорогая: уцелевших слов очень немного.

— А быть может, они дополняют друг друга? — заметил майор.

— Несомненно, — отозвался Джон Манглс. — Не может же быть, чтобы морская вода уничтожила слова в трех документах именно на одних и тех же местах! Соединив уцелевшие обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.

— Этим мы и займемся, — сказал Гленарван, — но будем делать это методически. Начнем с английского документа.

— Да, смысла здесь не много, — с разочарованным видом проговорил майор.

— Как бы то ни было, — заметил капитан, — ясно, что это английский язык.

— В этом нет никакого сомнения, — отозвался Гленарван — слова sink, aland, that, and, lost уцелели; a skippr, очевидно, значит skipper. Видимо, речь тут идет о каком-то мистере Gr..., вероятно капитане потерпевшего крушение судна.

— Добавим еще к этому обрывки слов monit и assistance^[8], — сказал Джон Манглс — смысл их совершенно ясен.

— Ну вот, уже кое-что мы и знаем! — воскликнула Элен.

— К несчастью, не хватает целых строк, — заметил майор. — Как узнать название погибшего судна и место его крушения?

— Узнаем и это, — сказал Гленарван.

— Без сомнения, — согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. — Но каким образом?

— Дополняя один документ другим.

— Так примемся же за дело! — воскликнула Элен.

Второй клочок бумаги более пострадал, чем предыдущий. В нем заключались немногие бессвязные слова, расположенные определенным образом.

— Это написано по-немецки, — сказал Джон Манглс, взглянув на бумагу.

— А вы знаете этот язык, Джон? — спросил Гленарван.

— Знаю очень хорошо.

— Тогда скажите нам, что значат эти несколько слов.

Капитан внимательно осмотрел документ.

— Прежде всего, — сказал он, — мы можем теперь установить, когда именно произошло кораблекрушение: седьмого Juni, то есть седьмого июня, а сопоставляя это с цифрой «шестьдесят два», стоящей в английском документе, мы получаем точную дату: седьмого июня 1862 года.

— Чудесно! — воскликнула Элен. — Ну, что дальше, Джон?

— В той же строчке, — продолжал молодой капитан, — я вижу слово Glas; сливая его со словом gow первого документа, получаем Glasgow. Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.

— Я того же мнения, — заявил майор.

— Второй строчки в этом документе совсем не хватает, — продолжал Джон Манглс, — но в третьей я вижу два очень важных слова: zwei, что значит «два», и atrosen, вернее сказать — Matrosen, в переводе — «матросы».

— Стало быть, речь здесь как будто идет о капитане и двух матросах, — сказала Элен.

— По-видимому, — согласился Гленарван.

— Я должен признаться, — продолжал капитан, — что следующее слово, graus, ставит меня в тупик — я не знаю, как его перевести. Быть может, это разъяснит нам третий документ. Что же касается двух последних слов, то их легко понять: bringt ihnen значит «окажите им», а если мы свяжем их с английским словом assistance, которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то само собой напрашивается фраза: «окажите им помощь».

— Да! «Окажите им помощь!» — повторил Гленарван. — Но где находятся эти несчастные? До сих пор у нас не имеется ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа.

— Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, — заметила Элен.

— Прочтем же французский документ, — сказал Гленарван, — и так как мы все знаем этот язык, то это будет нетрудно.

— Здесь есть цифры! — воскликнула Элен. — Смотрите, господа! Смотрите!

— Будем действовать методически, — сказал Гленарван, — и начнем сначала. Разрешите мне восстановить одно за другим все эти неполные, отрывочные слова. С первых же букв я вижу, что речь идет о трехмачтовом судне, название которого благодаря английскому и французскому документам для нас вполне ясно: это «Британия». Из следующих двух слов — gonie и austral^[9] — только второе для нас всех понятно.

— Вот уже драгоценная подробность, — заявил Джон Манглс — значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.

— Это неопределенно, — заметил майор.

— Продолжаю, — сказал Гленарван. — Слово abog — корень глагола aborder^[10]. Эти несчастные выбрались на какой-то берег. Но где? Что значит contin^[11]? Не материк ли? Затем cruel^[12].

— Cruel! — воскликнул Джон Мангле. — Так вот объяснение немецкого слова graus: grausam —

жестокий!

— Продолжаем! Продолжаем! — сказал Гленарван. Он вчитывался в текст со все более страстным интересом, по мере того как перед ним раскрывался смысл этих незаконченных слов. — Indi... Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены? А что значит слово ongit? А! Longitude [\[13\]](#). Вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Наконец-то мы имеем точное указание!

— Да, но нет долготы, — промолвил Мак-Наббс.

— Нельзя же все иметь, дорогой майор, — отозвался Гленарван. — Уже немалое дело — точно знать градус широты. Решительно этот французский документ самый полный из трех. Очевидно, каждый из них является дословным переводом других, ибо все они содержат одинаковое количество строк. В таком случае, надо эти три документа соединить, перевести их на один язык, а затем постараться найти их наиболее правдоподобный, логичный и полный смысл.

— На какой же из трех языков собираетесь вы переводить? — спросил майор.

— На французский, — ответил Гленарван, — раз большинство сохранившихся слов принадлежит к этому языку.

— Вы правы, — согласился Мангле. — К тому же этот язык нам всем хорошо знаком.

— Итак, решено! Я составлю этот документ следующим образом: объединю обрывки слов и фраз, оставляя неприкосновенными разделяющие их пробелы, и дополню те слова, смысл которых несомненен. Затем мы их сравним и обсудим.

Гленарван тотчас взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было что-то написано.

В эту минуту появился матрос. Он доложил капитану, что «Дункан» входит в залив Клайд, и спросил, какие будут приказания.

— Каковы ваши намерения, сэр? — обратился Джон Манглс к Гленарвану.

— Как можно скорее достигнуть Думбартона. Оттуда миссис Элен поедет домой, в Малькольм-Кэстль, а я отправлюсь в Лондон представить этот документ в адмиралтейство.

Джон Манглс отдал соответствующие распоряжения, и матрос пошел передать их помощнику капитана.

— Теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — будем продолжать наше расследование. Мы напали на след крупной катастрофы, и от нашей сообразительности зависит жизнь нескольких человек. Напряжем же все силы нашего ума, чтобы разгадать эту загадку.

— Мы готовы, дорогой Эдуард, — ответила Элен.

— Прежде всего, — продолжал Гленарван, — нам надо обсудить три различные вещи: во-первых, то, что нам уже известно, во-вторых, то, о чем можно догадываться, и, наконец, в-третьих, то, что нам неизвестно. Что мы знаем? Мы знаем, что седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», вышедшее из порта Глазго, потерпело крушение. Затем нам известно, что два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут вот этот документ и что они просят оказать им помощь.

— Совершенно правильно, — согласился майор.

— О чем мы можем догадываться? — продолжал Гленарван. — Прежде всего о том, что крушение произошло в южных морях, и тут я обращаю ваше внимание на обрывок слова gonie. Нет ли в нем указания

на название страны?

— Не Патагония ли? — воскликнула Элен.

— Без сомнения.

— Но разве через Патагонию проходит тридцать седьмой градус широты? — спросил майор.

— Это легко проверить, — ответил Джон Мангле, раскрывая карту Южной Америки. — Совершенно верно: тридцать седьмая параллель пересекает Арауканию, проходит через пампасы по северным областям Патагонии, а затем через Атлантический океан.

— Хорошо! Идем дальше в наших догадках. Два матроса и капитан abor... достигли... чего? Contin... материка. Обращаю на это ваше внимание. Они достигли материка, а не острова. Какова же их судьба? К счастью, две буквы pr говорят нам о ней. Бедняги! Они prisonniers, пленники. Чьи же пленники? Cruels indiens — жестоких индейцев. Достаточно ли убедительно это для вас? Разве эти слова не просятся сами собой на пустые места? Разве смысл документа не становится для вас ясен? Разве ваши умы не озаряются светом?

Гленарван говорил с таким убеждением, в глазах его светилась такая абсолютная уверенность, что воодушевление его невольно передалось слушателям, и они в один голос воскликнули:

— Конечно! Конечно, это так!

После минутного молчания Гленарван продолжал:

— Друзья мои, все эти гипотезы мне кажутся очень правдоподобными. По-моему, катастрофа произошла у берегов Патагонии. Впрочем, когда мы прибудем в Глазго, я непременно наведу справки о том, куда направлялась «Британия». Тогда мы наверняка будем знать, могла ли она очутиться в тех водах.

— О, нам нет нужды ездить так далеко, — заговорил Джон Манглс — у меня есть комплект «Газеты торгового флота», и мы получим из нее самые точные сведения.

— Давайте посмотрим! — воскликнула Элен Гленарван.

Джон Манглс вынул комплект газет 1862 года и стал их бегло просматривать. Поиски его длились недолго, и вскоре он с довольным видом прочел вслух:

— «Тридцатого мая 1862 года. Перу. Калья. Места назначения Глазго, «Британия», капитан Грант».

— Грант! — воскликнул Гленарван. — Не тот ли это отважный шотландец, который собирался основать новую Шотландию где-то в Тихом океане?

— Да, — ответил Джон Мангле, — это тот самый Грант. Он в 1861 году отплыл из Глазго на «Британию», и с тех пор о нем ничего не известно.

— Теперь нет никаких сомнений, никаких! — воскликнул Гленарван. — Это он! «Британия» вышла из Калья тридцатого мая, а седьмого июня, через неделю после своего отплытия, она потерпела крушение у берегов Патагонии. И вот из этих, казалось бы, непонятных обрывков слов мы узнали всю ее историю. Как видите, друзья мои, у нас было широкое поле для догадок! Теперь же в области неизвестного остается лишь долгота — только ее нам и не хватает.

— Но она нам и не нужна, — заявил Джон Мангле, — раз известна страна и та широта, под которой произошло крушение. Я берусь найти это место.

— Значит, нам все известно? — спросила Элен.

— Все, дорогая, и я берусь заполнить пробелы, сделанные в документе морской водой, с такой же уверенностью, словно это было мне продиктовано самим капитаном Грантом.

Тут Гленарван снова взял перо и уверенной рукой написал следующее:

«7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, затонуло у берегов Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант попытаются достигнуть берега, где попадут в плен к жестоким индейцам. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37°11' широты. Окажите им помощь, иначе их ждет гибель».

— Хорошо! Хорошо, дорогой Эдуард! — воскликнула Элен. — И если эти несчастные снова увидят свою родину, то они будут обязаны этим счастьем вам!

— И они увидят свою родину! — ответил Гленарван. — Этот документ настолько определен, ясен и достоверен, что Англия не может не прийти на помощь трем своим сынам, брошенным на пустынный морской берег. То, что она сделала когда-то для Франклина и многих других, она сделает теперь для потерпевших крушение на «Британии».

— У этих несчастных, — заговорила Элен, — конечно, имеются семьи, которые их оплакивают. Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...

— Вы правы, дорогая моя, и я берусь уведомить их о том, что надежда еще не совсем потеряна. А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, так как мы, по-видимому, подходим к порту.

И в самом деле, «Дункан», прибавив ходу, проходил в эту минуту мимо острова Бут. Справа виднелся Ротсей. Затем яхта устремилась в узкий фарватер залива, прошла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь в Думбартоне, у базальтовой скалы, на вершине которой стоит знаменитый замок шотландского героя Уоллеса.

У пристани ожидал экипаж, который должен был отвезти Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Кэстль. Гленарван же, обняв свою молодую жену, поспешно отправился на вокзал — на скорый поезд.

Но прежде чем уехать, он прибегнул к самому быстрому способу сообщения, и несколько минут спустя телеграф передал в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл» следующее объявление!

«Относительно судьбы трехмачтового судна «Британия» из Глазго, капитан Грант, обращаться к мистеру Гленарвану, Малькольм-Кэстль, Люсс, графство Думбартон, Шотландия».

Глава III

Малькольм-Кэстль

Малькольм-Кэстль — один из самых поэтических замков горной Шотландии. Он расположен вблизи деревни Люсс и возвышается над красивой долиной. Прозрачные воды озера Ломонд омывают его гранитные стены. С незапамятных времен замок этот принадлежал роду Гленарван, сохранившему на родине Роб Роя и Фергуса Мак-Грегора гостеприимные обычаи старинных героев Вальтер Скотта.

У Гленарвана было большое состояние. Он делал много добра, и доброта его превосходила даже его щедрость, ибо доброта была бесконечна, а щедрость поневоле имела пределы. Он не был в чести у государственных людей Англии — прежде всего потому, что придерживался традиций своих предков и энергично противился политическому нажиму «этих южан». В душе он оставался всегда шотландцем и, даже участвуя со своими яхтами в состязаниях Королевского яхт-клуба Темзы, думал только о слава Шотландии.

Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица и необыкновенно добрыми глазами. От него так и веяло поэзией горной Шотландии. Он слыл за человека исключительно отважного, предприимчивого, благородного.

Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Вильяма Туффнеля, принесшего свою жизнь в жертву географической науке и страсти к открытиям.

Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была шотландкой, что в глазах Гленарвана было выше всякого дворянства. Он избрал в подруги жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он встретил ее в то время, когда она после смерти отца жила одиноко, почти без всяких средств в родительском доме, в Кильпатрике. Гленарван понял, что эта бедная девушка станет мужественной женщиной, и женился на ней. Элен была двадцатидвухлетней блондинкой с глазами, голубыми, как воды шотландских озер в прекрасное весеннее утро. Ее любовь к мужу была еще больше, чем благодарность к нему. Что же касается слуг, то они готовы были отдать жизнь за свою юную хозяйку.

Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Кэстле, среди чудесной дикой природы горной Шотландии. Они гуляли по тенистым дубовым и кленовым аллеям, по берегам озер, спускались в дикие ущелья, где древние развалины повествуют об истории Шотландии. Сегодня они бродили в березовых и хвойных лесах, по просторным лугам с пожелтевшим вереском, а завтра взбирались на крутые вершины или скакали верхом по опустевшим долинам. Они изучали, понимали, любили этот полный поэзии край, называемый до сих пор «краем Роб Роя», и все те знаменитые места, которые так чудесно воспел Вальтер Скотт. Вечером, когда на горизонте зажигался «фонарь Мак-Фарлана» — луна, они уходили бродить по старинной галерее, опоясывавшей своими зубчатыми стенами весь замок Малькольм.

Так прошли первые месяцы их супружества. Но Гленарван не забывал, что его жена — дочь известного путешественника. Ему казалось, что у Элен должны были быть стремления ее отца, и он не ошибался в этом. Был построен «Дункан». Ему предстояло перенести Эдуарда и Элен Гленарван в воды Средиземного моря. Можно представить себе радость Элен, когда муж передал «Дункан» в полное ее распоряжение.

И вот Гленарван уехал в Лондон. Но ведь речь шла о спасении несчастных, потерпевших крушение, и потому внезапный отъезд мужа не опечалил Элен. Она только с большим нетерпением поджидала его. Полученная на следующий день телеграмма обещала скорое его возвращение. Вечером же пришло

письмо, сообщавшее, что Гленарван задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших в его деле препятствий. На третий день было получено новое письмо, в котором Гленарван уже не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

В этот день Элен начала уже беспокоиться. Вечером, когда она сидела одна в своей комнате, появился управляющий замком, Хельберт, и спросил, будет ли ей угодно принять молодую девушку и мальчика, желающих поговорить с мистером Гленарваном.

— Они местные жители? — спросила Элен.

— Нет, миссис, — ответил управляющий, — я их не знаю. Они приехали по железной дороге в Баллох, а оттуда пришли в Люсс пешком.

— Попросите их сюда, Хельберт, — сказала Элен.

Управляющий вышел. Через несколько минут в комнату Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра. Сходство между ними было так велико, что в этом невозможно было усомниться. Сестре было лет шестнадцать. Ее хорошенькое, немного утомленное личико, глаза, уже, видимо, пролившие немало слез, скромное и в то же время мужественное выражение лица, бедная, но опрятная одежда — все это располагало в ее пользу. Она держала за руку мальчика лет двенадцати. У того было очень энергичное выражение лица. Казалось, он считает себя покровителем сестры. Да! Несомненно, каждому, кто осмелился бы отнестись без должного уважения к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом.

Сестра, очутившись перед Элен, несколько смутилась, но та поспешила заговорить с ней.

— Вы желали видеть меня? — спросила она, ободряюще глядя на девушку.

— Нет, не вас, — решительным тоном заявил мальчик, — а самого мистера Гленарвана.

— Извините его, сударыня, — проговорила девушка, бросая укоризненный взгляд на брата.

— Мистера Гленарвана нет в замке, — пояснила Элен, — но я жена его, и если я могу заменить...

— Вы жена Гленарвана? — спросила девушка.

— Да, мисс.

— Жена того самого мистера Гленарвана из Малькольм-Кэстля, который поместил в газете «Таймс» объявление, касающееся крушения «Британии»?

— Да, да! — поспешила ответить Элен. — А вы?..

— Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.

— Мисс Грант! Мисс Грант! — воскликнула Элен и тут же порывисто обняла молодую девушку и расцеловала круглые щеки мальчугана.

— Сударыня, — с волнением обратилась к Элен мисс Грант, — что вам известно о кораблекрушении, которое потерпел мой отец? Жив ли он? Увидим ли мы его когда-нибудь? Говорите, умоляю вас!

— Милая девочка! Я не хочу внушать вам призрачные надежды...

— Говорите, сударыня, говорите! Я умею переносить горе и в силах все выслушать.

— Милое дитя, — ответила Элен, — хотя надежда на это очень слаба, но все же возможно, что настанет день, когда вы снова увидите вашего отца.

— Боже мой, боже мой!. — воскликнула мисс Грант и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

А ее брат, Роберт, горячо целовал в это время руки Элен Гленарван.

Когда прошел первый порыв этой горестной радости, молодая девушка засыпала Элен бесчисленными вопросами, и та ей рассказала историю документа, рассказала о том, как «Британия» потерпела крушение у берегов Патагонии, о том, как капитан и два матроса, одни спасшиеся после катастрофы, по-видимому, достигли материка, и, наконец, о том, как в документе, составленном на трех языках и брошенном на волю океана, они взывали о помощи ко всему миру.

Во время этого рассказа Роберт Грант смотрел на Элен так, как будто вся жизнь его зависела от ее слов. Детское воображение мальчика рисовало ему ужасные моменты, пережитые отцом: он видел его на палубе «Британии», видел его в волнах, вместе с ним цеплялся за прибрежные утесы, полз, задыхаясь, по песку, настигаемый волнами. Несколько раз во время рассказа у мальчика вырывалось:

— О папа, мой бедный папа! — И он еще крепче прижимался к сестре.

Что же касается мисс Грант, она слушала со сложенными руками, не проронив ни слова.

— А документ этот, документ, сударыня! — воскликнула молодая девушка, как только Элен окончила свой! рассказ.

— У меня уже нет его, милая девочка, — ответила та.

— Уже нет?

— Да, в интересах вашего отца мистеру Гленарвану пришлось отвезти этот документ в Лондон. Но я ведь дословно передала вам и его содержание и то, каким образом нам удалось разобраться в нем. Среди этих обрывков почти стертых фраз волны пощадили несколько цифр. К несчастью, долгота...

— Можно обойтись и без нее! — крикнул мальчуган.

— Конечно, мистер Роберт, — согласилась Элен, невольно улыбаясь такой решительности юного Гранта. — Как видите, мисс Грант, — снова обратилась она к молодой девушке, — теперь малейшие подробности документа так же хорошо известны вам, как и мне самой.

— Да, сударыня, — ответила девушка, — но мне хотелось бы увидеть почерк отца!

— Ну что ж, быть может, завтра мистер Гленарван возвратится домой. Имея в руках такой документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

— Возможно ли это! — воскликнула девушка. — Неужели вы это сделали для нас?

— Милая девочка, — ответила Элен, — мы не заслуживаем никакой благодарности: каждый на нашем месте сделал бы то же самое. Только бы оправдались наши общие надежды! А вы до возвращения моего мужа, конечно, останетесь в замке...

— Сударыня, мне не хотелось бы злоупотреблять вашим сочувствием к нам, чужим для вас людям.

— Чужим! Нет, милое дитя, ни ваш брат, ни вы не чужие в этом доме, и я непременно хочу, чтобы мой муж, вернувшись домой, сообщил детям капитана Гранта, что будет сделано для спасения их отца.

Невозможно было отказаться от приглашения, сделанного так сердечно. Мисс Грант с братом остались в Маль-кольм-Кэстле ожидать возвращения Гленарвана.

Глава IV

Предложение Элен Гленарван

Говоря с детьми капитана Гранта, Элен умолчала об опасениях, высказанных в письме Гленарваном относительно ответа адмиралтейства на его просьбу. Также не проронила она ни слова и о том, что капитан Грант, вероятно, попал в плен к южноамериканским индейцам. К чему было еще больше огорчать этих бедных детей и омрачать только что засиявшую перед ними надежду!

А дела это совершенно не меняло. И Элен, ответив на все вопросы мисс Грант, в свою очередь принялась расспрашивать молодую девушку о ее жизни.

Простой и трогательный рассказ молодой девушки еще больше увеличил симпатию к ней Элен Гленарван.

Мэри и Роберт были единственными детьми капитана Гранта. Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта. На время своих дальних плаваний он поручал заботиться о своих детях доброй старой двоюродной сестре. Капитан Грант был отважным моряком, человеком, прекрасно знавшим свое дело. Жил он в Шотландии, в городе Денди графства Перт, и был коренной шотландец.

Во время первых заморских плаваний Гарри Гранта, сначала в качестве помощника капитана, а затем и капитана, дела его шли удачно, и несколько лет спустя после рождения сына он обладал уже некоторыми сбережениями.

Вот тогда-то появилась у него мысль, сделавшая его популярнейшим человеком во всей Шотландии. Подобно Гленарванам и некоторым другим шотландским семействам, он считал Англию поработительницей Шотландии. По его убеждению, интересы его родины не могли совпадать с интересами англосаксов, и он решил основать большую шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он о независимости для своей будущей колонии? Возможно. Быть может, он как-нибудь и выдал свои тайные надежды. Во всяком случае, правительство отказалось прийти на помощь в осуществлении его проекта. Больше того: оно создавало капитану Гранту всяческие препятствия, но не сломило его. Он обратился к землякам, отдал свое состояние, на вырученные средства построил судно «Британия» и, набрав отборную команду, отплыл с ней исследовать большие острова Тихого океана. Детей же своих он оставил на попечение старой двоюродной сестры. Было это в 1861 году. В течение года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но со времени его отплытия из Кальяо, в июне 1862 года, никто больше не слышал о «Британии», и «Мореходная газета» упорно молчала об участии капитана Гранта.

Старая родственница Гарри Гранта неожиданно умерла, и его дети остались одни на свете. Мэри Грант было всего четырнадцать лет, но мужественная девочка, очутившись в таком тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя брату, совсем еще ребенку. Его надо было воспитывать, учить. Экономная, осторожная, предусмотрительная девочка, работая день и ночь, отказывая себе во всем для брата, воспитывала его и стойко выполняла материнские обязанности.

Двое детей жили в Денди, мужественно борясь с нуждой. Эта юная пара была трогательна. Мэри думала только о брате и мечтала о счастливой будущности для него. Бедная девочка была убеждена, что «Британия» погибла и отца нет в живых. Не поддается описанию волнение Мэри, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в «Таймсе» вдруг вывело ее из того отчаяния, в котором она жила.

Она решилась действовать без промедления. Если б она узнала, что тело капитана Гранта найдено на каком-нибудь пустынном берегу среди обломков потерпевшего аварию судна, то даже и это было бы

лучше, чем непрестанное сомнение, вечная пытка неизвестности.

Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели на пертский поезд, а вечером были уже в Малькольм-Кэстле, и здесь у Мэри после стольких душевных мук снова блеснула надежда.

Вот какую грустную историю поведала Мэри Грант Элен Гленарван. Она рассказала все очень просто, далекая от мысли, что в эти долгие годы испытаний вела себя героиней. Но для Элен это было очевидно, и она, не стыдясь своих слез, не раз обнимала обоих детей капитана Гранта, слушая Мэри.

Роберту же казалось, что он узнал все это только сейчас. Слушая рассказ сестры, мальчик широко раскрывал глаза. Он впервые стал отдавать себе отчет в том, сколько она для него сделала, сколько выстрадала, и наконец, не будучи в силах больше сдерживаться, он бросился к сестре и крепко обнял ее.

— Ах, мамочка, дорогая моя мамочка! — воскликнул он, глубоко растроганный.

Пока продолжались эти разговоры, наступила ночь, и Элен, понимая, насколько дети утомлены, решила прервать беседу. Мэри и Роберт Грант были отведены в предназначенные для них комнаты и заснули, мечтая о светлом будущем.

После их ухода Элен велела попросить к себе майора и рассказала ему обо всем, что произошло в этот вечер.

— Славная девушка эта Мэри Грант, — заметил Мак-Наббс, выслушав рассказ Элен.

— Только бы мужу удалось то дело, за которое он взялся, — промолвила Элен, — иначе положение этих двух детей будет ужасным!

— Гленарван добьется своего, — отозвался Мак-Наббс. — Не может же быть, чтобы сердце у этих лордов адмиралтейства было жестче портландского цемента!

Но, несмотря на уверенность майора, Элен провела очень беспокойную, бессонную ночь.

На следующий день, когда Мэри и Роберт, поднявшись на заре, прогуливались по обширному двору замка, послышался шум подъезжающего экипажа. Это возвращался в Малькольм-Кэстль Гленарван. Лошади неслись во всю прыть.

Почти одновременно с коляской во дворе появилась в сопровождении майора Элен Гленарван и бросилась навстречу мужу.

Вид у него был печальный, разочарованный, гневный. Он молча обнял жену.

— Ну что, Эдуард? — воскликнула Элен.

— Ну, дорогая, у этих людей нет сердца! — ответил Гленарван.

— Они отказали?

— Да, они отказали в моей просьбе послать судно. Они говорили о миллионах, напрасно потраченных на розыски Франклина. Они заявили, что документ темен, непонятен. Они говорили, что катастрофа с этими несчастными произошла два года назад и найти их теперь очень мало шансов. Они уверяли, что потерпевшие крушение, попав в плен к индейцам, конечно были уведены ими внутрь страны и что нельзя же обыскать всю Патагонию, чтобы найти трех человек — трех шотландцев! Что эти рискованные, напрасные поиски погубят больше людей, нежели спасут. Словом, они приводили все доводы людей, решивших отказаться. Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!

— Отец! Бедный мой отец! — воскликнула Мэри Грант, падая на колени перед Гленарваном.

— Ваш отец? — спросил Гленарван, с удивлением глядя на склонившуюся к его ногам девушку. — Неужели, мисс...

— Да, Эдуард, — вмешалась Элен, — мисс Мэри и ей брат Роберт — дети капитана Гранта. Это их лорды адмиралтейства только что обрекли на сиротство.

— Ах, мисс, — сказал Гленарван, помогая девушке подняться, — если б я знал, что вы здесь...

Он не закончил фразы. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, царило во дворе замка. Никто не проронил ни слова: ни Гленарван, ни Элен, ни майор, ни безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев слуги замка. Видно было, что все эти шотландцы негодовали на английское правительство.

Через несколько минут майор спросил Гленарвана:

— Итак, у вас нет никакой надежды?

— Никакой!

— Ну что ж! В таком случае, я отправлюсь к этим господам, — крикнул юный Роберт, — и мы посмотрим...

Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана указывал на его отнюдь не миролюбивые намерения.

— Нет, Роберт, нет! — проговорила Мэри Грант. — Поблагодарим милых хозяев этого замка за все, что они для нас сделали — мы никогда в жизни этого не забудем, — а затем удалимся.

— Мэри! — крикнула Элен.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросил Гленарван молодую девушку.

— Я хочу броситься к ногам королевы, — ответила девушка, — и посмотрим, останется ли она глуха к словам двух детей, молящих спасти их отца.

Гленарван покачал головой: не потому даже, что он сомневался в добром сердце королевы, а потому, что знал, что Мэри Грант не сможет до нее добраться.

Мольбы слишком редко доходят до ступеней трона, на дверях дворцов как будто начертаны те слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: «Passengers are requested not to speak to the man at the wheel»[\[14\]](#).

Элен поняла мысль мужа. Она знала, что попытка девушки должна закончиться ничем. Для нее было ясно, что отныне жизнь этих двух детей будет полна отчаяния. И тут ее осенила великая, благородная мысль...

— Мэри Грант! — воскликнула она. — Подождите, не уходите, мое дитя. Выслушайте меня.

Девушка держала за руку брата, собираясь уходить. Она остановилась.

Элен, взволнованная, с влажными от слез глазами, обратилась к мужу.

— Эдуард! — сказала она твердым голосом. — Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

— Что вы хотите этим сказать, Элен? — спросил Гленарван.

Все вокруг молчали.

— Я хочу сказать, — продолжала Элен, — что начать супружескую жизнь добрым делом — великое счастье! Вот вы, дорогой Эдуард, чтобы порадовать меня, задумали увеселительное путешествие. Но можно ли испытать большую радость, можно ли принести больше пользы, чем спасая несчастных, которых покидает их родина?

— Элен! — воскликнул Гленарван.

— Да! Вы поняли меня, Эдуард. «Дункан»— доброе надежное судно. Оно смело может плыть в южные моря может совершить кругосветное путешествие, и оно совершит его, если это понадобится! В путь же, Эдуард! Плыдем на поиски капитана Гранта!

Услышав эти отважные слова своей юной жены, Гленарван обнял ее и, улыбаясь, прижал к сердцу, в то время как Мэри и Роберт осыпали ее руки поцелуями, а слуги замка, растроганные и восхищенные этой сценой, от всего сердца кричали:

— Ура! Трижды ура Эдуарду и Элен Гленарван!

Глава V

Отплытие «Дункана»

Мы уже говорили о том, что Элен была женщина великодушная и сильная духом. То, что она сделала, было бесспорным тому доказательством. Гленарван действительно мог гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку. Уже в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самому отправиться на поиски капитана Гранта, и если он не опередил Элен, то только потому, что не мог примириться с мыслью о разлуке с ней. Но если Элен сама стремилась отправиться на эти поиски, никаким колебаниям уже не могло быть места. Слуги замка восторженно приветствовали это предложение — ведь вопрос шел о спасении таких же шотландцев, как они сами. И Гленарван от всего сердца присоединился к их крикам «ура» в честь молодой хозяйки Малькольм-Кэстля.

Раз отплытие было решено, не приходилось терять ни одного часа. В тот же день Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и сделать все нужные приготовления для плавания в южных морях — плавания, которое могло стать и кругосветным. Надо сказать, что Элен, предполагая использовать «Дункан» для экспедиции, не ошиблась в оценке его мореходных качеств. Это замечательно прочное и быстроходное судно могло смело выдержать дальнейшее плавание.

То была превосходная паровая яхта водоизмещением в двести десять тонн, а ведь первые суда, достигавшие берегов Америки — суда Колумба, Веспуччи, Магеллана, — были все гораздо меньших размеров^[15].

На «Дункане» было две мачты: фок-мачта с марселем и брам-стеневой и грот-мачта с контр-бизанью и флагштоком; кроме того, треугольный парус — фор-стаксель, большой и малый кливера, а также штанговые паруса. Вообще парусность «Дункана» была совершенно достаточна для того, чтобы он ходил как обыкновенный клипер. Но, конечно, больше всего можно было рассчитывать на его механическую силу — паровую машину, построенную по новейшей системе и снабженную перегревателями. Это была машина высокого давления, в сто шестьдесят лошадиных сил, приводившая в движения двойной винт. Идя на всех парах, «Дункан» развивал небывалую до тех пор скорость. В самом деле, во время пробного плавания в залив Клайд патент-лаг^[16] отметил скорость, доходившую до семнадцати морских миль^[17] в час.

«Дункан», конечно, мог смело отправиться даже и в кругосветное плавание.

Джону Манглсу оставалось лишь позаботиться о внутреннем оборудовании судна.

Прежде всего он занялся расширением угольных ям, чтобы погрузить побольше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива.

С неменьшим вниманием отнесся Джон Манглс и к пополнению камбуза^[18]. Он умудрился запастись съестными припасами на целых два года. Правда, недостатка в деньгах у него не было; ему их хватило даже на то, чтобы приобрести небольшую пушку, которая и была установлена на шканцах яхты. Кто знал, что могло встретиться на пути!

Надо сказать, что Джон Манглс был знаток своего дела, и хотя в данное время он командовал лишь яхтой, но вообще считался одним из лучших шкиперов Глазго. Ему было тридцать лет. Грубоватое лицо его дышало мужеством и добротой. Ребенком он был взят в Малькольм-Кэстль. Семья Гленарван дала ему образование и сделала из него прекрасного моряка. Во время нескольких совершенных им дальних плаваний Джон Манглс не раз проявлял свое искусство, энергию и хладнокровие. Когда Гленарван

предложил ему взять на себя командование «Дунканом», он охотно на это согласился, ибо любил хозяина Малькольм-Кэстля, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.

Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старый моряк, заслуживавший полного доверия. Судовая команда «Дункана», включая сюда и капитана с его помощником, состояла из двадцати пяти человек. Все они, испытанные моряки, были уроженцами графства Думбартон. Они и на яхте как бы представляли собой клан[19] храбрых шотландцев. Среди них даже был традиционный *pipe-bag*[20]. Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных ему, отважных, горячо любящих свое дело, опытных моряков, умеющих владеть оружием и пригодных для самых рискованных экспедиций. Когда команде «Дункана» стало известно, куда ей предстоит отправиться, моряки не в силах были сдержать свою радость и огласили громким «ура» скалы Думбартона.

Джон Манглс, усердно занимаясь погрузкой на «Дункан» топлива и провианта, не забывал о необходимости приспособить для дальнего плавания помещения Эдуарда и Элен Гленарван. Ему также надо было позаботиться о каютах для детей капитана Гранта — ведь Элен не могла не внять просьбе Мэри взять ее с собой на борт «Дункана». А юный Роберт, конечно, скорее спрятался бы в трюме, чем остался бы на берегу. Разве можно было отказать такому мальчугану! Даже и не пытались. Пришлось также согласиться и с тем, что он будет считаться не пассажиром, а членом команды. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.

— Прекрасно! — заявил Роберт. — Пусть капитан не щадит меня и угостит кошкой-девятыхвосткой[21], если я сделаю что-нибудь не так, как надо.

— Будь спокоен на этот счет, мой мальчик, — серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что употребление кошки-девятыхвостки на борту «Дункана» было запрещено.

Чтобы дополнить список пассажиров яхты, надо еще упомянуть о майоре Мак-Наббсе. Это был человек лет пятидесяти, с правильным, спокойным лицом, с прекрасным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный. Мак-Наббс всегда шел туда, куда ему указывали, всегда во всем со всеми соглашался. Он никогда ни о чем не спорил, ни с кем не препирался, никогда не выходил из себя. Так же спокойно, как по лестнице в свою спальню, взбирался он на откос разбитой траншеи: ничто не могло его взволновать или отклонить его от пути, даже бомба; и, вероятно, он так и умрет, не найдя случая рассердиться. Мак-Наббс обладал не только высшей степенью обычной боевой храбрости, физической храбрости, свойственной людям большой мускульной силы, но, что гораздо ценнее, у него было и нравственное мужество — сила духа. Единственной его слабостью было то, что он был шотландцем с головы до ног, и даже не шотландцем, а сыном Каледонии и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины. Поэтому он никогда не хотел служить Англии, а свой майорский чин получил в 42-м полку горной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами. Будучи близким родственником Гленарвана, Мак-Наббс жил в Малькольм-Кэстле, а будучи майором, счел совершенно естественным отправиться в плавание на «Дункане».

Таковы были пассажиры яхты, которой по непредвиденным обстоятельствам суждено было совершить одно из самых изумительных путешествий новейших времен.

С момента своего появления у паровой пристани Глазго «Дункан» стал возбуждать любопытство публики. Ежедневно его осматривало множество народа; только им и интересовались, только о нем и говорили. Это не очень-то нравилось другим капитанам, в том числе и капитану Бертону, который командовал великолепным пароходом «Шотландия», стоявшим у пристани бок о бок с «Дунканом» и готовившимся плыть в Калькутту. Капитан этого громадного парохода действительно был вправе смотреть свысока на своего крошку-соседа, «Дункан». А между тем всеобщий интерес, притом со дня на день возрастающий, сосредоточивался на яхте Гленарвана.

Время отплытия «Дункана» приближалось. Джон Манглс показал себя капитаном умелым и энергичным. Через месяц со дня испытания яхты в заливе Клайд, снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания, «Дункан» уже был готов выйти в море. Отплытие было назначено на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны.

Когда проект Гленарвана получил известность, Эдуарду пришлось выслушать ряд предостережений, касавшихся утомительности и опасности подобного путешествия. Но Гленарван не обратил на них ни малейшего внимания, и решение его идти на поиски капитана Гранта осталось непоколебимым. Многие порицавшие Гленарвана в то же время втайне восхищались им. В конце концов общественное мнение открыто стало на его сторону, и вся печать, за исключением правительственных органов, единодушно осудила поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, Гленарван был так же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, — он осуществлял то, что считал своим долгом, а до остального ему была мало дела.

24 августа Гленарван, Элен, майор Мак-Наббс, Мэри и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард[22] яхты, и его жена, миссис Олбинет, состоявшая при Элен Гленарван, покинули Малькольм-Кэстль. Преданные семье Гленарван слуги устроили им самые сердечные проводы.

Через несколько часов путешественники уже были на борту «Дункана». Население Глазго с большой симпатией приветствовало Элен, эту юную мужественную женщину, которая, отказавшись от роскошной жизни с ее спокойными удовольствиями, спешила на помощь несчастным людям, потерпевшим кораблекрушение.

Помещения Гленарвана и его жены находились на юте «Дункана» и состояли из двух спален, гостиной и двух небольших кабинетов для туалета. Затем имелась общая кают-компания, куда выходили шесть кают, из которых пять были заняты Мэри и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты и выходили на палубу. Команда же была размещена в межпалубном помещении, и размещена с удобствами, ибо яхта не имела другого груза, кроме угля, провианта и оружия.

Таким образом, капитан получил в свое распоряжение достаточно много места внутри судна, и он искусно это использовал.

«Дункан» должен был выйти в море 25 августа, около трех часов утра, с началом отлива.

В одиннадцать часов вечера все были на борту. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводиться пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса — они не могли быть использованы, так как дул юго-западный ветер, — были тщательно покрыты холщовыми чехлами для предохранения их от копоти.

В два часа ночи на «Дункане» стали чувствоваться толчки от дрожания паровых котлов; манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырывался из-под клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало рассветать, и уже можно было разглядеть фарватер реки Клайд, его бакены с их потускневшими при свете зари фонарями. Надо было отплывать. Джон Манглс приказал известить об этом Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу.

Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие свистки «Дункана»: были отданы концы, яхта отвалила от пристани. Заработал винт, и «Дункан» двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лоцмана: ему прекрасно был знаком фарватер реки Клайд, и никто не смог бы лучше вывести судно в открытое море. Яхта послушно двигалась по его воле. Молча и уверенно управлял он правой рукой машиной, а левой — рулем. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились вилами, там и сям возвышавшимися по прибрежным холмам. Городской шум замер вдали.

Час спустя «Дункан» пронесся мимо скал Думбартона; через два часа он был в заливе Клайд. А в шесть часов утра яхта уже неслась в открытом океане.

Глава VI

Пассажир каюты номер шесть

В первый день плавания «Дункана» море было довольно беспокойно, и к вечеру ветер засвежел. «Дункан» сильно качало. Поэтому женщины не выходили на палубу. Они лежали в каютах на койках.

На следующий день ветер несколько изменил направление. Капитан Джон Манглс приказал поднять паруса: фок, контр-бизань и малый марсель. Благодаря этому «Дункан» стал устойчивее — меньше чувствовалась боковая и килевая качка. Элен и Мэри Грант смогли рано утром подняться на палубу, где уже находились Гленарван, майор и капитан.

Восход солнца был великолепен. Дневное светило, напоминавшее позолоченный металлический диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. «Дункан» скользил в потоках света, и казалось, что не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса.

Пассажиры яхты молча созерцали появление сияющего светила.

— Что за чудное зрелище! — проговорила наконец Элен. — Такой восход солнца предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменялся и продолжал быть попутным!

— Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, — отозвался, Гленарван, — и нам не приходится жаловаться на такое начало нашего путешествия.

— А скажите, дорогой Эдуард, сколько времени может продлиться наш переход?

— На это нам может ответить только капитан Джон... — сказал Гленарван. — Как идем мы, Джон? Довольны ли вы своим судном?

— Чрезвычайно доволен, сэр. Это чудесное судно — моряку приятно чувствовать его под ногами. И машина и корпус как нельзя лучше соответствуют друг другу. Вот почему яхта, как видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Идем мы со скоростью семнадцати морских миль в час, и если скорость эта не понизится, то мы дней через десять пересечем экватор, а меньше чем через пять недель обогнем мыс Горн.

— Слышите, Мэри? Меньше чем через пять недель! — обратилась к молодой девушке Элен.

— Слышу, сударыня, — ответила Мэри. — Мое сердце забилося при этих словах капитана.

— Как вы переносите плавание, мисс Мэри? — спросил Гленарван.

— Не очень уж плохо, сэр. А скоро я и совсем освоюсь с морем.

— А наш юный Роберт?

— О, Роберт!.. — вмешался Джон Манглс. — Если его нет в машинном отделении, это значит, что он уже взобрался на мачту. Этот мальчуган просто насмехается над морской болезнью... Да вот сами полюбуйтесь. Видите, где он?

Взоры всех устремились туда, куда указывал капитан, — на фок-мачту: там, футах в ста от палубы, на канатах брам-стенги висел Роберт. Мэри невольно вздрогнула.

— О, успокойтесь, мисс! — сказал Джон Манглс. — Я ручаюсь за него. Обещаю вам, что в недалеком будущем представлю капитану Гранту лихого молодца, — ведь я несколько не сомневаюсь в том, что мы разыщем этого достойного капитана.

— О, если бы это было так! — ответила девушка.

— Милая мисс Мэри, будем надеяться, — заговорил Гленарван. — Все предвещает нам удачу. Взгляните на этих славных малых, взявшихся за осуществление нашей высокой цели. С ними мы не только добьемся успеха, но добьемся его без особенного труда. Я обещал Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу свое слово.

— Эдуард, вы лучший из людей! — воскликнула Элен Гленарван.

— Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне... Разве вы не восхищаетесь нашим «Дунканом», мисс Мэри?

— Конечно, сэр, я восхищаюсь им, — ответила девушка, — и восхищаюсь как настоящий знаток.

— Вот как!

— Я еще ребенком играла на кораблях отца. Он должен был бы сделать из меня моряка. Но и теперь, если бы понадобилось, я, пожалуй, смогла бы взять на рифы парус.

— Что вы говорите, мисс! — воскликнул Джон Манглс.

— Если так, — сказал Гленарван, — то в лице капитана Джона вы несомненно будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше всякой другой на свете. Даже для женщины он не представляет себе ничего лучшего. Не правда ли, Джон?

— Совершенно верно, сэр, — ответил молодой капитан, — но я все же должен признаться, что, по моему, мисс Грант более пристало находиться в рубке, чем ставить брамсель. Тем не менее мне было очень приятно слышать то, что она сказала.

— А особенно когда она так восхищалась «Дунканом»... — добавил Гленарван.

— ...который этого вполне заслуживает, — заявил Джон Манглс.

— Право, вы так гордитесь вашей яхтой, — сказала Элен, — что мне захотелось осмотреть ее всю до самого трюма, а также поглядеть, как наши славные матросы устроились в кубрике.

— Они превосходно устроились там, — ответил Джои Манглс — совсем как дома.

— И они действительно дома, дорогая Элен, — сказал Гленарван. — Ведь эта яхта — часть нашей земли, так сказать уголок графства Думбартон, плывущий по волнам океана. И мы вовсе не покинули нашей родины! «Дункан» — это Малькольм-Кэстль.

— Ну, тогда, дорогой Эдуард, покажите же нам ваш замок, — шутливо промолвила Элен.

— К вашим услугам! — ответил Гленарван. — Но раньше позвольте мне сказать несколько слов Олбинету.

Стюард «Дункана» Олбинет был превосходный метрдотель, усердно и умно исполнявший свои обязанности. Он немедленно явился на зов своего хозяина.

— Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, — сказал Гленарван таким тоном, словно вопрос шел о прогулке в окрестностях замка. — Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет на столе.

Олбинет с важностью отвесил поклон.

— Идете вы с нами, майор? — спросила Мак-Наббса Элен.

— Если прикажете, — ответил он.

— О, майор поглощен дымом своей сигары, — вмешался Гленарван, — не будем же отрывать его от этого занятия. Знаете, мисс Мэри, он у нас неутомимый курильщик — даже и во сне не выпускает изо рта

сигару.

Майор кивнул головой в знак согласия. Остальные спустились в кубрик.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по своей всегдашней привычке, стал мирно беседовать сам с собой, окружая себя еще более густыми облаками дыма. Он стоял неподвижно и глядел на пенистый след за кормой яхты. После нескольких минут молчаливого созерцания он обернулся и увидел перед собой новое лицо. Если вообще что-нибудь могло удивить майора, то эта встреча, пожалуй, должна была удивить его, ибо появившееся лицо, было ему совершенно незнакомо.

Этому высокому, сухощавому человеку могло быть лет сорок. Он напоминал длинный гвоздь с большой шляпкой. Голова у него была круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый. Глаза его скрывались за огромными круглыми очками, и неопределенный взгляд их, казалось, говорил о никталопии[23]. Лицо у него было умное и веселое. В нем не было неприветливости тех важных личностей, которые из принципа никогда не смеются, скрывая под личиной серьезности свое ничтожество. Напротив, непринужденность и милая бесцеремонность этого незнакомца ясно говорили о том, что он склонен видеть в людях и вещах их хорошие стороны. Хоть он еще не открывал рта, чувствовалось, что он любит поговорить. Он производил впечатление одного из тех рассеянных людей, которые не видят того, на что они смотрят, и не слышат того, что им говорят. Незнакомец был в дорожной фуражке, обут в грубые желтые ботинки и кожаные гетры. На нем были бархатные коричневые панталоны и такая же куртка с бесчисленными туго набитыми карманами, откуда торчали всевозможные записные книжки, блокноты, бумажники, вообще масса столь же ненужных, как и обременительных предметов. Через плечо у него висела на ремне подзорная труба.

Возбужденное состояние незнакомца составляло любопытную противоположность невозмутимому спокойствию майора. Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его, кидал на него вопросительные взгляды, а тот, видимо, совсем не интересовался тем, откуда взялся этот господин, куда он направляется и почему он на борту «Дункана».

Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки разбиваются о равнодушие майора, он схватил свою подзорную трубу — раздвинутая во всю длину, она достигала четырех футов — и, расставив ноги, неподвижный, как дорожный столб, направил ее на линию горизонта, где вода сливалась с небом. Понаблюдав так минут пять, он поставил свою подзорную трубу на палубу и оперся на нее, как на трость; но тут труба сложилась, части ее вошли одна в другую, и новый пассажир, внезапно потеряв точку опоры, едва не растянулся у грот-мачты.

Всякий другой на месте майора хотя бы улыбнулся, но он даже бровью не повел. Тогда незнакомец решил действовать.

— Стюард! — крикнул он с иностранным акцентом и стал ждать.

Никто не появлялся.

— Стюард! — позвал он уже громче.

Мистер Олбинет проходил в эту минуту в камбуз, находившийся под шканцами[24]. Каково же было его удивление, когда он услышал, что его так бесцеремонно окликают какой-то долговязый незнакомец!

«Откуда он взялся? — спрашивал себя Олбинет. — Какой-нибудь друг мистера Гленарвана? Невозможно!» Он подошел к незнакомцу.

— Вы стюард этого судна? — спросил тот.

— Да, сэръ, но я не имею чести...

— Я пассажир каюты номер шесть, — не дал ему договорить незнакомец.

— Каюты номер шесть? — повторил Олбинет.

— Ну да. А как ваше имя?

— Олбинет.

— Ну так вот, друг мой Олбинет, — сказал незнакомец из каюты номер шесть, — нужно подумать о завтраке, да не откладывая. Уже тридцать шесть часов, как я ничего не брал в рот, вернее сказать — я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, который, нигде не останавливаясь, примчался из Парижа в Глазго. Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтрак?

— В девять, — машинально ответил Олбинет.

Незнакомец пожелал взглянуть на часы, но это заняло немало времени, так как часы он нашел только в девятом кармане.

— Пусть так. Но ведь еще нет и восьми часов! Ну тогда, Олбинет, в ожидании завтрака дайте-ка мне бисквитов и стакан черри: я падаю от истощения.

Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец говорил без умолку, с необыкновенной быстротой перескакивая с предмета на предмет.

— Ну, а где же капитан? Еще не встал? А его помощник? Он что, тоже спит? — трещал незнакомец. — К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.

Как раз в ту минуту, когда он это говорил, на лестнице юта показался Джон Манглс.

— Вот и капитан, — объявил Олбинет.

— Ах, я очень рад! — воскликнул незнакомец. — Очень рад познакомиться с вами, капитан Бертон!

Удивление Джона Манглса не имело границ, и не только потому, что его называли капитаном Бертоном, а еще и потому, что он увидел знакомого на борту своего судна.

Тот продолжал рассыпаться в любезностях.

— Позвольте позжать вам руку, — сказал он. — Если я этого не сделал третьего дня вечером, то только потому что в момент отплытия не следует никого беспокоить. Но сегодня, капитан, я прямо-таки счастлив познакомиться с вами.

Джон Манглс, широко открыв глаза, с удивлением смотрел то на Олбинета, то на знакомого.

— Теперь мы познакомимся с вами, дорогой капитан, — продолжал незнакомец, — и стали старыми друзьями. Ну, давайте поболтаем. Скажите, довольны вы своей «Шотландией»?

— О какой «Шотландии» вы говорите? — наконец спросил Джон Мангле.

— Да о пароходе «Шотландия», на котором мы с вами находимся. Это прекрасное судно. Мне расхвалили его и за внешние его качества и за нравственные достоинства его командира, славного капитана «Бертон». А кстати, не родственник ли вы великого африканского путешественника Бертона, этого отважного человека? Если да, то примите мои горячие поздравления.

— Сэр, я не только не родственник путешественника Бертона, но я даже и не капитан Бертон, — ответил Джон Манглс.

— А-а... — протянул незнакомец. — Значит, я говорю с помощником капитана Бертона, мистером Берднессом?!

— Мистер Берднесс? — переспросил Джон Манглс. Он уже начал догадываться, в чем тут дело,

только еще не мог разобрать, кто перед ним: сумасшедший или чужак. Молодой капитан уже собирался без дальнейших околичностей это выяснить, но на палубе появились Гленарван, его жена и мисс Грант.

Увидев их, незнакомец закричал:

— А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно! Надеюсь, мистер Берднесс, вы будете так добры представить меня...

Но тут же, не ожидая посредничества Джона Манглса, он непринужденно выступил вперед.

— Миссис... — сказал он мисс Грант. — Мисс... — сказал он Элен. — Сэр... — прибавил он, обращаясь к Гленарвану.

— Мистер Гленарван, — пояснил Джон Мангле.

— Сэр, — продолжал незнакомец, — я прошу извинить меня за то, что сам представляюсь вам, но в море, мне кажется, можно несколько отступить от светского этикета. Надеюсь, мы быстро познакомимся, и в обществе этих дам путешествие на пароходе «Шотландия» покажется нам и коротким и приятным.

Ни Элен, ни мисс Грант не нашлись, что на это ответить. Они никак не могли объяснить себе, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе «Дункана».

— Сэр, — обратился к нему Гленарван, — с кем я имею честь говорить?

— С Жаком-Элиасеном-Франсуа-Мари Паганелем, секретарем Парижского географического общества, членом-корреспондентом географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, а также почетным членом Королевского географического и этнографического института Восточной Индии. Вы видите перед собой человека, который, проработав над географией двадцать лет в качестве кабинетного ученого, наконец решил заняться ею практически и теперь направляется в Индию, чтобы связать там в одно целое труды великих путешественников.

Глава VII

Откуда появился и куда направлялся Жак Паганель

Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано им чрезвычайно мило. Впрочем, теперь Гленарван прекрасно знал, с кем имеет дело: ему было хорошо известно уважаемое имя Жака Паганеля. Труды его по географии, доклады его о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях общества, переписка его чуть ли не со всем светом — все это сделало Паганеля одним из самых видных ученых Франции. Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему нежданному гостю.

— А теперь, когда мы представились друг другу, — сказал он, — вы позволите мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?

— Хоть двадцать, сэр, — ответил Жак Паганель: — разговор с вами всегда будет для меня удовольствием.

— Вы явились на борт этого судна третьего дня вечером?

— Да, сэр, третьего дня, в восемь часов вечера. Прямо из вагона я бросился в кэб, а из кэба — на «Шотландию», где я еще из Парижа заказал каюту номер шесть. Ночь была темная. Я никого не заметил на палубе. А так как я был утомлен тридцатичасовой дорогой и к тому же знал, что во избежание морской болезни полезно немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать с нее в первые дни плавания, то я сейчас же лег и самым добросовестным образом, смею вас уверить, проспал целых тридцать шесть часов!

Теперь для слушателей Жака Паганеля стало ясно, каким образом он очутился на борту их яхты. Французский путешественник, перепутав суда, сел на «Дункан» в то время, когда на нем почти никого не было. Все объяснялось очень просто. Но что скажет ученый-географ, узнав название и место назначения судна, на которое он попал?

— Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом ваших сухопутных путешествий? — спросил Гленарван.

— Да, сэр. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию. И вот наконец-то эта заветная мечта осуществится!

— Значит, господин Паганель, для вас было бы не безразлично, если бы вам пришлось посетить не эту, а какую-нибудь другую страну?

— Мне было бы это, сэр не только не безразлично, а даже очень неприятно, так как у меня имеются рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, да к тому же мне дано Географическим обществом поручение, которое я должен выполнить.

— А! Вам дано поручение?

— Да, мне поручено осуществить одно полезное и любопытное путешествие, план которого был разработан моим ученым другом и коллегой, господином Вивьеном де Сен-Мартеном. По этому плану, мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинвайт, полковника Во Вебба, Ходжона, миссионеров Хука и Габэ, Муркрофта, Жюля Реми и многих других известных путешественников. Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в 1846 году миссионеру Крику, то есть обследовать течение реки Яру-Дзангбо-Чу, которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров

орошает Тибет. Мне хотелось бы наконец выяснить, не сливается ли эта река на северо-востоке Ассамы с рекой Брамапутрой. А уж тому путешественнику, которому удастся осветить этот важнейший для географии Индии вопрос, будет, конечно, обеспечена золотая медаль.

Паганель был восхитителен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он так и несся на быстрых крыльях фантазии. Остановить его было бы так же невозможно, как воды водопада на Рейне.

— Господин Жак Паганель, — начал Гленарван, когда знаменитый ученый сделал минутную передышку, — конечно, то путешествие, о котором вы сообщили нам, — прекрасное путешествие, и наука будет вам за него признательна. Но я не хочу держать вас дольше в заблуждении и потому должен сказать, что, по крайней мере, на ближайшее время вам придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.

— Отказаться? Почему?

— Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную Индийскому полуострову.

— Как! Капитан Бертон...

— Я не капитан Бертон, — отозвался Джон Мангле.

— Но «Шотландия»...

— Это судно — не «Шотландия»!

Удивление Паганеля не поддается описанию. Он посмотрел по очереди на Гленарвана, сохранявшего совершенную серьезность, на Элен и Мэри Грант, лица которых выражали огорчение и сочувствие, на улыбавшегося Джона Манглса, на невозмутимого майора, а затем, пожав плечами, опустив очки со лба на нос, воскликнул;

— Что за шутка!

Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, и он прочел надпись: «Дункан. Глазго».

— «Дункан»! «Дункан»! — крикнул Паганель в отчаянии, а затем, стремглав сбжав с лестницы, устремился в свою каюту.

Как только злосчастный ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы. Ошибиться, когда едешь по железной дороге, ну хотя бы сесть в поезд, идущий в Эдинбург, когда надо ехать в Думбартон, — еще куда ни шло, но перепутать судно и плыть в Чили, когда нужно отправиться в Индию, — это уже верх рассеянности!

— Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, — заметил Гленарван. — Он ведь известен подобными злоключениями. Однажды он издал прекрасную карту Америки, куда умудрился втиснуть Японию. Но все это не мешает ему быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.

— Что же мы будем делать с этим беднягой? — проговорила Элен. — Не можем же мы увезти его с собой в Патагонию!

— А почему нет? — веско сказал Мак-Наббс. — Разве мы ответственны за его рассеянность? Предположите, что он попал не в тот поезд, который был ему нужен, — разве он мог бы его остановить?

— Не мог бы, но он сошел бы на ближайшей станции, — возразила Элен.

— Ну, так это он сможет сделать, если пожелает, в первой же гавани, где мы остановимся, — заметил Гленарван.

В это время Паганель, убедившись, что багаж его находится на том же судне, снова поднялся на палубу. Удрученный и пристыженный, он твердил одно и то же злополучное слово: «Дункан», «Дункан»,

будто не находя других слов в своем лексиконе. Он ходил взад и вперед, рассматривая мачты яхты, вопрошая безмолвный горизонт открытого моря. Наконец он снова подошел к Гленарвану.

— А куда идет этот «Дункан»? — спросил он.

— В Америку, господин Паганель.

— Куда именно?

— В Концепсион.

— В Чили! В Чили! — закричал злополучный ученый. — А моя экспедиция — в Индию! Что скажет господин Катрфаж, президент Центральной комиссии! А господин Кортамбер! А господин Вивьен де Сен-Мартен! Как смогу я теперь показаться на заседании Географического общества!

— Не отчаивайтесь, господин Паганель, — стал успокаивать его Гленарван, — все это может кончиться для вас сравнительно небольшой потерей времени. А река Яру-Дзангбо-Чу пока подождет вас в горах Тибета. Скоро мы зайдем на остров Мадейра, и там вы сядете на судно, которое доставит вас обратно в Европу.

— Благодарю вас, сэр. Видно, уж придется примириться с этим. Но, надо сказать, приключение удивительное! Только со мной подобная вещь и могла случиться. А моя каюта, заказанная на «Шотландии»!..

— Ну, о «Шотландии» вам лучше пока забыть.

— Но мне кажется, — снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, — «Дункан» — увеселительная яхта?

— Да, сэр, — отозвался Джон Мангле, — и принадлежит она мистеру Гленарвану...

— ...который просит вас широко пользоваться его гостеприимством, — докончил Гленарван.

— Бесконечно благодарен вам, сэр, — ответил Паганель. — Глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне высказать вам такое простое соображение: Индия — чудесная страна, неисчерпаемый источник самых удивительных сюрпризов для путешественников. Наверно, ваши дамы не бывали там... И стоит рулевому повернуть руль, как «Дункан» так же свободно направится к Калькутте, как и к Концепсиону, а раз это увеселительное путешествие...

Но тут, видя, что Гленарван отрицательно покачивает головой, Паганель, не докончив своей фразы, умолк.

— Господин Паганель, — сказала Элен, — если бы это было увеселительное путешествие, то я, не задумываясь, ответила бы вам: «Давайте все вместе отправимся в Индию», и сэр Гленарван, я уверена, не был бы против этого. Но дело в том, что «Дункан» плывет в Америку, чтобы привезти оттуда на родину людей, потерпевших крушение у патагонских берегов, и потому он не может отказаться от такой гуманной цели.

Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела. Не без волнения услышал он о чудесном нахождении документа, об истории капитана Гранта и о великодушном предложении Элен.

— Сударыня, — обратился он к ней, — позвольте мне выразить вам безграничное восхищение, которое внушает мне ваш поступок. Пусть ваша яхта продолжает свой путь! Я чувствовал бы угрызения совести, если бы задержал ее хоть на один день.

— Так вы хотите присоединиться к нашей экспедиции? — спросила Элен.

— Это для меня невозможно: я должен выполнить» данное мне поручение. Я высажусь на первой же

вашей стоянке.

— Тогда, значит, на острове Мадейра, — заметил Джон Мангле.

— Пусть на острове Мадейра. Я буду там всего в ста восьмидесяти милях от Лиссабона и стану ждать какого-нибудь судна.

— Ну что ж, господин Паганель, — сказал Гленарван, — так и будет сделано. Что касается меня, я счастлив, что могу на эти несколько дней предложить вам быть моим гостем на этой яхте. Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!

— О, — воскликнул ученый, — это еще счастье, сэръ, что я ошибся судном так удачно! Тем не менее нельзя не признаться, что человек, направлявшийся в Индию и плывущий в Америку, попал в довольно-таки смешное положение.

Как ни печально это было, Паганелю пришлось примириться с задержкой, которую он не был в силах предотвратить. Он оказался человеком очень милым, веселым, конечно рассеянным и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. В течение первого же дня Паганель со всеми подружился. Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго, внимательно изучал его, вникая во все мелочи. Иное истолкование документа казалось ему невозможным. Он отнесся с живым участием к Мэри Грант и ее брату и старался внушить им твердую надежду на встречу с отцом. Он так уверовал в успех экспедиции «Дункана», так радужно смотрел на все, что, слушая его, молодая девушка не могла не улыбаться. Конечно, не будь у него поручения, он, несомненно, бросился бы на поиски капитана Гранта.

Когда же Паганель узнал, что Элен — дочь известного путешественника Вильяма Туффнеля, он разразился восторженными восклицаниями. Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Вильям Туффнель был членом-корреспондентом Парижского географического общества! И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Туффнеля в члены общества! Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать с дочерью Вильяма Туффнеля!

В заключение географ попросил у Элен разрешения поцеловать ее. Поцелуй был разрешен, хотя это и было немного «неприлично».

Глава VIII

На «Дункане» стало одним славным человеком больше

Между тем яхта благодаря попутным течениям у берегов Северной Африки быстро приближалась к экватору. 30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, помня свое обещание, сообщил Паганелю, что «Дункан» может сделать там остановку, чтобы высадить ученого на берег.

— Дорогой Гленарван, — ответил Паганель, — давайте поговорим с вами попросту, без церемоний. Скажите, намеревались ли вы до моего появления сделать остановку у Мадейры?

— Нет, — сказал Гленарван.

— Тогда разрешите мне использовать мою злосчастную рассеянность. Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет никакого интереса для географа. Все о нем уже сказано и написано; к тому же когда-то знаменитое тамошнее виноделие теперь в полнейшем упадке. Подумайте только: на Мадейре больше нет виноградников! В 1813 году там добывалось двадцать две тысячи пип[25] вина, а в 1845 году количество это снизилось до двух тысяч шестисот шестидесяти девяти пип. В настоящее же время оно не составляет и пятисот пип. Прискорбное явление! Итак, если вам безразлично, сделать ли остановку здесь или у Канарских островов...

— Тогда сделаем остановку у Канарских островов, — ответил Гленарван, — они у нас на пути.

— Я это знаю, дорогой Гленарван. А Канарские острова, состоящие из трех групп, представляют большой интерес для изучения, не говоря уже о Тенерифском пике — мне всегда хотелось его увидеть. Теперь же как раз представится для этого удобный случай. Им я воспользуюсь и в ожидании судна, которое доставит меня обратно в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.

— Как вам будет угодно, дорогой Паганель, — невольно улыбаясь, ответил Гленарван.

И у него были основания улыбаться.

Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях — расстояние незначительное для такой быстроходной яхты, как «Дункан».

31 августа в два часа дня Джон Манглс и Паганель разгуливали по палубе. Француз забрасывал своего компаньона вопросами относительно Чили.

— Господин Паганель! — вдруг прервал его капитан, указывая на какую-то точку на южной стороне горизонта.

— Что такое, дорогой капитан? — отозвался ученый.

— Соблаговолите посмотреть вон в ту сторону. Вы ничего там не видите?

— Ничего.

— Вы не туда смотрите, — это не у горизонта, но повыше, среди облаков.

— Среди облаков? Сколько я ни смотрю...

— Ну вот, теперь взгляните по направлению рейки бушприта[26].

— Ничего не вижу.

— Да вы просто не хотите видеть! Но поверьте мне, что хотя мы еще и в сорока милях от Тенерифского пика, его остроконечная вершина уже ясно вырисовывается над горизонтом.

Хотел Паганель видеть эту гору или нет, но через несколько часов ему, чтобы не прослыть слепым, пришлось согласиться с Джоном Манглсом.

— Наконец-то вы ее видите, — сказал ему капитан.

— Да, да, вижу совершенно ясно. И это и есть так называемый Тенерифский пик? — пренебрежительно прибавил географ.

— Он самый.

— А он производит впечатление не очень высокой горы.

— Однако он возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.

— Но ему, во всяком случае, далеко до Монблана.

— Возможно, но когда дело дойдет до подъема на эту гору, пожалуй, и вы тогда найдете, что она довольно-таки высока.

— Подниматься? Подниматься на Тенерифский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и описал ее так, что уж ничего не прибавишь. Он тогда же установил ее пять поясов: пояс виноградников, пояс лавров, пояс сосен, пояс альпийских вересков и, наконец, пояс, где совершенно отсутствует растительность. Гумбольдт добрался до самой высшей точки Тенерифского пика — там негде было даже сесть. Перед его глазами расстилалось пространство, равное четвертой части Испании. Затем он спустился до самого дна кратера этого потухшего вулкана. Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после такого великого человека?

— Действительно, после него вам новых сведений не раздобыть, — согласился Джон Манглс. — А жаль, так как вам будет ужасно скучно в Тенерифском порту в ожидании прихода судна. На какие-либо развлечения надежд там мало.

— Понятно, тут можно рассчитывать только на самого себя, — смеясь, заметил Паганель. — Но скажите, дорогой Мангле, разве нет на островах Зеленого Мыса крупных портов?

— Конечно, есть. И для вас, например, было бы очень легко сесть в Вилла-Прайя на пароход, идущий в Европу.

— Не говоря уж об одном немалом преимуществе, — заметил Паганель — ведь острова Зеленого Мыса недалеко от Сенегала, где я найду земляков. Конечно, мне прекрасно известно, что эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый. Но для глаз географа все любопытно: уметь видеть — это наука. Есть люди, которые не умеют видеть и путешествуют так же «умно», как какие-нибудь ракообразные. Но поверьте, я не из их школы.

— Как вам будет угодно, господин Паганель, — ответил Джон Манглс. — Я же уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географическую науку. А мы как раз должны туда зайти, чтобы запастись углем, и ваша высадка там нас нисколько не задержит.

Сказав это, капитан взял курс к западным берегам Канарских островов. Знаменитый Тенерифский пик остался за кормой. Продолжая идти таким же быстрым ходом, «Дункан» пересек 2 сентября, в пять часов утра тропик Рака. Погода стала меняться. Воздух сделался тяжелым и влажным, как всегда в период дождей. Время это испанцы зовут «временем луж». Оно очень тягостно для путешественников, но полезно для жителей африканских островов, страдающих от недостатка растительности, а значит, и от недостатка влаги. Бурное море не позволяло пассажирам яхты оставаться на палубе, но разговоры в кают-компании не

стали от этого менее оживленными.

3 сентября Паганель, готовясь высадиться на берег принялся укладывать свои вещи. «Дункан» уже лавировал между островами Зеленого Мыса. Он прошел мимо острова Соль, бесплодного и унылого, как песчаная могила, прошел вдоль обширных коралловых рифов, а затем, оставив в стороне остров св. Якова, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, вошел в бухту Вилла-Прайя и стал на якорь у самого города. Погода была ужасная, и бушевал прибой, несмотря на то, что бухта была защищена от морских ветров. Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было разглядеть город. Расположен он был среди равнины, на горной террасе, упирающейся в отроги мощных скал вулканического происхождения, вышиной в триста футов. Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.

Элен Гленарван не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. В то время как море и небо в каком-то смятении смешивали свои воды, нашим пассажирам не оставалось ничего другого, как сидеть в кают-компани. Естественно, злободневной темой разговоров на яхте была погода. Каждый сказал что-нибудь по этому поводу. Один майор не проронил ни слова; он, кажется, с полным равнодушием присутствовал бы и при всемирном потопе.

Паганель ходил взад и вперед, покачивая головой.

— Как будто это делается нарочно! — повторял он.

— Да, стихии против вас, — отозвался Гленарван.

— А я все-таки восторжествую над ними.

— Не можете же вы покинуть яхту в такую погоду, — сказала Элен.

— Я лично, сударыня, прекрасно мог бы и опасаюсь только за свой багаж и инструменты: ведь все пропадет.

— Опасен только момент высадки, — заметил Гленарван, — а как только вы попадете в Вилла-Прайя, вы там устроитесь не так уж плохо. Правда, относительно чистоты можно пожелать большего: придется жить с обезьянами и свиньями, а соседство с ними далеко не всегда приятно. Но путешественник не должен обращать внимания на такие мелкие неудобства. К тому же надо надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся сесть на судно, идущее в Европу.

— Через семь-восемь месяцев! — воскликнул Паганель.

— Да, и это самое меньшее: ведь в период дождей суда не очень-то часто заходят на острова Зеленого Мыса. Но вы сможете с пользой употребить свое время. Этот архипелаг еще мало известен. Здесь есть над чем поработать и в области топографии местности, и климатологии, и этнографии, и гипсометрии[27].

— Вы сможете заняться обследованием рек, — заметила Элен.

— Таковых там не имеется, — ответил Паганель.

— Ну, займитесь речками.

— Их также нет.

— Тогда какими-нибудь потоками, ручьями...

— И их не существует.

— В таком случае, вам придется обратить свое внимание на леса, — промолвил майор.

— Для лесов необходимы деревья, а они здесь отсутствуют.

— Приятный край, нечего сказать! — отозвался майор.

— Утешьтесь, дорогой Паганель, — сказал Гленарван: — ведь вам все же остаются горы.

— О сэр! Горы эти и невысоки и неинтересны. Да к тому же они уже изучены.

— Изучены? — удивился Гленарван.

— Да. Как всегда, мне не везет. Там, на Канарских островах, все было уже сделано Гумбольдтом, а здесь меня опередил один геолог, господин Шарль Сен-Клер-Девиль.

— Неужели?

— Увы, это так! — жалобно ответил Паганель. — Этот ученый был на борту французского корвета «Решительный», когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. И вот Сен-Клер воспользовался своим пребыванием здесь, чтобы подняться на самую интересную из вершин архипелага, а именно — на вулкан острова Фого. Скажи те же на милость, что мне остается делать после него?

— Это действительно прискорбно, — промолвил Элен. — Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?

Паганель несколько минут пребывал в молчании.

— Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там и нет больше вина, — заметил Гленарван.

Ученый секретарь Парижского географического общества по-прежнему молчал. — Я бы подождал еще, — заявил майор совершенно тем же тоном, каким он мог сказать: «Я не стал бы ждать».

— Дорогой Гленарван, — прервал наконец молчание Паганель, — где вы думаете сделать следующую остановку?

— О, не раньше чем в Консепсионе.

— Черт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!

— Да нет же: как только вы обогнете мыс Горн, вы начнете к ней приближаться...

— Это-то я знаю.

— К тому же, — продолжал Гленарван самым серьезным тоном, — не все ли равно, попадете ли вы в Ост- или Вест-Индию?

— А знаете, сэр, — воскликнул Паганель, — ведь этот довод никогда не пришел бы мне в голову!

— А что касается золотой медали, дорогой Паганель, — продолжал Гленарван, — то ее можно заслужить в любой стране. Всюду можно работать, производить изыскания, делать открытия: и в горных цепях Кордильер и в горах Тибета.

— Но как же быть с моим исследованием реки Яру-Дзангбо-Чу?

— Ну что ж, вы ее замените Рио-Колорадо. Ведь эта большая река очень мало известна. Географы заставляют ее протекать по карте довольно-таки произвольным путем.

— Я это знаю, дорогой. Встречаются ошибки в несколько градусов. Я нисколько не сомневаюсь в том, что обратись я к Географическому обществу с просьбой послать меня в Патагонию, оно так же охотно командировало бы меня туда, как и в Индию. Но эта мысль не пришла мне в голову.

— По вашей обычной рассеянности...

— А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? — спросила ученого Элен самым любезным тоном.

— Сударыня, а мое поручение?..

— Предупреждаю вас, что мы пройдем Магеллановым проливом, — объявил Гленарван.

— Сэр, вы искуситель!

— Добавляю, что мы побываем в порте Голода.

— Порт Голода! — воскликнул атакованный со всех сторон француз. — Да ведь это же порт, знаменитый в географических летописях!

— Примите еще то во внимание, господин Паганель, — продолжала Элен, — что ваше участие в этой экспедиции поставит имя Франции рядом с именем Шотландии.

— Да, конечно!

— Географ может принести пользу нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу человечеству!

— Вот это хорошо сказано!

— Поверьте мне: повинуйтесь, как это сделали мы, воле случая. Случай послал нам этот документ, и мы двинулись в путь. Случай же привел вас на борт «Дункана», ну и не покидайте его.

— Сказать вам, друзья мои, что я думаю? — промолвил Паганель. — Так вот: вам очень хочется, чтобы я остался.

— И вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, — заявил Гленарван.

— Верно! — воскликнул ученый-географ. — Но я боялся быть навязчивым.

Глава IX

Пролив Магеллана

Все на яхте обрадовались, узнав о решении Паганеля. Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.

— Бойкий мальчуган! — сказал Паганель. — Я обучу его географии.

А так как Джон Манглс брался сделать из Роберта моряка, Гленарван — человека мужественного, майор — хладнокровного, Элен — доброго и великодушного, а Мэри Грант — благодарного таким учителям, то, очевидно, юному Гранту предстояло стать незаурядным человеком.

«Дункан», быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места. Уклонившись к западу, он попал в течение, проходившее у берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и очутился в Южном полушарии.

Переход совершался без затруднений. Все верили успех экспедиции. Количество шансов найти капитана Гранта, казалось, с каждым днем увеличивалось. Одним из наиболее уверенных в успехе был капитан «Дункана». Объяснялось это главным образом его горячим желанием, чтобы мисс Мэри утешилась и была счастлива. Джон Манглс особенно интересовался этой молодой девушкой и так удачно скрывал свои чувства, что все на «Дункане», кроме Мэри Грант и его самого, заметили их. Что же касается ученого-географа, то, вероятно, он был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии. Он по целым дням изучал географические карты, разложенные на столе в кают-компании. Из-за этого у него происходили ежедневные споры с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол. И надо сказать, что в этих спорах на стороне Паганеля были все пассажиры яхты, за исключением майора — тот относился к географии с обычным своим равнодушием, в особенности же в обеденное время. Кроме своих географических изысканий, Паганель занялся и кое-чем другим. Он раскопал у помощника капитана ящик с книгами и, найдя среди них несколько испанских, решил изучать язык Сервантеса. Этого языка, надо заметить, никто на яхте не знал. Знание испанского должно было облегчить нашему географу изучение Чилийского побережья. Благодаря своим лингвистическим способностям Паганель надеялся свободно говорить на этом новом для него языке ко времени прихода яхты в Концепсион. Поэтому он с ожесточением изучал испанский язык и беспрестанно бормотал непонятные слова.

В свободное время он еще умудрялся заниматься с Робертом: рассказывал ему о берегах, к которым «Дункан» так быстро приближался.

10 сентября, когда яхта находилась под 5°37' широты и 31°15' долготы, новые приятели Паганеля узнали нечто, о чем, вероятно, не подозревают и более образованные люди. Паганель излагал им историю Америки. Дойдя до великих мореплавателей, по пути которых следовал «Дункан», он заговорил о Христофоре Колумбе и закончил утверждением, что великий генуэзец так и умер, не подозревая, что он открыл Новый Свет.

Тут вся аудитория громко запротестовала, но Паганель стоял на своем.

— Это совершенно достоверно, — объявил он. — Я отнюдь не хочу умалять славу Колумба, но факт остается фактом. В конце пятнадцатого века все помыслы людей были направлены к тому, чтобы облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним словом, стремились найти кратчайший путь в «страну пряностей». Это и пытался осуществить Колумб. Он предпринял целых четыре путешествия, приставал к Америке у берегов Куманы, Гондураса, Москитного берега, Никарагуа, Верагуа, Коста-Рики и

Панамы, причем все эти земли считал японскими и китайскими. И он умер, не подозревая о существовании огромного материка, увы, даже не унаследовавшего его имени.

— Я готов поверить вам, дорогой Паганель, — отозвался Гленарван. — Но позвольте мне удивиться и задать вам вопрос: кто же из мореплавателей правильно понял открытие Колумба?

— Его последователи, начиная с Охеда, который сопровождал Колумба в его путешествиях, затем Винсент Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабраль, Солис, Бальбоа. Эти мореплаватели проплыли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте их границы: триста шестьдесят лет назад их несло к югу то самое течение, которое теперь несет и нас с вами. Представьте, друзья мои, мы пересекли экватор как раз в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, и мы приближаемся к тому самому восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон высадился тогда у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабраль спустился южнее — до порта Сегуро. Затем мореплаватель Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в 1502 году, продвинулся еще дальше на юг. В 1508 году Винсент Пинсон и Солис соединились для совместного обследования американских берегов, и в 1514 году Солис открыл устье реки Ла-Платы и там же был съеден туземцами. Вследствие гибели Солиса честь первым обогнуть новый материк выпала Магеллану. Этот великий мореплаватель в 1519 году направился к Америке с пятью судами. Он проплыл вдоль берегов Патагонии, открыл порт Желанный, а также и порт святого Юлиана, где долго простоял. Затем, открыв под пятьдесят вторым градусом широты тот пролив Одиннадцати Тысяч Дев, который со временем получил его имя, Магеллан вышел в Тихий океан. Ах, какую радость он должен был почувствовать, как забилось от волнения его сердце, когда перед его глазами, сверкая под лучами солнца, раскинулось новое море!

— Как бы мне хотелось быть там! — воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа.

— И мне бы этого хотелось, мой мальчик, и, конечно я не пропустил бы подобного случая, родись я на триста лет раньше.

— Это было бы печально для нас, господин Паганель, — отозвалась Элен, — так как в этом случае вы не сидели бы сейчас с нами на палубе «Дункана» и мы не услышали бы всего того, что вы сейчас рассказали нам.

— Другой бы рассказал вам об этом вместо меня, сударыня, и он еще прибавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти искатели приключений основали здесь целый ряд городов. Куско, Квито, Лима, Сант-Яго, Вилла-Рика, Вальпараисо и Консепсион, куда направляется наш «Дункан», — все эти города основаны ими. Открытия братьев Писарро примкнули к открытиям Магеллана, и очертания американских берегов были, к большому удовлетворению ученых Старого Света, занесены на карту.

— Ну, я не удовлетворился бы этим, — заявил Роберт.

— Почему же? — спросила Мэри, глядя на своего юного брата, увлеченного рассказом обо всех этих открытиях.

— В самом деле, мой мальчик, почему? — с ободряющей улыбкой задал ему тот же вопрос Гленарван.

— Да потому, что я захотел бы узнать, есть ли еще что-нибудь за Магеллановым проливом.

— Bravo, друг мой! — воскликнул Паганель. — Я тоже захотел бы узнать, простирается ли материк до Южного полюса или там открытое море, как предполагал Дрейк, один из ваших соотечественников. Итак, несомненно, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они непременно отправились бы вслед за Схоутеном и Лемером, стремясь, как и они, отгадать эту географическую загадку.

— Это были ученые? — спросила Элен.

— Нет, просто смелые коммерсанты, которых довольно мало интересовала научная сторона открытий. В то время существовала голландская Ост-Индская компания, которая одна имела право провозить товары через Магелланов пролив. А так как тогда не знали другого пути в Азию, кроме этого пролива, то Ост-Индская компания являлась настоящей монополисткой. И вот несколько коммерсантов решили бороться с этой монополией путем открытия другого пролива. В числе этих коммерсантов был некий Исаак Лемер, человек умный и образованный. Он снарядил на свои средства экспедицию, во главе которой были поставлены его племянник Яков Лемер и Схоутен, опытный моряк родом из Горна. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне 1615 года, почти через сто лет после Магеллана. Они открыли новый пролив между территорией Штатов и Огненной Землей, названный проливом Лемера, а в феврале 1616 года они обогнули столь известный теперь мыс Горн, который еще больше, чем его собрат, мыс Доброй Надежды, имел бы основание называться мысом Бурь.

— Ну конечно, я захотел бы быть там! — воскликнул Роберт.

— И ты, мой мальчик, находился бы у источника самых ярких радостей! — с воодушевлением сказал Паганель. — В самом деле, может ли быть на свете большее удовлетворение, большая радость, чем те, которые испытывает мореплаватель, нанося на судовую карту своя открытия! Ему кажется, что на его глазах создаются мало-помалу новые земли, как бы всплывая из морских волн, остров за островом, мыс за мысом. Сначала контуры этих земель неясны, изломанны, прерываются: тут — уединенный мыс, там — изолированная бухта, дальше — затерянный в пространстве пролив. Но со временем открытия дополняют друг друга, прерывистые линии соединяются, вместо точек на картах появляются линии; бухты вдаются в сушу на определенных местах, мысы опираются на точно известные берега, и вот наконец появляется на глобусе во всем своем великолепии новый материк со своими озерами, реками, речками, горами, долинами, равнинами, деревнями, городами, столицами. Ах, друзья мои, человек, открывающий новые земли, — тот же изобретатель! Он переживает те же волнения, те же неожиданности. Но в настоящее время источник этот почти иссяк: все видели, все обследовали, все, что можно было открыть, открыли, и нам, теперешним географам, больше нечего делать.

— Нет, дорогой Паганель, еще есть что делать, — возразил Гленарван.

— А что же?

— Да то, что мы делаем.

Между тем «Дункан» неся с замечательной быстротой по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября он пересек тропик Козерога и взял курс к знаменитому проливу. Несколько раз показывались низкие берега Патагонии, но всегда в виде едва заметной полоски на горизонте. Берега эти отстояли больше чем на десять миль, и даже Паганель, смотря в свою знаменитую подзорную трубу, мог получить об американских берегах лишь весьма неясное представление.

25 сентября «Дункан» был уже у пролива Магеллана. Молодой капитан без колебаний ввел в него яхту. Этот путь обычно считается наиболее предпочтительным для пароходов, направляющихся в Тихий океан. Точная длина Магелланова пролива составляет всего триста семьдесят шесть миль. Глубок он настолько, что по нему могут проходить даже у самых берегов крупнейшие суда. Дно его чрезвычайно удобно для якорных стоянок. По его берегам много источников пресной воды; рек, изобилующих рыбой; лесов, богатых дичью; ряд легкодоступных и безопасных гаваней. Словом, здесь множество преимуществ, отсутствующих и в проливе Лемера и у мыса Горн с его грозными скалами, где непрестанно свирепствуют ураганы и штормы.

В первые часы плавания по Магелланову проливу, то есть на протяжении шестидесяти-восьмидесяти

миль, приблизительно до мыса Грегори, берега низки и песчаны. Жак Паганель не хотел пропустить ни одного уголка берега, ни одной детали пролива. Переход должен был совершиться менее чем в тридцать шесть часов, и подвижная панорама обоих берегов, залитая сверкающим южным солнцем, конечно, заслуживала такого неотступного, восхищенного наблюдения. На северном берегу не видно было жителей, а по обнаженным скалам Огненной Земли бродили лишь несколько туземцев.

Паганелю пришлось сожалеть о том, что он не видит ни одного патагонца; это вызывало в нем сильнейшую досаду, что очень забавляло его спутников.

— Патагония без патагонцев — уже не Патагония! — с раздражением повторял он.

— Потерпите, почтенный географ, мы еще увидим патагонцев, — утешал его Гленарван.

— Далеко не уверен в этом.

— Но ведь они существуют, — заметила Элен.

— Сомневаюсь в этом, сударыня, раз я не вижу ни одного.

— Во всяком случае, название «патагонцы», что по-испански значит «большие ноги», не было же дано каким-то воображаемым существам.

— Э, название ничего не значит! — воскликнул Паганель, ради обострения спора упрямо стоявший на своем. — А к тому же, сказать по правде, неизвестно, как их зовут.

— Вот так так! — удивился Гленарван. — Знали вы это, майор?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — и не дал бы и одного шотландского фунта стерлингов за то, чтобы это знать.

— И вы все-таки сейчас услышите кое-что об этом, равнодушный человек! — заявил Паганель. — Правда, Магеллан назвал здешних туземцев патагонцами, но фиджинцы зовут их тиремени, чилийцы — коукалу, колонисты Кармена — тегуэльхи, арауканцы — уилихи. У Бугенвиля они известны под именем чаухи. Сами они себя зовут общим именем ипакси. Так вот скажите, пожалуйста, как тут разобраться и вообще может ли существовать народ, имеющий столько названий?

— Вот это довод! — воскликнула Элен.

— Допустим, что это так, — сказал Гленарван, — но думаю, наш друг Паганель согласится с тем, что если существуют сомнения относительно названия патагонцев, то, по крайней мере, нет сомнений относительно их роста.

— Я никогда бы не выступил с таким чудовищным утверждением! — воскликнул Паганель.

— Они высокого роста, — настаивал Гленарван.

— Мне это неизвестно.

— Значит, низкого роста? — спросила Элен.

— Никто не может утверждать и этого.

— Так среднего роста? — проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.

— И это мне неизвестно.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Гленарван. — Путешественники, которые их видели...

— Путешественники, которые их видели, — перебил его Паганель, — совершенно расходятся друг с другом. Так, Магеллан говорит, что его голова едва доходила им до пояса...

— Ну, вот видите!

— Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше ростом самого высокого патагонца.

— Конечно, дело тут шло не об англичанах, — презрительно заметил майор. — Наверно, то были шотландцы.

— Кэвендиш уверял, что патагонцы — народ крепкий и рослый, — продолжал Паганель. — Гаукинс говорит о них как о великанах. Лемер и Схоутен приписывают им рост в одиннадцать футов...

— Прекрасно! Эти люди заслуживают доверия, — заметил Гленарван.

— Да, но такого же доверия заслуживают и Вуд, и Нарборо, и Фалькнер, а по их мнению, патагонцы — люди среднего роста. Правда, Байрон, Ла-Жироде, Бугенвиль, Уэллс и Картере утверждают, что рост патагонцев в среднем равен шести футам шести дюймам, тогда как господин д'Орбиньи, ученый, наиболее знакомый с этой страной, считает, что средний их рост составляет только пять футов четыре дюйма.

— Но тогда как же найти истину среди всех этих противоречивых показаний? — промолвила Элен.

— Истина заключается в следующем: у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: люди эти шести футов роста, когда сидят, и только пяти, когда стоят.

— Bravo, милейший ученый! — воскликнул Гленарван. — Вот это хорошо сказано!

— Ну, а если патагонцев вообще не существует, тогда отпадают и все разногласия, — продолжал Паганель. — А теперь, друзья мои, добавлю в заключение одно утешительное замечание, а именно: Магелланов пролив великолепен и без патагонцев.

В это время «Дункан» огибал полуостров Брунsvик. С обеих сторон сменялись великолепные виды. Среди деревьев промелькнули чилийский флаг и колокольня церкви. Пролив катил свои воды среди величественных гранитных массивов. Подножия гор скрывались в огромных лесах, а вершины их, покрытые вечным снегом, терялись в облаках. На юго-западе поднималась гора Тарн в шесть тысяч пятьсот футов вышиной.

После продолжительных сумерек наступила ночь. Дневной свет неприметно угас, и на землю легли мягкие тени. Небо загорелось яркими звездами. Созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу. Среди этой светившейся темноты, при сиянии звезд, заменявших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала свой путь, не бросая якоря ни в одной из удобных для стоянки бухт, которыми изобилует окрестное побережье. Часто реи яхты задевали за ветки южных буков, склонявшихся к волнам, часто винт взбивал воды в устьях больших рек, поднимая диких гусей, уток, гаршнепов, чирков и вообще все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались какие-то развалины и оползни. Ночь придавала им величественный вид. Это были печальные остатки покинутой колонии, одно имя которой опровергает мнение, что местность эта плодородна, а леса богаты дичью. «Дункан» проходил мимо порта Голода.

На этом месте поселился в 1581 году испанец Сармиенто во главе четырехсот эмигрантов. Здесь он основал город Сан-Филипп. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов. Голод прикончил тех, кого пощадила зима. И в 1587 году корсар Кэвендиш нашел последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах этого города, просуществовавшего шесть лет, но пережившего, казалось, шесть веков.

«Дункан» проплыл вдоль этих пустынных берегов. На рассвете он плыл по узкому проливу перешейка, между буковыми, ясеновыми и березовыми лесами.

Яхта прошла мимо устья бухты св. Николая. Некогда Бугенвиль назвал ее Французским заливом.

Вдали резвились стада тюленей, а также китов, о величине которых можно было судить по выбрасываемым ими мощным фонтанам воды, видимым на расстоянии четырех миль. Наконец «Дункан» обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый зимним льдом. По другую сторону пролива, на Огненной Земле, поднималась на шесть тысяч футов в небо гора Сармиенто — гигантское нагромождение утесов и скал, между которыми проползали облака, образуя как бы воздушный архипелаг в просторах неба.

В сущности, мысом Фроуорд и заканчивается Американский материк, ибо мыс Горн — не что иное, как каменная гора, затерявшаяся в океане под 56° южной широты.

После мыса Фроуорд, между полуостровом Брунsvик и островом Земля Отчаяния, пролив суживается. Этот длинный остров вытянулся среди множества мелких островков, напоминая собой колоссального кита, выбросившегося на берег, усеянный валунами. Как не похожа эта искромсанная оконечность Америки на цельные, четкие мысы Африки, Австралии и Индии! Какая неведомая нам катастрофа искрошила этот огромный мыс, брошенный между двух океанов!

Далее вместо плодородных берегов протянулись оголенные, пустынные косогоры, изрезанные узкими проходами этого запутанного лабиринта.

«Дункан» неуклонно и безошибочно шел этими капризными извилинами, смешивая столбы дыма из своих труб с окружавшим его туманом; сквозь него порой проглядывали скалы. Не замедляя хода, яхта прошла мимо нескольких испанских факторий, обосновавшихся на этих безлюдных берегах. У мыса Тамар пролив снова расширяется. «Дункан», обойдя крутые берега островов Нар-боро, стал приближаться к южному побережью. Наконец, через тридцать шесть часов после входа в пролив, на «Дункане» увидели скалу мыса Пилар, поднимавшуюся на самой окраине Земли Отчаяния. Огромное, привольное сверкающее море простиралось перед форштевнем «Дункана». И Жак Паганель, приветствуя море восторженным жестом, был взволнован не менее, чем сам Магеллан, когда его корабль «Тринидад» накренился под ветром Тихого океана.

Глава X

Тридцать седьмая параллель

Через неделю после того, как «Дункан» обогнул мыс Пилар, он на всех парах вошел в бухту Талькагуано — великолепное устье реки длиной в двенадцать и шириной в девять миль. Погода была дивная. В этом краю с ноября по март на небе не видно ни одной тучки, и вдоль берегов, защищенных Кордильерами, неизменно дует южный ветер. Согласно приказанию Эдуарда Гленарвана, Джон Манглс вел яхту в непосредственной близости от берегов архипелага Чилоэ и других бесчисленных осколков этой части Американского материка. Здесь какой-нибудь обломок, сломанная жердь, кусок дерева, обработанный человеческой рукой, могли навести «Дункан» на след крушения «Британии», но ничего не было видно. Яхта продолжала свой путь и наконец, через сорок два дня после того, как покинула туманные воды Клайдского залива, бросила якорь в порту Талькагуано.

Тотчас же Гленарван велел спустить на воду шлюпку, сел в нее вместе с Паганелем, и вскоре они высадились на берег у бревенчатого мола. Ученый-географ хотел было применить на практике свой испанский язык, над изучением которого он так добросовестно потрудились, но, к его крайнему удивлению, туземцы его не понимали.

— Очевидно, у меня плохое произношение, — сказал он.

— Отправимся в таможню, — сказал Гленарван.

В таможне с помощью нескольких английских слов и выразительных жестов ему дали понять, что английский консул живет в Концепсионе — городе, находящемся на расстоянии часа езды. Гленарван легко нашел двух хороших верховых лошадей. И вскоре они с Паганелем уже въезжали в этот большой город, возникший благодаря предприимчивости Валдивиа, спутника братьев Писарро.

Но в какой упадок пришел некогда великолепный город! Подвергшийся пожару в 1819 году, со стенами, еще черными от огня, опустошенный, разоренный, город этот насчитывал теперь едва восемь тысяч жителей. Его давно затмил соседний город — Талькагуано. Жители Концепсиона были до того ленивы, что улицы его зарастали травой, обращаясь в луга. Никакой торговли, никакой деятельности, никаких дел. С каждого балкона неслись звуки мандолины, а из-за решетчатых ставен слышалось томное пение. Концепсион, бывший когда-то городом мужчин, стал деревней женщин и детей.

Гленарван не выказал большого желания углубляться в причины такого упадка, хотя Паганель и порывался затронуть этот вопрос. Не теряя ни минуты, Гленарван отправился к господину консулу ее британского величества Ж. Р. Бентоку. Эта важная особа приняла его очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, взялась навести справки по всему побережью.

Консул Бенток ничего не знал относительно того, было ли выброшено у тридцать седьмой параллели, на Чилийском или Арауканском побережье, трехмачтовое судно «Британия». Никаких подобных сведений не поступило ни к нему, ни к его товарищам — консулам других стран. Гленарвана это, однако, не обескуражило. Он вернулся в Талькагуано и, не жалея ни хлопот, ни денег, разослал по всему побережью людей на разведку. Тщетно: самые подробные опросы прибрежного населения ничего не дали. Из этого следовало, что после крушения «Британии» от нее не осталось никаких следов.

Гленарван уведомил своих друзей о безрезультатности предпринятых им розысков. Мэри Грант и ее брат не смогли скрыть своего горя. Прошло уже шесть дней со времени прибытия «Дункана» в Талькагуано. Его пассажиры собрались на юте. Элен старалась утешить — конечно, не словами (что могла

она сказать!), а ласками — детей капитана. Жак Паганель снова взялся за документ: он с глубочайшим вниманием рассматривал его, словно стремясь вырвать у него новые тайны. Уже целый час географ разглядывал документ, когда Гленарван вдруг обратился к нему:

— Паганель! Я полагаюсь на вашу проницательность. Не ошибочно ли наше толкование этого документа? Логичны ли дополненные нами слова?

Паганель ничего не ответил — он размышлял.

— Быть может, неверны наши предположения относительно места катастрофы? — продолжал Гленарван. — Разве слово «Патагония» не бросается в глаза даже самому непроницательному человеку?

Паганель продолжал молчать.

— Наконец, слово «индеец» не говорит ли за то, что мы правы? — прибавил Гленарван.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс.

— А тогда разве не очевидно, что потерпевшим крушение в ту минуту, когда они писали эти строки, грозила опасность попасть в плен к индейцам?

— Тут я остановлю вас, дорогой Гленарван, — заговорил наконец Паганель. — Если ваши первые выводы и верны, то последний, во всяком случае, мне не кажется правильным.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Элен. Глаза всех присутствующих устремились на географа.

— Я хочу сказать, что капитан Грант **в настоящее время в плену у индейцев**, — ответил Паганель, делая ударение на конце фразы, — и добавлю, что документ не оставляет никаких сомнений на этот счет.

— Пожалуйста, разъясните это, господин Паганель, — попросила мисс Грант.

— Нет ничего легче, дорогая Мэри: вместо того чтобы читать «станут пленниками», нужно читать «стали пленниками», и тогда все становится ясно.

— Но это невозможно! — воскликнул Гленарван.

— Невозможно? А почему, мой уважаемый друг? — спросил, улыбаясь, Паганель.

— Да потому, что бутылка могла быть брошена только в тот момент, когда судно разбивалось о скалы. Отсюда и вывод, что градусы широты и долготы, означенные в документе, указывают на место крушения.

— Ничто этого не доказывает, — с живостью возразил Паганель. — Если допустим, что индейцы увели потерпевших крушение в глубь материка, я не вижу, почему эти несчастные не могли бы с помощью той же бутылки дать знать, где именно находятся они в плену.

— По одной простой причине, дорогой Паганель: для того чтобы бросить в море бутылку, надо, во всяком случае, быть у моря.

— Да, но за отсутствием моря можно быть и у рек, впадающих в это море.

Удивленное молчание встретило этот ответ — неожиданный, но не заключающий в себе ничего невероятного. По заблестевшим глазам своих слушателей Паганель мог понять, что в сердце каждого из них снова затеплилась надежда.

Первой прервала молчание Элен.

— Какая мысль! — воскликнула она.

— И какая хорошая мысль! — наивно добавил географ.

— Что же, по вашему мнению, надо предпринять? — спросил Гленарван.

— Я считаю, что надо найти то место на Американском материке, где проходит тридцать седьмая параллель, и затем следовать вдоль нее, не уклоняясь даже на полградуса, до того пункта, где эта параллель уходит в Атлантический океан. Двигаясь по этому маршруту, нам, быть может, и удастся найти потерпевших крушение на «Британии».

— Мало шансов, — заметил майор.

— Как ни мало шансов, нам все же нельзя не считаться с ними, — возразил Паганель. — Если предположение мое верно и бутылка была действительно принесена в океан водами одной из рек этого материка, мы не можем не напасть на следы пленников. Смотрите, друзья мои, смотрите на карту этой страны: я докажу вам с полной очевидностью правильность моего утверждения.

Говоря это, Паганель разложил на столе карту Чили и аргентинских провинций.

— Смотрите же, — повторил он, — следуйте за мной в этой прогулке по Американскому матерiku. Переберемся через узкую полосу Чили. Перевалим через Кордильеры. Спустимся к пампасам. Разве в этой местности мало рек, речек, горных потоков? Нет. Вот Рио-Негро, вот Колорадо, вот их притоки; все они пересечены тридцать седьмой параллелью, и все они свободно могли унести в море бутылку с документом. Быть может, там, среди какого-нибудь оседлого племени индейцев, на берегу одной из этих малоизвестных рек, в каком-нибудь ущелье сьерра[28], те, кого мы имеем право назвать нашими друзьями, ждут, томясь в плену, чудесного избавления. Можем ли мы обмануть их надежды? Разве не все вы согласны, что нам надо неуклонно придерживаться вот этой линии, которую сейчас проводит по карте мой палец? А если, вопреки моим предположениям, я и на этот раз ошибаюсь, разве не наш долг двигаться дальше по тридцать седьмой параллели, и если это понадобится для разыскания потерпевших крушение, то и совершить по этой параллели кругосветное путешествие?

Эти великодушные слова, произнесенные Паганелем с таким воодушевлением, произвели глубокое впечатление на слушателей. Все встали и начали пожимать ему руку.

— Да, отец мой там! — крикнул Роберт, пожирая глазами карту.

— И мы найдем его там, мой мальчик, — заявил Гленарван. — Действительно, ничего не может быть логичнее толкования документа, сделанного нашим другом Паганелем, и надо без всяких колебаний идти по указанному им пути. Или капитан Грант попал в плен к многочисленному племени, или к племени малочисленному, слабому. В последнем случае мы сами его освободим. В первом же случае, разузнав о положении капитана, мы возвращаемся на восточное побережье, садимся на «Дункан» и достигаем Буэнос-Айреса. Здесь майор Мак-Наббс организует такой отряд, который справится со всеми индейцами аргентинских провинций.

— Правильно, правильно, сэр! — воскликнул Джон Манглс. — А я еще добавлю, что этот переход через материк безопасен.

— Безопасен и неутомителен, — подтвердил Паганель. — Сколько людей совершили этот переход, не располагая нашими возможностями и не имея перед собой, как мы, великой цели, их воодушевляющей! Разве некий Базилио Вилармо не прошел в 1782 году от Кармена до Кордильер? А чилиец, судья из провинции Консепсион, дон Луиз де ла Круц, выйдя в 1806 году из Антуко и перевалив через Кордильеры, не добрался ли после сорока дней до Буэнос-Айреса, следуя по тридцать седьмой параллели? Наконец, полковник Гарсиа, Алсид д'Орбини и мой почтенный коллега доктор Мартин де Мусси — разве они не изъездили этот край во всех направлениях, совершив во имя науки то, что мы собираемся совершить во имя человеколюбия!

— Господин Паганель! Господин Паганель! — воскликнула Мэри Грант дрожащим от волнения голосом. — Как отблагодарить вас за самоотверженность, которая подвергнет вас стольким опасностям!

— Опасностям? — воскликнул Паганель. — Кто произнес здесь слово «опасность»?

— Не я! — отозвался Роберт.

Глаза мальчугана сверкали, и взгляд их был полон решимости.

— Опасности! — продолжал Паганель. — Существуют ли вообще опасности? К тому же, о чем тут идет речь? О путешествии всего в каких-нибудь тысячу четыреста километров — ведь мы будем двигаться по прямой линии; о путешествии, которое будет совершаться под широтами, соответствующими широтам Испании, Сицилии, Греции в Северном полушарии, следовательно приблизительно в тех же самых климатических условиях; о путешествии наконец, которое продлится максимум месяц. Да это прогулка!

— Господин Паганель, — обратилась к нему Элен, — значит, вы думаете, что если потерпевшие крушение попали в руки индейцев, то те пощадили их жизнь?

— Конечно, я это думаю, сударыня. Ведь эти индейцы вовсе не людоеды. Один мой соотечественник, знакомый мне по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампасах в плену у индейцев. Правда, он перенес там немало страданий, с ним очень плохо обращались, но в конце концов он вышел победителем из этого испытания. В этих краях европейца считают полезным. Индейцы знают ему цену и заботятся о нем, как о самом ценном животном.

— В таком случае, не может быть колебаний, — заявил Гленарван. — Нужно отправляться в путь, и отправляться без промедлений. По какой дороге нам следует направиться?

— По дороге нетрудной и приятной, — ответил Паганель. — Вначале, но недолго, она идет по горам, потом по отлогому восточному склону Кордильер, а дальше — гладкая равнина с газоном и песочком: настоящий сад.

— Посмотрим по карте, — предложил майор.

— Вот она, дорогой Мак-Наббс. Отыщем на Чилийском побережье, между мысом Румена и бухтой Карнейро, тот пункт, где тридцать седьмая параллель вступает на Американский материк, и отсюда двинемся в путь. Миновав столицу Араукании, мы горным проходом Антуко перевалим через Кордильеры, причем вулкан останется в стороне, на юге. Затем мы начнем спускаться по пологим склонам гор, переберемся через Колорадо и двинемся через пампасы к озеру Салинас, к реке Гуамини, к Сьерра-Тапальквем. В этом месте проходит граница провинции Буэнос-Айрес. Перейдя ее, мы поднимемся на Сьерра-Тан-диль и продолжим наши поиски до мыса Медано на побережье Атлантического океана.

Набрасывая маршрут предстоящей экспедиции, Паганель даже не потрудился взглянуть на лежавшую перед его глазами карту: он не нуждался в ней. Его богатейшая память, опиравшаяся на труды Фрезье, Молина, Гумбольдта, Мьера, д'Орбиньи, не могла ни обмануться, ни быть поставленной в тупик. Покончив с этой географической номенклатурой, Паганель прибавил:

— Итак, друзья мои, путь наш прямой. В месяц мы его закончим и будем на восточном побережье даже раньше «Дункана» в том случае, если его задержит в пути западный ветер.

— Стало быть, «Дункану» придется крейсировать между мысами Корриентес и святого Антония? — спросил Джон Мангле.

— Именно так.

— А какой наметили бы вы персонал для нашей экспедиции? — спросил Гленарван.

— Очень немногочисленный. Ведь вопрос только в том, чтобы разузнать о положении капитана Гранта. Мы же не собираемся сразу вступать в бой с индейцами. Мне кажется, что Гленарван — наш естественный руководитель; майор, который, конечно, никому не согласился бы уступить своего места;

ваш покорный слуга Жак Паганель...

— И я! — крикнул юный Грант.

— Роберт! Роберт! — остановила его сестра.

— А почему бы и нет? — отозвался Паганель. — Путешествия полезны молодежи: они закаляют и многому научают. Итак, мы четверо и трое матросов с «Дункана»...

— Как, — спросил Джон Манглс Гленарвана, — вы не желаете, чтобы я принял участие в этой экспедиции?

— Дорогой Джон, мы ведь оставляем на борту парохода наших пассажиров, то есть самое драгоценное для нас на свете. Кто лучше может о них позаботиться, чем преданный капитан «Дункана»!

— Так, значит, мы не сможем сопровождать вас? — сказала Элен. Взор ее затуманился грустью.

— Дорогая Элен, — ответил Гленарван, — путешествие наше совершится в условиях исключительной быстроты. Наша разлука не будет долгой, и...

— Да, друг мой, я понимаю вас, — промолвила Элен. — Поезжайте, горячо желаю вам успеха!

— К тому же это даже не путешествие, — заявил Паганель.

— Что же это такое? — спросила Элен.

— Да просто поездка. Мы проедемся, как честные люди проходят свой путь на земле: стараясь сделать побольше добра.

Этими словами Паганеля закончились прения по данному вопросу, если слово «прения» может быть применимо к обсуждению, где все участники держатся одного мнения. В этот же день начались приготовления к экспедиции. Решено было держать их в строжайшей тайне, чтобы не привлечь внимания индейцев.

Отъезд назначили на 14 октября. Когда речь зашла о том, кто из матросов отправится с экспедицией, все они предложили свои услуги. Гленарван, попав в затруднительное положение и не желая обидеть никого из этих славных малых, решил бросить жребий. Так и было сделано. Желанный жребий выпал помощнику капитана Тому Остину, крепышу Вильсону и Мюльреди, который, пожалуй, мог бы состязаться в боксе с самим Томом Сайерсом[29].

Гленарван проявил исключительную энергию в этих приготовлениях. Он хотел во что бы то ни стало быть готовым к назначенному дню и добился этого. Не менее энергично, чем Гленарван, действовал Джон Манглс. Он спешил запастись углем, чтобы немедленно выйти снова в море. Джону хотелось прибыть на Аргентинское побережье раньше сухопутных путешественников. Благодаря этому между Гленарваном и молодым капитаном возникло настоящее соревнование, и оно, конечно, послужило на пользу делу.

14 октября в назначенный час все были готовы. В момент отплытия пассажиры яхты собрались в кают-компании. «Дункан» уже снимался с якоря, и лопасти его винта будоражили прозрачные воды бухты Талькагуано. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт Грант, Том Остин, Вильсон и Мюльреди, вооруженные карабинами и револьверами Кольты, готовились покинуть яхту. Проводники и мулы ждали их у конца бревенчатого мола.

— Пора, — вымолвил наконец Гленарван.

— Ну, отправляйтесь, друг мой, — стараясь сдержать свое волнение, ответила Элен.

Гленарван прижал ее к груди. Роберт бросился на шею сестре.

— А теперь, дорогие друзья, — воскликнул Паганель, — давайте на прощанье пожмем друг другу

руки, да так крепко, чтобы это рукопожатие чувствовалось до самой нашей встречи на берегах Атлантического океана!

Паганель хотел уж слишком многого. Однако, прощаясь, некоторые обнимались так горячо, что пожелание почтенного ученого могло, пожалуй, и осуществиться.

Все снова поднялись на палубу, и семеро членов экспедиции покинули «Дункан». Вскоре они высадились у набережной. Маневрировавшая в это время яхта подошла к ней ближе чем на полкабельтова.

— Счастливого пути и успеха, друзья мои! — крикнула в последний раз Элен с юта.

— Вперед! — скомандовал Джон Манглс машинисту.

— В путь! — как бы перекликаясь с капитаном, крикнул Гленарван.

И в тот момент, когда наши всадники понеслись по прибрежной дороге, «Дункан» на всех парах направился к открытому морю.

Глава XI

Переход через Чили

Гленарван включил в состав своей экспедиции четырех проводников-туземцев: трех мужчин и одного мальчика. Во главе их стоял англичанин, проживший в этой стране более двадцати лет. Занимался он тем, что отдавал мулов внаем путешественникам и служил для последних проводником через перевалы Кордильер. Перевалив через горы, он обыкновенно передавал своих путешественников бакеано — аргентинскому проводнику, хорошо знакомому с дорогами в пампасах. Англичанин этот не настолько еще забыл в обществе индейцев свой родной язык, чтобы не быть в состоянии объясняться с нашими путешественниками. Благодаря этому Гленарван получил возможность выражать ему свои желания и проверять выполнение отданных приказаний. Это тем более было важно, что испанского языка Жака Паганеля, несмотря на все его старания, пока никто не понимал.

При англичанине («катапаце» на чилийском наречии) было два подручных пеона и двенадцатилетний мальчуган. Пеоны погоняли мулов, нагруженных багажом экспедиции, а мальчик вел мадрилу — небольшую кобылицу с бубенчиками и колокольчиком. Мадрилла шла впереди, как бы вожак десяти следовавших за ней мулов. На семи из них ехали наши путешественники, на восьмом — катапац. Остальные два мула были нагружены съестными припасами и несколькими кусками материи, назначение которых было задобрить кациков[30] пампасов. Пеоны, по своему обычаю, шли пешком. Переход наших путешественников через Южную Америку, казалось, должен был совершиться в наилучших условиях как в смысле скорости, так и в смысле безопасности.

Перевалить через горную цепь Кордильер не так-то легко. Предпринять это можно, только имея в своем распоряжении выносливых мулов, из которых наиболее ценятся аргентинские. У этих превосходных животных выработались свойства, какими порода их первоначально не обладала. Они неприхотливы в отношении пищи, пьют раз в день, проходят по сорока километров за восемь часов и свободно несут груз в четырнадцать арробов[31].

На протяжении всего пути от одного океана до другого нет ни одного постоянного двора. Обычно путешественники питаются в дороге сушеным мясом, рисом, приправленным перцем, и дичью, которую удается подстрелить по пути. В горах пьют воду потоков, в равнине — воду ручьев. К этой воде прибавляют по нескольку капель рома, хранящегося у каждого путешественника в бычачьем роге — шифле. Впрочем, в тех краях нужно возможно меньше употреблять спиртных напитков, ибо там нервы и без того в очень возбужденном состоянии. Что же касается до постельных принадлежностей, то все они заключаются в местном седле — рекадо. Это рекадо, сделанное из пелионов — бараньих шкур, дубленных с одной стороны и покрытых шерстью с другой, — укрепляется на муле широкими, роскошно вышитыми подпругами. Ночью путешественник, завернувшись в эти теплые пелионы, спокойно спит: ему нипочем никакая сырость.

Гленарван, как человек, много путешествовавший на своем веку и привыкший сообразоваться с местными обычаями, сам оделся и одел своих спутников в чилийские одежды. Паганель и Роберт, оба дети — один большой ребенок, другой малый, — пришли в невыразимый восторг, когда просунули свои головы в чилийское пончо — широкий плащ с отверстием посередине, а на ноги натянули сапоги, сделанные из кожи задних ног жеребенка. И надо было видеть, какой красивый вид имели их мулы в богатой сбруе, с арабскими удилами во рту, с длинными плетеными поводьями, служившими в то же время и кнутом, с металлическими украшениями на уздечке, с ярко окрашенными альфорхас — двойными холщовыми

мешками, содержащими однодневный запас съестных продуктов. Пока рассеянный, по своему обыкновению, Паганель взбирался на такого великолепного мула, животное три или четыре раза порывалось лягнуть его. Усевшись же в седло, с неразлучной своей подзорной трубой через плечо, и вцепившись ногами в стремяна, наш ученый всецело положился на опытность своего мула, и надо сказать, что ему не пришлось в этом раскаиваться. Что касается юного Роберта, то он, очутившись на муле, сейчас же проявил замечательные способности к верховой езде.

Двинулись в путь. Погода была чудесная. Хотя на небе не видно было ни одного облачка, но зноя не чувствовалось — дул свежий ветер с моря. Маленький отряд быстро подвигался по извилистым берегам бухты Талькагуано, стремясь выйти в тридцати милях к югу, на тридцать седьмую параллель. Целый день ехали быстро среди камышей пересохших болот, но говорили мало: слишком живо было впечатление от прощания с оставшимися на яхте. Еще виднелся дым «Дункана», уже исчезавшего за горизонтом. Все молчали, за исключением Паганеля: усердный географ задавал себе вопросы по-испански и сам отвечал себе на том же новом для него языке.

Глава проводников — катапац — был человеком довольно молчаливым; к тому же и его профессия не очень-то располагала к болтовне. Он почти не говорил со своими пеонами. Те прекрасно знали свое дело. Когда какой-нибудь из мулов останавливался, они подгоняли его гортанным криком, а если это не помогало, то преодолевали упрямство животного, метко швыряя в него камнями. Когда, случалось, ослабевала подпруга или сваливалась уздечка, пеон сбрасывал свой плащ и, покрыв им голову мула, приводил все в порядок, после чего животное снова пускалось в путь.

Погонщики мулов имеют обыкновение начинать свой дневной переход после завтрака, в восемь часов утра, и идти вплоть до остановки на ночлег, в четыре часа пополудни. Гленарван сообразовался с этим обычаем. Когда катапац подал сигнал к остановке, наши путешественники, ехавшие у пенистых волн океана, приближались к городу Арауко, расположенному в самой южной части бухты. Отсюда до пункта, где начинается тридцать седьмая параллель — до бухты Карнейро, — надо было проехать к западу еще миль двадцать. Но так как вся эта часть побережья была уже обследована посланными Гленарвана, то новое обследование являлось излишним. Поэтому было решено, что из города Арауко экспедиция направится по прямой линии на восток.

Маленький отряд остановился на ночь в этом городе, расположившись посреди двора одного трактира, так как в самом помещении было слишком уж мало удобств.

Арауко — это столица Араукании, крошечного государства, занимающего площадь всего в каких-нибудь шестьсот километров в длину и сто двадцать в ширину. Населяют Арауканию молухи — эти первородные сыны Чили. Гордое и сильное племя молухов одно в обеих Америках никогда не подпадало под иноземное владычество. Правда, некогда город Арауко был захвачен испанцами, но население Араукании не подчинилось им. Оно оказывало тем захватчикам такое же сопротивление, какое в настоящее время оказывает завоевательным попыткам Чили. И поныне государственный флаг его — белая звезда на лазурном фоне, — развеваясь на укрепленном холме, защищающем столицу, гордо говорит о независимости Араукании.

Пока готовили ужин, Гленарван, Паганель и катапац прогуливались по городу, между домами с соломенными крышами. В Арауко, кроме церкви и развалин францисканского монастыря, не было ничего достопримечательного. Гленарван попытался было получить какие-либо сведения о «Британии», но безуспешно. Несмотря на все старания Паганеля, никто из местных жителей не понимал его. Но, утешал себя географ, раз родным языком их было, как и повсюду здесь, до самого Магелланова пролива, арауканское наречие, то, конечно, испанский язык мог пригодиться ему не больше древнееврейского. Поэтому Паганелю пришлось пользоваться не ушами, а глазами, и разглядывая различные типы молухов,

он как ученый испытывал истинную радость. Мужчины были рослые, с плоскими лицами медно-красного цвета, все безбородые: у них было в обычае выщипывать себе бороду. Во взгляде их проглядывало недоверие. Казалось, эти мужчины проводили время в том специфическом безделье, которое свойственно воителям, не знающим, чем заняться во время мира. Их женщины несли на себе тяжелую работу по домашнему хозяйству и в то же время чистили лошадей и оружие, ходили за плугом, охотились за дичью вместо своих повелителей — мужчин. При всем этом молухские женщины умудрялись еще выделять пончо — национальные плащи бирюзового цвета. Каждое из этих пончо требовало двух лет работы и стоило не меньше ста долларов. В общем, молухи — народ малоинтересный, с довольно-таки дикими нравами. Им свойственны почти все человеческие пороки, но у них имеется и одна доблесть — любовь к независимости.

— Настоящие спартанцы! — повторял Паганель, вернувшись с прогулки и сидя за ужином.

Конечно, почтенный ученый преувеличивал, но он еще больше удивил своих собеседников, прибавив, что его французское сердце громко билось во время прогулки по городу Арауко. На вопрос майора, что же могло вызвать это внезапное сердцебиение, Паганель ответил, что волнение его было совершенно естественным, ибо еще не так давно один из его соотечественников занимал престол Араукании. Майор попросил географа сообщить имя этого монарха. Жак Паганель с гордостью назвал господина де Тоннен, экс-адвоката из Периге, милейшего человека, обладателя несколько слишком пышной бороды, который претерпел в Араукании то, что лишившиеся трона короли охотно называют «неблагодарностью своих подданных». Так как майор, услышав о бывшем адвокате, изгнанном с престола, насмешливо улыбнулся, то Паганель с полной серьезностью заметил, что, пожалуй, легче адвокату стать хорошим королем, чем королю хорошим адвокатом. Эти слова вызвали всеобщий смех. И тут же все подняли стаканы за здоровье бывшего короля Араукании — Орелия Антония I.

Несколько минут спустя наши путешественники, завернувшись в свои пончо, уже спали крепким сном.

На следующее утро, в восемь часов, маленький отряд двинулся вдоль тридцать седьмой параллели на восток. Шел он в том же порядке: впереди — мадрила, в хвосте — пеоны. Дорога проходила по плодородным местам: кругом виднелось много виноградников, а также пастбищ с большими стадами скота. Но мало-помалу местность делалась все пустынее. Изредка встречались хижины растреадорес — индейских укротителей диких лошадей, известных по всей Америке, или какая-нибудь заброшенная почтовая станция, служившая теперь приютом бродяге-туземцу. Две реки преградили за этот день путь нашему отряду: Раке и Тубал, но в обоих случаях катапац нашел брод, и путешественникам удалось перебраться на противоположный берег. У горизонта тянулась горная цепь Кордильер, постепенно повышаясь и вырисовываясь все более частыми пиками по направлению к северу. Но это еще были только нижние позвонки огромного спинного хребта, поддерживающего могучее туловище Нового Света.

В четыре часа пополудни, после перехода в тридцать пять миль, наши путешественники, встретив среди равнины рощицу из гигантских миртов, сделали здесь привал. Мулов разнуздали и расседлали, и они принялись щипать густую луговую траву. Из ярких двойных мешков — альфорхас — была вынута обычная в пути еда: сухое мясо и рис. После ужина путешественники улеглись на землю и, закутавшись в бараньи пелионы, положив под голову вместо подушек седла — рекадо, погрузились в глубокий, восстанавливающий силы сон. Катапац и пеоны бодрствовали поочередно всю ночь.

Так как погода была очень благоприятной, то все участники экспедиции, не исключая и Роберта, хорошо себя чувствовали. Раз путешествие это начиналось при таких счастливых предзнаменованиях, надо было этим пользоваться и «понукасть удачу», как делают это игроки. Таково было общее мнение.

На следующий день двигались быстро, благополучно переправились через пороги Рио-Бэлль, и когда вечером расположились лагерем на берегу Рио-Биобио, протекавшей на границе между Чили испанским и

Чили независимым, Гленарван получил возможность записать в свой дорожный журнал, что экспедицией пройдено еще тридцать пять миль. Местность не менялась. Край был плодородный, кругом росли во множестве амариллис, фиалковое дерево, дурман и кактус с его золотистыми цветами. В чаще прятались какие-то звери: среди них оцелот — дикая кошка. Птиц было немного: иногда только мелькали цапля, одинокая сова или спасающиеся от когтей сокола дрозды и чомги. Туземцев почти не встречалось. Изредка только, словно тень, пронесется галопом гуассос — вырождающийся потомок индейцев и испанцев, всаживая в окровавленный бок своей лошади огромную шпору, привязанную к голой ноге. По дороге не попадалось никого, с кем бы можно было поговорить, разузнать что-нибудь по интересовавшему экспедицию вопросу. Но Гленарван уже примирился с этим. Он старался убедить себя, что индейцы, захватив в плен капитана Гранта, должны были увести его по ту сторону Кордильер — следовательно, поиски могли дать какие-либо результаты только в пампасах, а не по эту сторону гор. Значит, пока надо было запастись терпением и быстро двигаться вперед.

17-го тронулись в путь в обычное время и в установленном порядке. Соблюдать этот порядок Роберту было нелегко. Горячий мальчуган, к отчаянию своего мула, все порывался опередить мадрилу, и только строгий окрик Гленарвана вернул его на место.

Местность становилась менее ровной. Появившиеся холмы и бурно катившиеся многочисленные рио — речки — указывали на близость гор. Паганель часто заглядывал в карту, и если какая-нибудь из рио там не значилась, а это бывало нередко, кровь географа закипала, и он очаровательно сердился.

— Речка без имени подобна человеку, не зарегистрированному в книге актов гражданского состояния! — с возмущением говорил ученый. — Для географического закона она не существует.

На этом основании наш ученый, не стесняясь, давал названия этим безыменным речкам, причем давал им самые звучные испанские названия и тут же заносил их на свою карту.

— Что за язык! — повторял Паганель. — Какой он звучный и гармоничный! Он будто вылит из металла! Я уверен, что в нем семьдесят восемь частей меди и двадцать две части олова — как в той бронзе, из которой льют колокола.

— Но вы-то делаете успехи в испанском языке? — спросил его Гленарван.

— Конечно. Если бы только не это проклятое произношение! Беда с ним!

И Паганель, не унывая, громогласно боролся с трудностями испанского произношения, что, впрочем, не мешало ему делать и географические наблюдения. В этой-то области он был удивительно силен, и тут уж, конечно, превзойти его никто бы не мог. Когда Гленарвану случалось обратиться к катапацу с вопросом относительно какой-нибудь особенности данного края, географ всегда опережал проводника. Катапац с великим изумлением смотрел на ученого.

В этот самый день, около двух часов дня, путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у катапаца ее название, и так же естественно ему ответил Жак Паганель:

— Это дорога из Юмбея в Лос-Анжелос.

Гленарван посмотрел на катапаца.

— Совершенно верно, — подтвердил тот, а затем, обратясь к географу, спросил: — Вы, значит, проезжали в этих краях?

— Разумеется! — серьезным тоном ответил Паганель.

— На муле?

— Нет, в кресле.

Катапац, очевидно, не понял его, так как, пожав плечами, вернулся на свое обычное место во главе отряда.

В пять часов вечера сделали привал в неглубоком ущелье, в нескольких милях от города Лоха. Эту ночь путешественники провели у подножия сьерры — первых ступеней Кордильер.

Глава XII

На высоте двенадцати тысяч футов

Переход через Чили совершался до сих пор без каких-либо значительных происшествий. Но теперь сразу должны были возникнуть все те препятствия и опасности, с которыми сопряжено путешествие в горах. Начиналась борьба с природными трудностями.

Прежде чем пуститься в путь, требовалось принять важное решение, а именно: выяснить, каким проходом надо было переваливать через Кордильеры, чтобы не отклониться при этом от намеченного пути. Спросили мнение катапаца.

— В этой части Кордильер, — ответил тот, — я знаю лишь два перевала, удобных для езды.

— Вы, без сомнения, имеете в виду перевал Арика, открытый Вальдивиа Мендосой? — спросил Паганель.

— Да.

— А второй, не правда ли, перевал Виарика?

— Совершенно верно.

— Но, друг мой, оба эти перевала нам не подходят, потому что один из них лежит далеко к северу, а другой — далеко к югу от нашего пути.

— А вы можете предложить нам еще какой-нибудь проход? — обратился к географу майор.

— Могу, — ответил Паганель — я разумею проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом тремя минутами южной широты, то есть приблизительно в полуградусе от нашего пути. И идет он при этом всего на высоте семи тысяч футов.

— Прекрасно! — промолвил Гленарван. — Но вы-то, катапац, знаете этот перевал?

— Да, мне случалось проходить им, а не упомянул я о нем только потому, что это, собственно, горная тропа, по которой гонят свой скот пастухи-индейцы с восточных склонов.

— Ну что ж, друг мой, — сказал Гленарван, — там, где проходят стада кобылиц, баранов и быков, сумеем пройти и мы. А раз этот проход ведет нас по прямой линии, надо идти через него.

Немедленно был дан сигнал к отправлению, и отряд, идя меж больших известковых скал, углубился в долину Лас-Лехас. Подъем был едва заметен. Около одиннадцати часов утра пришлось обогнуть небольшое озеро. Этот естественный водоем служил как бы живописным местом свидания для всех соседних речек: журча, стекались они сюда и безмолвно сливались в прозрачных водах озера. Над этим озером поднимались в гору льяносы — обширные, поросшие злаковыми растениями пространства, где пасся скот индейцев. Вскоре отряд наткнулся на болото, тянувшееся к югу и к северу. Только благодаря инстинкту мулов всадники выбрались оттуда благополучно. В час пополудни показалась крепость Балленаре; она возвышалась на утесе, как бы увенчивая его остроконечную вершину своими полуразвалившимися стенами. Отряд проехал мимо. Дорога становилась круче и каменистее; камни шумным каскадом скатывались из-под ног мулов. Около трех часов пополудни появились живописные развалины другой крепости, разрушенной во время восстания 1770 года.

Начиная отсюда дорога стала не только трудной, но даже и опасной. Подъемы сделались более крутыми, пропасти — угрожающе глубокими, тропинки по их краю становились все уже и уже. Мулы шли

вперед осторожно, нагнув голову, обнюхивая дорогу. Ехали гуськом. Случалось, что на каком-нибудь крутом повороте мадрила вдруг исчезала из виду, и тогда маленький караван шел на отдаленное позвякивание ее колокольчика. Нередко извилистая тропа расщеплялась, давая возможность отряду двигаться по двум параллельным линиям, и через эту непроходимую пропасть шириной всего в какие-нибудь две сажени, но глубиной в двести, катапац переговаривался со своими пеонами. Здесь трава еще боролась с камнями, пробиваясь между ними, но уже чувствовалась победа минерального царства над растительным. Близость вулкана Антуко была заметна по видневшимся там и сям застывшим потокам лавы цвета железа, испещренным иглообразными желтыми кристаллами. Нагроможденные друг на друга утесы, казалось, должны были вот-вот обрушиться и удерживались на своем месте вопреки всем законам равновесия. Конечно, эта местность должна была легко изменять свой вид при землетрясениях. И при взгляде на все эти склонившиеся набок остроконечные вершины, покосившиеся купола, боком посаженные бугры делалось очевидным, что для этой горной местности час окончательного формирования еще не пробил.

При этих условиях дорогу не так-то легко было разыскать. Почти непрекращающиеся сотрясения костяка Кордильер часто меняют трассу дороги, и опознавательные приметы нередко исчезают. Поэтому катапац часто бывал в нерешительности. Он останавливался, оглядывался кругом, разглядывал форму скал, старался найти среди легко крошившихся камней следы ног индейцев. Но ориентироваться, видимо, стало невозможно.

Гленарван шаг за шагом следовал за проводником. Он понимал и чувствовал, как по мере увеличения трудностей пути росло замешательство катапаца. Он не решался задавать ему вопросы, считая к тому же, и, быть может, не без основания, что не только у мулов, но и у проводников их имеется инстинкт, на который и следует полагаться.

Так — можно сказать, наудачу — катапац проблуждал еще с час, все поднимаясь, однако, в гору. Наконец он принужден был остановиться. Отряд находился на дне одного из узких ущелий, называемых индейцами «кебрадас». Дорогу преградила отвесная скала из порфира. После тщетных поисков какого-нибудь прохода катапац слез с мула и, скрестив на груди руки, остановился в выжидательной позе. Гленарван подошел к нему.

— Вы заблудились? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил катапац.

— Однако мы ведь не в проходе Антуко?

— Мы в нем.

— Вы не ошибаетесь?

— Не ошибаюсь. Вот зола костра, который разводили здесь индейцы, а вон следы, оставленные стадами кобылиц и баранов.

— Так, значит, можно было пройти по этой дороге?

— Да, но теперь уже нельзя: последнее землетрясение сделало дорогу эту непроходимой.

— Для мулов, но не для людей, — отозвался майор.

— Ну, это уже ваша забота, — ответил катапац, — я сделал все, что мог. Если вам угодно, мы с моими мулами готовы вернуться назад и искать других проходов в Кордильерах.

— И на сколько это задержит нас?

— На три дня, не меньше.

Гленарван молча слушал этот разговор. Для него было очевидно, что катапац готов был выполнить все, что обязался сделать по договору, но мулы его не могли идти дальше.

Когда катапац предложил вернуться назад, Гленарван, обернувшись к своим спутникам, спросил их:

— Скажите, хотите ли вы, несмотря ни на что, двигаться дальше по этому проходу?

— Мы хотим следовать за вами, — ответил Том Остин.

— И даже опередить вас, — добавил Паганель. — О чем, собственно говоря, идет речь? О том, чтобы перевалить через горную цепь, противоположный склон которой несравненно более отлог, чем тот, где мы сейчас находимся. Спустившись же по тому склону, мы раздобудем себе и аргентинских проводников — бакеанос — и быстроногих коней, привыкших скакать по равнинам. Вперед же, и без колебаний!

— Вперед! — подхватили спутники Гленарвана.

— А вы с нами не отправитесь? — спросил катапаца Гленарван.

— Я погонщик мулов, — ответил тот.

— Как хотите.

— И без него обойдемся, — заметил Паганель. — Ведь по ту сторону этой преграды мы снова очутимся на тропинках прохода Антуко, и я ручаюсь, что не хуже лучшего местного проводника выведу вас самым прямым путем к подножию Кордильер.

Гленарван уплатил катапацу то, что ему причиталось, и отпустил его вместе с его пеонами и мулами. Оружие, инструменты и кое-какие съестные припасы были распределены между семью путешественниками. С общего согласия, было решено немедленно же пуститься в дальнейший путь и, если понадобится, продолжать восхождение и в течение части ночи. По левому склону гор вилась очень крутая тропинка, по которой мулы не могли бы пройти. Подниматься по такой тропинке было чрезвычайно трудно, но все же после двух часов напряженной ходьбы Гленарван и его спутники снова выбрались в проход Антуко.

Теперь они находились уже недалеко от хребта Кордильер. Но кругом уже не видно было никакой протоптанной тропы. Недавно бывшее землетрясение изменило всю эту местность, и теперь приходилось подниматься без дороги к вершинам горной цепи. Это неожиданное исчезновение тропы порядком озадачило Паганеля. Он подумал, что теперь подъем на вершину Кордильер, средняя высота которых колеблется от одиннадцати до двенадцати тысяч шестисот футов, будет сопряжен с большими трудностями. К счастью, время года было благоприятное: воздух спокоен, на небе ни облачка. Во время зимы — с мая по октябрь [\[32\]](#) — такое восхождение было бы невозможно. Обвалы снежных масс убивают путешественников, а тех, кого они пощадят, часто приканчивают жестокие темпоралес — местные ураганы, которые ежегодно сбрасывают новые жертвы в пропасти Кордильер.

Подъем продолжался всю ночь. Пешеходы то взбирались на почти неприступные площадки, цепляясь руками за их выступы, то перепрыгивали через широкие и глубокие расщелины. Плечи товарищей при этом служили лестницей, а поданные друг другу руки — веревками. Отважные путешественники походили на труппу каких-то ловкачей-акробатов. Здесь нашли широкое применение сила Мюльреди и ловкость Вильсона. Без этих славных, самоотверженных, всюду поспевавших шотландцев маленькому отряду пришлось бы неоднократно останавливаться. Гленарван не спускал глаз с Роберта, так как мальчуган по своей горячности был очень неосторожен. Паганель устремлялся вперед с чисто французским пылом. Что же касается майора, то он неприметно поднимался по склону, делая движений не больше и не меньше, чем требовалось. Замечал ли он вообще, что уже в течение нескольких часов поднимается в гору? Это вопрос. Быть может, ему даже казалось, что он спускается.

В пять часов утра барометр показал, что путешественники уже достигли высоты в семь тысяч пятьсот футов. Они находились на так называемых вторичных плоскогорьях, где кончалась древесная растительность. Тут прыгали животные, которые могли бы порадовать и обогатить охотника, но они сами прекрасно знали это, ибо, еще издали завидев людей, уносились со всех ног. То была лама — драгоценное горное животное, заменяющее и барана, и быка, и лошадь, способное жить там, где не смог бы существовать даже мул. Тут была шиншилла — маленький кроткий, боязливый грызун, нечто среднее между зайцем и тушканчиком, ценный своим мехом. Задние лапки делали его похожим на кенгуру. Очень забавно было смотреть, как этот проворный зверек, подобно белке, носился по верхушкам деревьев.

— Это еще не птица, но уже не четвероногое, — заметил Паганель.

Однако лама и шиншилла не были последними животными, встреченными во время подъема маленьким отрядом. На высоте девяти тысяч футов, у границы вечных снегов, бродили целыми стадами жвачные животные необыкновенной красоты: пакосы с длинной шелковистой шерстью, затем вигонь — безрогая коза, изящная и благородная, с тончайшей шерстью. Но приблизиться к этим красавицам гор было невысказано, да и рассмотреть их было трудно: они уносились во всю прыть, бесшумно скользя по ослепительно белым коврам снега.

Все вокруг преобразилось: поднимающиеся со всех сторон огромные глыбы блестящего, местами синеватого льда отражали первые лучи восходящего солнца. Подъем стал очень опасным. Нельзя было больше отважиться ни на один шаг вперед, не прощупав предварительно самым тщательным образом, нет ли под снегом расщелины. Вильсон шел во главе отряда, пробуя ногой крепость льда. Его спутники поднимались в гору за ним, стараясь ступать точно по его следам и избегая повышать голос, ибо малейший шум, сотрясая воздух, мог вызвать обвал снежных масс, нависших футах в семистах или восьмистах над их головами.

Так достигли наши путники пояса кустарников. Когда они поднялись еще на тысячу семьсот пятьдесят футов выше, кустарники сменились злаками и кактусами. На высоте же одиннадцати тысяч футов исчезли и они. На бесплодной почве уже не видно было никакой растительности. За все время подъема путешественники сделали лишь один привал, в восемь часов утра. Быстро, кое-как закусив, они со сверхчеловеческой отвагой возобновили подъем, пренебрегая все возрастающими опасностями. Им приходилось перелезть через остроконечные гребни, пробираться над пропастями, куда даже заглянуть было страшно. Во многих местах попадались деревянные кресты, говорившие о бывших здесь катастрофах. Около двух часов пополудни между оголенными остроконечными вершинами развернулось огромное, без всяких следов растительности плоскогорье, напоминавшее собою пустыню. Воздух здесь был сухой, а небо ярко-голубого цвета. На этой высоте дожди неизвестны: влага здесь превращается в снег или град. Там и сям, словно кости скелета, торчали из-под белого покрова остроконечные порфиновые и базальтовые вершины. Иногда обваливались куски разрушавшегося под влиянием выветривания кварца или гнейса; разреженный воздух почти заглушал тупой звук их падения.

Несмотря на все мужество путешественников, силы начали изменять им. Гленарван, видя, до чего изнурены его спутники, стал уже раскаиваться в том, что завел их так далеко в горы. Юный Роберт старался не поддаваться усталости, но сил у него не могло хватить надолго.

В три часа Гленарван остановился.

— Надо отдохнуть, — сказал он, сознавая, что никто, кроме него, не сделает подобного предложения.

— Отдохнуть, но где? — отозвался Паганель. — Ведь здесь нет никакого приюта.

— Тем не менее это совершенно необходимо сделать, хотя бы для Роберта.

— Да нет, сэр, я еще могу идти... — возразил отважный мальчуган. — Не останавливайтесь...

— Тебя понесут, мой мальчик, — перебил его Паганель, — но нам во что бы то ни стало необходимо добраться до восточного склона. Там, быть может, мы найдем какой-нибудь шалаш, который даст нам приют. Вот почему, по-моему, нам нужно идти еще часа два.

— Согласны ли вы все на это? — спросил Гленарван.

— Да, — ответили его спутники.

— А я берусь нести мальчика, — прибавил Мюльреди.

И отряд снова двинулся на восток. Еще целых два часа длился этот ужасающий подъем. Надо было добраться до самой вершины. Разреженность воздуха вызывала у путешественников болезненное удушье, кровоточивость десен и губ. Чтобы ускорить кровообращение, замедленное разреженностью воздуха, приходилось как можно чаще дышать, а это утомляло не меньше, чем отражение солнечных лучей на снегу. Как ни велика была сила воли у этих мужественных людей, но настала минута, когда самые отважные из них пришли в полное изнеможение, и головокружение, этот ужасный бич гор, лишило их не только сил физических, но и духовных. Нельзя безнаказанно пренебрегать подобным переутомлением: то один, то другой падал и, поднявшись, уже не был в состоянии идти, а тащился на коленях, ползком. Было ясно, что эти обессиленные люди скоро совсем не смогут продолжать слишком затянувшийся подъем.

Гленарван не без ужаса глядел на необозримые, заледеневшие на всей этой роковой области снега, на вечерний сумрак, уже заволакивавший пустынные вершины, глядел и с болью в сердце думал о том, что кругом нет никакого крова, как вдруг майор, остановив его, сказал спокойным голосом:

— Хижина.

Глава XIII

Спуск с Кордильер

Всякий другой на месте Мак-Наббса раз сто прошел бы мимо этой хижины, кругом нее и даже над нею, не заподозрив о ее существовании. Занесенная снегом, она почти не выделялась среди окрестных скал. Пришлось отрывать ее из-под снега. Полчаса упорного труда Вильсона и Мюльреди ушло на то, чтобы освободить вход в казучу, после чего маленький отряд поспешил там укрыться.

Казуча эта была построена индейцами, сложившими ее из адобес — кирпичей, обожженных на солнце. Она имела форму куба с гранями в двенадцать футов и стояла на вершине базальтовой скалы. Каменная лестница вела ко входу — единственному отверстию в хижине, и как ни был узок этот вход, но когда в горах бушевали темпоралес, ветру, снегу и граду удавалось проникать через него внутрь.

В хижине свободно могли поместиться десять человек, и стены ее, недостаточно предохранявшие от влаги в период дождей, в это время года могли до известной степени защищать обитателей от резкого холода — термометр показывал десять градусов ниже нуля. К тому же очаг с трубой из кое-как сложенных кирпичей давал возможность развести огонь и успешно бороться с внешней температурой.

— Вот и приют, хотя и не особенно удобный, но, во всяком случае, сносный, — промолвил Гленарван.

— Как, — воскликнул Паганель, — да это просто дворец! Не хватает лишь караула и придворных. Здесь нам будет чудесно!

— Особенно когда в очаге запылает яркий огонь, — прибавил Том Остин. — Мы ведь все не только проголодались, но и промерзли, и меня лично хорошая вязанка дров порадовала бы больше, чем кусок дичи.

— Что ж, Том, постараемся раздобыть топлива, — отозвался Паганель.

— Топливо — на вершинах Кордильер! — сказал Мюльреди, недоверчиво качая головой.

— Раз в казуче устроили очаг — значит, поблизости есть и топливо, — заметил майор.

— Наш друг Мак-Наббс совершенно прав, — промолвил Гленарван. — Готовьте все к ужину, а я возьму на себя обязанности дровосека.

— Мы с Вильсоном пойдем вместе с вами, — объявил Паганель.

— Если я могу быть вам полезен... — сказал, вставая с места, Роберт.

— Нет, мой храбрый мальчик, отдыхай, — ответил Гленарван. — Ты станешь мужчиной, когда твои сверстники будут еще детьми.

Гленарван, Паганель и Вильсон вышли из казучи. Было шесть часов вечера. Несмотря на неподвижность воздуха, мороз давал себя сильно чувствовать. Голубое небо начинало темнеть, и последние лучи заходящего солнца озаряли остроконечные вершины гор. Паганель захватил с собой барометр. Взглянув на него, он убедился, что давление ртути показывает высоту в одиннадцать тысяч семьсот футов, — следовательно, эта часть Кордильер была ниже Монблана только на девятьсот десять метров. Если бы в здешних горах встречались такие же трудности, какие встречаются на каждом шагу на гигантской швейцарской горе, и если бы наши путешественники попали в бури и метели, то ни один из них, конечно, не перевалил бы через мощную горную цепь Нового Света.

Гленарван и Паганель, взобравшись на порфиновый утес, обвели глазами горизонт. Они находились

на самой верхушке главного хребта Кордильер и охватывали взором пространство в сорок квадратных миль. Восточный склон был отлогий. По его откосам можно было легко спускаться, а пеоны умудрялись даже скользить по ним на протяжении сотен саженей. Вдали виднелись громадные продольные полосы морен, образовавшихся из камней и обломков скал, оттесненных туда ледниками. Долина Колорадо уже погружалась в тень: солнце склонялось к западу. Освещенные его лучами выступы почвы, скалы, шпили, пики один за другим угасали, и весь восточный склон мало-помалу темнел. Западный же, отвесный склон со всеми его отрогами был еще освещен. Вид этих скал и ледников, залитых лучами заходящего солнца, был ослепительно красив. К северу спускался волнообразно ряд вершин. Незаметно сливаясь друг с другом, они образовали смутно теряющуюся вдали неровную линию, словно проведенную неумелой рукой. Зато на юге зрелище было великолепное, и по мере приближения ночи оно становилось величественно-грандиозным. Внизу виднелась дикая долина, а над нею, в двух милях от наших путешественников, зиял кратер Антуко. Вулкан этот, выбрасывая потоки пламени, пепла и дыма, ревел, как огромное чудовище. Окружавшие его горы, казалось, были объаты пламенем. Град раскаленных добела камней, клубы красноватого дыма, взлетающие струи лавы — все это сливалось в сверкающие снопы. И в то время как тускнеющее солнце, словно потухшее светило, исчезало во мраке горизонта, ослепительный, с каждой минутой усиливающийся свет вулкана заливал своим заревом весь необъятный кругозор.

В импровизированных дровосеках — Паганеле и Гленарване — заговорило чувство художника, и они, пожалуй, долго бы еще восхищались этой величественной борьбой земных и небесных огней, но Вильсон, более трезво настроенный, вернул их к действительности. Дров, правда, нигде кругом не оказалось, но, к счастью, скалы здесь были покрыты тощим, сухим лишайником. Путешественники запаслись в большом количестве этим лишайником, а также растением льяретта, корни которого тоже горят довольно сносно. Как только это драгоценное топливо было принесено в казучу, им немедленно набили очаг. Но разжечь огонь, а особенно поддерживать его оказалось делом далеко не легким. В разреженном воздухе имелось слишком мало кислорода для горения — по крайней мере, такое объяснение дал майор.

— Зато, — прибавил он, — воде здесь, чтобы закипеть, не понадобится доходить до ста градусов; и тому, кто любит кофе, сваренный на воде в сто градусов, придется обойтись без этого, так как его кофе закипит при температуре даже ниже девяноста градусов^[33].

Мак-Наббс оказался прав: термометр, опущенный в воду в тот момент, когда она закипела, показал только восемьдесят семь градусов. Все с наслаждением выпили по несколько глотков горячего кофе. Что же касается сушеного мяса, то оно доставило присутствующим мало удовольствия и вызвало со стороны Паганеля замечание, столь же здравое, сколь и бесполезное.

— Да, — сказал он, — надо признаться, что кусок жареной ламы был бы здесь далеко не лишним. Говорят, что это животное способно заменить и быка и барана. Мне хотелось бы знать, распространяется ли это и на его мясо.

— Как! Вы недовольны нашим ужином, ученый Паганель? — обратился к нему Мак-Наббс.

— Я в восторге от него, почтенный майор, но не могу не признаться, что блюдо дичи было бы очень кстати.

— Вы сибарит, — сказал Мак-Наббс.

— Согласен с этим эпитетом, майор, но что бы вы говорили, разве отказались бы вы от доброго бифштекса?

— Пожалуй, что и нет, — согласился майор.

— А если бы вас попросили пойти на охоту, несмотря ни на холод, ни на тьму, вы отправились бы не задумываясь?

— Конечно. И если только вам угодно...

Не успели еще компаньоны Мак-Наббса поблагодарить его и заявить, что они вовсе не хотят злоупотреблять его бесконечной любезностью, как вдали послышался вой. Он не прекращался. Казалось, то был вой не отдельных животных, а целого быстро приближающегося стада. У географа мелькнула мысль: не желает ли провидение, дав им приют, снабдить их еще и ужином? Но Гленарван несколько разочаровал его, напомнив, что четвероногие животные Кордильер никогда не встречаются на таких высотах.

— Откуда же тогда этот шум? — спросил Том Остин. — Слышите, как он приближается?

— Уж не лавина ли? — сказал Мюльреди.

— Невозможно! — возразил Паганель. — Это настоящий звериный вой.

— Сейчас увидим, — сказал Гленарван.

— И увидим с оружием в руках, — добавил майор, беря свой карабин.

Все выскочили из казучи. Уже наступила ночь, темная и звездная. Наполовину обглоданный диск убывающей луны еще не показывался на небе. Северные и восточные вершины тонули во мраке; еле можно было различить фантастические силуэты нескольких ближайших утесов. Вой — вой перепуганных зверей — приближался. Он несся со стороны гор, погруженных во мрак. Что там происходило? Вдруг на плоскогорье обрушилась бешеная лавина — лавина живых существ, обезумевших от страха. Все плоскогорье, казалось, заколебалось. Неслись сотни, быть может тысячи, животных, производивших, несмотря на разреженность воздуха, оглушительный шум. Были ли это дикие звери пампасов или только стадо лам и вигоней? Гленарван, Мак-Наббс, Роберт, Остин и оба матроса едва успели броситься на землю, как этот живой вихрь промчался в нескольких футах над ними. Паганель, видевший ночью лучше, чем днем, и оставшийся на ногах, чтобы все разглядеть, был мгновенно сбит с ног.

В этот момент раздался выстрел. Это майор выпалил наугад. Ему показалось, что какое-то животное упало в нескольких шагах от него, а вся стая в неудержимом порыве уже неслась еще с большим воем по склону, освещенным отблеском вулкана.

— А! Вот они! — раздался голос — голос Паганеля.

— Кто это «они»? — спросил Гленарван.

— Да мои очки. Как не потерять их при такой сумятице!

— А вы не ранены?

— Нет! Помят немножко. Уж не знаю только кем.

— Вот кем, — отозвался майор, таща за собой застреленное им животное.

Все поспешили вернуться в казучу и при свете очага стали рассматривать добычу Мак-Наббса.

Это было красивое животное, похожее на небольшого верблюда, только без горба. У него была изящная головка, стройное тело, длинные, тонкие ноги, шелковистая светло-кофейного цвета шерсть с белыми пятнами на брюхе.

Как только Паганель увидел его, он воскликнул:

— Это гуанако!

— Что такое гуанако? — спросил Гленарван.

— Животное, годное в пищу, — ответил Паганель.

— И вкусное?

— Очень вкусное. Пища, достойная богов Олимпа! Я же знал, что у нас будет на ужин свежее мясо! Да еще какое мясо!..Но кто же освежает тушу?

— Я, — сказал Вильсон.

— Прекрасно! А я берусь зажарить мясо, — добавил Паганель.

— Вы, стало быть, и повар, господин Паганель? — спросил Роберт.

— Конечно, мой мальчик, раз я француз — ведь в каждом французе сидит повар.

Через пять минут Паганель уже раскладывал на раскаленных углях очага большие куски дичи. Десятью минутами позже он подал своим товарищам преаппетитно зажаренное «филе из гуанако». Никто не стал чиниться, и все накинулись на эту «пищу богов».

Но при первом же глотке, к великому изумлению географа, на лицах всех присутствующих появилась гримаса, сопровождаемая единодушным: «Фу!».

— Отвратительно! — сказал один.

— Совершенно несъедобно! — добавил другой.

Бедный ученый, попробовав сам своей стряпни, принужден был сознаться, что это жареное мясо было действительно несъедобно даже для голодных людей. Его товарищи стали подшучивать над ним, к чему, впрочем, он отнесся очень добродушно, и подняли на смех «пищу богов». Паганель ломал себе голову над вопросом, каким образом вкусное, всеми ценное мясо гуанако могло сделаться таким несъедобным в его руках. Вдруг его осенила мысль...

— Понял! — воскликнул он. — Понял, черт побери! Я знаю теперь, в чем тут дело.

— Быть может, это мясо слишком долго лежало? — спокойно спросил Мак-Наббс.

— Нет, язвительный майор, это мясо не слишком долго лежало, а оно слишком долго бежало. Как мог я упустить это из виду!

— Что вы хотите сказать, господин Паганель? — спросил Том Остин.

— Я хочу сказать, что мясо гуанако хорошо только тогда, когда животное убито во время отдыха. Если же за ним долго охотились и оно много пробежало, мясо его становится несъедобным. И вот по отвратительному вкусу нашего жаркого я могу заключить, что это животное, да и вообще все стадо, примчалось издалека.

— Вы в этом уверены? — спросил Гленарван.

— Совершенно уверен.

— Но какое же происшествие, какое явление природы могло так напугать этих животных и выгнать их из логова, где им надлежало бы теперь спокойно спать?

— На это, дорогой Гленарван, я не в состоянии вам ответить. Поверьте мне, не стоит искать дальнейших объяснений, а давайте лучше спать. Что касается меня, то я просто умираю от желания уснуть. Ну как, будем спать, майор?

— Будем спать, Паганель!

Подбросили топлива в очаг, и каждый завернулся в свое пончо. Вскоре раздался богатырский разнозвучный храп, причем громче всего выделялся среди этого гармоничного оркестра бас ученого-географа.

Один Гленарван не сомкнул глаз. Его томило какое-то смутное беспокойство. Мысли его невольно возвращались к этому стаду гуанако, в необъяснимом ужасе мчавшемуся в одном, общем направлении. Их не могли преследовать хищные звери — на такой высоте хищных зверей почти нет, а охотников и того меньше. Что же пробудило в гуанако этот ужас, погнавший их к пропастям Антуко? Гленарван предчувствовал надвигающуюся опасность.

Однако под влиянием полудремоты мысли его приняли другое направление, и тревога сменилась надеждой. Завтра он со своими спутниками очутится у подошвы Кордильер. Там начнутся настоящие поиски капитана Гранта, и, быть может, они вскоре увенчаются успехом. Он мечтал о том, как будут освобождены от тяжкого плена капитан Грант и два его матроса. Картины одна за другой проносились в его воображении. Порой его отвлекало от них потрескивание искорки, взлетавшей над очагом, или яркая вспышка пламени, освещавшая лица его спавших товарищей и бросающая беглые тени на стены казучи. Но потом его с еще большей силой стали томить предчувствия. Он полубессознательно прислушивался к доносившимся извне звукам, объяснить происхождение которых среди этих пустынных вершин было трудно.

Ему почудились отдаленные глухие, угрожающие раскаты, похожие на раскаты грома, но неслись они не с неба. Видимо, это была гроза, бушевавшая где-то по склонам гор, на несколько тысяч футов ниже. Гленарвану захотелось убедиться в этом, и он вышел из казучи.

Всходила луна. Воздух был прозрачен и неподвижен. Ни одного облачка ни вверху, ни внизу. Кое-где мелькали отблески огнедышащего вулкана Антуко. Ни грозы, ни молний. Тысячи звезд сверкали на небе. А между тем раскаты не умолкали. Казалось, они приближались, катясь по Кордильерам. Гленарван вернулся в казучу, охваченный еще большим беспокойством. Он ломал себе голову над тем, что могло быть общего между этими подземными раскатами и бегством гуанако. Уж не являлось ли одно следствием другого? Он взглянул на часы. Было два часа ночи. Не имея уверенности в том, что действительно надвигается какая — то опасность, он не разбудил своих утомленных товарищей, спавших мертвым сном, и сам впал в тяжелую дремоту, продлившуюся несколько часов.

Вдруг ужасающий грохот разом поднял его на ноги. Это был оглушительный шум, похожий на грохот бесконечного множества повозок, везущих по гулкой мостовой ящики с артиллерийскими снарядами. Гленарван почувствовал, что почва уходит из-под его ног; казуча заколебалась, и в стенах ее появились расщелины.

— Тревога! — крикнул он.

Спутники его мгновенно проснулись. Все они, сбившись в беспорядочную кучу, уже катились вниз по крутому склону горы. В лучах рассвета их глазам открылась страшная картина. Вид гор внезапно изменился: они стали ниже; их остроконечные вершины, качаясь, исчезали, словно проваливались в какие-то люки. Происходило явление, свойственное Кордильерам^[34]: горный кряж в несколько миль шириной целиком перемещался, катясь к равнине.

— Землетрясение! — крикнул Паганель.

Географ не ошибся. Это было одно из стихийных бедствий, обычных на гористой границе Чили: в течение четырнадцати лет Копиапо был дважды уничтожен, а Сент-Яго разрушен четыре раза. Эта часть земного шара особенно подвержена действию подземного огня, а вулканы этой горной цепи, сравнительно недавнего происхождения, представляют собой недостаточные клапаны для беспрепятственного выхода подземных паров и газов. Отсюда эти непрекращающиеся сотрясения, на местном наречии — трамблорес.

Горное плато с семью ошеломленными, охваченными ужасом людьми, вцепившимися в росшие

кругом лишайники, катилось вниз с быстротой курьерского поезда, то есть пятидесяти миль в час. Нельзя было не только пытаться убежать или задержаться, но даже крикнуть. Подземный гул, грохот сталкивающихся гранитных и базальтовых скал, облака снежной пыли делали какое-либо общение невозможным: расслышать друг друга было немыслимо. Кряж то спускался без толчков и тряски, то, словно судно в бурном море, подвергался килевой и боковой качке. Он пронесся мимо пропастей, бросая в них глыбы горных пород, выкорчевывал вековые деревья и, подобно гигантской косе, срезал все выступы восточного склона.

Трудно даже представить себе всю мощь этой огромной массы, в миллиарды тонн весом, мчащейся со все возрастающей скоростью под уклон в пятьдесят градусов!

Никто из наших путников не мог определить, сколько времени длилось это неопишное падение. Никто из них не осмелился бы подумать о том, в какую пропасть предстояло этой громаде свергнуться. Никто не мог бы сказать, все ли они еще живы или кто-нибудь уже лежит распростертый на дне какой-нибудь пропасти. Задыхаясь от быстроты, с которой они неслись, окоченевшие от ледяного ветра, ослепленные снежным вихрем, они едва переводили дыхание, обессиленные, почти безжизненные, и только могучий инстинкт самосохранения заставлял их цепляться за скалы.

Вдруг толчок невероятной силы оторвал их от скользящего острова, и они покатались по последним уступам гор. Плато, на котором они неслись, резко остановилось.

В течение нескольких минут никто не пошевелился. Наконец один поднялся. Оглушенный толчком, он все-таки твердо держался на ногах. То был майор. Отряхнув ослепляющую его пыль, он оглянулся. Вокруг него один, на другом неподвижно лежали его спутники. Майор пересчитал их.

Все, за исключением одного, были распростерты на земле— не хватало Роберта Гранта.

Глава XIV

Спасительный выстрел

Восточный склон Кордильер, спускаясь длинными, пологими скатами, незаметно переходит в равнину. На этой равнине внезапно и остановился обломок массива. В этом новом краю расстились тучные пастбища; увешанные золотистыми плодами, стояли леса яблонь, посаженных еще во времена завоевания материка. Казалось, будто на эти равнины заброшен уголок плодородной Нормандии. Конечно, при всяких иных обстоятельствах наши путешественники были бы поражены таким внезапным переходом от пустыни к оазису, от снеговых вершин — к зеленым лугам, от зимы — к лету.

Почва снова стала совершенно неподвижной. Землетрясение прекратилось. Видимо, подземные силы проявляли свою разрушительную деятельность уже где-то дальше, ибо цепь Кордильер всегда в каком-нибудь месте сотрясается. На этот раз землетрясение было особенно сильное. Очертания гор резко изменились. На фоне голубого неба вырисовывалась новая панорама вершин, гребней, пиков, и проводник по пампасам напрасно стал бы искать на них привычных ориентировочных пунктов. Было восемь часов утра.

Гленарван и его компаньоны благодаря стараниям майора мало-помалу вернулись к жизни. Они были сильно оглушены, но и только. Итак, с Кордильер они спустились и могли бы даже приветствовать такое передвижение, все заботы о котором взяла на себя природа, если бы не исчез один из них, самый слабый, еще ребенок: Роберт Грант.

Этот мужественный мальчик покорила сердца своих спутников. Паганель, особенно к нему привязавшийся, майор, несмотря на свой холодный вид, — все его полюбили, но больше всех Гленарван. Когда он узнал об исчезновении Роберта, то пришел в отчаяние. Ему представлялось, что несчастный мальчик лежит на дне какой-нибудь пропасти и тщетно зовет на помощь его, своего второго отца.

— Друзья мои, друзья мои, — говорил Гленарван, с трудом удерживая слезы, — надо его искать, надо его найти! Не можем же мы его так бросить! Ни одна долина, ни одна пропасть не должны остаться не обследованными до конца. Обвяжите меня вокруг пояса веревкой и спустите в эти пропасти. Я хочу этого! Слышите: хочу! Только бы Роберт был жив! Как без него осмелимся мы найти его отца? И что это будет за спасение капитана Гранта, если оно стоило жизни его ребенку!

Спутники Гленарвана молча слушали его. Чувствуя, что он жаждет прочесть в их взгляде хотя бы тень надежды, они опускали глаза.

— Ну что ж, — продолжал Гленарван, — вы слышали меня. Вы молчите! Так вы не надеетесь? Ни на что не надеетесь?.

Несколько минут длилось молчание. Наконец заговорил Мак-Наббс:

— Кто из вас, друзья мои, помнит, в какой именно момент исчез Роберт?

Ответа на этот вопрос не последовало.

— Скажите, по крайней мере, подле кого был мальчик во время спуска? — продолжал майор.

— Подле меня, — отозвался Вильсон.

— До какого же момента ты видел его подле себя? Постарайся припомнить... Говори!

— Вот все, что я помню, — ответил Вильсон — минуты за две до толчка, которым кончился наш спуск,

Роберт, уцепившись за пучок лишайника, еще был подле меня.

— Минуты за две? Подумай хорошенько, Вильсон. Минуты могли показаться тебе очень длинными. Не ошибаешься ли ты?

— Думаю, что не ошибаюсь. Да, именно так: минуты за две, а быть может, и того меньше.

— Пусть так. Где же находился Роберт: справа или слева от тебя? — спросил Мак-Наббс.

— Слева. Я еще помню, как его пончо хлестало меня по лицу.

— Сам же ты от нас где был?

— Тоже слева.

— Итак, значит, Роберт мог исчезнуть только с этой стороны, — проговорил майор, поворачиваясь к горам и указывая вправо. — Прибавлю еще, что, принимая во внимание время исчезновения мальчика, можно с достоверностью сказать, что он упал на ту часть горы, которая ограничена снизу равниной, а сверху — стеной в две тысячи футов. Здесь, в этом районе, поделив его между собой, мы должны его искать, и здесь мы его найдем.

Никто не добавил к этому ни слова. Путники взобрались на склоны гор и начали на разной высоте поиски. Держась вправо от линии спуска, они обыскивали малейшие трещины, спускались, рискуя жизнью, до дна пропастей, местами заваленных обломками массива, и выбирались оттуда с окровавленными руками и ногами, в изодранной одежде. В течение долгих часов вся эта часть Кордильер, за исключением нескольких совершенно недоступных плоскогорий, была обследована самым тщательным образом, причем ни одному из этих самоотверженных людей и в голову не пришло подумать об отдыхе. Но, увы, все поиски оказались тщетными. Видимо, бедный мальчик нашел в горах не только смерть, но и могилу, навеки сокрытую надгробной плитой какой-нибудь огромной скалы.

Около часа дня Гленарван и его спутники, разбитые усталостью, удрученные, сошлись на дне долины. Гленарван глубоко страдал. Он почти не говорил, и с губ его слетали все одни и те же слова, прерываемые вздохами:

— Не уйду отсюда! Не уйду!..

Всем понятно было это упорство, ставшее навязчивой идеей, и каждый отнесся к нему с уважением.

— Подождем, — сказал Паганель майору и Тому Остину, — отдохнем немного и восстановим свои силы. Это нужно нам независимо от того, возобновим ли мы поиски или будем продолжать путь.

— Да, — ответил Мак-Наббс, — останемся здесь, раз этого хочет Эдуард. Он надеется... но на что?

— Бедный Роберт! — промолвил Паганель, вытирая слезы.

В долине кругом росло множество деревьев. Майор выбрал место под группой высоких рожковых деревьев и распорядился разбить здесь временный лагерь. Несколько одеял, оружие, немного сушеного мяса и риса — вот все, что уцелело у наших путешественников. Речка, протекавшая поблизости, снабдила их водой, еще мутной после обвала. Мюльреди развел на траве костер и вскоре предложил Гленарвану подкрепить свои силы горячим напитком. Но тот отказался и продолжал лежать в оцепенении на своем раскинутом пончо.

Так прошел день. Настала ночь, такая же тихая и безмятежная, как и начало предыдущей. Все улеглись, но глаз сомкнуть так и не могли, а Гленарван снова отправился на поиски по склонам Кордильер. Он прислушивался, надеясь расслышать призыв мальчика. Он поднялся высоко, далеко в горы, и то слушал, приложив ухо к земле и стараясь обуздать биение своего сердца, то с отчаянием звал Роберта.

В течение всей ночи бедный Гленарван блуждал в горах. То Паганель, то майор шли за ним следом, готовые поддержать его на тех скользких гребнях, у края тех пропастей, к которым увлекала его бесполезная отвага. Но и эти последние усилия оказались бесплодными. Напрасно выкрикивал он без конца: «Роберт! Роберт!» — ответом ему было лишь эхо.

Настало утро. Другьям Гленарвана пришлось идти за ним на отдаленное плоскогорье и силой увести его в лагерь. Он был в невыразимом отчаянии. Кто бы посмел заговорить с ним о продолжении пути, кто бы посмел предложить ему покинуть эту роковую долину? Между тем не хватало съестных припасов. Где-то поблизости можно было встретить тех аргентинских проводников, о которых говорил им катапац, и найти лошадей, необходимых для перехода через пампасы. Вернуться назад было гораздо труднее, чем двигаться вперед. Кроме того, ведь было условлено встретиться с «Дунканом» на побережье Атлантического океана. Эти веские соображения не допускали дальнейшего промедления: интересы всего отряда требовали неотложного продолжения пути.

Мак-Наббс попытался отвлечь Гленарвана от его горестных мыслей. Долго уговаривал он своего друга, но тот, казалось, ничего не слышал и только качал отрицательно головой. Наконец он пробормотал:

— Выступать?

— Да, выступать.

— Подождем еще час.

— Хорошо, подождем, — согласился майор.

Час прошел, и Гленарван стал умолять, чтобы дали ему еще час. Казалось, что это приговоренный к смерти молит о продлении своей жизни. Так тянулось часов до двенадцати. Тут Мак-Наббс, посоветовавшись со всеми своими спутниками, решительно заявил, что надо отправляться, ибо от этого зависит жизнь всех участников экспедиции.

— Да, да, — отозвался Гленарван, — надо, надо отправляться.

Но проговорил он это, уже не глядя на Мак-Наббса. Взор его был привлечен какой-то черной точкой высоко в небе. Вдруг его рука поднялась и замерла.

— Вон там, там! — крикнул Гленарван. — Смотрите! Смотрите!

Все присутствующие устремили глаза на ту часть неба, куда он так настойчиво указывал. Черная точка уже успела заметно увеличиться — то была птица, парившая на неизмеримой высоте.

— Это кондор, — сказал Паганель.

— Да, кондор, — отозвался Гленарван. — Как знать! Он несется сюда, снижается... Подождем...

На что надеялся Гленарван? Уж не начал ли помрачаться его рассудок? Что значили слова: «Как знать»?

Паганель не ошибся: то был действительно кондор, делавшийся все более и более ясно видимым. Этот великолепный хищник, перед которым некогда так благоговели инки, был царем южных Кордильер. В этом краю он достигает необычайно крупных размеров. Сила его изумительна: ему нередко случается сталкивать в пропасть быков. Он набрасывается на бродящих по равнинам овец, козлят, телят и, вцепившись в свою жертву когтями, поднимается с ней на большую высоту^[35]. Нередко кондор парит на высоте двадцати тысяч футов. Отсюда этот недоступный ничьим взорам царь воздушных пространств устремляет свои глаза на землю и различает там мельчайшие предметы с зоркостью, изумляющей естествоиспытателей.

Что же мог увидеть кондор? Быть может, труп Роберта?

— Как знать!.. — повторял Гленарван, не спуская глаз с громадной птицы.

А она приближалась, то паря в воздухе, то падая вниз, словно неодоушевленное тело, брошенное в пространство. Но вот меньше чем в семистах футах от земли хищник начал описывать большие круги. Теперь кондора можно было ясно рассмотреть: ширина его могучих распростертых крыльев превышала пятнадцать футов, и они держали его в воздухе, почти не двигаясь, ибо большим птицам свойственно летать с величественным спокойствием, в то время как насекомым, чтобы удержаться в воздухе, нужна тысяча взмахов крыльев в секунду.

Майор и Вильсон схватили свои карабины. Гленарван жестом остановил их. Кондор описывал круги над одним из недоступных для человека плато Кордильер, находившимся приблизительно в четверти мили от наших путников. Огромная птица носилась с головокружительной быстротой, то выпуская, то пряча свои страшные когти и потряхивая хрящеватым гребнем.

— Это там! Там!.. — крикнул Гленарван. Вдруг в голове его мелькнула мысль.

— Если Роберт еще жив... — воскликнул он в ужасе. — Эта птица... Стреляйте, друзья мои, стреляйте!

Но уже было поздно: кондор исчез за высокими выступами скалы. Прошла какая-нибудь секунда, показавшаяся столетием... Огромная птица появилась снова; она летела медленнее, отягощенная грузом.

Раздался вопль ужаса: в когтях у кондора висело и качалось безжизненное тело, тело Роберта Гранта. Хищник, держа мальчика за платье, парил в воздухе футах в ста пятидесяти над лагерем. Он завидел путешественников и, стремясь поскорее улететь со своей тяжелой добычей, с силой рассекал крыльями воздух.

— А, — крикнул Гленарван, — пусть лучше тело Роберта разобьется об эти скалы, чем послужит...

Он не договорил и, схватив карабин Вильсона, стал прицеливаться в кондора, но руки его дрожали, глаза заволоклись туманом, и он не мог навести ружье.

— Предоставьте это мне, — сказал майор.

И, неподвижный, спокойный, уверенный, Мак-Наббс прицелился в кондора: тот был от него уже в трехстах футах.

Но не успел майор нажать курок своего карабина, как в глубине долины раздался выстрел; белый дымок поднялся между двумя базальтовыми громадами — и кондор, пораженный пулей в голову, медленно описывая круги, стал спускаться, словно на парашюте, на своих широко распростертых крыльях. Не выпуская добычи, он мягко упал футах в десяти от крутого берега ручья.

— Теперь за нами дело! За нами! — крикнул Гленарван.

И, не стараясь узнать, откуда раздался благодетельный выстрел, он кинулся к кондору. Спутники его помчались за ним. Когда они добежали до кондора, тот был уже мертв, а тела Роберта почти не было видно из-под его широких крыльев.

Гленарван бросился к мальчику, вырвал его из когтей кондора, уложил на траву и приник ухом к груди этого безжизненного тела.

Никогда еще из уст человеческих не вырывалось такого радостного крика, как тот, что вырвался в этот миг у Гленарвана:

— Он жив! Он жив еще!

В одну минуту с Роберта сняли одежду, смочили ему лицо свежей водой. Мальчик пошевелился, открыл глаза, посмотрел и пробормотал:

— А, это вы, сэр... отец мой!..

Гленарван, задыхаясь от волнения, был не в силах ответить: опустившись на колени возле чудом спасенного мальчика, он плакал от радости.

Глава XV

Испанский язык Жака Паганеля

Роберт, избавившись от одной огромной опасности, тут же подвергся другой — пожалуй, не меньшей: едва не был задушен в объятиях. Хотя он был еще очень слаб, ни один из его спутников не мог удержаться от того, чтобы не прижать его к своему сердцу. Но надо полагать, что такие сердечные объятия не губельны для больных: по крайней мере, Роберт от них не умер.

Потом мысли наших путешественников от спасенного обратились к спасителю, и, разумеется, майору первому пришло в голову осмотреться кругом.

Шагах в пятидесяти от реки он увидел человека чрезвычайно высокого роста, неподвижно стоявшего на уступе у самой подошвы горы. Он опирался на длинное ружье. Этот неожиданно появившийся человек был широкоплеч, с длинными волосами, схваченными кожаным ремешком. Рост его превышал шесть футов. Его смуглое лицо было раскрашено: красной краской — между глазами, черной — на нижних веках и белой — на лбу. Одет он был, как полагается жителю пограничной полосы Патагонии: на нем был великолепный плащ из шкуры гуанако, разукрашенный красными арабесками и сшитый жилами страуса. Под этим плащом виднелась еще одежда из лисьего меха. Она была стянута поясом, у которого висел мешочек с красками для раскрашивания лица.

Несмотря на пеструю раскраску, лицо этого патагонца было величественно и говорило о его несомненном уме. В позе, полной достоинства, он ожидал, что будет дальше. Глядя на эту неподвижную, внушительную фигуру, можно было принять ее за статую хладнокровия.

Как только майор заметил патагонца, он указал на него Гленарвану, и тот тотчас же побежал к нему. Патаговец сделал два шага вперед. Гленарван взял его руку и крепко пожал.

В глазах Эдуарда, во всем его сияющем лице светилась такая горячая благодарность, что патаговец, конечно, не мог не понять его. Он слегка нагнул голову и произнес несколько слов, которые остались непонятными как для майора, так и для его кузена.

Тогда патаговец, внимательно посмотрев на чужестранцев, заговорил на другом языке, но как он ни старался, и на этот раз его также не поняли. Однако в фразах, произнесенных туземцем, что-то напомнило Гленарвану испанский язык — он знал несколько общеупотребительных испанских слов.

— Espanol?[\[36\]](#) — спросил он.

Патаговец кивнул головой сверху вниз — движение, имеющее одинаковое значение подтверждения у всех народов.

— Отлично, — заявил майор, — теперь дело за нашим другом Паганелем. Хорошо, что ему пришло в голову учить испанский язык!

Позвали Паганеля. Он немедленно прибежал и раскланялся перед патагонцем с чисто французской грацией, которую тот, по всей вероятности, не смог оценить. Географу тотчас рассказали, в чем дело.

— Чудесно! — воскликнул он.

И, широко открывая рот, чтобы яснее выговаривать, он проговорил:

— Vos sois um homera de bem[\[37\]](#).

Туземец, видимо, напряг слух, но ничего не ответил.

— Он не понимает, — промолвил географ.

— Быть может, вы неправильно произносите? — высказал предположение майор.

— Возможно. Произношение дьявольское!

И Паганель снова повторил свою любезную фразу, но успех ее был тот же.

— Ну, выразимся иначе, — сказал географ и, произнося медленно, по-учительски, спросил патагонца:

— Sem duvida, um Patagaio[38]?

Тот по-прежнему молчал.

— Dizeime[39]! — добавил Паганель.

Патаговец и на этот раз не проронил ни слова.

— Vos compreendeis?[40] — закричал Паганель так громко, что едва не порвал себе голосовые связки.

Было очевидно, что индеец не понимал того, что ему говорили, так как он ответил наконец по-испански:

— No comprendo[41].

Тут уж настала очередь Паганеля изумиться, и он с видимым раздражением спустил очки со лба на глаза.

— Пусть меня повесят, если я понимаю хоть одно слово из этого дьявольского диалекта! — воскликнул он. — Верно, это арауканское наречие.

— Да нет же, — отозвался Гленарван, — этот человек несомненно ответил по-испански.

И, повернувшись к патагонцу, он вновь спросил его:

— Espanol?[42]

— Si, si![43] — ответил туземец.

Удивление Паганеля превратилось в остолбенение. Майор и Гленарван украдкой переглядывались.

— А знаете, мой ученый друг, — начал, слегка улыбаясь, майор, — не произошло ли здесь чего-нибудь в результате той феноменальной вашей рассеянности, на которую, мне кажется, у вас имеется монополия?

— Как? Что? — насторожился географ.

— Дело в том, что патаговец несомненно говорит по-испански.

— Он?

— Да, он! Уж не изучили ли вы случайно другой язык, приняв его...

Мак-Наббс не успел договорить. Громогласное «О!», сопровождаемое пожатием плеч, прервало его.

— Вы немножко слишком далеко заходите, майор, — сказал Паганель довольно сухо.

— Но чем же объяснить, что вы его не понимаете? — ответил Мак-Наббс.

— Не понимаю я потому, что этот туземец говорит на плохом испанском языке! — ответил, начиная раздражаться, географ.

— Так вы считаете, что он говорит на плохом наречии, только потому, что вы его не понимаете? — спокойно спросил майор.

— Послушайте, Мак-Наббс, — вмешался Гленарван, — ваше предположение невероятно. Как ни рассеян наш друг Паганель, все же нельзя допустить, чтобы его рассеянность дошла до того, что он мог изучить один язык вместо другого.

— Тогда, дорогой Эдуард, или лучше вы, почтенный Паганель, объясните мне: что здесь происходит?

— Мне нечего объяснять: я констатирую, — ответил географ. — Вот книга, которой я ежедневно пользуюсь для преодоления трудностей испанского языка. Посмотрите на нее, майор, и вы увидите, что я не ввожу вас в заблуждение!

С этими словами Паганель начал рыться в своих многочисленных карманах и через несколько минут поисков вытащил весьма потрепанный томик, который и подал с уверенным видом майору. Тот взял книжку и посмотрел на нее.

— Что это за литературное произведение? — спросил он.

— Это «Луизиада», — ответил Паганель, — великолепная героическая поэма, которая...

— «Луизиада»? — воскликнул Гленарван.

— Да, друг мой, не более не менее, как «Луизиада» великого Камозэнса!

— Камозэнса? — повторил Гленарван. — Но, бедный друг мой, ведь Камозэнс — португалец! Вы в течение последних шести недель изучаете португальский язык!

— Камозэнс... «Луизиада»... Португальский язык... — вот все, что мог пролепетать Паганель.

Глаза его под очками померкли, а в ушах загремел гомерический хохот обступивших его спутников.

Патагонец и бровью не повел. Он терпеливо ждал объяснения того, что происходило на его глазах и было ему совершенно непонятно.

— Ах я безумец, сумасшедший! — воскликнул наконец Паганель. — Вот что! Значит, действительно это так! Это не выдумка для забавы! И это я сделал... я! Да ведь это вавилонское смешение языков! Ах, друзья мои, друзья! Подумайте только: отправиться в Индию и очутиться в Чили, учить испанский язык, а говорить на португальском! Нет, это уж слишком! Если так пойдет и дальше, то в один прекрасный день я, вместо того чтобы выбросить в окно сигару, выброшусь сам.

Наблюдая, как Паганель относится к своему злоключению, видя, как переживает он свою комическую неудачу, нельзя было не смеяться. Да к тому же он первый подал этому пример.

— Смейтесь, друзья мои, смейтесь от всего сердца! — повторял он. — Поверьте мне, что всех больше буду смеяться над собой я сам! — И, говоря это, он захохотал так, как, должно быть, не хохотал никогда ни один ученый в мире.

— Но как бы там ни было, а мы все-таки остались без переводчика, — промолвил майор.

— О, не приходите в отчаяние, — отозвался Паганель — португальский и испанский языки до того похожи один на другой, что, как видите, я смог даже перепутать их, но зато это же сходство поможет мне быстро исправить свою ошибку, и в недалеком будущем я смогу поблагодарить этого достойного патагонца на языке, которым он так хорошо владеет.

Паганель не ошибся: через несколько минут ему удалось обменяться с туземцем несколькими словами. Географ даже узнал, что патагонца зовут Талькав, что на арауканском языке значит «громовержец». По всей вероятности, это прозвище было дано ему благодаря его искусству в обращении с огнестрельным оружием.

Но особенно обрадовался Гленарван тому, что патагонец оказался профессиональным проводником,

да еще по пампасам. Встреча с патагонцем являлась такой необыкновенной удачей, что все окончательно уверовали в успех экспедиции, и никто уж не сомневался в спасении капитана Гранта.

Наши путешественники вернулись с индейцем к Роберту. Мальчик протянул руки к туземцу, и тот безмолвно положил ему на голову свою руку. Он осмотрел мальчика, ощупал его ушибленные члены. Затем, улыбаясь, пошел к берегу реки, сорвал там несколько пучков дикого сельдерея и, вернувшись, натер им тело больного. Благодаря этому сделанному чрезвычайно осторожно массажу мальчик почувствовал прилив сил, и стало ясно, что несколько часов покоя поставят его на ноги.

Было решено этот день, а также следующую ночь посвятить отдыху. К тому же надлежало еще обсудить и решить два важных вопроса: относительно пищи и транспорта. Ни съестных припасов, ни мулов у путешественников не было. К счастью, теперь с ними был Талькав. Этот проводник, привыкший сопровождать путешественников вдоль границы Патагонии — один из самых умных местных бакеанос, — взялся снабдить Гленарвана всем необходимым для его небольшого отряда. Он предложил отправиться в индейскую тольдерия, находившуюся в каких-нибудь четырех милях. Там, по его словам, можно будет достать все, в чем нуждалась экспедиция. Предложение это было сделано наполовину с помощью жестов, а наполовину с помощью испанских слов, которые Паганелю удалось понять. Оно было принято, и Гленарван со своим ученым другом, простившись с товарищами, немедленно направились вслед за проводником-патагонцем вверх по течению реки.

Они шли полтора часа, быстро, большими шагами, стараясь поспеть за великаном Талькавом. Вся эта прилегавшая к подножию Кордильер местность отличалась красотой и замечательным плодородием. Одни тучные пастбища сменялись другими. Казалось, они свободно могли прокормить и стотысячное стадо жвачных животных. Широкие пруды, соединенные между собой частой сетью речек, обильно питали своей влагой зеленеющие равнины. Черноголовые лебеди причудливо резвились в этом водяном царстве, оспаривая его у множества страусов, бегавших по льяносам. Вообще пернатый мир был здесь блестящ, очень шумен и вместе с тем изумительное разнообразен. Изакас — изящные горлицы, серенькие с белыми полосками, — и желтые кардиналы, сидя на ветках деревьев, напоминали живые цветы. Перелетные голуби мчались куда-то вдаль, а местные воробьи, носясь друг за другом, наполняли воздух своим пронзительными чириканьем.

Жак Паганель был в полнейшем восторге от всего окружающего, и из его уст то и дело раздавались восторженные восклицания. Это очень удивляло патагонца: тот считал вполне естественным, что в воздухе есть птицы, на прудах — лебеди, а на лугах — травы. Вообще нашему ученому-географу не пришлось ни жалеть о предпринятой прогулке, ни жаловаться на ее продолжительность. Когда он увидел становище индейцев, ему показалось, что он только что пустился в путь. Тольдерия раскинулась в глубине долины, сжатой отрогами Кордильер. Здесь в шалашах из ветвей жило человек тридцать туземцев-кочевников. Они занимались скотоводством и, перегоняя с пастбища на пастбище большие стада коров, быков, лошадей и овец, всюду находили для своих четвероногих питомцев обильную пищу.

Эти андо-перуанцы являются помесью арауканской, пэхуэнской и аукаской рас. Цвет их кожи имеет оливковый оттенок, роста они среднего, коренастые, с почти круглым лицом, низким лбом, выдающимися скулами, тонкими губами. Выражение их лица холодное, но не мужественное.

В общем, туземцы были мало интересны. Но Гленарвану нужны были не они, а их стада. А раз у кочевников имелись быки и лошади, больше ему ничего и не надо было.

Талькав взялся вести переговоры; на них не потребовалось много времени. За семь низкорослых лошадок аргентинской породы со сбруей, за сто фунтов сушеного мяса — карки, — несколько мер риса и несколько бурдюков для воды индейцы согласились получить, за неимением вина или рома, что для них было бы более ценно, двадцать унций золота, — стоимость золота они прекрасно знали. Гленарван хотел

было купить и восьмую лошадь, для патагонца, но тот дал понять, что в этом нет нужды.

Закончив эту торговую сделку, Гленарван распрощался со своими новыми «поставщиками», как их назвал Паганель, и меньше чем через полчаса все трое были уже в лагере. Там их встретили восторженными криками, которые относились, правда, к съестным припасам и верховым лошадям. Все закусили с большим аппетитом.

Поел немного и Роберт. Силы почти уже вернулись к нему.

Остаток дня провели в полном отдыхе. Говорили понемногу обо всем: вспомнили своих милых спутниц, вспомнили «Дункан», капитана Джона Манглса и его славную команду, не забыли и Гарри Гранта — он ведь мог быть здесь где-нибудь поблизости.

Что же касается Паганеля, то он не расставался с индейцем — стал тенью Талькава. Географ был вне себя от радости, что увидел настоящего патагонца, рядом с которым его самого можно было принять за карлика.

Паганель осаждал Талькава своими испанскими фразами, но тот терпеливо отвечал на них. На этот раз географ изучал испанский язык уже без книги. Слышно было, как он громогласно произносит испанские слова, работая горлом, языком и челюстями.

— Если я не одолею произношения, то будьте снисходительны ко мне, — не раз говорил он майору. — Но кто бы сказал, что испанскому языку меня будет обучать патагонец!

Глава XVI

Рио-Колорадо

На следующий день, 22 октября, в восемь часов утра, Талькав подал сигнал к отправлению. Аргентинские равнины между 22° и 42° долготы понижаются с запада на восток — перед нашими путешественниками теперь простирался отлогий спуск к морю.

Когда патаговец отказался от предложенной лошади, Гленарван подумал, что Талькав, как многие местные проводники, предпочитает идти пешком, — это, конечно, при его длинных ногах было делом нетрудным.

Но Гленарван ошибся.

В момент отъезда Талькав свистнул особым образом, и тотчас же на зов хозяина из соседней рощицы выбежала великолепная рослая лошадь. Это было необыкновенно красивое животное караковой масти, сильное, гордое, смелое и горячее. У него была маленькая, изящно посаженная голова, раздувающиеся ноздри, глаза, полные огня, широкие подколенки, крутой загривок, высокая грудь, длинные бабки — словом, все признаки силы и гибкости. Мак-Наббс, знаток лошадей, не мог налюбоваться этим представителем пампасских коней; майор обнаружил у него некоторое сходство с английским гунтером. Этот красавец-конь носил имя «Таука», что на патагонском языке значит «птица». Несомненно, он заслуживал это имя.

Талькав вскочил на свою Тауку, и она рванулась вперед. Нельзя было не прийти, в восхищение, глядя на патагонца: это был великолепный наездник. У его седла виднелись два охотничьих приспособления, бывших в большом ходу в аргентинских равнинах: болас и лассо. Болас состоит из трех шаров, соединенных кожаным ремнем. Индейцам случается кидать его шагов на сто в преследуемого зверя или врага, и они делают это так метко, что болас опутывает ноги жертвы и она тут же валится на землю. Это — грозное оружие в руках индейца, владеющего им с поразительной ловкостью. Лассо же никогда не покидает руки того, кто его бросает. Оно представляет собой длинный, футов в тридцать, ремень, сплетенный из двух кожаных полос и заканчивающийся мертвой петлей, скользящей по железному кольцу. Эту мертвую петлю бросают правой рукой, а левой держат за конец лассо, который прочно прикреплен к седлу. Длинный, надетый через плечо карабин дополнял вооружение патагонца.

Талькав, не замечая восторга, вызванного его изящной, непринужденной и гордой осанкой, стал во главе отряда, и все двинулись в путь. Всадники то скакали галопом, то ехали шагом, ибо аргентинским лошадям рысь, видимо, была незнакома. Роберт ехал так смело, что Гленарван быстро успокоился относительно его умения держаться в седле.

Пампасы начинаются у самой подошвы Кордильер. Они могут быть разделены на три части: первая часть, покрытая низкорослыми деревьями и кустарником, тянется от Кордильер на двести пятьдесят миль; вторая часть, шириною в четыреста пятьдесят миль, поросшая великолепными травами, кончается в ста восьмидесяти милях от Буэнос-Айреса. Отсюда до самого моря путешественник едет по безбрежным лугам, покрытым дикой люцерной и чертополохом, — это третья часть пампасов.

Когда отряд Гленарвана выехал из ущелий Кордильер, ему прежде всего встретилось на пути множество песчаных дюн, носящих здесь название «меданос». Если пески эти не укреплены корнями растений, то ветер их гонит, словно морские волны. Песок дюн, необыкновенно мелкий, при малейшем ветерке взвивается, порой образуя целые смерчи, поднимающиеся на значительную высоту. Это зрелище

одновременно и радует взор и неприятно для глаз. Радует оно потому, что, конечно, чрезвычайно любопытно наблюдать за этими бродящими по равнине смерчами: они сталкиваются, смешиваются, падают и снова поднимаются в хаотическом беспорядке; а неприятно это зрелище по той причине, что от этих бесчисленных меданос отделяется мельчайшая пыль и проникает в глаза, как плотно ни закрывай их.

Это явление, вызываемое северным ветром, продолжалось в течение почти всего дня. Тем не менее отряд быстро продвигался вперед, и к шести часам вечера Кордильеры, оставшиеся в сорока милях позади, лишь смутно чернели на горизонте, теряясь в вечернем тумане.

Наши путешественники, несколько утомленные после пути в добрых тридцать восемь миль, с удовольствием приветствовали час отдыха. Привал сделали на берегу Рио-Неуквем, мутные, бурные воды которой мчались меж высоких красных утесов. Неуквем называется у одних географов «Рамид», а у других — «Комоэ» и берет начало среди озер, известных только индейцам.

Этой ночью и в течение следующего дня не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Ехали быстро и беспрепятственно. Ровная местность и умеренная температура очень облегчали путешествие. Все же около полудня солнечные лучи стали жгучими. Вечером горизонт на юго-западе заволкло тучами — верный признак перемены погоды. Патагонец не мог не знать этого и указал географу пальцем на западную часть горизонта.

— Знаю, — отозвался Паганель и, обращаясь к своим спутникам, добавил — Погода меняется. Нам придется испытать на себе памперо.

И тут же он объяснил, что памперо, чрезвычайно сухой юго-западный ветер, — частое явление в аргентинских равнинах. Талькав не ошибся, и ночью памперо задул с ужасной силой. Это было довольно тягостно для людей, располагавших одними лишь пончо. Лошади улеглись на землю, а люди сбились в кучу подле них. Гленарван боялся, что ураган может задержать их, но Паганель, поглядев на свой барометр, успокоил его, сказав:

— Обычно памперо свирепствует три дня подряд, на что безошибочно указывает падение барометра. Но когда барометр поднимается, как в данном случае, все ограничивается несколькими часами яростного шквала. Успокойтесь же, мой друг: на рассвете небо снова станет ясным.

— Вы говорите, как книга мудрости, Паганель, — заметил Гленарван.

— Я и представляю собой книгу, — согласился географ, — и вы свободно можете перелистывать ее, сколько вам заблагорассудится.

«Книга» не ошиблась: в час ночи ветер вдруг стих, и путешественникам удалось восстановить свои силы крепким сном. Все проснулись освеженными и бодрыми, в особенности Паганель: он весело потягивался и похрустывал суставами.

Было 24 октября. Прошло десять дней со времени отъезда наших путешественников из Талькагуано. До того места, где Рио-Колорадо пересекается тридцать седьмой параллелью, оставалось еще девяносто три мили^[44], то есть еще три дня пути. Во время этого переезда через Американский материк Гленарван стремился встретить туземцев, надеясь получить от них какие-либо сведения о капитане Гранте. Сделать это он мог при посредстве патагонца, с которым Паганель уже недурно стал объясняться. Но, к сожалению, ехали по местам, мало посещаемым индейцами, так как проезжие дороги из Аргентинской республики к Кордильерам проходят севернее. Поэтому наши путешественники не встречали на своем пути никаких индейцев: ни кочевников, ни оседлых, живущих под властью кациков. Если же случайно вдали и показывался какой-нибудь всадник-кочевник, то он спешил ускакать, видимо, не желая входить в сношения с незнакомцами. Подобный отряд должен был в самом деле казаться подозрительным всякому

всаднику, отважившемуся в одиночестве путешествовать по здешней равнине: встречного пугал вид этих восьми вооруженных людей, ехавших на быстрых лошадях, и одинокий путник среди этих пустынных мест мог заподозрить в них людей злонамеренных. И потому им никак не удавалось побеседовать ни с честными людьми, ни с грабителями. Пожалуй, приходилось пожалеть, что на пути им не попадалась шайка рестреадорес[45], хотя бы даже и пришлось начать разговор ружейными выстрелами.

И все же, хотя Гленарвану и не удалось, к его сожалению, войти в сношения с индейцами, произошло нечто, подтвердившее удивительным образом правильность толкования документа.

Уже несколько раз отряд пересек на своем пути через пампасы разные тропы — между прочим, довольно важную тропу из Кармена в Мендосу. Ее легко можно было узнать по грудам костей домашних животных: мулов, лошадей, овец и быков. Кости эти, обглоданные хищными птицами и побелевшие от действия воздуха, служили как бы вехами тропы. Их были тысячи, и, вероятно, не один человеческий скелет смешался здесь с останками животных.

До сих пор Талькав не задавал никаких вопросов относительно намеченного нашими путешественниками маршрута. Но, конечно, он понимал, что путь этот, не имевший ничего общего ни с одной из дорог пампасов, не вел ни к деревням, ни к городам, ни к учреждениям аргентинских провинций. Каждое утро отряд, выезжая, направлялся навстречу восходящему солнцу и держался в течение всего дня прямой линии, а вечером, когда делали привал, заходящее солнце виднелось позади. Должно быть, Талькаву, как проводнику, казалось странным, что не он ведет путешественников, а его самого ведут. Но если он и удивлялся, то по сдержанности, свойственной индейцам, не показывал этого и, пересекая тропинки, по которым отряд не желал следовать, никаких замечаний не делал. Однако в этот день, когда отряд достиг вышеупомянутой тропы из Кармена в Мендосу, Талькав остановил своего коня и, повернувшись к Паганелю, сказал:

— Это дорога на Кармен.

— Ну да, милейший мой патагонец, — ответил географ, стараясь как можно лучше выговаривать испанские слова, — это дорога из Кармена в Мендосу.

— Мы по ней не поедем? — спросил Талькав.

— Нет, — отозвался Паганель.

— А куда же мы направляемся?

— Все на восток.

— Это значит никуда не попасть.

— Как знать!

Талькав замолчал и с глубоким удивлением посмотрел на ученого. Однако он ни на минуту не допускал, что Паганель шутит. Индеец, всегда ко всему относящийся серьезно, не может себе представить, чтобы кто-либо говорил несерьезно.

— Так, значит, вы не едете в Кармен? — прибавил он, помолчав немного.

— Нет, не едем, — ответил Паганель.

— И в Мендосу не едете?

— И туда не едем.

В это время Гленарван подъехал к Паганелю и спросил его, что говорил ему Талькав и почему тот остановился.

— Он спрашивал, куда мы направляемся: в Кармен или Мендосу, — пояснил Паганель, — и был очень удивлен, узнав, что мы не едем ни в одно из этих мест.

— В самом деле, наше путешествие должно ему казаться очень странным, — заметил Гленарван.

— Видимо, так. Он говорит, что мы никуда не попадем.

— Ну что же, Паганель, не могли бы вы разъяснить ему цель нашей экспедиции и почему нам важно двигаться все на восток?

— Это будет очень трудно сделать, — ответил Паганель — ведь для индейца совершенно непонятно, что такое географические градусы, а история документа покажется ему фантастической.

— Чего не поймет он: самую историю или того, кто будет ее рассказывать? — с серьезным видом вставил майор.

— Ах, Мак-Наббс, — воскликнул Паганель, — вы все еще сомневаетесь в моем испанском языке!

— Попытайтесь, мой почтенный друг! — ответил тот.

— Попытаюсь.

Паганель подъехал к патагонцу и принялся объяснять ему цель экспедиции. Географу часто приходилось останавливаться из-за недостатка слов, а также вследствие трудности передать индейцу некоторые особенности дела и разъяснить ему кое-какие чрезвычайно малопонятные для него подробности. Любопытно было глядеть на ученого: он жестикулировал, силился как можно отчетливее произносить слова и вообще так старался, что пот градом катился у него со лба. Когда ему не хватило слов, на помощь пришла рука. Паганель соскочил с лошади и стал чертить на песке географическую карту, где меридианы пересекались с параллелями, где были изображены два океана и где проходила дорога на Кармен. Ни один преподаватель еще не бывал в таком затруднительном положении. Талькав невозмутимо следил за всеми движениями географа, но по его виду нельзя было угадать, понимает он или нет.

Урок географа длился более получаса. Наконец Паганель умолк, вытер струившийся по лицу пот и посмотрел на патагонца.

— Понял он? — спросил Гленарван.

— Сейчас выясним, — ответил Паганель. — Но если он не понял, то от дальнейших пояснений я отказываюсь.

Талькав не сделал ни одного движения, не проронил ни слова. Он не отрывал глаз от начерченной карты, мало-помалу сдуваемой ветром.

— Ну? — спросил его Паганель.

Казалось, Талькав не слышал этого вопроса. Ученый заметил на губах майора ироническую улыбку и, задетый за живое, собирался было с новой энергией возобновить свой урок географии, но патаговец жестом остановил его.

— Вы ищете пленника? — спросил он.

— Да, — ответил Паганель.

— И ищите именно вдоль этой линии, которая идет от заходящего солнца к восходящему? — прибавил Талькав, пользуясь индейской манерой выражаться для определения дороги с запада на восток.

— Вот-вот.

— Это ваш бог вручил волнам огромного моря тайну пленника?

— Да, сам бог.

— Ну, так пусть воля его свершится, — с некоторой торжественностью проговорил Талькав: — мы будем двигаться на восток и, если понадобится, до самого солнца!

Паганель, придя в восторг от своего ученика, не замедлил перевести товарищам ответы индейца.

— Что за умный народ! — с жаром прибавил он. — Я уверен, что из двадцати крестьян моей страны девятнадцать не поняли бы моих объяснений.

Гленарван попросил узнать у патагонца, не слышал ли он о каких-либо чужестранцах, попавших в плен к индейцам пампасов. Паганель задал индейцу этот вопрос и стал ждать ответа.

— Быть может... — сказал патаговец.

Этот ответ был немедленно переведен на английский язык, и семь путешественников, окружив патагонца, вперили в него вопросительные взгляды.

Паганель, волнуясь и с трудом подбирая слова, продолжал задавать вопросы. Его глаза, устремленные на лицо медлительно-важного патагонца, словно пытались прочесть на нем ответ раньше, чем он слетит с его губ.

Каждое испанское слово патагонца географ тотчас повторял по-английски, так что, можно сказать, его спутники слышали ответы как бы на своем родном языке.

— Кто же был этот пленник? — спросил Паганель.

— Это был чужестранец, европеец, — ответил Талькав.

— Вы видели его?

— Нет, но я знаю о нем по рассказам индейцев. То был храбрец. У него было сердце быка.

— Сердце быка! — повторил Паганель. — Ах, что это за чудесный язык — патагонский!.. Вы понимаете, друзья мои? Он хочет сказать «мужественный человек»!

— Мой отец! — крикнул Роберт Грант. Потом, обращаясь к Паганелю, он спросил: — Как сказать по-испански: «Это мой отец»?

— Es mio padre, — ответил географ.

Тогда Роберт взял Талькава за руки и с нежностью произнес:

— Es mio padre!

— Suvo padre!^[46] — воскликнул патаговец, и взгляд его просветлел.

Он обнял мальчика, приподнял его с лошади и принялся разглядывать с удивлением и симпатией. Умное, спокойное лицо индейца выражало сочувствие.

Но Паганель еще не закончил своих расспросов. Где находился этот пленник? Что он делал? Когда именно Талькав слышал о нем? Все эти вопросы теснились одновременно в его уме. Ответы были тут же получены. Паганель узнал, что европеец был в плену у одного из индейских племен, кочующих по области между Колорадо и Рио-Негро.

— Но где же находился он в последнее время? — спросил Паганель.

— У кацика Кальфукура, — ответил Талькав.

— Не вблизи ли той линии, по которой мы двигались до сих пор?

— Да.

— А кто такой этот казык?

— Он вождь индейского племени поухов — человек с двумя языками, с двумя сердцами.

— То есть он хочет сказать, что этот вождь — человек фальшивый на словах и на деле... — пояснил Паганель, предварительно переведя дословно это красивое, образное выражение. — А сможем ли мы освободить нашего друга? — спросил, обращаясь к проводнику, географ.

— Быть может, если он еще в руках индейцев.

— А когда вы о нем слышали?

— Давно. С тех пор солнце уже два раза посылало пампасам лето.

Радость Гленарвана не поддавалась описанию. Время, указанное патагонцем, совпадало с датой документа. Оставалось предложить еще один вопрос Талькаву, и Паганель не замедлил это сделать.

— Вы говорите об одном пленнике, — сказал он, — а разве их было не трое?

— Не знаю.

— И вы ничего не знаете о том, что теперь с пленником?

— Ничего.

На этом разговор закончился. Представлялось вполне возможным, что трое пленников могли быть давно разлучены. Но из слов патагонца несомненно вытекало, что среди индейцев шел разговор о европейце, попавшем к ним в плен. Время, когда это произошло, место, где находился пленник, даже образная фраза патагонца о его отваге — все, очевидно, относилось к капитану Гранту.

На следующий день, 25 октября, наши путешественники с новым воодушевлением продолжали свой путь к востоку. Ехали они по печальной, однообразной, бесконечной равнине, на местном языке носящей название «травезиас». Глинистая почва вследствие действия ветров представляла совершенно гладкую поверхность: нигде не видно было не только камня, но даже камешка. Они попадались только на дне какого-нибудь бесплодного, пересохшего оврага или по берегам прудков, вырытых руками индейцев. Изредка встречались низкорослые рощи с черноватыми верхушками. Там и сям среди них проглядывали белые рожковые деревья — мякоть их стручков сладка, освежающая и приятна. Показывались рощицы фисташковых деревьев — ханаров — и всевозможные виды колючих кустарников, сухость которых говорила о начавшемся бесплодии почвы.

День 26 октября был утомителен. Нужно было поскорее добираться до Колорадо. Лошади, погоняемые своими всадниками, неслись с такой быстротой, что в тот же вечер отряд достиг красавицы-реки пампасов. Индейское название ее — Кобу-Лебу, что значит «великая река». Пересекая на значительном протяжении пампасы, она впадает в Атлантический океан. Там, вблизи устья, происходит любопытное явление: количество воды в этой реке по мере приближения к океану все уменьшается — потому ли, что почва дна реки впитывает влагу, потому ли, что вода испаряется. Наука еще не вполне выяснила причину этого редкого явления.

Добравшись до Колорадо, Паганель, как географ, прежде всего счел нужным искупаться в ее окрашенных красноватой глиной водах. Он был удивлен глубиной реки — явление, объяснявшееся таянием снегов под влиянием летнего солнца. Ширина реки была к тому же так велика, что лошади не в состоянии были ее переплыть. К счастью, двигаясь вверх по течению, наши путешественники вскоре обнаружили висячий мост, сделанный по индейскому способу — из сплетенных гибких палок, скрепленных ремнями. Благодаря этому мосту маленькому отряду удалось перебраться на левый берег, где он и расположился лагерем.

Прежде чем уснуть, Паганель задался целью — точно определить местонахождение Колорадо. Выполнив это, он самым тщательным образом нанес на карту эту реку — за отсутствием Яру-Джангбо-Чу, вдали от него низвергавшей свои воды с Тибетских гор.

Следующие два дня, 27 и 28 октября, путешествие продолжалось без особых происшествий. Перед глазами были все те же виды, та же бесплодная почва. Кажется, нигде нельзя было встретить более однообразный пейзаж, более невзрачную панораму. Между тем почва делалась все влажнее. Приходилось перебираться через затопленные водой низины, так называемые канадас, и через никогда не пересыхающие мелкие лагуны — эстерос, — заросшие водяными травами. Вечером лошади остановились у большого озера Ланквем, вода которого содержит очень много минеральных веществ, поэтому индейцы зовут его Горьким озером. В 1826 году оно было свидетелем жестокой расправы аргентинских войск с туземцами.

Здесь наши путешественники расположились, как обычно, лагерем, и ночь прошла бы спокойно, если бы вокруг не было обезьян и диких собак. Эти шумные животные, терзая, видимо в честь европейцев, их уши, исполнили одну из тех диких симфоний, которую, быть может, и одобрил бы какой-нибудь композитор грядущих лет.

Глава XVII

Пампасы

Аргентинские пампасы простираются от 34° до 40° южной широты. Слово «пампа» арауканское, оно значит «равнина, поросшая травой», и это название как нельзя больше подходит к этому краю. Древовидные мимозы западной ее части и роскошные травы восточной придают ей совершенно своеобразный вид. Вся эта растительность пускает свои корни в слой земли, под которым лежит красная или желтая глинисто-песчаная подпочва.

Американские пампасы — такое же своеобразное географическое явление, как, например, саванны Страны Великих Озер или степи Сибири. Климат пампасов, будучи континентальным, отличается более суровой зимой и более знойным летом, чем провинция Буэнос-Айрес. По словам Паганеля, океан зимой медленно отдает земле тепло, которое поглощается им летом. Этим объясняется, что на островах более ровная температура, чем в глубине материков^[47]. Вот почему климат западной части пампасов не отличается тем единообразием, которое наблюдается на побережье благодаря близости Атлантического океана. В западной части бывают то суровые холода, то жгучая жара, резкие скачки температуры. Осенью, то есть в апреле и мае, нередко проливные дожди. Но в описываемое нами время года погода стояла очень сухая и чрезвычайно жаркая.

На рассвете отряд двинулся в путь, предварительно определив направление. Грунт, скрепленный корнями деревьев и кустов, сделался совершенно твердым: исчез мельчайший песок, из которого образовались меданосы; исчезла и пыль, клубившаяся в воздухе.

Лошади шли бодрым шагом среди высокой травы. Индейцы укрываются под нею от гроз. Иногда, но все реже и реже, встречались влажные лощины, где росли ивы, а также местное растение *gugnerium argenteum*, любящее близость пресной воды. Лошади, встретив в этих лощинах воду, спешили воспользоваться подвернувшимся случаем и пили вволю, словно желая запастись влагой на будущее. Талькав ехал впереди, обследуя местность и распугивая холинас — опаснейших гадюк, от укуса которых, менее чем через час, погибает даже бык. Проворный конь Талькава перепрыгивал через густые кусты, помогая своему хозяину прокладывать путь тем, кто ехал позади.

Путешествие по этим гладким равнинам не представляло трудности, и отряд подвигался быстро. Местность не менялась: все так же на сто миль кругом невозможно было найти не только камня, но даже и камешка. Исключительное, нескончаемое однообразие! Нужно было быть Паганелем — одним из тех ученых-энтузиастов, которые видят там, где нечего видеть, чтобы интересоваться подробностями такой дороги. Что же привлекало его внимание? Ему было бы трудно ответить на этот вопрос. Какой-нибудь кустик, может быть травка. Но и этого было достаточно, чтобы развязать язык словоохотливому географу. Он тут же принимался поучать Роберта, и мальчик охотно слушал его.

В течение этого дня, 29 октября, перед глазами наших всадников простиралась та же бесконечно однообразная равнина. Около двух часов пополудни всадники увидели кучи побелевших костей. Это были остатки огромного стада быков. Но расположены были эти остатки не по извилистой линии, как лежат обыкновенно скелеты обессилевших, падающих одно за другим животных. Поэтому никто не мог объяснить, почему на сравнительно небольшом пространстве было собрано столько скелетов. Непонятно было это даже и для Паганеля, и он обратился за разъяснениями к Талькаву. Того, видимо, вопрос ученого несколько не затруднил, и он немедленно что-то ответил.

Восклицание географа: «Быть не может!»— и последовавший за этим решительный кивок головы патагонца очень заинтересовали их спутников.

— Так что же это такое? — спросили они Паганеля.

— Небесный огонь, — ответил географ.

— Как, молния могла произвести подобные разрушения? — воскликнул Том Остин. — Убить наповал стадо в пятьсот голов!

— Талькав это утверждает, а он не ошибается. Я ему верю в данном случае, потому что грозы в пампасах отличаются особенной яростью. Только бы нам не испытать этого на себе!

— Что-то очень жарко, — промолвил Вильсон.

— Термометр должен показывать тридцать градусов в тени, — отозвался Паганель.

— Это меня не удивляет, — сказал Гленарван — я чувствую, как электричество пронизывает меня. Будем надеяться, что подобная жара недолго продержится.

— Ну нет, — возразил Паганель, — нельзя рассчитывать на перемену погоды, когда на горизонте не видно ни дымки.

— Тем хуже, — заметил Гленарван — наши лошади измучены зноем... А тебе, мой мальчик, не слишком жарко? — прибавил он, обращаясь к Роберту.

— Нет, сэр, — ответил мальчуган, — я люблю жару. Жара — вещь хорошая!

— Особенно зимой, — глубокомысленно заметил майор, пустив вверх клуб дыма от своей сигары.

Вечером сделали привал у заброшенного ранчо — глиняной мазанки с соломенной крышей. Около ранчо был частокол, правда полусгнивший, но все же он мог защитить лошадей от лисиц. Самим лошадям эти хитрые звери не в силах причинить вред, но они перегрызают их недоуздки, и лошади пользуются этим, чтобы вырваться на свободу.

В нескольких шагах от ранчо была вырыта яма, очевидно служившая кухней, так как в ней виднелась остывшая зола. Внутри ранчо имелись скамья, убогое ложе из бычьей кожи, котелок, вертел и чайник для приготовления матэ — чая индейцев из настоя сушеных трав, очень распространенного в Южной Америке. Втягивают его в себя, как многие американские напитки, через соломинку. По просьбе Паганеля, Талькав приготовил несколько чашек матэ, и наши путешественники с удовольствием запили им свой обычный ужин, найдя индейский напиток превосходным.

На следующий день, 30 октября, солнце встало в раскаленном тумане и устремило на землю необыкновенно жгучие лучи. Температура в этот день, видимо, была исключительно высока, а на равнине, к несчастью, нигде нельзя было укрыться от зноя. Однако маленький отряд снова храбро двинулся на восток. Несколько раз в пути встречались огромные стада. Не имея сил пастись из-за этой удручающей жары, скот лениво лежал на траве. Сторожей, вернее сказать — пастухов, не было. Одни собаки, привыкшие, спасаясь от жажды, высасывать молоко у овец, сторожили огромные стада коров и быков. Рогатый скот здесь очень спокойного нрава.

К полудню в пампасах начались изменения, которые не могли ускользнуть от глаз, утомленных однообразием этих мест. Злаки стали реже. Вместо них появились тощие репейники и гигантские чертополохи, футов в девять вышиной, которые могли бы осчастливить всех ослов земного шара. Там и сям виднелись низкорослые колючие кустарники темно-зеленого цвета. Как ни казались они невзрачны, а на такой иссушенной почве даже и они были ценны. До тех пор влага, сохранявшаяся в глинистой почве равнины, питала пастбища, и ковер травы был густ и роскошен. Но теперь этот ковер, местами истертый,

местами прорванный, обнажил свою основу и обнаружил скудость почвы. Талькав указал спутникам на эти явные признаки возраставшей сухости.

— Я лично ничего не имею против этой перемены, — в заявил Том Остин: — все трава да трава — это в конце концов может и надоест.

— Да, но там, где есть трава, есть и вода, — отозвался майор.

— О, у нас недостатка в этом нет, — вмешался Вильсон, — да и по дороге мы, конечно, встретим какую-нибудь реку.

Услышь эту фразу Паганель, он, конечно, не упустил бы случая сказать, что между Колорадо и горами аргентинской провинции реки очень редки, но как раз в этот момент географ объяснял Гленарвану одно явление, на которое тот обратил его внимание.

С некоторого времени в воздухе как будто чувствовался запах гари, а между тем до самого горизонта не видно было никакого огня. Не замечалось и дыма — указания на отдаленный пожар. Таким образом, это явление нельзя было объяснить какой-нибудь обычной причиной.

Вскоре запах горелой травы стал так силен, что все, за исключением Паганеля и Талькава, были удивлены.

На вопросы своих друзей географ, всегда готовый объяснить любое явление, поведал им следующее:

— Мы с вами не видим огня, но чувствуем запах дыма. А ведь нет дыма без огня, и эта поговорка так же верна в Америке, как и в Европе. Значит, где-то огонь имеется. Только у этих пампасов такая ровная поверхность, что воздушные течения не встречают здесь никаких препятствий, и запах горящей травы часто чувствуется миль за семьдесят пять.

— За семьдесят пять миль? — недоверчиво переспросил майор.

— Да, именно, — подтвердил Паганель. — Я должен прибавить, что эти пожары охватывают большие пространства и порой достигают значительной силы.

— Кто же поджигает прерии? — спросил Роберт.

— Иногда молния, когда травы очень высушены зноем, а иногда это дело рук индейцев.

— А с какой целью они это делают?

— Индейцы утверждают — не знаю, насколько это верно, — будто после таких пожаров в пампасах лучше растут злаки. Это доказывало бы, что зола удобряет почву. Я же лично думаю, что цель этих пожаров — уничтожить миллиарды клещей, докучающих стадам.

— Но такой энергичный способ может стоить жизни кое-кому из животных, бродящих по равнине, — заметил майор.

— Случается, что иногда сгорают целые стада, но какое это имеет значение при таком громадном их количестве!

— Я забочусь не об индейцах — это их дело, — продолжал Мак-Наббс, — а думаю о путешественниках, которые проезжают через пампасы. Разве они не могут быть застигнуты и охвачены пламенем?

— Как же, как же! — с видимым удовольствием воскликнул Паганель. — Это порой случается, и я лично ничего не имел бы против того, чтобы присутствовать при таком зрелище.

— Это похоже на нашего ученого, — сказал Гленарван. — В своей любви к науке он дошел бы до того, что согласился бы быть сожженным заживо!

— Ну нет, дорогой Гленарван, я ведь прочел Купера, и его «Кожаный Чулок» научил меня, как спастись от надвигающегося пламени. Надо просто вырвать траву вокруг себя по радиусу в несколько саженей. Нет ничего проще. Поэтому-то я нисколько не страшусь приближения пожара и, напротив, всеми силами стремлюсь его увидеть.

Но пожеланиям Паганеля не суждено было осуществиться, а если он и оказался наполовину изжарен, то только благодаря нестерпимо жгучим лучам солнца. Лошади тяжело дышали под влиянием этой тропической жары. Тени можно было ждать только от изредка набегавшего на огненный диск облачка. Тогда всадники, подгоняя лошадей, старались держаться в освежающей тени, которую вместе с облаком гнал вперед западный ветер. Но лошади скоро отставали, и солнце, ничем не заслоненное, заливало новыми огненными потоками иссохшую почву пампасов.

Вильсон, заявляя, что у них есть достаточный запас воды, не принял во внимание неутолимой жажды, терзавшей в течение этого дня путников, а его утверждение, что на их пути наверняка встретится какая-нибудь река, было слишком поспешным. На самом деле не видно было речек (однообразно плоская почва не представляла для них удобных русел), и даже искусственные водоемы, вырытые руками индейцев, и те все пересохли. Видя, что признаки засухливости с каждой милей увеличиваются, Паганель заговорил об этом с Талькавом и спросил его, где рассчитывает он найти воду.

— В озере Салинас, — ответил индеец.

— А когда мы доедем до него?

— Завтра вечером.

Обычно аргентинцы во время путешествий по пампасам роют колодцы и находят воду на глубине нескольких саженей. Но наши путешественники, не имея нужных инструментов, не могли прибегнуть к этому способу. Пришлось ограничиваться уменьшенной порцией воды, и хотя, маленький отряд и не испытывал мучительной жажды, но все же не имел возможности напиться вволю.

Вечером, после перехода в тридцать миль, сделали привал. Все рассчитывали восстановить силы крепким сном, но ночью тучи назойливых moskitov и комаров не дали никому покоя. Появление этих насекомых указывало на предстоящую перемену ветра. И действительно, вскоре он изменил направление: стал дуть с севера. А эти проклятые насекомые обычно исчезают из той местности лишь при южном и юго-западном ветре.

В то время как майор спокойно переносил мелкие жизненные невзгоды, Паганель, напротив, негодовал на них. Проклиная moskitov и комаров, он сожалел о том, что нет подкисленной воды, которая успокаивала бы жгучую боль от множества укусов. И хотя майор пытался утешить географа, говоря, что надо считать себя уже счастливым, если из трехсот видов насекомых, известных естествоиспытателям им приходится иметь дело только с двумя, Паганель все же проснулся в плохом настроении. Однако, когда отряд на заре собирался двинуться в путь, торопить ученого не понадобилось, так как в этот день предстояло добраться до озера Салинас. Лошади были очень переутомлены. Они чуть не умирали от жажды, хотя всадники, заботясь о них, и урезывали свою собственную порцию воды. Засуха еще больше давала себя чувствовать, а зной при северном, несущем пыль ветре — этом самуме пампасов — казался еще нестерпимей.

Вдруг Мюльреди, ехавший впереди, повернул назад и сообщил своим спутникам о приближении отряда индейцев. К этой встрече отнеслись различно. Гленарвану пришло в голову, что от этих туземцев он, пожалуй, сможет узнать что-нибудь о потерпевших крушение на «Британии». Что касается Талькава, то он отнюдь не был рад встрече с индейцами-кочевниками: считая их грабителями, он старался избегать их.

По его указанию, маленький отряд сгрудился и привел в боевую готовность оружие. Нужно было

приготовиться ко всему.

Вскоре показался отряд индейцев. Он состоял человек из десяти, не больше. Это успокоило патагонца. Индейцы приблизились на расстояние каких-нибудь ста шагов. Теперь их легко можно было разглядеть. Эти туземцы принадлежали к тому пампасскому племени, которое в 1833 году разгромил генерал Розас. Рослые, с высоким выпуклым лбом, оливковым оттенком кожи, они являлись прекрасными представителями индейской расы.

Одеты они были в шкуры гуанако и хорька, а вооружение их состояло из копий футов в двадцать длиной, ножей, пращей, болас и лассо. По ловкости, с которой они управляли лошадьми, видно было, что это искусные наездники.

Они остановились шагах в ста от путешественников и стали совещаться, крича и жестикулируя. Гленарван направил к ним своего коня. Но не успел он проехать и двух сажений, как отряд индейцев круто повернул и с невероятной быстротой скрылся из виду. Истомленные лошади наших всадников, конечно, никак не смогли бы их догнать.

— Труссы! — крикнул Паганель.

— Честные люди так быстро не убегают, — прибавил Мак-Наббс.

— Что это за индейцы? — спросил Паганель Талькава.

— Гаучосы.

— Гаучосы, — повторил Паганель, поворачиваясь к своим спутникам, — гаучосы! Тогда нам не стоило принимать всех этих мер предосторожности, ибо бояться индейцев было нечего.

— Почему так? — спросил майор.

— Да потому, что эти гаучосы — безобидные крестьяне.

— Вы так думаете, Паганель?

— Конечно. Они нас приняли за грабителей и потому обратились в бегство.

Гленарван был очень раздосадован тем, что ему не удалось вступить в переговоры с этими туземцами, кем бы они ни были.

— Если я не ошибаюсь, эти гаучосы вовсе не безобидные крестьяне, — заявил майор.

— Что вы! — воскликнул Паганель.

И он с таким жаром принялся спорить по этому этнологическому вопросу, что даже умудрился расшевелить майора, и тот, вопреки своей обычной сдержанности, сказал ему:

— Мне думается, вы неправы, Паганель.

— Неправ? — переспросил ученый.

— Да. Сам Талькав принял этих индейцев за грабителей, а он хорошо знает эти края.

— Ну и что ж? На этот раз Талькав ошибся, — возразил с некоторой резкостью Паганель — гаучосы — мирные землепашцы, люди, занимающиеся скотоводством, и только. Я сам писал об этом в одной брошюре о пампасах, пользующейся некоторой известностью.

— Значит, вы ошиблись, господин Паганель.

— Я ошибся, господин Мак-Наббс?

— Если угодно — по рассеянности, — продолжал настаивать майор, — и вам надо будет внести

некоторые поправки в следующее издание вашей брошюры.

Паганель, очень уязвленный тем, что его географические сведения не только подвергаются сомнению, но и становятся предметом шуток, начал раздражаться.

— Знайте, милостивый государь, — сказал он майору, — что мои книги не нуждаются в подобных исправлениях!

— Нет, нуждаются, по крайней мере в данном случае! — возразил Мак-Наббс, также охваченный упрямством.

— Вы, сударь, что-то придирчивы сегодня! — отрезал Паганель.

— А вы что-то сварливы! — отпарировал майор.

Спор неожиданно принял большие размеры, чем этого заслуживал, разумеется, такой незначительный повод, и Гленарван нашел нужным вмешаться.

— Несомненно, — сказал он, — в вашем споре, с одной стороны, есть придирчивость, а с другой — сварливость. По правде сказать, вы оба удивляете меня.

Патагонец, не понимая, о чем спорят два друга, без труда догадался, что они готовы поссориться. Он улыбнулся и спокойно сказал:

— Это северный ветер.

— Северный ветер! — воскликнул Паганель. — При чем тут северный ветер?

— Ну конечно, — отозвался Гленарван, — ваше плохое настроение объясняется северным ветром. Помните, мне говорили, что на юге Америки он чрезвычайно раздражает нервную систему.

— Клянусь святым Патриком, вы правы, Эдуард! — воскликнул майор и расхохотался.

Но Паганель, не на шутку раздраженный, сдаваться не желал и набросился на Гленарвана, вмешательство которого ему казалось неуместно шутливым.

— Так, по-вашему, сэр, моя нервная система в возбужденном состоянии?

— Конечно, Паганель, и причина этому — северный ветер. Он здесь часто наталкивает людей даже на преступления, подобно северному ветру в окрестностях Рима.

— На преступления? — крикнул ученый. — Так я имею вид человека, собирающегося совершить преступления?

— Я этого не говорю.

— Скажите лучше прямо, что я хочу зарезать вас!

— Ох, боюсь этого! — ответил Гленарван, не будучи больше в состоянии удерживаться от смеха. — К счастью, северный ветер дует лишь в течение одного дня.

Слова Гленарвана возбудили всеобщий хохот.

Паганель пришпорил лошадь и ускакал вперед, желая рассеять в одиночестве свое плохое настроение. Через какие-нибудь четверть часа он уже и не помнил о происшедшем. Так на короткое время ученый изменил своему добродушному характеру, но, как правильно указал Гленарван, причина этого была чисто внешняя.

В восемь часов вечера Талькав, ехавший несколько впереди, сообщил, что они приближаются к желанному озеру. Четверть часа спустя маленький отряд уже спускался по крутому берегу озера Салинас. Но здесь путников ожидало тяжелое разочарование: озеро пересохло.

Глава XVIII

В поисках пресной воды

Озером Салинас заканчивается ряд небольших озер, которые тянутся между Сьерра-Бентана и Сьерра-Гуамини. Раньше к Салинасу направлялись из Буэнос-Айреса целые экспедиции для добывания соли, так как воды его содержат весьма значительное количество хлористого натрия. Но теперь вследствие жгучего зноя вода испарилась, и осевшая соль превратила озеро в огромное сверкающее зеркало.

Когда Талькав говорил о питьевой воде озера Салинас, он, в сущности, имел в виду не самое озеро, а пресные речки, впадающие в него во многих местах. Но в данное время и они пересохли: все выпило палящее солнце. Легко представить себе то подавленное состояние, которое овладело нашими путешественниками, измученными жаждой, когда они увидели высохшие берега озера Салинас.

Надо было немедленно принять какое-нибудь решение. То незначительное количество воды, какое еще сохранялось в бурдюках, было наполовину испорчено и не могло утолить жажду. А она жестоко давала себя чувствовать. И голод и усталость забывались перед этой насущной потребностью. Изнуренные путешественники приютились в руха — кожаной палатке, раскинутой и оставленной туземцами в небольшом овраге. Лошади, лежа на илистых берегах озера, с видимым отвращением жевали водоросли и сухой тростник.

Когда все разместились в руха, Паганель обратился к Талькаву с просьбой высказать свое мнение относительно того, что следует предпринять. И географ и индеец говорили быстро, но Гленарвану все же удалось разобрать несколько слов. Талькав говорил спокойно, а Паганель жестикулировал за них обоих. Их диалог длился несколько минут, после чего патагонец, замолчав, скрестил руки на груди.

— Что он сказал? — спросил Гленарван. — Мне показалось, что он советует нам разделиться.

— Да, на две группы, — ответил Паганель. — Те, у кого лошади еле передвигают ноги, пусть как-нибудь продолжают свой путь вдоль тридцать седьмой параллели. Те же, у которых лошади в лучшем состоянии, должны, опередив первый отряд, отправиться на поиски реки Гуамини, которая впадает в озеро Сан-Лукас в тридцати одной миле^[48] отсюда. Если воды в этой реке достаточно, второй отряд подождет первый на ее берегах. Если же Гуамини также пересохла, то отряд направится обратно навстречу товарищам, чтобы избавить их от напрасного перехода.

— А тогда что делать? — спросил Том Остин.

— Тогда придется спуститься на семьдесят пять миль к югу, к отрогам Сьерра-Бентана, а там рек очень много.

— Совет неплох, — сказал Гленарван, — и нам нужно немедленно последовать ему. Моя лошадь, еще не очень пострадала от недостатка воды, и я предлагаю себя в спутники Талькаву.

— О сэр, возьмите и меня с собой! — взмолился Роберт, как будто дело шло об увеселительной поездке.

— Но сможешь ли ты поспевать за нами, мальчик?

— Да! У меня хорошая лошадь. Она так и рвется вперед... Так как же, сэр?.. Прошу вас!

— Хорошо, едем, мой мальчик, — согласился Гленарван. Он, в сущности, был очень рад, что ему не придется расставаться с Робертом. — Не может же быть, в самом деле, чтобы нам втроем не удалось найти

какой-нибудь источник свежей и чистой воды!

— А я? — спросил Паганель.

— О, вы, милейший Паганель, останетесь с запасным отрядом, — отозвался майор. — Вы слишком хорошо знаете и тридцать седьмую параллель, и реку Гуамини, и вообще все пампасы, чтобы покинуть нас. Ни Мюльреди, ни Вильсон, ни я — никто из нас не будет в силах добраться до места, которое Талькав назначит для встречи. Под знаменем же храброго Жака Паганеля мы смело двинемся вперед.

— Приходится покориться, — согласился географ, очень польщенный тем, что его поставили во главе отряда.

— Но смотрите только не будьте рассеянны, — прибавил майор, — не приведите нас туда, где нам нечего будет делать: например, обратно к берегам Тихого океана!

— А вы-таки заслуживали бы этого, несносный майор!.. — смеясь, сказал Паганель. — Но вот что скажите мне, дорогой Гленарван: как будете вы объясняться с Талькавом?

— Я полагаю, что нам с патагонцем не придется разговаривать, — ответил Гленарван, — но в каком-нибудь экстренном случае тех испанских слов, которые я знаю, хватит для того, чтобы мы поняли друг друга.

— Так отправляйтесь в путь, мой достойный друг, — ответил Паганель.

— Сначала поужинаем, — сказал Гленарван, — а за тем, если сможем, поспим перед отъездом.

Путешественники закусили всухомятку, что, конечно, мало подкрепило их, а затем, за неимением лучшего, улеглись спать. Паганелю снились потоки, водопады, речки, реки, пруды, ручьи, даже полные графины — словом, снилось все, в чем обычно содержится питьевая вода. То был настоящий кошмар.

На следующий день, в шесть часов утра, лошади Талькава, Гленарвана и Роберта Гранта были оседланы. Их напоили оставшейся в бурдюках водой. Пили они с жадностью, но без удовольствия, ибо вода эта была отвратительная. Когда лошади были напоены, Талькав, Гленарван и Роберт вскочили в седла.

— До свиданья! — крикнули остающиеся.

— Главное, постарайтесь не возвращаться! — добавил Паганель.

Вскоре патаговец, Гленарван и Роберт потеряли из виду маленький отряд, оставленный на попечении географа.

Desertio de las Salinas, то есть пустыня озера Салинас, по которой ехали наши всадники, представляла собой равнину с глинистой почвой, поросшую чахлыми кустами футов в десять вышиной, низкорослыми мимозами (курра-мамел) и кустообразными растениями юмма, содержащими много соды. Кое-где встречались обширные пласты соли, отражавшие с необыкновенной яркостью солнечные лучи. Если бы не палящий зной, эти барьерос[49] можно было бы легко принять за обледенелые участки земной поверхности. Контраст между сухой, выжженной почвой и сверкающими соляными пластами придавал пустыне своеобразный и интересный вид.

Совершенно иную картину представляет находящаяся в восьмидесяти милях южнее Сьерра-Бентана, куда, если пересохла река Гуамини, пришлось бы спуститься нашим путешественникам. Этот край, обследованный в 1835 году капитаном Фиц-Роем — главой экспедиции на «Бигле», — необыкновенно плодороден. Здесь находятся роскошные, лучшие на индейских землях пастбища. Северо-западные склоны Сьерра-Бентана покрыты пышными травами; ниже расстилаются леса, богатые разнообразными видами растений. Там растет альгаробо — род рожкового дерева, плоды которого сушат, размельчают и

готовят из них хлеб, весьма ценимый индейцами; белое квебрахо — дерево с длинными, гибкими ветвями, напоминающее нашу европейскую плакучую иву; красное квебрахо, отличающееся необыкновенной прочностью; легко воспламеняющийся наудубай, часто являющийся причиной страшнейших пожаров; вираро, со своими лиловыми цветами имеющее форму пирамиды; и, наконец, восьмидесятифутовый гигант тимбо, под колоссальной кроной которого может укрыться от солнечных лучей целое стадо. Аргентинцы не раз пытались колонизировать этот богатый край, но им так и не удалось преодолеть враждебность индейцев.

Конечно, такое плодородие данной местности говорило о том, что сюда несут свои воды многочисленные речки, свергаясь по склонам горной цепи. И в самом деле, речки эти даже во время сильнейших засух никогда не пересыхают. Но чтобы добраться до них, нужно было продвигаться к югу на сто тридцать миль. Вот почему Талькав был несомненно прав, решив сначала направиться к реке Гуамини: это было и гораздо ближе и в нужном направлении.

Лошади наших трех всадников быстро неслись вперед. Эти превосходные животные, видно, инстинктивно чувствовали, куда направляли их хозяева. Особенно резво держала себя Таука. Она птицей перелетала через пересохшие ручьи и кусты курра-мамел. Лошади Гленарвана и Роберта, увлеченные ее примером, смело следовали за ней, хотя и не с такой легкостью. Талькав, словно приросший к седлу, служил также примером для своих спутников.

Патагонец часто оглядывался на Роберта. Видя, что мальчик крепко и правильно сидит в седле, наблюдая его выставленную вперед грудь, свободно опущенные ноги, прижатые к седлу колени, он выражал свое удовольствие одобрительным криком. Действительно Роберт Грант становился превосходным наездником и заслуживал похвалы индейца.

— Bravo, Роберт! — поощрял мальчика Гленарван. Талькав, видимо, доволен тобой.

— Чем же он доволен, сэръ?

— Доволен твоей посадкой.

— О, я крепко держусь, вот и все, — краснея от удовольствия, ответил мальчуган.

— А это главное, Роберт, — продолжал Гленарван. — Ты слишком скромно, но я предсказываю тебе, что из тебя выйдет отличный спортсмен.

— Что ж, это хорошо, — смеясь, сказал Роберт. — Но ведь папа хочет сделать из меня моряка. Что-то он скажет на это?

— Одно не мешает другому. Хотя и не все наездники являются хорошими моряками, но все моряки способны сделаться хорошими наездниками. Сидя верхом на рее, приучаешься крепко держаться, а осадить коня, заставить его выполнять боковые и круговые движения — это приходит само собой, ибо все это очень естественно.

— Бедный отец! — промолвил мальчик. — Как будет он благодарен вам, сэръ, когда вы его спасете!

— Ты очень любишь его, Роберт?

— Да, сэръ. Папа ведь был так добр к нам с сестрой! Он только и думал о нас. После каждого дальнего плавания он привозил нам подарки из всех тех стран, где он побывал. Но что бывало дороже всего — он, вернувшись домой, с такой любовью говорил с нами, так ласкал нас! О, когда вы узнаете папу, вы сами его полюбите! Мэри на него похожа. У него такой же мягкий голос, как и у нее. Для моряка это даже странно, не правда ли?

— Да, очень странно, Роберт, — согласился Гленарван.

— Я вот как будто вижу его, — продолжал мальчик, словно говоря сам с собой. — Хороший, славный папа! Когда я был маленьким, он укачивал меня на коленях, напевая старинную шотландскую песню, где говорится об озерах нашей родины. Порой мне вспоминается эта песня, но смутно. Мэри тоже помнит ее. Ах, как мы любили его! Знаете, мне кажется, что нужно быть ребенком, чтобы так любить своего отца!

— Но нужно вырасти, чтобы научиться уважать его, мой мальчик, — сказал Гленарван, растроганный признаниями, вырвавшимися из этого юного сердца.

За время их разговора лошади замедлили ход и пошли шагом.

— Ведь мы найдем его, правда? — проговорил Роберт после нескольких минут молчания.

— Да, мы найдем его, — ответил Гленарван. — Талькав навел нас на его след, а патагонец внушает мне доверие.

— Талькав — славный иидеец, — отозвался мальчик.

— Без сомнения!

— Знаете что, сэр?

— Скажи — что, а тогда я отвечу тебе.

— Я хочу сказать, что вокруг вас только славные люди: миссис Элен — я так ее люблю! — майор со своим невозмутимым видом, капитан Манглс, господин Паганель, а потом матросы «Дункана», такие отважные и такие преданные!

— Я знаю это, мой мальчик, — ответил Гленарван.

— А знаете ли вы, что вы лучше всех?

— Ну нет, этого я не знаю.

— Так знайте это, сэр! — воскликнул Роберт, хватая руку Гленарвана и горячо целуя ее.

Гленарван тихонько покачал головой. Он продолжал бы разговаривать с Робертом, если бы Талькав жестом не дал им понять, чтобы они поторапливались и не отставали. Необходимо было не терять времени и помнить об оставшихся позади.

Все трое всадников снова пустились вперед крупной рысью. Но вскоре стало ясно, что лошадям, за исключением Тауки, это было не под силу. В полдень пришлось дать им часовой отдых. Они совсем выбились из сил и даже отказывались есть пучки альфафары — род люцерны, — тощей и выжженной палящими лучами солнца.

Гленарвана охватило беспокойство: признаки засушливости не исчезали, и недостаток воды мог привести к губельным последствиям. Талькав молчал и, вероятно, думал, что в отчаяние приходит преждевременно, пока не выяснилось, пересохла или нет река Гуамини.

Итак, он снова двинулся вперед, и волей-неволей, побуждаемые хлыстами и шпорами, лошади поплелись шагом — большего от них добиться нельзя было.

Талькав имел возможность опередить спутников, и Таука в несколько часов домчала бы его до берегов реки. Патагонцу, несомненно, это не могло не прийти в голову, но несомненно, что он не захотел оставить спутников одних среди этой пустыни. Вот почему он заставил своего скакуна умерить шаг.

Не без сопротивления примирилась с этим Таука: она становилась на дыбы, неистово ржала. Ее хозяин прибегнул не столько к силе, сколько к увещаниям. Ведь Талькав буквально разговаривал со своей лошадью, и Таука если и не отвечала ему, то, во всяком случае, все понимала. Надо думать, что доводы патагонца были очень вески, так как, «поспорив» некоторое время, Таука сдалась-таки на увещания своего

хозяина и подчинилась, правда продолжая грызть удила.

Но если Таука поняла, чего от нее хотел Талькав, то и сам он сумел понять своего скакуна. Умное животное учуяло следы влажности в воздухе: оно жадно втягивало его, двигая и щелкая языком, словно опускало его в благодетельную влагу.

Патагонцу стало ясно: близко вода. Он подбодрил своих спутников, объяснив им нетерпение, охватившее Тауку. Вскоре и две другие лошади тоже почуяли близость воды. Они напрягли последние силы и понеслись вслед за индейцем.

Около трех часов пополудни в углублении почвы блеснула светлая полоса. Она переливалась под лучами солнца.

— Вода! — сказал Гленарван.

— Да, вода, вода! — крикнул Роберт.

Теперь им уж не нужно было погонять лошадей. Бедные животные, почувствовав прилив сил, неудержимо помчались вперед. В несколько минут они доскакали до реки Гуамини и вместе с всадниками бросились по грудь в благодетельные воды. Всадники поневоле последовали их примеру и приняли ванну, о чем им не пришло в голову жалеть.

— Ах, как вкусно! — воскликнул Роберт, упиваясь водой посередине речки.

— Будь умерен, мой мальчик, — предупредил его Гленарван, сам, однако, не подавая примера этой умеренности.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме громких, торопливых глотков. Что касается Талькава, то он пил спокойно, не спеша, глотками маленькими, но «длинными, как лассо», — по патагонскому выражению. Он никак не мог напиться, и было основание опасаться, как бы он не выпил всю реку целиком.

— Ну, видно, нашим друзьям не придется разочароваться в своих ожиданиях, — сказал Гленарван. — Добравшись до Гуамини, они будут обеспечены чистой и обильной водой, если только, конечно, Талькав оставит что-нибудь на их долю.

— А не могли бы мы отправиться им навстречу? — спросил Роберт. — Этим мы избавили бы их от нескольких часов тревоги и страданий.

— Понятно, это можно было бы сделать, мой мальчик, но в чем отвезти им воду? Ведь бурдюки остались у Вильсона. Нет, уж лучше нам ждать здесь, как было условлено. Принимая во внимание расстояние, которое им надо проехать, притом проехать шагом, они прибудут сюда только ночью. Итак, приготовим для них добрый ночлег и добрый ужин.

Талькав, не дожидаясь предложения Гленарвана, уже отправился искать место для привала. Ему повезло найти на берегу реки рамаду — трехсторонний загон для скота. Рамада эта являлась превосходным убежищем для людей, не боящихся спать под открытым небом, как это и было в данном случае. Поэтому наши путники не стали искать ничего лучшего, и все трое растянулись на земле, чтобы просушить на солнце промокшее платье.

— Место для ночлега у нас есть, — сказал Гленарван. — Подумаем теперь об ужине. Надо, чтобы наши друзья остались довольны своими посланными вперед гонцами, и если я не ошибаюсь, им не придется жаловаться на них. Мне кажется, что, поохотившись с часок, мы не потеряем времени даром... Ты готов, Роберт?

— Да, сэр, — ответил мальчик, поднимаясь на ноги с ружьем в руке.

Мысль об охоте пришла в голову Гленарвану потому, что берега Гуамини, казалось, были местом

встречи всей дичи окрестных равнин. Целыми стаями поднимались тинаму — род красных куропаток, водящихся в пампасах, — черные рябчики из породы ржанок, желтые коростели и водяные курочки с великолепным зеленым оперением.

Что же касается четвероногих, их что-то не было видно. Но Талькав, указав спутникам на высокие травы и густые лесные поросли, дал им понять, где скрываются эти животные. Нашим охотникам достаточно было сделать несколько шагов, чтобы очутиться в месте, равного которому по обилию дичи нельзя было найти на целом свете.

Для начала они предпочли четвероногую дичь пернатой: их первые выстрелы были направлены на крупную дичь пампасов. Перед их глазами предстали сотни вспугнутых косуль и гуанако, подобных тем, которые так неистово обрушились на них на вершинах Кордильер. Но эти чрезвычайно пугливые животные умчались с такой быстротой, что оказалось невозможным приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела. Тогда охотники обратили свое внимание на менее стремительную дичь, которая к тому же как пища не оставляла желать ничего лучшего. Было подстрелено штук двенадцать красных куропаток и коростелей, а кроме того, Гленарван убил метким выстрелом пекари — таи-тетр. Мясо этого толстокожего животного с рыжеватой шерстью очень вкусно, и на него не жаль было потратить порох.

Менее чем в полчаса наши охотники без труда настреляли столько дичи, сколько им было нужно. Роберт также не остался без трофеев: он застрелил любопытное животное из семейства неполнозубых — армадил, нечто вроде броненосца, длиной в полтора фута, покрытое панцирем из подвижных костистых пластинок. Это было очень жирное животное, и, по словам патагонца, из него должно было получиться превкусное блюдо. Роберт очень гордился своей добычей.

Что же касается Талькава, то он показал своим спутникам, как охотятся на нанду — род водящегося в пампасах страуса, отличающегося удивительной быстротой. Имея дело с таким быстроногим животным, индеец не стал прибегать к хитрости. Он пустил Тауку галопом прямо на нанду, стремясь сразу настичь его, ибо не сделай он этого, страус только замучил бы и лошадь и охотника запутанными извилинами своего быстрого бега.

Приблизившись к нанду на нужное расстояние, Талькав метнул своей могучей рукой болас, и так ловко, что он сейчас же обвился вокруг ног страуса и остановил его бег. Еще несколько секунд — и нанду уже лежал распростертый на земле.

Индеец постарался добыть нанду не из охотничьего тщеславия, а потому, что мясо этого страуса очень ценится, и Талькаву хотелось предложить от себя блюдо для общего стола.

Связка красных куропаток, страус Талькава, пекари Гленарвана и броненосец Роберта были принесены в рамаду. Со страуса и пекари тотчас же содрали жесткую кожу и разрезали мясо на тонкие ломтики. Что же касается броненосца, то это животное обладает одним ценным свойством: оно носит на себе противень, на котором его можно изжарить. Поэтому его без дальнейших церемоний положили на раскаленные уголья в собственном панцире.

Охотники удовольствовались за ужином одними куропатками, а то, что было более питательным, они оставили своим друзьям. К этому ужину была подана чистейшая, прозрачная вода, показавшаяся им вкуснее всех вин мира.

Не забыли и о лошадях. В рамаде нашлось такое количество сена, что его хватило не только для еды лошадям, но и для подстилки.

Когда все приготовления были закончены, Гленарван, Роберт и индеец, завернувшись в пончо, улеглись на перины из альфафары — обычное ложе охотников в пампасах.

Глава XIX

Красные волки

Настала ночь, ночь перед новолунием, когда ночное светило невидимо для обитателей Земли. Одни звезды озаряли своим слабым светом равнину. У горизонта едва мерцали в тумане созвездия Зодиака. Гуамини бесшумно катила свои воды. Птицы, четвероногие и пресмыкающиеся, устав за день, отдыхали. Безмолвие пустыни распростерлось над необъятными пампасами.

Гленарван, Роберт и Талькав последовали общему примеру: растянувшись на мягком ложе из люцерны, они спали крепчайшим сном. Обессиленные усталостью лошади также улеглись на землю. Лишь Таука, как настоящий чистокровный конь, спала, стоя на ногах. У нее и у спящей был такой же гордый вид, как и у бодрствующей. Чувствовалось, что она готова броситься вперед по первому зову хозяина. В загоне царило ничем не нарушаемое спокойствие; лишь угли догоравшего костра бросали среди безмолвного мрака последние отблески.

Однако около десяти часов вечера индеец, проспав очень недолго, проснулся. Его полуоткрытые глаза насторожились: он стал к чему-то прислушиваться. Видимо, Талькав стремился уловить какой-то еле слышный звук. Вскоре на его лице, обычно невозмутимом, отразилось смутное беспокойство. Заслышал ли он подкрадывающихся бродяг-индейцев или приближение ягуаров, рычание тигров или других опасных зверей, нередко встречающихся вблизи рек? Это последнее предположение, по-видимому, показалось ему вероятным, так как он бросил быстрый взгляд на сваленный в загоне горючий материал, после чего беспокойство его еще более усилилось. В самом деле, имевшаяся в запасе сухая альфафара должна была скоро сгореть и не могла служить длительной защитой от дерзких хищников.

При данных условиях Талькаву оставалось только одно: ждать событий, и он стал ожидать их полулежа, в позе человека, внезапно разбуженного какой-то надвигающейся опасностью.

Прошел час. Всякий другой на месте Талькава, успокоенный царившей кругом тишиной, снова улегся бы и заснул. Но там, где чужестранец ничего не заподозрил бы, индеец благодаря обостренным чувствам и природному инстинкту почуял близкую опасность. В то время как Талькав прислушивался и приглядывался, Таука вдруг глухо заржала и, повернув голову ко входу в рамаду, потянула ноздрями воздух. Патагонец быстро приподнялся.

— Таука почуяла врага, — пробормотал он и, выйдя из рамады, стал внимательно осматривать равнину.

Было тихо, но беспокойно. Талькав заметил какие-то тени, бесшумно скользившие среди поросли курра-мамелъ. Там и сям сверкали светящиеся точки. Они двигались, пересекаясь во всех направлениях, потухали, снова загорались. Можно было подумать, что это плясали по зеркалу огромной лагуны отблески каких-то фантастических фонарей. Чужестранец мог бы, конечно, принять эти летающие искры за светлячков, чье мерцание можно увидеть ночью во многих местах пампасов, но Талькав не впал в эту ошибку: патагонец понял, с каким врагом придется иметь дело. Зарядив ружье, он стал на страже у входа в загон.

Долго ждать ему не пришлось. В пампасах раздался странный крик — не то лай, не то вой. Ответом на него был выстрел из карабина, а затем послышались ужасающие завывания, казалось несшиеся из сотни глоток.

Гленарван и Роберт, внезапно разбуженные, вскочили на ноги.

— Что случилось? — крикнул Роберт.

— Уж не индейцы ли? — спросил Гленарван.

— Нет, — ответил Талькав, — агуары.

— Агуары? — вопросительно глядя на Гленарвана, повторил Роберт.

— Да, — ответил Гленарван, — красные волки пампасов.

Схватив ружья, они присоединились к индейцу. Талькав молча указал им на равнину, откуда несся оглушающий вой. Роберт инстинктивно сделал шаг назад.

— Ты не боишься волков, мой мальчик? — спросил Гленарван.

— Не боюсь, сэ, — ответил твердым тоном мальчик. — Когда я с вами, я вообще ничего не боюсь.

— Тем лучше. Эти агуары — не очень-то страшные звери, и не будь они в таком количестве, я бы совсем не обратил на них внимания.

— Что за важность, если их много! — отозвался Роберт. — Мы хорошо вооружены. Пусть только сунутся к нам!..

— И мы их примем как следует!

Говоря это, Гленарван хотел успокоить мальчика, но сам он в глубине души не без страха думал об этом ночном нашествии бесчисленного множества разъяренных хищников. Быть может, там их целые сотни, и трем человекам, хотя бы и хорошо вооруженным, нельзя было надеяться на успех в борьбе с таким количеством зверей.

Когда патаговец произнес слово «агуар», Гленарван тотчас узнал название, данное пампасскими индейцами красному волку. Этот хищник известен у натуралистов под именем *canis jubatus*. Ростом он с большую собаку, голова его похожа на лисью, шерсть у него красно-бурая, а по спине вдоль всего хребта идет черная грива. Зверь этот очень проворен и силен. Живет он обыкновенно в болотистых местах и часто преследует свою добычу даже вплавь. Ночь выгоняет красного волка из его берлоги — он спит в ней днем. Особенно боятся его в эстанциях^[50]. Голодный агуар нападает даже на крупный скот и производит немалые опустошения. В одиночку красный волк не страшен, но голодная стая их представляет большую опасность. Лучше даже встретиться с кугуаром или ягуаром: с теми можно, по крайней мере, сразиться один на один.

Слыша разносящийся по пампасам вой и видя множество скачущих по равнине теней, Гленарван не мог сомневаться в том, что на берегах Гуамини собралась огромная стая красных волков. Хищники эти почуяли верную добычу — лошадиное и человеческое мясо, и каждый из них жаждал вернуться в свою берлогу с частью этой добычи. Положение было более чем тревожное.

Тем временем круг волков мало-помалу суживался. Проснувшиеся лошади были охвачены ужасом. Лишь Таука нетерпеливо била копытом землю, порываясь оборвать повод и умчаться. Хозяину удавалось успокоить ее только непрерывным свистом. Гленарван и Роберт стали у входа в рамаду, готовясь к обороне. Зарядив карабины, они собирались уже выстрелить по первому ряду агуаров, как вдруг Талькав молча поднял рукой вверх дула их ружей.

— Чего хочет Талькав? — спросил Роберт.

— Он запрещает нам стрелять.

— Почему?

— Быть может, потому, что находит это несвоевременным.

Но не это, а причина более важная побудила индейца так поступить. Гленарван понял его, когда Талькав, открыв и перевернув свою пороховницу, показал, что она почти совсем пуста.

— Ну? — спросил Роберт.

— Ну, нам придется беречь заряды. Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас мало свинца и пороха. Мы не дадим и двадцати выстрелов.

Мальчик ничего не ответил.

— Ты не боишься, Роберт?

— Нет, сэр.

— Хорошо, мой мальчик.

В эту минуту раздался новый выстрел: Талькав уложил на месте одного слишком дерзкого врага. Волчья стая, надвигавшаяся тесными рядами, отступила и сбилась в кучу в ста шагах от частокола. Гленарван, по знаку индейца, стал на его место. А Талькав, собрав подстилки, сухую траву — словом, все, что способно гореть, навалил это у входа в рамаду и бросил в середину кучи пылающий уголь. Вскоре на черном фоне неба протянулась огненная завеса. В промежутках между языками пламени проглянула ярко освещенная колеблющимся заревом равнина. Тут Гленарван увидел, против какого неисчислимого количества хищников им придется обороняться. Вряд ли кому-нибудь приходилось видеть такое скопище голодных волков. Огненная завеса, созданная Талькавом, сразу остановила хищников и этим еще больше разъярила их. Но все же некоторые из них под натиском задних рядов приблизились к самому костру и обожгли себе лапы. Время от времени приходилось стрелять, чтобы удержать эту завывающую стаю, и через час на равнине уже валялось штук пятнадцать убитых волков.

Теперь осажденные находились в сравнительно менее опасном положении. Пока не истощились боевые припасы, пока огненная завеса пылала у входа в рамаду, нечего было опасаться вторжения волков. Но что делать тогда, когда все эти способы защиты будут исчерпаны? Гленарван посмотрел на Роберта, и сердце его сжалось. Он уже не думал о себе, а только о бедном мальчике, мужественном не по годам. Роберт был бледен, но не выпускал из рук ружья и, полный решимости, ожидал нападения разъяренных волков.

Хладнокровно обдумав положение, Гленарван решил тем или иным способом искать выхода из него.

— Через какой-нибудь час у нас не будет ни пороха, ни пуль, ни огня, — сказал он, — и, конечно, нам нужно не ждать этого момента, а принять какое-нибудь решение до него.

Он подошел к Талькаву и, припоминая все испанские слова, сохранившиеся в его памяти, начал с ним разговор, часто прерываемый выстрелами.

Не без труда удалось этим двум людям понять друг друга. К счастью, Гленарвану были известны свойства и повадки красных волков. Без этого он не понял бы слов и жестов патагонца. Все же прошло с четверть часа, прежде чем он начал рассказывать Роберту о содержании своего разговора с Талькавом.

— И что же он ответил? — спросил Роберт Грант.

— Он сказал, что нам во что бы то ни стало надо продержаться до рассвета. Агуар выходит на добычу только ночью, а с зарей возвращается в свою берлогу. Это ночной хищник: он труслив и боится дневного света — своего рода сова, только четвероногая.

— Что ж, будем защищаться до рассвета!

— Да, мой мальчик, и защищаться ножами, когда не сможем больше защищаться ружьями.

Талькав уже начал подавать этому пример: и когда какой-нибудь волк слишком приближался к пылавшему костру, патагонец просовывал сквозь пламя длинную руку, вооруженную ножом, и каждый раз он обгагрался кровью волка.

Между тем средства защиты приходили к концу. Около двух часов ночи Талькав бросил в костер последнюю охапку сухой травы; зарядов же оставалось всего на пять выстрелов.

Гленарван с грустью оглянулся вокруг. Он думал о мальчике, стоявшем подле него, о своих товарищах, думал обо всех, кого любил. Роберт молчал. Быть может, в его детском, доверчивом воображении опасность не казалась неминуемой. Но Гленарван думал о ней за него. Ему рисовалась ужасная, неизбежная перспектива: быть растерзанными живо. Не владея больше собой, он притянул к себе Роберта, прижал его к груди и со слезами, которых не в силах был удержать, поцеловал его в лоб.

Роберт, улыбаясь, посмотрел на него.

— Я не боюсь, — промолвил он.

— И не надо бояться, мой мальчик, ты прав, — ответил Гленарван. — Через два часа рассветет, и мы будем спасены... Молодец, Талькав! Молодец, мой храбрый патагонец! — крикнул он, увидев, что индеец убил ударами приклада двух огромных волков, порывавшихся перепрыгнуть через огненную преграду.

Но в эту минуту при угасающем свете костра Гленарван увидел стаю волков, идущую сплоченными рядами на приступ рамады.

Развязка этой кровавой драмы приближалась. Костер мало-помалу угасал. Равнина, до сих пор освещенная, погружалась во мрак, и в этом мраке снова замелькали фосфоресцирующие глаза красных волков. Еще несколько минут — и вся эта огромная стая устремится в загон.

Талькав выпустил последний заряд из своего карабина, прикончив еще одного врага. Истошив свои боевые припасы, патагонец скрестил руки на груди. Голова его склонилась. Казалось, он молча что-то обдумывал. Изыскивал ли он какой-нибудь смелый, невозможный, безрассудный способ отразить эту разъяренную стаю? Гленарван не решался задать ему вопрос.

Тут волки вдруг изменили свой план нападения: они стали удаляться, и их оглушительный вой сразу прекратился. На равнине воцарилась мрачная тишина.

— Они уходят, — промолвил Роберт.

— Быть может, и так, — отозвался, прислушиваясь, Гленарван.

Но Талькав, догадавшись, о чем идет речь, отрицательно покачал головой. Патагонец знал, что хищники не уйдут от верной добычи до тех пор, пока заря не загонит их в темные берлоги.

Однако тактика врагов явно изменилась: они уже не пытались ворваться через вход в рамаду, а избрали новый, еще более страшный способ действий. Агуары, отказавшись от намерения проникнуть через вход, который так упорно отстаивался огнем и оружием, обошли рамаду и напали на нее с противоположной стороны. Вскоре осажденные услышали, как когти хищников врезаются в полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями частокола уже просовывались сильные лапы, окровавленные морды. Перепуганные лошади, сорвавшись с привязи, метались, обезумев от ужаса, по загону.

Гленарван схватил мальчика и прижал к себе, собираясь защищать его до последней возможности. Быть может, у него мелькнула безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством, но в этот миг взгляд его упал на индейца. Талькав, только что быстро ходивший по загону, как дикий зверь в клетке, вдруг подошел к своей дрожавшей от нетерпения лошади и принялся тщательно седлать ее, не забывая ни

одного ремешка, ни одной пряжки. Казалось, возобновившийся с удвоенной силой вой хищников совершенно перестал его беспокоить. Гленарван смотрел на патагонца с ужасом.

— Он бросает нас на произвол судьбы! — воскликнул он, видя, что Талькав собирает поводья, как человек, готовящийся вспрыгнуть в седло.

— Талькав? Никогда! — сказал Роберт.

И действительно, индеец собирался не бросить друзей, а спасти их ценой своей жизни.

Таука была оседлана: она грызла удила и нетерпеливо прыгала на месте; глаза ее, полные огня, метали молнии. Лошадь поняла хозяина. В тот момент, когда индеец, уцепившись за гриву, собирался вскочить на коня, Гленарван судорожным движением схватил его за руку.

— Ты уезжаешь? — спросил он, указывая на покинутую волками часть равнины.

— Да, — ответил индеец, понявший жест Гленарвана. Затем он добавил по-испански: — Таука — хорошая лошадь! Быстроногая! Увлечет за собой волков.

— Ах, Талькав! — воскликнул Гленарван.

— Скорей, скорей! — торопил индеец.

— Роберт! Мальчик мой! Ты слышишь? — сказал Гленарван Роберту дрожащим от волнения голосом — Он хочет пожертвовать собой ради нас! Хочет умчаться в пампасы, чтобы, навлекши на себя ярость волков, отвлечь их от нас!

— Друг Талькав! — крикнул Роберт, бросаясь к ногам патагонца. — Друг Талькав, не покидай нас!

— Нет, он нас не покинет, — уверял Гленарван и, обернувшись к индейцу, прибавил: — Едем вместе!

Он указал на обезумевших от страха лошадей, жавшихся к столбам частокола.

— Нет, — возразил индеец, понявший его намерение. — Плохие лошади. Перепуганные... Таука — хороший конь!

— Ну что же, пусть будет так, — сказал Гленарван. — Талькав не покинет тебя, Роберт. Он показал мне, что я должен сделать. Мне надо ехать, ему — остаться с тобой!

И, схватив за уздечку Тауку, он объявил:

— Поеду я!

— Нет, — спокойно ответил патагонец.

— Говорю тебе, что я поеду! — крикнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. — А ты спасай мальчика! Доверяю тебе его, Талькав!

Гленарван в своем возбуждении перемешивал испанские слова с английскими. Но что значит язык! В такие грозные мгновения все выражается жестами, и люди сразу понимают друг друга.

Но Талькав настаивал на своем, спор затягивался, а опасность с секунды на секунду все возрастала. Изгрызенные кольца частокола уже начинали уступать натиску волков.

Ни Гленарван, ни Талькав не хотели уступать друг другу. Индеец увлек Гленарвана ко входу в загон; он показывал ему на освобожденную от волков равнину. Своей страстной речью он стремился заставить понять Гленарвана, что нельзя терять ни секунды, что в случае неудачи в наибольшей опасности окажутся оставшиеся; наконец, что он один достаточно знает Тауку, чтобы использовать для общего спасения изумительное проворство и быстроту ее бега. Но Гленарван в ослеплении упорствовал: он во что бы то ни стало хотел пожертвовать собой.

Вдруг что-то с силой оттолкнуло его. Таука прыгала, взвивалась на дыбы и вдруг, рванувшись вперед, перелетела через огненную преграду и лежавшие за ней трупы волков.

В ту же минуту донесся детский голос:

— Прощайте!

И перед глазами Гленарвана и Талькава промелькнула фигурка Роберта, вцепившегося в гриву Тауки, — промелькнула и исчезла во мраке.

— Роберт! Несчастный! — крикнул Гленарван.

Но этого крика не расслышал даже индеец: раздался ужасающий вой. Красные волки, бросившись по следам ускакавшей лошади, мчались с невероятной быстротой на запад.

Талькав и Гленарван выбежали из рамады. На равнине уже снова водворилась тишина; лишь вдали среди ночного мрака смутно ускользала какая-то волнообразная линия.

Подавленный, ломая в отчаянии руки, Гленарван упал на землю. Он поднял глаза на Талькава. Тот улыбался со свойственным ему спокойствием.

— Таука — хорошая лошадь! Храбрый мальчик! Спасется... — повторял патагонец, подкрепляя слова кивками головы.

— А если он упадет? — сказал Гленарван.

— Не упадет!

Несмотря на эту уверенность Талькава, несчастный Гленарван провел ночь в страшной тревоге. Он даже не думал о том, что с исчезновением стаи волков для него исчезла и опасность. Он хотел скакать на поиски Роберта. Индеец не пустил его и дал ему понять, что с их лошадьми догнать Роберта невыносимо, что Таука, конечно, опередила своих врагов и найти ее среди темноты невозможно. Словом, по его убеждению, надо было ждать рассвета и только тогда броситься на поиски Роберта.

В четыре часа утра стала заниматься заря. Сгустившийся у горизонта туман вскоре окрасился бледным золотом.

Прозрачная роса пала на равнину, и утренний ветерок закачал ее высокие травы. Пришло время отправляться.

— В дорогу! — сказал индеец.

Гленарван молча вскочил на лошадь Роберта. Вскоре наши два всадника неслись галопом к западу, придерживаясь прямой линии, от которой не должен был отклоняться и второй отряд.

В течение часа они мчались с бешеной быстротой, ища глазами Роберта и на каждом шагу боясь увидеть его окровавленный труп. Гленарван немилосердно всаживал шпоры в бока своей лошади. Вдруг послышались ружейные выстрелы, раздававшиеся через определенные промежутки времени, как это обыкновенно делается при сигнализации.

— Это они! — воскликнул Гленарван.

Оба всадника еще быстрее погнали своих лошадей. Несколько минут спустя они соединились с отрядом Паганеля. У Гленарвана вырвался крик: Роберт был здесь, живой и невредимый, верхом на великолепной Тауке! Лошадь радостно заржала, завидев своего хозяина.

— Ах, мальчик мой, мальчик! — с невыразимой нежностью воскликнул Гленарван.

И они с Робертом, соскочив с лошадей, бросились на шею друг другу.

Затем наступила очередь индейца прижать к своей груди мужественного сына капитана Гранта.

— Он жив! Он жив! — восклицал Гленарван.

— Да, — ответил Роберт: — благодаря Тауке!

Но еще до того, как индеец услышал эти полные признательности слова, он уже начал благодарить своего коня: говорил с ним, целовал его, словно в жилах этого благородного животного текла человеческая кровь.

Затем Талькав повернулся к Паганелю.

— Храбрец! — сказал он, указывая на Роберта. И, пользуясь индейской метафорой для выражения отваги, добавил: — Шпоры его не дрогнули.

— Скажи, дитя мое, почему ты не дал ни мне, ни Талькаву сделать эту последнюю попытку спасти тебя? — спросил Гленарван, обнимая Роберта.

— Сэр, — ответил мальчик, и в голосе его звучала горячая благодарность, — разве не моя была очередь пожертвовать собой? Талькав уже раз спас мне жизнь, а вы спасете жизнь моего отца!

Глава XX

Аргентинские равнины

Как ни радостна была встреча, но после первых же излияний все бывшие в отряде Паганеля, за исключением, быть может, одного майора Мак-Наббса, почувствовали, что они умирают от жажды. К счастью, Гуамини протекала невдалеке, и путешественники немедленно двинулись в дальнейший путь. В семь часов утра маленький отряд достиг загона. При виде нагроможденных у входа волчьих трупов легко можно было себе представить, как яростно нападали враг и с какой энергией оборонялись осажденные.

Путешественники, с лихвой утолили свою жажду, после чего им предложили в ограде загона феноменально обильный завтрак. Филе нанду было признано великолепным, а броненосец, зажаренный в собственном панцире, — восхитительным блюдом.

— Есть такие вкусные вещи в умеренном количестве было бы неблагодарностью по отношению к провидению, — заявил Паганель. — Долой умеренность!

И географ действительно объелся, отбросив всякую умеренность, но его здоровье не потерпело от этого никакого ущерба благодаря воде Гуамини: по мнению ученого, она обладала свойствами, способствующими пищеварению.

В десять часов утра Гленарван, не желая повторять ошибку Ганнибала, чрезмерно задержавшегося в Капуе, подал сигнал к отправлению. Бурдюки были наполнены водой, и отряд пустился в путь. Освеженные и сытые лошади охотно мчались вперед и почти все время неслись легким галопом. Местность становилась более влажной, а потому и более плодородной, но оставалась такой же пустынной.

2 и 3 ноября прошли без всяких приключений, и вечером второго дня наши путешественники, уже привыкшие к длинным переходам, сделали привал на границе между пампасами и провинцией Буэнос-Айрес. Отряд покинул бухту Талькагуано 14 октября. Значит, он совершил в двадцать два дня переход в четыреста пятьдесят миль; иными словами, им были преодолены уже две трети пути.

На следующее утро путешественники перешли условную границу, отделяющую аргентинские равнины от пампасов. Здесь Талькав надеялся встретить тех кациков, в руках которых — он был уверен — находятся Гарри Грант и два его товарища по плену.

Из четырнадцати провинций, составляющих Аргентинскую республику, провинция Буэнос-Айрес самая обширная и самая населенная. На юге между 64° и 65° она граничит с индейской территорией. Почва этой провинции удивительно плодородна, а климат необыкновенно здоровый. Она представляет собой простирающуюся до подножия гор Тандиль и Тапальквем почти идеально гладкую равнину, покрытую злаками и бобовыми кустарниковыми растениями.

Покинув берега Гуамини, наши путешественники, к своему немалому удовольствию, заметили, что температура становится все умереннее; в среднем было не более семнадцати градусов по Цельсию. Причиной этого понижения температуры были сильные холодные ветры, не перестававшие дуть из Патагонии. И животные и люди, столько претерпевшие от засухи и зноя, теперь не имели ни малейшего повода жаловаться. Путешественники ехали бодро и уверенно. Но, вопреки ожиданиям Талькава, край казался совершенно необитаемым, или, вернее сказать, обезлюдившим.

Та линия к востоку вдоль тридцать седьмой параллели, по которой двигался отряд, часто проходила мимо небольших озер то с пресной, то с солоноватой водой или пересекала эти озера. У воды порхали под

сенью кустов проворные королюки и пели веселые жаворонки; тут же мелькали тангары — соперники колибри по разноцветному блестящему оперению. Все эти красивые птицы весело хлопали крыльями, не обращая внимания на скворцов с их красными погонями и красной грудью, расхаживавших по откосам дороги, точно солдаты на военном параде. На колючих кустах раскачивались, как гамак креолки, подвижные гнезда птиц, носящих название «аннубис», а по берегам озер, распуская по ветру огнецветные крылья, бродили целыми стаями великолепные фламинго. Здесь же виднелись их гнезда, тысячами расположенные близко друг от друга, имевшие форму усеченного конуса примерно в фут вышиной и образовавшие что-то похожее на городок.

Приближение всадников не очень встревожило фламинго, и это не понравилось ученому Паганелю.

— Мне давно хотелось увидеть, как летают фламинго, — сказал он майору.

— Вот и прекрасно! — отозвался майор.

— И, конечно, раз представляется случай, я им воспользуюсь.

— Пользуйтесь им, Паганель!

— Так пойдете со мной, майор, и ты тоже, Роберт. Мне нужны свидетели.

И Паганель, пропустив вперед большинство своих спутников, направился в сопровождении майора и Роберта к стае краснокрылых. Приблизившись к ним на расстояние выстрела, географ выпалил из ружья холостым зарядом — он не был способен пролить напрасно даже и птичью кровь, — после чего фламинго, словно сговорившись, все сразу поднялись и улетели. Паганель внимательно следил за ними сквозь очки.

— Ну что, вы видели, как они летают? — спросил он майора, когда стая исчезла из виду.

— Конечно, видел, — ответил Мак-Наббс. — Только слепой не увидел бы этого.

— Скажите, похож ли летящий фламинго на оперенную стрелу?

— Ничуть не похож.

— Ни малейшего сходства, — прибавил Роберт.

— Я был в этом уверен, — с довольным видом заявил ученый. — А вот представьте, что мой знаменитый соотечественник Шатобриан, допустил, однако, это неточное сравнение фламинго со стрелой. Запомни, Роберт: сравнение — самая рискованная из всех известных мне риторических фигур. Бойся сравнений всю свою жизнь и прибегай к ним лишь в самых крайних случаях.

— Итак, вы довольны вашим экспериментом? — спросил майор.

— Чрезвычайно.

— И я тоже. Но теперь давайте поторопим лошадей: по милости вашего знаменитого Шатобриана мы отстали на целую милю.

Подъезжая к своим спутникам, Паганель увидел, что Гленарван ведет какой-то оживленный разговор с индейцем, видимо плохо понимая его. Талькав то и дело останавливался, внимательно всматривался в горизонт, и каждый раз на его лице отражалось сильное удивление.

Гленарван, не видя подле себя своего обычного переводчика, попытался было сам расспросить индейца, но эта попытка оказалась безуспешной. Заметив приближавшегося ученого, Гленарван еще издали крикнул ему:

— Скорей сюда, друг Паганель, а то мы с Талькавом никак не можем понять друг друга!

Побеседовав несколько минут с патагонцем, Паганель обернулся к Гленарвану.

— Талькава, — сказал он, — удивляет один факт, и в самом деле очень странный.

— Какой?

— Дело в том, что нигде кругом не видно ни индейцев, ни даже следов их, а между тем их отряды обычно пересекают эти равнины во всех направлениях: то они гонят скот, то пробираются к Кордильерам — продавать там свои самодельные ковры и бичи, сплетенные из кожи.

— А чем Талькава объясняет исчезновение индейцев?

— Он сам не находит объяснения, а только удивляется.

— Каких же индейцев рассчитывал он встретить в этой части пампасов?

— Именно тех, в чьих руках были пленники-чужестранцы: индейцев, находящихся под властью кациков Кальфукура, Катриеля или Янчетруца.

— Что это за люди?

— Это вожди племен. Они были всемогущи до того, как их лет тридцать назад оттеснили за горы. С тех пор они подчинились Аргентине — насколько, впрочем, может подчиниться индеец^[51] — и теперь кочуют по пампасам и по провинции Буэнос-Айрес. И, признаться, я удивлен не меньше Талькава тем обстоятельством, что нам не встречаются следы индейцев в этих местностях.

— Но что же, в таком случае, нам предпринять? — спросил Гленарван.

— Сейчас узнаю, — ответил Паганель.

Снова поговорив несколько минут с Талькавом, он сказал:

— То, что советует патагонец, мне кажется очень разумным. По его мнению, нам следует продолжать путь на восток до форта Независимый, и если даже мы не получим там сведений о капитане Гранте, то, во всяком случае, узнаем, куда девались индейцы Аргентинской равнины.

— А форт этот далеко отсюда? — поинтересовался Гленарван.

— Нет, он находится в горах Тандиль, милях в шестидесяти.

— Когда же мы будем там?

— Послезавтра к вечеру.

Гленарван был порядком озадачен этим обстоятельством. Казалось, меньше всего можно было ожидать, что в пампасах не встретятся индейцы. Обычно их там даже слишком много. Очевидно, какое-то исключительное обстоятельство повлекло за собой их исчезновение. Но если Гарри Грант является действительно пленником одного из этих племен, важно было узнать, куда же увели его индейцы: на север или на юг? Эти сомнения не переставали тревожить Гленарвана. Нужно было во что бы то ни стало не потерять следов капитана, и потому разумней всего казалось последовать совету Талькава — добираться до селения Тандиль. Там, по крайней мере, можно будет с кем-нибудь переговорить.

Около четырех часов пополудни на горизонте вырисовался холм, который в такой плоской местности мог быть назван и горой. Это была Сьерра-Тапальквем. Достигнув ее подножия, наши путники расположились лагерем на ночь.

На следующий день они с чрезвычайной легкостью перебрались через эту гору: продвигаться приходилось по отлогим песчаным склонам. Перебраться через такую горную цепь людям, перевалившим через Кордильеры, казалось легко. Лошадям почти не пришлось замедлять ход. В полдень всадники миновали заброшенный форт Тапальквем. Но, ко все возраставшему изумлению Талькава, индейцев и здесь не оказалось. Однако около полудня вдали появились три всадника, хорошо вооруженные, на

прекрасных конях. Они некоторое время наблюдали за маленьким отрядом, а затем, не дав возможности приблизиться к ним, умчались с невероятной быстротой.

— Гаучо, — пояснил патаговец, давая этим туземцам то название, которое вызвало в свое время такой горячий спор между майором и Паганелем.

Между тем наши путешественники, по совету Талькава, ехали, держась близко друг от друга: как ни был пустынен этот край, все же следовало остерегаться неожиданного нападения. Однако эти меры предосторожности оказались излишними, и в тот же вечер маленький отряд расположился на ночлег в пустой, обширной тольдерии, где кацик Катриель имел обыкновение собирать предводимые им отряды туземцев. Патаговец обследовал землю кругом, и так как нигде не было заметно свежих следов, он пришел к заключению, что тольдерия эта уже давно пустует.

На следующий день Гленарван и его спутники снова очутились на равнине. Показались первые из расположенных близ горной цепи Тандиль эстанций. Но Талькав решил не делать здесь привала, а двигаться прямо к форту Независимый, где он рассчитывал получить нужные сведения, в первую очередь — о причинах этого странного обезлюдения края.

Снова появились деревья, так редко встречавшиеся за Кордильерами. Большинство их было посажено после заселения американской территории европейцами. Здесь росли персиковые деревья, тополя, ивы, акации; они росли без ухода, быстро и хорошо. Больше всего этих деревьев было вокруг коралей — обширных загонов для скота, обнесенных частоколом. Там паслись и откармливались целыми тысячами быки, бараны, коровы и лошади, на которых было выжжено раскаленным железом тавро их хозяина. Множество крупных и бдительных собак сторожило их. Слегка солончаковая почва, расстилающаяся у подошвы гор, является очень подходящей для стад и дает им превосходный корм. Поэтому такую почву и выбирают обычно для устройства эстанций. Во главе этих скотоводческих хозяйств стоят заведующий и его помощник, имеющие в своем распоряжении пеонов, по четыре человека на каждую тысячу голов скота. Эти люди ведут жизнь библейских пастырей. Их стада так же многочисленны, а быть может, еще многочисленнее тех, которые заполняли равнины Месопотамии.

Паганель обратил внимание своих спутников на одно любопытное явление, свойственное этим плоским равнинам: на миражи. Так, эстанции издали напоминали большие острова, а растущие вокруг них тополя и ивы, казалось, отражались в прозрачных водах, отступавших по мере приближения путешественников. Иллюзия была настолько полной, что наши путники все снова и снова поддавались обману.

В течение 6 ноября отряд проехал мимо нескольких эстанций, а также одной-двух саладеро. Здесь режут скот откормленный на сочных пастбищах. Саладеро — одновременно и солильня, как показывает название: место, где не только убивают скот, но и солят его мясо. Эта отталкивающая работа начинается в конце весны.

Саладеросы приходят за животными в кораль; они ловят их с помощью лассо, которым владеют с большой ловкостью, и отводят их в саладеро. Здесь всех этих быков, волов, коров, овец убивают сотнями; с них сдирают шкуру и разделяют их туши. Но часто быки не дают убить себя без сопротивления. Тогда саладеросы превращаются в тореадоров. И они выполняют эту опасную работу с редкой ловкостью и столь же редкой жестокостью. В общем, эта резня представляет собой ужасное зрелище. Ничего не может быть отвратительнее саладеро. Из этих страшных, зловонных загонов слышатся свирепые крики саладеросов, зловещий лай собак, протяжный вой издыхающих животных. Сюда же тысячами слетаются крупные аргентинские ястребы.

Но сейчас в этих саладеро царили тишина и покой — они были необитаемы. Час грандиозной резни

еще не наступил.

Талькав торопил отряд. Он хотел еще в тот же вечер попасть в форт Независимый. Лошади, подгоняемые седоками и увлеченные примером Тауки, мчались среди высоких злаков. Навстречу всадникам попадались фермы, окруженные зубчатыми стенами и защищенные глубокими рвами. На кровле главного дома имелась терраса, с которой обитатели, всегда готовые к бою, могли отстреливаться от нападения с равнины.

Гленарвану, быть может, и удалось бы получить на этих фермах сведения, которых он добивался, но вернее было добираться до селения Тандиль. Поэтому всадники нигде не останавливались. Через две реки: Рио-Гуэзос и несколькими милями дальше Рио-Шапалеофу — переправились вброд. Вскоре горная цепь Тандиль развернула под ногами лошадей зеленые скаты своих первых уступов, и через час в глубине узкого ущелья показалось селение, над которым возвышались зубчатые стены форта Независимый.

Глава XXI

Форт Независимый

Сьерра-Тандиль возвышается над уровнем моря на тысячу футов. Происхождение ее древнейшее: она возникла до появления на Земле всякой органической жизни. Эта горная цепь представляет собой полукруглый ряд гнейсовых холмов, поросших травой. Округ Тандиль, носящий имя горной цепи, занимает всю южную часть провинции Буэнос-Айрес. На севере границей округа являются склоны горной цепи, на которых берут свое начало текущие на север реки.

Округ Тандиль имеет около четырех тысяч жителей. Административный центр его — селение Тандиль — расположен у подошвы северных склонов гор, под защитой форта Независимый. Протекающая здесь речка Шапалеофу придает селению довольно живописный вид. У этого поселка была одна необычная особенность, о которой не мог не знать Паганель: он был населен французскими басками^[52] и итальянцами. Действительно, французы первые основали свои колонии по нижнему течению Ла-Платы. В 1828 году для защиты новой колонии от частых нападений индейцев, защищавших свои владения, французом Паршаппом был выстроен форт Независимый. В этом деле ему оказывал содействие французский ученый Алсид д'Орбиньи, который превосходно изучил и описал эту часть Южной Америки.

Селение Тандиль — довольно важный пункт. Его галерас — большие, запряженные быками телеги, очень удобные для передвижения по дорогам равнины, — добираются до Буэнос-Айреса в двенадцать дней, поэтому население поддерживает с этим городом довольно оживленную торговлю. Жители Тандиля возят туда скот своих эстанций, соленое мясо своих саладеро и очень любопытные произведения индейской промышленности: бумажные и шерстяные ткани, плетения из кожи, отличающиеся весьма тонкой работой, и тому подобное.

Рассказав обо всем этом, Паганель прибавил, что в Тандиле несомненно можно будет получить интересующи их сведения от местных жителей; к тому же в форте всегда стоит отряд национальных войск. Гленарван распорядился поставить лошадей на конюшне довольно приличной на вид фонды^[53], а затем сам он, Паганель майор и Роберт в сопровождении Талькава направились в форт Независимый.

Поднявшись немного в гору, они очутились у входа в крепость. Ее довольно-таки небрежно охранял часовой-аргентинец. Он пропустил наших путешественников беспрепятственно, что говорило либо о чрезвычайной беспечности, либо о полнейшей безопасности.

На площади крепости происходило ученье солдат. Самому старшему из них было не больше двадцати лет, а самый младший не дорос и до семи. По правде сказать, это были не солдаты, а дюжина детей и подростков, довольно точно проделывавших воинские упражнения. Форменная одежда их состояла из полосатой сорочки, стянутой кожаными поясом. О панталонах, длинных или коротких, и помину не было. Впрочем, при такой теплой погоде можно было свободно позволить себе так легко одеваться. Паганель сразу составил себе хорошее мнение о правительстве, не растрачивающем государственные деньги на галуны и прочую мишуру. У каждого из этих мальчуганов имелись ружье и сабля, но для младших ружье было слишком тяжело, а сабля длинна. Все они были смуглые и походили друг на друга, равно как и обучавший их капрал. По-видимому — так впоследствии и оказалось, — это были двенадцать братьев, которых обучал военному делу тринадцатый.

Паганель не был удивлен. Будучи посвящен в местную статистику, он знал, что здесь среднее количество детей в семье больше девяти, но чрезвычайно изумило его то обстоятельство, что юные воины

обучались ружейным приемам, принятым во французской армии, и что капрал отдавал порой команду на родном языке географа.

— Вот это оригинально! — промолвил он.

Но Гленарван явился в форт Независимый не для того чтобы смотреть, как какие-то мальчуганы упражняются в военном искусстве; еще менее интересовали его их национальность и происхождение. Поэтому он не дал Паганелю долго удивляться, а попросил его вызвать коменданта. Паганель передал эту просьбу капралу, и один из аргентинских солдат направился к домику, служившему казармой.

Спустя несколько минут появился и сам комендант. Это был человек лет пятидесяти, крепкий, с военной выправкой. У него были жесткие усы, выдающиеся скулы, волосы с проседью, повелительный взгляд. Таков был комендант, поскольку можно было судить о нем сквозь густые клубы дыма, вырывавшиеся из его короткой трубки. Походка его и своеобразная манера держаться напомнили Паганелю старых унтер-офицеров его родины.

Талькав, подойдя к коменданту, представил ему Гленарвана и его спутников. Пока Талькав говорил, комендант рассматривал Паганеля с настойчивостью, способной смутить любого посетителя. Ученый, не понимая, в чем дело, собирался уже попросить у него объяснений, но тот, бесцеремонно взяв географа за руку, радостным голосом спросил на его родном языке:

— Француз?

— Да, француз, — ответил Паганель.

— Ах, хорошо! Добро пожаловать! Милости просим! Сам француз! — выпалил комендант, с угрожающей энергией трясая руку ученого.

— Это один из ваших друзей? — спросил географа майор.

— Ясно! — ответил тот не без гордости. — Таких друзей находишь во всех пяти частях света.

Не без труда освободив свою руку из живых тисков, чуть не раздавивших ее, он вступил в разговор с богатырем-комендантом. Гленарван охотно бы вставил слово по поводу интересующего его дела, но вояка начал рассказывать свою историю и отнюдь не был склонен останавливаться на полпути. Видно было, что этот бравый малый так давно покинул Францию, что стал уже забывать свой родной язык — если не самые слова, то построение фраз. Он говорил примерно так, как говорят негры во французских колониях.

Комендант форта Независимый действительно оказался сержантом французской армии, бывшим товарищем Паршаппа. С самого основания форта, с 1828 года, он не покидал его, а в настоящее время состоял комендантом форта, причем занимал этот пост с согласия аргентинского правительства. Это был баск пятидесяти лет, по имени Мануэль Ифарагер, — как видим, почти испанец. Спустя год после прибытия в Тандиль сержант Мануэль натурализовался, поступил на службу в аргентинскую армию и женился на достойнейшей индианке. Скоро жена подарила ему двух близнецов — разумеется, мальчиков, ибо достойная спутница жизни сержанта никогда не позволила бы себе подарить ему дочерей. Для Мануэля не существовало на свете другой деятельности, кроме военной, и он надеялся со временем преподнести республике целую роту юных солдат.

— Вы видели? — воскликнул он. — Молодцы! Хорошие солдаты! Хозе! Хуан! Микель! Пепе!.. Пепе семь лет, а он уже откусывает патрон!

Пепе, услышав, что его хвалят, сдвинул свои крошечные ножки и очень ловко отдал честь ружьем.

— Пойдет далеко, — прибавил комендант. — Когда-нибудь будет полковником или старшим бригадиром!

Рассказ Мануэля Ифарагера, к великому удивлению Талькава, длился добрых четверть часа. Индейцу было непонятно, как может столько слов выходить из одного горла. Никто не прерывал коменданта. Но так как даже и французский сержант должен когда-нибудь замолчать, замолчал наконец и Мануэль, заставив предварительно гостей зайти к нему в дом. Те безропотно покорились необходимости быть представленными госпоже Ифарагер, а познакомившись с ней, нашли ее «милой особой».

Когда все желания сержанта были выполнены, он спросил гостей, что доставило ему честь видеть их у себя.

Наступил самый благоприятный момент для расспросов. Эту задачу взял на себя Паганель. Начал он с того, что рассказал коменданту на французском языке обо всем их путешествии по пампасам, а кончил тем, что спросил, по какой причине индейцы покинули этот край.

— Э, никого! — воскликнул сержант, пожимая плечами. — Верно!.. Никого... Мы все сложа руки... делать нечего...

— Но почему?

— Война.

— Война?

— Да, гражданская война...

— Гражданская война? — переспросил Паганель.

— Да, война между Парагваем и Буэнос-Айресом, — ответил сержант.

— Ну и что же?

— Ну, индейцы все на севере... по пятам генерала Флорес...

— Где же кацики?

— Кацики с ними.

— Как, и Катриель?

— Нет Катриеля.

— А Кальфукура?

— Нет Кальфукура.

— А Янчетруца?

— Нет Янчетруца.

Этот разговор был передан Талькаву, и тот утвердительно кивнул головой. Патагонец, видимо, не знал или забыл о гражданской войне, которая в это время уничтожала население аргентинских провинций Парагвай и Буэнос-Айрес и должна была в будущем повлечь вмешательство Бразилии. Таким образом, сержант не ошибался, объясняя обезлюдение пампасов междоусобной войной, свирепствовавшей в северных провинциях Аргентины.

Но это событие расстраивало все планы Гленарвана. В самом деле, если только Гарри Грант в плену у кациков, то они, значит, увели его к северным границам республики. А если так, то где и как его разыскивать? Следовало ли предпринять новые опасные и почти бесполезные поиски на севере пампасов? Прежде чем принять такое серьезное решение, надо было тщательно его обсудить.

Оставался, однако, еще один важный вопрос, который можно было задать сержанту, и сделать это пришло в голову майору. В то время как его друзья молча переглядывались между собой, Мак-Наббс

спросил сержанта, не слышал ли он о том, что у кациков пампасов находятся в плену европейцы.

Мануэль подумал несколько минут с видом человека, что-то припоминающего, а затем сказал:

— Да, слышал.

— А! — вырвалось у Гленарвана; у него блеснула новая надежда.

Он, Паганель, Мак-Наббс и Роберт окружили сержанта.

— Говорите, говорите же! — впиваясь в него глазами, повторяли они.

— Несколько лет назад... — начал сержант, — да, верно... европейские пленники... но никогда не видел.

— Несколько лет! — прервал его Гленарван. — Вы ошибаетесь. «Британия» погибла в июне 1862 года. Значит, это было меньше чем два года назад.

— О! Больше этого, сэр!

— Не может быть! — крикнул Паганель.

— Нет, так. Это было, когда родился Пепе... Дело шло о двух пленных.

— Нет, о трех, — вмешался Гленарван.

— О двух, — настаивал сержант.

— О двух? — переспросил очень удивленный Гленарван. — О двух англичанах?

— Совсем нет, — ответил сержант. — Какие там англичане! Нет... один — француз, другой — итальянец.

— Итальянец, который был убит индейцами племени поюхов? — воскликнул Паганель.

— Да... потом узнал... француз спасся.

— Спасся! — воскликнул Роберт, жизнь которого, казалось, зависела от того, что скажет сержант.

— Да, спасся — убежал из плена, — подтвердил сержант.

Все оглянулись на Паганеля: он в отчаянии ударял себя по лбу.

— Теперь понимаю, — промолвил он наконец. — Все объясняется, все ясно!

— Но в чем же дело? — нетерпеливо спросил встревоженный Гленарван.

— Друзья мои, — сказал Паганель, беря в свои руки руки Роберта, — нам придется примириться с крупной неудачей: мы шли по ложному пути. Тут речь идет вовсе не о капитане Гранте, а об одном моем соотечественнике, товарищ которого, Марко Вазелло, был действительно убит индейцами племени поюхов. Француза же индейцы несколько раз уводили с собой к берегам реки Колорадо. Потом ему удалось бежать, и он снова увидел Францию. Думая, что мы идем по следам Гарри Гранта, мы шли по следам молодого Гинара.

Слова Паганеля были встречены глубоким молчанием. Ошибка была очевидна. Подробности, сообщенные сержантом, национальность пленника, убийство его товарища, его бегство из плена — все подтверждало ее.

Гленарван с удрученным видом смотрел на Талькава.

— Вы никогда не слышали о трех пленных англичанах? — спросил Талькав сержанта.

— Никогда, — ответил Мануэль. — В Тандиле было бы известно... я знал бы... Нет, этого не было.

После такого категорического заявления Гленарвану больше нечего было делать в форте Независимый. Он и его друзья, поблагодарив сержанта и, пожав ему руку, удалились.

Гленарван был в отчаянии, видя, что все его надежды рушились. Роберт молча шел подле него с влажными от слез глазами. Гленарван не мог найти для мальчика ни одного слова утешения. Паганель, жестикулируя, разговаривал сам с собой. Майор не открывал рта. Что касается Талькава, то, видимо, его индейское самолюбие было задето тем, что он повел иностранцев по неверному следу.

Однако никому из них не пришло в голову поставить ему в вину столь извинительную ошибку.

Ужин прошел грустно. Конечно, ни один из этих мужественных и самоотверженных людей не жалел о том, что напрасно потратил столько сил и напрасно подвергал себя стольким опасностям, но каждого из них угнетала мысль, что в одно мгновение рухнула всякая надежда на успех. В самом деле, можно ли было надеяться напасть на след капитана Гранта между горами Тандиль и океаном? Разумеется, нет. Если бы какой-нибудь европеец попал в руки индейцев у берегов Атлантического океана, то, конечно, это было бы известно сержанту Мануэлю. Такое происшествие не могло ускользнуть от внимания туземцев, которые вели постоянную торговлю и с Тандилем и с Карменом, расположенным у устья Рио-Негро. А торговцы Аргентинской равнины все знают и обо всем рассказывают, что там делается. Итак, нашим путешественникам оставалось лишь одно: без промедления добираться до «Дункана», ожидавшего их, как было условлено, у мыса Медано.

Все же Паганель попросил у Гленарвана документ, на основании которого были предприняты их неудачные поиски. Географ перечитывал его с нескрываемым раздражением. Он словно стремился вырвать у него новое толкование.

— Но ведь документ так ясен! — повторял Гленарван. — В нем самым определенным образом говорится и о кораблекрушении «Британии» и о том, где находится в плену капитан Грант.

— А я заверяю, что нет! — ответил, ударив кулаком по столу, Паганель. — Нет и нет! Раз Гарри Гранта нет в пампасах — значит, его вообще нет в Америке. А где он, об этом нам должен сказать этот документ. И он скажет это, друзья мои, или я не Жак Паганель!

Глава XXII

Наводнение

Форт Независимый находится в ста пятидесяти милях от берегов Атлантического океана. Гленарван считал, что если не случится в пути каких-либо неожиданных задержек — а этого вряд ли можно было ожидать, — то они должны быть на «Дункане» через четыре дня. Но вернуться на корабль без капитана Гранта, потерпев полную неудачу в своих розысках, — с этим он никак не мог примириться. Поэтому на следующий день он медлил с подготовкой к отъезду. Майор сам приказал запасти провизию, оседлать лошадей и расспросить, где можно будет остановиться в пути. Благодаря проявленной им энергии маленький отряд уже спускался в восемь часов утра по поросшим травой склонам Сьерра-Тандиль.

Гленарван молча скакал рядом с Робертом. Его смелый, решительный характер не позволял ему отнестись спокойно к постигшей его неудаче. Сердце его бешено билось, голова пылала. Паганель, раздосадованный неудачей, перебирал в голове слова документа, пытаясь найти в них какой-нибудь новый смысл. Талькав ехал молча, опустив поводья на шею Тауке. Никогда не терявший надежды майор держался бодро, как человек, не знающий, что такое упадок духа. Том Остин и оба матроса разделяли огорчение своего начальника. Пугливый кролик перебежал дорогу. Суеверные шотландцы переглянулись.

— Плохое предзнаменование, — промолвил Вильсон.

— Да, в Шотландии, — отозвался Мюльреди.

— То, что плохо в Шотландии, не лучше и здесь, — поучительно заметил Вильсон.

Около полудня наши путешественники перевалили через горную цепь Тандиль и очутились на обширных равнинах, волнообразно спускающихся к океану. На каждом шагу встречались реки. Орошая своей прозрачной водой этот плодородный край, они терялись среди тучных пастбищ. Земля, как океан после бури, делалась все более гладкой. Последние отроги гор остались позади, и теперь лошади ступали по ровной, однообразной прерии, словно по большому зеленому ковру.

До сих пор погода стояла прекрасная, но в этот день небо омрачилось. Огромное количество паров, образовавшихся вследствие высокой температуры последних дней, скопилось в виде густых туч, грозивших проливным дождем. К тому же близость Атлантического океана и постоянный западный ветер делали климат этой местности особенно влажным. Об этом можно было судить по ее плодородию, по тучности пастбищ, по темно-зеленой окраске трав. В тот день, однако, тяжелые тучи не разразились ливнем, и к вечеру лошади, сделав конец в сорок миль, добрались до берегов глубоких, огромных естественных углублений, наполненных водой. Здесь сделали привал. Укрыться было негде. Пончо послужили нашим путешественникам и палатками и одеялами. Все заснуло под открытым небом, угрожавшим ливнем. К счастью, угрозой все и ограничилось. На другой день, по мере того как равнина понижалась к океану, сделалось еще заметнее присутствие подпочвенных вод — влага просачивалась как бы через все поры земли. Вскоре дорогу на восток стали пересекать большие пруды: одни из них были уже полноводные, другие только начинали наполняться. Пока по пути попадались эти ясно очерченные, свободные от водяных растений лагуны, лошади легко пробирались мимо них, но когда появились так называемые пентаны — трясины, заросшие высокими травами, — подвигаться стало гораздо труднее. Заметить их и своевременно избежать опасности было невозможно.

Эти пентаны, очевидно, были роковыми для многих живых существ. Действительно, Роберт, обогнавший отряд чуть не на полмили, прискакал назад, крича:

— Господин Паганель! Господин Паганель! Там целый лес рогов!

— Что? — удивился Паганель. — Ты нашел лес рогов?

— Да, да! Если не лес, то, по крайней мере, лесную поросль!

— Лесную поросль? Ты бредишь, мальчик! — промолвил Паганель, пожимая плечами.

— Нет, это не бред, — уверял Роберт, — вы сами увидите. Вот так диковинный край! Здесь сеют рога, и они растут, как хлеба. Хотелось бы мне иметь такие семена!

— Да ведь он говорит серьезно, — сказал майор.

— Да, господин майор, вы сейчас убедитесь в этом.

Роберт не ошибался: вскоре отряд подъехал к огромному полю, утыканному рогами. Рога эти торчали правильными рядами, и им не было видно конца. Действительно, это место производило впечатление какой-то низкорослой, густой, но странной лесной поросли.

— Ну что? — спросил Роберт.

— Вот это оригинально! — промолвил Паганель и тотчас обратился за разъяснениями к Талькаву.

— Рога торчат из земли, но под нею быки, — заявил Талкав.

— Как, — воскликнул Паганель, — здесь, в этой трясине, увязло целое стадо?

— Да, — подтвердил патагонец.

И в самом деле: здесь нашло свою смерть огромное стадо — почва не выдержала его тяжести. Сотни голов быков недавно погибли здесь, задохнувшись в громадной трясине. Такого рода катастрофы порой случаются в аргентинских равнинах, и этого не мог не знать Талькав. Конечно, подобное предостережение надо было принять во внимание.

Наш отряд объехал эту колоссальную гекатомбу[54], способную удовлетворить самых требовательных богов древнего мира, и час спустя это поле рогов осталось в двух милях позади.

Талькава, видимо, стало тревожить какое-то необычное явление. Он часто останавливал лошадь и поднимался на стременах. Большой рост давал ему возможность окинуть взором обширное пространство, но, должно быть, не замечая ничего, что могло бы объяснить ему происходящее, он снова пускал свою лошадь вперед. Проехав с милю, он останавливался, а затем, отделившись от своих спутников, отъезжал на несколько миль то к северу, то к югу, после чего опять становился во главе отряда, ни одним словом не выдавая ни своих надежд, ни своих опасений. Такое поведение Талькава заинтересовало Паганеля и обеспокоило Гленарвана. Он попросил ученого узнать у индейца, в чем дело.

Паганель тотчас же обратился к Талькаву за разъяснениями. Индеец ответил, что он не может понять, почему почва так пропитана влагой. Никогда еще, с тех пор как он служит проводником, не случалось ему видеть, чтобы почва была до того размыта. Даже в период сильных дождей по Аргентинской равнине всегда можно было пробраться.

— Но чему же приписать эту все возрастающую влажность? — интересовался Паганель.

— Не знаю, — ответил индеец, — да если бы и знал...

— А разве горные речки во время сильных ливней не выходят из берегов?

— Случается.

— Так, может быть, это происходит и теперь?

— Может быть.

Паганель принужден был довольствоваться этим полуответом. Он сообщил Гленарвану результаты своего разговора.

— А что советуешь Талькав? — спросил Гленарван.

— Что надо делать? — спросил Паганель патягонца.

— Ехать быстрее, — ответил индеец.

Совет этот легче было дать, чем выполнить. Лошади быстро утомлялись, ступая по земле, уходившей из-под их ног. Местность все понижалась, и эта часть равнины представляла собой огромную ложину, куда быстро могли нахлынуть соседние воды. Поэтому следовало, по возможности, скорее выбраться из этих низких мест, которые при наводнении не замедлили бы превратиться в озера.

Поехали быстрее. Но будто мало было той воды, по которой шлепали лошади: около двух часов пополудни разверзлись хляби небесные, и хлынул потоками тропический ливень. Укрыться от этого потока не было возможности. Оставалось одно: стать философами и стоически переносить его. На пончо всадников стекала вода со шляп, словно с переполненных желобов крыш. С бахромы седел струились ручьи. Всадники, осыпаемые брызгами, летевшими из-под копыт лошадей, ехали как бы под двойным ливнем — с небес и с земли.

Промокшие, окоченевшие от холода, измученные усталостью, наши путники к вечеру добрались до какого-то жалкого ранчо. Только очень непритворные люди могли видеть в этом ранчо убежище, и только путешественники, находящиеся в отчаянном положении, способны были укрыться в нем. Но у Гленарвана и его спутников не было выбора, и они забились в эту заброшенную лачугу, которой пренебрег бы последний бедняк-индеец. Не без труда развели они там из сухой травы жалкий костер, дававший больше дыма, чем тепла. За стенами ранчо дождь продолжал лить как из ведра, и крупные капли его просачивались сквозь прогнившую соломенную крышу. Двадцать раз костер грозило залить, и двадцать раз его отстояли, борясь со вторгающейся водой.

Очень посредственный и мало питательный ужин прошел весьма невесело. Ни у кого не было аппетита. Только один майор оказал честь промокшей провизии: невозмутимый Мак-Наббс был выше всяких злоключений. Паганель, как истый француз, попытался было пошутить, но ему никого не удалось рассмешить.

— Видно, шутки мои подмочены, — заметил он — они дают осечки.

Лучшее, что можно было сделать в подобном положении, это заснуть. Поэтому каждый попытался на время забыть во сне свою усталость. Ночь была бурная, ранчо трещало, качалось и грозило рухнуть при каждом сильном порыве ветра. Несчастные лошади, ничем не защищенные от непогоды, жалобно ржали во дворе, но и хозяевам их было не многим лучше в их скверной лачуге. Мало-помалу сон все же стал одолевать наших путников. Первым заснул Роберт, положив голову на плечо Гленарвану, а за ним погрузились в сон и все остальные временные обитатели ранчо.

Ночь прошла без происшествий. Разбудила путников Таука. Бодрая, как всегда, она ржала и с силой била копытом о стену ранчо. Когда Талькав не подавал сигнала к отъезду, это умела сделать его лошадь. Так как путешественники были уже многим обязаны Тауке, то не повиноваться ей было нельзя, и отряд двинулся в путь.

Ливень прекратился, шел только небольшой дождь, но глинистая почва уже не впитывала скопившихся вод. Все эти лужи, болота, пруды выступали из берегов и сливались в огромные банадо предательской глубины. Паганель, взглянув на карту, подумал не без основания, что Рио-Гранде и Рио-Виварота — реки, в которые обычно стекают все воды этой равнины, теперь, вероятно, образовали одно

русло шириной в несколько миль.

Необходимо было двигаться вперед с наибольшей быстротой. Вопрос шел об их общем спасении. Если наводнение усилится, где тогда найти убежище? До самого горизонта не видно было ни одного высокого пункта, а на такую низменную равнину воды должны были нахлынуть очень быстро.

Лошадей пустили во весь опор. Таука неслась впереди. В эти минуты она больше какого-нибудь земноводного с его могучими плавниками заслуживала название морского коня, ибо скакала в воде, словно это была ее родная стихия.

Вдруг, около десяти часов утра, Таука стала проявлять признаки сильнейшего волнения. Она то и дело поворачивала морду к южным необозримым просторам равнины. Она протяжно ржала, с силой втягивала свежий воздух, порывисто вскидывалась на дыбы. Скачки лошади не могли вышибить Талькава из седла, но все же он не без труда справлялся с нею. Он натянул удила — выступавшая изо рта коня пена окрасилась кровью, но горячее животное все не унималось. Хозяин Тауки сознавал, что стоит дать ей волю, и она во весь опор умчится к северу.

— Что это творится с Таукой? — спросил Паганель. — Уж не впились ли в нее здешние прожорливые пиявки?

— Нет, — ответил индеец.

— Значит, она чего-то испугалась.

— Да, она почуяла опасность.

— Какую же?

— Не знаю.

Хотя опасность, почуянная Таукой, была еще недоступна глазам, но слух уже улавливал ее. Глухой рокот, похожий на рокот прилива, доносился издалека, из-за линии горизонта. Порывистый ветер был влажен и нес с собой водяную пыль. Птицы, видимо улетаая от какого-то явления природы, неизвестного нашим путешественникам, неслись во весь дух. Лошади, ступая по колону в воде, уже ощущали напор течения. Вскоре со стороны юга, в какой-нибудь полумиле от нашего отряда, послышалось ужасающее мычанье, ржанье, бляенье, и вдали показались огромные стада перепуганных животных. Опрокидывая друг друга, вновь поднимаясь, бешено порываясь вперед, они мчались со страшной быстротой. С трудом можно было разглядеть этих обезумевших животных из-за поднимаемых ими столбов водяных брызг. Кажется, и сто самых больших китов не могли бы с большей силой взволновать океан.

— Anda, anda! [\[55\]](#) — крикнул громовым голосом Талькав.

Что это такое? — спросил Паганель.

— Разлив! Разлив! — ответил Талькав и, дав шпоры лошади, помчался к северу.

— Наводнение! — воскликнул Паганель. И все понеслись вслед за Таукой.

Нельзя было медлить: милях в пяти на юге уже виднелся надвигавшийся оттуда огромный, широчайший водяной вал, превращавший равнину в настоящий океан. Высокие травы исчезали, словно скошенные. Вырванные водой мимозовые растения неслись по течению, образуя как бы островки. Вода прибывала с непреодолимой силой. Очевидно, перемычки между крупнейшими реками пампасов были разрушены, и, быть может, воды Колорадо на севере и Рио-Негро на юге слились в один поток.

Водяной вал, на который указал Талькав, надвигался со скоростью скаковой лошади. Наши всадники уносились от него, словно тучи, гонимые вихрем. Их глаза напрасно искали места, где можно было бы найти убежище: до самого горизонта простиралась вода. Охваченные паническим страхом, лошади

мчались неистовым галопом. Всадники едва держались в седлах. Гленарван часто оглядывался назад.

«Вода настигает нас», — думал он.

— Anda, anda! — кричал Талькав.

И всадники пытались еще увеличить скорость бега своих лошадей. С боков несчастных животных, истерзанных шпорами, сочилась кровь — она тянулась по воде длинными красными нитями. Лошади спотыкались о неровности почвы. Они запутывались в скрытых под водой травах. Они падали. Их заставляли подниматься. Они снова падали, и снова их заставляли подниматься. А между тем уровень воды все повышался и повышался. По ней уже шли волны, говорившие о том, что грозный вал вскоре настигнет путешественников, — его гребень пенился уже меньше чем в двух милях позади них.

С четверть часа продолжалась эта отчаянная борьба с грознейшей из всех стихий. Беглецы не были в состоянии дать себе отчет в том, какое расстояние они покрыли, но, судя по скорости, бега лошадей, вероятно, оно было немалое. Между тем лошади, будучи уже по грудь в воде, могли двигаться вперед лишь с величайшим трудом. Гленарван, Паганель, Остин — все считали себя погибшими, обреченными на страшную смерть. Лошади начинали терять почву под ногами, а глубина в шесть футов означала для всадников смерть.

Не поддается описанию смертельная тоска этих восьми людей, по пятам которых надвигался чудовищный водяной вал. Они чувствовали, что борьба со стихийным бедствием превышает человеческие силы. Спасение их зависело уже не от них.

Прошло пять минут, и лошади поплыли. Течение несло их с невероятной скоростью, превышавшей скорость самого быстрого их бега, то есть быстрее чем двадцать миль в час.

Казалось, уже исчезла всякая надежда на спасение, как вдруг раздался голос майора:

— Дерево!

— Дерево? — воскликнул Гленарван.

— Там, там! — отозвался Талькав и указал пальцем на гигантское ореховое дерево, одиноко поднимавшееся из воды саженьях в восьмистах от них.

Подгонять своих спутников Талькаву не пришлось. Все понимали, что надо во что бы то ни стало добраться до этого дерева, так неожиданно попавшегося на их пути. Лошади, видимо, не в силах были доплыть до него, но люди, по крайней мере, могли спастись: течение несло их к дереву. В этот миг лошадь Остина глухо заржала и исчезла под водой. Сам он высвободил ноги из стремян и поплыл, мощно работая руками.

— Хватайся за мое седло! — крикнул ему Гленарван.

— Спасибо, сэр, — ответил Том Остин. — Руки у меня крепкие!

— А как твоя лошадь, Роберт? — спросил Гленарван, поворачиваясь к юному Гранту.

— Она плывет, сэр, плывет, как рыба.

— Внимание! — сказал громко майор.

Не успел он произнести это слово, как огромный вал настиг беглецов; чудовищный, в сорок футов вышиной, он обрушился на них с ужасающим шумом. Люди и животные — все исчезли в водовороте пены. Колоссальная масса воды, в несколько миллионов тонн весом, понесла их в своем бешеном разливе.

Когда вал прокатился дальше, путешественники вынырнули на поверхность воды и поспешно пересчитали друг друга. Все были налицо, но лошади, кроме Тауки, исчезли.

— Смелее! Смелее! — подбадривал Паганеля Гленарван, поддерживая его одной рукой и работая в воде другой.

— Ничего... ничего!. — отозвался почтенный ученый. — Я даже не жалею...

Но о чем не жалел он, так навсегда и осталось неизвестным, ибо конец фразы бедняге пришлось проглотить вместе с большим количеством мутной воды. Майор спокойно плыл вперед стилем, который одобрил бы любой учитель плавания. Матросы скользили, как два дельфина, попавшие в родную стихию. Что касается Роберта, то он уцепился за гриву Тауки, и она тащила его. Лошадь, мощно рассекая грудью воду, инстинктивно плыла к дереву, куда, впрочем, несло ее и течение.

До дерева оставалось только сажень двадцать; еще несколько минут — и весь отряд доплыл до него. Это было счастьем: не будь дерева, пропала бы всякая надежда на спасение — пришлось бы погибнуть в волнах.

Вода доходила до нижних основных ветвей дерева, и потому взобраться на него было нетрудно. Талькав бросил лошадь и, посадив Роберта, первый влез на дерево, и вскоре его могучие руки помогли всем остальным измученным пловцам взобраться туда же.

Между тем Тауку быстро относил течением. Она поворачивала к хозяину свою умную голову и, встряхивая длинной гривой, ржала, как бы зовя его на помощь.

— Ты бросаешь ее на произвол судьбы? — спросил Паганель Талькава.

— Я?.. — крикнул индеец.

И, кинувшись в бурные воды, он вынырнул сажень в десяти от дерева. Через несколько минут рука его уже держалась за шею Тауки, и оба — лошадь и всадник — плыли по течению к северу, в туманную даль.

Глава XXIII

Путешественники ведут птичий образ жизни

Дерево, где Гленарван и его спутники нашли себе убежище, походило на ореховое; листья его были блестящие и крона закругленная. На самом же деле это было омбу, растущее в одиночку среди аргентинских равнин. Его огромный, искривленный ствол прикреплен к земле не только толстыми корнями, но и могучими отростками, что делает его особенно устойчивым. Поэтому-то оно и смогло выдержать такой шторм водяной стихии.

Это омбу имело футов сто вышины и могло покрыть своей тенью окружность саженей в шестьдесят. Основой этой громады являлись ствол в шесть футов толщиной и идущие от него три массивные ветви. Две из них поднимались почти вертикально. Они-то и поддерживали огромную крону, разветвления которой, скрещенные, перепутанные, словно сплетенные корзинщиком, образовали непроницаемое прикрытие. Третья ветвь, напротив, тянулась почти горизонтально над ревущими водами; ее нижние листья в них даже купались. Эта ветвь представляла собой как бы мыс зеленого острова, окруженного океаном. На таком гигантском дереве недостатка места, конечно, не чувствовалось, и под его роскошной листвой было вдоволь и воздуха и пролады. Глядя на колоссальную крону омбу, поднимавшую чуть не до самых облаков свои бесчисленные, перевитые лианами разветвления, и на солнечные лучи, скользившие сквозь просветы листвы, можно было, право, думать, что на этом дереве вырос целый лес.

При появлении на омбу наших беглецов целый пернатый мирок птиц взлетел на верхние ветки, протестуя своими криками против столь вопиющего захвата их обиталища. Видимо, во время наводнения птицы также нашли себе приют на этом одиноком дереве. Их было здесь великое множество: целые сотни черных дроздов, скворцов, изаков, хильгуэрос, но больше всего, пожалуй, колибри — пика-флор — с лучезарным оперением. Когда эти птички вспорхнули, можно было подумать, что это порыв ветра сорвал с дерева все его цветы.

Таково было убежище, случайно подвернувшееся маленькому отряду Гленарвана. Юный Грант и ловкий Вильсон, едва взобравшись на дерево, тотчас же залезли на самую его верхушку. Они высунули из зеленого купола свои головы и с высоты окинули взглядом необъятный горизонт. Океан, созданный наводнением, окружал их со всех сторон: не видно было ни конца его, ни края. Над этой водной равниной не поднималось ни единого дерева — только их омбу содрогалось под напором бушевавших вокруг него волн. Вдали, увлекаемые с юга на север стремительным течением, проносились вырванные с корнями стволы деревьев, сломанные, скрученные ветви, солома с кровель разрушенных ранчо, балки, сорванные водой с крыш эстанций, трупы утонувших животных, окровавленные шкуры и плывшая на качающемся дереве целая семья ягуаров — они, рыча, вцепились когтями в свое утлое судно. Еще дальше Вильсону удалось разглядеть едва заметную черную точку. То были Талькав и его верная Таука — они исчезали вдали.

— Талькав! Друг Талькав! — крикнул Роберт, протягивая руку в сторону, где только что был виден мужественный патаговец.

— Он спасется, мастер [\[56\]](#) Роберт, — сказал Вильсон. — А теперь давайте спускаться вниз.

Через минуту Роберт Грант и матрос, спустившись с «трехэтажных» ветвей, были уже на верхушке ствола — там, где начинались нижние ветви. Здесь сидели Гленарван, Паганель, майор, Остин и Мюльреди, каждый сообразно своим вкусам: кто верхом, кто уцепившись за ветки. Вильсон рассказал про

то, что он видел с вершины омбу. Все согласились с ним в том, что Талькав не погибнет. Разногласия вызвал лишь вопрос, кто кого спасет: Талькав ли Тауку или Таука Талькава.

Положение гостей омбу было бесспорно гораздо более угрожающим, чем положение патагонца. Правда, дерево, по-видимому, должно было выдержать напор течения, но все прибывающая вода могла подняться до верхних его ветвей, ибо эта часть равнины, представляя собой глубокую ложбину, являлась в этот час природным водоемом. Поэтому Гленарван прежде всего распорядился сделать зарубки на стволе омбу, чтобы иметь возможность следить за уровнем воды. Она не поднималась — значит, наводнение уже достигло своей наибольшей высоты. Это несколько успокоило наших путешественников.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Гленарван.

— Вить гнездо, черт возьми! — весело отозвался Паганель.

— Вить гнездо! — воскликнул Роберт.

— Без сомнения, мой мальчик, и жить жизнью птиц, раз мы не можем жить жизнью рыб.

— Хорошо, — согласился Гленарван, — но кто же будет кормить нас?

— Я, — заявил майор.

Глаза всех присутствующих устремились на Мак-Наббса.

Майор с комфортом сидел в кресле из двух гибких ветвей и протягивал спутникам свои, правда, промокшие, но все же туго набитые чересседельные сумки.

— Узнаю вас, Мак-Наббс! — воскликнул Гленарван. — Вы всегда помните обо всем, даже при таких обстоятельствах, когда позволительно все забыть!

— Раз мы решили не тонуть, то, верно, не собираемся умереть с голоду, — отозвался майор.

— Я бы тоже, конечно, подумал о пище, не будь я так рассеян, — наивно сказал Паганель.

— А что в этих сумках? — поинтересовался Том Остин.

— Пища для семи человек на два дня, — ответил Мак-Наббс.

— Отлично! — промолвил Гленарван. — Надо надеяться, что за сутки вода заметно спадет.

— Или что мы найдем за это время способ добраться до твердой земли, — прибавил Паганель.

— Итак, наш первый долг — позавтракать, — заявил Гленарван.

— Предварительно высушив свою одежду, — заметил майор.

— А откуда добыть огня? — спросил Вильсон.

— Развести его, — ответил Паганель.

— Где?

— Да здесь же, на верхушке ствола, черт возьми!

— Из чего?

— Из сухих веток, которые мы наломаем на этом же дереве.

— Но как их разжечь? — спросил Гленарван. — Наш трут напоминает мокрую губку.

— Обойдемся и без него, — ответил Паганель. — Немного сухого мху, увеличительное стекло моей подозрительной трубы, луч солнца — и вы увидите, у какого чудесного огня я стану греться. Ну, кто пойдет в лес за дровами?

— Я! — крикнул Роберт.

И, сопровождаемый своим другом Вильсоном, мальчик, словно котенок, исчез в чаще ветвей.

Во время их отсутствия Паганель набрал сухого мху, уложил его на слой сырых листьев на верхушке ствола, в том месте, где расходились три толстые нижние ветви, затем вывинтил из подзорной трубы увеличительное стекло и, поймав с помощью его солнечный луч — а сделать это было легко, ибо дневное светило ярко сияло, — без труда зажег сухой мох. Такой костер не представлял никакой опасности. Вскоре Вильсон и Роберт вернулись с охапками сухих сучьев, которые тотчас же были брошены на горящий мох. Чтобы поскорее разжечь сучья, Паганель прибег к арабскому способу; он стал, расставив свои длинные ноги, над костром и, быстро нагибаясь и выпрямляясь, принялся раздувать огонь своим пончо. Сучья загорелись, и вскоре яркое пламя с треском взвилось над импровизированным очагом. Каждый начал обсушиваться по-своему; повешенные на ветвях пончо развеивались на ветру. Обсушившись, стали закусывать, соблюдая при этом должную умеренность — ведь приходилось думать и о завтрашнем дне: провизии было очень мало, а нахлынувшие в огромную ложбину воды могли спадать медленнее, чем надеялся Гленарван. На омбу не произрастало никаких плодов, но, к счастью, благодаря множеству гнезд на его ветвях дерево могло снабдить своих гостей замечательным ассортиментом яиц; кроме того, имелось немало и пернатых жильцов. Ни яйцами, ни дичью, пренебрегать, конечно, не приходилось.

Сверх того, ввиду возможности продолжительного пребывания на дереве надо было разместиться поудобнее.

— Раз кухня и столовая у нас в нижнем этаже, то спать мы отправимся этажом повыше, — заявил Паганель. — Места в доме много, квартирная плата невысокая, стесняться нечего. Вон там, наверху, я вижу люльки, будто уготованные нам самой природой; если мы основательно привяжем себя к ним, мы сможем спать, как на лучших кроватях в мире. Опасаться нам нечего. К тому же можно установить и дежурство. Отряду в семь человек не страшна стая диких зверей.

— У нас не хватает лишь оружия, — заметил Том Остин.

— Мои револьверы при мне, — заявил Гленарван.

— И мои тоже, — отозвался Роберт.

— А зачем они нам, если господин Паганель не найдет способа изготовить порох? — спросил Том Остин.

— Это не нужно, — откликнулся Мак-Наббс, показывая совершенно неподмоченную пороховницу.

— Откуда вы взяли ее, майор? — спросил заинтересованный Паганель.

— Это пороховница Талькава. Он подумал о том, что она может нам пригодиться, и, прежде чем броситься спасать Тауку, передал ее мне.

— Какой великодушный и отважный индеец! — воскликнул Гленарван.

— Да, если только все патагонцы похожи на него, то я поздравляю Патагонию, — молвил Том Остин.

— Прошу вас не забывать и о Тауке, — прибавил Паганель — ведь она — неотъемлемая часть патагонца. Я уверен, что мы снова увидим Талькава верхом на его Тауке.

— Как далеко находимся мы от Атлантического океана? — спросил майор.

— Милых в сорока, самое большее, — ответил географ. — А теперь, друзья мои, раз каждый из нас волен делать, что ему заблагорассудится, я прошу разрешения вас покинуть. Сейчас я поднимусь наверх, выберу наблюдательный пункт и оттуда с помощью подзорной трубы буду докладывать вам о том, что творится на свете.

Ученому предоставили действовать по его усмотрению, и он, проворно взбираясь по веткам, не замедлил исчезнуть за зеленой завесой листвы. Спутники же его начали приготовляться к ночлегу. Они быстро покончили с этой несложной работой: ведь им не пришлось ни устанавливать кровати, ни накрывать их бельем и одеялами. А потому все вскоре опять разместились вокруг костра.

Завязался разговор, но вовсе не о настоящем положении наших путешественников, которое им приходилось терпеливо переносить. Разговор вернулся к неисчерпаемой теме — к судьбе капитана Гранта. Если только воды схлынут, то через каких-нибудь три дня маленький отряд снова очутится на борту «Дункана», но с ним не будет несчастных, потерпевших кораблекрушение: Гарри Гранта и его двух матросов. Казалось даже, что после такой неудачи, как бесполезный переход через Америку, всякая надежда найти их была безвозвратно потеряна. Где следовало их теперь искать? В каком горе будут Элен и Мэри Грант, когда узнают, что будущее не сулит им никакой надежды!

— Бедная сестра! — промолвил грустно Роберт. — Для нас с ней все кончено!

Впервые Гленарван не нашел для мальчика ни одного слова утешения. О какой надежде можно было говорить? Разве экспедиция самым точным образом не придерживалась в своих поисках указаний найденного документа?

— А все же тридцать седьмая параллель не является какой-то пустой цифрой, — сказал он. — Относится ли она к месту плена Гарри Гранта или к крушению его судна, но, во всяком случае, цифра эта не вымысел, не вывод, не догадка! Мы прочли ее собственными глазами.

— Все это так, сэр, — отозвался Том Остин, — однако ж наши поиски ни к чему не привели.

— Вот это-то одновременно и раздражает меня и приводит в ярость! — воскликнул Гленарван.

— Раздражить это может, — заметил Мак-Наббс спокойным тоном, — а приходить в ярость не к чему. Именно потому, что у нас имеется бесспорная цифра, мы должны исчерпать до конца все ее указания.

— Что хотите вы этим сказать, — спросил Гленарван, — и что, по-вашему, можно нам еще предпринять?

— Да нечто очень простое и логичное, дорогой Эдуард: добравшись до «Дункана», нам следует взять курс на восток и, если понадобится, продвигаться вдоль этой тридцать седьмой параллели хотя бы до того самого пункта, откуда мы вышли.

— Неужели вы можете предположить, Мак-Наббс, что я не думал об этом? — ответил Гленарван. — Да, конечно, сто раз думал! Но какие шансы имеем мы на успех? Покидая Американский материк, мы ведь удаляемся от места, указанного самим Гарри Грантом: удаляемся от Патагонии, о которой так ясно говорится в документе.

— Значит, вы хотите возобновить свои поиски в пампасах и теперь, когда вы уверены в том, что «Британия» не потерпела крушения ни у берегов Тихого океана, ни у берегов Атлантического? — возразил майор.

На этот вопрос Гленарван ничего не ответил.

— И как ни мало шансов найти Гарри Гранта, следуя вдоль тридцать седьмой параллели, можем ли мы не попытаться это сделать? — добавил Мак-Наббс.

— Я с этим не спору, — отозвался Гленарван.

— А вы, друзья мои, — обратился майор к морякам, — согласны ли вы со мной?

— Совершенно согласны, — ответил Том Остин.

А Мюльреди и Вильсон одобрили его слова кивком головы.

— Выслушайте меня, друзья мои, — продолжал после некоторого размышления Гленарван, — и ты, Роберт, вникни хорошенько в то, что я скажу, ибо вопрос этот очень важный. Я сделаю все, чтобы отыскать капитана Гранта. Я взял на себя обязательство сделать это и, если понадобится, посвящу этим розыскам всю свою жизнь. Вся Шотландия поможет мне спасти этого мужественного, преданного ей человека. Я тоже думаю, что как ни мало шансов на успех, а надо обогнуть земной шар по тридцать седьмой параллели, и я это сделаю. Но сейчас нам предстоит решить не этот вопрос, а другой, более сложный. Вот он: должны ли мы отныне окончательно отказаться от наших розысков на Американском материке?

Столь категорически поставленный вопрос остался без ответа. Никто из присутствующих не отважился высказать свое мнение.

— Что скажете? — спросил Гленарван, обращаясь к майору.

— Ответить на ваш вопрос, дорогой Эдуард, — значит взять на себя довольно большую ответственность, — сказал Мак-Наббс. — Это требует размышлений. Прежде всего я хочу знать, через какие именно страны проходит тридцать седьмая параллель южной широты.

— Это уж дело Паганеля, — сказал Гленарван.

— Так спросим его.

Географа не было видно за густой листвой, и Гленарвану пришлось окликнуть его:

— Паганель! Паганель!

— Я здесь, — ответил голос, словно с неба.

— Где вы?

— На моей башне.

— Что вы делаете?

— Рассматриваю необъятный горизонт.

— Можете вы на минутку спуститься сюда?

— Я вам нужен?

— Да.

— По какому поводу?

— Чтобы узнать, через какие страны проходит тридцать седьмая параллель.

— Ничего нет легче, — ответил Паганель, — и для этого мне вовсе не нужно спускаться вниз.

— Ну, так скажите!

— Так вот, покидая Америку, тридцать седьмая параллель южной широты пересекает Атлантический океан.

— Хорошо!

— На своем пути она встречает острова Тристан-да-Кунья.

— Прекрасно!

— Далее она проходит двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды.

— Затем?

- Пересекает Индийский океан.
- Потом?
- Едва касается острова святого Петра в Амстердамском архипелаге.
- Дальше?
- Пересекает Австралию, проходя через провинцию Виктория.
- Продолжайте!
- Выходя из Австралии...

Эта последняя фраза осталась недоконченной. Колебался ли географ? Забыл ли он, как дальше идет тридцать седьмая параллель? Нет. С вершины омбу прозвучало громогласное восклицание, громкий крик. Гленарван и его друзья, побледнев, переглянулись. Неужели произошла новая катастрофа? Неужели Паганель упал?

Уже Вильсон и Мюльреди бросились на помощь, как вдруг показалось длинное туловище — Паганель катился с ветки на ветку. Руки его не могли ни за что ухватиться. Был ли он жив? Был ли он мертв? Неизвестно. Он уже падал в ревущие волны; рука майора удержала его.

- Благодарствуйте, Мак-Наббс! — воскликнул Паганель.
- Что с вами? — спросил майор. — Что случилось? Опять ваша всегдашняя рассеянность, не так ли?
- Да, да, — ответил Паганель, задыхаясь от волнения. — Да, рассеянность... и на этот раз просто феноменальная...
- В чем же дело?
- Мы впали в заблуждение! Мы и сейчас заблуждаемся! Мы все время заблуждаемся!
- Что вы хотите сказать?
- Гленарван, майор, Роберт и вы все, друзья мои, слушайте! Мы ищем капитана Гранта там, где его нет!
- Что вы говорите? — воскликнул Гленарван.
- И не только там, где его нет, но где никогда и не было! — добавил Паганель.

Глава XXIV

Путешественники продолжают вести птичий образ жизни

Эти столь неожиданные слова вызвали глубокое удивление. Что хотел сказать географ? Уж не сошел ли он с ума? Однако он говорил так убедительно, что все взоры обратились к Гленарвану. Утверждение Паганеля было, в сущности, прямым ответом на только что заданный Гленарваном вопрос. Но Гленарван ограничился тем, что отрицательно покачал головой. Он, видимо, отнесся скептически к словам ученого. А тот, справившись со своим волнением, снова заговорил.

— Да, да, — сказал он с убеждением, — мы искали там, где не надо было искать, и прочли в документе то, чего там нет.

— Объясните же вашу мысль, Паганель, — попросил Мак-Наббс, — только спокойнее.

— Все очень просто, майор. Как и вы все, я заблуждался. Как и вы все, я неверно толковал документ. И только минуту назад, сидя на вершине этого дерева и отвечая на ваши вопросы, в тот миг, когда я произносил слово «Австралия», меня вдруг озарило, словно молнией, и все мне стало ясно.

— Что? — воскликнул Гленарван. — Вы утверждаете что Гарри Грант...

— Да, я утверждаю, — перебил его Паганель, — что слово *austral* в документе не полное слово, как мы до сих пор предполагали, а корень слова *Australia*.

— Оригинально! — отозвался майор.

— Не оригинально, а просто невозможно, — заявил, пожимая плечами, Гленарван.

— Невозможно! — крикнул Паганель. — Мы, во Франции, не признаем этого слова.

— Как, — продолжал Гленарван тоном, в котором звучало полнейшее недоверие, — вы решаетесь утверждать, ссылаясь на документ, что «Британия» потерпела крушение у берегов Австралии?

— Я уверен в этом, — ответил Паганель.

— Право, Паганель, подобное заверение в устах секретаря Географического общества меня очень удивляет, — проговорил Гленарван.

— Почему? — спросил задетый за живое Паганель.

— Да потому, что если вы признаете в слове *austral* Австралию, вы одновременно должны признать там существование индейцев, а их там никогда не бывало.

Этот аргумент несколько не смутил Паганеля. Он улыбнулся: видимо, он ожидал его.

— Дорогой Гленарван, — сказал он, — не спешите торжествовать: сейчас я разобью вас наголову, и поверьте мне, никогда англичанину еще не случалось терпеть такого поражения. Да будет это расплатой за неудачи Франции при Креси и Азенкуре!

— Буду очень рад. Разбейте меня, Паганель!

— Ну, слушайте! В документе об индейцах упоминается не больше, чем о Патагонии. Обрывок слова *indi* значит не *indiens* — индейцы, а *indigenes* — туземцы. А что в Австралии имеются туземцы, вы, надеюсь, допускаете?

Надо признаться, что тут Гленарван пристально посмотрел на географа.

— Bravo, Паганель! — одобрил майор.

— Что же, дорогой Гленарван, принимаете вы мое толкование?

— Да, но только в том случае, если вы мне докажете, что *gonie* не есть конец слова «Патагония».

— Конечно, нет! — крикнул Паганель. — Тут дело идет вовсе не о Патагонии. Подбирайте любые слова, только не это.

— Но какое же может быть здесь слово?

— Космогония, теогония, агония...

— Агония, — выбрал майор.

— Это мне безразлично, — ответил Паганель — данное слово не имеет значения; я даже не стану доискиваться его смысла. Важно то, что *austral* указывает на Австралию. Не сбей вы меня тогда с толку своими ложными толкованиями, я сразу же пошел бы по правильному пути, до того здесь все очевидно! Найди я этот документ сам, я никогда бы не мог понять его иначе!

На этот раз слова Паганеля были встречены криками «ура», приветствиями, поздравлениями. Остин, матросы, майор, а особенно счастливый Роберт, окрыленный новой надеждой, — все принялись рукоплескать достойному ученому. Гленарван, мало-помалу убеждавшийся в своей ошибке, заявил, что он почти готов сдаться.

— Еще один вопрос, дорогой Паганель, — сказал он, — и мне останется только преклониться перед вашей пронизательностью.

— Говорите, Гленарван!

— Как прочтете вы документ теперь, при вашем новом толковании?

— Нет ничего легче. Вот документ, — ответил Паганель, указывая на драгоценную бумагу, которую добросовестно изучал последние дни.

Пока географ собирался с мыслями, все молчали. Наконец Паганель, водя пальцем по отрывочным строкам документа, уверенным голосом, подчеркивая некоторые слова, прочел следующее:

— «Седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, потерпело крушение после...» Здесь можно вставить, если хотите, «двух дней», «трех дней» или «долгой агонии», все равно— это безразлично, «...у берегов Австралии. Направляясь к берегу, два матроса и капитан Грант попытаются высадиться...», или «высадились на материк, где они попадут...», или «попали в плен к жестоким туземцам. Они бросили этот документ...» и так далее и так далее. Ясно ли это?

— Ясно, если только слово «материк» может быть применимо к Австралии, представляющей собой лишь остров.

— Успокойтесь, дорогой Гленарван, лучшие географы того мнения, что следует называть этот остров Австралийским материком.

— Тогда, друзья мои, мне остается сказать вам только одно: в Австралию! — воскликнул Гленарван.

— В Австралию! — в один голос подхватили его спутники.

— Знаете, Паганель, — прибавил Гленарван, — ваше присутствие на «Дункане» — прямо-таки дело провидения!

— Прекрасно! — отозвался географ. — Допустим, что я посланник провидения, и не будем больше

говорить об этом.

Так закончился разговор, имевший такие важные последствия в будущем. Он совершенно изменил настроение путешественников. Они как бы снова ухватились за ту нить, держась за которую могли выбраться из лабиринта, откуда им, казалось, уже не было выхода. Над развалинами их рухнувших замыслов засияла новая надежда. Теперь они могли без боязни покинуть Американский материк, и мысленно они уже покинули его.

Поднимаясь снова на борт «Дункана», они не принесут с собой отчаяния. Элен и Мэри Грант не придется оплакивать безвозвратно погибшего капитана Гранта. Охваченные радостными надеждами, наши путешественники позабыли обо всех опасностях, грозивших им самим, и жалели лишь об одном: что не могут немедленно же пуститься в путь.

Было четыре часа пополудни. Решили ужинать в шесть. Паганелю захотелось ознаменовать этот счастливый день роскошным пиром, а так как имевшееся меню было очень скудно, то он предложил Роберту пойти с ним на охоту в «соседний лес». Мальчик захлопал от радости в ладоши. На сцене появилась пороховница Талькава. Вычистили револьверы, зарядили их и отправились.

— Не заходите слишком далеко, — серьезным тоном напутствовал охотников майор.

После их ухода Гленарван и Мак-Наббс отправились посмотреть зарубки, сделанные на дереве, а Вильсон и Мюльреди снова разожгли костер.

Гленарван, спустившись к поверхности образовавшегося огромного озера, не заметил, чтобы вода убывала. Однако уровень воды достиг, по-видимому, своего максимума. Все же та неистовая сила, с которой воды неслись с юга на север, доказывала, что аргентинские реки не пришли еще в нормальное состояние. Прежде чем начать спадать, вся эта текучая масса должна была успокоиться, как море между приливом и отливом. Поэтому, пока воды неслись так бурно к северу, нельзя было рассчитывать на их убыль.

В то время как Гленарван и майор делали свои наблюдения, где-то на омбу раздались выстрелы, сопровождаемые почти столь же шумными криками радости. Дискант Роберта сливался с басом Паганеля. Трудно было решить, кто из них двоих был большим ребенком. Охота, по-видимому, обещала быть удачной и сулила чудеса кулинарного искусства. Вернувшись к костру, майор и Гленарван с удовольствием приветствовали удачную мысль Вильсона. Этот славный моряк при помощи булавки и бечевки затеял рыбную ловлю, и результаты ее были изумительны: несколько дюжин маленьких рыбок моряра, вкусных, как корюшка, трепетали, брошенные на его пончо, обещая путешественникам изысканное блюдо.

В это время охотники спустились с вершины омбу. Паганель осторожно нес яйца черных ласточек и связку воробьев, которых он собирался подать за обедом под видом дроздов. Роберт же ловко подстрелил несколько пар хильгуэрос; эти маленькие желто-зеленые птички очень приятны на вкус, и на них существует большой спрос на рынке в Монтевидео. Паганель, знавший пятьдесят один способ приготовления яиц, на этот раз мог только испечь их в горячей золе костра. Тем не менее обед получился разнообразный и тонкий. Сушеное мясо, крутые яйца, жареные моряра, воробьи и хильгуэрос составили одну из тех вкуснейших трапез, которые навсегда сохраняются в памяти.

За едой весело беседовали. Паганеля превозносили и как охотника и как повара. Он принимал эти похвалы со скромностью, свойственной человеку с подлинными заслугами.

Затем он начал презабавно рассказывать о великолепном омбу, под сенью которого они пировали.

— Нам с Робертом казалось во время охоты, что мы среди настоящего леса, — рассказывал он. — Одно время я даже стал опасаться, что мы заблудимся: представьте, я никак не мог найти дорогу! Солнце

уже склонялось к западу. Я тщетно искал следов наших ног. Голод жестоко давал себя чувствовать. Уже из темной чащи доносилось рычание диких зверей... то есть нет, я ошибся... здесь нет диких зверей, и я очень сожалею об этом!

— Как, — спросил Гленарван, — вы жалеете об отсутствии диких зверей?

— Конечно, жалею!

— Однако при их свирепости...

— Свирепости, говоря с научной точки зрения, не существует, — возразил ученый.

— Ну уж извините, Паганель! — вмешался майор. — Вы никогда не заставите меня уверовать в полезность диких зверей. Какой от них толк?

— Какой толк? — крикнул Паганель. — Да они прежде всего, майор, нужны для классификации: все эти разряды, семейства, роды, виды...

— Велика польза, нечего сказать! — сказал Мак-Наббс. — Мне она не нужна. Будь я с Ноем в ковчеге во время потопа, я уж, конечно, воспрепятствовал бы этому неблагоразумному патриарху поместить в ковчег по паре львов, тигров, пантер, медведей и других зверей, столь же зловредных, как и бесполезных.

— Вы бы это сделали? — спросил Паганель.

— Сделал бы.

— Ну и что же? С зоологической точки зрения вы были бы неправы.

— Но отнюдь не с точки зрения гуманности, — ответил Мак-Наббс.

— Это возмутительно! — воскликнул ученый. — Я бы, наоборот, заставил Ноя взять с собой в ковчег и мегатериев, и птеродактилей, и вообще всех допотопных животных, которых мы, к несчастью, теперь лишены...

— А я вам говорю, — возразил Мак-Наббс, — что Ной прекрасно поступил, оставив их на произвол судьбы, если, конечно, они в самом деле жили в его время.

— А я вам говорю, — упорствовал Паганель, — что Ной поступил дурно и на веки вечные заслужил проклятия ученых.

Слушая этот спор Паганеля и майора о старике Ное, окружающие не могли не хохотать. У майора, никогда в жизни ни с кем не вступавшего в спор, вопреки всем его принципам происходили ежедневные стычки с Паганелем. Очевидно, ученый обладал особой способностью выводить его из равновесия.

Гленарван, по своему обыкновению, вмешался в спор.

— Как бы то ни было, — сказал он, — а нам нужно примириться с отсутствием диких зверей. Да, конечно, Паганель и не мог надеяться встретить их в этом воздушном лесу.

— А почему бы и нет? — отозвался ученый.

— Дикие звери на дереве? — удивился Том Остин.

— Ну конечно! Американский тигр — ягуар, — когда его окружают охотники, обыкновенно спасается от них на деревьях. И одно из таких животных, захваченное наводнением, свободно могло найти себе приют между ветвями омбу.

— Все же, надеюсь, вы ягуара не встретили? — спросил майор.

— Нет, не встретили, хотя и обошли весь «лес». А жаль! Поохотиться за таким зверем было бы чудесно. Ягуар — свирепый хищник. Одним ударом лапы он сворачивает шею лошади. Если ему удастся

однажды отведать человеческого мяса, он снова алчет его.

— Как бы там ни было, друг Паганель, — промолвил Гленарван, — я очень рад, что здесь нет ваших милых ягуаров. Наше положение вовсе не так приятно...

— Не так приятно? — воскликнул Паганель, набрасываясь на это выражение, которое могло дать новое направление спору. — Вы жалуетесь на свою судьбу, Гленарван?

— Конечно, — ответил Гленарван. — Неужели вам так удобно на этих довольно-таки жестких ветвях?

— Никогда не чувствовал себя лучше даже в своем собственном кабинете! Мы живем, как птицы: распеваем, порхаем... Я начинаю думать, что людям предназначено жить на деревьях.

— Им не хватает лишь крыльев, — вставил майор.

— Когда-нибудь они сделают их себе.

— А в ожидании этого, — сказал Гленарван, — позвольте мне, милый друг, предпочесть этому воздушному обиталищу усыпанную песком дорожку парка, паркетный пол дома или палубу судна.

— Видите ли, Гленарван, — ответил Паганель, — нужно уметь мириться с обстоятельствами: хороши они — тем лучше; плохи — надо не обращать на это внимания. Я вижу, вы жалеете о комфорте своего замка.

— Нет, но...

— Вот Роберт, я уверен, совершенно доволен, — не дал договорить Гленарвану географ, желая привлечь на свою сторону хоть одного приверженца.

— Совершенно, господин Паганель! — весело воскликнул Роберт.

— В его возрасте это естественно, — заметил Гленарван.

— И в моем тоже, — возразил ученый. — Чем меньше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее.

— Ну вот: теперь Паганель поведет атаку на богатство и роскошь, — заметил Мак-Наббс.

— Ошибаетесь, майор, — отозвался ученый. — Но если хотите, я расскажу вам по этому поводу маленькую арабскую сказку — она как раз мне вспомнилась.

— Пожалуйста, пожалуйста, расскажите, господин Паганель! — воскликнул Роберт.

— А что докажет ваша сказка? — поинтересовался майор.

— То, что доказывают все сказки, милый друг.

— Немногое, значит, — ответил Мак-Наббс. — Но все же рассказывайте вашу сказку, Шехеразада. Вы же так искусны в этом деле.

— Жил когда-то сын великого Гарун-аль-Рашида, — начал Паганель. — Он был несчастлив. Пошел он за советом к старому дервишу. Мудрый старец, выслушав его, сказал, что счастье вообще трудно найти на этом свете. «А все же, — прибавил он, — я знаю один безошибочный способ дать вам счастье». — «Что же это за способ?» — спросил юный принц. «Надо надеть рубашку счастливого человека», — ответил дервиш. Обрадованный принц расцеловал старца и отправился на поиски своего талисмана. Он долго странствовал. Он посетил все земные столицы, пробовал надевать на себя рубашки королей, рубашки императоров, рубашки принцев, рубашки вельмож — напрасный труд: счастливее он не стал. Тогда принц принялся надевать рубашки художников, воинов, купцов. Никакого результата. Долго он скитался таким образом в тщетных поисках счастья. В конце концов, отчаявшись в успехе, принц печально отправился назад, во

дворец своего отца. Вдруг он увидел в поле шедшего за плугом крестьянина. Тот весело распевал. «Если вот этот не счастлив, то счастья вообще нет на земле», — подумал принц, и, подойдя к пахарю, он спросил его: «Добрый человек, счастлив ли ты?» — «Да», — ответил тот. «А скажи, ты ничего не хочешь?» — «Ничего!» — «И даже не хотел бы променять свою долю на долю короля?» — «Ни за что!» — «Ну, тогда продай мне свою рубашку». — «Рубашку? Нет у меня рубашки».

Глава XXV

Между огнем и водой

Сказка Паганеля имела огромный успех. Ему даже аплодировали, но каждый остался при своем мнении. Ученый достиг обычного результата всякой дискуссии — он никого не убедил. Но все же с ним согласились в том, что под ударами судьбы не нужно падать духом и что если нет ни дворца, ни хижины, надо довольствоваться и деревом.

Пока велись эти разговоры, наступил вечер. Такой тревожный день мог быть достойным образом завершен только крепким сном. Гости омбу были не только утомлены борьбой с наводнением, но, сверх того, измучены жгучей дневной жарой. Их крылатые товарищи уже скрылись в гуще листвы; мелодичные рулады хильгуэрос, этих пам-пасских соловьев, мало-помалу затихали. Видимо, пернатые погружались в сон. Лучше всего было последовать их примеру.

Но прежде чем, по выражению Паганеля, «забыться в гнездышко», Гленарван, Роберт и географ взобрались на свою «обсерваторию», чтобы в последний раз произвести наблюдения над водной равниной. Было около девяти часов вечера. Солнце только что скрылось в сверкающем тумане. Вся западная половина неба утопала в горячих парах. Обычно столь яркие созвездия Южного полушария смутно мерцали, будто скрытые мгlistым покровом. Все же их можно было распознать, и Паганель познакомил Роберта и Гленарвана со звездами полярной зоны. Ученый указал им, между прочим, на Южный Крест — созвездие из четырех звезд первой и второй величины, расположенных в виде ромба почти на высоте полюса; на созвездие Кентавра, одна из звезд которого, Альфа, наиболее близка к Земле; на две обширные туманности — облака Магеллана, — из которых более крупная заволакивает пространство, в двести раз большее видимой поверхности Луны; и, наконец, на «черную дыру» — то место на небесном своде, где как будто совершенно отсутствуют звезды.

Географ очень жалел о том, что на небе еще не появился видимый на обоих полушариях Орион, но зато он рассказал своим ученикам об одной любопытной частности патагонской «космографии». По мнению поэтичных индейцев, Орион представляет собой громадное лассо и три болас, брошенные рукой охотника, бродящего по небесным прериям. Все эти созвездия, отражаясь в зеркале вод, создавали из него как бы второе небо. Нельзя было не восхититься этой картиной.

Пока ученый Паганель посвящал своих слушателей в тайны космографии, небо у восточной стороны горизонта омрачилось. Густая, темная, резко очерченная туча постепенно поднималась вверх, гася звезды. Мрачная, зловещая, она вскоре заволокла половину небесного свода. Казалось, что она движется сама собой, так как не чувствовалось ни малейшего ветерка. Воздух был неподвижен. Ни один листик на дереве не шевелился, ни малейшей ряби не пробегало по поверхности вод. Даже дышать становилось трудно — точно колоссальный пневматический насос разредил воздух. Атмосфера была насыщена электричеством; каждое живое существо ощущало, как оно бежит по его нервам.

Гленарван, Паганель и Роберт почувствовали это.

— Надвигается гроза, — заметил Паганель.

— Ты не боишься грома? — спросил Гленарван мальчика.

— О, сэр!

— Ну, тем лучше: приближается гроза.

— И гроза сильная, если судить по виду неба, — добавил Паганель.

— Меня беспокоит не самая гроза, — продолжал Гленарван, — а тот ливень, которым она будет сопровождаться. Нас промочит до костей. Что бы вы там ни говорили, Паганель, а гнездом человек довольствоваться не может, и вы скоро в этом убедитесь на себе самом.

— О, относясь философски...

— Философия не помешает вам вымокнуть.

— Нет, конечно, но она согревает.

— Однако давайте спустимся к нашим друзьям, — сказал Гленарван, — и посоветуем им, вооружившись философией, как можно плотнее завернуться в пончо, а главное, запастись терпением, ибо оно нам понадобится.

Гленарван в последний раз окинул взглядом грозное небо. Оно было покрыто густыми, черными тучами; только на западе неясная полоса еще чуть светилась сумеречным светом. Вода потемнела и напоминала огромную тучу, готовую слиться со стоявшим вдали густым туманом. Ничего не было видно. Ни проблеска света, ни звука. Тишина становилась такой же глубокой, как темнота.

— Давайте же спускаться, — повторил Гленарван: — скоро ударит гром.

И все трое соскользнули по гладким веткам вниз. Здесь их очень удивил полусвет. Исходил он от несметного количества светящихся точек, носившихся с жужжаньем над водой.

— Что это, фосфоресценция? — спросил Гленарван географа.

— Нет, — ответил тот, — это светляки — живые и недорогие алмазы, из которых дамы Буэнос-Айреса делают себе прекрасные уборы.

— Как, эти летающие искры — насекомые? — воскликнул Роберт.

— Да, мой милый.

Роберт поймал одного из светляков. Паганель не ошибся — это было насекомое, похожее на шмеля, с дюйм длиной. Индейцы зовут его «туко-туко».

Паганель поднес одного из этих насекомых к своим часам и разглядел, что они показывают десять часов вечера.

Гленарван, подойдя к майору и трем морякам, стал отдавать распоряжения на ночь. Нужно было приготовиться к грозе. После первых раскатов грома, без сомнения, забушует ураган, и омбу начнет сильно раскачивать. Поэтому каждому было предложено крепче привязать себя к доставшейся ему постели из ветвей. Если уж нельзя было избежать потоков с неба, то, во всяком случае, надо было уберечься от земных вод и не упасть в бурный поток, несшийся у подножия дерева.

Все пожелали друг другу спокойной ночи, не очень-то, правда, на это надеясь, затем каждый скользнул на свое воздушное ложе, завернулся в пончо и постарался заснуть.

Но приближение грозных явлений природы вызывает во всяком живом существе какую-то смутную тревогу; побороть ее не могут даже самые сильные. Постояльцы омбу, взволнованные, угнетенные, были не в состоянии сомкнуть глаз, и в одиннадцать часов первый отдаленный рокот грома застал всех их еще бодрствующими. Гленарван пробрался на самый конец горизонтальной ветви и высунул голову из листвы.

Даль темного неба уже разрезали блестящие молнии, отчетливо отражаясь в водах разлившейся реки. Эти молнии разрывали тучи бесшумно, словно какую-то мягкую, пушистую ткань.

Понаблюдав за небом, сливавшимся с горизонтом в едином мраке, Гленарван вернулся на ствол.

— Что скажете, Гленарван? — спросил его Паганель.

— Скажу, что начало — на славу, друзья мои, и если так пойдет и дальше, то гроза будет страшнейшая.

— Тем лучше! — воскликнул энтузиаст Паганель. — Раз уже избежать этого зрелища нельзя, так я рад, что оно будет красиво.

— Вот еще одна из ваших теорий, которая рассыплется с треском, — заметил майор.

— И одна из лучших моих теорий, Мак-Наббс! Я согласен с Гленарваном — гроза будет великолепная! Сейчас, когда я пытался заснуть, мне припомнилось несколько случаев, которые помогают мне не терять надежды. Ведь мы как раз находимся в краю великих электрических бурь. Я где-то читал, что в 1793 году как раз здесь, в провинции Буэнос-Айрес, во время одной грозы молния ударила тридцать семь раз подряд! А мой коллега Мартин де Мусси, будучи в этих же местах, наблюдал раскат грома, длившийся целых пятьдесят пять минут без перерыва.

— Наблюдал с часами в руках? — спросил майор.

— С часами в руках. Единственное, что могло бы меня встревожить, — прибавил Паганель, — так это мысль, что на всей этой равнине возвышенным пунктом является только то омбу, на котором мы с вами находимся. Здесь был бы очень кстати громоотвод, ибо из всех деревьев пампасов молния почему-то питает особую слабость именно к омбу. А потом, вам, конечно, неизвестно, друзья мои, что ученые не рекомендуют укрываться во время грозы под деревьями.

— Ну, нельзя сказать, чтобы совет этот был уместен, — заявил майор.

— Надо признаться, Паганель, вы чрезвычайно удачно выбрали момент для того, чтобы сообщить нам эти успокоительные сведения, — прибавил иронически Гленарван.

— Ба! Все моменты хороши для приобретения знаний... — отозвался Паганель. — А, начинается!..

Раскаты грома прервали этот несвоевременный разговор. Их сила нарастала, а звук повышался. Приближаясь, они переходили из низких тонов в средние (если заимствовать подходящее сюда сравнение из музыки). Все пространство было в огне. Невозможно было определить среди этого огня, какая именно электрическая искра вызывает этот нескончаемый грохот грома, эхо которого, перекачиваясь, уходило в бесконечную глубь неба.

Непрерывно сверкавшие молнии были очень разнообразны по форме: некоторые из них свергались перпендикулярно, по пяти-шести раз на одном и том же месте; другие представляли огромный интерес для ученого — если Араго (как об этом свидетельствуют его любопытные подсчеты) всего два раза видел раздвоенную, вилообразную молнию, то здесь можно было наблюдать их сотнями. Были и такие молнии, которые, бесконечно разветвляясь, загорались кораллообразными зигзагами, причем на темном небесном своде получались самые причудливые световые эффекты. Вскоре на северо-востоке зажглась фосфорическая, ярко светящаяся полоса. Воспламеня тучи, словно какое-то горючее вещество, и отражаясь в бурных водах, она мало-помалу охватила весь горизонт. Создалась огромная огненная сфера, в центре которой находилось омбу.

Гленарван и его спутники молча глядели на это грозное зрелище. Они не могли говорить: слов не было слышно. Порой беловатый, точно призрачный свет на мгновение озарял то невозмутимое лицо майора, то оживленное любопытством лицо Паганеля, то энергичные черты лица Гленарвана, то растерянное личико Роберта, то беспечные физиономии матросов.

Однако ни дождя, ни ветра еще не было. Но вскоре хляби небесные разверзлись, и между черным небом и водной равниной появились вертикальные линии, похожие на нити, натянутые на ткацкий станок.

Крупные водяные капли, ударяясь о поверхность нового озера, отскакивали тысячами брызг, озаренных молниями.

Предвещал ли этот ливень конец грозы? Предстояло ли нашим путешественникам отделаться лишь обильным водным душем? Нет! В разгар этой электрической бури на конце главной, горизонтальной, ветви омбу вдруг появился окруженный черным дымом огненный шар величиной с кулак. Этот шар, покружившись несколько секунд на одном месте, разорвался подобно бомбе, с таким грохотом, что он был слышен даже среди непрерывного, оглушительного грома. Запахло серой.

На миг все затихло, и в этот момент послышался крик Тома Остина:

— Дерево загорелось!

Том Остин не ошибся. Мгновенно, словно искра фейерверка, пламя охватило всю западную сторону омбу. Сухие сучья, гнезда из сухой травы и верхний губчатый слой древесины послужили для него благоприятным материалом. Поднявшийся в это время ветер еще больше раздул огонь. Надо было спасаться бегством. Гленарван и его спутники стали поспешно перебираться на восточную часть омбу, еще не охваченную огнем. Взволнованные, растерянные, они молча, то протискиваясь, то подтягиваясь на руках, карабкались по ветвям, гнувшимся под их тяжестью. Пылавшие ветви корчились, трещали, извиваясь в огне, словно заживо сжигаемые змеи. Горящие головни падали в воду и, бросая пламенные отблески, уносились течением. Пламя то взлетало на огромную высоту, теряясь в как бы пылающем воздухе, то, прибитое вниз разъяренным ураганом, охватывало все дерево, словно туника. Гленарван, Роберт, майор, Паганель матросы были охвачены ужасом, их душил густой дым, обжигал нестерпимый жар. Огонь уже добирался до них; ничто не могло не только потушить, но даже приостановить его. Несчастные люди считали себя обреченными сгореть заживо, подобно тем индусам, которых сжигают в утробе их божества — истукана.

Наконец положение стало невыносимым. Из двух смертей приходилось выбирать менее жестокую.

— В воду! — крикнул Гленарван.

Вильсон, которого уже касалось пламя, первый бросился в воду, но вдруг оттуда раздался его отчаянный крик:

— Помогите! Помогите!

Остин стремительно кинулся к нему и помог ему вскарабкаться обратно на ствол.

— Что такое?

— Кайманы! Кайманы! — крикнул Вильсон.

И в самом деле, вокруг омбу собрались, блестя чешуей, отражавшей зарево пожара, эти опаснейшие из пресмыкающихся. При виде их сплюснутых хвостов, их голов, напоминающих наконечник копья, их глаз навывкате, их широчайших, заходящих за уши пастей Паганель сразу признал в них по этим характерным признакам свирепых американских аллигаторов, называемых в испанских владениях кайманами. Их было штук десять. Они били воду гигантскими хвостами и грызли омбу длинными зубами нижней челюсти.

Несчастные поняли, что гибель их неизбежна. Их ждал ужасный конец: или быть сожженными заживо, или стать пищей кайманов. Сам майор промолвил своим спокойным голосом:

— Быть может, и в самом деле это конец.

Бывают обстоятельства, при которых человек бессилен бороться, обстоятельства, при которых неистовствующую стихию в силах побороть лишь какая-нибудь другая стихия. Гленарван блуждающими

глазами смотрел на ополчившиеся против них огонь и воду, не зная, откуда могло бы прийти спасение.

Гроза, правда, уже начинала стихать, но благодаря ей в воздухе образовалось значительное количество паров, и они находились в бурном движении. К югу от омбу образовался колоссальный смерч, как бы конус из тумана, вершина которого была внизу, а основание — наверху; он соединял грозовые тучи с бушевавшими водами. Вскоре смерч стал приближаться, крутясь с невероятной быстротой. Он притягивал к себе своим вращательным движением все ближайшие воздушные течения. Через несколько минут гигантский смерч налетел на омбу и охватил его со всех сторон. Дерево задрожало до самых корней.

Гленарвану показалось, что кайманы набросились на омбу и вырывают его из земли своими мощными челюстями. Путешественники ухватились друг за друга: они почувствовали, что могучее дерево уступает натиску и опрокидывается. Еще миг — и пылающие ветви с пронзительным шипеньем погрузились в бурные воды. А смерч уже прошел и помчал дальше свою разрушительную силу, как бы выкачивая за собой воду озера до дна.

Рухнувшее омбу, гонимое ветром, понеслось по течению. Кайманы обратились в бегство; лишь один из них полз по вывороченным корням и с разинутой пастью подбирался к людям. Мюльреди отломил горевшую с конца ветку и так хватил ею хищника, что сломал ему спину.

Кайман упал в воду и, ударя со страшной силой по ней хвостом, исчез в бурном потоке.

Гленарван и его спутники, спасенные от этих прожорливых пресмыкающихся, перебрались на подветренную сторону дерева. Омбу плыло среди ночного мрака, и языки охватившего его пламени, раздуваемые ураганом, выгибались, как огненные паруса.

Глава XXVI

Атлантический океан

Уже целых два часа неслоь омбу по огромному озеру, а берега все не было видно. Огонь, пожиравший дерево, мало-помалу угас. Главная опасность этой жуткой переправы миновала. Майор сказал, что не будет ничего удивительного, если им удастся спастись.

Течение продолжало нести омбу в том же направлении: с юго-запада на северо-восток. Темнота, лишь изредка освещаемая запоздалой молнией, вновь стала непроницаемой. Паганель тщетно старался разглядеть что-либо на горизонте. Гроза затихала, тучи рассеивались. Крупные капли дождя сменились мелкой водяной пылью, мчавшейся по ветру. Омбу неслоь по бурному потоку с такой поразительной быстротой, словно под его корой был скрыт какой-то мощный двигатель. Казалось возможным, что оно будет нестись так целыми днями. Около трех часов утра майор, однако, заметил, что корни омбу порой задевают за дно. Том Остин с помощью оторванной от дерева ветки нащупал дно и установил, что оно поднимается. Действительно, минут через двадцать почувствовался толчок, и омбу сразу остановилось.

— Земля! Земля! — громогласно воскликнул Паганель.

Концы обгоревших ветвей наткнулись на какую-то неровность почвы. Никогда, кажется, ни одна мель не приносила столько радости мореплавателям, как эта: ведь она была для них гаванью.

Роберт и Вильсон, первыми выскочившие на твердую землю, уже кричали восторженно «ура», как вдруг послышался знакомый свист, раздался лошадиный топот, и из мрака показалась высокая фигура индейца.

— Талькав! — воскликнул Роберт.

— Талькав!.. — подхватили в один голос все его спутники.

— Amigos![\[57\]](#) — отозвался патаговец.

Он ждал путешественников на том месте, куда их должно было вынести течение, так же как оно вынесло туда и его самого. Патаговец поднял Роберта и прижал его к своей груди. Экспансивный географ бросился к нему на шею. Гленарван, майор и моряки, радуясь, что снова видят своего верного проводника, крепко, с дружеской сердечностью пожали ему руку. Затем патаговец отвел их в сарай одной покинутой эстанций, находившейся поблизости. Там пылал большой костер, у которого они и обогрелись. На огне жарились сочные куски дичи. Новоприбывшие съели их до последней крошки. И когда они несколько пришли в себя, никому из них просто не верилось, что им удалось избежать стольких опасностей: и от воды, и от огня, и от грозных аргентинских кайманов.

Талькав в нескольких словах рассказал Паганелю, как он спасся, добавив, что обязан этим всецело своему неустранимому коню. Потом Паганель попытался разъяснить патагонцу новое предложенное им толкование документа и поделился с ним теми надеждами, которые это толкование сулило. Понял ли индеец остроумные гипотезы ученого? В этом можно сомневаться. Но он видел, что друзья его довольны и питают какие-то надежды, а большего ему и не требовалось.

После такого дня «отдыха» на омбу нашим отважным путешественникам не терпелось снова двинуться в путь. К восьми часам утра они уже были готовы выступить. При таком отклонении к югу от всех эстанций и саладеро им было невозможно раздобыть какие-либо средства передвижения. Приходилось идти пешком. Впрочем, предстояло пройти всего лишь миль сорок. Да и Таука еще могла время от времени

подвезти одного, а при надобности и двух утомленных пешеходов. За тридцать шесть часов можно было добраться до берегов Атлантического океана.

Оставив позади себя огромную лощину, еще всю затопленную водой, наши путешественники двинулись по более возвышенным местам. Вокруг расстился тот же однообразный аргентинский пейзаж; иногда встречались насажденные европейцами рощицы. Туземные же деревья растут только по окраинам степей и на подступах к мысу Корриентес.

Так прошел день. Близость океана стала чувствоваться уже на следующий день, когда до него оставалось еще миль пятнадцать. Пригибая к земле высокие травы, дул ветер вирацион, имеющий ту любопытную особенность, что он дует во вторую половину дня и ночи. На тощей почве росли редкие лески низких древовидных мимоз и кусты акации. Порой на пути встречались лагуны соленой воды, блестящие, словно куски разбитого стекла. Они затрудняли путь, так как их приходилось обходить. А наши пешеходы спешили, стремясь в тот же день добраться до озера Саладо у Атлантического океана. Надо признаться, что они порядочно-таки устали, когда в восемь часов вечера увидели песчаные дюны вышиной сажень в двадцать, высившиеся у пенистой границы океана. Вскоре послышался и протяжный рокот прилива.

— Океан! — крикнул Паганель.

— Да, океан, — подхватил Талькав.

И наши пешеходы, казалось еле передвигавшие ноги, все же взобрались с замечательным проворством на дюны. Но уже стемнело. Нельзя было ничего разглядеть в безбрежном сумраке. «Дункан» не было видно.

— А все же он здесь! — воскликнул Гленарван. — Он ожидает нас, лавируя у этих берегов!

— Завтра мы его увидим, — отозвался Мак-Наббс.

Остин стал окликать невидимую яхту, но никакого ответа не последовало. Дул свежий ветер, и море было довольно бурное. Облака шли на запад, и брызги пенящихся валов долетали до верхушек дюн. Если бы «Дункан» даже и был на условленном месте встречи, то вахтенный все равно не смог бы ни услышать этот крик, ни ответить на него.

На этом берегу кораблям нигде нельзя было найти себе прибежище — ни залива, ни бухты, ни бухточки. Берег состоял из длинных песчаных отмелей, далеко уходящих в море. А такие отмели представляют для судна большую опасность, чем выступающие из воды рифы. Подобные песчаные отмели усиливают волнение, и бури здесь особенно свирепы. Судно, попавшее в бурную погоду на эти песчаные отмели, обречено на верную гибель.

Было, конечно, более чем естественно, что «Дункан» при этих условиях держался вдали. Джон Манглс, вообще всегда очень осторожный, со свойственной ему предусмотрительностью несомненно не решился бы приблизиться к берегу. Таково было убеждение Тома Остина: он уверял, что «Дункан» находится от берега на расстоянии не меньше пяти миль.

Майор советовал своему нетерпеливому кузену покориться необходимости. Раз не было никакой возможности рассеять этот мрак, зачем же понапрасну утомлять свои глаза, тщетно всматриваясь в темный горизонт!

Высказав свои соображения, Мак-Наббс устроил под прикрытием дюн подобие лагеря. Здесь за последним ужином этого путешествия были съедены остатки провизии. Затем каждый, по примеру майора, вырыл себе в песке яму поудобнее, улегся в нее, укрылся до подбородка огромным одеялом песков и заснул тяжелым сном. Один Гленарван бодрствовал.

Дул сильный ветер, и океан все еще не успокаивался после бури. Волны с громовым шумом

разбивались у дюн. Гленарван был взволнован сознанием, что «Дункан» находится так близко от него. Нельзя было думать, что корабль еще не дошел до условленного места встречи. 14 октября Гленарван покинул бухту Талькагуано и 12 ноября достиг берегов Атлантического океана. Если в эти тридцать дней отряд пересек Чили, перевалил через Кордильеры, перебрался через пампасы и Аргентинскую равнину, то, конечно, за это время «Дункан» успел обогнуть мыс Горн и достичь условленного места на противоположном берегу Американского материка. А такая быстроходная яхта опозданий в пути не знала. Правда, недавняя яростная буря должна была буйно разгуляться на просторах Атлантического океана, но «Дункан» был хорошим судном, а его капитан — хорошим моряком. И раз «Дункан» должен был прийти сюда — значит, он и пришел.

Эти размышления не могли, однако, успокоить Гленарвана. Когда сердце борется с рассудком, рассудок редко бывает победителем. А сердце Гленарвана чуяло в окружающем мраке всех тех, кого он любил: дорогую Элен, Мэри Грант, экипаж «Дункана». Гленарван бродил по пустынному берегу, на который набегали светившиеся фосфорическим блеском волны. Он всматривался, прислушивался. Порой ему казалось, что в море светится какой-то тусклый огонек.

— Я не ошибаюсь, — сказал он себе — я видел свет судового фонаря — фонаря «Дункана». Ах, почему глаза мои не в силах проникнуть сквозь этот мрак!

И вдруг он вспомнил, как Паганель уверял, что он никталоп, что он видит ночью. И Гленарван пошел будить географа.

Ученый крепко спал в своей яме, как вдруг сильная рука извлекла его из этого песчаного приюта.

— Кто это? — крикнул он.

— Это я, Паганель.

— Кто вы?

— Гленарван. Идемте, мне нужны ваши глаза.

— Мои глаза? — переспросил Паганель, протирая их.

— Да, ваши глаза — чтобы разглядеть в этой тьме наш «Дункан». Ну идемте же!

«Черт побери никталопию!» — мысленно сказал себе географ, впрочем очень довольный тем, что может быть полезен Гленарвану.

Паганель вылез из своей ямы, потянулся и, разминая окоченевшие члены, побрел вслед за Гленарваном на берег. Гленарван попросил его взглядеться в темный морской горизонт. В течение нескольких минут ученый самым добросовестным образом занимался созерцанием.

— Ну! Вы ничего не видите? — спросил наконец Гленарван.

— Ничего! Да тут и кошка ничего бы в двух шагах не увидела.

— Ищите красный или зеленый свет, то есть свет фонарей правого или левого борта судна.

— Не вижу ни зеленого, ни красного света. Все черно! — ответил Паганель.

Глаза географа невольно смыкались. В течение получаса он машинально ходил за своим нетерпеливым другом; время от времени его голова падала на грудь, и он резким движением снова поднимал ее. Он шел, как пьяный, не отвечая на вопросы, и сам ничего не говоря. Гленарван посмотрел на Паганеля — Паганель спал на ходу. Гленарван взял ученого под руку и отвел его, не будя, к яме.

На рассвете всех поднял на ноги крик Гленарвана:

— «Дункан»! «Дункан»!

— Ура, ура! — отозвались его спутники, бросаясь к берегу.

В самом деле, милях в пяти в открытом море виднелась яхта. Убрав нижние паруса, она шла под малыми парами. Дым, выходящий из ее трубы, терялся в утреннем тумане. Море было бурное, и судно такого тоннажа, как яхта, не могло без риска подойти к дюнам.

Гленарван, вооружившись подзорной трубой Паганеля, следил за ходом «Дункана». Джон Манглс, видимо, еще не заметил своих пассажиров.

Но тут Талькав, зарядив свой карабин, выстрелил из него по направлению яхты. Все стали прислушиваться, а главное — вглядываться. Трижды, будя эхо в дюнах, прогремел карабин индейца.

Наконец у борта яхты появился белый дымок.

— Они увидели нас! — воскликнул Гленарван. — Это пушка «Дункана»!

Еще несколько секунд — и глухой выстрел донесся до берега. «Дункан» сделал поворот и, ускорив ход, направился к берегу.

Вскоре с помощью подзорной трубы можно было увидеть, как от борта яхты отвалила шлюпка.

— Миссис не сможет сесть в шлюпку, — проговорил Том Остин — море слишком бурное.

— Тем более не сможет этого сделать и Джон Манглс, — отозвался Мак-Наббс: — ему нельзя оставить свое судно.

— Сестра, сестра! — повторял Роберт, протягивая руки к яхте.

Ее сильно качало.

— Ах, как мне не терпится попасть на «Дункан»! — воскликнул Гленарван.

— Терпение, Эдуард, — сказал майор. — Через два часа вы там будете.

— Два часа!

Но, конечно, шестивесельная шлюпка не могла проплыть оба конца в более короткий срок.

Патагонец, скрестив на груди руки, стоял рядом со своей Таукой и спокойно смотрел на взволнованный океан.

Гленарван взял его за руку и, указывая на «Дункан», сказал:

— Едем с нами!

Индеец покачал тихонько головой.

— Едем, друг! — повторил Гленарван.

— Нет, — мягко ответил Талькав. — Здесь Таука, там пампасы, — прибавил он, со страстной любовью указывая на беспредельные, расстилающиеся кругом равнины.

Гленарван понял, что индеец никогда не согласится покинуть степь, где похоронены его предки. Он знал, какую благоговейную привязанность питают эти сыны пустыни к своему родному краю. И он больше не настаивал — только крепко пожал Талькаву руку. Гленарван не стал спорить с индейцем и тогда, когда тот с улыбкой отказался принять плату за свой труд, сказав:

— Из дружбы!

Взволнованный, Гленарван ничего не смог ему ответить. Ему очень хотелось оставить честному индейцу хоть что-нибудь на память о его друзьях-европейцах, но у него ничего не было: и оружие и лошади — все погибло во время наводнения. Спутники его были не богаче его самого. И вот, когда

Гленарван ломал себе голову над тем, как отблагодарить бескорыстного проводника, его вдруг осенила счастливая мысль. Он вынул из своего бумажника драгоценный медальон с дивным портретом кисти Лоуренса и подал его индейцу.

— Моя жена, — пояснил он.

Талькав с растроганным видом посмотрел на портрет.

— Добрая и красивая! — сказал он просто.

Роберт, Паганель, майор, Том Остин, оба матроса один за другим трогательно простились с Талькавом. Эти славные люди были искренне огорчены разлукой с их отважным, преданным другом. Индеец всех их прижал поочередно к своей широкой груди. Паганель заставил его принять в подарок карту Южной Америки и обоих океанов, на которую патаговец не раз посматривал с интересом. Географ отдал то, что у него было самого драгоценного. Что же касается Роберта, то единственное, чем он располагал, — это ласками, и он с жаром излил их на своего спасителя, не забыв уделив часть их и Тауке.

Но к берегу уже подходила шлюпка с «Дункана». Проскользнув между двумя отмелями, она врезалась в песчаный берег.

— Как моя жена? — спросил Гленарван.

— Как сестра? — крикнул Роберт.

— Миссис Гленарван и мисс Грант ожидают вас на яхте, — ответил старший матрос. — Но надо спешить, сэр, — прибавил он, — нельзя терять ни минуты: уже начался отлив.

Все в последний раз обняли индейца. Талькав проводил своих друзей до шлюпки, уже спущенной на воду.

В тот миг, когда Роберт садился в шлюпку, индеец схватил его на руки, с нежностью поглядел на мальчика и сказал:

— Знай: теперь ты настоящий мужчина!

— Прощай, друг, прощай! — еще раз промолвил Гленарван.

— Неужели мы никогда больше не увидимся? — воскликнул Паганель.

— Quien sabe!^[58] — ответил Талькав, поднимая руку к небу.

Это были последние слова индейца. Их заглушил свист ветра.

Матросы оттолкнулись от берега. Шлюпка, уносимая отливом, направилась в открытое море. Долго еще над пенящимися волнами вырисовывалась неподвижная фигура Талькава, но мало-помалу она стала уменьшаться и наконец совсем исчезла из глаз его друзей.

Час спустя Роберт первый взбежал по трапу на «Дункан» и бросился на шею Мэри Грант под гремевшие кругом радостные крики «ура», которыми экипаж яхты приветствовал возвращение Гленарвана и его спутников.

Так закончился этот переход через Южную Америку, совершенный без малейшего отклонения от прямой линии. Ни горы, ни реки не могли заставить наших путешественников отклониться от намеченного пути, и если этим самоотверженным, отважным людям не пришлось бороться с людской злобой, то стихии, не раз обрушиваясь на них, подвергали их суровым испытаниям.

Часть вторая

Глава I

Возвращение на «Дункан»

В первые минуты все только радовались, что снова встретились. Гленарвану не хотелось омрачить эту радость известием о неудаче поисков.

— Будем верить в успех, друзья мои! — воскликнул он. — Будем верить! Капитана Гранта нет с нами, но мы совершенно уверены, что разыщем его!

В словах Гленарвана звучала такая уверенность, что в сердцах пассажиров «Дункана» снова затеплилась надежда.

Действительно, пока шлюпка приближалась к яхте, Элен и Мэри Грант пережили немало волнений. Стоя на юте, они пытались пересчитать сидевших в шлюпке. Молодая девушка то приходила в отчаяние, то, наоборот, воображала, что видит отца. Сердце ее трепетало, она была не в силах вымолвить ни одного слова и едва держалась на ногах. Элен, обняв молодую девушку, поддерживала ее. Джон Манглс молча стоял подле Мэри и пристально вглядывался в шлюпку. Его глаза моряка, привыкшие различать отдаленные предметы, не видели капитана Гранта.

— Он там! Вон он! Отец! — шептала молодая девушка.

Однако по мере приближения шлюпки иллюзия рассеивалась. Когда же она была уже саженях в ста от яхты, то не только Элен и Джон Манглс, но и Мэри потеряла всякую надежду. Ободряющие слова Гленарвана прозвучали вовремя.

После первых поцелуев и объятий Гленарван рассказал Элен, Мэри Грант и Джону Манглсу об основных происшествиях, случившихся во время экспедиции, и прежде всего ознакомил их с тем новым толкованием документа, которое предложил проницательный Жак Паганель. Гленарван с большой похвалой отозвался о Роберте и заверил Мэри Грант, что она с полным правом может гордиться таким братом. Он рассказал о мужестве и самоотверженности мальчика в часы опасности и так расхвалил Роберта, что не спрячься тот в объятиях сестры, он не знал бы, куда и деваться от смущения.

— Не надо краснеть, Роберт, — сказал Джон Манглс, — ты вел себя как достойный сын капитана Гранта.

Говоря это, он притянул к себе брата Мэри и расцеловал его в щеки, еще влажные от слез молодой девушки.

Излишне упоминать о том, как сердечно были встречены майор и Паганель и с каким чувством благодарности вспоминали великодушного Талькава. Элен очень сожалела, что не могла пожать руку честному индейцу. Мак-Наббс после первых же приветствий ушел к себе в каюту и принялся там бриться спокойной, уверенной рукой. Что касается Паганеля, то он порхал от одного к другому, собирая, подобно пчеле, сладость похвал и улыбок. На радостях наш географ выразил желание перецеловать весь экипаж «Дункана», и так как он утверждал при этом, что Элен и Мэри Грант являются частью этого экипажа, он начал с них и закончил мистером Олбинетом.

Стюард нашел, что единственный способ, которым он может отблагодарить ученого за любезность, —

это объявить, что завтрак готов.

— Завтрак? — воскликнул географ.

— Да, господин Паганель.

— Настоящий завтрак, на настоящем столе, с приборами и салфетками?

— Конечно, господин Паганель!

— И нам не подадут ни сушеного мяса, ни крутых яиц, ни филе страуса?

— О сударь! — укоризненно промолвил уязвленный стюард.

— Я не хотел задеть вас, друг мой, — заметил, улыбаясь, ученый, — но такова была наша обычная пища в течение целого месяца, и обедали мы не сидя за столом, а лежа на земле или восседая верхом на дереве. Поэтому-то завтрак, о котором вы нам возвестили, и мог показаться мне сновидением, вымыслом, химерой.

— Идемте же, господин Паганель, и убедимся в его реальности, — сказала Элен, будучи не в силах удержаться от смеха.

— Позвольте мне быть вашим кавалером, — обратился к Элен галантный географ.

— Не будет ли каких-либо распоряжений относительно «Дункана», сэр? — спросил Джон Манглс.

— После завтрака, дорогой Джон, — ответил Гленарван, — мы обсудим сообща план нашей новой экспедиции.

Пассажиры яхты и молодой капитан спустились в кают-компанию. Механику дан был приказ держать яхту под парами, чтобы быть готовыми пуститься в путь по первому сигналу. Свежевыбритый майор, а также и другие путешественники, быстро переодевшись, уселись за стол.

Завтраку мистера Олбинета была воздана заслуженная честь. Его нашли чудесным и даже превосходящим великолепные пиршества в пампасах. Паганель по два раза накладывал себе каждого блюда, уверяя, что он это делает «по рассеянности».

Это злополучное слово навело Элен Гленарван на мысль спросить, часто ли случалось милейшему французу впадать в его обычный грех. Майор и Гленарван, улыбаясь, переглянулись. Что касается Паганеля, то он громко расхохотался, откровенно признаваясь в своей слабости, и тут же дал честное слово в продолжение всего путешествия воздерживаться от присущего ему греха. Затем он самым забавным образом рассказал о своей неудаче с испанским языком и о своем глубоком изучении поэмы Камоэнса.

— Впрочем, — прибавил он, — «не было бы счастья, да несчастье помогло», и я не сожалею о своей ошибке.

— А почему, мой достойный друг? — спросил майор.

— Да потому, что теперь я знаю не только испанский язык, но и португальский. Вместо того чтобы говорить на одном языке, я говорю на двух.

— Право, я и не подумал об этом, — ответил Мак-Наббс. — Поздравляю вас, Паганель, от всего сердца поздравляю!

Все присутствующие заплотировали ученому, занятому едой. Паганель умудрялся одновременно и есть и вести разговор. Но он не заметил кое-чего, не ускользнувшего, однако, от Гленарвана, а именно: того особенного внимания, какое оказывал Джон Манглс своей соседке по столу, Мэри Грант. Легкий кивок головы Элен дал понять мужу, что, действительно, дело обстоит «именно так». Гленарван с сердечной симпатией посмотрел на молодых людей, а затем обратился к Джону Манглсу, но совсем по иному поводу.

— Как совершился ваш переход, Джон? — спросил он.

— В наилучших условиях, — ответил капитан. — Только я должен довести до вашего сведения, сэр, что мы не проходили Магеллановым проливом.

— Вот как! — воскликнул Паганель. — Вы, значит, обогнули мыс Горн, а меня с вами не было!

— Повесьтесь! — сказал майор.

— Эгоист! — отозвался географ. — Вы даете мне такой совет лишь для того, чтобы получить мою веревку.

— Полноте, дорогой Паганель! — вмешался в их разговор Гленарван. — Если не обладать даром быть вездесущим, нельзя же одновременно находиться повсюду. И раз вы странствовали по пампасам, вы никак не могли в то же время обигать мыс Горн.

— Но это не мешает мне сожалеть о том, что меня там не было, — сказал ученый.

После этого Паганеля оставили в покое, а Джон Манглс стал рассказывать о сделанном переходе. По его словам, обигая американский берег, он обследовал все западные архипелаги, но нигде не обнаружил следов «Британии». У мыса Пилар, при входе в Магелланов пролив, пришлось из-за противного ветра изменить маршрут и пойти на юг. Яхта прошла мимо островов Отчаяния, достигла 67° южной широты, обогнула мыс Горн, прошла вдоль Огненной Земли, затем через пролив Лемера и взяла курс вдоль берегов Патагонии. Здесь, на высоте мыса Корриентес, ей пришлось выдержать сильнейшую бурю, ту самую, которая с такой яростью обрушилась во время грозы на наших путешественников. Выдержала яхта этот шторм хорошо и уже три дня крейсировала в открытом море, когда выстрелы карабина дали знать о прибытии ожидаемых с таким нетерпением путешественников. Капитан «Дункана» прибавил, что с его стороны было бы недобросовестно не упомянуть о редкой отваге, проявленной миссис Гленарван и мисс Грант. Буря их не испугала, и если они и беспокоились, то лишь о своих друзьях, странствовавших в это время по равнинам Аргентинской республики.

Этими словами Джон Манглс и закончил свой рассказ. Лорд Гленарван поздравил его с удачно сделанным переходом, а затем обратился к Мэри Грант.

— Дорогая мисс, — сказал он, — я вижу, что капитан Джон воздает должное вашим достоинствам, и я очень рад, что вы так хорошо чувствовали себя на борту его судна.

— Как же могло быть иначе? — ответила Мэри, глядя на Элен Гленарван, а может быть, и на молодого капитана.

— О, сестра моя очень любит вас, мистер Джон! — воскликнул Роберт. — Я тоже вас люблю!

— Я плачу тебе тем же, дорогой мальчик, — ответил Джон Манглс.

Молодой капитан был несколько смущен словами Роберта, а Мэри Грант слегка покраснела.

Джон Манглс поспешил переменить тему разговора:

— Раз я кончил свой рассказ о переходе «Дункана», то, быть может, вы, сэр, ничего не будете иметь против того, чтобы ознакомить нас с подробностями вашего путешествия по Америке, а также с подвигами нашего юного героя?

Конечно, ни одно повествование не могло доставить большего удовольствия Элен и мисс Грант, как это, и Гленарван не замедлил удовлетворить их любопытство. Рассказывая, он как бы заново проделал, не пропустив ни одного эпизода, все свое путешествие от одного океана до другого: переход через Кордильеры, землетрясение, исчезновение Роберта, похищение его кондором, выстрел Талькава, нападение красных волков, самопожертвование мальчика, знакомство с сержантом Мануэлем,

наводнение, убежище на омбу, молния, пожар, кайманы, смерч и, наконец, ночь, проведенная на берегу Атлантического океана. Все эти эпизоды, то страшные, то веселые, попеременно вызывали ужас или смех слушателей. Не раз, когда говорилось о Роберте, его сестра и Элен Гленарван, восхищаясь мальчиком, осыпали его горячими поцелуями.

Закончив свое повествование, Эдуард Гленарван прибавил:

— А теперь, друзья мои, давайте подумаем о настоящем дне. Прошлое позади, но будущее в наших руках. Займемся же снова капитаном Гарри Грантом.

Завтрак был окончен. Все перешли в салон Элен Гленарван и разместились вокруг стола, заваленного картами и планами.

— Дорогая Элен, — не теряя времени, начал Гленарван, — взойдя на борт «Дункана», я сказал вам, что хотя с нами и нет потерпевших крушение на «Британии», но надежды найти их у нас больше, чем когда-либо раньше. После перехода через Южную Америку у нас явилось убеждение, даже скажу больше — уверенность, что катастрофа эта не произошла ни у берегов Тихого океана, ни у берегов Атлантического. Отсюда, естественно, вытекает, что толкование той части документа, где говорится якобы о Патагонии, было неверно. К счастью, нашего друга Паганеля осенило внезапное вдохновение, и он понял, что в толковании документа была сделана ошибка. Он доказал, что мы шли по ложному пути, и истолковал документ так, что у нас нет больше ни малейших сомнений в его подлинном смысле. Я говорю о документе, который написан на французском языке, и прошу Паганеля здесь же разъяснить вам его, чтобы ни у кого из вас не осталось ни тени недоверия к моим словам.

Ученый не замедлил исполнить просьбу Гленарвана. Он убедительнейшим образом изложил, что, по его мнению, означают обрывки слов: *gonie* и *indi*. Он ясно вывел из слова *austral* слово «Австралия». Он доказал, что судно капитана Гранта, покинув берега Перу, могло на пути в Европу потерпеть аварию и быть занесенным южными течениями Тихого океана к берегам Австралии. Гипотезы ученого были так остроумны, а выводы так логичны, что заслужили полное одобрение даже Джона Манглса, а он был очень строгий судья в таких вопросах, и его нельзя было увлечь фантастическими планами. Когда Паганель кончил, Гленарван объявил, что «Дункан» тотчас же направится в Австралию.

Однако майор попросил, прежде чем будет отдан приказ взять курс на восток, разрешить ему высказать одно простое соображение.

— Говорите, Мак-Наббс, — сказал Гленарван.

— Цель моя, — начал майор, — не заключается в том, чтобы поколебать доводы моего друга Паганеля; еще менее собираюсь я опровергать их. Доводы эти я нахожу серьезными, пронизательными, достойными всяческого внимания, и мы несомненно должны на них опираться в наших будущих поисках. Но я хотел бы, чтобы они были подвергнуты еще одной, последней проверке: тогда они станут бесспорны и неопровержимы.

Никто не понимал, куда клонит осторожный Мак-Наббс, и все слушали его с некоторым беспокойством.

— Продолжайте, майор, — сказал Паганель, — я готов ответить на все ваши вопросы.

— И вам будет чрезвычайно легко это сделать, — промолвил майор. — Когда пять месяцев назад мы изучали в Клайдском заливе эти три документа, нам казалось, что другого толкования, чем то, какое было предложено, быть не может. Крушение «Британии» нигде не могла произойти, кроме как у берегов Патагонии. У нас не было даже тени сомнения на этот счет.

— Совершенно верно, — заметил Гленарван.

— Позднее, — продолжал майор, — когда, на наше счастье, Паганель по своей рассеянности попал на «Дункан», ему были предложены на рассмотрение эти документы, и он безусловно одобрил наше намерение производить поиски у берегов Америки.

— Правильно, — подтвердил географ.

— И, однако, мы ошиблись, — закончил майор.

— Мы ошиблись, — повторил Паганель. — Каждый человек может ошибиться, но только безрассудный человек упорно не хочет признать, что он ошибся.

— Не горячитесь, Паганель! — промолвил майор. — Я вовсе не хочу сказать, что мы должны продолжать наши поиски в Америке.

— Тогда чего же вы хотите? — спросил Гленарван.

— Хочу признания того, что Австралия кажется нам теперь единственно возможным местом крушения «Британии», с той же очевидностью, с которой еще недавно таким местом нам казалась Америка.

— Охотно признаем это, — ответил Паганель.

— Принимаю это к сведению, — продолжал майор, — и вместе с тем убеждаю вас не давать воли своей фантазии и не доверять всем этим противоречивым «очевидностям». Как знать! Быть может, после Австралии какая-нибудь другая страна внушит вам такую же уверенность, и если эти поиски снова окажутся неудачными, то не станет ли «очевидным», что их надо возобновить еще в другом месте?

Гленарван и Паганель переглянулись: соображения майора поразили их своей верностью.

— Итак, — продолжал Мак-Наббс, — раньше, чем мы направимся в Австралию, я хотел бы, чтобы была сделана последняя проверка документов. Вот они, эти бумаги, вот карты. Давайте просмотрим одно за другим все места, через которые проходит тридцать седьмая параллель, и подумаем, нет ли другой страны, на которую указывал бы наш документ.

— Это сделать нетрудно и недолго, — заявил Паганель, — так как, на наше счастье, вдоль этого градуса широты лежит мало земель.

— Посмотрим, — сказал майор, разворачивая английскую карту обоих полушарий, сделанную по Меркатору^[59].

Карту разложили перед Элен, и все разместились так, чтобы иметь возможность следить за пояснениями Паганеля.

— Как я уже говорил вам, — начал географ, — тридцать седьмая параллель, пройдя через Южную Америку, пересекает острова Тристан-да-Кунья. Я утверждаю, что ни одно слово документа не может относиться к этим островам.

После тщательного рассмотрения документов все присутствующие должны были признать, что Паганель прав. Острова Тристан-да-Кунья были отвергнуты единогласно.

— Будем же продолжать, — снова заговорил географ. — Выйдя из Атлантического океана двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды, мы попадаем в Индийский океан. Одна только группа островов встречается на нашем пути — Амстердамские острова. Обсудим вопрос о них так же, как мы это сделали по отношению к Тристан-да-Кунья.

После тщательного обсуждения Амстердамские острова были тоже отвергнуты: ни одно слово, полное или неполное, будь то французское, немецкое или английское, не могло относиться к этой группе островов Индийского океана.

— Теперь мы подходим к Австралии, — продолжал Паганель. — Тридцать седьмая параллель вступает на этот материк у мыса Бернулли и покидает его в том месте, где находится бухта Туфольд. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что, не делая никакого насилия над текстом документов, можно отнести неполное слово *stra* из английского документа и неполное слово *austral* из французского к «Австралии»? Это так очевидно, что даже не стоит на этом настаивать.

Все согласились с заключением Паганеля. Его предположение казалось всесторонне обоснованным.

— Пойдем дальше, — продолжал майор.

— Пойдем, — откликнулся географ, — путешествие нетрудное. Покинув бухту Туфольд, мы пересекаем море на востоке Австралии и встречаем на пути Новую Зеландию. Тут я напомним вам, что обрывок слова *contin* из французского документа неопровержимо указывает на то, что вопрос идет о континенте. Стало быть, капитан Гранту не мог найти пристанища на Новой Зеландии, ибо она представляет собой не материк, а остров. Но пожалуйста — анализируйте, сравнивайте, переворачивайте на все лады слова и обрывки слов, а затем скажите, имеют ли они хоть малейшее отношение к этой стране.

— Ни в каком случае, — ответил Джон Манглс, тщательно рассмотрев документы и карту полушарий.

— Нет, — согласились с ним остальные слушатели Паганеля и даже сам майор, — о Новой Зеландии не может быть и речи.

— Дальше, — продолжал географ: — среди всего огромного водного пространства между этим большим островом и берегом Америки тридцать седьмая параллель проходит только по одному бесплодному, пустынному островку.

— Как он называется? — спросил майор.

— Смотрите на карту. Это остров Марии-Терезии, но, надо сказать, ни в одном из трех документов нет никаких следов этого названия.

— Никаких, — подтвердил Гленарван.

— А теперь, друзья мои, — закончил географ, — скажите: не ясно ли, что наиболее вероятным, а вернее сказать — совершенно бесспорным является мой вывод о том, что речь здесь идет именно об Австралии?

— Несомненно, — единодушно ответили пассажиры и капитан «Дункана».

— Скажите, Джон, — спросил тогда Гленарван капитана, — в достаточном ли количестве имеется у вас съестных припасов и угля?

— Да, сэр, я с избытком всем запасаю в Талькагуано. К тому же мы легко сможем еще пополнить наш запас топлива в Капштадте.

— В таком случае, дайте приказ к отплытию...

— Еще одно соображение... — перебил Гленарвана майор.

— Говорите, Мак-Наббс!

— Как ни много у нас шансов на успех в Австралии, а не следовало ли бы нам все же на день-два сделать остановку у островов Тристан-да-Кунья и Амстердамских? Нам ведь это по пути. И тогда уж мы окончательно убедимся в том, что у этих островов не осталось следов крушения «Британии».

— Ну и недоверчив же этот майор! — воскликнул Паганель. — Он стоит на своем!

— Я стою главным образом за то, чтобы нам не пришлось возвращаться назад в том случае, если Австралия не оправдает наших надежд.

— Эти меры предосторожности кажутся мне разумными, — заметил Гленарван.

— И, уж конечно, не я стану вас отговаривать от них, — добавил Паганель, — напротив!

— Тогда, Джон, отдайте приказ идти к островам Тристан-да-Кунья, — распорядился Гленарван.

— Немедленно, сэр, — ответил капитан и отправился на свой мостик, в то время как Роберт и Мэри Грант горячо благодарили Гленарвана.

Вскоре «Дункан», держа курс на восток, уже рассекал своим форштевнем волны Атлантического океана, удаляясь от американских берегов.

Глава II

Тристан-да-Кунья

Если бы яхта шла вдоль экватора, то сто девяносто шесть градусов, которые отделяют Австралию от Америки (или, вернее сказать, мыс Бернулли от мыса Корриентес), представляли бы собой путь в одиннадцать тысяч семьсот шестьдесят географических миль. Но тридцать седьмая параллель вследствие формы земного шара короче экватора, и, следуя по ней, яхте предстояло пройти всего лишь девять тысяч четыреста восемьдесят миль. От американского берега до островов Тристан-да-Кунья считается две тысячи сто миль. Это расстояние Джон Манглс надеялся пройти в десять дней, если только его не задержат в пути восточные ветры. Молодому капитану посчастливилось: к вечеру ветер стал заметно спадать, а затем изменил свое направление. Море успокоилось, и «Дункан» получил возможность проявить все свои бесподобные качества.

Жизнь вернувшихся пассажиров на яхте пошла своим обычным ходом. Казалось, что они и не покидали судна на целый месяц. Только теперь кругом них плескались волны уже не Тихого, а Атлантического океана. Но ведь все волны, если не считать некоторого различия в их оттенках, похожи друг на друга. Стихии, подвергшие наших путешественников стольким грозным испытаниям, теперь им благоприятствовали. Океан был как зеркало, дул попутный ветер, и паруса «Дункана», вздувшись под западным бризом, помогали его неумоимо работающей паровой машине.

Благодаря всему этому переход совершился быстро, без злоключений и приключений. Наши путешественники ждали с твердой надеждой австралийского берега. Они все больше и больше верили в успех. О капитане Гранте говорили так, будто яхта шла за ним в какой-то определенный порт. Уже были приготовлены каюта для него и койки для его двух матросов. Мэри Грант доставляло большую отраду устраивать отцовскую каюту, украшать ее. Каюту уступил мистер Олбинет; сам же он перебрался к своей супруге. Каютка, предназначенная для капитана Гранта, находилась рядом со знаменитой каюткой номер шесть, заказанной Жаком Паганелем на пароходе «Шотландия». Ученый-географ, запершись, проводил в ней почти целые дни. Он с утра до вечера работал над трудом под заглавием «Чудесные впечатления географа в аргентинских пампасах». Часто было слышно, как он взволнованно читал вслух свои изящные периоды, прежде чем доверить их записной книжке. И, надо признаться, восторженный ученый не раз изменял музе истории Клио и обращался к божественной музе Каллиоппе, вдохновительнице аттических поэтов, прославляющих подвиги героев. Паганель и не скрывал того, что целомудренные дочери Аполлона охотно покидают для него Парнас или Геликон. Элен и майор поздравляли его с этими мифологическими посетительницами.

— Только смотрите, дорогой Паганель, — добавлял при этом майор, — берегитесь рассеянности, и если вам придет фантазия учиться языку австралийцев, то не вздумайте прибегнуть к помощи китайской грамматики.

Итак, на яхте все шло прекрасно. Эдуард и Элен Гленарван с интересом наблюдали за Джоном Манглсом и Мэри Грант. Супруги находили, что молодые люди ведут себя безупречно, а раз Джон Манглс молчит, то лучше делать вид, что они ничего не замечают.

— Что подумает капитан Грант! — сказал однажды жене Гленарван.

— Он подумает, что Джон достоин Мэри, и не ошибется, дорогой Эдуард.

Между тем яхта быстро двигалась к цели. Через пять дней после того, как скрылся из виду мыс

Корриентес, а именно 16 ноября, подул западный бриз, чрезвычайно благоприятствующий судам, обгибающим южную оконечность Африки: там дуют обычно юго-восточные ветры. «Дункан» распустил паруса и под своим фоком, гротом, марселями, брамселями и стакселями лег на левый борт и понесся левым галсом так быстро, что винт почти не успевал отталкиваться от ускользающих вод, рассекаемых его форштевнем. Можно было подумать, что «Дункан» принимает участие в состязании яхт Королевского яхт-клуба Темзы.

На следующий день океан оказался покрытым громадными водорослями, делавшими его похожим на огромный пруд, заросший травами. Казалось, это одно из тех саргассовых морей, которые образованы из обломков деревьев и растений с соседних материков. Впервые обратил на них внимание мореплавателей ученый Мори. «Дункан» словно скользил по громадной равнине (Паганель удачно сравнил ее с пампасами), и ход его несколько замедлился.

Прошли еще одни сутки, и на рассвете с мачты послышался голос сторожевого матроса.

— Земля! — крикнул он.

— В каком направлении? — спросил его Том Остин, стоявший в это время на вахте.

— На подветренном, — ответил матрос.

Не успел раздаваться этот всегда волнующий крик: «Земля!», как палуба сразу наполнилась людьми. Вскоре из люка выглянула подзорная труба, и тотчас же вслед за ней появился Жак Паганель. Ученый не замедлил направить свой инструмент в указанном направлении, но не увидел там ничего похожего на землю.

— Взгляните на облака, — посоветовал ему Джон Мангле.

— Верно, — сказал Паганель. — Там, правда, еще очень неясно, но все же виднеется что-то вроде остроконечной горной вершины.

— Это Тристан-да-Кунья, — объявил Джон Манглс.

— В таком случае, если только память мне не изменяет, — продолжал ученый, — мы должны быть от него в восьмидесяти милях, ибо эта вершина, поднимающаяся на семь тысяч футов над уровнем моря, видна именно с такого расстояния.

— Совершенно верно, — отозвался капитан Джон.

Прошло несколько часов, и на горизонте вполне отчетливо вырисовалась группа чрезвычайно высоких островов с крутыми берегами. Коническая вершина Тристана выделялась темным силуэтом на сияющем фоне неба, разноцветно озаренного лучами восходящего солнца. Вскоре из скалистой массы архипелага выступил главный его остров, расположенный как бы у вершины направленного на северо-восток треугольника.

Тристан-да-Кунья находится под 37°8' южной широты и 10°44' западной долготы от Гринвичского меридиана. Этот маленький одинокий архипелаг Атлантического океана пополняется в восемнадцати милях к юго-западу островом Непрístupный, а в десяти милях к юго-востоку — островом Соловей. Около полудня яхта прошла мимо двух главных приметных мест, которые помогают морякам ориентироваться, а именно: мимо угловой скалы острова Непрístupный, очень похожей на лодку с поднятым парусом, и мимо двух островков у северной части острова Соловей, напоминающих развалины небольшой крепости. В три часа «Дункан» вошел в бухту Тристан-да-Кунья — Фалмут, — защищенную от западных ветров остроконечной горой Гельм. Здесь дремало на якоре несколько китоловных судов, занятых ловлей тюленей и других морских животных, которыми изобилуют эти берега.

Джон Манглс занялся приисканием надежного места для стоянки «Дункана», зная, что этот не вполне защищенный рейд представляет для судов большую опасность при северном и северо-западном ветре. Именно в этой бухте затонул в 1829 году английский бриг «Джулия» с командой и грузом. «Дункан» бросил якорь в полумиле от берега, на каменистое дно глубиной в двадцать саженей. Для пассажиров яхты тотчас была спущена большая шлюпка; они высадились на берег, покрытый тонким черным песком — мельчайшими остатками пережженных, выветрившихся известковых скал.

Столицей всего архипелага Тристан-да-Кунья является небольшой поселок, расположенный в глубине бухты, у широкого шумного ручья. В нем до полусотни довольно опрятных домиков, расположенных с той геометрической правильностью, которая, по-видимому, является последним словом английской архитектуры. За этим миниатюрным городком расстилается равнина в полторы тысячи гектаров, заканчивающаяся огромными насыпями из остывшей лавы. А над этой плоской возвышенностью поднимается конический пик в семь тысяч футов.

Гленарван был принят губернатором английской колонии и тотчас же осведомился у него относительно Гарри Гранта и «Британии». Но эти имена оказались совершенно неизвестными ему. Острова Тристан-да-Кунья находятся в стороне от обычного морского пути, и к берегам их редко подходят суда. После известного крушения английского судна «Блендон-Голл», разбившегося в 1821 году о скалы острова Неприступный, еще два судна потерпели крушение у берега главного острова: «Примоге» в 1845 году и трехмачтовый американский корабль «Филадельфия» в 1857 году. Этими тремя катастрофами и ограничивалась местная статистика кораблекрушений.

В сущности, Гленарван и не рассчитывал получить здесь какие-нибудь сведения, а расспрашивал губернатора для очистки совести. Из тех же самых соображений он послал шлюпки вокруг острова, окружность которого не превышает семнадцати миль. Если бы остров был даже втрое больше, то и тогда на нем не могли бы уместиться ни Лондон, ни Париж.

Пока производились эти поиски, пассажиры «Дункана» прогуливались по поселку и его окрестностям. Количество его жителей не достигало и ста пятидесяти человек. Все это были англичане и американцы, женатые на негритянках и капских готтентотках.

Наши туристы были рады тому, что чувствуют под ногами твердую почву. Побывав в поселке, они отправились на берег, к которому прилегает обработанная долина, единственная на этом острове. Все остальное пространство острова покрыто крутыми и бесплодными утесами из застывшей лавы. Среди них живет множество огромных альбатросов и тысячи пингинов.

Путешественники сначала осмотрели утесы вулканического происхождения, а потом направились к долине. Вокруг них журчали многочисленные проворные ручьи, питаемые вечными снегами конусообразной горы. Пейзаж оживляли зеленые кусты, на которых виднелось почти столько же птичек, сколько и цветов. Среди зеленеющих пастбищ возвышалось одно-единственное дерево футов в двадцать вышиной. Гигантский кустарник туесе с древовидным стеблем, ацена с колючими семенами, могучие ломарии со своими переплетающимися стеблями, многолетние кустарниковые растения ануэрины, распространяющие кругом одуряющий аромат, мхи, дикий сельдерей, папоротник — все это представляло, правда, не разнообразную, но роскошную флору. Чувствовалось, что над этим благодатным островом нежно веет вечная весна.

В окрестностях поселка паслись стада быков и овец. Цветущие поля, засеянные хлебами, маисом, овощами, ввезенными сюда лет сорок назад, примыкали вплотную к улицам столицы.

Как раз в то время, когда Гленарван вернулся на борт, подошли к «Дункану» шлюпки. Они успели в несколько часов объехать кругом весь остров, но ни на какой след «Британии» на своем пути не

наткнулись. Таким образом, приходилось окончательно вычеркнуть острова Тристан-да-Кунья из перечня тех мест, где можно было надеяться найти капитана Гранта.

Теперь «Дункан» мог свободно покинуть эти африканские острова и продолжать свой путь на восток. Если он не отплыл в тот же вечер, то только потому, что Гленарван разрешил своей команде поохотиться на тюленей. Тюлени кишели в бухте Фалмут. Когда-то в этих водах прекрасно себя чувствовали и настоящие киты. Но на них столько охотились, что они почти перевелись. Земноводные же встречаются здесь целыми стадами. Команда яхты решила всю ночь за ними охотиться, а на следующий день заготовить из них запасы жира. Поэтому отплытие «Дункана» было отложено на послезавтрашний день — 20 ноября.

За ужином Паганель сообщил своим спутникам несколько интересных сведений об островах Тристан-да-Кунья. Они узнали, что этот архипелаг, открытый в 1506 году португальцем Тристаном-да-Кунья, одним из спутников Альбукерка, в течение более ста лет не был исследован. Здешние острова считались, и не без основания, «приютом бурь» и пользовались не лучшей репутацией, чем Бермудские острова. Поэтому к ним подходили только суда, заброшенные к их берегам бурями Атлантического океана.

В 1697 году, когда три голландских судна Индийской компании пристали к островам Тристан-да-Кунья, были определены координаты этих островов, а в 1700 году астроном Галлей внес в эти вычисления свои поправки. Между 1712 и 1767 годами ознакомились с архипелагом Тристан-да-Кунья несколько французских мореплавателей. Особенно много внимания уделил ему Лаперуз, побывавший на нем, согласно полученным инструкциям, во время своего знаменитого путешествия 1785 года. Эти так редко посещаемые острова были необитаемы вплоть до 1811 года, когда одному американцу, Джонатану Ламберту, пришла мысль их колонизировать. В январе этого года он высадился здесь с двумя товарищами, и они принялись за работу. Английский губернатор мыса Доброй Надежды, узнав, что новые колонисты преуспевают, предложил им протекторат Англии. Джонатан принял это предложение и водрузил над своей хижинкой британский флаг. Казалось бы, что Джонатану суждено было мирно и безмятежно царствовать над «своими народами» — стариком-итальянцем и португальским мулатом, но однажды, исследуя берега своей «империи», он утонул или был утоплен — это осталось тайной. Настал 1816 год. Наполеон был заключен на острове св. Елены, и Англия, дабы бдительнее охранять его, держала один гарнизон на Тристан-да-Кунья, а другой — на острове Вознесения. Гарнизон состоял из артиллерийской батареи, переведенной с мыса Доброй Надежды, и из отряда готтентотов. Он оставался здесь до самой смерти Наполеона, до 1821 года, затем был возвращен обратно на мыс Доброй Надежды.

— Один только европеец, — добавил Паганель, — капрал, шотландец...

— А, шотландец! — перебил его майор, которого всегда интересовали соотечественники.

— Звали его Вильям Гласс, — продолжал географ. — Он остался на острове с женой и двумя готтентотами. Вскоре к шотландцу присоединились два англичанина: один матрос, а другой рыбак с берегов Темзы, служивший до этого драгуном в аргентинской армии. Наконец, в 1821 году один из потерпевших крушение на «Блендон-Голле» вместе со своей молодой женой также нашел себе приют на острове Тристан. Таким образом, на этом острове в 1821 году имелось шесть мужчин и две женщины. В 1829 году число обитателей возросло: мужчин стало семь, женщин шесть, а детей четырнадцать. В 1835 году число это поднялось до сорока, а в настоящее время оно утроилось. Скажу еще, чтобы дополнить историю Тристан-да-Кунья, — продолжал Паганель — эти острова, по-моему, не менее острова Хуан-Фернандец имеют право считаться островами робинзонов. В самом деле, если на острове Хуан-Фернандец были в разное время брошены на произвол судьбы два моряка, то такой же участи едва не подверглись на островах Тристан-да-Кунья два ученых. В 1793 году один из моих соотечественников, естествоиспытатель Обер дю Пти-Туар, до того увлекся здесь собиранием растений, что заблудился и смог добраться до своего корабля лишь в тот момент, когда капитан уже отдал приказ поднять якорь. А в 1824 году один из ваших

соотечественников, дорогой Гленарван, искусный рисовальщик, по имени Огюст Эрл, был оставлен на этом же самом острове и провел на нем целых восемь месяцев. Капитан судна забыл о том, что Эрл находится на берегу, и, подняв паруса, отплыл к мысу Доброй Надежды.

— Вот этого капитана поистине можно назвать рассеянным! — отозвался майор. — Это, верно, был один из ваших родичей, Паганель?

— Если он и не был моим родичем, то, во всяком случае, достоин этой чести, — заявил географ.

И этим его ответом разговор об островах Тристан-да-Кунья был закончен.

Ночная охота команды «Дункана» оказалась удачной: убито было пятьдесят крупных тюленей. Разрешив охоту, Гленарван не мог запретить матросам извлечь из нее пользу. Поэтому следующий день был посвящен вытапливанию тюленьего жира, а также обработке кож этих ценных земноводных. Само собой разумеется, что и второй день стоянки в порту пассажиры «Дункана» использовали для того, чтобы совершить новую прогулку в глубь острова. Гленарван и майор захватили с собой ружья — они собирались поохотиться за местной дичью.

Гуляя, туристы дошли до самой подошвы горы. Почва здесь была усеяна кусками лавовых шлаков, пористых и черных, и всякими другими обломками вулканического происхождения. Основание горы поднималось из хаоса шатких скал. Трудно было ошибиться в вопросе о происхождении этого огромного конусообразного пика, и английский капитан Кармайкел имел полное основание видеть в нем потухший вулкан.

Охотники набрали на нескольких кабанов. Пуля майора уложила на месте одного из них. Гленарван же довольствовался тем, что подстрелил несколько черных куропаток, из которых должно было выйти превосходное рагу. На высоких горных площадках мелькало множество коз. Было на острове и множество диких кошек; эти сильные, отважные животные, страшные даже для собак, должны были, по всей видимости, когда-нибудь развиться в настоящих хищных животных.

В восемь часов вечера все вернулись на яхту, а ночью «Дункан» навсегда покинул Тристан-да-Кунья.

Глава III

Остров Амстердам

Джон Манглс собирался запастись углем на мысе Доброй Надежды, поэтому ему пришлось немного уклониться от тридцать седьмой параллели и подняться на два градуса к северу. Здесь еще не начиналась зона пассатов, а дули сильные западные ветры, очень благоприятствовавшие ходу «Дункана».

Менее чем в шесть дней он прошел тысячу триста миль, то есть расстояние от Тристан-да-Кунья до южной оконечности Африки. 24 ноября, в три часа дня, показалась Столовая гора, а немного погодя Джон заметил и гору Сигналов, поднимающуюся у входа в залив. «Дункан» вошел туда около восьми часов вечера и стал на якорь в Капштадском порту.

Паганель, будучи членом Географического общества, не мог не знать, что южную оконечность Африки впервые увидел мельком португальский адмирал Бартоломей Диац в 1486 году, а обогнул ее только в 1497 году Васко да Гама. По этому поводу ученый сделал одно любопытное замечание: если бы Диац тогда, в 1486 году, за шесть лет до первого путешествия Христофора Колумба, обогнул мыс Доброй Надежды, то открытие Америки могло бы быть отложено на совершенно неопределенное время. Ведь путь вдоль южной оконечности Африки — самый короткий и прямой путь в Восточную Индию. А великий генуэзский моряк, углубляясь на запад, как раз искал ближайшего пути в «страну пряностей». И будь этот мыс уже обогнут, весь смысл экспедиции Колумба терялся бы, и, вероятно, он не предпринял бы ее.

Кейптаун, или Капштадт, основанный в 1652 году голландцем Ван-Рибекком, расположен в глубине Капского залива. Это столица значительной колонии, которая окончательно стала английской после договоров 1815 года.

Пассажиры «Дункана» воспользовались стоянкой в порту, чтобы осмотреть город. Они имели лишь двенадцать часов в своем распоряжении, так как капитану достаточно было одного дня для возобновления запасов угля и он хотел сняться с якоря 26-го утром.

Впрочем, им и не понадобилось больше времени, чтобы обойти правильные квадраты шахматной доски, называемой Капштадтом. И правда, после того, как вы осмотрите замок, возвышающийся в юго-восточной части города, дом и сад губернатора, биржу, музей, каменный крест, водруженный здесь Бартоломеем Диацем в память своего открытия, да еще выпьете стакан понтейского вина, лучшего из местных вин, вам не останется ничего другого, как пуститься в дальнейший путь.

Это и сделали наши путешественники на рассвете следующего дня. «Дункан» поднял кливер, фок и марсель и через несколько часов уже обогнул тот знаменитый мыс Бурь, которому португальский король-оптимист Иоанн II так неудачно дал название Доброй Надежды. Отсюда до Амстердамских островов — две тысячи девятьсот миль. При хорошей погоде и благоприятном ветре это расстояние можно пройти дней в десять. Нашим мореплавателям больше повезло, чем путешественникам по пампасам: им не пришлось жаловаться на неблагосклонность стихии.

— О море, море! — повторял Паганель. — Это наилучшее место, где могут проявить себя силы человека. Корабль — настоящий проводник цивилизации! Если бы земной шар представлял собой один огромный материк, мы в девятнадцатом веке не знали бы и тысячной его части. Взгляните на то, что происходит внутри обширных материков — в равнинах Центральной Азии, в пустынях Африки, в прериях Америки, на обширных пространствах Австралии, в ледяных полярных странах. Человек там едва осмеливается показаться. Самый смелый отступает, самый отважный погибает. Продвигаться там человеку

невозможно: средства сообщения недостаточны. Жара и болезни представляют непреодолимые препятствия. Двадцать миль пустыни больше разделяют людей, чем пятьсот миль океана. Жители противоположных побережий считают себя соседями, а люди, между которыми раскинулись леса, — друг для друга чужестранцы... Англия как бы граничит с Австралией. А возьмите, например, Египет: он кажется отдаленным на миллионы лье от Сенегала. Пекин является словно антиподом Петербурга... Море в наше время более доступно, чем любая незначительная пустыня, и только благодаря ему между пятью частями света установились родственные узы.

Паганель говорил с жаром, и даже майор ничего не возразил на этот гимн океану. И в самом деле, если бы для поисков Гарри Гранта нужно было следовать вдоль тридцать седьмой параллели все время по материку, то это предприятие оказалось бы неосуществимым. А тут к услугам наших отважных путешественников было море, переносившее их из одной страны в другую.

6 декабря, на рассвете, над морскими волнами показалась какая-то гора. Это были Амстердамские острова, расположенные под 37°47' южной широты и 77°24' восточной долготы. Конусообразная вершина была видна в ясную погоду за пятьдесят миль. В восемь часов утра очертания этой горы, еще неясные, стали напоминать общий облик Тенерифа.

— Значит, она похожа и на гору Тристан-да-Кунья, — заметил Гленарван.

— Основательный вывод, — отозвался Паганель. — Он вытекает из геометрографической аксиомы, говорящей о том, что два острова, похожие на третий, похожи и друг на друга. Добавлю, что Амстердамские острова, так же как и острова Тристан-да-Кунья, были богаты тюленями и робинзонами.

— Значит, робинзоны имеются всюду? — спросила Элен.

— Честное слово, миссис, я не много знаю островов, где не бывало бы подобных приключений, — отозвался ученый: — сама жизнь гораздо раньше вашего знаменитого соотечественника Даниеля Дефо осуществила его бессмертный роман.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Мэри Грант, — разрешите мне задать вам один вопрос.

— Хоть два, дорогая мисс. Обязуюсь на них ответить.

— Скажите, очень испугались бы вы, если бы вдруг были покинуты на пустынном острове?

— Я? — воскликнул Паганель.

— Не вздумайте, друг мой, признаться в том, что это ваше заветное желание, — сказал майор.

— Я не хочу утверждать этого, — ответил географ, — но, пожалуй, подобное приключение пришлось бы мне по вкусу. Я создал бы свою жизнь заново: стал бы охотиться, ловить рыбу, жил бы зимой в пещере, а летом — на дереве, устроил бы склад для собранного мною урожая... Словом, я занялся бы колонизацией моего острова.

— Один?

— Один, если бы так сложились обстоятельства. А к тому же, разве на земле может быть полное одиночество? Как будто нельзя выбрать себе друга среди животных: приручить какого-нибудь козленка, красноречивого попугая, милую обезьянку. А если случай пошлет вам такого товарища, как верный Пятница, то чего же еще вам нужно? Два друга на одном утесе — вот вам и счастье! Представьте, например, майора и меня...

— Благодарю вас, — сказал Мак-Наббс, — у меня нет ни малейшего желания разыгрывать роль Робинзона, да и сыграл бы я эту роль очень плохо.

— Дорогой Паганель, — вмешалась Элен, — ваше пылкое воображение опять уносит вас в мир

фантазий. Но мне кажется, что действительность очень отличается от мечтаний. Перед вами рисуются лишь те вымышленные робинзоны, которых судьба забрасывает на заботливо приспособленные для них острова, где природа балует их, словно любимых детей. Вы видите только хорошую сторону вещей.

— Как, вы не думаете, что можно быть счастливым на необитаемом острове?

— Да, я не считаю это возможным. Человек создан для жизни в обществе, а не для уединения. Одиночество порождает отчаяние. Это только вопрос времени. Возможно, что сначала заботы о неотложных материальных потребностях жизни и могут отвлечь мысли несчастного, только что спасшегося от морских волн, и он, весь занятый настоящим, не будет пока думать о мрачном будущем. Но настанет время, когда он почувствует себя одиноким вдали от людей, без всякой надежды увидеть родину, увидеть тех, кого он любит. Что тогда должен будет он передумать, перестрадать! Его островок — для него весь мир, все человечество — он сам... И когда настанет смерть, страшная смерть в совершенном одиночестве, он будет чувствовать себя так, как последний человек в последний день мира... Нет, господин Паганель, поверьте мне, лучше не быть этим человеком!

Паганель, хотя не без сожаления, все же должен был согласиться с доводами Элен. Разговор на тему о положительных и отрицательных сторонах одиночества продолжался вплоть до момента, когда «Дункан» бросил якорь в миле от берега Амстердамских островов.

Этот заброшенный в Индийском океане архипелаг состоит из двух островов, расположенных приблизительно в тридцати трех милях один от другого, как раз на меридиане, проходящем через Индийский полуостров. Северный остров называется островом Амстердам или островом св. Петра, а южный — островом св. Павла. Но надо сказать, что и географы и мореплаватели часто смешивают их.

В 1859 году офицеры австрийского фрегата «Наварра» во время своего кругосветного путешествия избежали этой ошибки. Паганель считал особенно необходимым исправить ее.

Остров св. Павла, расположенный к югу от острова Амстердам, представляет собой необитаемый островок и состоит из одной горы конической формы — по-видимому, потухшего вулкана. Остров же Амстердам, на который шлюпка высадила пассажиров «Дункана», имеет миль двенадцать в окружности. Население его состоит из нескольких добровольных изгнанников, уже привыкших к своему печальному существованию. То были сторожа рыболовных промыслов, принадлежащих, так же как и самый остров, одному коммерсанту с острова Соединения, некоему Отовану. Этот властитель, пока еще не признанный великими европейскими державами, получает со своего владения до восьмидесяти тысяч франков в год от ловли, засолки и вывоза рыбы чейлодактилис, называемой на менее научном языке треской.

Этому острову Амстердам было суждено стать и остаться французским владением. Сначала он принадлежал, по праву первого поселившегося на нем, Камену, судовладельцу из Сен-Дени на Бурбоне. Потом по какому-то международному соглашению остров Амстердам был уступлен одному поляку, который занялся его обработкой при помощи мадагаскарских рабов. Но в конце концов остров этот, попав в руки Отована, снова сделался французским.

Когда 6 декабря 1864 года «Дункан» бросил якорь у острова, население его состояло из трех человек: одного француза и двух мулатов. Все трое были служащими коммерсанта-собственника Отована. Паганель смог пожать руку соотечественнику, почтенному господину Вио, человеку весьма преклонных лет. «Мудрый старец» чрезвычайно радушно принял наших путешественников. День, когда ему довелось оказать гостеприимство любезным, культурным европейцам, был для него счастливым днем. Ведь остров св. Петра обычно посещают лишь охотники на тюленей да изредка китобои — люди грубые и неотесанные.

Вио представил гостям своих «подданных» — двух мулатов. Трое этих людей да несколько диких кабанов и множество простодушных пингинов были единственными обитателями острова. Домик, где

жили трое островитян, стоял в юго-западной части острова, в глубине природной гавани, образовавшейся вследствие частичного обвала горы. Еще задолго до «царствования» Отована I остров св. Петра служил убежищем для потерпевших кораблекрушение. Паганель очень заинтересовал своих слушателей заглавием своего первого рассказа на эту тему: «История двух шотландцев, покинутых на острове Амстердам».

Дело было в 1827 году. Английский корабль «Пальмира», проходя в виду этого острова, заметил поднимающийся сверху дымок. Капитан стал приближаться к берегу и вскоре увидел двух людей, подававших сигналы бедствия. Он отправил за этими людьми шлюпку, которая и доставила на корабль Жака Пэна, двадцатидвухлетнего юношу, и Роберта Прудфута, мужчину сорока восьми лет. Эти двое несчастных были в ужасном виде. Они прожили на острове восемнадцать месяцев в страшной нужде, лишениях и муках: у них почти не было ни пищи, ни пресной воды. Питались они ракушками, время от времени какой-нибудь рыбой, пойманной на согнутый гвоздь, или мясом пойманного кабаненка. Им случалось бывать по трое суток без пищи. Подобно весталкам, они неусыпно охраняли костер, разведенный при помощи последнего куска трута. Уходя куда-нибудь, они всегда уносили с собой, как какую-нибудь драгоценность, горящий уголек. Пэн и Прудфут были высажены на остров шхуной, охотившейся за тюленями. Оставили их здесь, по обычаю рыбаков, для того, чтобы они в течение месяца топили жир тюленей и выделывали их кожи. Шхуна за ними не вернулась. Пять месяцев спустя к острову подошло английское судно «Надежда», направлявшееся в Ван-Димен. Капитан его по какому-то необъяснимому, жестокому капризу отказался взять шотландцев на свое судно. Он отплыл, не оставив им ни куска сухаря, ни огнива. Несомненно, эти двое несчастных погибли бы, если бы «Пальмира», проходившая в виду острова, не подобрала их.

Второе приключение, занесенное в историю острова Амстердам — если вообще у подобного утеса может быть история, — это приключение капитана Перона, на этот раз уже француза. Началось оно и закончилось так же, как у тех двух шотландцев: сначала добровольное пребывание на острове, затем ожидаемое судно не появляется, а через сорок месяцев к берегам острова случайно, по воле ветров, заносится иностранное судно. Но это приключение отличается от первого тем, что во время пребывания капитана Перона на острове разыгралась кровавая драма, похожая на те вымышленные события, которые пережил герой Даниеля Дефо.

Капитан Перон был высажен на берег с четырьмя матросами: двумя англичанами и двумя французами. Он собирался охотиться в течение пятнадцати месяцев на сивучей, или морских львов. Охота была очень удачной, но когда по истечении пятнадцати месяцев судно, которое должно было прийти за охотниками, не появилось, а съестные припасы мало-помалу стали истощаться, резко обострилась национальная рознь. Двое англичан взбунтовались против капитана Перона, и он погиб бы, если бы не помощь его соотечественников. С этого времени существование этих двух враждующих партий стало мучительно жутким, полным не только лишений, но и тревоги: они не переставали ни днем, ни ночью следить друг за другом, не расставались с оружием, нападали друг на друга, являясь то победителями, то побежденными. Конечно, в конце концов одна из враждующих партий покончила бы с другой. Но, к счастью, какое-то английское судно наконец подобрало и доставило на родину этих несчастных людей, которых разделила на скале Индийского океана жалкая национальная рознь.

Таковы были эти приключения. Два раза остров Амстердам стал как бы отечеством заброшенных на него моряков, которых счастливый случай дважды спас от мук голода и от смерти. Но с тех пор ни одно судно не потерпело крушения у его берегов. Волны вынесли бы, конечно, на берег обломки такого судна, а бывшие на нем люди добрались бы на шлюпках до рыболовных промыслов господина Вио. А между тем за все его многолетнее пребывание здесь старый француз никогда еще не имел случая оказать гостеприимство жертвам моря. О «Британии» и капитане Гранте он ничего не знал. Очевидно, катастрофа

эта не произошла ни у острова Амстердам, ни у острова св. Павла, часто посещаемого рыбаками и китоловами.

Слова господина Вио не удивили и не огорчили Гленарвана. Ведь он и его спутники стремились во время этих стоянок не найти местопребывание капитана Гранта, а, напротив, убедиться в том, что его там не было. Они хотели установить тот факт, что на этих точках тридцать седьмой параллели Гарри Грант отсутствует, и только. Отплытие «Дункана» было поэтому назначено на следующий же день.

Оставшееся до вечера время наши путешественники посвятили осмотру острова. Он оказался привлекательным, но бедным флорой и фауной. Описания его не смогли бы заполнить и страницу записной книжки даже самого многословного естествоиспытателя. Млекопитающие и птицы были здесь представлены лишь несколькими дикими кабанами, тюленями, белыми, как снег, чайками, альбатросами и пингвинами. Там и сям из-под темной застывшей лавы били горячие ключи и железистые источники, клубясь густыми парами над вулканической почвой. Температура воды некоторых источников была очень высокой. Джон Манглс погрузил в один из них термометр Фаренгейта, и тот показал сто семьдесят шесть градусов[60]. Когда бросил в эту почти кипящую воду рыбу, пойманную в море в нескольких шагах от того места, она через пять минут была уже сварена. Это побудило Паганеля отказаться от мысли искупаться в таком источнике.

После долгой прогулки, уже в сумерки, наши путешественники стали прощаться с почтенным господином Вио. Все они горячо пожелали ему всяческого возможного на его пустынном островке счастья, а старик, в свою очередь, пожелал успеха экспедиции, после чего шлюпка с «Дункана» доставила путешественников на корабль.

Глава IV

Пари Жака Паганеля и майора Мак-Наббса

7 декабря, в три часа утра, «Дункан» стоял под парами. Заработала лебедка. Якорь был поднят с песчаного дна маленького порта и водворен в свое гнездо на борту. Завертелся винт, и яхта направилась в открытое море. Когда в восемь часов утра пассажиры поднялись на палубу, остров Амстердам уже исчезал в туманах горизонта. Стоянка эта была последней на пути по тридцать седьмой параллели до самых австралийских берегов, а до них оставалось еще целых три тысячи миль. Если бы по-прежнему продолжал дуть западный ветер и погода оказалась благоприятной, то дней в двенадцать «Дункан» смог бы достичь Австралии.

Мэри Грант и Роберт не без волнения смотрели на волны: их, вероятно, рассекала за несколько дней до его крушения «Британия». Где-нибудь здесь, быть может, капитан Грант на своем потерпевшем аварию судне с остатками команды боролся со страшными бурями Индийского океана, сознавая, что его корабль неудержимо несет к берегу. Джон Мангле знакомил девушку по своим морским картам с течениями и указывал ей их постоянное направление. Одно из этих течений идет через весь Индийский океан к Австралийскому материку, и его влияние чувствуется даже в Тихом и Атлантическом океанах. Поэтому, если бы «Британия», потеряв мачты и руль, оказалась безоружной против натиска волн и ветра, она должна была быть выброшена на берег и разбиться.

Прошло шесть дней с тех пор, как «Дункан» покинул берега острова Амстердам. Был вечер 12 декабря. Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт Грант, капитан Джон, Мак-Наббс и Паганель беседовали на юте. По обыкновению, темой разговора была «Британия» — ведь все мысли наших путешественников были сосредоточены на ней. Случайно коснулись того факта, что последние сведения о капитане Гранте, именно о выходе его из Кальяо 30 мая 1862 года, были почерпнуты из «Газеты торгового флота». Тут Гленарван заметил, что его удивляет то обстоятельство, каким образом «Британия», покинув берега Перу, могла через восемь дней, 7 июня, оказаться уже в Индийском океане. Это неожиданное замечание Гленарвана заставило Паганеля быстро поднять голову; затем, ни слова не говоря, ученый отправился за документом. Вернувшись, он опять-таки молча пожал плечами, как человек, которому просто стыдно, что его могли хотя бы на одно мгновение отвлечь «таким пустяком».

— Хорошо, друг мой, — проговорил Гленарван, — но все же дайте нам какое-нибудь объяснение.

— Нет, — ответил Паганель, — я только задам один вопрос, и задам его капитану Джону.

— Я слушаю, господин Паганель, — сказал Джон Манглс.

— Может ли быстроходное судно сделать в один месяц переход от Америки до Австралии?

— Может, если оно будет проходить двести миль в сутки.

— Разве такая скорость необычайна?

— Нисколько. Парусные суда часто идут и быстрее.

— Ну, так предположите, что морская вода смыла одну цифру, и вместо «седьмого июня» читайте «семнадцатого июня» или «двадцать седьмого июня», и все станет ясным.

— В самом деле, — сказала Элен, — от тридцать первого мая до двадцать седьмого июня...

— ...капитан Грант мог пересечь Тихий океан и очутиться в Индийском, — dokonчил за нее Паганель.

Эти слова ученого были встречены всеми с радостью.

— Итак, еще одно место документа выяснено, — сказал Гленарван, — и опять благодаря нашему ученому другу. Теперь нам остается только добраться до Австралии и начать поиски следов «Британии» на западном побережье.

— Или на восточном, — добавил Джон Манглс.

— Да, вы правы, Джон: в документе нет указаний на то, что катастрофа произошла именно у западных, а не у восточных берегов. А из этого следует, что наши поиски должны быть направлены на то место обоих побережий, где проходит тридцать седьмая параллель.

— Так, значит, еще неясно, на каком побережье следует искать? — спросила Мэри.

— О нет, мисс! — поспешил ответить Джон Манглс, желая рассеять беспокойство девушки. — Мистер Гленарван, конечно, согласится с тем, что если бы капитан Грант высадился на восточном побережье Австралии, то он получил бы там всяческую помощь: ведь все это побережье, можно сказать, английское — оно населено колонистами. Команда «Британии» встретила бы соотечественников, не пройдя и десяти миль.

— Правильно, капитан Джон, — подтвердил Паганель, — я присоединяюсь к вашему мнению. На восточном побережье, в бухте Туфольд, в городе Эден, Гарри Грант нашел бы не только приют в какой-нибудь английской колонии, но и корабль, на котором он мог бы вернуться в Европу.

— А в той части Австралии, куда мы плывем на «Дункане», потерпевшие крушение могли бы встретить такую помощь? — спросила Элен.

— Нет, миссис, ибо берега эти пустынные, — ответил Паганель. — Никакие пути сообщения не соединяют их ни с Мельбурном, ни с Аделаидой. Если только «Британия» разбилась о тамошние береговые рифы, то спасшиеся с судна люди могли получить не больше помощи, чем на негостеприимных берегах Африки.

— Что же стало тогда с моим отцом за эти два года? — промолвила девушка.

— Дорогая Мэри, — отозвался Паганель, — ведь вы уверены, не правда ли, в том, что капитану Гранту после кораблекрушения удалось добраться до австралийского берега?

— Да, господин Паганель, — ответила девушка.

— Ну, так давайте зададим себе вопрос: что могло случиться с капитаном Грантом? Тут могут быть только три гипотезы: или Гарри Грант со своими спутниками добрался до английских колоний, или они попали в руки туземцев, или, наконец, заблудились в необъятных пустынях Австралии.

Паганель замолчал, стараясь прочесть в глазах слушателей одобрение своей системы доказательств.

— Продолжайте, Паганель, — сказал Гленарван.

— Продолжаю, — согласился географ, — и начну с того, что отброшу первую гипотезу. Гарри Грант, конечно, не добрался до английских колоний, ибо случись это с ним, он давным-давно, целый и невредимый, вернулся бы к своим детям, в свой родной город Денди.

— Бедный отец! — прошептала Мэри Грант. — Уже целых два года, как он разлучен с нами!

— Не перебивай, сестрица, господина Паганеля! — остановил ее Роберт. — Он сейчас нам скажет...

— Увы, нет, мой мальчик! Единственное, что я могу утверждать, это то, что капитан Грант в плену у австралийцев или...

— А эти туземцы, — перебила его Элен, — не...

— Успокойтесь, миссис, — ответил ученый, поняв, чего она опасалась, — эти туземцы, правда, дики и грубы и стоят на самой низкой ступени развития, но они люди мирные, не кровожадные, подобно своим соседям новозеландцам. Поверьте мне: если потерпевшие крушение на «Британии» попали к ним в плен, то жизни их не могла грозить никакая опасность. Все путешественники сходятся на том, что австралийцы не любят проливать кровь и не раз даже помогали им самим отражать нападения действительно жестоких беглых каторжников.

— Вы слышите, что говорит господин Паганель? — обратилась к Мэри Грант Элен. — Если ваш отец в плену у туземцев — а в документе есть указания на это, — то мы найдем его.

— А если он заблудился в этой огромной стране? — отозвалась молодая девушка, вопрошающе смотря на Паганеля.

— Ну и что же! — уверенно воскликнул географ. — Мы и тогда разыщем его! Не правда ли, друзья мои?

— Конечно! — ответил Гленарван. — Но я не допускаю, чтобы он мог заблудиться.

— И я также, — заявил Паганель.

— А велика ли Австралия? — спросил Роберт.

— Австралия, мой мальчик, занимает около семисот семидесяти пяти миллионов гектаров земли, иными словами — это четыре пятых Европы.

— Она так велика? — с удивлением проговорил майор.

— Да, Мак-Наббс, это совершенно точно. Считаете ли вы, что подобная страна имеет право на название континента, которое дается ей в документе?

— Конечно, Паганель.

— Я еще прибавлю, — продолжал ученый, — что число путешественников, исчезнувших в этой огромной стране, очень невелико. Мне даже кажется, что, пожалуй, Лейхардт — единственный, судьба которого неизвестна, да и то незадолго до моего отъезда мне сообщили в Географическом обществе, будто Мак-Интри считает, что напал на его след.

— Разве не все области Австралии исследованы? — спросила Элен Гленарван.

— Далеко не все, миссис, — ответил Паганель. — Этот континент не более известен, чем центральная часть Африки, а надо сказать, что недостатка в предприимчивых путешественниках тут не было. С 1606 по 1862 год более пятидесяти человек занимались исследованием Австралии — центральных областей и побережий.

— Как, целых пятьдесят? — с недоверчивым видом спросил майор.

— Да, Мак-Наббс, именно столько. Говоря это, я имею в виду и мореплавателей, которые пускались в опасные плавания вдоль необследованных австралийских берегов, а также и сухопутных путешественников, углублявшихся в эту огромную страну.

— И все-таки мне не верится, что их могло быть целых пятьдесят, — заявил майор.

— Так я докажу вам! — крикнул географ, неизменно приходивший в возбуждение, когда ему противоречили.

— Доказывайте, Паганель!

— Если вы не доверяете моим словам, то я сейчас же, не задумываясь, перечислю вам все эти пятьдесят имен.

— Ох, уж эти мне ученые! — спокойно промолвил майор. — Как смело решают они все вопросы!

— Майор, хотите держать со мной пари? Если окажусь правым я, вы отдадите мне ваш карабин «Пурдей-Моор и Диксон», а если окажетесь правым вы, вы получите мою подозрную трубу фабрики Секретана.

— Почему нет, если это может доставить вам удовольствие, Паганель! — ответил Мак-Наббс.

— Ну, майор, — воскликнул ученый, — больше вам не придется убивать серн и лисиц из этого карабина! Разве только я вам его одолжу, что, конечно, всегда сделаю охотно.

— Когда вы будете нуждаться в моей подозрной трубе, Паганель, она всегда будет к вашим услугам, — с серьезным видом ответил на это майор.

— Так начнем! — воскликнул Паганель. — Милостивые государи и государыни, будьте нашими судьями, а ты, Роберт, считай имена.

Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт, майор и Джон Манглс приготовились слушать географа. Их всех забавлял этот спор. К тому же вопрос касался Австралии, куда направлялся «Дункан», и рассказ Паганеля был особенно кстати. Поэтому его попросили немедленно начать рассказ.

— Мнемозина, — воскликнул ученый, — богиня памяти, мать целомудренных муз, вдохнови своего верного и горячего поклонника! Друзья мои, двести пятьдесят восемь лет назад Австралия была неизвестна. Предполагали, правда, что где-то на юге должен существовать большой материк. На двух картах от 1550 года, сохранившихся в вашем Британском музее, дорогой Гленарван, указана некая земля к югу от Азии под названием Большая Ява Португальцев. Но карты эти не вполне достоверны. Вот почему я сразу перехожу к семнадцатому веку, именно к 1606 году, когда испанский мореплаватель Квирос открыл землю, которую и назвал Australia de Espiritus Santu, что значит «Южная земля святого духа». Впрочем, некоторые писатели утверждали, что Квирос открыл вовсе не Австралию, а Ново-Гебридские острова. Здесь я не буду касаться этого спорного вопроса. Заметь, Роберт, Квироса, и перейдем к следующему.

— Один! — объявил мальчуган.

— В том же году Луис Ваз де Торрес, помощник Квироса по командованию его эскадрой, обследовал дальше к югу новооткрытые земли. Но честь открытия Австралии все же принадлежит голландцу Теодориху Гертогу. Он высадился на западном побережье Австралии под двадцать пятым градусом широты и дал этому месту в честь своего корабля название Эндрахт. За Гертогом идет целый ряд мореплавателей. В 1618 году один из них, Цихен, открывает на северном побережье земли Арнгейм и Ван-Димен. В 1619 году Ян Эдельс дает свое имя части западного побережья. В 1622 году Леван доходит до мыса, также получившего его имя. В 1627 году де Нуитц и Витт — первый на западе, а второй на юге — завершают открытия своих предшественников. За ними следует командующий эскадрой Карпентер. Он доходит со своими судами до огромного залива, поныне носящего название залива Карпентария. Наконец, в 1642 году мореплаватель Тасман огибает остров Ван-Димен и, принимая его за часть материка, называет именем генерал-губернатора Батавии. Впоследствии потомство справедливо пожелало переменить это название на Тасманию. Таким образом, Австралийский материк обогнули со всех сторон. Было выяснено, что он омывается водами Тихого и Индийского океанов. В 1665 году этот громадный южный остров был назван Новой Голландией. Но названию этому не суждено было сохраниться за ним, ибо как раз в то время голландские мореплаватели начали уже сходить со сцены. Сколько всего имен?

— Десять, — отозвался мальчик.

— Хорошо, ставлю крестик и перехожу к англичанам. В 1686 году корсар Вильям Дальнье, один из самых знаменитых флибустьеров [\[61\]](#) южных морей, после множества приключений, то веселых, то

тяжелых, пристаёт на своем судне «Лебедь» к северо-западному берегу Новой Голландии, под шестнадцатым градусом пятьюдесятью минутами широты. Он вошел в сношения с туземцами и весьма подробно описал их нравы и жизнь. В 1699 году тот же Вильям Дальнее, но теперь уже не пират, а командир «Ребуки» — одного из судов королевского флота — посетил бухту, где некогда высадился Гертог. До сих пор открытие Новой Голландии представляло интерес, так сказать, чисто географический. Никому не приходило в голову ее колонизировать, и в течение семидесяти одного года, с 1699 по 1770 год, ни один мореплаватель не пристал к ее берегам. Но вот появляется капитан Кук, и новый материк начинает вскоре заселяться европейскими колонистами. Во время трех своих путешествий Кук высаживается в Новой Голландии. В первый раз он высадился там тридцать первого марта 1770 года. Произведя в Таити удачные наблюдения над прохождением Венеры через солнечный диск, Кук направляет свое судно в западную часть Тихого океана. Здесь он открывает Новую Зеландию, а затем плывет к восточному побережью Австралии и становится на якорь в одной из тамошних бухт. Бухта эта оказывается настолько богатой неизвестными растениями, что Кук дает ей название Ботанической бухты. Она и поныне называется Ботани-бей. Сношения мореплавателя с местным туземным населением малоинтересны. Из Ботанической бухты Кук плывет к северу, и под шестнадцатым градусом широты, против мыса Скорби, его судно садится на коралловый риф в восьми лье [\[62\]](#) от берега. Судну грозит опасность пойти ко дну. Но Кук приказывает сбросить в море пушки и съестные припасы, и в следующую же ночь облегченное таким образом судно снимается с рифа приливом. Надо заметить, что корабль не затонул при этом только потому, что кусок коралла, застряв в пробоине, очень уменьшил течь. Куку удается довести свое судно до маленькой бухты, в которую впадает река. Здесь в течение трех месяцев, пока длится починка судна, англичане пытаются завязать сношения с туземцами, но это им не удается. По окончании починки корабль продолжает свой путь к северу. Кук хочет узнать, существует ли пролив между Новой Гвинеей и Новой Голландией. После многих опасностей мореплаватель видит на юго-западе широкий морской простор. Значит, пролив существует! Кук проходит им и высаживается на маленьком острове, вступив от имени Англии во владение открытой им земель. Он дает ей чисто британское название: Новый Южный Уэллс.

Три года спустя отважный моряк командует уже двумя судами: «Приключение» и «Решительность». Капитан Фюрно на корабле «Приключение» обследует берега Ван-Дименовой Земли и возвращается, думая, что она является частью Новой Голландии. Только в 1777 году, во время своего третьего путешествия, Кук сам посещает Ван-Дименову Землю. Два его судна, «Решительность» и «Открытие», бросают якорь в бухте Приключения. Отсюда Кук направляется на Сандвичевы острова, которым суждено было через несколько лет стать его могилой. После смерти Кука его спутник Бенкс подал английскому правительству мысль устроить у Ботанической бухты исправительную колонию. После него к новому матерiku устремились мореплаватели всех стран. В последнем полученном от Лаперуза письме, написанном им в Ботанической бухте седьмого февраля 1787 года, злополучный мореплаватель говорит о своем намерении обследовать залив Карпентария, а также все побережье Новой Голландии до Ван-Дименовой Земли. Лаперуз уходит в море и не возвращается. В 1788 году капитан Филипп в порту Джексон основывает первую английскую колонию. В 1791 году Ванкувер совершает большое морское путешествие вдоль южного побережья материка. В 1792 году д'Антраксто, посланный на поиски Лаперуза, плывет вокруг всей Новой Голландии, причем на западе и юге от нее открывает по пути ряд островов. В 1795 и 1797 годах двое отважных молодых людей, Флиндерс и Басс, путешествуя в лодке длиной в восемь футов, продолжают обследование южного побережья. В 1797 году Басс уже один проплывает между Ван-Дименовой Землей и Новой Голландией по проливу, носящему теперь его имя. В этом же году Фламинг, тот самый, который открыл остров Амстердам, обследует на восточном побережье Новой Голландии реку Сван-Ривер [\[63\]](#), изобиловавшую прекраснейшими черными лебедями. Что касается Флиндерса, то он в 1801 году снова предпринимает исследования. Его судно заходит в бухту Встреча (под тридцать пятым градусом сорока минутами широты и сто тридцать восьмым градусом пятьюдесятью минутами долготы) и

встречается с «Географом» и «Естествоиспытателем» — двумя французскими судами, которыми командуют Боден и Гамелен.

— А, вы назвали капитана Бодена? — переспросил майор.

— Да. Но почему это имя вас особенно заинтересовало? — удивился географ.

— Просто так! Продолжайте, дорогой Паганель.

— Хорошо. В виде продолжения прибавлю к именам упомянутых мною мореплавателей имя капитана Кинга. Данные, добытые им во время его путешествий, с 1817 по 1822 год, дополнили результаты предыдущих обследований межтропического побережья Новой Голландии.

— Господин Паганель, я записал уже двадцать четыре имени, — предупредил Роберт.

— Хорошо! — отозвался географ. — Половина карабина майора уже моя. Ну, а теперь, когда я покончил с мореплавателями, перейдем к сухопутным путешественникам.

— Прекрасно, господин Паганель! — воскликнула Элен. — Нельзя не признаться, что память у вас удивительная.

— Что очень странно, — прибавил Гленарван, — у человека такого...

— ...такого рассеянного, вы хотите сказать? — не дал ему договорить Паганель. — Но у меня память только на числа и имена, ни на что больше.

— Двадцать четыре имени, — повторил Роберт.

— Ну, значит, двадцать пятый — лейтенант Даус. Это происходило в 1789 году, год спустя после основания колонии в порте Джексон. К этому времени берега нового материка были уже обследованы, но что таил он в себе, никому еще не было известно. Длинная цепь гор, шедшая вдоль восточного побережья, казалось, преграждала всякий доступ внутрь страны. Лейтенант Даус после девятидневного пути принужден был вернуться в порт Джексон. В том же самом году капитан Тенч тоже пробовал перевалить через эту высокую горную цепь и так же безуспешно. Две эти неудачи на три года отбили у других путешественников охоту братья за такое трудное дело. В 1792 году полковник Петерсон, отважный исследователь Африки, снова попытался было проникнуть внутрь материка, но и он потерпел неудачу. В следующем году Гаукинсу, простому боцману английского флота, удалось пробраться на двадцать миль дальше своих предшественников. В течение следующих восемнадцати лет только двое — мореплаватель Басс и инженер колонии Барелье — пробовали пробраться внутрь материка, но так же безуспешно, как и их предшественники. Наконец в 1813 году был найден проход в горах, к западу от Сиднея. В 1815 году губернатор Макари отважился перебраться через этот проход, и по ту сторону Синих гор им был заложен город Батхорст. После этого ряд путешественников обогащает географическую науку новыми данными и тем способствует росту колоний. Начало этому изучению кладет в 1819 году Гросби; затем Окслей углубляется на триста миль внутрь страны. За ними следуют Гоуэль и Гун. Эти двое путешественников отправились как раз из бухты Туфольд, через которую проходит тридцать седьмая параллель. В 1829 и 1830 годах капитан Штурт обследует течения рек Дарлинга и Меррея...

— Тридцать шесть, — сказал Роберт.

— Прекрасно! Я двигаюсь вперед, — ответил Паганель. — Упомяну для полноты об Эйре и Лейхардте, объехавших часть страны в 1840 и 1841 годах; о Штурте — он путешествовал по Австралии в 1845 году; о братьях Грегори и Гельпмане, обследовавших в 1846 году западную часть материка; о Кеннеди, исследовавшем в 1847 году реку Виктория, а в 1848 году — северную часть Австралии; о Грегори; об Остине; снова о братьях Грегори — они с 1855 по 1858 год занимались изучением Австралийского материка, на этот раз его северо-западной части; о Бебедже, который прошел от озера Торренс до озера

Эйр, и, наконец, о путешественнике, знаменитом в летописях Австралии, Стюарте, три раза отважно пересекшем материк. Первая экспедиция Стюарта в глубь страны относится к 1860 году. Потом, когда-нибудь, если пожелаете, я расскажу вам, каким образом Австралия была четырежды пересечена с юга на север. Теперь же я ограничусь тем, что закончу этот длинный перечень. Обращаясь ко времени от 1860 до 1862 года, я должен прибавить к этим именам имена братьев Демистер, Кларксона и Харпера, Берка и Уильса, Нейльсона, Уокера, Ленсборо, Мак-Кинлея, Говита...

— Пятьдесят шесть! — крикнул Роберт.

— Ладно! Майор, я выполняю свое обязательство с лихвой, — продолжал Паганель. — Ведь я еще не назвал ни Дюпере, ни Бугенвиля, ни Фиц-Роя, ни Штока...

— Довольно! — проговорил Мак-Наббс, подавленный столькими именами.

— ...ни Перу, ни Куайне, — продолжал Паганель, не в силах остановиться, как экспресс на полном ходу, — ни Бенне, ни Кенингема, ни Тьера...

— Пощадите!

— ...ни Диксона, ни Стрелецкого, ни Рейда, ни Вилькса, ни Митчеля...

— Остановитесь, Паганель! — вмешался хохотавший от души Гленарван. — Не добивайте злополучного Мак-Наббса! Будьте великодушны! Он признает себя побежденным.

— А его карабин? — с торжествующим видом спросил географ.

— Он ваш, Паганель, — ответил майор. — Признаться, мне очень жаль его, но у вас такая память, что с ней можно выиграть целый артиллерийский музей.

— Невозможно лучше знать Австралию, — заметила Элен. — Не забыть ни одного имени, ни одного самого незначительного факта...

— Ну, положим, относительно незначительных фактов... — сказал майор, покачав головой.

— Что такое? Что вы хотите этим сказать, Мак-Наббс? — закричал Паганель.

— Я хочу сказать, что вам, быть может, неизвестны некоторые подробности, касающиеся открытия Австралии.

— Например? — с гордым видом бросил Паганель.

— А если я укажу вам такое происшествие, которое вам неизвестно, вернете ли вы мне мой карабин?

— Немедленно!

— Так значит, по рукам?

— По рукам!

— Прекрасно! Знаете ли вы, Паганель, почему Австралия не является французским владением?

— Но, мне кажется...

— Или, по крайней мере, известно ли вам, какое объяснение дают этому англичане?

— Нет, майор, — с досадой ответил Паганель.

— Ну, так знайте же: Австралия не принадлежит Франции просто потому, что капитан Боден, бывший, однако, далеко не робкого десятка, так испугался в 1802 году кваканья австралийских лягушек, что поспешил поднять якоря и сбежал оттуда навсегда.

— Как, — воскликнул ученый, — это говорят в Англии? Да ведь это злая шутка!

— Очень злая, согласен, — ответил майор, — но в Соединенном королевстве она считается историческим фактом.

— Это недостойно! — возмутился патриот-ученый. — И об этом могут говорить серьезно?

— Вынужден признаться, что это так, дорогой Паганель, — ответил среди общего хохота Гленарван. — Как, вы не знали этой подробности?

— Совершенно не знал. Но я протестую. Сами же англичане зовут нас лягушкоедами, а разве боятся того, что едят?

— Тем не менее это рассказывают, — со скромной улыбкой ответил майор.

И вот благодаря чему знаменитый карабин «Пурдей-Моор и Диксон» остался во владении майора Мак-Наббса.

Глава V

Ярость Индийского океана

Спустя два дня после этого пари Джон Манглс, сделав, как обычно, в полдень наблюдения, сообщил, что «Дункан» находится под 113°37' долготы. Пассажиры справились по карте и с радостью убедились, что они отстоят от мыса Бернулли меньше чем в пяти градусах. Между этим мысом и мысом д'Антракосто австралийский берег описывает дугу, которая стягивается, как хордой, тридцать седьмой параллелью. Яхта плыла в той части Индийского океана, которая омывает Австралийский материк. Можно было надеяться, что дня через четыре на горизонте покажется мыс Бернулли.

До сих пор ходу яхты благоприятствовал западный ветер, но в последние дни он мало-помалу стал слабеть, а 13 декабря и совсем упал. Паруса неподвижно повисли вдоль мачт. Не будь у «Дункана» мощной машины, он был бы скован океанским штилем.

Такое состояние атмосферы могло продержаться неопределенно долгое время. Вечером Гленарван заговорил об этом с Джоном Манглсом. Молодой капитан, видя, как быстро опорожняются угольные ямы, казалось, был очень раздосадован наступившим штилем. Он приказал поднять все паруса, чтобы использовать даже самое ничтожное дуновение, но, выражаясь по-матросски, «ветром и шляпы наполнить нельзя было».

— Во всяком случае, нам не следует слишком жаловаться на наше положение — штиль все же лучше противного ветра, — заметил Гленарван.

— Вы правы, сэр, — ответил Джон Манглс, — но подобное затишье обычно наступает перед переменой погоды, а мы плывем у границы муссонов [\[64\]](#), дующих с октября по апрель с северо-востока, и если они нас захватят, то это сильно задержит нас в пути.

— Ничего не поделаешь, Джон. Если возникнет такое препятствие, придется покориться. В конце концов, ведь это будет только задержка.

— Конечно, если только не разыграется буря.

— Разве вы опасаетесь непогоды? — спросил Гленарван, поглядывая на совершенно безоблачное небо.

— Да, — ответил капитан, — но я говорю это вам, сэр. Я не хочу тревожить миссис Гленарван и мисс Грант.

— Вы действуете благоразумно, Джон. Что же вас тревожит?

— Верные признаки надвигающейся бури. Не доверяйте, сэр, внешнему виду неба. Оно очень обманчиво. Вот уже два дня, как меня тревожит непрерывное падение барометра. В настоящий момент он стоит на двадцати семи дюймах. Это такое предупреждение, которым не приходится пренебрегать. Я же особенно опасюсь ярости южного океана — мне приходилось уже выдерживать борьбу с ним. Водяные пары, сгущающиеся в огромном количестве над громадными ледниками Южного полюса, вызывают движение воздуха страшной силы. Отсюда борьба экваториальных и полярных ветров, рождающая циклоны, ураганы и всякие другие виды бурь, бороться с которыми для кораблей далеко не безопасно.

— Джон, — ответил Гленарван, — «Дункан» — прочное судно, а капитан его — искусный моряк. Пусть налетает буря — мы сумеем справиться с ней.

Опасения, которые высказывал Джон Манглс, подсказывал ему инстинкт моряка. Он был, как говорят англичане, искусным знатоком погоды — weather-wise. Упорное падение барометра заставило молодого капитана принять на своем судне все доступные ему меры предосторожности. Джон Манглс ждал сильнейшей бури: хотя небо еще и не предвещало этого, но непогрешимый барометр не мог ввести его в заблуждение. Воздушные течения устремляются из мест с высоким давлением, где барометр, следовательно, стоит высоко, в такие места, где барометр падает. И чем ближе друг от друга эти места, тем скорее устанавливается единый уровень атмосферного давления, но зато тем больше и скорость ветра.

Джон Манглс пробыл на своем мостике всю ночь. Около одиннадцати часов южная сторона неба начала заволакиваться тучами. Джон Манглс вызвал наверх всю команду и приказал спустить малые паруса. Он оставил только фок, косой грот, марсель и кливера. В полночь ветер стал крепчать: скорость ветра достигла шести саженей в секунду. Треск мачт, шум, производимый работой команды, сухое щелканье парусов, скрип внутренних переборок яхты — все это дало знать пассажирам о том, о чем до сих пор они еще не подозревали. Паганель, Гленарван, майор, Роберт появились на палубе: одни из любопытства, другие — готовые принять участие в работе. По небу, которое было ясным и звездным перед тем, как они разошлись по своим каютам, теперь неслись густые тучи, разделенные полосами, пятнистыми, словно шкура леопарда.

— Ураган? — коротко спросил Гленарван Джона Манглса.

— Еще нет, но он близок, — ответил капитан.

Тут же он приказал взять марсель на нижние рифы. Матросы бросились исполнять его приказание. Не без труда, борясь с ветром, они уменьшили поверхность паруса и прикрепили свернутую его часть к спущенной рее. Джон Манглс считал необходимым сохранить возможно большую парусность, чтобы яхта была устойчивее и ее меньше качало.

Приняв эти предосторожности, капитан отдал приказ Остину и боцману готовиться к встрече налетающего урагана. Найтовы шлюпок и швартовы запасного рангоута были удвоены. Укрепили боковые тали пушек. Натянули крепче ванты и бакштаги. Заколотили люки. Джон Манглс, словно офицер, стоящий над пробитой в укреплениях брешью, не покидал подветренной стороны яхты и, стоя на мостике, пытался вырвать у грозового неба его тайну.

Барометр упал до двадцати шести дюймов: редкий случай. Штормгласс [\[65\]](#) показывал бурю.

Был час ночи. Элен и Мэри Грант, которых жестоко качало в их каютах, отважились подняться на палубу. Ветер дул уже со скоростью четырнадцати саженей в секунду. Он бешено свистел в снастях. Металлические тросы, подобные струнам музыкального инструмента, гудели, словно их привел в быстрое колебание какой-то гигантский смычок.

Блоки ударялись друг о друга. Снасти с шумом двигались по своим шероховатым желобам. Паруса зычно щелкали, как пушечные выстрелы. Чудовищные волны уже шли на приступ яхты, а она, как бы смеясь над ними, взлетала, подобно морской птице, на их пенившиеся гребни.

Завидев пассажиров, Джон быстро пошел им навстречу и попросил их вернуться в кают-компанию. Волны уже хлестали через борт и каждую минуту могли прокатиться по палубе. Грохот разбушевавшихся стихий был так оглушитель, что Элен еле слышала слова молодого капитана.

— Опасности нет? — успела она задать ему вопрос в минуту относительного затишья.

— Никакой, миссис, — ответил Джон Манглс. — Но ни вам, ни мисс Мэри нельзя оставаться на палубе.

Элен Гленарван и Мэри Грант не стали противиться этому приказу, правда больше походившему на

мольбу, и вошли в кают-компанию в ту самую минуту, когда волны с такой яростью разбились о корму яхты, что задрожали стеклянные иллюминаторы. Ветер еще более усиливался. Мачты погнулись под напором парусов, и яхта, казалось, приподнялась над волнами.

— Фок на гитовы! — крикнул Джон Манглс. — Спускай марсель и стакселя!

Матросы кинулись выполнять приказание. Были отданы фалы, стянуты вниз гитовы, спущены кливера — с таким грохотом, который заглушил даже бушевание бури. Из трубы «Дункана» валили клубы черного дыма. Корабль неровно бил воду своим винтом, лопасти которого порой поднимались над водой.

Гленарван, майор, Паганель, Роберт созерцали с восхищением и ужасом эту борьбу «Дункана» с волнами. Вцепившись изо всех сил в ванты, не будучи в состоянии обменяться ни единым словом, они глядели на буревестников: эти зловещие птицы стаями носились кругом, как бы тешась неистовством стихии.

Вдруг пронзительный свист заглушил шум урагана. Пар со страшной силой вырвался из котла, и не через выхлопную трубу, а из клапанов. Вслед за этим громче обыкновенного прозвучал тревожный свисток. Яхту резко накренило, и Вильсон, стоявший у штурвала, был сбит с ног внезапным ударом румпеля. Никем не управляемый, «Дункан» пошел поперек волны.

— Что случилось? — крикнул Джон Мангле, бросаясь на мостик.

— Судно ложится на бок, — ответил Том Остин.

— Руль сломался?

— К машине, к машине! — слышался голос механика.

Джон помчался к ней и стремглав сбегал по трапу. Все машинное отделение было заполнено густым паром. Поршни в цилиндрах бездействовали. Шатуны перестали вращать гребной вал. Машинист, видя полную неподвижность машины, прекратил впуск пара и, боясь за целостность котлов, выпустил из них пар через выхлопную трубу.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Винт или погнулся, или задел за что-то, — ответил машинист. — Он не действует.

— Как, его невозможно высвободить?

— Невозможно.

Не время было думать о ремонте, но факт был налицо: винт не работал, и пар, не находя себе применения, вырывался через предохранительные клапаны. Джону приходилось снова прибегнуть к парусам и искать помощи у того самого ветра, который сейчас являлся его наиболее опасным врагом.

Капитан поднялся на палубу и в двух словах изложил Гленарвану положение дел. Затем он стал убеждать его отправиться вместе с остальными пассажирами в кают-компанию. Гленарван выразил желание остаться на палубе.

— Нет, сэр, — решительным тоном заявил Джон Манглс, — я должен быть здесь один с моей командой. Идите в кают-компанию. Палуба может быть залита, и тогда волны беспощадно сметут вас.

— Но мы можем быть полезны...

— Уходите, уходите, сэр, так нужно! Бывают положения, при которых я являюсь хозяином судна. Уходите, я требую этого!

Очевидно, положение было критическим, если Джон Манглс мог так повелительно говорить с Гленарваном. Тот понял, что ему надлежит подать пример послушания, и покинул палубу, а за ним

последовали и его трое спутников. Они присоединились к пассажиркам, тревожно ожидавшим в кают-компании развязки этой борьбы со стихиями.

— А мой славный Джон — человек энергичный, — проговорил, входя в кают-компанию, Гленарван.

— Да, — отозвался Паганель. — Наш капитан напомнил мне того шкипера в драме «Буря» вашего великого Шекспира, который кричит королю, находящемуся на его корабле: «Вон отсюда! Тише! Ступайте в вашу каюту! Раз вы не в силах привести к молчанию стихии, замолчите! Прочь с дороги, говорю вам!»

Тем временем Джон Манглс, не теряя ни минуты, пытался вывести судно из того опасного положения, в которое его поставила порча винта. Он решил оставить минимальное количество парусов, чтобы как можно меньше уклониться от курса. Важно было сохранить хоть некоторые паруса и повернуть их так, чтобы двигаться наискось бушевавшему ветру. Отдан был приказ поставить марсель, взяв его на рифы, а также установить нечто вроде фок-стакселя на грот-мачту. «Дункан» был направлен под ветер.

Яхта, обладавшая блестящими мореходными качествами, описала дугу, словно скаковая лошадь, почувствовавшая шпоры, и понеслась боком к надвигавшимся валам. Выдержат ли оставленные паруса? Правда, они были сделаны из лучшего полотна, но какая ткань сможет противостоять таким неистовым натискам!

Избранный капитаном маневр давал яхте существенные преимущества: она подставляла волнам наиболее прочные части своего корпуса и держалась нужного направления. Однако ей грозила и немалая опасность, так как она могла попасть в один из огромных провалов, зиявших между валами, и уже не вырваться оттуда. Капитан не имел возможности выбирать и решил держаться того же маневра, пока будут целы мачты и паруса. Команда находилась у него на глазах, готовая каждую минуту броситься туда, где была необходима. Джон Манглс, привязав себя к вантам, наблюдал за разъяренным океаном.

Так прошла ночь. Надеялись, что буря стихнет с рассветом. Напрасная надежда! Около восьми часов утра ветер еще усилился: скорость его достигла тридцати пяти метров в секунду. Это был ураган.

Джон Манглс не сказал ни слова, но втайне затрепетал за свое судно и за тех, кто был на нем. «Дункан» ужасающе кренило то на один борт, то на другой. Был момент, когда команда «Дункана» считала, что он уже не поднимется. Матросы с топорами в руках уже бросились рубить ванты грот-мачты, как вдруг паруса сорвались с мачт и умчались, словно гигантские альбатросы. «Дункан» выпрямился, но так как он не имел опоры и потерял курс, его стало качать с такой силой, что мачты каждую минуту грозили переломиться у своих гнезд. Яхта не была в состоянии долго выдержать подобную качку: мачты ее расшатывались, борты ослабевали и раздавались, швы расходились, и в них вот-вот должны были хлынуть волны.

Джону Манглсу оставалось одно: поставить малый стаксель и идти по ветру. Но на это потребовалось несколько часов усилий: двадцать раз почти законченную работу приходилось начинать сызнова. Только к трем часам пополудни удалось наконец поставить парус.

«Дункан», подхваченный этим куском полотна, помчался с невероятной быстротой по ветру. Буря несла его к северо-востоку. Нужно было во что бы то ни стало поддерживать наибольшую быстроту хода яхты, ибо только это могло ее спасти. Порой, опережая волны, несшиеся в том же направлении, «Дункан» разрезал их своим заостренным носом, причем сам, подобно огромному киту, зарывался в волны, предоставляя им перекатываться через всю свою палубу, от носа до кормы. Временами яхта шла со скоростью, одинаковой с волнами. Тут руль переставал действовать, яхту начинало кидать во все стороны, и она рисковала стать поперек волн. Наконец, бывало и так, что ураган гнал волны быстрее «Дункана». Тогда они перехлестывали через корму и с непреодолимой силой все сметали с палубы — от кормы до носа. В этом жутком положении, колеблясь между надеждой и отчаянием, провели путешественники день

15 декабря и ночь на 16-е. Джон Манглс ни на минуту не покинул своего поста и даже не дотронулся до пищи. Его мучили опасения, но он сохранял бесстрастное выражение лица. Он упорно силился проникнуть взором в глубину скопившихся на севере туманов.

Действительно, молодой капитан имел основание бояться за свое судно. «Дункан», отброшенный ураганом со своего пути, неся к австралийскому берегу с неудержимой быстротой. Джон Манглс инстинктивно чувствовал, что их несет какое-то необыкновенно быстрое течение. Каждую минуту он ждал, что яхта наскочит на подводные скалы и разобьется вдребезги. Молодой капитан считал, что берег находится в каких-нибудь двенадцати милях под ветром, а суша — это крушение, гибель судна. Во сто раз лучше необъятный океан. С его яростью можно бороться, хотя бы уступая ей, но когда буря выбрасывает судно на берег, тогда конец.

Джон Манглс пошел к Гленарвану и поговорил с ним наедине. Он не скрыл от него серьезности положения. Молодой капитан смотрел на опасность с хладнокровием моряка, готового ко всему, и в заключение предупредил Гленарвана, что, быть может, он будет вынужден выброситься с «Дунканом» на берег.

— Чтобы попытаться, если это будет возможно, спасти тех, кто находится на нем, — добавил он.

— Поступайте, как найдете нужным, Джон, — ответил Гленарван.

— А миссис Гленарван? А мисс Грант? Как быть с ними?

— Я предупрежу их только в последнюю минуту, когда исчезнет всякая надежда на то, что можно удержаться в море. Уведомьте меня.

— Я уведомлю вас, сэр.

Гленарван вернулся к своей жене и Мэри. Обе они, хотя и не знали, как велика опасность, все же чувствовали ее. Они проявляли большое мужество, не уступавшее мужеству их спутников. Паганель излагал Роберту, весьма несвоевременно, теории о направлении воздушных течений, проводя при этом интересные сравнения между бурями, циклонами и ураганами. Что касается майора, то он ждал конца с фатализмом мусульманина.

Около одиннадцати часов ураган как будто начал стихать. Влажный туман рассеялся, и Джон смог разглядеть милях в шести под ветром какой-то плоский берег. «Дункан» неся прямо к нему полным ходом. Чудовищные валы разбивались о берег и взлетали пеной до высоты в пятьдесят футов и более. Для Джона стало ясно, что у валов этих есть какая-то «твердая опора» — без нее они не смогли бы так высоко вскидываться.

— Здесь имеются песчаные мели, — сказал он Остину.

— Я того же мнения, — ответил его помощник.

— Опасность велика, — продолжал Джон Манглс. — Если мы не найдем прохода между этими мелями, мы погибли.

— Сейчас прилив высок, капитан. Быть может, нам и удастся пройти.

— Но взгляните, Остин, на ярость этих валов. Какое судно в силах противостоять им?

Тем временем «Дункан» под своим малым стакселем продолжал нестись к берегу со страшной быстротой. Вскоре он был уже всего милях в двух от края мели. Туман ежеминутно заволакивал берег, но все же Джону удалось разглядеть за пенившейся полосой прибоя более спокойную полосу моря. Там «Дункан» был бы в относительной безопасности. Но как добраться туда?

Капитан вызвал пассажиров на палубу. Он не хотел, чтобы в час крушения они оказались запертыми в

кают-компания. Гленарван и его спутники окинули взором грозно бушующее море. Мэри Грант побледнела.

— Джон, — тихо сказал Гленарван молодому капитану, — я попытаюсь спасти жену или погибну вместе с ней. Позаботьтесь о мисс Грант.

— Хорошо, сэръ, — ответил Джон Манглс, поднося руку Гленарвана к своим влажным от слез глазам.

«Дункан» находился всего в нескольких кабельтовых от края мели. В это время был прилив, и он, конечно, дал бы возможность яхте пройти через эти опасные мели. Но тогда громадные валы, то поднимающиеся, то опускавшие яхту, должны были неминуемо ударить ее килем о дно. Была ли какая-нибудь возможность успокоить этот бушующий океан?

Джона Манглса вдруг осенила блестящая мысль.

— Жир! — крикнул он. — Жир тащите, ребята, жир!

Слова эти были сразу поняты всей командой. Речь шла о том, чтобы пустить в ход одно средство, дающее иногда прекрасные результаты.

Можно умерить ярость волн, покрыв их слоем жидкого жира. Этот слой плывет на поверхности воды и, смазывая волны, умеряет их удары. Такое средство оказывает свое действие немедленно, но на очень короткое время. Едва успеет судно пройти по такому искусственно успокоенному морю, как волны уже начинают бушевать с еще большей яростью, и горе тому, кто отважился бы плыть вслед за проскользнувшим таким образом судном^[66].

Команда, силы которой удесятерились сознанием опасности, не замедлила поставить на передние шканцы бочонки с тюленьим жиром. Их вскрыли ударами топоров и подвесили над водой у правого и левого бортов.

— Готовься! — крикнул Джон Манглс, выжидавший благоприятного момента.

В двадцать секунд яхта достигла края отмели, где бурлил и ревел прибой. Минута наступила.

— Выливай! — крикнул молодой капитан.

Бочонки были опрокинуты, и из них полились потоки жира. Маслянистый слой мгновенно сгладил пенящуюся поверхность моря. «Дункан» понесся по затихшим водам и скоро очутился в спокойном заливе, по ту сторону грозных мелей, а за его кормой уже снова с неописуемой яростью бушевал освободившийся от пут океан.

Глава VI

Мыс Бернулли

Первой заботой Джона Манглса было стать на два якоря на глубине пяти сажений. Дно оказалось хорошим — из твердого гравия — и представляло удобную якорную стоянку. Таким образом, судну больше не грозила опасность быть унесенным в открытое море или сесть на мель. После стольких часов борьбы с грозной опасностью «Дункан» очутился в маленькой бухте, защищенной от океанских ветров высокой дугообразной косой.

Гленарван пожал руку молодому капитану и сказал:

— Спасибо, Джон!

И Джон Манглс почувствовал себя щедро вознагражденным этими двумя словами.

Гленарван сохранил в тайне пережитые им душевные муки: ни Элен, ни Мэри, ни Роберт даже и не подозревали, насколько велика была опасность, от которой они только что избавились.

Оставалось выяснить существенные вопросы: в какое место побережья занесен «Дункан» этой страшной бурей? На сколько отклонился он от тридцать седьмой параллели? На каком расстоянии на юго-западе находится от него мыс Бернулли?

Все эти вопросы были заданы Джону Манглсу, и он тотчас же занялся наблюдениями и вычислениями, результаты которых затем нанес на судовую карту.

Оказалось, что «Дункан» не особенно уклонился от своего курса: всего на два градуса. Он находился под 136°12' долготы и 35°07' широты, у мыса Катастроф, на южном побережье Австралии, в трехстах милях от мыса Бернулли.

Мыс Катастроф, носящий такое зловещее название, расположен против мыса Борда на острове Кенгуру. Между двумя этими мысами проходит пролив Инвестигейтор, который ведет к двум довольно глубоким заливам: северный из них — залив Спенсера, а южный — залив св. Винцента. На восточном берегу этого последнего залива находится порт Аделаида, столица провинции Южная Австралия. Аделаида основана в 1836 году и имеет сорок тысяч жителей. Это довольно богатый город, но жители его заняты обработкой своей плодородной земли, приносящей им богатые урожаи винограда, апельсинов и других сельскохозяйственных продуктов, и не создают крупных промышленных предприятий. Поэтому среди населения меньше инженеров, чем агрономов, и вообще наблюдается мало интереса к коммерции и технике.

Мог ли «Дункан» исправить здесь свои повреждения? Вопрос этот надо было выяснить. Джон Манглс, желая знать, в чем именно заключается повреждение винта, приказал водолазам спуститься за корму яхты, и те ему доложили, что одна из лопастей винта погнулась и задевала за ахтерштевень [67], вследствие чего винт и не мог вращаться. Повреждение это было признано серьезным, и даже настолько серьезным, что для его починки требовалось такое оборудование, которого, конечно, не найти было в Аделаиде.

Гленарван и капитан Джон приняли по зрелом размышлении такое решение: плыть на «Дункане» под парусами вдоль австралийского берега, разыскивая следы крушения «Британии», сделать остановку у мыса Бернулли, собрать там заключительные сведения, затем продолжать плавание дальше, до Мельбурна, где повреждения яхты, конечно, легко смогут быть исправлены. А как только винт будет приведен в порядок, «Дункан» начнет крейсировать у восточных берегов, где и закончит свои поиски.

План этот был одобрен. Джон Манглс решил сняться с якоря при первом же благоприятном ветре. Ждать пришлось недолго. К вечеру ураган совершенно стих. Задул попутный юго-западный ветер. Стали готовиться к отплытию. Поставлены были новые паруса. В четыре часа утра матросы взяли за лебедку. Высвободив якоря из грунта, они подняли их наверх, и «Дункан» под фок-марселем, брамселем, кливерами, косым гротом и флаштоком пошел вдоль австралийских берегов.

Через два часа потеряли из виду мыс Катастроф — яхта плыла мимо пролива Инвестигейтор. Вечером обогнули мыс Борда и прошли вдоль острова Кенгуру. Остров этот, самый большой из австралийских мелких островов, служит убежищем для беглых ссыльных. Вид его очарователен. Бесконечные ковры зеленой растительности спускаются к прибрежным слоистым скалам. По этим равнинам и лесам, как и в 1802 году — году открытия острова, скачут неисчислимые стаи кенгуру.

На следующий день, в то время как «Дункан» лавировал вдоль побережья, на остров были посланы шлюпки с командой — осмотреть крутые берега Кенгуру. Яхта находилась под тридцать шестой параллелью, а Гленарван хотел, чтобы были обследованы все берега вплоть до тридцать восьмой параллели.

18 декабря яхта, летя на всех парусах с быстротой настоящего клипера, прошла вплотную вдоль берега бухты Свидания, куда попал в 1828 году путешественник Штурт, после того как им была открыта Меррей — наибольшая из рек Южной Австралии. Но берега этой бухты совсем не походили на цветущие берега острова Кенгуру. Они были мрачные, бесплодные, плоские и изрезанные, подобно берегам полярных земель. Только кое-где это однообразие нарушалось каким-нибудь серым утесом или бугристым песчаным мысом.

Работа команды шлюпок во время плавания была тяжелая, но никто не роптал. Моряков почти всегда сопровождали на берег Гленарван, неразлучный с ним Паганель и юный Роберт. Им хотелось собственными глазами найти следы «Британии». Но самые тщательные их поиски ничего не обнаружили. Австралийские берега остались так же немые, как и патагонские прерии. Все же не следовало терять надежду до тех пор, пока не будет достигнут тот пункт, который был указан в документе.

Поиски в этих местах производились лишь как добавочная мера предосторожности, чтобы застраховать себя от какой-либо случайности. Ночью «Дункан» дрейфовал, чтобы, по возможности, держаться на том же месте, а днем на берегу производились самые тщательные поиски.

20 декабря наши путешественники поравнялись с мысом Бернулли. Им не удалось найти на своем пути ни малейшего обломка «Британии». Но эта неудача ничего не доказывала. Ведь в самом деле, с момента катастрофы прошло целых два года, а за это время море могло и даже должно было сорвать с подводных камней, разбросать и уничтожить все обломки трехмачтового судна. К тому же туземцы, стерегущие кораблекрушение, как коршуны труп, конечно подобрали бы мельчайшие обломки «Британии». А Гарри Грант и его оба спутника, попав в плен в ту минуту, когда волны выбросили их на берег, были, вне всякого сомнения, уведены в глубь материка.

Но в таком случае теряла смысл одна из остроумных гипотез Жака Паганеля. Пока дело шло об Аргентине, ученый был вправе утверждать, что цифры документа относятся не к месту кораблекрушения, а к месту нахождения пленных. Конечно, в пампасах большие реки с их многочисленными притоками легко могли вынести в море драгоценный документ. Здесь же, в этой части Австралии, реки, пересекающие тридцать седьмую параллель, немногочисленны. К тому же Рио-Колорадо и Рио-Негро текут к морю через пустынные побережья, не годные для жилья и незаселенные. Главные же австралийские реки — Меррей, Ярра, Торренс, Дарлинг — либо впадают одна в другую, либо несут свои воды в океан через такие устья, которые стали крупными гаванями, оживленными портами. Как мало было шансов за то, чтобы хрупкая бутылка могла спуститься по течению рек, где непрестанно движутся суда, и быть вынесенной в Индийский

океан!

Неправдоподобность этого предположения, конечно, не могла ускользнуть от людей проникательных. Гипотеза Паганеля, допустимая в условиях аргентинских провинций Патагонии, была неприемлема в отношении Австралии. Паганель согласился с этими соображениями — их выдвинул майор Мак-Наббс. Стало очевидным, что градусы, о которых упоминалось в документе, могли относиться только к месту крушения «Британии» и что, следовательно, бутылка была брошена у западного побережья Австралии.

Тем не менее, как основательно заметил Гленарван, это толкование документа не исключало гипотезы о том, что капитан Грант находится в плену. И сам он даже наводит на эту мысль следующей фразой своего документа: **«где они попадут в плен к жестоким туземцам»**. Поэтому искать пленных именно на тридцать седьмой, а не на какой-либо другой параллели оснований больше не было.

Так был разрешен этот долго обсуждавшийся вопрос. Вывод же из такого решения был сделан следующий: если только у мыса Бернулли не будут найдены следы «Британии», Гленарвану ничего не останется, как вернуться в Европу. Правда, его поиски окажутся бесплодными, но все же он добросовестно и мужественно исполнил свой долг.

Подобное решение, конечно, чрезвычайно огорчило пассажиров «Дункана», а Мэри и Роберта привело в отчаяние. Когда дети капитана Гранта съезжали на берег вместе с Эдуардом и Элен Гленарван, Джоном Манглсом, Мак-Наббсом и Паганелем, они говорили себе, что теперь вопрос о том, спасся ли их отец, будет разрешен уже бесповоротно. Бесповоротно, ибо во время предыдущего обсуждения Паганель совершенно основательно указал на то, что потерпевшие крушение давным-давно вернулись бы на родину в том случае, если бы их судно разбилось о подводные камни восточного побережья.

— Надейтесь, надейтесь, не переставайте надеяться! — повторяла Элен сидевшей подле нее Мэри, в то время как шляпка шла к берегу.

Берег был уже близко — до него оставалось не больше одного кабельтова. Он отлого спускался к воде у оконечности мыса, выступавшего на две мили в море. Шляпка причалила к берегу в маленькой природной бухте между двумя коралловыми отмелями — из таких отмелей должно со временем вырасти целое заграждение из рифов вокруг южного берега Австралии. Да и теперь они уже были рифами, крайне опасными для кораблей, и представлялось вполне возможным, что о них и разбилась «Британия».

Пассажиры яхты беспрепятственно высадились на совершенно пустынный берег. Вдоль него тянулся ряд слоистых утесов вышиной от шестидесяти до восьмидесяти футов. Нелегко было бы без лестниц и крюков перелезть через эту природную крепостную стену. К счастью, Джон Манглс обнаружил в ней полумилей южнее брешь, образовавшуюся, видимо, вследствие частичного обвала. Вероятно, море, особенно бурное во время равноденствий, бьет волнами в это рыхлое заграждение из туфа и подмывает его.

Гленарван и его спутники углубились в этот проход и поднялись по довольно крутому склону на вершину утеса. Роберт, словно котенок, первый вскарабкался на нее. Паганель был в отчаянии, что двенадцатилетний мальчуган с его детскими ногами опередил его, длинноногого сорокалетнего мужчину. Но зато географ далеко оставил позади себя безмятежного майора, который, конечно, остался к тому глубоко равнодушен.

Вскоре весь маленький отряд собрался на вершине утеса и стал оттуда рассматривать расстилавшееся перед ним пространство. Это были обширные невозделанные земли, поросшие жалким кустарником, местность почти бесплодная. Гленарвану она напомнила глены Шотландии, а Паганелю — малоплодородные равнины Бретани. Но если край этот казался необитаемым у побережья, то несколько

видневшихся вдали построек говорили уже о присутствии не дикаря, а цивилизованного человека.

— Мельница! — крикнул Роберт.

И действительно, милях в трех вертелись в воздухе крылья ветряной мельницы.

— Это действительно мельница, — отозвался Паганель, посмотрев в свою подозрную трубу. — Вот маленькое сооружение, столь же скромное, как и полезное. Вид его всегда радует мой взор.

— Идем на мельницу, — сказал Гленарван.

Двинулись в путь.

Через полчаса ходьбы местность преобразилась. Дикая, необработанная почва внезапно сменилась обработанной. Исчезли жалкие кустарники; зеленая живая изгородь окружала, видимо, недавно выкорчеванный участок. Несколько быков и с полдюжины лошадей паслись на лугах, обсаженных раскидистыми акациями — питомцами обширных рассадников острова Кенгуру. Мало-помалу стали показываться и поля; на них росли зерновые хлеба, местами уже начинавшие золотиться. Поднимались стога сена, сложенные в виде громадных ульев. Показались за новыми оградами фруктовые сады. Дальше пошли сараи и другие надворные постройки, весьма разумно расположенные. Наконец наши путешественники увидели простой, но уютный жилой дом; над ним, лаская его скользящей тенью своих длинных крыльев, возвышалась островерхая мельница.

На лай четырех собак, возвестивших о появлении чужих людей, из дома вышел человек лет пятидесяти, с располагающей к себе наружностью. За ним показались пять красивых, здоровых молодцов, его сыновей, и высокая, крепкая женщина, их мать. Картина была ясна: этот человек, окруженный своей мужественной семьей, среди еще новых построек, в этой почти девственной местности, представлял собой законченный тип колониста-ирландца, который, будучи истомлен нищетой на своей родине, отправился за моря искать удачи и счастья.

Еще не успели наши путники представиться, как уже раздались сердечные слова хозяина:

— Чужеземцы, милости просим в дом Падди О'Мур!

— Вы ирландец? — спросил Гленарван, пожимая руку, протянутую ему колонистом.

— Был им, — ответил Падди О'Мур. — А теперь я австралиец. Кто бы вы ни были, господа, входите и будьте как дома.

Оставалось только воспользоваться без дальнейших церемоний этим радушным приглашением. Миссис О'Мур тотчас же повела в дом Элен и Мэри Грант, а сыновья колониста любезно помогли пришельцам снять их оружие.

В нижнем этаже дома, сложенного из толстых бревен, находилась большая, светлая, как видно недавно отстроенная зала. К стенам ее, выкрашенным светлой яркой краской, было приделано несколько деревянных скамей. Тут же стояло с десяток табуреток, два дубовых буфета с расставленной на них белой фаянсовой посудой и жбанами из блестящего олова, а также широкий длинный стол, за которым, пожалуй, и двадцати гостям было бы не тесно. Вся обстановка залы как нельзя более соответствовала и этому прочно построенному дому и его крепким, рослым обитателям.

Пробило двенадцать часов, и на стол уже был подан обед. Между ростбифом и жареной бараньей ножкой дымилась суповая миска; кругом были расставлены большие тарелки с маслинами, виноградом и апельсинами. У хозяина и хозяйки был такой приветливый вид, стол был так велик и так заманчиво уставлен яствами, что не сесть за него казалось просто неучтивым. В это время появились работники фермера; они на равных правах с хозяевами обедали вместе с ними. Падди О'Мур указал рукой на места,

предназначенные для гостей.

— Я ждал вас, — сказал он просто Гленарвану.

— Ждали? — с удивлением переспросил тот.

— Я всегда жду тех, кто приходит, — ответил ирландец.

Затем он торжественно произнес предобеденную молитву, а его семья и слуги почтительно стояли у стола. Элен была растрогана простотой нравов. Взглянув на мужа, она догадалась, что и тот разделяет ее чувства.

Обеду была воздана заслуженная честь. Завязался общий оживленный разговор.

Падди О'Мур рассказал свою историю. Это была типичная история эмигранта, изгнанного нуждой со своей родины.

Падди О'Мур после своего повествования, без сомнения, ждал, что на его откровенность гости ответят такой же откровенностью, однако никаких вопросов им не задавал. Он был из тех сдержанных, скромных людей, которые говорят: «Вот кто я, а кто вы такие — об этом я вас не спрашиваю». Гленарван и сам хотел ему рассказать о «Дункане», о том, что яхта стоит на якоре у мыса Бернулли, а также о поисках, которые он продолжал с такой неутомимой настойчивостью. Но, будучи человеком, который всегда прямо идет к цели, он прежде всего спросил Падди О'Мура, не знает ли тот чего-нибудь относительно крушения «Британии».

Оказалось, что ирландец ничего не слышал о таком судне. Да и вообще в течение этих двух лет не случилось ни одного кораблекрушения ни у самого мыса, ни в окрестностях его. Между тем «Британия» потерпела крушение не более двух лет назад. Поэтому ирландец мог утверждать с полной уверенностью, что никто из экипажа «Британии» не был выброшен на этой части западного побережья.

— А теперь, сэр, — прибавил он, — я спрошу, почему вас интересует этот вопрос.

Тут Гленарван рассказал колонисту историю документа, рассказал о плавании «Дункана» и обо всех попытках отыскать капитана Гранта. Не скрыл он и того, что после столь определенных заявлений Падди О'Мура приходится отказаться от всякой надежды разыскать потерпевших крушение на «Британии».

Эти слова Гленарвана произвели удручающее впечатление на его спутников. У Роберта и Мэри заблестели слезы на глазах. Даже Паганель не мог найти ни единого слова утешения и надежды.

Джон Манглс терзался мучительной скорбью.

Отчаяние начинало овладевать этими мужественными, великодушными людьми, понапрасну приплывшими на «Дункане» к этим далеким берегам, как вдруг кто-то произнес:

— Сэр, не теряйте надежды: если капитан Грант жив, то он в Австралии.

Глава VII

Айртон

Невозможно даже описать удивление, вызванное этими словами. Гленарван вскочил с табурета и, оттолкнув его, крикнул:

— Кто это сказал?

— Я, — ответил один из работников Падди О'Мура, сидевший у конца стола.

— Ты, Айртон? — проговорил колонист, изумленный не менее самого Гленарвана.

— Да, я, — отозвался взволнованным, но решительным голосом Айртон, — такой же шотландец, как вы, сэр, и один из потерпевших крушение на «Британии».

Впечатление, произведенное этими словами, было неописуемо. Мэри Грант, почти лишившись чувств от волнения и счастья, склонилась на грудь к Элен. Джон Манглс, Роберт, Паганель вскочили со своих мест и бросились к тому, кого Падди О'Мур только что назвал Айртоном.

Это был человек на вид лет сорока пяти, с суровым лицом и блестящими глазами, глубоко сидевшими под густыми бровями. Несмотря на свою худобу, он, должно быть, обладал незаурядной силой. Казалось, он состоял как бы из костей и нервов; по-видимому, он, по выражению шотландцев, «не тратил времени на приобретение жира». Он был широк в плечах, среднего роста. Его решительная осанка, его умное и энергичное, хотя и резко очерченное лицо располагали в его пользу. Внушаемое им чувство симпатии еще усиливалось при виде запечатлевшихся на его лице следов недавно пережитых тяжелых испытаний. Он, несомненно, много выстрадал, но производил впечатление человека, способного переносить страдания, бороться с ними и преодолевать их.

Гленарван и его друзья почувствовали это с первого взгляда. Личность Айртона внушала к себе уважение. Гленарван сразу же засыпал его вопросами. Оба они, и Гленарван и Айртон, видимо, были взволнованы этой встречей, поэтому вопросы Гленарвана вначале были довольно беспорядочны.

— Вы один из потерпевших крушение на «Британии»? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, я был боцманом у капитана Гранта, — ответил Айртон.

— Вы спаслись во время кораблекрушения вместе с ним?

— Нет, милорд, нет! В ту страшную минуту меня смыло с палубы волной, и я был выброшен на берег.

— Стало быть, вы не один из тех матросов, о которых упоминается в документе?

— Нет. Я не подозревал о существовании этого документа. Капитан бросил его в море, когда меня уже не было на судне.

— Но что же с капитаном... с капитаном?

— Я считал его утонувшим, исчезнувшим, погибшим вместе со всей командой «Британии». Мне думалось, что спасся я один.

— Ведь вы сказали, что капитан Грант жив!

— Нет, я сказал: «Если капитан Грант жив...»

— И вы прибавили: «то он в Австралии».

— Да, он может быть только здесь.

— Вам, значит, неизвестно, где он?

— Неизвестно, сэр. Повторяю: я считал его утонувшим в волнах или разбившимся о прибрежные скалы. Это от вас я узнаю, что он, может быть, еще жив.

— Но тогда что же вы знаете?

— Только одно: что если капитан Грант жив, то он в Австралии.

— А где же произошло крушение? — спросил майор Мак-Наббс.

Этот вопрос, конечно, надо было задать с самого начала, но Гленарван был так взволнован неожиданной встречей, так спешил узнать, где капитан Грант, что не осведомился о месте гибели «Британии». Разговор до сих пор велся неясно, непоследовательно, скачками, лишь слегка касаясь вопросов, а не углубляясь в них. После же слов майора беседа приняла более деловой характер, и вскоре слушателям стали совершенно отчетливо ясны все подробности этой загадочной истории.

На вопрос, заданный Мак-Наббсом, Айртон дал следующий ответ:

— Когда меня смыло с бака, где я в это время спускал кливер, «Британия» мчалась к австралийскому берегу. До него оставалось меньше двух кабельтовых. Крушение и произошло, значит, у этого самого места.

— Под тридцать седьмым градусом широты? — спросил Джон Мангле.

— Под тридцать седьмым, — подтвердил Айртон.

— На западном побережье?

— О нет, на восточном, — с живостью ответил боцман.

— А когда произошло крушение?

— В ночь на двадцать седьмое июня 1862 года.

— Так и есть! То самое число! — крикнул Гленарван.

— Как видите, сэр, я имел основание выразиться именно в такой форме, — добавил Айртон: — если капитан Грант еще жив, то его надо искать только на Австралийском материке и нигде больше.

— И мы будем искать его, и найдем его, и спасем его, мой друг! — воскликнул Паганель. — Ах, драгоценный документ, — продолжал географ с бесподобной наивностью, — надо-таки признаться, что ты попал в руки людей проницательных!

Но этих лестных слов Паганеля, конечно, никто не слышал. Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт — все обступили Айртона и наперебой пожимали ему руку. Казалось, присутствие этого человека служило верным залогом спасения капитана Гранта. Если при крушении удалось уцелеть матросу, то почему не мог спастись капитан? Айртон повторял, что, по всей вероятности, капитан уцелел, как и он сам. Где именно капитан находится, он, Айртон, сказать не может, но без сомнения, где-нибудь на этом же материке.

На бесчисленные вопросы, которыми его забрасывали, боцман отвечал удивительно разумно и ясно. Пока он говорил, мисс Мэри держала его руку в своих. Ведь этот человек был спутником ее отца, одним из матросов «Британии»! Он жил одной жизнью с Гарри Грантом, скитался с ним по морям, преодолевал те же опасности... И Мэри, плача от радости, не могла оторвать глаз от сурового лица боцмана.

До сих пор никому не приходило в голову, действительно ли этот человек — тот боцман, за которого он себя выдает, и можно ли вообще доверять его словам. Только майор и, пожалуй, Джон Манглс, которых

не так-то легко было убедить, спрашивали себя, заслуживают ли слова Айртона полного доверия. Встреча с ним была так неожиданна, что действительно могла внушить некоторое недоверие. Правда, Айртон говорил о событиях и числах, совершенно согласовавшихся с теми сведениями, которые заключались в документе, и приводил при этом разительные подробности. Но подробности, как бы ни были они точны, все же не делают рассказа достоверным, ибо замечено, что нередко за точностью подробностей скрывается ложь. Но Мак-Наббс оставил при себе свои сомнения и промолчал.

Что же касается Джона Манглса, то как только матрос заговорил с молодой девушкой о ее отце, все его подозрения рассеялись, и он уверовал в то, что Айртон действительно товарищ капитана Гранта. Выяснилось, что бывший боцман знал и Мэри и Роберта, так как видел их в Глазго перед отплытием «Британии». Он напомнил молодой девушке, как оба они с братом были на прощальном завтраке, который капитан дал друзьям на борту своего судна. На этом завтраке присутствовал шериф города Мак-Интайр. Присматривать за Робертом — ему едва минуло тогда десять лет — поручено было боцману Дику Тернеру, а мальчуган вырвался от него и взобрался на бом-салинг.

— Правда, правда! — подтвердил Роберт.

Айртон припомнил много таких мелких фактов, видимо не придавая им того значения, которое они имели в глазах Джона Манглса. И каждый раз, когда боцман останавливался, Мэри с мольбой говорила:

— Еще, еще расскажите нам, мистер Айртон, о нашем отце!

И боцман, припоминая все, что только могло быть интересно молодой девушке, продолжал свои рассказы. Гленарвану хотелось задать ему множество более полезных вопросов, но Элен удерживала его, указывая ему взглядом, какая радость для Мэри разговор с боцманом.

Айртон рассказал всю историю плавания «Британии» по Тихому океану. Многое из того, что говорил он, было известно Мэри, так как вести с судна получались вплоть до мая 1862 года. В течение этого годового плавания Гарри Грант побывал на многих островах Океании. Он заходил в гавани Ново-Гебридских островов, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, Новой Каледонии. Но всюду оказывалось, что земли этих островов уже захвачены, и часто без законных оснований. Местные же английские власти чинили ему всяческие препятствия, будучи предупреждены о его предприятии из метрополии. Все же капитану Гранту удалось-таки найти к западу от Новой Гвинеи подходящие земли: ему казалось, что здесь нетрудно будет создать шотландскую колонию и привести ее в цветущее состояние. И в самом деле, хороший порт для стоянок по пути между Молуккскими и Филиппинскими островами должен был привлечь немало судов, особенно когда будет закончено прорытие Суэцкого канала и этим упразднен морской путь вокруг мыса Доброй Надежды.

По окончании обследования Новой Гвинеи «Британия» пошла в Кальяо, чтобы возобновить запасы продовольствия и топлива. 30 мая она покинула этот порт и направилась в Европу через Индийский океан, а затем — морским путем, идущим вокруг мыса Доброй Надежды. Через три недели по выходе «Британии» в море страшная буря лишила судно управления, и оно легло набок. Пришлось срубить мачты. В трюме появилась течь, и справиться с нею не удалось. Вскоре команда совершенно выбилась из сил. Выкачать всю воду насосами было невозможно. Целую неделю «Британия» была игрушкой урагана. Вода в трюме дошла до шести футов. Судно мало-помалу погружалось. Шлюпки были снесены ураганом. Экипажу предстояла неминуемая гибель, как вдруг в ночь на 27 июня (Паганель угадал правильно) показалось восточное побережье Австралии. Вскоре «Британию» выбросило со страшной силой на берег. Айртон был подхвачен волной, унесен в пену прибоя и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что он в плену у туземцев. Те увели его в глубь материка. С тех пор он ничего не слышал о «Британии» и предполагал не без основания, что она, разбившись о рифы бухты Туфольд, погибла со всем экипажем и грузом.

Этим закончилась та часть рассказа, которая имела отношение к капитану Гранту. Не раз, пока говорил Айртон, слова его прерывались горестными восклицаниями. Даже майор не нашел бы оснований усомниться в правдивости рассказа боцмана. Теперь следовало выслушать историю самого Айртона — она представляла, пожалуй, еще больший интерес, чем даже история «Британии». Ведь благодаря документу не было сомнения в том, что капитан Грант с двумя матросами уцелел после крушения, как и сам Айртон, и, следовательно, зная участь одного, можно было с полным основанием судить об участи других. Поэтому Айртона и попросили рассказать о его приключениях. Сделал он это очень просто и коротко.

Уцелевший после крушения моряк, очутившийся в плену у одного туземного племени, был уведен в глубь страны, в местность, орошаемую рекой Дарлингтон и отстоящую от тридцать седьмой параллели милях в четырехстах к северу. Жил он там в тяжелых лишениях, потому что и само племя было нищее, но дурного обращения он не видел. Долго тянулись эти два года тягостного рабства. Но все же в сердце его жила надежда когда-нибудь вырваться на волю. Он решил бежать и выжидал только удобного случая, хотя знал, что ему будут угрожать бесчисленные опасности.

В одну октябрьскую ночь 1864 года ему удалось обмануть бдительность туземцев и скрыться в дебрях огромных лесов. В течение целого месяца, питаясь кореньями, папоротниками и мимозным клеем, блуждал он по этим пустынным местам, ориентируясь днем по солнцу, ночью по звездам, часто впадая в отчаяние. Так перебрался он через болота, реки, горы — через всю необитаемую часть Австралийского материка, где до него побывали лишь немногие отважные путешественники. Наконец, истощенный, почти умирающий, дотащился он до гостеприимной кровли Падди О'Мура и здесь, поступив на работу, зажил счастливой жизнью.

— Если Айртон доволен мной, — проговорил колонист-ирландец, когда моряк кончил свой рассказ, — то должен заявить, что и я доволен им. Человек он умный, храбрый, хороший работник, и если ему нравится у меня, то дом Падди О'Мура надолго будет его домом.

Айртон поклонился ирландцу в знак благодарности и стал ждать новых вопросов, хотя ему и должно было казаться, что законное любопытство его слушателей было, вероятно, уже удовлетворено. И в самом деле, что мог он еще сказать, чего уже раз сто не повторил!

Гленарван собирался было начать обсуждение нового плана действий в связи с полученными от Айртона сведениями, но тут майор обратился к моряку с вопросом:

— Вы были боцманом на «Британии»?

— Да, — ответил, не задумываясь, Айртон и вслед за этим, понимая, что вопрос Мак-Наббса был продиктован остатком недоверия, прибавил — У меня даже уцелел при крушении мой судовой договор.

И он немедленно отправился за этим официальным документом. Отсутствовал он менее минуты, но Падди О'Мур все же успел сказать Гленарвану:

— Сэр, поверьте мне, Айртон — честный человек. За два месяца его службы у меня я решительно ни в чем не могу его упрекнуть. О том, что он пережил кораблекрушение и был в плену, я знал от него и раньше. Это честный человек, достойный вашего доверия.

Гленарван собирался ответить, что он и не думал сомневаться в порядочности Айртона, но в эту минуту боцман вернулся и подал Гленарвану заключенный по всем правилам договор. Подписан он был владельцем «Британии», капитаном Грантом. Мэри тотчас же узнала почерк отца. Документ этот устанавливал, что «Том Айртон, матрос первого класса, был принят на службу трехмачтового судна «Британия» в качестве боцмана». Итак, относительно личности Айртона не могло быть больше никаких сомнений, ибо трудно было допустить, чтобы документ, находившийся в его руках, не принадлежал ему.

— А теперь, — сказал Гленарван, — я обращаюсь ко всем вам с просьбой немедленно высказаться относительно того, что, по вашему мнению, следует в данном случае предпринять. Ваш совет, Айртон, явится для нас особенно ценным, и за него мы будем вам очень признательны.

Подумав несколько минут, Айртон ответил:

— Спасибо вам, сэр, за доверие, которое вы мне оказываете. Надеюсь, что я оправдаю его. Конечно, я имею кое-какие сведения об этом крае, о нравах туземцев, и если я смогу быть вам полезен...

— Несомненно, — ответил Гленарван.

— Я считаю, так же как и вы, — продолжал Айртон, — что капитан Грант и его два матроса спаслись после крушения, а раз они при этом не добрались до английских владений и о них нет никаких сведений, то я не сомневаюсь в том, что они, подобно мне, попали в плен к какому-нибудь туземному племени.

— Вы, Айртон, повторяете те самые доводы, которые были приведены мной, — сказал Паганель. — Очевидно, капитан Грант со своими двумя матросами, как он этого и опасался, находятся в плену у туземцев. Но можем ли мы считать, что они, подобно вам, были уведены на север от тридцать седьмой параллели?

— Да, сэр, это можно предполагать, — ответил Айртон — враждебные туземные племена не очень-то любят жить по соседству с районами, подвластными англичанам.

— Это осложнит наши поиски, — проговорил озабоченно Гленарван. — Как найти следы пленников среди такого огромного материка?

Ответом на эти слова было продолжительное молчание. Тщетно Элен обводила вопросительным взглядом своих спутников — они молчали. Даже Паганель, вопреки своему обыкновению, оставался нем. Его всегдашняя изобретательность изменила ему.

Джон Манглс расхаживал по зале большими шагами, словно находясь в затруднительном положении на палубе своего судна.

— А что бы вы предприняли, мистер Айртон? — обратилась к моряку Элен.

— Я, сударыня, снова сел бы на «Дункан» и прямо отправился бы на то место, где произошло крушение, — с живостью ответил Айртон. — А там я действовал бы сообразно с обстоятельствами, а быть может, и с теми указаниями, которые мог бы послать мне счастливый случай.

— Согласен с этим планом, — промолвил Гленарван, — но только придется подождать, пока будет починен «Дункан».

— А, так у вас на судне имеются повреждения? — спросил Айртон.

— Да, — отозвался Джон Манглс.

— И серьезные?

— Нет, но они требуют для своего исправления оборудования, которого у нас нет на судне. У винта погнулась одна из лопастей, и починить его смогут только в Мельбурне.

— Но разве нельзя идти под парусами? — спросил боцман.

— Можно. Но только, если ветер будет встречный, наш переход до бухты Туфольд займет много времени, а зайти в Мельбурн, во всяком случае, надо.

— Ну, так пусть «Дункан» идет в Мельбурн, — воскликнул Паганель, — а мы и без него доберемся до бухты Туфольд!

— Каким же образом? — поинтересовался Джон Мангле.

— Мы пересечем Австралию подобно тому, как мы пересекли Южную Америку. А именно: придерживаясь тридцать седьмой параллели.

— А что же будет с «Дунканом»? — с какой-то особой настойчивостью спросил Айртон.

— «Дункан» придет к нам или мы придем к нему. Это будет зависеть от обстоятельств. Если во время нашего перехода мы найдем капитана Гранта, то вместе с ним вернемся в Мельбурн. Если же мы продлим наши поиски до самого побережья, «Дункан» явится туда за нами... У кого имеются возражения относительно этого плана? Не у майора ли?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — если только переход через Австралию возможен.

— Настолько возможен, что я предлагаю миссис Гленарван и мисс Грант присоединиться к нам, — ответил ученый.

— Вы серьезно говорите это, Паганель? — спросил Гленарван.

— Вполне серьезно, дорогой сэр. Это переход в каких-нибудь триста пятьдесят миль. Продвигаясь по двенадцати миль ежедневно, мы закончим его меньше чем в месяц, то есть за то время, какое потребуется для починки «Дункана». Вот если бы вопрос шел о том, чтобы пересечь Австралийский материк севернее, там, где он шире всего, где простираются его необозримые безводные пустыни с нестерпимым зноем, — словом, если бы надо было проделать то, чего не пытались еще осуществить самые смелые путешественники, тогда другое дело. А тридцать седьмая параллель проходит через провинцию Виктория, через английский край, почти везде заселенный, с дорогами, железнодорожным движением. Такое путешествие можно совершить даже в коляске, а еще лучше на телеге. Это вроде поездки из Лондона в Эдинбург, не больше.

— А дикие звери? — заметил Гленарван, заранее желая предусмотреть препятствия, которые могут возникнуть на их пути.

— В Австралии нет диких зверей.

— А дикари?

— Дикарей под этой широтой нет, и, во всяком случае, они не так свирепы, как новозеландцы.

— А каторжники?

— В южных провинциях Австралии их нет. Они встречаются лишь в восточных ее колониях. Провинция же Виктория не только не принимает каторжников, но даже издала закон, не допускающий на ее территорию людей, отбывших наказание в других провинциях. Еще в этом году управление провинции Виктория грозило одной паровой компании прекратить выдачу ей субсидии, если та будет продолжать погрузку угля в портах западного побережья, где разрешается проживать ссыльным... Удивительно, что вы, англичанин, этого не знаете!

— Прежде всего я не англичанин, — ответил Гленарван.

— То, что рассказал нам мистер Паганель, совершенно верно, — заявил Падди О'Мур. — Не только провинция Виктория, но и вся Южная Австралия, Квинсленд и даже Тасмания — все они не допускают к себе бывших каторжников. С тех пор как я живу на этой ферме, я не слыхал ни об одном из них.

— Я тоже никогда ни одного не встречал, — заметил Айртон.

— Как видите, друзья мои, — продолжал Жак Паганель, — в этих краях очень мало дикарей, совсем нет ни диких зверей, ни каторжников, а ведь немного мест найдется в Европе, о которых можно было бы

сказать то же самое... Итак, решено?

— Что скажете, Элен? — обратился к жене Гленарван.

— То, что готов сказать каждый из нас, дорогой Эдуард, — ответила она, поворачиваясь к остальным путешественникам: — В дорогу! В дорогу!

Глава VIII

Отъезд

У Гленарвана не было в обычае тратить много времени между принятием решения и его выполнением. Как только предложение Паганеля было одобрено, Гленарван тотчас распорядился как можно скорее готовиться к отъезду. День последнего был назначен на послезавтра, 22 декабря.

Чего можно было ожидать от этого перехода через Австралию? Раз был бесспорно установлен тот факт, что капитан Грант находится на этом материке, предпринимаемая экспедиция могла дать существенные результаты. Она увеличивала количество благоприятных шансов.

Правда, никто не обольщал себя надеждой найти капитана именно на тридцать седьмой параллели, которой было решено в точности придерживаться, но можно было ожидать, что обнаружатся какие-нибудь следы пребывания Гарри Гранта, и, во всяком случае, параллель эта вела прямо к месту кораблекрушения. А это было самым главным.

Если бы, кроме того, Айртон согласился присоединиться к путешественникам и, указывая им дорогу в лесах провинции Виктория, довел их до восточного побережья, это дало бы лишний шанс на успех. Гленарван понимал это и потому, стремясь заполучить себе полезного помощника в лице бывшего спутника Гарри Гранта, спросил хозяина дома, не будет ли тот недоволен, если он предложит Айртону сопровождать их. Падди О'Мур заявил, что ничего не будет иметь против этого, хотя и очень жалеет, что лишается такого превосходного работника.

— Что ж, Айртон, согласны ли вы принять участие в нашей экспедиции для розысков потерпевших крушение на «Британии»?

Айртон не сразу ответил на этот вопрос. Казалось даже, что несколько минут он колебался, но затем, подумав, сказал:

— Хорошо, сэр, я отправлюсь с вами, и если даже мне не удастся навести вас на следы пребывания капитана Гранта, то все же я доведу вас до того места, у которого разбилось его судно.

— Спасибо, Айртон, — промолвил Гленарван.

— Разрешите, сэр, задать вам один вопрос.

— Говорите, мой друг!

— Где встретитесь вы с «Дунканом»?

— Или в Мельбурне, в том случае, если нам не понадобится пересечь всю Австралию от одного побережья до другого, или на восточном побережье, если наши поиски доведены будут до него.

— Но тогда его капитан...

— Его капитан будет ждать моих распоряжений в порту Мельбурна.

— Хорошо, сэр, — сказал Айртон, — вы можете рассчитывать на меня.

— Буду рассчитывать, Айртон, — ответил Гленарван.

Пассажиры «Дункана» горячо поблагодарили боцмана. Дети капитана не знали, как выказать ему свою нежность. Все радовались решению Айртона, за исключением ирландца, терявшего в его лице умного и надежного помощника. Но Падди О'Мур понял, какое значение придавал Гленарван участию боцмана в

экспедиции, и потому примирился с этой утратой. Гленарван поручил ирландцу снабдить экспедицию средствами передвижения для путешествия через Австралию. Заключив эту сделку и условившись с Айртоном, наши путешественники направились обратно на яхту.

Возвращались весело. Все изменилось, колебаниям не было места. Теперь отважной экспедиции не придется вести вслепую поиски вдоль тридцать седьмой параллели. Гарри Грант находится на этом материке, в этом уже нельзя было сомневаться, и сердца всех были переполнены радостью, как обычно бывает, когда вслед за сомнениями является уверенность. Через два месяца — при благоприятных обстоятельствах — «Дункан» высадит Гарри Гранта на берег Шотландии.

Когда Джон Манглс поддерживал предложение Паганеля совершить переход через Австралию в обществе пассажиров «Дункана», он, конечно, надеялся, что на этот раз и сам присоединится к экспедиции. Заведя на эту тему разговор с Гленарваном, он привел всевозможные доводы в пользу своего участия в экспедиции: говорил, как он предан миссис Элен и самому Гленарвану, говорил о своей полезности в деле организации каравана и о бесполезности его присутствия как капитана на «Дункане» во время ремонта яхты. Словом, Джон Манглс привел множество всяких соображений, за исключением одного, для него самого важного.

— Один только вопрос, Джон, — промолвил Гленарван, выслушав молодого капитана — вполне ли вы доверяете своему помощнику?

— Вполне, — ответил Джон Манглс. — Том Остин хороший моряк. Он доведет «Дункан» до Мельбурна, умело произведет ремонт, а затем приведет судно куда нужно, в назначенный день. Том — человек долга и дисциплины. Он никогда не решится отклониться от приказа или выполнить его с опозданием. Вы можете положиться на него совершенно так же, как и на меня, сэр.

— Решено, Джон: вы отправляетесь с нами, — сказал Гленарван, а затем, улыбаясь, добавил: — Ведь желательно ваше присутствие, когда мы разыщем отца Мэри Грант.

— О сэр! — пробормотал Джон Манглс.

Это все, что мог произнести молодой капитан. Побледнев, он сжал протянутую ему Гленарваном руку.

На следующий день Джон Манглс в сопровождении плотника и матросов, несших съестные припасы, снова отправился в усадьбу Падди О'Мура. Он должен был заняться совместно с ирландцем организацией транспорта для экспедиции.

Вся семья колониста ждала его, готовая начать работать по его указанию. Айртон тоже был здесь и не скупился на добрые советы, основанные на знании местных условий.

Падди с Айртоном сошлись на том, что женщинам следует ехать в повозке, запряженной быками, а мужчинам — верхом на лошадях. Ирландец взялся снабдить экспедицию как животными, так и повозкой. Повозка его оказалась длиной в двадцать футов, с брезентовым верхом. Четыре колеса ее были сделаны из сплошного дерева, без спиц, без ободов, без железных обручей — словом, это были просто деревянные диски. Передний ход телеги, отстоявший на большом расстоянии от заднего, был прикреплен к кузову довольно первобытным способом, так что сразу повернуть телегу было невозможно; к этому переднему ходу было приделано длиннейшее, в тридцать пять футов, дышло; в него впрягались три пары быков. Животные эти тянули повозку при помощи ярма и прикрепленного к нему железной чекой шейного кольца. Нужна была большая ловкость, чтобы управлять этой узкой, длинной и валкой колымагой и править быками с помощью одной только остроконечной палки. Но Айртон постиг это искусство на здешней ирландской ферме, и Падди ручался за его ловкость. Поэтому Айртону и были поручены обязанности возницы.

Колымага, лишенная каких-либо рессор, была, конечно, мало удобна. Но выбора не имелось, и приходилось мириться с этим средством передвижения. Джон Манглс, не будучи в силах изменить что-либо в топорном строении колымаги, постарался устроить ее поудобнее хотя бы внутри. Прежде всего он разделил ее дощатой перегородкой на два отделения. Заднее предназначалось для хранения съестных припасов, багажа и походной кухни мистера Олбинета, переднее же отделение должно было всецело поступить в распоряжение путешественниц. Плотник превратил его в уютную комнатку, с толстым ковром на полу, туалетным столиком и двумя диванчиками для Элен и Мэри Грант. Ночью для защиты от холода можно было опускать плотные кожаные занавеси. В крайнем случае и мужчины могли найти там приют во время ливней, но обычно они должны были ночевать в палатке. Джон Манглс умудрился собрать в этом маленьком помещении все вещи, необходимые для обеих женщин. Элен и Мэри Грант не пришлось слишком жалеть о комфортабельных каютах на «Дункане».

С мужчинами дело было проще. Приготовили семь лошадей: для Гленарвана, Паганеля, Роберта Гранта, Мак-Наббса, Джона Манглса и двух матросов — Вильсона и Мюльреди, сопровождавших своего хозяина и в этой новой экспедиции. Айртону предстояло занять полагающееся ему место на козлах колымаги, а мистер Олбинет, не прельщавшийся перспективой верховой езды, мог прекрасно устроиться в багажном отделении. Лошади и быки паслись на лугах фермы, и к моменту отъезда их легко можно было собрать.

Дав нужные указания плотнику, Джон Манглс отправился обратно на «Дункан» вместе с ирландским семейством, пожелавшим посетить Гленарвана. Айртон тоже присоединился к ним. Около четырех часов пополудни Джон и его спутники уже были на борту «Дункана».

Гостей приняли с распростертыми объятиями. Гленарван пригласил всех отобедать на яхте: он не захотел остаться в долгу у гостеприимных австралийцев. Те с удовольствием приняли его приглашение. Меблировка кают, обои, стенные ковры и вся надводная часть яхты, отделанная кленом и палисандровым деревом, — все это привело в восторг Падди О'Мура. Айртон же, наоборот, отнесся довольно равнодушно ко всей этой дорогостоящей роскоши.

Зато боцман «Британии» произвел тщательный осмотр яхты с точки зрения мореплавателя. Он спустился до самого дна трюма, побывал там, где помещается винт, и в машинном отделении, осведомился о силе машины, о количестве топлива, поглощаемого ею. Он обследовал угольные ямы, запасы продовольствия и пороха. Особый интерес вызвал запас оружия, а также пушка, поставленная на баке, и ее дальнобойность. Гленарван имел дело с опытным моряком. Он увидел это по тем специальным вопросам, которые задавал Айртон. Боцман закончил свой обход осмотром мачт и такелажа.

— Красивое у вас судно, сэр! — сказал он.

— Хорошее судно, это главное, — ответил Гленарван.

— А каков его тоннаж?

— Двести десять тонн.

— Кажется, я не очень ошибусь, если скажу, что «Дункан», идя полным ходом, легко делает пятнадцать узлов.

— Прибавьте еще два, — отозвался Джон Манглс, — и вы не ошибетесь.

— Семнадцать! — воскликнул боцман. — Так, значит, ни одно военное судно — я имею здесь в виду наилучшие — не в силах угнаться за ним?

— Ни одно! — заявил капитан. — «Дункан» — настоящая гоночная яхта, и он не даст обогнать себя.

— Даже под парусами?

— Даже под парусами.

— Ну, тогда вы, сэр, и вы, капитан, примите поздравления моряка, знающего цену хорошему судну.

— Рад слышать это, Айртон, — ответил Гленарван. — Оставайтесь на нашем судне, и если вы захотите, оно станет и вашим.

— Подумаю об этом, сэр, — просто ответил боцман.

Появившийся в эту минуту мистер Олбинет доложил, что обед подан. Гленарван со своими гостями направился в кают-компанию.

— Этот Айртон — умный малый, — заметил Паганель, обращаясь к майору.

— Слишком умный, — тихо отозвался Мак-Наббс.

Майору, без всяких, надо сказать, оснований, не нравилось лицо боцмана и его манера держать себя.

Во время обеда Айртон, прекрасно знавший Австралийский материк, рассказал о нем много интересных подробностей. Между прочим, он спросил Гленарвана, сколько матросов берет он с собой в экспедицию. Услышав, что только двоих — Мюльреди и Вильсона, — он, видимо, был удивлен и стал советовать Гленарвану сформировать для этой цели целый отряд из лучших матросов «Дункана». Он даже настаивал на этом, что, кстати сказать, должно было уничтожить последние подозрения у майора.

— Но ведь наше путешествие в Южную Австралию не представляет никакой опасности? — проговорил Гленарван.

— Никакой, — поспешил подтвердить Айртон.

— Ну, тогда надо оставить на судне как можно больше народа. Чтобы вести «Дункан» под парусами в Мельбурн, чтобы отремонтировать его, нужны будут люди. Чрезвычайно важно, чтобы яхта могла без опоздания прибыть в то место, которое будет ей назначено. Поэтому не будем сокращать его команду.

Айртон, по-видимому, понял соображения Гленарвана и больше не настаивал.

Наступил вечер, и ирландцы распрощались с шотландцами. Айртон и семья Падди О'Мура вернулись на ферму. Лошади и колымага с быками должны были быть готовы к следующему дню. Отъезд был назначен на восемь часов утра.

Элен Гленарван и Мэри Грант занялись последними приготовлениями. Сборы были недолгие, а главное, менее кропотливые, чем сборы Жака Паганеля. Ученый до поздней ночи развинчивал стекла своей подзорной трубы, вытирал их, затем снова свинчивал. Поэтому утро застало его спящим. Майор зычным голосом разбудил его.

Джон Манглс уже отправил багаж на ферму. Шлюпка ждала путешественников; они не замедлили занять в ней места. Молодой капитан отдавал последние распоряжения Тому Остину. Он особенно настаивал на том, чтобы его помощник ждал приказаний Гленарвана в Мельбурне и, каковы бы они ни были, выполнил их самым точным образом.

Старый моряк заверил Джона Манглса, что тот может на него положиться. Затем от имени всей команды Том Остин пожелал Гленарвану полнейшего успеха в его экспедиции. Шлюпка отвалила от трапа под громовое «ура» команды.

Через десять минут она пристала к берегу, а еще через четверть часа наши путешественники были уже на ирландской ферме.

Здесь все было готово. Элен пришла в восторг от своего помещения. Особенно понравилась ей огромная колымага своей массивностью и первобытными колесами. Шесть впряженных попарно быков

своим патриархальным видом очень подходили к колымаге. Айртон, держа в руках заостренную длинную палку, ждал приказаний своего нового хозяина.

— Черт возьми, — воскликнул Паганель, — какая чудесная повозка! Ни одна почтовая карета в мире не сравнится с ней. Я не знаю лучшего способа бродить по свету! Дом, который трогается с места, движется, останавливается, когда вам только заблагорассудится, — чего можно пожелать лучшего? Это некогда поняли сарматы и иначе не путешествовали.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Элен, — надеюсь, что я буду иметь удовольствие видеть вас в моем салоне?

— Конечно, миссис! Почту за честь. Какой ваш приемный день?

— Я буду дома для своих друзей ежедневно, — смеясь, ответила Элен, — а вы...

— ...самый преданный из них, миссис, — галантно ответил Паганель.

Этот обмен любезностями был прерван появлением семи уже оседланных и взнузданных лошадей. Их привел один из сыновей Падди О'Мура. Гленарван уплатил ирландцу-фермеру за все, что было приобретено у него, и горячо поблагодарил его, а это для честного колониста было не менее ценно, чем полученные золотые гинеи.

Был дан сигнал к отъезду. Элен и Мэри заняли места в своем купе, Айртон — на козлах, а мистер Олбинет — в задней части колымаги. Гленарван, майор, Паганель, Роберт, Джон Мангле, оба матроса сели верхом на лошадей. Все они были вооружены карабинами и револьверами.

Айртон издал особый, принятый у австралийских погонщиков возглас и кольнул длинной остроконечной палкой своих быков.

Колымага тронулась, доски ее затрещали, оси в ступицах колес заскрипели, и вскоре гостеприимная ферма славного ирландца скрылась за поворотом дороги.

Глава IX

Провинция Виктория

Было 23 декабря 1864 года. Декабрь, такой унылый и хмурый в Северном полушарии, должен был бы называться июнем на Австралийском материке. Ведь с астрономической точки зрения, здесь два дня назад наступило лето: начиная с 21-го время пребывания солнца над горизонтом ежедневно сокращалось на несколько минут. Таким образом, это новое путешествие Гленарвана должно было совершиться в самое жаркое время года, под почти тропическими лучами солнца.

Совокупность английских владений в этой части Тихого океана носит название Австралазии. Сюда входят Новая Голландия, Тасмания, Новая Зеландия и несколько соседних островов. Самый же Австралийский материк делится на несколько обширных колоний-провинций, очень отличающихся друг от друга как по величине, так и по своим природным богатствам. При взгляде на современную карту Австралии бросается в глаза прямолинейность границ австралийских провинций, — очевидно, англичане проводили их, нисколько не сообразуясь ни с горными склонами, ни с течением рек, ни с различием климата, ни с разноплеменностью населения. Эти колонии-провинции представляют собой примыкающие друг к другу прямоугольники, напоминающие мозаику. Во всех этих прямых линиях и прямых углах чувствуется не столько рука географа, сколько рука геометра. Только берега с их разнообразными изгибами, бухтами, мысами, заливами протестуют своей очаровательной неправильностью от имени природы против этой прямолинейности.

Это сходство между картой Австралии и шахматной доской вызывало заслуженные насмешки Жака Паганеля.

— Если бы Австралия была французской колонией, то французские географы, конечно, не проявили бы такой страсти к угольнику и рейсфедеру, — говорил он.

Обширный австралийский остров делится в настоящее время на шесть колоний-провинций: Новый Южный Уэльс — столица Сидней, Квинсленд — столица Брисбен, Виктория — столица Мельбурн, Южная Австралия — столица Аделаида, Западная Австралия — столица Перт, и наконец, Северная Австралия, пока не имеющая столицы.

Колонистами заселены лишь побережья. Почти нет сколько-нибудь значительных городов дальше двухсот миль в глубь страны. Что же касается центральной части материка, представляющей собой по величине две трети Европы, то она еще почти не исследована.

К счастью, тридцать седьмая параллель не проходит через эти беспредельные пустыни, через эти недоступные области, уже стоившие науке стольких жертв. Гленарван не смог бы их преодолеть. Его интересовал лишь юг Австралии: надо было пройти часть провинции Южная Австралия, затем провинцию Виктория во всю ее ширину и, наконец, перебраться через вершину опрокинутого треугольника, представляющего собой провинцию Новый Южный Уэльс.

От мыса Бернулли до границы провинции Виктория — около шестидесяти двух миль. Это расстояние можно было свободно покрыть в два дня, и Айртон рассчитывал к вечеру следующего дня уже расположиться на ночлег в Эппли, самом западном городе провинции Виктория.

Обычно в начале всякого путешествия как всадники, так и лошади проявляют некоторую пылкость. Против воодушевления первых ничего нельзя было возразить, но прыть вторых понадобилось умерить. Тот, кому предстоит далекий путь, должен беречь силы животного, на котором едет. Поэтому было решено

проезжать в среднем не больше двадцати пяти-тридцати миль в день. К тому же приходилось соразмерять ход лошадей с медленным шагом быков — этих настоящих живых машин, теряющих во времени то, что они выигрывают в силе.

Колымага со своими пассажирами и провиантом была ядром экспедиции, ее движущейся крепостью. Всадники могли разъезжать по сторонам, но не должны были слишком удаляться от колымаги. Вообще, так как для всадников не было установлено никакого определенного порядка езды, каждый мог до известной степени действовать по своему усмотрению. Охотники рыскали по равнине за дичью, любезные кавалеры беседовали с обитательницами колымаги, философы философствовали. Паганель, совмещавший в себе все эти качества, должен был поспевать — и попевал повсюду.

Переезд через провинцию Южная Австралия оказался малоинтересным. На протяжении нескольких миль ряд невысоких пыльных холмов чередовался с пустырями, называемыми в этом краю бушами, и с лугами, где там и сям виднелись группы кустов с остроконечными солоноватыми листьями — излюбленным лакомством овец. Между столбами телеграфной линии, недавно соединившей Аделаиду с побережьем, мирно паслись «свинные рыла» — овцы со свинными головами, встречающиеся только в Новой Голландии.

Эти равнины удивительно напоминали однообразные аргентинские пампасы: такая же, как там, ровная, поросшая травой земля, такой же резко вырисовывающийся на фоне неба горизонт. Мак-Наббс уверял, что они будто и не покидали Южной Америки. Однако Паганель утверждал, что местность скоро должна измениться, и его спутники, полагаясь на слова географа, стали ждать чего-то чудесного.

В три часа наш отряд очутился на обширной, безлесной равнине — так называемой Равнине москитов. Географ имел удовольствие убедиться в правильности этого названия. И путешественники и их лошади очень страдали от непрекращавшихся укусов этих назойливых двукрылых. Избежать укусов было невозможно. Легче было смягчить их нашатырным спиртом из походной аптечки. Паганель выйдя из терпения, проклинал надоедливых москитов, не перестававших жалить его.

К вечеру несколько живых изгородей из акаций придали равнине более веселый вид. Там и сям поднимались группы белых камедных деревьев; далее показались недавно проложенные колеи; затем стала попадаться растительность, вывезенная из Европы: оливковые и лимонные деревья, вечнозеленые дубы, и, наконец, потянулись изгороди. В восемь часов вечера быки, подгоняемые заостренной палкой Айртона, добрались до стоянки Ред-Гум. Словом «стоянка» здесь называется место, где разводится скот, представляющий собой главное богатство Австралии. Местные животноводы зовутся «скваттеры», то есть «люди, садящиеся на землю». И в самом деле, первое, что делает усталый колонист после своих скитаний по необъятным равнинам, — он садится на землю.

Стоянка Ред-Гум была невелика, но приняли здесь Гленарвана очень радушно. Под кровом этих уединенных жилищ путешественника всегда угощают, и в лице австралийского колониста он всегда находит гостеприимного хозяина.

На следующий день Айртон запряг своих быков уже на рассвете. Ему хотелось в тот же день добраться до границы Виктории.

Местность постепенно становилась неровной. До горизонта волнообразно тянулись холмики, усыпанные красным песком; казалось, что на равнину наброшен огромный красный флаг, складки которого раздуваются ветром. Малли — род сосен с прямыми гладкими стволами — простирали свои темно-зеленые ветви над тучными лугами, где бегало множество веселых тушканчиков. Дальше потянулись обширные равнины, поросшие кустарником и молодыми камедными деревьями. Потом на смену им появились отдельные деревья — первые представители австралийских лесов.

По мере приближения к границам Виктории вид местности все более изменялся. Путешественники почувствовали себя в новой стране. Они неизменно двигались по прямой линии, и никакое препятствие на пути — ни озеро, ни гора — не принуждало их превратить эту линию в кривую или ломаную. Они неуклонно осуществляли на практике геометрическую теорему: двигались по кратчайшему расстоянию между двумя точками. Об усталости и затруднениях не могло быть и речи. Всадники соразмеряли свой марш с медленным шагом быков, а эти спокойные животные хотя и передвигались не очень-то быстро, но зато никогда не останавливались в пути. Сделав, таким образом, в два дня переход в шестьдесят миль, караван прибыл 24 декабря вечером в Эппли, ближайший к границе город провинции Виктория, расположенный в округе Виммера, под сто сорок первым градусом долготы.

Айртон остановил колымагу перед харчевней, носившей, за неимением лучшей гостиницы, громкое название «Отель короны». Был подан горячий ужин, состоявший из разных блюд, приготовленных исключительно из баранины. За этим ужином много ели, но еще больше разговаривали. Желая познакомиться с особенностями Австралийского материка, спутники Паганеля засыпали его вопросами. Географ не заставил себя просить и охотно принялся рассказывать о провинции Виктория, по его словам называемой также Счастливой Австралией.

— Неверное название! — заметил при этом Паганель. — Было бы ближе к истине назвать эту провинцию Богатой Австралией, ибо о странах можно сказать, как и о людях: «Богатство не дает счастья». Благодаря своим золотым приискам Австралия попала в лапы свирепых хищников-авантюристов. Вы сами это увидите, когда мы будем проезжать через золотоносные земли.

— Кажется, колония Виктория существует не так давно? — спросила Элен.

— Да, она основана всего каких-нибудь тридцать лет назад, а именно: шестого июня 1835 года, во вторник...

— ...в четверть восьмого вечера, — добавил майор, любивший подтрунить над географом по поводу точности приводимых им дат.

— Ошибаетесь, — серьезно возразил географ. — В семь часов и десять минут Бетман и Фалкнер основали поселение Порт-Филипп у той самой бухты, где теперь раскинулся большой город Мельбурн. В течение первых пятнадцати лет эта колония входила в состав провинции Новый Южный Уэльс и имела общую с ней столицу Сидней, но в 1851 году она выделилась в отдельную независимую провинцию, получившую название «Виктория».

— И она значительно окрепла и развилась с тех пор? — спросил Гленарван.

— Судите сами об этом, мой друг, — ответил Паганель — я приведу вам цифры — новейшие статистические данные. А что бы ни говорил Мак-Наббс, я ничего не знаю более красноречивого, чем цифры.

— Приводите, — промолвил майор.

— Начинаю. В 1836 году колония Порт-Филипп насчитывала двести сорок четыре жителя, а в настоящее время население провинции Виктория достигло пятисот пятидесяти тысяч человек. Семь миллионов виноградных кустов приносят ей ежегодно сто двадцать одну тысячу галлонов вина. Сто три тысячи лошадей носятся по ее равнинам, и шестьсот семьдесят пять тысяч двести семьдесят две штуки рогатого скота пасется на ее беспредельных пастбищах.

— А имеются ли здесь свиньи? — поинтересовался Мак-Наббс.

— Имеются. С вашего позволения, их здесь семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать пять.

— А сколько тут баранов, Паганель?

— Семь миллионов сто пятьдесят тысяч девятьсот сорок три, Мак-Наббс!

— Считаю и того, которого мы в данную минуту едим, Паганель?

— Нет, без него: ведь три четверти его мы уже уничтожили.

— Bravo, господин Паганель! — весело смеялась Элен. — Надо сознаться, что вы в совершенстве знаете все, что относится к географическим вопросам, и сколько бы ни старался наш кузен Мак-Наббс, ему не удастся поставить вас в тупик.

— Что ж, это моя профессия — знать все эти вещи и при надобности сообщать о них вам. Поэтому вы можете поверить мне, если я скажу вам, что в этой необыкновенной стране нам предстоит увидеть немало чудесного.

— Однако до сих пор... — начал Мак-Наббс, любивший подзадорить географа.

— Да подождите же, нетерпеливый майор! — воскликнул Паганель. — Вы едва успели перешагнуть через границу, а уже начинаете досадовать. А я говорю, повторяю вам, клянусь вам, что этот край — самый любопытный на всем земном шаре! Его возникновение, природа, растения, животные, климат, его грядущее исчезновение — все это удивляло, удивляет и удивит всех ученых мира. Представьте себе, друзья мои, материк, который, образовываясь, поднимался из морских волн не своей центральной частью, а краями, как какое-то гигантское кольцо; материк, где, быть может, в середине имеется наполовину испарившееся внутреннее море; где реки с каждым днем все больше и больше высыхают; где не существует влаги ни в воздухе, ни в почве; где деревья ежегодно теряют не свои листья, а кору: где листья обращены к солнцу не своей поверхностью, а ребром и не дают тени; где лес часто не способен гореть; где каменные плиты тают от дождя; где леса низкорослы, а травы гигантской вышины; где животные необычны; где у четвероногих имеются клювы, как у ехидны и утконоса, что заставило ученых создать особый класс птицезверей; где у прыгуна кенгуру лапы разной длины; где у баранов свиные головы; где лисицы порхают с дерева на дерево; где лебеди черного цвета; где крысы вьют себе гнезда; где птицы поражают разнообразием своего пения и своих способностей: одна подражает бою часов, другая — щелканью бича почтовой кареты, третья — точильщику, четвертая отбивает секунды, точно маятник часов; есть такая, которая смеется утром, при восходе солнца, и такая, которая плачет вечером, при его заходе. Самая причудливая, самая нелогичная страна из всех когда-либо существовавших! Земля парадоксальная, опровергающая законы природы! Ученый-ботаник Гримар имел полное основание выразиться о ней так: «Вот она, эта Австралия, какая-то пародия на мировые законы или, вернее сказать, вызов, брошенный в лицо остальному миру!»

Эта тирада, стремительно произносимая Паганелем, казалось, никогда не кончится. Красноречивый секретарь Географического общества уже не владел собой. Он несся все вперед и вперед, отчаянно жестикулируя, и при этом так размахивая вилкой, что его соседям по столу положительно грозила опасность. Наконец голос его был заглушен громом аплодисментов, и он умолк.

Конечно, после всего этого перечисления особенностей Австралийского материка никому не пришло в голову задать географу еще какие-либо вопросы. Только майор спросил-таки своим неизменно спокойным голосом:

— И это все, Паганель?

— Нет, представьте, не все! — воскликнул с новым азартом ученый.

— Как, в Австралии есть что-нибудь еще более удивительное? — спросила заинтригованная Элен.

— Да, ее климат: он своими особенностями превосходит все, о чем я упоминал.

— А именно? — раздалось со всех сторон.

— Я не говорю уж о том, как богат воздух Австралии кислородом и беден азотом, не говорю также об отсутствии влажных ветров вследствие того, что пассаты дуют параллельно побережью, не говорю и о том, что большинство болезней, начиная от тифа и кончая корью и разными хроническими болезнями, здесь неизвестно...

— Однако это является немалым преимуществом, — заметил Гленарван.

— Без сомнения, но, повторяю, я не это имею в виду, — ответил Паганель. — Здесь климат обладает свойством... прямо-таки неправдоподобным...

— Каким же? — заинтересовался Джон Мангле.

— Вы ни за что мне не поверите...

— Поверим! — воскликнули заинтересованные слушатели.

— Ну, так он...

— Что — он?

— ...благотворно действует на нравственность!

— На нравственность?

— Да, — с убеждением ответил ученый. — Он благотворно действует на нравственность. В Австралии металлы не ржавеют на воздухе, то же происходит и с людьми. Сухой и чистый воздух здесь быстро все выбеливает. В Англии подметили это свойство здешнего климата, почему и решили сослать сюда людей для исправления.

— Как, в самом деле такое влияние чувствуется? — спросила Элен Гленарван.

— Да, оно заметно и на животных и на людях.

— Вы не шутите, господин Паганель?

— Нет, не шучу. Даже австралийские лошади и рогатый скот и те послушны. Вы сами в этом убедитесь.

— Не может быть!

— Но тем не менее это так. Преступники, переселенные в эту живительную, оздоравливающую атмосферу, через несколько лет духовно перерождаются. Это известно филантропам. В Австралии все люди делаются лучше.

— Но тогда каким же станете вы, господин Паганель, в этой благодатной стране, вы, и без того хороший? — улыбаясь, проговорила Элен.

— Стану превосходным, просто превосходным! — ответил географ.

Глава X

Река Виммера

На следующий день, 25 декабря, двинулись в путь на заре. Уже чувствовался зной, но терпимый. Дорога шла почти без подъемов и была удобна для лошадей. Пролегала она по довольно редкому лесу. Вечером, после основательного перехода, отряд сделал привал на берегу Белого озера, вода которого оказалась солоноватой и непригодной для питья.

Жак Паганель принужден был согласиться, что это Белое озеро не более бело, чем Черное море черно, Красное море красно, Желтая река желта, а Голубые горы голубого цвета. Впрочем, побуждаемый профессиональным самолюбием, географ попытался было спорить, но его доводы не имели успеха.

Мистер Олбинет с обычной для него аккуратностью приготовил и подал ужин. Затем путешественники — одни в колымаге, другие в палатке — не замедлили заснуть, невзирая на жалобный вой динго — этих австралийских шакалов.

За Белым озером раскинулась чудесная равнина, вся пестревшая хризантемами. Проснувшись на следующее утро, Гленарван и его спутники пришли в восторг от раскинувшейся перед их взором великолепной картины.

Снова двинулись в путь. Местность была ровная, только вдали виднелось несколько пригорков. Всюду до самого горизонта зеленела и алела цветами беспредельная равнина. Голубые цветы мелколистного льна красиво сочетались с ярко-красными цветами медвежьих когтей. Солончаковую почву густо покрывали серо-зеленые и красноватые цветы серебрянки, лебеды, свекловичника. Растения эти очень полезны, так как из их золы путем промывки добывается отличная сода. Паганель, который, очутившись среди цветов, сейчас же сделался ботаником, принялся называть все эти разновидности растений и, верный своему пристрастию к цифрам, не упустил случая заявить, что австралийская флора располагает четырьмя тысячами двумястами видов растений, принадлежащих к ста двадцати семействам.

После того как колымага проехала за короткое время еще с десяток миль, ей пришлось ехать среди рощиц высоких акаций, мимоз и белых камедных деревьев с их разнообразными цветами. Растительное царство этих равнин, богатых источниками, нельзя было упрекнуть в неблагодарности по отношению к дневному светилу: все, что солнце изливало на него в виде света и тепла, оно возвращало ароматами и цветами. Зато царство животных представлено было более скупо. Лишь кое-где бродили по равнине эму, приблизиться к которым оказалось невозможным. Майору все же удалось подстрелить одну очень редкую и уже исчезающую птицу. Это был ябиру — гигантский журавль английских колоний. Ростом он был пяти футов, а клюв его, черный, широкий, конической формы, очень заостренный с конца, имел восемнадцать дюймов длины. Лилово-пурпурная окраска его головы составляла резкий контраст с лоснящейся зеленой шеей, блестящей белой грудью и ярко-красными длинными ногами. Казалось, что природа израсходовала все свои основные краски на оперение этого ябиру.

Путешественники залюбовались этой птицей, и майор был бы, конечно, героем дня, если бы юный Роберт, проехав несколько миль дальше, не встретил и безбоязненно не убил какое-то бесформенное животное — нечто среднее между ежом и муравьедом, напоминавшее недоразвитое существо первобытных времен. Из его сомкнутой пасти висел длинный, растягивавшийся липкий язык, которым это животное вылавливало муравьев — свою главную пищу.

— Это ехидна, — объяснил Паганель. — Случалось ли вам когда-либо видеть подобное животное?

— Она отвратительна! — отозвался Гленарван.

— Отвратительна, но интересна, — заметил Паганель. — К тому же она встречается только в Австралии. Тщетно было бы искать ее в другой части света.

Понятно, Паганелю захотелось увезти с собой отвратительную ехидну, и он задумал положить ее в багажное отделение, но тут мистер Олбинет запротестовал с таким негодованием, что ученый должен был отказаться от мысли сохранить для науки этого представителя австралийской фауны.

В этот день наши путешественники достигли 141°31' долготы. До сих пор им в пути встречалось мало колонистов-земледельцев и мало скваттеров. Местность казалась пустынной. Туземцев и совсем не было видно, так как дикие племена кочуют севернее, по бесконечным пустыням, орошаемым притоками Дарлинга и Меррея.

Отряд Гленарвана очень заинтересовался встречей с одним из тех колоссальных стад, которые предприимчивые торговцы пригоняют с восточных гор в провинции Виктория и Южная Австралия.

Около четырех часов пополудни Джон Манглс указал своим спутникам на огромный столб пыли, поднимающийся вдали, милях в трех впереди. Никто не мог догадаться, что означало это явление. Паганель склонен был видеть в этом влияние какого-нибудь метеора, и пылкая фантазия ученого уже подыскивала ему естественное объяснение, но Айртон, не дав географу углубиться в область догадок, заявил, что пыль эту поднимаетдвигающееся стадо.

Боцман был прав. Густое облако пыли все приближалось. Оттуда несло мычанье, ржанье и блеянье. К этой пасторальной симфонии примешивались также — в виде криков, свиста и брани — человеческие голоса.

Из шумного облака появился человек. То был главный вожатый этой четвероногой армии. Гленарван поехал к нему навстречу, и они разговорились без дальнейших церемоний. Вожатый был в то же время и владельцем части этого стада. Звался он Сэм Митчель и направлялся из восточных провинций к бухте Портланд.

Его стадо состояло из двенадцати тысяч семидесяти пяти голов: тысячи быков, одиннадцать тысяч баранов и семидесяти пяти лошадей. Весь этот скот, купленный худым на равнинах у Голубых гор, перегонялся теперь на тучные пастбища Южной Австралии, с тем чтобы после откорма его можно было перепродать с большим барышом. Сэм Митчель, выгадывая по два фунта стерлингов с быка и по полфунта с барана, должен был выручить кругленькую сумму в сто пятьдесят тысяч франков. Такое дело являлось, конечно, выгодным, но сколько надо было проявить терпения и энергии, чтобы довести до места назначения это норовистое стадо, сколько трудов приходилось положить на это! Да, нелегко достается барыш, получаемый от этого сурового ремесла.

В то время как стадо Сэма Митчеля продолжало двигаться вперед через рощицы мимоз, сам он в немногих словах рассказал свою историю. Элен Гленарван и Мэри Грант сошли с колымаги, всадники соскочили со своих коней, и все они, усевшись под тенью большого камедного дерева, слушали рассказ скотопромышленника.

Сэм Митчель был в пути уже семь месяцев. В среднем он проходил ежедневно миль десять, и его бесконечное путешествие должно было продлиться еще месяца три. В этом трудном деле ему помогали тридцать погонщиков и двадцать собак. Среди погонщиков было пять негров, умевших замечательно отыскивать отбившихся от стада животных по их следам. За этой армией следовало шесть телег. Погонщики с бичами в руках (рукоятка этих бичей была восемнадцати дюймов длины, а ремень — девяти футов) пробирались между рядами животных и восстанавливали то и дело нарушаемый порядок, между тем как легкая кавалерия в виде собак носилась по флангам. Путешественников привела в восхищение

царившая в стаде дисциплина. Различные породы животных шли отдельно, ибо дикие быки не станут пастись там, где прошли бараны. Поэтому необходимо было гнать быков во главе этой армии. Они, разделенные на два батальона, двигались впереди. За ними под командой двадцати вожатых следовали пять полков баранов; взвод лошадей шел в арьергарде. Сэм Митчель обратил внимание своих слушателей на то, что вожаками этой армии являлись не люди, не собаки, а некоторые быки — смысленные «лидеры», авторитет которых признавался их сородичами. Они с большой важностью шествовали впереди, инстинктивно выбирая наилучшую дорогу. Видимо, они были глубоко убеждены в своем праве пользоваться общим уважением. Стадо беспрекословно повиновалось им, и поэтому с ними приходилось считаться. Если им заблагорассудилось сделать остановку, надо было уступать их желанию; и тщетно было бы пытаться снова пуститься в путь после стоянки до того, как они сами подадут к этому сигнал.

Скотопромышленник добавил еще несколько подробностей к описанию этой экспедиции. Пока эта армия животных движется по равнине, все идет хорошо — не надо преодолевать препятствия, не чувствуется усталости. Скот пасется тут же, по дороге, утоляет жажду в многочисленных ручьях, ночью спит, днем идет, послушный лаю собак. Но когда путь пролегает по обширным лесам материка, через заросли мимоз и эвкалиптов, затруднения возрастают. Взводы, батальоны, полки — все это смешивается или рассыпается по сторонам, и немало надо времени, чтобы снова всех собрать. Если, к несчастью, потеряется один из быков-лидеров, его приходится во что бы то ни стало разыскать, иначе все стадо может разбежаться; негры-погонщики нередко тратят по нескольку дней на эти трудные поиски. Когда идут сильные дожди, ленивые животные отказываются двигаться вперед, а вовремя бурных гроз обезумевший от страха скот охватывает паника.

И все же благодаря энергии и расторопности скотопромышленника удавалось преодолевать эти все снова и снова возникающие трудности. Он шел вперед миля за милей. Равнины, леса, горы оставались позади. Но ему приходилось присоединить к энергии и расторопности еще нечто большее — ничем не сокрушимое терпение, которого должно было хватить не на часы, не на дни, а на целые недели, уходившие на переправы через реки. Здесь препятствием является не непроходимость водного пути, а только упрямство стада, не желающего переходить реки — быки, хлебнув воды, поворачивают назад; бараны, боясь воды, разбегаются в разные стороны. Надо ждать ночи, чтобы снова попытаться загнать стадо в реку. Попытка не удается. Баранов бросают в воду силой, но овцы не решаются следовать за ними. Пробуют в течение нескольких дней томить скот жаждой, но и это ни к чему не приводит. Переправляют на противоположный берег ягнят в надежде, что матери, услышав их крики, бросятся к ним. Но ягнята блеют, а матери не двигаются с места. Такое положение длится иногда целый месяц, и скотопромышленник не знает, что ему делать со своей блеющей, ржущей и мычащей армией. Вдруг в один прекрасный день без всякой видимой причины, словно по какому-то капризу, часть стада начинает переходить реку, и тут возникает новая трудность — помешать животным беспорядочно бросаться в воду, так как при этом они сбиваются в кучу и многие из них, попав в стремнины, тонут.

Вот что рассказал нашим путешественникам Сэм Митчель. Во время его рассказа большая часть стада прошла мимо в полном порядке, и скотопромышленник должен был поторопиться снова стать во главе своей армии, чтобы иметь возможность выбирать лучшие пастбища. Он простился с Гленарваном и его спутниками. Все крепко пожали ему руку. Затем он вскочил на прекрасного туземного коня, которого держал под уздцы один из погонщиков, и через несколько мгновений уже исчез в облаке пыли.

Колымага снова двинулась в путь и остановилась только вечером у подошвы горы Тальбот. На привале Паганель весьма уместно напомнил о том, что было 25 декабря, день рождества — праздник, столь чтимый в английских семьях. Но мистер Олбинет также не забыл этого: в палатке был сервирован вкусный ужин, заслуживший горячую похвалу всех присутствующих. И в самом деле, мистер Олбинет превзошел самого себя: он умудрился приготовить из имевшихся запасов ряд европейских блюд, которые

не часто можно получить в пустынях Австралии. На этом достопримечательном ужине были поданы оленье ветчина, солонина, копченая семга, пирог из ячменной и овсяной муки, чай в неограниченном количестве, виски в изобилии и несколько бутылок портвейна. Можно было в самом деле вообразить себя в столовой замка Малькольм, среди гор Шотландии.

Действительно, на этом пиршестве было все, начиная от имбирного супа и кончая печеньем на десерт. Паганель счел нужным еще пополнить десерт плодами дикого апельсинового дерева, росшего у подножия соседнего холма. Надо признаться, апельсины эти были довольно-таки безвкусны, а раздавленные семечки их обжигали рот, словно кайенский перец. Географ же, видимо из научной добросовестности, так наелся этими апельсинами, что сжег себе небо и оказался не в состоянии отвечать на многочисленные вопросы майора относительно особенностей австралийских пустынь.

На следующий день, 26 декабря, не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать. На пути попались истоки реки Нортон, а позднее — наполовину пересохшая река Мекензи. Погода стояла прекрасная, не слишком жаркая. Дул южный ветер, приносящий здесь прохладу, подобно тому как это делает северный ветер в Северном полушарии. Паганель обратил на это внимание своего юного приятеля Роберта Гранта.

— Это очень благоприятно для нас, — прибавил он, — ибо в Южном полушарии в среднем более жарко, чем в Северном.

— А почему? — спросил мальчик.

— Почему, Роберт? Разве ты никогда не слыхал о том, что Земля зимой ближе к Солнцу?

— Слыхал, господин Паганель.

— И что зимой холодно только потому, что лучи Солнца падают более косо?

— Да, господин Паганель.

— Так вот, мой мальчик, по этой самой причине в Южном полушарии более жарко.

— Не понимаю, — с удивлением ответил Роберт.

— А вот подумай, — продолжал Паганель. — Когда у нас там, в Европе, зима, то какое же время года здесь, в Австралии, у антиподов?

— Лето, — сказал Роберт.

— Ну и если в это время Земля как раз ближе к Солнцу... Понимаешь?

— Понимаю.

— Значит, лето Южного полушария должно быть жарче лета Северного полушария именно благодаря этой близости к Солнцу.

— Теперь мне все ясно, господин Паганель.

— Итак, когда говорят, что Земля ближе к Солнцу зимой, то это верно лишь по отношению к нам, живущим в северной части земного шара.

— Вот это никогда мне не приходило в голову, — промолвил Роберт.

— Ну, так больше не забывай этого, мой мальчик.

Роберт с большой охотой выслушал эту маленькую лекцию по космографии, в дополнение к которой он узнал еще и о том, что средняя температура провинции Виктория составляет плюс семьдесят четыре градуса по Фаренгейту (+23,33° по Цельсию).

Вечером отряд сделал привал за озером Лонсдель, в пяти милях от него, между горой Драмонд,

поднимавшейся на севере, и горой Драйден, невысокая вершина которой вычерчивалась на южном небосклоне.

На следующий день, в одиннадцать часов утра, колымага добралась до берегов реки Виммеры, у сорок третьего меридиана.

Река эта, шириной в полмили, несла свои прозрачные воды между высокими акациями и камедными деревьями. Там и сям среди них виднелись великолепные мирты, вздымавшие на пятнадцатифутовую высоту свои длинные плакучие ветви, пестревшие красными цветами. Множество птиц — иволги, зяблики, золотокрылые голуби, не говоря уж о болтливых попугаях, — порхало среди зеленых ветвей. Внизу, на воде, резвилась пара черных лебедей, пугливых и неприступных. Но эти редкие птицы австралийских рек вскоре исчезли за излучинами Виммеры, причудливо орошавшей эту пленительную долину.

Между тем колымага остановилась на ковре из зеленых трав, свисавших бахромой над быстрыми водами реки. Ни моста, ни парома не было. А все же перебраться было необходимо. Айртон стал искать удобного брода. В четверти мили вверх по течению река показалась ему менее глубокой, и он решил, что в этом месте можно будет перебраться на другой берег. Сделанные им в нескольких местах измерения показали, что река здесь не глубже трех футов. Значит, колымага могла без большого риска пройти по такому неглубокому месту.

— Нет никакого другого способа переправиться на тот берег? — обратился Гленарван к боцману.

— Другого нет, сэр, — ответил Айртон, — но эта переправа не кажется мне опасной. Как-нибудь переберемся.

— Следует ли жене и мисс Грант выйти из колымаги?

— Ни в коем случае. Мои быки крепки на ногу, и я берусь вести их по верному пути.

— Тогда отправляйтесь, Айртон, — сказал Гленарван. — Я полагаюсь на вас.

Всадники окружили тяжелую колымагу, и отряд смело вошел в воду. Обычно, когда телеги переходят реку вброд, к ним прикрепляют кругом пустые бочки, для того чтобы поддержать их на поверхности воды, но здесь такого спасательного пояса не имелось, и надо было положиться на чутье быков и на осторожность возницы. Айртон, сидя на козлах колымаги, направлял ее через реку; майор и оба матроса, рассекая быстрое течение, пробирались в нескольких саженьях впереди. Гленарван и Джон Манглс держались по обеим сторонам колымаги, готовые прийти на помощь путешественницам. Паганель и Роберт замыкали шествие.

Все шло хорошо до середины Виммеры. Но здесь дно стало опускаться, и вода поднялась выше колес. Быки, отнесенные течением от брода, могли потерять дно под ногами и потянуть за собой качавшуюся колымагу. Айртон отважно соскочил в воду и, схватив быков за рога, заставил их вернуться к броду.

В эту минуту колымага неожиданно на что-то натолкнулась, раздался треск, и она сильно накренилась. Вода залила ноги путешественницам. И колымагу и быков, несмотря на все усилия Гленарвана и Джона, уцепившихся за дощатую стенку, стало относить течением. Минута была критическая.

К счастью, быки мощно рванулись вперед и потащили за собой колымагу. Дно начало подниматься, и вскоре животные и люди, промокшие, но очень довольные, очутились в безопасности на другом берегу.

Однако у колымаги оказался сломан передок, а у лошади Гленарвана — сбиты передние подковы.

Нужно было как можно скорее исправить эти повреждения. Путешественники смущенно переглядывались, не зная, что предпринять. Айртон предложил съездить на стоянку Блек-Пойнт, находившуюся в двадцати милях севернее, и привезти оттуда кузнеца.

— Поезжайте, конечно поезжайте, милейший Айртон, — сказал Гленарван. — Сколько вам потребуется времени на оба конца?

— Часов пятнадцать, не больше, — ответил Айртон.

— Ну, так отправляйтесь же, а мы в ожидании вашего возвращения расположимся лагерем на берегу Виммеры.

Несколько минут спустя боцман верхом на лошади Вильсона уже скрылся за густой завесой мимоз.

Глава XI

Берк и Стюарт

Остаток дня прошел в разговорах и прогулках. Путешественники бродили по берегам Виммеры, беседуя и восхищаясь красотой местности. Журавли пепельного цвета и ибисы уносились от них с хриплыми криками, птица атлас искала приюта в верхних ветвях дикого фигового дерева, иволги и чеканы-каменщики суетливо перепархивали между великолепными стеблями лилейных растений, а зимородки прекращали свою рыбную ловлю. Только более цивилизованные попугаи — bluemountain, окрашенный во все цвета радуги, маленький рошил с пунцовой головкой и желтой грудкой и лори с красно-голубым оперением, — сидя на верхушках цветущих камедных деревьев, продолжали свою оглушительную болтовню.

Так, то отдыхая на траве у журчащих вод, то бродя по рошицам мимоз, наши путешественники до самого заката солнца любовались этой чудной природой. Ночь, наступившая после коротких сумерек, застигла их в полумиле от лагеря. Они направились к нему, ориентируясь не по Полярной звезде, невидимой в Южном полушарии, а по созвездию Южного Креста, сверкавшего на небосклоне, на равном расстоянии от зенита и горизонта. У мистера Олбинета был уже накрыт в палатке стол. Все уселись за ужин. Наибольший успех имело рагу из жареных попугаев, ловко подстреленных Вильсоном и искусно приготовленных стюардом.

Покончив с ужином, все стали искать предлога подольше не ложиться спать в эту чудесную ночь. Элен, к общему удовольствию, попросила Паганеля рассказать о путешественниках, исследовавших Австралию, — это, надо сказать, им давно уже было обещано.

Паганель не заставил себя просить. Его слушатели растянулись у подножия великолепной банксии, и вскоре дым сигар поднялся до ее тонувшей в ночном мраке листвы.

Географ, полагаясь на свою неистощимую память, начал свой рассказ:

— Друзья мои, вы должны помнить — и майор, вероятно, этого не забыл — имена тех путешественников, о которых я говорил вам на борту «Дункана». Из всех, кто стремился добраться до центральной части Австралии, только четверем удалось пройти через этот материк с юга на север или с севера на юг. Берк это сделал в 1860 и 1861 годах, Мак-Кинлей — в 1861 и 1862 годах, Ленсборо — в 1862-м, Стюарт — также в 1862-м. О Мак-Кинлее и Ленсборо я упомяну лишь мимоходом. Первый из них прошел от города Аделаида до залива Карпентария, а второй — от залива Карпентария до Мельбурна. Оба они были посланы австралийскими организациями на поиски Берка; он не возвращался, и ему уже не суждено было вернуться.

Берк и Стюарт — вот те два исследователя Австралии, о которых я сейчас без дальних предисловий начну вам рассказывать.

Двадцатого августа 1860 года Мельбурнское географическое общество отправило экспедицию, во главе которой стоял Роберт О'Гара Берк, бывший ирландский офицер. Его сопровождали одиннадцать человек: Вильям Джон Уильс, выдающийся молодой астроном, доктор Беклер, ботаник Грей, молодой военный индийской армии Кинг, затем Ландельс, Браге и несколько сипаев^[68]. Двадцать пять лошадей и столько же верблюдов везли на себе путешественников, их багаж и съестные припасы на восемнадцать месяцев.

Экспедиция направлялась на северное побережье, к заливу Карпентария, но предварительно должна

была исследовать берега реки Купера. Беспрепятственно перебравшись через реки Меррей и Дарлинг, экспедиция достигла поселения Мениндис, на границе колоний. Здесь было признано, что такое большое количество багажа очень обременительно. Это обстоятельство да еще несколько резкий характер Берка внесли разлад в отряд. Дело дошло до того, что Ландельс, ведавший верблюдами, отделился от экспедиции и вместе с несколькими погонщиками-индусами вернулся к берегам Дарлинга. Берк продолжал свой путь. Продвигаясь вперед то по великолепным, обильно орошаемым пастбищам, то по каменистым, безводным дорогам, он спустился к реке Купера. Двадцатого ноября, после трехмесячного странствования, Берк устроил на берегах этой реки свой первый склад провианта.

На этом месте путешественники на некоторое время задержались, так как им никак не удавалось найти такую дорогу на север, где можно было бы рассчитывать на наличие воды. С большими трудностями они добрались до пункта, находящегося на полпути между Мельбурном и заливом Карпентария. Признав это место подходящим для сторожевого поста, они обнесли его изгородью и дали ему название «форт Уильс». Здесь Берк разделил свой отряд на две части. Одному отряду, возглавляемому Браге, предстояло остаться во вновь созданном форте в течение трех месяцев, а если хватит провианта, то и дольше, и ожидать возвращения другого отряда. Этот второй отряд состоял из самого Берка, Кинга, Грея и Уильса. Они взяли с собой шесть верблюдов и съестных припасов на три месяца, а именно: триста фунтов муки, пятьдесят фунтов риса, пятьдесят фунтов овсяной муки, сто фунтов сушеного лошадиного мяса, сто фунтов соленой свинины и сала, а также тридцать фунтов сухарей. Взятых продуктов должно было хватить на путешествие в шестьсот лье в оба конца.

И вот эти четыре человека отправились в путь. С трудом перебравшись через каменистую пустыню, они достигли реки Эйр, до берегов которой доходил в 1845 году Стюарт. Отсюда, держась как можно ближе к сто сороковому меридиану, они направились к северу.

Седьмого января они под палящим солнцем пересекли тропик. Порой их вводили в заблуждение соблазнительные миражи; они часто страдали от жажды — правда, время от времени их снабжали водой сильные грозы. Кое-где они встречали бродячих туземцев, которые относились к ним довольно радушно. В общем, надо сказать, путь их, не преграждаемый ни озерами, ни большими реками, ни горами, не представлял особенных трудностей.

Двенадцатого января на севере показалось несколько холмов из песчаника, в их числе — так называемая гора Форбса, а дальше пошли одна за другой гранитные горные цепи. Здесь двигаться вперед стало очень утомительно: животные еле плелись, порой совсем отказываясь идти дальше. «Мы все еще среди горных цепей. наших верблюдов от страха бросает в пот», — писал Берк в своем путевом дневнике. Однако ж исследователям благодаря их энергии удалось добраться сначала до берегов реки Тернер, а затем и до верхнего течения реки Флиндерс, которую в 1841 году видел Шток. Неся свои воды среди зарослей из пальм и эвкалиптов, Флиндерс впадает в залив Карпентария.

Там уже сказывалась — множеством болотистых мест — близость океана. Один из верблюдов погиб в болоте, а остальные отказались идти дальше. Кинг и Грей принуждены были остаться с ними. Берк и Уильс продолжали вдвоем двигаться к северу, и, преодолев трудности, о которых весьма смутно упоминается в дорожном дневнике Берка, они достигли болотистого места, заливаемого морским приливом. Но самого океана они так и не увидели. Произошло это одиннадцатого февраля 1861 года...

— Значит, им не удалось продвинуться дальше? — спросила Элен.

— Нет, сударыня, — ответил Паганель. — Болотистая почва уходила из-под ног, и им оставалось только попытаться вернуться к своим спутникам, оставшимся в форте Уильс. Поистине печальное возвращение. Слабые, изнуренные, едва передвигая ноги, дотащились они до Грея и Кинга. Отсюда экспедиция, спускаясь к югу по уже пройденной дороге, направилась к реке Купера. Нам неизвестны в

точности все перипетии, опасности, муки этого путешествия, ибо в дорожном дневнике нет соответствующих записей, но, несомненно, все это было ужасно.

В апреле в долину Купера прибыли только трое: Грей изнемог под тяжестью пути и скончался. Четверо верблюдов погибли. Однако доберись путешественники до форта Уильс, где ждал их Браге со своим складом провианта, и они были бы спасены.

Они удвоили усилия и брели еще несколько дней. Двадцать первого апреля показалась наконец ограда форта. Они входят — и что же: в этот самый день, тщетно прождав пять месяцев, Браге ушел из форта Уильс!..

— Ушел? — воскликнул Роберт.

— Да, ушел, по роковой игре случая... И, судя по оставленной Браге записке, всего за каких-нибудь семь часов до их появления. Нечего было и думать догнать его. Несчастные, брошенные на произвол судьбы люди немного подкрепились оставленными на складе продуктами. Но у них не было средств передвижения, а до реки Дарлинга оставалось еще целых полтора года.

Тут Берку пришла в голову мысль идти к австралийским поселениям, находящимся у подножия горы Гопелес, в шестидесяти годах от форта. И вот, несмотря на то что Уильс был против этого плана, трое путешественников пустились в путь. Из двух еще уцелевших верблюдов один утонул в тинистом притоке Купера, а другой был не в силах больше сделать ни шагу; пришлось прикончить верблюда и питаться его мясом. Вскоре припасы иссякли. Трех несчастным пришлось питаться только нарду — съедобным водяным растением. Отдалиться же от реки Купера они не могли, так как в стороне от нее нет воды, а взять воды с собой им было не в чем. Хижина, в которой они ночевали, сгорела вместе со всеми дорожными принадлежностями. Они были обречены на гибель. Оставалось лишь умереть.

Берк подозвал к себе Кинга и сказал ему: «Мне осталось жить всего несколько часов. Вот мои часы и мой дневник. Когда я умру, вложите в мою правую руку пистолет и оставьте меня так, не зарывая». Это было последнее, что сказал Берк. На следующий день, в восемь часов утра, его не стало. Кинг, растерянный, обезумевший от ужаса, бросился искать туземцев. Вернувшись, он застал мертвым и Уильса. Самого Кинга приютили туземцы. У них нашла его в сентябре экспедиция Говита, которая одновременно с экспедициями Ленсборо и Мак-Кинлея была послана разыскивать Берка. Таким образом, из четырех исследователей, предпринявших переход через Австралийский материк, уцелел лишь один...

Рассказ Паганеля произвел на всех слушателей тяжелое впечатление. Каждый думал о капитане Гранте, который, быть может, подобно Берку и его спутникам, бродил по этому роковому материка. Удалось ли потерпевшим кораблекрушение избежать участи отважных исследователей? Это сопоставление было так естественно, что слезы заблестели на глазах Мэри Грант.

— Отец мой, бедный мой отец!.. — прошептала она.

— Мисс Мэри, мисс Мэри! — воскликнул Джон Манглс. — Чтобы подвергнуться всем этим бедам, нужно отважиться проникнуть внутрь материка, а капитан Грант, как Кинг, попал к туземцам и, как Кинг, будет спасен. Ваш отец никогда не был в таких страшных условиях.

— Никогда, — подтвердил Паганель. — И я еще раз говорю вам, дорогая мисс Мэри, что австралийцы очень гостеприимны.

— О, если бы это было так! — промолвила молодая девушка.

— Ну, а Стюарт? — спросил Гленарван, желая отвлечь своих товарищей от этих грустных мыслей.

— Стюарт? — отозвался ученый. — О, ему больше повезло! Еще в 1848 году Джон Мак-Дуаль-Стюарт начал свои путешествия по Австралии, отправившись вместе с другим путешественником, однофамильцем,

в пустыню, простирающуюся к северу от Аделаиды. В 1860 году Стюарт, имея в своем распоряжении всего двух человек, тщетно пытался проникнуть в глубь Австралии. Но он был человек, неспособный падать духом из-за неудач. Первого января 1861 года он во главе одиннадцати смелых спутников покинул реку Чемберс и остановился всего лишь в шестидесяти лье от мыса Карпентария. Пересечь весь этот опасный материк он так и не смог — из-за недостатка съестных припасов пришлось вернуться в Аделаиду.

Все же Стюарт отважился еще раз попытать счастья и организовал третью экспедицию. На этот раз ему суждено было достигнуть цели, к которой он так пылко стремился.

Парламент Южной Австралии поддержал это новое начинание и постановил выдать Стюарту пособие в две тысячи фунтов Стерлингов. Стюарт, обладая уже опытом исследователя, принял все меры предосторожности. Друзья его — естествоиспытатель Уотергоуз, Фринг, Кэкуик, а также его бывшие спутники — Вудфорд, Олд и другие, в общем десять человек, присоединились к нему. Он взял с собой двадцать бурдюков из американской кожи, каждый из которых может вместить семь галлонов воды, и пятого апреля 1862 года его экспедиция в полном составе уже находилась в бассейне Ньюкастль-Уотер, за восемнадцатым градусом широты, в том самом пункте, дальше которого Стюарт не смог продвинуться. Дальнейший путь экспедиции лежал приблизительно вдоль сто тридцать первого меридиана, то есть на семь градусов отклонялся на запад от маршрута Берка.

Базой этих новых исследований должен был служить бассейн Ньюкастль-Уотер. Стюарт тщетно старался пройти через окружающие его густые леса на север и северо-восток. Также не удалось ему достичь на западе реки Виктории: ему преграждала путь непроходимая чаща кустарников. Тогда Стюарт решил перенести свой лагерь в другое место, и ему удалось раскинуть его немного севернее, среди Говеровых болот. Отсюда, идя к востоку, он встретил на своем пути среди равнин, поросших травой, ручей Дейли и поднялся по его течению приблизительно миль на тридцать.

Местность становилась чудесной: роскошные пастбища восхитили и обогатили бы любого скваттера; эвкалипты изумляли своей вышиной. Восхищенный Стюарт продолжал продвигаться вперед. Он достиг берегов реки Стангуэй и ее притока Ропер-Крик, открытого Лейхардтом. Река эта несет свои воды среди великолепных пальмовых рощ, достойных детищ этого тропического края. Здесь жили туземные племена. Они радушно приняли исследователей.

От этого пункта экспедиция направилась к северо-западу, разыскивая среди почвы, покрытой песчаником и железистыми горными породами, истоки реки Аделаиды, впадающей в залив Ван-Димена. Путь ее идет по области Арнгейма, среди зарослей дикой капусты, бамбуков, сосен и панданусов. Река Аделаида делается все шире, а берега ее становятся болотистыми. Чувствуется близость моря.

Во вторник, двадцать второго июля, Стюарт разбил свой лагерь среди болот Фриш-Уотер. Его продвижение очень затрудняли бесчисленные ручьи, и он решил послать троих из своих спутников на поиски более проходимых дорог. На следующий день, то огибая непроходимые водные пространства, то увязая в топях, Стюарт выбрался на более высокие места, поросшие травой. Там и сям виднелись рощицы камедных деревьев и каких-то деревьев с волокнистой корой. Носились стаи ибисов, гусей и каких-то чрезвычайно пугливых водяных птиц. Туземцев вблизи не было, и только вдалеке виднелись дымки их кочевий.

Двадцать четвертого июля, через девять месяцев после своего выступления из Аделаиды, Стюарт, желая достигнуть в этот же день берега океана, отправился к северу в восемь часов двадцать минут утра. Местность, по которой он двигался, холмистая, почва усеяна железной рудой и обломками горных вулканических пород. Деревья становились низкорослыми. Перед глазами открывалась широкая долина с наносной почвой, окаймленная деревьями. Стюарт отчетливо слышал шум прибоя, но ничего не говорил своим спутникам. Они вошли в рощицу. Стюарт сделал несколько шагов — и он на берегу Индийского

океана.

«Море, море!» — закричал изумленный Фринг.

Прибежали остальные члены экспедиции и приветствовали троекратным продолжительным «ура» Индийский океан.

Австралийский материк был пересечен в четвертый раз.

У ручья раскинули лагерь. На следующий день Фринг отправился на разведку: надо было выяснить, можно ли с юго-запада подойти к устью реки Аделаиды. Местность оказалась слишком болотистой для лошадей, и пришлось отказаться от этого намерения.

Тогда Стюарт выбрал на поляне высокое дерево, срубил его нижние ветки, а на верхушке водрузил флаг. На коре дерева были вырезаны следующие слова: «Ищи под землей на один фут к югу».

И если какой-нибудь путешественник когда-либо разроет землю в указанном месте, то он найдет там в жестяной коробке документ, каждое слово которого врезалось в мою память:

Великое исследование и переход с юга на север Австралии.

Исследователи, возглавляемые Джоном Мак-Дуаль-Стюартом, достигли этого места двадцать пятого июля 1862 года. Перед тем они пересекли весь Австралийский материк, от Южного моря до берегов Индийского океана, пройдя через центр этого материка. Они покинули город Аделаиду двадцать шестого октября 1861 года, а последний населенный пункт английских колоний в северном направлении — двадцать первого января 1862 года. В память этого счастливого события они водрузили здесь флаг с начертанным на нем именем главы экспедиции. Все обстоит благополучно.

За этим следуют подписи Стюарта и его спутников. Так было увековечено это крупное событие, слух о котором прокатился по всему земному шару.

— А свиделись ли эти мужественные люди со своими друзьями на юге? — спросила Элен.

— Да, — ответил Паганель, — добрались до юга все, но чего это им стоило! Больше всех страдал Стюарт. Когда он двинулся обратно в Аделаиду, здоровье его было очень расшатано цынгой. В начале сентября болезнь стала так прогрессировать, что Стюарт уже потерял надежду когда-либо увидеть обитаемые места; он был не в силах держаться в седле и подвигался вперед, лежа на носилках, прикрепленных к двум лошадям. В конце октября у него началось кровохарканье, совершенно его истощившее. Пришлось убить одну из лошадей, чтобы сварить ему бульон. Двадцать восьмого октября Стюарт чуть было не умер, но вдруг наступил спасительный кризис, и десятого декабря маленький отряд в полном составе достиг первых поселений.

Семнадцатого декабря жители Аделаиды встречали Стюарта. Но здоровье его все же было подорвано, и вскоре, получив от Географического общества большую золотую медаль, он на судне «Инд» отплыл на родину — в Шотландию.

— А после смерти Стюарта никто из путешественников не пытался делать новые открытия? — спросила Элен.

— Как же, — ответил Паганель — я не раз упоминал вам о Лейхардте. Путешественник этот уже в 1844 году совершил замечательное путешествие на север Австралии. В 1848 году он организовал вторую экспедицию: на этот раз на северо-восток Австралии. Вот уже семнадцать лет, как о нем ничего не слышно. В прошлом году ботаник доктор Мюллер из Мельбурна открыл подписку для сбора средств на

организацию экспедиции для поисков Лейнхардта. Нужная для экспедиции сумма была в короткое время собрана, и отряд скваттеров во главе с Мак-Интром покинул двадцать первого июня 1864 года Парао. Сейчас, когда я рассказываю вам об этой экспедиции, она, вероятно, уже далеко углубилась внутрь страны. Пусть же поиски Лейнхардта увенчаются успехом, пусть и мы сами, подобно этой экспедиции, также отыщем дорогих нам друзей!

Так закончил географ свое повествование. Час был поздний. Поблагодарив Паганеля, слушатели разошлись. Несколько минут спустя все уже мирно спали. Только птица-часы, спрятавшись в листве белого камедного дерева, равномерно отбивала секунды этой безмятежной ночи.

Глава XII

Железная дорога из Мельбурна в Сендхорст

Майор с некоторым опасением отнесся к поездке Айртона за кузнецом на стоянку Блек-Пойнт. Но он ни словом не обмолвился о своем недоверии к бывшему боцману, а ограничился наблюдением за окрестностями реки. Спокойствие, царившее над соседними лугами, ничем не нарушалось. Прошла короткая ночь, и над горизонтом снова появилось солнце.

Что касается Гленарвана, то он боялся только одного: что Айртон вернется один. Повозка без починки не сможет продолжать путь. Тогда пришлось бы задержаться на несколько дней, а Гленарван, которому не терпелось поскорее добиться успеха, не допускал никаких промедлений.

К счастью, Айртон не потратил времени и усилий даром. Он явился на следующий день, на рассвете, в сопровождении человека, бывшего, по его собственным словам, кузнецом стоянки Блек-Пойнт. Это был рослый, крепкий парень, но в лице его было что-то отталкивающее, зверское. Но, в сущности, это было не так уж важно, если он знал свое ремесло. Во всяком случае, он был чрезвычайно молчалив и даром слов не тратил.

— А хороший он кузнец? — спросил Джон Мангле боцмана.

— Я знаю его не больше вашего, капитан, — ответил Айртон. — Посмотрим.

Кузнец принялся за работу. По тому, как он чинил колымагу, видно было, что он знает свое дело. Работал он проворно и с незаурядной силой. Майор заметил вокруг кистей рук кузнеца кольца черноватой, запекшейся крови. Это указывало на недавнее ранение. Мак-Наббс спросил кузнеца о происхождении этих — вероятно, очень болезненных — ссадин, но тот ему ничего не ответил, а молча продолжал работать.

Через два часа колымага была починена. Лошадь Гленарвана кузнец подковал очень быстро, так как захватил с собой готовые подковы. Подковы эти имели особенность, которая не ускользнула от майора: на их внутренней стороне был грубо вырезан трилистник. Мак-Наббс указал на это Айртону.

— Это клеймо станции Блек-Пойнт, — пояснил боцман. — Оно помогает находить след убежавших со стоянки лошадей и не смешивать их с чужими.

Подковав лошадь Гленарвана, кузнец потребовал плату за свою работу и ушел, не произнеся и двух слов за все время своего пребывания.

Полчаса спустя наши путешественники снова ехали вперед. Из-за поднимавшихся по сторонам мимоз открывались обширные пространства, вполне заслуживавшие свое местное название: опенплейн — «открытая равнина». Там и сям среди кустов, высоких трав и изгородей, за которыми паслись многочисленные стада, валялись обломки кварца и железистых горных пород. Несколькими милями дальше колеса колымаги начали довольно глубоко врезаться во влажный грунт. Здесь журчали извиленные ручьи, полускрытые зарослями гигантских тростников. Позднее пришлось огибать обширные высыхающие соленые озера. Путешествие совершалось без всяких затруднений, а также, надо добавить, и без скуки.

Вследствие весьма ограниченных размеров «салона» Элен Гленарван приглашала к себе в гости всадников одного за другим, по очереди. Каждый из них отдыхал, таким образом, от верховой езды и приятно проводил время, беседуя с этой милой женщиной. Элен вместе с Мэри принимала гостей с очаровательной любезностью. Конечно, не был обойден этими приглашениями и Джош Манглс. Его несколько серьезная беседа отнюдь не утомляла путешественниц. Даже наоборот.

Двигаясь таким образом, отряд пересек по диагонали почтовую дорогу от Крауленда в Хорсгем — дорогу очень пыльную, которой обычно избегают пользоваться пешеходы. Близ границы округа Тальбот путешественники наши проехали мимо ряда невысоких холмов, а вечером они разбили лагерь в трех милях севернее Мериборо. Шел мелкий дождь. В каждой другой стране он размыл бы почву, но здесь воздух так поразительно впитывает сырость, что лагерь нисколько не пострадал от дождя.

В течение следующего дня, 29 декабря, отряд двигался несколько медленнее из-за того, что ехать пришлось по гористой местности, напоминавшей Швейцарию в миниатюре. Надо было то подниматься, то опускаться; трясло при этом довольно изрядно; потому путешественники часть пути сделали пешком, что было гораздо приятнее.

В одиннадцать часов подъехали к Карлсбруку, довольно значительному городу. Айртон был того мнения, что город этот надо объехать, не заезжая в него, чтобы не терять времени. Гленарван согласился с ним, но Паганелю, жадному до всяких достопримечательностей, очень хотелось побывать в Карлсбруке. Ему предоставили эту возможность, колымага же продолжала медленно подвигаться вперед.

Паганель, по своему обыкновению, взял с собой Роберта. Пробыли они в Карлсбруке недолго, но этого времени оказалось достаточно для нашего ученого, чтобы составить себе точное представление об австралийских городах. В Карлсбруке имелись банк, суд, рынок, школа, церковь и сотня совершенно схожих между собой кирпичных домов. Все это было расположено по английской системе — правильным четырехугольником, пересеченным параллельными улицами. Ничего не может быть проще, но и скучнее этого. По мере того как город растет, улицы его просто удлиняются, как штанишки подрастающего ребенка, и первоначальная симметрия не нарушается.

В Карлсбруке царило большое оживление — обычное и заслуживающее внимания явление в этих вчера лишь народившихся городах. В Австралии кажется, что города, подобно деревьям, растут под влиянием солнечного тепла. Люди, озабоченные делами, бежали по улицам. Торговцы золотом толпились у транспортных контор. Драгоценный металл под охраной местной полиции привозился сюда с заводов Бендиго и с горы Александр. Все эти люди, охваченные жаждой наживы, настолько были погружены в свои дела, что даже не заметили проезжавших мимо них иностранцев.

Паганель и Роберт, осмотрев в течение часа город, поехали тщательно обработанными полями догонять своих спутников, которых вскоре и догнали. За этими полями потянулись обширные луга с бесчисленными стадами баранов и разбросанными там и сям хижинами пастухов. Затем вдруг, без всякого перехода, как это часто бывает в Австралии, перед путниками раскинулась пустыня. Симпсоновские холмы и гора Тарангувер отмечали южную границу округа Лоддо под 144° долготы.

До сих пор экспедиция не встретила на своем пути ни одного племени диких туземцев. Гленарвану уже приходило в голову, что в Австралии, пожалуй, так же не окажется австралийцев, как в аргентинских пампасах не оказалось индейцев. Но Паганель объяснил ему, что дикие туземные племена кочуют главным образом по равнине у реки Меррея, милях в ста на восток.

— Мы приближаемся к стране золота, — продолжал он. — Не пройдет и двух дней, как мы очутимся в богатейшем округе горы Александр. Туда в 1852 году устремилось множество золотоискателей. Дикарям пришлось уйти в пустыни Центральной Австралии. Мы с вами теперь — в цивилизованном крае, хоть это и незаметно, и еще сегодня мы пересечем железную дорогу, соединяющую берега реки Меррея с морем. Но все же должен признаться, друзья мои, что в Австралии железная дорога мне кажется чем-то совершенно удивительным.

— Почему же, Паганель? — поинтересовался Гленарван.

— Почему? Да потому, что это не гармонирует со всем окружающим. О, я знаю: вы, англичане,

привыкли заселять свои отдаленные владения, вы провели телеграф в Новой Зеландии и даже устраиваете там всемирные выставки, и поэтому вы смотрите на такую железную дорогу как на нечто совершенно обыкновенное. Но ум такого француза, как я, она приводит в замешательство и спутывает все его представления об Австралии.

— Это объясняется тем, что вы смотрите в прошлое этой страны, а не в ее настоящее, — заметил Джон Мангле.

— Согласен, — ответил Паганель. — Но свист паровоза, мчащегося по пустыням; клубы его пара, обволакивающие ветви мимоз и эвкалиптов; ехидны, утконосы и казуары, убегающие от курьерских поездов; дикари, которые в три часа тридцать садятся в эти курьерские поезда и едут из Мельбурна в Кастльмен, — все это не может не привести в изумление любого человека, если только он не англичанин и не американец. Ваша железная дорога отнимает у пустыни ее поэзию.

— Что из этого, если она открывает туда путь!. — отозвался майор.

Громкий свисток паровоза прервал этот спор. Путешественники находились всего в какой-нибудь миле от железной дороги. Паровоз, шедший малой скоростью с юга, остановился как раз в том месте, где дорога, по которой ехала колымага, пересекала железнодорожный путь.

Эта железнодорожная линия, как сказал Паганель, соединяла столицу провинции Виктория с самой большой рекой Австралии — Мерреем. Эта необъятная река, открытая в 1828 году Стюартом, берет свое начало в Австралийских Альпах, затем, обогащенная водами рек Лаклан и Дарлинг, течет вдоль всей северной границы провинции Виктория и впадает в залив Энкауинтер, близ города Аделаиды. Меррей несет свои воды по цветущим, плодородным местностям, и благодаря хорошему железнодорожному сообщению с Мельбурном по его берегам вырастают все новые и новые стоянки скотоводческих хозяйств. Эта железнодорожная линия эксплуатировалась на протяжении ста пяти миль, от Сендхорста до Мельбурна, обслуживая также Кинтом и Кастльмен. Дальнейший ее участок, длиной в семьдесят миль, только еще строился. Шла она в Эжуку, столицу провинции Ри-верина, лишь в этом году основанную на берегах Меррея.

Тридцать седьмая параллель пересекала полотно железной дороги в нескольких милях севернее Кастльмена, у Кемденского моста, переброшенного через Люттон, один из многочисленных притоков Меррея.

К этому месту Айртон и направил свою колымагу, ехавшие же кругом нее всадники позволили себе роскошь помчаться туда галопом. Огромная толпа неслась к железнодорожному мосту. Жители соседних поселений покинули свои дома, пастухи бросили стада, и все они запрудили подступы к полотну железной дороги. Слышались частые крики:

— К железной дороге, к железной дороге!

Видимо, это смятение было вызвано каким-то важным событием, быть может крупной катастрофой.

Гленарван и его спутники еще быстрее погнали своих лошадей. Через несколько минут они уже были у Кемденского моста. Здесь им сразу стала понятна причина такого скопления народа.

Произошла ужасающая катастрофа. Это было не столкновение поездов, а крушение поезда, напоминавшее самые крупные катастрофы на американских линиях. Река, через которую шла железная дорога, была завалена обломками вагонов и паровоза. Мост ли не выдержал тяжести поезда или поезд сошел с рельсов, но из шести вагонов пять во главе с паровозом свалились в русло Люттона. Лишь последний вагон, чудом уцелевший благодаря лопнувшей цепи, один стоял на рельсах в каком-нибудь метре от пропасти. Внизу зловеще громоздились почерневшие, погнутые оси, обломки вагонов,

исковерканные рельсы, обуглившиеся шпалы. Далеко кругом валялись куски парового котла, разорвавшегося от сотрясения. Из этого скопления бесформенных обломков поднимались языки пламени и клубы пара, смешанные с черным дымом. После ужасного крушения — еще более ужасный пожар. Там и сям виднелись лужи крови, обуглившиеся, обезображенные трупы. Никто не решался подумать о том, какое число жертв погребено под этими обломками. Уже шла работа по извлечению погибших и раненых.

Гленарван, Паганель, майор, Джон Манглс, смешавшись с толпой, прислушивались к тому, что говорилось вокруг. Каждый из присутствующих старался найти какое-либо объяснение катастрофе.

— Должно быть, мост провалился, — сказал один.

— Какое там провалился, — возражали другие, — он и теперь целехонек! Видно, забыли перед проходом поезда свести его, только и всего.

Действительно, мост этот был разводной, что требовалось для прохода судов. Неужели железнодорожный сторож по непростительной небрежности забыл свести мост и мчавшийся поезд провалился в реку? Такая гипотеза казалась очень правдоподобной, ибо если обломки одной части моста и валялись под разбитыми вагонами, то другая часть его, отведенная на противоположный берег, продолжала висеть на своих совершенно неповрежденных цепях. Ясно, катастрофа произошла из-за небрежности железнодорожного сторожа.

Крушение случилось ночью с экспрессом номер тридцать семь, вышедшим из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера. Было около четверти четвертого утра, когда этот поезд, выйдя за двадцать пять минут перед этим со станции Кастльмен, рухнул с Кемденского моста. Пассажиры и служащие последнего, уцелевшего, вагона пытались было просить помощи, но телеграф, столбы которого валялись на земле, не работал. Поэтому кастльменские власти прибыли на место крушения только через три часа. Таким образом, только в шесть часов утра удалось начать спасательные работы под руководством главного инспектора колонии и отряда полисменов во главе с полицейским офицером. Полисменам помогали скотоводы со своими рабочими. Начали с того, что занялись тушением огня, с огромной быстротой пожиравшего груды обломков. Несколько изуродованных до неузнаваемости трупов лежало на откосах насыпи. Однако пришлось отказаться от мысли извлечь из такого пекла хотя бы одно живое существо. Огонь быстро завершил смертоносную работу крушения. Из всех пассажиров поезда — число их было неизвестно — уцелело лишь десять, бывших в последнем вагоне. Управление железной дороги только что послало за ними паровоз, который должен был доставить их обратно в Кастльмен. Тем временем Гленарван, представившись инспектору, вступил в беседу с ним и с полицейским офицером. Офицер этот был худощавый, высокий, невозмутимо хладнокровный человек. Если он и способен был что-либо чувствовать, то это, во всяком случае, не отражалось на его бесстрашном лице. К крушению он относился, как математик к задаче, которую нужно решить и определить неизвестное. Услыхав слова взволнованного Гленарвана: «Какое великое несчастье!», он спокойно заметил:

— Больше чем несчастье, сэр.

— Больше? — воскликнул Гленарван, неприятно пораженный этой фразой. — Что же может быть больше подобного несчастья?

— Преступление, — спокойно ответил полицейский офицер.

Гленарван вопросительно поглядел на инспектора.

— Да, сэр, — отозвался главный инспектор, — из осмотра места крушения мы вынесли убеждение, что катастрофа произошла вследствие преступления. Багажный вагон разграблен, а на уцелевших пассажиров напала шайка из пяти или шести злоумышленников. Мост, очевидно, остался разведенным не по небрежности, а намеренно, и если сопоставить это обстоятельство с исчезновением железнодорожного

сторожа, то можно сделать вывод, что этот негодяй был соучастником преступления.

Услышав такое заключение главного инспектора, полицейский офицер покачал головой.

— Вы, я вижу, не согласны со мной, — сказал инспектор.

— Не согласен, поскольку речь идет о соучастии сторожа.

— Однако только при его соучастии можно допустить, что это преступление совершено дикарями, бродящими по берегам Меррея, — возразил инспектор. — Ведь без его содействия этим туземцам, ничего не смыслящим в механизме моста, никогда бы не развести его.

— Правильно.

— Далее, — продолжал инспектор, — показаниями одного капитана установлено, что после прохождения его судна под Кемденским мостом в десять часов сорок минут вечера мост этот, согласно правилам, был снова сведен.

— Совершенно верно.

— Поэтому соучастие железнодорожного сторожа мне представляется безусловно доказанным.

Но полицейский офицер продолжал покачивать головой.

— Значит, вы не считаете, что преступление это совершили дикари? — обратился к нему Гленарван.

— Ни в коем случае.

— Но тогда кто же?

В это время в полумиле вверх по течению Меррея раздался гул голосов. Там собралась толпа. Она быстро увеличивалась, и скоро все подошли к мосту. Посередине толпы шли два человека, несшие труп. То было уже окоченевшее тело железнодорожного сторожа. Удар кинжалом поразил его в сердце. Убийцы, оттащив тело своей жертвы подальше от Кемденского моста, очевидно стремились направить первые розыски полиции по ложному пути.

Найденный труп в полной мере подтверждал слова полицейского офицера: дикари были ни при чем.

— Люди, подстроившие это крушение, — сказал офицер, — давно знакомы с этой игрушкой.

С этими словами он показал ручные кандалы, сделанные из двух железных колец, замыкавшихся замком.

— Вскоре, — прибавил он, — я буду иметь удовольствие преподнести им этот браслет в виде новогоднего подарка.

— Так, значит, вы подозреваете...

— ...бесплатных пассажиров на судах ее величества.

— Что! Каторжников? — воскликнул Паганель, знавший, что в австралийских колониях эта метафора обозначает каторжников.

— Я думал, что ссыльные не имеют права жительства в провинции Виктория, — заметил Гленарван.

— Что из этого? — отозвался полицейский офицер. — Не имея этого права, они тем не менее пользуются им. Некоторым из этих молодчиков удастся бежать, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что наши молодцы прибыли прямехонько с Пертской каторги. Но, поверьте мне, они не замедлят туда вернуться.

Инспектор подтвердил жестом слова офицера. В эту минуту к переезду через полотно железной дороги подъехала колымага. Гленарвану хотелось избавить путешественниц от ужасного зрелища. Он

тотчас же простился с инспектором и знаком пригласил своих спутников следовать за ним.

— Из-за этого все же нельзя прерывать наше путешествие, — сказал он им.

Подъехав к колыхаге, Гленарван сказал Элен, что здесь произошла железнодорожная катастрофа, умолчав при этом, что вызвана она была преступлением. Не упомянул он также и о шайке беглых каторжников: Гленарван собирался сообщить об этом только Айртону. Маленький отряд перебрался через полотно железной дороги в нескольких сотнях метров выше моста и продолжал свой путь на восток.

Глава XIII

Первая награда по географии

На горизонте, милях в двух от железной дороги, вырисовывались удлиненные профили нескольких холмов, замыкавших равнину. Колымага вскоре попала в узкие, извилистые ущелья. Ущелья эти привели наших путешественников в очаровательную местность, где, разбившись на маленькие рощицы, росли с поистине тропической роскошью чудесные деревья. Самые замечательные из них — казуарины, — казалось, заимствовали у дуба его могучий ствол, у акаций — пахучие стручки, у сосны — жесткость сине-зеленых листьев. С их ветвями сплетались причудливые конусообразные вершины стройных, редких по своему изяществу банксий — *banksa latifolia*. Большие кусты с ниспадающими ветвями производили в этой чаще впечатление зеленых вод, льющихся из переполненных водоемов.

Восхищенные взоры блуждали среди всех этих чудес природы, не зная, на котором из них остановиться.

Маленький отряд на минуту задержался. Айртон по приказанию Элен остановил быков, и колеса колымаги перестали скрипеть по кварцевому песку. Между рощицами расстилались длинные зеленые ковры. Какие-то правильно расположенные холмики разделяли их на квадраты, еще достаточно отчетливые, напоминавшие обширную шахматную доску. Паганель сразу понял назначение этих пустынно зеленеющих луговин, так поэтично приспособленных для вечного покоя. Он узнал в них четырехугольные могилы туземцев, ныне почти сплошь заросшие травой и потому так редко попадающиеся путешественнику на австралийской земле.

— Это рощи смерти, — сказал он.

Действительно, перед глазами наших путешественников было кладбище туземцев, но оно дышало такой свежестью, было так тенисто, так уютно, так оживляли его стаи птиц, что не навевало никаких грустных мыслей. Могилы, которые когда-то содержались дикарями в безукоризненном порядке, теперь уже исчезали под бурно нахлынувшими травами. Нашествие европейцев заставило австралийцев далеко уйти от земель, где покоились их предки, и было ясно, что продолжающаяся колонизация в ближайшем же будущем отдаст эти кладбища под пастбища стадам. Вот почему эти рощицы встречаются все реже и реже, и нога равнодушного путешественника часто ступает по земле, под которой скрыты останки не так давно еще жившего поколения.

Паганель и Роберт, опередив своих спутников, ехали по тенистым аллеям между этими заросшими травой могильными насыпями. Они разговаривали между собой, просвещая друг друга, ибо географ утверждал, что ему очень много дают беседы с юным Грантом. Но не проехали эти два друга и четверти мили, как Гленарван увидел, что они остановились, затем сошли с лошадей и нагнулись к земле. Судя по их выразительным жестам, можно было заключить, что они рассматривают что-то чрезвычайно любопытное.

Айртон погнал быков, и колымага не замедлила нагнать обоих друзей. Тотчас стало ясно, почему остановились и чем были так удивлены Паганель и Роберт. Под тенью великолепной банксии спал мирным сном мальчик-туземец лет восьми, одетый в европейское платье. О том, что мальчуган — уроженец центральных областей Австралии, красноречиво говорили его курчавые волосы, почти черная кожа, приплюснутый нос, толстые губы и необычно длинные руки; но смышенное лицо ребенка и одежда его доказывали, что маленький австралиец уже несколько цивилизован.

Элен, заинтересовавшись мальчиком, сошла с колымаги, и вскоре весь отряд окружил спавшего

крепким сном маленького туземца.

— Бедное дитя! — проговорила Мэри Грант. — Неужели он заблудился в этой пустыне?

— Мне думается, — сказала Элен, — что он пришел издалека, чтобы посетить эти рощи смерти. Здесь, верно, покоятся те, кого он любил.

— Его нельзя так оставить, — заявил Роберт, — он ведь совсем один и...

Но сострадательная фраза Роберта осталась незаконченной: маленький австралиец, не просыпаясь, повернулся на другой бок, и окружавшие его, к своему величайшему удивлению, увидели прикрепленный к спине мальчугана плакат, где было написано по-английски:

Толине. Должен быть доставлен в Эжуку под присмотром железнодорожного кондуктора Джеффри Смита. Уплачено вперед.

— Узнаю англичан! — воскликнул Паганель. — Они отправляют ребенка, как какую-нибудь посылку, и пишут на нем адрес, словно на конверте. Правда, мне говорили, что у них так делается, но я не хотел этому верить.

— Бедняжка! — промолвила Элен. — Уж не был ли он в том поезде, который сошел с рельсов? Быть может, родители его погибли и он теперь один на свете?

— Не думаю, — сказал Джон Мангле. — Этот плакат, наоборот, указывает на то, что он путешествовал один.

— Он просыпается, — объявила Мэри Грант.

Действительно, ребенок просыпался. Глаза его открылись, потом снова закрылись от яркого дневного света. Элен взяла его за руку. Мальчуган поднялся и с удивлением стал рассматривать путешественников. В первую минуту на лице ребенка отразился страх, но присутствие Элен успокоило его.

— Понимаешь ли ты по-английски, дружок? — обратилась к нему молодая женщина.

— Понимаю и говорю на нем, — ответил мальчик на языке путешественников, но с резко выраженным акцентом, напоминавшим тот, с каким обыкновенно говорят по-английски французы.

— Как тебя зовут? — спросила Элен.

— Толине, — ответил маленький австралиец.

— А, Толине! — воскликнул Паганель. — Если я не ошибаюсь, на туземном языке это значит «древесная кора», не так ли?

Толине утвердительно кивнул головой и снова принялся рассматривать путешественниц.

— Откуда ты? — продолжала расспрашивать Элен.

— Я из Мельбурна и ехал в поезде.

— Ты был в том поезде, который сошел с рельсов на Кемденском мосту? — спросил Гленарван.

— Да, сэр.

— Ты путешествуешь один?

— Один. Преподобный отец Пакстон поручил меня Джеффри Смигу. К несчастью, бедный кондуктор убит.

— А ты никого больше не знал в этом поезде?

— Никого, сэр.

Но куда же брел мальчуган через эти пустынные места и почему покинул он Кемденский мост? Элен спросила его об этом.

— Я иду к моему племени в Лаклан, — пояснил Толине — мне хочется повидать своих родных.

— Они австралийцы? — спросил Джон Мангле.

— Австралийцы из Лаклана.

— И у тебя есть отец, мать? — спросил Роберт Грант.

— Да, братец, — ответил Толине, протягивая руку юному Гранту.

Роберт, растроганный этим словом «братец», тут же расцеловал маленького австралийца, и оба мальчика сразу стали друзьями.

Путешественников так заинтересовали ответы маленького дикаря, что все они уселись вокруг него. Солнце уже склонялось за высокие деревья. Место казалось удобным для стоянки, особенной надобности спешить не было, и поэтому Гленарван распорядился остановиться на привал. Айртон распряг быков, стреножил их с помощью Мюльреди и Вильсона и пустил пастись на свободе. Раскинули палатку. Олбинет приготовил обед. Толине согласился принять в нем участие, но не без некоторых церемоний, как ни был голоден. Сели за стол. Мальчуганов посадили рядом. Роберт выбирал лучшие куски для своего нового товарища, а маленький туземец принимал их с несколько смущенным видом, но очень мило.

Разговор во время обеда не умолкал. Все с большим участием относились к ребенку и засыпали его вопросами. Путешественникам хотелось узнать его историю. Она была очень несложна. Прошрое Толине было совершенно таким же, как прошлое многих туземцев, отданных в раннем возрасте на попечение благотворительных обществ колоний соседними туземными племенами. Австралийцы — народ кроткий. Они не питают к английским захватчикам такой ненависти, как новозеландцы и, быть может, некоторые туземные племена Северной Австралии. Туземцев нередко можно видеть в больших городах: в Аделаиде, Сиднее, Мельбурне, где они прогуливаются в довольно странных костюмах, торгуя мелкими изделиями своей выделки, охотничьими и рыболовными принадлежностями, оружием. Вожди некоторых племен предоставляют своим детям возможность получить английское образование.

Так поступили и родители Толине, настоящие дикари обширного Лакланского края, раскинувшегося по ту сторону Меррея. За пять лет, проведенных мальчиком в Мельбурне, он не видел никого из своих. Тем не менее неугасимая любовь к семье жила в сердце Толине, и он не побоялся тяжелого пути через пустыню, чтобы добраться до родного племени, быть может уже рассеянного по всему материке Австралии. Он стремился повидаться со своей семьей, быть может уже погибшей.

— А повидавшись со своими родителями и расцеловав их, ты снова вернешься в Мельбурн, дитя мое? — спросила у него Элен.

— Да, миссис, — ответил Толине, с неподдельной нежностью глядя на молодую женщину.

— А чем хочешь ты заняться, когда вырастешь?

— Хочу вырвать моих братьев из нищеты и невежества: хочу учить их.

Слова эти, произнесенные с таким воодушевлением восьмилетним австралийцем, привели путешественников в восторг. Паганель был тронут до глубины души и почувствовал подлинную симпатию к маленькому туземцу. А надо признаться, что до сих пор этот дикарь, одетый в европейское платье, не очень-то был по душе географу. Ведь он, Паганель явился в Австралию не для того, чтобы видеть

австралийцев в сюртуке, — ему хотелось видеть на них не одежду, а одну татуировку. «Приличная» одежда мальчика спутывала все его представления о туземцах. Но восторженные слова Толине изменили о нем мнение ученого, и он объявил себя поклонником маленького австралийца.

Конец разговора сделал почтенного географа лучшим другом мальчика. Когда Элен обратилась к Толине с вопросом, где он учится, тот сообщил, что он ученик нормальной школы в Мельбурне, во главе которой стоит его преподаватель Пакстон.

— Что же тебе преподают в этой школе? — спросила Элен.

— Мне преподают там библию, математику, географию...

— А, географию! — воскликнул с живостью Паганель.

— Да, сэр, — ответил Толине. — Перед январскими каникулами я даже получил первую награду по географии.

— Ты получил награду по географии, мой мальчик?

— Вот она, сэр, — проговорил Толине, вытаскивая из кармана книгу.

То была библия в хорошем переплете. На оборотной стороне первой страницы стояла надпись: «Нормальная школа в Мельбурне. Первая награда по географии ученику Толине из Лаклана».

Тут Паганель не выдержал. Подумать только: австралиец, хорошо знающий географию! Он в восторге расцеловал Толине в обе щеки, как, вероятно, поцеловал мальчика преподаватель Пакстон в день раздачи наград. Наш ученый, однако, должен был бы знать, что подобное явление — не редкость в австралийских школах: юные дикари очень способны к географии и с охотой ею занимаются; зато математика им не дается.

Толине совершенно не понял, за что его целуют. Видя это, Элен объяснила мальчику, что Паганель — знаменитый географ да к тому же еще замечательный преподаватель географии.

— Преподаватель географии? — воскликнул Толине. — О сэр, спросите меня!

— Спросить тебя, мой мальчик? — повторил Паганель. — Да с большим удовольствием! Я даже собирался сделать это без твоего разрешения. Я не прочь узнать, как преподается география в Мельбурнской нормальной школе.

— А что, Паганель, если Толине окажется сильнее вас в географии? — спросил Мак-Наббс.

— Ну уж извините, майор! — крикнул ученый. — Оказаться сильнее секретаря французского Географического общества!..

Затем, поправив на носу очки, выпрямившись во весь свой высокий рост, Паганель с важностью, подобающей преподавателю, начал свой экзамен:

— Ученик Толине, встаньте!

Толине, который и без того стоял, принял более почтительную позу и стал ожидать вопросов географа.

— Ученик Толине, — продолжал Паганель, — назовите мне пять частей света.

— Океания, Азия, Африка, Америка и Европа, — ответил Толине.

— Прекрасно! Начнем же с Океании, раз мы в данный момент в ней находимся. Скажите, как разделяется Океания?

— Она разделяется на Полинезию, Меланезию и Микронезию. Главные ее острова следующие:

Австралия, принадлежащая англичанам; Новая Зеландия, принадлежащая англичанам; Тасмания, принадлежащая англичанам; острова Четем, Окленд, Макари, Кермадек, Макин, Мараки и другие, также принадлежащие англичанам.

— Хорошо! — ответил Паганель. — А Новая Каледония, Сандвичевы острова, Менданские острова, Паумоту?

— Эти острова находятся под покровительством Великобритании.

— Как под покровительством Великобритании? — крикнул Паганель. — Мне кажется, что, наоборот, Франции...

— Франции? — с удивленным видом сказал мальчуган.

— Эге-ге! — сказал Паганель. — Так вот чему вас учат в Мельбурнской нормальной школе!

— Да, господин учитель. А разве это неверно?

У Паганеля был полуроздосадованный, полуудивленный вид, доставлявший глубочайшее удовольствие майору. Экзамен продолжался.

— Перейдем к Азии, — сказал географ.

— Азия, — сказал Толине, — страна огромная. Столица ее — Калькутта. Главные города: Бомбей, Мадрас, Сингапур, Коломбо; острова: Лакадивские, Маледивские и многие другие. Все это принадлежит англичанам.

— Хорошо, хорошо, ученик Толине. А что вы знаете об Африке?

— В Африке две главные колонии: на юге Капская со столицей Капштадтом, а на западе английские владения с главным городом Сьерра-Лионе.

— Прекрасный ответ! — сказал Паганель, начавший уже мириться с этой англо-фантастической географией. — Вижу, преподавание у вас было поставлено как нельзя лучше. Что же касается Алжира, Марокко, Египта, то они, конечно, стерты с английских атласов. Ну, а теперь я с удовольствием послушаю, что ты мне вкратце расскажешь об Америке.

— Америка делится на Северную и Южную, — начал Толине. — В Северной англичанам принадлежат Канада, Новый Брунсвик, Новая Шотландия, а также Соединенные Штаты, которыми управляет губернатор Джонсон.

— Губернатор Джонсон? — воскликнул Паганель. — Этот преемник доброго Линкольна^[69], убитого обезумевшим фанатиком — сторонником рабовладельцев? Чудесно! Лучше этого и придумать нельзя. Ну, а Южная Америка с Гвианой, с островами Фолкленд, Шетландскими островами, Георгией, Ямайкой, Тринидадом и так далее и так далее — все это также принадлежит англичанам? Не стану с тобой спорить. А теперь, Толине, мне хотелось бы знать твое мнение, или, вернее, мнение твоих преподавателей, о Европе.

— О Европе? — переспросил маленький австралиец, не понимавший, почему так горячится географ.

— Да, о Европе. Кому принадлежит Европа?

— Европа принадлежит англичанам, — убежденным тоном ответил мальчик.

— Я и сам так думал, — продолжал Паганель. — Но каким образом? Вот что мне хотелось бы знать.

— Англичанам принадлежат Англия, Шотландия, Ирландия, Мальта, острова Джерсей, острова Ионические, Гебридские...

— Молодец, молодец, Толине! — перебил его Паганель. — Но ведь в Европе существуют и другие

государства, о которых ты забыл упомянуть, мой мальчик.

— Какие же, сэр? — спросил, не смущаясь, мальчуган.

— Испания, Австрия, Пруссия, Франция.

— Это провинции, а не государства, — сказал Толине.

— Это уж слишком! — крикнул Паганель, срывая с себя очки.

— Конечно, провинции. Столица Испании — Гибралтар...

— Восхитительно! Чудесно! Бесподобно! Ну, а Франция? Я ведь француз, и мне хотелось бы знать, кому я принадлежу.

— Франция? Это английская провинция, — ответил спокойно Толине. — Главный город Кале.

— Кале! — крикнул Паганель. — Как! Ты считаешь, что Кале до сих пор принадлежит Англии?

— Конечно!

— И ты думаешь, что это главный город Франции?

— Да, сэр. И там живет губернатор лорд Наполеон...

Неудержимый смех Паганеля не дал Толине закончить фразу. Мальчуган не знал, что и думать. Его спрашивали, и он старался ответить как можно лучше. Но курьезность его ответов не могла быть поставлена ему в вину: он даже не подозревал о ней. Все же юный австралиец не казался смущенным и с серьезным видом ждал конца этого непонятного для него смеха.

— Вы видите сами, — смеясь, сказал майор — разве я не был прав, когда говорил, что ученик Толине превзойдет вас?

— Несомненно, милый майор, — ответил географ. — Вот как преподают географию в Мельбурне! Подумать только: Европа, Азия, Африка, Америка, Океания — все, весь мир принадлежит англичанам! Черт возьми! При таком воспитании я понимаю, что туземцы подчиняются англичанам... Ну, Толине, а как луна? Что она — тоже принадлежит англичанам?

— Будет принадлежать им, — с серьезным видом ответил маленький дикарь.

Тут Паганель вскочил — он уже не мог усидеть на месте. Его душил смех, и он отбежал чуть ли не на четверть мили от лагеря, чтобы посмеяться вволю.

Во время отсутствия Паганеля Гленарван разыскал в своей дорожной библиотечке «Краткий очерк географии» Самуила Ричардсона. Эта книга была очень популярна в Англии и давала более научные сведения о земном шаре, чем мельбурнские преподаватели.

— Вот возьми себе эту книгу, дитя мое, — сказал Гленарван маленькому австралийцу. — У тебя не совсем верные сведения по географии, и их полезно исправить. Дарю тебе эту книгу на память о нашей встрече.

Толине молча взял книгу и стал внимательно ее рассматривать, недоверчиво качая головой и не решаясь сунуть ее в карман.

Тем временем совсем стемнело. Было десять часов вечера. Следовало подумать о сне: ведь на следующий день нужно было вставать на рассвете. Роберт предложил своему другу Толине половину своей постели, и маленький туземец улегся подле него.

Несколько минут спустя Элен и Мэри Грант ушли в свою колымагу, мужчины улеглись в палатке, и только доносившийся издали хохот Паганеля сливался с тихим, приятным щебетаньем сорок.

На следующее утро, когда в шесть часов солнечный луч разбудил наших путешественников, они уже не нашли рядом с собой австралийского мальчика. Толине исчез. Стремился ли он поскорее попасть в свой родной край или его обидел смех Паганеля, это так и осталось неизвестным. Но когда Элен проснулась, она нашла у себя на груди букет свежих мимоз, а Гленарван обнаружил в кармане своей куртки «Географию» Самуила Ричардсона.

Глава XIV

Прииски горы Александр

В 1814 году Родерик Мерчисон, ныне президент Королевского географического общества в Лондоне, изучив строение горной цепи, которая тянется с севера на юг, заканчиваясь у южного побережья Австралии, нашел, что существует замечательное сходство между нею и Уральским хребтом. А так как Уральский хребет золотоносен, то геолог, естественно, предположил, что этот драгоценный металл должен встречаться и в австралийских горах. И он не ошибся. Действительно, два года спустя Мерчисону были присланы из Нового Южного Уэльса образцы золота, и геолог побудил большое количество корнуэльских рудокопов отправиться в золотоносные районы Новой Голландии.

Первым нашел в Южной Австралии золотые самородки Френсис Люттон. Золотые же россыпи были открыты Форбом и Смитом.

Как только разнесся слух об этих открытиях, в Южную Австралию со всех частей света устремились золотоискатели: англичане, американцы, итальянцы, французы, немцы, китайцы. Однако только 3 апреля 1851 года Харгревс открыл чрезвычайно богатые золотоносные месторождения и предложил указать это место губернатору колонии Сидней Фиц-Рою за незначительную сумму — в пятьсот фунтов стерлингов. Предложение это не было принято губернатором, но слух об открытии Харгревса получил распространение, и золотоискатели наводнили Соммерхилл и Ленис-Понд. Здесь был основан город Офир, который благодаря соседству с богатыми приисками быстро вырос и стал значительным центром.

До тех пор никто не интересовался провинцией Виктория, а между тем ей суждено было превзойти все другие провинции богатством своих залежей.

Несколько месяцев спустя, в августе 1851 года, в провинции Виктория были найдены первые самородки золота, а затем вскоре открылись и обширные прииски в ее четырех округах: Балларат, Овенс, Бендиго и горы Александр. Все эти четыре округа были очень богаты золотом. Но на берегах реки Овенс обильные подпочвенные воды затрудняли добычу золота; в Балларате расчеты предпринимателей часто не оправдывались из-за неравномерного распределения золота; в Бендиго работу золотоискателя очень тормозили свойства почвы. Лишь у горы Александр все условия благоприятствовали добыче золота, и оно, расцениваясь по тысяче четыреста сорока одному франку за фунт, продавалось прибыльнее, чем где-либо на земном шаре.

Через это-то самое место проходила тридцать седьмая параллель, по которой пролегал путь разыскивающих Гарри Гранта.

Весь день 31 декабря наши путешественники ехали по чрезвычайно неровной дороге, очень утомившей и лошадей и быков. Наконец под вечер показались округлые вершины горы Александр. Путешественники расположились лагерем в узком ущелье этой невысокой горной цепи и пустили быков и лошадей в пугах пастись среди обломков кварца. Это еще не был район, где разрабатывались золотые россыпи. Только на следующий день, первый день нового, 1865 года, тяжелые колеса колымаги заскрипели по дорогам этого богатейшего края.

Жак Паганель и его спутники были довольны, что им удалось увидеть на своем пути знаменитую гору, носившую на австралийском языке название «Джебур». Сюда, к этой горе, стекались целые орды авантюристов, воров и честных людей: и те, кто вешает, и те, кого вешают. При первых слухах о «великом открытии» в том золотом 1851 году города были покинуты своими жителями, пастбища — скваттерами,

корабли — моряками. Золотая горячка приняла форму эпидемии, стала заразной, как чума, и сколько от нее поумирало людей, уже считавших себя богачами! Шли толки, что расточительная природа посеяла в Австралии на двадцати пяти градусах широты многие миллионы.

Ремесло золотоискателя затмило все прочие. Многие из пришельцев, не выдержав тяжелых трудов, погибали; другие, наоборот, обогащались одним ударом заступа. О неудачниках умалчивалось, а об удачниках гремела молва, разносившаяся эхом по всем пяти частям света. Вскоре целые потоки авантюристов разных сословий хлынули на побережье Австралии. За последние четыре месяца 1852 года только в один Мельбурн понаехало пятьдесят четыре тысячи эмигрантов — целая армия, но армия без вождя, без дисциплины. Словом, понаехало пятьдесят четыре тысячи самых зловредных хищников.

В течение первых лет этого безумного опьянения повсюду царил неопишуемый беспорядок. С тех пор протекло тринадцать лет. Местами уже ничего нельзя было найти. Золотые россыпи начали истощаться. Да и как могли не истощиться эти богатства природы, когда только с 1852 по 1858 год золотоискатели вырвали из недр земли золота больше чем на шестьдесят три миллиона фунтов стерлингов! Количество эмигрантов в связи с сокращением добычи золота уменьшилось. Жаждающие наживы бросились в места, еще не тронутые рукой человека.

Гленарван, желая осмотреть обширные золотые прииски горы Александр, отправил вперед колымагу в сопровождении Айртона и Мюльреди, обещая нагнать ее через несколько часов. План этот привел в восторг Паганеля, и он, по своему обыкновению, взялся быть чичероне — проводником своих спутников.

По его совету, первым делом направились в банк. Улицы были широкие, вымощенные и тщательно политые. Внимание привлекали гигантские рекламы различных золотопромышленных компаний. Слышался шум машин, промывавших песок и измельчавших драгоценный кварц.

За постройками простирались золотые россыпи, иными словами — обширные земельные пространства, откуда добывалось золото. Здесь работали рудокопы, нанятые и хорошо оплачиваемые золотопромышленными компаниями. Немыслимо было сосчитать все видневшиеся кругом ямы. Железо заступов вспыхивало на солнце, точно молнии. Среди рудокопов были люди самых различных национальностей.

— Не следует, однако, думать, — сказал Паганель, — что на австралийской земле совершенно перевелись искатели, охваченные страстной жаждой найти золото. Конечно, большинство продает свой труд разным компаниям... Да и что остается делать этим людям, раз государство продало или сдало в аренду все золотоносные земли компаниям? Но все же и у человека, у которого ничего нет, который не может ни купить, ни арендовать золотоносную землю, имеется возможность обогатиться.

— Какая же возможность? — спросила Элен.

— Осуществить джемпинг, — ответил Паганель. — Например, даже мы, не имеющие никаких прав на здешние золотоносные земли, и то могли бы разбогатеть, понятно, если нам уж очень посчастливится.

— Но каким же образом? — поинтересовался майор.

— Благодаря джемпингу, о котором я имел уже честь вам говорить.

— А что такое джемпинг? — спросил майор.

— Это соглашение, вошедшее в силу среди рудокопов. Из-за него, правда, происходят порой беспорядки и даже насилия, но, однако ж, властям так и не удалось отменить его.

— Рассказывайте, Паганель, — сказал Мак-Наббс, — не томите.

— Ну так слушайте. В силу этого соглашения любой находящийся в центре золотых приисков участок,

где в течение суток не производилась работа (за исключением больших праздников), делается общим достоянием. Каждый, кто захватит такой участок, может его разрабатывать и стать богачом, если только счастье улыбнется ему. Итак, Роберт, постарайся найти одну из таких брошенных ям, и она станет твоей.

— Пожалуйста, не наводите моего брата на подобные мысли, господин Паганель, — сказала Мэри Грант.

— Я шучу, дорогая мисс, и Роберт прекрасно это понимает. Он — рудокоп? Никогда! Копать землю, переворачивать ее, обрабатывать, засеивать, а затем ждать за свои труды урожая — вот это дело! Но рыться в земле наподобие крота, вслепую, стремясь вырвать оттуда немножко золота — это жалкое ремесло, и тот, кто им занимается, достоин сострадания...

Побывав в центральном пункте приисков и пройдя по земле, состоявшей главным образом из кварца, глинистого сланца и песка, когда-то содержавших в себе золото, наши путешественники подошли к банку.

Это было обширное здание. Гленарван обратился к главному инспектору банка, и тот любезно согласился показать ему и его спутникам свое учреждение. В этот банк компании сдают на хранение под расписку золото, вырванное из недр земли.

Инспектор показал своим посетителям любопытные образцы золота и сообщил им ряд интересных подробностей о различных способах добывания этого металла.

Обычно золото встречается в двух видах: в слитках и размельченное. Его находят в руде либо смешанным с наносной землей, либо заключенным в кварцевую оболочку. Поэтому при его добывании, сообразуясь со свойствами почвы, производят либо поверхностные, либо глубинные раскопки. Золото обычно находится на дне потоков, долин и оврагов и лежит соответственно своему объему: от крупинки внизу до песчинок наверху.

У горы Александр золото большей частью встречается в глинистых пластах и в расщелинах сланцевых скал. Здесь попадаются целые гнезда самородков.

Осмотрев различные образцы золота, посетители прошли затем по минералогическому музею банка. Он был в большом порядке: все породы, из которых состоит почва Австралии, были представлены в образцах и классифицированы, и к каждому образцу был прикреплен ярлычок. Золото не является единственным богатством этой страны: она по справедливости может быть названа обширным ларцом, в котором природа хранит свои драгоценности. Под стеклами витрин блестели белые топазы, могущие соперничать с бразильскими, гранаты, рубины необыкновенной красоты — ярко-красные и розовые, сапфиры — бледно-голубые и темно-синие, так же высоко ценимые, как сапфиры Малабара и Тибета, блестящие рутилы и, наконец, маленький кристаллик алмаза, найденный на берегах Терона.

Поблагодарив инспектора за любезность, Гленарван простился с ним, а затем продолжал со своими спутниками осмотр золотых россыпей.

Как ни был Паганель равнодушен к благам сего мира, однако он не мог оторвать глаз от этой изобилующей драгоценностями почвы и не переставал внимательнейшим образом рассматривать ее. Он, видимо, был не в силах справиться с собой, и даже шутки его спутников не могли удержать его. Он ежеминутно нагибался, поднимал то камешек, то кусок жильной породы, то осколок кварца. Внимательно осмотрев, географ отшвыривал их с пренебрежением. И так в течение всей прогулки.

— Что с вами, Паганель? Потеряли вы что-нибудь? — спросил его майор.

— Конечно, потерял, — ответил ученый — в этой стране золота и драгоценных камней если вы ничего не нашли, то, значит, потеряли. Не знаю почему, но мне очень хотелось бы увезти отсюда самородок в несколько унций или даже фунтов в двадцать, не больше.

— А что бы вы стали делать с ним, мой почтенный друг? — поинтересовался Гленарван.

— О, я поднес бы его в дар моей родине, — ответил Паганель: — положил бы его в государственный банк Франции.

— И его приняли бы?

— Без сомнения, под видом железнодорожных облигаций.

Все поздравили Паганеля с его мыслью «облагодетельствовать» таким способом свою родину, а Элен не преминула пожелать ему найти самый крупный самородок в мире.

Так, весело разговаривая, наши путешественники обошли большую часть приисков. Всюду работы шли правильно, но механически, без воодушевления. После двухчасовой прогулки Паганелю бросился в глаза приличного вида трактир, и он предложил своим спутникам посидеть там, пока не придет время догонять колымагу.

Каждому из них принесли по стакану ноблера. Это, в сущности, грог на выворот. Вместо того чтобы в большой стакан воды влить маленькую рюмку водки, здесь в большой стакан водки вливают маленькую рюмку воды, затем кладут туда сахар и пьют. Это было уж слишком по-австралийски, поэтому, к удивлению трактирщика, его посетители потребовали графин воды, и ноблер, разбавленный водой, превратился в британский грог.

Затем, естественно, заговорили о приисках и рудокопах.

Паганель, очень довольный всем виденным, однако ж сказал, что было бы интереснее побывать в этих местах в первые годы разработки золотых приисков.

— Земля тогда, — пояснил он свою мысль, — была вся изрешечена ямами, в которых кишело бесчисленное множество трудолюбивых муравьев, да еще каких трудолюбивых! Однако эмигранты переняли у муравьев их пыл в работе, но не их предусмотрительность. Золото безумно растрачивалось: его пропивали, проигрывали, и этот самый трактир, где мы сейчас находимся, был, наверно, адом. Игра в кости заканчивалась поножовщиной. Полиция была бессильна что-либо сделать. Не раз губернатор колонии бывал принужден высылать регулярные войска для усмирения расхордившихся золотоискателей. Все же ему удалось-таки образумить их: он, хотя и не без труда, заставил каждого из них выбирать патент, и, в общем, на здешних приисках было меньше буйств и беспорядка, чем в Калифорнии.

— Значит, золотоискателем может быть каждый? — спросила Элен.

— Да. Для этого нет необходимости кончать университет, довольно двух крепких рук. Гонимые нуждой, авантюристы являлись на прииски без гроша, богатые — с заступом, бедные — только с ножом, но все они бросались копать землю с такой бешеной страстью, с какой, конечно, они не занимались бы ни одним честным ремеслом. Какой своеобразный вид имели в ту пору эти золотоносные земли! На них были разбросаны палатки, брезентовые навесы, хижины, землянки, бараки из досок и ветвей. В центре возвышалась правительственная палатка, над которой развевался британский флаг. Вокруг нее располагались синие тиковые палатки государственных чиновников, а дальше лавки менял, скупщиков золота, торговцев — всех тех, кто спекулировал на этом смешении богатства и бедности. Эти-то господа наживались наверняка. Посмотрели бы вы на этих длиннородых золотоискателей в красных шерстяных рубашках, живших здесь в грязи и сырости! В воздухе стоял несмолкаемый гул от ударов заступов и разносились зловонные испарения от валявшихся кругом трупов животных. Над несчастными золотоискателями облаком стояла удушливая пыль. Такие условия создавали, конечно, высокую смертность. И если бы все эти авантюристы добивались успеха! Но страдания не вознаграждались, и если посчитать хорошенько, оказалось бы, что на одного разбогатевшего золотоискателя приходится сто,

двести, а то и тысяча погибших в нужде и отчаянии.

— Можете ли вы, Паганель, рассказать нам, как тогда добывалось золото? — спросил Гленарван.

— Делалось это как нельзя более просто, — ответил географ. — Первые золотоискатели промывали благородный металл почти так же, как это и теперь продельвается в некоторых местах во Франции. В настоящее время золотопромышленные компании добывают золото иначе: они добираются до самых истоков золота, до золотоносных жил, заключающих в себе самородки, чешуйки и песчинки. Но первые золотоискатели довольствовались всего-навсего лишь промывкой золотоносных песков. Они рыли землю, брали те ее пласты, которые им казались наиболее богатыми золотом, а затем, промывая их, добывали драгоценный металл. Промывка производилась посредством машины. Это был ящик длиной от пяти до шести футов, нечто вроде открытого гроба, разделенного на два отделения. В одном из этих отделений было несколько расположенных одно над другим сит, причем внизу ставились более частые. Второе отделение книзу суживалось. И вот на верхнее сито первого отделения сыпали золотоносный песок, лили на него воду, а затем начинали качать люльку. При этом на первом сите оставались камешки, на следующих — руда и песок. Разжиженная земля уходила с водой через второе, суживающееся книзу отделение. Такова была машина, какой тогда пользовались.

— Но и ее надо было иметь, — заметил Джон Манглс.

— Обыкновенно машину покупали у разбогатевших или разорившихся золотоискателей или обходились без нее.

— А чем ее заменяли? — спросила Мэри Грант.

— Железным листом, дорогая Мэри, простым железным листом. Землю веяли, как пшеницу, с той лишь разницей, что вместо пшеничных зерен иногда попадались крупинки золота. В первый год золотой горячки многие золотоискатели разбогатели, не прибегая ни к какому другому оборудованию. Видите, друзья мои, то было прибыльное время, хотя за сапоги и платили сто пятьдесят франков, а стакан лимонада стоил десять шиллингов. Ведь кто поспеет первым, тот всегда в выигрыше. Золото было повсюду в изобилии: и на поверхности земли, и на дне ручьев, и даже на улицах Мельбурна — ведь при мощении пускали в дело золотоносный песок. Таким образом, за время с двадцать шестого января по двадцать четвертое февраля 1852 года из горы Александр было вывезено в Мельбурн под охраной правительственных войск на восемь миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят франков драгоценного металла. Это составляет в среднем на каждый день сто шестьдесят четыре тысячи семьсот двадцать пять франков.

— А остались ли в памяти населения случаи внезапного обогащения? — спросила Элен.

— Некоторые остались.

— И вы их знаете? — спросил Гленарван.

— Конечно, знаю, — ответил Паганель. — В 1852 году в округе Балларат был найден самородок весом в пятьсот семьдесят три унции, другой, в Джисленде, — весом в семьсот восемьдесят две унции, и там же в 1861 году обнаружен был слиток в восемьсот тридцать четыре унции.

— Насколько же увеличилась добыча золота на земном шаре с момента открытия этих россыпей? — спросил Джон Манглс.

— Увеличилась колоссально, дорогой Джон. В начале столетия годовая добыча золота выражалась в сумме сорок семь миллионов франков, а в настоящее время в Австралии, Европе, Азии и Америке золота добывается на девятьсот миллионов, почти на миллиард.

— Значит, возможно, господин Паганель, что на этом самом месте, где мы стоим с вами, под нашими

ногами скрыто много золота? — промолвил Роберт.

— Да, мой милый, целые миллионы. Мы ходим по ним. Но если мы топчем их, так это потому, что мы ими пренебрегаем.

— Значит, Австралия — счастливая страна?

— Нет, Роберт, — ответил географ, — страны, богатые золотом, никогда не были счастливы. Они порождают лентяев, а не сильных и трудолюбивых людей. Взгляни на Бразилию, Мексику, Калифорнию, Австралию. Что представляют они собой в девятнадцатом веке? Знай, мой мальчик: благоденствует не страна золота, а страна железа.

Глава XV

«Австралийская и Новозеландская газета»

2 января на восходе солнца наши путешественники покинули пределы золотоносного района и графства Тальот. Копыта их лошадей ступали теперь по пыльным тропам графства Далхоуз. Несколько часов спустя отряд вброд перебрался через речки Кальбоан и Кемпейс-Ривер. Половина расстояния, отделявшего наших путешественников от цели, была пройдена. Еще пятнадцать дней пути при столь же благоприятных условиях — и маленький отряд достигнет берегов бухты Туфольд.

К тому же все были в добром здоровье. Слова Паганеля относительно здорового климата Австралии вполне оправдались. В воздухе почти не чувствовалось сырости, и жара была очень умеренной. Лошади и быки, так же как и люди, чувствовали себя прекрасно.

Надо сказать, что после Кемденского моста в походном строю отряда произошла некоторая перемена. Когда Айртон узнал о том, что железнодорожная катастрофа была вызвана преступлением, он высказался за принятие некоторых мер предосторожности, в которых до сих пор не было надобности. Теперь всадники не упускали из виду колымаги, а во время привалов один из них должен был нести караул. Утром и вечером тщательно осматривались ружья. Раз было известно, что по этой местности бродит шайка злоумышленников, то хотя непосредственная опасность еще и не грозила, тем не менее следовало держаться настороже. Излишне говорить о том, что эти меры предосторожности принимались без ведома Элен и Мэри: Гленарван не хотел пугать их.

Эти меры были необходимы. Неосторожность и даже простая небрежность могли обойтись дорого. Впрочем, не одни наши путешественники опасались злоумышленников — жители уединенных городков и скваттеры на своих стоянках принимали также меры предосторожности против нападения и всяких неожиданностей. Уже в сумерки все дома запирались. Собаки, спущенные с цепи, заливались лаем при приближении посторонних. У каждого из пастухов, загонявших на ночь свои огромные стада, висел на луке седла карабин. Такие чрезвычайные меры были вызваны известием о преступлении, совершенном на Кемденском мосту. Многие колонисты, спавшие до тех пор с открытыми настежь дверями и окнами, теперь, как только смеркалось, запирались на все засовы.

Также и администрация провинции приняла меры, свидетельствующие о ее бдительности и усердии. В окрестности были разосланы отряды туземных жандармов. Телеграммы стали доставляться под охраной. Раньше почтовая карета разъезжала по большим дорогам без конвоя, а в тот день, когда отряд наших путешественников пересекал большую дорогу из Кильмора в Хиткот, мимо него промчалась, поднимая облака пыли, почтовая карета, и как ни быстро неслась она, Гленарван успел заметить блеснувшие карабины полисменов, скакавших у ее дверец. Можно было подумать, что еще не кончилась та мрачная пора, когда вслед за открытием золотых россыпей на Австралийский материк устремились подонки населения Европы.

Проехав с милю от Кильморской дороги, колымага очутилась в огромном, простиравшемся на сотни километров лесу с гигантскими деревьями. Впервые после мыса Бернулли путешественники попали в такой лес. У них вырвался крик восхищения при виде великанов-эвкалиптов в двести футов вышины, с их губчатой корой до пяти дюймов толщины. На этих стволах в двадцать футов в окружности, изборожденных ручейками душистой смолы, не было видно ни единой ветки, ни единого сука, ни единого случайного отростка, даже узла. Выйди стволы эти из рук токаря, они не могли бы быть ровнее. Казалось, что высятся

сотни изготовленных по одному и тому же стандарту колонн. А завершались они на громадной высоте капителями из круто изогнутых ветвей, на концах которых росли симметрично сидевшие листья и крупные цветы, похожие на опрокинутые урны.

Под этой вечнозеленой завесой свободно двигался воздух, высушивая почву. Деревья росли так далеко друг от друга, что между ними, словно по просеке, могли свободно проходить стада быков, проезжать всадники и телеги. То была не лесная чаща с ее колючими кустами, не девственный лес, загроможденный свалившимися стволами, опутанный цепкими лианами, через которые только топор и огонь могут проложить дорогу пионерам. Ковер травы у подножия деревьев, завеса зелени по их вершинам, длинные, уходящие вдаль ряды стройных стволов, отсутствие тени и прохлады, какой-то особенный свет, будто процеженный через тонкую ткань, однообразно расположенные пятна света, четкая игра отблесков на земле создавали причудливое, изобилующее неожиданными эффектами зрелище. Лес Австралийского материка совершенно не похож на лес Нового Света. Эвкалипт — одна из бесчисленных разновидностей миртового дерева — занимает главное место среди древесных пород Австралии. Если тень его не густа и под его зелеными сводами отсутствует полумрак, то это является следствием любопытной аномалии в расположении листьев этого дерева. Все они обращены к солнцу не лицевой стороной, а ребром, и глаз видит эту необычную листву только в профиль. Вот почему лучи солнца проникают сквозь эту листву, как через щели решетчатых ставен.

Все заметили это и были удивлены: почему так странно расположены листья? Понятно, этот вопрос был обращен к Паганелю, и он ответил, как человек, которого ничто не может поставить в тупик.

— Меня удивляют не странности природы, — сказал он — природа знает, что делает, но ботаники не всегда отдают себе отчет в том, что говорят. Природа не ошиблась, дав этим деревьям такую своеобразную листву, а вот люди впали в заблуждение, назвав их эвкалиптами.

— А что значит это слово? — спросила Мэри Грант.

— По-гречески это значит: «Я хорошо покрываю». Ботаники постарались скрыть свою ошибку, назвав растение греческим словом, однако очевидно, что эвкалипт покрывает очень плохо.

— Вполне с вами согласен, любезнейший Паганель, — отозвался Гленарван. — А теперь объясните нам: почему, листья растут таким образом?

— По вполне естественной и легко понятной причине, друзья мои. В здешней стране, где воздух сух, где дожди редки, где земля иссушена, деревья не нуждаются ни в ветре, ни в солнце. Недостаток влаги вызывает у растений недостаток соков. Отсюда эти узкие листья, которые стремятся найти способ защитить себя от солнца и чрезмерных испарений. Вот причина, почему эти листья подставляют действию солнечных лучей не свою лицевую сторону, а ребро. Нет ничего умнее листа.

— И ничего более эгоистичного, — заметил майор. — Листья эти думают только о себе, совершенно позабыв о путешественниках.

Все в душе согласилось с Мак-Наббсом, кроме Паганеля, — тот, вытирая потный лоб, ликовал, что ему довелось ехать под деревьями, не дающими тени. Такое расположение листвы имеет свои неудобства: переход через эти леса часто бывает очень продолжителен и мучителен, так как ничто не защищает путника от жгучих лучей солнца.

В течение всего дня колымага катилась среди бесконечных рядов эвкалиптов. Ни одно четвероногое, ни один туземец не попались навстречу маленькому отряду. На вершинах этих гигантов-деревьев обитали какаду, но на такой высоте их едва было видно, и болтовня их превращалась в еле уловимый ропот. Порой вдали между стволами мелькала стая попугайчиков, оживляя все вокруг своим разноцветным оперением. Но, в общем, в этом огромном храме зелени царила глубокая тишина; ее нарушали лишь стук лошадиных

копыт, несколько беглых слов, которыми иногда перекидывались между собой путешественники, скрип колымаги да порой окрик Айртона, понукавшего ленивых быков.

Вечером разбили лагерь под эвкалиптами. На их стволах видны были следы недавнего огня. Стволы этих гигантов походили на фабричные трубы, ибо огонь выдолбил их до самого верха. Они держались, в сущности, одной корой, но держались, видимо, неплохо. Однако ж эта вредная привычка скваттеров и туземцев разводить таким образом огонь постепенно уничтожает эти великолепные деревья, и в конце концов они исчезнут, подобно четырехсотлетним кедром Ливана, погибающим от неосторожно разложенных лагерных костров.

Олбинет, по совету Паганеля, развел огонь для приготовления ужина в одном из таких обгорелых полых стволов. Тотчас получилась сильная тяга: дым терялся высоко в темной листве.

На ночь приняли необходимые меры предосторожности: Айртон, Мюльреды, Вильсон и Джон Манглс по очереди охраняли лагерь.

В продолжение всего дня 3 января тянулся этот бесконечный лес со своими длинными, симметричными рядами эвкалиптов. Казалось, ему и конца не будет. Но к вечеру деревья стали редеть, и наконец в небольшой долине показался ряд домов.

— Сеймур! — крикнул Паганель. — Это последний из городов провинции Виктория, который должен встретиться нам на пути.

— Это действительно город? — полюбопытствовала Элен.

— Это простой поселок, — ответил Паганель, — который только собирается стать городом.

— Найдем ли мы там приличную гостиницу? — спросил Гленарван.

— Надеюсь, что да, — ответил географ.

— Тогда направимся в этот Сеймур. Думаю, что наши отважные путешественницы будут рады провести там ночь.

— Мы с Мэри соглашаемся, дорогой Эдуард, — сказала Элен, — но при условии, что это не принесет лишних хлопот и не задержит нас.

— Ни малейшим образом, — сказал Гленарван. — К тому же и нашим быкам надо отдохнуть. Завтра с рассветом мы снова двинемся в путь.

Было девять часов вечера. Луна уже склонилась к горизонту, и ее косые лучи тонули в тумане. Понемногу сгущался мрак. Маленький отряд, с Паганелем во главе, вступил на широкие улицы Сеймура. Географ, казалось, всегда прекрасно знал то, что никогда ему не приходилось видеть. Как бы руководимый инстинктом, он привел своих спутников прямо к гостинице «Северная Британия».

Лошадей и быков поставили в конюшню, колымагу — в сарай, а путешественникам предоставили довольно хорошо обставленные комнаты. В десять часов вновь прибывшим был подан ужин, к которому приложил руку мистер Олбинет. Паганель уже успел обежать с Робертом весь город. Но о своей ночной прогулке он рассказал весьма лаконически: он ничего не видел.

Однако человек менее рассеянный обратил бы внимание на то, что на улицах Сеймура чувствовалась какая-то тревога. Там и сям собирались люди, и число их мало-помалу росло. Велись разговоры у дверей домов. Жители с явным беспокойством спрашивали о чем-то друг друга. Читали вслух вышедшие в этот день газеты, обсуждали их, спорили. Эти признаки не могли ускользнуть даже от самого невнимательного наблюдателя. Но Паганель ничего не заметил.

Майор же, не побывав в городе, даже не переступив порога гостиницы, а только поговорив десять

минут с ее словоохотливым хозяином мистером Диксоном, уже успел разузнать, в чем дело. Но он ни слова не сказал об этом.

Только когда по окончании ужина Элен Гленарван, Мэри и Роберт Грант разошлись по комнатам, майор, задержав остальных спутников, сказал им:

— Злодеи, вызвавшие крушение поезда на Сендхорстской железной дороге, обнаружены.

— И они арестованы? — поспешно спросил Айртон.

— Нет, — ответил Мак-Наббс, делая вид, что не замечает интереса, проявленного к этому делу боцманом (интереса, впрочем, очень понятного при данных обстоятельствах).

— Тем хуже, — заметил Айртон.

— Ну, а кому же приписывают это преступление? — спросил Гленарван.

— Вот читайте, — сказал майор, протягивая Гленарвану номер «Австралийской и Новозеландской газеты», — и вы убедитесь в том, что главный инспектор не ошибался.

Гленарван прочел вслух следующее:

— «Сидней, второго января 1865 года. Наши читатели, верно, помнят, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое декабря прошлого года произошло крушение поезда у Кемденского моста, в пяти милях от станции Кастльмен Мельбурнской железной дороги. Ночной курьерский поезд, вышедший из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера, идя полным ходом, свалился в реку Люттон. При прохождении поезда Кемденский мост оказался разведенным. Многочисленные кражи, совершенные после этого крушения, а также труп железнодорожного сторожа, найденный в полумиле от Кемденского моста, доказали, что крушение было вызвано преступлением. Действительно, расследование выяснило, что это преступление является делом рук шайки каторжников, убежавших полгода тому назад из Пертской исправительной тюрьмы в Западной Австралии.

Эта шайка каторжников состоит из двадцати девяти человек. Главарем ее является некий Бен Джойс, опаснейший преступник, недавно появившийся в Австралии.

Властям пока не удалось задержать эту шайку. Поэтому предлагается жителям городов, колонистам и скваттерам быть настороже, а также доводить до сведения главного следователя данные, которые могут содействовать розыскам преступников.

Ж. П. Мичель, главный инспектор».

Когда Гленарван окончил чтение этого сообщения, Мак-Наббс, повернувшись к географу, сказал:

— Видите, Паганель, что и в Австралии могут быть каторжники.

— Беглые — это неоспоримо, — отозвался ученый. — Отбывшие наказание не имеют здесь права жительства.

— Все же они тут, — заметил Гленарван. — Но я полагаю, что их присутствие не может изменить наши планы и прервать путешествие. Что вы думаете, Джон, по этому поводу?

Джон Мангльс ответил не сразу. Молодой капитан колебался: с одной стороны, он понимал, какое горе принесет Мэри и Роберту Грант прекращение начатых поисков их отца, а с другой — он боялся подвергнуть экспедицию опасности.

— Если бы с нами не было миссис Гленарван и мисс Грант, то меня очень мало тревожила бы эта

шайка негодяев, — промолвил он наконец.

Гленарван понял его и добавил:

— Само собой разумеется, что не может быть и речи о том, чтобы отказаться от выполнения взятой нами на себя задачи, но, быть может, было бы благоразумнее из-за наших спутниц возвратиться сейчас в Мельбурн, оттуда пойти на «Дункане» к восточному побережью и там возобновить наши поиски Гарри Гранта? Ваше мнение, Мак-Наббс?

— Раньше чем высказаться, — ответил майор, — я хотел бы знать мнение Айртона.

Боцман взглянул на Гленарвана и ответил:

— Мы находимся в двухстах милях от Мельбурна, и мне кажется, что если опасность в самом деле существует, то она нам грозит на южной дороге не меньше, чем на восточной. Обе эти дороги довольно пустынные, и одна стоит другой. К тому же я не думаю, чтобы тридцать злоумышленников могли быть страшны для восьми хорошо вооруженных и смелых людей. Итак, по-моему, если нет лучшего предложения, нам следует двигаться вперед.

— Вы правы, Айртон, — согласился Паганель. — Продолжая наш путь, мы можем напасть на следы капитана Гранта, а возвращаясь на юг, мы, наоборот, теряем шансы их найти. Поэтому я присоединяюсь к вашему мнению. Беглые из Пертской тюрьмы меня не пугают: храброму человеку нечего обращать на них внимание.

Предложение продолжать путешествие поставили на голосование, и оно было принято единогласно.

— Мне хотелось бы, сэр, высказать еще одно соображение, — промолвил боцман, когда уже все собирались разойтись.

— Говорите, Айртон.

— Не пора ли послать распоряжение «Дункану» держаться вблизи берегов?

— Зачем это? — вмешался Джон Манглс. — Когда мы доберемся до мыса Туфольд, тогда и будет своевременно послать такое распоряжение. А если какой-нибудь непредвиденный случай заставит нас направиться в Мельбурн, нам придется пожалеть, что там нет «Дункана». К тому же судно, должно быть, еще и не вышло из ремонта. Поэтому я считаю, что лучше с этим обождать.

— Хорошо, — согласился Айртон, не настаивая на своем предложении.

На следующий день маленький отряд покинул Сеймур. Он был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям. Через полчаса путешественники снова очутились в эвкалиптовом лесу, тянувшемся на восток. Гленарван предпочел бы ехать по открытым местам. Равнина, конечно, была бы менее благоприятна для нападений и засад, чем густой лес. Но выбора не было, и колымага в течение целого дня пробиралась между однообразными великанами-эвкалиптами. Вечером, проехав вдоль северной границы графства Англеси, наши путешественники пересекли сто сорок четвертый меридиан и раскинули лагерь у границы округа Меррей.

Глава XVI

Майор утверждает, что это обезьяны

На следующий день, 5 января, наши путешественники вступили в обширный округ Меррей. Этот малообследованный, необитаемый край простирается до высокой гряды Австралийских Альп. Цивилизация еще не разделила его на отдельные графства. Вообще эта часть провинции мало известна и мало посещается. Когда-нибудь эти леса падут под ударами топора лесопромышленника, а луга будут отданы стадам скваттеров, но пока здешняя почва так же девственна, как в те времена, когда она поднялась со дна Индийского океана.

На всех английских картах эта область характеризуется следующими словами: «Reserve for the blacks» — «Отведено для чернокожих». Сюда англичане-колонисты грубо оттеснили туземцев. Австралийской расе оставили на далеких равнинах и в непроходимых лесах несколько определенных мест, где ей предстояло постепенное вымирание. Всякий белый, кто бы он ни был — колонист, эмигрант, скваттер, лесопромышленник, — имеет право проникнуть в эти места, но чернокожий не смеет выйти за их пределы.

Паганель затронул в беседе со своими спутниками этот существенный вопрос о туземных племенах. Все пришли к единодушному заключению, что британская политика направлена к уничтожению туземных племен, к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки. По словам географа, такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, а в Австралии — более чем где-либо. В первые времена колонизации ссыльные, да и сами колонисты смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они с ружьями охотились на них и, убивая их, доказывали, ссылаясь на авторитет юристов, что раз австралиец вне закона, то и убийство его не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземных племен озера Хантер, а именно — массовое отравление.

Как видим, англичане, овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индусов, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. Понятно, что австралийское туземное население в результате таких жестоких мер, а также вследствие пьянства, которое насаждается колонизаторами, постепенно вырождается и вскоре под давлением смертоносной цивилизации совершенно исчезнет. Правда, бывали губернаторы, издававшие против кровожадных лесопромышленников постановления, в силу которых белый, отрезавший нос или уши чернокожему либо отрубивший у него мизинец, чтобы «прочистить им трубку», подвергался нескольким ударам кнута. Тщетные угрозы! Убийства совершались в огромных размерах, и целые племена исчезали с лица земли. Для примера можно указать на остров Ван-Дименова Земля. Здесь в начале XIX века было пять тысяч туземцев, а в 1863 году их осталось всего семь человек. А недавно «Меркурий» сообщил о том, что в город Гобарт явился последний из тасманцев.

Ни Гленарван, ни майор, ни Джон Манглс не пытались возражать Паганелю. И будь они даже не шотландцами, а англичанами, то и тогда они не смогли бы что-либо сказать в защиту своих соотечественников: факты были очевидны, неопровержимы.

— Лет пятьдесят назад, — добавил Паганель, — мы, поверьте, уже встретили бы на нашем пути не одно австралийское племя, а вот теперь нам до сих пор не попался ни один туземец. Пройдет столетие, и на этом материке совершенно исчезнет черная раса.

В самом деле, округ, предоставленный чернокожим, производил впечатление совершенно

заброшенного. Не видно было ни малейших следов кочевий или поселений. Равнины чередовались с лесами, и мало-помалу местность приняла дикий вид. Казалось даже, что в этот отдаленный край не заглядывает ни одно живое существо ни человек, ни зверь. Вдруг Роберт, остановившись у группы эвкалиптов, крикнул, указывая на большое существо:

— Обезьяна! Смотрите, обезьяна!

Скользя с ветки на ветку, черное существо перебиралось с одной вершины на другую с такой изумительной ловкостью, что можно было подумать, будто его поддерживают в воздухе какие-то перепончатые крылья. Неужели в этом странном краю обезьяны летают, подобно тем лисицам, которых природа снабдила крыльями летучей мыши?

Между тем колымага остановилась, и все, не спуская глаз, стали следить за черным животным. Оно постепенно скрылось в листве огромного эвкалипта. Однако вскоре оно стало спускаться с молниеносной быстротой вниз по стволу, соскочило на землю и, пробежав несколько саженей со всевозможными ужимками и прыжками, ухватило своими длинными руками за гладкий ствол громадного камедного дерева. Наши путешественники недоумевали, как сможет это животное вскарабкаться по прямому и скользкому стволу, обхватить который оно не могло. Но тут в руках у обезьяны появилось нечто вроде топора, и она, вырубая в стволе небольшие зарубки, добралась по ним до верхушки дерева. Еще несколько секунд — и обезьяна скрылась в густой листве.

— Что это за обезьяна? — спросил майор.

— Эта обезьяна — чистокровный австралиец, — ответил Паганель.

Не успели спутники географа пожать плечами, как вблизи послышались крики, что-то вроде: «Коо-э! Коо-э!» Айртон погнал своих быков, и через каких-нибудь сто шагов наши путешественники неожиданно очутились перед становищем туземцев.

Как печально было это зрелище! На голой земле раскинулось с десятков шалашей. Эти гуниос, сделанные из кусков коры, заходящих друг на друга наподобие черепицы, защищали своих жалких обитателей лишь с одной стороны. А эти обитатели, злосчастные существа, опустившиеся вследствие нищеты, имели отталкивающий вид. Их было человек тридцать — мужчин, женщин и детей. Одеты они были в шкуры кенгуру, висевшие на них лохмотьями. Завидев колымагу, они бросились было бежать от нее, но несколько слов Айртон, произнесенных на непонятном для наших путешественников местном наречии, видимо несколько успокоили их: они вернулись назад.

Эти туземцы, ростом до пяти футов и семи дюймов, с лохматыми головами, длинными руками и выпяченными животами, не были черны: цвет их кожи напоминал потускневшую от времени сажу. Волосатые тела дикарей были татуированы, а также испещрены шрамами от надрезов, делаемых ими в знак траура при погребальных обрядах. Трудно было себе представить что-либо менее отвечающее европейскому идеалу красоты: огромный рот, нос не только приплюснутый, а словно раздавленный, выдающаяся нижняя челюсть с белыми, торчащими вперед зубами.

Элен и Мэри вышли из колымаги, ласково протянули руки изголодавшимся туземцам и предложили им еду. Те с жадностью набросились на нее.

Особенное сострадание возбудили в наших путешественницах женщины-дикари. Ничто не может сравниться с положением австралийки. Природа-мачеха отказала ей в малейшей привлекательности; это раба, насильно утащенная грубым мужчиной, не знавшая других свадебных подарков, кроме ударов вади — палки — своего владыки. Выйдя замуж, австралийская женщина преждевременно и поразительно быстро стареет: ведь на нее падает вся тяжесть трудов кочевой жизни. Во время переходов ей не только приходится тащить своих детей в люльке из плетеного тростника, но и нести охотничьи и рыболовные

принадлежности мужа, а также запас растения *phormium tenax*, из которого она выделяет сети. Кроме того, ей надо еще добывать пищу для семьи. Она охотится за ящерицами, двуутробками и змеями, подчас взбираясь за ними до самых верхушек деревьев. Она же рубит дрова для очага и сдирает кору для постройки своих шалашей. Она не знает, что такое покой, и питается отвратительными объедками своего владыки-мужа. Некоторые из этих несчастных женщин, быть может давно не видевших пищи, старались подманить к себе птиц семенами. Они лежали на раскаленной земле неподвижно, точно мертвые, готовые ждать часами, пока какая-нибудь неискушенная птичка не подлетит настолько близко, что ее можно будет схватить. Видимо умение дикарок ловить птиц не шло дальше этого, и поистине надо было быть австралийским пернатым, чтобы попасться им в руки.

Между тем туземцы, успокоенные ласковым обращением путешественников, окружили их, и приходилось оберегать запасы от расхищения.

Говорили дикари с прищелкиванием языка, с присвистом. Их речь напоминала крики животных. Но в голосе их подчас слышались и мягкие, ласковые нотки. Туземцы часто повторяли слово «ноки», и по сопровождавшим его жестам можно было легко понять, что оно означает «дай мне». Относилось это «дай» ко всему имуществу путешественников, начиная от самых мелких вещей. Мистеру Олбинету пришлось проявить немало энергии, чтобы отстоять багажное отделение и особенно бывшие в нем съестные припасы экспедиции. Эти несчастные, изголодавшиеся люди бросали на колымагу страшные взгляды.

Тем временем Гленарван, по просьбе жены, приказал раздать окружающим их туземцам некоторое количество съестных припасов. Дикари, поняв, в чем дело, стали так бурно выражать свой восторг, что это не могло не тронуть самое черствое сердце.

Мистер Олбинет, будучи человеком благовоспитанным, хотел сначала преподнести пищу женщинам. Но эти несчастные создания не посмели приступить к еде раньше своих грозных мужей. Те набросились на сухари и сушеное мясо, словно звери на добычу.

Слезы навернулись на глазах у Мэри Грант при мысли о том, что ее отец может быть пленником подобных дикарей. Она живо представила себе, что должен был вынести такой человек, как Гарри Грант, будучи в плену у этих бродячих племен, как приходилось ему страдать от нищеты, голода, дурного обращения! Джон Манглс, с тревожной заботливостью наблюдавший за молодой девушкой, угадал ее мысли и, предупреждая ее желание, сам обратился к боцману «Британии»:

— От таких ли дикарей вы убежали, Айртон?

— Да, капитан, все эти племена, кочующие по Центральной Австралии, похожи друг на друга. Только здесь вы видите лишь кучку этих бедняг, а по берегам Дарлинга живут многолюдные племена, во главе которых стоят вожди, облеченные грозной властью.

— Что же может делать европеец среди этих туземцев? — спросил Джон Манглс.

— То, что делал я, — ответил Айртон — он охотится с ними, ловит рыбу, принимает участие в их битвах. С ним, как я уже вам говорил, обращаются в зависимости от тех услуг, какие он оказывает племени, и если европеец с головой и храбрый, то он занимает видное положение в племени.

— Но все же он остается пленником? — спросила Мэри Грант.

— Конечно, и с него не спускают глаз ни днем, ни ночью.

— Тем не менее вам, Айртон, удалось же бежать, — вмешался в разговор майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, удалось благодаря сражению, происшедшему между моим племенем и соседним. Мне повезло: я бежал и, конечно, не жалею об этом. Но если бы понадобилось проделать все это снова, то, мне кажется, я предпочел бы вечное рабство тем мукам, какие пришлось мне испытать,

перебираясь через пустыни Центральной Австралии. Дай бог, чтобы капитан Грант не попытался спастись таким же образом!

— Ну конечно, мисс Грант, нам следует желать, чтобы ваш отец находился в плену у туземного племени, — промолвил Джон Манглс. — Нам будет тогда гораздо легче найти его следы, чем в том случае, если бы он бродил по лесам.

— Вы все еще надеетесь? — спросила молодая девушка.

— Я не перестаю надеяться на то, что когда-нибудь увижу вас счастливой, мисс Мэри.

Взгляд влажных от слез глаз Мэри Грант послужил благодарностью молодому капитану.

В то время как велся этот разговор, среди туземцев началось какое-то необычайное движение: они громко кричали, бегали туда и сюда, хватали свое оружие и, казалось, были охвачены какой-то дикой яростью.

Гленарван не мог понять, что творится с дикарями, но тут майор обратился к боцману:

— Скажите, Айртон: раз вы так долго прожили у австралийцев, вы, верно, понимаете язык этих дикарей?

— Не совсем-то понимаю, — ответил боцман, — ибо у каждого племени свое особое наречие. Но все же, мне кажется, я догадываюсь, в чем дело: желая отблагодарить мистера Гленарвана за угощение, эти дикари собираются показать ему подобие боя.

Он был прав. Туземцы без дальних слов набросились друг на друга с хорошо разыгранной яростью.

Действительно, по словам путешественников, австралийцы превосходные актеры; и в данном случае они проявили недюжинный талант.

Все их оружие и для нападения и для защиты состоит из палицы — дубины, способной проломить самый крепкий череп, — и из секиры вроде индейского томагавка, сделанной из куска очень крепкого заостренного камня, зажатого между двумя палками и прикрепленного к ним растительным клеем. Эта секира с длинной ручкой, в десять футов, является грозным оружием в бою и полезным инструментом в мирное время. Сообразно обстоятельствам, она отсекает либо головы, либо ветки, врубается то в людские тела, то в древесные стволы.

Бойцы с воплями кидались друг на друга, махая палицами и секирами. Одни падали, точно мертвые, другие издавали победный крик. Женщины, особенно старухи, словно одержимые, подстрекали бойцов, набрасывались на мнимые трупы и делали вид, что терзают их с яростью. Элен все время боялась, как бы эта игра не превратилась в настоящий бой. Впрочем, дети, принимавшие участие в этом мнимом сражении, тузили друг друга по-настоящему; особенно неистовствовали девочки, награждая друг друга полновесными тумаками.

Этот мнимый бой длился уже минут десять, как вдруг дикари сразу остановились. Оружие выпало из их рук. Глубокая тишина сменила шум и сумятицу. Туземцы застыли в своих позах, словно действующие лица в живых картинах. Казалось, они окаменели. Что же было причиной этой внезапной перемены, этого оцепенения? Скоро это выяснилось. Над вершинами камедных деревьев появилась стая какаду. Птицы наполняли воздух своей болтовней; их яркое оперение делало стаю похожей на летающую радугу. Это-то появление разноцветной стаи и прервало бой: война сменялась более полезным занятием — охотой.

Один из туземцев, захватив какое-то оружие своеобразной формы, выкрашенное в красный цвет, покинул своих все еще неподвижных товарищей и, пробираясь между деревьями и кустами, направился к тому месту, над которым виднелась стая какаду. Он двигался ползком, бесшумно, не задевая ни одного

листика, не сдвигая с места ни одного камешка. Казалось, скользит какая-то тень.

Подкравшись к птицам на достаточно близкое расстояние, дикарь метнул свое оружие. Оно понеслось по горизонтальной линии, футах в двух от земли. Пролетев так футов около сорока, оно, не ударившись о землю, вдруг под прямым углом устремилось вверх, поднялось футов на сто, сразило с дюжину птиц, а затем, описав параболу, вернулось назад и упало к ногам охотника.

Гленарван и его спутники были поражены — они не верили своим глазам.

— Это бумеранг, — пояснил Айртон.

— Бумеранг! Австралийский бумеранг! — воскликнул Паганель и мигом бросился поднимать это удивительное оружие, чтобы, как ребенок, «посмотреть, что там внутри»

Действительно, можно было подумать, что внутри этого бумеранга скрыт какой-то механизм, что какая-то внезапно отпущенная пружина изменяет его направление. Но ничего подобного не было. Бумеранг состоял просто-напросто из изогнутого куска твердого дерева длиной в тридцать-сорок дюймов. Толщина этого куска в середине равнялась приблизительно трем дюймам, а оба конца его были заострены. Его вогнутая часть была на полдюйма уже остальной. Края выпуклой стороны были заострены. Все это было столь же несложно, как и непонятно.

— Так вот он, этот пресловутый бумеранг! — сказал Паганель, тщательно осмотрев странное оружие. — Кусок дерева и больше ничего. Но почему же он, двигаясь в горизонтальном направлении, вдруг поднимается вверх, а затем возвращается к тому, кто его кинул? Ни ученые, ни путешественники не могли до сих пор найти объяснение этому явлению.

— Не похож ли в этом отношении бумеранг на серсо? Ведь брошенное известным образом, оно возвращается к своей точке отправления, — промолвил Джон Манглс.

— Или, скорее, не схоже ли это явление с попятным движением бильярдного шара, получившего удар кием в определенную точку? — добавил Гленарван.

— никоим образом, — ответил Паганель. — В обоих этих случаях имеется точка опоры, которая обуславливает обратное действие: у серсо — земля, а у бильярдного шара — поверхность бильярда. Но здесь такой точки опоры нет: оружие не касается земли, а тем не менее оно поднимается на значительную высоту.

— Как же объясните вы такое явление, господин Паганель? — спросила Элен.

— Я и не объясняю этого, а только лишний раз устанавливаю данный факт. По-видимому, тут все зависит от способа, которым кидают бумеранг, и от особенностей его строения. А способ кидания — это уже тайна австралийцев.

Однако время шло, и Гленарван, считая, что не следует больше задерживаться, хотел было уже просить путешественниц занять места в колымаге, как в эту минуту прибежал один из дикарей и возбужденно выкрикнул несколько слов.

— Вот как! — проговорил Айртон. — Они завидели казуаров.

— Что, речь идет об охоте? — заинтересовался Гленарван.

— О, это надо непременно посмотреть! — воскликнул Паганель. — Зрелище, должно быть, любопытное. Быть может, снова заработает бумеранг.

— А что думаете вы на этот счет, Айртон? — спросил Гленарван боцмана.

— Мне кажется, что это не займет много времени, сэр, — ответил тот.

Туземцы между тем не теряли ни минуты. Ведь убить нескольких казуаров — для них необыкновенная удача: это значит, что племя будет обеспечено пищей по крайней мере на несколько дней. Понятно, охотники пускают в ход все свое искусство, чтобы завладеть такой добычей. Но каким образом умудряются они настичать такое быстрое животное без собак и убивать его без ружей? Это было самое интересное в зрелище, которое так жаждал увидеть Паганель.

Эму, или австралийский казуар (у туземцев он называется «мурек»), встречается на равнинах Австралии все реже и реже. Это крупная птица в два с половиной фута вышиной, с белым мясом, напоминающим мясо индейки. На голове у казуара роговая чешуя, глаза его светло-коричневые, клюв черный, загнутый вниз. На ногах — по три пальца, вооруженных могучими когтями. Крылья его, настоящие культяпки, не могут служить для летания. Его оперение, или, можно сказать, его шерсть, более темного цвета на шее и на груди. Если казуар не летает, то зато бежит так быстро, что свободно обгонит самую быструю скаковую лошадь. Захватить казуара можно только хитростью.

Вот почему на призыв прибежавшего дикаря тотчас же отозвался десяток австралийцев. Они, словно отряд стрелков, рассыпались по чудесной равнине, где кругом синели цветы дикого индиго. Наши путешественники столпились на опушке рощи мимоз.

При приближении туземцев несколько казуаров поднялись и умчались. Прибежавший дикарь — видимо, охотник данного племени, — удостоверившись, где находятся птицы, сделал знак товарищам, чтобы те не шли дальше. Дикари растянулись на земле, а охотник вынул из сетки две искусно сшитые вместе шкуры казуаров и надел их на себя. Затем он поднял над головой правую руку и стал подражать походке казуара, разыскивающего себе пищу. Охотник направился к стае. Он то останавливался, прикидываясь, что разыскивает семена, то поднимал вокруг себя ногами целые облака пыли. Все это было выполнено безукоризненно. Невозможно было более верно воспроизвести повадки казуара. К тому же дикарь настолько точно подражал глухому ворчанью казуара, что сами птицы были обмануты. Вскоре дикарь оказался среди беспечной стаи. Вдруг он взмахнул дубиной — и пять казуаров из шести свалились подле него. Охота была успешно закончена. Гленарван, путешественницы и весь отряд распрощались с туземцами.

Глава XVII

Скотоводы-миллионеры

После спокойно проведенной ночи под $146^{\circ}15'$ долготы путешественники 6 января, в семь часов утра, снова тронулись в путь, пересекая обширный округ Меррей. Они двигались на восток, и следы копыт их лошадей и быков вычерчивали по равнине совершенно прямую линию. Они дважды пересекли следы скваттеров, направлявшихся на север, и все эти следы несомненно смешались бы, если бы на пыльной земле не отпечатывались подковы коня Гленарвана с клеймом стоянки Блек-Пойнт — трилистником.

Местами равнину бороздили извилистые, часто пересыхающие речки, по берегам которых росли буксы. Все эти речки берут начало на склонах гор Буффало, невысокая, но живописная цепь которых волнисто вырисовывалась на горизонте.

Решено было к ночи добраться до этих гор и там расположиться лагерем. Айртон стал подгонять своих быков, и те, сделав в этот день тридцать пять миль, хотя и несколько устали, но все же дотащили колымагу до подножия гор Буффало. Здесь, под большими деревьями, раскинули палатку. Наступала ночь. С ужином живо покончили: после такого перехода больше хотелось спать, чем есть.

Паганелю первому пришлось нести дежурство. Чтобы не поддаваться одолевавшей его дремоте, он с ружьем на плече прогуливался взад и вперед. Хотя луны и не было, но благодаря яркому сиянию южных звезд ночь была светлая. Ученый развлекался чтением великой книги неба, всегда открытой взорам и представляющей огромный интерес для тех, кто может ее понимать. Глубокую тишину уснувшей природы нарушал лишь звон железных пут на ногах лошадей.

Паганель, предавшись своему астрономическому созерцанию, был занят больше делами неба, чем земли, как вдруг он был выведен из задумчивости какими-то отдаленными звуками. Географ стал внимательно прислушиваться, и, к его изумлению, ему послышались звуки рояля. Несколько трепетно-звучных аккордов донеслось до него. Ошибки быть не могло.

— Рояль в пустыне! — пробормотал Паганель. — Никак не могу этому поверить.

Действительно, это было более чем странно, и Паганель предпочел уверить себя, что это какая-то удивительная австралийская птица подражает звукам рояля, так же как некоторые здешние птицы подражают звукам часов и точильной машины.

В эту минуту в воздухе прозвучал ясный, чистый голос — к пианисту присоединился певец. Паганель слушал не сдаваясь. Но через несколько мгновений он был вынужден сознаться, что слышит чудесные звуки арии «*Il mio tesoro tanto*» из «Дон-Жуана».

«Черт возьми! Как ни удивительны австралийские птицы, но самый музыкальный попугай на свете не может же спеть арию из оперы Моцарта!» — подумал географ и стал наслаждаться мелодией.

Впечатление от этой пленительной арии, раздававшейся в чистом, прозрачном воздухе ночи, было неопишимо. Долго звучал этот голос, чаруя Паганеля; наконец он затих, и кругом снова воцарилась тишина.

Когда Вильсон пришел сменить ученого, то застал его в глубокой задумчивости. Паганель ничего не сказал матросу, а, решив сообщить завтра Гленарвану об этом странном явлении, пошел спать в палатку.

На следующее утро весь лагерь был разбужен неожиданным лаем. Гленарван вскочил на ноги. Два великолепных пойнтера, превосходные образцы легавых собак английской породы, прыгая, резвились на

опушке рожицы. При приближении путешественников они скрылись среди деревьев и принялись лаять еще громче.

— По-видимому, в этой пустыне есть какая-то стоянка, — промолвил Гленарван, — а также, несомненно, имеются и охотники, раз налицо охотничьи собаки.

Паганель открыл было рот, чтобы поделиться своими ночными впечатлениями, но тут верхом на великолепных, чистокровных лошадях появилось двое молодых людей. Оба джентльмена — они были одеты в изящные охотничьи костюмы — остановились, увидев путников, расположившихся табором, словно цыгане. Они, казалось, недоумевали, что означает здесь присутствие вооруженных людей, но в эту минуту заметили путешественниц, выходивших из колымаги.

Всадники тотчас же спрыгнули с коней и со шляпами в руках направились к женщинам. Гленарван пошел навстречу незнакомцам и отрекомендовался им. Молодые люди поклонились, и старший из них сказал:

— Сэр, не пожелают ли ваши дамы, а также и вы с вашими спутниками отдохнуть у нас в доме?

— С кем я имею удовольствие говорить? — спросил Гленарван.

— Майкл и Сенди Патерсон — владельцы скотоводческого хозяйства Готтем. Вы уже находитесь на территории этой станции, и отсюда до нашего дома не больше четверти мили.

— Господа, откровенно говоря, я боюсь злоупотребить вашим гостеприимством... — начал Гленарван.

— Сэр, — ответил Майкл Патерсон, — принимая наше приглашение, вы сделаете нам одолжение.

Гленарван поклонился в знак того, что принимает приглашение.

— Сэр, — обратился Паганель к Майклу Патерсону, — надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу: не вы ли пели вчера божественную арию Моцарта?

— Я, сэр, — ответил джентльмен. — Аккомпанировал мне мой двоюродный брат Сенди.

— Тогда, сэр, примите искренние поздравления француза, пламенного поклонника музыки! — сказал Паганель, протягивая руку молодому человеку.

Тот любезно пожал ее, затем указал своим гостям дорогу, которой надо было держаться. Лошадей поручили Айртону и матросам, а путешественники, беседуя и восхищаясь окружающими видами, направились пешком в обществе молодых людей к усадьбе.

Скотоводческое хозяйство Патерсонов содержалось в строгом порядке. Громадные луга, обнесенные серой оградой, расстились вдаль, насколько мог охватить глаз. Там паслись тысячи быков и миллионы баранов. Множество пастухов и еще большее количество собак сторожили это шумное, буйное стадо. Мычанье и блеянье сливались с лаем собак и резким хлопаньем бичей.

На востоке тянулись рожи австралийских акаций и камедных деревьев. Над ними высилась величественная гора Готтем, поднимающаяся на семь с половиной тысяч футов над уровнем моря. Во все стороны расходились длинные аллеи вечнозеленых деревьев. Там и сям виднелись густые группы кустов вышиной футов в десять, похожих на карликовые пальмы. Стволы их терялись в массе узких и длинных листьев. Воздух был напоен благоуханием мятнолавровых деревьев, усыпанных гроздьями белых, тонко пахнущих цветов.

Среди этих живописных групп туземных растений росли также древесные породы, вывезенные из Европы. При виде этих деревьев — персиковых, апельсиновых, смоковниц, яблонь, груш и даже дубов — у наших путешественников вырвалось громкое «ура». Идя под тенью деревьев своей родины, они восхищались порхавшими между ветвями атласными птицами с их шелковистым оперением и иволгами,

одетыми словно в золото и черный бархат.

Здесь же нашим путешественникам довелось впервые увидеть менуру — птицу, хвост которой напоминает изящный инструмент Орфея — лиру. Она носилась среди древовидных папоротников, и когда хвост ее ударял по листьям, то казалось почти удивительным, что при этом не раздаются гармонические аккорды. Паганелю захотелось сыграть на этой лире.

В конце широкой аллеи, по сторонам которой росли казуариновые деревья, показался дом Патерсонов.

То был охотничий домик в швейцарском стиле, из кирпича и дерева, прятанный среди густых эмерофилис. Вокруг шла увешанная китайскими фонариками веранда, напоминавшая галереи древнеримских зданий. Над окнами спускались разноцветные маркизы, казавшиеся огромными цветами. Трудно было себе представить более уютный, более прелестный и более комфортабельный уголок. На лужайках и среди рощиц, раскинутых вокруг дома, высились бронзовые канделябры с изящными фонарями. С наступлением ночи весь парк освещался белым газовым светом от газометра, скрытого в чаще акаций и древовидных папоротников.

Вблизи дома не было видно ни служб, ни конюшен, ни сараев — ничего, что говорило бы о сельском хозяйстве. Все эти строения — настоящий поселок более чем в двадцать домов и хижин — находились в четверти мили расстояния от дома, в глубине маленькой долины. Хозяйский дом был соединен с этим поселком электрическими проводами — телеграфом — благодаря чему мог мгновенно с ним сообщаться. Сам же дом, удаленный от всякого шума, казался затерянным среди чащи экзотических деревьев.

В конце казуариновой аллеи через журчащую горную речку был переброшен изящный железный мостик. Он вел в часть парка, прилегающую к дому.

Когда наши путешественники вместе со своими хозяевами перешли мостик, их встретил внушительного вида управляющий. Двери готтемского дома распахнулись, и гости вступили в великолепные апартаменты, скрывавшиеся под этой скромной оболочкой из кирпичей и цветов.

Из прихожей, увешанной принадлежностями верховой езды и охоты, двери вели в просторную гостиную в пять окон. Здесь стоял рояль, заваленный всевозможными нотами, и старинными и современными, виднелись мольберты с начатыми полотнами, цоколи с мраморными статуями. На стенах висело несколько картин фламандских художников, а также гобелены с вышитыми на них мифологическими сюжетами. Ноги утопали в мягких, словно густая трава, коврах, с потолка спускалась старинная люстра. Всюду был расставлен драгоценный фарфор, дорогие безделушки. Странно было видеть в австралийском доме подобную обстановку. В этой сказочной гостиной, казалось, было собрано все, что могло мысленно перенести в Европу. Можно было подумать, что находишься в каком-нибудь княжеском замке во Франции или в Англии.

Свет, проходя через полузатемненную веранду и тонкую ткань маркиз, проникал в гостиную. Элен, подойдя к одному из окон, пришла в восторг. Дом был расположен над широкой долиной, расстилавшейся на восток до самых гор. Луга сменялись лесами; среди них там и сям проглядывали обширные поляны, а вдали виднелась группа изящно закругленных холмов. Все это представляло неопишемую по красоте картину. Ни одна местность на земном шаре не могла бы сравниться с этой — даже знаменитая Райская долина в Норвегии, у Телемарка.

Эта огромная панорама, пересекаемая полосами света и теней, то и дело изменялась по прихоти солнца.

Пока Элен наслаждалась открывавшимся из окна видом, Сенди Патерсон приказал метрдотелю распорядиться завтраком для гостей, и менее чем через четверть часа после своего появления в доме

путешественники уже садились за роскошно сервированный стол. Поданные кушанья и вина были выше всяких похвал, но гостям больше всего доставляла удовольствие та радость, с которой молодые хозяева угощали их. Узнав за завтраком о цели экспедиции, братья Патерсон горячо заинтересовались поисками Гленарвана. Их слова укрепили надежды детей капитана Гранта.

— Раз Гарри Грант не появился нигде на побережье, он, очевидно, в руках туземцев, — сказал Майкл Патерсон. — Судя по найденному документу, капитан точно знал, где находится, и если он не добрался до какой-нибудь английской колонии, то только потому, что при высадке был захвачен в плен дикарями.

— Как раз это и случилось с его боцманом Айртоном, — заметил Джон Манглс.

— А вам никогда не случалось слышать о гибели «Британии»? — обратилась Элен к братьям Патерсон.

— Никогда, миссис, — ответил Майкл.

— Как же, по-вашему, должны были обращаться австралийцы со своим пленником?

— Австралийцы не жестоки, — ответил молодой скваттер, — и мисс Грант может не беспокоиться на этот счет. Известно немало случаев, когда проявлялась мягкость характера здешних дикарей. Некоторые европейцы долго жилали среди них и не имели повода жаловаться на грубое обращение.

— В числе их Кинг, — сказал Паганель, — единственный человек, уцелевший из всей экспедиции Берка.

— Можно указать не только на этого отважного исследователя, — вмешался в разговор Сенди Патерсон, — а также и на английского солдата, по имени Бакли. Бакли дезертировал в 1803 году из Порт-Филиппа, попал к туземцам и прожил с ними тридцать три года.

— А в одном из последних номеров «Австралийской газеты», — добавил Майкл Патерсон, — есть сообщение о том, что какой-то Морилл вернулся на родину после шестнадцатилетнего плена. История капитана Гранта, должно быть, похожа на его историю, ибо этот Морилл был взят в плен туземцами и уведен ими в глубь материка после крушения судна «Перуанка» в 1846 году. Итак, мне кажется, вам ни в коем случае не надо терять надежду.

Сведения, сообщенные молодыми хозяевами, чрезвычайно обрадовали их гостей: они подтверждали слова Паганеля и Айртона.

Когда Элен и Мэри Грант удалились из столовой, мужчины заговорили о каторжниках. Патерсоны знали о катастрофе на Кемденском мосту, но бродившая в окрестностях шайка беглых каторжников не внушала им никакого беспокойства. Уж конечно, злоумышленники не осмелились бы напасть на предприятие, где имелось более ста мужчин. К тому же трудно было допустить, чтобы эти злодеи решили углубиться в пустыни, прилегающие к реке Меррею, — им там совершенно нечего было делать, — или рискнули бы приблизиться к колониям Нового Уэллса, дороги которых хорошо охранялись. Такого же мнения придерживался и Айртон.

Гленарван не мог не исполнить просьбу своих радушных хозяев провести у них весь день. Эти двенадцать часов задержки, конечно, явились столькими же часами отдыха как для путешественников, так и для их лошадей и быков, поставленных в удобные стойла.

Итак, решено было остаться до следующего утра. Молодые хозяева не замедлили предложить на усмотрение своих гостей программу дня, и она была ими охотно принята.

В полдень семь чистокровных коней нетерпеливо рыли копытами землю у крыльца дома. Дамам была подана коляска, запряженная четырьмя лошадьми. Двинулись в путь. Всадники, вооруженные превосходными охотничьими ружьями, скакали по обеим сторонам экипажа. Доезжачие неслись верхом

впереди, а своры собак оглашали леса веселым лаем.

В течение четырех часов кавалькада объезжала аллеи и дороги парка, по величине своей не уступавшего какому-нибудь маленькому германскому государству. Правда, здесь встречалось меньше жителей, но зато все кругом кишело баранами. Что же касается дичи, то ее было столько, что выгнать большее ее количество на охотников была бы не в силах целая армия загонщиков. Поэтому вскоре загремели один за другим выстрелы, вспугивая мирных обитателей рощ и равнин. Юный Роберт, охотившийся рядом с Мак-Наббсом, творил чудеса. Отважный мальчуган, несмотря на наставления сестры, был всегда впереди всех и стрелял первым. Но Джон Мангле взялся наблюдать за Робертом, что очень успокоило его сестру.

Во время этой облавы было убито несколько австралийских животных. До сего времени сам Паганель знал их только по названию. Между этими туземными животными были, между прочим, вомбат и бандикут.

Вомбат — это травоядное животное. Ростом он с барана, и мясо его превкусное. Бандикут — животное из породы сумчатых — превосходит хитростью даже европейскую лису и мог бы поучить ее искусству выкрадывать обитателей птичьих дворов. Такое животное, довольно отталкивающего вида, фута в полтора длиной, убил Паганель и из охотничьего самолюбия нашел его прелестным.

— Очаровательное животное! — заявил географ.

Роберт ловко подстрелил одно мохнатохвостое животное, похожее на маленькую лису. Его черный с белым мех не уступал куньему. Затем мальчуган убил еще пару двуутробок, прятавшихся в густой листве больших деревьев.

Но среди всех этих охотничьих подвигов бесспорно наибольший интерес представляла погоня за кенгуру. Около четырех часов дня собаки вспугнули целое стадо этих любопытных сумчатых животных. Детеныши мигом вскочили в материнские сумки, и все стадо гуськом помчалось прочь. Прекурьезно видеть огромные скачки кенгуру. Их задние лапы вдвое длиннее передних и растягиваются, словно пружины.

Во главе этого убегающего стада несся самец футов в пять вышиной, великолепный экземпляр кенгуру-великана. Погоня продолжалась неустанно на протяжении четырех-пяти миль. Кенгуру не проявляли признаков усталости, а собаки, не без основания опасавшиеся их могучих лап, вооруженных острыми когтями, не очень-то старались к ним приблизиться. Но наконец, выбившись из сил, стадо остановилось, и кенгуру-великан, прислонясь к стволу дерева, приготовился к защите. Одна из собак в пылу погони подкатилась к самцу, но в тот же миг взлетела на воздух и свалилась на землю с распоротым брюхом.

Конечно, и всей своре было бы не под силу справиться с этими могучими животными. Приходилось охотникам взяться за ружья — только пули могли прикончить кенгуру-великана.

В эту минуту Роберт едва не пал жертвой своей неосторожности. Желая лучше прицелиться, мальчик так приблизился к кенгуру, что тот бросился на него. Роберт издал крик. Сидевшая в экипаже Мэри Грант в ужасе, не в силах произнести ни слова, протянула руки к брату. Ни один из охотников не решался стрелять, боясь попасть в мальчика. Джон Манглс, рискуя жизнью, бросился с раскрытым охотничьим ножом на кенгуру и поразил его в сердце. Животное рухнуло на землю. Роберт поднялся на ноги, целый и невредимый. Миг — и сестра радостно прижимала его к своей груди.

— Спасибо, мистер Джон, спасибо! — сказала Мэри Грант, протягивая руку молодому капитану.

— Он был на моем попечении, — отозвался Джон Манглс, пожимая дрожащую руку молодой

девушки.

Этим происшествием закончилась охота.

После смерти вождя стадо кенгуру разбежалось, а останки кенгуру-великана были увезены охотниками.

Вернулись домой в шесть часов вечера. Охотников ожидал великолепный обед. Гостям особенно понравился бульон из хвоста кенгуру, приготовленный по-туземному.

После десерта из мороженого и шербета гости перешли в гостиную. Вечер был посвящен музыке. Элен, прекрасная пианистка, взялась аккомпанировать радушным хозяевам, и те с большим вкусом исполнили отрывки из новейших партитур Гуно, Фелисьена Давида и даже из сочинений Рихарда Вагнера.

В одиннадцать часов вечера подали чай. Приготовлен он был по-английски. Но Паганель все же попросил, чтобы ему дали попробовать австралийского чая. Географу принесли жидкость, похожую на чернила. Ничего удивительного — полфунта чаю кипело в литре воды в течение четырех часов! Паганель попробовал, поморщился, но объявил, что напиток превосходный.

Глава XVIII

Австралийские Альпы

Путь на юго-восток преграждала цепь Австралийских Альп. Это подобие гигантских крепостных стен причудливо извивается на протяжении тысячи пятисот миль и задерживает движение туч на высоте четырех тысяч футов.

Небо заволакивали облака, и потому солнечные лучи, проходя сквозь сгустившиеся пары, не были жгучи. Жара, таким образом, не особенно давала себя чувствовать. Зато двигаться из-за все возраставшей неровности почвы делалось труднее и труднее. Там и сям стали появляться холмики, поросшие молодыми зелеными камедными деревьями. Дальше потянулись высокие холмы. Это уже были отроги Альп. Дорога все время шла в гору. Это особенно ясно было видно по тем усилиям, которые делали быки. Их ярмо скрипело под тяжестью громоздкой колымаги, они громко пыхтели, мускулы ног напрягались так, что, казалось, готовы были лопнуть. Колымага трещала при неожиданных толчках, избежать которых не удавалось даже ловкому Айртону. Путешественницы весело с этим мирились.

Джон Манглс со своими двумя матросами, обследуя путь, ехали в нескольких стах шагах впереди. Они выбирали среди неровностей почвы наиболее удобный проход, или, правильнее сказать, фарватер, ибо переход колымаги скорее походил на движение корабля, плывущего по бурному морю между рифами.

Задача трудная, а подчас даже и опасная. Не раз топорю Вильсона приходилось прокладывать дорогу среди густой чащи кустарников. Глинистая и влажная почва словно ускользала из-под ног. Путь удлинялся частыми объездами из-за непреодолимых препятствий: высоких гранитных скал, глубоких оврагов, не внушающих доверия озерков. Поэтому в течение целого дня едва прошли полградуса долготы.

Вечером расположились лагерем у подошвы Альп, на берегу горной речки Кобонгры, в маленькой долине, поросшей кустарником футов четырех вышины, со светло-красными листьями.

— Да, трудновато будет перевалить, — проговорил Гленарван, глядя на горную цепь, очертания которой уже начинали теряться в надвигавшейся вечерней мгле. — Альпы! Одно название заставляет призадуматься.

— Не надо понимать буквально, дорогой Гленарван, — отозвался Паганель. — Не думайте, что вам предстоит пройти через целую Швейцарию. Правда, в Австралии имеются, как в Европе, Пиренейские и Альпийские горы, но все это в миниатюре. Эти названия доказывают только то, что фантазия географов ограничена или что количество собственных имен уж очень невелико.

— Так эти Австралийские Альпы... — начала Элен.

— ...карманные горы, — ответил Паганель. — Мы и не заметим, как переберемся через них.

— Говорите за себя! — сказал майор. — Только рассеянный человек может перевалить через горную цепь, не подозревая этого.

— Рассеянный! — воскликнул географ. — Да я уже больше не рассеян. Предоставляю разрешить данный вопрос нашим дамам. Разве с тех пор, как я ступил ногой на этот материк, я не держал своего слова? Бывал ли я хоть раз рассеян? Можно ли упрекнуть меня в каком-нибудь промахе?

— Ни в одном, господин Паганель! — заявила Мэри Грант. — Теперь вы самый совершенный из смертных!

— Даже слишком совершенный! — смеясь, добавила Элен. — Ваша рассеянность шла вам.

— Не правда ли, ведь если у меня не будет ни одного недостатка, я стану заурядным человеком! — отозвался Паганель. — Поэтому я в ближайшем же будущем постараюсь совершить какой-нибудь крупный промах, который всех вас насмешит. Видите ли, когда я не совершаю ни одного промаха, мне кажется, что я изменяю своему призванию.

На следующий день, 9 января, вопреки уверениям самонадеянного географа, наш маленький отряд с самого начала перехода через Альпы стал испытывать большие трудности. Приходилось идти на авось по узким, глубоким ущельям, которые могли закончиться и тупиком.

Айртон очутился бы в очень затруднительном положении, если бы после часа тяжелого пути по горной тропе им неожиданно не встретился жалкий кабачок.

— Не думаю, чтобы кабачок в подобном месте мог обогатить своего хозяина! — воскликнул Паганель. — Какой толк от него здесь?

— Да хотя бы тот, что в нем мы сможем получить те сведения о дороге, в которых так нуждаемся, — отозвался Гленарван. — Войдем!

Гленарван в сопровождении Айртона вошел в кабачок. Хозяин его производил впечатление человека грубого. Лицо у него было неприветливое, отталкивающее, говорившее о том, что сам он является главным потребителем джина, бренди и виски своего кабачка. Обычно его единственными посетителями были путешествующие скваттеры и пастухи, перегоняющие стада.

На вопросы кабатчик отвечал неохотно, но все же благодаря его указаниям Айртон смог ориентироваться и сообразить, по какой дороге им надо двигаться.

Гленарван отблагодарил кабатчика за его советы несколькими кронами и собирался было уже уходить, когда заметил наклеенное на стене объявление колониальной полиции, в котором сообщалось о бегстве каторжников из Пертской тюрьмы, а также назначалась цена за выдачу Бена Джойса: сто фунтов стерлингов.

— Несомненно, такого негодяя стоило бы повесить, — сказал Гленарван боцману, прочитав объявление.

— А главное, недурно бы поймать его! — отозвался Айртон. — Сто фунтов стерлингов — денюжки немалые! Он не стоит их.

— А что касается кабатчика, то хотя у него и висит это объявление полиции, но он, признаться, внушает мне мало доверия, — добавил Гленарван.

— Мне тоже, — промолвил Айртон.

Гленарван и боцман вернулись к колымаге. Отсюда отряд направился к тому месту, где дорога к Люкноускому перевалу входила в узкий, извилистый проход, пересекавший горную цепь. Начался трудный подъем. Не раз пришлось путешественницам выходить из колымаги, а их спутникам — спешиваться. Приходилось поддерживать тяжелую колымагу, подталкивать ее, удерживать на опасных спусках, распрягать быков на крутых поворотах, подкладывать клинья под колеса, когда колымага начинала катиться назад. Не раз Айртон должен был прибегать к помощи лошадей, и без того утомленных подъемом.

Была ли тут виной чрезвычайная усталость или что-либо другое, но в этот день одна из лошадей пала. Она вдруг рухнула на землю, хотя ничто перед тем не указывало на возможность такого несчастного случая. Это была лошадь Мюльреди. Когда тот хотел поднять ее, она оказалась мертвой.

Айртон подошел и стал осматривать лежавшее на земле животное. Видимо, он совершенно не мог понять, отчего произошла эта мгновенная смерть.

— Должно быть, у этой лошади лопнул какой-нибудь сосуд, — сказал Гленарван.

— Очевидно, так, — отозвался Айртон.

— Садись на мою лошадь, Мюльреди, — обратился Гленарван к матросу, — а я поеду с женой в колымаге.

Мюльреди повинился, и маленький отряд, бросив труп лошади на съедение воронам, продолжал свой утомительный подъем.

Цепь Австралийских Альп не очень широка: проходы, пересекающие ее, не достигают и восьми миль длины. Поэтому если проход, которого придерживался Айртон, действительно шел к восточному склону, то двумя сутками позже маленький отряд должен был бы оказаться по ту сторону хребта, а там уже до самого моря не могло встретиться никаких непреодолимых препятствий и трудностей.

Днем 10 января путешественники добрались до наивысшего места перевала, на высоте двух тысяч футов. Они очутились на плоскогорье, откуда открывался широкий вид: на севере сияли спокойные воды озера Омео, усыпанного водяными птицами, а за ним расстилались необъятные равнины Меррея; к югу же тянулись зеленеющие пространства Джинсленда — его золотоносные земли, высокие леса. Весь этот край производил впечатление девственного, первобытного. Здесь природа еще властвовала над своими творениями — над водами рек, над огромными деревьями, незнакомыми еще с топором, и скваттеры, пока, правда, редко там встречавшиеся, не решались вступать с ней в борьбу. Казалось, что Альпы эти отделяют друг от друга два совершенно различных края, причем один из них еще сохранил свою первобытную дикость. Как раз в это время заходило солнце, и его лучи, прорываясь сквозь мрачные облака, оживляли краски округа Меррей.

А Джинсленд, заслоненный горами, уже терялся в смутной мгле. Во всей заальпийской области, казалось, наступала преждевременная ночь. На зрителей, стоявших между этими так резко отличавшимися друг от друга областями, подобный контраст произвел сильное впечатление, и они с некоторым волнением смотрели на простиравшийся перед ними почти неведомый край, через который им предстояло пробираться до самой границы провинции Виктория.

Здесь же, на плоскогорье, был разбит лагерь. На следующее утро начали спускаться. Спускались довольно быстро. Вдруг на путешественников обрушился град необыкновенной силы и принудил их забиться под скалы. Это были даже не градины, а настоящие ледяные пластинки величиной с ладонь, летевшие из грозových туч с такой силой, словно они были выпущены из пращи. И несколько основательных ушибов убедили Паганеля и Роберта в необходимости поскорее укрыться под скалы. Колымагу в нескольких местах изрешетило. Против ударов таких острых ледяшек не устояли бы и крыши домов. Некоторые градины врезались даже в стволы деревьев. Из опасения быть убитыми этим неслыханным градом приходилось ждать его окончания. Длился он с час, а затем маленький отряд снова двинулся в путь по отлогим каменистым тропам, скользким от таявшего града.

К вечеру колымага уже спускалась по последним уступам Альп. По сторонам высились огромные одинокие ели. Остов колымаги во многих местах от сильной тряски разошелся, но все же крепко держался на своих грубых деревянных колесах. Горный проход заканчивался у равнин Джинсленда, и, выбравшись из него, наши путники могли считать, что они благополучно перевалили через Альпы. Решено было здесь заночевать.

12-го с рассветом маленький отряд, охваченный неослабевающим воодушевлением, снова двинулся в путь. Все стремились как можно скорее достичь цели, то есть того места на берегу Тихого океана, где

произошло крушение «Британии». Конечно, только там можно было с пользой начать поиски следов потерпевших крушение, а не здесь, в этом пустынном Джинсленде. И Айртон настаивал, чтобы Гленарван поскорее отправил «Дункану» приказ идти к восточному побережью, где яхта могла быть очень полезна при поисках. По мнению боцмана, надо было воспользоваться дорогой из Люкноу в Мельбурн. Позднее послать нарочного будет трудно, ибо дальше со столицей нет прямого сообщения.

Мнение боцмана казалось обоснованным, и Паганель советовал обратить на него внимание. Географ тоже думал, что яхта могла бы быть очень полезна при подобных обстоятельствах и что позднее, миновав Люкноускую дорогу, они не смогут уже сообщаться с Мельбурном.

Гленарван был в нерешительности. Быть может, он и послал бы приказ «Дункану», чего так усиленно добивался Айртон, если бы против этого плана чрезвычайно энергично не восстал майор. Мак-Наббс доказывал, что присутствие Айртона необходимо для экспедиции: он ведь знал окрестности побережья, и если отряд случайно нападет на следы Гарри Гранта, то боцман лучше всякого другого сумеет повести отряд по этим следам; наконец, только он, Айртон, сможет указать то место, где произошло крушение «Британии». Словом, майор стоял за то, чтобы путешествие продолжалось без изменений. Он нашел единомышленника в лице Джона Манглса. Молодой капитан указал Гленарвану и на то, что его распоряжения легче будет переслать на «Дункан» из бухты Туфольд морским путем, чем теперь с гонцом, который будет принужден проехать верхом двести миль по дикому краю.

Майор и капитан одержали верх. Гленарван решил послать гонца по прибытии в бухту Туфольд. Майору, наблюдавшему за Айртоном, показалось, что у того был довольно разочарованный вид. Но Мак-Наббс ни с кем не поделился своими наблюдениями, а, по обыкновению, оставил их при себе.

Равнины, простиравшиеся у подножия Австралийских Альп, едва заметно понижались к востоку. Монотонное однообразие их ровной поверхности кое-где нарушали рощи мимоз, эвкалиптов и различных пород камедных деревьев, а также кусты растения гастролобиум грандифлорум с его ярко окрашенными цветами. Часто дорогу пересекали небольшие горные речки, вернее сказать — ручьи, берега которых густо заросли мелким тростником и орхидеями. Их переходили вброд. Вдали видно было, как убегали при приближении отряда стаи дроф и казуаров, а через кусты перепрыгивали кенгуру, подобные движимым резинкой картонным плясунам. Но всадники не очень-то помышляли об охоте, а их истомленным лошадям тоже было не до этого.

К тому же стояла удушливая жара. Воздух был насыщен электричеством. И животные и люди испытывали на себе его влияние. Все они, усталые, молча двигались вперед. Тишину нарушали лишь окрики Айртона, подгонявшего измученных быков.

От двенадцати часов до двух отряд ехал по любопытному лесу из папоротников. Конечно, будь наши путешественники менее истомлены, они пришли бы в восторг. Эти древовидные растения вышиной футов в тридцать были в полном цвету. Не только лошади, но и всадники, не нагибаясь, проезжали под склоненными ветвями гигантских папоротников, и порой колесико чьей-нибудь шпоры позвякивало, ударяясь об их стволы. Под неподвижными зонтами зеленой листвы царила прохлада, на которую никому не пришло в голову пожаловаться. Паганель, как всегда экспансивный, испустил несколько столь звучных вздохов удовольствия, что вспугнул ими стаи попугаев и какаду; те принялись оглушительно болтать.

Географ продолжал ликовать и восторженно покрикивать, как вдруг на глазах у своих спутников закачался и рухнул вместе с лошадью на землю. Что с ним приключилось: головокружение или припадок удушья от слишком высокой температуры?

Все бросились к нему.

— Паганель! Паганель! Что с вами? — крикнул Гленарван.

— Со мною то, что я остался без лошади, милый друг, — ответил географ, высвобождая ноги из стремян.

— Что, ваша лошадь...

— ...пала, словно пораженная молнией, совершенно так же, как лошадь Мюльреди.

Гленарван, Джон Мангле и Вильсон осмотрели животное. Паганель не ошибся: лошадь внезапно околела.

— Странно! — проговорил Джон Мангле.

— Очень странно... — пробормотал майор.

Гленарван не мог не быть озабочен этим новым злоключением. Ведь в таком пустынном крае нельзя было пополнить убыль в лошадях. А если здесь была налицо эпидемия, то дальнейший путь экспедиции окажется весьма затруднительным.

Еще до наступления вечера слово «эпидемия» подтвердилось: издохла третья лошадь, на которой ехал Вильсон, а за ней — что было, быть может, еще более тяжелым ударом — пал также и один из быков. Теперь в распоряжении экспедиции оставалось только три быка и четыре лошади.

Положение становилось серьезным. Всадники, лишившиеся лошадей, могли, конечно, на худой конец идти пешком: ведь немало скваттеров до них пробиралось таким же образом через этот пустынный край. Но если придется из-за гибели быков бросить колымагу, как быть тогда с путешественницами? Смогут ли они пройти пешком оставшиеся до бухты Туфольд сто двадцать миль?

Встревоженные, Гленарван и Джон Мангле осмотрели уцелевших лошадей. Быть может, окажется возможным предотвратить новые жертвы? При этом осмотре не было обнаружено не только признаков какой-либо болезни, но даже и слабости. Лошади казались вполне здоровыми и бодро выносили утомительное путешествие. Гленарван начал надеяться, что эта странная эпидемия ограничится четырьмя павшими животными.

Такого же мнения держался и Айртон. Боцман признался, что он ровно ничего не понимает в этом молниеносном падеже скота.

Маленький отряд снова пустился в путь. По временам то один, то другой пешеход по очереди садился отдохнуть в колымагу. Вечером после небольшого перехода, всего в десять миль, сделали привал и расположились лагерем. Ночь прошла благополучно в рощице из древовидных папоротников, между которыми носились огромные летучие мыши, метко названные летучими лисицами.

Следующий день, 13 января, начался хорошо. Несчастные случаи не возобновлялись. Состояние здоровья членов экспедиции по-прежнему было удовлетворительное. Лошади и быки молодецки справлялись со своей работой. В «салоне» Элен благодаря непрекращавшемуся притоку посетителей было очень оживленно. Мистер Олбинет усердно обносил всех присутствующих прохладительными напитками, что было очень кстати при тридцатиградусной жаре. Выпили целых полбочонка шотландского эля. Паганель много выпил и ораторствовал еще больше на самые разнообразные темы.

Так хорошо начавшийся день, казалось, должен был и закончиться хорошо. Отряд прошел добрых пятнадцать миль по довольно гористой местности с красноватой почвой. Можно было надеяться, что в тот же вечер удастся расположиться лагерем на берегах Сноу, крупной реки, впадающей на юге провинции Виктория в Тихий океан. Вскоре колеса колымаги стали прокладывать колеи в черноватой наносной почве, поросшей буйными травами и кустами гастрологиума.

Наступал вечер. Туман, четко выделявшийся на горизонте, обозначил течение Сноу. Быки протащили

колымагу еще несколько миль. За небольшим холмом дорога круто поворачивала в высокий лес. Айртон направил довольно утомленных быков между высокими стволами, погруженными во мрак, переехал поляну, и вдруг в какой-нибудь полумиле от реки колымага завязла до ступиц.

— Осторожнее! — крикнул боцман ехавшим за ним всадникам.

— Что случилось? — спросил Гленарван.

— Мы завязли в грязи, — ответил Айртон.

Он подгонял быков криками и ударами заостренной палки, но те увязли по колена и не могли двинуться с места.

— Расположимся здесь лагерем, — предложил Джон Мангле.

— Это лучшее, что мы можем сделать, — отозвался Айртон — завтра при свете нам легче будет отсюда выбраться.

— Привал! — крикнул Гленарван.

После коротких сумерек быстро наступила ночь, но прохлады она не принесла. Воздух был насыщен душными парами. У горизонта порой вспыхивали ослепительные молнии отдаленной грозы.

Кое-как устроились на ночлег в увязшей колымаге и в палатке, раскинутой под темными сводами больших деревьев. Лишь бы не пошел ночью дождь — так еще можно было, не жалуясь, провести ночь.

Айртону удалось, хотя и не без труда, высвободить быков из трясины — они увязли в ней по брюхо. Затем он сам, без посторонней помощи, разместил их на ночь вместе с лошадьми и набрал им корму — труд, который он всегда брал на себя. Вообще ухаживал он за скотом очень умело. Гленарван заметил, что в этот вечер Айртон проявил особенное старание, и поблагодарил его, так как теперь сохранение скота являлось делом первой важности.

Пока Айртон возился со скотом, путешественники сели за довольно скромный ужин. Но они едва к нему притрунулись: утомленные и измученные жарой, они нуждались не столько в пище, сколько в отдыхе. Элен и Мэри Грант, пожелав спокойной ночи своим спутникам, улеглись, как всегда, в колымаге на своих диванчиках. Что же касается мужчин, то одни из них устроились в палатке, а другие предпочли растянуться под деревьями, на густой траве, что в этой здоровой местности было совершенно безопасно.

Мало-помалу все заснули тяжелым сном. Небо заволакивалось большими, густыми тучами, и делалось все темней и темней. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. Ночная тишина нарушалась лишь заунывным криком морпука, напоминающим печальное кукованье европейской кукушки.

Около одиннадцати часов вечера, после недолгого, нездорового сна, тяжелого и утомительного, майор проснулся. Его взгляд с удивлением остановился на каком-то неясном свете, мерцавшем под деревьями. Мак-Наббс сначала принял это за распространившийся по земле пожар.

Он встал и направился к лесу. Велико было его удивление, когда он увидел, что обширное пространство кругом было усеяно фосфоресцирующими грибами. Их поры светились в темноте довольно сильно.

Майор, не будучи эгоистом, уже собирался разбудить Паганеля, чтобы дать возможность ученому собственными глазами увидеть это редкое Явление, как вдруг заметил нечто такое, что остановило его.

Фосфорический свет освещал лес на полмили кругом, и Мак-Наббсу показалось, что какие-то тени скользят у опушки. Был ли это обман зрения? Галлюцинация?

Майор бросился на землю и стал внимательно наблюдать. Вскоре он ясно увидел несколько человек. То нагибаясь, то выпрямляясь, они, казалось, искали на земле еще свежие следы.

Нужно было во что бы то ни стало узнать, чего хотят эти люди.

Мак-Наббс не колебался. Не будя никого из своих спутников, точно дикарь в прериях, он исчез среди высоких трав.

Глава XIX

Неожиданная развязка

Ночь была ужасна. В два часа пошел проливной дождь, ливший до утра. Палатка оказалась ненадежным убежищем. Гленарвану и его спутникам пришлось приютиться в колымаге. О сне и думать было нечего. Велись разговоры о том о сем. Только майор, кратковременное отсутствие которого никто не заметил, не проронил ни слова и молча слушал. Страшнейший ливень не прекращался. Можно было опасаться, что Сноу выйдет из берегов, а тогда колымага, и так увязшая в трясине, очутилась бы в очень критическом положении. Поэтому Мюльредди, Айртон и Джон Манглс не раз ходили смотреть уровень воды в реке и возвращались, промокшие с головы до ног.

Наконец начало светать. Дождь перестал, но солнечные лучи не могли пробиться сквозь нависшие густые тучи. Кругом виднелись широчайшие лужи желтоватой воды, похожие на мутные, грязные пруды. Из размытой почвы поднимались горячие испарения и насыщали воздух нездоровой сыростью.

Гленарван решил прежде всего заняться колымагой. Он считал это самым важным. Принялись осматривать эту тяжелую повозку. Она увязла среди большой котловины, в клейкой глине. Передний ход почти весь провалился в трясину, а задний — по оси. Вытащить такую махину было делом нелегким даже для соединенных усилий людей, быков и лошадей.

— Во всяком случае, надо спешить, а то, когда глина начнет высыхать, наша задача станет еще труднее, — заметил Джон Манглс.

— Поспешим, — отозвался Айртон.

Гленарван, оба матроса, Джон Манглс и Айртон отправились за быками и лошадьми в лес, где те провели ночь. Это был мрачный редкий лес из высоких камедных деревьев. На большом расстоянии друг от друга висели сплошь засохшие деревья, так как с них давным-давно отвалилась кора, что делало их похожими на пробковые дубы во время сбора пробки. Наверху, футах в двухстах над землей, виднелись их жалкие кроны с переплетающимися между собой обнаженными ветвями. Ни одна птица не сидела на этих деревьях-скелетах, ни один лист не дрожал на их сухих, стучащих, как кости, сучьях. Чем вызывается эта довольно частая в Австралии гибель целых лесов, словно пораженных какой-то эпидемической болезнью, неизвестно. Ни старики-туземцы, ни их отцы, давно погребенные в рощах смерти, не видели эти леса зелеными.

Гленарван, идя под этими мертвыми деревьями, смотрел на серое небо, на фоне которого отчетливо вырисовывались, будто вырезанные, мельчайшие их веточки. Айртону очень удивляло, что он не находит лошадей и быков на том месте, куда он отвел их вчера вечером; не могли же спутанные животные забрести далеко!

Их стали повсюду искать в лесу, но безуспешно. Удивленный Айртон вернулся на берег Сноу, поросший великолепными мимозами. Здесь он принялся громко звать своих быков привычным для них окликом, но те не появлялись. Боцман, казалось, был очень встревожен; его спутники разочарованно поглядывали друг на друга.

Так в тщетных поисках прошел целый час, и Гленарван уже собирался было направиться к колымаге, находившейся в доброй миле оттуда, как вдруг он услышал ржанье, а затем почти одновременно раздалось и мычанье.

— Вон они где! — крикнул Джон Манглс, пробираясь между высокими кустами гастролобиума, которые свободно могли бы скрыть и целое стадо.

Гленарван, Мюльреди и Айртон бросились вслед за ним и оцепенели: два быка и три лошади, как и те, прежние, лежали распростертые на земле, точно сраженные молнией. Трупы уже успели остыть. Среди мимоз каркала стая тощих воронов, выжидая, когда можно будет наброситься на добычу.

Гленарван и его спутники переглянулись. У Вильсона невольно вырвалось крепкое словцо.

— Ничего не поделаешь, Вильсон, — сказал, едва сдерживаясь, Гленарван. — Айртон, уведите уцелевших быка и лошадь. Теперь им вдвоем придется выручать нас из беды.

— Если бы колымага не завязла в грязи, — молвил Джон Манглс, — то бык и лошадь, подвигаясь помаленьку, пожалуй, и смогли бы дотащить ее до побережья. Значит, нам во что бы то ни стало нужно высвободить эту проклятую повозку.

— Попробуем это сделать, Джон, — ответил Гленарван. — А теперь вернемся в лагерь: там могут быть обеспокоены нашим продолжительным отсутствием.

Айртон снял путы с быка, а Мюльреди — с лошади, и все, держась извилистого берега реки, направились в лагерь.

Полчаса спустя Паганель, Мак-Наббс, Элен и Мэри Грант были посвящены во все происшедшее.

— А жаль, Айртон, что вам не пришлось подковать всех наших животных тогда, когда мы проходили подле Виммеры, — не выдержав, сказал боцману майор.

— Почему, сэр?

— Да потому, что из всех наших лошадей уцелела только та, которая была подкована вашим кузнецом.

— Совершенно верно, — промолвил Джон Манглс. — Вот странная случайность!

— Случайность, и только, — ответил боцман, пристально глядя на майора.

Мак-Наббс крепко сжал губы, как бы не желая произнести те слова, которые уже готовы были у него вырваться.

Гленарван, Манглс, Элен, казалось, ждали, чтобы майор высказал до конца свою мысль, но он молча направился к колымаге, которую осматривал Айртон.

— Что он хотел сказать? — спросил Гленарван Джона Манглса.

— Не знаю, — ответил молодой капитан, — но майор — не такой человек, чтобы говорить необоснованно.

— Конечно, Джон, — сказала Элен. — Мак-Наббс, по-видимому, в чем-то подозревает Айртона.

— Подозревает? — пожимая плечами, переспросил Паганель.

— Но в чем же? — удивился Гленарван. — Неужели он считает Айртона способным убить наших лошадей и быков? С какой же целью? Разве интересы боцмана не совпадают с нашими?

— Вы правы, дорогой Эдуард, — промолвила Элен, — и я еще добавлю, что с самого начала нашего путешествия боцман дал нам не одно бесспорное доказательство своей преданности.

— Без сомнения, — подтвердил Джон Манглс. — Но что же тогда означают слова майора? Я должен во что бы то ни стало выяснить это.

— Не считает ли он его сообщником тех каторжников? — необдуманно воскликнул Паганель.

— Каких каторжников? — спросила Мэри Грант.

— Господин Паганель ошибся, — поспешно ответил Джон Манглс. — Ему прекрасно известно, что в провинции Виктория нет каторжников.

— Ну конечно, мне это известно, — спохватился географ, охотно бы взявший назад вырвавшиеся у него слова. — Откуда взял я это? Какие там каторжники — о них никто никогда и не слышал в Австралии! К тому же не успеют они высадиться здесь, как моментально становятся вполне честными людьми. Все климат, мисс Мэри! Знаете, благотворное влияние климата...

Бедный ученый, желая загладить свой промах, попал в положение колымаги — он тоже увяз. Элен не спускала с него глаз, и это отнимало у него всякое хладнокровие. Видя это и не желая дольше смущать географа, Элен увела Мэри в палатку, где Олбинет был занят в это время приготовлением завтрака по всем правилам кулинарного искусства.

— Меня самого следовало бы сослать за это! — сконфуженно проговорил Паганель.

— И я так думаю, — отозвался Гленарван. Невозмутимо серьезный тон, каким было это сказано, еще более удручил достойного географа. Гленарван с Джоном Манглсом направились к колымаге.

В эту минуту Айртон и оба матроса старались вытащить ее из трясины. Бык и лошадь, запряженные бок о бок, напрягались изо всех сил. Постромки, казалось, вот-вот должны были лопнуть, хомуты готовы были разорваться. Вильсон и Мюльреди силились сдвинуть с места колеса, а боцман подгонял криком и ударами животных. Тяжелая колымага не трогалась с места. Успевшая уже подсохнуть глина держала ее, словно цемент.

Джон Манглс приказал полить глину водой, чтобы сделать ее менее вязкой. Тщетно: увязшая махина по-прежнему была неподвижна. После новых бесплодных усилий стало ясно, что ничего нельзя поделывать. Оставалось одно — разобрать колымагу по частям. Но за неимением инструментов и это осуществить было невозможно.

Один Айртон не сдавался — он хотел во что бы то ни стало преодолеть это препятствие. Он уже собирался предпринять новую попытку, но Гленарван остановил его.

— Довольно, Айртон, довольно! — сказал он. — Оставшихся быка и лошадь нам надо беречь. Раз уж приходится продолжать путешествие пешком, то одно из этих животных повезет наших путешественниц, а другое — провизию. Они еще смогут принести нам большую пользу.

— Хорошо, сэр, — ответил боцман и стал отпрягать измученных животных.

— А теперь, друзья мои, — продолжал Гленарван, — вернемтесь в лагерь. Устроим совещание, обсудим наше положение, взвесим, на что мы можем надеяться и чего нам приходится опасаться, а затем примем то или другое решение.

Путешественники подкрепились после тяжелой ночи довольно скромным завтраком, а затем началось обсуждение создавшегося положения. Все присутствующие должны были высказать свое мнение.

Прежде всего следовало самым точным образом определить местонахождение лагеря. Паганель выполнил это возложенное на него поручение со всей требуемой пунктуальностью.

По словам географа, их экспедиция находилась на берегу реки Сноу, на тридцать седьмой параллели, под 147°53' долготы.

— А каковы точные координаты бухты Туфольд? — спросил Гленарван.

— Она находится на сто пятидесятом градусе долготы, — ответил Паганель.

— Сколько же миль составляют эти два градуса семь минут?

— Семьдесят пять миль.

— А в каком от нас расстоянии Мельбурн?

— В двухстах милях, не меньше.

— Хорошо, — промолвил Гленарван. — Теперь, когда местоположение наше выяснено, обсудим, что нам предпринять.

Все сошлись на том, что следует немедленно направиться к побережью. Элен и Мэри Грант обязались делать ежедневно по пяти миль. Отважные женщины были готовы, если понадобится, идти пешком от реки Сноу до самой бухты Туфольд.

— Вы отважный товарищ в путешествии, дорогая Элен, — сказал жене Гленарван. — Но можем ли мы быть уверены, что, придя в эту бухту, раздобудем там все для нас нужное?

— Без сомнения, — сказал Паганель. — Эден — город, существующий не со вчерашнего дня, и между его портом и Мельбурнским должны часто курсировать суда. Но мне думается, что в тридцати пяти милях отсюда, в поселении Делегейт, мы сможем не только запастись съестными припасами, но добыть даже и средства передвижения.

— А как с «Дунканом»? — спросил Айртон. — Не считаете ли вы, милорд, своевременным приказать ему идти в бухту Туфольд?

— Ваше мнение, Джон? — спросил Гленарван.

— Мне кажется, сэр, вам не следует торопиться с этим, — ответил, подумав, молодой капитан. — Вы всегда успеете вызвать Тома Остина к побережью.

— Это совершенно очевидно, — добавил Паганель.

— Не надо забывать, — продолжал Джон Манглс, — что через четыре или пять дней мы будем в Эдене.

— Четыре или пять дней? — повторил Айртон, качая головой. — Нет, капитан, смело считайте, что на это понадобится дней пятнадцать, а то и все двадцать, или вам придется сожалеть потом о вашей ошибке.

— Пятнадцать или двадцать дней для того, чтобы пройти семьдесят пять миль! — воскликнул Гленарван.

— И это самое меньшее, сэр. Ведь вам предстоит пробираться через наиболее трудные места Виктории — через пустынные места, где, по словам скваттеров, нет никаких стоянок, где ничего нельзя достать. Все там заросло кустарником, дорог нет. Продвигаться придется с топором или факелом в руках, а при таких условиях, поверьте мне, вы много в день не пройдете.

Айртон сказал все это уверенным тоном, а когда глаза присутствующих вопросительно обратились к Паганелю, географ кивком головы подтвердил слова боцмана.

— Пусть так, — сказал Джон Манглс. — Ну что ж, вы пошлете распоряжение «Дункану» через пятнадцать дней.

— Надо прибавить, — продолжал Айртон, — что те препятствия, о которых упоминал я, еще не самые главные — ведь надо будет переправляться через реку Сноу, и, по всей вероятности, придется ожидать убыли воды.

— Ожидать? — воскликнул молодой капитан. — Да разве там нельзя найти брод?

— Не думаю, — ответил Айртон. — Сегодня утром я пытался найти брод, но это мне так и не удалось. Редко можно встретить реку столь бурную в это время года, как Сноу. А с этим уже ничего не поделаешь.

— Значит, она широка, эта Сноу? — спросила Элен Гленарван.

— Широка и глубока, миссис, — ответил Айртон. — Шириной она будет с милю, и течение ее стремительно. Даже для хорошего пловца было бы небезопасным делом попытаться переплыть ее.

— Ну так что ж! — воскликнул ничем не смущавшийся Роберт. — Срубим дерево, выдолбим его и поплывем. Вот и все!

— Молодец сын капитана Гранта! — воскликнул Паганель.

— Конечно, он прав, — сказал Джон Манглс. — Нам ничего не остается, как прибегнуть к этому. И я считаю, что не стоит терять время на бесполезные прения.

— Что скажете, Айртон? — обратился к боцману Гленарван.

— Боюсь, сэр, что если не подоспеет помощь, то мы и через месяц все еще будем сидеть на берегах Сноу.

— А есть у вас другой, лучший план? — с некоторой досадой спросил Джон Манглс.

— Есть: если «Дункан» покинет Мельбурн и приблизится к восточному побережью.

— Ах, опять «Дункан»! А почему, скажите, когда яхта придет в бухту Туфольд, нам легче будет добраться до этой бухты?

— Я не хочу навязывать свои мнения. То, что я предлагаю, я предлагаю в общих интересах и готов пуститься в путь по первому вашему слову, — после некоторого размышления ответил довольно уклончиво боцман.

Проговорив это, он скрестил руки на груди.

— Это не ответ, Айртон, — сказал Гленарван. — Познакомьте нас с вашим планом, и мы обсудим его.

— Я считаю, что в том тяжелом положении, в каком мы находимся, нам не следует подвергать себя риску и уходить с берегов Сноу, — начал спокойным и уверенным тоном Айртон. — Мы должны ждать здесь помощи, а получить ее мы сможем только от «Дункана». Расположимся же на этом месте лагерем, и пусть один из нас доставит Тому Остину приказ идти в бухту Туфольд.

Все были несколько удивлены этим неожиданным предложением, а Джон Манглс отнесся к нему явно неодобрительно.

— Тем временем, — продолжал боцман, — или спадет вода в Сноу и мы сможем перебраться через нее вброд, или, если этого не случится, мы успеем соорудить лодку. Вот тот план, который я предлагаю вам, сэр.

— Хорошо, Айртон, — ответил Гленарван, — ваше предложение заслуживает серьезного обсуждения. Основной его недостаток в том, что, приняв его, мы потеряем много времени, но зато избежим изнурительной траты сил, а быть может, убережемся и от возможных опасностей... Что скажете, друзья мои?

— Выскажите ваше мнение, дорогой Мак-Наббс, — обратилась к майору Элен. — С самого начала обсуждения вы только слушаете, а сами не проронили ни единого слова.

— Раз вы спрашиваете моего мнения, — ответил Мак-Наббс, — я совершенно откровенно вам его выскажу: мне кажется, что Айртон сейчас говорил, как человек умный и осторожный, и я поддерживаю его предложение.

Никто не ожидал такого ответа, ибо до сих пор Мак-Наббс всегда оспаривал мнение Айртона в этом вопросе. Самого боцмана, видимо, это удивило — он бросил быстрый взгляд на майора. Паганель, Элен и матросы были склонны поддержать проект Айртона, слова же Мак-Наббса рассеяли их последние сомнения.

Гленарван объявил, что в принципе план Айртона принимается.

— А теперь, Джон, — обратился Гленарван к молодому капитану, — скажите: вы тоже находите благоразумным остаться здесь, на берегу реки, в ожидании средств передвижения?

— Да, — ответил Джон Мангсе, — если только нашему гонцу удастся переправиться через Сноу, которую мы сами не можем перейти.

Все взоры устремились на боцмана. Тот улыбнулся с видом человека, уверенного в себе.

— Гонец и не будет переправляться через реку, — сказал он.

— Не будет? — удивился Джон Мангле.

— Он просто вернется на Люкноускую дорогу и по ней отправится в Мельбурн.

— Пройти двести пятьдесят миль пешком! — воскликнул молодой капитан.

— Нет, верхом, — возразил Айртон. — Ведь у нас имеется одна здоровая лошадь. На ней дня в четыре можно покрыть это расстояние. Прибавьте к этому еще два дня на переход «Дункана» в бухту Туфольд, сутки, чтобы добраться до нашего лагеря. Значит, через неделю гонец с отрядом матросов будет здесь.

Майор сопровождал одобрительными кивками головы слова Айртона, что очень удивляло Джона Манглса. Итак, предложение боцмана было принято единогласно, и оставалось только выполнить этот действительно хорошо задуманный план.

— А теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — нам остается выбрать гонца. Он возьмет на себя поручение и трудное и рискованное, не хочу скрывать этого. Кто же пожертвует собой ради своих товарищей? Кто отправится в Мельбурн с нашим наказом?

Вильсон, Мюльреди, Джон Манглс, Паганель и даже Роберт тотчас же предложили свои услуги. Особенно настаивал Джон Манглс.

Но тут заговорил молчавший до этого времени Айртон:

— С вашего разрешения, поеду я. Я знаю этот край. Не раз мне случалось скитаться по местам, еще более диким и опасным. Я смогу выпутаться из беды там, где другой погибнет. Вот почему я в общих интересах прошу отправить в Мельбурн именно меня. Вы дадите мне письмо к помощнику капитана яхты, и я ручаюсь, что через шесть дней «Дункан» будет уже в бухте Туфольд.

— Хорошо сказано, Айртон! — ответил Гленарван. — Вы человек умный и смелый и добьетесь своего!

Действительно, было очевидно, что Айртон сможет лучше чем кто-либо справиться с этой трудной задачей.

Все это поняли, и никто не стал с ним спорить. Только Джон Манглс сделал последнюю попытку удержать Айртона, сказав, что он нужен для разыскивания следов «Британии» и Гарри Гранта. Но на это майор заметил, что экспедиция до возвращения боцмана никуда не тронется с берегов Сноу и потому не может быть и речи о возобновлении без него этих важных поисков. Следовательно, отсутствие Айртона отнюдь не принесет никакого ущерба интересам капитана Гранта.

— Ну что ж, отправляйтесь, Айртон, — сказал Гленарван. — Поторапливайтесь и возвращайтесь через Эден в наш лагерь у Сноу.

При этих словах глаза боцмана сверкнули торжествующим блеском. Он быстро отвернулся, но Джон Манглс успел уловить эту радость. Молодой капитан чувствовал, как инстинктивно растет его недоверие к Айртону.

Боцман занялся приготовлениями к отъезду. Ему в этом помогали оба матроса: один из них седлал лошадь, другой заготавливал провизию. Гленарван же в это время писал письмо Тому Остину. В нем он давал приказ помощнику капитана «Дункана» немедленно идти в бухту Туфольд. Об Айртоне он говорил как о человеке, на которого можно всецело положиться. По прибытии яхты на восточное побережье Тому Остину предписывалось дать в распоряжение Айртона отряд матросов с яхты. Гленарван как раз дописывал в письме это предписание, когда Мак-Наббс, не спускавший глаз со своего кузена, спросил его каким-то особенным тоном, как пишется имя «Айртон».

— Да так, как оно произносится, — ответил Гленарван.

— Вы ошибаетесь, — спокойным тоном проговорил майор — это имя произносится «Айртон», а пишется «Бен Джойс»!

Глава XX

«Ландия! Зеландия!»

Это имя, Бен Джойс, произвело впечатление удара молнии. Айртон резко выпрямился. В руках его блеснул револьвер. Грянул выстрел. Гленарван упал, сраженный пулей. Снаружи раздалась ружейная стрельба.

Джон Манглс и матросы, в первую минуту оцепеневшие от неожиданности, хотели было кинуться на Бена Джойса, но дерзкий каторжник уже исчез и присоединился к своей шайке, рассеянной по опушке леса.

Палатка не являлась достаточным прикрытием от пуль. Надо было отступить. Легко раненный Гленарван поднялся на ноги.

— К колымаге! К колымаге! — крикнул Джон Манглс, увлекая за собой Элен и Мэри Грант.

Вскоре они были в безопасности за толстыми дощатыми стенками колымаги.

Джон Манглс, майор, Паганель и матросы схватили свои карабины и, укрываясь за колымагой, приготавились отражать нападение каторжников. Олбинет поспешил занять место среди защитников.

Все эти события совершились с быстротой молнии. Джон Манглс внимательно следил за тем, что делается на опушке леса. Как только Бен Джойс добрался до своей шайки, выстрелы сразу прекратились. После беспорядочной стрельбы наступила тишина. Только там и сям среди камедных деревьев еще расходились дымки выстрелов. Высокие кусты гастролобиума не шевелились. Не было никаких признаков нападения.

Майор и Джон Манглс произвели разведку вплоть до самого леса. Никого уже не было. Виднелись многочисленные следы ног да кое-где дымился, догорая, затравочный порох. Майор, будучи человеком осторожным, затоптал его, прекрасно понимая, что одной искры было достаточно, чтобы вызвать в высохшем лесу страшный пожар.

— Каторжники скрылись, — промолвил Джон Мангле.

— Да, — отозвался майор, — и это, признаться, тревожит меня. Я предпочел бы встретиться с этими разбойниками лицом к лицу: не так страшен тигр на равнине, как змея среди высоких трав. Обследуем-ка этот кустарник вокруг колымаги.

Майор и Джон Манглс обследовали всю окружающую местность. От опушки леса до берегов Сноу им не попался ни один каторжник. Шайка Бена Джойса, казалось, умчалась, подобно стае хищных птиц. Это исчезновение было слишком странно, чтобы путешественники могли почувствовать себя в безопасности. Поэтому решили держаться настороже. Колымага, эта настоящая увязнувшая в глине крепость, делалась центром лагеря. Два человека, меняясь каждый час, стояли на часах.

Первой заботой Элен и Мэри Грант было поскорее перевязать рану Гленарвана. В ту минуту, когда муж ее упал, сраженный пулей Бена Джойса, Элен в ужасе бросилась к нему. Потом, овладев собой, эта мужественная женщина помогла раненому добраться до колымаги. Когда обнажили плечо Гленарвана, майор, исследовав рану, убедился, что пуля не задела ни костей, ни мускулов. Рана сильно кровоточила, но Гленарван свободно двигал пальцами и предплечьем — это успокоило его жену и друзей. Тотчас была сделана перевязка, после чего Гленарван потребовал, чтобы им более не занимались. Настало время выяснить только что происшедшие события. Путешественники, за исключением Мюльредди и Вильсона,

стороживших снаружи, кое-как разместились в колыхаге и обратились к майору за разъяснениями.

Прежде чем начать свой рассказ, Мак-Наббс счел нужным сообщить Элен о том, что ей было неизвестно, то есть о бегстве шайки каторжников из Пертской тюрьмы, об их появлении в провинции Виктория и о том, что крушение поезда на Кемденском мосту было делом их рук. Он вручил ей также номер «Австралийской и Новозеландской газеты», купленный им в Сеймуре, и прибавил, что полиция назначила сто фунтов стерлингов за голову Бена Джойса — опасного разбойника, приобретшего благодаря совершенным им в течение полутора лет преступлениям печальную известность.

Но каким же образом удалось Мак-Наббсу узнать в боцмане Айртоне Бена Джойса? Это была тайна, которую всем хотелось узнать. Майор рассказал следующее.

С первого же момента встречи с Айртоном Мак-Наббс, по его словам, инстинктивно почувствовал к нему недоверие. Два-три незначительных факта: взгляд, которым боцман обменялся с кузнецом у реки Виммеры; его стремление по возможности объезжать города и поселения; та настойчивость, с которой он добивался вызова «Дункана» на восточное побережье; странная гибель бывших на его попечении животных — все это, вместе взятое, а также какая-то настороженность боцмана в его обращении с окружающими пробудили в майоре подозрения. Однако до событий прошлой ночи Мак-Наббс все же не мог определенно сказать, в чем именно он подозревает Айртона.

Но этой ночью, прокравшись среди высоких кустов, он добрался в полумиле от лагеря до подозрительных теней, привлечших издали его внимание. Фосфоресцирующие грибы бросали слабый свет среди мрака. Трое человек рассматривали на земле свежие следы. Среди этих людей Мак-Наббс узнал кузнеца из Блек-Пойнта. «Это они», — проговорил один. «Да, — отозвался другой, — вот и трилистник на подкове». — «След идет от самой Виммеры». — «Все лошади подошли». — «Яд под рукой». — «Его столько, что можно бы вывести из строя целый кавалерийский полк». — «Да, полезное растение этот гастролобиум!»

— Тут они замолчали, — продолжал Мак-Наббс, — и пошли прочь. Но того, что я услышал, было для меня слишком мало, и я пошел за ними. Вскоре они снова заговорили. «Ну и ловкач же этот Бен Джойс! — сказал кузнец. — Как этот молодчина боцман хитро придумал кораблекрушение! Если его план удастся, мы богачи! Этот Айртон — черт, а не человек». — «Нет, зови его Беном Джойсом, он таки заслужил это имя!» Затем негодяи ушли из леса. Теперь я знал все, что хотел узнать, и вернулся в лагерь, убежденный в том, что Австралия влияет благотворно далеко не на всех каторжников, не во гнев будь сказано Паганелю.

Майор умолк. Товарищи его сидели молча, в раздумье.

— Итак, Айртон завлек нас сюда, чтобы ограбить и убить? — проговорил бледный от гнева Гленарван.

— Да! — ответил майор.

— И от самой Виммеры его шайка идет по нашим следам, ожидая благоприятного момента?

— Да.

— Так, значит, этот негодяй вовсе не матрос с «Британии»? Значит, он украл у какого-то Айртона имя и его договорную книжку с судна?

Все посмотрели на Мак-Наббса: ведь ему тоже должны были прийти в голову эти мысли.

— Вот что можно установить с достоверностью во всей этой темной истории, — ответил майор своим неизменно спокойным голосом. — Мне кажется, что имя этого человека в самом деле Айртон. Бен Джойс — это его кличка. Несомненно, что он знает Гарри Гранта и был боцманом на «Британии». То и другое явствует из тех подробностей, о которых упоминал Айртон, да к тому же это было подтверждено и приведенными мной разговорами каторжников. Не будем же блуждать среди бесполезных гипотез, а

признаем бесспорным, что Айртон и Бен Джойс — одно и то же лицо, то есть что матрос «Британии» впоследствии стал главарем шайки беглых каторжников.

Слова Мак-Наббса не вызвали никаких возражений.

— А теперь, — сказал Гленарван, — не поясните ли вы мне, Мак-Наббс, каким образом и почему боцман Гарри Гранта попал в Австралию?

— Каким образом? Не знаю, — ответил майор. — И полиция заявляет, что она не более моего осведомлена об этом. Почему? Это мне тоже неизвестно. Здесь тайна, которую раскроет только будущее.

— Полиция даже не подозревает, что Айртон и Бен Джойс одно и то же лицо, — заметил Джон Мангле.

— Вы правы, Джон, — ответил майор. — И эти сведения могли бы помочь ее розыскам.

— Очевидно, этот несчастный проник на ферму Падди О'Мура с преступной целью, — промолвила Элен.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс. — Он, видимо, подготовлял на ферме ирландца какое-нибудь преступление, а тут подвернулось нечто более заманчивое. Случай свел его с нами. Он слышал рассказ Гленарвана, узнал историю кораблекрушения и, будучи дерзким, смелым человеком, тут же решил извлечь из этого дела пользу. Решено было организовать экспедицию. У Виммеры он вошел в сношения с одним из своих людей, кузнецом из Блек-Пойнта, и тот, подковав лошадь Гленарвана подковой с трилистником, дал возможность шайке идти по нашим следам. С помощью ядовитого растения Бен Джойс мало-помалу уничтожил наших быков и лошадей. Наконец, когда приспело время, он завел нас в болота Сноу и предал в руки беглых каторжников, главой которых он является.

Все стало ясно. Майор раскрыл всю тактику Бена Джойса, и этот негодяй был показан таким, каким был на самом деле: дерзким и опасным преступником. Намерения его были теперь вполне ясны, и они требовали от Гленарвана величайшей бдительности. К счастью, разоблаченный разбойник был все же менее страшен, чем предатель.

Однако из обстоятельств, так всесторонне выясненных майором, вытекало одно важное следствие, о котором пока никто, кроме Мэри Грант, не подумал. В то время как другие обсуждали прошлое, она думала о будущем.

Джону Манглсу первому бросились в глаза ее бледное лицо, ее отчаяние. Он сразу понял, что должна была она переживать.

— Мисс Мэри! Мисс Мэри! Вы плачете! — воскликнул он.

— Ты плачешь, мое дитя? — с участием обратилась к Мэри Элен.

— Отец мой, отец!.. — прошептала бедняжка.

Она не в силах была продолжать. Но всех вдруг осенила одна и та же мысль — всем стало понятно горе Мэри, почему она заплакала, почему вспомнила об отце.

Раскрытие предательства Айртона убивало всякую надежду найти Гарри Гранта. Каторжник, для того чтобы завлечь Гленарвана в глубь материка, придумал крушение у Австралийского побережья. Об этом определенно было упомянуто в разговоре бандитов, подслушанном Мак-Наббсом. Никогда «Британия» не разбивалась о подводные камни бухты Туфольд! Никогда Гарри Грант не ступал ногой на Австралийский материк! Еще раз, во второй раз, ошибочное истолкование документа толкнуло искавших «Британию» по ложному пути.

Подавленные горем юных Грантов, их спутники хранили молчание. Роберт плакал, прижавшись к

сестре. Паганель с раздражением бормотал:

— А, злосчастный документ! Ну и тяжелому же испытанию подвергаешь ты мозги дюжины честных людей!

И, гневаясь на самого себя, почтенный географ отчаянно колотил себя кулаком по лбу.

Тем временем Гленарван пошел к Мюльреди и Вильсону, стоявшим на страже. По всей долине между опушкой леса и рекой царила полнейшая тишина. На небе неподвижно теснились густые тучи. В дремотно застывшем воздухе далеко разнесся бы малейший звук, между тем ничего не было слышно. По-видимому, Бен Джойс и его шайка удалились на порядочное расстояние, иначе не веселились бы так на нижних ветках деревьев стаи птиц, не объедали бы так мирно молодые побеги несколько кенгуру, не высовывала бы доверчиво из кустов свои головы пара эурусов — все это было признаком того, что нигде в окрестной мирной глуши нет людей.

— Вы ничего не видели и не слышали за последний час? — спросил Гленарван матросов.

— Ничего, сэр, — ответил Вильсон. — Каторжники, должно быть, теперь за несколько миль отсюда.

— Как видно, их было слишком мало, чтобы они рискнули напасть на нас, — добавил Мюльреди. — Вероятно, этот Бен Джойс отправился вербовать себе помощников среди других таких же беглых каторжников, бродящих у подножия Альп.

— Видимо, так, Мюльреди, — согласился Гленарван. — Эти негодяи — трусы. Они знают, что мы вооружены — и хорошо вооружены. Быть может, они ждут ночи, чтобы напасть на нас. Когда станет темнеть, нам нужно будет усилить бдительность. Ах, если бы мы могли покинуть эту болотистую равнину и продолжать наш путь к побережью! Но разлившиеся воды реки преграждают нам дорогу. Золотом оплатил бы я плот, который переправил бы нас на тот берег.

— А почему же вы не прикажете нам построить такой плот, сэр? — спросил Вильсон. — Ведь деревьев здесь сколько угодно.

— Нет, Вильсон, — ответил Гленарван, — эта Сноу не река, а непреодолимый поток.

Тут к Гленарвану подошли Джон Манглс, майор и Паганель, Они как раз только что обследовали Сноу. В результате последних дождей ее воды поднялись еще на один фут. Они неслись со стремительностью, напоминавшей пороги американских рек. Конечно, немислимо было пуститься по этой ревущей, клокочущей поверхности, изрытой водоворотами. Джон Манглс заявил, что переправа неосуществима.

— Все же нельзя сидеть здесь сложа руки, — прибавил он. — То, что хотели предпринять до предательства Айртона, по-моему, теперь еще более необходимо, чем раньше.

— Что вы хотите сказать, Джон? — спросил Гленарван.

— Я хочу сказать, что нам срочно необходима помощь, и раз нельзя отправиться в бухту Туфольд, надо отправляться в Мельбурн.

— Но это рискованная попытка, Джон, — сказал Гленарван. — Не говоря уже обо всех опасностях этого путешествия в двести миль по неизвестному краю, надо принять во внимание еще и то, что все дороги и тропы, вероятно, отрезаны сообщниками Бена Джойса.

— Я это знаю, сэр, но знаю также и то, что подобное положение не может продолжаться. Айртону, по его словам, требовалась неделя, чтобы доставить сюда матросов с «Дункана»; я же берусь вернуться с ними на берега Сноу через шесть дней. Так как же, сэр? Каковы будут ваши приказания?

Гленарвана опередил Паганель.

— Я должен высказать одно соображение, — сказал он. — Ехать в Мельбурн надо, но я против того, чтобы этим опасностям подвергался Джон Манглс. Он капитан «Дункана» и поэтому не должен рисковать своей жизнью. Вместо него поеду я.

— Хорошо сказано! — похвалил майор. — Но почему именно вам надо ехать?

— А мы разве не можем? — в один голос воскликнули Мюльреди и Вильсон.

— А меня, вы думаете, испугает путешествие в каких-нибудь двести миль, да еще верхом? — сказал Мак-Наббс.

— Друзья мои, — заговорил Гленарван, — раз один из нас должен ехать в Мельбурн, то давайте бросим жребий... Паганель, пишите наши имена.

— Во всяком случае, не ваше, сэр, — заявил Джон Мангле.

— Почему? — спросил Гленарван.

— Как можете вы покинуть миссис Элен, да притом еще тогда, когда не зажила ваша рана!

— Гленарван, вам нельзя покидать экспедицию! — воскликнул Паганель.

— Я тоже против этого, — сказал Мак-Наббс. — Ваше место здесь, Эдуард, вы не должны уезжать.

— Поездка предстоит опасная, и я не хочу взваливать мою долю опасности на других... — возразил Гленарван. — Пишите, Паганель. Пусть мое имя будет смешано с именами моих товарищей.

Спутникам Гленарвана пришлось подчиниться его решению. Имя Гленарвана присоединили к другим именам. Стали тянуть жребий, и он пал на Мюльреди. У отважного матроса вырвалось радостное «ура».

— Сэр, я готов пуститься в дорогу, — отрапортовал он.

Гленарван пожал руку Мюльреди и направился к колымаге, а майор и Джон Манглс остались на страже.

Элен немедленно узнала о принятом решении послать гонца в Мельбурн, а также и о том, на кого пал жребий. У нее нашлись для честного матроса слова, тронувшие его до глубины сердца. Все знали Мюльреди как человека храброго, толкового, неутомимого, и, конечно, жребий ни на кого не мог пасть более удачно.

Отъезд Мюльреди был назначен на восемь часов вечера, тотчас же после коротких австралийских сумерек. Вильсон взял на себя снарядить лошадь. Ему пришло в голову заменить на ее левой ноге изобличительную подкову с трилистником другой, снятой с одной из павших ночью лошадей. Благодаря этому, думалось ему, каторжники не будут в состоянии распознать следы Мюльреди, а гнаться за ним, не имея лошадей, они не смогут.

В то время как Вильсон был занят лошадью, Гленарван занялся письмом Тому Остину. Он не мог писать из-за раненой руки и попросил сделать это Паганеля. Ученый, видимо поглощенный какой-то навязчивой мыслью, казалось, не замечал того, что творится вокруг него. Надо сказать, что среди всех этих тревожных обстоятельств Паганель думал лишь об одном: о неверно истолкованном документе. Он всячески переставлял слова, стремясь извлечь из них новый смысл, и с головой ушел в эту работу.

Конечно, он не расслышал просьбы Гленарвана, и тот принужден был ее повторить.

— А, прекрасно! Я готов! — отозвался Паганель. Говоря это, он машинально вырвал листок из своей записной книжки, взял в руки карандаш и приготовился писать.

Гленарван начал диктовать следующее:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан»...

Паганель дописывал это последнее слово, но тут его глаза случайно остановились на валявшемся на земле номере «Австралийской и Новозеландской газеты».

Газета была сложена, и из названия виднелось лишь слово «зеландская». Карандаш Паганеля вдруг остановился: географ, по-видимому, совершенно забыл и о Гленарване, и о его письме, и о том, что ему диктовали.

— Паганель! — окликнул его Гленарван.

— Ах! — воскликнул географ.

— Что с вами? — спросил майор.

— Ничего, ничего, — пробормотал Паганель. Потом он зашептал про себя: — Зеланд... ланд... ландия!

Он вскочил и схватил газету. Он тряс ее, стараясь удержать слова, рвавшиеся с уст.

Элен, Мэри, Роберт, Гленарван с удивлением смотрели на географа, не понимая, чем могло быть вызвано его волнение.

Паганель походил на человека, внезапно сошедшего с ума. Но нервное его возбуждение длилось недолго. Ученый мало-помалу успокоился. Радость, светившаяся в его глазах, угасла. Он сел на прежнее место и сказал спокойно:

— Я к вашим услугам, сэр.

Гленарван снова принялся диктовать письмо. В окончательном виде оно гласило: «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Австралии».

— Австралии? — переспросил Паганель. — Ах да, Австралии!..

Закончив письмо, географ дал его на подпись Гленарвану. Тот кое-как подписал — ему мешала его рана. Затем письмо было запечатано, и Паганель еще дрожащей от волнения рукой написал на конверте:

«Тому Остину, помощнику капитана яхты «Дункан», Мельбурн».

Вслед за этим он покинул колымагу, жестикулируя и повторяя непонятные слова:

— Ландия! Ландия! Зеландия!

Глава XXI

Четыре томительных дня

Остаток дня прошел без происшествий. Все приготовления к отъезду Мюльреди были закончены. Честный матрос был счастлив, что может доказать Гленарвану свою преданность.

К Паганелю вернулись его хладнокровие и обычная манера держать себя. Правда, по его виду можно было догадаться, что он о чем-то непрерывно думает, но решил скрывать свою заботу. Без сомнения, у него были на это серьезные причины, ибо майор слышал, как он повторял, словно борясь с собой:

— Нет, нет! Они мне не поверят! Да и зачем? Слишком поздно!

Приняв такое решение, Паганель занялся Мюльреди и показал ему на карте тот путь, которого ему следовало держаться, чтобы достигнуть Мельбурна. Все имевшиеся на равнине тропы вели к дороге на Люкноу. Последняя шла прямо на юг до самого побережья, где круто поворачивала по направлению к Мельбурну. Географ советовал Мюльреди все время держаться этого пути и не пытаться ехать напрямик по малоизвестному краю. Ничто не могло быть проще. Заблудиться Мюльреди не мог.

Опасность грозила только вблизи лагеря, на протяжении тех нескольких миль, где, по всей вероятности, засел в засаде Бен Джойс со своей шайкой. Проехав это расстояние, Мюльреди мог быть уверен в том, что каторжники его уже не догонят и он благополучно выполнит свое важное поручение.

В шесть часов пообедали. Шел проливной дождь, защитит от которого палатка не могла. Поэтому все забрались в колымагу. Она представляла собой надежное убежище. Увязнув в глине, она прочно покоилась на ней, как форт на своем фундаменте. Арсенал этой крепости, состоявший из семи карабинов и семи револьверов, давал возможность выдержать довольно продолжительную осаду, благо не было недостатка ни в боевых припасах, ни в съестных. Между тем можно было рассчитывать на то, что через шесть дней «Дункан» бросит якорь в бухте Туфольд, а еще через сутки его команда появится на противоположном берегу Сноу, и если даже переправа через реку будет еще невозможна, то шайка каторжников, во всяком случае, принуждена будет отступить перед превосходящими силами противника. Но для этого прежде всего нужно было, чтобы Мюльреди успешно выполнил свое опасное поручение.

В восемь часов вечера совершенно стемнело. Настало время трогаться в путь. Привели оседланную лошадь. Ее копыта, из осторожности обернутые тряпками, беззвучно ступали по земле. Животное имело утомленный вид, а между тем от твердости его поступи и крепости ног зависело общее спасение. Майор посоветовал Мюльреди побережь свою лошадь, как только он будет вне досягаемости со стороны каторжников. Лучше хотя и с опозданием на полдня, но зато наверняка добраться до цели.

Джон Манглс передал матросу револьвер, только что им тщательно заряженный. Он мог явиться грозным оружием в руке отважного человека, ибо шесть выстрелов, последовавших один за другим в течение нескольких секунд, легко расчистили бы дорогу, прегражденную бандитами. Мюльреди вскочил на лошадь.

— Вот письмо, которое ты передашь Тому Остину, — сказал Гленарван. — Скажи ему: пусть, не теряя ни часа, плывет в бухту Туфольд, и если нас там в это время не окажется из-за невозможности переправиться через Сноу, то пусть немедленно спешит нам на помощь. А теперь, мой честный матрос, отправляйся в путь!

Гленарван, Элен и Мэри Грант — все крепко пожали руку Мюльреди. Этот отъезд в темную,

дождливую ночь, когда предстояло пробираться путем, усеянным опасностями, через необъятные пространства дикого, неизведанного края, смог бы, пожалуй, смутить немало людей, менее крепких духом, чем отважный матрос.

— Прощайте, сэр, — промолвил он спокойно. Затем он поскакал по тропе, шедшей вдоль опушки леса, и вскоре исчез.

К этому времени порывы ветра еще более усилились. Ветви эвкалиптов ударялись с глухим стуком друг о друга, и порой было слышно, как они, отломившись, падали на мокрую, размякшую землю. Не одно гигантское дерево, высохшее, но все еще стоявшее, повалилось в эту бурную ночь. Среди треска деревьев и рева Сноу раздавались завывания урагана. Густые тучи, гонимые к востоку, неслись так низко над землей, что казались клубами пара. Царивший кругом беспросветный мрак делал еще страшнее эту и без того страшную ночь.

После отъезда Мюльреди путешественники приютились в колымаге. Элен, Мэри Грант, Гленарван и Паганель разместились в переднем отделении. Оно из предосторожности наглухо было закрыто. В заднем отделении устроились Олбинет, Вильсон и Роберт. Майор и Джон Манглс несли дозор у колымаги, что являлось необходимым ввиду возможного нападения каторжников.

Оба этих верных стража стояли на своем посту, стойчески перенося хлеставшие им в лицо порывы дождя и ветра. Сознывая, насколько благоприятен такой мрак для нападения, они силились проникнуть взором в его глубину, ибо из-за воя бури, треска сучьев, шума валившихся деревьев, рева бушевавших вод слышать что-либо было совершенно невозможно.

Однако среди всего этого оглушительного шума порой на короткое время наступало затишье. Ветер приостанавливался словно для того, чтобы перевести дух. Одна лишь Сноу бурлила среди неподвижных камышей и черной завесы камедных деревьев. В такие минуты тишина казалась особенно глубокой. Майор и Джон Манглс слушали тогда с удвоенным вниманием.

В один из моментов затишья до них донесся пронзительный свист. Джон Манглс поспешно подошел к майору.

— Слыхали? — спросил он его.

— Да, — ответил Мак-Наббс. — Но что это: человек или животное?

— Человек, — ответил Джон Манглс.

Оба стали напряженно прислушиваться. Вдруг снова послышался тот же необъяснимый свист, а вслед за ним — звук, похожий на выстрел. В этот миг буря опять забушевала с новой силой.

Мак-Наббс и Джон Манглс, не будучи в состоянии слышать друг друга, направились к колымаге с подветренной стороны. В ту минуту, когда они подходили к ней, кожаные занавеси колымаги приподнялись, и из нее вышел Гленарван.

Он тоже слышал и зловещий свист и выстрел, отдавшийся эхом под брезентовым навесом.

— В каком направлении это было? — спросил он.

— Вон там, — Джон Манглс указал рукой в сторону темной тропы, по которой поехал Мюльреди.

— На каком расстоянии?

— Звуки донеслись по ветру. Должно быть, происходило это не ближе чем в трех милях отсюда, — ответил Джон Манглс.

— Идем! — сказал Гленарван, вскидывая на плечо карабин.

— Нельзя! — отозвался майор. — Это западня, расставленная бандитами, чтобы увести нас подальше от колымаги.

— А что, если Мюльреди пал от руки этих негодяев? — настаивал, схватив за руку Мак-Наббса, Гленарван.

— Об этом мы узнаем завтра, — хладнокровно ответил майор, твердо решивший удержать Гленарвана от бесполезной неосторожности.

— Вам нельзя покинуть лагерь, сэр, — сказал Джон, — пойду я один.

— И вы также не должны идти! — с твердостью возразил Мак-Наббс. — Неужели вы хотите, чтобы нас перебили поодиночке, хотите ослабить наши силы, хотите, чтобы мы оказались в руках этих злодеев? Если Мюльреди стал их жертвой, зачем же прибавлять к этому несчастью еще новое? Мюльреди отправился потому, что на него пал жребий. Пади жребий на меня, отправился бы не он, а я, но при этом я не просил бы и не ждал бы никакой помощи.

Майор был со всех точек зрения прав, удерживая Гленарвана и Джона Манглса. Было бы безумием, притом совершенно бесполезным, идти на поиски матроса в такую темную ночь, в лесу, где засели в засаде каторжники. В небольшом отряде Гленарвана числилось слишком мало людей, чтобы можно было рисковать еще чьей-нибудь жизнью.

Однако Гленарван, видимо, не хотел согласиться с этими доводами. Рука его нервно теребила карабин. Он ходил взад и вперед у колымаги, прислушивался к малейшему шороху, вглядывался в зловещий мрак. Его терзала мысль, что один из близких ему людей где-то лежит смертельно раненный, всеми брошенный, тщетно зовя на помощь тех, для кого он рисковал жизнью. Мак-Наббс далеко не был уверен, что ему удастся удержать Гленарвана и что тот, повинаясь порыву сердца, не бросится под выстрелы Бена Джойса.

— Эдуард, — сказал он, — успокойтесь. Послушайте друга. Подумайте об Элен, о Мэри Грант, обо всех, кто останется здесь. И куда же вам идти? Где искать Мюльреди? Если на него напали, то не ближе чем в двух милях отсюда. На какой дороге? Какой тропой нужно туда пробираться?

В эту минуту, как бы в ответ на слова майора, раздался жалобный крик.

— Слушайте! — сказал Гленарван.

Крик послышался с той же стороны, откуда прозвучал выстрел, на расстоянии какой-нибудь четверти мили. Гленарван, оттолкнув Мак-Наббса, уже бежал по тропе, но тут шагах в трехстах от колымаги послышался голос:

— Помогите! Помогите!

Голос был жалобный, полный отчаяния. Джон Манглс и майор бросились по тому направлению, откуда он раздался. Пробежав несколько минут, они увидели, что вдоль опушки леса ползет и жалобно стонет какой-то человек. То был Мюльреди, раненный, умирающий. Когда товарищи подняли его с земли, они почувствовали, что руки их в крови.

Ливень все усиливался, ураган неистовствовал в вершинах сухостойных деревьев. Борясь с яростными порывами ветра, Гленарван, майор и Джон Манглс понесли Мюльреди к колымаге.

Когда они внесли в нее Мюльреди, все встали с места. Паганель, Роберт, Вильсон и Олбинет покинули колымагу, а Элен уступила бедному Мюльреди свое отделение. Майор снял с матроса промокшую от крови и дождя куртку и обнаружил у него в правом боку рану, нанесенную кинжалом. Майор умелой рукой перевязал ее. Сказать, были ли задеты главные органы, Мак-Наббс не мог. Из раны, то усиливаясь, то

ослабевающая, струилась алая кровь. Бледность и слабость раненого говорили о серьезности ранения. Майор, обмыв предварительно рану свежей водой, наложил на нее плотный тампон из трута и нескольких слоев корпии, а затем туго забинтовал. Ему удалось остановить таким способом кровотечение. Мюльреди уложили на здоровый бок, приподняв ему при этом голову и грудь, и Элен дала ему выпить несколько глотков воды.

Пролежав неподвижно с четверть часа, раненый зашевелился, глаза его приоткрылись, и он стал шептать какие-то бессвязные слова. Майор нагнулся к нему и расслышал, как он несколько раз пробормотал:

— Сэр... письмо... Бен Джойс...

Майор повторил вслух эти слова и вопросительно взглянул на своих товарищей. Что силился сказать Мюльреди? Видимо, Бен Джойс напал на матроса. Но зачем? Неужели же с одной только целью — помешать ему добраться до «Дункана»? Письмо... Гленарван осмотрел карманы Мюльреди. Письма, адресованного Тому Остину, там не оказалось!

Ночь прошла среди мучительного беспокойства. Боялись, что раненый умрет. У него был сильнейший жар. Элен и Мэри Грант, взявшие на себя роль сестер милосердия, не отходили от Мюльреди. Кажется, ни один пациент не пользовался лучшим уходом и никогда ухаживавшие не проявляли большего сочувствия к больному.

Рассвело. Дождь перестал, но тяжелые тучи еще ползли по небу. Земля была покрыта обломками ветвей. Размокшая глина стала более вязкой, и хотя колымага увязнуть глубже уже не могла, но подступ к ней сделался труднее.

Джон Манглс, Паганель и Гленарван отправились на рассвете обследовать окрестности лагеря. Они пошли по тропе, где еще виднелись пятна крови. Никаких следов Бена Джойса и его шайки не оказалось. Они дошли до того места, где произошло нападение. Там валялось два тела: то были бандиты, сраженные пулями Мюльреди. Один из них был кузнец из Блек-Пойнта. Лицо его было отвратительно искажено смертью. На этом Гленарван прекратил свою разведку — далеко отходить от лагеря было неблагоприятно.

Озабоченный серьезностью положения, он вернулся к колымаге.

— Нечего и думать о посылке нового гонца в Мельбурн, — сказал он.

— Тем не менее это необходимо, сэр, — отозвался Джон Манглс, — и я попытаюсь пробраться там, где не смог этого сделать мой матрос.

— Нет, Джон, у вас даже нет лошади для этого путешествия в двести миль.

Действительно, лошадь Мюльреди, единственная оставшаяся у наших путешественников, не вернулась. Была ли она убита злодеями, носилась ли перепуганная по пустыне или ее захватили каторжники?

— Во всяком случае, — сказал Гленарван, — расставаться мы больше не будем. Подождем здесь неделю, две недели, пока спадет вода в Сноу. А тогда, делая небольшие переходы, мы доберемся до бухты Туфольд и оттуда более безопасным путем пошлем «Дункану» приказ идти к восточному побережью.

— Это единственное, что остается нам сделать, — согласился Паганель.

— Итак, друзья, — продолжал Гленарван, — повторяю: больше разделяться мы не станем. Слишком большому риску подвергает себя человек, отваживающийся один пуститься по дебрям, где бродят разбойники.

Гленарван был прав и в том, что он отказался от новой попытки послать гонца в Мельбурн, и в том,

что он решил терпеливо выждать на берегу Сноу понижения воды. Ведь они находились всего в каких-нибудь тридцати пяти милях от Делегейта, первого пограничного городка провинции Новый Южный Уэллс. Там они, конечно, найдут средства передвижения, необходимые, чтобы добраться до бухты Туфольд, и смогут отправить оттуда в Мельбурн телеграфный приказ «Дункану». Эти меры были разумны, но принимались они слишком поздно. Не пошли Гленарван Мюльреди по дороге на Люкноу, скольких бы бед они избежали, не говоря уже о смертельной ране, нанесенной матросу!

Вернувшись в лагерь, Гленарван застал своих товарищей менее удрученными. Казалось, у них затеплилась надежда.

— Ему лучше, ему лучше! — крикнул Роберт, бросаясь к Гленарвану.

— Мюльреди лучше?

— Да, Эдуард, — ответила Элен. — У него был кризис. Наш матрос будет жить!

— Где Мак-Наббс? — спросил Гленарван.

— Он у него. Мюльреди захотел поговорить с ним. Не надо им мешать.

Действительно, час назад раненый очнулся от своего забытья, жар уменьшился. Придя в себя, Мюльреди тотчас же попросил позвать Гленарвана, а в случае его отсутствия — майора. Мак-Наббс, видя, как раненый слаб, запретил было ему всякие разговоры, но Мюльреди так энергично настаивал, что майору пришлось сдаться.

К моменту возвращения Гленарвана разговор этот длился уже несколько минут. Оставалось только ждать появления майора. Вскоре кожаные занавески раздвинулись, и показался Мак-Наббс. Он прошел в раскинутую под камедным деревом палатку, где ждали его друзья. Лицо майора, обычно холодно-спокойное, теперь казалось сумрачным и озабоченным. Когда глаза его остановились на Элен, на Мэри Грант, в них отразилась глубокая грусть.

Гленарван стал расспрашивать майора. Вот что Мак-Наббс узнал от раненого.

Мюльреди, покинув лагерь, поехал по тропе, указанной ему Паганелем. Он подгонял лошадь, насколько это было возможно в ночном мраке. По его мнению, он проехал уже мили две, как вдруг несколько мужчин — как будто пять — бросились наперерез лошади. Она встала на дыбы. Мюльреди выхватил револьвер и открыл огонь. Ему показалось, что двое из нападавших упали. При вспышке выстрелов он узнал Бена Джойса. Больше ничего Мюльреди не видел. Он не успел расстрелять всех патронов своего револьвера: сильный удар в бок сбросил его с седла. Однако сознания он еще не лишился. Убийцы сочли его мертвым. Он почувствовал, что его обыскивают. Затем он услышал, как один из разбойников сказал: «Нашел письмо!» — «Давай его сюда, — отозвался Бен Джойс. — Теперь «Дункан» наш!».

Здесь у Гленарвана невольно вырвался крик. Мак-Наббс продолжал:

— «А теперь ловите лошадь, — сказал Бен Джойс. — Через четыре дня я буду на «Дункане», через шесть — в бухте Туфольд. Там встретимся. Отряд Гленарвана будет еще вязнуть здесь, в болотах Сноу. Вы же переходите реку через Кемпльпирский мост, добирайтесь до побережья и там ждите меня. Я найду способ ввести вас на борт «Дункана». Когда же мы побросаем команду в море, то с таким судном, как «Дункан», мы станем хозяевами индийского океана». — «Ура Бену Джойсу!» — крикнули каторжники. В это время привели лошадь Мюльреди, и Бен Джойс ускакал на ней по направлению к дороге на Люкноу, а шайка его отправилась к реке. Мюльреди же, как ни был он тяжело ранен, нашел в себе силы дотащиться до того места, где мы нашли его почти умирающим. Вот что рассказал мне Мюльреди, — закончил Мак-Наббс. — Вы понимаете теперь, почему отважный матрос считал таким необходимым сообщить нам обо

всем этом? — добавил он.

Рассказ майора привел в ужас Гленарвана и его спутников.

— Пираты! Пираты! — воскликнул Гленарван. — Они перебьют мою команду и завладеют «Дунканом»!

— Конечно, — отозвался Мак-Наббс — ведь Бен Джойс нападет на экипаж врасплох, и тогда...

— Так, значит, нам надо добраться до побережья раньше этих негодяев! — сказал Паганель.

— Но как же мы переправимся через Сноу? — спросил Вильсон.

— Так же, как и они, — ответил Гленарван — каторжники перейдут через Кемпльпирский мост, то же самое сделаем и мы.

— А как быть с Мюльреди? — спросила Элен.

— Мы понесем его! Будем сменяться!.. Не могу же я допустить, чтобы моя беззащитная команда попала в лапы шайки Бена Джойса!

План перейти Сноу через Кемпльпирский мост был осуществим, но, конечно, рискован. Каторжники могли засесть у этого моста и не дать через него переправиться. Их оказалось бы человек тридцать против семи мужчин отряда. Но бывают в жизни такие минуты, когда не до подсчета боевых сил противника, когда, несмотря ни на что, надо идти вперед.

— Сэр, — обратился к Гленарвану Джон Манглс, — прежде чем решиться на такой рискованный шаг, как попытка перейти через Кемпльпирский мост, было бы благоразумно предварительно обследовать его. Я беру это на себя.

— Я иду с вами, Джон, — заявил Паганель.

Предложение географа было охотно принято молодым капитаном, и оба они стали тотчас же собираться в путь. Им предстояло идти вниз по течению Сноу до того моста, о котором говорил Бен Джойс. При этом им, конечно, необходимо было принять меры к тому, чтобы их не заметили каторжники, наблюдавшие, вероятно, за берегами реки.

Итак, эти два мужественных путешественника, хорошо вооруженные и снабженные пищей, пустились в дорогу и, пробираясь среди высоких камышей, росших по берегам реки, вскоре исчезли из виду.

Весь день их ждали, но наступил вечер, а они все не возвращались. В лагере начали беспокоиться.

Наконец около одиннадцати часов Вильсон возвестил об их приближении. Паганель и Джон Манглс вернулись, до крайности утомленные десятимильным переходом.

— Ну, что этот мост? Он существует? — бросившись им навстречу, спросил Гленарван.

— Да, мост из лиан, — сказал Джон Манглс. — Каторжники действительно прошли через него, но...

— Но что? — допрашивал Гленарван, предчувствуя новую беду.

— Перейдя через этот мост, они сожгли его! — ответил Паганель.

Глава XXII

Эден

Положение было таково, что приходилось не предаваться отчаянию, а действовать. Раз Кемпльпирский мост был сожжен, необходимо было во что бы то ни стало переправиться через Сноу и добраться до берегов бухты Туфольд раньше шайки Бена Джойса. Вот почему, не теряя времени на бесполезные разговоры, Гленарван и Джон Манглс на следующий же день, 16 января, отправились к реке, чтобы как-нибудь организовать переправу.

Бурные, вздувшиеся от последних дождей воды Сноу все не убывали. Они клубились с неопишуемой яростью. Пуститься по ним — значило бы обречь себя на верную гибель.

Гленарван, опустив голову, скрестив на груди руки, неподвижно стоял на берегу.

— Хотите, я попытаюсь вплавь перебраться на тот берег? — предложил Джон Манглс.

— Нет, Джон, — ответил Гленарван, удерживая за руку отважного молодого человека, — подождем еще!

Они вернулись в лагерь. День прошел в томительном беспокойстве. Раз десять Гленарван приходил на берег Сноу. Он пытался изобрести какой-нибудь смелый способ переправы. Тщетно. Даже если бы между берегами Сноу неслись потоки лавы, и тогда она была бы не более недоступна.

В эти долгие часы невольного бездействия Элен, следуя советам майора, старательно и толково ухаживала за раненым Мюльреди. Матрос чувствовал, что он возвращается к жизни. Теперь Мак-Наббс считал возможным утверждать, что у раненого не был затронут ни один из главнейших органов. Видимо, слабость его объяснялась лишь большой потерей крови. Поэтому, раз кровотечение было остановлено и рана затягивалась, для полного выздоровления нужны были только время и покой. Элен настояла, чтобы Мюльреди оставался в первом, лучшем отделении колымаги, что очень смущало раненого. Больше же всего беспокоила честного матроса мысль, что из-за него может задержаться весь отряд, и он добился обещания, что если будет найден способ переправы, то его оставят в лагере под присмотром Вильсона.

К несчастью, не удалось переправиться ни в этот день, ни на следующий, 17 января. Такая задержка приводила Гленарвана в отчаяние. Напрасно Элен и майор пытались его успокоить и уговорить терпеливо выжидать. Выжидать, когда Бен Джойс, быть может, уже всходит в эту минуту на палубу яхты, когда «Дункан», быть может, уже разводит пары и снимается с якоря, чтобы направиться к роковому для него восточному побережью!

И Джон Манглс, конечно, переживал все душевные муки, терзавшие Гленарвана. Поэтому, стремясь во что бы то ни стало преодолеть вставшее на их пути препятствием молодой капитан соорудил из больших кусков коры камедных деревьев нечто вроде пирога. Сделанная из легких пластинок коры, скрепленная деревянными перекладинами, эта пирога была весьма хрупка.

Днем 18 января капитан со своим матросом приступили к испытанию этого хрупкого суденышка. Они проявили максимум умения, силы, ловкости, отваги, но как только пирогу подхватило течение, она перевернулась, и наши храбрецы едва не поплатились жизнью за свою попытку. Пирога же, закрутившись в водовороте, исчезла. Джону Манглсу и Вильсону не удалось проплыть и десяти саженей по этой бурной реке, разлившейся на целую милю после дождей и таяния снегов.

Дни 19 и 20 января не принесли ничего утешительного. Майор и Гленарван поднялись вверх по

течению Сноу на целых пять миль, но брода не нашли. Река всюду мчалась с той же бурной стремительностью: ведь в нее вливались все воды горных ручьев и речек южного склона Австралийских Альп.

Приходилось отказаться от надежды спасти «Дункан». Со времени отъезда Бена Джойса прошло пять дней. Яхта, наверно, уже была у восточного побережья и в руках каторжников.

Однако такое положение вещей не могло длиться бесконечно: чем бурнее наводнение, тем быстрее оно кончается. 21-го утром Паганель заметил, что вода в Сноу начала спадать. Географ сообщил об этом Гленарвану.

— Э, не все ли теперь равно! — ответил тот. — Слишком поздно!

— Это не основание, чтобы оставаться здесь, — заметил Мак-Наббс.

— Конечно, — отозвался Джон Манглс. — Быть может, завтра станет возможной переправа.

— Спасет ли это мою несчастную команду? — воскликнул Гленарван.

— Прошу вас, сэр, выслушайте меня, — сказал молодой капитан. — Я хорошо знаю Тома Остина. Он, конечно, выполнит ваш приказ и уйдет в море, как только это станет возможным. Но откуда нам известно, вышла ли яхта из ремонта ко времени приезда в Мельбурн Бена Джойса... А что, если нет? Что, если Остину пришлось на день, на два задержаться?

— Ты прав, Джон, — согласился Гленарван: — нам нужно добраться до бухты Туфольд. Мы ведь всего в тридцати пяти милях от Делегейта!

— А там, — сказал Паганель, — мы найдем транспортные средства, которые дадут нам возможность быстрого передвижения. Как знать: быть может, мы еще явимся на побережье вовремя, чтобы предупредить беду!

— Так в путь! — крикнул Гленарван.

Не теряя времени, Джон Манглс и Вильсон принялись строить большой плот. Они уже убедились на опыте, что куски коры не могут выдержать бурного течения. И потому Джон Манглс срубил несколько камедных деревьев, из которых они и сбили грубый, но прочный плот. Работы с этим плотом было немало, и он был закончен лишь на следующий день.

К этому времени вода в Сноу значительно понизилась. Бурный поток опять становился рекой, правда с быстрым течением, но все же рекой. Джон надеялся, что, умело управляя и ведя плот наискось, он благополучно доведет его до противоположного берега.

В половине первого погрузили на плот столько провизии, сколько каждый мог унести с собой на два дня. Остальные съестные припасы были брошены вместе с колымагой и палаткой. Мюльреди чувствовал себя настолько оправившимся, что его можно было взять с собой. Он быстро выздоравливал.

В час дня все взобрались на плот, пришвартованный к берегу. Джон Манглс установил на правой стороне плота нечто вроде весла, необходимого для того, чтобы бороться с течением и не давать плоту отклоняться от нужного направления. Править этим веслом капитан поручил Вильсону. Сам же он рассчитывал, стоя на корме, управлять плотом с помощью грубо сделанного кормового весла. Элен, Мэри Грант и Мюльреди поместились посередине плота. Гленарван, майор, Паганель и Роберт заняли места вокруг них, чтобы в случае надобности иметь возможность немедленно прийти им на помощь.

— Все готово, Вильсон? — спросил капитан.

— Все, капитал, — ответил Вильсон, взяв мощной рукой свое весло.

— Будь начеку! Смотри, чтобы нас не относило течением!

Джон Манглс отдал канат и, оттолкнув плот от берега, пустил его по волнам Сноу. На протяжении саженей пятнадцати все шло хорошо. Вильсон успешно боролся с течением. Но вскоре плот попал в водовороты и завертелся так, что оба весла оказались бессильны удержать его, как ни напрягали свои силы Джон Манглс и Вильсон.

Приходилось покориться неизбежному: не было никакого способа остановить вращательное движение плота. Его вертело с головокружительной быстротой и уносило по течению. Джон Манглс, бледный, со сжатыми губами, стоял, не отрывая глаз от водоворотов. Постепенно плот вынесло на середину реки. Он находился полумилей ниже того места, откуда отчалил. Здесь течение было еще сильнее, но так как оно разбивало водовороты, то плот стал несколько более устойчивым.

Джон Манглс и Вильсон снова взялись за весла, и им удалось заставить плот двигаться к противоположному берегу, наискось перерезая реку.

Они были уже саженях в пятидесяти от берега, как вдруг весло Вильсона сломалось. Плот понесло по течению. Джон, рискуя сломать и свое весло, изо всех сил пытался направить плот к берегу. Вильсон, с окровавленными руками, бросился помогать капитану. Их усилия увенчались наконец успехом: после более чем получасовой переправы плот ударился о крутой берег. Удар был силен: веревки, которыми были связаны стволы, лопнули, стволы разошлись, и на плот, бурля, ворвалась вода. Путешественники едва успели уцепиться за свисавшие над водой кусты и вытащить на берег промокших Мюльреди и обеих женщин. Все уцелели, но большая часть провизии и все оружие, за исключением карабина майора, были унесены течением вместе с обломками плота.

Переправившись через реку, маленький отряд очутился почти без оружия и съестных припасов в тридцати пяти милях от Делегейта, в пустынном, неведомом краю. Здесь нельзя было встретить ни колонистов, ни скваттеров, а лишь одних свирепых грабителей.

Решено было пуститься без промедления в дорогу. Мюльреди, понимая, какой он является обузой, просил, чтобы его оставили здесь одного до присылки помощи из Делегейта.

Гленарван отказался исполнить подобную просьбу. Они не могли попасть в Делегейт раньше трех дней, а на побережье — раньше пяти, то есть раньше 26 января. «Дункан» же должен был выйти из Мельбурна 16-го. Что значили при этом какие-то несколько часов промедления!

— Нет, друг мой, — закончил Гленарван, — я тебя не брошу. Мы сделаем носилки и по очереди будем нести тебя.

Носилки сделали из крепких ветвей эвкалипта, и Мюльреди волей-неволей пришлось поместиться на них. Гленарван захотел в первую очередь сам нести своего матроса. Он взялся за носилки с одной стороны, Вильсон — с другой, и отряд двинулся в путь.

Как печально было это зрелище! Как плохо кончилось так хорошо начатое путешествие! Теперь путешественники уже не искали здесь Гарри Гранта. Материк, где его не было и никогда не бывало, грозил стать роковым для тех, кто искал его следов. И если бы даже его отважным соотечественникам и удалось достигнуть побережья, они уже не найдут там «Дункана», на котором могли бы вернуться на родину.

В молчании, грустно и тяжело провели первый день пути. У носилок сменялись каждые десять минут, и хотя утомление усугублялось жарой, никто не жаловался.

Вечером, пройдя пять миль, остановились на привал в рощице камедных деревьев. Поужинали остатками съестных припасов, уцелевших при крушении плота. В дальнейшем можно было рассчитывать только на карабин майора.

Ночь провели плохо, к тому же пошел дождь. Путешественники едва дождались рассвета. Снова двинулись в путь. Майору не удалось ничего подстрелить: этот злосчастный край был хуже любой пустыни — сюда, видимо, не забегали и звери.

К счастью, Роберт наткнулся на гнездо дрофы, в котором оказалось двенадцать крупных яиц. Олбинет испек их в золе разведенного для этой цели костра. Эти печеные яйца да несколько сорванных на дне оврага растений, называемых портулаком, составили весь завтрак 22 января.

Дорога становилась исключительно трудной. Песчаные равнины были покрыты колючей травой спинифекс, называемой в Мельбурне «дикобраз». Трава эта рвала в клочья одежду и до крови царапала ноги. Тем не менее мужественные женщины, не жалуясь, храбро шли вперед, подавая пример своим спутникам, подбодряя та одного, то другого словом или взглядом.

Вечером остановились на привал у подножия горы Булла-Булла, на берегу горной речки Юнгалы. Ужин был бы более чем скуден, если бы Мак-Наббсу наконец не-удалось подстрелить крупную крысу *mus conditor*, очень ценимую за ее питательные свойства. Олбинет зажарил ее. При всех ее достоинствах она все же была не с барана величиной. Пришлось довольствоваться тем, что было.

23 января путешественники, утомленные, но по-прежнему полные энергии, снова зашагали вперед. Обогнув подножие горы, они очутились на обширных лугах, поросших травой, похожей на китовый ус. Это было какое-то бесконечное переплетение, какая-то живая стена острых штыков; приходилось прокладывать себе дорогу среди них то топором, то огнем.

В это утро и не заводили речи о завтраке. Трудно было даже представить себе что-либо более бесплодное, чем эта местность, усеянная осколками кварца. Помимо голода, наших путешественников жестоко мучила жажда, и эти муки еще усиливались страшной жарой. За два часа едва проходили полмили. Продлись недостаток воды и съестных припасов до вечера, наши путешественники уже не имели бы силы держаться на ногах, а упав, уже не встали бы.

Но счастливый случай пришел на помощь маленькому отряду: он набрел на кораллообразное растение цефалот, цветы которого представляют собой как бы ковшики, наполненные освежающей жидкостью. Все напились и почувствовали, что к ним вернулись силы. Пищей же для них явилось то растение, к которому прибегают туземцы, когда не могут добыть себе ни дичи, ни насекомых, ни змей. Открыл его в пересохшем ручье горной речки Паганель. Ученый не раз читал о замечательных свойствах этого растения в статьях одного из своих коллег по Географическому обществу.

То было нарду — тайнобрачное растение, то самое, которое поддерживало жизнь Берка и Кинга в пустынях Центральной Австралии. Под его листьями, похожими на листья трилистника, виднелись сухие горошины. Горошины эти растерли между двумя камнями — получилось нечто вроде муки. Из нее испекли грубый хлеб, и он позволил путешественникам утолить муки голода. В этом месте нарду росло в изобилии, и Олбинет собрал его в таком количестве, что путешественники оказались застрахованными от голода на несколько дней.

На следующий день Мюльреди оказался уже в силах пройти часть дороги пешком. Его рана совершенно зажила. До города Делегейта оставалось не больше десяти миль. В этот вечер остановились на привал под 149° долготы, на самой границе провинции Новый Южный Уэльс.

Уже в течение нескольких часов шел мелкий дождик. Кругом укрыться было негде, но и тут нашему отряду повезло: Джон Манглс отыскал хижину, заброшенную и ветхую, в которой в прошлом ютились пильщики. Пришлось довольствоваться этим жалким шалашом из веток и соломы. Вильсон пошел набрать валявшегося кругом хворосту, чтобы развести костер для выпечки хлеба из нарду, но разжечь собранный хворост ему так и не удалось. Оказалось, что это то «несгораемое дерево», о котором упоминал Паганель,

перечисляя удивительные явления, встречающиеся в Австралии.

Пришлось обойтись без костра, а следовательно, и без хлеба, и к тому же и спать в сырой одежде. Прятавшиеся в верхушках деревьев птицы-пересмешники не переставали хохотать, словно издеваясь над несчастными путешественниками.

Все же мучения маленького отряда приближались к концу. Да и пора было. Молодые женщины делали героические усилия, но слабели с каждым часом. Они уже не шли, а брели.

На следующий день вышли на рассвете. В одиннадцать часов утра показался наконец Делегейт — городок графства Уэлслей, находящийся в пятидесяти милях от бухты Туфольд.

В Делегейте быстро разрешился вопрос о средствах дальнейшего передвижения. Гленарван, чувствуя себя вблизи от побережья, приободрился. Быть может, в самом деле что-нибудь задержало «Дункан» и они опередят приход яхты! Ведь уже через сутки они доберутся до бухты Туфольд.

В полдень, после сытного завтрака, наши путешественники уселись в почтовую карету, и пять сильных лошадей умчали их из Делегейта. Дорога содержалась в исправности.

Кучер и форейторы, ожидая обещанного им щедрого вознаграждения, гнали лошадей во весь дух и со стремительным проворством перепрягали их на почтовых станциях, отстоявших на десять миль одна от другой. Казалось, жар нетерпения, пожиравший Гленарвана, передался и тем, кто вез его.

Весь день и всю ночь неслись таким образом, делая по шести миль в час. На следующий день, при первых проблесках зари, глухой рокот волн возвестил о близости океана. Надо было обогнуть бухту, чтобы доехать до того места берега у тридцать седьмой параллели, где Том Остин должен был ждать наших путешественников.

Когда перед ними развернулось море, все взоры устремились вдаль, ища «Дункан»; вдруг яхта каким-то чудом лавирует здесь, подобно тому как месяц назад она лавировала у мыса Корриентес, близ аргентинских берегов!

Ничего не было видно. Лишь вода и небо, сливавшиеся у горизонта. Ни один парус не оживлял беспредельного простора океана. Оставалась еще одна надежда: быть может, Том Остин бросил якорь в бухте Туфольд. Море было бурно, и лавировать у открытых берегов было небезопасно.

— В Эден! — приказал Гленарван.

Почтовая карета свернула направо и понеслась по дороге, ведшей вдоль берега бухты к маленькому городку Эден. До него было пять миль.

Кучер остановился недалеко от маяка, указывавшего на вход в порт. На рейде стояло на якоре несколько судов, но ни на одном из них не развевался флаг Малькольма.

Гленарван, Джон Манглс и Паганель, выпрыгнув из почтовой кареты, побежали на таможеню. Они расспросили служащих и справились по книге о судах, прибывавших в порт за последние дни.

Оказалось, что за всю неделю ни одно новое судно не входило в порт.

— А быть может, «Дункан» еще и не выходил из Мельбурна? — воскликнул Гленарван, теперь уже цепляясь за последнюю надежду. — Вдруг мы прибыли сюда раньше него?

Джон Манглс покачал головой. Капитан знал своего помощника. Получив приказ, Том Остин не мог ни в коем случае не выполнить его в течение десяти дней.

— Я хочу знать, как обстоит дело, — промолвил Гленарван. — Лучше горькая истина, чем неизвестность.

Четверть часа спустя была послана телеграмма в Мельбурн управляющему судоремонтными работами.

Затем Гленарван приказал кучеру ехать в гостиницу «Виктория».

В два часа дня Гленарвану была вручена ответная телеграмма следующего содержания:

Мистеру Гленарвану, Эден, бухта Туфольд. «Дункан» ушел в море 18-го текущего месяца в неизвестном направлении.

Ж. Эндрю.

Телеграмма выпала из рук Гленарвана. Никаким сомнениям уже не было места! Шотландская яхта попала в руки Бена Джойса и стала пиратским судном.

Так закончился этот переход через Австралию, начатый при столь благоприятных обстоятельствах. Следы капитана Гранта и его спутников, казалось, были безвозвратно потеряны. Эта неудача стоила жизни всей команде «Дункана». Гленарван потерпел поражение, и этого отважного человека, которого в пампасах не заставили отступить ополчившиеся на него стихии, здесь, в Австралии, победила человеческая низость.

Часть третья

Глава I

«Макари»

Если когда-либо у разыскивавших капитана Гранта и могла угаснуть надежда увидеть его, то не в эти ли дни, когда у них было отнято все, чем они располагали раньше? В какую часть света снаряжать новую экспедицию? Каким способом организовать исследование новых стран? Ведь «Дункан» больше не существовал, и даже немедленное возвращение на родину было невозможно. Итак, предприятие этих великодушных шотландцев потерпело неудачу. Неудача! Печальное слово, которое не находит отклика в душе мужественного человека. И все же Гленарван был принужден сознаться в своем бессилии продолжать взятое им на себя самоотверженное дело.

В этой тяжелой обстановке Мэри Грант имела мужество не упоминать имени отца. Она сдерживала свои душевные муки, думая о несчастной погибшей команде «Дункана», и теперь она утешала Элен, прежде утешавшую ее. Мэри первая заговорила о возвращении в Шотландию. Джон Манглс, видя, как мужественна молодая девушка, как безропотно покоряется она своей судьбе, восхищался ею. Когда он однажды заговорил было ей возможности дальнейших поисков капитана Гранта, Мэри взглядом остановила его, а потом через некоторое время сказала ему:

— Нет, мистер Джон, теперь давайте думать о тех, кто жертвовал собой. Мистеру Гленарвану необходимо возвращаться в Европу.

— Вы правы, мисс Мэри, — ответил Джон Мангле, — это необходимо. Но необходимо также, чтобы английские власти были уведомлены о судьбе «Дункана». А вы не теряйте надежды. Я не брошу начатых нами поисков — буду продолжать их один. Я или найду капитана Гранта, или сам погибну, ища его!

Обязательство, которое брал на себя Джон Манглс, было нешуточное. Мэри приняла его и протянула руку молодому капитану, как бы желая скрепить пожатием руки этот договор. Джон самоотверженно ставил на карту свою жизнь, и сердце Мэри отвечало ему бесконечной благодарностью.

В этот день было окончательно решено вернуться на родину. Решили без промедления добираться до Мельбурна. На следующее утро Джон Манглс отправился осведомиться относительно готовившихся к отплытию судов. Молодой капитан полагал, что между Эденом и столицей провинции Виктория часто ходят суда.

Однако его ожидания не оправдались: суда ходили редко. Три или четыре судна, стоявших на якоре в порту, составляли весь местный торговый флот. И ни одно из них не шло ни в Мельбурн, ни в Сидней, ни в Пойнт-де-Галл. А только из этих трех портов и можно было отплыть в Англию.

Что тут было делать? Ждать подходящего судна? Но можно было задержаться надолго, ибо бухту Туфольд не так часто посещают суда. Сколько их проходит в открытом море, не заходя в бухту!

Поразмыслив и обсудив этот вопрос с товарищами, Гленарван решил было уже ехать в Сидней сухим путем, как вдруг Паганель предложил проект, который никому не приходил в голову.

Географ также побывал в бухте Туфольд и был осведомлен о том, что там не было судов, идущих на Мельбурн и Сидней. Но он узнал, что один бриг, стоявший на рейде, готовился к отплытию в Окленд,

столицу Ика-на-Мауи, северного острова Новой Зеландии. Паганель предлагал зафрахтовать этот бриг и плыть на нем в Окленд, откуда легко будет вернуться в Европу, так как город этот связан с ней регулярными рейсами.

Это предложение заслуживало внимания. К тому же Паганель, вопреки своему обыкновению, не стал приводить бесчисленные доводы в пользу своего предложения, а ограничился тем, что изложил суть дела и прибавил, что переход этот займет не более пяти-шести дней. Действительно, от Австралии до Новой Зеландии не больше тысячи миль.

По какому-то странному совпадению, Окленд находился на той самой тридцать седьмой параллели, которой от берегов Араукании так упорно придерживались наши путешественники. Конечно, географ, рискуя быть обвиненным в эгоизме, мог бы прибегнуть к этому выгодному для него доводу (ведь это попутно давало ему возможность посетить берега Новой Зеландии). Однако Паганель не прибегнул к такому аргументу. Очевидно, после данных им двух толкований документа, оказавшихся неверными, он не отважился предложить еще новое, третье. Да и вообще, о каком подобном толковании могла идти речь, раз в документе самым определенным образом было сказано, что капитан Грант нашел убежище на континенте, а не на острове. Новая же Зеландия, конечно, являлась только островом. Как бы там ни было, по этой ли причине или по иной, но, предлагая отправиться в Окленд, Паганель не указывал на возможность предпринять там новые поиски, а только обратил внимание на то, что между этим городом и Великобританией имеется регулярное сообщение, которое легко можно будет использовать.

Джон Манглс поддержал предложение Паганеля, считая, что лучше плыть на этом судне, чем ждать неопределенно долгое время прихода в бухту Туфольд другого судна. Но все же, раньше чем решиться на это, он считал нужным побывать на бриге, о котором говорил географ. Гленарван, майор, Паганель, Роберт и молодой капитан сели в лодку и в несколько взмахов весел подплыли к интересовавшему их судну, стоявшему на якоре в двух кабельтовых от берега.

Это был бриг вместимостью в двести пятьдесят тонн, носивший название «Макари». Он совершал рейсы между различными портами Австралии и Новой Зеландии. Капитан, или, вернее сказать, хозяин брига, принял своих посетителей довольно грубо. Они тотчас же увидели, что имеют дело с человеком невоспитанным, мало чем отличающимся от своих пяти матросов. У него была толстая красная физиономия, грубые руки, приплюснутый нос, вытекший глаз; все это да еще и зверский вид впридачу делали из Билля Галлея мало приятного человека. Но выбора не было, и вообще для перехода в несколько дней можно быть и не особенно требовательным.

— Эй вы там! Что вам нужно? — крикнул Билль Галлей незнакомцам, всходившим на палубу его брига.

— Вы капитан? — спросил Джон Мангле.

— Я, — ответил Галлей. — Дальше!

— Скажите, «Макари» идет с грузом в Окленд?

— Да. Дальше!

— Что он везет?

— Все, что продается и покупается. Дальше!

— Когда он отчаливает?

— Завтра в полдень, с отливом. Дальше!

— Взяли бы вы пассажиров?

— Смотря каких, и притом — если они будут довольствоваться пищей из общего судового котла.

— У них будет своя провизия.

— Дальше!

— Дальше?

— Да. Сколько их?

— Девять, из них две дамы.

— У меня нет кают.

— Они удовольствуются предоставленной им рубкой.

— Дальше!

— Согласны? — спросил Джон Манглс, которого несколько не смущали повадки и обращение капитана.

— Подумать надо, — пробурчал хозяин «Макари».

Билль Галлей прошелся раза два по палубе, стуча своими грубыми, подбитыми гвоздями сапожищами, а затем, круто остановившись перед Джоном Манглсом, бросил:

— Сколько даете?

— Сколько хотите? — спросил Джон.

— Пятьдесят фунтов.

Гленарван кивнул головой, давая понять, что он согласен.

— Ладно, — ответил Джон Манглс, — идет: пятьдесят фунтов.

— Только за проезд!

— Только.

— Еда особо!

— Особо.

— Уговорились. Дальше! — буркнул Галлей.

— Что еще?

— Задаток.

— Вот вам половина цены — двадцать пять фунтов, — сказал Джон Манглс, вручая хозяину брига пересчитанные на его глазах деньги.

Галлей засунул их в карман, не найдя нужным поблагодарить.

— Быть завтра на судне! До полудня. Будете, нет ли — снимаюсь с якоря.

— Будем.

Закончив переговоры, Гленарван, майор, Роберт, Паганель и Джон Манглс покинули судно, причем Билль Галлей не соблаговолил даже пальцем прикоснуться к своей клеенчатой шляпе, покрывавшей его рыжие всклокоченные волосы.

— Какой грубиян! — вырвалось у Джона Манглса.

— А мне он по вкусу, — отозвался Паганель. — Настоящий морской волк!

— Скорее — медведь, — возразил майор.

— И я думаю, что этот медведь торговал в свое время рабами, — прибавил Джон Манглс.

— Не все ли равно? — отозвался Гленарван. — Для нас имеет значение лишь то, что он капитан «Макари», а «Макари» идет в Новую Зеландию. Во время перехода из бухты Туфольд до Окленда видеть его мы будем мельком, а после Окленда и совсем больше не увидим.

Элен и Мэри Грант были рады узнать, что отъезд назначен на завтра. Гленарван предупредил их, что на «Макари» у них не будет тех удобств, какие имелись на «Дункане». Но такой пустяк не мог смутить мужественных женщин, перенесших столько испытаний. Олбинету было поручено позаботиться о провизии. Бедняга оплакивал свою несчастную жену, оставшуюся на яхте: она, конечно, сделалась жертвой свирепых каторжников вместе со всем экипажем. Тем не менее горе не мешало мистеру Олбинету выполнять свои обязанности стюарда с обычным усердием. В несколько часов Олбинет закончил свои закупки.

В это время майор получил деньги по чекам Гленарвана на Мельбурнский союзный банк. Потом он занялся закупкой оружия и боевых припасов. Что же касается Паганеля, то ему удалось добыть прекрасную карту Новой Зеландии.

Мюльреди был снова молодцом. Он почти не чувствовал раны. Морской переход должен был окончательно восстановить его силы. Он рассчитывал полечиться ветрами Тихого океана. Вильсону было поручено подготовить на «Макари» помещение для приема пассажиров. После его щетки и метлы рубка брига стала неузнаваемой. Билль Галлей пожимал плечами, но предоставлял ему действовать по его усмотрению. Гленарван с его спутниками и спутницами не интересовал капитана. Он даже не знал имен своих пассажиров и не спрашивал их. Эта прибавка к его грузу дала ему лишних пятьдесят фунтов стерлингов — дальнейшим он не интересовался. В его глазах более заслуживали внимания двести тонн дубленой кожи, до отказа переполнившей его трюм. На первом месте — кожа, люди — на втором.

Это был негодник [70]. Но все же его считали довольно опытным моряком, хорошо знающим окрестные моря, столь опасные из-за коралловых рифов.

Гленарван задумал использовать последние часы дня накануне отплытия для того, чтобы еще раз побывать на том пункте побережья, где проходит тридцать седьмая параллель. У него были на это две причины. Прежде всего ему хотелось еще раз осмотреть место предполагаемого крушения «Британии». Ведь Айртон, конечно, был боцманом на ней, и она действительно могла потерпеть крушение у этой части восточного побережья Австралии. Было бы легкомысленно, навсегда покидая страну, не обследовать это место. Затем, даже если бы там и не удалось обнаружить следы «Британии», то уж несомненно «Дункан» попал в руки каторжников у этого берега. Быть может, завязался бой. А в таком случае, разве нельзя было надеяться найти там следы борьбы, следы последнего, отчаянного сопротивления? Если команда погибла в волнах, разве не могли волны выбросить на берег несколько трупов?

И Гленарван в сопровождении Джона Манглса отправился на разведку. Хозяин гостиницы «Виктория» предоставил в их распоряжение двух верховых лошадей, и они снова направились к северу по дороге, огибавшей бухту Туфольд.

Печальной была эта разведка. Гленарван и капитан Джон Манглс ехали молча, но каждый из них понимал другого. Одни и те же мысли, а стало быть, одни и те же тревоги мучили их обоих. Они всматривались в утесы, изъеденные морем. Им не о чем было спрашивать друг друга и не на что отвечать.

Принимая во внимание усердие и сообразительность Джона Манглса, можно смело утверждать, что все это место побережья было исследовано им самым тщательным образом. Не были пропущены ни одна бухточка, ни один покатый пляж, ни одна песчаная отмель, куда прилив Тихого океана, правда не очень-то

сильный, мог все же выбросить обломки корабля. Но не было найдено решительно ничего такого, что дало бы основание начать в этих местах новые поиски. Ни малейших следов крушения «Британии» не было.

Не нашлось и ничего такого, что могло бы относиться к «Дункану». Вся эта часть Австралийского побережья была пустынна. Однако Джон Манглс наткнулся недалеко от берега на несомненные следы какого-то лагеря. Виднелись обуглившиеся поленья недавно горевшего костра. Не кочевало ли тут несколько дней назад какое-нибудь туземное племя? Нет, костер этот был разведен не туземцами: в глаза Гленарвану бросилось нечто, безусловно свидетельствующее о пребывании здесь каторжников.

Это была брошенная под деревом желто-серая изношенная, заплатанная куртка. На этих зловещих лохмотьях виднелось клеймо Пертской исправительной тюрьмы. Каторжника не было, но одежда говорила о его недавнем присутствии здесь. Эта ливрея каторги, побывав на плечах какого-то негодяя, теперь догнивала на пустынном побережье.

— Видите, Джон, — сказал ему Гленарван, — каторжники были здесь. А вот где-то наши бедняги товарищи с «Дункана»?

— Да, — ответил молодой капитан глухим голосом, — с уверенностью можно сказать, что их не высадили и они погибли!..

— Презренные негодяи! Попадись они только в мои руки, я отомщу им за свою команду! — воскликнул Гленарван.

В течение нескольких минут он не отрывал взора от горизонта, будто надеясь увидеть затерявшееся в беспредельных пространствах океана судно. Мало-помалу гнев потух в его глазах, лицо приняло свое обычное выражение.

Не проронив ни слова, не сделав ни одного жеста, Гленарван во весь опор поскакал обратно — в Эден.

Оставалось выполнить еще одну формальность — заявить о случившемся полицейскому офицеру. Это было сделано в тот же вечер. Должностное лицо Томас Бенкс, составляя протокол, едва мог скрыть свое удовольствие. Бенкс просто был в восторге, узнав, что Бен Джойс со своей шайкой исчез с его горизонта. И этот восторг разделял с ним весь город. Правда, каторжники покинули Австралию, совершив еще новое преступление, но все же они ее покинули. Эта важная новость была немедленно передана по телеграфу властям в Мельбурн и Сидней.

Гленарван, сделав свое заявление, вернулся в гостиницу «Виктория».

Грустно провели путешественники свой последний вечер в Австралии. Мысли их невольно блуждали по этой стране, принесшей им столько несчастий. Вспоминались те, казалось бы, обоснованные надежды, которые засияли им у мыса Бернулли и которые так жестоко разбились в бухте Туфольд. Паганель был в каком-то лихорадочно-возбужденном состоянии. Джон Манглс, следивший за ним со времени происшествия на реке Сноу, чувствовал, что географ что-то и хочет и не хочет сказать. Много раз он осаждал его вопросами, но так ничего и не добился. Все же в этот вечер, провожая ученого в его комнату, Джон спросил, почему он так нервничает.

— Джон, — ответил уклончиво географ, — мои нервы в том же состоянии, как и всегда.

— Господин Паганель, — решительно заявил Джон Манглс, — у вас есть секрет, и он вас мучит!

— Ну, пусть так! А что я могу с этим поделать? — крикнул, отчаянно жестикулируя, географ.

— А что это такое, с чем вы ничего не можете поделать?

— Радость — с одной стороны, отчаяние — с другой.

— Вы одновременно и радуетесь и приходите в отчаяние?

— Да, я и радуюсь и в отчаянии, что попаду в Новую Зеландию.

— Нет ли у вас каких-нибудь новых указаний? — с живостью спросил Джон Манглс. — Уж не напали ли вы опять на следы капитана Гранта?

— Нет, друг Джон! Из Новой Зеландии не возвращаются. Однако ж... Словом вы знаете человеческую натуру: пока дышишь — надеешься. Ведь мой девиз: «Spiro — spero»[\[71\]](#). И это лучший девиз на свете!

Глава II

Прошлое той страны, куда направляются наши путешественники

На следующий день, 27 января, пассажиры брига «Макари» расположились в его тесной рубке. Билль Галлей, конечно, не предложил своей каюты путешественницам, но об этом жалеть не приходилось, ибо эта берлога была достойна своего медведя.

В половине первого дня, при наступлении отлива, стали сниматься с якоря. Лишь с большим трудом удалось оторвать его ото дна. С юго-запада дул ветер умеренной силы. Один за другим были подняты паруса. Пятеро матросов брига не торопились. Вильсон хотел было помочь команде, но Галлей остановил его, грубо сказав, чтобы он не вмешивался в то, что его не касается. И тут же прибавил, что он, Галлей, привык сам выходить из затруднительных положений и не нуждается ни в какой помощи и ни в каких советах.

Последняя фраза относилась к Джону Манглсу. Молодой капитан, видя, до чего неискусно орудуют матросы со снастями, не мог порой не улыбаться. Джон принял намек Галлея к сведению и решил вмешаться в дело управления судном лишь в том случае, если бы судну из-за неловкости команды грозила опасность.

Наконец пятеро матросов, понукаемые бранными окриками хозяина, подняли-таки все паруса, и «Макари» под нижними парусами, марселями, брамселями, косыми гротами и кливерами вышел левым галсом в открытое море. Но, несмотря на это обилие парусов, бриг едва двигался вперед. Слишком закругленный нос «Макари», широкое дно и тяжелая корма делали его типичным образцом тех неуклюжих судов, которые известны у моряков под названием «калоша».

Пришлось с этим мириться. К счастью, как ни плохо шел «Макари», а через пять, самое большее шесть дней он должен же был бросить якорь на рейде Окленда.

В семь часов вечера скрылись из виду берега Австралии и маяк Эденского порта. Море было довольно бурное, и бриг сильно качало. Он тяжело зарывался в волны. Пассажиры подвергались сильной качке, что делало пребывание их в рубке очень мучительным; однако выйти на палубу было невозможно из-за сильного ливня.

Каждый из пассажиров погрузился в свои думы. Говорили мало. Элен и Мери Грант едва перебрасывались несколькими словами. Гленарвану не сиделось на месте, и он расхаживал из угла в угол. Майор не двигался с места. Джон Манглс в сопровождении Роберта время от времени выходил на палубу понаблюдать за морем. Что касается Паганеля, то он бормотал в своем углу какие-то непонятные, бессвязные слова.

Где витали мысли почтенного географа? Витали они там, куда влекла его судьба, — в Новой Зеландии. Паганель перебирал в уме всю ее историю, и перед его глазами воскресало мрачное прошлое этого края.

Но было ли во всей ее истории какое-либо происшествие или случай, на основании которого те, кто открыл эти острова, могли видеть в них материк? А современный географ или моряк — могли ли они назвать их материком? Как видим, Паганель опять и опять возвращался к толкованию документа капитана Гранта. Это была какая-то одержимость, какая-то навязчивая идея. Его воображение, подстегнутое одним определенным словом, набросилось на Новую Зеландию. Но вот одно, только одно смущало его.

— Контин... контин... — повторял он. — Ведь это же значит континент — материк.

И он стал припоминать мореплавателей, обследовавших эти два больших острова южных морей.

13 декабря 1642 года голландец Тасман, открыв Ван-Дименову Землю, подошел к неизвестным до того берегам Новой Зеландии. В течение нескольких дней он плыл вдоль этих берегов, а 17 декабря его суда вошли в просторную бухту, в глубине которой виднелся узкий пролив, разделявший два острова.

Северный из них был остров Ика-на-Мауи, что значило по-зеландски «рыба маори». Южный остров носил название Таваи-пуна-му, то есть «кит, производящий зеленый нефрит». Авель Тасман послал на берег шлюпки, и они вернулись в сопровождении двух пирог с шумливыми туземцами. Дикари эти были среднего роста, с коричневой и желтой кожей; кости у них выдавались, голос звучал резко; их черные волосы, связанные по японской моде, были увенчаны большим белым пером.

Эта первая встреча европейцев с туземцами, казалось, обещала прочные, доброжелательные отношения. Но на следующий же день, когда одна из шлюпок разыскивала новую стоянку, поближе к берегу, на нее набросилось множество туземцев, приплывших на семи пирогах. Шлюпка накренилась и наполнилась водой. Управлявшему шлюпкой боцману был нанесен удар грубо отточенной пикой в шею — боцман свалился в море. Из шести матросов четверо было убито. Двоим остальным и раненому боцману удалось доплыть до своих судов и спастись.

После этого зловещего происшествия Тасман стал немедленно сниматься с якоря. Туземцам он отомстил лишь несколькими мушкетными выстрелами, которые, по всей вероятности, в них и не попали. Тасман ушел из этой бухты, за которой осталось название бухта Избиения, поплыл вдоль западного побережья и 5 января бросил якорь у северной оконечности острова. Но здесь сильный прибой, а также враждебное отношение дикарей не дали возможности Тасману запастись водой, и он окончательно покинул этот край, дав ему название Земля Штатов — в честь голландских Генеральных штатов.

Голландский мореплаватель назвал так эти земли потому, что воображал, будто они граничат с островами того же имени, открытыми к востоку от Огненной Земли у южной оконечности Америки, и считал, что он открыл Великий южный материк.

«Но ошибку, которую мог допустить моряк семнадцатого века, никоим образом не мог сделать Гарри Грант, моряк девятнадцатого века, — твердил себе Паганель. — Нет, это невероятно! Тут есть что-то для меня непонятное!»

В течение более ста лет никто не вспоминал о сделанном Тасманом открытии. Новая Зеландия словно и не существовала, когда к ней пристал под 35°37' широты французский мореплаватель Сюрвиль. Сначала он не имел основания жаловаться на туземцев. Но потом задул сильнейший ветер, на море разыгралась буря, и во время нее лодка, перевозившая больных матросов, была выброшена на берег бухты Приют. Здесь туземный вождь Наги-Нуи прекрасно принял французов и даже угощал их в своей собственной хижине. Все шло хорошо, пока не была украдена одна из шлюпок Сюрвиля. Сюрвиль тщетно требовал возвращения ее и решил в наказание за воровство спалить целиком одну из деревень. Эта ужасная и незаслуженная месть, несомненно, сыграла роль в тех кровавых расправах, которые потом имели место в Новой Зеландии.

6 октября 1769 года у этих берегов появился капитан Кук. Он поставил на якорь судно «Эндевор» в бухте Тауэ-Роа и пытался завоевать расположение туземцев. Но чтобы иметь возможность общаться с людьми, надо было захватить их. И Кук, не колеблясь, взял в плен двух или трех туземцев, чтобы, так сказать, насильно оказать им благодеяния. Осыпав подарками пленных, Кук отправил их на берег.

20 октября «Эндевор» стал на якорь в бухте Токо-Малу. На берегу ее обитало мирное племя в двести человек. Ботаники, бывшие на судне, произвели в этой местности полезные исследования, причем

туземцы переправляли их на берег на своих пирогах. Кук посетил здесь два селения, обнесенных частоколами, брустверами и двойными рвами. Это свидетельствовало о том, что туземцы умели строить укрепленные лагеря. Главное их укрепление возвышалось на скале, из которой морской прилив делал настоящий остров... более чем остров, ибо волны не только окружали его, но даже с ревом прорывались сквозь естественную арку в шестьдесят футов вышины, на которой держалась эта неприступная крепость.

Кук пробыл в Новой Зеландии пять месяцев. 31 марта он покинул Новую Зеландию, дав свое имя проливу, разделяющему два ее острова. Ему предстояло еще вернуться сюда во время его позднейших путешествий.

И действительно, в 1773 году мореплаватель снова появился в заливе Гоукса. На этот раз туземцы встретили его враждебно.

Во время своего третьего путешествия Кук снова посетил эти места, к которым он питал особое пристрастие. Мореплаватель непременно хотел закончить здесь свои гидрографические съемки. Навсегда покинул он Новую Зеландию 25 февраля 1777 года.

В 1791 году Ванкувер в течение двадцати дней стоял на якоре в бухте Островов. Но за это время он ничего не предпринял ни для естественных наук, ни для географии. В 1793 году д'Антраксто сделал на протяжении двадцати пяти миль съемку северного побережья острова Ика-на-Мауи. Капитаны торгового флота Гаузен и Дальримп, а позднее Баден, Ричардсон, Мооди появлялись ненадолго у этих островов. Доктор Севедж во время своего пятинедельного пребывания на Новой Зеландии собрал немало интересных сведений о нравах ее обитателей.

В 1805 году племянник вождя Ранги-Ху, смысленый Дуа-Тара, ушел в море на судне «Арго». Судно это, которым командовал капитан Баден, стояло тогда в бухте Островов.

Быть может, приключения этого Дуа-Тара послужат в будущем сюжетом героической поэмы для какого-нибудь новозеландского Гомера. Приключения эти изобиловали бедами, несправедливостями и дурным обращением. Вероломство, заключение, побои, ранения — вот что пришлось испытать бедному дикарю за его верную службу. Какое представление должен был получить он о людях, выдававших себя за культурных!

Дуа-Тара привезли в Лондон и сделали там из него матроса последнего разряда. Он был предметом издевательств и побоев для всех команд. Если бы не Марсден, несчастный юноша не перенес бы своих мук. Марсден, увидев в юном дикаре сметливость, отвагу, необыкновенную кротость и приветливость, заинтересовался им. Он добыл для родины своего любимца несколько мешков зерна и орудия для обработки земли, но все это у бедняги было украдено. Злоключения и муки снова обрушились на несчастного Дуа-Тара, и только в 1814 году ему удалось вернуться в страну своих предков. Но как раз тогда, когда он собирался заняться преобразованием своей родины, смерть унесла его в возрасте двадцати восьми лет. Несомненно, это непоправимое несчастье на долгие годы; задержало культурное развитие Новой Зеландии. Ничто не может заменить разумного, доброго человека, в сердце которого сочетаются любовь к добру и любовь к родине!

До 1816 года Новой Зеландией никто не интересовался. В этом году Томпсон, в 1817 году Николас, в 1819 году Марсден обследовали различные местности обоих островов, а в 1820 году Ричард Крюйс, капитан 84-го пехотного полка, пробыл на этих островах десять месяцев и собрал за это время много ценных материалов о нравах туземцев.

В 1824 году Дюперей, командир судна «Раковина», простоял пятнадцать дней на якоре в бухте Островов и встретил самое дружелюбное отношение со стороны туземцев.

После него, в 1827 году, английскому китоловному судну «Меркурий» пришлось обороняться от

туземцев. А в том же самом году капитан Дильсон во время двух своих стоянок был встречен туземным населением чрезвычайно гостеприимно.

В марте 1827 года командир судна «Астролябия», знаменитый Дюмон-Дюрвиль, не имея при себе никакого оружия, смог безнаказанно провести несколько дней на берегу среди новозеландцев. Он обменялся с ними подарками, слушал их пение, спал в их хижинах и беспрепятственно выполнил свои ценные работы по съемкам, результатом которых были столь полезные для флота карты.

На следующий год английский бриг «Гаус», которым командовал Джон Джонс, сделав стоянку в бухте Островов, направился к Восточному мысу. Здесь англичанам много пришлось вытерпеть от вероломного вождя, по имени Энараро. Некоторые из спутников Джона Джонса погибли ужасной смертью.

Из этих противоречивых происшествий, из этой смены кротости и жестокости следует сделать тот вывод, что часто жестокость новозеландцев была лишь мезтью. Хорошее или дурное отношение туземцев зависело от того, хороши или дурны были капитаны. Конечно, бывали и нападения, ничем не оправданные, но большей частью они являлись мезтью, вызываемой самими европейцами. Наказаны же бывали, к несчастью, те люди, которые этого не заслуживали.

После Дюрвиля этнография Новой Зеландии была дополнена исследователем, двадцать раз объехавшим весь земной шар, кочевником, бродягой — английским ученым Ирлем. Он побывал в не исследованных дотоле местностях обоих островов, причем хотя сам и не имел оснований жаловаться на туземцев, но не раз бывал свидетелем того, как они лакомились человеческим мясом. Новозеландцы с отвратительным сластолюбием пожирали друг друга. Те же сцены людоедства наблюдал в 1831 году во время своей стоянки в бухте Островов и капитан Лаплас. Бои туземцев между собой стали несравненно грознее, ибо дикари уже выучились владеть с удивительным искусством огнестрельным оружием. Поэтому когда-то цветущие, густо населенные местности острова Ика-на-Мауи превратились в настоящие пустыни. Целые племена исчезли.

Новозеландцы не похожи на австралийцев, которые убегают перед нашествием европейцев, — они оказывают сопротивление, защищаются, питают ненависть к захватчикам. В данное время эта неукротимая ненависть побуждает их набрасываться на английских эмигрантов.

Так Паганель, горя нетерпением поскорее добраться до Новой Зеландии, восстанавливал в своей памяти ее историю. Но увы, ничто в ней не давало ему права называть эти два острова континентом. И если некоторые слова документа снова воспламеняли воображение нашего географа, то два злополучных слога «кон-ти» упорно останавливали его на пути к новой расшифровке документа капитана Гранта.

Глава III

Новозеландские избиения

За четыре дня плавания «Макари» не прошел еще и двух третей своего пути от Австралии до Новой Зеландии. Билль Галлей мало занимался своим судном, а предоставлял все своим подчиненным. Показывался он редко, и пассажиры на это отнюдь не жаловались. Если бы он проводил время только у себя в каюте, то против этого никто ничего не имел бы, но грубиян-хозяин ежедневно напивался джином и бренди. Команда охотно следовала его примеру, и никогда, кажется, ни одно судно не было более брошено на произвол судьбы, чем «Макари» из бухты Туфольд.

Эта непростительная беспечность заставляла Джона Манглса быть настороже и непрерывно наблюдать за ходом судна. Не раз Мюльреди и Вильсон бросались выправлять руль, когда бриг готов был лечь набок. Подчас Билль Галлей обрушивался за это на обоих матросов с грубейшей бранью. Те были мало склонны выносить такое обращение, и им очень хотелось скрутить пьяницу и засадить его на дно трюма до конца перехода. Но Джону Манглсу удавалось, правда не без труда, сдерживать справедливое негодование своих матросов.

Все же положение судна не могло не заботить молодого капитана. Но, не желая тревожить Гленарвана, он поделился своими опасениями лишь с майором и Паганелем. Мак-Наббс дал ему тот же совет, что Мюльреди и Вильсон.

— Если только вам это кажется нужным, Джон, — сказал майор, — вы должны без колебаний взять на себя командование, или — если вы предпочитаете это выражение — руководство, судном. Когда мы высадимся в Окленде, пьяница этот снова станет хозяином своего брига и тогда сможет, сколько душе его будет угодно, переворачиваться и идти ко дну.

— Конечно, мистер Мак-Наббс, я так и поступлю, когда это будет безусловно необходимо, — ответил Джон Манглс. — Пока мы в открытом море, достаточно одного надзора. Ни я, ни мои матросы не покидаем палубы. Но если этот Билль Галлей не протрезвится при приближении к берегу, я, признаться, окажусь в очень затруднительном положении.

— Разве вы не сможете взять верный курс? — спросил Паганель.

— Это будет не так-то легко сделать, — ответил Джон. — Трудно поверить, но, представьте, на этом судне нет морской карты.

— Неужели?

— Это действительно так. «Макари» совершает каботажное плавание только между Эденом и Оклендом, и Билль Галлей так изучил эти места, что ему не нужны вычисления.

— Он, вероятно, думает, что бриг сам знает дорогу и идет куда надо, — сказал Паганель.

— Ну, я что-то не верю в суда, которые сами идут куда надо, — отозвался Джон Манглс. — И если только Билль Галлей будет пьян при приближении к берегу, то этим он поставит нас в необычайно затруднительное положение.

— Будем надеяться, что вблизи берегов этот пьяница образумится, — промолвил Паганель.

— Значит, если понадобится, вы не сможете ввести «Макари» в Оклендский порт? — спросил Мак-Наббс.

— Без карты побережья сделать это невозможно. Тамошние берега чрезвычайно опасны. Это ряд небольших, неправильных и причудливых фиордов, напоминающих фиорды Норвегии. Там много рифов, и чтобы избежать их, нужно прекрасно знать местность. Как бы ни была крепко судно, оно неминуемо разобьется вдребезги, если киль его наткнется на одну из подводных скал.

— И тогда плывущим на таком судне останется только искать спасения на берегу, не так ли? — спросил майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, в том случае, если погода позволит это сделать.

— Рискованный выход, — отозвался Паганель. — Ведь берега Новой Зеландии далеко не гостеприимны: на суше грозит не меньшая опасность, чем на море.

— Вы имеете в виду маори, господин Паганель? — спросил Джон Манглс.

— Да, друг мой. Среди моряков, плавающих по океану, их репутация установлена прочно. Это не робкие австралийцы, а смышленное, кровожадное племя, людоеды, от которых ждать пощады не приходится.

— Итак, если бы капитан Грант потерпел крушение у берегов Новой Зеландии, вы бы не посоветовали устремиться туда на его поиски? — спросил майор.

— Искать стоило бы только у берегов, — ответил географ, — так как там, быть может, удалось бы найти следы «Британии», но углубляться дальше было бы бесполезно! Каждый европеец, который осмеливается проникнуть в этот край, попадает в руки маори, а пленники их обречены на верную гибель. Я побуждал моих друзей пересечь пампасы, пересечь Австралию, но никогда не увлек бы их за собой по тропам Новой Зеландии. Да сохранит нас судьба от этих свирепых туземцев!

Опасения Паганеля имели полное основание. Острова эти пользуются ужасной славой: почти все обследования их связаны с кровавыми событиями.

В списках погибших мученической смертью мореплавателей очень много жертв новозеландцев. Начало этой кровавой летописи каннибализма положили пять матросов Авеля Тасмана, убитых и съеденных туземцами. Та же судьба постигла капитана Туклея и всех матросов его шлюпки. Также были съедены новозеландцами пять рыболовов с судна «Сидней-Ков», захваченных в восточной части пролива Фово. Следует еще упомянуть о четырех матросах со шхуны «Братья», убитых в гавани Молине, о нескольких солдатах генерала Гейтса, о трех дезертирах с судна «Матильда», и, наконец, следует назвать имя капитана Мариона дю Френа, горестная судьба которого пользуется такой трагической известностью.

11 мая 1772 года, после первого путешествия Кука, французский капитан Марион стал на якорю со своими судами «Маскарен» и «Кастри»; последним командовал его помощник, капитан Крозе. Лицемерные новозеландцы встретили вновь прибывших чрезвычайно радушно. Они даже разыграли перед французами людей робких. Чтобы приручить их, пришлось делать им подарки, оказывать всякие услуги, ежедневно дружески общаться с ними.

Их вождь, смышленный Такури, по словам Дюмон-Дюрвиля, принадлежал к племени вангароа и был родственником туземца, два года перед этим предательски увезенного с собой Сюрвилем.

Будучи уроженцем страны, где долг чести требует от каждого маорийца, чтобы он мстил за оскорбление кровью, Такури, конечно, не мог простить обиду, нанесенную не только его племени, но и его роду. Он терпеливо ждал появления какого-нибудь европейского судна, обдумал свою месть и привел ее в исполнение с ужасающим хладнокровием.

Притворившись сначала, что он боится французов, Такури всеми средствами постарался внушить им уверенность в полной их безопасности. Часто он ночевал со своими товарищами на французских кораблях.

Они привозили французам отборную рыбу. Им сопутствовали их жены и дочери. Вскоре дикари узнали имена офицеров и стали приглашать их к себе в поселения. Марион и Крозе, подкупленные такими знаками дружелюбия, объехали все побережье с его четырехтысячным населением. Туземцы выбегали навстречу французам без всякого оружия и старались внушить им к себе полное доверие.

Капитан Марион стал на якорь в бухте Островов с целью заменить на судне «Кастри» мачты, очень пострадавшие от последних бурь. Поэтому он занялся осмотром острова и 23 мая наткнулся на чудесный кедровый лес, находившийся в восьми километрах от берега, поблизости от бухты, расположенной в четырех километрах от стоянки кораблей. В этом лесу был разбит лагерь, и две трети матросов, вооружившись топорами и другими инструментами, принялись рубить кедры и чинить дорогу, ведущую к этой бухте. Раскинуто было еще два лагеря: один — на острове Моту-Аро, посреди бухты; сюда были перевезены больные экспедиции, а также судовые кузнецы и бондари; другой — на берегу океана, в шести километрах от стоянки судов; этот последний лагерь сообщался с лагерем плотников. Во всех трех пунктах морякам помогали в их работах сильные и услужливые дикари.

До сих пор капитан Марион все же считал необходимым принимать некоторые меры предосторожности. Так, дикарям было запрещено появляться на судах с оружием, а шляпки ходили на берег не иначе, как с хорошо вооруженной командой. Однако туземцы своим обращением ввели в заблуждение не только Мариона, но и самых недоверчивых его офицеров. Поэтому глава экспедиции приказал, чтобы матросы ходили в шляпках на берег без оружия. Тщетно капитан Крозе убеждал Мариона отменить такой приказ — ему этого не удалось добиться.

Тут предупредительность и преданность новозеландцев еще более возросли. Вожди их жили с французским офицерами в самой нежной дружбе. Не раз Такури привозил на суда своего сына и оставлял его там ночевать. 8 июня, когда Марион сделал торжественный визит вождю, туземцы провозгласили французского капитана «великим вождем» всего края и в знак почтения украсили волосы его четырьмя белыми перьями.

Так прошло тридцать три дня со времени прихода судов в бухту Островов. Работа по выделке мачт подвигалась вперед. Ею руководил лично капитан Крозе. Суда запасались пресной водой из источников островка Моту-Аро. Словом, все шло так, что, казалось, не могло быта ни малейшего сомнения в успехе предприятия.

12 июня катер командира был приготовлен для рыбной ловли близ поселения, где жил Такури. Марион отправился на эту рыбную ловлю с двумя своими молодыми офицерами — Водрикуром и Легу, — одним волонтером, одним каптенармусом и двенадцатью матросами. Их сопровождали пять туземных вождей во главе с Такури.

Ничто не предвещало той ужасной катастрофы, которая ожидала шестнадцать европейцев из семнадцати.

Катер отвалил от борта, понесся к берегу и вскоре скрылся из виду.

Вечером капитан Марион не вернулся ночевать на свое судно. Это не возбудило ни в ком беспокойства. Решили, что капитан пожелал посетить лагерь в лесу и там заночевал.

На следующее утро шляпка с судна «Кастри», по своему обыкновению, отправилась за пресной водой на островок Мото-Аро. Она благополучно вернулась обратно. В девять часов утра вахтенный с «Маскарена» заметил в море плывущего к судам уже почти обессиленного человека. На помощь ему была послана шляпка, которая и доставила его на судно.

Это был Турнер, гребец с катера капитана Мариона; у него были в боку две раны, нанесенные копьем. Из семнадцати человек, покинувших накануне судно, вернулся он один.

Турнера засыпали вопросами, и вскоре стали известны все подробности этой ужасной драмы.

Катер злополучного Мариона пристал к берегу в семь часов утра. Дикари с веселым видом попрыгали в воду навстречу гостям и на плечах вынесли на берег офицеров и тех из матросов, которые не пожелали замочить себе ноги.

Очутившись на берегу, французы разошлись в разные стороны. Тут-то дикари, вооруженные пиками и дубинами, набросились на них, десять на одного, и прикончили их. Раненому Турнеру удалось ускользнуть от своих врагов и спрятаться в чаще. Сидя там, он был свидетелем жестоких сцен. Никем не замеченный, Турнер бросился в море и, почти умирающий, был подобран шлюпкой с «Маскарена».

Рассказ об этом происшествии привел в ужас команды обоих судов. Раздались призывы к мести. Но раньше чем мстить за мертвых, надо было спасать живых. Ведь на берегу находилось три лагеря, и их окружали тысячи кровожадных дикарей-людоедов, уже отведавших человеческого мяса.

Капитана Крозе на судне не было: он ночевал в лагере, в лесу. Поэтому необходимые меры поспешил принять старший офицер Дюклемер. Им была отправлена с «Маскарена» шлюпка с офицером и отрядом солдат. Этому офицеру был отдан приказ в первую очередь заняться спасением плотников. Он отправился, проплыл вдоль побережья, увидел выброшенный на мель катер капитана Мариона и высадился на берег.

Капитан Крозе, прошедший, как сказано, ночь в лесу, ничего не знал о резне. Около двух часов пополудни он увидел приближающийся отряд солдат. Предчувствуя что-то недоброе, Крозе поспешил навстречу отряду и узнал от Него о том, что произошло. Боясь, что эти вести могут лишить бодрости духа его команду, Крозе запретил сообщать ей о случившемся.

Между тем толпы туземцев заняли все окрестные возвышенности. Капитан Крозе велел взять с собой главные инструменты, остальные зарыть, а затем поджечь сарай. Когда это было выполнено, он стал отступать; под его командой было шестьдесят человек.

Туземцы шли за ними, выкрикивая: «Такури мате Марион!»^[72] Они надеялись, что, доведя до сведения матросов о гибели их начальника, приведут тех в смятение. Матросы, охваченные бешенством, хотели было броситься на дикарей. Капитану Крозе с трудом удалось удержать их.

Восемь километров были пройдены. Отряд добрался до берега и здесь, соединившись с матросами из второго лагеря, стал размещаться по шлюпкам. В это время тысяча дикарей сидели на земле, ничего не предпринимая. Но как только лодки вышли в море, вслед за ними стали лететь камни. Тут четыре матроса, хорошие стрелки, открыли огонь и уложили одного за другим всех вождей, к великому изумлению дикарей, не имевших понятия об огнестрельном оружии.

Капитан Крозе, вернувшись на «Маскарен», тотчас же послал шлюпку с отрядом солдат на островок Моту-Аро. Под охраной этого отряда бывшие на островке больные провели там еще одну ночь, а утром были водворены на суда.

На другой день сторожевой пост Моту-Аро был еще усилен добавочным отрядом солдат. Надо было очистить островок от наводнивших его туземцев, а затем продолжать запасаться пресной водой. В поселении Моту-Аро насчитывалось триста жителей. Французы напали на них. Шестерых вождей они убили, остальных дикарей обратили в бегство штыками, а поселение сожгли.

Однако «Кастри» не мог снова выйти в море без мачт. Крозе пришлось отказаться от использования кедровых стволов, и он распорядился починить старые мачты. Работа по снабжению судов пресной водой продолжалась. Так прошел месяц. Дикари делали не раз попытки вернуть Моту-Аро, но добиться этого не могли. Как только показывались пироги, пушечные выстрелы превращали их в щепы.

Наконец работы были закончены. Оставалось узнать, не остался ли в живых кто-нибудь из

шестнадцати жертв, а затем отомстить за всех остальных. Шлюпка с офицерами и отрядом солдат направилась к тому поселку, где жил Такури. При приближении шлюпки этот вероломный и трусливый вождь, одетый в шинель командира Мариона, убежал. Хижины его поселка были тщательно обысканы. В хижине самого Такури оказался череп человека, недавно зажаренного. На нем еще виднелись следы зубов людоеда. Тут же висела человеческая ляжка. Были обнаружены сорочка Мариона с окровавленным воротником, одежда и пистолеты юного Водрикура, оружие, бывшее на шлюпке, куча одежды в лохмотьях. Подальше, в другом поселке, наткнулись на вычищенные и сваренные человеческие внутренности.

Все эти неопровержимые доказательства убийства и людоедства были собраны. Человеческие останки с почетом зарыли в землю. А затем поселения Такури и его соучастника Пики-Оре были преданы пламени. 14 июня 1772 года оба судна покинули эти роковые места.

Таково было то ужасное событие, помнить которое должен каждый путешественник, вступающий на берега Новой Зеландии. Неблагоразумен тот капитан, который не воспользовался подобным предупреждением. Новозеландцы и поныне вероломны и падки на человеческое мясо. В этом, при всем своем пристрастии к Новой Зеландии, убедился и Кук во время своего второго путешествия, в 1773 году. Шлюпка одного из его кораблей, посланная 17 декабря на новозеландский берег за травой, так и не вернулась. На шлюпке находился мичман с девятью матросами. Капитан этого судна Фюрно, обеспокоенный судьбой своей команды, послал на ее розыски лейтенанта Бюрнея. Тот, высадившись на месте, где пристала шлюпка, наткнулся на ужасную картину зверства и варварства, о которой, по его словам, «нельзя было говорить без содрогания. Кругом, разбросанные на песке, валялись головы, внутренности, легкие наших товарищей, и здесь же несколько собак доедали другие такие же останки».

Чтобы закончить этот кровавый перечень, следует добавить к нему нападение, произведенное в 1815 году новозеландцами на судно «Братья», а также гибель в 1820 году от руки тех же новозеландцев всей команды судна «Бойд» (включительно до капитана). Наконец, 1 марта 1829 года вождь Энараро разграбил судно «Гаус», пришедшее из Сиднея. При этом его орда людоедов убила несколько матросов, трупы которых затем зажарила и съела.

Такова была та Новая Зеландия, куда шел бриг «Макари» со своей тупоумной командой, возглавляемой капитаном-пьяницей.

Глава IV

Подводные скалы

Между тем утомительный перевод продолжался. 2 февраля, через шесть дней после отплытия, с «Макари» еще нельзя было опознать Оклендского побережья. Ветер был благоприятный — юго-западный. Но бригу мешали встречные течения, и он едва двигался вперед. Море было бурное. «Макари» сильно качало, весь остов его трещал; судно зарывалось в волны и с трудом поднималось. Плохо натянутые ванты, бакштаги и штаги недостаточно крепко держали мачты, а сильная качка расшатывала их.

К счастью еще, Билль Галлей, вообще не любивший торопиться, не ставил много парусов, а то мачты неизбежно сломались бы. Джон Манглс не терял надежды, что эта жалкая посудина дотащится-таки без особых злоключений до гавани, но ему было тяжело видеть, в каких плохих условиях находятся на бриге его спутники.

Однако ни Элен, ни Мэри Грант ни на что не жаловались, хотя непрекращавшийся дождь и заставлял их сидеть в рубке, где было душно и очень ощущалась качка. Поэтому, не обращая внимания на дождь, они часто выходили на палубу, и только налетавшие нестерпимые порывы ветра заставляли их спускаться в тесную рубку, более годную для перевозки товаров, чем пассажиров, а тем более пассажирок.

Друзья старались как-нибудь развлечь их. Паганель пробовал было заинтересовать их своими рассказами, но это ему плохо удавалось. Печальное возвращение действовало на путешественников подавляющим образом. Вот почему они, прежде слушавшие с таким интересом повествования географа о пампасах и Австралии, теперь, когда вопрос шел о Новой Зеландии, оставались холодными и равнодушными. Ведь они плыли в этот мрачный край без воодушевления, без какой-либо вдохновляющей цели, не по своему желанию, а под гнетом роковой необходимости.

Из всех пассажиров «Макари» наибольшего сожаления заслуживал Гленарван. Его редко можно было видеть в рубке: ему не сиделось на месте. По природе нервный и легко возбуждающийся, он не мог примириться с этим заключением в тесной каюте. Весь день и часть ночи проводил он на палубе, не обращая внимания ни на волны, хлеставшие по ней, ни на потоки дождя. Он то стоял, опершись на поручни, то лихорадочно расхаживал по палубе, вглядываясь в нависший кругом туман. Когда тот на короткое время рассеивался, Гленарван не отрывал глаз от подзорной трубы. Казалось, он вопрошал эти немые волны; ему хотелось разорвать взмахом руки эту завесу тумана, это скопление паров, застилавшее горизонт. Он не мог примириться с постигшей его судьбой, и лицо его выражало глубокое страдание. Это был энергичный человек, до сей поры счастливый и могущественный, которому вдруг изменило и то и другое.

Джон Манглс не покидал Гленарвана и вместе с ним переносил всю тяжесть непогоды. В этот день Гленарван с особенной настойчивостью вглядывался в прорывы дымки у горизонта.

— Вы ищите землю, сэр? — спросил Джон Манглс.

Гленарван отрицательно покачал головой.

— Все же вы, наверно, с нетерпением ждете той минуты, когда сойдете с этого брига, — промолвил молодой капитан. — Мы должны были увидеть огни Оклендского порта еще тридцать шесть часов назад.

Гленарван ничего не ответил. Он продолжал смотреть в подзорную трубу в ту сторону горизонта, откуда дул ветер.

— Земля не там, — заметил Джон Манглс. — Смотрите направо, сэр.

— Зачем, Джон? — сказал Гленарван. — Я ищу не землю.

— А что же, сэр?

— Мою яхту! Мой «Дункан»! — гневно ответил Гленарван. — Ведь он должен плавать в этих водах, грабя, занимаясь своим зловещим ремеслом пирата! Говорю вам, Джон, он здесь, на пути судов между Австралией и Новой Зеландией. У меня есть предчувствие, что мы с ним встретимся.

— Лучше бы нам не встречаться, сэр!

— Почему, Джон?

— Вы забываете, сэр, в каком мы теперь положении. Что могли бы мы предпринять на этом бриге, если бы «Дункан» погнался за нами? Мы не были бы даже в силах уйти от него.

— Уйти, Джон?

— Да, сэр! Мы тщетно пытались бы это сделать! Мы были бы захвачены и оказались бы во власти этих негодяев, а Бен Джойс показал уже, что он не отступит перед преступлением. Дело не в нашей жизни — мы защищались бы до последнего издыхания. Но подумайте, сэр, о наших спутницах!

— Бедные женщины! — прошептал Гленарван. — У меня разрывается сердце, Джон, и порой я прихожу в отчаяние. Мне кажется, что нас ждут новые беды, что судьба против нас, и мне делается страшно.

— Вам, сэр?

— Не за себя, Джон, но за тех, кого я люблю и кого вы любите.

— Успокойтесь, сэр, — ответил молодой капитан. — Бояться нечего. «Макари» идет неважно, но все же идет. Билль Галлей — тупоумная скотина, но я ведь здесь, и если найду, что подходить к берегу рискованно, то поведу судно обратно в море. И так, с этой стороны мало или даже совсем нет опасности. А вот очутиться бок о бок с «Дунканом» было бы ужасно, и если вы, сэр, стремитесь увидеть его, то пусть это будет для того, чтобы избежать встречи с ним, чтобы уйти от него.

Джон Манглс был прав: встреча с «Дунканом» явилась бы роковой для «Макари». Пираты были страшны именно в этих водах, где они могли свободно разбойничать. К счастью, в течение всего этого дня яхта не появилась, и шестая ночь со времени отплытия из бухты Туфольд наступила без каких-либо угрожающих признаков.

Но эта ночь, видимо, должна была быть ужасной. Стемнело почти внезапно в семь часов вечера. Небо стало грозным. Инстинкт моряка заговорил даже в пьяном Билле Галлее. Протирая глаза и трясая своей большой рыжей головой, капитан вышел из каюты, с силой втянул в себя воздух — так, как другой выпил бы для своего отрезвления стакан воды, — и принялся осматривать паруса. Ветер свежел и, повернув на четверть румба к западу, нес бриг к Новозеландскому побережью.

Билль Галлей с грубой бранью накинулся на матросов, велел им убрать брамсея. Джон Манглс одобрил распоряжение капитана, но не сказал ему об этом ни слова. Он решил не вступать ни в какие разговоры с этим грубияном. Но ни молодой капитан, ни Гленарван не ушли с палубы. Два часа спустя ветер еще усилился, и Билль Галлей приказал взять марсея на рифы. С этой работой трудно было бы справиться команде из пяти человек, если бы на «Макари» не имелось двойной реи американской системы. Достаточно было опустить верхнюю рею, чтобы марсея сократились до минимальной величины.

Прошло еще два часа. Море становилось все более бурным. Волны так резко били в бриг, что казалось — он уже натывается на подводные скалы, хотя этого в действительности и не было. Тяжелый

корпус брига с трудом поднимался на волну, и потому надвигавшиеся сзади волны часто хлестали через борт и прокатывались по палубе. Шлюпка, висевшая над левым бортом, была смыта таким нахлынувшим валом.

Джон Манглс тревожился. Всякому другому судну были бы нипочем эти, в сущности, не такие уж страшные волны, но с тяжеловесным «Макари» можно было опасаться сразу пойти ко дну, ибо каждый раз, когда он зарывался в волны, через палубу прокатывалась масса воды, которая, не находя достаточного количества желобов для стока, угрожала затопить бриг. Для облегчения выхода воды было бы благоразумно прорубить топорами отверстия в верхней части бортов, но Билль Галлей не согласился принять эту меру предосторожности. Впрочем, «Макари» грозила еще большая опасность, и предотвратить ее уже не было времени.

Около половины двенадцатого ночи до Джона Манглса и Вильсона, стоявших у борта с подветренной стороны, вдруг донесся какой-то необычный шум. В них проснулся инстинкт моряка. Джон схватил матроса за руку.

— Прибой! — сказал он.

— Да, — отозвался Вильсон, — это волны разбиваются о рифы.

— Не больше как в двух кабельтовых?

— Не больше. Там земля.

Джон перегнулся через борт, посмотрел на темные волны и крикнул:

— Лот, Вильсон, лот!

Хозяин «Макари», стоявший на носу, по-видимому не отдавал себе отчета в своем положении. Вильсон схватил лот, свернутый на баке, и бросил его в воду. Веревка заскользила между его пальцами. У третьего узла лот остановился.

— Три сажени! — крикнул Вильсон.

— Капитан, мы у рифов! — воскликнул Джон, подбегая к Биллю Галлею.

Заметил ли Джон Манглс или нет, как Галлей пожал плечами, не важно, только молодой капитан кинулся к рулю, повернул румпель, а Вильсон, бросив лот, стал подтягивать марсель, чтобы привести бриг к ветру. Стоявший у руля матрос, которого Джон Манглс с силой оттолкнул, был совершенно озадачен этим внезапным нападением.

— Отдавай! Отдавай! — кричал молодой капитан, поворачивая бриг таким образом, чтобы уйти от подводных скал.

С полминуты судно шло, почти касаясь рифов правым бортом, и как ни была темна ночь, Джон увидел сажень в четырех от «Макари» белые гребни ревущих волн. Тут Билль Галлей, поняв наконец грозящую судну опасность, потерял голову. Еле протрезвившиеся матросы никак не могли понять, чего требует от них капитан. Несвязная речь, противоречивость его приказаний говорили о том, что этот тупоумный пьяница отнюдь не обладал хладнокровием. Галлей был совершенно поражен: он считал, что земля от него еще в тридцати-сорока милях, а она оказалась в каких-нибудь восьми. Судно отнесло течением в сторону от его обычного пути, и это захватило жалкого капитана врасплох.

Благодаря быстро произведенному Джоном Манглсом маневру «Макари» избежал подводных скал. Но Джон Манглс не знал фарватера. Быть может, рифы окружали его со всех сторон? Ветер нес бриг прямо к востоку, и каждую минуту можно было натолкнуться на какую-нибудь подводную скалу.

Вскоре шум прибоя стал нарастать справа. Снова Джону Манглсу пришлось лавировать. Перед

форштевнем судна бурлил один бурун за другим. Надо было во что бы то ни стало выйти в открытое море. Но удастся ли произвести нужный для этого поворот на таком неустойчивом судне, с малой парусностью? Шансов на успех было немного, но все же надо было отважиться на этот маневр.

— Руль на борт! До отказа! — крикнул Джон Манглс Вильсону.

«Макари» стал приближаться к новой полосе подводных скал. Запенились буруны. Наступила минута мучительного ожидания. Волны светились от пены, будто вспыхивая фосфорическим светом. Море ревело.

Вильсон и Мюльреды, нагнувшись, изо всех сил налегали на штурвал. Вдруг почувствовался страшный толчок. «Макари» наткнулся на подводную скалу. Ватер-штаги лопнули, и потому фок-мачта стала менее устойчивой. «Удастся ли закончить поворот без других аварий?» — пронеслось в голове у Джона Манглса.

Нет, закончить поворот не удалось: ветер сразу спал, и бриг перестал двигаться. Нахлынувший вал подхватил его, поднял и со страшной силой швырнул на скалы. Фок-мачта со всей своей оснасткой рухнула. Бриг дважды ударился о скалы задним концом киля, затем, накренившись на правый борт на тридцать градусов, замер.

Стекла в рубке разлетелись вдребезги. Пассажиры выбежали на палубу, но по ней перекатывались волны и оставаться там было небезопасно. Джон Манглс, зная, что судно основательно увязло в песке, попросил пассажиров вернуться в рубку.

— Говорите правду, Джон, — хладнокровно обратился к молодому капитану Гленарван.

— Правда, сэр, заключается в следующем: ко дну мы не пойдём. Будет ли судно разбито волнами, это другой вопрос, но у нас есть время принять нужные меры.

— Теперь полночь?

— Да, сэр, и надо подождать, пока рассветет.

— Нельзя ли спустить шлюпку?

— При такой волне и среди такого мрака это невысказимо. К тому же мы даже не знаем, где можно высадиться на берег.

— Хорошо, Джон, останемся здесь до утра.

В это время Билль Галлей бегал, словно сумасшедший, по палубе своего брига. Его матросы, выйдя из остолбенения, высадили дно у бочонка с водкой и принялись распивать. Джон предвидел, что это опьянение не замедлит привести их к диким выходкам. Рассчитывать, что капитан сможет удержать свою команду, не приходилось — этот жалкий человек рвал на себе волосы, ломал руки и думал только о своем грузе, который не был застрахован.

— Разорен я! Погиб! — кричал он, бегая от одного борта к другому.

Джон Манглс не стал его утешать. Он посоветовал своим спутникам иметь при себе оружие, и все они приготовились в случае надобности дать отпор матросам. Те пили водку, выкрикивая ужасные ругательства.

— Пусть только кто-нибудь из этих мерзавцев приблизится к рубке — я убью его, как собаку, — спокойно заявил майор.

Матросы, должно быть, поняли, что с ними церемониться не станут, и потому, сделав попытку пограбить, куда-то исчезли. Джон Манглс перестал думать об этих пьяницах. Он с нетерпением ждал рассвета.

Бриг оставался совершенно неподвижным. Ветер стихал. Море мало-помалу успокаивалось. Видимо,

корпус судна мог продержаться еще несколько часов. С восходом солнца Джон Манглс рассчитывал разглядеть берег. Если пристать к нему будет нетрудно, то ялик — единственное оставшееся на судне средство сообщения — перевезет на берег и команду и пассажиров. Это придется сделать за несколько раз, ибо он мог вместить не больше четырех человек. Судовая же шлюпка, как уже упоминалось, была сорвана и унесена нахлынувшим валом.

Обдумывая опасное положение, в котором он со своими спутниками очутился, Джон Манглс, опершись о борт, прислушивался к шуму kloкочущих бурунов. Он старался разглядеть что-либо в окружавшем его беспросветном мраке и спрашивал себя, на каком расстоянии могла находиться эта столь желанная и вместе с тем столь мрачно-неприветливая земля. Буруны часто тянутся на расстоянии нескольких миль от побережья. Сможет ли легкая, хрупкая лодка выдержать такой переход?

В то время как Джон Манглс, ожидая первых проблесков зари, раздумывал обо всем этом, пассажиры, успокоенные молодым капитаном, спали на своих койках. Неподвижность судна обеспечивала им несколько часов отдыха. Гленарван, Джон Манглс и их спутники, не слыша больше криков мертвецки пьяной команды, также решили немного поспать. В час ночи на «Макари», дремавшем на своем песчаном ложе, воцарилась полная тишина.

Около четырех часов утра на востоке показались первые проблески зари. Облака посветлели в бледных лучах рассвета. Джон Манглс снова поднялся на палубу. Туманная завеса висела на горизонте. Какие-то неясные очертания будто реяли на некоторой высоте в утренних парах. Легкая зыбь вздымала море.

Джон Манглс стал ждать. Мало-помалу делалось светлее, восток загорался алым светом. Туманная завеса медленно поднималась — из воды начали выступать черные скалы. Затем за полоской пены вырисовалась черта, а высоко над нею загорелся, словно какой-то маяк, яркий свет — это еще невидимое солнце осветило остроконечную вершину горы. Земля была там, меньше чем в девяти милях.

— Земля! — крикнул Джон Манглс.

Его спутники, разбуженные этим криком, выбежали на палубу брига и молча устремили глаза на побережье, видневшееся у горизонта. Гостеприимное ли, пагубное ли — оно должно было дать им приют.

— Где Билль Галлей? — спросил Гленарван.

— Не знаю, сэр, — ответил Джон Мангле.

— А его матросы?

— Скрылись, как и он.

— И, вероятно, как и он, мертвецки пьяны, — добавил Мак-Наббс.

— Разыщите их, — сказал Гленарван. — Нельзя же их бросить на этом судне.

Мюльреди и Вильсон спустились в помещение на баке и тут же вернулись обратно, так как там никого не оказалось. Затем они тщательно осмотрели все судно, до самого дна трюма, но ни Билля Галлея, ни его матросов нигде не обнаружили.

— Как, никого? — сказал Гленарван.

— Не упали ли они в море? — спросил Паганель.

— Все возможно, — отозвался Джон Манглс, очень озабоченный этим исчезновением. Затем, направляясь на корму, он крикнул — К ялику!

Вильсон и Мюльреди последовали за ним, чтобы спустить на воду ялик, но его не было — он исчез.

Глава V

Матросы поневоле

Билль Галлей ночью сбежал вместе со своей командой на единственной лодке брига. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Капитан, обязанный по своему долгу оставить судно последним, покинул его первым.

— Эти плуты сбежали, — сказал Джон Манглс. — Что ж, тем лучше, сэр: они избавили нас не от одной неприятной сцены.

— И я того же мнения, — согласился Гленарван. — К тому же, Джон, на судне ведь имеется и капитан, имеются и матросы, если и не умелые, то, во всяком случае, храбрые, ваши товарищи. Приказывайте, мы готовы вам повиноваться!

Майор, Паганель, Роберт, Вильсон, Мюльреди и даже Олбинет встретили рукоплесканиями слова Гленарвана и, выстроившись на палубе, стали ждать распоряжений Джона Манглса.

— С чего же нам начать? — спросил Гленарван.

Молодой капитан бросил взгляд на море, затем на далеко не полный рангоут брига и, подумав немного, сказал:

— У нас, сэр, есть два способа выйти из положения: или снять с рифов бриг и снова выйти в море, или добраться до побережья на плоту — построить его будет нетрудно.

— Если только бриг может быть снят с рифов, снимем его, — ответил Гленарван. — Это лучшее, что мы можем сделать, не правда ли?

— Да, сэр, ибо, добравшись до суши, в каком бы положении очутились мы там без средств передвижения?

— Будем держаться подальше от берега, — заметил Паганель — нам надо опасаться Новой Зеландии.

— Прибавьте к этому, что из-за беспечности Галлея мы значительно отклонились от нашего курса, — прибавил Джон Манглс. — Нас, очевидно, отнесло к югу. В полдень я определю наше местонахождение, и если, как я предполагаю, мы находимся южнее Окленда, то я попытаюсь достигнуть его, плывя вдоль берегов.

— Но ведь бриг поврежден. Как же быть? — спросила Элен.

— Я не думаю, чтобы эти повреждения были серьезны, — ответил Джон Манглс. — Я заменю сломанную фок-мачту временной, и «Макари» пойдет, правда медленно, но все же туда, куда мы пожелаем. Если же, на наше несчастье, корпус брига проломлен или вообще нельзя будет снять его с рифов, тогда придется покориться необходимости и добираться до берега на плоту, а там идти пешком в Окленд.

— Значит, в первую очередь произведем осмотр судна, — заявил майор.

Гленарван, Джон Манглс и Мюльреди спустились в трюм. Здесь было беспорядочно навалено тонн двести дубленой кожи.

Благодаря прикрепленным к штагу таям оказалось возможным переместить тюки с кожей без особого труда. Чтобы облегчить судно, Джон Манглс распорядился немедленно выбросить часть тюков в

море.

После усиленной трехчасовой работы стало возможно осмотреть дно брига. Выяснилось, что два паза обшивного пояса левого борта разошлись. Так как «Макари» лег на правый борт, то левый, поврежденный борт был выше воды. Только благодаря этому в трюме не было течи. Вильсон законопатил разошедшиеся пазы паклей, а затем аккуратно забил их медным листом. Опустили на дно трюма лот и выяснили, что в трюме воды меньше двух футов. Эту воду легко можно было выкачать насосами и облегчить таким образом судно.

Осмотр корпуса показал Джону Манглсу, что при посадке на рифы «Макари» мало пострадал. Конечно, во время снятия брига часть фальшкиля, увязнув в песке, могла остаться в нем, но это было не опасно.

Когда был закончен осмотр внутренних частей судна, Вильсон нырнул в воду, чтобы выяснить положение «Макари» на мели. Оказалось, что бриг, обращенный носом на северо-запад, сел на песчано-илистую мель, очень круто опускающуюся в море. Нижняя оконечность форштевня и две трети киля глубоко застряли в песке. Остальная же часть до ахтерштевня была в воде, глубина которой в этом месте доходила до пяти саженей. Таким образом, руль не увяз и мог действовать свободно. А это давало возможность воспользоваться им при первой же надобности.

В Тихом океане прилив не особенно велик, но все же Джон Манглс рассчитывал на него, чтобы снять с мели «Макари». Бриг стал на мель приблизительно за час до начала отлива. С наступлением отлива бриг все больше и больше кренился на правый борт. В шесть часов утра, в момент наибольшего отлива, этот крен достиг своего максимума, но подпирать бриг еще не было необходимости. Благодаря этому можно было сохранить реи и шесты, которые нужны были Джону Манглсу для той временной мачты, которую он собирался поставить на носу брига.

Оставалось принять меры для снятия «Макари» с мели. Работа эта была долгая и утомительная. Было, конечно, немисливо подготовить все, что требовалось, к приливу, то есть к двенадцати с четвертью часам дня. На первый раз можно было лишь надеяться увидеть, какое действие окажет подъем воды на свободную часть брига, и уже только во время следующего прилива необходимо было напрячь все силы, чтобы снять «Макари» с мели.

— За дело! — скомандовал Джон Манглс.

Новые матросы насторожились в ожидании приказаний своего капитана. Джон Манглс начал с того, что распорядился убрать паруса. Майор, Роберт, Паганель под руководством Вильсона взобрались на марс. Надутый ветром грот-марсель мешал бы высвобождению судна. Надо было его убрать, и это кое-как было сделано. Затем после упорной и тяжелой для неумелых рук работы грот-брам-стенгга была выдернута из шкива. Юный Роберт, проворный, как кошка, и отважный, как юнга, оказал существенную помощь своим товарищам в этой нелегкой операции.

Затем надо было бросить якорь, а то и два позади кормы, против киля. Эти якоря должны были во время прилива стащить с мели «Макари». Такая операция — дело нетрудное, когда имеется шлюпка. Тогда якорь подвозят к нужному, заранее назначенному месту и там бросают. Но здесь, когда не имелось никакой лодки, надо было чем-то ее заменить.

Гленарван был настолько сведущ в морском деле, что ясно понимал необходимость бросить якорь для снятия судна, севшего на мель во время отлива.

— Но как же это сделать без лодки? — спросил он Джона Манглса.

— Нам придется соорудить нечто вроде плота из кусков сломанной фок-мачты и пустых бочонков, —

ответил молодой капитан. — Забросить якоря при таких условиях будет трудновато, но возможно, ибо якоря «Макари» невелики. А если они будут заброшены и не сорвутся, я надеюсь на успех.

— Хорошо. Не будем же терять время, Джон.

Все, и матросы и пассажиры «Макари», были вызваны на палубу, и каждый из них принялся за работу. Топорами перерубили снасти, еще удерживавшие фок-мачту. Мачта эта была сломана у топа, так что марс легко удалось снять. Джон Манглс предназначил этот материал для постройки плота. Сбитую марсовую площадку укрепили на пустых бочонках, чем дали ей возможность выдержать тяжесть якорей. К этому плоту приделали для управления кормовое весло. Впрочем, отлив и так должен был отнести плот за корму, откуда, забросив якоря, легко было вернуться на судно, держась за протянутый с него канат.

К полудню работа над плотом была наполовину закончена, и Джон Манглс, поручив Гленарвану наблюдать за работающими, занялся определением местонахождения брига — было чрезвычайно важно это узнать. К счастью, Джон Манглс нашел в каюте Билля Галлея справочник Гринвичской обсерватории и секстант, очень грязный, но еще годный для работы. Молодой капитан вычистил его и принес на палубу.

С помощью этого секстанта ему удалось определить, что они находятся под 38° широты, а будучи у западного берега Новой Зеландии, он знал долготу: 171°13'.

Справившись по карте Джонстона, купленной Паганелем в Эдене, Джон Манглс убедился, что авария произошла у входа в бухту Аотеа, выше мыса Капуа, у берегов провинции Окленд. Так как город Окленд находится на тридцать седьмой параллели, то, значит, «Макари» был отнесен на один градус к югу от своего пути, и теперь, для того чтобы попасть в столицу Новой Зеландии, ему нужно было подняться на этот градус к северу.

— Переход в какие-нибудь двадцать пять миль. Пустяк, — сказал Гленарван.

— Пустяк, если проплыть эти двадцать пять миль по морю; долгий и трудный путь, если пройти их по земле, — возразил Паганель.

— Поэтому сделаем все, что в человеческих силах, чтобы снять «Макари» с мели, — сказал Джон Манглс.

Снова принялись за работу. В четверть первого начался прилив, но Джон Манглс не мог им воспользоваться, ибо якоря не были еще заброшены. Все же он с некоторым волнением наблюдал за тем, что делается с «Макари». Не всплывет ли бриг благодаря приливу? Это должно было решиться в течение пяти минут.

Стали ждать. Раздался треск. Он происходил если не от поднятия судна, то все же от сотрясения его подводной части. Бриг не сдвинулся, но Джон Манглс возымел некоторые надежды на следующий прилив.

Снова закипела работа. К двум часам плот был готов. На него погрузили малый якорь. Джон Манглс и Вильсон поместились на плоту, предварительно прикрепив к корме судна перлинь [\[73\]](#). Прилив отнес их на полкабельтова; здесь они бросили якорь на глубине десяти саженей. Якорь хорошо держал, и плот вернулся к бригу.

Теперь предстояло заняться вторым, большим якорем. Спустить его оказалось труднее. Но затем плот снова отнесло приливом, и вскоре второй якорь был брошен позади первого, но уже на глубине пятнадцати саженей. Покончив с этим, Джон Манглс и Вильсон, подтягиваясь на канате, вернулись к «Макари».

Канат и перлинь накрутили на брашпиль, и все бывшие на «Макари» стали ждать нового прилив — разгар его должен был наступить в час ночи. Было еще только шесть часов вечера.

Джон Манглс похвалил своих матросов, а Паганелю даже дал понять, что при хорошем поведении и храбрости он когда-нибудь может стать и боцманом.

Тем временем мистер Олбинет, уже потрудившийся в поте лица, вернулся на кухню. Здесь он занялся приготовлением сытного обеда, который пришелся как нельзя более кстати. Вся команда брига чувствовала сильнейший аппетит. Обед полностью удовлетворил всех и дал путешественникам новые силы для предстоящих работ.

После обеда Джон Манглс принял последние меры предосторожности, которые должны были обеспечить успех задуманного плана. Когда речь идет о снятии с мели судна, нельзя допустить ни малейшей оплошности. Подчас дело не удастся, и киль не покидает своего песчаного ложа из-за самой незначительной перегрузки.

Джон Манглс уже распорядился выбросить в море большую часть товара для облегчения брига. Теперь же остальные тюки с кожей, тяжелые шесты, запасные реи, несколько бочек с балластом были перемещены на корму, для того чтобы она своей тяжестью помогла подняться форштевню. Вильсон и Мюльреди вкатили на корму еще несколько бочонков, которые они затем наполнили водой. Эти последние работы были закончены только к полуночи. Вся команда устала до изнеможения, что было особенно прискорбно, ибо вскоре должно было понадобиться напряжение всех ее сил. Это заставило Джона Манглса принять новое решение.

К этому времени заштилело. Легкая зыбь едва бороздила поверхность моря. Джон Манглс, всматриваясь в горизонт, заметил, что юго-западный ветер меняется на северо-западный. Моряк распознал это по особому расположению облаков и их окраске. Вильсон и Мюльреди были такого же мнения, как и их капитан.

Джон Манглс поделился своими наблюдениями с Гленарваном и предложил ему отложить снятие с мели брига на завтра.

— Вот мои доводы, — сказал молодой капитан. — Прежде всего мы очень утомлены, а между тем, чтобы высвободить «Макари», нужны все наши силы. Затем, если даже нам удастся снять бриг с мели, то как вести его среди подводных скал в такую темную ночь? Лучше действовать днем. К тому же у меня имеется еще одно основание не спешить: ветер, по-видимому, станет благоприятным, и я хочу этим воспользоваться. Мне хотелось бы, чтобы в тот момент, когда прилив поднимет эту старую калошу, ветер дал ей задний ход. Завтра, если я не ошибаюсь, задует северо-западный ветер. Мы поставим паруса на грот-мачту, и они помогут снять бриг с мели.

Приведенные молодым капитаном доводы были настолько убедительны, что даже Гленарван и Паганель, наиболее тяготившиеся создавшимся положением, и те сдались, и снятие с мели «Макари» было отложено на завтра.

Ночь прошла благополучно. Установлена была вахта, главным образом для наблюдения за поставленными якорями. Настал день. Предсказания Джона Манглса сбылись: начинал дуть северо-западный ветер, все более свежевший. Это сильно помогало. Весь экипаж был вызван на палубу. Роберт, Вильсон и Мюльреди, сидя на верху грот-мачты, майор, Гленарван и Паганель, находясь на палубе, были готовы поставить в нужный момент паруса. Рею грот-марса подняли. Грот и грот-марсель взяли на гитовы.

Было девять часов утра. До разгара прилива оставалось еще четыре часа. Они не прошли даром. Джон Манглс использовал это время для того, чтобы заменить сломанную фок-мачту временной. Это давало ему возможность уйти из этих опасных мест, как только «Макари» будет снят с мели. Команда снова напрягла все силы, и еще до полудня брам-рея была прочно укреплена на носу брига в качестве временной мачты. Элен и Мэри Грант оказали большую помощь своим товарищам, приладив запасной

парус к фор-брам-рее. Они очень радовались тому, что смогли поработать для общего спасения. Когда оснастка «Макари» была закончена, он получил вид не особенно элегантный, но все же мог идти — при условии, если не будет удаляться от берега.

Скоро начался прилив. По морю пошли небольшие волны. Черные вершушки скал мало-помалу исчезли среди бурунов, точно морские животные, прячущиеся в своей родной стихии. Близился решительный момент. Путешественники ждали его с лихорадочным нетерпением. Никто не говорил ни слова. Все глядели на Джона, ожидав его приказаний.

Молодой капитан, перегнувшись через поручни шканцев, наблюдал за приливом. Он с беспокойством поглядывал на сильно натянутые канат и перлинь якорей.

В час дня прилив достиг наивысшего подъема. Наступил тот момент, когда вода не прибывает и не убывает. Надо было действовать без промедления. Поставили грот и грот-марсель, и оба они надулись ветром.

— К брашпилю! — крикнул Джон Манглс.

Это был лежащий ворот, снабженный качалками, подобно пожарным насосам. Гленарван, Мюльреди и Роберт с одной стороны, Паганель, майор, Олбинет — с другой навалились на качалки, приводившие брашпиль в движение. Джон Манглс и Вильсон, схватив шесты, присоединили свои усилия к усилиям товарищей.

— Смелей! Смелей! — кричал молодой капитан. — Дружно, все сразу!

Под могучим действием брашпиля канат и перлинь натянулись. Якоря держались крепко. Чтобы добиться успеха, надо было торопиться. Через несколько минут должен был начаться отлив. Команда удвоила усилия. Свежий ветер надувал паруса и прижимал их к мачте. Корпус брига затрясся. Казалось, вот-вот он приподнимется. Быть может, добавочной силы одного человека будет достаточно, чтобы вырвать «Макари» из его песчаного ложа.

— Элен! Мэри! — крикнул Гленарван.

Молодые женщины бросились помогать своим товарищам. Брашпиль лязгнул в последний раз. Но бриг не двинулся. Операция не удалась. Начинался отлив. Было очевидно, что такой небольшой команде даже с помощью ветра и волн не снять с мели своего судна.

Глава VI,

В которой каннибализм трактуется теоретически

Итак, первый способ спасения, испробованный Джоном Манглсом, не удался. Надо было немедленно начать приводить в исполнение второй план. Было совершенно ясно, что снять с рифов «Макари» невозможно, и не менее ясно было и то, что единственно правильное решение — это покинуть бриг. Ждать на нем маловероятной помощи было бы не только неосторожно, но просто безумно. Раньше появления какого-нибудь благодетельного корабля «Макари» успеет обратиться в щепки. Стоит только разыграться буре или просто задуть свежему ветру с открытого моря, и волны потащат по песку злосчастный бриг, разобьют его, растерзают и размечут его обломки. Понятно, Джон Манглс стремился добраться до суши раньше этой неминуемой гибели судна.

И он предложил приступить к постройке плота настолько крепкого, чтобы на нем можно было перевезти на берег Новой Зеландии пассажиров и достаточное количество съестных припасов.

Приходилось не обсуждать, а действовать.

Закипела работа, и до наступления ночи немало было сделано. Около восьми часов вечера, после ужина, в то время как Элен и Мэри Грант отдыхали в рубке на койках, Паганель расхаживал со своими друзьями по палубе, обсуждая то трудное положение, в которое они попали. Роберт не захотел уйти спать. Храбрый мальчуган слушал, полный готовности оказать какую угодно услугу, пойти на любое самое опасное дело.

Паганель спросил молодого капитана, не мог ли бы строившийся плот, вместо того чтобы высадить своих пассажиров на берег, проплыть с ними вдоль побережья до Окленда. Джон Манглс ответил, что такое предприятие было бы опасным.

— А возможно было бы осуществить на ялике брига то, что мы не можем попытаться сделать на плоту?

— В крайнем случае, да, — ответил Джон Мангле, — и то лишь при условии, если бы мы шли на нем днем, ночью отстаивались на якоре.

— Так, значит, подлецы, которые нас бросили...

— Ах, эти-то! — сказал Джон Манглс. — Они были совсем пьяны, и я боюсь, что в такую непроглядную ночь они поплатились жизнью за свой низкий поступок.

— Тем хуже для них, — отозвался Паганель, — но тем хуже и для нас, ибо ялик этот был бы для нас очень полезен.

— Что делать, Паганель! — вмешался в разговор Гленарван. — Плот доставит нас на сушу.

— Этого-то мне и хотелось бы избежать, — сказал географ.

— Как, — воскликнул Гленарван, — нас ли, закаленных людей, может испугать путешествие в каких-нибудь двадцать миль после наших приключений в пампасах Австралии!

— Друзья мои, — ответил Паганель, — я не сомневаюсь ни в нашей отваге, ни в мужестве наших спутниц. Двадцать миль — это, конечно, сущий пустяк во всякой стране, кроме Новой Зеландии. Надеюсь, вы не заподозрите меня в малодушии — ведь я первый подбивал вас пересечь Америку, пересечь Австралию. Но тут я еще раз повторяю: все лучше, чем путешествие по этой вероломной стране.

— Все лучше, чем верная гибель вместе с севшим на мель судном, — возразил Джон Манглс.

— Чего же следует нам так опасаться в Новой Зеландии? — спросил Гленарван.

— Дикарей, — ответил Паганель.

— Дикарей? — повторил Гленарван. — Но разве мы не можем избежать встречи с ними, держась берега? К тому же нападение нескольких жалких дикарей не может утратить десять европейцев, хорошо вооруженных и готовых защищаться.

— Дело идет не о жалких дикарях, — отвечал, качая головой, Паганель. — Новозеландцы объединены в грозные племена, борющиеся против английского владычества. Они сражаются с захватчиками своей родины, часто побеждают их, а победив, всегда съедают!

— Так это людоеды! Людоеды! — крикнул Роберт, а затем прошептал еле слышно: — Сестра... миссис Элен...

— Не бойся, мой мальчик, — сказал, желая успокоить его, Гленарван. — Наш друг Паганель преувеличивает.

— Я ничего не преувеличиваю! — возразил географ. — Роберт показал себя мужчиной, и я говорю с ним как с мужчиной, не скрывая от него правды. Неужели же вы думаете, что все новозеландцы цивилизованы? — продолжал Паганель. — В прошлом году один англичанин, Уокнер, был замучен с ужасающей жестокостью. И имейте в виду, что это преступление было совершено в 1864 году, в Опотики, в каких-нибудь нескольких лье от Окленда, так сказать на глазах у английских властей.

— Ба! — сказал майор. — Не рождено ли большинство этих рассказов воображением путешественников? Приятно вернуться из опаснейших стран, едва не побывав в желудках людоедов.

— Я допускаю, что в этих свидетельствах есть известная доля преувеличения, — ответил Паганель, — но ведь обо всем этом рассказывали люди, достойные доверия, как, например, Марсден, капитаны Дюрвиль, Лаплас, а также многие другие, и я верю их рассказам, я не могу им не верить. Новозеландцы по природе жестоки. Когда у них умирает вождь, они приносят в жертву людей. Считается, что жертвы эти смягчают гнев умершего, — иначе этот гнев мог бы обрушиться на живых. Заодно вождь получает и слуг для «того света». Но так как, принеся в жертву этих слуг, новозеландцы затем пожирают их, то есть основание считать, что делается это скорее из желания поесть человеческого мяса, чем из суеверия.

Паганель был прав. Людоедство в Новой Зеландии стало таким же хроническим явлением, как и на островах Фиджи или Торресова пролива. Суеверие, несомненно, играет известную роль в этих гнусных обычаях, но все же людоедство существует главным образом потому, что бывают времена, когда дичь в этих местах редка, а голод силен. Дикари начали есть человеческое мясо, чтобы удовлетворить свой редко утоляемый голод. В дальнейшем их жрецы регламентировали и освятили этот чудовищный обычай. Пиршество стало церемонией — вот и все.

К тому же, с точки зрения маори, нет ничего более естественного, как поедать друг друга. Притом новозеландцы утверждают, что, пожирая врага, они уничтожают его духовную сущность и таким образом к ним переходят его душа, сила, доблесть, ибо все это главным образом заключено в его мозгу. Вот почему мозг и является на пиршествах людоедов самым изысканным и почетным блюдом.

Однако Паганель настаивал, и не без основания, на том, что главной причиной людоедства являлся голод — не только у новозеландцев, но и у первобытных жителей Европы.

— Да, — прибавил географ, — людоедство свирепствовало среди предков самых цивилизованных народов, и не посчитайте, друзья мои, за личную обиду, если я скажу вам, что особенно оно было развито у шотландцев.

— В самом деле? — сказал Мак-Наббс.

— Да, майор, — подтвердил Паганель. — Если вы прочтете некоторые отрывки из летописей Шотландии, вы увидите, каковы были ваши праотцы, и, даже не углубляясь в исторические времена, можно указать, что в царствование Елизаветы, в то самое время, когда Шекспир создавал своего Шейлока, шотландский разбойник Сэвней Бек был казнен за людоедство. Что побудило его есть человеческое мясо? Религия? Нет, голод.

— Голод? — спросил Джон Манглс.

— Да, голод, — повторил Паганель. — Потому что у них не имеется животных, и это надо знать: не для того, чтобы оправдывать новозеландцев, но чтобы иметь объяснение их людоедства. В этом негостеприимном крае редки не только четвероногие, но и птицы. Поэтому-то маори во все времена и питались человеческим мясом. У них даже существует сезон людоедства, подобно тому как в цивилизованных странах существует охотничий сезон. Тут начинаются у новозеландцев великие охоты, иначе говоря — великие войны, после которых целые племена подаются на стол победителей.

— Таким образом, Паганель, судя по вашим словам, людоедство в Новой Зеландии переведется лишь тогда, когда на ее лугах будут пастись стада овец, быков и свиней? — заметил Гленарван.

— Очевидно, так, дорогой сэръ.

— А в каком виде маорийцы едят человеческое мясо, — спросил Мак-Наббс: — в сыром или вареном?

— Да зачем вам это нужно знать, мистер Мак-Наббс? — воскликнул Роберт.

— А как же, мой мальчик! — серьезным тоном ответил майор. — Ведь если мне придется кончить свои дни на зубах у людоеда, так я предпочитаю быть зажаренным.

— Почему?

— Это даст мне уверенность в том, что я не буду съеден живым.

— А что, если вас станут поджаривать живым, майор? — озадачил его географ.

— Да, скажу я вам, выбор не из легких, — ответил майор.

— Ну, как бы то ни было, узнайте, к вашему удовольствию, Мак-Наббс, что новозеландцы употребляют человеческое мясо только в жареном или копченом виде. Это люди благовоспитанные, знатоки кулинарного искусства. Но что касается меня, то мысль быть съеденным мне особенно неприятна. Окончить свою жизнь в желудке дикаря! Тьфу!

— Словом, из всего этого вытекает, что нам не следует попадать им в руки, — заявил Джон Манглс.

Глава VII

Высадка на такую землю, от которой надо было бы держаться подальше

Факты, сообщенные Паганелем, говорили сами за себя. Не могло быть сомнений в жестокости новозеландцев. Высаживаться на их побережье было опасно. Но будь эта опасность в сто раз большей, все же приходилось идти ей навстречу. Джон Манглс сознавал всю необходимость безотлагательно покинуть судно, обреченное на скорую гибель. Из двух опасностей — одной неизбежной, а другой только вероятной — не ясно ли было, какую выбрать? Трудно было рассчитывать на то, что путешественников может подобрать какое-нибудь судно: «Макари» не находился на пути судов в Новую Зеландию. Они обычно проходят или севернее, в Окленд, или южнее, в Новый Плимут, а бриг сел на мель как раз между этими двумя пунктами, против пустынных берегов Ика-на-Мауи. Берега эти опасные, редко посещаемые. Суда избегают их, и если ветер заносит их сюда, они стараются как можно скорее уйти из этих мест.

— Когда мы двинемся в путь? — спросил Гленарван.

— Завтра в десять часов, — ответил Джон Манглс — в это время начнется прилив, и он понесет нас к берегу.

Сооружение плота было закончено на следующий день, 5 февраля, к восьми часам утра. Джон Манглс приложил все усилия, чтобы оборудовать его наилучшим образом. Плот, сколоченный для заправки якорей, конечно, не мог бы доставить на берег и пассажиров и съестные припасы. Нужно было более солидное сооружение, способное выдержать переход в девять миль. Такой плот можно было построить только из мачт.

Вильсон и Мюльреди принялись за работу. Они перерубили такелаж, а затем и грот-мачту.

Нижняя часть мачты, стеньга и брам-стеньга были распилены и разъединены. Теперь главные части плота уже были спущены на воду. Их присоединили к обломкам фок-мачты. Все эти длинные шесты крепко-накрепко связали между собою канатами, а между ними Джон Манглс распорядился укрепить полдюжины пустых бочек — они должны были приподнять плот над водой.

Вильсон набил на этот прочный фундамент из решетчатых люков нечто вроде пола. Благодаря этому волны могли прокатываться по плоту, не задерживаясь на нем. К тому же крепко привязанные вокруг плота пустые бочки из-под воды образовали род борта для защиты от крупных волн.

В то утро Джон Манглс, увидев, что ветер дует благоприятный, распорядился установить посередине плота мачту. Ее укрепили с помощью вантов и подняли на нее парус. У задней части плота для управления им было установлено большое весло с широкой лопастью.

Столь тщательно и обдуманно построенный плот должен был выдержать удары волн. Но если ветер изменится, возможно ли будет управлять плотом, достигнет ли он берега? Вот в чем был вопрос.

В девять часов погрузили на плот съестные припасы в таком количестве, которого хватило бы до самого Окленда, ибо в этом бесплодном краю нельзя было рассчитывать достать что-либо съестное.

Из припасов, купленных Олбинетом для перехода на бриге, осталось лишь некоторое количество мясных консервов. Этого, конечно, было недостаточно. Пришлось запастись незамысловатым продовольствием брига: морскими сухарями среднего достоинства и двумя бочонками соленой рыбы.

Стюард был очень этим сконфужен.

Продукты поместили в герметически закупоренные, непроницаемые для морской воды ящики, которые спустили на плот и прикрепили к основанию мачты толстыми найтовыми. Ружья и боевые припасы уложили в безопасное место. К счастью, наши путешественники были хорошо вооружены карабинами и револьверами.

Погрузили и небольшой якорь на тот случай, если бы не удалось добраться до берега за один прилив и пришлось бы в ожидании следующего прилива стоять на якоре в море.

В десять часов начался прилив. Дул слабый северо-западный ветер. По морю шла легкая зыбь.

— Все готово? — спросил Джон Манглс.

— Все готово, капитан, — ответил Вильсон.

— На посадку! — крикнул Джон Манглс.

Элен и Мэри Грант спустились на плот по грубой веревочной лестнице и уселись у мачты на ящики со съестными припасами. Их спутники разместились вокруг них. Вильсон взялся за руль. Джон Манглс стал у снастей. Мюльреди перерубил канат, которым плот был прикреплен к бригу. Поставили парус, и плот под двойным действием — прилива и ветра — двинулся к берегу.

Побережье находилось на расстоянии девяти миль. Расстояние это было незначительно; на шлюпке с хорошими гребцами его можно было пройти в каких-нибудь три часа. На плоту это, конечно, должно было потребовать больше времени. Правда, если бы ветер продержался, это, пожалуй, дало бы возможность достигнуть берега за один прилив, но если бы он спал, то отлив повлек бы плот обратно в море, и тогда пришлось бы бросить якорь и дожидаться следующего прилива. Положение было не из легких, и это очень беспокоило Джона Манглса.

Но все же он верил в успех своего дела. Ветер свежел. Так как прилив начался в десять часов, то необходимо было добраться до берега не позже трех часов дня, в противном же случае пришлось бы бросить якорь или быть отнесенным наступившим отливом.

Вначале все шло хорошо. Черные верхушки рифов и желтизна песчаных мелей мало-помалу исчезали под волнами надвигавшегося прилива. Необходимо было чрезвычайное напряжение внимания и большое искусство, чтобы избежать этих прячущихся под водой скал и править плотом, который не особенно-то хорошо слушался руля и легко уклонялся в сторону.

В двенадцать часов плот был еще в пяти милях от земли. На северо-восточной стороне неба вырисовывалась гора странного вида: казалось, что это силуэт запрокинутой назад головы кривляющейся обезьяны. То была гора Пиронгия вышиной в две тысячи пятьсот футов, расположенная, судя по карте, у тридцать восьмой параллели.

В половине первого Паганель обратил внимание своих спутников на то, что все подводные скалы исчезли под волнами прилива.

— Исключая одной, — отозвалась Элен.

— Какой? — спросил Паганель.

— Вон той, — ответила Элен, показывая на черную точку в миле от плота.

— Верно, — согласился географ. — Постараемся же точно определить положение этой скалы, чтобы не наткнуться на нее: ведь прилив не замедлит скрыть ее от наших глаз.

— Она находится как раз по направлению к северу от горы, — сказал Джон Манглс. — Смотри,

Вильсон, обходи ее.

— Есть, капитан! — ответил матрос, наваливаясь всей своей тяжестью на большое рулевое весло.

За полчаса прошли еще полмили. Но странно: черная точка все продолжала виднеться среди волн. Джон Манглс внимательно вглядывался в нее и, чтобы лучше рассмотреть, попросил у Паганеля его подзорную трубу. Поглядев в нее с минуту, молодой капитан сказал:

— Это вовсе не скала, а нечто поднимающееся и опускающееся вместе с волной.

— Уж не обломок ли мачты с «Макари»? — спросила Элен.

— Нет, — ответил Гленарван, — ни один обломок не мог быть отнесен на такое расстояние от судна.

— Постойте! — крикнул Джон Манглс. — Я узнаю его — это ялик!

— Ялик с брига? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, он самый, причем опрокинутый вверх дном.

— Несчастные! — крикнула Элен. — Они погибли!

— Да, погибли, — подтвердил Джон Манглс. — И они неминуемо должны были погибнуть, ибо при таком бурном море, в такую беспросветную ночь, среди этих рифов они шли на верную смерть.

В течение нескольких минут пассажиры молчали. Они глядели на приближавшийся утлый челн. Он, очевидно, перевернулся в четырех милях от берега, и из бывших на нем пассажиров ни один, без сомнения, не спасся.

— Но ялик, пожалуй, может нам пригодиться, — проговорил Гленарван.

— Конечно, — ответил Джон Манглс. — Правь на него, Вильсон.

Матрос выполнил приказание капитана, но ветер спадал, и плот добрался до опрокинутого ялика лишь к двум часам.

Мюльреди, стоявший на передней части плота, ловко подтянул ялик к борту плота.

— Пустой? — спросил Джон Манглс.

— Да, капитан, — ответил матрос. — Ялик пуст и пробит, а потому служить нам не сможет.

— Значит, не годен? — спросил Мак-Наббс.

— Не годен, — сказал Джон Манглс. — Это обломок, годный только на дрова.

— Жаль, — промолвил Паганель. — На таком ялике мы могли бы добраться до Окленда.

— Что делать, господин Паганель, приходится мириться с этим, — отозвался Джон Манглс. — К тому же на таком бурном море я все же предпочитаю этой утлой лодке наш плот. Видите, достаточно было легкого удара, чтобы привести ее в негодность... Итак, сэр, нам здесь больше нечего делать.

— Едем дальше, Джон, — сказал Гленарван.

— Правь прямо на берег, Вильсон! — приказал молодой капитан.

Прилив должен был держаться еще с час. За это время удалось пройти мили две. Но тут ветер почти совсем спал; казалось даже, что он начинает дуть от берега. Плот остановился. Но вскоре отлив стал относить его в открытое море. Нельзя было терять ни секунды.

— Отдай якорь! — крикнул Джон Манглс.

Мюльреди, бывший наготове, бросил якорь. Плот отнесло еще назад сажени на две, а затем его

удержал туго натянувшийся перлинь, и путешественники приготовились к довольно продолжительной стоянке. Следующий прилив должен был наступить в десять часов вечера, а так как Джон Манглс был против того, чтобы идти на плоту ночью, путешественникам предстояло простоять на якоре до шести часов утра. Они находились меньше чем в трех милях от берега.

По морю катились довольно крупные волны, и, казалось, они катились к берегу. Когда Гленарван узнал, что ему и его товарищам предстоит провести на плоту всю ночь, он спросил Джона Манглса, почему тот не воспользуется этими валами, чтобы приблизиться к берегу.

— Вас вводит в заблуждение оптический обман, сэр, — ответил ему молодой капитан. — Это только кажется, что валы эти движутся вперед: на самом деле они никуда не движутся. Бросьте в эти волны кусочек дерева, и вы увидите, что его никуда не унесет, пока не начнется отлив. Нет, сэр, нам остается только запастись терпением и ждать.

— И пообедать, — добавил майор.

Олбинет не замедлил достать из ящика с провизией несколько кусков сушеного мяса и с дюжину сухарей. Стюард был смущен скудостью этого меню, но тем не менее все ели охотно, не исключая путешественниц, несмотря на то что резкая качка не располагала их к особенно сильному аппетиту.

Надо сказать, что эти резкие толчки, получавшиеся оттого, что плот, удерживаемый канатом, выдерживал на себе натиск волн, были чрезвычайно утомительны. Плот то и дело подбрасывало короткими, порывистыми волнами; он не мог бы сильнее удариться и о камень подводной скалы. Подчас казалось, что он и на самом деле бьется о камни. Перлинь сильно дергало, и молодой капитан каждые полчаса травил его на сажень. Без этой предосторожности он неизбежно лопнул бы, и плот унесло бы в открытое море.

Легко понять опасения Джона Манглса: каждую минуту мог лопнуть канат или сорваться якорь. В обоих случаях путешественники оказались бы в отчаянном положении.

Приближалась ночь. Диск солнца, кроваво-красный, вытянутый вследствие преломления света, вот-вот должен был исчезнуть за горизонтом. Далеко на западе вода блестела и сверкала, словно расплавленное серебро. Там ничего не было видно, кроме неба и моря да еще остова «Макари», все еще неподвижно стоявшего на своей мели.

Быстро наступили сумерки — они длились всего каких-нибудь несколько минут, — и берега, замыкавшие горизонт на севере и на востоке, потонули во мраке.

Какое томительное состояние должны были переживать наши потерпевшие крушение путешественники на этом тесном плоту, среди беспросветного мрака! Одни забылись в тревожной дремоте, нагонявшей тяжелые сны, другие всю ночь не могли сомкнуть глаз. Все встретили рассвет разбитые усталостью.

Снова начался прилив, и снова с открытого моря задул ветер. Было шесть часов утра. Время было дорого — нельзя было терять ни минуты. Джон Манглс начал готовиться к отплытию. Он приказал поднять якорь. Но лапы якоря вследствие толчков натянутого перлиня глубоко засели в песке. Без брашпиля, даже талями, сооруженными Вильсоном, вытащить якорь оказалось невозможным.

С полчаса прошло в тщетных попытках. Наконец Джон Манглс, которому не терпелось как можно скорее сняться, велел перерубить канат. Лишаясь якоря, молодой капитан отказывался от возможности стоянки в том случае, если бы прилив и на этот раз не донес их до берега. Но Джон Манглс не хотел больше задерживаться, и удар топора предал плот на волю ветра и течения. Скорость последнего достигала двух миль в час.

Поставили парус, и плот медленно понесло к земле; она вырисовывалась еще неясно, какой-то серой массой, озаренной лучами восходящего солнца.

Рифы были искусно обойдены и остались позади. Но при переменчивом ветре, дующем с моря, плот двигался так медленно, что, казалось, совсем не приближался к берегу. Как необыкновенно трудно было добраться до этой Новой Зеландии, высадка на берег которой грозила такими опасностями!

Все же в девять часов до земли оставалось уже меньше мили. Крутые берега щетинились бурунами. Нужно было найти место для высадки. Ветер все слабел и слабел и наконец совсем спал. Парус повис и стал хлестать по мачте. Джон приказал спустить его. Теперь только один прилив нес плот к берегу, и управлять им больше было нельзя. А тут еще ход замедляли огромные морские водоросли.

В десять часов Джон убедился, что они почти не двигаются с места, а до берега еще добрых три кабельтовых. Стать на якорь, за неимением его, нельзя было. Неужели их отнесет отливом в открытое море?

Джон Манглс, сжав руки, с отчаянием глядел на эту недоступную для них землю.

К счастью — теперь это действительно было счастьем, — почувствовался толчок, и плот остановился. Он наткнулся на мель в двадцати пяти сажнях от берега.

Глава VIII

Настоящее той страны, куда попали наши путешественники

Гленарван, Роберт, Вильсон, Мюльреди бросились в воду. Плот привязали канатами к ближайшим скалам. Путешественниц перенесли на берег, передавая их с рук на руки, причем они не замочили себе даже подола платья. А вскоре и все путешественники, с оружием и съестными припасами, окончательно высадились на внушающее такой страх побережье Новой Зеландии.

Гленарвану хотелось бы немедленно двинуться вдоль побережья к Окленду, но с самого утра небо стали заволакивать густые тучи, а после высадки на берег, около одиннадцати часов утра, начался ливень. Пуститься в дорогу было невозможно. Пришлось искать убежища.

Вильсон очень кстати открыл пещеру, выдолбленную морем в базальтовых скалах, и путешественники приютились в ней вместе со своим оружием и съестными припасами. В пещере оказалось множество сухих водорослей, когда-то занесенных сюда морскими волнами. Это были как бы готовые постели — пришлось ими удовольствоваться. У входа в пещеру валялся хворост; развели костер, и каждый стал обсушиваться.

Джон Манглс надеялся, что такой проливной дождь должен скоро прекратиться. Он ошибся: ливень не прекращался в продолжение нескольких часов, а около полудня к нему еще присоединился сильнейший ветер. Такая помеха могла кого угодно вывести из себя. Что тут было делать? Пуститься в дорогу в такую погоду, не имея даже средств передвижения, было бы безумием. К тому же путь до Окленда должен был занять несколько дней, и двенадцать лишних часов не имели здесь значения, если только, конечно, не появятся туземцы.

Во время этой вынужденной остановки зашел разговор о войне, происходившей в Новой Зеландии. Но чтобы понять и оценить, насколько серьезно было положение на этих островах к тому моменту, когда на них высадились потерпевшие крушение на «Макари», надо знать историю той кровавой борьбы, которая разыгралась на острове Ика-на-Мауи.

После появления Авеля Тасмана в проливе Кука в декабре 1642 года эти берега часто посещались европейскими судами, но это не мешало новозеландцам пользоваться полной свободой на своих независимых островах. Ни одно из европейских государств еще не помышляло о захвате этого архипелага, занимающего на Тихом океане такое важное в стратегическом отношении положение. Некоторые миссионеры, особенно англиканские, старались приучить новозеландских вождей к мысли о том, что им необходимо смиренно склониться под игом Англии. Миссионерам удалось добиться своего: ловко одуроченные вожди подписали письмо к королеве Виктории, прося ее покровительства. Наиболее дальновидные понимали глупость такого шага, и один из них, приложив к этому посланию отпечаток своей татуировки, пророчески сказал: «Мы потеряли свою родину. Отныне она не наша. Вскоре ее захватит иноземец, и мы станем его рабами».

Вождь был прав. 29 января 1840 года в бухте Островов на севере Ика-на-Мауи появился английский корвет «Герольд». Капитан корвета Гобсон высадился у селения Корора-Река. Туземцы были приглашены в протестантскую церковь на собрание. Здесь капитан Гобсон прочел им привезенные от английской королевы грамоты, в которых та изъявляла согласие на принятие под свое покровительство Новой

Зеландии.

5 января 1841 года английский резидент вызвал к себе в селение Пара главных вождей новозеландцев. На состоявшемся собрании тот же капитан Гобсон, стараясь убедить вождей в необходимости подчиниться английской королеве, указывал на то, что она послала войска и корабли для защиты Новой Зеландии, причем подчеркивал, что права их остаются неприкосновенными и свобода — полной. Однако капитан Гобсон закончил свою речь тем, что новозеландцы должны продать принадлежащие им земли английской королеве.

Большинство вождей, найдя цену королевского покровительства слишком высокой, отказались от этого покровительства. Но посулы и подарки оказали большее действие на дикарей, чем громкие слова капитана Гобсона, — покровительство Англии со всеми ее условиями было принято.

Что же произошло в Новой Зеландии с знаменательного 1840 года по тот день, когда «Дункан» вышел из залива Клайд?

Не существовало на свете ничего, чего бы не знал Жак Паганель и с чем он не был бы готов ознакомить своих товарищей.

— Миссис, — обратился он к Элен, — я должен повторить вам то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что новозеландцы — народ мужественный. Уступив притязаниям Англии, они очень скоро после этого стали защищать от англичан каждую пядь родной земли. Мужчины Новой Зеландии — люди гордые и храбрые. Одни из них высокие ростом, с гладкими волосами, другие меньше ростом, коренастые, похожие на мулатов, но все они крепкие, высокомерные и воинственные. Некогда был у них знаменитый вождь, по имени Хихи. Узнав все это, вы не будете удивлены тем, что на острове Ика-на-Мауи война с англичанами тянется без конца. Здесь обитает замечательное в своем роде племя вайкатов, и Вильям Томсон увлекает его за собой на защиту родной земли.

— Но разве англичане не являются теперь хозяевами главных пунктов Новой Зеландии? — спросил Джон Манглс.

— Конечно, дорогой Джон, — ответил Паганель. — С тех пор как в 1840 году капитан Гобсон захватил Новую Зеландию и стал ее губернатором, на этих островах возникло к 1862 году девять колоний, и все они занимают самые удобные места. Из этих колоний образовалось девять провинций: четыре на северном острове — Окленд, Таранаки, Веллингтон, Гаукс, и пять на южном острове — Нельсон, Мальборо, Кентербери, Отаго и Саутленд. Тридцатого июля 1864 года в этих провинциях насчитывалось всего сто восемьдесят тысяч триста сорок шесть жителей. Во многих местах выросли важные торговые города. Когда мы доберемся до Окленда, я уверен, вы не сможете не восхититься красотой местоположения этого южного Коринфа. Он господствует над узким перешейком, переброшенным, точно мост, через воды Тихого океана. В Окленде насчитывается уже двенадцать тысяч жителей. На западном побережье вырос Новый Плимут, на восточном — Агурири, на южном — Веллингтон; все они также являются цветущими городами с оживленной торговлей. Очутившись же на южном острове — Таваипунаму, вы затруднились бы, какому из его городов отдать предпочтение: утопающему ли в садах Нельсону, прославленному своими винами, как во Франции — Монпелье, Пиктону ли, расположенному у пролива Кука, или Крайстчерчу, Инверкаргиллю и Дендину — этим городам богатейшей провинции Отаго, куда стекаются искатели золота со всего земного шара. И заметьте, друзья мои, что дело идет не каких-нибудь немногих хижинах, населенных семействами дикарей, но о настоящих городах с портами, соборами, банками, доками, ботаническими садами, музеями, обществами акклиматизации, газетами, больницами, благотворительными обществами, философскими институтами, масонскими ложами, клубами, обществами хорового пения, с театрами, с дворцами, построенными для всемирной выставки, точь-в-точь как в Париже или Лондоне. И если только память не изменяет мне, то в текущем, 1865 году, быть может даже в то время, когда я все это вам рассказываю,

промышленные изделия всего земного шара выставлены здесь, в этой стране.

— Как, несмотря на войну с туземцами? — спросила Элен.

— У англичан крепкие нервы, — ответил Паганель, — Они и сражаются и устраивают выставки в одно и то же время. Их это нисколько не смущает. Они даже строят под выстрелами новозеландцев железные дороги. В провинции Окленд два железнодорожных пути прокладываются через главнейшие пункты, занятые повстанцами. Я готов биться об заклад, что рабочие, строящие эти железнодорожные линии, стреляют в туземцев с паровозов.

— Но к каким же результатам привела эта бесконечная война? — спросил Джон Манглс.

— Вот уже шесть месяцев, как мы покинули Европу, и я, конечно, не могу знать, что случилось после нашего отплытия, — ответил Паганель, — за исключением разве нескольких происшествий, о которых я прочитал в газетах Мериборо и Сеймура во время нашего перехода через Австралию. Тогда, помнится, ожесточенно сражались на острове Ика-на-Мауи.

— Когда же началась эта война? — спросила Мэри Грант.

— Вы, дорогая мисс, верно, хотели сказать: «когда возобновилась», — ответил Паганель, — ибо первое восстание было поднято еще в 1845 году. Так вот: возобновилась война эта в конце 1863 года. Но маори задолго до этого начали готовиться к свержению английского владычества. Туземная народная партия вела деятельную пропаганду за то, чтобы провести на выборах одного из маорийских вождей, Потатау. Она хотела из этого старого вождя сделать короля, а из его селения, лежавшего между реками Вайкато и Вайпа, — столицу нового государства. Сам Потатау был стариком более лукавым, чем отважным, но у него был умный и энергичный премьер министр из племени нгатихахуа, которое обитало на Оклендском перешейке до захвата его иноземцами. Этот министр, по имени Вильям Томсон, сделался душой освободительной войны. Он очень умело сформировал из маори боевые отряды. Под его влиянием один вождь из Таранаки собрал вокруг себя ряд разрозненных племен, объединив их национальной идеей. Другой вождь, из провинции Вайкато, основал Земельную лигу, которая убеждала туземцев не продавать своих земель английскому правительству. Английские газеты начали указывать на эти тревожные симптомы; правительство было не на шутку обеспокоено. Словом, умы были возбуждены, взрывчатого материала накопилось много. Не хватало только искры, или, вернее, столкновения интересов новозеландцев и англичан, чтобы высечь эту искру и вызвать взрыв.

— И это столкновение? — спросил Гленарван.

— ...произошло в 1860 году, — отвечал Паганель, — в провинции Таранаки, на юго-западном побережье острова Ика-на-Мауи. У одного туземца было шестьсот акров земли близ Нового Плимута. Он продал их английскому правительству. Когда землемеры явились вымерять проданный участок, вождь Кинги заявил протест, а затем выстроил на спорных шестистах акрах укрепленный лагерь, огороженный высоким частоколом. Через несколько дней после этого полковник Гольд со своим отрядом взял это укрепление приступом. В этот-то день и раздался первый выстрел народной войны.

— А многочисленны ли маорийцы? — спросил Джон Мангле.

— За последние сто лет количество их очень сократилось, — ответил географ. — В 1769 году Кук определял число их в четыреста тысяч человек. А в 1845 году, согласно переписи туземного протектората, количество маори уменьшилось до ста девяти тысяч. В настоящее время, несмотря на болезни, водку и избиения, производимые англичанами-«просветителями», на обоих островах все же насчитывается девяносто тысяч туземцев, в том числе тридцать тысяч воинов, которые, по-моему, еще долго будут наносить поражения английским войскам.

— А удачно ли шло до сих пор восстание? — спросила Элен.

— Да. И самих англичан не раз приводила в восхищение отвага новозеландцев. Они ведут партизанскую войну, войну налетов и стычек, набрасываются на мелкие отряды регулярных войск и грабят усадьбы английских поселенцев. Генерал Камерон чувствовал себя не очень уютно в этом краю, где приходилось обыскивать каждый куст. В 1863 году после долгой и кровопролитной борьбы маори занимали у верховий реки Вайкато, на конце цепи крутых холмов, обширную укрепленную позицию, защищенную тремя оборонительными линиями. Местные агитаторы усиленно призывали все население на защиту родной земли, обещая полную победу над пакекас, то есть белыми. С туземцами сражались три тысячи английских солдат под командой генерала Камерона; они беспощадно расправлялись с маори, после того как те зверски убили капитана Спрента. Происходили кровопролитные сражения. Иные длились по двенадцати часов, а маори все не отступали под пушечными выстрелами европейцев. Ядром этой свободолюбивой, отважной армии являлось свирепое племя вайкато, во главе которого стоял Вильям Томсон. Этот туземный полководец вначале командовал двумя с половиной тысячами воинов, потом восемью тысячами, так как к нему присоединились со своими подданными два грозных вождя — Шонги и Хеки. Женщины самоотверженно помогали мужчинам в этой освободительной войне. Но правое дело далеко не всегда одерживает победу. После кровопролитных боев генерал Камерон все же подчинил английскому владычеству округ Вайкато, правда опустошенный и обезлюдивший, ибо маори разбежались. Во время этой войны совершались удивительные подвиги. Так, например, четыреста маори, осажденные в крепости Оракан тысячей англичан, не имея ни воды, ни пищи, отказались сдаться. А в один прекрасный день, в полдень, осажденные маори проложили себе кровавый путь сквозь ряды сорокового полка и скрылись в болотах.

— Но закончилась ли эта кровопролитная война покорением округа Вайкато? — спросил Джон Манглс.

— Нет, друг мой, не закончилась, — ответил Паганель. — Англичане решили идти на провинцию Таранаки и осадить там крепость Матантава, где засел Вильям Томсон. Конечно, взятие этой крепости будет стоить им немалых потерь. Помнится, перед самым отъездом из Парижа я прочел в газетах, что племя таранга изъявило покорность генералу и губернатору и что те оставили туземцам три четверти земель. В этих сообщениях говорилось и о том, что главный вождь восстания, Вильям Томсон, также собирается сдаться. Однако в австралийских газетах я не нашел подтверждения этих слухов — наоборот, судя по ним, можно предполагать, что в данный момент новозеландцы с новой энергией готовятся к дальнейшему сопротивлению.

— И, по вашему мнению, Паганель, — спросил Гленарван, — ареной этой борьбы явятся провинции Таранаки и Оклендская?

— Думаю, что да.

— И одна из них — это именно та провинция, куда мы заброшены крушением «Макари»?

— Та самая. Мы высадились всего в нескольких милях от гавани Кавиа, где и сейчас, по-моему, должен развеяться национальный флаг маори.

— Тогда мы поступим благоразумно, двинувшись к северу, — сказал Гленарван.

— Конечно, — согласился Паганель. — Новозеландцы ненавидят европейцев, особенно англичан. Поэтому постараемся не попасть им в руки.

— Быть может, мы встретим какой-нибудь отряд английских войск, — промолвила Элен. — Это было бы для нас счастьем!

— Возможно, — ответил географ, — но я мало на это надеюсь. Отдельные английские отряды не особенно охотно расхаживают по здешним местам, где за каждым кустом, за каждым кустиком прячется искусный стрелок. Вот почему я не очень-то рассчитываю на конвой из солдат сорокового полка. Но на западном побережье, вдоль которого лежит наш путь в Окленд, находится несколько миссий, и мы сможем там останавливаться. Я даже замышляю попасть на дорогу, по которой шел, следуя вдоль течения реки Вайкато, Гохштеттер.

— Кто он — путешественник? — спросил Роберт Грант.

— Да, мой мальчик, это член научной экспедиции, совершившей кругосветное путешествие на австралийском фрегате «Наварра» в 1858 году.

— Господин Паганель, — не унимался Роберт, глаза которого зажигались энтузиазмом при мысли о великих географических открытиях, — были ли в Новой Зеландии такие путешественники, как Берк и Стюарт в Австралии?

— Их было несколько, мой мальчик: например, доктор Гукер, профессор Бризар, естествоиспытатель Диффенбах и Юлиус Гаст. Но хотя некоторые из них и поплатились жизнью за свою страсть к приключениям, они пользуются меньшей известностью, чем путешественники по Австралии и Африке.

— А вы знаете историю их путешествий? — спросил юный Грант.

— Еще бы! И так как я вижу, дружок, что ты горишь нетерпением узнать об этих путешественниках, все то, что я сам о них знаю, тотчас же тебе это расскажу.

— Благодарю вас, господин Паганель, я вас слушаю.

— И мы тоже вас слушаем, — заявила Элен. — Не в первый раз дурная погода заставляет нас просвещаться. Итак, господин Паганель, рассказывайте всем нам.

— К вашим услугам, — ответил географ. — Но рассказ мой не будет длинным. Здесь дело идет не о таких отважных исследователях, которые один на один боролись с австралийским Минотавром^[74]. Новая Зеландия — слишком маленькая страна, чтобы быть недоступной для человека. Поэтому герои мои являются, собственно говоря, не путешественниками, а простыми туристами, ставшими жертвой обыкновенных несчастных случаев.

— Назовите их имена, — попросила Мэри Грант.

— Геометр Уиткомб и Чарльтон Говит, тот самый, который нашел останки Берка, погибшего во время той памятной экспедиции, о которой я вам рассказывал на стоянке у Виммеры. Уиткомб и Говит были во главе двух экспедиций на острове Таваи-пуна-му. Оба они в начале 1863 года отправились из Крайстчерча с целью открыть проходы в горах на севере провинции Кентербери. Говит, перевалив через горную цепь у северной границы провинции, устроил свою штаб-квартиру на берегах озера Брюнера. Уиткомб же нашел в долине Ракайа проход к восточному склону горы Тиндаль. У Уиткомба был спутник, Яков Лупер, который впоследствии рассказал в газете «Литтлтон Таймс» об этом путешествии и о катастрофе, которой оно завершилось. Если только память не обманывает меня, эти два исследователя находились двадцать второго апреля 1863 года у ледника, где берут начало истоки реки Ракайа. Отсюда они поднялись на вершину горы и стали разыскивать новые горные проходы. На следующий день Уиткомб и Лупер, измученные усталостью и холодом, при сильном снегопаде, остановились на привал на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря. В течение семи дней они бродили среди гор по дну долин, отовсюду загражденных отвесными скалами. Часто они не могли развести огонь из-за дождя; случалось им и голодать. Бывший у них сахар обратился в сироп, сухари — в мокрое тесто; одежда их была насквозь промочена дождем; их терзали насекомые. Они проходили за день самое большее три мили, но бывали

дни, когда они продвигались всего на каких-нибудь двести ярдов. Наконец двадцать девятого апреля они набрели на маорийскую хижину; в садике близ нее нашлось несколько кучек картофеля. Здесь два друга в последний раз закусили вместе. Вечером они добрались до морского берега близ устья реки Тарамакау. Надо было переправиться на правый берег, чтобы потом идти на север, к реке Грея. Тарамакау — широкая и глубокая река. Лупер после долгих поисков наткнулся на два продырявленных челнока. Он починил их как смог, а затем связал вместе. Под вечер оба путешественника сели в челноки и стали переправляться. Едва успели они добраться до середины реки, как челноки наполнились водой. Уиткомб бросился в реку и вернулся вплавь к левому берегу. Яков Лупер не умел плавать и потому уцепился за свой челнок. Это спасло его, но все же ему пришлось пережить немало потрясений. Несчастного понесло к бурунам. Волна накрыла его, другая вновь вынесла на поверхность воды. Его ударило о скалы. Наступила непроглядная ночь. Дождь лил как из ведра. Окровавленного, промокшего Лупера носило несколько часов по волнам. Наконец челнок ударился о берег, и Лупер без сознания был выброшен из него на землю. Очнувшись на рассвете, Лупер дополз до ручья и здесь убедился, что его отнесло на целую милю от того места, где они пытались переправиться через реку. Он встал, пошел вдоль берега и вскоре набрел на злосчастного Уиткомба — тот был мертв и увяз головой и туловищем в тине. Лупер руками вырыл в песке яму и зарыл в ней труп товарища. Два дня спустя Лупера, умирающего от голода, приютили какие-то гостеприимные маори — бывают среди них и такие, — а четвертого мая он добрался до озера Брюнера, на берегах которого был раскинут лагерь Чарльтона Говита. Надо прибавить, что через шесть недель Говит погиб таким же образом, как и злосчастный Уиткомб.

— Да, — сказал Джон Манглс, — кажется, будто сопутствующие друг другу путешественники связаны между собой какими-то узами, и когда узы эти рвутся, то путешественники один за другим погибают.

— Вы правы, друг Джон, — ответил Паганель. — Часто и мне это приходило в голову. Спрашивается, в силу какого закона солидарности Говит окончил свою жизнь почти при тех же обстоятельствах, что и Уиткомб? Что тут скажешь? Чарльтон Говит был приглашен мистером Уайдом, начальником правительственных работ, для проектирования проезжей дороги от равнины Хурунуи до устья реки Тарамакау. Говит тронулся в путь первого января 1863 года в сопровождении пяти человек. Он очень удачно справился с возложенным на него поручением: была проложена дорога длиной в сорок миль, до самой реки Тарамакау, но организовать переправу через нее оказалось невозможным. Говит вернулся в Крайстчерч. Несмотря на то, что надвигалась зима, он испросил разрешения продолжать свои работы по проведению дорог. Мистер Уайд дал на это согласие. Говит, запасшись всем необходимым, отправился обратно в свой лагерь, намереваясь провести там зимний сезон. Двадцать седьмого июня Говит в сопровождении двух своих рабочих, Роберта Литля и Генри Мюлиса, покинул лагерь. Они отплыли в лодке на противоположную сторону озера Брюнера. С тех пор они исчезли бесследно. Утлый челнок, на котором они отплыли, был найден на берегу опрокинутым. Говита и его спутников тщетно разыскивали в течение девяти недель. Очевидно, эти несчастные, из которых ни один не умел плавать, утонули в озере.

— А быть может, они целы, невредимы и живут у какого-нибудь новозеландского племени, — промолвила Элен. — Во всяком случае, позволительно сомневаться в их смерти.

— Увы, нет, — ответил Паганель — раз больше чем через год после катастрофы эти люди еще не вернулись... — И географ шепотом докончил: — А когда из Новой Зеландии человек не возвращается в течение целого года, значит, он безвозвратно погиб.

Глава IX

Тридцать миль к северу

7 февраля, в шесть часов утра, Гленарван дал сигнал к выступлению. Дождь прекратился еще ночью. Сероватые тучки, заволакивавшие все небо, останавливали солнечные лучи на высоте трех миль от земли. Жары не чувствовалось, и предстоящее дневное путешествие обещало быть не слишком тяжелым.

Паганель определил по карте расстояние от мыса Кахуа до Окленда: оно составляло восемьдесят миль. Это расстояние можно было пройти в восемь дней, делая по десяти миль в день. Но, вместо того чтобы идти вдоль извилистого берега моря, географ предпочел направиться к селению Нгарнавахаи, расположенному в тридцати милях, при слиянии двух рек — Вайкато и Вайпа. Здесь проходила почтовая дорога, вернее сказать — тропа, доступная для повозок и пересекавшая большую часть острова — от бухты Гокса до Окленда. По ней можно было бы добраться до Дрюри и там хорошенько отдохнуть в превосходной гостинице, которую особенно рекомендует естествоиспытатель Гохштеттер. Распределив между собой съестные припасы, наши путешественники двинулись по берегу бухты Аотеа. Из предосторожности мужчины шли, держа наготове заряженные карабины и инстинктивно не спуская глаз с холмистой равнины, расстилавшейся к востоку.

Паганель, со своей превосходной картой в руках, восторгался со всем энтузиазмом знатока ее доходящей до мельчайших подробностей точностью.

Часть дня наш маленький отряд шел по песку, образовавшемуся из осколков двустворчатых раковин.

На берегу, на который тихо набегали волны прилива, безбоязненно резвилось несколько тюленей. Эти морские животные, с их круглой головой, широким покатым лбом, выразительными глазами, имели очень добродушный вид. Глядя на них, можно было понять, почему мифология опоэтизировала этих любопытных обитателей морских волн, сделав из них, несмотря даже на их далеко не гармоничное ворчанье, обольстительниц-сирен. Тюлени эти водятся в очень большом количестве у берегов Новой Зеландии, и охота на них представляет собой выгодное занятие, так как жир и кожа тюленей пользуются большим спросом.

Среди тюленей выделялись три или четыре морских слона. Они были серо-голубого цвета, длиной в двадцать пять-тридцать футов. Эти огромные земноводные животные, лениво раскинувшись на толстом слое гигантских водорослей — ламинарий, поднимали хобот и смешно поводили длинными, грубыми, закрученными усами, напоминавшими пробочник или подвитые усы какого-нибудь щеголя.

Роберту доставляло большое удовольствие наблюдать за этим интересным миром животных.

— Каково! — вдруг воскликнул удивленный мальчуган. — Тюлени эти едят гальку!

В самом деле, некоторые из этих животных с жадностью глотали валявшиеся на берегу камешки.

— Еще бы! Это несомненно, — ответил Паганель — тюлени едят береговую гальку, с этим не поспоришь.

— Странная пища, да и трудно ее переварить, — заметил Роберт.

— Эти животные не питаются камнями, а глотают их, мой мальчик, для того, чтобы нагрузить себя балластом. Это их способ увеличивать свой вес: благодаря этому они легче опускаются на дно. Вернувшись на берег, они без дальних церемоний выбросят из себя этот балласт. Ты сейчас увидишь, как тюлени, наглотававшиеся камешков, нырнут в воду.

Действительно, вскоре с полдюжины тюленей, видимо, достаточно нагрузив себя балластом, тяжеломерно поползли по берегу и исчезли в водной стихии. Но Гленарван не мог терять драгоценное время на ожидание их возвращения, чтобы понаблюдать за тем, как они станут разгружаться. И, к большому сожалению Паганеля, маленький отряд снова зашагал вперед.

В десять часов остановились на привал для завтрака под большими базальтовыми скалами, возвышавшимися у самого моря. Здесь на мели нашли множество устриц. Они были мелкие и малоприятные на вкус. Но, по совету Паганеля, Олбинет зажарил их на раскаленных углях, и в таком виде они имели большой успех — за завтраком была съедена не одна дюжина их.

Позавтракав и отдохнув, наши путешественники снова двинулись вдоль берега бухты. На вершинах зубчатых скал ютилось множество морских птиц. Здесь были и фрегаты, и глупыши, и чайки, и огромные альбатросы, неподвижно сидевшие на остроконечных верхушках утесов.

К четверем часам дня было пройдено без особенного напряжения и усталости десять миль. Путешественницы выразили желание идти до самой ночи. Как раз к этому времени приходилось изменить направление пути. Надо было пройти у подножия гор, видневшихся на севере, и, обогнув их, углубиться в долину реки Вайпа.

Вдали простирались бесконечные луга, идти по которым, казалось, будет нетрудно. Но, приблизившись к этому морю зелени, наши путешественники были очень разочарованы: вместо луга они увидели поросль из кустарника с белыми цветами, среди которой виднелось бесчисленное множество высоких папоротников, очень распространенных в Новой Зеландии. Пришлось прокладывать себе дорогу между этими деревянистыми стеблями, что было не так-то легко. Все же к восьми часам вечера первые отроги горной цепи Хакарихатоа были обойдены, и путешественники остановились на привал.

После перехода в четырнадцать миль можно было подумать и об отдыхе. Так как не было ни колымаги, ни палатки, то пришлось улечься просто у подножия великолепных норфолкских сосен. К счастью, в одеялах недостатка не было, и из них устроили постели.

Гленарван принял все меры предосторожности на ночь. Мужчины, с оружием наготове, должны были по двое нести стражу до самого утра. Костров не разводили. Эта преграда из пламени хороша от хищных зверей, но ведь в Новой Зеландии не водится ни тигров, ни львов, ни медведей — ни одного кровожадного зверя.

В общем, ночь прошла благополучно, если не считать довольно-таки неприятных укусов песчаных мух — «нгаму» на туземном наречии — да еще того обстоятельства что какое-то отважное семейство крыс преисправно грызло всю ночь мешки со съестными припасами.

На следующее утро, 8 февраля, Паганель проснулся в более спокойном настроении и почти примиренным с Новой Зеландией. Маори, которых наш географ особенно опасался, не появлялись, и эти кровожадные людоеды не потревожили его покоя даже и во сне. Он с удовольствием поведал об этом Гленарвану.

— Знаете, мне кажется, что мы благополучно закончим эту маленькую прогулку, — обавил он. — Сегодня к ночи мы доберемся до слияния рек Вайпа и Вайкато, а там, на дороге в Окленд, нам уже почти нечего бояться встречи с туземцами.

— Сколько же предстоит еще пройти до слияния рек Вайпа и Вайкато? — спросил Гленарван.

— Пятнадцать миль — почти столько же, сколько мы сделали за вчерашний день.

— Но этот несносный кустарник сильно задержит нас, — заметил Гленарван.

— Нет, — отозвался географ, — мы теперь будем идти по берегу Вайпы, а тут уж мы не встретим

никаких препятствий, и переход будет очень легкий.

— Так в дорогу! — ответил Гленарван, видя, что все к этому готовы.

В первые часы пути густой кустарник продолжал задерживать путников. Конечно, не только колымаге, но и лошади не пройти было бы там, где они пробирались. Поэтому жалеть об австралийской повозке не приходилось. Пока через эти заросли не проложат проезжие дороги, Новая Зеландия будет доступна одним пешеходам. Можно сказать, что бесчисленные разновидности здешних папоротников с не меньшим упорством, чем сами маори, защищают родную землю от иноземцев.

Поэтому, пересекая эту равнину, где горная цепь Хакарихатоа переходит в холмы, маленькому отряду пришлось преодолеть множество препятствий. Тем не менее путешественники еще до полудня добрались до реки Вайпа и отсюда уже без затруднений направились по ее крутому берегу к северу.

Идти пришлось по чудесной долине, пересеченной небольшими горными речками со свежей, чистой водой — они, весело журча, бежали среди кустарников. По словам ботаника Гукера, в Новой Зеландии имеется до двух тысяч видов растений, из которых пятьсот принадлежат исключительно ей. Цветы здесь редки и однообразны по краскам. Почти не встречается однолетних растений, но в изобилии растут папоротники, злаки и зонтичные. Там и сям, в некотором отдалении от берега, над темной зеленью виднелись высокие деревья: метросидеры с их ярко-красными цветами, норфолкские сосны, туи с вертикально-прижатыми ветвями и разновидность кипарисов — риму, не менее печальные, чем их европейские родичи. Стволы всех этих деревьев утопали в зеленом море папоротников.

Между ветвями больших деревьев и над кустами порхали и болтали какаду, зеленые, с красной полоской на шее какарики, таупо с великолепными черными бакенбардами и, наконец, попугаи, названные естествоиспытателями «южные несторы»: они величиной с утку, рыжие, с яркой подпушкой крыльев.

Майор и Роберт смогли, не отдаляясь от товарищей, подстрелить несколько прятавшихся в кустах болотных куликов и куропаток. Олбинет тут же на ходу ощипал их.

Что же касается Паганеля, то он, довольно равнодушный к питательным свойствам дичи, жаждал раздобыть себе какую-нибудь птицу, встречающуюся в одной лишь Новой Зеландии. Любознательность естествоиспытателя заглушала в нем аппетит путешественника. Географу вспомнились описания местной птицы туи. Туземцы зовут ее то «пересмешник» — за ее беспрестанное, словно насмешливое воркованье, то «кюре» — за ее оперение, совершенно черное, с белыми перьями на шее, напоминающее одежду монаха-католика.

— Туи так жиреет зимой, что из-за этого даже хворает, она больше уже не может летать, — рассказывал Паганель майору. — Чтобы избавиться от жира и стать более легкой, она рвет себе грудь клювом. Не кажется ли это вам необычным, Мак-Наббс?

— Настолько необычно, — ответил майор, — что я не верю ни единому слову вашего рассказа.

К большому сожалению нашего географа, ему не удалось достать ни одного экземпляра туи, чтобы показать недоверчивому майору ее истерзанную, окровавленную грудь.

Больше повезло Паганелю с другим, тоже причудливо-странным животным, которое, спасаясь от преследований человека, собаки и кошки, бежало в необитаемые районы и теперь мало-помалу исчезает из новозеландской фауны. Роберт, шаривший повсюду, как настоящая ищейка, наткнулся на гнездо, свитое из переплетенных корней, где сидели две курицы без крыльев и хвоста. У них было совершенно белое, напоминавшее волосы оперение, длинный, как у бекаса, клюв, а на ножках — по четыре пальчика. Казалось, эти странные животные представляли собой переходную ступень от яйценосных к

млекопитающим животным.

Это была новозеландская киви-киви, которая одинаково охотно питается личинками, червяками, насекомыми и семенами. Водится она исключительно в Новой Зеландии, и зоологическим садам Европы с большим трудом удалось ее акклиматизировать. Оригинальный вид, какие-то присущие ей комичные движения всегда привлекали к киви-киви внимание путешественников, и Академия наук даже поручила Дюмон-Дюрвилю, стоявшему во главе большой научной экспедиции, направлявшейся на острова океана, привезти экземпляр этой странной птицы. Но ученому, несмотря на обещанную им туземцам награду, так и не удалось раздобыть живую киви-киви.

Паганель, в восторге от счастливой находки, связал вместе своих двух курочек и энергично зашагал вперед, заранее радуясь тому, что он их принесет в дар Парижскому зоологическому саду. И перед нашим увлекающимся географом уже рисовалась заманчивая надпись: «Дар Жака Паганеля», красующаяся на самой лучшей клетке.

Тем временем маленький отряд бодро подвигался вперед по берегу реки Вайпа. Местность была пустынная. Кругом не было видно никаких следов туземцев, никакой тропинки, указывающей на присутствие человека в этих равнинах. Воды реки струились между высоким кустарником или среди длинных песчаных отмелей. Тогда взору открывалась вся равнина, замыкавшаяся на востоке невысокой горной цепью. Своей странной формой, своими контурами, словно тонувшими во мгле, эти горы напоминали гигантских допотопных животных. Казалось, что это лежит вдруг окаменевшее стадо колоссальных китообразных. Такое хаотически-причудливое нагромождение скал свидетельствовало об их вулканическом происхождении. Действительно, Новая Зеландия — не что иное, как сравнительно недавний продукт вулканической деятельности. Эти острова и теперь продолжают подниматься из воды. Некоторые места за двадцать лет поднялись над уровнем моря на целую сажень. Огонь до сих пор потрясает недра Новой Зеландии, вызывает в ней судороги и вырывается во многих местах через гейзеры и вулканы.

К четырем часам дня было пройдено бодрым шагом девять миль. Судя по карте, по которой то и дело справлялся Паганель, слияние рек Вайпа и Вайкато находилось меньше чем в пяти милях. Там проходила дорога на Окленд и можно было устроиться на ночлег. Остающиеся пятьдесят миль до Окленда будут пройдены в два-три дня, а если повезет встретить почтовый дилижанс, который два раза в месяц ходит между заливом Гокса и Оклендом, то до этого города можно будет доехать и за восемь часов.

— Итак, нам придется, как видно, еще раз ночевать под открытым небом, — промолвил Гленарван.

— Да, — отозвался Паганель, — но надеюсь, что это будет в последний раз.

— Тем лучше, так как эти ночевки являются тяжелым испытанием для Элен и Мэри.

— И они переносят их не жалуясь, — заметил Джон Манглс. — Но если я верно понял вас, господин Паганель, вы упоминали о каком-то поселении, расположенном близ слияния этих двух рек.

— Да, — ответил географ, — оно значится на карте Джонстона. Это Нгарнавахиа, милях в двух ниже слияния рек.

— Ну что же, разве не могли бы мы там устроиться на ночь? Мне кажется, наши спутницы, не колеблясь, предпочтут пройти две лишние мили, чтобы отдохнуть затем в более или менее приличной гостинице.

— В гостинице! — воскликнул Паганель. — Гостиница в маорийском селении! В нем нет даже постоянного двора, нет кабака! Это не что иное, как куча туземных хижин, и, по-моему, не только не нужно искать в нем приюта на ночь, а, наоборот, благоразумнее держаться как можно дальше от него.

— Все ваши страхи, Паганель! — промолвил Гленарван.

— Дорогой сэра, поверьте мне, недоверие здесь лучше доверия. Неизвестно, в каких отношениях состоят в данное время маори с англичанами: подавлено ли восстание или оно одержало верх. Быть может, мы попали сюда в разгар войны. А если отложить в сторону скромность, надо признать, что люди, подобные нам, явились бы для туземцев неплохой добычей, и мне совсем не улыбается отведать, помимо своей воли, новозеландское гостеприимство. Поэтому я нахожу благоразумным держаться подальше от этого поселения, обойти его и стараться избежать встречи с туземцами. Вот когда мы доберемся до Дрюри, другое дело: там наши мужественные спутницы смогут вволю отдохнуть от утомительного пути.

Мнение географа восторжествовало. Элен предпочла провести еще одну ночь под открытым небом, чем подвергать опасности своих товарищей. Ни она, ни Мэри Грант не попросили сделать остановки и снова зашагали вдоль берега реки.

Через два часа от гор стали надвигаться вечерние тени. Склонившееся к горизонту солнце вдруг пробило из-за туч, и лучи его озарили красным светом далекие вершины восточных гор. Это было как бы его кратким прощальным приветом нашим путешественникам.

Все ускорили шаг, ибо знали, как коротки сумерки под этой широтой и как быстро здесь наступает ночь. Надо было непременно добраться до слияния рек, прежде чем сгустится мрак. Но как раз в это время все кругом заволочло густым туманом, и держаться верного направления стало очень трудно.

К счастью, слух заменил бесполезные в данном случае глаза. Вскоре усилившийся рокот воды оповестил о том, что обе реки где-то недалеко сливаются. В восемь часов вечера маленький отряд достиг наконец того места, где Вайпа с ревом вливается в русло Вайкато.

— Это Вайкато, — воскликнул Паганель, — и дорога в Окленд идет по ее правому берегу!

— Реку мы увидим завтра, а теперь давайте устраиваться на ночлег, — заявил майор. — Мне кажется, что эта более густая тень — тень рощицы, которая выросла там как будто нарочно, чтобы приютить нас. Будем ужинать, а затем спать.

— Будем ужинать, — сказал Паганель, — но только всухомятку: сухарями и сухим мясом, не разводя огня. Мы явились сюда инкогнито, постараемся так же и уйти отсюда, благо из-за тумана нас не видно.

Вблизи действительно оказалась рощица. Добравшись до нее, путники, помня указания географа, бесшумно поужинали всухомятку и вскоре, утомленные переходом в пятнадцать миль, погрузились в глубокий сон.

Глава X

Национальная река

На следующее утро, на рассвете, довольно плотный туман тяжело стелился над водами реки. Часть паров, насыщавших воздух, сгустилась под действием ночной прохлады и покрыла густым облаком поверхность вод. Однако лучи солнца вскоре проникли сквозь эти клубящиеся массы, и туман растаял под взором сияющего светила. Очистились затуманенные берега, и Вайкато предстала во всей своей утренней красе.

Узкая длинная коса, поросшая кустарником, заканчивалась острым мысом у слияния двух рек. Более бурная Вайпа мчалась на протяжении четверти мили, не сливаясь с Вайкато. Но могучая, спокойная река все же брала верх над бурливой рекой, поглощала ее и мирно увлекала к Тихому океану.

Когда туман рассеялся, показалась пирога, поднимавшаяся вверх по течению Вайкато. Это была лодка в семьдесят футов длины, пять футов ширины и три фута глубины, целиком выдолбленная из местной ели кахикатеа и напоминающая венецианскую гондолу своим приподнятым носом. Дно ее было устлано сухим папоротником. Пирога быстро неслась на восьми веслах; на корме сидел человек, управлявший кормовым веслом. Это был туземец высокого роста, лет сорока пяти, широкогрудый, мускулистый, с сильными руками и ногами. Выпуклый лоб, изборожденный глубокими морщинами, свирепый взгляд, мрачное выражение лица придавали ему грозный вид.

То был один из виднейших вождей маори. Это видно было по искусной татуировке его лица и тела. От ноздрей его орлиного носа шли спиралью две черные линии; обведя его желтые глаза, они соединялись на лбу, а затем терялись в пышных волосах. Вокруг рта с блестящими зубами, а также по подбородку тянулись разноцветные линии, изящными завитками спускавшиеся на могучую грудь маорийца.

Эта татуировка — моко — новозеландцев является знаком отличия. Такой почетной росписи достоин только тот, кто отличился в нескольких сражениях, причем рабы и люди низшего класса вообще не могут иметь притязаний на моко. Знаменитые вожди узнаются по законченности, по точности и по характеру рисунка; на их телах часто изображаются животные. Некоторые из туземных вождей до пяти раз подвергают себя мучительной процедуре моко. Чем более знаменит в Новой Зеландии человек, тем более он раскрашен.

Надо еще прибавить, что татуировка маори, кроме внушаемого ею почтения, несомненно и полезна: она утолщает кожу и делает ее менее чувствительной как к перемене погоды, так и к беспрестанным укусам moskitov.

Высокое положение вождя, правившего лодкой, не внушало сомнений. Острая кость альбатроса, употребляемая маорийскими татуировщиками, пять раз глубоко бороздила тесными узорами его гордое лицо. На вожде был плащ, сотканный из растения формиум и отделанный собачьими шкурами. Опоясан он был передником, носившим следы крови недавних сражений. На удлинённых мочках его ушей висели подвески из зеленого нефрита; шею его украшали ожерелья из пунаму — священных камешков, очень чтимых суеверными новозеландцами. Рядом с вождем лежало английское ружье, а также пату-пату — нечто вроде топора изумрудного цвета, с двойным лезвием восемнадцати дюймов длины.

Подле вождя сидело девять не столь высоких по положению воинов. Они были сурового вида и вооружены. Некоторые из них, казалось, страдали от недавно полученных ран. Сидели они совершенно неподвижно, завернувшись в свои плащи из формиума. Три свирепые собаки лежали у их ног. Гребцы

были, по-видимому, рабами или слугами вождя. Гребли они с большой силой, и пирога, плывя против течения, правда не очень стремительного, двигалась довольно быстро.

Посередине пироги, со связанными ногами, но оставленными на свободе руками, сидели, прижавшись друг к другу, десять пленных европейцев. То были Гленарван, Элен, Мэри Грант, Роберт, Паганель, майор, Джон Манглс, стюард и два матроса.

Накануне вечером маленький отряд, введенный в заблуждение густым туманом, расположился на ночлег посреди многочисленного отряда туземцев. Около полуночи спавшие путешественники были схвачены, взяты в плен и перенесены на пирогу. Пока маори ничего дурного им не сделали, а сопротивляться теперь было уже бесполезно, ибо их оружие и боевые припасы находились в руках дикарей и те тотчас же пристрелили бы пленников из их собственных ружей.

Из английских слов, проскальзывавших в разговорах туземцев, пленники вскоре узнали, что маори эти, разбитые английскими войсками, пробираются к верховьям Вайкато. Вождь их, оказав упорное сопротивление 42-му полку и потеряв во время сражений лучших своих бойцов, теперь возвращался на берега этой реки с целью призвать к оружию их жителей и с новым войском идти на соединение с неукротимым Вильямом Томсоном, все еще не переставшим бороться с завоевателями. Вождь носил зловещее имя Каи-Куму, что на туземном наречии значит: «тот, кто съедает тело своего врага». Он был отважен, смел, и жестокость его не уступала его доблести. Ждать пощады от такого человека не приходилось. Имя его было хорошо известно английским солдатам, и за голову его губернатором Новой Зеландии недавно была обещана денежная награда.

Этот страшный удар обрушился на Гленарвана как раз в то время, когда он был совсем близко от столь желанного Окленда, откуда мог вернуться в родную Шотландию.

Между тем, видя его холодное, спокойное лицо, никто не догадался бы о переживаемых им муках. Гленарван не падал духом при тяжелых обстоятельствах. Он чувствовал, что должен быть поддержкой, примером для своей жены и спутников, и готов был умереть первым ради общего спасения, если того потребуют обстоятельства. Пред лицом грозной опасности этот мужественный человек ни на одно мгновение не раскаялся в своем великодушном порыве, увлекшем его в эти дикие края.

Спутники Гленарвана были достойны его. Они разделяли его благородные мысли, и по их гордым, спокойным лицам никак нельзя было бы угадать, что они плывут навстречу смерти. По совету Гленарвана, они сговорились выказывать полнейшее равнодушие ко всему происходящему. Это был единственный способ внушить дикарям уважение к себе. У дикарей вообще, а у маори в особенности развито чувство собственного достоинства, никогда их не покидающее. Они уважают того, кто заставляет уважать себя своим хладнокровием и мужеством. Гленарван знал, что, ведя себя подобным образом, он и его товарищи избавятся от грубого обращения со стороны новозеландцев.

С момента отплытия маори, малоразговорчивые, как все дикари, едва перекинулись между собой несколькими фразами, но даже из них Гленарван мог заключить, что английский язык был им хорошо знаком. Он решил расспросить новозеландского вождя о той участи, которую тот им готовил.

— Куда везешь ты нас, вождь? — спросил он Каи-Куму голосом, в котором не слышалось ни малейшего страха.

Вождь холодно посмотрел на него и ничего не ответил.

— Что собираешься ты сделать с нами? — снова задал ему вопрос Гленарван.

Глаза Каи-Куму блеснули, и он с важностью ответил:

— Обменять тебя, если твои захотят взять тебя. Убить тебя, если они откажутся.

Гленарван не стал больше задавать вопросов, но в сердце его вновь затеплилась надежда. Без сомнения, какие-нибудь маорийские вожди попали в руки англичан, и туземцы собирались сделать попытку вернуть их путем обмена. Значит, имелись какие-то шансы на спасение и положение не являлось уж столь отчаянным.

Тем временем лодка быстро шла вверх по реке. Паганель, который в силу подвижности своей натуры легко переходил от одной крайности к другой, снова воспрянул духом. Ему уже казалось, что маори избавили их от необходимости самим добираться до английских аванпостов и что плен послужит им в этом смысле даже на пользу. Примирившись со своей судьбой, географ принялся рассматривать по карте тот путь, которым несла Вайкато по равнинам и долинам свои воды.

Элен и Мэри Грант, подавляя свой ужас, вполголоса разговаривали с Гленарваном, и самый опытный физиономист не прочел бы на лицах этих женщин, какие душевные муки терзали их.

Вайкато является, так сказать, национальной рекой Новой Зеландии. Маори гордятся ею. Река эта несет свои воды на протяжении двухсот миль по самым плодородным и красивым местностям северного острова — от провинции Веллингтон до Оклендской. Она дала свое имя всем тем прибрежным туземным племенам, неукротимым и неукрощенным, которые поднялись все, как один человек, против захватчиков. На Вайкато почти не видно иноземных судов. Одни пироги островитян пересекают своими высокими носами ее волны. Очень немногие туристы отваживаются плыть среди ее священных берегов. Что же касается верховий Вайкато, то доступ туда нечестивым европейцам, по-видимому, и вовсе прегражден. Паганель знал, как чтят туземцы эту великую новозеландскую реку. Ему также было известно, что ни один естествоиспытатель не поднимался по Вайкато выше ее слияния с Вайпа. Но куда же заблагорассудится Каи-Куму увезти своих пленников? Этого географ не смог бы угадать, если бы часто повторяемое вождем и его воинами слово «Таупо» не привлекло его внимания. Справившись по карте, он увидел, что название это относится к озеру, знаменитому в географических летописях. Расположено оно в самой гористой части острова, на юге провинции Окленд. Вайкато выходит из этого озера. Географ по карте определил, что длина реки от ее слияния с Вайпа до озера — около ста двадцати миль.

Паганель попросил Джона Манглса на французском языке, чтобы не быть понятым дикарями, определить скорость движения их лодки. Молодой капитан определил ее примерно в три мили в час.

— В таком случае, — сказал географ, — если мы будем останавливаться на ночь, наше путешествие продлится около четырех дней.

— Но где же находятся английские посты? — спросил Гленарван.

— Это трудно сказать, — ответил Паганель. — Но можно думать, что военные действия сосредоточились в провинции Таранаки. Поэтому войска скопились, по всей вероятности, по ту сторону озера, за горами, там, где находится очаг восстания.

— Будем надеяться, что это так! — промолвила Элен.

Гленарван с грустью посмотрел на свою молодую жену и на Мэри Грант. Несчастные женщины были во власти свирепых туземцев; их увозили в дикий край, где на помощь им не мог прийти ни один человек. Но, заметив устремленный на него взгляд Каи-Куму, Гленарван из осторожности, боясь, как бы вождь не догадался о том, что одна из пленниц — его жена, подавил свое волнение и стал рассматривать с самым равнодушным видом берега реки.

Пирога прошла, не остановившись, мимо бывшей столицы короля Потатау, расположенной в полумиле от слияния рек. Никакая другая пирога не бороздила вод Вайкато. Несколько развалившихся хижин, видневшихся там и сям по берегам, свидетельствовали о недавних ужасах войны. Прибрежные поселения казались брошенными, берега были пустынные. Одни водяные птицы вносили жизнь в эти

печальные, безлюдные места. Взвилась в воздух и исчезла за деревьями тапарунга — болотная птица с черными крыльями, белым животом и красным клювом. Матуку, неуклюжая, глупая на вид цапля пепельного цвета, и красивая цапля котуку, вся белая, с желтым клювом и черными ногами, спокойно смотрели на проплывавшую пирогу. Где высокие покатые берега указывали на глубину воды, шрикун — «котаре» на языке маорийцев — подстерегал крошечных угрей, миллионы которых режутся в новозеландских реках. В кустах, над водой, охорашивались при первых лучах солнца гордецы удода и прелестные куры султанки. Весь этот мирок пернатых наслаждался свободой в отсутствие людей, изгнанных или уничтоженных войной.

Сначала Вайкато течет, широко разлившись среди необозримых равнин, но ближе к верховью холмы, а затем горы суживают долину, в которой река проложила себе русло. В десяти милях от слияния рек, согласно карте Паганеля, на левом берегу должно было находиться поселение Кири-Кирироа, и оно действительно там оказалось. Каи-Куму не сделал здесь остановки. Он велел дать пленникам их собственные съестные припасы, захваченные маори во время ночного нападения. Что же касается самого вождя, его воинов и рабов, то они довольствовались своей обычной пищей — съедобным папоротником, печеными кореньями и картофелем капанас, в изобилии разводимым на обоих островах. Никакого мяса за трапезой маори не было, и, видимо, мясные консервы пленников нисколько их не прельщали.

В три часа дня на правом берегу реки показались отроги горной цепи Покароа, походившие на разрушенные крепостные стены. На их остроконечных вершинах виднелись там и сям развалины па — укреплений, когда-то воздвигнутых на неприступных местах маорийцами. Они походили на огромные орлиные гнезда.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда пирога причалила к крутому берегу, заваленному пемзовыми камнями вулканического происхождения, нанесенным сюда водами Вайкато. Здесь росло несколько деревьев, и место это показалось маори удобным, чтобы расположиться лагерем.

Каи-Куму приказал высадить своих пленников на землю. Мужчинам связали руки, женщин по-прежнему оставили свободными. Всех их поместили в центре лагеря, а вокруг разложили столько костров, что из них образовалась непреодолимая огненная преграда.

До того как Каи-Куму сообщил пленникам свое намерение обменять их, Гленарван и Джон Манглс обсуждали способы бегства из плена. То, что немисливо было сделать, находясь в пироге, они надеялись попытаться осуществить на берегу во время привала, пользуясь благоприятными случайностями, возможными в ночное время.

Но после разговора Гленарвана с новозеландским вождем было более благоразумным отказаться от подобных попыток. Надо было запастись терпением. Ведь обмен пленными представлял больше шансов на спасение, чем рукопашная схватка или бегство через неведомый край. Конечно, могли возникнуть обстоятельства, способные задержать переговоры об обмене или даже помешать им, но все же наилучшим выходом было ждать исхода этих переговоров. И в самом деле, были ли в силах десять безоружных людей справиться с тридцатью вооруженными дикарями? К тому же Гленарван предполагал, и не без основания, что был захвачен в плен какой-нибудь видный вождь племени Каи-Куму и что его соплеменники хотят во что бы то ни стало освободить его.

На следующий день пирога понеслась вверх по реке с еще большей быстротой. В десять часов она остановилась ненадолго у впадения в Вайкато маленькой речки, извивавшейся по равнинам правого берега, — Похайвены. Здесь к пироге Каи-Куму подплыла пирога с десятью туземцами. Воины небрежно обменялись приветствием: «Айрэ-май-ра», что значит: «Приходи сюда здоровым», и обе пироги пошли рядом. Вновь прибывшие маори, видимо, недавно сражались с английскими войсками. Об этом говорили их одежда, вся в клочьях, окровавленное оружие и видневшиеся из-под лохмотьев раны, из которых еще

сочилась кровь. Воины были мрачны, молчаливы. Со свойственной всем диким народам сдержанностью они сделали вид, что не обращают внимания на европейцев.

В полдень на западе стали вырисовываться вершины Маунгатотари. Долина, по которой протекала Вайкато, сузилась, и могучая река, стиснутая крутыми берегами, бушевала, словно горный поток. Но гребцы с удвоенной силой налегли на весла, запели в такт их ударам какую-то песню, и пирога быстро помчалась по пенящимся волнам. Стремнина осталась позади, и Вайкато по-прежнему плавно понесла свои воды между излучистыми берегами.

Под вечер Каи-Куму приказал пристать у крутого, узкого берега, к которому отвесно спускались первые отроги гор. Там устраивались на ночлег человек двадцать туземцев, высадившихся из своих пирог. Под деревьями пылали костры. Какой-то вождь, равный Каи-Куму, не спеша подошел к нему и дружески его приветствовал, проделав «шонгуи», то есть потерев свой нос о его нос. Пленников снова поместили посередине лагеря и бдительно сторожили всю ночь.

На следующее утро продолжался тот же длительный путь вверх по течению Вайкато. Из мелких притоков реки появились новые пироги. На них было воинов шестьдесят. Это, видимо, были участники последнего восстания, которые, более или менее пострадав от английских пуль, возвращались теперь в свои горы. Время от времени в этих шедших одна за другой пирогах раздавалось пение. Кто-нибудь из воинов затягивал патриотическую песнь, призывавшую маори на борьбу с захватчиками:

Папа ративати тиди
И дунга нэи...

Голос певца, полный и звучный, будил эхо в горах. После каждой строфы туземцы, ударяя себя в грудь, точно в барабан, хором подхватывали воинственный припев. Гребцы с новой силой налегали на весла, и пироги, преодолевая течение, летели по водной поверхности.

В этот день на Вайкато можно было наблюдать одно любопытное явление. Около четырех часов пополудни пирога, управляемая твердой рукой Каи-Куму, смело, не убавляя хода, вошла в узкое ущелье. Буруны с яростью разбивались о многочисленные, опаснейшие для плывущих лодок островки. Перевернись здесь пирога, это была бы верная гибель, ибо спасения искать было негде: всякий, кто ступил бы на кипящую тину берегов, неминуемо погиб бы.

Дело в том, что Вайкато текла здесь среди горячих источников, издавна привлекавших к себе внимание туристов. Окись железа окрашивала в ярко-красный цвет ил берегов; на них нельзя было найти и сажени твердой земли. Воздух был насыщен едким запахом серы. Туземцы легко переносили его, зато пленники очень страдали от удушливых испарений, которые поднимались из расщелин почвы и выделялись из пузырей, лопавшихся под напором подземных газов. Но если обонянию трудно было освоиться с этими серными испарениями, то взор не мог не восхищаться величественным зрелищем.

Пироги нырнули в густое облако паров. Их ослепительно белые завитки вздымались, словно купол, над рекой. По берегам сотни гейзеров выбрасывали: одни — пары, другие — столбы воды. Глядя на разнообразные эффекты, создаваемые паром и водой, казалось, что это фонтаны, созданные человеческой рукой и управляемые скрытым механизмом. Вода и пар, смешиваясь в воздухе, переливались на солнце всеми цветами радуги.

В этом месте Вайкато течет по зыбкому ложу, непрерывно кипящему под действием подземного огня. Невдалеке, к востоку от реки, по направлению к озеру Роторуа, ревут горячие ключи и дымящиеся водопады Ротомахана и Тетарата, виденные некоторыми отважными путешественниками. Вся эта местность изрыта гейзерами, кратерами и сопками. Через них пробивается тот избыток газа, который не находит себе выхода через кратеры Тонгариро и Вакари, двух действующих вулканов Новой Зеландии.

Две мили пироги плыли под сводом серных испарений, клубившихся над водной поверхностью. Наконец это серное облако рассеялось, и струи чистого воздуха, освеженные речной влагой, принесли облегчение задыхавшимся пленникам. Район серных источников остался позади.

До конца дня пироги благодаря могучим усилиям гребцов преодолели еще две стремнины — Гипапатуа и Таматеа. Вечером Каи-Куму остановился на привал в ста милях от слияния Вайпа и Вайкато. Река, русло которой до сих пор, закругляясь, шло к востоку, с этого места приближалась к озеру Таупо.

На следующий день на правом берегу реки показалась гора. Жак Паганель, справясь по карте, узнал, что это гора Таубара вышиной в три тысячи футов.

В полдень вся вереница пирог вплыла через один из рукавов реки в озеро Таупо. У берега озера развеялся на крыше одной хижины обрывок материи. Туземцы восторженно приветствовали его — то был их национальный флаг.

Глава XI

Озеро Таупо

В доисторические времена в центре Новозеландского острова вследствие обвала пещер образовалась бездонная пропасть в двадцать пять миль длины и двадцать ширины. Воды, стекавшие с окрестных гор в эту огромную впадину, превратили ее в озеро, в озеро-бездну, ибо до сих пор ни один лот не смог достичь его дна.

Это необычное озеро, носящее название Таупо, лежит на высоте тысячи двухсот пятидесяти футов над уровнем моря и окружено горами высотой в две тысячи восемьсот футов. К западу поднимаются громадные остроконечные скалы; на севере виднеется несколько отдаленных вершин, поросших невысоким лесом; к востоку раскинулся широкий отлогий песчаный берег, по которому проходит дорога и где меж зеленых кустов красиво поблескивают пемзовые камни; к югу на переднем плане лес, а за ним высятся конические вершины вулканов. Таков величественный ландшафт, окаймляющий это огромное водное пространство, где свирепствуют бури, не уступающие по своей ярости океанским циклонам.

Вся эта местность кипит и клокочет, словно колоссальный котел, подвешенный над подземным огнем. Земля дрожит, и кора ее, подобно корке слишком поднявшегося в печи пирога, дает во многих местах глубокие трещины, откуда вырываются пары. Без сомнения, все это плоскогорье рухнуло бы в пылающее под ним подземное горнило, если бы скопившиеся пары не находили себе выхода на расстоянии двадцати миль от озера через кратеры вулкана Тонгариро.

Этот увенчанный дымом и огнем вулкан, возвышающийся над мелкими огнедышащими сопками, виден с северного берега озера. Тонгариро принадлежит к довольно сложной орографической системе. Позади него среди равнины одиноко поднимается другой вулкан, Руапау, коническая вершина которого теряется среди облаков на высоте девяти тысяч футов. Нога смертного еще никогда не ступала на его неприступную вершину, ни один человеческий взор не проникал в глубину его кратера. Что же касается вулкана Тонгариро, то за последние двадцать лет ученые трижды производили измерение его более доступных вершин.

С этими вулканами связано немало легенд. И при менее трагических обстоятельствах Паганель, конечно, не преминул бы рассказать своим товарищам хотя бы, например, ту легенду, где рассказывается о ссоре двух друзей и соседей, Тонгариро и Таранаки, из-за женщины. Тонгариро, вспыльчивый, как всякий вулкан, вышел из себя и ударил Таранаки. Тот, избитый и униженный, убежал по долине Вангани, обронил дорогой две горки и наконец добрался до берега моря, где и стоит одиноко под именем горы Эгмонт.

Но географ не был склонен рассказывать, а друзья его — слушать. Они молча разглядывали северо-восточный берег озера Таупо, куда привела их разбившая все надежды судьба.

Каи-Куму со своей пирогой пересек бухточку, обогнул острый мыс, вдающийся далеко в озеро, и причалил к восточному берегу, у подошвы первых отрогов Манго — горы вышиной более чем в две тысячи футов. Здесь раскинулись поля формиума, этого драгоценного новозеландского льна. У туземцев он зовется «харакеке». В этом полезном растении нет ничего такого, что не могло бы быть так или иначе использовано. Его цветы дают превосходный мед. Из стеблей получается клейкое вещество, заменяющее воск и крахмал. Еще больше пользы извлекается из листьев формиума: свежие, они заменяют бумагу, в сухом виде — трут. Будучи разрезаны, листья эти идут на производство веревок, канатов и сетей. Из их расчесанных волокон ткнут одеяла, циновки, плащи и передники. Ткань из формиума, окрашенная в

красный или черный цвет, идет на одежду самых эlegantных маори.

Этот драгоценный формиум встречается повсюду на обоих островах: и на морском побережье и по берегам озер и рек. Здесь его дикими кустами покрыты были целые поля. Его красно-коричневые цветы, напоминающие цветы агавы, во множестве выглядывали из зеленой гущи его длинных и острых, как клинки, листьев. Красивые птицы нектарии, завсегда и полей формиума, стаями носились над ними и наслаждались медовым соком их цветов. В водах озера полоскались, видимо уже ручные, утки, черные с серыми и зелеными пятнами.

В четверти мили, на крутом утесе горы, виднелась непреступная па — крепость маори. Пленники были один за другим высажены из пироги, и воины, развязав им руки и ноги, повели их в крепость. Тропинка шла сначала по полям формиума, а затем — через пышно разросшуюся рощицу. Здесь были и кайкатеа с непадающими листьями и красными ягодами, и австралийские драцены, называемые туземцами «ти», и гуйус, ягодами которых пользуются для окраски материй в черный цвет. При приближении к рощице пленников и воинов взвились и умчались прочь стаи крупных голубей с оперением, отливающим металлом, стаи курклюш пепельного цвета и целая масса скворцов с красноватым хохолком.

Сделав довольно большой крюк, Гленарван, Элен, Мэри Грант и их спутники вошли в па. Крепость была ограждена тремя поясами укреплений. Первый, наружный, представлял собой частокол из крепких столбов футов в пятнадцать вышины; второй пояс состоял из такого же частокола; третьим, внутренним, поясом служила ивовая ограда с проделанными в ней бойницами. Внутри па виднелось несколько своеобразных маорийских построек и около сорока симметрично расположенных хижин.

Ужасное впечатление произвели на пленников мертвые головы, которыми были украшены кольца второго частокола. Элен и Мэри отвернулись больше от отвращения, чем от страха. Эти головы принадлежали павшим в боях неприятельским вождям, тела которых съели победители.

Жилище Каи-Куму находилось в глубине па, среди нескольких других хижин, принадлежавших туземцам не столь высокого положения. Перед ним расстилалась большая открытая площадка — европейцы, пожалуй, назвали бы ее военным плацем. Жилище вождя было построено из кольев, оплетенных ветвями, а внутри обито циновками из формиума. Оно имело двадцать футов в длину, пятнадцать — в ширину, десять — в высоту, иными словами, заключало в себе три тысячи кубических футов — помещение вполне достаточное, чтобы в нем разместиться новозеландскому вождю.

В постройке этой имелось лишь одно отверстие, служившее дверью. Завешено оно было плотной циновкой. Крыша выдавалась над дверью выступом, на котором имелось углубление для хранения дождевой воды. На концах стропил было вырезано несколько фигур. Портал радовал взор гостя резными изображениями веток, листьев, символических фигур чудовищ — массой любопытных орнаментов, рожденных резцом туземных мастеров. Внутри пол был земляной, утрамбованный, возвышающийся на полфута над уровнем окружающей почвы. Решетки из тростника и матрацы из сухого папоротника, покрытые циновками из тонких и гибких листьев тифы, служили кроватями. Посередине хижины виднелась яма, обложенная камнями: то был очаг. Дыра в крыше служила трубой. Когда из очага валил густой дым, он в конце концов направлялся этим выходом, предварительно изрядно закоптив стены. Рядом с хижинной Каи-Куму находились склады, в которых хранились запасы вождя — его урожай формиума, картофеля и съедобного папоротника. Здесь же помещались и печи, где на раскаленных камнях готовилась различная пища. Еще подальше в небольших загородках стояли свиньи и козы, эти редко встречающиеся здесь потомки акклиматизированных когда-то капитаном Куком полезных животных. Там и сям бегали собаки в поисках скудной еды. Как видно, маори не слишком заботились об этих животных, хотя и питались их мясом.

Гленарван и его спутники разглядывали эту картину, ожидая у какой-то пустой хижины, когда вождю заблагорассудится дать о них распоряжение. А в это время их не переставала осыпать бранью толпа старух. Эти ведьмы со сжатыми кулаками подступали к «проклятым европейцам», выли и угрожали. Из нескольких английских слов, сорвавшихся с их толстых губ, было ясно, что они требуют немедленной мести.

Среди этих воплей и угроз Элен оставалась с виду спокойной. Боясь лишиться мужа хладнокровия, она делала героические усилия, чтобы держать себя в руках. Бедняжка Мэри была близка к обмороку. Джон Манглс поддерживал ее, готовый отдать за нее свою жизнь. Его товарищи по-разному относились к этому извержению брани и угроз: одни, подобно майору, оставались к ним равнодушны, других же, как Паганеля, они все более раздражали.

Гленарван, желая избавить жену от этих старых мегер, направился к Каи-Куму и, указывая на их отвратительную толпу, сказал:

— Прогони их.

Маорийский вождь пристально поглядел на своего пленника, не удостоив его ответом, затем жестом приказал ревушим старухам замолчать. Гленарван наклонил голову в знак благодарности и не спеша вернулся к своим.

К этому времени в па собралось человек сто новозеландцев: здесь были и старики, и люди зрелого возраста, и юноши. Одни, мрачные, но спокойные, ожидали распоряжений Каи-Куму, другие же предавались неистовому горю — они оплакивали родственников или друзей, павших в последних боях.

Из всех маорийских вождей, откликнувшихся на призыв Вильяма Томсона, один Каи-Куму вернулся на берега своего озера, и он первый оповестил свое племя о разгроме восстания, о поражении новозеландцев на равнинах нижнего течения Вайкато. Из двухсот воинов, выступивших под его командой на защиту родной земли, вернулось всего пятьдесят. Правда, некоторые из сражавшихся попали в плен к англичанам, но все же скольким воинам, распростертым на поле брани, уже не суждено было вернуться в родные места!

Этим и объяснялось глубокое отчаяние, охватившее туземцев по возвращении Каи-Куму. Они еще ничего не знали о последней битве, и эта весть поразила всех, как громом.

У дикарей душевное горе всегда выражается во внешних проявлениях. И теперь родичи и друзья погибших воинов, особенно женщины, принялись раздирать себе лицо и плечи острыми раковинами. Брызгавшая кровь смешивалась со слезами. Более глубокие ранения говорили о большем отчаянии. Ужасно было видеть этих окровавленных, обезумевших новозеландок.

Отчаяние туземцев усугублялось еще одним обстоятельством, имевшим большое значение в их глазах: не только погиб родич или друг, но и кости его не будут лежать в семейной могиле. А это, по верованиям маори, необходимо для будущей жизни. Туземцы кладут в уду-па, что значит «обитель славы», не тленное тело, а кости, которые предварительно тщательно очищают, скоблят, полируют и даже покрывают лаком. Эти могилы украшаются деревянными статуями, на которых с точностью воспроизводится татуировка покойного. А теперь могилы будут пусты, не будут свершены погребальные обряды, и кости убитых либо будут обгрызены дикими собаками, либо останутся белеть без погребения на поле битвы.

Горе еще усугублялось этими мыслями. К угрозам женщин присоединились и проклятия мужчин по адресу европейцев. Брань усиливалась, жесты делались все более угрожающими. Крики грозили перейти в насилия.

Каи-Куму, видимо боясь, что он будет не в силах обуздать фанатиков своего племени, приказал

отвести пленников в святилище, которое находилось в другом конце па, на площадке, заканчивавшейся обрывом.

Святилище представляло собой хижину, примыкавшую к горному склону в сто футов вышины. В этом священном доме туземные жрецы — арики — обучали новозеландцев религии. В этой просторной, со всех сторон закрытой хижине стояло изваяние священной птицы.

Здесь, почувствовав себя хотя временно в безопасности от ярости туземцев, пленники растянулись на циновках из формиума. Элен, обессиленная и измученная, склонилась на грудь к мужу. Гленарван крепко обнял ее.

— Мужайся, дорогая Элен, — повторял он.

Едва успели запереть пленников, как Роберт, взобравшись на плечи к Вильсону, умудрился просунуть голову между крышей и стеной, на которой развешены были амулеты. Отсюда до самого дворца Каи-Куму все было видно как на ладони.

— Они собрались вокруг вождя, — сказал вполголоса мальчик. — Они машут руками... завывают... Каи-Куму собирается говорить...

Роберт помолчал несколько минут, а затем продолжал:

— Каи-Куму что-то говорит... Дикари успокаиваются... Они слушают...

— Очевидно, вождь, покровительствуя нам, преследует какую-то личную цель, — заметил майор. — Он хочет обменять нас на вождей своего племени. Но согласятся ли воины на такой обмен?

— Да, — снова раздался голос мальчика, — они повинуются... расходятся... Одни из них входят в свои хижины... другие покидают крепость...

— Это действительно так? — воскликнул майор.

— Ну да, мистер Мак-Наббс, — ответил Роберт, — с Каи-Куму остались только воины, бывшие в его пироге... А! Один из них направляется к нашей хижине...

— Слезай, Роберт! — сказал Гленарван.

В эту минуту Элен, выпрямившись, схватила мужа за руку.

— Эдуард, — сказала она твердым голосом, — ни я, ни Мэри Грант не должны живыми попасть в руки этих дикарей!

С этими словами она протянула Гленарвану заряженный револьвер. Глаза Гленарвана сверкнули радостью.

— Оружие! — воскликнул он.

— Да! Маори не обыскивают своих пленниц. Но это оружие, Эдуард, оно не для них, а для нас.

— Спрячьте револьвер, Гленарван, — поспешно сказал Мак-Наббс. — Еще не время.

Револьвер исчез под одеждой Эдуарда.

Циновка, которой был завешен вход в хижину, поднялась. Вошел какой-то туземец. Он сделал знак пленникам следовать за ним.

Гленарван с товарищами, близко держась друг к другу, прошли через площадь па и остановились перед Каи-Куму.

Вокруг вождя собрались наиболее видные воины его племени. Среди них был и тот маориец, чья пирога присоединилась к пироге Каи-Куму при впадении Похайвены в Вайкато. Это был мужчина лет

сорока, мощного сложения, с суровым, свирепым лицом. Он носил имя Кара Тете, что на новозеландском языке значит «гневливый». По тонкости татуировки этого вождя было видно, что он занимает высокое положение в своем племени, и сам Каи-Куму выказывал ему известное почтение. Однако наблюдательный человек мог бы догадаться, что между этими двумя вождями существует соперничество. От внимания майора не ускользнуло, что влияние, которым пользовался Кара-Тете, возбуждало недобрые чувства в Каи-Куму. Оба они стояли во главе крупных племен, населявших берега Вайкато, и оба обладали одинаковой властью. И хотя губы Каи-Куму и улыбались, когда он говорил с своим сотоварищем, но глаза его выражали глубокую неприязнь.

Каи-Куму начал допрашивать Гленарвана.

— Ты англичанин? — спросил он.

— Да, — не колеблясь, ответил тот, понимая, что его национальность должна была облегчить обмен.

— А твои товарищи? — продолжал Каи-Куму.

— Товарищи мои такие же англичане, как и я. Мы путешественники, потерпевшие кораблекрушение. Прибавлю еще, если это может тебя интересовать, что никто из нас не принимал участия в войне.

— Не важно! — грубо ответил Кара-Тете. — Каждый англичанин — наш враг. Твои земляки захватили силой наш остров! Они присвоили себе наши поля! Они сожгли наши селения!

— И они были неправы, — проговорил серьезным тоном Гленарван. — Я говорю тебе это не потому, что я в твоей власти, а потому, что так думаю.

— Послушай, — продолжал Каи-Куму — Тогонга, верховный жрец нашего бога Нуи-Атуа, попал в руки твоих братьев — он пленник пакекас. Бог велит нам его выкупить. Я-то хотел бы вырвать у тебя сердце; хотелось бы, чтобы твоя голова и головы твоих товарищей вечно висели на столбах этой изгороди... но Нуи-Атуа изрек свое слово!

Говоря это, Каи-Куму, до сих пор владевший собой, дрожал от гнева, и лицо его приняло выражение крайней ярости. Через несколько минут он снова заговорил:

— Как ты думаешь, согласятся ли англичане обменять на тебя нашего Тогонга?

Гленарван не сразу решился ответить; он молча, со вниманием наблюдал за маорийским вождем.

— Не знаю, — проговорил он наконец.

— Отвечай, — продолжал Каи-Куму — стоит ли твоя жизнь жизни нашего Тогонга?

— Нет, — ответил Гленарван — у себя на родине я не вождь и не священнослужитель.

Паганель, пораженный этим ответом, с глубоким удивлением посмотрел на Гленарвана.

Каи-Куму, казалось, тоже был изумлен.

— Итак, ты сомневаешься? — спросил он.

— Не знаю, — повторил Гленарван.

— Твои, значит, не согласятся взять тебя в обмен на нашего Тогонга?

— На одного меня — нет, а на всех — быть может.

— У нас, маори, принято менять голову на голову.

— Так начни с того, что предложи обменять своего жреца на этих двух женщин, — предложил Гленарван, указывая на Элен и Мэри Грант.

Элен рванулась к мужу, но майор удержал ее.

— Эти две женщины, — продолжал Гленарван, почтительно склоняясь перед Элен и Мэри Грант, — занимают высокое положение в своей стране.

Вождь холодно посмотрел на своего пленника. Злая усмешка промелькнула на его губах, но он тут же подавил ее и ответил, еле сдерживаясь:

— Ты надеешься обмануть Каи-Куму своими лживыми словами, проклятый европеец? Так ты думаешь, что Каи-Куму не умеет читать в человеческих сердцах? — Вождь указал на Элен — Вот твоя жена!

— Нет, моя! — воскликнул Кара-Тете и, оттолкнув прочих пленников, положил свою руку, на плечо Элен.

Та побледнела от этого прикосновения.

— Эдуард! — крикнула она, обезумев от ужаса.

Гленарван молча протянул руку. Грянул выстрел. Кара-Тете мертвый повалился на землю.

При звуке выстрела множество туземцев высыпало из хижин и мгновенно заполонило всю площадь па. Сотни рук угрожающе протянулись к несчастным пленникам. Револьвер был вырван из рук Гленарвана. Каи-Куму бросил на него странный взгляд. Затем, прикрыв одной рукой убийцу, он поднял другую руку, сдерживая толпу, готовую ринуться на «проклятых пакекас».

Покрывая шум, громко прозвучал его голос:

— Табу! Табу!

Услышав эти слова, толпа дикарей разом остановилась перед Гленарваном и его товарищами, словно какая-то сверхъестественная сила остановила их.

Через несколько минут пленники были отведены в то же, служившее им тюрьмой, святилище. Но ни Роберта, ни Жака Паганеля с ними не было.

Глава XII

Погребение маорийского вождя

Каи-Куму, как это нередко случается в Новой Зеландии, был не только вождем своего племени, но и его ариком, то есть жрецом, и как таковой мог, пользуясь суеверием своих соплеменников, налагать табу.

Табу — в обычае у всех народов Полинезии, и когда оно налагается на какое-нибудь лицо или предмет, то этим отныне запрещается и всякое сношение с табуированным человеком и всякое пользование табуированным предметом. Религия маорийцев учит, что всякий поднявший святотатственную руку на то, на что наложено табу, будет наказан смертью разгневанным божеством. Причем если божество не сразу отомстит за нанесенную ему обиду, то жрец не преминет сделать это за него.

Вожди налагают табу из политических целей, но табу может быть обусловлено и событиями личной, повседневной жизни. На туземца налагается табу на несколько дней во многих случаях: когда он остриг себе волосы, когда над ним была произведена татуировка, когда он строит себе пирог или возводит дом, когда он смертельно болен и, наконец, когда он скончался. Если туземцы вылавливают столько рыбы, что это грозит опустошить реку, или если те же туземцы начинают есть еще недоспелые сладкие пататы, что грозит опустошить плантации, то и на рыбу и на пататы накладывается оберегающее их табу. Пожелает ли вождь избавиться от назойливых гостей, он накладывает на свой дом табу. Заблагорассудится ли вождю монополизировать деловые сношения с каким-нибудь иноземным судном, он не замедлит наложить на него табу. Прибегает он к этому средству и по отношению к не сумевшему ему угодить европейскому купцу, которого он хочет лишить покупателей. Запрет вождя напоминает прежнее вето королей.

Если предмет табуирован, то никто не может безнаказанно прикоснуться к нему. Когда табу налагается на туземца, то в течение определенного времени он не может прикасаться к пище известного рода. Если это человек богатый, ему приходят на помощь его рабы: они вводят ему в рот те кушанья, к которым он не смеет прикоснуться руками. Если же это бедняк, то он принужден подбирать пищу ртом, превращаясь благодаря табу в животное.

Словом, этот своеобразный обычай направляет и видоизменяет самые мелкие поступки новозеландцев. Табу имеет силу закона, и можно даже сказать, что его частое применение представляет собой все туземное законодательство, притом неоспоримое и не подлежащее обсуждению.

Что же касается табу, наложенного на наших пленников, то оно имело целью спасти их от ярости, охватившей племя. Как только Каи-Куму произнес это магическое слово, его друзья и приверженцы разом остановились и защитили пленников от ярости своих соплеменников, а затем сами стали охранять пленников.

Однако Гленарван не заблуждался относительно ожидавшей его участи. Он знал, что только жизнью своей сможет заплатить за убийство вождя. А у диких народов смерть осужденного является лишь концом долгих пыток. Гленарван приготовился жестоко искупить то законное негодование, которое побудило его убить Кара-Тете, но он надеялся, что гнев Каи-Куму обрушится на него одного.

Какую ужасную ночь провели Гленарван и его спутники! Кто в силах был бы описать их тоску, измерить их муки! Бедняжка Роберт и мужественный Паганель так и не появились. Но разве могло быть хотя бы малейшее сомнение в их участи! Они, конечно, пали первыми жертвами мстительных туземцев. Всякая надежда исчезла даже у Мак-Наббса, не так-то легко впадавшего в уныние. А Джон Манглс, видя

сумрачное отчаяние Мэри Грант, разлученной с братом, чувствовал себя близким к безумию. Гленарван думал о трагической просьбе Элен, о ее желании умереть от его руки во избежание пыток или рабства. И он спрашивал себя, найдет ли он в себе это страшное мужество.

«А Мэри — какое право я имею убить ее?» — в отчаянии думал Джон Манглс.

О бегстве нечего было и мечтать: десять воинов, вооруженных с головы до ног, стерегли двери храма.

Наступило утро 13 февраля. Туземцы не входили ни в какие сношения с пленниками, огражденными табу. В храме имелось некоторое количество съестных припасов, но несчастные едва к ним прикоснулись. Скорбь подавляла голод. День прошел, не принеся ни перемены, ни надежды. Видимо, погребение убитого вождя и казнь убийцы должны были совершиться одновременно.

Гленарван был убежден, что Каи-Куму оставил мысль об обмене пленников. У Мак-Наббса же все еще теплилась слабая надежда:

— Как знать, не чувствует ли в глубине души Каи-Куму, что вы оказали ему услугу?

Но что ни говорил ему Мак-Наббс, Гленарван не хотел больше ни на что надеяться. Прошло и 14 февраля, а никаких приготовлений к казни не было сделано и в этот день. Причина же этой задержки заключалась в следующем.

Маори верят в то, что душа умершего пребывает в его теле в течение трех дней, и потому труп хоронят только по истечении трех суток. И в данном случае этот обычай, заставлявший откладывать погребение, был соблюден со строжайшей точностью. До 15 февраля па была совершенно пустынно. Джон Манглс, взобравшись на плечи Вильсона, не раз вглядывался в наружные укрепления. Из-за них не показывался ни один туземец. Только сменялись часовые, бдительно несшие караул у дверей храма.

Но на третий день двери хижин распахнулись. Несколько сотен маорийцев — мужчин, женщин, детей — собрались на площади па. Они были спокойны и безмолвны.

Каи-Куму вышел из своего жилища и, окруженный главными вождями племени, поднялся на земляную насыпь в несколько футов вышины, находившуюся посередине крепости. Толпа туземцев стала полукругом в нескольких сажнях позади. Все продолжали хранить глубокое молчание.

Каи-Куму сделал знак, и один из воинов направился к храму.

— Помни же, — сказала Элен мужу.

Гленарван молча прижал ее к сердцу. В эту минуту Мэри Грант подошла к Джону Манглсу.

— Если муж может убить свою жену, — сказала она, — чтобы избавить ее от позора, то и жених может убить с этой целью свою невесту. Джон, в эту последнюю, быть может, минуту я могу сказать, что в тайнике вашего сердца я давно уже ваша невеста, не правда ли? Могу ли я рассчитывать на вас, дорогой Джон, так, как рассчитывает миссис Элен на мужа?

— Мэри! — воскликнул в смятении молодой капитан. — Мэри! Дорогая!..

Он не успел договорить: циновка была поднята, и пленников повели к Каи-Куму. Женщины примирились со своей участью. Мужчины скрывали свои душевные муки под наружным спокойствием, говорившим о сверхчеловеческой силе воли.

Пленники предстали перед новозеландским вождем. Приговор того был короток.

— Ты убил Кара-Тете? — спросил он Гленарвана.

— Убил, — ответил тот.

— Завтра на рассвете ты умрешь.

— Один? — спросил Гленарван; сердце его забилося.

— Ах, если б только жизнь нашего Тогонга не была ценнее ваших! — со свирепым сожалением воскликнул Каи-Куму.

В эту минуту среди туземцев произошло какое-то движение. Гленарван быстро оглянулся. Вскоре толпа расступилась, и появился воин, весь в поту, изнемогавший от усталости. Как только Каи-Куму увидел его, он обратился к нему по-английски, очевидно желая, чтобы разговор их был понят пленниками:

— Ты пришел из лагеря пакекас?

— Да, — ответил маориец.

— Ты видел пленника — нашего Тогонга?

— Видел.

— Он жив?

— Он умер. Англичане расстреляли его.

Участь Гленарвана и его спутников была решена.

— Все вы умрете завтра на рассвете! — воскликнул Каи-Куму.

Итак, на всех пленников обрушилась общая кара.

Пленники не были отведены в храм. Они должны были присутствовать при погребении вождя и на кровавых церемониях, сопровождающих этот обряд. Отряд туземцев отвел пленников на несколько шагов в сторону, к подножию огромного дерева — куди. Они стояли, окруженные стражей, не спускавшей с них глаз. Остальные маори, погруженные в требуемую при погребении вождя печаль, казалось, забыли о них.

После смерти Кара-Тете прошло три установленных обычаем дня. Теперь, по верованиям новозеландцев, душа покойного окончательно покинула его брненное тело. Начался обряд погребения. Принесли тело вождя и положили его на небольшую земляную насыпь посреди крепости. Покойник был облачен в роскошные одежды и покрыт великолепной циновкой из формиума. На его голове, украшенной перьями, виднелся венок из зеленых листьев. Лицо, руки и грудь покойника были смазаны растительным маслом и не обнаруживали никаких признаков разложения.

Родственники и друзья Кара-Тете подошли к насыпи, на которой лежал он, и вдруг, словно повинувшись палочке капельмейстера, дирижирующего похоронным гимном, раздались оглушительные плач, рыдания, стоны. Заунывен и тяжек был ритм этих погребальных жалоб. Друзья покойного били себя по голове, а его родственницы с остервенением раздирали ногтями свои лица, проливая больше крови, чем слез. Эти несчастные женщины добросовестно выполняли свой дикий долг. Но, видимо, этих проявлений скорби было недостаточно для умиротворения души умершего, и воины, боясь, чтобы гнев вождя не обрушился на переживших его соплеменников, хотели умиловить покойника, предоставив ему на том свете те блага, которыми пользовался он на земле. Поэтому и спутница жизни Кара-Тете не должна была покинуть умершего. Да и сама несчастная женщина не согласилась бы пережить мужа. Таков был обычай, таков был закон, и история Новой Зеландии насчитывает немало подобных жертвоприношений.

Появилась вдова Кара-Тете. Она была еще молода. Растрепанные волосы падали на плечи, она рыдала и голосила. Среди воплей вырывались у нее отрывочные фразы, в которых она прославляла добродетели своего умершего супруга и горько жалела о нем. Наконец, охваченная безудержным порывом горя, она простерлась у подножия кургана и стала биться головой о землю.

В эту минуту к ней подошел Каи-Куму. Злополучная жертва вдруг поднялась, но вождь могучим ударом дубины повалил ее обратно на землю. Она упала, как пораженная громом.

Раздались ужасающие крики. Сотни рук угрожающе протянулись к пленникам. Но никто не тронулся с места, ибо похоронный обряд еще не был закончен.

Жена Кара-Тете соединилась с мужем. Их тела лежали теперь рядом. Но для вечной жизни покойнику было мало верной жены. Кто будет обслуживать этих супругов у Нуи-Атуа, если за ними не последуют из этого мира в тот мир их рабы?

Шестеро этих несчастных были приведены и поставлены перед трупами своих хозяев. Это были слуги, ставшие рабами в силу беспощадных законов войны.

Эти несчастные, казалось, безропотно покорялись своей участи. Она не удивляла их: они давно ее предвидели. Их несвязанные руки говорили о том, что от обреченных не ждут сопротивления перед смертью.

К тому же эта смерть была быстрой: их избавили от длительных мучений. пытки предназначались виновникам гибели вождя. Те, стоя в двадцати шагах, отводили глаза от отвратительного зрелища; ему предстояло сделаться еще ужаснее.

Под шестью ударами дубин, нанесенными шестью сильными воинами, жертвы распростерлись на земле, среди лужи крови. Это послужило сигналом к жуткой сцене людоедства.

На тела мертвых рабов не распространяется та сила табу, которая охраняет тело их хозяина. Тела рабов являются достоянием племени. Это мелкие подачки, брошенные похоронным плакальщикам. И вот, едва жертвоприношение было закончено, вся масса туземцев — вожди, воины, старики, женщины, дети, — все, без различия пола и возраста, охваченные животной яростью, набросились на бездыханные останки жертв.

Гленарван и его спутники, задыхаясь от отвращения, пытались скрыть от глаз женщин эту гнусную сцену. Для них было ясно, что ждет их завтра при восходе солнца и какие жестокие пытки им, без сомнения, придется испытать перед смертью. Они онемели от ужаса и отвращения.

Вслед за пиршеством начались похоронные танцы. Появилась крепчайшая наливка, настоенная на стручковом перце, и еще больше опьянила и без того пьяных от крови дикарей. В них уже не осталось ничего человеческого. Они могли, казалось, забыть о наложенном вождем табу и наброситься на приведенных в ужас их исступлением пленников.

Но среди общего опьянения Каи-Куму не терял головы. Он дал этой кровавой оргии достигнуть своей кульминационной точки, после чего она постепенно затихла, и обряд погребения был закончен в установленном порядке. Трупы Кара-Тете и его супруги подняли и, по новозеландскому обычаю, посадили так, что колени были подобраны к животу, а на них положены руки. Наступило время предать мертвецов земле, но не окончательно, а до тех пор, пока тело не истлеет и не останутся одни кости.

Место для могилы было выбрано вне крепости, милях в двух от нее, на вершине небольшой горы Маунганаму, поднимавшейся на правом берегу озера.

Туда-то должны были перенести тела вождя и его супруги. К земляной насыпи, где находились эти тела, принесли два первобытных паланкина, или, проще говоря, носилки. На них посадили оба трупа, укрепив их лианами. Четыре воина подняли эти носилки и двинулись к месту погребения в сопровождении всего племени, снова затянувшего свой похоронный гимн.

Пленники, продолжавшие находиться под бдительным надзором стражи, видели, как похоронная процессия вышла из-за первой ограды, после чего пение и крики стали мало-помалу затихать.

С полчаса это мрачное шествие, двигавшееся в глубине долины, не было видно пленникам, а затем оно снова показалось на извилистой тропе, поднимавшейся в гору. Волнообразное движение этой

длинной, змеящейся колонны издали казалось каким-то призрачным.

Племя остановилось на высоте восьмисот футов, на вершине Маунганаму, у того места, где была приготовлена могила для погребения Кара-Тете.

Если бы хоронили простого маори, то ему довольно было бы и ямы, засыпанной потом камнями. Но для могучего, грозного вождя, которому, без сомнения, в недалеком будущем предстояло быть возведенным в сан божества, племя позаботилось приготовить могилу, достойную его подвигов.

Могила была огорожена частоколом, а у самой ямы, где должны были покоиться тела вождя и его супруги, виднелись колья; они были украшены изображениями, окрашенными охрой. Родственники погребаемых не забыли о том, что вайдуа — дух умершего — нуждается в пище так же, как и тело во время его преходящей жизни. Поэтому у могилы вместе с оружием и одеждой покойного были положены и разные съестные припасы.

Таким образом, у мертвого вождя имелось в могиле все, что нужно было для его комфорта. Оба супруга были положены рядом, а затем, после новых воплей, их засыпали землей и цветами. Покончив с этим, процессия в глубоком молчании спустилась с горы. Отныне никто, под страхом смертной казни, не смел взойти на Маунганаму, ибо на нее было наложено табу, так же как когда-то на гору Тонгариро, на вершине которой покоятся останки вождя, погибшего в 1846 году во время землетрясения.

Глава XIII

Последние часы

Пленники были отведены обратно в тюрьму к тому времени, когда солнце скрывалось за вершинами гор, по ту сторону озера Таупо. Несчастливым предстояло выйти из нее тогда, когда вершины горной цепи окрасятся первыми лучами солнца.

Это была их последняя ночь перед смертью. Несмотря на изнеможение, несмотря на переживаемый ими ужас, они сели поужинать вместе.

— Нам нужны силы, чтобы смело взглянуть в глаза смерти, — проговорил Гленарван. — Надо показать этим дикарям, как умеют умирать европейцы.

После ужина Мэри Грант и Элен, отойдя в уголок хижины, улеглись там на циновке. Благодетельный сон, заставляющий на время забыть всякое горе, сомкнул их глаза. Сломленные усталостью и бессонными ночами, несчастные женщины заснули, прижавшись друг к другу. Гленарван, отведя своих друзей в сторону, сказал им:

— Дорогие товарищи, если завтра нам суждено умереть, я уверен, что мы сумеем умереть мужественно, с сознанием, что мы стремились к благородной цели. Но дело в том, что здесь нас ждет не только смерть, но и пытка, бесчестие, быть может, и эти две женщины...

Твердый до тех пор голос Гленарвана дрогнул. Он замолчал, чтобы справиться со своим волнением.

— Джон, — обратился он через минуту к молодому капитану, — ведь вы обещали Мэри то же, что я обещал Элен. Как же вы решили поступить?

— Мне кажется, я имею право выполнить это обещание, — ответил Джон Манглс.

— Да, Джон, но ведь у нас с вами нет оружия.

— Одно есть, — промолвил молодой капитан, показывая кинжал, — я вырвал его из рук Кара-Тете в ту минуту, когда этот дикарь свалился у ваших ног. И пусть, сэр, тот из нас, кто останется жив, выполнит желание вашей жены и Мэри Грант.

После этих слов воцарилось глубокое молчание. Его нарушил майор.

— Друзья мои, — сказал он, — приберегите это крайнее средство на самую последнюю минуту. Я не сторонник непоправимых поступков.

— Говоря это, я не имел в виду нас, мужчин, — ответил Гленарван. — Какая бы ни ждала нас смерть, мы сумеем без страха встретить ее. Ах, если бы мы были одни, я уже двадцать раз крикнул бы вам: «Друзья, попытаемся прорваться! Нападем на этих негодяев!». Но жена моя, но Мэри...

Джон Манглс приподнял циновку и стал считать маорийцев, стороживших дверь храма. Их было двадцать пять. Они развели большой костер, бросавший зловещие отблески на площадь, хижины и изгороди па. Некоторые из этих дикарей лежали вокруг костра, другие стояли неподвижно, вырисовываясь резкими черными силуэтами на фоне яркого пламени. Но все они то и дело глядели на хижину, наблюдать за которой им было поручено.

Говорят, что у узника, задумавшего бежать, больше шансов на успех, чем у стерегущего его тюремщика. И в самом деле, узник здесь более заинтересован, чем тюремщик. Тюремщик может забыть, что он поставлен стеречь, — узник не может забыть, что его стерегут. Узник чаще думает о побеге, чем его

страж о том, как помешать ему бежать. Отсюда частые и поразительные побеги.

Но здесь за нашими узниками наблюдал не равнодушный тюремщик — их стерегли ненависть и жажда мести. Если пленников не связали, то только потому, что узы были бы здесь лишними, раз двадцать пять человек сторожили единственный выход из храма.

Эта постройка, примыкавшая к той скале, которой завершалась крепость, была доступна лишь со стороны ее входа. Отсюда узкая полоса земли вела на площадь па. Две боковые стены хижины поднимались над отвесными скалами, под которыми зияла пропасть футов в сто глубиной. Спуститься здесь было невозможно. Немыслимо было убежать и через заднюю стену, ибо она упиралась в огромную скалу. Единственным выходом являлась дверь храма, открывавшаяся на ту узкую полосу земли, которая, подобно подъемному мосту, соединяла его с площадью па. Но здесь на страже стояли маори. Итак, бегство было невозможно. Гленарван, исследовав чуть ли не в двадцатый раз стены своей тюрьмы, принужден был признать это.

Но как ни мучительны были часы этой ночи, они все же шли один за другим. Горы погрузились в непроницаемый мрак. На небе не видно было ни луны, ни звезд. Порой над па, сотрясая сваи святилища, проносились порывы ветра. Они на миг раздували костер маори, и отблески его пламени озаряли мимолетным светом внутренность храма и сидевших в нем узников. Несчастные были погружены в свои предсмертные думы. Мертвая тишина царила в хижине.

Около четырех часов утра внимание майора привлек какой-то шорох, казалось доносившийся из-за задней стены, примыкавшей к скале.

Сначала Мак-Наббс не придавал этому шороху значения, но так как он не прекращался, майор стал прислушиваться, а затем, заинтересовавшись им, даже припал ухом к земле, чтобы яснее его расслышать. Ему показалось, что кто-то за стеной скребет, роет землю.

Когда Мак-Наббс убедился, что слух не обманывает его, он тихо подошел к Гленарвану и Джону Манглсу и, оторвав их от мучительных дум, увел обоих в глубину хижины.

— Прислушайтесь, — проговорил он шопотом, знаком показывая им, что надо нагнуться.

Скобление слышалось все явственнее. Уже можно было различить, как под нажимом какого-то острого орудия скрипели и скатывались вниз камешки.

— Какой-нибудь зверь роет нору, — сказал Джон Манглс.

Гленарван вдруг ударил себя по лбу.

— Как знать, — сказал он, — а вдруг это человек!

— А вот мы сейчас выясним, человек это или животное, — отозвался майор.

Здесь к ним подошли Вильсон и Олбинет, и они вчетвером принялись подкапываться под стену: Джон Манглс работал кинжалом, другие же — вырванными из земли камнями или просто руками. Мюльреди, растянувшись на полу и приподняв циновку, наблюдал за группой туземцев.

Дикари, неподвижно сидя вокруг костра, и не подозревали о том, что происходило в двадцати шагах от них.

Земля, над которой приходилось пленникам работать, была рыхлая, а под ней залегал кремнистый туф. Поэтому, несмотря на отсутствие инструментов, яма быстро углублялась. Вскоре стало очевидно, что какой-то человек или несколько человек роют подкоп в хижину. С какой целью они это делали? Знали ли они о том, что здесь находятся пленники, или тут был с их стороны какой-то личный интерес?

Пленники удвоили усилия. Кровь сочилась из их пальцев, но они все рыли и рыли. Через полчаса они

уже вырыли яму в полсажени глубиной. Шорох с той стороны доносился все отчетливее: ясно было, что работавших отделял друг от друга лишь тонкий слой земли. Прошло еще несколько минут — и вдруг майор отдернул свою руку, пораненную каким-то острым лезвием. Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Джон Манглс отклонил лезвием своего кинжала нож, показавшийся из земли, и схватил руку, которая держала его. То была рука женщины или ребенка, рука европейца!

Ни с той, ни с другой стороны не было произнесено ни слова. Очевидно, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы сохранить молчание.

— Уж не Роберт ли это? — прошептал Гленарван. Как ни тихо произнес он это имя, но Мэри Грант, разбуженная происходившим вокруг нее движением, сейчас же проскользнула к Гленарвану и, схватив эту всю перепачканную землей руку, осыпала ее поцелуями.

— Ты! Ты! — шептала девушка. (Как могла она не узнать этой детской руки!) — Ты, мой Роберт!

— Да, сестричка, это я, — слышался голос Роберта. — Я здесь, чтобы всех вас спасти. Но тише!

— Храбрый мальчик!.. — повторял Гленарван.

— Наблюдайте за дикарями у входа, — снова донесся голос юного Гранта.

Мюльреди, оставивший было свой наблюдательный пост из-за появления мальчугана, снова вернулся к своим обязанностям.

— Все в порядке, — промолвил он, — только четыре человека на страже. Остальные спят.

— Смелей! — отозвался Вильсон.

В одну минуту отверстие было расширено, и Роберт из объятий сестры попал в объятия Элен. Вокруг пояса у него была закручена длинная веревка из формиума.

— Мальчик, мой мальчик, — шептала Элен, — как эти дикари не убили тебя!

— Не убили. Уж сам не знаю, каким образом мне удалось во время общего смятения ускользнуть от их взоров. Я выбрался из крепости и два дня скрывался в кустарниках. Ночью бродил. Мне хотелось увидеть вас. В то время, когда все племя было занято погребением вождя, я осмотрел ту сторону крепости, на которой находится ваша тюрьма, и увидел, что смогу добраться до вас. Я стащил из какой-то пустой хижины этот нож и веревку и стал карабкаться к вам, хватаясь за пучки трав и ветки кустов. К счастью, в скале, на которой стоит эта хижина, оказалось нечто вроде пещеры, и оттуда мне осталось прокопать всего несколько футов в рыхлой земле, чтобы добраться до вас. И вот я с вами!

Двадцать поцелуев послужили безмолвным ответом на слова Роберта.

— Идем! — сказал он решительным тоном.

— А Паганель внизу? — спросил Гленарван.

— Господин Паганель? — с удивлением переспросил Роберт.

— Да. Он ждет нас?

— Да нет, сэр. Разве господин Паганель не с вами?

— Его здесь нет, Роберт, — ответила Мэри Грант.

— Как, ты его не видел? — спросил Гленарван. — Значит, вы не встретились среди смятения? Не убежали вместе?

— Нет, сэр, — ответил мальчик, удрученный известием об исчезновении своего друга Паганеля.

— Идем! — сказал майор. — Нельзя терять ни минуты. Где бы ни был Паганель, все же он не может

быть в худшем положении, чем мы здесь. Идем!

Действительно, каждая минута была драгоценна. Нужно было спастись бегством. К счастью, побег не представлял больших трудностей, если не считать почти вертикального двадцатифутового обрыва, ожидавшего их по выходе из пещеры. Дальше до самого подножия горы спуск был не слишком крут. Оттуда пленники могли быстро добраться до тянувшихся внизу долин. Маори же, заметь они бегство европейцев, принуждены были бы в погоне за ними проделать длинный путь в обход, так как они не знали о проходе, вырытом между хижинной и склоном горы.

Побег начался. Были приняты все нужные меры предосторожности. Пленники один за другим пробрались через узкий проход и очутились в пещере. Джон Манглс, прежде чем покинуть святилище, уничтожил все следы произведенной работы, а затем и сам скользнул в отверстие, закрыв его потом циновкой, что делало проход совершенно незаметным.

Теперь надо было спуститься с отвесной скалы. Спуск этот был бы неосуществим, не принеси с собой Роберт веревку из формиума. Ее размотали, один конец прикрепили к выступу скалы, а другой опустили вниз. Джон Манглс, прежде чем предоставить своим друзьям ввериться этой скрученной из волокон формиума веревке, испробовал ее. Она показалась ему не особенно крепкой. Приходилось быть осмотрительным: падение с такой высоты могло оказаться смертельным.

— Эта веревка, по-моему, не может выдержать больше двух человек, — сказал он. — Значит, надо действовать сообразно с этим. Я предложил бы мистеру Гленарвану спуститься первым с миссис Элен. Когда они будут у подошвы скалы, пусть три раза дернут за веревку — этим они дадут знать, что за ними могут спускаться и другие.

— Первым спущусь я, — заявил Роберт. — Я нашел внизу глубокую впадину, в которой могут спрятаться те, кто спустятся первыми.

— Отправляйся, дитя мое, — промолвил Гленарван, пожимая руку Роберту.

Мальчик скрылся. Через минуту троекратное подергиванье веревки дало знать, что он благополучно спустился. Гленарван и Элен тотчас вышли из пещеры. Было еще очень темно, но вершины гор, поднимавшихся на востоке, начали чуть-чуть сереть.

Резкий утренний холодок подбодрил молодую женщину, и она почувствовала прилив сил. Первым стал спускаться Гленарван, за ним Элен. Оба они благополучно достигли земли. Отсюда Гленарван, поддерживая жену, начал спускаться вниз по склону горы. Он нащупывал пучки травы, кустики и, испытывая их прочность, ставил на них ногу Элен. Взлетели с криком какие-то внезапно разбуженные птицы. Беглецы вздрагивали, когда сорвавшийся из-под их ноги камень с шумом катился до подножия горы.

Гленарван с женой уже спустились до половины склона, как вдруг из пещеры послышался тихий голос Джона Манглса:

— Остановитесь!..

Гленарван, уцепившись одной рукой за куст, а другой поддерживая жену, замер на месте.

Тревогу поднял Вильсон. Услышав какие-то звуки на площади перед хижинной, он вернулся в храм и, приподняв циновку, стал наблюдать за маори. По его знаку Джон Манглс остановил Гленарвана. Оказалось, что один из воинов, уловив какой-то смутный, необычный шорох, встал и подошел к хижине. Стоя в двух шагах от нее, маори, склонив голову, прислушивался. В такой позе он простоял с минуту, показавшуюся Вильсону часом. Затем, тряхнув головой, как человек, который ошибся, туземец вернулся к своим товарищам, поднял с земли охапку хвороста и подбросил ее в полупотухший костер. Огонь сразу запылал и осветил лицо воина; на нем уже не осталось ни следа озабоченности. Поглядев на первые

проблески зари, белевшие на горизонте, он улегся у костра, чтобы согреть свои продрогшие члены.

— Все в порядке, — тихо проговорил Вильсон, вернувшись в пещеру.

Джон знаком показал Гленарвану, что можно продолжать спуск, и вскоре и Гленарван и Элен очутились на узенькой тропинке, где их ждал Роберт.

Снова трижды дернулась веревка, а затем пустились в опасный путь Джон Манглс и Мэри Грант.

Они так же удачно достигли земли и вскоре встретились с Гленарванами в указанном Робертом углублении.

Через каких-нибудь пять минут все беглецы, счастливо выбравшись из храма, уже покинули свое временное убежище. Стремясь удалиться от заселенных берегов озера, они двигались по узким тропинкам в самую глубь гор. Шли они быстро, стараясь, по возможности, избегать тех мест, где кто-нибудь мог их увидеть. Безмолвно, словно тени, скользили они между кустами. Куда шли они? Куда глаза глядят, но все же они были свободны.

Около пяти часов начало светать. Тянувшиеся высоко в небе облака приняли голубоватый оттенок. Вершины гор очищались от утреннего тумана. Вскоре должно было показаться дневное светило, и его появление, вместо того чтобы послужить сигналом к казни, теперь должно было обнаружить бегство осужденных.

Поэтому беглецам следовало во что бы то ни стало находиться уже вне досягаемости дикарей до наступления этого рокового момента. Но подвигались они вперед довольно медленно, так как тропинки были круты. Гленарван не вел, а скорее нес свою жену. Мэри Грант опиралась на руку Джона Манглса. Роберт, счастливый, торжествующий, радуясь успеху своего предприятия, шел впереди. Оба матроса замыкали шествие.

Еще полчаса — и из-за туманного горизонта должно было появиться лучезарное светило.

Эти полчаса беглецы шли наугад: ведь с ними не было Паганеля, всегда направлявшего их на верный путь, Паганеля, отсутствие которого так их тревожило и набрасывало мрачную тень на их счастье. Все же они старались, по возможности, двигаться на восток, навстречу разгоравшейся чудесной заре. Вскоре они уже достигли высоты пятисот футов над озером Таупо. Здесь утренний холод особенно давал себя чувствовать. Перед беглецами вырисовывались неясные контуры холмов и громоздившихся над ними гор. Но Гленарван желал только одного — затеряться в них. А там, позднее, говорил он себе, видно будет, как выбраться из этого горного лабиринта.

Наконец появилось солнце и озарило своими первыми лучами беглецов.

Вдруг раздался ужасающий вой — в него слились вопли сотни глоток. Они неслись из крепости, местонахождение которой Гленарван не совсем ясно себе представлял; к тому же густой туман еще скрывал простирившиеся внизу долины.

Беглецы поняли, что их исчезновение обнаружено. Удастся ли им ускользнуть от погони? Заметили ли их туземцы? Не выдадут ли их следы?

В эту минуту клубившийся внизу туман поднялся кверху, на минуту окутал беглецов влажным облаком, и они увидели в трехстах футах под собой яростную толпу туземцев. Они видели, но и их увидели. Снова раздались завывания, к ним присоединился лай собак, и все племя, тщетно попытавшись перебраться через скалу, где стояла хижина, бросилось из крепости и помчалось по кратчайшим тропинкам в погоню за узниками, убегавшими от их мест.

Глава XIV

Гора, на которую наложено табу

Беглецы находились еще футах в ста от вершины горы. Им важно было добраться до этой вершины, чтобы скрыться за ней от взоров маори. А там они надеялись по какому-нибудь удобопроходимому горному гребню пробраться до одной из ближайших к ним вершин горной цепи, столь запутанной, что, пожалуй, только бедный Паганель, будь он с ними, смог бы в ней разобраться.

Угрожающие вопли слышались все ближе, и беглецы, насколько могли, ускоряли шаг. Надвигавшаяся ватага уже подбегала к подошве горы.

— Смелее! Смелее, друзья! — кричал Гленарван, подбадривая своих товарищей словом и жестом.

Менее чем в пять минут беглецы достигли вершины горы. Здесь они огляделись по сторонам, чтобы иметь возможность ориентироваться и выбрать такое направление, следуя которому они могли надеяться сбить с толку маори.

На западе перед глазами беглецов среди живописной рамки из гор расстиралось озеро Таупо. На севере поднимались вершины Пиронгии, на юге — огнедышащий кратер Тонгариро. На востоке же взоры упирались в преграду из гор, смыкавшихся с Вахити, этой большой горной цепью, которая тянется через весь северный остров, от пролива Кука до Восточного мыса. Итак, надо было спуститься по противоположному склону и углубиться в узкие ущелья, из которых, быть может, даже не было выхода.

Гленарван тревожно огляделся. Под лучами солнца туман рассеялся, и ему были видны малейшие неровности почвы. Ни одно движение дикарей не ускользало от его взора.

Туземцы были менее чем в пятистах футах от беглецов, когда последние добрались до вершины.

Гленарван понимал, что нельзя было останавливаться ни на минуту. Как ни были они утомлены, а приходилось бежать, чтобы не попасться в руки преследователей.

— Будем спускаться! — воскликнул он. — Нужно спуститься прежде, чем нам будет отрезан путь!

Бедные женщины через силу поднялись на ноги. Мар Наббс остановил их.

— Это излишне, Гленарван, — сказал он: — взгляните.

И действительно, в поведении туземцев произошло непонятное изменение. Погоня вдруг прекратилась, как будто приступ горы был отменен чьим-то властным приказом. Ватага туземцев внезапно остановилась, как морские волны у непреодолимого утеса.

Все эти жаждавшие крови дикари, столпившись у подошвы горы, вопили, жестикулировали, размахивали ружьями и топорами, но не двигались вперед ни на шаг. Их собаки, словно вросшие в землю, подобно им самим, оглашали воздух бешеным лаем.

Что же произошло? Какая невидимая сила удерживала туземцев? Беглецы глядели, ничего не понимая, боясь, как бы племя Каи-Куму вдруг не сбросило с себя сковавшие его чары.

Вдруг у Джона Манглса вырвался крик. Его товарищи оглянулись. Он указал им рукой на маленькую крепость, высившуюся на самой верхушке горы.

— Да ведь это могила вождя Кара-Тете! — воскликнул Роберт.

— Так ли это, Роберт? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, это действительно его могила, я узнаю ее...

Мальчик не ошибался. Футах в пятидесяти над ними у края вершины виднелась свежевыкрашенная ограда. Тут уже и Гленарван узнал могилу новозеландского вождя. Счастливый случай привел беглецов на вершину Маунганаму.

Гленарван и его спутники поднялись к могиле вождя. Широкий вход в ограду был завешен циновками. Гленарван хотел было войти, но вдруг быстро подался назад.

— Там дикарь, — проговорил он.

— Дикарь у этой могилы? — спросил майор.

— Да, Мак-Наббс.

— Что из этого! Войдем.

Гленарван, майор, Роберт и Джон Манглс проникли за ограду. Там действительно сидел маори в длинном плаще из формиума. Тень от ограды мешала разглядеть черты его лица. Он, казалось, был очень спокоен и завтракал с самым беззаботным видом.

Гленарван собирался заговорить с ним, но туземец, опередив его, любезно сказал на чистейшем английском языке:

— Садитесь, дорогой сэр! Завтрак ждет вас.

То был Паганель. Услышав его голос, все бросились к милейшему географу и стали обнимать его. Паганель нашелся! Беглецы видели в этом залог своего спасения. Каждому не терпелось начать расспрашивать его, каждому хотелось узнать, каким образом и почему очутился он на вершине Маунганаму, но Гленарван пресек одним словом это несвоевременное любопытство.

— Дикари! — сказал он.

— Дикари! — повторил, пожимая плечами, Паганель. — Вот уж, могу сказать, личности, которыми я совершенно пренебрегаю.

— Но разве они не могут...

— Они-то! Эти болваны? Идемте, взгляните на них.

Все пошли за Паганелем. Новозеландцы находились на том же месте, у подошвы горы, и издавали ужасающие вопли.

— Кричите! Завывайте! Надсаживайтесь! — сказал Паганель. — Попробуйте-ка, взберитесь на эту гору!

— А почему им не взобраться на нее? — спросил Гленарван.

— Да потому, что на ней похоронен вождь, потому что на гору наложено табу!

— Табу!

— Да, друзья мои! И вот почему я сам забрался сюда, как в одно из тех убежищ, где несчастные находили себе безопасный приют в средние века.

Действительно, гора была табуирована и поэтому стала недоступной для суеверных дикарей.

Это еще не было для беглецов спасением, но, во всяком случае, было благодетельной передышкой, которую можно было использовать. Гленарван, охваченный невыразимым волнением, не в силах был произнести ни слова; майор с довольным видом покачивал головой.

— А теперь, друзья мои, — сказал Паганель, — если эти скоты рассчитывают поупражнять на нас свое терпение, они жестоко ошибаются — не пройдет и двух дней, как мы будем вне их досягаемости.

— Мы убежим! — сказал Гленарван. — Но как?

— Этого я еще пока не знаю, но все же мы убежим, — ответил Паганель.

Тут все пристали к географу с просьбой рассказать о его приключениях. Но странная вещь: на этот раз у словоохотливого ученого пришлось прямо вытягивать каждое слово. Он, такой любитель рассказывать, давал на вопросы своих друзей неясные, уклончивые ответы.

«Подменили моего Паганеля», — подумал Мак-Наббс.

В самом деле, в почтенном ученом произошла какая-то перемена: он усердно кутался в свою огромную шаль из формиума и, казалось, стремился избегать любопытных взглядов. Ни от кого из присутствующих не укрылось то обстоятельство, что географ смущался, когда какой-либо вопрос касался его лично, но из деликатности все делали вид, что не замечают этого. Впрочем, как только разговор отклонялся от личности Паганеля, к нему тотчас же возвращалась его обычная веселость.

Что же касается его приключений, то вот чем нашел возможным поделиться географ со своими товарищами, когда все они уселись вокруг него у ограды.

После убийства Кара-Тете Паганель, как и Роберт, воспользовался смятением туземцев и выбрался из па. Но ему менее посчастливилось, чем юному Гранту: он угодил в другое становище маори. Вождем здесь был человек высокого роста, с умным лицом, гораздо более развитой, чем все его воины. Он говорил на правильном английском языке и приветствовал географа, потершился о его нос кончиком своего носа.

Сначала Паганель не мог понять, в плену он или нет, но вскоре, видя, что вождь любезно, но неотступно следует за ним по пятам, он сообразил, как обстоит дело.

Вождь этот, по имени Хихи, что значит «луч солнца», оказался человеком не злым. Видимо, очки и подзорная труба географа ставили на недосягаемую высоту Паганеля, и Хихи решил привязать его к себе — притом не только хорошим обращением, но и крепкими веревками из формиума.

Так продолжалось три долгих дня. На вопрос, хорошо или плохо обращались с ним в это время, географ ответил: «И да и нет», не вдаваясь в дальнейшие подробности. Словом, он был пленником, но положение его казалось лучше положения его несчастных друзей только потому, что ему не предстояла немедленная казнь.

К счастью, однажды ночью он умудрился перегрызть свои веревки и убежать. Издали видел он, как происходило погребение Кара-Тете на вершине Маунганаму; он знал, что тем самым на гору налагалось табу. Не желая: покинуть край, где были в плену его друзья, Паганель решил искать убежища на табуированной горе. Ему удалось выполнить этот опасный замысел. В прошлую ночь он добрался до могилы Кара-Тете и здесь, «восстанавливая свои силы», ждал, не освободит ли какой-нибудь счастливый случай его друзей.

Таков был рассказ Паганеля. Не умолчал ли он намеренно о каких-нибудь обстоятельствах своего пребывания у туземцев? Смущение географа не раз наводило его слушателей на такое предположение. Но как бы то ни было, все они единодушно поздравили Паганеля со счастливым избавлением.

Тут, покончив с прошлым, занялись настоящим. Положение беглецов продолжало оставаться чрезвычайно опасным. Правда, туземцы не решались взобраться на вершину Маунганаму, но они рассчитывали снова захватить в свои руки пленников с помощью голода и жажды. Вопрос был только во времени, а дикари умеют быть терпеливыми.

Гленарван не скрывал от себя трудностей положения. Но он решил выжидать благоприятных обстоятельств, а в крайнем случае — создать их. Прежде всего он задался целью тщательно осмотреть Маунганаму, свою импровизированную крепость: не для того, чтобы защищать ее — ведь приступа бояться не приходилось, — а для того, чтобы выбраться из нее. Поэтому Гленарван вместе с майором, Джоном Манглсом, Робертом и Паганелем произвели тщательное обследование горы: были обследованы все имевшиеся тропинки, их направление и склоны горы. Горный гребень длиной в милю, соединявший Маунганаму с горной цепью Вахити, шел, понижаясь, к равнине. Этот гребень, узкий и причудливо извилистый, представлял собой единственно доступную дорогу в случае бегства. Если бы беглецы под прикрытием ночи пробрались этим путем незамеченными, им, быть может, и удалось бы, ускользнув от маорийских воинов, достигнуть глубоких долин гор Вахити.

Но дорога эта представляла немало опасностей. В нижней своей части она была доступна ружейным выстрелам, а под перекрестным огнем стерегущих внизу никто не смог бы пробраться безнаказанно.

Когда Гленарван и его друзья отважились ступить на опасный участок гребня, воины приветствовали их градом пуль, ни одна из которых не попала в них. Ветер донес к ним несколько пыжей. Они были сделаны из какой-то печатной бумаги. Паганель подобрал из любопытства пыжи и, расправив бумагу, не без труда разобрал то, что на ней было напечатано.

— Каково! — воскликнул он. — Знаете, друзья мои, чем они набивают свои ружья?

— Не знаем, Паганель, — ответил Гленарван.

— Страницами, вырванными из библии! Признаться, жаль мне миссионеров, просвещающих этих маори. Нелегко им будет создать маорийские библиотеки.

Гленарван и его спутники стали подниматься по крутым тропинкам, ведущим на вершину горы: они хотели обследовать могилу вождя. Взбираясь, они с удивлением заметили, что земля под их ногами время от времени вздрагивает тем длительным подрагиванием, которое можно наблюдать, глядя на стенки котла, где кипит вода. Очевидно, в недрах горы скопилось большое количества паров, образовавшихся там под действием подземного огня.

Это своеобразное явление не могло удивить людей, недавно пльвших между горячими ключами Вайкато. Им было известно, что центральная область Ика-на-Мауи особенно подвержена землетрясениям. Это настоящее сито, через скважины которого выбиваются наружу горячие ключи и серные пары.

Паганель, уже раньше наблюдавший гору Маунганаму, обратил внимание своих спутников на ее вулканическую природу. По мнению географа, Маунганаму являлась одной из тех многочисленных конусообразных гор центральной части острова, которым в будущем предстояло стать вулканами. Какое-нибудь даже незначительное механическое воздействие легко могло вызвать образование кратера в ее почве из беловатого кремнистого туфа.

— Пусть так, — заметил Гленарван, — но все же мы здесь не в большей опасности, чем близ парового котла «Дункана». Ведь земная кора по крепости не уступит листовому железу.

— Согласен, — отозвался майор, — но самый лучший паровой котел от слишком долгого употребления все же в конце концов лопается.

— Но я вовсе не стремлюсь бесконечно оставаться на этой горе, Мак-Наббс! — возразил Паганель. — Укажите мне возможный для нас путь, и я тотчас же покину ее.

— Ах, почему эта Маунганаму сама не может унести нас, раз в недрах ее заключается такая колоссальная механическая сила! — воскликнул Джон Манглс. — Здесь, под нашими ногами, заключены, быть может, целые миллионы лошадиных сил, которые пропадают неиспользованными. «Дункану»

хватило бы тысячной доли их, чтобы увезти нас на конец света!

Это напоминание о «Дункане» навеяло на Гленарвана самые грустные мысли. Как ни было тяжело его собственное положение, он нередко забывал о нем, горюя об участи своей команды.

Добравшись до вершины Маунганаму, где находились остальные его спутники, Гленарван все еще был погружен в эти печальные думы. Элен, завидев мужа, тотчас пошла ему навстречу.

— Дорогой Эдуард, — сказала она, — выяснили ли вы наше положение? Надеяться ли нам или страшиться?

— Будем надеяться, дорогая Элен, — ответил Гленарван. — Дикари не посмеют вступить на склоны горы, и у нас будет достаточно времени, чтобы обдумать план бегства.

— А теперь — в могилу! — весело крикнул Паганель. — Ведь это наша крепость, наш замок, наша столовая, наш рабочий кабинет. Там никто нам не помешает. Миссис Элен и мисс Грант, разрешите мне оказать вам гостеприимство в этой прелестной обители.

Все пошли за милейшим Паганелем. Когда дикари увидели, что беглецы снова собираются осквернить своим присутствием могилу, на которую наложено табу, они дали по ним множество выстрелов и разразились ужасающими воплями, причем последние были едва ли не громче первых. Но, к счастью, пули не долетали так далеко, как крики: они не пролетели и половины горы, а вопли затерялись в пространстве.

Элен, Мэри Грант и их спутники, видя, что суеверие маори превосходит даже их злобу, вошли успокоенные за ограду могилы.

Это место погребения новозеландского вождя было огорожено частоколом, окрашенным в красную краску. Символические фигуры, настоящая татуировка по дереву повествовали о высоком положении и славных подвигах покойного. На столбах качались подвешенные амулеты из раковин и обточенных камней. Внутри ограды земля была покрыта ковром зеленых листьев. Невысокий холмик, поднимавшийся посередине, указывал на то, что в этом месте недавно была вырыта могила.

Кругом было разложено оружие вождя: заряженные ружья, копье, великолепный топор из зеленого нефрита. Тут же находился запас пуль и пороха, нужных, по верованию дикарей, Кара-Тете для охоты в «вечной жизни».

— Вот целый арсенал, который мы используем лучше, чем покойный! — сказал Паганель. — Что за удачная мысль у этих дикарей брать с собой оружие на тот свет!

— Э, да это ружья английского образца! — промолвил майор.

— Несомненно, — отозвался Гленарван. — И надо признаться, что принятый обычай дарить дикарям огнестрельное оружие довольно-таки нелеп. Те потом пускают его в ход против завоевателей, и они правы. Нам же эти ружья, во всяком случае, смогут принести пользу.

— А что будет нам еще полезнее, — прибавил Паганель, — так это съестные припасы и вода, предназначенная для Кара-Тете.

И в самом деле, родичи и друзья покойного расщедрились. Количество продовольствия свидетельствовало о том уважении, которое они питали к высоким качествам вождя. Съестных припасов могло хватить десяти человекам на полмесяца, а покойному вождю — и на целую вечность. Пища эта была растительная и состояла из папоротника, сладкого патата и картофеля, давно уже ввезенного в Новую Зеландию европейцами. Объемистые сосуды заключали в себе чистую воду, обычно употребляемую новозеландцами во время еды. Здесь же виднелась дюжина искусно сплетенных корзин, наполненных

плитками какой-то зеленой камеди, неизвестной нашим путешественникам.

Итак, наши беглецы были обеспечены пищей и питьем по меньшей мере на несколько дней. Они отнюдь не заставили себя долго просить и начали разбирать припасы вождя.

Гленарван отобрал нужные для его спутников продукты и передал их мистеру Олбинету. Стюард, оставшийся взыскательным мастером своего дела даже при самых тяжелых обстоятельствах, нашел меню обеда несколько скудным. К тому же он не имел ни малейшего представления о способе приготовления этих кореньев, и в его распоряжении не было огня.

Но Паганель вывел его из затруднения, посоветовав ему просто закопать папоротник и патат в землю. В самом деле, температура верхнего слоя земли была очень высока, и если бы воткнуть в почву термометр, он, наверно, показал бы от шестидесяти до шестидесяти пяти градусов тепла.

Мистер Олбинет даже чуть не обварился, ибо в тот момент, когда он рыл яму, чтобы положить в нее свои корни, оттуда вырвался столб пара и взлетел с свистом на целую сажень.

Стюард в ужасе упал навзничь.

— Заверните кран! — крикнул майор и, подбежав с двумя матросами к яме, засыпал ее с их помощью валявшимися вблизи кусками пемзы.

Между тем Паганель, с каким-то странным видом наблюдавший это явление, бормотал:

— Так... так... А почему бы и нет?

— Вас не обожгло? — спросил майор Олбинета.

— Нет, мистер Мак-Наббс, — ответил стюард, — но я, право, не ожидал...

— ...такой удачи! — воскликнул весело Паганель. — Оказывается, здесь имеется не только пища и вода Кара-Тете, но и огонь в земле. Да, эта гора — настоящий рай! Я предлагаю основать здесь колонию, заняться обработкой земли и жить здесь до конца наших дней. Мы будем робинзонами горы Маунганаму! Поистине, я тщетно ищу, чего нам еще не хватает на этой уютной вершине!

— Ничего, если только она прочна, — отозвался Джон Манглс.

— Ну! Не со вчерашнего же дня она создана, — возразил Паганель. — Она уже с давних времен оказывает сопротивление действию подземного огня и до нашего ухода, конечно, выдержит.

— Завтрак подан, — объявил мистер Олбинет таким торжественным тоном, словно он отправлял свои обязанности в Малькольм-Кэстле.

Беглецы, усевшись у ограды, тотчас принялись за еду; провидение неукоснительно посылало им пищу при самых тяжелых обстоятельствах.

Путешественники не выказали особой разборчивости в отношении выбора блюд, но мнения о съедобном папоротнике все же разделились. Одни находили, что он сладок и приятного вкуса, другим же он казался каким-то слизистым, совершенно безвкусным и удивительно жестким. Зато сладкий патат, испеченный в горячей почве, оказался превосходным.

Когда голод был утолен, Гленарван предложил немедленно же заняться обсуждением плана бегства.

— Уже? — жалобным тоном воскликнул Паганель. — Как, вы собираетесь так скоро покинуть это место наслаждений?

— Допустим, что мы в Капуе, господин Паганель, — ответила Элен. — Но вы же знаете, что не следует подражать Ганнибалу[75].

— Миссис, — ответил географ, — я не позволю себе противоречить вам, и раз вы желаете обсуждать план бегства, будем обсуждать его.

— Прежде всего, — сказал Гленарван, — я считаю, что мы должны попытаться выбраться отсюда раньше, чем нас принудит к этому голод. Пока у нас есть силы, надо их использовать. Попробуем этой же ночью пробраться под защитой тьмы сквозь окружение туземцев в восточные долины.

— Чудесно, если только маори дадут нам пройти! — отозвался Паганель.

— Ну, а что, если они не дадут нам пройти? — спросил Джон Манглс.

— Тогда мы прибегнем к сильно действующим средствам, — ответил Паганель.

— Так у вас имеются сильно действующие средства? — заинтересовался майор.

— В таком количестве, что я даже не знаю, что с ними делать, — заявил географ, не вдаваясь ни в какие пояснения.

Оставалось ждать наступления ночи, чтобы попытаться тогда прорваться сквозь цепь маори.

Те не двигались с места. Казалось даже, что ряды их еще пополнились запоздавшими товарищами. Горящие там и сям костры образовали словно огненный пояс вокруг горы. Когда соседние долины погрузились во тьму, могло показаться, будто гора Маунганаму поднимается из колоссального костра, в то время как вершина ее терялась во мраке. Шестьюстами футами ниже слышались ропот, крики, шум вражеского бивуака.

В девять часов, когда на землю спустилась беспросветная тьма, Гленарван и Джон Манглс, прежде чем вести своих товарищей по столь опасному пути, решили сначала сами произвести разведку.

Они стали бесшумно спускаться и минут через десять были уже на узком горном гребне, пересекавшем неприятельскую цепь на высоте пятидесяти футов.

До сих пор все шло хорошо. Лежавшие вокруг костров маори, казалось, не замечали двух беглецов, и те продвинулись еще на несколько шагов дальше. Но вдруг слева и справа грянула ружейная пальба.

— Назад! — сказал Гленарван. — У этих разбойников кошачьи глаза и отменные ружья.

Гленарван и Джон Манглс тотчас поднялись обратно по крутому склону и вскоре получили возможность успокоить своих испуганных стрельбой друзей. Шляпа Гленарвана оказалась простреленной двумя пулями. Итак, отважиться идти по длиннейшему горному гребню между двумя рядами стрелков было немыслимо.

— До завтра, — молвил Паганель. — И раз мы не сможем обмануть бдительность этих туземцев, так уж разрешите мне преподнести им блюдо моего собственного изготовления.

Было довольно холодно. К счастью, Кара-Тете унес с собою в могилу свои лучшие ночные одежды и теплые одеяла из формиума. Беглецы без зазрения совести укутались в них, улеглись внутри ограды могилы и вскоре, охраняемые суеверием туземцев, уже спали спокойным сном на тепловатой земле, содрогавшейся от клопочущих внутри нее газов.

Глава XV

Сильно действующие средства Паганеля

На следующее утро, 17 февраля, спавшие на вершине Маунганаму беглецы были разбужены первыми лучами восходящего солнца. Маори давно уже бродили у подножия вершины, не переставая наблюдать за тем, что на ней происходит. Яростные крики встретили европейцев, как только те показались из оскверненной ими могилы. Выйдя из-за ограда, беглецы окинули взглядом окрестные горы, еще затянутые туманом глубокие долины, озеро Таупо, воды которого слегка рябил утренний ветерок. Затем, желая узнать новый план Паганеля, все окружили географа, вопросительно глядя на него.

Паганель не замедлил удовлетворить любопытство своих спутников.

— Друзья мои, — начал он, — в моем плане превосходно то, что если он не даст всех ожидаемых от него эффектов, если он даже потерпит неудачу, наше положение от этого все же не ухудшится. Но план этот должен удался, и он удался!

— А что это за план? — спросил Мак-Наббс.

— Вот мой план, — продолжал Паганель. — Суеверие туземцев создало нам из этого места убежище, и надо, чтобы это же суеверие помогло нам и выбраться из него. Если мне удастся уверить Каи-Куму, что мы пали жертвой нашего осквернения могилы, что над нами разразился гнев небесный — словом, что мы мертвы и погибли ужасной смертью, то не думаете ли вы, что Каи-Куму не замедлит покинуть подножие Маунганаму и вернуться в свое селение?

— В этом нет сомнения, — заявил Гленарван.

— А какой же ужасной смертью вы угрожаете нам? — поинтересовалась Элен.

— Смертью святотатцев, друзья мои, — ответил Паганель. — Карающее пламя у нас под ногами. Откроем же ему путь.

— Что! Вы хотите создать вулкан? — воскликнул Джон Мангле.

— Да, вулкан искусственный, вулкан импровизированный, ярость которого мы сами будем регулировать. Здесь, под нами, имеется огромное количество подземных паров и пламени, стремящихся вырваться наружу. Устроим же для нашего блага искусственное извержение!

— Хорошая мысль! — заметил майор. — Славно придумано, Паганель!

— Вы понимаете, — продолжал географ — мы притворимся, будто нас пожрало пламя новозеландского Плутона, а сами в это время скроемся в могиле Кара-Тете. Там мы пробудем дня три, четыре в даже пять, если это понадобится, — словом, пробудем до момента, когда дикари, убедившись в нашей гибели, откажутся от своего замысла разделаться с нами и удалятся.

— А что, если у них явится мысль собственными глазами убедиться в постигшей нас каре и они взберутся на вершину? — промолвила мисс Грант.

— Нет, дорогая Мэри, — ответил Паганель, — этого они не сделают. Ведь на гору наложено табу, а когда она сама истребит своих осквернителей, табу это будет иметь еще большую силу.

— Ваш план действительно хорошо задуман, — сказал Гленарван. — Он может не удался лишь при одном условии: если дикари будут упорно оставаться у подошвы Маунганаму, пока мы не окажемся без съестных припасов. Но это маловероятно, особенно если мы будем действовать с достаточной ловкостью.

— Когда же испытаем мы этот последний шанс на спасение? — спросила Элен.

— Сегодня же вечером, — ответил Паганель, — когда наступит самый глубокий мрак.

— Решено, — заявил Мак-Наббс, — Паганель, вы гениальны. Я человек обычно не увлекающийся, но тут и я ручаюсь за успех.

Итак, план Паганеля был принят, и действительно, если принять во внимание суеверие маори, он мог, он должен был удался. Оставалось лишь привести его в исполнение. Идея была хороша, но осуществить ее было не так-то легко. Не уничтожит ли вулкан смельчаков, прорывших ему кратер? Возможно ли будет совладать с этим извержением, регулировать его, когда пары, пламя и огненная лава буйно устремятся наружу? Не рухнет ли вся вершина в огненную бездну?

Паганель предвидел эти трудности, но он рассчитывал действовать осторожно, не доводя дело до крайности. Чтобы обмануть маори, нужна была только видимость извержения, а не грозная его реальность.

Каким длинным показался этот день! Каждый из путешественников отсчитывал его нескончаемые часы. Все было приготовлено для бегства. Съестные припасы могилы разделили между всеми беглецами в виде необременительных свертков. К ним присоединили ружья и несколько циновок из запасов вождя. Само собой разумеется, что эти приготовления делались втайне от дикарей, за оградой могилы.

В шесть часов вечера стюард подал сытный обед. Никто не мог бы сказать, где и когда встретится в долинах возможность подкрепить свои силы, и потому поели как следует. Основным блюдом явилось полдюжины крупных тушеных крыс — их поймал Вильсон. Элен и Мари Грант наотрез отказались отведать этой дичи, столь любимой в Новой Зеландии, но мужчины отдали ей честь, как настоящие маори. И в самом деле, мясо крыс оказалось превкусным, и от всех шести грызунов остались лишь обглоданные кости.

Наконец наступили сумерки. Солнце скрылось за густыми грозowymi тучами. У горизонта поблескивали молнии, а в глубине неба громыхал отдаленный гром.

Паганель был рад надвигавшейся грозе: она благоприятствовала замыслам и должна была дополнить задуманную им инсценировку. Ведь дикари относятся с суеверным страхом к грозным явлениям природы. Новозеландцы слышат в громе разъяренный голос своего бога Нуи-Атуа, а в молнии видят сверкание его разгневанных очей. Им должно было показаться, что само божество явилось покарать нечестивцев, нарушивших табу.

В восемь часов вершина Маунганаму скрылась в зловещем мраке. Небо готовило черный фон для того взрыва пламени, который собирался вызвать Паганель. Маори уже не могли больше видеть своих узников. Наступило время действовать, и действовать без промедления. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт и стюард дружно принялись за работу.

Место для кратера было выбрано в тридцати шагах от могилы Кара-Тете. Было важно, чтобы извержение пощадило могилу, ибо с исчезновением ее перестало бы действовать и табу.

Паганель наметил огромную каменную скалу, из-под которой с силой вырывались пары. Скала эта, очевидно, прикрывала небольшой кратер, естественно образовавшийся на этом месте, и только ее тяжесть мешала выходу подземного огня. Если бы удалось откатить скалу, то пары и лава вырывались бы через освободившееся отверстие.

Наши землекопы использовали в качестве рычагов несколько кольев, вырванных из внутренней ограды могилы, и изо всех сил принялись выворачивать огромную глыбу. Под их дружным напором глыба вскоре закачалась. Тогда они вырыли по склону горы небольшую траншею, по которой глыба могла бы скатиться. По мере того как они приподнимали скалу, сотрясение почвы делалось все ощутительнее. Из-

под тонкой коры земли доносились глухой рев и свист пламени. Отважные землекопы работали молча. Вскоре появилось несколько трещин, из которых выбивались горячие пары. Это показало работавшим, что дольше оставаться там опасно. Еще одно последнее усилие — и скала, сорвавшись с места, покатила по склону горы и скрылась из виду.

Тонкий слой земли в ту же минуту прорвался. Из образовавшегося отверстия с шумом вырвался огненный столб, а за ним хлынули кипящая вода и лава; потоки их устремились по склону горы к лагерю туземцев и в долину.

Вся вершина содрогнулась. Казалось, она вот-вот рухнет в бездонную пропасть.

Гленарван и его спутники едва успели спастись от извержения. Они убежали за ограду могилы, отделавшись легкими ожогами от брызнувшей на них почти кипящей воды. Эта вода сначала распространяла легкий запах бульона, потом сильно запахла серой. Ил, лава, вулканические обломки — все слилось в едином потоке, и он полился по склонам Маунганаму. Соседние горы осветились заревом извержения. Глубокие долины ярко озарились его отблеском. Дикари с воплями вскочили на ноги: среди их лагеря клокотала лава. Те, кого не настиг этот огненный поток, бросились бежать и взобрались на соседние холмы. Оттуда они с ужасом глядели на это грозное явление, на этот вулкан, поглотивший, по повелению их разгневанного бога, нечестивцев, которые осквернили священную гору. В те минуты, когда грохот извержения несколько ослабевал, до беглецов доносились сакраментальные выкрики маори:

— Табу! Табу! Табу!

Между тем из кратера Маунганаму вырывались в огромном количестве пары, раскаленные камни, лава. Это уже был не гейзер вроде тех, что встречаются по соседству с вулканом Гекла в Исландии, а такой же вулкан, как и сама Гекла. Вся эта клокочущая огненная масса до тех пор сдерживалась поверхностью вершины Маунганаму, потому что располагала достаточным выходным клапаном в виде вулкана Тонгариро, а теперь, когда ей представился новый выход, она со страшной силой устремилась в него, и в эту ночь, по закону равновесия, другие вулканические извержения должны были быть слабее обычного.

Через час после начала извержения этого нового на земном шаре вулкана по его склонам уже неслись широкие потоки огненной лавы. Бесчисленное множество крыс бросало свои норы и убегало с охваченной пламенем земли.

В течение всей ночи среди бушевавшей в небесах грозы новый вулкан действовал с силой, которая не могла не тревожить Гленарвана: ведь извержение расширяло воронку кратера.

Беглецы, укрывшись за оградой могилы, наблюдали за возрастающей силой этого грозного явления природы.

Наступило утро. Ярость вулкана не ослабевала. К пламени примешивались густые желтоватые пары. Всюду змеились потоки лавы.

Гленарван с бьющимся сердцем наблюдал сквозь щели ограды за туземцами. Маори укрылись на соседних склонах, где им не грозило извержение вулкана. На месте их бывшего лагеря виднелось несколько обуглившихся трупов. Дальше, по направлению к па, раскаленная лава сожгла десятка два хижин — некоторые из них еще дымились. Кое-где стояли группы новозеландцев, с благоговейным ужасом взиравших на объятую пламенем вершину Маунганаму.

Среди воинов появился Каи-Куму. Гленарван тотчас же узнал его. Вождь подошел к подошве горы с той стороны, где не текла лава, но не сделал ни шагу дальше. С распростертыми руками, словно колдун, совершающий заклинания, он соорудил несколько гримас, смысл которых не ускользнул от беглецов: как и предвидел Паганель, Каи-Куму наложил на гору-мстительницу еще более строгое табу.

Вскоре маори двинулись вереницами по извилистым тропинкам вниз, в па.

— Они уходят! — воскликнул Гленарван. — Они покидают свой сторожевой пост! Наша военная хитрость удалась! Ну, моя дорогая Элен и мои добрые товарищи, вот мы все и мертвы и погребены под лавой! Но сегодня же вечером мы воскреснем, покинем нашу могилу и убежим от этих варваров!

Трудно себе представить радость наших беглецов. Во всех сердцах снова затеплилась надежда. Отважные путешественники забыли о прошлом, не помышляли о будущем — они думали только о настоящем. А между тем добраться среди этого неведомого края до какой-нибудь английской колонии было нелегко. Но после того как беглецам удалось обмануть Каи-Куму, им казалось, что никакие дикари Новой Зеландии для них уже не страшны.

Однако нашим беглецам следовало пробыть еще день в могиле. Это время употребили на обсуждение плана бегства. Паганелю удалось уберечь свою драгоценную карту Новой Зеландии, и он мог указать наиболее безопасные пути.

По зрелом размышлении решено было направиться на восток, к бухте Пленти. Путь этот проходил по местам неисследованным, но, по-видимому, пустынным. А наших путешественников, уже привыкших выходить из всевозможных затруднений, страшило лишь одно — встреча с маори. Они хотели во что бы то ни стало уклониться от такой встречи и стремились добраться до восточного побережья, где миссионерами было основано несколько колоний. К тому же эта часть острова пока избежала ужасов войны, и там отряды туземцев не рыскали.

Расстояние от озера Таупо до бухты Пленти составляло примерно сто миль. Десять дней пути, по десяти миль в день. Конечно, путешествие было не из легких, но никто из этих отважных людей не думал об усталости. Только бы дойти до какой-нибудь миссии, а там уже можно будет и отдохнуть в ожидании удобного случая: добраться до Окленда — цели их путешествия. Приняв такое решение, Гленарван и его спутники продолжали до самого вечера наблюдать за туземцами. Ни одного из них не было видно у подошвы горы, и когда тьма поглотила окрестные долины, ни один костер не указал на присутствие там маори. Путь был свободен.

В девять часов, среди непроглядного мрака, Гленарван подал сигнал к выступлению. Захватив с собой оружие и одеяния Кара-Тете, все начали осторожно спускаться с Маунганаму. Впереди шли Джон Манглс и Вильсон. Они ловили малейший проблеск света, останавливались при всяком шорохе. Каждый из беглецов, можно сказать, не шел, а скользил по склону, как бы стараясь слиться с ним.

Спустившись на двести футов, молодой капитан и матрос очутились на том опасном горном гребне, который так бдительно охранялся туземцами.

Если бы, к несчастью, маори оказались хитрее беглецов и, не дав себя обмануть искусственно вызванным извержением, только сделали вид, что уходят, чтобы вернее захватить беглецов, то тогда именно здесь, на этом гребне, и должно было обнаружиться их присутствие. Несмотря на всю свою уверенность и на шутки неунывающего Паганеля, Гленарван невольно содрогнулся: ведь в течение десятиминутного перехода по гребню будет стоять на карте жизнь его близких. Он слышал, как билось сердце прижавшейся к нему жены. Однако Гленарвану даже и в голову не приходило, что можно повернуть назад. Столь же далек от подобных мыслей был и Джон Манглс.

Молодой капитан первый пополз под покровом ночи по узкому гребню. За ним поползли остальные. Когда скатывался вниз по склону какой-нибудь камень, все замирали на месте. Если бы дикари все так же сторожили у подножия хребта, этот необычный шорох непременно вызвал бы град ружейных выстрелов. Понятно, что, пробираясь ползком, точно змеи, вдоль покатога хребта, наши беглецы не очень-то быстро подвигались вперед. Когда Джон Манглс дополз до самого низкого места гребня, он очутился всего в

каких-нибудь двадцати пяти футах от площадки, где накануне стояли лагерем туземцы. Отсюда гребень круто шел в гору, и этот подъем вел к лесу.

Путешественники благополучно перебрались через это опасное место и стали молча подниматься в гору. Леса из-за темноты не было видно, но они знали, что он близко, и если только они не наткнутся в лесу на засаду, думал Гленарван, то, очутившись там, они будут в безопасности. Он понимал, однако, что теперь они перестали находиться под защитой табу, ибо восходящая часть гребня принадлежала уже другой горе, расположенной к востоку от озера Таупо. Стало быть, здесь можно было опасаться не только обстрела, но и рукопашной схватки с туземцами.

В течение десяти минут беглецы бесшумно поднимались к вышележащему плоскогорью. Джон не мог еще разглядеть лес, но тот должен был находиться от них меньше чем в двухстах футах.

Вдруг молодой капитан остановился и как будто попятился назад. Ему почудился среди мрака какой-то шорох. Все замерли на месте. Джон Манглс стоял неподвижно так долго, что его спутники забеспокоились. Они выжидали. Кто опишет их мучительную тревогу! Неужели придется идти назад и снова искать убежища на вершине Маунганаму?

Но Джон Манглс, убедившись, что шум не возобновляется, снова начал подниматься по узкому гребню. Вскоре среди темноты неясно вырисовались деревья. Еще несколько шагов — и беглецы, добравшись наконец до леса, укрылись под его густой листвой.

Глава XVI

Между двух огней

Темная ночь благоприятствовала беглецам. Надо было воспользоваться ею, чтобы уйти подальше от роковых берегов озера Таупо. Паганель взял на себя руководство маленьким отрядом и снова проявил во время этого трудного странствования в горах свое изумительное чутье путешественника. Он с удивительным искусством пробирался по едва приметным тропинкам, не уклоняясь при этом от взятого направления. Правда, географу очень помогала его никталопия: его кошачьи глаза различали в непроницаемой тьме самые мелкие предметы.

В течение трех часов беглецы шли безостановочно по отлогим восточным склонам гор. Паганель отклонился немного к юго-востоку, стремясь попасть в узкое ущелье между горными цепями Кайманавы и Вахити, по которому проходит дорога от Окленда к бухте Гокса. Миновав это ущелье, он рассчитывал оставить дорогу в стороне и пробираться к побережью под защитой высоких гор по необитаемой части провинции.

К девяти часам утра, за двенадцать часов ходьбы, было пройдено двенадцать миль. Требовать большего от мужественных женщин было невозможно. К тому же и место оказалось подходящим для привала. Беглецы добрались до ущелья, разделявшего обе горные цепи. Направлявшаяся к югу дорога в Оберленд осталась справа. Паганель, справляясь по карте, сделал крюк к северо-востоку, и в десять часов маленький отряд очутился у крутого горного уступа. Здесь вынули из сумок взятые с собой съестные припасы и оказали им должную честь. Даже Мэри Грант и майор, которым до сих пор съедобный папоротник был не по вкусу, теперь ели его с удовольствием.

Отдохнув до двух часов пополудни, путешественники снова двинулись к востоку и вторично остановились на привал вечером в восьми милях от гор. Здесь все с наслаждением растянулись под открытым небом и уснули крепким сном.

На следующий день пришлось идти по более трудной дороге. Она пролегла через любопытный район вулканических озер, гейзеров и дымящихся серных сопков, простиравшийся к востоку от Вахити. Путь этот был гораздо приятнее для глаз, чем для ног. Все время надо было делать обходы, крюки, преодолевать утомительные препятствия. Но зато какое необычайное зрелище! Сколько бесконечного разнообразия!

На обширном пространстве, в двадцать квадратных миль, подземные силы проявляли себя во всевозможных видах. Из рощ дикого чайного дерева струились до странности прозрачные соляные источники, кишацие мириадами насекомых. Вода их едко пахла жженым порохом и оставляла на земле белый осадок, напоминавший ослепительно сверкающий снег. Одни источники были горячи, другие холодны, как лед. Гигантские папоротники росли по берегам этих ручьев в условиях, сходных с условиями силурийской эры.

Со всех сторон среди клубящихся паров били из земли снопы воды, напоминавшие фонтаны какого-нибудь парка. Одни из них били непрерывно, другие с перерывами, словно подчиняясь прихоти своенравного Плутона. Эти фонтаны были расположены амфитеатром на естественных террасах. Воды их, осененные, клубами белого пара, постепенно сливались воедино и, разъедая полупрозрачные ступени этих гигантских природных лестниц, свергались по ним кипящими водопадами, питая собой целые озера.

Потом на смену горячим ключам и бурным гейзерам пошли серные сопки. Вся земля казалась

покрытой крупными прыщами, Это были полупотухшие кратеры; через их многочисленные трещины выбивались различные газы. В воздухе чувствовался едкий, неприятный запах серной кислоты, и земля кругом была усеяна кристаллами серы. Здесь целыми веками накапливались неисчислимые бесплодные богатства.

Можно представить себе, как трудно было нашим путешественникам продвигаться среди такого нагромождения препятствий! Место для привала найти было нелегко, и охотникам не попадалось ни одной птицы, достойной выть ошипанной руками мистера Олбинета. Поэтому чаще всего приходилось довольствоваться съедобным папоротником и сладким пататом — скудной едой, которая, конечно, не могла восстановить силы изнуренных пешеходов. Естественно, что каждый из них стремился поскорее выбраться из этой бесплодной, пустынной местности.

Однако понадобилось не меньше четырех дней, чтобы пересечь этот труднопроходимый край. Только 23 февраля наши путешественники смогли расположиться лагерем в пятидесяти милях от Маунганаму, у подошвы безыменной горы, обозначенной на карте Паганеля. Здесь перед глазами расстилались равнины, поросшие кустарником, а дальше, у горизонта, снова показались большие леса.

Конечно, это было приятно, но только при условии, чтобы эти удобные места не оказались слишком заселенными. До сих пор путешественники не видели и тени туземца.

В этот день Мак-Наббс и Роберт подстрелили трех киви, которые очень скрасили обед, но это удовольствие длилось недолго, ибо через несколько минут от дичи не осталось и следа.

За десертом (состоявшим из картофеля и сладкого парта) Паганель внес предложение, которое было принято с восторгом: назвать безыменную гору, вершина которой терялась на высоте трех тысяч футов в облаках, именем Гленарвана. Географ не замедлил нанести его имя самым тщательным образом на свою карту.

Было бы бесполезно описывать остальную часть путешествия: дни проходили однообразно и малоинтересно. Наши путешественники обычно шли целый день по лесам и равнинам. Джон Манглс определял направление пути по солнцу и звездам. Небо было довольно милостиво: оно не посылало ни зноя, ни дождя. Но тем не менее движение пешеходов, уже перенесших столько испытаний, замедляла все возрастающая усталость, и им не терпелось скорее добраться до английских поселений.

Они все же разговаривали между собой, но разговор тот не был общим. Отряд разбился на группки.

Гленарван обычно шел один. По мере приближения к побережью он все чаще вспоминал о «Дункане» и его команде. Забывая об опасностях, еще подстерегающих отряд на пути к Окленду, он думал об умерщвленных матросах. Эта страшная картина неотступно томила его.

О Гарри Гранте никто не заговаривал. К чему это было делать, раз нельзя было попытаться прийти ему на помощь! Если имя капитана и упоминалось, то только в беседах его дочери с Джоном Манглсом.

Молодой капитан никогда не возвращался к тому, что молодая девушка сказала ему в ту ужасную ночь в хижине. Чувство деликатности не позволяло ему напомнить Мэри о словах, вырвавшихся у нее в минуту отчаяния.

Говоря о Гарри Гранте, Джон Манглс всегда возвращался к проектам новых поисков капитана. Он уверял Мэри, что Гленарван организует новую экспедицию. Молодой капитан исходил из того, что подлинность найденного в бутылке документа не подлежала сомнению. Следовательно, Гарри Грант где-то должен находиться. А если так, то в конце концов он все же будет найден, хотя бы для этого пришлось обшарить весь свет.

Мэри упивалась этими речами. Оба они с Джоном Манглсом жили одними и теми же мыслями,

надеждами. Часто и Элен принимала участие в их разговоре. Она не разделяла надежд молодых людей, но не хотела возвращать их к печальной действительности.

Мак-Наббс, Роберт, Вильсон и Мюльреды старались, не слишком удаляясь от товарищей, настрелять как можно больше дичи.

Паганель, по-прежнему драпируясь в свой плащ из формиума, молчаливый и задумчивый, держался в стороне.

И надо сказать, что хотя испытания, опасности, усталость и лишения обычно делают придирчивыми и раздражительными даже людей с самым лучшим характером, наши путешественники остались так же дружески настроены, преданы друг другу и были готовы пожертвовать своей жизнью один за другого.

25 февраля дорогу путникам преградила река. Судя по карте Паганеля, это была Вайкари. Через нее удалось перебраться вброд.

В течение двух дней тянулись равнины, поросшие кустарником. Теперь половина пути между озером Таупо и побережьем океана была пройдена, если не без усталости, то, во всяком случае, без нежелательных встреч.

Затем пошли громадные, бесконечные леса, напоминавшие австралийские, только вместо эвкалиптов здесь росли каури. Хотя за четыре месяца странствований у Гленарвана и его спутников изрядно притупилась способность восторгаться, но все же они были восхищены этими гигантскими соснами, достойными соперниками ливанских кедров и мамонтовых деревьев Калифорнии. Они были так высоки, что только футах в ста от земли начинались ветви. Лес состоял из бесконечного количества отдельных рощиц этих гигантов, простиравших на двухсотфтовую высоту зонты из зеленых листьев.

Некоторые, еще молодые каури, едва достигшие столетнего возраста, походили на красные ели европейских стран: у них была конусообразная крона темного цвета. У более старых деревьев, переваливших за пятьсот-шестьсот лет, кроны представляли собой огромные шатры зелени, покоившиеся на бесчисленных переплетающихся ветвях. У этих патриархов новозеландских лесов стволы были до пятидесяти футов в окружности. Все наши путники, взявшись за руки, не могли бы охватить такой гигантский ствол.

Три дня маленький отряд брел под этими огромными зелеными сводами по глинистой почве, на которую никогда не ступала нога человека. Это видно было по нагроможденным кучам смолистой камеди: она могла бы на долгие годы обеспечить туземцев товаром для их торговли с европейцами.

Охотники наталкивались на большие стаи киви, столь редких в местностях, посещаемых маори. Видимо, эти любопытные птицы нашли себе убежище от новозеландских собак в этих недоступных лесах. Мясо их явилось здоровой и обильной пищей для наших путников.

Вечером 1 марта Гленарван и его спутники, выйдя наконец из огромного леса гигантов-каури, расположились лагерем у подошвы горы Ики-Рендж высотой в пять с половиной тысяч футов.

От горы Маунганаму было пройдено около ста миль, и до побережья океана оставалось еще миль тридцать. Джон Манглс надеялся закончить весь переход от Маунганаму до побережья дней в десять, но он не знал тогда обо всех трудностях пути.

На деле же оказалось, что частые обходы, различные препятствия, неточности, допускаявшиеся при определении местоположения отряда, удлинит этот маршрут на одну пядь. Поэтому наши путешественники добрались до горы Ики-Рендж уже в совершенном изнеможении.

Чтобы выйти на побережье, нужно было еще два дня усиленной ходьбы. И как раз теперь требовалось удвоить энергию и бдительность, ибо путники снова вступали в местность, часто посещаемую

туземцами. Однако все преодолели свою усталость и на следующий день на рассвете вновь двинулись в путь.

Приходилось идти между горами Ики-Рендж справа и Гарди, возвышавшейся слева на три тысячи семьсот футов. Дорога стала очень трудной. Здесь тянулась на протяжении десяти миль равнина, сплошь заросшая гибкими растениями, метко названными «удушающие лианы». На каждом шагу пешеходы запутывались в них. Лианы, как змеи, обвивались вокруг ног, рук и всего тела. В течение двух дней приходилось подвигаться вперед с топором в руках и бороться с этой многоголовой гидрой, с этими несносно цепкими растениями, которых Паганель охотно отнес бы к классу животных-растений.

Здесь, в этих равнинах, охотиться стало невозможно, и охотники перестали вносить свой обычный вклад в питание отряда. Съестные припасы истощались, а пополнить их было нечем. Вода иссякла, и путники уже не имели возможности утолить свою жажду, которая еще усугублялась усталостью.

Гленарван и его близкие испытывали страшные муки. Они впервые готовы были пасть духом. Наконец, уже не шагая, а еле передвигаясь, измученные путники, руководимые одним лишь инстинктом самосохранения, добрались до мыса Лоттин на побережье Тихого океана.

Здесь виднелось несколько пустынных хижин, остатки опустошенного войной селения, брошенные поля. Везде кругом были следы грабежа и пожара. И тут судьба обрекла несчастных путников на новое ужасное испытание.

Обессиленные, они брели по берегу, как вдруг в миле от них показался отряд туземцев. Дикари устремились на них, размахивая оружием. Бежать было некуда, и Гленарван, собрав последние силы, хотел было отдать приказ защищаться. Вдруг Джон Манглс воскликнул:

— Пирога! Пирога!

В самом деле, на плоском песчаном берегу, в двадцати шагах от беглецов, виднелась севшая на мель пирога с шестью веслами. Гленарван и его спутники в одну минуту сдвинули пирогу с мели, впрыгнули в нее и поплыли прочь от опасного берега. Джон Манглс, Мак-Наббс, Вильсон, Мюльреды сели на весла, Гленарван взялся за руль, обе женщины, Олбинет, Паганель и Роберт разместились на корме.

Через десять минут пирога находилась уже в четверти мили от берега. Море было спокойно. Беглецы молчали.

Джон, не желая слишком удаляться от берега, намеревался уже отдать приказ плыть вдоль него, как вдруг весло замерло в его руках: из-за мыса Лоттин показались три пироги — это была погоня.

— В море! В море! — крикнул молодой капитан. — Уж лучше погибнуть в волнах!

Четыре гребца налегли на весла, и пирога снова понеслась в открытое море. В течение получаса она держалась на том же расстоянии от преследователей, но несчастные, измученные люди вскоре ослабели, и вражеские пироги стали приближаться. Они находились уже меньше чем в двух милях. Не было никакой возможности избежать нападения туземцев — те уже собирались открыть огонь из своих длинных ружей.

Что же делал в это время Гленарван? Стоя на корме пироги, он искал глазами на горизонте: не появится ли оттуда сказочно-несбыточная помощь? Чего он ждал? Чего хотел? Или в нем пробудилось какое-то предчувствие?

Вдруг глаза его вспыхнули, рука протянулась, указывая на что-то вдали.

— Корабль! — крикнул он. — Корабль, друзья мои! Гребите! Гребите сильнее!

Ни один из четырех гребцов даже не повернулся, чтобы взглянуть на это неожиданно появившееся судно: нельзя было упустить ни одного взмаха весла. Только Паганель, поднявшись, направил свою

подзорную трубу на указанную Гленарваном точку.

— Да, — проговорил географ, — это судно — пароход. Он идет к нам на всех парах. Дружнее, храбрые товарищи!

Беглецы с новой энергией приналегли на весла и в течение получаса держали преследователей на том же расстоянии. Пароход вырисовывался все яснее и яснее. Уже можно было рассмотреть две его мачты со спущенными парусами и густые клубы черного дыма.

Гленарван, передав руль Роберту, схватил подзорную трубу Паганеля и внимательно следил за каждым движением судна.

Но что должны были почувствовать Джон Манглс остальные беглецы, когда увидели, что черты Гленарван исказились, лицо побледнело и подзорная труба выпала из его рук. При первом слове, сорвавшемся с его губ, они поняли все.

— «Дункан»! — крикнул Гленарван. — «Дункан» и каторжники!

— «Дункан»! — воскликнул Джон Манглс, бросая весло и поднимаясь.

— Да, смерть!.. Смерть и там и здесь... — прошептал Гленарван, сломленный отчаянием.

Действительно, никаких сомнений быть не могло: это была яхта — яхта с командой из бандитов! У майора невольно вырвалось проклятие. Это было уж слишком!

Между тем пирога была предоставлена самой себе. Куда править? Куда бежать? Как можно было сделать выбор между дикарями и каторжниками? С ближайшей пироги туземцев раздался выстрел, пуля попала в весло Вильсона. Несколько ударов весел снова толкнули пирогу по направлению к «Дункану». Яхта шла полным ходом и находилась уже в какой-нибудь полумиле от беглецов. Джон Манглс, видя, что они окружены, уже не знал, куда и направить пирогу. Дикари открыли беглый огонь, пули градом сыпались вокруг пироги. Вдруг раздался оглушительный выстрел, и над головами беглецов пролетело пушечное ядро: это выстрелила находившаяся на «Дункане» пушка. Очутившись под перекрестным огнем, беглецы замерли на месте между «Дунканом» и пирогами туземцев.

Джон Манглс, обезумев от отчаяния, схватил топор. Он хотел прорубить дно пироги и потопить ее вместе со своими спутниками, но его остановил голос Роберта.

— Том Остин! Том Остин! — кричал мальчуган. — Он на борту! Я вижу его! Он узнал нас, он машет шляпой!

Топор Джона замер в воздухе. Над головой беглецов со свистом пронеслось второе ядро. Оно надвое разбило ближайшую из трех пирог. На «Дункане» грянуло громкое «ура». Дикари в ужасе повернули пироги и стремительно поплыли обратно к берегу.

— К нам! К нам, Том! — громовым голосом крикнул Джон Манглс.

Через несколько минут беглецы, не соображая, как это случилось, ничего не понимая, были уже в безопасности на «Дункане».

Глава XVII

Почему «Дункан» крейсировал у восточного берега Новой Зеландии

Невозможно описать чувства Гленарвана и его друзей, когда их слуха коснулись напевы старой Шотландии. В момент их появления на палубе «Дункана» волынщик заиграл народную песню древнего клана Малькольм.

Гленарван, Джон Манглс, Паганель, Роберт и даже сам майор — все со слезами обнимали и целовали друг друга. Это был порыв безумной радости. Географ совсем потерял голову: он приплясывал, как сумасшедший, и все прицеливался своей неразлучной подзорной трубой в подходившие к берегу уцелевшие пироги.

Но, видя, какими лохмотьями покрыты Гленарван и его спутники, как исхудали и бледны их лица, сохранившие следы пережитых ими страшных мук, команда яхты прервала свои бурные изъяснения радости. На борт «Дункана» вернулись лишь тени тех отважных, блестящих путешественников, которые три месяца назад, полные надежд, устремились на розыски капитана Гранта. Случай, и только случай, привел их на судно, которое они уже больше никогда не ожидали увидеть. Но в каком ужасном виде они были, как истощены, как слабы!

Все же, прежде чем подумать об отдыхе, пище и питье, Гленарван стал расспрашивать Тома Остина: почему «Дункан» находился у восточного берега Новой Зеландии? Каким образом не попал он в руки Бена Джойса? Какой сказочно счастливый случай привел яхту навстречу беглецам?

«Почему? Как? Зачем?» — посыпались со всех сторон вопросы на Тома Остина.

Старый моряк не знал, кого и слушать. Наконец он решил слушать одного Гленарвана и отвечать только ему.

— А где же каторжники? — спросил Гленарван. — Что сделали вы с каторжниками?

— С каторжниками? — переспросил с недоумением Том Остин.

— Да! С теми негодьями, которые напали на яхту.

— На какую яхту? — спросил Том Остин. — На вашу яхту?

— Ну да, Том, на «Дункан». Ведь явился же к вам Бен Джойс?

— Никакого Бена Джойса я не знаю. Никогда его не видывал, — ответил Остин.

— Как — никогда? — воскликнул Гленарван, пораженный ответом старого моряка. — Тогда скажите мне, Том, почему же «Дункан» крейсирует сейчас вдоль берегов Новой Зеландии?

Если Гленарван, Элен, Мэри Грант, Паганель, майор, Роберт, Джон Манглс, Олбинет, Мюльреди, Вильсон не понимали, чему удивляется старый моряк, то каково же было их изумление, когда Том спокойно ответил:

— Да он крейсирует здесь по вашему приказанию.

— По моему приказанию?.. — воскликнул Гленарван.

— Так точно, сэр, я лишь выполнял предписание, содержащееся в письме вашем от четырнадцатого

января.

— В моем письме? В моем письме? — воскликнул. Гленарван.

Тут все десять путешественников окружили Тома Остина и впились в него глазами: значит письмо, написанное у реки Сноу, все-таки дошло до «Дункана»?

— Давайте-ка объяснимся хорошенько, — сказал Гленарван, — а то мне кажется, будто все это происходит во сне... Вы говорите, Том, что получили письмо?

— Да.

— В Мельбурне?

— В Мельбурне, как раз в тот момент, когда я закончил ремонт.

— А что это было за письмо?

— Оно не было написано вами, но подпись была ваша, сэр.

— Это верно. И письмо мое передано было вам каторжником, по имени Бен Джойс?

— Нет, сэр, моряком, по имени Айртон, боцманом с «Британии».

— Ну да! Айртон и Бен Джойс — это одно и то же лицо! И что же говорилось в том письме?

— В нем содержался приказ покинуть Мельбурн и идти крейсировать у восточного побережья...

— ...Австралии! — крикнул Гленарван с горячностью, смутившей старого моряка.

— Австралии? — с удивлением повторил Том, широко открывая глаза. — Да нет же, Новой Зеландии!

— Австралии, Том, Австралии! — подтвердили в один голос все спутники Гленарвана.

Тут на Остина словно нашло помрачение. Гленарван говорил с такой уверенностью, что старому моряку стало казаться, что он и вправду ошибся, читая письмо. Неужели он, преданный и аккуратный моряк, мог сделать подобную ошибку? Он смутился и покраснел.

— Успокойтесь, Том, — ласково проговорила Элен, — видно, так суждено было.

— Да нет же, миссис, простите меня, — пробормотал старый моряк. — Это невозможно, я не ошибся! Айртон прочел это письмо, так же как и я. И он-то, он-то и хотел, чтобы я, вопреки приказанию, шел к австралийским берегам!

— Айртон? — воскликнул Гленарван.

— Он самый. Айртон уверял, что это ошибка и что назначенное вами место встречи — бухта Туфольд.

— У вас сохранилось это письмо, Том? — спросил крайне заинтересованный майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, — ответил Остин. — Я сейчас схожу за ним.

И Остин побежал к себе в каюту. В продолжение немногих минут его отсутствия все молчали переглядываясь. Только майор вперил взор в Паганеля и, скрестив на груди руки, проговорил:

— Ну, знаете, Паганель, это было бы уж слишком!

— А? Что вы сказали? — пробормотал географ.

Согнувшийся, с очками во лбу, он удивительно походил на гигантский вопросительный знак.

Остин возвратился. Он держал в руке письмо, написанное Паганелем и подписанное Гленарваном.

— Прочтите, пожалуйста, — сказал старый моряк. Гленарван взял письмо и стал читать:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Новой Зеландии...».

— Новой Зеландии! — крикнул, сорвавшись с места, Паганель.

Он вырвал из рук Гленарвана письмо, протер себе глаза, поправил на носу очки и, в свою очередь, прочел письмо.

— Новой Зеландии! — повторил он непередаваемым тоном, роняя письмо.

В этот момент он почувствовал, что на плечо его легла чья-то рука. Он поднял голову. Перед ним стоял майор.

— Что ж, почтеннейший Паганель, — сказал с невозмутимой серьезностью Мак-Наббс, — нам еще посчастливилось: ведь вы могли бы услатить «Дункан» и в Индокитай.

Эта шутка доконала бедного географа. Грянул всеобщий гомерический хохот. Паганель, как сумасшедший, шагал взад и вперед, сжимая руками голову, рвал на себе волосы. Он уже не отдавал себе отчета в том, что он делает, что намерен делать. Он спустился по трапу с юта и бесцельно зашагал, спотыкаясь, по палубе, затем поднялся на бак. Здесь ноги его запутались в свернутом канате, он пошатнулся и ухватился за какую-то подвернувшуюся ему под руку веревку.

Вдруг раздался оглушительный грохот. Выстрелила пушка. Град картечи усеял спокойные воды океана. Злополучный Паганель уцепился за веревку заряженной пушки, курок опустился — и грянул выстрел. Географа отбросило на трап бака, и он провалился в кубрик.

Первый миг удивления сменился всеобщим криком ужаса. Все подумали, что случилось несчастье. Матросы гурьбой бросились вниз и вынесли Паганеля на палубу. Его длинное тело было согнуто вдвое, он был не в силах говорить. Его перенесли на ют. Товарищи милейшего француза были в отчаянии. Майор, который при несчастных случаях заменял врача, собирался было раздеть бедного Паганеля, чтобы перевязать его раны, но едва он прикоснулся к умирающему, как тот подскочил, словно от электрического тока.

— Ни за что! Ни за что! — вскричал он и, запахнувшись в свою изодранную одежду, с необычайной поспешностью застегнулся на все пуговицы.

— Но послушайте, Паганель... — сказал майор.

— Нет, говорю я вам!

— Надо же осмотреть...

— Вы ничего не осмотрите!

— Вы, быть может, сломали... — уговаривал Мак-Наббс.

— Да, сломал, — подтвердил Паганель, прочно становясь на свои длинные ноги, — но то, что я сломал, починит плотник.

— Что же вы сломали?

— Палубную подпорку, когда летел вниз.

Такой ответ совершенно успокоил всех друзей почтенного Паганеля: было ясно, что достойный ученый вышел цел и невредим из своего приключения с пушкой.

«Во всяком случае, — подумал майор, — вот необычайно стыдливый географ!».

Когда Паганель пришел в себя после пережитых им волнений, ему пришлось ответить еще на один

неизбежный вопрос.

— Теперь, Паганель, отвечайте мне чистосердечно, — обратился к нему Гленарван. — Я признаю, что ваша рассеянность была благодетельна. Если б не вы, «Дункан» несомненно, попал бы в руки каторжников. Если б не вы, нас снова захватили бы маори. Но, ради бога, скажите мне: в силу какой странной ассоциации идей вы вместо «Австралии» написали «Новая Зеландия»?

— Да потому, черт возьми, написал, — воскликнул Паганель, — что...

Но в эту минуту его взор упал на Роберта и его сестру, и он осекся. Потом ответил:

— Что поделаешь, дорогой Гленарван! Я безумец, сумасшедший, неисправимое существо. Видно, я так и до смерти не вылезу из кожи рассеянейшего чудака.

— Если только ее раньше не сдерут с вас, — заметил майор.

— Сдерут? — крикнул в ярости географ. — Что это: намек?

— Какой намек, Паганель? — спросил своим обычным спокойным тоном Мак-Наббс.

Но дальше этого разговор не пошел. Таинственное появление «Дункана» разъяснилось. Чудесно спасшиеся путешественники стремились лишь снова попасть в свои комфортабельные, уютные каюты, а затем сесть за завтрак.

По уходе Элен, Мэри Грант, майора, Паганеля и Роберта Гленарван и Джон Манглс остались на палубе с Томом, желая еще порасспросить его.

— А теперь, мой старый Том, — обратился Гленарван к Тому Остину, — скажите мне вот что: приказ крейсировать у берегов Новой Зеландии не показался ли вам странным?

— Да, сэр, признаться, я был очень удивлен, — ответил старый моряк. — Но я ведь не имею обыкновения обсуждать получаемые приказания и повиновался. Мог ли я поступить иначе? Если бы я не выполнил в точности ваших указаний и из-за этого произошла какая-либо катастрофа, разве не я был бы виновен в этом? А вы, капитан, разве поступили бы иначе? — обратился он к Джону Манглсу.

— Нет, Том, я поступил бы точно так же.

— Но что же вы подумали? — спросил Гленарван.

— Я подумал, сэр, что в интересах Гарри Гранта надо идти туда, куда вы приказываете, что вследствие каких-то новых обстоятельств вы отправитесь в Новую Зеландию на каком-нибудь судне и что мне следует ждать вас у восточного побережья этого острова. Надо, сказать, что, уходя из Мельбурна, я никому не сообщил, куда мы направляемся, и команда узнала об этом лишь тогда, когда мы были уже в открытом море и австралийские берега скрылись из наших глаз. Но тут на борту у нас случилось происшествие, очень меня озаботившее.

— Что же такое случилось, Том? — спросил Гленарван.

— Да то, что когда на следующий день после нашего отплытия из Мельбурна боцман Айртон узнал, куда идет «Дункан»...

— Айртон! — воскликнул Гленарван. — Так он на яхте?

— Да, сэр.

— Айртон здесь! — повторил Гленарван, глядя на Джона Манглса.

— Судьба, — отозвался молодой капитан. Мгновенно, с быстротой молнии, перед их глазами промелькнули все злодеяния Айртона: его задолго подготовленное предательство, рана Гленарвана,

покушение на убийство Мюльреди, все муки, испытанные отрядом среди болот у берегов Сноу. И вот теперь, в силу удивительного стечения обстоятельств каторжник был в их власти.

— Где же он? — с живостью спросил Гленарван.

— В одной из кают бака под стражей, — ответил Том Остин.

— Почему же вы взяли его под стражу?

— Потому что, когда Айртон увидел, что яхта идет к Новой Зеландии, он пришел в ярость, хотел заставить меня изменить направление судна, грозил мне и, наконец, стал подстрекать мою команду к бунту. Я понял, что это опасный малый, и решил принять в отношении его необходимые меры предосторожности.

— И что же было дальше?

— С тех пор он сидит в каюте и не пытается из нее выйти.

— Вы хорошо поступили, Том!

Тут Гленарвана и Джона Манглса пригласили в кают-компанию: был подан завтрак, в котором они так нуждались. Они сели за стол, ни слова не упомянув об Айртоне. Но когда завтрак кончился и путешественники, подкрепившись, собрались на палубе, Гленарван сообщил им, что боцман находится на «Дункане». Он добавил, что хочет при них допросить Айртона.

— Нельзя ли избавить меня от присутствия на этом допросе? — промолвила Элен. — Признаюсь вам, дорогой Эдуард, что видеть этого несчастного мне было бы чрезвычайно тягостно.

— Это будет очная ставка, Элен, — ответил Гленарван. — Очень прошу вас остаться. Нужно, чтобы Бен Джойс встретился лицом к лицу со всеми своими жертвами.

Это соображение заставило Элен сдаться. Они с Мэри Грант уселись подле Гленарвана. Вокруг них разместились майор, Паганель, Джон Мангле, Роберт, Вильсон, Мюльреди, Олбинет — все те, кто так жестоко пострадал от предательства каторжника. Команда яхты, не понимая еще всей важности этой сцены, хранила глубокое молчание.

— Приведите Айртона, — сказал Гленарван.

Глава XVIII

Айртон или Бен Джойс?

Появился Айртон. Он уверенным шагом прошел по палубе и поднялся по трапу в рубку. Его взор был мрачен, зубы стиснуты, кулаки судорожно сжаты. В нем не видно было ни вызывающей дерзости, ни смирения.

Очутившись перед Гленарваном, он молча скрестил на груди руки и стал ждать допроса.

— Итак, Айртон, — начал Гленарван, — мы с вами теперь на том самом «Дункане», который вы хотели выдать шайке Бена Джойса.

Губы боцмана слегка задрожали. Его бесстрастное лицо на мгновение покраснело. Но это была не краска раскаяния, а краска стыда за постигшую его неудачу. Он — узник на той самой яхте, которой он собирался командовать, и участь его должна была решиться через несколько минут. Он ничего не ответил. Гленарван терпеливо ждал, но Айртон упорно молчал.

— Говорите, Айртон, — промолвил наконец Гленарван. — Что можете вы сказать?

Айртон, видимо, колебался. Морщины на его лбу стали глубже. Наконец он сказал спокойно:

— Мне нечего говорить, сэр. Я имел глупость попасться вам в руки. Поступайте, как вам будет угодно.

Сказав это, боцман устремил глаза на берег, расстилавшийся на западе, и сделал вид, что ему глубоко безразлично все происходящее кругом. Глядя на него, можно было подумать, что он не имеет к этому никакого отношения. Но Гленарван решил не терять терпения. Ему хотелось узнать некоторые подробности таинственного прошлого Айртонна, особенно той части, которая касалась Гарри Гранта и «Британии». Он возобновил свой допрос. Он говорил мягко, стараясь подавить кипевшее в нем негодование.

— Мне думается, Айртон, снова заговорил он, — что вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы, которые я хочу вам задать. Прежде всего скажите, как звать мне вас: Айртон или Бен Джойс? Были вы или не были боцманом на «Британии»?

Айртон все так же безучастно смотрел на берег, будто не слыша этих вопросов.

В глазах Гленарвана вспыхнул гнев, но он сдержал себя и продолжал допрашивать боцмана:

— Ответьте мне: при каких обстоятельствах вы покинули «Британию» и почему вы очутились в Австралии?

То же молчание, тот же безразличный вид.

— Послушайте, Айртон, — еще раз обратился к нему Гленарван, — в ваших же интересах говорить: только откровенность и может облегчить ваше положение. В последний раз спрашиваю вас: желаете ли вы отвечать на мои вопросы?

Айртон повернулся к Гленарвану и посмотрел ему прямо в глаза.

— Сэр, мне не к чему отвечать, — произнес он, — пусть правосудие само изобличает меня.

— Это ему легко будет сделать, — заметил Гленарван.

— Легко, сэр? — насмешливо отозвался Айртон. — Мне кажется, это слишком смело сказано! Я утверждаю, что самый лучший судья не знал бы, что со мной сделать. Кто скажет, почему я появился в

Австралии, раз здесь нет капитана Гранта? Кто докажет, что я тот самый Бен Джойс, приметы которого дает полиция, если я никогда не бывал в ее руках, а товарищи мои находятся на свободе? Кто может, кроме вас, приписать мне не только какое-либо преступление, но даже поступок, достойный порицания? Кто может подтвердить, что я собирался захватить это судно и отдать его каторжникам! Никто! Слышите? Никто! У вас имеются подозрения? Хорошо. Но этого мало, чтобы осудить человека, — тут нужна уверенность, а у вас ее нет. До тех пор, пока не будет доказано противное, я — Айртон, боцман «Британии»

Говоря это, Айртон оживился, но потом снова впал в прежнее безразличие. Он думал, вероятно, что это его заявление положит конец допросу, но ошибся. Гленарван снова заговорил:

— Айртон, я не судебный следователь, которому поручено расследовать ваше прошлое. Это не мое дело. Нам с вами важно выяснить точно наши взаимоотношения. Я не спрашиваю вас ни о чем, что могло бы вас скомпрометировать. Это дело правосудия. Но вам известно, какими поисками я занят, и вы одним словом можете навести меня на утерянный мной след. Согласны ли вы сообщить мне нужные сведения?

Айртон отрицательно покачал головой с видом человека, твердо решившего молчать.

— Скажете ли вы мне, где находится капитан Грант? — спросил Гленарван.

— Нет, сэр, — ответил Айртон.

— Скажете ли вы мне, где потерпела крушение «Британия»?

— Нет!

— Айртон, — сказал почти умоляющим тоном Гленарван, — если вам известно, где Гарри Грант, скажите об этом, по крайней мере, его бедным детям. Вы видите, как они ждут от вас хотя бы одного слова!

Айртон, видимо, колебался. На лице его отразилась внутренняя борьба. Но он все же промолвил тихо:

— Не могу, сэр.

И тут же добавил резко, словно раскаиваясь в минутной слабости:

— Нет! Нет! Вы ничего от меня не узнаете! Можете меня повесить, если хотите.

— Повесить! — вскричал, выйдя из себя, Гленарван. Но, овладев собой, он сказал серьезно:

— Айртон, здесь нет ни судей, ни палачей. На первой же стоянке вы будете переданы английским властям.

— Только этого я и прошу, — заявил боцман. Сказав это, он спокойным шагом направился в каюту, служившую ему тюрьмой. У дверей ее поставили двух матросов, которым было приказано следить за каждым движением заключенного.

Свидетели этой сцены разошлись, полные возмущения и отчаяния.

Раз Гленарвану не удалось ничего выпытать у Айртона, что же ему еще оставалось делать? Очевидно, надо было осуществлять план, принятый в Эдене: возвращаться в Европу, с тем чтобы когда-нибудь возобновить неудавшиеся поиски. Пока же приходилось оставить эту мысль: ведь следы «Британии» казались безвозвратно утерянными; документ же не допускал никакого нового толкования, ибо на протяжении тридцать седьмой параллели уже больше не осталось ни одной не исследованной ими страны. Таким образом, «Дункану» оставалось только идти обратно на родину. И Гленарван, посоветовавшись со своими друзьями, обсудил с Джоном Манглсом вопрос о возвращении.

Джон осмотрел угольные ямы и убедился, что угля хватит не больше чем на две недели. Значит, на первой же стоянке необходимо было пополнить запас топлива. Джон предложил Гленарвану плыть в бухту

Талькагуано, где «Дункан» уже однажды возобновлял свои запас перед началом своего кругосветного плавания. Это был бы прямой путь, и он как раз проходил бы по тридцать седьмой параллели. Снабженная с избытком всем необходимым, яхта пошла бы на юг и, обогнув мыс Горн, направилась бы по Атлантическому океану в Шотландию.

Когда этот план был одобрен, механик получил приказ разводить пары. Полчаса спустя «Дункан» взял курс на бухту Талькагуано. Яхта понеслась по зеркальной поверхности океана, и в шесть часов последние горы Новой Зеландии скрылись в горячей дымке, опоясавшей горизонт.

Итак, началось возвращение на родину. Печально было оно для этих отважных людей, разыскивавших Гарри Гранта и теперь возвращавшихся без него! Команда «Дункана», такая веселая и полная надежд на успех при отплытии из Шотландии, теперь пала духом и в самом печальном настроении возвращалась в Европу. Никого из этих славных матросов не радовала перспектива скоро очутиться на родине, и все они были бы готовы еще долго подвергаться опасностям океанского плавания, лишь бы найти капитана Гранта.

На «Дункане», где еще так недавно приветствовал Гленарвана радостные крики «ура», теперь царило уныние. Прекратилось непрерывное общение между пассажирами, умолкли беседы, так развлекавшие их в пути. Все держались порознь, каждый в своей каюте, и редко кто-нибудь из них показывался на палубе «Дункана».

Паганель, у которого из всех пассажиров яхты переживания, и радостные и горестные, выражались в наиболее яркой форме, Паганель, у которого всегда находились слова утешения, теперь хранил мрачное молчание. Географа почти не было видно. Его природная словоохотливость и французская живость сменились молчаливостью и упадком духа. Он, казалось, был даже в большем унынии, чем его товарищи. Когда Гленарван заговаривал о том, что надо будет со временем возобновить поиски капитана Гранта, Паганель качал головой с видом человека, потерявшего всякую надежду, у которого, видимо, сложилось окончательное мнение относительно судьбы потерпевших крушение на «Британии». Чувствовалось, что он считает их безвозвратно погибшими.

А между тем на борту «Дункана» был человек — Айртон, — который мог рассказать об этой катастрофе, но он продолжал упорно молчать. Не могло быть никакого сомнения в том, что если этот негодяй и не знал о том, где находится в данное время капитан Грант, то, во всяком случае, ему было известно место крушения. Но, видимо, Грант явился бы для боцмана нежелательным свидетелем. Отсюда его упорное молчание. Оно вызывало всеобщий гнев. Особенно возмущались матросы. Они хотели даже расправиться с ним.

Не раз Гленарван пытался добиться чего-нибудь от боцмана. Ни обещания, ни угрозы не действовали. Необъяснимое упорство Айртона заходило так далеко, что майора даже взяло сомнение, знает ли он вообще что-нибудь. Такого же мнения придерживался и географ: оно подтверждало его личное мнение о судьбе Гарри Гранта.

Но если Айртон ничего не знал, почему он в этом не признавался? Ведь его неведение не могло повредить ему; молчание же его делало еще более затруднительным составление нового плана. На основании того факта, что боцман находился в Австралии, можно ли было заключить, что на этом же континенте должен быть и Гарри Грант? Необходимо было во что бы то ни стало заставить Айртона высказаться.

Элен, видя, что Гленарван ничего не может добиться от боцмана, попросила у мужа разрешения, в свою очередь, сделать попытку сломить упорство Айртона. Быть может, думалось ей, то, что не удалось мужчине, удастся женщине, с ее более кротким обращением. Разве не верна старая басня о том, что ураган

не в силах был сорвать плащ с путника, а первые пробившиеся лучи солнца заставили путника добровольно сбросить с себя этот плащ?

Гленарван, зная, как умна его молодая жена, предоставил ей свободу действий.

В этот день, 5 марта, Айртон был приведен в помещение Элен. Здесь находилась также и Мэри Грант. Присутствие молодой девушки могло оказать большое влияние на боцмана, а Элен не хотела упустить ни одного шанса на успех.

Целый час обе женщины провели с боцманом «Британии», но что говорили они, какие приводили доводы с целью вырвать у каторжника его тайну, об этом никто ничего не узнал. Впрочем, после этого свидания с Айртоном Элен и Мэри имели очень разочарованный вид. Видимо, они потерпели неудачу. Когда боцмана вели обратно в каюту, матросы встретили его свирепыми угрозами. Айртон лишь молча пожал плечами. Это еще более усилило ярость команды, и только вмешательство Джона Манглса и Гленарвана спасло Айртона от расправы.

Но Элен не считала себя побежденной. Она все еще надеялась найти доступ к сердцу этого безжалостного человека. На следующий день она сама пошла в каюту Айртона, желая предотвратить бурные сцены, происходившие при появлении боцмана на палубе яхты.

Два часа добрая, кроткая женщина провела с глазу на глаз с атаманом беглых каторжников. Гленарван в волнении бродил у каюты, то решаясь испытать до конца это последнее средство к раскрытию тайны Айртона, то порываясь избавить жену от такой тягостной беседы.

На этот раз, когда Элен вновь появилась среди своих друзей, в глазах ее светилась надежда. Неужели ей удалось затронуть последние струны жалости в сердце этого негодяя и она вырвала у него тайну?

На лице Мак-Наббса — он первый заметил ее появление — отразилось естественное недоверие.

Среди команды с быстротой электрической искры разнесся слух о том, что боцман уступил наконец настояниям Элен Гленарван. Все матросы собрались на палубе проворнее, чем по свистку Тома Остина, созывавшего их на работу.

Завидев жену, Гленарван бросился к ней навстречу.

— Айртон все рассказал? — спросил он.

— Нет, — ответила Элен, — но, уступая моей просьбе, он хочет повидаться с вами.

— Ах, дорогая Элен, так вы, значит, добились своего!

— Хочу надеяться, Эдуард!

— Не обещали ли вы ему что-нибудь, что мне нужно подтвердить?

— Я пообещала ему одно, а именно: что вы используете все ваше влияние, чтобы смягчить его участь.

— Хорошо, дорогая. Пусть сейчас же приведут ко мне Айртона.

Элен в сопровождении Мэри Грант ушла в свое помещение, а боцмана привели в кают-компанию, где ожидал его Гленарван.

Глава XIX

Сделка

Введя боцмана в кают-компанию, стража удалилась.

— Вы хотели переговорить со мной, Айртон? — обратился к нему Гленарван.

— Да, сэр, — ответил боцман.

— Со мною одним?

— Да. Но мне кажется, что если бы при нашем разговоре присутствовали майор Мак-Наббс и господин Паганель, то это было бы лучше.

— Лучше для кого?

— Для меня.

Айртон говорил очень спокойно. Гленарван пристально посмотрел на него. Затем он послал сказать Мак-Наббсу и Паганелю, что он просит их прийти в кают-компанию. Они тотчас явились на его приглашение. Как только оба его друга уселись у стола, Гленарван сказал боцману:

— Мы вас слушаем.

Айртон несколько минут собирался с мыслями, потом сказал:

— Сэр, когда два человека заключают между собой контракт или сделку, то при этом обычно присутствуют свидетели. Вот почему я и просил, чтобы здесь были мистер Паганель и майор Мак-Наббс. Ибо, собственно говоря, я хочу предложить вам сделку.

Гленарван, привыкший к обращению Айртона, даже не поморщился, хотя иметь какие-либо дела с этим человеком казалось ему более чем странным.

— Что же это за сделка? — спросил он.

— Вот она, — ответил Айртон. — Вы хотите узнать от меня некоторые полезные для вас сведения, а я хочу получить от вас кое-какие выгоды, для меня драгоценные. Словом, сэр, я дам, если и мне дадут. Подходит вам это или нет?

— А что это за сведения? — с живостью спросил Паганель.

— Нет, — остановил его Гленарван — что это за выгоды?

Айртон кивнул головой в знак того, что он понял мысль Гленарвана.

— Вот, — сказал он, — те выгоды, которые я хочу от вас получить. Скажите, сэр: вы все еще имеете намерение передать меня английским властям?

— Да, Айртон, и это будет только справедливо.

— Не оспариваю, — спокойно отозвался боцман. — Итак, вы не согласились бы вернуть мне свободу?

Гленарван с минуту колебался. Нелегко было ответить на этот столь отчетливо поставленный вопрос. Ведь от его ответа, быть может, зависела судьба Гарри Гранта. Однако чувство долга взяло верх, и он сказал:

— Нет, Айртон, я не могу вернуть вам свободу.

— Я не прошу ее! — гордо ответил боцман.

— Так что же вам нужно?

— Нечто среднее между ожидающей меня виселицей и той свободой, которую вы, сэр, дать мне не можете.

— И это?..

— Я прошу высадить меня на одном из пустынных островов Тихого океана, оставив мне при этом предметы первой необходимости. Там уж я выпутаюсь как сумею, а найдется свободное время, так — как знать! — может быть, и расскаюсь.

Гленарван, не подготовленный к такому предложению, поглядел на своих друзей. Те не проронили ни слова. Подумав несколько минут, Гленарван сказал боцману:

— А если я пообещаю вам сделать то, о чем вы просите, Айртон, вы сообщите мне обо всем, что меня интересует?

— Да, сэр, то есть все, что я знаю о капитане Гранте и о судьбе «Британии».

— Всю правду?

— Всю.

— Но кто же поручится мне...

— О! Я вижу, что вас беспокоит, сэр: вам придется положиться на мое слово — слово злодея! Это верно, но что поделаешь! Такое уж создалось положение. Тут приходится или согласиться, или отказаться.

— Я положусь на ваше слово, Айртон, — просто сказал Гленарван.

— И вы не ошибетесь, сэр. А если даже я обману вас, то вы всегда будете иметь возможность отомстить мне.

— Какая же это возможность?

— Вернуться на мой остров и снова захватить меня: ведь убежать оттуда я не смогу.

У Айртонна находился ответ на все. Он сам шел навстречу затруднениям, он сам приводил против себя неопровержимые доводы. Было ясно, что он относится к предлагаемой им сделке с подчеркнутой добросовестностью. Невозможно было проявить большее доверие к своему собеседнику. И, однако, он сумел пойти еще дальше по этому пути бескорыстия.

— Мистер Гленарван и вы, господа, — добавил он, — мне хочется убедить вас в том, что я играю в открытую. Я не стремлюсь ввести вас в заблуждение и сейчас представлю вам новое доказательство своей искренности в этом деле. Я откровенен потому, что верю в вашу честность.

— Говорите, Айртон, — ответил Гленарван.

— У меня ведь еще нет вашего согласия на мое предложение, и тем не менее я, не колеблясь, говорю вам, что знаю о Гарри Гранте немного.

— Немного! — воскликнул Гленарван.

— Да, сэр. Те подробности, какие я в состоянии сообщить вам, касаются меня лично. И они вряд ли помогут вам снова напасть на утерянный вами след.

Сильнейшее разочарование отразилось на лицах Гленарвана и майора. Они были уверены, что боцман владеет важной тайной, а тот вдруг признается, что те сведения, которые он может сообщить, вероятно, окажутся для них бесполезными. Один Паганель оставался невозмутимо спокоен.

Как бы то ни было, это признание Айртона, без всяких гарантий отдававшего свою судьбу в руки Гленарвана, тронуло его собеседников. Особенное впечатление на них произвела последняя фраза боцмана:

— Итак, сэр, я предупредил вас: сделка эта будет менее выгодна для вас, чем для меня.

— Это не важно, — ответил Гленарван. — Я согласен на ваше предложение, Айртон. Даю вам слово, что высажу вас на одном из островов Тихого океана.

— Хорошо, — промолвил боцман.

Был ли доволен решением Гленарвана этот странный человек? Можно было бы усомниться в этом, ибо на его бесстрастном лице не отразилось ни малейшего волнения. Казалось, что он ведет переговоры не о себе, а о ком-то другом.

— Я готов отвечать, — сказал он.

— Мы не станем задавать вам вопросы, — возразил Гленарван. — Расскажите нам сами, Айртон, все, что вы знаете, и прежде всего сообщите нам, кто вы такой.

— Господа, — начал Айртон, — я действительно Том Айртон, боцман «Британии». Двенадцатого марта 1861 года я покинул Глазго на корабле Гарри Гранта. В течение четырнадцати месяцев мы вместе с ним бороздили волны Тихого океана в поисках места, удобного для основания шотландской колонии. Гарри Грант был человек, рожденный для великих дел, но у нас с ним часто происходили серьезные столкновения. Его характер был не по мне. Я не умею беспрекословно подчиняться, а когда Гарри Грант принимал какое-нибудь решение — кончено: никакое противодействие не было возможно. Это человек твердый, как железо, и в отношении себя и в отношении других. Я все же осмелился восстать против него. Я попытался поднять мятеж среди команды и захватить корабль в свои руки. Был ли я прав или виноват — это не важно. Как бы то ни было, Гарри Грант без колебаний высадил меня восьмого апреля 1862 года на западном побережье Австралии...

— Австралии? — повторил майор, прерывая рассказ Айртона. — Значит, вы покинули «Британию» до ее стоянки в Кальяо, откуда были получены последние сведения о ней?

— Да, — ответил боцман. — Пока я находился на борту «Британии», она ни разу не заходила в Кальяо, и если я упомянул вам на ферме Падди О'Мура о Кальяо, то только потому, что я узнал из вашего рассказа, что «Британия» туда заходила.

— Продолжайте, Айртон, — сказал Гленарван.

— Итак, я очутился один на почти пустынном берегу, но всего в двадцати милях от Пертской исправительной тюрьмы. Бродя по побережью, я встретил шайку только что бежавших каторжников и присоединился к ним. Вы разрешите мне не рассказывать вам о моей жизни в течение двух с половиной лет. Скажу только, что я, под именем Бена Джойса, стал главарем шайки беглых каторжников. В сентябре 1864 года я явился на ирландскую ферму и поступил туда батраком под моим настоящим именем — Айртона. Я ждал на этой ферме подходящего случая, чтобы захватить какое-либо судно. Это было моей заветной мечтой. Два месяца спустя появился «Дункан». Когда вы были на ферме, вы рассказали всю историю капитана Гранта. Тут я узнал о том, что мне было неизвестно: о стоянке «Британии» в порту Кальяо, о том, что последние известия об этом судне относились к июню 1862 года (это было через два месяца после моей высадки). Узнал я также историю с документом, где говорилось о гибели судна на тридцать седьмой параллели, узнал, наконец, и те веские основания, какие имелись у вас, чтобы искать Гарри Гранта на Австралийском материке. Я не колебался. Я решил завладеть «Дунканом», этим чудесным судном, способным опередить быстроходнейшие суда британского флота. Но «Дункан» был серьезно

поврежден, он нуждался в ремонте. Поэтому я дал ему уйти в Мельбурн, а сам, сказав, как это и было на самом деле, что я боцман «Британии», предложил провести вас в качестве проводника к вымышленному мной месту крушения судна капитана Гранта у восточного побережья Австралии. Таким-то образом я направил вашу экспедицию через провинцию Виктория. Шайка моя то следовала за нами, то двигалась впереди нас. Мои молодцы совершили у Кемденского моста бесполезное преступление: бесполезное потому, что как только «Дункан» подошел бы к восточному берегу, он неминуемо попал бы в мои руки, а с такой яхтой я стал бы хозяином океана. Итак, не вызвав ни в ком из вас недоверия, я довел ваш отряд до реки Сноу. Быки и лошади пали один за другим, отравленные гастрологиумом. Я завел колымагу в топи Сноу. По моему настоянию... Но остальное вам известно, и вы можете быть уверены, что если бы не рассеянность господина Паганеля, я теперь командовал бы «Дунканом». Такова моя история, господа. К несчастью, мои разоблачения не могут навести вас на след Гарри Гранта. Как видите, сделка со мной была для вас мало выгодна.

Боцман умолк, скрестил, по своему обыкновению, руки и стал ждать. Гленарван и его друзья молчали. Они чувствовали, что все в рассказе этого странного злодея было правдой. «Дункан» не был захвачен им только по не зависевшим от него причинам. Его сообщники собрались у берегов бухты Туфольд, доказательством чего могла служить куртка каторжника, найденная Гленарваном. Здесь они, согласно приказу своего атамана, стали поджидать яхту, а в конце концов, когда им надоело ждать, они, без сомнения, снова занялись грабежами и поджогами в селениях Нового Южного Уэллса.

Первым возобновил допрос боцмана майор: ему хотелось выяснить некоторые даты, касавшиеся «Британии».

— Итак, — спросил он, — вы были высажены на западном побережье Австралии восьмого апреля 1862 года?

— Точно так.

— А не знаете ли вы, каковы были в это время планы Гарри Гранта?

— Довольно смутно.

— Все же сообщите нам, что вы знаете: самый незначительный факт может навести нас на верный путь.

— Вот все, что я могу сообщить вам, — ответил боцман — капитан Грант собирался побывать в Новой Зеландии. Во время моего пребывания на борту «Британии» это его намерение выполнено не было. Таким образом, не исключена возможность, что капитан Грант, выйдя из Кальяо, направился в Новую Зеландию. Это согласовалось бы со временем крушения судна, указанным в документе: двадцать седьмого июня 1862 года.

— Ясно, — сказал Паганель.

— Однако в тех обрывках слов, которые уцелели в документе, ничто не может относиться к Новой Зеландии, — возразил Гленарван.

— На это уж я не могу вам ответить, — сказал боцман.

— Хорошо, Айртон, — промолвил Гленарван, — вы сдержали свое слово, я сдержу свое. Обсудим вопрос о том, на каком из островов Тихого океана будете вы высажены.

— О, это мне все равно, — заявил Айртон.

— Ступайте в свою каюту и ждите там нашего решения, — сказал Гленарван.

Боцман удалился в сопровождении двух стороживших его матросов.

— Этот негодяй мог бы быть настоящим человеком, — промолвил майор.

— Да, — согласился Гленарван. — Это человек умный, с сильным характером. И надо же было, чтобы его способности направились на зло!

— А Гарри Грант?

— Боюсь, что найти его невозможно. Бедные дети! Кто мог бы сказать им, где их отец?

— Я могу, — отозвался Паганель. — Да, я!

Читатель заметил, что географ, обычно такой словоохотливый, такой нетерпеливый, почти не проронил ни слова за все время допроса. Он молча слушал. Но произнесенная им только что короткая фраза стоила многих. Гленарван встрепенулся.

— Вы, Паганель? Вы знаете, где капитан Грант? — воскликнул он.

— Да, насколько это, конечно, возможно, — ответил географ.

— И как же вы это узнали?

— Все из того же документа.

— А-а... — протянул майор тоном полнейшего недоверия.

— Сначала выслушайте, Мак-Наббс, а потом уж пожимайте плечами... — заметил географ. — Я молчал до сих пор, зная, что вы мне все равно не поверите. Да и к чему было говорить! Если же сейчас я все же решаюсь на это, то лишь потому, что слова Айртона подтвердили мои предположения.

— И вы думаете, что в Новой Зеландии... — начал Гленарван.

— Выслушайте меня, а потом судите сами, — отвечал Паганель. — Сделанная мною в письме ошибка, которая спасла нас, была не случайна, а имела основание. В то время как я писал под диктовку Гленарвана это письмо, слово «Зеландия» не давало мне покоя, и вот почему. Помните, как мы все ехали в колымаге и Мак-Наббс рассказывал миссис Гленарван о каторжниках, о крушении у Кемденского моста? При этом он дал ей номер «Австралийской и Новозеландской газеты», где описывалась эта катастрофа. В то время, когда я писал письмо, газета эта валялась на полу; она была сложена так, что из названия ее виднелось всего два слога — «ландия». И вдруг меня осенила мысль, что «ландия»; документа является частью слова «Зеландия».

— Что такое? — вырвалось у Гленарвана.

— Да, — продолжал Паганель голосом, в котором чувствовалась глубочайшая уверенность, — это толкование до сих пор не приходило мне в голову. И знаете почему? Да потому, что я, естественно, изучал главным образом французский экземпляр документа, более полный, чем другие, а как раз в нем-то этого важного слова и нет.

— Ой-ой! Какой вы, однако, фантазер, Паганель! — промолвил Мак-Наббс. — И как легко вы забываете свои предшествующие выводы!

— Пожалуйста, майор, я готов отвечать на ваши вопросы.

— Тогда скажите мне, какое значение может иметь слово austral?

— То же, какое имело и раньше. Только оно обозначает: «южные страны».

— Хорошо! А обрывок слова indi, который первоначально истолковывался как indiens — «индейцы», затем как indigenes — «туземцы»? Теперь как вы его понимаете?

— Третье и последнее его толкование таково: он является началом слова indigence — нужда.

— A contin? Означает ли по-прежнему «континент»? — воскликнул Мак-Наббс.

— Нет, конечно, раз Новая Зеландия только остров.

— Тогда как же? — спросил Гленарван.

— Дорогой сэръ, я сейчас прочту вам документ в новом, третьем толковании, и вы сами увидите. Но раньше буду просить вас о двух вещах: во-первых, забудьте, насколько возможно, прежние толкования и отбросьте предвзятые мнения; во-вторых, имейте в виду, некоторые места вам покажутся натянутыми, и возможно, что я их толкую неудачно; таково, например, слово *agonie*, которое я, однако, никак не могу истолковать иначе. Но все эти места совершенно не важны. К тому же мое толкование основывается на французском экземпляре документа, а он, не забывайте этого, написан англичанином, которому могли быть неизвестны некоторые особенности чужого языка. А теперь, после этого объяснения, я начинаю.

И Паганель медленно и внятно прочел следующее:

— «Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, после долгой агонии потерпело крушение в южных морях, у берегов Новой Зеландии (по-английски Zealand). Двум матросам и капитану Гранту удалось выбраться на берег. Здесь, терпя постоянные жестокие лишения, они бросили этот документ под... долготы и 37°11' широты. Придите им на помощь».

Паганель умолк. Его толкование документа было допустимо. Но именно потому, что оно казалось таким же правдоподобным, как и прежние толкования, оно также могло быть ошибочным.

Вот почему ни Гленарван, ни майор не стали его оспаривать.

— Однако раз следы «Британии» не были найдены ни у берегов Патагонии, ни у берегов Австралии, там, где проходит тридцать седьмая параллель, то, конечно, есть шансы найти их в Новой Зеландии.

Это последнее замечание географа произвело сильное впечатление на его друзей.

— Скажите, Паганель, — обратился к нему Гленарван, — почему же вы около двух месяцев держали в тайне это новое толкование?

— Потому что я не хотел понапрасну вас обнадеживать. К тому же мы ведь все равно направлялись в Окленд, лежащий именно на той широте, которая была указана в документе.

— Ну, а потом, когда мы отклонились от этого пути, почему же вы тогда ничего не сказали?

— По той причине, что толкование мое, как бы верно оно ни было, все равно не могло бы помочь спасти капитана Гранта.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что если с тех пор прошло целых два года и капитан не появился, то это значит, что он пал жертвой либо крушения, либо новозеландцев.

— Итак, ваше мнение? — спросил Гленарван.

— Мое мнение таково, что, быть может, и удастся найти какие-либо остатки «Британии», но потерпевшие на ней крушение люди безвозвратно погибли.

— Ни слова об этом, друзья мои, — сказал Гленарван. — Предоставьте мне выбрать подходящий момент, чтобы сообщить эту печальную весть детям капитана Гранта.

Глава XX

Крик в ночи

Команде «Дункана» вскоре стало известно, что сообщение Айртона не пролило света на таинственную судьбу капитана Гранта. Все впали в глубокое уныние: ведь на боцмана возлагалось столько надежд, а оказалось, что ему не известно ничего такого, что могло бы навести «Дункан» на следы «Британии».

Итак, яхта продолжала придерживаться намеченного курса. Оставалось лишь выбрать остров, на котором можно было бы высадить Айртона.

Паганель и Джон Манглс справились по корабельным картам. Как раз на тридцать седьмой параллели значился уединенный островок Марии-Терезии. Этот скалистый, затерянный среди Тихого океана островок был расположен в трех с половиной тысячах миль от Американского побережья и в тысяче пятистах милях от Новой Зеландии. На севере ближайшей к нему землей являлся архипелаг Паумоту, находившийся под протекторатом Франции; к югу же никаких земель вплоть до вечных льдов Южного полюса не было. Ни одно судно никогда не приставало к берегам этого уединенного островка. Никаких отголосков того, что делается на свете, не долетало до него. Одни буревестники во время своих дальних перелетов опускались сюда отдохнуть. На многих картах и вовсе не значилось этого островка-скалы, омываемого волнами Тихого океана.

Если где-нибудь на земном шаре существовало абсолютное уединение, то это было на этом островке, заброшенном в океане, в стороне от всех морских путей. Айртону сообщили о местоположении острова. Боцман согласился поселиться там, вдали от людей, и «Дункан» взял курс к Марии-Терезии. Яхта находилась в это время как раз на прямой линии от залива Талькагуано к острову Марии-Терезии.

Два дня спустя, в два часа дня, матрос, стоявший на вахте, дал знать о том, что на горизонте показалась земля. Это был остров Марии-Терезии, низкий, вытянутый, едва поднимавшийся из воды, похожий на огромного кита.

Яхта, рассекавшая волны с быстротой шестнадцати узлов в час, находилась от него еще на расстоянии тридцати миль. Мало-помалу стали видны его очертания. На фоне заходящего солнца отчетливо вырисовался его причудливый силуэт. Там и сям выделялись невысокие вершины, блестевшие в лучах дневного светила.

В пять часов Джону Манглсу показалось, что над островом поднимается к небу легкий дым.

— Что это, вулкан? — спросил он Паганеля. Тот рассматривал остров в подзорную трубу.

— Не знаю, что и думать, — ответил географ. — Остров этот малоизвестен, но, конечно, не было бы ничего удивительного, если бы он оказался вулканического происхождения.

— Но если его создало извержение, нельзя ли опасаться того, что другое извержение может его разрушить? — сказал Гленарван.

— Это маловероятно, — ответил Паганель. — Гарантией его прочности служит то, что он существует уже несколько веков. А вот остров Джулия, показавшийся было из волн Средиземного моря, через несколько месяцев исчез бесследно.

— Хорошо, — сказал Гленарван. — Как вы думаете, Джон, сможем ли мы подойти к берегу до наступления ночи?

— Нет, сэ. Я не могу подвергать корабль опасности, подводя его в темноте к незнакомому мне берегу. Я буду крейсировать, делая короткие галсы, а завтра на рассвете мы пошлем туда шлюпку.

В восемь часов вечера остров Марии-Терезии, бывший всего в пяти милях от яхты, казался какой-то удлинённой, едва видной тенью. «Дункан» все приближался к нему.

В девять часов на острове вспыхнул довольно яркий огонек. Он светился ровным, неподвижным светом.

— Вот это как будто указывает на вулкан, — проговорил Паганель, внимательно всматриваясь в даль.

— Однако на таком близком расстоянии мы слышали бы грохот, всегда сопровождающий извержение, — заметил Джон Манглс, — а восточный ветер не доносит до нас никакого шума.

— Действительно, вулкан блестит, но безмолвствует, — согласился Паганель. — Притом, мне кажется, огонь этот мигает, как огонь маяка.

— Вы правы, — отозвался Джон. — А между тем на этих берегах нет маяков. А! — воскликнул он. — Вот и другой огонек — теперь на самом берегу. Смотрите! Он колыхается! Он меняет место!

Джон не ошибался. Действительно, появился другой огонек. Казалось, он то потухает, то вдруг снова разгорается.

— Значит, остров обитаем? — спросил Гленарван.

— Очевидно, населен дикарями, — ответил Паганель.

— Но тогда мы не сможем высадить там боцмана.

— Нет, конечно, — вмешался майор, — это был бы слишком плохой подарок даже для дикарей.

— В таком случае, мы поищем какой-нибудь другой необитаемый остров, — сказал Гленарван. — Я обещал Айртону, что он будет жив и невредим, и хочу сдержать свое слово.

— Во всяком случае, нам надо быть настороже, — заметил Паганель — у новозеландцев, как некогда у жителей Корнуэльских островов, в ходу варварский обычай заманивать к берегам суда с помощью вспыхивающих там и сям огней. Вероятно, и обитателям Марии-Терезии знаком этот прием.

— Держись в четверти мили от берега! — крикнул Джон Манглс матросу, стоявшему у руля. — Завтра на рассвете мы узнаем, в чем дело.

В одиннадцать часов Джон Манглс и пассажиры разошлись по своим каютам. На баке прохаживались вахтенные, а на корме у румпеля стоял один рулевой.

В это время на ют поднялись Мэри Грант и Роберт, Дети капитана Гранта, облокотившись на перила, с грустью смотрели на блестящее фосфорическим светом море и на светящийся след, остававшийся за кормой «Дункана». Мэри думала о будущем Роберта, Роберт — о будущем сестры. Оба думали об отце. Жив ли еще их обожаемый отец? Неужели надо отказаться от надежды свидеться с ним? Но нет, как жить без него? Что станет с ними? Что было бы с ними и теперь без Гленарвана и его жены?

Горе сделало мальчика взрослым не по годам. Он догадывался, какие мысли волновали его сестру.

— Мэри, — промолвил он, беря ее за руку, — никогда не надо отчаиваться. Вспомни, чему учил нас отец. «Мужество заменяет все на свете», — говаривал он. Давай будем так же мужественны и настойчивы, как наш отец, — это давало ему силу преодолевать все препятствия. До сих пор, сестра, ты работала для меня, а теперь я, в свою очередь, стану трудиться для тебя.

— Милый Роберт! — сказала молодая девушка.

— Мэри, мне надо сказать тебе одну вещь. Ты ведь не станешь сердиться, правда?

— Зачем мне сердиться, дитя мое!

— И ты позволишь мне сделать то, что я задумал?

— Что ты хочешь сказать? — с беспокойством спросила Мэри.

— Сестра! Я хочу стать моряком...

— Ты бросишь меня? — воскликнула Мэри, сжимая руку брата.

— Да, сестра, я буду моряком, как мой отец, как капитан Джон! Мэри, дорогая Мэри, ведь капитан Джон не потерял надежды разыскать отца. Верь в его преданность, как я верю в нее. Джон обещал сделать из меня отличного, выдающегося моряка, а пока мы будем вместе с ним разыскивать отца. Скажи, сестра, что ты согласна. То, что отец сделал бы для нас, мы, а особенно я, должны сделать для него. У меня лишь одна цель в жизни: искать, непрестанно искать того, кто никогда не оставил бы ни тебя, ни меня. Мэри, дорогая, как он был добр, наш отец!

— И как благороден, как великодушен! — добавила Мэри. — Знаешь ли, Роберт, что им уже гордилась наша родина, и, конечно, если бы судьба не пресекла его деятельность, он занял бы место среди ее великих людей.

— Знаю ли я это! — воскликнул Роберт.

Мэри прижала брата к груди, и мальчик почувствовал, как по лбу его заструились слезы.

— Мэри! Мэри! — крикнул он. — Что бы ни говорили наши друзья, сколько бы они ни молчали, я все еще надеюсь и всегда буду надеяться! Такой человек, как наш отец, не умирает, не выполнив своей задачи!

Мэри Грант не могла ничего ответить: ее душили рыдания. Молодая девушка была глубоко взволнована мыслями о новых поисках Гарри Гранта и о безграничной преданности молодого капитана.

— Значит, мистер Джон еще надеется? — спросила она.

— Да, — ответил Роберт. — Это брат который никогда нас не покинет. Ведь правда же, сестра, я буду моряком, чтобы вместе с ним искать отца? Ты согласна?

— Как же не согласиться! Но расстаться... — прошептала девушка.

— Ты будешь не одна, Мэри. Я знаю, мой друг Джон сказал мне это. Миссис Гленарван не позволит тебе уйти от нее. Ты ведь женщина, сестра, и потому можешь и даже должна не отказываться от ее благодеяний. Это было бы с твоей стороны неблагодарностью. А вот мужчина — отец много раз повторял мне это, — мужчина должен сам ковать свою судьбу.

— Но что же станет тогда с нашим милым домом в Денди? Ведь с ним связано столько воспоминаний!

— Мы его сохраним, сестричка! Все это обдумано, и хорошо обдумано, нашим другом Джоном и мистером Гленарваном. Ты будешь жить в замке Малькольм у мистера и миссис Гленарван, как их дочь. Это он сам сказал моему другу Джону, а тот рассказал мне. Ты будешь у них чувствовать себя совсем как дома, и тебе будет с кем поговорить об отце. А в один прекрасный день мы тебе привезем его самого. Ах! Какой это будет чудесный день! — восторженно сказал Роберт.

— Брат мой, мальчик мой, как счастлив был бы наш отец, если бы он мог слышать тебя! — сказала Мэри. — Как ты похож, милый Роберт, на него, на нашего обожаемого отца! Когда ты станешь мужчиной, ты будешь вылитый отец!

— О Мэри! — краснея от благородной сыновней гордости, сказал мальчик.

— Но как сможем мы отблагодарить мистера и миссис Гленарван? — промолвила Мэри.

— О, это нетрудно будет сделать! — заявил с юношеской самоуверенностью Роберт. — Мы будем их любить, почитать, говорить им об этом, крепко целовать, а когда понадобится, можно будет пожертвовать для них своей жизнью.

— Нет, уж лучше живи для них! — воскликнула молодая девушка, целуя брата. — Они предпочтут это, да и я тоже.

Дети капитана Гранта умолкли. Отдавшись мечтам, они молча глядели друг на друга. Мысленно они все еще продолжали свой разговор, задавали вопросы, отвечали на них. Вокруг тихо зыбились море и светились сквозь сумрак бурлившая за винтом вода.

И вдруг произошло нечто странное. Брату и сестре одновременно почудилось, что из лона волн, попеременно то темных, то светящихся, зазвучал чей-то голос, и его глубокий, тоскующий звук проник в самую глубину их сердца.

— Помогите! Помогите!.. — крикнул этот голос.

— Мэри, ты слышала, слышала? — спросил Роберт.

Поспешно перегнувшись через перила, они стали вглядываться во мглу, но ничего не было видно — только безграничный сумрак расстился перед ними.

— Роберт, — пролепетала бледная от волнения Мэри, — мне почудилось.... Да, почудилось, как и тебе... Мы бредим с тобой, Роберт, милый...

Но снова раздался голос, призывавший на помощь, и на этот раз иллюзия была так велика, что у обоих одновременно вырвался тот же крик:

— Отец! Отец!

Это было слишком для Мэри. Сломленная волнением, она без чувств упала на руки брата.

— Помогите! — крикнул Роберт. — Сестра! Отец!.. Помогите!..

Рулевой бросился поднимать бесчувственную девушку. Прибежали стоявшие на вахте матросы, появились разбуженные шумом Джон Манглс, Элен, Гленарван.

— Сестра умирает, а наш отец там! — воскликнул Роберт, указывая на волны.

Никто не мог понять, в чем дело.

— Да, да, — повторял мальчик, — отец мой там! Я слышал его голос, и сестра слышала...

В эту минуту Мэри пришла в себя и, потеряв голову, обезумевшая, тоже закричала:

— Отец! Отец там!

Бедная девушка, перегнувшись через перила, собиралась броситься в море.

— Говорю вам, что отец мой там! — твердила она, сжимая руки. — Уверю вас, я слышала его голос! Он поднимался из волн, словно жалоба, словно последнее «прости»...

С бедняжкой сделались спазмы, конвульсии. Пришлось отнести ее в каюту. Туда пошла и Элен, чтобы оказать ей помощь.

Роберт же твердил одно:

— Отец мой! Отец мой там! Я уверен в этом, сэр!..

Свидетели этой мучительной сцены поняли наконец, что дети капитана Гранта галлюцинировали. Но как убедить их в этом?

Гленарван попытался было это сделать. Взяв за руку Роберта, он спросил его:

— Ты слышал голос своего отца, дитя мое?

— Да, сэр. Там, среди волн. Он кричал: «Помогите! Помогите!»

— И ты узнал этот голос?

— Узнал ли я его голос? О да, клянусь вам! Сестра моя тоже слышала и, как и я, узнала отцовский голос. Неужели вы думаете, что мы оба могли ошибиться? Сэр, отправимся на помощь отцу! Шлюпку! Шлюпку!

Гленарван увидел, что разубедить бедного мальчика невозможно. Тем не менее он решил сделать последнюю попытку и позвал рулевого.

— Гаукинс, — обратился он к нему, — вы ведь стояли у руля, когда это странное происшествие так поразило мисс Грант?

— Да, — ответил Гаукинс.

— И вы ничего не заметили, ничего не слышали?

— Ничего.

— Вот видишь, Роберт!

— Будь то отец Гаукинса, Гаукинс не сказал бы, что ничего не слышал! — с неукротимой энергией крикнул мальчик. — Это был мой отец, сэр, мой отец, отец!

Голос Роберта угас. Бледный и безмолвный, Роберт тоже лишился чувств. Гленарван распорядился отнести его на постель в каюту, и измученный волнением мальчик впал в тяжелое забытие.

— Бедные сироты, — промолвил Джон Манглс, — какое тяжелое испытание выпало им на долю!

— Да, — отозвался Гленарван, — чрезмерное горе, видимо, вызвало у них обоих одновременно эту галлюцинацию.

— У обоих? — прошептал Паганель. — Странно! Наука не допускает этого.

Затем географ перегнулся через перила и, сделав всем окружающим знак хранить молчание, в свою очередь стал прислушиваться.

Кругом было тихо. Паганель громко окликнул, нет ли кого поблизости, но ответа не получил.

— Странно, странно, — повторял географ, направляясь в свою каюту. — Общность мыслей и горя все же не может объяснить подобное явление.

На следующий день, 8 марта, в пять часов утра, когда только что стало светать, пассажиры, в том числе Роберт и Мэри — их невозможно было удержать в каютах, — собрались на палубе «Дункана». Каждому хотелось поглядеть на землю, лишь мельком виденную ими накануне. Подзорные трубы с жадностью направились на остров. Яхта шла вдоль него на расстоянии мили от его берегов. Можно было разглядеть мельчайшие их подробности.

Вдруг раздался крик Роберта. Мальчик уверял, что видит трех людей: двое из них бегают по берегу, жестикулируя, а третий машет флагом.

— Английский флаг! — крикнул Джон Манглс, взглянув в подзорную трубу.

— Верно! — воскликнул Паганель, быстро оборачиваясь к Роберту.

— Сэр, — заговорил мальчик, дрожа от волнения, — если вы не хотите, чтобы я добрался до берега вплавь, велите спустить шлюпку. На коленях умоляю вас, позвольте мне первым высадиться на берег!

Никто не решался вымолвить ни слова. Как! На этом островке, через который проходила тридцать седьмая параллель, было трое мужчин, потерпевших кораблекрушение, англичан! И каждый из присутствующих, вспоминая то, что случилось накануне, думал о голосе, услышанном среди ночи Робертом и Мэри. Дети, быть может, и слышали голос, но мог ли это быть голос их отца? Увы! Это было невозможно! И каждый, думая о том ужасном разочаровании, которое ожидало сирот, трепетал, боясь, что бедные дети уже будут не в силах перенести это новое испытание. Но как удержать их! У Гленарвана не хватило на это духу.

— Спустить шлюпку! — крикнул он.

Минута — и шлюпка уже была на воде. Дети капитана Гранта, Гленарван, Джон Манглс, Паганель бросились в нее, и она стремительно понеслась вперед под бешеными ударами весел шести матросов.

В десяти саженьях от берега Мэри крикнула душераздирающим голосом:

— Отец!..

На берегу между двумя другими мужчинами стоял высокий, крепко сложенный человек. Черты его выразительного лица, кроткого и вместе с тем отважного, представляли собой сочетание черт обоих юных Грантов. Несомненно, это был тот самый человек, которого так часто описывали Мэри и Роберт. Сердце не обмануло их — то был их отец, то был капитан Грант.

Капитан услышал крик Мэри, протянул руки и упал на песок, словно пораженный громом.

Глава XXI

Остров табор

От радости не умирают: и отец и дети пришли в себя еще до того, как шлюпка доставила их на яхту. Где найти слова, чтобы описать эту сцену! Вся команда плакала, видя, как эти три существа слились в безмолвном объятии.

Взойдя на палубу «Дункана», олицетворявшую для Гарри Гранта его родную Шотландию, он дрожащим от волнения голосом выразил свою горячую благодарность Гленарвану, а также и его спутникам.

За то короткое время, в течение которого шлюпка доплыла до яхты, Мэри и Роберт успели в нескольких словах рассказать отцу всю историю его поисков.

Как бесконечно был он обязан Элен Гленарван, этой благородной женщине, и ее спутникам! Разве, начиная от Гленарвана и кончая последним матросом, все они не боролись и не страдали ради него! Гарри Грант излил переполнявшую его сердце благодарность с такой простотой, с таким благородством, его мужественное лицо было озарено таким чистым и кротким чувством, что вся команда почувствовала себя вознагражденной с лихвой за все перенесенные испытания. Даже невозмутимый майор не мог не прослезиться. А Паганель плакал, как ребенок, не стараясь даже скрыть свои слезы.

Гарри Грант не сводил глаз с дочери. Он находил ее красивой, очаровательной и повторял ей это вслух, призывая в свидетельницы Элен. А затем, поворачиваясь к сыну, он восклицал с восторгом:

— Как он вырос! Совсем мужчина!

И он осыпал любимых детей бесконечными поцелуями.

Роберт представил отцу по очереди всех своих друзей. И хотя мальчуган старался разнообразить характеристики, но все они совпадали в том, что каждый из спутников Гленарвана прекрасно относился к обоим сиротам. Когда наступила очередь Джона Манглса быть представленным, молодой капитан покраснел, как девушка, и во время разговора с отцом Мэри голос его дрожал.

Элен рассказала капитану Гранту об их путешествии. Капитан мог гордиться и сыном и дочерью.

Гарри Грант узнал о подвигах юного героя, узнал, как мальчик уже отчасти уплатил Гленарвану отцовский долг. Вслед за Элен заговорил Джон Манглс. Он в таких выражениях говорил о Мэри, что Гарри Грант, которому Элен уже успела сообщить в нескольких словах о взаимной любви молодых людей, вложил руку дочери в руку отважного молодого капитана.

Когда все было рассказано и пересказано чуть ли не тысячу раз, Гленарван рассказал Гарри Гранту об Айртоне. По словам капитана, все сообщенное боцманом о его высадке на Австралийское побережье было правдой.

— Это малый с головой, смельчак, — добавил он, — но страсти увлекли его ко злу. Будем надеяться, что он одумается, раскается и вернется к лучшим чувствам.

Но Гарри Гранту хотелось, раньше чем на остров Марии-Терезии будет высажен Айртон, принять там, на своей скале, новых друзей. Он пригласил их посетить его деревянный домик и отобедать за столом Робинзона Океании.

Гленарван и его спутники с удовольствием приняли это приглашение. Роберту и Мэри не терпелось

как можно скорее увидеть места, где так долго тосковал по ним отец.

Снаряжена была лодка, и вскоре капитан с детьми, Эдуард и Элен Гленарван, майор, Джон Мангле и Паганель высадились на берег острова.

Им достаточно было нескольких часов, чтобы обойти владения Гарри Гранта. Этот островок был, в сущности, вершиной подводной горы и представлял собой плоскогорье со множеством базальтовых скал и обломков вулканических пород. Под действием подземного огня гора эта в геологические эпохи Земли мало-помалу поднялась со дна Тихого океана. Но с тех пор прошло уже много веков, вулкан потух, и из вулкана получился мирный островок; на нем образовался плодородный слой почвы; этой новой землей постепенно завладела растительность. Проплывавшие мимо острова китоловы высадили здесь домашних животных — коз и свиней, а те, размножаясь, с течением времени одичали. Таким-то образом на этом островке, затерянном среди Тихого океана, появились представители трех царств природы. Когда же на острове очутились моряки, потерпевшие крушение на «Британии», силы природы стали направляться рукой человека. За два с половиной года пребывания на острове Гарри Грант и его матросы совершенно преобразили его. Несколько тщательно обработанных ими акров земли приносили им превосходные овощи.

Гости подошли к домику, осененному зелеными камедными деревьями; перед окнами его расстилалось живописное море, сверкавшее под лучами солнца. Поставили стол под раскидистыми деревьями, и все уселись вокруг него. Были поданы задняя ножка козленка, хлеб из нарду, несколько чашек молока, два-три стебля дикого цикория, чистая холодная вода.

Паганель был очарован. Воскресли его старые мечты стать Робинзоном.

— Жалеть этого плута Айртона не приходится: этот островок — настоящий рай! — с восторгом воскликнул географ.

— Да, он действительно был раем для трех несчастных, потерпевших крушение, — отозвался Гарри Грант. — Но я очень жалею, что он не представляет собой обширного, плодородного острова, где бы вместо ручья протекала река и вместо бухточки был удобный порт.

— А почему вы об этом жалеете, капитан? — спросил Гленарван.

— Потому что я основал бы здесь, в Тихом океане, колонию, которую подарил бы Шотландии.

— Вот как, капитан Грант! Вы, стало быть, не оставили того замысла, который сделал вас столь популярным на нашей родине? — проговорил Гленарван.

— Нет, не оставил, сэр. И мне думается, что спасен я вами именно для того, чтобы иметь возможность осуществить этот замысел. Нужно, чтобы наши несчастные бедняки, обитатели древней Каледонии, нашли на новой земле убежище от нищеты. Нашей дорогой родине нужно иметь в этих морях свою, ей одной принадлежащую колонию, где у нее было бы хоть немного той независимости, того благосостояния, которых ей так недостает в Европе!

— А! Это хорошо сказано, капитан Грант! — сказала Элен. — Прекрасный план, достойный благородного сердца! Но этот островок...

— Наш скалистый островок смог бы прокормить самое большее нескольких колонистов, а нам нужны земли обширные, плодородные.

— Ну что ж, капитан, — воскликнул Гленарван, — будущее в наших руках! Будем искать эти земли вместе.

Тут Гарри Грант и Гленарван крепко пожали друг другу руки, как бы закрепляя этим данное обещание.

Затем всем захотелось услышать на этом самом островке, в этом скромном домике рассказ о том, как потерпевшие крушение на «Британии» прожили вдали от людей эти два долгих года.

Гарри Грант охотно исполнил желание своих новых друзей.

— История моя, — начал он, — это история всех робинзонов, заброшенных на пустынный остров. Будучи принуждены рассчитывать лишь на себя, эти робинзоны понимают, что они должны бороться за свою жизнь с силами природы. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июня 1862 года «Британия», потеряв управление во время шестидневной бури, разбилась о скалы острова Марии-Терезии. Море так бушевало, что организовать спасение было невозможно, и вся моя несчастная команда погибла. Только двум матросам, Бобу Пирсу и Джо Беллу, и мне после многих тщетных попыток удалось добраться до берега.

Земля, приютившая нас, представляла собой пустынный островок длиной в пять миль, шириной в две. На нем росло около тридцати деревьев, было несколько лугов, а также источник свежей воды, к счастью никогда не пересыхавший. Очутившись с моими двумя матросами в этом затерянном уголке земного шара, я не пал духом и приготовился к упорной борьбе. Боб и Джо, мои отважные товарищи по несчастью, стали энергично помогать мне.

По примеру Робинзона, созданного воображением Даниэля Дефо, мы начали с того, что подобрали обломки судна, инструменты, небольшое количество пороха, оружие и мешок с драгоценным для нас зерном. Первые дни были трудны, но вскоре охота и рыбная ловля обеспечили нас пищей: остров кишел дикими козами, а у берегов водилось множество морских животных. Мало-помалу наша жизнь наладилась.

Благодаря тому что мне удалось спасти от крушения свои инструменты, я точно знал, где находится наш островок, знал, что он лежит вдали от обычных путей судов и что только счастливый случай может выручить нас. Не переставая думать о моих любимых детях, но уже не надеясь снова увидеть их, я мужественно принял выпавшее мне на долю испытание. Между тем мы работали не покладая рук. Вскоре несколько акров земли были засеяны семенами, бывшими на «Британии». Картофель, цикорий и щавель сделали нашу обычную пищу более здоровой. Со временем появились и другие овощи. Мы поймали несколько козлят. Их удалось легко приручить. У нас появилось молоко, масло. Из нарду, росшего на дне пересохших ручьев, мы стали печь довольно питательный хлеб. Словом, материальная сторона жизни перестала нас беспокоить.

Мы выстроили себе домик из выброшенных на берег обломков «Британии», покрыли его тщательно просмоленными парусами. Таким образом получилось надежное убежище, где мы благополучно пережили период дождей. Сколько в этом домике обсуждалось планов, сколько была мечтаний! И самая чудесная из наших грез ныне сбылась! Сначала я хотел было пуститься в море на лодке, сделанной из обломков «Британии», но ближайшая земля — архипелаг Паумоту — отстояла от нас на полторы тысячи миль. Никакая лодка не смогла бы выдержать подобный переход. Мне пришлось отказаться от этой мысли. Только счастливый случай мог спасти нас.

Ах, дорогие мои дети! Сколько раз высматривали мы с береговых скал, не появится ли судно в морской дали! За все время нашего здесь заточения на горизонте только два-три раза показались паруса, но, показавшись, тотчас исчезали. Так прошло два с половиной года. Мы уже перестали надеяться, но еще не отчаивались.

Наконец вчера, взобравшись на самую высокую из здешних гор, я вдруг увидел на западе легкий дымок. Он стал расти. Вскоре я различил судно. Казалось, оно направлялось к нам. Но не пройдет ли оно мимо этого островка? Ведь ему незачем было бы здесь останавливаться.

Ах, что это был за мучительный день! Как сердце не разорвалось у меня в груди! Мои товарищи зажгли костер на вершине одной из здешних гор. Наступила ночь, но яхта ничем не дала знать, что нас заметили. А ведь в яхте этой было все наше спасение. Неужели и она исчезнет из наших глаз! Колебаниям не было места. Тьма сгущалась. Ночью судно могло обогнуть остров и уйти. Я бросился в воду и поплыл к нему. Надежда утраивала мои силы. Я с нечеловеческой энергией рассекал волны. Уже яхта была от меня в каких-нибудь тридцати саженях, когда вдруг она переменяла галс. Тогда-то я испустил те отчаянные крики, которые были услышаны только моими детьми и которые не были иллюзией. Затем я вернулся на берег, обессиленный, сломленный волнением и усталостью. Матросы подобрали меня полумертвым. Эта последняя ночь, проведенная нами на острове, была ужасной. Мы уже считали себя навсегда обреченными на одиночество. Но вот стало рассветать, и мы увидели, что яхта все еще здесь и медленно лавирует. Потом вы спустили шлюпку... Мы были спасены! И какое великое счастье: дети, мои дорогие дети были в этой шлюпке и протягивали ко мне руки!..

Рассказ Гарри Гранта закончился среди поцелуев и ласк, которыми осыпали его Мэри и Роберт. И тут только узнал капитан, что был обязан своим спасением тому довольно-таки непонятному документу, который он через неделю после крушения вложил в бутылку и бросил в море.

Но о чем думал Жак Паганель во время рассказа капитана Гранта?

Почтенный географ в тысячный раз перебирал в уме слова документа. Он припоминал одно за другим все три своих толкования, которые все три оказались неверными. Как же был обозначен на этих полуизъеденных морской водой листках остров Марии-Терезии?

Паганель не вытерпел. Он схватил за руку Гарри Гранта.

— Капитан, — воскликнул он, — да скажите же мне наконец, что заключалось в вашем загадочном документе!

Услышав эти слова географа, все насторожились: ведь сейчас им предстояло услышать разгадку той тайны, которую они тщетно пытались разгадать в течение девяти месяцев!

— Точно ли вы помните, капитан, содержание документа? — продолжал Паганель.

— Помню совершенно точно, — ответил Гарри Грант. — Дня не проходило без того, чтобы я не припоминал этих слов: ведь на них была вся наша надежда.

— Что же это за слова, капитан? — спросил Гленарван. — Откройте нам их: наше самолюбие задето за живое!

— Я к вашим услугам, — ответил Гарри Грант. — Вам, конечно, известно, что, стремясь увеличить шансы на спасение, я вложил в бутылку три документа, написанные на трех языках. Какой из трех вас интересует?

— Так они не тождественны? — воскликнул Паганель.

— Тождественны, за исключением одного названия.

— Тогда будьте добры сообщить нам французский текст, — сказал Гленарван — он был наименее поврежден водой, и наши толкования основывались главным образом на нем.

— Вот этот документ, слово в слово: «Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, потерпело крушение в тысяче пятистах лье от Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант добрались до острова Табор...»

— Что? — воскликнул Паганель.

— «Здесь, — продолжал Гарри Грант, — постоянно терпя жестокие лишения, они бросили этот

документ под 153° долготы и 37°11' широты. Придите им на помощь».

Услышав слово «Табор», Паганель вскочил с места. Затем, не будучи в силах сдержать себя, он воскликнул:

— Как — остров Табор? Да ведь это же остров Марии-Терезии!

— Совершенно верно, мистер Паганель, — ответил Гарри Грант. — На английских и немецких картах — Мария-Терезия, а на французских — Табор.

В эту минуту полновесный удар кулака обрушился на плечо Паганеля и пригнул его к земле. В интересах истины приходится признаться, что это было делом майора, впервые вышедшего из рамок строгой корректности.

— Географ! — сказал с глубочайшим презрением Мак-Наббс.

Но Паганель даже и не почувствовал удара. Что значил этот удар по сравнению с ударом, нанесенным его самолюбию ученого!

Итак, как рассказал он об этом капитану Гранту, он постепенно приближался к истине. Патагония, Австралия, Новая Зеландия казались ему бесспорным местонахождением потерпевших крушение. Обрывок слова *contin*, который он истолковал сначала как *continent* (континент), постепенно получил свое подлинное значение: *continuelle* (постоянная); *indi* означало сначала *indiens* (индейцы), потом *indigenes* (туземцы) и, наконец, было правильно понято как слово *indigence* (лишения). Только обрывок слова *abor* ввел в заблуждение проницательного географа. Паганель упорно видел в нем корень глагола *aborder* (причаливать), между тем как это было частью французского названия того острова Марии-Терезии, где нашли приют потерпевшие крушение на «Британии»: остров Табор. Правда, этой ошибки трудно было избежать, раз на корабельных картах, имевшихся на «Дункане», этот островок значился под названием «Мария-Терезия».

— Но все равно! — воскликнул Паганель; он рвал на себе волосы в отчаянии. — Я не должен был забывать об этом двойном названии! Это непростительная ошибка, заблуждение, недостойное секретаря Географического общества! Я опозорен!

— Господин Паганель, успокойтесь! — утешала географа Элен.

— Нет, нет! Я настоящий осел!

— И даже необученный, — отозвался в виде утешения ему майор.

Когда обед был окончен, Гарри Грант позаботился о приведении в порядок всего своего домашнего хозяйства. Он ничего не брал с собой, желая, чтобы преступник унаследовал имущество честного человека.

Все вернулись на борт «Дункана». Гленарван хотел отплыть в этот же день и потому дал приказ высадит боцмана на остров. Айртон был приведен на ют, где находился и Гарри Грант.

— Это я, Айртон, — промолвил Грант.

— Вижу, капитан, — отозвался боцман без малейшего признака удивления. — Ну что же, рад вас видеть в добром здоровье.

— По-видимому, Айртон, я сделал ошибку, высадив вас в обитаемых местах.

— По-видимому, капитан.

— Вы сейчас останетесь вместо меня на этом пустынном островке. Я надеюсь, что вы раскаетесь в том зле, которое причинили людям.

— Все может быть, — спокойно ответил Айртон.

Гленарван обратился к боцману:

— Итак, Айртон, вы продолжаете настаивать на том, чтобы я высадил вас на необитаемый остров?

— Да.

— Остров Табор вам подходит?

— Совершенно.

— Теперь, Айртон, выслушайте то, что я хочу напоследок сказать вам. Вы окажетесь здесь вдали от всякой иной земли, без всякой возможности общения с другим людьми. Чудеса редки: вам не убежать с этого островка, на котором оставит вас «Дункан». Вы будете один, но вы не будете затеряны, отрезаны от мира, как капитан Грант. Хотя вы не заслуживаете того, чтобы люди помнили о вас, но они все же будут о вас помнить. Я знаю, где найти вас, Айртон, и этого не забуду.

— Очень вам признателен, — просто ответил Айртон.

То были последние слова, которыми обменялись Гленарван и боцман.

Шлюпка уже стояла наготове, Айртон спустился в нее.

Джон Манглс заранее распорядился перевезти на остров несколько ящиков с консервами, одежду, инструменты, оружие, а также запас пороха и пуль. Таким образом, боцман получил возможность работать и, работая, переродиться. У него было все необходимое, даже книги.

Настал час расставания. Команда и пассажиры собрались на палубе. У многих сжималось сердце. Мэри Грант и Элен не могли скрыть своего волнения.

— Так это необходимо? — обратилась молодая женщина к мужу. — Необходимо покинуть здесь этого несчастного?

— Да, Элен, необходимо, — ответил Гленарван. — Это искупление!

В эту минуту шлюпка, по команде Джона Манглса, отвалила от борта. Айртон, как всегда невозмутимый, стоя, снял шляпу и с суровой важностью поклонился.

Гленарван, а за ним вся команда обнажили головы, точно у постели умирающего. Шлюпка все удалялась. Все на палубе молчали.

Когда шлюпка подошла к берегу, Айртон выскочил на песок, а шлюпка вернулась к яхте. Было четыре часа пополудни. С юта пассажиры видели, как боцман, скрестив на груди руки, неподвижно, словно статуя, стоял на прибрежной скале. Глаза его были устремлены на «Дункан».

— Отправляемся, сэр? — спросил Джон Манглс.

— Да, Джон, — ответил Гленарван; он был взволнован, но старался не показать этого.

— Вперед! — крикнул капитан механику.

Пар засвистел по трубам, винт закрутился, и в восемь часов последние вершины острова Табор скрылись в вечерней мгле.

Глава XXII

Последняя рассеянность Жака Паганеля

18 марта, через одиннадцать дней после того, как «Дункан» отплыл от острова Табор, показались берега Америки, а на следующий день яхта бросила якорь в бухте Талькагуано.

Она вернулась сюда после пятимесячного плавания, во время которого, строго придерживаясь тридцать седьмой параллели, обошла вокруг всего земного шара. Участники этой достопамятной, не имевшей прецедента в летописях Клуба путешественников экспедиции побывали в Чили, в пампасах, в Аргентинской республике, на Атлантическом океане, на островах Тристан-да Кунья, в Индийском океане, на Амстердамских островах, в Австралии, в Новой Зеландии, на острове Табор и в Тихом океане. И усилия участников этой экспедиции были не бесплодны: они возвращали родине моряков, потерпевших крушение на «Британии».

Ни один из отозвавшихся на призыв Гленарвана храбрых шотландцев не поплатился жизнью. Все они, живые и невредимые, возвращались в свою старую Шотландию. Эта экспедиция напоминала те битвы, которые в древней истории назывались «битвами без слез».

Пополнив свои запасы, «Дункан» двинулся вдоль берегов Патагонии и, обогнув мыс Горн, пошел по Атлантическому океану.

Ни одно путешествие не протекало более благоприятно. Яхта казалась доверху нагруженной счастьем. На борту больше не было тайн. Все было ясно, не исключая и нежных чувств Джона Манглса к Мэри Грант.

Впрочем, нет, было нечто и непонятное, и оно не давало покоя Мак-Наббсу. Почему Паганель всегда так герметически застегивал свои одежды и укутывался по самые уши в свое кашне? Майору не терпелось узнать, чем вызвана эта странная причуда.

Но надо сказать, что, несмотря на все расспросы, все намеки, все подозрения Мак-Наббса, Паганель так ни разу и не расстегнулся. Да, не расстегнулся даже и тогда, когда «Дункан» пересекал экватор и смола, которой были залиты пазы палубы, растопилась от пятидесятиградусного зноя.

— Он так рассеян, что воображает себя в Петербурге, — говорил майор, видя, как Паганель кутается в широчайший плащ, словно стоял такой холод, когда ртуть замерзает в термометре.

Наконец 9 мая, через пятьдесят три дня после выхода из бухты Талькагуано, Джон Манглс заметил маячные огни мыса Клир. Яхта вошла в канал св. Георга, прошла через Ирландское море и 10 мая была в заливе Клайд. В одиннадцать часов утра «Дункан» бросил якорь у Думбартона, а в два часа ночи его пассажиры, приветствуемые громким «ура» горцев, уже входили в Малькольмский замок.

Так, значит, было суждено, что Гарри Грант и его два товарища будут спасены, что Мэри Грант будет обвенчана с Джоном Манглсом в старинном соборе св. Мунго; суждено, что Роберт станет таким же бравым моряком, как Гарри Грант и Джон Манглс, а также и то, что он будет работать вместе с ними, при помощи Гленарвана, над осуществлением проекта капитана Гранта. Но было ли суждено Паганелю умереть холостяком? По-видимому, нет.

Действительно, наш ученый после всех своих героических подвигов не мог не стать знаменитым. Рассеянность его производила фурор в светском обществе Шотландии. Географа вырывали друг у друга, и он прямо-таки не был в состоянии побывать везде, куда его приглашали.

Тогда-то одна милейшая тридцатилетняя девица, не кто иная, как двоюродная сестра майора Мак-Наббса, особа несколько эксцентричная, но добрая и еще прелестная, влюбилась в чудака-географа и предложила ему руку и сердце. В руке этой был миллион, но это обходили молчанием.

Паганель далеко не был равнодушен к нежным чувствам, питаемым к нему мисс Арабеллой, однако высказаться он не решался.

Посредником между этими двумя сердцами, созданными друг для друга, явился майор. Он даже сказал Паганелю, что женитьба — это та «последняя рассеянность», которую географ мог бы себе еще позволить.

Но странно! Паганель в замешательстве никак не мог вымолвить решительного слова.

— Разве мисс Арабелла вам не нравится? — не раз спрашивал Мак-Наббс.

— Что вы, майор! Она очаровательна, — восклицал Паганель, — даже слишком очаровательна! И, признаться, я рад был бы, если б этого очарования в мисс Арабелле было поменьше. Мне бы хотелось найти в ней хоть один недостаток!

— Успокойтесь, — отвечал майор, — недостатки найдутся, и не один. У самой безупречной женщины есть свои недостатки. Итак, Паганель, это дело решенное?

— Не смею, — отвечал Паганель.

— Но скажите же, мой ученый друг, почему вы колеблетесь?

— Я недостоин мисс Арабеллы, — отвечал неизменно географ.

Так на этом он и стоял.

Наконец однажды настойчивый майор так прижал географа, что тот, правда под большим секретом, поведал ему нечто, что было бы очень на руку полиции, если бы ей когда-нибудь понадобились приметы нашего ученого.

— Вот что! — восклицал майор.

— Да, это так, — подтвердил Паганель.

— Но какое же это может иметь значение, мой достойный друг?

— Вы так думаете?

— Наоборот, благодаря этому вы еще более необычны. Это является добавлением к вашим личным достоинствам. Это делает вас единственным в своем роде человеком, а о таком именно муже и мечтала всегда Арабелла.

Сказав это, майор с невозмутимо серьезным видом вышел, оставив Паганеля в мучительной тревоге.

Между Мак-Наббсом и Арабеллой произошел короткий разговор.

Через две недели в Малькольмском замке с большой помпой праздновалась свадьба Жака Паганеля и мисс Арабеллы. Жених был великолепен, но все же застегнут на все пуговицы, невеста — восхитительна.

И тайна Паганеля так и осталась бы навсегда погребенной, если б майор не поделился этой тайной с Гленарваном, а тот не рассказал бы о ней Элен, а Элен, в свою очередь, не шепнула бы об этом миссис Мангле. Одним словом, тайна дошла до миссис Олбинет, а тут уж стала общим достоянием.

Паганель во время своего трехдневного пребывания у маори был **татуирован** — татуирован от ног до самых плеч. На груди у него была изображена геральдическая птица киви, раскинувшая крылья и впившаяся клювом в его сердце.

Это — и только это — приключение Паганеля причинило ему большое горе. Он никогда не простил новозеландцам своей татуировки. Она же была причиной того, что он, несмотря на многочисленные приглашения, так и не вернулся в родную Францию, хотя очень жалел об этом. Ученый боялся, как бы Географическое общество в лице своего свежетатуированного ученого секретаря не подверглось насмешкам карикатуристов и газетных острословов.

Возвращение капитана Гранта на родину было отпраздновано шотландцами как событие общенародного значения, и Гарри Грант стал самым популярным человеком во всей древней Каледонии. Сын его Роберт сделался таким же моряком, как и он, как капитан Джон Манглс, и под покровительством Гленарвана работает над осуществлением отцовского проекта по созданию шотландской колонии на островах Тихого океана.

Двадцать тысяч лье под водой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ПЛАВАЮЩИЙ РИФ

1866 год ознаменовался удивительным происшествием, которое, вероятно, еще многим памятно. Не говоря уже о том, что слухи, ходившие в связи с необъяснимым явлением, о котором идет речь, волновали жителей приморских городов и континентов, они еще сеяли тревогу и среди моряков. Купцы, судовладельцы, капитаны судов, шкиперы как в Европе, так и в Америке, моряки военного флота всех стран, даже правительства различных государств Старого и Нового Света были озабочены событием, не поддающимся объяснению.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли стали встречать в море какой-то длинный, фосфоресцирующий, веретенообразный предмет, далеко превосходивший кита как размерами, так и быстротой передвижения.

Записи, сделанные в бортовых журналах разных судов, удивительно схожи в описании внешнего вида загадочного существа или предмета, неслыханной скорости и силы его движений, а также особенностей его поведения. Если это было китообразное, то, судя по описаниям, оно превосходило величиной всех донине известных в науке представителей этого отряда. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование такого феномена, не увидев его собственными глазами, вернее, глазами ученых.

Оставляя без внимания чересчур осторожные оценки, по которым в пресловутом существе было не более двухсот футов длины, отвергая явные преувеличения, по которым оно рисовалось каким-то гигантом – в ширину одна миля, в длину три мили! – все же надо было допустить, придерживаясь золотой середины, что диковинный зверь, если только он существует, в значительной степени превосходит размеры, установленные современными зоологами.

По свойственной человеку склонности верить во всякие чудеса легко понять, как взволновало умы это необычное явление. Некоторые пытались было отнести всю эту историю в область пустых слухов, но напрасно! Животное все же существовало; этот факт не подлежал ни малейшему сомнению.

Двадцатого июля 1866 года судно «Гавернор-Хигинсон» паровой компании «Калькутта энд Бернах» встретило огромную плавучую массу в пяти милях от восточных берегов Австралии. Капитан Бэкер поначалу решил, что он обнаружил не занесенный на карты риф; он принялся было устанавливать его координаты, но тут из недр этой темной массы вдруг вырвалось два водяных столба и со свистом взлетели в воздух футов на полтора. Что за причина? Подводный риф, подверженный извержениям гейзеров? Или же просто-напросто какое-нибудь морское млекопитающее, которое выбрасывало из ноздрей вместе с воздухом фонтаны воды?

Двадцать третьего июля того же года подобное явление наблюдалось в водах Тихого океана с парохода «Кристалл-Колон», принадлежащего Тихоокеанской Вест-Индской паровой компании. Слышанное ли дело, чтобы какое-либо китообразное способно было передвигаться с такой

сверхъестественной скоростью? В течение трех дней два парохода – «Гавернор-Хиггинсон» и «Кристал-Колон» – встретили его в двух точках земного шара, отстоящих одна от другой более чем на семьсот морских лье![\[76\]](#)

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье от вышеупомянутого места пароходы «Гельвеция», Национальной паровой компании, и «Шанон», паровой компании «Рояль-Мэйл», шедшие конгралсом, встретившись в Атлантическом океане на пути между Америкой и Европой, обнаружили морское чудовище под 42°15 северной широты и 60°35 долготы, к западу от Гринвичского меридиана. При совместном наблюдении установили на глаз, что в длину млекопитающее по меньшей мере достигает трехсот пятидесяти английских футов.[\[77\]](#) Они исходили из того расчета, что «Шанон» и «Гельвеция» были меньше животного, хотя оба имели по сто метров от форштевня до ахтерштевня. Самые громадные киты, что водятся в районе Алеутских островов, и те не превышали пятидесяти шести метров в длину, – если вообще достигали подобных размеров!

Эти донесения, поступившие одно вслед за другим, новые сообщения с борта трансатлантического парохода «Пэрер», столкновение чудовища с судном «Этна», акт, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», и обстоятельный отчет, поступивший от коммодора Фитц-Джеймса с борта «Лорд-Кляйда», – все это серьезно встревожило общественное мнение. В странах, легкомысленно настроенных, феномен служил неисчерпаемой темой шуток, но в странах положительных и практических, как Англия, Америка, Германия, им живо заинтересовались.

Во всех столицах морское чудовище вошло в моду: о нем пелись песенки в кафе, над ним издевались в газетах, его выводили на подмостках театров. Для газетных уток открылась оказия нести яйца всех цветов. Журналы принялись извлекать на свет всяких фантастических гигантов, начиная от белого кита, страшного «Моби Дика» арктических стран, до чудовищных осьминогов, которые в состоянии своими щупальцами опутать судно в пятьсот тонн водоизмещением и увлечь его в пучины океана. Извлекли из-под спуда старинные рукописи, труды Аристотеля и Плиния, допускавших существование морских чудовищ, норвежские рассказы епископа Понтопидана, сообщения Поля Геггеда и, наконец, донесения Харингтона, добропорядочность которого не подлежит сомнению, утверждавшего, что в 1857 году, находясь на борту «Кастиллана», он собственными глазами видел чудовищного морского змея, до того времени посещавшего только воды блаженной памяти «Конститюсьонель».

В ученых обществах и на страницах научных журналов поднялась нескончаемая полемическая возня между верующими и неверующими. Чудовищное животное послужило волнующей темой. Журналисты, поклонники науки, в борьбе со своими противниками, выезжавшими на остроумии, пролили в эту памятную эпопею потоки чернил; а некоторые из них даже пролили две-три капли крови, потому что из-за этого морского змея дело буквально доходило до схваток!

Шесть месяцев длилась эта война с переменным успехом. На серьезные научные статьи журналов Бразильского географического института, Берлинской королевской академии наук, Британской ассоциации, Смитсоновского института в Вашингтоне, на дискуссию солидных журналов «Индиан Аршипелаго», «Космоса» аббата Муаньо, «Миттейлугген» Петерманна, на научные заметки солидных французских и иностранных газет бульварная пресса отвечала неистощимыми насмешками. Пародируя изречение Линнея, приведенное кем-то из противников чудовища, журнальные остроумцы утверждали, что «природа не создает глупцов», и заклинали своих современников не оскорблять природу, приписывая ей создание неправдоподобных спрутов, морских змей, разных «Моби Диков», которые существуют-де только в расстроенном воображении моряков! Наконец, популярный сатирический журнал в лице известного писателя, ринувшегося на морское чудо, как новый Ипполит, нанес ему, при всеобщем смехе, последний удар пером юмориста. Остроумие победило науку.

В первые месяцы 1867 года вопрос о новоявленном чуде, казалось, был похоронен, и, по-видимому, ему не предстояло воскреснуть. Но тут новые факты стали известны публике. Дело шло уже не о разрешении интересной научной проблемы, но о серьезной действительной опасности. Вопрос принял новое освещение. Морское чудище превратилось в остров, скалу, риф, но риф блуждающий, неуловимый, загадочный!

Пятого марта 1867 года пароход «Моравиа», принадлежавший Монреальской океанской компании, под 27°30 широты и 72°15 долготы ударился на полном ходу о подводные скалы, не обозначенные ни на каких штурманских картах. Благодаря попутному ветру и машине в четыреста лошадиных сил пароход делал тринадцать узлов. Удар был настолько сильный, что, не обладая корпус судна исключительной прочностью, столкновение кончилось бы гибелью парохода и двухсот тридцати семи человек, считая команду и пассажиров, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло около пяти часов утра, на рассвете. Вахтенные офицеры кинулись к корме. Они осмотрели поверхность океана самым тщательнейшим образом. Но ничего подозрительного не заметили, если не считать большой волны, поднятой на водной глади на расстоянии трех кабельтовых. Установив координаты, «Моравиа» продолжала свой путь без явных признаков аварии. На что же наткнулся пароход? На подводный риф или на остов разбитого корабля? Никто этого не знал. Но позже, в доке, при осмотре подводной части судна, оказалось, что часть киля повреждена.

Происшествие, само по себе серьезное, вероятно, было бы вскоре предано забвению, подобно многим другим, если бы три недели спустя оно не повторилось при тех же условиях. И благодаря тому, что пострадавшее судно шло под флагом крупной державы и принадлежало влиятельной пароходной компании, несчастный случай получил широкую огласку.

Имя английского судовладельца Кюнарда известно всякому. Этот ловкий делец открыл в 1840 году регулярное почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, имея три деревянных колесных парохода мощностью в четыреста лошадиных сил и водоизмещением в тысячу сто шестьдесят две тонны.

Восемь лет спустя количество судов пароходной компании увеличилось четырьмя судами мощностью в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и водоизмещением в тысячу восемьсот двадцать тонн. А двумя годами позже прибавились еще два судна, превосходившие своих предшественников мощностью и тоннажем. В 1853 году пароходная компания Кюнарда возобновила преимущественное право перевозить спешную почту и постепенно ввела в состав своей флотилии новые суда, как то: «Аравия», «Персия», «Китай», «Шотландия», «Ява», «Россия». Все эти суда отличались быстрым ходом и размерами уступали только «Грейт-Истерну». В 1867 году пароходная компания владела двенадцатью судами, из которых восемь было колесных и четыре винтовых.

Вдаваясь в такие подробности, я хочу яснее показать значение этой компании морского пароходства, которая своей четкостью в работе приобрела мировую известность. Ни одно трансокеанское пароходное предприятие не было руководимо с таким умением; ни одно дело не увенчалось таким успехом. В течение двадцати шести лет суда пароходства Кюнарда две тысячи раз пересекли Атлантический океан, ни разу не отменив рейса, ни разу не опоздав против расписания, ни разу не потеряв ни одного письма, ни одного человека, ни одного судна за время своего плаванья! И по сию пору, несмотря на сильную конкуренцию со стороны Франции, пассажиры предпочитают пароходную компанию Кюнарда всем прочим компаниям, как это видно из официальных документов за последние годы. Приняв во внимание все эти обстоятельства, легко понять, какой поднялся шум вокруг аварии, постигшей один из лучших пароходов компании Кюнарда.

Тринадцатого апреля 1867 года «Шотландия» находилась под 15°12 долготы и 45°37 широты. Море было спокойное, дул легкий ветерок. Тысячесильная машина сообщала пароходу скорость в тринадцать и

сорок три сотых узла. Колеса парохода равномерно рассекали морские волны. Осадка судна равнялась шести метрам семидесяти сантиметрам, а его водоизмещение – шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут пополудни, в то время как пассажиры завтракали в кают-компании, корпус парохода вздрогнул от легкого удара в кормовую часть, несколько позади колеса левого борта.

По характеру толчка можно было предположить, что удар был нанесен каким-то острым предметом. Притом толчок был настолько слабым, что никто на борту не обратил бы на это внимания, если бы не кочегары, которые, избежав на палубу, кричали:

– Течь в трюме! Течь в трюме!

В первую минуту пассажиры, естественно, всполошились, но капитан Андерсон успокоил их. Действительно, судну не грозила опасность. Пароход, разделенный на семь отсеков водонепроницаемыми переборками, мог не бояться какой-то легкой пробоины.

Капитан Андерсон тотчас же спустился в трюм. Он установил, что пятый отсек залит водой и, судя по скорости, с которой вода прибывала, пробоина в борту была значительна. К счастью, в этом отсеке не было паровых котлов, иначе вода мгновенно погасила бы топки.

Капитан Андерсон распорядился остановить машины и затем приказал одному из матросов, опустившись в воду, осмотреть пробоину. Через несколько минут было выяснено, что в подводной части парохода имеется пробоина шириной в два метра. Такую пробоину не было возможности заделать, и «Шотландия», с колесами, наполовину погруженными в воду, продолжала свой путь. Авария произошла в трехстах милях от мыса Клэр. Итак, «Шотландия» пришла в Ливерпульский порт и причалила к пристани компании с опозданием на три дня, вызвав тем самым живейшее беспокойство.

Пароход поставили в сухой док, и инженеры компании осмотрели судно. Они не верили своим глазам. В корпусе судна, в двух с половиной метрах ниже ватерлинии, зияла пробоина в виде равнобедренного треугольника. Края пробоины были ровные, их как бы вырезали резцом. Очевидно, орудие, пробившее корпус судна, обладало замечательной закалкой. Притом, пробив листовое железо толщиной в четыре сантиметра, оно само собой высвободилось из пробоины! Это обстоятельство было уже совершенно необъяснимо!

С того времени все морские катастрофы от невыясненных причин стали относить на счет животного. Мифическому зверю пришлось отвечать за многие кораблекрушения. А число их, к сожалению, значительно, ибо двести по крайней мере из трех тысяч судов, о гибели которых ежегодно сообщается в «Бюро-Веритас», считаются «пропавшими без вести».

Так или иначе, но по милости «чудовища» сообщение между материками становилось все более и более опасным, и общественное мнение настоятельно требовало, чтобы моря были очищены любой ценой от грозного китообразного.

Глава вторая

«ЗА» И «ПРОТИВ»

В то время, когда происходили описываемые события, я возвращался из путешествия по штату Небраска в Северной Америке, предпринятого с целью изучения этого неизведанного края. Французское правительство прикомандировало меня к научной экспедиции как адъюнкт-профессора при Парижском музее естественной истории. Собрав за шесть месяцев странствий по Небраске драгоценнейшие коллекции, я в конце марта прибыл в Нью-Йорк. Я предполагал выехать во Францию в первых числах мая. Итак, досуг, оставшийся до отъезда, я посвятил классификации моих минералогических, ботанических и зоологических богатств. Именно в это время и произошла авария с пароходом «Шотландия».

Я был, разумеется, в курсе событий, беспокоивших общественное мнение, да и могло ли быть иначе? Я читал и перечитывал все американские и европейские газеты, но ясности в вопрос, волновавший всех, они не вносили. Таинственная история подстрекала мое любопытство. В поисках истины я бросался из одной крайности в другую. Что тут крылась тайна, сомневаться не приходилось, а скептикам предоставлялось право «вложить перст в раны» «Шотландии».

Я приехал в Нью-Йорк в самом разгаре споров, поднятых вокруг этого события. Предположения относительно блуждающего острова, неуловимого рифа, выдвинутые лицами малокомпетентными, были окончательно отброшены. И в самом деле, как мог бы передвигаться с такой скоростью пресловутый риф, если бы у него не было мощной машины? Отвергнута была и гипотеза о блуждающем острове потонувшего гигантского корабля, передвигавшегося также с необъяснимой скоростью.

Оставались два возможных решения вопроса, имевшие своих сторонников: одни приписывали все беды животному колоссальной величины, другие предполагали существование подводного судна с необычайно мощным двигателем.

Последнее предположение, наиболее правдоподобное, отпало в результате расследования, произведенного в обоих полушариях. Трудно было предположить, чтобы частное лицо владело подобным судном. Где и когда было оно построено? И как строительство такого гиганта могло сохраниться в тайне?

Только государство в состоянии было создать механизм, обладающий столь разрушительной силой. В нашу эпоху, когда человеческий ум изощряется в изобретении смертоносных орудий, легко допустить, что какое-нибудь государство втайне от остальных соорудило и испытывало эту грозную машину. После ружей Шасепо – торпеды, после торпед – подводные тараны, потом – затишье. По крайней мере я на это надеюсь.

Но предположение относительно военного подводного корабля рухнуло ввиду поступивших от всех правительств заявлений об их непричастности к этому делу. В искренности правительственных заявлений нельзя было усомниться, поскольку опасность угрожала международным трансокеанским сообщениям. И помимо того, как могло ускользнуть от общественного внимания сооружение гигантского подводного судна? Сохранить тайну в подобных условиях чрезвычайно трудно частному лицу и совершенно немыслимо отдельному государству, за каждым действием которого ревниво следят могущественные державы-соперницы.

Итак, после того как были наведены справки в Англии, Франции, России, Пруссии, Испании, Италии, Америке и даже в Турции, гипотеза насчет подводного монитора решительно отпала.

Опять на поверхность вод, несмотря на насмешки бульварной прессы, всплыло пресловутое

чудовище, и возбужденное воображение рисовало самые нелепые картины из области ихтиологической фантастики.

По приезде моем в Нью-Йорк многие лица оказывали честь консультироваться со мной по этому волнующему вопросу. Еще в бытность мою во Франции я выпустил в свет книгу в двух томах in-quarto, [78] озаглавленную «Тайны морских глубин». Эта книга, встретившая хороший прием в научном мире, создала мне славу специалиста в сравнительно мало изученной отрасли естественной истории. Меня просили высказать свое мнение по этому вопросу. Но, поскольку в моем распоряжении не было никакого фактического материала, я уклонялся, ссылаясь на свою полную неосведомленность. Однако, прижатый к стене, я вынужден был вынести свое суждение. И «уважаемый Пьер Аронакс, профессор Парижского музея», к которому обратились репортеры «Нью-Йорк геральд» с просьбой «сформулировать свое суждение», наконец сдался.

Я заговорил, потому что молчание становилось уже неприличным. Я рассмотрел вопрос со всех сторон, с политической и научной. Привожу выдержку из статьи, появившейся 30 апреля в газете.

«Итак, – писал я, – взвесив одну за другой все выдвинутые гипотезы и не имея иных более солидных предположений, приходится допустить существование морского животного, обладающего огромной силой.

Глубинные слои океана почти не исследованы. Никакой зонд еще не достигал до них. Что творится в неведомых безднах? Какие существа живут и могут жить в двенадцати или пятнадцати милях под уровнем вод? Что за организм у этих животных? Любое предположение было бы гадательным.

Решение стоящей перед нами задачи может быть двояким.

Или нам известны все виды существ, населяющих нашу планету, или они не все нам известны.

Если нам известны не все виды живых существ, если в области ихтиологии природа хранит от нас тайны, нет никаких оснований не допускать существования рыб или китообразных неизвестных нам видов или даже родов, особых «глубоководных» организмов, приспособленных жить в глубинных водных слоях и только лишь в силу каких-то физических законов или, если угодно, причуд природы всплывающих порой на поверхность океана.

Если же, напротив, нам известны все виды живых существ, то нужно искать животное, о котором идет речь, среди уже классифицированных морских животных, и в этом случае я готов допустить существование *гигантского нарвала*.

Обыкновенный нарвал, или единорог, часто достигает шестидесяти футов в длину. Упятерите, удесятерите его размеры, наделите животное силой, пропорциональной его величине, соответственно увеличьте его бивень, и вы получите представление о чудовище! Животное приобретает размеры, указанные офицерами «Шанона», бивень, способный нанести пробоину пароходу «Шотландия», и силу, достаточную, чтобы протаранить корпус океанского парохода.

В самом деле, нарвал вооружен подобием костяной шпаги, алебардой, по выражению некоторых натуралистов. Это огромный рог, обладающий твердостью стали. Следы от ранений не однажды находили на теле китов, которых нарвал всегда атакует с успехом. Случалось, что осколки бивня нарвала извлекали из деревянных корпусов судов, которые они пробивают насквозь, как бурав просверливает бочонок. Музей парижского медицинского факультета располагает бивнем длиной в два метра двадцать пять сантиметров, который у основания достигает в окружности сорока восьми сантиметров.

Так вот! Представим себе бивень в десять раз больше, животное в десять раз сильнее, вообразим, что оно движется со скоростью двадцати миль в час, помножим массу животного на скорость, и вы поймете

возможную причину катастрофы.

Итак, в ожидании более полных сведений я склоняюсь к мнению, что мы имеем дело с морским единорогом гигантских размеров, вооруженным уже не алебардой, а настоящим тараном, как броненосные фрегаты и другие военные суда, столь же массивные, как они, и наделенные такой же двигательной силой.

Так объясняю я это необъяснимое явление при условии, что такое явление имело место в действительности, а не было плодом расстроенного воображения, – что тоже возможно».

Последние слова были с моей стороны уловкой: я хотел сохранить свое достоинство ученого и не дать повода для насмешек американцев, которые мастера подшутить. Я оставил себе путь для отступления. В сущности же я был убежден в существовании «чудовища».

Статья моя вызвала горячие споры и получила широкую известность. У меня даже появились единомышленники. Предложенное в ней решение задачи давало, впрочем, полную свободу воображению. Человеческий ум склонен создавать величественные образы гигантов. И море – именно та область, та единственная стихия, где эти гиганты, перед которыми земные животные, слоны и носороги, просто пигмеи, могут рождаться и существовать. Водная среда выращивает самые крупные виды млекопитающих, и, может быть, в ней живут исполинские моллюски, наводящие ужас ракообразные, омары в сто метров длиной, крабы весом в двести тонн! Как знать? Некогда земные животные, современники геологических эпох, четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы были созданы по гигантским образцам. Они были отлиты в колоссальные формы, затем время сократило их в размере. Почему не допустить, что море в своих неизведанных глубинах сохранило величественные образчики жизни отдаленнейших эпох, – оно, которое не подвержено никаким изменениям, меж тем как земная кора непрерывно эти изменения претерпевает? Почему бы морю не сохранить в своем лоне последние виды титанических существ, годы которых равны векам, а века – тысячелетиям?

Но я предаюсь мечтаниям, с которыми мне приличествовало бы бороться! Прочь порождение фантазии! В будущем все это обратилось в ужасную действительность! Повторяю, природа необычайного явления не вызвала больше сомнений, и общество признало существование диковинного существа, не имеющего ничего общего со сказочными морскими змеями.

Но если для некоторых вся эта таинственная история имела чисто научный интерес, то для людей более практических, особенно для американцев и англичан, заинтересованных в безопасности трансокеанских сообщений, со всей очевидностью вставала необходимость очистить океан от страшного зверя. Пресса, представлявшая интересы промышленных и финансовых кругов, рассматривала вопрос принципиально, именно с этой практической стороны. «Шипнинг энд Меркэнтайл газет», «Ллойд», «Пакебот», «Ревю-маритим-колониаль» – все эти органы, финансируемые страховыми обществами, грозившими повысить страховые обложения, высказались на этот счет единодушно.

Общественное мнение, и в первую очередь Соединенные Штаты, поддержало инициативу страховых обществ. В Нью-Йорке стали готовиться к экспедиции, специально предназначенной для поимки нарвала. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» должен был в ближайшее время выйти в море. Военные склады были открыты для капитана Фарагута, и капитан спешно снаряжал свой фрегат.

Но, как это часто случается, именно в то время, когда было решено снарядить экспедицию, животное перестало появляться. Целых два месяца не было о нем слуху. Ни одно судно с ним не встречалось. Единорог словно почувствовал, что против него составляется заговор. Об этом столько говорили! Сносились даже по трансатлантическому подводному кабелю! Шутники уверяли, что этот плут перехватил какую-нибудь телеграмму и принял меры предосторожности.

Итак, фрегат был снаряжен в дальнее плавание, снабжен грозными китобойными снарядами, а в какую сторону держать ему путь, никто не знал. Напряженное состояние достигало предела, как вдруг 2 июля прошел слух, что пароход, совершающий рейсы между Сан-Франциско и Шанхаем, недели три тому назад встретил животное в северных водах Тихого океана.

Известие это произвело чрезвычайное впечатление. Капитану Фарагуту не дали и двадцати четырех часов отсрочки. Продовольствие было погружено на борт. Трюмы наполнены доверху углем. Команда была в полном составе. Оставалось только разжечь топки, развести пары и отшвартоваться! Ему не простили бы и нескольких часов промедления! Впрочем, капитан Фарагут и сам рвался выйти в море.

За три часа до отплытия «Авраама Линкольна» мне вручили письмо следующего содержания:

Глава третья

КАК БУДЕТ УГОДНО ГОСПОДИНУ ПРОФЕССОРУ

В момент получения письма от господина Гобсона я столько же думал об охоте за единорогом, сколько о попытке прорваться сквозь ледовые поля Северо-Западного прохода. Однако, прочитав письмо морского министра, я сразу же понял, что истинное мое призвание, цель всей моей жизни в том и заключается, чтобы уничтожить это зловерное животное и тем самым избавить от него мир.

Я только что возвратился из тяжелого путешествия, страшно устал, нуждался в отдыхе. Я так мечтал вернуться на родину, к друзьям, в свою квартиру при Ботаническом саде, к моим милым, драгоценным коллекциям! Но ничто не могло меня удержать от участия в экспедиции. Усталость, друзья, коллекции – все было забыто! Не раздумывая, я принял приглашение американского правительства.

«Впрочем, – размышлял я, – все пути ведут в Европу! И любезный единорог, пожалуй, приведет меня к берегам Франции! Почтенное животное не лишит меня удовольствия привезти в Парижский музей естествознания в качестве экспоната не менее полуметра его костяной алебарды».

Но в ожидании далекого будущего предстояло выслеживать нарвала в северных водах Тихого океана – иными словами, держать путь в противоположную сторону от Франции.

– Консель! – крикнул я в нетерпении.

Консель был моим слугой и сопровождал меня во всех моих путешествиях. Я любил его, и он платил мне взаимностью. Флегматичный по природе, добропорядочный из принципа, исполнительный по привычке, философски относившийся к неожиданным поворотам судьбы, мастер на все руки, всегда готовый услужить, он, вопреки своему имени,^[79] никогда не давал советов – даже когда к нему обращались за таковым.

Соприкасаясь постоянно с кругами нашего ученого мирка при Ботаническом саде, Консель и сам кое-чему научился. Он специализировался в области естественнонаучной классификации, наловчился с быстротой акробата пробегать всю лестницу типов, групп, классов, подклассов, отрядов, семейств, родов, подродов, видов и подвидов. Но его познания на этом и кончались. Классифицировать – это была его стихия, дальше он не шел. Сведущий в теории классификации, но слабо подготовленный практически, он, я думаю, не сумел бы отличить кашалота от беззубого кита! И все же какой хороший малый!

Вот уже десять лет Консель сопровождает меня во всех научных экспедициях. И я никогда не слышал от него жалобы, если путешествие затягивалось или сопровождалось большими тяготами. Он готов был каждую минуту ехать со мной в любую страну, будь то Китай или Конго, каким бы далеким ни был путь. Он готов был безоговорочно следовать за мной повсюду. Притом он мог похвалиться завидным здоровьем, при котором не страшны никакие болезни, крепкими мускулами и, казалось, полным отсутствием нервов.

Ему было лет тридцать, и возраст его относился к возрасту его господина, как пятнадцать к двадцати. Да простится мне несколько усложненная форма, в которую вылилось мое признание в том, что мне сорок лет!

Но у Конселя был один недостаток. Неисправимый формалист, он обращался ко мне не иначе как в третьем лице – манера, раздражавшая меня.

– Консель! – вторично позвал я, с лихорадочной торопливостью принимаясь за сборы к отъезду.

В преданности Конселя я был уверен. Обыкновенно я не спрашивал, согласен ли он сопровождать

меня в поездке, но на этот раз речь шла об экспедиции, которая могла затянуться на неопределенное время, о предприятии рискованном, об охоте за животным, способным пустить ко дну фрегат, как ореховую скорлупу! Было над чем задуматься даже самому флегматичному человеку!

– Консель! – крикнул я в третий раз.

Консель появился.

– Господин профессор изволил звать меня? – спросил он, входя.

– Да, друг мой, собирай мои вещи и собирайся сам. Мы едем через два часа.

– Как будет угодно господину профессору, – отвечал Консель спокойно.

– Нельзя терять ни минуты. Уложи в чемодан все мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки, и как можно побольше и поживей!

– А коллекции господина профессора? – спросил Консель.

– Мы займемся ими позже.

– Как так? Архитектуры, гиракотерии, ореодоны, херопотамусы и прочие скелеты ископаемых...

– Они останутся на хранение в гостинице.

– А бабирусса?

– Ее будут кормить в наше отсутствие. Впрочем, я распоряжусь, чтобы все наше хозяйство отправили во Францию.

– А мы разве едем не в Париж? – спросил Консель.

– Да... конечно... только придется, пожалуй, сделать небольшой крюк...

– Как будет угодно господину профессору. Крюк так крюк!

– Совсем пустячный! Мы только несколько уклонимся от прямого пути, вот и все! Мы отплываем на фрегате «Авраам Линкольн».

– Как будет угодно господину профессору, – отвечал покорно Консель.

– Знаешь, мой друг, речь идет о чудовище... о знаменитом нарвале. Мы очистим от него моря! Автор книги в двух томах, in-quarto, «Тайны морских глубин» не может отказаться сопровождать капитана Фарагута в экспедиции. Миссия почетная, но... и опасная! Тут придется действовать вслепую. Зверь может оказаться с причудами! Но будь что будет! Наш капитан не даст промаха!..

– Куда господин профессор, туда и я, – отвечал Консель.

– Подумай хорошенько! Я от тебя ничего не хочу утаивать. Из таких экспедиций не всегда возвращаются.

– Как будет угодно господину профессору.

Через четверть часа чемоданы были уложены. Консель живо справился со сборами, и можно было поручиться, что он ничего не забыл, потому что он так же хорошо классифицировал рубашки и платье, как птиц и млекопитающих.

Служитель гостиницы перенес наши вещи в вестибюль. Я стремглав сбежал по нескольким ступеням в нижний этаж. Расплатился по счету в конторе, где вечно толпились приезжие. Я распорядился, чтобы тюки с препарированными животными и засушенными растениями были отправлены во Францию (в Париж). Открыв солидный кредит своей бабируссе, я, а следом за мной и Консель прыгнули в карету.

Экипаж, нанятый за двадцать франков, спустился по Бродвею до Юнион-сквер, свернул на Четвертую авеню, проехал по ней до скрещения с Боуэри-стрит, затем повернул на Катрин-стрит и остановился у Тридцать четвертого пирса.^[80] Отсюда на Катринском пароме нас доставили – людей, лошадей и карету – в Бруклин, главный пригород Нью-Йорка, расположенный на левом берегу Ист-Ривер. Через несколько минут карета была у причала, где стоял «Авраам Линкольн», из двух труб которого валил дым густыми клубами.

Наш багаж тотчас погрузили на палубу. Я взбежал по трапу на борт корабля. Спросил капитана Фарагута. Матрос провел меня на ют. Там меня встретил офицер с отличной выправкой.

Протянув мне руку, он спросил:

– Господин Пьер Аронакс?

– Он самый, – отвечал я. – Капитан Фарагут?

– Собственной персоной! Добро пожаловать, господин профессор! Каюта к вашим услугам.

Я откланялся и, не отвлекая внимания капитана от хлопот, связанных с отплытием, попросил лишь указать предназначенную мне каюту.

«Авраам Линкольн» был отлично приспособлен для своего нового предназначения. Это был быстроходный фрегат, оборудованный самыми совершенными машинами, которые работали при давлении пара до семи атмосфер. При таком давлении «Авраам Линкольн» достигал средней скорости в восемнадцать и три десятых мили в час, скорости значительной, но, увы, недостаточной для погони за гигантским китообразным.

Внутренняя отделка фрегата отвечала его мореходным качествам. Я был вполне удовлетворен своей каютой, которая находилась на кормовой части судна и сообщалась с кают-компанией.

– Нам будет здесь удобно, – сказал я Конселю.

– Удобно, как раку-отшельнику в раковине моллюска-трубача, с позволения сказать! – ответил Консель.

Я предоставил Конселю распаковывать чемоданы, а сам поднялся на палубу, посмотреть на приготовления к отплытию.

В эту самую минуту капитан Фарагут приказал отдать концы, удерживавшие «Авраама Линкольна» у Бруклинской пристани. Опоздай я на четверть часа, даже и того менее, фрегат ушел бы, и мне не пришлось бы участвовать в этой необычной, сверхъестественной, неправдоподобной экспедиции, самое достоверное описание которой могут счесть за чистейший вымысел.

Капитан Фарагут не желал терять ни дня, ни часа; он спешил выйти в моря, в которых было замечено животное.

Он вызвал старшего механика.

– Давление достаточное? – спросил его капитан.

– Точно так, капитан, – отвечал механик.

– Go ahead!^[81] – распорядился капитан Фарагут. Приказание сейчас же было передано в машинное отделение по аппарату, приводимому в действие сжатым воздухом; механики повернули пусковой рычаг. Пар со свистом устремился в золотники. Поршни привели во вращение гребной вал. Лопастей винта стали вращаться со все возрастающей скоростью, и «Авраам Линкольн» величественно тронулся в путь, сопровождаемый сотней катеров и буксиров, переполненных людьми, устроившими эти торжественные

провода.

Набережные Бруклина и вся часть Нью-Йорка вдоль Ист-Ривер были полны народа. Троекратное «ура», вырвавшееся из пятисот тысяч уст, следовало одно за другим. Тысяча платков взвилась в воздухе над густой толпой, приветствовавшей «Авраама Линкольна», пока он не вошел в воды Гудзона у оконечности полуострова, на котором расположен Нью-Йорк.

Фрегат, придерживаясь живописного правого берега у Нью-Джерси, сплошь застроенного виллами, прошел мимо фортов, которые салютовали ему из самых больших орудий. «Авраам Линкольн» в ответ троекратно поднимал и опускал американский флаг с тридцатью девятью звездами, развевавшийся на гафеле; затем, когда судно, меняя курс, чтобы войти в отмеченный бакенами фарватер, который округляется во внутренней бухте, образуемой оконечностью Санди-Хука, огибало эту песчаную отмель, его снова приветствовала многотысячная толпа.

Процессия катеров и буксиров провожала фрегат до двух плавучих маяков, огни которых указывают судам вход в Нью-Йоркский порт.

Было три часа пополудни. Лоцман покинул свой мостик, сел в шлюпку, которая доставила его на шхуну, ожидавшую под ветром. Увеличили пары; лопасти винта все быстрее рассекали воду; фрегат шел вдоль песчаного и низкого берега Лонг-Айленда и к восьми часам, потеряв из виду на северо-востоке огни Файр-Айленда, пошел под всеми парами по темным водам Атлантического океана.

Глава четвертая

НЕД ЛЕНД

Капитан Фарагут был опытный моряк, поистине достойный фрегата, которым он командовал. Составляя со своим судном как бы одно целое, он был его душой. Существование китообразного не подлежало для него никакому сомнению, и он не допускал на своем корабле никаких кривотолков по этому поводу. Он верил в существование животного, как иные старушки верят в библейского Левиафана – не умом, а сердцем. Чудовище существовало, и капитан Фарагут освободит от него моря, – он в этом поклялся. Это был своего рода родосский рыцарь, некий Дьедоне де Гозон, вступивший в борьбу с драконом, опустошавшим его остров. Либо капитан Фарагут убьет нарвала, либо нарвал убьет капитана Фарагута. Середины быть не могло.

Команда разделяла мнение своего капитана. Надо было послушать, как люди толковали, спорили, обсуждали, взвешивали возможные шансы на скорую встречу с животным! И как они наблюдали, вглядываясь в необозримую ширь океана! Даже те офицеры, которые в обычных условиях считали вахту каторжной обязанностью, готовы были дежурить лишний раз. Пока солнце описывало на небосводе свой дневной путь, матросы взбирались на рангоут, потому что доски палубы жгли им ноги и они не могли там стоять на одном месте. А между тем «Авраам Линкольн» еще не рассекал своим форштевнем подозрительных вод Тихого океана!

Что касается экипажа, у него было одно желание: встретить единорога, загарпунить его, втащить на борт, изрубить на куски. За морем наблюдали с напряженным вниманием. Кстати сказать, капитан Фарагут пообещал премию в две тысячи долларов тому, кто первым заметит животное, будь то юнга, матрос, боцман или офицер. Можно себе вообразить, с каким усердием экипаж «Авраама Линкольна» всматривался в море!

И я не отставал от других, выстаивая целыми днями на палубе. Наш фрегат имел все основания именоваться «Аргусом». Один Консель выказывал полное равнодушие к волновавшему нас вопросу и не разделял возбужденного настроения, царившего на борту.

Я уже говорил, что капитан Фарагут озаботился снабдить свое судно всеми приспособлениями для ловли гигантских китов. Ни одно китобойное судно не могло быть снаряжено лучше. У нас были все современные китобойные снаряды, начиная от ручного гарпуна до мушкетонов с зазубренными стрелами и длинных ружей с разрывными пулями. На баке стояла усовершенствованная пушка, заряжавшаяся с казенной части, с очень толстыми стенками и узким жерлом, модель которой была представлена на Всемирной выставке 1867 года. Это замечательное орудие американского образца стреляло четырехкилограммовыми снарядами конической формы на расстоянии шестнадцати километров.

Итак, «Авраам Линкольн» был снаряжен всеми видами смертоносных орудий. Мало того! На борту фрегата находился Нед Ленд, король гарпунеров.

Нед Ленд, уроженец Канады, был искуснейшим китобоем, не знавшим соперников в своем опасном ремесле. Ловкость и хладнокровие, смелость и сообразительность сочетались в нем в равной степени. И нужно было быть весьма коварным китом, очень хитрым кашалотом, чтобы увернуться от удара его гарпуна.

Неду Ленду было около сорока лет. Это был высокого роста – более шести английских футов, – крепкого сложения, суровый с виду мужчина; необщительный, вспыльчивый, он легко впадал в гнев при

малейшем противоречии. Наружность его обращала на себя внимание; и больше всего поражало волевое выражение глаз, придававшее его лицу особенную выразительность.

Я считаю, что капитан Фарагут поступил мудро, пригласив этого человека к участию в экспедиции: по твердости руки и верности глаза он один стоил всего экипажа. Неда Ленда можно было уподобить мощному телескопу, который одновременно был и пушкой, всегда готовой выстрелить.

Канадец – тот же француз, и я должен признаться, что Нед Ленд, несмотря на свой необщительный нрав, почувствовал ко мне некоторое расположение. По-видимому, его влекла моя национальность. Ему представлялся случай поговорить со мной по-французски, а мне послушать старый французский язык, которым писал Рабле, язык, сохранившийся еще в некоторых провинциях Канады. Нед вышел из старинной квебекской семьи, в его роду было немало смелых рыбаков еще в ту пору, когда город принадлежал Франции.

Понемногу Нед разговорился, и я охотно слушал его рассказы о пережитых злоключениях в полярных морях. Рассказы о рыбной ловле, о поединках с китами дышали безыскусственной поэзией. Повествование излагалось в эпической форме, и порой мне начинало казаться, что я слушаю какого-то канадского Гомера, поющего «Илиаду» гиперборейских стран!

Я описываю этого отважного человека таким, каким я его знаю теперь. Мы стали с ним друзьями. Мы с ним связаны нерушимыми узами дружбы, которая зарождается и крепнет в тяжелых жизненных испытаниях! Молодчина Нед! Я не прочь бы прожить еще сто лет, чтобы подольше вспоминать о тебе!

Однако какого же мнения держался Нед Ленд насчет морского чудища? Надо признаться, он не верил в существование фантастического единорога и один из всех на борту не разделял общего ослепления. Он избегал даже касаться этой темы, на которую однажды я пытался с ним заговорить.

Великолепным вечером 30 июля, короче говоря, через три недели после того, как мы отвалили от набережных Бруклина, фрегат находился вблизи мыса Бланка, в тридцати милях под ветром от патагонских берегов. Мы пересекли тропик Козерога, и, менее чем в семистах милях к югу, перед нами откроется вход в Магелланов пролив. Еще восемь дней, и «Авраам Линкольн» будет бороздить воды Тихого океана!

Сидя с Недом Лендом на юте, мы толковали о разных пустяках, не сводя глаз с моря, таинственные глубины которого все еще недоступны человеческому взору. Разговор, естественно, перешел на гигантского единорога, и я стал перебирать различные возможные случаи, в зависимости от которых повышались или падали шансы на успех нашей экспедиции. Но видя, что Нед уклоняется от разговора, я поставил вопрос прямо.

– Как можете вы, Нед, – сказал я, – сомневаться в существовании китообразного, за которым мы охотимся? Какие у вас основания не доверять фактам?

Гарпунер поглядел на меня с минуту. Прежде чем ответить, привычным жестом хлопнул себя по лбу, закрыл глаза, как бы собираясь с мыслями, и, наконец, сказал:

– Основания веские, господин Аронакс.

– Послушайте, Нед! Вы китобой по профессии, вам доводилось не раз иметь дело с крупными морскими млекопитающими. Вам легче, чем кому-либо, допустить возможность существования гигантского китообразного. Кому-кому, а вам-то не пристало в данном случае быть маловером!

– Вы ошибаетесь, господин профессор, – отвечал Нед. – Если невежда верит, что какие-то зловещие кометы бороздят небо, что в недрах земного шара обитают допотопные чудовищные животные, – куда ни шло! Но астроному и геологу смешны подобные сказки. Также и китобойю. Я много раз охотился за китообразными, много их загарпунил, множество убил, но как бы ни были велики и сильны эти животные,

ни своим хвостом, ни бивнем они не в состоянии пробить металлическую обшивку парохода.

– Однако, Нед, рассказывают же, что бывали случаи, когда зуб нарвала протаранивал суда насквозь.

– Деревянные суда еще возможно! – отвечал канадец. – Впрочем, я этого не видел. И пока не увижу своими глазами, не поверю, что киты, кашалоты и единороги могут произвести подобные пробоины.

– Послушайте, Нед...

– Увольте, профессор, увольте! Все, что вам угодно, только не это. Разве что гигантский спрут...

– Еще менее вероятно, Нед! Спрут – это мягкотелое. Уже самое название указывает на особенности его тела. Имей он хоть пятьсот футов в длину, спрут остается живым беспозвоночным и, следовательно, совершенно безопасным для таких судов, как «Шотландия» и «Авраам Линкольн». Пора сдать в архив басни о подвигах разных спрутов и тому подобных чудовищ!

– Итак, господин естествоиспытатель, – спросил Нед с некоторой иронией, – вы убеждены в существовании гигантского китообразного?

– Да, Нед! И убеждение мое основывается на логическом сопоставлении фактов. Я уверен в существовании млекопитающего мощного организма, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к подтипу позвоночных и наделенного костным бивнем исключительной крепости.

– Гм! – произнес гарпунер, с сомнением покачав головой.

– Заметьте, почтеннейший канадец, – продолжал я, – если подобное животное существует, если оно обитает в океанских глубинах, в водных слоях, лежащих в нескольких милях под уровнем моря, оно, несомненно, должно обладать организмом огромной жизненной силы.

– А на что ему такая сила? – спросил Нед.

– Сила нужна, чтобы, обитая в глубинах океана, выдерживать давление верхних слоев воды.

– В самом деле? – сказал Нед, глядя на меня прищуренным глазом.

– В самом деле! И в доказательство могу привести несколько цифр.

– Э-э! Цифры! – заметил Нед. – Цифрами можно оперировать как угодно!

– В торговых делах, Нед, но не в математике. Выслушайте меня. Представим себе давление в одну атмосферу в виде давления водяного столба высотой в тридцать два фута. В действительности высота водяного столба должна быть несколько меньшей, поскольку морская вода обладает большей плотностью, чем пресная. Итак, когда вы ныряете в воду, Нед, ваше тело испытывает давление в столько атмосфер, иначе говоря, в столько килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности, сколько столбов воды в тридцать два фута отделяют вас от поверхности моря. Отсюда следует, что на глубине в триста двадцать футов давление равняется десяти атмосферам, на глубине в три тысячи двести футов – ста атмосферам, и в тридцать две тысячи футов, то есть на глубине двух с половиной тысяч футов, – тысяче атмосфер. Короче говоря, если бы вам удалось опуститься в столь сказочные глубины океана, на каждый квадратный сантиметр вашего тела приходилось бы давление в тысячу килограммов. А вам известно, уважаемый Нед, сколько квадратных сантиметров имеет поверхность вашего тела?

– И понятия не имею, господин Аронакс.

– Около семнадцати тысяч.

– Да неужто?

– А так как в действительности атмосферное давление несколько превышает один килограмм на квадратный сантиметр, то семнадцать тысяч квадратных сантиметров вашего тела испытывают в

настоящую минуту давление семнадцати тысяч пятисот шестидесяти восьми килограммов!

– А я этого не замечаю?

– А вы этого и не замечаете. Под этим огромным давлением ваше тело не сплющивается потому лишь, что воздух, находящийся внутри вашего тела, имеет столь же высокое давление. Отсюда совершенное равновесие между давлением извне и давлением изнутри, нейтрализующееся одно другим. Вот почему вы и не замечаете этого давления. Но в воде совсем другое дело.

– А-а! Понимаю, – отвечал Нед, внимательно слушавший. – Вода не воздух, она давит извне, а внутрь не проникает!

– Вот именно, Нед! На глубине тридцати двух футов вы будете испытывать давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов; на глубине трехсот двадцати футов это давление удесятерится, то есть будет равно ста семидесяти пяти тысячам шестистам восьмидесяти килограммам; наконец, на глубине тридцати двух тысяч футов давление увеличится в тысячу раз, то есть будет равно семнадцати миллионам пятистам шестидесяти восьми тысячам килограммов; образно говоря, вас сплющило бы почище всякого гидравлического прессы!

– Фу-ты, дьявол! – сказал Нед.

– Ну-с, уважаемый гарпунер, если позвоночное длиной в несколько сот метров и крупных пропорций может держаться в таких глубинах, стало быть, миллионы квадратных сантиметров его поверхности испытывают давление многих миллиардов килограммов. Какой же мускульной силой должно обладать животное и какая должна быть сопротивляемость его организма, чтобы выдерживать такое давление!

– Надо полагать, – отвечал Нед Ленд, – что на нем обшивка из листового железа в восемь дюймов толщиной, как на броненосных фрегатах!

– Пожалуй, что так, Нед. И подумайте, какое разрушение может нанести подобная масса, ринувшись со скоростью курьерского поезда на корпус корабля!

– Да-а... точно... может статься... – отвечал канадец, смущенный цифровыми выкладками, но все же не желавший сдаваться.

– Ну-с, убедились вы, а?

– В одном вы меня убедили, господин естествоиспытатель, что ежели подобные животные существуют в морских глубинах, надо полагать, они и впрямь сильны, как вы говорите.

– Но если б они не существовали, упрямый вы человек, так чем вы объясните случай с пароходом «Шотландия»?

– А тем... – сказал Нед нерешительно.

– Ну, ну, говорите!

– А тем... что все это враки! – ответил Нед, бессознательно повторяя знаменитый ответ Араго.

Но ответ этот доказывал лишь упрямство гарпунера и ничего более. В тот день я оставил его в покое. Происшествие с пароходом «Шотландия» не подлежало ни малейшему сомнению. Пробоина была настолько основательной, что ее пришлось заделывать, и я не думаю, что требовались доказательства более убедительные. Не могла же пробоина возникнуть сама собой; а поскольку всякая мысль о возможности удара о подводный риф или какой-либо китобойный снаряд исключалась, все приписывалось таранящему органу животного.

Итак, в силу соображений, изложенных выше, я относил животное к подтипу позвоночных, классу

млекопитающих, к отряду китообразных. Что же касается семейства, что же касается рода, вида, к которому его надлежало отнести, это выяснится только впоследствии. Чтобы разрешить этот вопрос, нужно было вскрыть неизвестное чудовище; чтобы вскрыть, нужно было его изловить; чтобы изловить, нужно было его загарпунить – это было делом Неда Ленда; чтобы загарпунить, нужно было его выследить, а это было делом всего экипажа; а чтобы его выследить, нужно было его встретить, что было уже делом случая!

Глава пятая

НАУДАЧУ!

Вначале плавание «Авраама Линкольна» протекало однообразно. Только однажды случай предоставил Неду Ленду проявить свою удивительную сноровку, снискавшую ему всеобщее уважение.

Тридцатого июня, на широте Фолклендских островов, фрегат снесся с встречным американским китобойным судном «Монроэ»; но оказалось, что там ничего не слышали о нарвале. Капитан китобоя, узнав, что на борту «Авраама Линкольна» находится Нед Ленд, обратился к нему с просьбой помочь им загарпунить кита, которого они выследили в здешних водах. Капитан Фарагут, любопытствуя увидеть Неда Ленда в деле, разрешил гарпунеру перейти на борт «Монроэ». Охота сложилась удачно для нашего канадца. Вместо одного кита он загарпунил двух: одного уложил на месте, попав гарпуном в самое сердце, за другим пришлось охотиться несколько минут.

Право, не поручусь за жизнь животного, доведись ему иметь дело с гарпунером Недом Лендом!

Мы прошли с большой скоростью мимо юго-восточного берега Южной Америки, и 3 июля, на долготе мыса Дев, были наконец у входа в Магелланов пролив. Но капитан Фарагут не пожелал входить в этот извилистый пролив и взял курс на мыс Горн.

Экипаж единодушно одобрил решение капитана. И в самом деле, возможно ли было встретить нарвала в этом узком проходе? Матросы в большинстве были убеждены, что чудовище «слишком толсто, чтобы заплывать в такую щель».

Шестого июля, около трех часов пополудни, «Авраам Линкольн» обогнул в пятнадцати милях к югу тот уединенный остров, ту скалу на оконечности Южной Америки, которую голландские моряки называли в честь своего родного города мысом Горн. Обогнув мыс Горн, мы взяли курс на северо-запад, и на другое утро винт фрегата рассекал воды Тихого океана.

«Гляди в оба! Гляди в оба!» – говорили друг другу матросы «Авраама Линкольна».

И они действительно смотрели во все глаза. Награда в две тысячи долларов прельщала каждого. И глаза и зрительные трубы не знали ни минуты покоя! И днем и ночью пристально вглядывались в поверхность океана; и люди, страдающие никталопией, имели вдвое больше шансов получить премию, потому что в темноте они отлично видели.

Премия не прельщала меня, но тем не менее я внимательно вглядывался в море. Наскоро обедал, тревожно спал. И, несмотря на палящий зной, несмотря на проливные дожди, не уходил с палубы. То перегнувшись через борт на баке, то опершись о поручни на шканцах, я жадно впивался глазами во вспененные гребни бурунов, исчертивших морскую ширь до самого горизонта! И сколько раз приходилось мне волноваться вместе с экипажем, стоило из воды показаться черной спине кита! Валили валом матросы на палубу. Затаив дыхание, напрягая зрение, вся команда следила за животным. Я тоже смотрел, смотрел, рискуя повредить сетчатку, ослепнуть! Флегматичный Консель неизменно говорил:

– Господин профессор видел бы много лучше, если бы меньше утруждал глаза!

Но напрасны были наши тревобления! Случалось, «Авраам Линкольн», лавируя, чуть ли не вплотную подходил к выслеженному животному. Но оказывалось, это был обыкновенный кит или кашалот, который пускался в бегство при криках взбешенной команды.

Погода стояла прекрасная. Плавание проходило при благоприятных условиях, хотя время года было

самое дождливое, потому что в Южном полушарии июль соответствует нашему европейскому январю; море было спокойное, видимость отличная.

Нед Ленд по-прежнему относился скептически к нашим тревогам. Он демонстративно не выходил на палубу в часы, свободные от вахты. А между тем удивительная острота его зрения могла бы сослужить большую службу! Но упрямый канадец из двенадцати часов предпочитал восемь проводить в своей каюте за книжкой или просто валяться на койке. Сотни раз я упрекал его в равнодушии.

– Ба, господин профессор! – отвечал он. – Да если б эта тварь и существовала, много ли у нас шансов выследить ее? Ведь мы гоняемся за зверем наудачу, не так ли? Говорят, что видели это пресловутое животное в северных водах Тихого океана? Положим. Так ведь с той поры прошло два месяца, а судя по нраву вашего нарвала, он не любит киснуть на месте! Вы ж сами говорите: «Одарено, мол, необыкновенной быстротой движения!» А вы знаете лучше меня, господин профессор, что природа ничего не создает без цели. И она не одарила бы животное, ленивое по натуре, резвостью движений. А стало быть, если наше животное и существует, оно уже далеко отсюда!

Все это так! Мы шли наудачу. Но что было делать? Шансы на встречу с нарвалом все уменьшались. И все же никто не сомневался в успехе, и ни один матрос не стал бы биться об заклад насчет факта существования животного и скорой встречи с ним.

Двадцатого июля мы вторично пересекли тропик Козерога под 105° долготы, а двадцать седьмого числа того же месяца перевалили за экватор на сто десятом меридиане. Отсюда фрегат взял курс на запад, к центральному бассейну Тихого океана. Капитан Фарагут весьма резонно рассудил, что нарвала можно скорее встретить в глубоководных зонах, вдали от материков и крупных островов, приближаться к которым животное избегало потому, видимо, что «прибрежные воды для него мелки», как объяснял нам боцман.

Фрегат прошел в виду островов Паумоту, Маркизских, Сандвичевых, пересек тропик Рака под 132° долготы и направился в Китайские моря.

Наконец-то мы были на театре последних подвигов чудовища! И, сказать правду, вся жизнь на судне замерла. Сердца у всех учащенно бились, и, конечно, для большинства из нас сердечные заболевания были обеспечены. Все были возбуждены до крайности. Люди не ели, не спали. Раз двадцать в день какая-нибудь ошибка в вычислении, обман зрения какого-нибудь матроса, взобравшегося на кабестан, приводили нас в волнение. Нервы наши находились в состоянии крайнего возбуждения, что грозило вызвать скорую реакцию.

И реакция не замедлила наступить. Три месяца – целых три месяца, когда каждый день казался вечностью, – «Авраам Линкольн» бороздил моря северной части Тихого океана в погоне за встречными китами, круто меняя курс, ложась с галса на галс, то резко замедляя ход, то разводя пары с риском вывести машину из строя. Не осталось неисследованной ни одной точки от берегов Японии до американских берегов. Но все тщетно! Пустынны были океанские воды! Ни признака гигантского нарвала, ни признака какого-либо подводного острова или плавающего рифа, ни призрака потонувшего судна, блуждающего в здешних водах, – словом, никакой фантастики!

Наступила реакция. Уныние вызвало упадок духа, открыло дорогу неверию. Возбуждению, царившему на борту, заступило другое чувство: на одну треть это было чувство стыда, на две трети – чувство злобы. «Остаться в дураках», гоняясь за химерой, – вот что особенно злило! Ворох доказательств, нагроможденных в течение года, рухнул, и каждый спешил наверстать даром потраченные часы сна и отдыха!

С непостоянством, свойственным людям, команда из одной крайности бросалась в другую. Самые горячие сторонники экспедиции, к несчастью, стали самыми яростными противниками ее. Упадочное

настроение охватило весь корабль, начиная от кубрика до кают-компания, и если б не удивительное упорство капитана Фарагута, фрегат, несомненно, поворотил бы носом к югу.

Напрасные поиски не могли, однако ж, продолжаться бесконечно. Экипажу «Авраама Линкольна» не приходилось винить себя за неудачу, он сделал все, что только от него зависело. Никогда еще матросы американского флота не выказывали такого терпения и усердия. Они были неповинны, что экспедиция не имела успеха. Оставалось скорее вернуться на родину.

Заявление в этом духе было сделано капитану. Капитан стоял на своем. Матросы не скрывали своего недовольства, и дисциплина на судне упала. Я не хочу сказать, что на борту начался бунт, но все же после непродолжительного сопротивления капитан Фарагут, как некогда Колумб, вынужден был просить три дня отсрочки. Если в течение трех дней чудовище не будет обнаружено, рулевой положит руль на борт, и «Авраам Линкольн» направит свой бег в сторону европейских морей.

Обещание было дано 2 ноября. Настроение команды сразу поднялось. С новой энергией люди всматривались в океанские воды. Каждый хотел бросить последний взгляд на море в надежде на успех. Зрительные трубы снова пошли в ход. Это был последний торжественный вызов гиганту нарвалу, и чудовище не имело причины уклониться от требования «предстать перед судом»!

Два дня истекли. «Авраам Линкольн» шел под малыми парами. Команда придумывала тысячу способов, чтобы привлечь внимание животного или «расшевелить» его, в случае если оно находится в здешних водах. Огромные куски сала, привязанные к веревкам, волочились за кормой – кстати сказать, к великому удовольствию акул! «Авраам Линкольн» лежал в дрейфе, а вокруг него шлюпки бороздили море во всех направлениях, не оставляя без внимания ни одной точки на его поверхности. Наступил вечер 4 ноября, а подводная тайна так и оставалась тайной!

В полдень 5 ноября истек указанный срок. С последним ударом часов капитан Фарагут, верный своему слову, должен был отдать приказание повернуть на юго-восток и покинуть воды северной части Тихого океана.

Фрегат находился тогда под 31°15 северной широты и 136°42 восточной долготы. Японские берега оставались менее чем в двухстах милях под ветром. Ночь наступала. Пробило восемь часов. Густые облака заволокли серп луны, вступившей в свою первую четверть. Легкими волнами разбегалась вода из-под форштевня фрегата.

Я стоял на баке, опершись на поручни штирборта. Консель, находившийся рядом, смотрел прямо перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, наблюдали за горизонтом, который все суживался из-за сгущающейся темноты. Офицеры, приставив к глазам бинокли, обшаривали воды, окутанные предвечерней мглой. Порой лунный луч, прорвавшись в просветы облаков, бросал серебряные блики на темную поверхность океана. Но находили тучи, и серебряный след гас во мраке.

Глядя на Конселя, я решил, что впервые за все это время он поддался общему настроению. Так по крайней мере мне показалось. Возможно, что впервые в жизни нервы его напряглись под влиянием любопытства.

– Ну-с, Консель, – сказал я, – последний раз представляется случай заработать две тысячи долларов!

– С позволения господина профессора, скажу, – отвечал Консель, – что я никогда не рассчитывал на эту премию. И если бы правительство Соединенных Штатов пообещало не две тысячи долларов, а сто, оно не потеряло бы ни копейки!

– Ты прав, Консель, дурацкая затея! И мы поступили легкомысленно, впутавшись в это дело. Сколько времени потеряно даром! Сколько напрасных волнений! Еще шесть месяцев назад мы могли бы вернуться

во Францию...

– В квартирку господина профессора, – заметил Консель, – в Парижском музее! И я бы уже классифицировал ископаемых из коллекции господина профессора! Бабирусса, вывезенная господином профессором, сидела бы теперь в клетке в Ботаническом саду и привлекала к себе любопытных со всех концов столицы.

– Все это так и было бы, Консель! И воображаю, как над нами будут смеяться!

– Уж действительно! – отвечал спокойно Консель. – Я думаю, что будут смеяться над господином профессором. Не знаю, говорить ли...

– Говори, Консель.

– ...и господин профессор заслужил насмешки.

– Помилуй!

– Когда имеешь честь быть ученым, как господин профессор, не следует пускаться...

Консель не окончил своей любезности. Глубокую тишину нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда.

Нед Ленд кричал:

– Ого-го! Наша-то штука под ветром, перед самым нашим носом!

Глава шестая

ПОД ВСЕМИ ПАРАМИ

Весь экипаж кинулся к гарпунеру: капитан, офицеры, матросы, юнги, даже механики, бросившие свои машины, даже кочегары, покинувшие свои топки. Был отдан приказ остановить судно, и фрегат шел лишь в силу инерции.

Ночь была темная, и я удивился, как мог канадец, при всей своей зоркости, что-нибудь увидеть в таком мраке. Сердце у меня так билось, что готово было разорваться.

Но Нед Ленд не ошибся. И вскоре мы все увидели предмет, на который он указывал.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», за штирбортом, море, казалось, было освещено изнутри. Это не было обычным явлением свечения моря. Чудовище, всплыв в поверхностные водные слои, отдыхало в нескольких туазах [\[82\]](#) под уровнем океана, и от него исходил этот яркий, необъяснимой силы свет, о котором упоминали в своих донесениях многие капитаны. Какой необычайной мощностью должны были обладать светящиеся органы живого организма, излучавшие столь великолепное сияние! Светящийся предмет имел контуры огромного, удлинённой формы, овала, в центре которого, как в фокусе, свет был особенно ярко, по мере же приближения к краям ослабевал.

– Да это просто скопление фосфоресцирующих организмов! – воскликнул один из офицеров.

– Вы ошибаетесь, сударь, – возразил я решительно. – Никогда фолэды или сальпы не выделяют столь светящееся вещество. Это свет электрического происхождения... Впрочем, посмотрите, посмотрите-ка! Свет перемещается! То приближается, то удаляется. Теперь он направляется на нас!

На палубе поднялся крик.

– Смирно! – скомандовал капитан Фарагут. – Руль под ветер! Задний ход!

Все кинулись по своим местам: кто к рулю, кто в машинное отделение. И «Авраам Линкольн», развернувшись на бакборт, описал полукруг.

– Право руля! Ход вперед! – командовал капитан Фарагут.

Фрегат забрал большой ход и стал удаляться от светящейся точки.

Я ошибся. Фрегат хотел только удалиться, но сверхъестественное животное погналось за ним со скоростью, превышавшей скорость его хода.

Мы затаили дыхание. Пожалуй, даже не страх, а удивление приковало нас к месту. Животное гналось за нами, как бы играя. Оно сделало оборот вокруг судна, которое шло со скоростью четырнадцати узлов, обдав его каскадом электрических лучей, словно светящейся пылью, и мгновенно оказалось на расстоянии двух или трех миль от нас, оставив за собой в море фосфоресцирующий след, напоминавший клубы дыма, которые выбрасывает локомотив курьерского поезда. И вдруг из-за темной линии горизонта, куда оно отступило, чтобы взять разбег, чудовище ринулось на «Авраама Линкольна» с устрашающей быстротой и, круто оборвав свой бег в двадцати футах от борта, погасло. Нет! Оно не ушло под воду, иначе яркость его свечения уменьшалась бы постепенно, – оно погасло сразу, словно источник этого светового потока мгновенно иссяк. И сразу же появилось по другую сторону судна, не то обогнув его, не то проскользнув под его корпусом. Каждую секунду могло произойти роковое столкновение.

Маневры фрегата меня удивляли. Корабль спасался бегством, а не вступал в бой. Фрегату надлежало

преследовать морское чудовище, а тут чудовище преследовало фрегат! Я обратил на это внимание капитана Фарагута. В эту минуту на его бесстрастном лице было написано крайнее недоумение.

– Господин Аронакс, – сказал он в ответ, – я не знаю, с каким грозным зверем имею дело, и не хочу рисковать своим фрегатом в ночной тьме. И как прикажете атаковать неизвестное животное? Как от него защищаться? Подождем рассвета, тогда роли переменятся.

– Вы, стало быть, не сомневаетесь уже в природе этого явления, капитан?

– Видите ли, сударь, по всей вероятности, это гигантский нарвал, притом электрический нарвал!

– Пожалуй, – сказал я, – он так же опасен, как гимнот или электрический скат.

– Ну а если у этого зверя еще и органы электрические, то это поистине самое страшное животное, когда-либо созданное рукой творца! – ответил капитан. – Поэтому, сударь, я принимаю все меры предосторожности.

Экипаж фрегата был на ногах всю ночь. Никто глаз не сомкнул. «Авраам Линкольн», оказавшись не в состоянии состязаться в скорости с морским животным, умерил ход и шел под малыми парами. Нарвал, подражая фрегату, лениво покачивался на волнах и, казалось, не обнаруживал желаний покинуть поле битвы.

Около полуночи он все же исчез, или, говоря точнее, «угас», как гигантский светлячок. Не скрылось ли животное в морские глубины? Мы не смели на это надеяться. Был примерно час ночи, когда вдруг послышался оглушительный свист. Казалось, где-то поблизости, вырвавшись из океанских пучин, забил мощный фонтан.

Капитан Фарагут, Нед Ленд и я стояли в этот момент на юте и с жадностью всматривались в ночной мрак.

– А часто ли вам, Нед Ленд, приходилось слышать, как киты выбрасывают воду? – спросил капитан.

– Частенько, сударь! Но ни разу не доводилось встречать кита, один вид которого принес бы мне две тысячи долларов.

– В самом деле, вы заслужили премию. Ну а скажите мне, когда кит выбрасывает воду из носовых отверстий, он производит такой же шипящий свист?

– Точь-в-точь! Но только шуму побольше. Ошибки быть не может. Ясно, что к нам пришвартовалось китообразное, которое водится в здешних водах. С вашего позволения, сударь, – прибавил гарпунер, – на рассвете я скажу ему пару теплых слов!

– Если он будет в настроении вас выслушать, мистер Ленд, – заметил я с некоторым сомнением.

– Когда я подберусь к нему на расстояние четырехкратной длины гарпуна, – возразил канадец, – так придется выслушать!

– Но ведь для этого я должен дать вам вельбот? – спросил капитан.

– Само собой.

– И рисковать жизнью гребцов?

– И моей! – просто сказал гарпунер.

Около двух часов ночи, под ветром, в пяти милях от «Авраама Линкольна», опять появился столь же интенсивно светящийся предмет. Несмотря на расстояние, несмотря на шум ветра и моря, явственно слышался могучий всплеск хвостом и астматическое дыхание животного. Казалось, что воздух, подобно пару в цилиндрах машины в две тысячи лошадиных сил, врывался в легкие этого гиганта моря, когда он,

всплыв на поверхность океана, переводил дыхание.

«Ну, – подумал я, – хорош кит, который может помериться силами с целым кавалерийским полком!»

До рассвета мы были настороже и готовились к бою. Китоловные сети были положены по бортам судна. Помощник капитана приказал приготовить мушкетоны, выбрасывающие гарпун на расстояние целой мили, и держать наготове ружья, заряженные разрывными пулями, которые бьют наповал даже самых крупных животных. Нед Ленд ограничился тем, что наточил свой гарпун – орудие смертоносное в его руках.

В шесть часов начало светать, и с первыми лучами утренней зари померкло электрическое сияние нарвала. В семь часов почти совсем рассвело; но густой утренний туман застилал горизонт, и в самые лучшие зрительные трубы ничего нельзя было разглядеть. Каково было наше разочарование и гнев, можно себе представить!

Я взобрался на бизань-мачту. Несколько офицеров влезли на марсовые площадки.

В восемь часов густые клубы тумана поплыли над волнами и медленно начали подниматься вверх. Линия горизонта расширилась и прояснилась.

Неожиданно, как и накануне, послышался голос Неда Ленда.

– Глядите-ка! Эта штука с левого борта, за кормой! – кричал гарпунер.

Все взгляды устремились в указанном направлении.

Там, в полутора милях от фрегата, виднелось какое-то длинное темное тело, выступавшее примерно на метр над поверхностью воды. Волны пенились под мощными ударами его хвоста. Никогда еще не доводилось наблюдать, чтобы хвостовой плавник разбивал волны с такой силой! Ослепляющий своей белизной след, описывая дугу, отмечал путь животного.

Фрегат приблизился к китообразному животному. Я стал внимательно вглядываться в него. Донесения «Шанона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры. По-моему, длина животного не превышала двухсот пятидесяти футов. Что касается толщины, то ее трудно было определить; все же у меня создалось впечатление, что животное удивительно пропорционально во всех трех измерениях.

В то время как я наблюдал за этим диковинным существом, из его носовых отверстий вырвались два водяных столба, которые рассыпались серебряными брызгами на высоте сорока метров. Теперь у меня было некоторое представление о том, как нарвал дышит. И я пришел к выводу, что животное принадлежит к подтипу позвоночных, к классу млекопитающих, отряду китообразных, семейству... Вот этого я еще не решил. Отряд китообразных включает в себя китов, кашалотов и дельфинов; к последним причисляются и нарвалы. Каждое семейство подразделяется на роды, роды на виды, виды... Я не мог еще определить, к какому роду и виду относится животное; но я не сомневался, что пополню пробел в классификации с помощью неба и капитана Фарагута.

Команда с нетерпением ожидала приказаний начальника. Капитан некоторое время внимательно наблюдал за животным, затем приказал позвать старшего механика. Тот явился.

– Пары разведены? – спросил капитан.

– Точно так! – ответил механик.

– Так-с! Усилить давление! Дать полный ход!

Троекратное «ура» грянуло в ответ на приказ. Час боя настал. Спустя несколько секунд из двух труб фрегата повалили клубы черного дыма, палуба сотрясалась от клочкотания пара в котлах, работавших под высоким давлением.

Мощный винт заработал, и «Авраам Линкольн» под всеми парами устремился к животному. Животное подпустило к себе корабль на расстояние полукабельтова. Затем поплыло не спеша, держась на почтительном расстоянии.

По крайней мере три четверти часа продолжалась погоня, но фрегат не выиграл и двух туазов. Было очевидно, что при такой скорости животного не достигнуть.

Капитан Фарагут в ярости теребил свою густую черную бороду.

– Нед Ленд! – крикнул он.

Канадец подошел.

– Ну-с, мистер Ленд, – сказал капитан, – не пора ли спустить шлюпки?

– Придется повременить, сударь, – отвечал Нед Ленд. – Покуда эта тварь сама не пожелает даться в руки, ее не возьмешь!

– Что же делать?

– Поднять давление пара, если это возможно, сударь. Я же, с вашего позволения, помещусь на бушприте и, как только мы подойдем поближе, ударю по этой твари гарпуном.

– Ступайте, Нед, – ответил капитан Фарагут. – Увеличить давление пара! – скомандовал он механикам.

Нед Ленд занял свой пост. Заработали топки, и винт стал давать сорок три оборота в минуту; пар клубами вырывался наружу через клапаны. Брошенный в воду лаг показал, что «Авраам Линкольн» делает восемнадцать с половиной миль в час.

Но и проклятое животное плыло со скоростью восемнадцати с половиной миль в час!

В течение часа фрегат шел на такой скорости, не выигрывая ни одного туаза! Как это было унижительно для одного из самых быстроходных судов американского флота! Команда приходила в бешенство. Матросы проклинали морское чудовище, но оно и в ус не дуло! Капитан Фарагут уже не теребил свою бородку, а кусал ее.

Снова был призван старший механик.

– Давление доведено до предела? – спросил капитан.

– Точно так, капитан, – отвечал тот.

– Сколько атмосфер?

– Шесть с половиной.

– Доведите до десяти.

Поистине американский приказ! Капитан парохода какой-нибудь частной компании на Миссисипи, в стремлении обогнать «конкурента», не мог бы поступить лучше!

– Консель, – сказал я моему верному слуге, – мы, как видно, взлетим в воздух!

– Как будет угодно господину профессору! – отвечал Консель.

Признаюсь, отвага капитана была мне по душе.

Предохранительные клапаны были зажаты. Снова засыпали уголь на колосники. Вентиляторы нагнетали воздух в топки. «Авраам Линкольн» рвался вперед. Мачты сотрясались до самого степса, и вихри дыма с трудом прорывались наружу сквозь узкие отверстия труб.

Вторично бросили лаг.

– Сколько хода? – спросил капитан Фарагут.

– Девятнадцать и три десятых мили, капитан.

– Поднять давление!

Старший механик повиновался. Манометр показывал десять атмосфер. Но и чудовище шло «под всеми парами», делая без заметного усилия по девятнадцати и три десятых мили в час.

Какая гонка! Не могу описать своего волнения. Я дрожал всеми фибрами своего существа! Нед Ленд стоял на посту с гарпуном в руке. Несколько раз животное подпускало фрегат на близкое расстояние к себе.

– Настигаем! Настигаем! – кричал канадец.

Но в тот момент, когда он готовился метнуть гарпун, животное спасалось бегством, развивая скорость не менее тридцати миль в час. И в то время как мы шли с максимальной скоростью, животное, словно издеваясь над нами, описало вокруг нас большой круг! У всех нас вырвался крик бешенства.

В полдень нас отделяло от животного такое же расстояние, как и в восемь часов утра.

Капитан Фарагут решился наконец прибегнуть к более крутым мерам.

– А-а! – сказал он. – От «Авраама Линкольна» животное ускользает! Посмотрим, ускользнет ли оно от конических бомб! Боцман! Людей к носовому орудью!

Орудие на баке немедленно зарядили и навели. Раздался выстрел, но снаряд пролетел несколькими футами выше животного, которое находилось на расстоянии полумили от фрегата.

– Наводчика половчее! – скомандовал капитан. – Пятьсот долларов тому, кто пристрелит это исчадие ада!

Старый канонир с седой бородой – я как сейчас вижу его спокойный взгляд и бесстрастное лицо – подошел к орудью, тщательно навел его и долго прицеливался.

Не успел отзвучать выстрел, как раздалось многоголосое «ура!».

Снаряд попал в цель. Но удивительное дело! Скользя по спине животного, выступавшей из воды, ядро, отлетев мили на две, упало в море.

– Ах чтоб тебя! – вскрикнул взбешенный старик. – Да этот гад в броне из шестидюймового железа!

– Проклятие! – вскричал капитан Фарагут.

Охота возобновилась; и капитан, наклоняясь ко мне, сказал:

– Покуда фрегат не взлетит в воздух, я буду охотиться за этим зверем!

– Вы правильно поступите! – ответил я.

Можно было надеяться, что животное встанет, не выдержав состязания с паровой машиной. Ничуть не бывало! Часы истекли, а оно не выказывало ни малейшего признака утомления.

К чести «Авраама Линкольна» надо сказать, он охотился за зверем с неслыханным упорством. Я думаю, что он сделал по меньшей мере пятьсот километров в этот злополучный день 6 ноября! Но наступила ночь и окутала мраком волнующийся океан.

В ту минуту мне казалось, что наша экспедиция окончена и мы никогда более не увидим фантастическое животное. Я ошибался.

В десять часов пятьдесят минут вечера снова вспыхнул электрический свет в трех милях под ветром от фрегата – столь же ясный, яркий, как и в прошлую ночь.

Нарвал лежал неподвижно. Быть может, утомившись за день, он спал, покачиваясь на волнах? Капитан Фарагут решил воспользоваться благоприятным моментом.

Он отдал нужные приказания. «Авраам Линкольн» взял малый ход, чтобы не разбудить своего противника. Встретить в открытом океане спящего кита вовсе не редкость, и сам Нед Ленд загарпунил не одного из них именно во время сна. Канадец снова занял свой пост на бушприте.

Фрегат бесшумно приблизился на два кабельтовых к животному. Тут машина была остановлена, и судно шло по инерции. На борту воцарилась тишина. Все затаили дыхание. Мы были всего в сотне футов от светящегося пространства. Сила свечения еще увеличилась и буквально слепила глаза.

Я стоял на баке, опершись о борт, и видел, как внизу, на бушприте, Нед Ленд, уцепившись одной рукой за мартинштаг, потрясал своим страшным орудием. Всего двадцать футов отделяло его от животного.

Вдруг рука Неда Ленда поднялась широким взмахом, и гарпун взвился в воздухе. Послышался звон, как при ударе по металлу.

Электрическое излучение угасло мгновенно, и два гигантских водяных столба обрушились на палубу фрегата, сбивая с ног людей, ломая фальшборты.

Раздался страшный треск, и, не успев схватиться за поручни, я вылетел за борт.

Глава седьмая

КИТ НЕИЗВЕСТНОГО ВИДА

Неожиданно упав в воду, я был ошеломлен, но сознание не потерял.

Меня сразу же увлекло на глубину около двадцати футов. Я хорошо плаваю; и хотя не притязая состязаться с такими пловцами, как Байрон и Эдгар По, но, очутившись в воде, я не растерялся. Двумя сильными взмахами я всплыл на поверхность океана.

Я стал искать глазами фрегат. Заметили ли там мое исчезновение? Повернул ли «Авраам Линкольн» на другой галс? Догадался ли капитан Фарагут послать в поисках меня шлюпку? Есть ли надежда на спасение?

Мрак был полный. Я едва различил вдали какую-то темную массу, которая, судя по огням, постепенно угасавшим, удалялась на восток. Это был фрегат. Я погиб.

– На помощь! На помощь! – закричал я, пытаюсь что было силы плыть вслед «Аврааму Линкольну».

Одежда стесняла меня. Намокнув, она прилипала к телу, затрудняла движения. Я шел ко дну! Я задыхался!..

– На помощь!

Я крикнул в последний раз. Захлестнуло рот водой. Я стал биться, но бездна втягивала меня...

Вдруг чья-то сильная рука схватила меня за ворот и одним рывком вытащила на поверхность воды. И я услышал, да, услышал, как у самого моего уха кто-то сказал:

– Если сударь изволит опереться на мое плечо, ему будет легче плыть.

Я схватил за руку верного Конселя.

– Это ты! – вскричал я. – Ты!

– Я, – отвечал Консель, – и в полном распоряжении господина профессора.

– Ты упал в воду вместе со мной?

– Никак нет. Но, состоя на службе у господина профессора, последовал за ним.

И он находил свой поступок естественным!

– А фрегат?

– Фрегат! – отвечал Консель, ложась на спину. – Не посоветовал бы я господину профессору рассчитывать на него!

– Что ты говоришь?

– А то, что, когда я прыгнул в море, вахтенный крикнул: «Гребной винт сломан!»

– Сломан?

– Да! Чудовище пробило его своим бивнем. Полагаю, что «Авраам Линкольн» отделался небольшой аварией. Но для нас это плачевная история. Фрегат потерял управление!

– Значит, мы погибли!

– Все может быть, – спокойно ответил Консель. – Впрочем, еще несколько часов в нашем

распоряжении; а за несколько часов может многое случиться!

Хладнокровие невозмутимого Конселя ободрило меня. Я поплыл сколько хватало сил; но промокшая одежда сдавливала меня, как свинцовая оковка, и я с трудом держался на воде. Консель это заметил.

– Не позволит ли сударь разрезать на нем платье? – сказал он.

Вынув нож, Консель вспорол на мне одежду сверху донизу, и пока я его поддерживал на воде, он сдернул ее с меня.

Я, в свою очередь, оказал такую же услугу Конселю. И мы, держась друг возле друга, продолжали наше «плавание».

Все же положение не стало менее ужасным. Нашего исчезновения, возможно, и не заметили. А если бы и заметили, фрегат, потерявший управление, все равно в поисках нас не мог пойти против ветра. Рассчитывать можно было только на шлюпки.

Консель хладнокровно обсуждал все возможности нашего спасения и составил план действий. Удивительная натура! Флегматичный малый чувствовал себя тут как дома!

Итак, единственная надежда была на шлюпки «Авраама Линкольна». Стало быть, нам необходимо было как можно дольше продержаться на воде.

Экономя свои силы, мы решили действовать таким образом: в то время как один из нас, скрестив руки и вытянув ноги, будет отдыхать, лежа на спине, другой будет плыть, подталкивая вперед собой отдыхающего. Мы сменяли друг друга каждые десять минут. Чередуясь таким образом, мы надеялись удержаться на поверхности воды несколько часов, а может быть, и до рассвета!

Слабая надежда! Но человек так уж создан, что никогда не теряет надежды. И все же нас было двое.

Но если б я, как это ни парадоксально, и утратил всякие иллюзии, если б в минуту слабости и готов был сдаться без борьбы, – *я не мог бы* этого сделать!

Столкновение фрегата с нарвалом произошло около одиннадцати часов вечера. Стало быть, до рассвета оставалось почти восемь часов. Задача вполне выполнимая при условии чередования. Море было спокойное, плавание почти не утомляло нас. Время от времени я вглядывался в густой мрак, нарушаемый лишь фосфорическим свечением воды, встревоженной взмахами наших рук. Я смотрел на светящиеся волны, которые, разбиваясь о мою руку, разбегались по широкому водному полю, испещренному свинцовыми бликами. Мы словно плыли в море ртути.

Около часу ночи меня внезапно охватила крайняя усталость. Руки и ноги сводило судорогой. Консель должен был поддерживать меня, и забота о нашем спасении пала на его долю. Вскоре я услышал его прерывистое и тяжелое дыхание. Консель задыхался, и я понял, что долго он не выдержит.

– Оставь меня! Оставь! – говорил я.

– Оставить господина профессора? Ни за что! – отвечал он. – Я надеюсь утонуть первым.

В эту минуту луна выглянула из-за черной тучи, которую ветер гнал на юг. Поверхность океана заискрилась при лунном свете. Благодетельное сияние луны придало нам сил. Я поднял голову. Окинул взглядом горизонт. Вдали, на расстоянии пяти миль от нас, едва вырисовывался темный силуэт фрегата. Но ни одной шлюпки в виду!

Я хотел крикнуть. Но разве услышат мой голос на таком расстоянии! К тому же я не мог разомкнуть распухших губ. Консель собрался с силами и крикнул:

– На помощь! На помощь!

Остановившись на секунду, мы прислушались. Что это? Шум в ушах от прилива крови к голове? Или мне почудилось, что на крик Конселя ответили криком?

– Ты слышал? – прошептал я.

– Слышал!

И Консель опять отчаянно закричал.

Ошибиться было нельзя! Человеческий голос ответил на вопль Конселя! Был ли это голос такого же несчастного, как и мы, выброшенного в океанские пучины, такой же жертвы катастрофы, постигшей корабль? А не подадут ли нам сигналы со шлюпки, невидимой во мраке ночи?

Консель, собрав последние силы и опершись на мое плечо, сведенное судорогой, высунулся наполовину из воды, но тут же упал обессиленный.

– Что ты видел?

– Я видел, – прошептал он, – я видел... помолчим лучше... побережем наши силы!

Что же он увидел? И вдруг мысль о морском чудовище впервые пришла мне в голову. Не увидел ли он морское чудовище?... Ну а человеческий голос?

Прошли те времена, когда Ионы укрывались в чреве китов!

Консель из последних сил подталкивал меня перед собой. Порой он приподнимал голову и, глядя вдаль, кричал. На его крик отвечал голос, который становился все слышнее, словно бы приближаясь к нам.

Но слух отказывался мне служить. Силы мои иссякли, пальцы немели, плечо становилось ненадежной опорой, я не мог закрыть рта, сведенного в судорожной спазме. Я захлебывался соленой водой. Холод пронизывал меня до самых костей. Я в последний раз поднял голову и пошел ко дну...

И тут я натолкнулся на какое-то твердое тело. Я задержался на нем. Почувствовал, что меня выносит на поверхность воды, что дышать становится легче... я потерял сознание...

По-видимому, я скоро пришел в себя благодаря энергичному растиранию всего тела. Открыл глаза...

– Консель! – прошептал я.

– Сударь изволил звать меня? – отозвался Консель.

И при свете заходящей луны передо мной мелькнуло и другое лицо, которое я сразу же узнал.

– Нед! – вскрикнул я.

– Он самый, сударь! Как видите, все еще гоняюсь за премией! – отвечал канадец.

– Вас сбросило в воду при сотрясении фрегата?

– Так точно! Но мне повезло больше, чем вам. Я почти сразу же высадился на плавучий островок.

– На островок?

– Точнее сказать, оседлал нашего гигантского нарвала!

– Не понимаю вас, Нед, – сказал я.

– Видите ли, я сразу же смекнул, почему мой гарпун не мог пробить шкуру чудовища, а только скользнул по поверхности.

– Почему, Нед? Почему?

– А потому что это животное, господин профессор, заковано в стальную броню!

Ко мне внезапно вернулась способность мыслить, оживилась память, я пришел в себя.

Слова канадца окончательно отрезвили меня. Несколько оправившись от потрясения, я вскарабкался на спину этого неуязвимого существа или предмета. Я попробовал ударить по нему ногой. Тело было явно твердое, неподатливое, непохожее на мягкую массу тела крупных морских млекопитающих!

Но это могло быть костным панцирем, подобно сплошной костяной крышке черепа допотопных животных. А если так, то мне пришлось бы отнести чудовище к допотопным пресмыкающимся типа черепах или крокодилов.

Но нет! Отливающая черным глянцем спина, на которой я стоял, была гладкой, отполированной, а не чешуйчатой. При ударе она издавала металлический звук и, как это ни удивительно, была склепана из листового железа.

Сомнения не было! То, что принимали за животное, за чудовище, за необычайное явление природы, поставившее в тупик весь ученый мир, взволновавшее воображение моряков обоих полушарий, оказалось еще более чудесным явлением: созданием рук человеческих!

Доведись мне установить существование самого фантастического полумифического животного, я не был бы удивлен до такой степени. В том, что природа творит чудеса, нет ничего удивительного, но увидеть своими глазами нечто чудесное, сверхъестественное и притом созданное человеческим гением, – тут есть над чем задуматься!

Однако раздумывать долго не было времени. Мы лежали на поверхности невиданного подводного судна, напоминавшего собой, насколько я мог судить, огромную стальную рыбу. Мнение Неда Ленда на этот счет уже сложилось. Нам с Конселем приходилось только согласиться с ним.

– Если это и в самом деле судно, – сказал я, – то должны быть и машины, приводящие его в движение, и экипаж для управления им?

– Ну, как полагается! – отвечал гарпунер. – Но вот уже три часа, как я торчу на этом плавучем островке, а не заметил никаких признаков жизни.

– Что ж, судно движется?

– Нет, господин Аронакс! Покачивается себе на волнах, а с места не трогается.

– Ну, мы-то знаем как нельзя лучше, какова быстроходность этого судна! Чтобы развить такую скорость, нужны машины, а чтобы управлять машинами, нужны механики, из чего я заключаю, что... мы спасены!

– Гм! – с сомнением произнес Нед.

В этот момент, словно в подтверждение моих слов, за кормой этого фантастического судна послышалось какое-то шипение. Видимо, пришли в движение лопасти гребного винта, и судно дало ход. Мы едва успели схватиться за небольшое возвышение в носовой части, выступавшее из воды сантиметров на восемьдесят. К счастью, судно шло на умеренной скорости.

– Покуда этот поплавок держится на поверхности, – ворчал Нед Ленд, – мне нечего возразить. Но ежели ему придет фантазия нырнуть, я не дам и двух долларов за свою шкуру!

Канадец мог бы дать за нее и того меньше. Надо было безотлагательно вступать в переговоры с людьми, заключенными в этот плавучий механизм. Я стал ощупывать поверхность, отыскивая какой-нибудь люк, отверстие, какую-нибудь «горловину», говоря техническим языком; но ряды заклепок, плотно пригнанных к краям стальной обшивки, не оставляли пустого места.

Луна зашла за горизонт, и мы оказались в полнейшей темноте. Нужно было ожидать рассвета, чтобы

попытаться проникнуть внутрь подводного судна.

Итак, наша жизнь всецело зависела от прихоти таинственных кормчих, управлявших судном! Вздумай они пойти под воду, и мы погибли! В противном случае я не сомневался в возможности войти с ними в сношение. И в самом деле, если только они не вырабатывали кислород химическим способом, им приходилось время от времени всплывать на поверхность океана, чтобы возобновить запасы чистого воздуха! А стало быть, имелось какое-то отверстие, через которое воздух поступает внутрь судна.

Тщетны были надежды на помощь капитана Фарагута! Мы шли на запад с умеренной скоростью, не более, я думаю, двенадцати миль в час. Лопасты винта разрезали воду с математической равномерностью, выбрасывая время от времени в воздух целые снопы фосфоресцирующих брызг.

Около четырех часов утра скорость хода возросла. Мы с трудом удерживались на полированной поверхности судна, с головокружительной быстротой рассекавшего океанские волны, которые неистово хлестали нас со всех сторон. Хорошо, что Нед нащупал якорное кольцо, вделанное в стальную обшивку! Мы поспешили покрепче за него ухватиться.

Истекла и эта долгая ночь.

Мне трудно восстановить в памяти все, что было пережито мной в ту ночь! Помню, что порой, когда стихал шум ветра и грохот волн, издали доносились беглые аккорды, обрывки мелодии. Что за таинственное подводное судно? Куда держит оно путь? Что за люди находятся в нем? Что за удивительный механический двигатель позволяет ему развивать такую бешеную скорость?

Рассвело. Утренний туман окутал нас своей пеленой. Но и туман рассеялся. Я хотел уже приступить к тщательному осмотру верхней части корпуса, выступавшей из воды в виде горизонтальной плоскости, как вдруг почувствовал, что судно медленно погружается в воду.

– Эй вы, дьяволы! – закричал Нед Ленд, стуча ногами по гулкому металлу. – Отпирайте, да поживее! Горе-мореплаватели!

Но трудно было что-либо услышать из-за оглушительного шума гребного винта. К счастью, погружение в морские глубины приостановилось.

Изнутри судна послышался лязг отодвигаемых засовов. Поднялась крышка люка. Оттуда выглянул человек; он выкрикнул какое-то непонятное слово и мгновенно исчез.

Несколько минут спустя из люка вышли восемь дюжих молодцов с закрытыми лицами; и они молча повлекли нас внутрь своего грозного подводного корабля.

Глава восьмая

MOBILIS IN MOBILE[83]

Столь бесцеремонное похищение свершилось с быстротой молнии. Мы буквально не успели опомниться. Не знаю, что чувствовали мои спутники, очутившись в плавучей тюрьме, но у меня мороз пробежал по коже. С кем мы имели дело? Несомненно, с пиратами новой формации, которые разбойничали на морях по вновь изобретенному ими способу.

Едва крышка узкого люка захлопнулась, я оказался в полной темноте. Глаза, привыкшие к дневному свету, отказывались служить в этом мраке. Я ощупью шел, ступая босыми ногами по ступенькам железной лестницы. Вслед за мной вели Неда Ленда и Конселья. Внизу лестницы находилась дверь, которая распахнулась и, пропустив нас, со звоном захлопнулась.

Мы остались одни. Куда мы попали? Что можно было сказать? Я представить себе не мог, где мы находимся. Все было погружено во мрак. Мрак был настолько полный, что даже спустя несколько минут нельзя было уловить ни малейшего проблеска света, мерцание которого чувствуется в самую темную ночь.

Нед Ленд, взбешенный грубостью обращения, дал волю своему негодованию.

– Тысяча чертей! – кричал он. – Эти люди превзошли в гостеприимстве каледонских дикарей! Недостает только, чтобы они оказались людоедами. Меня это несколько не удивит, но я заранее заявляю, что добровольно на съедение не отдамся!

– Полноте, друг Нед, полноте! – говорил невозмутимый Консель. – Не кипятитесь раньше времени. Мы еще не на сковороде!

– Не на сковороде, – отвечал канадец, – но в печке-то уж наверно! И тьма кромешная. К счастью, мой bowie-knife[84] при мне, и не требуется много света, чтобы его пустить в ход! Пусть только хоть один бандит тронет меня...

– Не волнуйтесь, Нед, – сказал я гарпунеру, – и не ставьте нас в неприятное положение своей напрасной горячностью. Кто знает, не подслушивают ли нас? Попытаемся лучше выяснить, где мы находимся!

Я пошел ощупью. Пройдя шагов пять, я уперся в стену, обитую листовым железом. Двинувшись вдоль стены, я наткнулся на деревянный стол, возле которого стояло несколько скамеек. Пол нашей тюрьмы покрыт был толстой циновкой из формиума, заглушавшей шаги. На голых стенах не было и признака двери или окна. Консель, пустившись в обход в другую сторону, столкнулся со мной, и мы оба вышли на середину камеры, имевшей в длину примерно футов двадцать, а в ширину футов десять. Что касается высоты, то Нед Ленд, несмотря на свой рост, не мог дотянуться рукой до потолка.

Прошло полчаса, а все оставалось по-прежнему. И вдруг наши глаза, привыкшие к полной темноте, ослепил яркий свет. Наша тюрьма внезапно осветилась. Свет был настолько ярок, что в первый момент я невольно зажмурил глаза. Я узнал этот беловатый слепящий свет, заливший в ту страшную ночь все пространство вокруг подводного корабля, свет, который мы принимали за великолепное явление фосфоресценции морских организмов! Когда я открыл глаза, я увидел, что живительный свет исходил из электрической арматуры в виде полушария, вделанного в потолок кабины.

– Наконец-то стало светло! – вскричал Нед Ленд, стоявший в оборонительной позе, с ножом в руке.

– Да, но положение наше не прояснилось! – отвечал я.

– Пусть господин профессор запасется терпением, – сказал невозмутимый Консель.

При электрическом освещении можно было разглядеть кабину в мельчайших подробностях. Обстановка состояла из стола и пяти скамеек. Потайная дверь, видимо, закрывалась герметически. Ни единого звука извне не доносилось до наших ушей. Казалось, все умерло на этом судне. Плыли ли мы по поверхности океана? Погрузились ли в морские пучины? Этого нельзя было угадать.

Но не напрасно же зажегся светоносный шар! У меня блеснула надежда, что кто-нибудь из экипажа судна не замедлит появиться. Если хотят забыть о людях, не освещают подземные темницы!

Я не обманулся в ожиданиях. Послышался лязг затворов, дверь открылась, вошли два человека.

Один был невысок ростом, мускулист, широкоплеч, с большой головой, всклокоченными черными волосами, усатый, остроглазый. Все его обличье южанина носило на себе отпечаток чисто французской живости, выдававшей в нем провансальца. Дидро справедливо сказал, что характер человека сказывается в его движениях, а этот крепыш мог служить тому живым доказательством. Чувствовалось, что язык его красочен, щедр на прибаутки, образные выражения, на своевольные обороты речи. Впрочем, я не мог в этом убедиться, потому что в нашем присутствии они изъяснялись на странном, неизвестном мне наречии.

Второй незнакомец заслуживает более подробного описания. Для ученика Грасиоле и Энгеля его лицо было открытой книгой. Я не колеблясь признал основные черты характера этого человека: уверенность в себе, о чем свидетельствовали благородная посадка головы, взгляд черных глаз, исполненный холодной решимости, спокойствие, ибо бледность его кожи говорила о хладнокровии, непреклонность воли, что выдавало быстрое сокращение надбровных мышц, – наконец, мужество, ибо его глубокое дыхание изобличало большой запас жизненных сил.

Прибавлю, что это был человек гордый, взгляд его, твердый и спокойный, казалось, выражал возвышенность мысли; и во всем его облике, в осанке, движениях, в выражении его лица сказывалась, если верить наблюдениям физиономистов, прямота его натуры.

В его присутствии я невольно почувствовал себя в безопасности, и свидание с ним предвещало благополучное разрешение нашей участи.

Сколько было лет этому человеку? Ему можно было дать и тридцать пять и пятьдесят! Он был высокого роста; резко очерченный рот, великолепные зубы, рука, тонкая в кисти, с удлинненными пальцами, в высшей степени «психическая», заимствуя определение из словаря хиромантов, то есть характерная для натуры возвышенной и страстной, – все в нем было исполнено благородства. Словом, этот человек являл собой совершенный образец мужской красоты, какой мне не доводилось встречать. Вот еще примечательность его лица: глаза, широко расставленные, могли объять взглядом целую четверть горизонта! Эта способность – как я узнал позднее – сочеталась с остротой зрения, превосходившей зоркость Неда Ленда. Когда незнакомец устремлял на что-либо свой взгляд, брови его сдвигались; он прищуривал глаза, ограничивая поле зрения, и смотрел! Что за взгляд! Он пронизывал душу! Он проникал сквозь водные слои, непроницаемые для наших глаз, вскрывал тайны морских глубин!..

Оба незнакомца были в беретах из меха морской выдры, обуты в высокие морские сапоги из тюленьей кожи. Одежда из какой-то особой ткани мягко облегла их стан, не стесняя свободы движений.

Высокий – по-видимому, командир судна – оглядел нас с величайшим вниманием, не произнося ни слова. Затем, оборотясь к своему спутнику, он заговорил на языке, о существовании которого я совершенно не подозревал. Это был благозвучный, гибкий, певучий язык с ударениями на гласных.

Тот кивнул головой и обронил два-три слова на том же языке. Потом он вопросительно посмотрел на меня.

Я ответил ясным французским языком, что не понимаю его вопроса. Но он, по-видимому, тоже не понял меня. Положение становилось довольно затруднительным.

– А все же пусть господин профессор расскажет нашу историю, – сказал мне Консель. – Авось эти господа поймут хоть кое-что!

Я стал рассказывать о наших приключениях, отчетливо, по слогам, выговаривая каждое слово, не упуская ни единой подробности. Я назвал наши имена, указал звание и, с соблюдением всех правил этикета, представился лично, в качестве профессора Аронакса. Затем представил своего слугу Конселя и гарпунера, мистера Неда Ленда.

Человек с прекрасными добрыми глазами слушал меня спокойно, даже учтиво, и чрезвычайно внимательно, но я не мог прочесть на его лице, понял ли он хоть что-нибудь из моего рассказа. Я окончил повествование. Он не произнес ни слова.

Оставалась возможность объясниться с ними по-английски. Может быть, они говорят на языке, который стал почти общепринятым. Я бегло читал и по-английски и по-немецки, но свободно изъясняться не мог. А тут требовалась прежде всего ясность изложения.

– Ну-с, теперь ваш черед, – сказал я гарпунеру. – Извольте-ка, мистер Ленд, потряхнуть стариной и вступить в переговоры, как подобает англосаксу, на чистейшем английском языке! Как знать, не повезет ли вам больше, чем мне.

Нед не заставил себя просить и повторил по-английски мой рассказ. Вернее, он передал его суть, но совершенно в другой форме. Канадец, увлекаемый своим темпераментом, говорил с большим воодушевлением. Он в резких выражениях протестовал против нашего заточения, совершенного в явное нарушение прав человека! Спрашивал, в силу какого закона нас держат на этом поплавке, ссылаясь на habeas corpus,^[85] грозил судебным преследованием тех, кто лишил нас свободы, бесновался, размахивал руками, кричал и в конце концов выразительным жестом дал понять, что мы умираем с голоду.

Это была суцая правда, но мы об этом почти забыли.

К своему величайшему удивлению, гарпунер, по-видимому, преуспел не более меня. Наши посетители и бровью не повели. Язык Фарадея, как и язык Араго, был для них непонятен.

Обескураженный неудачей, исчерпав все филологические ресурсы, я не знал, как нам быть дальше. Но тут Консель сказал:

– Если господин профессор позволит, я поговорю с ними по-немецки.

– Как, ты говоришь по-немецки? – вскричал я.

– Как всякий фламандец, с позволения господина профессора.

– Вот это мне нравится! Продолжай, дружище!

И Консель степенно рассказал в третий раз все перипетии нашей истории. Но, невзирая на изысканность оборотов и прекрасное произношение рассказчика, немецкий язык также не имел успеха.

Наконец, доведенный до крайности, я попытался восстановить в памяти свои юношеские познания и пустился излагать наши злоключения по-латыни. Цицерон зажал бы себе уши и выставил бы меня за дверь, но все же я довел рассказ до конца. Результат был столь же плачевный.

Последняя попытка тоже не имела успеха. Незнакомцы обменялись несколькими словами на каком-то непостижимом языке и ушли, не подав нам надежды каким-либо ободряющим знаком, понятным во всех странах мира! Дверь за ними затворилась.

– Какая низость! – вскричал Нед Ленд, вспыхнув уже, наверное, в двадцатый раз. – Как! С ними говорят и по-французски, и по-английски, и по-немецки, и по-латыни, а канальи хоть бы из вежливости словом обмолвились!

– Успокойтесь, Нед, – сказал я кипятившемуся гарпунеру. – Криком делу не поможешь.

– Но вы сами посудите, господин профессор, – возразил наш раздражительный компаньон, – не околевать же нам с голоду в этой железной клетке!

– Ба! – заметил философски Консель. – Мы еще в силах продержаться порядочное время!

– Друзья мои, – сказал я, – не надо отчаиваться. Мы были в еще худшем положении. Не спешите, пожалуйста, составлять мнение насчет командира и экипажа этого судна.

– Мое мнение уже сложилось, – ответил Нед Ленд. – Отыявленные негодяи...

– Так-с! Из какой страны?

– Из страны негодяев!

– Любезный Нед, – сказал я, – страна сия еще недостаточно ясно обозначена на географической карте, и, признаюсь, трудно определить, какой национальности наши незнакомцы. Что они не англичане, не французы, не немцы – можно сказать с уверенностью. А все же мне кажется, что командир и его помощник родились под низкими широтами. У них внешность южан. Но кто они? Испанцы, турки, арабы или индусы? Наружность их не настолько типична, чтобы судить об их национальной принадлежности. Что касается языка, происхождение его совершенно необъяснимо.

– Большое упущение не знать всех языков! – заметил Консель. – А еще проще было бы ввести один общий язык!

– И это бы не помогло! – возразил Нед Ленд. – Неужто не видите, что у этих людей язык собственного изобретения, выдуманный, чтобы приводить в бешенство порядочного человека, который хочет есть! Во всех странах мира поймут, что надо человеку, когда он открывает рот, щелкает зубами, чавкает! На этот счет язык один как в Квебеке, так и в Паумоту, как в Париже, так и у антиподов: «Я голоден! Дайте мне поесть!»

– Э-э! – сказал Консель. – Бывают такие непонятливые натуры...

Не успел он сказать последнее слово, как дверь растворилась. Вошел стюард.^[86] Он принес нам одежду, куртки и морские штаны, сшитые из какой-то диковинной ткани. Я проворно оделся. Мои спутники последовали моему примеру.

Тем временем стюард – немой, а может быть, и глухой – накрыл на стол и поставил три прибора.

– Дело принимает серьезный оборот, – сказал Консель. – Начало обнадеживающее!

– Ба! – возразил злопамятный гарпунер. – На кой черт нам ихние кушанья! Черепашья печенка, филе акулы, бифштекс из морской собаки!

– А вот увидим! – сказал Консель.

Блюда, прикрытые серебряными колпаками, были аккуратно расставлены на столе, застланном скатертью. Мы сели за стол. Право, мы имели дело с людьми цивилизованными, и если б не электрическое освещение, можно было бы вообразить, что мы находимся в ресторане отеля Адельфи в Ливерпуле или в «Гранд-отеле» в Париже. Должен сказать, что к столу не подали ни хлеба, ни вина. Вода была свежая и прозрачная, но все же это была вода, – что пришлось не по вкусу Неду Ленду. В числе поданных нам кушаний я отметил несколько знакомых мне рыбных блюд, превосходно приготовленных; но перед

некоторыми кушаньями я стал в тупик. Я не мог даже определить, какого они происхождения – растительного или животного. Что до сервировки стола, на всем лежал отпечаток изящества и тонкого вкуса. На столовой утвари, ложках, вилках, ножах, тарелках был выгравирован инициал в полукружии надписи-девиза.

Подвижный в подвижной среде! Девиз, удивительно подходивший к этому подводному судну при условии, что предлог in в переводе читать как *в*, а не *на*. Буква N была, очевидно, инициалом таинственной личности, господствовавшей в глубинах морей!

Нед и Консель не вдавались в подобные размышления. Они набросились на еду, и я поспешил последовать их примеру. Теперь я был спокоен за нашу участь, и мне казалось очевидным, что наши хозяева не дадут нам умереть от истощения.

Однако все на свете кончается, все проходит, даже голод людей, не евших целых пятнадцать часов! Насытившись, мы почувствовали, что нас неодолимо клонит ко сну. Реакция вполне естественная после борьбы со смертью в ту ночь, которой, казалось, конца не будет.

– Ей-ей, я охотно соснул бы, – сказал Консель.

– А я уже сплю, – ответил Нед Ленд.

И оба мои спутника растянулись на циновках, разостланных на полу кабины, и мгновенно заснули.

Но для меня не так просто было отжаться властной потребности сна. Тысячи мыслей волновали мозг, тысячи неразрешенных вопросов вставали передо мной, тысячи образов не давали сомкнуть веки! Где мы? Какая неумная сила увлекала нас? Я чувствовал – вернее, мне казалось, что чувствую, – как судно погружается в самые глубинные слои моря. Меня мучили кошмары. Из таинственных морских пучин возникали целые сонмища неведомых животных, казалось, однородных с этим подводным кораблем, столь же жизнедеятельным, подвижным, грозным, как они!.. Понемногу мозговое возбуждение улеглось, видения растаяли в дымке дремоты, и я забылся вскоре тяжелым сном.

Глава девятая

НЕД ЛЕНД В ЯРОСТИ

Не знаю, долго ли мы спали; вероятно, долго, потому что я чувствовал себя вполне отдохнувшим. Проснулся я раньше всех. Мои спутники мирно почивали, растянувшись в углу.

Голова у меня была свежая, мысли ясные. Поднявшись со своего изрядно жесткого ложа, я снова стал внимательно исследовать наш каземат.

Никаких превращений тут не произошло. Темница оставалась темницей, а пленники пленниками! Только убраны были приборы со стола. Ничто не предвещало скорого изменения нашей участи; и в тревоге я спрашивал себя: неужели мы обречены невесть какое время жить в этой клетке?

Невеселая будущность рисовалась в еще более мрачных красках, потому что мне стало не хватать воздуха. Я почувствовал какое-то стеснение в груди, хотя вчерашние кошмары больше не повторялись. Дыхание становилось все затрудненнее. От духоты я буквально задыхался. Хотя наша камера была достаточно просторна, мы, видимо, поглотили большую часть кислорода, содержащегося в воздухе. Известно, что человек расходует в час такое количество кислорода, какое содержится в ста литрах воздуха. Поэтому воздух, насыщенный почти таким же количеством выдыхаемой углекислоты, становится негодным для дыхания.

Короче говоря, необходимо было освежить атмосферу в нашей камере и, само собой, во всем подводном корабле.

Но тут у меня возник вопрос. Как поступает в таком случае командир подводного судна? Не получает ли он кислород химическим способом: путем прокаливания бертолетовой соли с одновременным поглощением углекислого газа воздуха хлористым калием? Но ведь запасы химических веществ истощаются, их приходится возобновлять и, стало быть, поддерживать сношения с Землей? Возможно, он довольствуется сжатым воздухом, нагнетенным в особые резервуары, который расходует по мере надобности? Все может статься! Не действует ли он более простым, более экономическим, а значит, и более вероятным способом? Не поднимается ли он на поверхность океана, подобно киту, подышать свежим воздухом?

Но каким бы способом он ни действовал, по-моему, пришло время применить его без промедления!

Я старался дышать чаще, вбирая в себя остатки кислорода, которые еще сохранились в душном помещении. И вдруг на меня пахнуло морем: струя чистого, насыщенного морскими запахами воздуха ворвалась в наш каземат. Животворного, напоенного йодистыми веществами, морского воздуха! Широко раскрыв рот, я вдохнул с жадностью его чудодейственную струю! И буквально в ту же минуту почувствовал легкий толчок и затем нерезкую бортовую качку, впрочем, довольно ощутимую. Судно, это стальное чудовище, всплывало на поверхность вод подышать, на манер кита, свежим воздухом! Итак, способ вентилирования судна был установлен.

Надышавшись полной грудью, я стал искать вентиляционное отверстие, так сказать, «воздухопровод», через который поступал живительный ток. Я скоро нашел его. Над дверью находилась отдушина, через которую вривалась струя чистого воздуха, освежавшая камеру.

Как только пахнуло свежестью, проснулись Нед и Консель.

Точно по команде, протерев глаза, потянувшись, они оба вскочили на ноги.

– Как почивалось господину профессору? – учтиво спросил Консель.

– Превосходно, мой друг, – ответил я. – А вам, мистер Нед Ленд?

– Спал мертвым сном, господин профессор. Если не ошибаюсь, повеяло морским ветерком?

Моряк не мог ошибиться, и я рассказал гарпунеру о том, что произошло, пока они спали.

– Так-с! – сказал он. – Теперь понятно, что это был за свист, который мы слышали, когда мнимый нарвал шнырял в виду «Авраама Линкольна»!

– Совершенно верно, мистер Ленд! До нас доносилось его свистящее дыхание.

– А скажите на милость, господин Аронакс, который теперь час? Я никак не могу сообразить, не обеденный ли?

– Обеденный час, мой уважаемый гарпунер? Вы, верно, хотите сказать, что время завтракать? Мы, наверное, проспали весь вчерашний день, до самого нынешнего утра!

– Выходит, что мы проспали целые сутки! – вскричал Консель.

– Так мне кажется, – отвечал я.

– Не стану спорить с вами, господин профессор, – сказал Нед Ленд. – По мне, все равно, что обед, что завтрак! Лишь бы стюард догадался подать нам и то и другое!

– И то и другое! – повторил Консель.

– Правильно! – поддержал его канадец. – Мы имеем право и на то и на другое! Что касается меня, я окажу честь и завтраку и обеду!

– Ну что же, Нед, приходится запастись терпением, – сказал я. – Наши неведомые хозяева, очевидно, не имеют намерения морить нас голодом, иначе им не было бы смысла кормить нас вчера обедом.

– А что, если они вздумали откармливать нас на убой? – сказал Нед.

– Едва ли! – ответил я. – Не в руки же людоедов мы попали!

– Один раз полакомиться не в счет, – серьезно сказал канадец. – Кто знает, может быть, эти люди давненько не пробовали свежего мяса. А трое здоровых, хорошо упитанных особ, как господин профессор, его слуга и я...

– Выбросьте вздорные мысли из головы, мистер Ленд, – отвечал я гарпунеру. – И главное, не вздумайте разговаривать в таком духе с нашими хозяевами, вы этим только ухудшите наше положение.

– Баста! – сказал гарпунер. – Я голоден, как тысяча чертей, и будь то обед или ужин, а нам его не подают!

– Мистер Ленд, – заметил я, – на корабле следует подчиняться установленному распорядку, а я подозреваю, что сигналы ваших желудков опережают звонок кока!

– Что ж, переведем стрелки наших часов, – сказал невозмутимый Консель.

– Узнаю вас, друг Консель! – вскричал нетерпеливый канадец. – У вас желчь даром не разливается, вы бережете свои нервы! Завидное спокойствие! Вы способны, не покушав, произнести благодарствие! Вы скорее умрете с голоду, чем станете жаловаться!

– А что толку в жалобах? – спросил Консель.

– Что толку? Пожалуйтесь, и все как-то легче! Ну а ежели эти пираты – я говорю «пираты» из уважения к господину профессору, потому что он запретил мне называть их людоедами, – ежели эти

пираты воображают, что я позволю держать себя в клетке, где я задыхаюсь, и что дело обойдется без крепких слов, на которые я горазд во гневе, так они ошибаются! Послушайте, господин Аронакс, скажите откровенно, как вы думаете, долго еще продержат нас в этом железном ящике?

– Откровенно говоря, я знаю об этом не больше вашего, мой друг!

– Ну, все-таки, как вы полагаете?

– Я полагаю, что случай позволил нам приоткрыть важную тайну. И если экипаж подводного судна заинтересован в сохранении этой тайны и если тайна для них дороже, чем жизнь трех человек, то, я думаю, мы в большой опасности. В противном случае чудовище, поглотившее нас, при первой же возможности вернет нас в общество нам подобных.

– Или зачислит нас в судовую команду, – сказал Консель, – и будет держать...

– ...до тех пор, – закончил Нед Ленд, – пока какой-нибудь фрегат, более быстроходный или более удачливый, чем «Авраам Линкольн», не захватит это разбойничье гнездо и не вздернет весь экипаж и нас вместе с ним на реи.

– Весьма резонно, мистер Ленд, – заметил я. – Но, как мне известно, никто еще не делал нам каких-либо предложений. Поэтому бесполезно строить планы на будущее. Повторяю: нужно выждать и действовать в соответствии с обстоятельствами; и не нужно ничего делать, раз делать нечего!

– Напротив, господин профессор, – ответил гарпунер, не желавший сдаваться, – нужно что-то делать!

– Но что же именно, мистер Ленд?

– Бежать!

– Бежать из «земной» тюрьмы и то довольно трудно, но бежать из подводной тюрьмы и вовсе, по моему, немыслимо.

– Ну-с, друг Ленд, – обратился к нему Консель, – что вы скажете в ответ на замечание господина профессора? Я не поверю, чтобы американец полез в карман за словом!

Гарпунер, явно смущенный, молчал. Побег в тех условиях, в которые поставил нас случай, был совершенно невозможен. Но недаром канадец наполовину француз, и Нед Ленд доказал это своим ответом.

– Стало быть, господин Аронакс, – сказал он после короткого раздумья, – вы не догадываетесь, что должен делать человек, если он не может вырваться из тюрьмы?

– Не догадываюсь, мой друг!

– А очень просто! Он устраивается по-хозяйски.

– Еще бы! – сказал Консель. – Куда приятнее обосноваться внутри плавучей тюрьмы, чем оказаться вне ее стен!

– Но прежде нужно вышвырнуть вон всех тюремщиков, ключарей, стражников! – прибавил Нед Ленд.

– Полноте, Нед! Неужели вы серьезно думаете взять в свои руки судно?

– Вполне серьезно, – отвечал гарпунер.

– Пустая затея!

– Почему же, сударь? Разве не может представиться удобный случай? А раз так, я не вижу причины им не воспользоваться. Ежели на этом поплавке не больше двадцати человек экипажа, неужто они заставят отступить двух французов и одного канадца!

Разумнее было обойти молчанием фантазерство гарпунера и не вступать с ним в спор. Поэтому я ограничился дипломатической оговоркой.

– При случае, мистер Ленд, мы вернемся к этой теме, – сказал я. – Но прошу вас запастись терпением. Тут надо действовать осторожно, а вы своей вспыльчивостью только все дело портите! Обещайте мне считаться с нашим положением и не впадать в гнев.

– Обещаю, господин профессор, – отвечал Нед Ленд малоутешительным тоном. – В рот воды наберу, не изменю себе ни единым движением, пусть даже не будут кормить, как нам того хотелось бы!

– Вы дали слово, Нед, – сказал я канадцу.

Разговор на этом кончился, и каждый из нас углубился в свои мысли.

Должен сознаться, что вопреки гарпунеру, исполненному радужных надежд, я не питал никаких иллюзий. Я не верил в счастливый исход, на который уповал Нед Ленд. Судя по тому, как искусно маневрировал подводный корабль, на борту должен был находиться солидный экипаж; и, стало быть, вступив в борьбу, мы столкнулись бы с сильным противником. Притом, чтобы действовать, нужно быть свободными, а мы сидели взаперти! Я не представлял себе, каким путем можно бежать из этого стального каземата с герметическими затворами. И если командир хранит в тайне существование своего подводного корабля – что было вполне вероятно, – он не позволит нам разгуливать на борту судна. Как он обойдется с нами? Обречет ли на смерть или высадит когда-нибудь на необитаемый остров? Мы были в его власти. Все мои домыслы, как мне казалось, были равно близки к истине, и нужно быть Недом Лендом, чтобы надеяться завоевать себе свободу. Впрочем, зная склонность канадца к навязчивым идеям, я понимал, что чем больше он будет раздумывать, тем больше будет ожесточаться. Я уже чувствовал, что проклятия застревают в его глотке, что в его движениях сказывается едва сдерживаемая ярость. Он вскакивал, метался, как дикий зверь в клетке, колотил об стену и ногой и кулаками. Время шло, голод давал себя знать, а стюард не показывался. Нашим хозяевам, если у них действительно были в отношении нас добрые намерения, не следовало так надолго оставлять без внимания потерпевших кораблекрушение!

Неда Ленда от голода мучили спазмы в желудке, и он все больше выходил из себя; я начинал уже опасаться с его стороны, несмотря на данное им слово, вспышки гнева при появлении кого-нибудь из команды судна.

Прошло еще два часа. Гнев Неда Ленда все нарастал. Канадец звал, кричал, но тщетно. Глухи были железные стены. Не слышно было ни малейшего шума на судне, как будто все там умерло. Не чувствовалось легкого дрожания корпуса при вращении винта. Судно, несомненно, стояло на месте. Погрузившись в морские пучины, оно не принадлежало более земле. Безмолвие это было ужасно.

Мы были покинуты, заперты в стенах каземата. Я страшился подумать о том, как долго может продлиться наше заключение. Проблеск надежды, вспыхнувший было при свидании с капитаном, понемногу угас. Ласковый взгляд этого человека, печать великодушия на его лице, благородство осанки – все изгладилось в моей памяти. Я представлял себе этого таинственного незнакомца таким, каким он, верно, и был: неумолимым, жестокосердным. Он, видимо, поставил себя выше человечности, стал недоступен чувству жалости, сделался непримиримым врагом себе подобных, которым он поклялся в вечной ненависти!

Но неужели этот человек даст нам погибнуть в стенах тесной темницы? Оставит нас во власти страшных мучений, на которые обрекает жестокий голод? Ужасная мысль овладела моим сознанием, а воображение сгущало краски. Отчаяние овладело мной. Консель был спокоен. Нед Ленд неистовствовал.

Вдруг снаружи послышался шум. Чьи-то шаги гулко отдавались в металлических плитах. Засовы взвизгнули, дверь отворилась, вошел стюард.

Прежде чем я успел сделать движение, чтобы удержать канадца, он ринулся на беднягу, повалил его на пол, схватил за горло. Стюард задыхался в его могучих руках.

Консель пытался было вырвать из рук гарпунера его жертву, а я уже готов был помочь ему – и вдруг так и замер на месте при словах, сказанных по-французски:

– Успокойтесь, мистер Ленд, и вы, господин профессор! Извольте выслушать меня!

Глава десятая

ОБИТАТЕЛЬ МОРЕЙ

Это был капитан корабля.

Нед Ленд живо вскочил на ноги. Стюард, чуть не задушенный, тотчас же, по знаку своего начальника, пошатываясь вышел из каюты; и власть командира была такова, что этот человек ни единым жестом не выказал своей злобы против канадца. Консель – и тот, казалось, несколько опешил от неожиданности. И все втроем мы молча ожидали развязки этой сцены.

Капитан, прислонившись к столу, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на нас. Колебался ли он вступить с нами в сношения? Жалел ли, что у него вырвалось несколько французских фраз? Вполне возможно.

Несколько секунд длилось молчание, и никто из нас не решался его нарушить.

– Господа, – сказал наконец капитан спокойным и проникновенным голосом, – я свободно владею французским, английским, немецким и латинским языками. Я мог бы сразу же объясниться с вами, но я хотел сперва понаблюдать за вами и затем решить, как мне к вам отнестись. Все, что вы рассказали о себе, и вместе и порознь, вполне совпадало; и я убедился, что вы действительно те самые лица, за которых вы себя выдаете. Я знаю теперь, что случай свел меня с господином Пьером Аронаксом, профессором естественной истории в Парижском музее, командированным за границу с научной миссией; я знаю, что спутники господина профессора – его слуга Консель и канадец Нед Ленд, гарпунер с фрегата «Авраам Линкольн», входящего в состав военно-морского флота Соединенных Штатов Америки.

Я поклонился в знак согласия. Капитан не обращался ко мне с вопросом. Стало быть, ответа не требовалось. Он изъяснялся по-французски совершенно свободно. Произношение его было безукоризненно, слова точны, манера говорить обаятельна.

Затем он сказал:

– Вы, несомненно, сочли, что наша вторичная встреча могла бы состояться несколько раньше. Но я стал в тупик, узнав, кто вы такой, сударь! Я долго не мог принять решения. Досадные обстоятельства свели вас с человеком, который порвал с человечеством! Вы смутили мой покой...

– Поневоле, – сказал я.

– Поневоле? – повторил неизвестный, несколько возвысив голос. – Неужто «Авраам Линкольн» поневоле охотился за мной во всех морях? Неужто вы поневоле пустились в плавание на борту этого фрегата? Неужто ваши снаряды поневоле попадали в корпус моего судна? Неужто мистер Нед Ленд поневоле метнул в меня острогой?

Сдержанное раздражение чувствовалось в словах капитана. Но на все его упреки у меня был совершенно естественный ответ.

– Сударь, – сказал я, – до вас, конечно, не доносились слухи, которые ходили в Америке и Европе в связи с вашим судном. Вы не знаете, какой отклик в общественном мнении обоих материков получили несчастные случаи при столкновении военных кораблей с вашим подводным судном! Я не стану утомлять ваше внимание перечислением всех предположений, которыми пытались объяснить необъяснимое явление, составлявшее вашу тайну. Но знайте, что, преследуя вас до самых отдаленных морей Тихого океана, «Авраам Линкольн» считал, что он охотится за каким-то морским чудовищем, истребить которое

он обязан во что бы то ни стало!

Легкая усмешка тронула губы капитана.

– Господин Аронакс, – сказал он более спокойным тоном, – возьмете ли вы на себя смелость утверждать, что ваш фрегат не стал бы преследовать и обстреливать подводное судно с такой же энергией, как преследовал морское чудовище?

Вопрос капитана смутил меня. Я знал, что командир фрегата, капитан Фарагут, конечно, не стал бы раздумывать. Он счел бы своим долгом уничтожить подводное судно так же, как и чудовищного нарвала.

– Итак, вы должны согласиться, сударь, – продолжал неизвестный, – что я имею право отнестись к вам, как к моим врагам.

Я опять ничего не ответил, и по той же причине.

– Я долго колебался, – говорил капитан. – Ничто не обязывало меня оказывать вам гостеприимство. У меня не было бы сейчас причины встречаться с вами, если б я решил избавиться от вас. Я мог бы, высадив вас на палубу моего судна, послужившего вам убежищем, опуститься в морские глубины и забыть о вашем существовании! Разве я был не вправе так поступить?

– Дикарь был бы вправе поступить так, но не цивилизованный человек! – отвечал я.

– Господин профессор, – возразил с живостью капитан, – я вовсе не из тех людей, которых вы именуете цивилизованными! Я порвал всякие связи с обществом! На то у меня были веские причины. А насколько причины были основательны, судить могу лишь я один! Я не повинуюсь законам этого самого общества, и прошу вас никогда на них не ссылаться!

Все было сказано. Гневен и презрителен был взгляд неизвестного. И у меня мелькнула мысль, что в прошлом этого человека скрыта страшная тайна. Недаром он поставил себя вне общественных законов, недаром ушел за пределы досягаемости, обретя независимость и свободу в полном значении этого слова! Кто отважится преследовать его в морских пучинах, если и на поверхности океана он пресекал всякую попытку вступить с ним в бой? Какое судно устоит против этого подводного монитора? Какая броня выдержит удар его тарана? Никто из людей не мог потребовать у него отчета в его действиях! Бог, если он верил в него, совесть, если он еще не потерял ее, были его единственными судьями.

Все эти мысли промелькнули в моей голове, пока этот загадочный человек, весь уйдя в себя, хранил молчание. Я смотрел на него с ужасом и любопытством; так, верно, Эдип смотрел на сфинкса!

Капитан прервал наконец томительное молчание.

– Итак, я колебался, – сказал он. – Но, подумав, решил, что свои интересы можно, в конце концов, совместить с чувством сострадания, на которое имеет право всякое живое существо. Вы останетесь на борту моего корабля, раз судьба забросила вас сюда. Я предоставлю вам свободу, впрочем, весьма относительную; но взамен вы должны выполнить одно условие. Вашего обещания сдержать свое слово вполне для меня довольно.

– Я слушаю, сударь, – ответил я. – Надеюсь, что порядочному человеку не составит труда принять ваше условие!

– Само собой разумеется! Так вот: возможно, что некоторые непредвиденные обстоятельства когда-нибудь вынудят меня удалить вас на несколько часов или дней в ваши каюты без права выходить оттуда. Не желая прибегать к насилию, я заранее хочу заручиться вашим обещанием беспрекословно повиноваться мне в подобных случаях. Таким образом я снимаю с вас всякую ответственность за все, что может произойти. Вы будете лишены возможности быть свидетелями событий, в которых вам не положено

принимать участие. Ну-с, принимаете мое условие?

Стало быть, на борту подводного корабля вершатся дела, о которых вовсе не следует знать людям, не поставившим себя вне общественных законов! Из всех нечаянностей, которые готовило мне будущее, последняя нечаянность была не из самых малых!

– Принимаем, – отвечал я. – Но позвольте, сударь, обратиться к вам с вопросом?

– Пожалуйста.

– Вы сказали, что мы будем пользоваться свободой на борту вашего судна?

– Полной свободой.

– Я желал бы знать, что вы подразумеваете под этой свободой?

– Вы можете свободно передвигаться в пределах судна, осматривать его, наблюдать жизнь на борту – за исключением редких случаев, – короче говоря, пользоваться свободой наравне со мной и моими товарищами.

Видимо, мы говорили на разных языках.

– Извините, сударь, но это свобода узника в стенах темницы! Мы не можем этим удовольствоваться.

– Приходится удовольствоваться.

– Как! Мы должны отбросить всякую надежду увидеть родину, друзей, семью?

– Да! И вместе с тем сбросить с себя тяжкое земное иго, что люди называют свободой! Уж не так это тягостно, как вы думаете!

– Что касается меня, – вскричал Нед Ленд, – я никогда не дам слово отказаться от мысли бежать отсюда!

– Я и не прошу вашего слова, мистер Ленд, – холодно отвечал капитан.

– Сударь, – вскричал я, не владея собой, – вы злоупотребляете своей властью! Это бесчеловечно!

– Напротив, великодушно! Вы взяты в плен на поле битвы! Одно мое слово, и вас сбросили бы в пучины океана! А я сохранил вам жизнь. Вы напали на меня! Вы овладели тайной, в которую не должен был проникнуть ни один человек в мире, – тайной моего бытия! И вы воображаете, что я позволю вам вернуться на землю, для которой я умер! Да никогда! Я буду держать вас на борту ради собственной безопасности!

По-видимому, капитан принял решение, против которого бессильны были всякие доводы.

– Совершенно очевидно, сударь, – сказал я, – что вы попросту предоставляете нам выбор между жизнью и смертью?

– Совершенно очевидно.

– Друзья мои, – сказал я, обращаясь к своим спутникам, – дело обстоит так, что спорить бесполезно. Но мы не дадим никакого обещания, которое связало бы нас с хозяином этого судна.

– Никакого, – сказал неизвестный.

И более мягким голосом он прибавил:

– Позвольте мне закончить наш разговор. Я знаю вас, господин Аронакс. Если не ваши спутники, то, может быть, вы лично не посетуете на случай, связавший наши судьбы. Между моими любимыми книгами вы найдете и свой труд, посвященный изучению морских глубин. Я часто перечитываю вашу книгу. Вы

двинули науку океанографии так далеко, как только это возможно для жителя земли. Позвольте уверить вас, господин профессор, что вы не пожалеете о времени, проведенном на борту моего корабля. Вы совершите путешествие в страну чудес! Смена впечатлений взволнует ваше воображение. Вы постоянно будете находиться в восторженном состоянии. Вы не устанете изумляться виденному. Жизнь подводного мира непрерывно будет разворачиваться перед вашими глазами, не пресыщая ваш взор! Я готовлюсь предпринять вновь подводное путешествие вокруг света – как знать, не последнее ли? Я хочу еще раз окинуть взглядом все, что мной изучено в морских глубинах, не однажды мной исследованных! Вы будете участником моих научных занятий. С нынешнего дня вы вступаете в новую стихию, вы увидите то, что скрыто от людских глаз – я и мои товарищи не идем в счет, – и наша планета раскроет перед вами свои сокровенные тайны!

Не скрою, речи капитана произвели на меня большое впечатление. Он тронул мою чувствительную струну, и я на мгновение забыл, что созерцание чудес подводного мира не искупит утраченной свободы. Но я утешил себя, положившись на будущее в решении столь важного вопроса. Поэтому я ограничился короткой репликой.

– Сударь, – сказал я, – хотя вы и порвали с человечеством, все же, надеюсь, вам не чужды человеческие чувства? Мы потерпели кораблекрушение. Вы великодушно приняли нас на борт своего судна. Мы никогда не забудем этого. Что касается меня, признаюсь, что если бы возможность служить науке могла ослабить вкус к свободе, то встреча с вами с избытком вознаградила бы меня за ее утрату.

Я думал, что капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор. Но капитан руки не протянул. И я мысленно пожалел его.

– Последний вопрос, – сказал я, заметив, что этот непостижимый человек готов уйти.

– Слушаю вас, господин профессор.

– Как прикажете именовать вас?

– Сударь, – отвечал капитан, – я для вас капитан Немо, [\[87\]](#) а вы для меня, как и ваши спутники, только пассажиры «Наутилуса».

Капитан Немо позвал слугу и отдал ему приказание на том же неизвестном мне языке. Затем, обращаясь к канадцу и Конселю, сказал:

– Завтрак вас ждет в вашей каюте. Потрудитесь следовать за этим человеком.

– Не откажусь! – ответил гарпунер.

И они вышли наконец из темницы, где пробыли взаперти более тридцати часов.

– А теперь, господин Аронакс, пойдете и мы завтракать. Не угодно ли вам пожаловать за мной?

– Я в вашем распоряжении, капитан.

И я пошел вслед за капитаном Немо. Переступив порог, мы очутились в освещенном электричеством узком проходе. Пройдя метров десять, мы через открытую дверь вошли в большую залу.

Это была столовая, отделанная и меблированная в строгом вкусе. Высокие дубовые поставцы, инкрустированные черным деревом, стояли по обоим концам столовой, и на их полках с волнообразными краями сверкал дорогой фаянс, фарфор, хрусталь. Серебряная утварь отражала своей блестящей поверхностью свет, падавший сверху. Тонкая роспись потолка смягчала яркость освещения.

Посредине залы стоял богато сервированный стол. Капитан Немо жестом указал мне мое место.

– Садитесь, – сказал он, – и кушайте! Вы, верно, умираете с голоду.

Завтрак состоял из нескольких блюд, приготовленных исключительно из продуктов, поставляемых морем; все же некоторые блюда вызывали во мне недоумение. Кушанья были очень аппетитные, но в них чувствовался какой-то привкус; впрочем, вскоре я перестал его ощущать. Все эти блюда содержали в себе, как мне показалось, много фосфора, и я решил, что все они морского происхождения.

Капитан Немо искоса на меня поглядывал. Я ни о чем не спрашивал его, но он сам ответил мне на вопросы, которые вертелись у меня на языке.

– Большинство этих блюд вам незнакомо, – сказал он, – но кушайте их без боязни. Пища здоровая и питательная. Я давно отказался от мясных блюд и, как видите, чувствую себя неплохо. Мои матросы все, как на подбор, здоровяки, а мы одинаково питаемся.

– Стало быть, – сказал я, – все эти кушанья изготовлены из продуктов, поставляемых морем?

– Да, господин профессор! Море удовлетворяет все мои нужды. Закинув сети, я получаю богатый улов. Опустившись в морские глубины, казалось, недоступные человеку, чтобы поохотиться в подводных лесах, я подстрелю водяную дичь. Мои стада, подобно стадам Нептуна, мирно пасутся на океанских пастбищах. Владения мои обширны, и рука создателя всего живого не оскудевает!

Я посмотрел на Немо с удивлением и сказал:

– Я хорошо понимаю, сударь, что сети поставляют превосходную рыбу к вашему столу; я понимаю, хотя и не совсем ясно, что вы позволяете себе роскошь охотиться за водяной дичью в подводных лесах; но мне совершенно непонятно, откуда в меню появляется мясное блюдо, пусть в самом малом количестве?

– Сударь, – отвечал капитан Немо, – я не питаюсь мясом земных животных.

– Ну а это что же такое? – спросил я, указывая на тарелку, на которой лежали кусочки говядины.

– То, что вы принимаете за говядину, господин профессор, всего лишь филейная часть морской черепахи. А вот жаркое из печени дельфина; вы легко приняли бы это блюдо за рагу из свинины! Мой повар мастерски консервирует дары океана. Отведайте всего понемногу. Вот консервы из морских кубышек; любой малаец нашел бы их несравненными на вкус! Вот крем, взбитый из сливок, которые поставляют нам киты; вот сахар, который добывается из гигантских фикусов Средиземного моря! И наконец, позвольте вам предложить варенье из анемонов, не уступающих в сочности самым спелым плодам земли.

И я отведал от каждого блюда не из жадности, а из любопытства. А капитан Немо тем временем чаровал меня, рассказывая баснословные вещи.

– Море, господин Аронакс, – говорил он, – кормит меня! Щедроты его неистощимы. Море не только кормит меня, но и одевает. Ткань на вашем костюме соткана из биссуса некоторых двустворчатых моллюсков; окрашена она, по примеру древних, соком пурпурницы, а фиолетовый оттенок придан экстрактом аплизий Средиземного моря. Духи, что стоят на туалетном столике в вашей каюте, получены сухой перегонкой морских растений. Ваша постель из мягкой морской травы зостеры. Пером вам будет служить китовый ус, чернилами – выделения желез каракатицы. Я живу дарами моря, и море в свое время возьмет обратно свои дары!

– Вы любите море, капитан?

– Да, я люблю море! Море – это все! Оно покрывает собой семь десятых земного шара. Дыхание его чисто, животворно. В его безбрежной пустыне человек не чувствует себя одиноким, ибо вокруг себя он ощущает биение жизни. В лоне морей обитают невиданные диковинные существа. Море – это вечное движение и любовь, вечная жизнь, как сказал один из ваших поэтов. И в самом деле, господин профессор, водная среда представляет для развития жизни исключительные преимущества. Тут представлены три

царства природы: минералы, растения, животные. Животное царство широко представляют четыре группы зоофитов, [\[88\]](#) три класса членистых, пять классов моллюсков, три класса позвоночных, млекопитающих, пресмыкающихся и неисчислимые легионы рыб, отряды животных, которых насчитывают свыше тринадцати тысяч видов, из коих только одна десятая обитает в пресных водах. Море – обширный резервуар природы! Если можно так выразиться, морем началась жизнь земного шара, морем и кончится! Тут высший покой! Море не подвластно деспотам. На поверхности морей они могут еще чинить беззакония, вести войны, убивать себе подобных. Но на глубине тридцати футов под водой они бессильны, тут их могущество кончается! Ах, сударь, оставайтесь тут, живите в лоне морей! Тут, единственно тут, настоящая независимость! Тут нет тиранов! Тут я свободен!

Капитан Немо вдруг умолк. Не изменил ли он своей обычной сдержанности? Не пожалел ли, что сказал лишнее? Несколько минут он в видимом волнении ходил по комнате. Понемногу нервы его успокоились, лицо приняло обычное холодное выражение. Наконец он подошел ко мне.

– А теперь, господин профессор, – сказал он, – если вы желаете осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам.

Глава одиннадцатая

«НАУТИЛУС»

Я последовал за капитаном Немо. Двойная дверь в глубине столовой распахнулась, и мы вошли в соседнюю комнату, столь же просторную.

Это была библиотека. В высоких шкафах из черного палисандрового дерева с бронзовыми инкрустациями на широких полках стояли рядами книги в одинаковых переплетах. Шкафы тянулись вдоль стен, занимая все пространство от пола до потолка. Несколько отступя от шкафов шли сплошные широкие диваны, обитые коричневой кожей. Легкие передвижные подставки для книг расставлены были близ диванов. Посредине библиотеки стоял большой стол, заваленный журналами, среди которых я заметил несколько старых газет. С лепного потолка, завершая весь этот гармонический ансамбль, четыре полушария из матового стекла изливали электрический свет. С восхищением осматривал я этот покой, обставленный с таким вкусом, и глазам своим не верил.

– Капитан Немо, – сказал я хозяину, расположившемуся на диване, – ваша библиотека сделала бы честь любому дворцу на континенте; и я диву даюсь при мысли, что такая сокровищница сопутствует вам в морские глубины!

– А где же вы найдете столь благоприятные условия для работы, господин профессор? – ответил капитан Немо. – Тишина, полный покой. Разве в вашем кабинете в Парижском музее вы пользуетесь такими удобствами?

– Разумеется, нет! И я должен признаться, что мой парижский кабинет беден в сравнении с вашим. У вас тут не менее шести-семи тысяч томов...

– Двенадцать тысяч, господин Аронакс. Книги – единственное, что связывает меня с землей. Свет перестал существовать для меня в тот день, когда «Наутилус» впервые погрузился в морские глубины. В тот день я в последний раз покупал книги, журналы, газеты. С того дня для меня человечество перестало мыслить, перестало творить. Моя библиотека к вашим услугам, господин профессор; вы можете располагать ею, как вам будет угодно.

Поблагодарив капитана Немо, я подошел к библиотечным полкам. Тут была собрана научная, философская, художественная литература на всех языках; но я не заметил ни одного сочинения по политической экономии; очевидно, политической экономии доступ на борт судна был строго воспрещен. Любопытная подробность – книги были расставлены в алфавитном порядке, независимо от того, на каком языке они написаны; видимо, капитан Немо свободно владел всеми языками.

Среди книг я увидел произведения великих писателей и мыслителей древнего и нового мира – все то лучшее, что создано человеческим гением в области истории, поэзии, художественной прозы и науки, начиная с Гомера до Виктора Гюго, с Ксенофонта до Мишле, с Рабле до госпожи Санд. Но научные книги все же преобладали в этой библиотеке; книги по механике, баллистике, гидрографии, метеорологии, географии, зоологии чередовались с трудами по естественной истории – как я понял, главного предмета научных интересов капитана. Тут было полное собрание сочинений Гумбольдта, Араго, труды Фуко, Анри Сент-Клер Девиля, Шасля, Мильна Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертелло, аббата Секки, Петерманна, капитана Мори, Агассиса, «Записки Академии наук», сборники различных географических обществ и прочее. И в этом почетном обществе находились две моих книги, которым, возможно, я был обязан относительно любезным приемом на борту «Наутилуса»! Книга Жозефа Бертрона «Основы

астрономии» позволила мне сделать заключение: я знал, что она вышла в свет в 1865 году, – стало быть, «Наутилус» был спущен под воду не раньше этого времени.

Итак, капитан Немо начал свое подводное существование всего лишь три года назад. Впрочем, я надеялся установить точную дату, если в библиотеке окажется более позднее издание. Но у меня впереди было достаточно времени для подобных изысканий, и, помимо того, мне не хотелось откладывать обозрения чудес «Наутилуса».

– Благодарю вас, сударь, – сказал я, – за разрешение пользоваться вашей библиотекой. Тут собраны столь ценные научные сокровища! Я не премину с ними ознакомиться.

– Тут не только библиотека, – отвечал капитан Немо, – но и курительная.

– Курительная? – воскликнул я. – Курительная на борту «Наутилуса»?

– Совершенно верно!

– В таком случае, сударь, я должен предположить, что вы поддерживаете связь с Гаваной?

– Отнюдь нет, – возразил капитан. – Позвольте предложить вам сигару. Правда, она не гаванская, но, если вы знаток, сигара придется вам по вкусу.

Я взял сигару, по форме весьма напоминавшую лучшие сорта гаванских, но, казалось, скрученную из золотистых листьев. Я раскурил ее у светильника, стоявшего на изящной бронзовой подставке, и затаился с жадностью завязанного курильщика, лишённого табака уже двое суток.

– Превосходная сигара, – сказал я, – но разве это табак?

– Табак, но не гаванский и не турецкий. Море поставляет мне, хотя и не очень щедро, эти редкие морские водоросли, богатые никотином. Вы и теперь вздыхаете о гаванских сигарах, а?

– С этой минуты, капитан, я их презираю!

– Курите, пожалуйста, сколько вам вздумается, не спрашивая о происхождении сигар. Никакая таможня не взимала за них налога, но от этого, полагаю, они не стали хуже!

– Напротив!

В этот момент капитан Немо растворил дверь, противоположную той, через которую мы вошли в библиотеку, и я оказался в ослепительно освещенном салоне.

Это был просторный зал с закругленными углами, длиной в десять, шириной в шесть, высотой в пять метров. Сильные лампы, скрытые за узорчатым орнаментом потолка, выдержанного в духе мавританских сводчатых покрытий, бросали мягкий свет на сокровища этого музея. Да, это был настоящий музей, в котором мастерской и щедрой рукой были соединены воедино дары природы и искусства в том живописном беспорядке, какой отличает жилище художника.

Десятка три картин великих мастеров, в одинаковых рамах, отделенные одна от другой щитами с рыцарскими доспехами, украшали стены, обтянутые тканями обоями строгого рисунка. Тут были полотна огромной ценности, которыми я любовался в частных картинных галереях Европы и на художественных выставках. Различные школы старинных мастеров были представлены тут: «Мадонна» Рафаэля, «Дева» Леонардо да Винчи, «Нимфа» Корреджо, «Женщина» Тициана, «Поклонение волхвов» Веронезе, «Успение» Мурильо, «Портрет» Гольбейна, «Монах» Веласкеса, «Мученик» Рибейры, «Ярмарка» Рубенса, два фламандских пейзажа Тенирса, три жанровые картинки Жерара Доу, Метсю, Поля Поттера, два полотна Жерико и Прудона, несколько морских видов Бекюйзена и Верне. Современная живопись была представлена картинами Делакура, Энгра, Деампа, Труайона, Мессонье, Добиньи и т. д.; несколько очаровательных мраморных и бронзовых копий античных скульптур на высоких пьедесталах стояло по

углам великолепного музея. Предсказание командира «Наутилуса» начинало сбываться: я был буквально ошеломлен.

– Господин профессор, – сказал этот загадочный человек, – надеюсь, вы извините меня за то, что я принимаю вас запросто и в гостиной беспорядок.

– Сударь, – отвечал я, – не доискиваясь, кто вы такой, смею предполагать, что вы художник!

– Любитель, сударь, не более! Когда-то мне доставляло удовольствие собирать прекрасные творения рук человеческих. Я был страстный, неутомимый коллекционер, и мне удалось приобрести несколько вещей большой ценности. Это собрание картин – последнее воспоминание о земле, которая для меня уже не существует. В моих глазах ваши современные живописцы – то же, что старинные мастера. Гений не имеет возраста.

– А композиторы? – спросил я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и многих других, разбросанные на огромнейшей фисгармонии, занимавшей всю стену между дверьми.

– Для меня эти композиторы, – отвечал капитан Немо, – современники Орфея, ибо понятие о времени стирается в памяти мертвых, а я мертв, господин профессор! Я такой же труп, как и те ваши друзья, которые покоятся в шести футах под землей!

Капитан Немо умолк и глубоко задумался. Я смотрел на него в величайшем волнении, молча изучая его лицо. Опершись о драгоценный мозаичный стол, он, казалось, не замечал меня, забыл о моем присутствии.

Не желая нарушать течения его мыслей, я решил заняться осмотром редкостей.

Произведения искусства соседствовали с творениями природы. Водоросли, раковины и прочие дары океанской фауны и флоры, собранные, несомненно, рукой капитана Немо, занимали видное место в его коллекции. Посреди салона из гигантской тридакны бил фонтан, освещенный снизу электричеством. Края резко ребристой раковины этого исполинского двустворчатого моллюска были изящно зазубрены. В окружности раковина достигала шести метров. Стало быть, этот экземпляр превосходил размерами прекрасные тридакны, поднесенные Венецианской республикой Франциску I и служившие кропильницами в парижской церкви Святого Сульпиция.

Вокруг раковины в изящных витринах, оправленных в медь, были расположены по классам и снабжены этикетками редчайшие экспонаты океанических вод, какие когда-либо доводилось видеть натуралисту. Вообразите себе радость такого естествоиспытателя, как я!

Раздел зоофитов – «животных-цветов» – был представлен весьма любопытными образцами полипов и иглокожих. Первую группу составляли органчиковые и горгониевые восьмилучевые кораллы, сирийские губки, молуккские изиды, морские перья, прелестные лофогелии норвежских морей, различные зонтичные, альциониевые, целая коллекция шестилучевых мадрепоровых кораллов, которые мой учитель Мильн Эдвардс так остроумно классифицировал на подотряды и среди которых я особо отметил очаровательных веерниц, разноцветных глазчатых кораллов с острова Бурбон, «колесницу Нептуна» с Антильских островов, бесподобные разновидности кораллов! Тут были представлены все виды обитателей коралловых рифов, колонии которых образуют настоящие острова, а со временем, возможно, и целые материи.

Иглокожие, примечательные своим известковым панцирем из многочисленных пластинок решетчатого строения, как то: красно-бурые морские звезды астериас, морские лилии, стебельчатые лилии ризокринусы, астерофоны, морские ежи, голотурии и прочие, являли полное собрание представителей

этой группы.

Какой-нибудь впечатлительный конхиолог, конечно, растерялся бы, увидев соседние витрины, в которых были размещены и классифицированы представители типа моллюсков. Коллекция мягкотелых не имела цены, и мне не достало бы времени ее описать. Я назову лишь некоторые особи, и единственно ради того, чтоб сохранить в памяти их названия: изящная королевская синевакула Индийского океана, вся в белых пятнах, ярко выступающих на красном и коричневом фоне, красочный «императорский спондил», весь оцетинившийся шипами, – редкий экземпляр, за который, по моему мнению, любой европейский музей заплатил бы двадцать тысяч франков; обыкновенная синевакула из морей Новой Голландии, весьма трудно добываемая; экзотические сенегальские бюккарды – двустворчатые белые раковины, такие хрупкие, что рассыпаются при малейшем дуновении; множество разновидностей морского щипца с острова Явы – улитки вроде известковых трубок, окаймленных листовидными складками, высоко ценимые любителями; все виды брюхоногих, начиная от зеленовато-желтых, которых вылавливают в морях Америки, до кирпично-красных, предпочитающих воды Новой Голландии; одни, добытые в Мексиканском заливе и примечательные своей черепицеобразной раковиной, другие – звездчатки, найденные в южных морях, и, наконец, самый редкий из всех, великолепный шпорник Новой Зеландии; затем удивительные телины, драгоценные виды цитер и венусов, решетчатые кадраны, отливающие перламутром, с берегов Транкебара, крапчатая башенка, зеленые ракушки Китайских морей, конусовидная улитка; все виды ужовок, служащих монетами в Индии и Африке, «Слава морей» – драгоценнейшая раковина Восточной Индии; наконец, литорины, дельфинки, башенки, янтины, яйцевидки, оливы, митры, шлемы, пурпурницы, трубачи, арфы, скальницы, тритоны, цериты, веретенovidки, блюдечки, стеклышки, клеодоры – нежные хрупкие раковины, которым ученые дали прелестные имена.

В особых отделениях лежали нити жемчуга невиданной красоты, загоравшиеся всеми огнями при электрическом освещении: розовый жемчуг, извлеченный из морской пинны Красного моря, зеленый жемчуг из галиотиса, желтый жемчуг, голубой, черный – удивительный продукт различных моллюсков всех океанов и некоторых перловиц из северных рек; и, наконец, несколько бесценных образцов, извлеченных из самых крупных и редчайших раковин-жемчужниц. Иные жемчужины были больше голубинового яйца; каждая из них стоила дороже той жемчужины, которую путешественник Тавернье продал за три миллиона персидскому шаху, а красотой они превосходили жемчужину имама маскатского, которой, как я думал, не было равной в мире. Определить стоимость коллекции не представляло возможности. Капитан Немо должен был истратить миллионы на приобретение этих редчайших образцов; и я спрашивал себя: из каких источников черпает средства на удовлетворение своих причуд этот собиратель редкостей? Но тут капитан обратился ко мне:

– Вы рассматриваете мои раковины, господин профессор? В самом деле, они могут заинтересовать натуралиста, но для меня они имеют особую прелесть, потому что я собрал их собственными руками, и нет моря на земном шаре, которое я не обошел бы в своих поисках.

– Понимаю, капитан, вполне понимаю, какое удовольствие испытываете вы, любясь своими сокровищами! И они собраны вашими собственными руками! Ни один европейский музей не располагает такой коллекцией океанской фауны и флоры. Но если я растрочу все свое внимание на осмотр коллекции, что же останется для судна? Я отнюдь не хочу проникать в ваши тайны, но признаюсь, что устройство «Наутилуса», его двигатели, механизмы, сообщающие ему необычайную подвижность, – все это крайне возбуждает мое любопытство. На стенах салона я вижу приборы, назначение которых мне неизвестно. Могу ли я узнать...

– Господин Аронакс, – ответил капитан, – я уже сказал вам, что вы свободны на борту моего судна, следовательно, нет такого уголка на «Наутилусе», куда бы вам был воспрещен доступ! Вы можете

осматривать судно со всем его устройством, и я почту за удовольствие быть вашим проводником.

– Не нахожу слов благодарности, сударь! Постараюсь не злоупотребить вашей любезностью! Разрешите только узнать назначение этих физических приборов...

– Господин профессор, точно такие же приборы имеются в моей каюте, и там я объясню вам их назначение. Но сначала пройдемте в каюту, приготовленную для вас. Надо же вам знать, в каких условиях вы будете жить на борту «Наутилуса»!

Я последовал за капитаном Немо. Выйдя через одну из дверей, имевшихся в каждом из округленных углов салона, мы оказались в узком проходе, пролегавшем по обоим бокам судна. Пройдя на нос корабля, капитан Немо ввел меня в каюту, вернее, в изящно обставленную комнату с кроватью, туалетным столом и прочей удобной мебелью.

Оставалось только благодарить любезного хозяина.

– Ваша каюта – смежная с моей, – сказал он, раскрывая другую дверь, – а моя сообщается с салоном, откуда мы только что вышли.

Каюта капитана обставлена была скудно, почти по-монашески: железная кровать, рабочий стол, несколько стульев, умывальник. В каюте царил полумрак. Ничего лишнего. Только необходимые вещи.

Капитан Немо указал мне на стул.

– Не желаете ли присесть? – сказал он.

Я сел, и он начал свои объяснения.

Глава двенадцатая

ВСЁ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ!

– Сударь, – сказал капитан Немо, указывая на приборы, висевшие на стенах каюты, – вот аппаратура, служащая для управления «Наутилусом». Здесь, как и в салоне, она всегда у меня перед глазами и в любой момент дает мне знать, в какой точке океана находится мой подводный корабль, а также указывает его направление. Некоторые приборы вам знакомы. Вот термометр для измерения температуры воздуха на «Наутилусе»; барометр – прибор, определяющий атмосферное давление, благодаря этому мы имеем возможность предвидеть изменение погоды; гигрометр – один из приборов для измерения степени влажности в атмосфере; storm-glass сигнализирует о приближении бури; компас указывает путь; секстан позволяет по высоте солнца определить широту; хронометры дают возможность установить долготу; и, наконец, зрительные трубы, дневные и ночные, которыми я пользуюсь, осматривая горизонт, когда «Наутилус» поднимается на поверхность океана.

– Ну что ж! Все это приборы, обычные в обиходе мореплавателей, и я давно с ними знаком. Но тут есть вещи, которые, очевидно, имеют отношение к особенностям управления подводным кораблем. Хотя бы этот большой циферблат с подвижной стрелкой, не манометр ли?

– Манометр, совершенно верно! Прибор этот служит для измерения давления воды и тем самым указывает, на какой глубине находится мое подводное судно.

– А эти зонды новой конструкции?

– Термометрические зонды. Ими измеряют температуру в различных слоях воды.

– А вот эти инструменты? Я не представляю себе их назначение.

– Тут, господин профессор, я должен буду дать вам некоторые разъяснения, – сказал капитан Немо. – Не угодно ли выслушать их?

Помолчав немного, он сказал:

– В природе существует могущественная сила, послушная, простая в обращении. Она применима в самых различных случаях, и на моем корабле все подчинено ей. От нее исходит все! Она освещает, отопливает, приводит в движение машины. Эта сила – электрическая энергия!

– Электрическая энергия? – удивленно воскликнул я.

– Да, сударь.

– Однако ж, капитан, исключительная быстрходность вашего корабля плохо согласуется с возможностями электрической энергии. До сей поры динамическая сила электричества представлялась весьма ограниченной и возможности ее чрезвычайно ничтожны.

– Господин профессор, – отвечал капитан Немо, – способы использования электрической энергии на корабле значительно отличаются от общепринятых. Позволю себе на этом закончить!

– Не смею настаивать, сударь, и удовольствуюсь вашим кратким сообщением. Признаться, я изумлен! Позвольте лишь задать вопрос. Надеюсь, вы ответите, если не сочтете меня нескромным. Ведь элементы, которые служат проводниками этой чудодейственной силы, должны быстро истощаться, не так ли? Чем вы замените хотя бы цинк? Вы ведь не поддерживаете связи с землей?

– Отвечу на ваш вопрос, – сказал капитан Немо. – Прежде всего скажу, что на морском дне имеются

значительные залежи руд, цинка, железа, серебра, золота и прочее, разработка которых не составит большого труда. Но я не пожелал пользоваться благами земли и предпочел позаимствовать у моря количество энергии, потребной для нужд корабля.

– У моря?

– Да, господин профессор, в море нет недостатка в этой энергии. Я мог бы, кстати сказать, проложив кабель на различных глубинах, получить ток от разности температур в различных водных слоях. Но я предпочел более практичный способ.

– Какой же?

– Вам известен состав морской воды. На тысячу граммов приходится девяносто шесть с половиной процентов чистой воды, два и две трети процента хлористого натрия; далее в небольшом количестве хлористый магний и хлористый кальций, бромистый магний, сернокислый магний, сульфат и углекальциевая соль. Вы видите, что хлористый натрий содержится в морской воде в значительном количестве. Вот этот-то натрий я выделяю из морской воды и питаю им свои элементы.

– Хлористым натрием?

– Да, сударь. В соединении с ртутью он образует амальгаму, заменяющую цинк в элементах Бунзена. Ртуть в элементах не разлагается. Расходуется только натрий, а его мне поставляют море. И надо сказать, что, помимо всего, натриевые элементы по крайней мере в два раза сильнее цинковых.

– Я хорошо понимаю, капитан, все преимущество натрия в условиях, в которых вы находитесь. Натрий вам поставляют море. Отлично! Но ведь его еще надо добыть, иначе говоря, выделить из его хлористого соединения. Каким способом вы его извлекаете? Разумеется, ваши батареи могли бы послужить для электрохимического разложения хлористого натрия, но, если не ошибаюсь, расход натрия на электролиз очень высок. И что же окажется? Вы таким способом потратите натрия больше, чем его получите!

– Поэтому-то, господин профессор, я не извлекаю натрий электролитическим способом и пользуюсь для этого энергией каменного угля.

– Каменного угля?

– Скажем, морского угля, если вам угодно, – отвечал капитан Немо.

– Стало быть, вы нашли способ разрабатывать подводные каменноугольные копи?

– Господин Аронакс, вы увидите это на деле. Я только попрошу вас запастись терпением, благо в этом вам способствует излишек свободного времени. Помните лишь одно: я всем обязан океану. Океан снабжает меня электричеством, а электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, способность двигаться – словом, жизнь!

– Но не воздух для дыхания?

– О, я мог бы получить и воздух, чистейший кислород! Но это лишнее, раз я могу подняться в любой момент на поверхность океана. Впрочем, если электрическая энергия и не вырабатывает кислород, потребный для дыхания, все же она приводит в движение мощные насосы, нагнетающие воздух в специальные резервуары, что позволяет мне, если потребуется, долгое время находиться в глубинных водах.

– Капитан, я восхищаюсь вами! – сказал я. – Вы, очевидно, сделали научное открытие, выявив двигательную мощь электрической энергии! Когда-нибудь люди поймут это!

– Не знаю, поймут ли они когда-нибудь, – холодно отвечал капитан Немо. – Но, как бы то ни было, я дал этой драгоценной силе широкое применение. Она изливает на нас свой равномерный и постоянный

свет, чего недостает солнечному свету. Теперь взгляните на эти часы: они электрические и в точности не уступают лучшим хронометрам. Я сконструировал их по итальянской системе, разделив циферблат на двадцать четыре часа, потому что для меня не существует ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, – только лишь этот искусственный свет, который я уношу с собой в морские глубины! Видите, теперь десять часов утра.

– Совершенно верно!

– А вот и другое применение электричества. Циферблат, который вы видите перед собой, служит указателем скорости «Наутилуса». Проводами он соединяется с винтом лага, и стрелка постоянно дает мне знать, на какой скорости идет судно. Смотрите, сейчас мы идем со скоростью не более пятнадцати миль в час.

– Удивительно! – воскликнул я. – Вы, я вижу, правильно разрешили задачу, применив силу, которая в будущем заменит ветер, воду и паровые двигатели!

– Мы еще не кончили, господин Аронакс, – сказал капитан Немо, вставая. – И если вам угодно, пройдемте на корму «Наутилуса».

И я действительно ознакомился с внутренним устройством подводного корабля. Вот его точное описание, если идти от миделя к форштевню на носовую часть: столовая метров пять длиной, отделенная от библиотеки непроницаемой, точнее говоря, водонепроницаемой переборкой; библиотека длиной метров пять; салон в длину десять метров отделен второй водонепроницаемой переборкой от каюты капитана длиной пять метров; рядом моя каюта в длину два с половиной метра; и, наконец, резервуар для хранения воздуха, который занимает все пространство до форштевня, то есть семь с половиной метров. Итого тридцать пять метров! Водонепроницаемые переборки и герметически запиравшиеся двери служили надежной защитой, если бы в какой-либо части подводного корабля образовалась течь.

Я последовал за капитаном Немо по узким проходам, и мы опять оказались в самом центре судна. Там, заключенное между двумя непроницаемыми переборками, находилось узкое помещение. Железный трап, привинченный к стене, вел к самому потолку. Я спросил капитана, куда ведет этот трап.

– Он ведет к шлюпке, – отвечал он.

– Как! У вас есть шлюпка? – спросил я, несколько удивившись.

– Само собой! Отличное гребное судно, легкое и устойчивое. Шлюпка служит для прогулок и рыбной ловли.

– Стало быть, вам приходится подниматься на поверхность моря, чтобы спустить шлюпку в воду?

– Во все нет! Шлюпка помещается в специальной выемке в кормовой части палубы «Наутилуса». Это палубное судно, оно снабжено водонепроницаемой крышкой и укреплено в своем гнезде крепкими болтами. Трап ведет к узкому люку в палубе «Наутилуса», который сообщается с таким же люком в дне шлюпки. Через эти отверстия я попадаю в шлюпку. Тотчас же палубный люк закрывается. Я со своей стороны закрываю герметической крышкой отверстие в шлюпке. Затем отвинчиваю болты, и шлюпка мгновенно всплывает на поверхность вод. Тогда я открываю герметический люк шлюпки, ставлю мачту, поднимаю паруса, берусь за весла, и вот я в открытом море!

– А как же вы возвращаетесь на борт?

– Я не возвращаюсь, господин Аронакс! «Наутилус» возвращается на поверхность океана.

– По вашему приказанию?

– По моему приказанию. Шлюпка соединена с судном электрическим кабелем. Я даю телеграмму – и

дело с концом!

– И в самом деле, – говорю я, наглядевшись на все эти чудеса, – ничего не может быть проще!

Миновав лестничную клетку, мы прошли мимо открытой двери в небольшую каюту, не более двух метров в длину, в которой Консель и Нед Ленд уписывали за обе щеки отличный завтрак. Затем растворилась соседняя дверь, и мы заглянули в камбуз длиной в три метра, расположенный между вместительными кладовыми судна.

Электричество оказалось удобнее всякого газа. Все готовилось на электричестве. Провода, включенные в аппаратуру в виде платиновых пластинок, раскаляли их добела, поддерживая в плите температуру, нужную для приготовления пищи. На электричестве работал и дистилляционный аппарат, снабжавший судно чистой пресной водой. Возле камбуза помещалась ванная комната, комфортабельно оборудованная, с кранами для горячей и холодной воды.

Дальше находился матросский кубрик длиной пять метров. Но дверь была заперта, и мне не пришлось по его обстановке определить количество обслуживающего персонала на борту «Наутилуса».

Четвертая водонепроницаемая переборка отделяла кубрик от машинного отделения.

Отворилась дверь, и я оказался в помещении, где капитан Немо – первоклассный инженер – установил машины, приводившие «Наутилус» в движение.

Машинное отделение, занимавшее в длину метров двадцать, было ярко освещено. Помещение состояло из двух половин: в первой находились батареи, вырабатывавшие электрическую энергию, во второй – машины, вращавшие винт корабля.

Я сразу же почувствовал какой-то неприятный запах, стоявший в помещении. Капитан Немо заметил это.

– Вы чувствуете запах газа, – сказал он, – газ выделяется при извлечении натрия. Приходится с этим мириться! Впрочем, мы каждое утро основательно вентилируем весь корабль.

Естественно, что я с интересом осматривал машинное отделение «Наутилуса».

– Вы видите, – сказал капитан Немо, – я пользуюсь элементами Бунзена, а не Румкорфа. Последние не дали бы мне такого высокого напряжения. Батарей Бунзена у меня не так много, но зато они работают на большой мощности. Электрическая энергия, выработанная батареями, передается в машинное отделение, приводит в действие электромоторы, которые через сложную систему трансмиссий сообщают вращательное движение гребному валу. И несмотря на то что винт в диаметре равен шести метрам, скорость вращения его доходит до ста двадцати оборотов в секунду.

– И вы развиваете скорость...

– Пятьдесят миль в час.

Тут крылась тайна, и я не настаивал на ее разъяснении. Как может электричество дать ток столь высокого напряжения? В чем источник этой сверхмощной энергии? В высоком ли качестве арматуры нового образца, в которой индуцируется ток? В системе ли трансмиссий неизвестной дотоле конструкции, способной довести силу напряжения до бесконечности? Я не мог этого понять.

– Капитан Немо, – сказал я, – результаты налицо, и я не притязаю на объяснения. Я не забыл еще, как искусно маневрировал «Наутилус» вокруг «Авраама Линкольна», и мне известна его быстрходность. Но развить скорость – этого еще недостаточно. Нужно видеть, куда идешь! Нужно иметь возможность направлять судно вправо, влево, вверх, вниз! Каким способом погружаетесь вы на большие глубины, где давление достигает ста атмосфер? Каким способом вы поднимаетесь на поверхность океана? Наконец,

каким способом вы движетесь вперед в избранных вами глубинных слоях? Но, может быть, нескромно с моей стороны задавать подобные вопросы?

– Нисколько, господин профессор, – отвечал капитан после некоторого колебания. – Ведь вы навсегда связаны с подводным кораблем. Пойдемте в салон. Там у нас настоящий рабочий кабинет, и там вы узнаете все, что вам должно знать о «Наутилусе».

Глава тринадцатая

НЕКОТОРЫЕ ЦИФРЫ

Вскоре мы сидели на диване в салоне с сигарами во рту. Капитан разложил передо мной чертежи, представлявшие в продольном и поперечном разрезе план «Наутилуса». Затем он сказал:

– Вот, господин Аронакс, чертежи судна, на котором вы находитесь. Судно представляет собой сильно удлинённый цилиндр с коническими концами. По своей форме оно напоминает сигару, а эта форма считается в Лондоне лучшей для подобного рода конструкций. Длина цилиндра семьдесят метров; наибольшая ширина – восемь метров. Пропорция судна несколько отступает от обычного для ваших быстроходных паровых судов отношения ширины к длине, как единицы к десяти, но и при данном соотношении лобовое сопротивление невелико и вытесняемая вода не затрудняет хода корабля.

Эти две величины уже позволяют вычислить площадь и объём «Наутилуса». Площадь его равняется одной тысяче одиннадцати и сорока пяти сотым квадратных метров, объём равен одной тысяче пятистам и двум десятым кубических метров; короче говоря, корабль, полностью погружённый в воду, вытесняет тысячу пятьсот и две десятых кубических метров, или тонн, воды.

Составляя план судна, предназначенного для подводного плавания, я исходил из того расчёта, что при спуске в воду девять десятых его объёма были бы погружены в море и одна десятая выступала из воды. При таких условиях судно должно было вытеснять только девять десятых своего объёма, иначе говоря, одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых кубических метров воды, и весить столько же тонн. Конструкция судна не допускала, стало быть, нагрузки свыше этого веса.

«Наутилус» имеет два корпуса, один наружный, другой внутренний; они соединены между собой железными балками, имеющими двутавровое сечение, которые придают судну чрезвычайную прочность. В самом деле, благодаря такой конструкции судно противостоит любому давлению, подобно монолиту. Крепостью своего корпуса «Наутилус» обязан отнюдь не заклепкам обшивки: монолитность его конструкции достигнута путем сварки и обеспечена однородностью материалов, что позволяет ему вступать в единоборство с самыми бурными морями.

Двойная обшивка корабля изготовлена из листовой стали, удельный вес которой равен семи целым и восьми десятым. Толщина наружной обшивки не менее пяти сантиметров, вес триста девяносто четыре и девяносто шесть сотых тонны. Внутренняя обшивка, киль – в высоту пятьдесят сантиметров и в ширину двадцать пять сантиметров, весом шестьдесят две тонны, – машины, балласт и прочее оборудование, обстановка, внутренние переборки и пилерсы – все это, вместе взятое, весит девятьсот шестьдесят одну и шестьдесят две сотых тонны. Таким образом, общий вес судна составляет одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых тонны, ясно?

– Совершенно ясно, – отвечал я.

– Стало быть, – продолжал капитан, – находясь на поверхности океана, «Наутилус» при этих условиях выступает над поверхностью воды на одну десятую. Следовательно, желая полностью погрузить «Наутилус» в воду, необходимо располагать резервуарами, ёмкостью равными этой десятой доле его объёма, иными словами, способными вмещать в себя сто пятьдесят и семьдесят две сотых тонны воды. В последнем случае вес судна составил бы одну тысячу пятьсот семь тонн, и оно совершенно ушло бы под воду. Так и есть в действительности, господин профессор! Такие резервуары имеются в трюме «Наутилуса». Стоит открыть краны, как они наполняются водой, и корабль погружается в море в уровень с

поверхностью воды!

– Хорошо, капитан! Но вот тут и возникает главное затруднение! Допустим, что ваше судно может держаться в уровень с поверхностью океана. Но, погружаясь в глубинные слои, разве ваш подводный корабль не испытывает повышенного давления верхних слоев воды? Разве это давление не выталкивает его снизу вверх с силой, которая равна примерно одной атмосфере на каждые тридцать футов воды, то есть около одного килограмма на квадратный сантиметр?

– Совершенно верно, сударь.

– Стало быть, для того чтобы «Наутилус» опустился в глубины океана, вам приходится до отказа наполнить резервуары водой?

– Господин профессор, – отвечал капитан Немо, – не следует смешивать статику с динамикой, это может повести к серьезным промахам. Не требуется больших усилий, чтобы опуститься в глубины океана, потому что корпус корабля имеет тенденцию «тонуть» в воде. Вы следите за ходом моей мысли?

– Я слушаю вас, капитан.

– Так вот, когда мне пришлось определять, каков должен быть вес «Наутилуса», чтобы он мог погружаться в глубины, я занялся прежде всего расчетом уменьшения объема морской воды на различных глубинах под давлением верхних водных слоев.

– Совершенно очевидно, – отвечал я.

– Но если вода и обладает способностью сжиматься, все же сжимаемость ее весьма ограничена. Действительно, согласно последним данным, вода сжимается на четыреста тридцать шесть десятиллионных при повышении давления на одну атмосферу, или, скажем, на каждые тридцать футов глубины. При погружении на глубину тысячи метров приходится брать в расчет сокращение объема от давления водяного столба высотой в тысячу метров, иначе говоря, от давления в сто атмосфер. Итак, сокращение объема составит в этих условиях четыреста тридцать шесть сотых тысяч. Следовательно, водоизмещение судна увеличится до одной тысячи пятисот тринадцати и семидесяти семи сотых тонны; между тем нормальный тоннаж судна одна тысяча пятьсот семь и две десятых тонны. А стало быть, для увеличения водоизмещения судна потребуется балласт весом всего лишь в шесть и пятьдесят семь сотых тонны.

– Всего лишь?

– Всего лишь, господин Аронакс! И расчет этот легко проверить. У меня имеются запасные резервуары емкостью в сто тонн. Благодаря этому я могу погружаться на значительные глубины. Если я хочу подняться в уровень с поверхностью моря, мне достаточно выкачать воду из запасных резервуаров. Если я захочу, чтобы «Наутилус» вышел на поверхность океана на одну десятую своего объема, я должен до отказа опорожнить резервуары.

Что можно было возразить против чисто математической выкладки капитана?

– Должен признать правильность ваших вычислений, капитан, – отвечал я, – и напрасно было бы их оспаривать, тем более что ваши расчеты каждодневно оправдываются на практике. Но у меня возникает сомнение...

– Какого рода, сударь?

– Когда вы находитесь на глубине тысячи метров, обшивка «Наутилуса» испытывает давление ста атмосфер, не так ли? Но если вы пожелаете опорожнить резервуары, чтобы, облегчив судно, поднять его на поверхность, вашим насосам придется преодолеть давление ста атмосфер, не так ли? А ведь это

равняется ста килограммам на квадратный сантиметр! Тут нужна большая мощность...

– ...которую может дать только электричество, – поспешил досказать капитан Немо. – Повторяю, сударь: возможности моих машин почти не ограничены. Насосы «Наутилуса» большой мощности. Вы могли в этом убедиться, когда на палубу «Авраама Линкольна» обрушился целый водяной столб, извергнутый ими. Впрочем, я пользуюсь запасными резервуарами лишь в крайнем случае, а именно при погружении на глубины от полутора до двух тысяч метров. Без особой нужды я не перегружаю батареи. Ну а ежели мне приходит фантазия побывать в океанских пучинах, короче говоря, на глубине двух-трех лье под поверхностью воды, я пользуюсь более сложным маневром, но не менее надежным.

– Что это за маневр, капитан? – спросил я.

– Предварительно я должен рассказать вам, каким способом управляется «Наутилус».

– Я весь нетерпение, капитан!

– Чтобы направлять судно на штирборт, на бакборт, чтобы делать эволюции, короче говоря, вести судно по горизонтальной плоскости, я пользуюсь обыкновенным рулем с широким пером, подвешенным к ахтерштевню, который приводится в движение штурвалом посредством шуртроса. Но я могу направлять «Наутилус» и в вертикальной плоскости, сверху вниз и снизу вверх, посредством двух наклонных плоскостей, свободно прикрепленных к его бортам у ватерлинии. Плоскости эти подвижны и приводятся в любое положение изнутри судна при помощи мощных рычагов. Если плоскости поставлены параллельно килю, судно идет по горизонтали. Если они наклонны, «Наутилус», в зависимости от угла наклона, увлекаемый винтом, либо опускается по диагонали, удлиняемой по моему желанию, либо поднимается по той же диагонали. Более того, при желании можно ускорить подъем, выключив винт. Под давлением воды «Наутилус» всплывает на поверхность по вертикали, как взлетает в воздух наполненный водородом аэростат.

– Bravo, капитан! – вскричал я. – Но как может рулевой вести подводный корабль вслепую?

– Управление ходом судна производится из рубки, образующей выступ в наружной части корабельного корпуса. Иллюминаторы рубки из толстого черепицеобразного стекла.

– И стекло способно выдержать такое давление?

– Как нельзя лучше! Хрусталь, при всей своей ломкости при падении, оказывает, однако, значительное сопротивление давлению воды. В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году производилась в Северном море опытная рыбная ловля при электрическом свете. И что же? Хрустальные пластинки в семь миллиметров толщиной выдержали давление в шестнадцать атмосфер! Причем надо сказать, что был включен ток высокого напряжения. Стекла же, которыми пользуюсь я, имеют толщину не менее двадцати одного сантиметра, то есть в тридцать раз толще упомянутых пластинок.

– Все это так, капитан Немо! Но чтобы ориентироваться в пути, необходим свет, который рассеивал бы тьму. А во мраке вод...

– Позади рубки помещается мощный электрический рефлектор, который освещает море на расстоянии полмили.

– Bravo! Брависсимо, капитан! Теперь я понимаю, что означало свечение моря, столь смущавшее ученых! Вот он, пресловутый фосфоресцирующий нарвал! Кстати, скажите, столкновение «Наутилуса» с «Шотландией», наделавшее столько шуму, чистая случайность?

– Чистейшая, сударь! Я плыл в двух метрах под уровнем моря, когда произошло столкновение. Впрочем, я сразу же увидел, что оно не имело печальных последствий.

– Никаких, сударь! Ну а что касается вашей встречи с «Авраамом Линкольном»...

– Весьма прискорбно, профессор, что пострадал один из лучших кораблей американского флота, но на меня напали, я вынужден был защищаться. Впрочем, я удовольствовался тем, что обезвредил фрегат. Судно отделается легким ремонтом в ближайшем порту!

– О командир, – воскликнул я, – ваш «Наутилус» действительно чудеснейшее судно!

– Да, господин профессор, – взволнованно отвечал капитан Немо, – я люблю его, как плоть от плоти моей! Если ваши суда, подверженные всем случайностям мореплавания, всюду подстерегает опасность, если первое впечатление, которое производит море, как хорошо сказал голландец Янсен, – страх бездны, то на борту «Наутилуса» человек может быть спокоен. Тут нечего бояться прогиба в корпусе, ибо двойная обшивка судна крепче железа; тут нет такелажа, который страдает от боковой качки или «устаёт» от качки килевой; нет парусов, которые может сорвать ветер; нет паровых котлов, которые могут взорваться; тут исключена опасность пожара, потому что на корабле нет деревянных частей; нет угля, запас которого может истощиться, потому что корабль управляется электрическими аппаратами; нет опасности столкновения, ибо он один плавает в морских пучинах; не страшны и бури, потому что в нескольких метрах под уровнем моря царит глубокий покой!.. Так-с, сударь! Вот совершенный подводный корабль! И если верно, что изобретатель больше верит в свое судно, нежели конструктор, а конструктор больше, чем сам капитан, то поймите, с каким безграничным доверием отношусь к «Наутилусу» я, одновременно изобретатель, конструктор и капитан судна!

Капитан Немо говорил с большим воодушевлением. Горящий взгляд, порывистые движения совершенно преобразили его. Да, он любил свое судно, как отец любит свое детище!

Но вопрос, возможно, нескромный, так и срывался с моих губ; и наконец я все же спросил:

– Вы, стало быть, инженер, господин Немо?

– Да, господин профессор, – ответил он, – я обучался в Лондоне, Париже и Нью-Йорке в те времена, когда еще был жителем земли.

– Но как же вам удалось сохранить в тайне строительство этого удивительного подводного корабля?

– Каждая часть корабля, господин Аронакс, получена мной из различных стран земного шара. Предназначение каждого заказа было вымышленным. Киль «Наутилуса» выкован у Крезю, гребной вал у «Пена и компании» в Лондоне, винт у Скотта в Глазго, резервуары у «Кайля и компании» в Париже, листовая обшивка корпуса у Лерда в Ливерпуле, машины у Круппа в Пруссии, таран в мастерских Мотала в Швеции, измерительные приборы у братьев Гарт в Нью-Йорке и так далее. Поставщики получали мои чертежи, подписанные всякий раз другим именем.

– Но, получив отдельные части, вы должны были их собрать, смонтировать? – спросил я.

– Господин профессор, моя судостроительная верфь находилась на пустынном острове, в открытом океане. Там обученные мной рабочие, мои отважные товарищи, под моим наблюдением собрали наш «Наутилус». Когда корабль был собран, огонь уничтожил всякие следы нашего пребывания на острове, который, если бы мог, я взорвал бы!

– Надо полагать, что корабль стоил вам немалых денег?

– Господин Аронакс, броненосец обходится в одну тысячу сто двадцать пять франков с каждой тонны. «Наутилус» весит тысячу пятьсот тонн. Стало быть, он обошелся около двух миллионов франков, если считать только стоимость его оборудования, и не менее четырех или пяти миллионов франков вместе с коллекциями и художественными произведениями, хранящимися в нем.

– Разрешите, капитан, задать последний вопрос?

– Извольте, господин профессор!

– Вы очень богаты?

– Несметно богат! Я мог бы свободно уплатить десять миллиардов государственного долга Франции!

Я пристально посмотрел на своего собеседника. Не злоупотреблял ли он моей доверчивостью? Время покажет!

Глава четырнадцатая

«ЧЕРНАЯ РЕКА»

Площадь, занимаемая водой на поверхности земного шара, исчисляется в три миллиона восемьсот тридцать две тысячи пятьсот пятьдесят восемь квадратных мириаметров; [89] иначе говоря, вода занимает свыше тридцати восьми миллионов гектаров земной поверхности. Объем этой жидкой массы равен двум миллиардам двумстам пятидесяти миллионам кубических миль; и если вообразить себе эту жидкую массу в форме шара, то окажется, что диаметр его равен шестидесяти лье, а вес составляет три квинтиллиона тонн. А чтобы осмыслить эти цифры, необходимо знать, что квинтиллион относится к миллиарду, как миллиард к единице, иными словами, в квинтиллионе столько же миллиардов, сколько в миллиарде единиц. Образно говоря, такое количество воды могли бы излить все земные реки лишь в течение сорока тысяч лет.

В геологическом прошлом нашей планеты за огненным периодом следовал период водяной. Земная поверхность представляла собой ложе Мирового океана. Затем, в силурийский период, начался горообразовательный процесс; из вод выступили горные вершины, на поверхности океана появились острова, которые исчезали во время потопов и затем вновь возникали, соединяясь между собой и образуя материки; соотношение между пространствами суши и воды на Земле неоднократно изменялось, и, наконец, рельеф земной поверхности принял те очертания, какие мы видим на современных географических картах. Суша отвоевала у воды тридцать семь миллионов шестьсот пятьдесят семь квадратных миль, или двенадцать миллиардов девятьсот шестнадцать миллионов гектаров.

Очертания материков позволяют разделить мировые воды на пять главных водоемов: Северный Ледовитый океан, Южный Ледовитый океан, Индийский океан, Атлантический океан, Тихий океан.

Тихий океан простирается с севера на юг, занимая все пространство между обоими полярными кругами, и с запада на восток, между Азией и Америкой, на протяжении ста сорока пяти градусов долготы. Это самый спокойный из океанов, течения его широки и не быстры, приливы и отливы умеренны, осадки обильны. Таков океан, с которого началось мое путешествие в самых необычайных условиях.

– Господин профессор, – сказал капитан Немо, – если вам угодно, мы с точностью определим место, где мы находимся, и установим отправную точку нашего путешествия. Теперь без четверти двенадцать. Я прикажу поднять судно на поверхность океана.

Капитан нажал трижды кнопку электрического звонка. Тотчас же насосы начали выкачивать воду из резервуаров; стрелка манометра поползла вверх, указывая на то, что давление все уменьшается; наконец она замерла на месте.

– Мы вышли на поверхность, – сказал капитан.

Я направился к центральному трапу. Взобравшись по железным ступенькам наверх, я вышел через открытый люк на палубу «Наутилуса».

Палуба выступала из воды не больше чем на восемьдесят сантиметров. Округлый и длинный корпус «Наутилуса» и в самом деле был похож на сигару. Я обратил внимание на то, что черепитчатая обшивка из листового железа напоминала чешую, покрывающую тело наземных пресмыкающихся. И я понял, почему, несмотря на самые сильные подзорные трубы, это судно всегда принимали за морское животное.

Полускрытая в корпусе «Наутилуса» шлюпка образовывала небольшую выпуклость в самой середине

палубы. На носу и на корме выступали две невысокие кабины с наклонными стенками, частично прикрытые толстым чечевицеобразным стеклом: передняя служила рубкой рулевого, в задней был установлен мощный электрический прожектор, освещавший путь.

Океан был великолепен, небо ясно. Длинный корпус судна лишь слегка покачивался на широких океанских волнах. Легкий восточный ветерок чуть рябил водную гладь. Туман не застилал линии горизонта, и можно было с большой точностью вести наблюдение.

Ничто не останавливало взгляда. Ни островка, ни скалы в виду. Ни следа «Авраама Линкольна»... Необозримая пустыня!

Капитан Немо, взяв секстан, приготовился измерить высоту солнца, чтобы определить, на какой широте мы находимся. Он ожидал несколько минут, пока дневное светило не вышло из-за облака. И покамест он наблюдал, ни один мускул его руки не дрогнул, словно секстан держала рука статуи.

– Полдень, – сказал капитан. – Господин профессор, не угодно ли вам...

Я кинул последний взгляд на желтоватые воды, омывавшие, несомненно, японские берега, и сошел вслед за ним в салон.

Там капитан сделал при помощи хронометра вычисления, определил долготу данного места и проверил свой расчет по предшествующим угломерным наблюдениям. Затем он сказал:

– Господин Аронакс, мы находимся под сто тридцать седьмым градусом и пятнадцатью минутами западной долготы...

– По какому меридиану? – живо спросил я, надеясь, что ответ капитана прольет свет на его национальность.

– Сударь, – отвечал он, – у меня разные хронометры, поставленные по Парижскому, Гринвичскому и Вашингтонскому меридианам. Но в честь вас я выбираю Парижский.

Ответ не осветил ровно ничего. Я поклонился, а капитан продолжал:

– Под ста тридцатью семью градусами и пятнадцатью минутами западной долготы от Парижского меридиана и под тридцатью градусами и семью минутами северной широты, иными словами, в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, восьмого ноября, в полдень, начинается наше кругосветное путешествие под водой.

– Храни нас господь! – сказал я.

– А теперь, господин профессор, – прибавил капитан, – продолжайте свои занятия. Я приказал взять курс на восток-северо-восток и идти на глубине пятидесяти метров. На карте ежедневно будет отмечаться пройденный нами путь. Салон в вашем распоряжении. А теперь позвольте покинуть вас.

Капитан Немо откланялся и вышел. Я остался наедине со своими мыслями. Я думал о капитане «Наутилуса». Узнаю ли я когда-нибудь, какой национальности этот загадочный человек, отрекшийся от своей родины? Что вызвало в нем ненависть к человечеству – возможно, ненависть, жаждущую отмщения? Не из тех ли он непризнанных ученых, не из тех ли гениев, которых, как говорит Консель, «обидел свет»? Не современный ли Галилей, не жрец ли науки, как американец Мори, ученая карьера которого была прервана политическими событиями? Неизвестно! Случай бросил меня на борт его судна, и жизнь моя была в его руках. Он встретил меня холодно, но не отказал в гостеприимстве. Ни разу не пожал он моей протянутой руки. Ни разу не подал мне своей руки!

Целый час провел я в размышлениях, стараясь проникнуть в волнующую тайну этого человека. Нечаянно взгляд мой упал на карту Земли, разложенную на столе; и я, водя пальцем по карте, нашел точку

скрещения долготы и широты, указанные капитаном Немо.

На океанах, как и на материках, есть свои реки. Это океанские течения, которые легко узнать по цвету и температуре и самое значительное из которых известно под названием Гольфстрим. Наука нанесла на карту земного шара направление пяти главнейших течений: первое на севере Атлантического океана, второе на юге Атлантического океана, третье на севере Тихого океана, четвертое на юге Тихого океана и, наконец, пятое, в южной части Индийского океана. Вполне вероятно, что в северной части Индийского океана существовало и шестое течение в те времена, когда Каспийское и Аральское моря и большие озера Азии составляли одно водное пространство.

Путь «Наутилуса» лежал по одному из таких течений, обозначенному на карте под японским названием «*Куро-Сиво*», что значит «Черная река». Выйдя из Бенгальского залива, согретое отвесными лучами тропического солнца, это течение проходит через Малаккский пролив, идет вдоль берегов Азии и, оглядая их в северной части Тихого океана, достигает Алеутских островов; оно увлекает с собой стволы камфарного дерева, тропические растения и резко отличается ярко-синим цветом своих теплых вод от холодных вод океана.

Я изучал путь этого течения по карте, представляя себе, как оно теряется в бескрайних просторах Тихого океана; и воображение так увлекло меня, что я не заметил, как Нед Ленд и Консель вошли в салон.

Мои спутники не могли прийти в себя от удивления при виде чудес, представших перед их глазами.

– Где же мы находимся? Где? – вскричал канадец. – Не в Квебекском ли музее?

– С позволения сказать, – заметил Консель, – скорее в особняке Соммерара!

– Друзья мои, – сказал я, приглашая их подойти поближе, – вы не в Канаде и не во Франции, а на борту «Наутилуса», в пятидесяти метрах ниже уровня моря.

– Приходится поверить, раз сударь так говорит, – сказал Консель. – Но, признаться, этот салон может удивить даже такого фламандца, как я.

– Удивляйся, мой друг, да, кстати, осмотри витрины, там найдется много любопытного для такого классификатора, как ты.

Поощрять Конселя не было надобности. Склонившись над витриной, он уже бормотал что-то на языке натуралистов: «...брюхоногие, класс животных из типа моллюсков, семейство трубачей, вид Мадагаскарской ципреи...»

Тем временем Нед Ленд, мало осведомленный в конхиологии, расспрашивал меня о моем свидании с капитаном Немо. Узнал ли я, кто он, откуда прибыл, куда направляется, в какие глубины увлекает нас. Короче говоря, он задавал мне тысячи вопросов, на которые я не успевал отвечать.

Я сообщил ему все, что я знал, вернее, чего я не знал, и, в свою очередь, спросил его, что он слышал или видел со своей стороны.

– Ничего не видел, ничего не слышал, – отвечал канадец. – Даже из команды судна никто мне на глаза не попался. Неужто и экипаж электрический?

– Электрический!

– Ей-ей, в это можно поверить! Но вы, господин Аронакс, – спросил Нед Ленд, одержимый своим замыслом, – вы-то можете мне сказать, сколько людей на борту? Десять, двадцать, пятьдесят, сто?

– Не могу вам на это ответить, Нед! И послушайте меня, выбросьте-ка из головы вашу затею овладеть «Наутилусом» или бежать с него. Судно – настоящее чудо современной техники, и я очень сожалел бы, если б мне не довелось с ним ознакомиться. Многие пожелали бы оказаться в нашем положении, хотя бы

ради возможности посмотреть на все эти чудеса! Поэтому успокойтесь и давайте наблюдать за тем, что происходит вокруг нас.

– «Наблюдать!»! – вскричал гарпунер. – Да разве что увидишь в этой железной тюрьме! Мы движемся, мы плывем, как слепые...

Не успел Нед окончить фразу, как вдруг в салоне стало темно. Светоносный потолок померк так внезапно, что я почувствовал боль в глазах, как это бывает при резком переходе из мрака на яркий свет.

Мы замерли на месте, не зная, что нас ожидает, – удовольствие или неприятность. Но тут послышался какой-то шорох. словно бы железная обшивка «Наутилуса» стала раздвигаться.

– Конец конца! – сказал Нед Ленд.

– Отряд гидромедуз! – бормотал Консель.

Внезапно салон опять осветился. Свет проникал в него с обеих сторон через огромные овальные стекла в стенах. Водные глубины были залиты электрическим светом. Хрустальные стекла отделяли нас от океана. В первый момент я содрогнулся при мысли, что эта хрупкая преграда может разбиться; но массивная медная рама сообщала стеклам прочность почти несокрушимую.

Морские глубины были великолепно освещены в радиусе одной мили от «Наутилуса». Дивное зрелище! Какое перо достойно его описать! Какая кисть способна изобразить всю нежность красочной гаммы, игру световых лучей в прозрачных морских водах, начиная от самых глубинных слоев до поверхности океана!

Прозрачность морской волны известна. Установлено, что морская вода чище самой чистой ключевой воды. Минеральные и органические вещества, содержащиеся в ней, только увеличивают ее прозрачность. В некоторых частях океана, у Антильских островов, сквозь слой воды в сто сорок пять метров можно прекрасно видеть песчаное дно, а солнечные лучи проникают на триста метров в глубину! Но электрический свет, вспыхнувший в самом лоне океана, не только освещал воду, но и превращал жидкую среду вокруг «Наутилуса» в жидкий пламень.

Если допустить гипотезу Эремберга, полагавшего, что вода в морских глубинах фосфоресцирует, то надо признать, что природа поберегла для обитателей морей одно из самых чарующих зрелищ, о чем я могу свидетельствовать, наблюдая игру световых лучей, преломляющихся в грани тысячи жидких алмазов. Окна по обе стороны салона были открыты в глубины неизведанного. Темнота в комнате усиливала яркость наружного освещения, и казалось, глядя в окна, что перед нами гигантский аквариум.

Создавалось впечатление, что «Наутилус» стоит на месте. Объяснялось это тем, что в виду не было никакой неподвижной точки. Но все же океанские воды, рассеченные форштевнем судна, порой проносились перед нашими глазами с чрезвычайной скоростью.

Очарованные картиной подводного мира, опершись на выступ оконной рамы, мы прильнули к стеклам, не находя слов от удивления, как вдруг Консель сказал:

– Вы желали видеть, милейший Нед, ну вот и смотрите!

– Удивительно! Удивительно! – говорил восторженно канадец, забыв и свой гнев и свои планы бегства. – Стоило приехать издалека, чтобы полюбоваться на такое чудо!

– Да, теперь мне понятна жизнь этого человека! – воскликнул я. – Он проник в особый мир, и этот мир раскрывал перед ним свои самые сокровенные тайны!

– Но где же рыбы? – спрашивал канадец. – Я не вижу рыб!

– А на что они вам, милейший Нед? – отвечал Консель. – Ведь в рыбах вы ничего ровно не смыслите.

– Я? Да ведь я рыбак! – вскричал Нед Ленд.

И между друзьями завязался спор; оба они знали толк в рыбах, но каждый по-своему.

Известно, что рыбы составляют четвертый, и последний, класс позвоночных.^[90] Им дано очень точное определение: «Позвоночные – животные с двойным кровообращением и холодной кровью, дышат жабрами и приспособлены жить в воде». Рыбы подразделяются на костистых и хрящевых. Костистые – это рыбы, у которых костяной скелет; хрящевые – рыбы, у которых скелет хрящевой.

Канадец, возможно, слышал о таком подразделении, но Консель, более сведущий в этой области, не мог из чувства дружбы допустить, чтобы Нед оказался менее образованным, чем он. Поэтому он сказал:

– Милейший Нед, вы гроза рыб, искуснейший рыболов! Вы переловили множество этих занятых животных. Но бьюсь об заклад, что вы и понятия не имеете, как их классифицируют.

– Как классифицируют рыб? – серьезно отвечал гарпунер. – На съедобных и несъедобных!

– Вот так гастрономическая классификация! – воскликнул Консель. – А не скажете ли вы, чем отличаются костистые рыбы от хрящевых?

– А может быть, и скажу, Консель!

– А вы знаете, как подразделяются эти два основных класса?

– Понятия не имею, – отвечал канадец.

– Так вот, милейший Нед, слушайте и запоминайте! Костистые рыбы подразделяются на шесть подотрядов: *primo*, колючеперые, с цельной и подвижной верхней челюстью, с гребенчатыми жабрами. Подотряд включает пятнадцать семейств, иначе говоря, почти три четверти всех известных рыб. Представитель подотряда: обыкновенный окунь.

– Рыба недурна на вкус, – заметил Нед Ленд.

– *Secundo*, – продолжал Консель, – рыбы с брюшными плавниками, расположенными позади грудных, но не соединенными с плечевой костью. Подотряд включает пять семейств, и сюда относится большая часть пресноводных рыб. Представители подотряда: карп, щука.

– Фи, – сказал канадец с пренебрежением, – пресноводные рыбы!

– *Tertio*, – продолжал Консель, – мягкоперые, у которых брюшные плавники находятся под грудными и непосредственно связаны с плечевой костью. Подотряд включает четыре семейства. Представители: палтус, камбала, тюрбо и так далее...

– Превосходные рыбы! Превосходные! – восклицал гарпунер, не признававший другой классификации, кроме вкусовой.

– *Quarto*, – продолжал не смущаясь Консель, – бесперые, с удлинённым телом, без брюшных плавников, покрытые жесткой и слизистой кожей. Подотряд включает только одно семейство. Сюда относятся угревые: угорь обыкновенный, гимнот – угорь электрический.

– Посредственная рыба! Посредственная! – заметил Нед Ленд.

– *Quinto*, – говорил Консель, – пучкожаберные, с цельной подвижной челюстью; жабры состоят из кисточек, расположенных попарно вдоль жаберных дуг. В этом подотряде одно семейство. Представители: морской конек, летучий дракон.

– Мерзость! Мерзость! – заметил гарпунер.

– *Sexto*, – сказал Консель в заключение, – сростночелюстные, у которых кости, ограничивающие рот

сверху, сращены, придавая полную неподвижность челюсти, – подотряд, порочащий настоящих рыб. Представители: иглобрюхи, луна-рыба.

– Ну, эта рыба только осквернит кастрюлю! – вскричал канадец.

– Вы хоть сколько-нибудь поняли, милейший Нед? – спросил ученый Консель.

– Нисколько, милейший Консель! – отвечал гарпунер. – Но валяйте дальше, любопытно послушать!

– Что касается хрящевых рыб, – невозмутимо продолжал Консель, – они подразделяются на три отряда.

– И того много! – буркнул Нед.

– *Primo*, круглоротые, у которых вместо челюсти одно срединное носовое отверстие, а позади черепа ряд круглых жаберных отверстий. Отряд включает лишь одно семейство. Представитель: минога.

– Хороша рыба! – сказал Нед Ленд.

– *Secundo*, селахии; жабры у них похожи на жаберные отверстия круглоротых, но с подвижной нижней челюстью. Отряд самый значительный в классе. Подразделяется на два семейства. Представители: акулы и скаты.

– Как! – вскричал Нед. – Скот и акула в одном отряде? Ну, милейший Консель, в интересах скатов не советую вам сажать их вместе в один сосуд!

– *Tertio*, – продолжал Консель, – осетровые. Жабры у них открываются, как обычно, одной щелью, снабженной жаберной крышкой, – отряд включает четыре вида. Представитель семейства: осетр.

– Э-э! Милейший Консель, вы приберегли на мой вкус лучший кусочек на закуску! И это все?

– Да, милейший Нед, – отвечал Консель. – И заметьте, что знать это – еще не значит узнать все, потому что семейства подразделяются на роды, виды, разновидности.

– Так-то, милейший Консель! – сказал гарпунер, взглянув в окно. – А вот вам и разновидности!

– Рыбы! – вскричал Консель. – Право, можно подумать, что перед нами аквариум!

– Нет! – возразил я. – Аквариум – та же клетка, а эти рыбы свободны, как птицы в воздухе.

– А ну-ка, милейший Консель, называйте рыб! Называйте! – сказал Нед Ленд.

– Это не по моей части, – отвечал Консель. – Это дело хозяина!

И в самом деле, славный малый, рьяный классификатор, не был натуралистом, и я не уверен, мог ли он отличить тунца от макрели. Канадец, напротив, называл без запинки всех рыб.

– Балист, – сказал я.

– Балист китайский, – заметил Нед Ленд.

– Род балистов, семейство жесткокожих, отряд сростночелюстных, – бормотал Консель.

Право, вдвоем они составили бы замечательного натуралиста!

Канадец не ошибся. Множество китайских балистов, со сплюснутым телом, с зернистой кожей, с шипом на спинном плавнике, резвилось вокруг «Наутилуса», ошетинаясь колючками, торчавшими в четыре ряда по обе стороны хвоста. Ничего нет прелестнее китайских балистов, сверху серых, белых снизу, с золотыми пятнами на чешуе, мерцавшими в темных струях за кормой. Между балистами виднелись скаты, словно полотнища, развевающиеся на ветру; и среди них я заметил, к величайшей радости, японского ската с желтоватой спиной, нежно-розовым брюхом и тремя шипами над глазом; вид настолько редкий,

что самое существование его было в свое время поставлено под сомнение Ласепедом, который видел такого ската только в одном собрании японских рисунков.

В продолжение двух часов подводное воинство эскортировало «Наутилус». И покуда рыбы резвились и плескались, соперничая красотой расцветки, блеском чешуи и юркостью, я заметил зеленого губана, барабульку, отмеченную двойной черной полоской, бычка, белого с фиолетовыми пятнами на спине и закругленным хвостом, японскую скумбрию, чудесную макрель здешних морей, с серебряной головой и голубым телом, блистательных лазуревиков, одно название которых заменяет всякие описания, спарид рубчатых, с разноцветным плавником, голубым и желтым, спарид полосатых, с черной перевязью на хвосте, спарид поясоносных, изящно зашнурованных шестью поперечными полосами, трубкоротых, с рыльцем в форме флейты, или морских бекасов, некоторые представители которых достигают метра в длину, японскую саламандру, мурену, род змеевидного угря длиной в шесть футов, с маленькими живыми глазками и широким ощеренным зубами ртом, – всего не перечислишь...

Восхищению нашему не было предела. Восклицаниям не было конца. Нед называл рыб, Консель их классифицировал, а я восторгался живостью их движений и красотой формы. Мне не доводилось видеть таких рыб в их естественной среде.

Не стану описывать все разновидности, промелькнувшие перед нашими ослепленными глазами, всю эту коллекцию Японского и Китайского морей.

Рыбы, привлеченные, несомненно, блеском электрического света, стекались целыми стаями, их было больше, чем птиц в воздухе.

Внезапно в салоне стало светло. Железные створы задвинулись. Волшебное видение исчезло. Но я долго бы еще грезил наяву, если б мой взгляд случайно не упал на инструменты, развешанные на стене. Стрелка компаса по-прежнему показывала направление на северо-северо-восток, манометр – давление в пять атмосфер, соответствующее глубине в пятьдесят метров ниже уровня моря, а электрический лаг – скорость в пятнадцать миль в час.

Я ждал капитана Немо. Но он не появлялся. Хронометр показывал пять часов.

Нед Ленд и Консель ушли в свою каюту. Я тоже вернулся к себе. Обед уже стоял на столе. Был подан суп из нежнейших морских черепах, на второе барвена, которая славится своей белой, слегка слоистой мякотью и печень которой, приготовленная особо, считается изысканнейшим блюдом, затем филейная часть рыбы из семейства окуневых, более вкусная, чем лососевое филе.

Вечером я читал, писал, размышлял. Когда же меня начало клонить ко сну, я лег на свое ложе из морской травы и крепко заснул, меж тем как «Наутилус» скользил по быстрому течению «Черной реки».

Глава пятнадцатая

ПИСЬМЕННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

На следующий день, 9 ноября, я проснулся после глубокого двенадцатичасового сна. Консель, по обыкновению, пришел узнать, «хорошо ли хозяин почивал», и предложить свои услуги. Его друг, канадец, все еще спал так безмятежно, как будто другого занятия у него и не было.

Я не мешал славному малому болтать, но отвечал невпопад. Меня тревожило, что капитан не присутствовал на вчерашнем зрелище, и я надеялся увидеть его нынешним днем.

Я облачился в свои виссоновые одеяния. Качество ткани вызвало у Конселя целый ряд замечаний. Пришлось ему объяснить, что ткань эта вырабатывается из шелковистых прочных нитей биссуса, посредством которых прикрепляется к скалам раковина, так называемая пинна, которая встречается во множестве у берегов Средиземного моря. В старину из биссуса выделяли прекрасные ткани – виссоны, а позже чулки, перчатки, чрезвычайно мягкие и теплые. И экипаж «Наутилуса» не нуждался ни в хлопке, ни в овечьей шерсти, ни в шелковичных червях, потому что материал для одежды ему доставляло море!

Одевшись, я вошел в салон. Там было пусто.

Я занялся изучением конхиологических сокровищ, хранившихся в витринах. Я рылся в гербариях, наполненных редкостными морскими растениями, хотя и засушенными, но не утратившими пленительной яркости красок. Среди этих изящных морских растений я заметил кольчатые кладостефы, пластинчатые падины, каулерпы, похожие на виноградные листья, бугорчатые каллитамнионы, нежные церамиумы ярко-красных расцветок, хрупкие алые веерообразные агариумы и другие различные водоросли.

День прошел, а капитан Немо не удостоил меня своим посещением. Железные створы на окнах в салоне не раскрывались. Не желали ли охранить нас от пресыщения столь дивным зрелищем?

«Наутилус» держал курс на восток-северо-восток и шел на глубине пятидесяти – шестидесяти метров со скоростью двенадцати миль в час.

Следующий день, 10 ноября, прошел как и остальные: по-прежнему не показался ни один человек из команды «Наутилуса». Нед и Консель провели большую часть дня со мной. Отсутствие капитана удивляло их. Может быть, этот странный человек заболел? А может быть, он переменил свое решение в отношении нас?

Впрочем, как правильно заметил Консель, у нас не было причины жаловаться: мы пользовались полной свободой, нас вкусно и сытно кормили. Наш хозяин строго соблюдал условия договора. И к тому же самая необычность нашего положения представляла такой интерес, что мы не вправе были сетовать на судьбу.

С этого дня я стал аккуратно вести запись текущих событий и поэтому могу восстановить все наши приключения с величайшей точностью. И любопытная подробность! Свои записи я вел на бумаге, изготовленной из морской травы.

Итак, 11 ноября, проснувшись ранним утром, я догадался по притоку свежего воздуха, что мы всплыли на поверхность океана, чтобы возобновить запасы кислорода. Я направился к трапу и вышел на палубу.

Было шесть часов утра. Погода стояла пасмурная, море было серое, но спокойное. Лишь легкая зыбь пробегала по водной глади. Появится ли нынче капитан Немо? Я так надеялся встретить его тут. Но, кроме

рулевого, заключенного в свою стеклянную будку, на палубе никого не было. Сидя на возвышении, образуемом корпусом шлюпки, я жадно вдыхал насыщенный солью морской воздух.

Понемногу, под действием солнечных лучей, туман рассеялся. На восточной части горизонта показался лучезарный диск. Море вспыхнуло, как порох. Высокие, рассеянные облака окрасились в удивительно нежные тона, а обрамлявшие их, точно кружевом, перистые облачка, так называемые кошачьи языки, предвещали ветреный день.

Но что значит ветер для «Наутилуса», который не страшился бурь!

Я радостно встречал восход солнца – такое животворящее, исполненное ликования явление природы, – как вдруг послышались чьи-то шаги.

Я собрался было приветствовать капитана Немо, но это был только его помощник – я видел его уже раньше, при первой встрече с капитаном. Он взошел на палубу, казалось, не замечая моего присутствия. Приставив к глазам подзорную трубу, он с величайшим вниманием стал исследовать горизонт. Окончив свои наблюдения, он подошел к люку и произнес несколько слов. Я точно запомнил их, потому что впоследствии слышал эти слова каждодневно при подобных же условиях.

Фраза звучала так:

Что означала фраза, не знаю!

Произнеся эти слова, помощник капитана сошел вниз. Я подумал, что «Наутилус» начнет снова погружаться в морские глубины. Поэтому я, в свою очередь, поспешил сойти вниз.

Прошло пять дней без каких-либо перемен. Каждое утро я выходил на палубу. Каждое утро тот же человек произносил ту же фразу. Капитан Немо не появлялся.

Я решил, что больше уже не увижу его, и покорился своей участи; но 16 ноября, войдя вместе с Недом и Конселем в свою каюту, я нашел на столе адресованную мне записку.

Я поспешил вскрыть ее. Записка была написана по-французски, но готическим шрифтом, напомиавшим буквы немецкого алфавита.

– На охоту? – вскричал Нед.

– Да еще в его лесах на острове Креспо! – прибавил Консель.

– Стало быть, этот человек иногда высаживается на берег? – спросил Нед Ленд.

– Сказано, кажется, совершенно ясно, – ответил я, перечитывая письмо.

– Ну что ж! Надо принять приглашение, – заявил канадец. – А попав на сушу, мы уж обдумаем, как нам поступить. Помимо всего, я не прочь съесть кусок свежей дичи.

Не пытаясь установить связь между ненавистью капитана Немо к континентам и островам и его приглашением охотиться в лесах Креспо, я ограничился ответом:

– Посмотрим-ка сперва, что представляет собой остров Креспо!

И тут же на карте я нашел под 32°40 северной широты и 167°50 западной долготы этот островок, открытый в 1801 году капитаном Креспо и значившийся на старинных испанских картах под названием *Rocca de la Plata*, что по-французски означает «Серебряный утес». Итак, мы находились в тысяче восьмистах милях от точки нашего отправления, и «Наутилус» несколько изменил курс, повернув к юго-востоку.

Я указал моим спутникам на скалистый островок, затерянный в северной части Тихого океана.

– Ну, если уж капитан Немо порой и выходит на сушу, – сказал я, – то, конечно, он выбирает самые

необитаемые острова!

Нед Ленд ничего не ответил, только лишь покачал головой; затем они оба ушли. После ужина, поданного безмолвным и невозмутимым стюардом, я лег спать несколько озабоченный.

Поутру 17 ноября, проснувшись, я почувствовал, что «Наутилус» стоит на месте. Наскоро одевшись, я вышел в салон.

Капитан Немо был там. Он ожидал меня. Когда я вошел, он встал, поздоровался и спросил, согласен ли я сопровождать его на охоту.

Поскольку он не сделал ни малейшего намека насчет своего восьмидневного отсутствия, я воздержался заговорить на эту тему и коротко ответил, что я и мои спутники готовы сопутствовать ему.

– Но позвольте, сударь, – прибавил я, – задать вам один вопрос.

– Пожалуйста, господин Аронакс. Если смогу, я вам отвечу.

– Как случилось, капитан, что вы, порвав всякие связи с землей, владеете лесами на острове Креспо?

– Господин профессор, – отвечал капитан, – леса в моих владениях не нуждаются ни в солнечном свете, ни в теплоте. В них не водятся ни львы, ни тигры, ни пантеры, ни какие-либо другие четвероногие. Об их существовании знаю лишь я один. Растут они лишь для одного меня. Это не земные леса, а подводные.

– Подводные леса? – вскричал я.

– Да, господин профессор.

– И вы предлагаете мне побывать в этих лесах?

– Совершенно верно.

– Идти туда пешком?

– Даже не замочив ног.

– И охотиться там?

– И охотиться.

– И взять ружье?

– И взять ружье.

Я кинул на капитана Немо взгляд, в котором не было ничего лестного для его особы.

«Несомненно, у него голова не в порядке, – подумал я. – Видимо, у него был приступ болезни, длившийся восемь дней, и, как знать, здоров ли он теперь? А жаль! Все же лучше иметь дело с чудаком, чем с сумасшедшим!»

Мысли эти были ясно написаны на моем лице, но капитан Немо жестом пригласил меня следовать за собой, и я безропотно повиновался ему.

Мы вошли в столовую, где был уже подан завтрак.

– Господин Аронакс, – сказал капитан, – прошу вас позавтракать со мной без церемоний. За столом мы продолжим наш разговор. Ведь я обещал вам прогулку в лес, но не в ресторан! Поэтому рекомендую вам завтракать поплотнее: обедать, видимо, мы будем очень поздно.

Я отдал должное завтраку. Меню состояло из рыбных кушаний, ломтиков голотурий, превосходных зоофитов, приправленных весьма пикантным соусом из морских водорослей, так называемых порфир и

лауренсий. Пили мы чистую воду, прибавляя в нее, по примеру капитана, несколько капель перебродившего настоя, приготовленного, по-камчатски, из водоросли, известной под названием «лапчатой родимении».

Вначале капитан Немо завтракал молча. Потом он сказал:

– Господин профессор, совершенно очевидно, что, получив мое приглашение на охоту в лесах острова Креспо, вы сочли меня непоследовательным. Когда же вы узнали, что я приглашаю вас в подводные леса, вы решили, что я просто сумасшедший. Никогда не следует, господин профессор, поверхностно судить о людях.

– Но, капитан, поверьте, что...

– Благоволите выслушать меня, а после судите, можно ли обвинять меня в непоследовательности или в сумасшествии.

– Я слушаю вас.

– Господин профессор, вы, как и я, знаете, что человек может находиться под водой, если при нем будет достаточный запас воздуха, нужного для дыхания. При подводных работах водолазы, одетые в водонепроницаемый костюм, с защитным металлическим шлемом на голове, получают воздух с поверхности через специальный шланг, соединенный с насосом.

– Это так называемые скафандры, – сказал я.

– Совершенно верно! Но человек, одетый в скафандр, стеснен в своих действиях. Его связывает резиновый шланг, через который насосы подают ему воздух. Это настоящая цепь, которой он прикован к земле; и если бы мы были так прикованы к «Наутилусу», мы не далеко бы ушли.

– Каким же способом можно избежать такой скованности? – спросил я.

– Пользуясь прибором Рукейроля – Днейруза, изобретенным вашим соотечественником и усовершенствованным мной, вы можете без всякого ущерба для здоровья погрузиться в среду с совершенно иными физиологическими условиями. Прибор этот представляет собой резервуар из толстого листового железа, в который нагнетается воздух под давлением в пятьдесят атмосфер. Резервуар укрепляется на спине водолаза ремнями, как солдатский ранец. Верхняя часть резервуара заключает в себе некое подобие кузнечных мехов, регулирующих давление воздуха, доводя его до нормального. В обычном приборе Рукейроля две резиновые трубки соединяют резервуар со специальной маской, которая накладывается на лицо водолаза; одна трубка служит для вдыхания свежего воздуха, другая – для удаления воздуха отработанного, и водолаз по мере надобности нажимает языком клапан той или другой трубки. Но мне, чтобы выдерживать на дне моря значительное давление верхних слоев воды, пришлось вместо маски надеть на голову, как в скафандре, медный шлем с двумя трубками – вдыхательной и выдыхательной.

– Превосходно, капитан Немо! Но ведь запас воздуха быстро иссякает, и как только процент кислорода упадет до пятнадцати, он становится непригоден для дыхания.

– Разумеется. Но я уже сказал вам, господин Аронакс, что насосы «Наутилуса» позволяют мне нагнетать воздух в резервуар под значительным давлением, а при этих условиях можно обеспечить водолаза кислородом на девять-десять часов.

– Оспаривать это не приходится, – отвечал я. – Хотелось бы только знать, капитан, каким способом вы освещаете себе путь на дне океана?

– Аппаратом Румкорфа, господин Аронакс. Резервуар со сжатым воздухом укрепляется на спине, а

этот привязывают к поясу. Он состоит из элемента Бунзена, который я заряжаю натрием, а не двухромистым калием, как обычно. Индукционная катушка вбирает в себя электрический ток и направляет его к фонарю особой конструкции. Фонарь состоит из змеевидной полый стеклянной трубки, наполненной углекислым газом. Когда аппарат вырабатывает электрический ток, газ светится достаточно ярко. Таким образом я могу дышать и видеть под водой.

– Капитан Немо, вы на все мои возражения даете такие исчерпывающие ответы, что я не смею больше сомневаться. Однако, признав себя побежденным касательно аппаратов Рукейроля и Румкорфа, я все же надеюсь взять реванш на ружьях, которыми вы обещали меня снабдить.

– Но ведь это не огнестрельное оружие, – отвечал капитан.

– Стало быть, ружья действуют сжатым воздухом?

– Само собой! И как мог бы я изготавливать порох на борту моего судна, не имея ни селитры, ни серы, ни угля?

– И притом какое огромное сопротивление пришлось бы преодолевать пуле, если пользоваться огнестрельным оружием под водой, в среде, которая в восемьсот пятьдесят пять раз плотнее воздуха! – прибавил я.

– Ну, это не причина! Существует оружие, усовершенствованное после Фультона англичанами Филиппом Кольтом и Бурлеем, французом Фюрси и итальянцем Ланди, снабженное особыми затворами и способное стрелять в таких условиях. Но, повторяю, не имея пороха, я воспользовался сжатым воздухом, которым меня снабжают в неограниченном количестве насосы «Наутилуса».

– Но нагнетенный воздух быстро расходуется.

– Ну что ж! Разве не при мне резервуар Рукейроля? Ведь в случае нужды он выручит меня. А *потому* достаточно повернуть кран! Впрочем, вы сами увидите, господин Аронакс, что подводные охотники скромно расходуют и кислород и пули.

– Все же мне кажется, что в полутьме, какая царит на дне моря, и при чрезвычайной плотности жидкой среды ружейные пули не попадают в цель на большом расстоянии и не могут быть смертоносными.

– Напротив, сударь! Каждый выстрел из такого ружья несет смерть. И как бы легко ни было ранено животное, оно падает, как пораженное молнией.

– Почему же?

– Потому что эти ружья заряжены не обычными пулями, а снарядом, изобретенным австрийским химиком Лениброком. У меня имеется изрядный запас таких снарядов. Эти стеклянные капсулы, заключенные в стальную оболочку с тяжелым свинцовым дном, – настоящие лейденские банки в миниатюре! Они содержат в себе электрический заряд высокого напряжения. При самом легком толчке они разряжаются, и животное, каким бы могучим оно ни было, падает замертво. Прибавлю, что эти капсулы не крупнее дроби номер четыре и что обойма ружья вмещает не менее десяти зарядов.

– Сдаюсь! – отвечал я, вставая из-за стола. – Мне остается только взять ружье. Словом, куда вы, капитан, туда и я!

Капитан Немо повел меня на корму «Наутилуса». Проходя мимо каюты Неда и Конселя, я окликнул их, и они тотчас же присоединились к нам.

Затем мы все вошли в камеру рядом с машинным отделением, где нам надлежало обрядиться в водонепроницаемые костюмы для предстоящей подводной прогулки.

Глава шестнадцатая

ПРОГУЛКА ПО ПОДВОДНОЙ РАВНИНЕ

Камера служила одновременно и арсеналом, и гардеробной «Наутилуса». На стенах, в ожидании любителей прогулок, висело около дюжины скафандров.

При виде скафандров Нед Ленд выразил явное нежелание в них облачиться.

– Послушай, Нед, – сказал я, – ведь леса на острове Креспо – подводные леса!

– Пусть так, – отвечал обманутый в своих ожиданиях гарпунер, поняв, что его мечты о свежей говядине рассыпаются в прах. – А вы, господин Аронакс, неужто вы эту штуку нацепите на себя?

– Придется, Нед!

– Как вам угодно! – сказал гарпунер, пожимая плечами. – Что касается меня, по своей воле я в нее не влезу, разве что поневоле придется!

– Вас никто не неволит, господин Нед, – заметил капитан Немо.

– А Консель рискнет прогуляться? – спросил Нед.

– Куда господин профессор, туда и я, – отвечал Консель.

На зов капитана пришли два матроса и помогли нам одеться в тяжелые непромокаемые скафандры, скроенные из цельных кусков резины. Водолазная аппаратура, рассчитанная на высокое давление, напоминала броню средневекового рыцаря, но отличалась от нее своей эластичностью. Скафандр состоял из шлема, куртки, штанов и сапог на толстой свинцовой подошве. Ткань куртки поддерживалась изнутри подбоями кирасы из медных пластинок, которая защищала грудь от давления воды и позволяла свободно дышать; рукава куртки оканчивались мягкими перчатками, не стеснявшими движений пальцев.

Эти усовершенствованные скафандры были гораздо лучше изобретенных в XVIII веке лат из пробкового дерева, камзолов без рукавов, разных морских подводных одеяний – «сундуков» и прочее, столь высоко в свое время превознесенных.

Капитан Немо, богатырского сложения матрос из команды «Наутилуса», Консель и я быстро облеклись в скафандры. Оставалось только надеть на голову металлический шлем. Но прежде чем совершить эту операцию, я попросил у капитана разрешения осмотреть наши ружья.

Мне подали обыкновенное ружье, стальной приклад которого, полый внутри, был несколько больше, чем у огнестрельного оружия. Приклад служил резервуаром для сжатого воздуха, врывавшегося в дуло, как только спущенный курок открывал клапан резервуара. В обойме помещалось штук двадцать электрических пуль, которые особой пружиной механически вставлялись в дуло. После каждого выстрела ружье автоматически заряжалось.

– Капитан Немо, – сказал я, – ружье ваше замечательно и притом чрезвычайно простой конструкции. Мне не терпится испробовать его на деле. Но каким способом мы опустимся на дно?

– В данную минуту, господин профессор, «Наутилус» стоит на мели, на глубине десяти метров, и мы можем выйти наружу.

– Но как же мы выйдем?

– А вот увидите!

И капитан Немо надел на голову шлем. Консель и я последовали его примеру, причем канадец иронически пожелал нам «удачной охоты». Ворот куртки был снабжен медным кольцом с винтовой нарезкой, на которую навинчивался шарообразный металлический шлем. Сквозь три толстых смотровых стекла в шлеме можно было, поворачивая голову, смотреть во все стороны. Открыв кран аппарата Рукейроля, висевшего на спине, я прицепил к поясу лампу Румкорфа и взял в руки ружье.

Тяжелый скафандр и особенно подбитые свинцом сапоги буквально пригвождали меня к полу: казалось, я не смогу сделать ни шагу.

Однако все было предусмотрено: меня втолкнули в маленькую кабинку, смежную с гардеробной. Мои спутники последовали за мной таким же способом. Я слышал, как за нами захлопнулась дверь, и нас объяла глубокая тьма.

Спустя несколько минут до моего слуха донесся пронзительный свист, и я почувствовал пронизывающий холод снизу. Видимо, в машинном отделении открыли кран и в кабину впустили воду. Как только вода заполнила все помещение, отворилась вторая дверь в самом борту «Наутилуса». Снаружи стоял полумрак. Минуту спустя мы нащупали ногами морское дно.

Как описать впечатления этой подводной прогулки? Слова бессильны воссоздать чудеса океанических глубин. Если кисть живописца не в состоянии передать всю прелесть водной стихии, как же изобразить ее пером?

Капитан Немо шел впереди, его товарищ следовал за нами на расстоянии нескольких шагов. Я и Консель держались рядом, как будто можно было перекинуться словом в наших металлических шлемах! Я уже не чувствовал тяжести скафандра, сапог, резервуара со сжатым воздухом, металлического шлема, в котором моя голова болталась, как миндаль в скорлупе! Все эти предметы, погруженные в воду, теряли в весе ровно столько, сколько и вытесненная ими вода. Я готов был благословлять этот физический закон, открытый Архимедом. Благодаря ему я не был более инертной массой: я обрел относительную подвижность.

Свет, проникавший в толщу воды на тридцать футов, освещал дно океана с поразительной яркостью. Ясно были видны все предметы на расстоянии ста метров. А дальше ультрамариновые краски морских глубин постепенно угасали, сгущались и, наконец, растворялись в туманной беспредельности. Среда, окружавшая меня, казалась тем же воздухом, только более плотным, чем земная атмосфера, но не менее прозрачным. Надо мной была спокойная поверхность моря.

Мы шли по мелкому, плотно слежавшемуся песку, на котором приливы и отливы, избороздившие приморские пляжи, не оставили и следа. Ослепительный песчаный ковер служил благодатным рефлектором для солнечных лучей. Вот откуда исходит сила этого отраженного сияния, которым пронизана каждая частица воды! Поверят ли мне, что на глубине тридцати футов под поверхностью океана так же светло, как на земле в ясный день?

Вот уже четверть часа идем мы по пламенеющему песку, усеянному неосязаемой пылью ракушек. Контуры корпуса «Наутилуса», рисовавшегося каким-то подводным рифом, постепенно ступеньками, но яркий свет его прожектора, с наступлением темноты в глубине вод, укажет нам путь на борт судна. Трудно представить себе силу отражения солнечных лучей в морских водоемах тому, кто привык к рассеянному, холодному электрическому свету земных городов. Там электрический свет, пронизывая воздух, насыщенный пылью, создает впечатление светящегося тумана; но на море, равно и в морских глубинах, электрические лучи обретают большую мощность.

А мы все шли и шли по бескрайней песчаной равнине. Я раздвигал руками водную завесу, смыкавшуюся за моей спиной, и давление воды мгновенно стирало следы моих ног на песке.

Вскоре стали смутно вырисовываться вдали очертания предметов. Я различил величественные силуэты подводных утесов, густо унизанных прелестнейшими зоофитами; и тут я был ослеплен световым эффектом, свойственным только жидкой среде.

Было десять часов утра. Косые лучи солнца преломлялись в воде, словно в призме, и окрашивали ребра утесов, водоросли, раковины, полипы всеми семью цветами солнечного спектра. Какой праздник для глаз был в этом причудливом сочетании красок, в этой непрерывной смене зеленого, желтого, оранжевого, фиолетового, синего, голубого, красного, как на палитре вдохновенного живописца! Почему я не мог поделиться с Конселем впечатлениями, взволновавшими мое воображение, восторгаться и радоваться вместе с ним! Почему я не знал языка знаков, подобно капитану Немо и его спутнику, чтобы обмениваться мыслями! Не находя иного выхода, я говорил сам с собой, я выкрикивал какие-то слова, расточительно и попусту расходуя драгоценный запас воздуха.

Полипы и иглокожие устилали песчаное дно. Разновидности изид, трубчатые кораллы – корнулярии, живущие особняком, гроздя первобытных глазчат, прежде именуемых «белыми кораллами», грибовидные фунгии, ветряницы, приросшие к почве своей мускулистой подошвой, представляли собой настоящий цветник, разукрашенный сифонофорами – порпитами в венчике лазоревых щупалец, целыми созвездиями морских звезд; и, словно тонкие кружева, сплетенные руками наяд, трепетали при каждом нашем шаге гирлянды бугорчатых астерофитонов. Как жаль было ступать ногами по этим блистающим моллюскам, устилавшим землю тысячами морских гребешков, морских молотков, донаксов, настоящих прыгающих ракушек, трохусов, красных шлемов, крылатиков, петушков, сердцевидок и множеством других созданий неисчерпаемого в своей фантазии океана. Но надо было идти, и мы шли дальше. Над нашими головами плыли отряды физалий с колыхающимися бирюзовыми щупальцами, медузы своими опаловыми или нежно-розовыми зонтиками с лазоревой окраиной защищали нас от солнечных лучей, а фосфоресцирующие медузы – пелагии освещали б дорогу, если бы нас настигла ночь!

Все эти чудеса я наблюдал мимоходом, на коротком пути, не больше четверти мили, и всякий раз, как я останавливался, капитан Немо жестом приглашал меня следовать за ним. Вскоре характер почвы изменился. Песчаное плато сменилось вязким илом, который американцы называют *ооз* и который состоит из множества кремнеземовых или известковых раковинок. Затем мы прошли луга водорослей, поражавших своей мощностью. Подводные лужайки по мягкости могли соперничать с самыми пушистыми коврами, вытканными руками искуснейших мастеров. Водоросли не только стлались под ногами, но и раскидывались над головой. Морские растения, сплетаясь своими стеблями, воздвигали зеленые своды на поверхности вод. Над нами развевались длинные космы фукусов, то шарообразные, то трубчатые, лауренсии, тонколистые кладостефы, лапчатые родимении, похожие на кактусы. Я заметил, что зеленые водоросли тянулись к поверхности вод, а красные предпочитали срединные слои, предоставляя черным и бурым водорослям создавать сады и цветники в океанических глубинах.

Водоросли – подлинный перл творения, одно из чудес царства растений. К ним относятся и самые мелкие и самые крупные растительные организмы земли. И наряду с крохотными растеньицами, сорок тысяч которых могут уместиться на площади в пять квадратных миллиметров, встречаются бурые водоросли длиной до сотни метров.

Прошло полтора часа, как мы покинули «Наутилус». Было около полудня. Я заметил это по солнечным лучам, которые, падая отвесно, уже не преломлялись в воде. Волшебство красок пропало, изумрудные и сапфировые цвета потускнели и вовсе исчезли с нашего небосвода. Мы шли, и каждый наш шаг гулко отдавался в жидкой среде. Малейший шум распространялся со скоростью, непривычной для нашего слуха. И действительно, вода – лучший проводник звука, нежели воздух: звук распространяется в жидкой среде в четыре раза быстрее.

А между тем дорога шла под уклон. Солнечные лучи утрачивали свою силу. Мы находились на глубине ста метров, выдерживая давление в десять атмосфер. Но скафандр был, видимо, так хорошо приспособлен к этим условиям, что я не страдал от повышенного давления. Все же в суставах пальцев я испытывал несколько болезненное ощущение, которое, впрочем, вскоре прошло. Усталости от двухчасовой ходьбы в непривычном для меня снаряжении я не чувствовал. При поддержке воды я двигался с поразительной легкостью.

На глубине в триста футов я все же ловил последние отблески заходящего солнца. Дневное светило уступало место предвечерним сумеркам. Но мы все еще обходились без аппарата Румкорфа.

Вдруг капитан Немо остановился. И когда я к нему подошел, он указал мне на какую-то темную массу, выступавшую из полутьмы, недалеко от нас.

«Остров Креспо», – подумал я и не ошибся.

Глава семнадцатая

ПОДВОДНЫЙ ЛЕС

Мы подошли наконец к опушке леса, несомненно одного из красивейших мест в обширных владениях капитана Немо. Он считал их своей собственностью и имел на это такое же право, какое присвоил себе первый человек в первые дни существования мира. И кто мог оспаривать у него права на подводные владения? Какой смельчак дерзнул бы проникнуть в эти глубины и с топором в руках расчищать себе путь сквозь дремучие заросли?

Подводный лес состоял из гигантских древовидных растений; и едва мы вступили под его мощные своды, как мое внимание было привлечено своеобразным явлением природы, еще не встречавшимся в моей научной практике.

Ни одна травинка не стлалась по земле, ни одна ветвь не сгибалась и не росла в горизонтальном направлении. Все устремлялось вверх, к поверхности океана. Ни единое волоконец, ни один стебелек, как бы тонки они ни были, не клонились к земле, а вытягивались в струнку, как железные прутья. Фукусы и ламинарии, уступая плотности окружающей среды, тянулись вверх по прямой линии, строго перпендикулярной к поверхности океана. Водоросли, казалось, застыли в своей неподвижности, и, чтобы пройти, приходилось раздвигать их руками; но растение тотчас же принимало прежнее положение. Тут было царство вертикальных линий!

Вскоре я освоился и с причудливым лесом, и с полумраком водной среды. Песчаный грунт был усеян острыми камнями, затруднявшими нам путь. Подводная флора показалась мне чрезвычайно богатой, даже более богатой, нежели в арктических и тропических зонах, где она представлена достаточно скупо. В первое время я не мог отличить мир растительный от мира животного: зоофитов принимал за водоросли, животных – за растения. И кто бы не ошибся на моем месте? Фауна и флора часто так сходны по форме в подводном мире!

Я заметил, что все особи растительного мира лишь прикрепляются к грунту, а не растут из него. Не имея корней, они требуют от земли не жизненных соков, а только опоры; они равно произрастают на камнях, ракушках, песке или гальке. Все нужное для их существования заключается в воде, вода их поддерживает и питает. Большинство растений пластинчатой, весьма прихотливой формы; в окраске растений преобладают тона розоватые, алые, зеленые, желтоватые, рыжие и бурые. Мне повстречались тут живые образцы тех особей, которые в засушенном виде хранились в коллекции «Наутилуса»: веерообразная падина-павония, казалось, жаждавшая дуновения ветерка, пунцовые церамиумы, ламинарии, съедобные водоросли, простирающие вверх свои молодые побеги, нитевидные нереоцистисы, распускавшие свои ветви на высоте пятнадцати метров, букеты ацетобулярий – нитчатых дудчаток, стебли которых утолщаются кверху, и множество других, лишенных цветков, морских растений. «Любопытная аномалия, причуда водной среды! – сказал один естествоиспытатель. – Здесь животные, как цветы, а растения лишены цветов!»

Между древовидными растениями, не уступавшими по величине деревьям умеренного пояса, виднелись кустовидные колонии шестилучевых кораллов, настоящие кустарники в цвету! Живые изгороди из зоофитов, на которых пышно распускались коралловидные меандрины, исполосованные извилистыми бороздками, желтоватые звездчатые кораллы-кариофиллеи с прозрачными щупальцами, пучки похожих на травы зоантарий, и в довершение иллюзии рыбки – ильные прыгуны порхали с ветки на ветку, точно рой

колибри, а из-под наших ног, как стаи бекасов, поднимались желтые, с ощеренной пастью и заостренной чешуей леписаканты, дактилоптеры и моноцентры.

Около часу дня капитан Немо дал сигнал к отдыху, чем меня весьма обрадовал. Мы расположились под сенью аларий с лентовидным слоевищем, вздымавших свои длинные, похожие на стрелы стебли.

Короткий отдых был чрезвычайно приятен. Недоставало только возможности поговорить. Но все же я приблизил свою большую медную голову к шлему Конселя. Глаза его из-под толстых стекол скафандра блестели от удовольствия, и в знак полного удовлетворения он комично завертел головой в своем металлическом колпаке.

Меня крайне удивляло, что после четырехчасовой прогулки я не ощущал голода. Что было тому причиной, я не знал. Но меня неодолимо клонило ко сну, как это бывает со всеми водолазами. Веки мои смежились, и я отдался дремоте, которую преодолевал только движением. Капитан Немо и его богатырского сложения спутник первые подали пример, растянувшись во весь рост в лоне этой кристально чистой среды.

Не могу определить, сколько времени я спал; но, проснувшись, я заметил, что солнце клонилось к горизонту. Капитан Немо уже встал, и я начал было потягиваться, расправляя члены, как одно непредвиденное обстоятельство мгновенно подняло меня на ноги.

В нескольких шагах от нас чудовищный краб в метр вышиной, вперив в меня взгляд раскосых глаз, готовился наброситься на меня. Хотя скафандр служил достаточной защитой от его клешней, все же я не мог скрыть овладевшего мной ужаса. В эту минуту проснулись Консель и матрос с «Наутилуса». Капитан Немо указал матросу на гнусное членистоногое, и тот, ударив его прикладом, тотчас же убил гада; и я видел, как сводило в предсмертных конвульсиях страшные лапы чудовища.

Случай этот заставил меня вспомнить, что во мраке водных пучин водятся и более опасные животные, от которых не защитит и скафандр. Удивительно, что я не подумал об этом раньше! Впредь я решил быть настороже. Впрочем, мне казалось, что наш привал знаменует конец прогулки. Но я ошибался. Капитан Немо и не помышлял возвращаться к «Наутилусу», он отважно шел вперед.

Дно круто спускалось вниз, и мы все больше погружались в морские глубины. Было примерно около трех часов дня, когда мы очутились в узкой ложбине, стиснутой отвесными утесами, на глубине ста пятидесяти метров под уровнем моря. Благодаря совершенству наших водолазных аппаратов мы опустились уже на девяносто метров ниже того предела, который природа, казалось, установила для подводных экскурсий человека.

Я определил глубину нашего погружения в сто пятьдесят метров, хотя никаких измерительных приборов у меня не было. Но я знал, что даже в самых прозрачных водах солнечные лучи не могут проникать глубже определенной толщи воды. На расстоянии десяти шагов ничего не было видно. Я шел ощупью, как вдруг тьму прорезал довольно яркий луч света. Капитан Немо зажег электрический фонарь. Его спутник сделал то же. Мы с Конселем последовали их примеру. Как только мы повернули выключатель, змеевидная стеклянная трубка, наполненная газом, засветилась от действия электрического тока. Свет наших фонарей осветил море в радиусе двадцати пяти метров.

Между тем капитан Немо вел нас все дальше, в самую глубь мрачного леса, в котором все реже и реже встречались кустистые колонии. Растительная жизнь, как я заметил, исчезла заметно раньше животной. На этих глубинах морские растения из-за недостатка солнечного света почти не встречались, меж тем как множество удивительных животных, зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб все еще кишело вокруг нас.

Дорогой я подумал, что свет электрического аппарата Румкорфа должен привлечь внимание

обитателей мрачных глубинных слоев. Но если морские животные и приближались к нам, то все же держась на почтительном расстоянии, недоступном для охотника.

Несколько раз капитан Немо останавливался и вскидывал ружье к плечу, но, прицелившись, опускал ружье, не выстрелив, и шел дальше.

Наконец, около четырех часов дня, мы достигли цели нашей чудесной прогулки. Перед нами вдруг выросла гранитная стена, величественная громада неприступных утесов, изрытая пещерами. Это было подножие острова Креспо. Это была земля!

Капитан Немо остановился. Жестом он приказал нам сделать привал, и, как я ни жаждал преодолеть эти стены, пришлось повиноваться. Здесь кончались владения капитана Немо. Он не хотел переступить их границы. За этой чертой начинался другой мир, в который он не желал ступить и шага!

Мы тронулись в обратный путь. Капитан Немо снова встал во главе нашего маленького отряда и, не колеблясь, повел нас вперед. Мне показалось, что мы возвращались к «Наутилусу» другой дорогой. Новая дорога с чрезвычайно крутым подъемом, а значит, и очень утомительная, скоро вывела нас к поверхности океана. Впрочем, вступление в верхние слои воды совершалось более или менее постепенно и не могло грозить неприятными последствиями, так как резкое изменение давления губительно отражается на человеческом организме и является роковым для неосторожных водолазов. Вскоре мы снова вошли в освещенные слои воды. Солнце стояло низко над горизонтом, и его косые лучи, преломляясь в воде, окружали радужным ореолом все предметы.

Мы шли на глубине десяти метров. Вокруг нас кружили стайки самых разнообразных рыбешек, более многочисленных, чем птицы в воздухе, и более проворных, но ни одна водяная дичь, достойная ружейного выстрела, не попала нам на глаза.

Внезапно капитан Немо опять вскинул ружье к плечу и стал прицеливаться в какое-то существо, мелькавшее в кустах. Он спустил курок. Послышался слабый свист, и сраженное животное упало в пяти шагах от нас.

Это была великолепная морская выдра, калан, единственное четвероногое, обитающее только в морях. мех выдры, достигающей полутора метров, темно-коричневый, на кончиках серебристо-белый и весьма нежного подшерстка, высоко ценится на русском и китайском рынках. По тонкости и шелковистости волоса мех нашей выдры должен был стоить по крайней мере две тысячи франков. Я с интересом рассматривал этот любопытный образец млекопитающего с плоской головой, короткими ушами, круглыми глазами, белыми кошачьими усами, с сильно развитой перепонкой между пальцами лапок, с пушистым хвостом. Это ценное хищное животное, за которым охотятся, устраивая целые облавы, становится чрезвычайно редкой добычей и встречается чаще всего в северной части Тихого океана, где тоже, вероятно, скоро исчезнет.

Спутник капитана Немо взвалил убитое животное себе на плечи, и мы опять двинулись в путь.

Целый час шли мы по песчаной равнине. Местами дно поднималось настолько, что каких-нибудь два метра отделяло нас от поверхности океана. И тогда я видел, как отражение наших фигур в воде бежало в обратном направлении, а другое отражение, повернутое вверх ногами, плыло над нашими головами.

Помимо этого, было еще явление, достойное внимания. Над нами непрерывно проносились облака, мгновенно сгущавшиеся и мгновенно таявшие. Подумав, я понял, что возникновение облаков объясняется постоянным изменением толщи водяного слоя над нами, и, приглядевшись, заметил даже белые «барашки» на гребнях волн. Прозрачность воды была такова, что отчетливо были видны тени крупных морских птиц, пролетающих над океаном.

И тут-то я стал свидетелем самого замечательного выстрела, который когда-либо доводилось наблюдать охотнику.

Над нами парила на широко распростертых крыльях какая-то большая птица. И когда она летела в расстоянии нескольких метров от поверхности моря, спутник капитана Немо прицелился и подстрелил птицу. Птица камнем упала в море, и сила падения была так велика, что, преодолев сопротивление воды, она свалилась почти в самые руки меткого стрелка. Это был альбатрос, великолепный представитель отряда морских птиц.

Импровизированная охота нисколько не замедлила нашего походного марша. В течение двух часов мы шли то по песчаной равнине, то среди лугов морских водорослей. Я буквально изнемогал, как вдруг слабая полоска света рассеяла темноту вод на полумилю. Это был прожектор «Наутилуса». Еще каких-нибудь двадцать минут – и мы на борту судна! Наконец-то я вздохну свободно! Мне начинало казаться, что кислород в моем резервуаре уже истощается. Но я не предвидел, что нечаянная встреча несколько замедлит наше возвращение на «Наутилус».

Я шел шагах в двадцати от спутников. Вдруг капитан Немо круто повернулся и быстро направился ко мне. Мощной рукой он пригнул меня к земле, его спутник поступил так же с Конселем. В первую минуту я не знал, что и подумать об этом внезапном нападении, но, увидев, что капитан лежит неподвижно подле меня, я успокоился.

Я лежал распростертый на земле, под прикрытием водорослей. Взглянув вверх, я увидел, что над нами проносятся какие-то огромные фосфоресцирующие туши.

Кровь застыла в моих жилах. Я узнал страшных морских хищников. Это были две акулы, ужасные акулы-людоеды с огромным хвостовым плавником, тусклыми стеклянными глазами, с глазчатыми, пропитанными светящимся веществом пятнами на морде. Чудовищная пасть, способная одним движением своей железной челюсти раздробить человека! Не знаю, занимался ли Консель классификацией акул, что касается меня, я смотрел на их серебристое брюхо, грозную пасть, ощеренную зубами, скорее как жертва, чем как ученый-естествоиспытатель.

К нашему великому счастью, у этих прожорливых животных плохое зрение. Распустив свои темные плавники, они пронесли мимо, не заметив нас; и мы каким-то чудом избавились от опасности более страшной, чем встреча с тигром в глухом лесу.

Через полчаса мы подошли к «Наутилусу», яркий прожектор которого указывал нам путь. Люк был открыт, и, как только мы вошли в кабину, капитан Немо захлопнул наружную дверь. Затем он нажал кнопку. Насосы внутри судна заработали, что было видно по тому, как спадает уровень воды вокруг нас. Через несколько секунд в кабине не осталось и капли воды. Тогда распахнулась внутренняя дверь, и мы попали в гардеробную.

Не без труда сняли мы свои скафандры, и я, измученный, полусонный, падая от усталости, но совершенно очарованный чудесной подводной прогулкой, добрался наконец до своей каюты.

Глава восемнадцатая

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ЛЬЕ ПОД ВОДАМИ ТИХОГО ОКЕАНА

Проснувшись утром, 18 ноября, я почувствовал себя вполне отдохнувшим. Выйдя на палубу «Наутилуса», я услышал, как помощник капитана произносил свою традиционную фразу. И вдруг я понял ее смысл. Речь шла, конечно, о состоянии моря, вернее, об отсутствии опасности: «На море спокойно!»

Необозримая водная ширь! Ни паруса на горизонте. Ни утесов острова Креспо! За ночь они исчезли из виду. Перед глазами синее море! Море поглотило все краски солнечного спектра, осталась одна лишь синь! Морская гладь, вся в переливах легкой зыби, живо напоминала муаровую ткань.

Я залюбовался волшебным видом океана. Но тут поднялся на палубу капитан Немо. Он приступил к астрономическим наблюдениям, не замечая, казалось, моего присутствия. Потом он облокотился на штурвальную рубку и погрузился взглядом в бескрайнюю даль.

Тем временем на палубу поднялись человек двадцать матросов «Наутилуса». Они начали выбирать сети, закинутые накануне ночью. Это были здоровые крепкие люди различных национальностей, но все европейского типа. Я без труда узнал ирландцев, французов, славян, одного грека, или критянина. Они были скупы на слова и объяснялись между собой на каком-то непонятном наречии, происхождения которого я не мог угадать. Стало быть, я не мог говорить с ними.

Сети вытащили на борт судна. Они представляли собой подобие нормандского невода, огромного мешка, который благодаря верхним поплавкам и цепи, продетой в нижние петли, держится полуоткрытым в воде. Мешок этот, прикрепленный к корме стальными тросами, скребет дно океана и вбирает в себя все, что попадает на пути судна. В это утро в сети попали любопытные образчики океанской фауны: лягва – рыба из семейства рукоперых, прозванная за свои комичные движения клоуном, спинороги, опоясанные красными лентами, способный раздуваться ядовитый скалозуб, оливковые миноги, среброчешуйчатые сарганы, нитехвосты с сильно развитыми электрическими органами, не уступающими в силе органам гимнота и ската, зеленоватые тресковые бычки различных видов и, наконец, несколько более крупных рыб: толстоголовка с выпуклой головой, длиной в целый метр, множество отличных макрелей, разряженных в серебро и лазурь, три великолепных тунца, которых не спасла от невода быстрота их движений.

Я полагаю, что на этот раз сети принесли не менее тысячи фунтов рыбы. Удачный улов, но отнюдь не удивительный! Сети выметываются на несколько часов и, следуя за судном, вбирают в свои тенета всех обитателей водяного мира, какие только встретятся на пути. И впредь у нас не будет недостатка в превосходной добыче – поручкой тому быстрходность «Наутилуса» и притягательная сила его прожектора.

Богатые дары океана были незамедлительно спущены в камбуз; часть улова была оставлена впрок, другая – к столу.

Рыбная ловля окончена, запас воздуха в резервуарах возобновлен, и я, решив, что «Наутилус» снова пойдет под воду, хотел спуститься в свою каюту; но тут капитан Немо обернулся в мою сторону и без всяких предисловий сказал:

– Взгляните-ка на океан, господин профессор, разве это не живое существо? Порой гневное, порой нежное! Ночью он спал, как и мы, и вот просыпается в добром расположении духа после покойного сна!

Ни приветствия, ни пожелания доброго утра! Казалось, этот загадочный человек продолжает начатый

разговор.

– Посмотрите, – говорил он, – океан пробуждается под лаской солнечных лучей! Он начинает дневную жизнь! Как любопытно наблюдать за проявлением жизнедеятельности его организма! У него есть сердце, есть артерии, и я вполне согласен с ученым Мори, который открыл в Мировом океане циркуляцию воды, столь же реальную, как циркуляция крови в жилах живого существа.

Капитан Немо не ожидал ответа, а я счел лишним прерывать его речь пустыми «да», «конечно», «совершенно верно», «вы правы». Он говорил как бы сам с собой и после каждой фразы надолго умолкал. Он размышлял вслух.

– Да, – говорил он, – в Мировом океане происходит постоянная циркуляция воды, обусловленная изменением температуры, наличием солей и микроорганизмов. Изменение температуры предопределяет плотность воды, и, как следствие этого, образуются течения и противотечения. Испарение воды, незначительное в полярных областях и весьма значительное в экваториальных зонах, порождает постоянный обмен между тропическими и полярными водами. Помимо того, я обнаружил постоянную вертикальную циркуляцию от поверхностных вод до глубинных и от глубинных к поверхностным, что является подлинно дыханием океана! Океанические воды, прогретые в поверхностных слоях теплых зон океана, уносятся в холодные зоны, где благодаря охлаждению становятся более плотными, а следовательно, и более тяжелыми, опускаются вниз и заполняют глубины океана. Постепенно поднимаясь вверх к экваториальной зоне и прогреваясь, они вновь увлекаются в зоны высоких широт. У полюса вам будут видны результаты этого явления, и вы оцените предусмотрительность природы, ибо в силу этого закона вода превращается в лед только в поверхностных слоях!

В то время как капитан Немо произносил последние слова, я думал: «Полюс! Неужели этот смельчак хочет направиться к полюсу?»

Капитан умолк, устремив взор на водную стихию, которую он так тщательно и непрестанно изучал. После короткого молчания он сказал:

– Море содержит в себе изрядное количество солей. И если бы удалось собрать всю соль, растворенную в Мировом океане, объем ее составил бы четыре с половиной миллиона кубических лье. И если бы рассыпать эту соль ровным слоем по всему земному шару, образовался бы соляной покров свыше десяти метров толщиной. Не подумайте, что наличие солей в морской воде является капризом природы. Нет! Соль уменьшает испаряемость воды, предохраняет от выветривания водяных паров и тем самым спасает от излишества осадков умеренные пояса нашей планеты. Важная роль! Роль почетная – уравновешивать действие стихий на земном шаре!

Капитан Немо вновь умолк, выпрямился, сделал несколько шагов по палубе и опять подошел ко мне.

– Что касается миллиардов мельчайших существ, населяющих миллионами каждую каплю воды, роль их не менее значительна. Они поглощают морские соли, вбирают в себя растворенную в воде известь и в виде полипняков и мадрепоровых кораллов являются настоящими рифообразователями! Умирая, они снова отдают в воду различные минеральные вещества, а частично отлагают их в виде скелетов на морском дне. Таким образом осуществляется вечное круговое вращение, вечная жизнь! Жизнь более напряженная, нежели на суше, более плодотворная, бесконечная, охватывающая поистине каждую каплю воды в океане, в этой среде, как говорят, убийственной для человека, но животворной для мириадом животных – и для меня!

Произнося эти слова, капитан Немо совершенно преобразился и произвел на меня сильное впечатление.

– И настоящая жизнь, – прибавил он, – здесь, только здесь! Я верю в возможность создания

подводных городов, постройки подводных зданий, которые, как «Наутилус», каждое утро будут подниматься на поверхность океана, чтобы запастись свежим воздухом, городов свободных, городов независимых. И, кто знает, если какой-нибудь деспот...

Капитан Немо оборвал фразу угрожающим жестом. Потом, обращаясь прямо ко мне и как бы желая отвлечься от мрачных мыслей, спросил:

– Господин Аронакс, известна ли вам глубина океана?

– Известны результаты измерений, капитан!

– А каковы цифровые данные измерений? При случае я мог бы их проверить.

– Цифровые данные, насколько я помню, таковы... – отвечал я. – Если не ошибаюсь, средняя глубина в северной части Атлантического океана, согласно измерениям, достигает восьми тысяч двухсот метров, а в Средиземном море – двух тысяч пятисот метров. Самые замечательные промеры были сделаны в южной части Атлантического океана, приблизительно на тридцать пятом градусе широты. Результаты: двенадцать тысяч метров, четырнадцать тысяч девятьсот один метр и пятнадцать тысяч сто сорок девять метров. Короче говоря, если бы ложе Мирового океана было приведено к одному уровню, средняя океанская глубина исчислялась бы приблизительно в семь километров.

– Отлично, господин профессор, – отвечал капитан Немо. – Надеюсь дать вам более точные показатели. Что касается средней глубины данной части Тихого океана, то могу вам сообщить, что она не превышает четырех тысяч метров.

Сказав это, капитан Немо направился к люку и сошел вниз по железной лестенке. Я последовал за ним. Винт почти в ту же минуту пришел во вращение, и лаг показал скорость двадцать миль в час.

...Проходили дни, проходили недели, а капитан Немо не баловал меня своими посещениями. Я встречался с ним очень редко. Помощник капитана каждое утро аккуратнейшим образом отмечал на карте курс корабля, и я мог с точностью определить местонахождение «Наутилуса».

Консель и Ленд проводили со мной целые часы. Консель рассказывал своему другу о том, какие чудеса довелось ему увидеть во время нашей подводной прогулки, и канадец сожалел, что не принял в ней участия. А я утешал его, уверяя, что еще не раз случится нам посетить океанские леса.

Почти каждый день на несколько часов железные створы в салоне раздвигались, и нам предоставлялось право проникать в тайны подводного мира.

«Наутилус» держал курс на юго-восток и шел на глубине ста – ста пятидесяти метров под уровнем океана. Но однажды, по прихоти капитана, судно погрузилось в глубинные воды на две тысячи метров. Стоградусный термометр показывал 4,25° – температура, как будто свойственная этим глубинам под всеми широтами.

Двадцать шестого ноября, в три часа утра, «Наутилус» пересек тропик Рака под 172° долготы. 27 ноября мы миновали Сандвичевы острова, где 14 февраля 1779 года погиб знаменитый капитан Кук. Мы прошли, стало быть, четыре тысячи восемьсот шестьдесят лье со времени нашего путешествия. Утром, выйдя на палубу, я увидел, в двух милях под ветром, остров Гавайи, самый большой из семи островов, образующих Гавайский архипелаг. Я видел ясно возделанные поля, предгорья и цепи гор вдоль побережья, вулканы, над которыми господствует Мауна-Кеа, вздымающаяся на пять тысяч метров над уровнем моря. Сети, в числе многих образцов фауны этих мест, выловили несколько экземпляров веерообразной павонии – полипа чрезвычайно изящной формы, типичного обитателя этой части океана.

«Наутилус» по-прежнему держал курс на юго-восток. 1 декабря он пересек экватор под 142° долготы, а 4 декабря, после быстрого перехода, не отмеченного ничем примечательным, мы подошли к

Маркизским островам.

На расстоянии трех миль от берега, под 8°57 южной широты и 139°32 западной долготы, вырисовывался пик Мартин на Нукухива, крупнейшем из Маркизских островов, принадлежащих Франции. Я мог разглядеть лишь очертания лесистых гор на горизонте, так как капитан Немо не любил приближаться к земле. В этих водах попались в сети великолепные образцы рыб: корифены с лазоревыми плавниками и золотым хвостом, несравненные по нежности их мяса, коралловые губаны, почти бесчешуйные, но очень вкусные, коралловые рыбки-осторинки с костяной челюстью, желтоватые мелкие тунцы, тасары, на вкус не уступающие макрели, – рыбы, достойные почетного места в нашем меню.

Миновав эти прелестные острова, охраняемые французским морским флотом, «Наутилус» с 4 по 11 декабря прошел около двух тысяч миль.

Плавание ознаменовалось встречей с огромным количеством кальмаров, любопытных моллюсков, родственных каракатице. Французские рыболовы называют их «летучие волосатики». Кальмары принадлежат к классу головоногих, подклассу двужаберных, к которому относятся и каракатицы, и аргонавт «бумажный ботик». Эти животные внимательно изучались древними натуралистами и, занимая почетное место в метафорах античных ораторов, пользовались не меньшим успехом за столом богатых граждан, так по крайней мере утверждает Атеней, древнегреческий врач, предшественник знаменитого Галена.

В ночь с 9 на 10 декабря «Наутилус» встретил на своем пути целые полчища моллюсков. С наступлением ночи животные, поднявшись из морских пучин в верхние слои и следуя миграционными путями сельди и сардин, перемещались из умеренной зоны в зоны более теплые. Обычная миграция морских организмов, которая захватывает громадные массы, исчисляемые миллионами тонн!

Мы наблюдали сквозь толстые хрустальные стекла, как кальмары, с силой выбрасывая воду из своей так называемой воронки обратными толчками, по «ракетному» принципу, проворно перебирая своими десятью щупальцами, развевавшимися вокруг их головы, как живые змеи Горгоны, преследовали с удивительной скоростью рыб и моллюсков, – пожирала мелких и, в свою очередь, пожирались крупными. «Наутилус», несмотря на быстроту своего хода, в течение многих часов шел в окружении этих животных, во множестве попадавших в сети. Я узнал представителей девяти видов, согласно классификации д'Орбиньи, типических для тихоокеанской фауны.

Море щедро развертывало перед нами картины, одна другой пленительнее! Оно разнообразило их до бесконечности. Оно меняло без устали декорации и обстановку сцены, радуя глаз. Оно не только развлекало нас, позволяя наблюдать живые существа в родной им стихии, но и открывало нам свои самые сокровенные тайны.

Днем 11 декабря я читал в салоне книгу из библиотеки капитана Немо. Нед Ленд и Консель при раздвинутых ставнях любовались ярко освещенными водами. «Наутилус» стоял на месте. Наполнив резервуары, судно держалось на глубине тысячи метров, в слоях малообитаемых, где крупная рыба встречается чрезвычайно редко.

Я читал прелестную книгу Жана Масэ «Служители желудка», восхищаясь неподражаемым остроумием автора, как вдруг Консель позвал меня.

– Не угодно ли вашей милости подойти сюда на минуту? – сказал он каким-то странным голосом.

– Что случилось, Консель?

– Не угодно ли взглянуть?

Я встал, подошел к окну, взглянул наружу. В пространстве, ярко освещенном прожектором

«Наутилуса», виднелась повисшая среди вод какая-то черная громада. Я пристально всматривался, разглядывая это гигантское китообразное животное. И вдруг у меня мелькнула мысль.

– Корабль! – вскричал я.

– Да, – отвечал канадец, – затонувший корабль с перебитым рангоутом!

Нед Ленд не ошибался. Перед нами был корабль, потерпевший крушение, с перерезанными вантами, беспомощно висевшими на цепях. Корпус судна был еще в хорошем состоянии; казалось, кораблекрушение произошло всего несколько часов назад. Обломки трех мачт, выступавшие над палубой едва на два фута, свидетельствовали, что команде судна пришлось пожертвовать рангоутом. Наполнившись водой, судно накренилось на бакборт. Какую грусть наводило это судно! Но еще большая грусть охватывала при виде трупов на палубе, привязанных канатами! Я насчитал шесть трупов: четыре мужских – один так и застыл, стоя у руля, – один женский. Женщина с ребенком на руках высунулась наполовину из решетчатого отверстия юта!

Она была молода. При ярком свете прожектора я мог даже различить черты ее лица, еще не тронутого разложением. В отчаянии она подняла над головой младенца, цеплявшегося ручонками за материнскую шею! Лица четырех моряков, пытавшихся в последнем усилии разорвать веревки, связывающие их с тонущим судном, поистине были ужасны. Один лишь рулевой, с прилипшими ко лбу седыми волосами и ясным лицом, сохранял спокойствие и, сжимая штурвал рукой, казалось, по-прежнему управлял своим трехмачтовым кораблем в его последнем пути в пучинах океана!

Какое страшное зрелище! Молча, с бьющимся сердцем стояли мы, не отводя глаз от этой картины кораблекрушения, как бы заснятого в минуту катастрофы!

А прожорливые акулы уже устремлялись на запах человеческого мяса!

И пока «Наутилус», лавируя, огибал корпус потонувшего корабля, я успел прочесть на его корме:

Глава девятнадцатая

ВАНИКОРО

Трагическая гибель «Флориды» не являлась каким-либо исключительным случаем катастрофы на море. В дальнейшем, плавая в морях наиболее судоходных, мы все чаще встречали остовы судов, потерпевших кораблекрушение, догнивавших в воде; а на самом дне моря ржавели пушки, ядра, якоря, цепи и тысячи других железных обломков.

Одиннадцатого декабря мы приблизились к берегам архипелага Паумоту, бывшей Бугенвильской «опасной группы островов», разбросанных на протяжении пятисот лье с востока-юго-востока на запад-северо-запад, под $13^{\circ}30' - 20^{\circ}50'$ южной широты и $125^{\circ}30' - 151^{\circ}30'$ западной долготы, от острова Дюси до острова Лазарева (Матахива).

Этот архипелаг занимает площадь в триста семьдесят квадратных лье и состоит из шестидесяти групп островов, в числе которых находится и группа Гамбье (Мангарева), принадлежащая Франции. Это коралловые острова. Медленная, но неустанная работа полипов со временем приведет к тому, что все эти острова соединятся между собой. Затем вновь образовавшийся массив суши сплотится рано или поздно с соседним архипелагом, и между Новой Зеландией и Новой Каледонией, простираясь вплоть до Маркизских островов, возникнет пятый материк.

Однажды я заговорил на эту тему с капитаном Немо, но он сухо ответил мне:

– Нужны новые люди, а не новые континенты!

Держась намеченного курса, «Наутилус» проходил вблизи острова Клермон-Тоннер, любопытнейшего из островов всей группы, открытой в 1822 году капитаном «Минервы» Беллом. И тут мне представился случай наблюдать колонии мадрепоровых кораллов, которым обязаны своим происхождением острова в этой части Тихого океана.

Мадрепоровые кораллы – настоящие рифообразователи, их не должно смешивать с другими видами кораллов. Это морские животные, обладающие известковым скелетом. Различие в структуре их скелета дало моему знаменитому учителю Мильну Эдвардсу основание подразделить их на пять отрядов. Миллиарды этих микроскопических животных создают своими известковыми скелетиками мощные сооружения: береговые рифы, острова. Тут они образуют лагуну, замыкая океанские воды в кольцо более или менее удлиненного атолла. Там воздвигают барьерные рифы, подобные рифам, опоясывающим берега Новой Каледонии и многих островов Паумоту. А в иных местах, как на островах Общества и на острове Маврикия, они возводят рифовые утесы, высокие отвесные стены, у основания которых глубина океана значительна.

Мы шли на расстоянии нескольких кабельтовых от подножия острова Клермон-Тоннер, и я не мог надивиться гигантскими сооружениями, созданными столь микроскопическими создателями. Эти своеобразные фундаменты являются в основном творением мадрепоровых кораллов, а также коралловых полипняков, известных под названием миллепоровых (из гидроидных), дырчатых – поритов, звездчатых – астрей и мозговиков – меандрин. Известковые полипняки, а именно виды, созидающие рифы и острова, придерживаются берегов суши. Волны и ветер наносят к живым полипнякам обломки кораллов, ракушек и прочее. Первоначально образуется береговой риф; затем полоса полипняков, постепенно отступая от берега, образует барьерный риф; в дальнейшем происходит погружение центрального кораллового острова ниже уровня моря, и, таким образом, появляется атолл. Такова по крайней мере теория Дарвина,

объясняющая происхождение атолла, – теория, по моему мнению, более близкая к истине, нежели утверждения его противников, что якобы базой для нарастания живых полипняков служат вершины гор или вулканов, не достигающих всего несколько футов до поверхности океана.

Я мог наблюдать вблизи эти любопытные известковые цоколи, погруженные на триста метров в морские глубины и отливающие перламутровым блеском при ярком свете наших электрических огней.

Консель спросил меня, сколько времени требует возведение таких колоссальных массивов, и был крайне удивлен, когда я ответил ему, что, по вычислениям ученых, толща коралловых отложений за сто лет увеличивается на одну восьмую дюйма.[\[91\]](#)

– Стало быть, чтобы возвести такие стены, – сказал он, – потребовалось...

– Сто девяносто две тысячи лет, друг Консель! Библейское летосчисление, видимо, слишком омолодило Землю. Помимо того, формация каменноугольная, иначе говоря, минерализация допотопных лесов, требовала еще более продолжительного времени. Впрочем, должен заметить, что под библейскими днями сотворения мира следует подразумевать целые эпохи, а не промежуток времени между восходом солнца, тем более что, как свидетельствует Библия, солнце создано не в первый день творения.

Когда «Наутилус» поднялся на поверхность океана, я мог охватить глазом едва выступающий из воды и поросший густым лесом остров Клермон-Тоннер. Морские штормы и бури оплодотворили, видимо, известковую почву острова. Зерно, унесенное ураганом с соседней суши, упало однажды на эту почву, удобренную разложившимися остатками морских рыб и водорослей, и принесло богатые всходы. Волны выбросили на остров кокосовый орех, созревший на дальнем берегу. Зерна дали ростки. Выросли деревья. Деревья задерживали испарения воды. Возник ручей. Остров постепенно покрылся растительностью. Морским течением, вместе со стволами деревьев, вырванных из земли на соседних островах, были занесены различные микроорганизмы, черви, насекомые. Черепахи стали класть тут свои яйца. Птицы свили гнезда на молодых деревцах. Постепенно развилась жизнь мира животного. И, привлеченный свежестью зелени и плодородием почвы, на острове появился человек. Так образовались коралловые острова – величественное творение микроскопических животных.

К вечеру Клермон-Тоннер скрылся из виду, и «Наутилус» резко изменил курс. Пройдя тропик Козерога под 135° долготы, подводный корабль направился на запад-северо-запад и прошел всю зону между тропиками. Хотя лучи тропического солнца и были жгучи, мы все же не страдали от жары, потому что на глубине тридцати – сорока метров температура воды не превышала десяти – двенадцати градусов.

Пятнадцатого декабря мы прошли западнее живописного архипелага Общества и прелестного острова Таити, жемчужины Тихого океана. Утром в нескольких милях под ветром я увидел высокие вершины этого острова. В его водах мы выловили несколько превосходных рыб: беломясых тунцов, альбакоров и похожих на морских змей рыб-мурен.

«Наутилус» прошел восемь тысяч сто миль. Когда мы проходили между архипелагом Тонга-Табу, где погибли экипажи «Арго», «Порт-о-Пренс» и «Дюк оф Портланд», и архипелагом Мореплавателей, где был убит капитан Лангль, друг Лаперуза, лаг «Наутилуса» отметил девять тысяч семьсот двадцать миль. Затем мы обошли архипелаг Фиджи, где были убиты матросы из команды «Юнион» и капитан Бюро из Нанта, командир корабля «Любезная Жозефина».

Архипелаг Фиджи растянулся на сто лье с севера на юг и на девяносто лье с востока на запад, под 6° и 2° южной широты и 174° – 169° западной долготы. Он представлял собой группу островков, барьерных рифов и островов, из которых крупнейшие – Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандюбон.

Острова эти были открыты Тасманом в 1643 году; в том же году Торичелли изобрел барометр, а Людовик XIV вступил на престол. Предоставляю судить читателю, которое из этих событий было полезнее

для человечества! В 1774 году эти острова посетил Кук, в 1793 году д'Антраксто и, наконец, в 1827 году Дюмон-Дюрвиль, распутавший географический хаос этого архипелага.

«Наутилус» шел близ бухты Вайлеа, памятной в связи с трагическими приключениями капитана Диллона, который первый осветил тайну гибели кораблей Лаперуза.

Мы несколько раз закидывали драгу и извлекли множество превосходных устриц. Следуя наставлениям Сенеки, мы вскрывали раковины тут же за столом и глотали устрицы с жадностью. Эти моллюски принадлежат к виду, известному под названием *Ostrea lamellosa*, чрезвычайно распространенному на Корсике.

Бухта Вайлеа, видимо, была велика; и если бы не злейшие враги устриц морские звезды и крабы, пожирающие молодых моллюсков в громадных количествах, скопление раковин привело бы к полному обмелению бухты, если учесть, что каждый моллюск производит до двух миллионов яиц.

И если Неду Ленду на этот раз не пришлось каяться в своем обжорстве, то лишь потому, что устрицы – единственное блюдо, которое не грозит расстройством желудка. В самом деле, нужно съесть не менее шестнадцати дюжин этих двустворчатых моллюсков, чтобы организм человека получил триста пятнадцать граммов азотистых веществ, необходимых для его питания в течение дня.

Двадцать пятого декабря «Наутилус» шел мимо островов Ново-Гебридского архипелага, открытого Квирсом в 1606 году, исследованного Бугенвилем в 1768 году и получившего свое нынешнее наименование от Кука в 1773 году. Группа эта состоит в основном из девяти больших островов, следующих один за другим на протяжении ста двадцати лье с северо-северо-запада к юго-юго-востоку, под 15°-2° южной широты и 164°-168° долготы. В полдень мы проходили довольно близко от острова Ору; и у меня осталось от него впечатление сплошного лесного массива, увенчанного высоким горным пиком.

В тот день было Рождество, и Нед Ленд, как мне показалось, приуныл, вспоминая традиционное «Christmas» – подлинный семейный праздник, до фанатизма почитаемый протестантами.

Капитан Немо не появлялся уже целую неделю. Наконец, утром 27 декабря, он вошел в салон так непринужденно, словно мы расстались с ним каких-нибудь пять минут назад. А я как раз искал на карте место прохождения «Наутилуса». Капитан подошел ко мне и, указав точку на карте, коротко сказал:

– Ваникоро.

Название подействовало на меня магически. Это было название островов, у которых погибли корабли Лаперуза.

Я вскочил на ноги.

– «Наутилус» держит курс на Ваникоро? – спросил я.

– Да, господин профессор, – отвечал капитан.

– И я могу побывать на этих знаменитых островах, где потерпели кораблекрушение «Буссоль» и «Астролябия»?

– Если вам будет угодно, господин профессор.

– А как далеко до Ваникоро?

– А вот и Ваникоро, господин профессор.

Вместе с капитаном Немо я поднялся на палубу и глазами жадно впился в горизонт.

На северо-востоке виднелись два острова, разные по величине, но, несомненно, вулканического происхождения, окруженные коралловым барьером приблизительно до сорока миль в окружности. Мы

были вблизи острова Ваникоро. Вернее, мы были у входа в маленькую гавань Вану, расположенную под 16°4 южной широты и 164°32 восточной долготы. Остров, казалось, был сплошь покрыт зеленью, начиная от берега до горных вершин, над которыми возвышалась вершина Капого высотой четыреста семьдесят шесть туазов.

«Наутилус», войдя через узкий пролив внутрь кораллового барьера, очутился за линией прилива, в гавани, глубина которой доходила до тридцати – сорока сажений. В тени мангров виднелись фигуры дикарей, с величайшим удивлением следивших за нашим судном. Быть может, они принимали черный веретенообразный корпус «Наутилуса» за какое-нибудь китообразное животное, которого надо было опасаться?

Капитан Немо спросил меня, что мне известно о гибели Лаперуза.

– То, что известно всем, капитан, – отвечал я.

– А не можете ли вы посвятить меня в то, что известно всем? – не без иронии спросил капитан.

– Очень охотно!

И я стал пересказывать ему содержание последних сообщений Дюмон-Дюрвиля.

Вот краткое изложение событий.

Лаперуз и его помощник, капитан де Лангль, в 1785 году были посланы Людовиком XVI в кругосветное плавание на корветах «Буссоль» и «Астролябия» и бесследно пропали.

В 1791 году французское правительство, встревоженное судьбой двух корветов Лаперуза, снарядило спасательную экспедицию под командой Бруни д'Антраксто, в составе двух фрегатов «Решерш» и «Эсперанс», которые вышли в плавание из Бреста 28 сентября.

Спустя два месяца стало известно из показаний некоего Боуэна, командира корабля «Албермель», что обломки каких-то судов были замечены у берегов Новой Георгии. Но д'Антраксто, не зная об этом сообщении – к слову сказать, довольно сомнительном, – держал свой путь к островам Адмиралтейства, которые в рапорте капитана Гунтера указывались как место кораблекрушения корветов Лаперуза.

Поиски д'Антраксто были безуспешны. Корветы спасательной экспедиции прошли мимо Ваникоро не останавливаясь, и плавание для них окончилось трагически, ибо экспедиция стоила жизни самому д'Антраксто, двум его помощникам и многим матросам из команды корветов.

Первым на несомненные следы гибели кораблей Лаперуза напал старый морской волк капитан Дилон, отлично знавший Тихий океан. 15 мая 1824 года его корабль «Святой Патрик» проходил мимо острова Тикопиа, принадлежащего к Ново-Гебридской группе. Там один туземец, приплывший к кораблю в пироге, подал капитану серебряный эфес шпаги, на котором сохранились следы какой-то надписи. Тот же туземец рассказал Дилону, что шесть лет назад он видел на Ваникоро двух европейцев из экипажа кораблей, разбившихся о рифы вблизи этого острова.

Дилон сообразил, что речь идет о корветах Лаперуза, исчезновение которых волновало весь мир. Он решил идти на Ваникоро, где, по словам туземца, сохранились еще следы кораблекрушения. Но ветры и течения не позволили Дилону осуществить его намерение.

Дилон вернулся в Калькутту. Там он сумел заинтересовать своим открытием Азиатское общество и Ост-Индскую компанию, и в его распоряжение был предоставлен корабль, также получивший название «Решерш». 23 января 1827 года, сопровождаемый французским представителем, Дилон отплыл из Калькутты.

После неоднократных остановок в различных пунктах Тихого океана 7 июля 1827 года корабль

«Решерш» бросил наконец якорь в той самой гавани Вану, где сейчас стоял «Наутилус».

Дилон нашел тут множество остатков кораблекрушения: якоря, инструменты, блоковые стропы, камнеметы, восемнадцатифунтовое ядро, обломки астрономических приборов, кусок гакаборта и бронзовый колокол с надписью: «Отлит Базеном», с клеймом литейной Брестского арсенала и датой «1785». Не оставалось ни малейшего сомнения!

Дилон, продолжая поиски доказательств, пробыл на месте катастрофы до октября месяца. Затем он поднял якорь и через Новую Зеландию пошел в Калькутту. 7 апреля 1828 года он воротился во Францию и был милостиво принят Карлом X.

В то же самое время Дюмон-Дюрвиль, ничего не зная об открытии Дилона, продолжал поиски следов кораблекрушения в совершенно другом направлении. Со слов одного китобоя ему стало известно, что у дикарей Луизианы и Новой Каледонии видели медаль и крест Святого Людовика.

Дюмон-Дюрвиль, командир «Астролябии», вышел в море и спустя два месяца после того, как Дилон покинул Ваникоро, бросил якорь у Гобарт-Тоуна. Тут он узнал о результатах поисков Дилона и, помимо того, ознакомился с показанием некоего Джемса Гоббса, помощника капитана «Юниона» из Калькутты, который утверждал, что, пристав к острову, лежащему под 8°18 южной широты и 156°30 восточной долготы, он якобы видел у туземцев железные брусья и куски красной ткани.

Дюмон-Дюрвиль, смущенный этими противоречивыми сведениями и не зная, можно ли им верить, решился все же идти по следам Дилона.

Десятого февраля 1828 года корвет «Астролябия» подошел к острову Тикопиа. Приняв на борт в качестве лоцмана и переводчика бывшего матроса, обосновавшегося на этом острове, судно взяло курс на Ваникоро. Подойдя к острову 12 февраля, «Астролябия», лавируя между его коралловыми рифами, только 20 февраля, преодолев рифовые барьеры, вошла в гавань Вану.

Двадцать третьего февраля матросы «Астролябии», вернувшись из обхода острова, принесли несколько малоценных обломков. Туземцы отказались указать им место катастрофы, отговариваясь непониманием. Поведение туземцев было подозрительным и наводило на мысль, что они плохо обошлись с потерпевшими кораблекрушение. Они как будто боялись, что Дюмон-Дюрвиль явился отомстить за Лаперуза и его злосчастных спутников.

Наконец 26 февраля, прельстившись подарками и поняв, что им не грозит расплата за содеянное, туземцы указали помощнику капитана Жаконо место катастрофы.

Там, на глубине трех-четырех саженей под водой, между рифами Паку и Вану, лежали якоря, пушки, железные и свинцовые чушки балласта, покрывшиеся уже известковыми отложениями. Шлюпка и китобойное судно с «Астролябии» направились к этому месту и с большим трудом подняли со дна якорь, весивший тысячу восемьсот фунтов, пушку, стрелявшую восьмифунтовыми ядрами, одну свинцовую чушку и две медные камнеметные мортиры.

Дюмон-Дюрвиль, опросив туземцев, узнал, что Лаперуз, потерявший оба корабля, разбившиеся о рифовый барьер острова, выстроил из обломков небольшое суденышко и вновь пустился в плавание, чтобы опять потерпеть кораблекрушение... Где? Этого никто не знал.

Командир «Астролябии» воздвиг под сенью мангров памятник отважному мореплавателю и его спутникам. Это была простая четырехгранная пирамида на коралловом пьедестале. Ни кусочка металла, на который так падки туземцы, не пошло на этот памятник!

Дюмон-Дюрвиль хотел тут же сняться с якоря. Но команда «Астролябии» была изнурена лихорадкой, свирепствовавшей в этих местах, да и сам он был болен. Он мог пуститься в обратный путь только 17 марта.

Между тем французское правительство, полагая, что Дюмон-Дюрвиль не знает об открытии Дилона, послало на Ваникоро корвет «Байонез» под командой Легоарана де Тромлена, стоявший тогда у западного берега Америки. «Байонез» бросил якорь у берегов Ваникоро спустя несколько месяцев после отплытия «Астролябии». Никаких новых документов не было найдено, но выяснилось, что дикари не тронули мавзолея Лаперуза.

Вот все, что я мог сообщить капитану Немо.

– Итак, – сказал он, – по сей день неизвестно, где погибло третье судно, выстроенное потерпевшими кораблекрушение у Ваникоро?

– Неизвестно.

Капитан ничего не ответил, но знаком пригласил меня следовать за ним в салон. «Наутилус» погрузился на глубину нескольких метров, и железные створы раздвинулись.

Я кинулся к окну, и под коралловыми отложениями, под покровом фунгий, сифоновых, альциониевых кораллов, кариофиллей, среди мириадов прелестных рыбок, радужниц, глифизидонов, помферий, диакопей, жабошипов я заметил обломки, не извлеченные экспедицией Дюмон-Дюрвиля, железные части, якоря, пушки, ядра, форштвень – словом, части корабельного снаряжения, поросшие теперь животными, похожими на цветы.

В то время как я рассматривал эти плачевные останки, капитан Немо сказал мне внушительным тоном:

– Капитан Лаперуз вышел в плавание седьмого декабря тысяча семьсот восемьдесят пятого года на корветах «Буссоль» и «Астролябия». Сперва он базировался на Ботани-Бэй, затем посетил архипелаг Общества, Новую Каледонию, направился к Санта-Крусу и бросил якорь у Намука, одного из островов Гавайской группы. Наконец корветы Лаперуза подошли к рифовым барьерам, окружающим остров Ваникоро, в ту пору еще неизвестным мореплавателям. «Буссоль», который шел впереди, натолкнулся на рифы около южного берега. «Астролябия» поспешила к нему на помощь и тоже наскочила на риф. Первый корвет затонул почти мгновенно. Второй, севший на мель под ветром, держался еще несколько дней. Туземцы оказали довольно хороший прием потерпевшим кораблекрушение. Лаперуз обосновался на острове и начал строить небольшое судно из остатков двух корветов. Несколько матросов пожелали остаться на Ваникоро. Остальные, изнуренные болезнями, слабые, отплыли с Лаперузом в направлении Соломоновых островов и погибли все до одного у западного берега главного острова группы, между мысами Разочарования и Удовлетворения!

– Но как вы об этом узнали? – вскричал я.

– Вот что я нашел на месте последнего кораблекрушения!

И капитан Немо показал мне жестяную шкатулку с французским гербом на крышке, заржавевшую в соленой морской воде. Он раскрыл ее, и я увидел свиток пожелтевшей бумаги, но все же текст можно было прочесть.

Это была инструкция морского министерства капитану Лаперузу с собственноручными пометками Людовика XVI на полях!

– Вот смерть, достойная моряка! – сказал капитан Немо. – Он покоится в коралловой могиле. Что может быть спокойнее этой могилы? Дай бог, чтобы моим товарищам и мне выпала такая же доля!

Глава двадцатая

ТОРРЕСОВ ПРОЛИВ

В ночь с 27 на 28 декабря мы оставили Ваникоро. «Наутилус» взял курс на юго-запад и, развив большую скорость, в три дня прошел семьсот пятьдесят лье – словом, расстояние, отделяющее группу островов Лаперуза от юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

Лишь только мы встали, утром, первого января 1868 года, я вышел на палубу, и тут меня встретил Консель.

– С вашего позволения, господин профессор, я хотел бы пожелать вам счастья в новом году, – сказал он.

– За чем же стало дело, Консель? Вообрази, что мы в Париже, в моем кабинете в Ботаническом саду! Но скажи, в чем ты видишь счастье при нынешних наших обстоятельствах? Жаждешь ли вырваться из плена или мечтаешь продлить наше подводное путешествие?

– Ей-ей, не знаю, что и сказать! – отвечал Консель. – Много чудес довелось нам увидеть, и, признаться, в эти два месяца у нас не было времени скучать. Последнее чудо, говорят, всегда самое удивительное; и если впредь будет так продолжаться, я уж и не знаю, чем все это кончится! По-моему, такого случая нам никогда больше не представится...

– Никогда, Консель!

– Да и господин Немо вполне оправдывает свое латинское имя. Он ничуть нас не стесняет, словно бы и вправду не существует!

– Верно, Консель.

– Я полагаю, сударь, что счастливым будет тот год, в котором мы увидим все на свете...

– Все увидим, Консель? Пожалуй, это будет длинная история! А что думает Нед Ленд?

– Нед Ленд держится совершенно другого мнения, – отвечал Консель. – У него положительный склад ума и требовательный желудок. Ему скучно смотреть на рыб и есть рыбные блюда. Как истый англосакс, он привык к бифштексам и не брезгает бренди и джином – в умеренной дозе! Понятно, что ему трудно обходиться без мяса, хлеба и вина!

– Что касается меня, Консель, меньше всего я обеспокоен вопросом питания. Меня вполне удовлетворяет режим на борту «Наутилуса».

– И меня тоже, – отвечал Консель. – Поэтому я так же охотно остался бы тут, как мистер Ленд охотно бы отсюда бежал. Сложись новый год несчастливо для меня – значит, для него он сложился бы счастливо, и наоборот! Таким манером один из нас обязательно будет доволен. Ну а в заключение пожелаю господину профессору всего, что он сам себе желает!

– Благодарю, Консель! А новогодних подарков тебе придется обождать до более удобного времени; пока же удовольствуйся крепким пожатием руки. Вот все, что я могу тебе предложить!

– Господин профессор никогда не был так щедр, – ответил Консель.

Затем Консель ушел.

Второе января. Мы прошли одиннадцать тысяч триста сорок миль, короче говоря, пять тысяч двести

пятьдесят лье с момента нашего выхода из Японского моря.

Перед нами расстились опасные воды Кораллового моря, омывающие северо-восточные берега Австралии. Наше судно шло на расстоянии нескольких миль от коварного барьерного рифа, о который 10 июня 1770 года едва не разбились корабли Кука. Судно, на котором находился сам Кук, наткнулось на рифовую гряду и не затонуло лишь потому, что коралловая глыба, отломившаяся при столкновении, застряла в пробоине корпуса корабля.

У меня было сильное желание осмотреть эту гряду коралловых рифов, которая тянулась по горизонту на целые триста шестьдесят лье. Об эту каменную стену яростно билась вода, и буруны в облаках белой пены с грохотом рассыпались в стороны.

Но в этот момент «Наутилус» ушел в морские пучины, и мне не удалось увидеть вблизи высоких коралловых стен. Пришлось удовольствоваться изучением различных образцов рыб, попавших в сети. Я сразу же заметил крупных тунцов с серебристо-белым брюхом и темными поперечными полосами на золотисто-голубой спине, которые исчезают, как только рыба умирает. Тунцы следовали за судном целыми стаями; их чрезвычайно вкусное мясо приятно разнообразило наш стол. В сети попались, тоже в большом количестве, морские караси длиной в пять сантиметров, вкусом напоминавшие дорада, и рыбы-летучки, настоящие подводные ласточки, которые в темные ночи бороздят то воздух, то воду своими фосфоресцирующими телами. Среди моллюсков и зоофитов я нашел запутавшиеся в петлях сетей различные виды альционарий, морских ежей, ракушек-молотков, церитов, башенок, стеклушек. Флора была представлена прекрасными плавучими водорослями, ламинариями и макроцистисами, покрытыми слизью, сочившейся сквозь их поры; и между ними я нашел прелестный экземпляр *nemastoma geliniaroide*, которую я приобщил к музейной коллекции в качестве редкого явления природы.

Два дня спустя, переплыв через Коралловое море, 4 января мы увидели берега Папуа. По этому случаю капитан Немо сообщил мне о своем намерении пройти в Индийский океан через Торресов пролив. Это было все, что он сказал. Нед Ленд с удовлетворением отметил, что этим путем мы приближаемся к европейским берегам.

Торресов пролив считается опасным для мореплавателей не только из-за обилия рифов, но и из-за того, что на его берегах часто появляются дикари.

Пролив этот отделяет Австралию от большого острова Новой Гвинеи, или Папуа.

Остров Папуа простирается на четыреста лье в длину и сто тридцать в ширину и занимает площадь в сорок тысяч географических лье. Он лежит под 0°19 и 10°2 южной широты и 128°23 и 146°15 долготы. В полдень, когда помощник капитана определял высоту солнца, я разглядел цепи Арфальских гор, вздымавшиеся террасами и увенчанные остроконечными вершинами.

Земля эта была открыта в 1511 году португальцем Франциско Серрано. Затем тут побывали: в 1526 году дон Хозе де Менезес, в 1527-м – Грихальва, в 1528-м – испанский генерал Альвар де Сааверда, в 1545-м – Хуго Ортес, в 1616-м – голландец Саутен, в 1753-м – Никола Срюик, затем Тасман, Дампиер, Фюмель, Картере, Эдвардс, Бугенвиль, Кук, Форрест, Мак-Клур, в 1792-м – д'Антркасто, в 1823-м – Дюппере и в 1827-м – Дюмон-Дюрвиль. Де Риенци сказал об этом острове: «Тут средоточие всех меланезийских чернокожих», и я не сомневался более, что случайности плавания столкнули меня со страшными андаменами.

Итак, «Наутилус» стоял у входа в опаснейший на земном шаре пролив, войти в который едва осмеливались самые отважные мореплаватели. Пролив этот был открыт Луисом Торресом на обратном пути из южных морей в Меланезию. В этом же проливе в 1840 году едва не погибли севшие на мель корветы экспедиции Дюмон-Дюрвиля. Сам «Наутилус», пренебрегавший опасностями морского плавания,

должен был остерегаться коралловых рифов.

Торресов пролив имеет в ширину приблизительно тридцать четыре лье, но бесчисленное множество островов, островков, бурунов и скал делают его почти непроходимым для судов. Учитывая это, капитан Немо принял всякие предосторожности: «Наутилус» шел на уровне воды и с малой скоростью. Лопасты винта, напоминая хвостовой плавник кита, медленно рассекали волны.

Воспользовавшись случаем, я и оба моих спутника вышли на палубу, вечно пустующую. Мы стали за штурвальной рубкой, и, если не ошибаюсь, капитан Немо находился там и сам управлял «Наутилусом».

Передо мной была превосходная карта Торресова пролива, составленная инженером-гидрографом Винценданом Дюмуленом и мичманом – впоследствии адмиралом – Купван Дебуа, состоявшим при штабе Дюмон-Дюрвиля во время его последнего кругосветного плавания. Эта карта, как и карта, составленная капитаном Кингом, – лучшие карты Торресова пролива, вносящие ясность в путаницу этого рифового лабиринта. Я изучал их с величайшим вниманием.

Вокруг нас бушевало разъяренное море. Взбаламученные воды, подхваченные сильным течением, неслись с юго-востока на северо-запад со скоростью двух с половиной миль и с грохотом разбивались о гребни коралловых рифов, выступавшие среди вспененных волн.

– Скверное море! – сказал Нед Ленд.

– Прескверное! – отвечал я. – И вовсе не пригодное для такого судна, как «Наутилус».

– Надо полагать, – продолжал канадец, – что проклятый капитан Немо хорошо знает путь, иначе его посудина вдребезги разбилась бы о коралловые рога, что высовываются из воды!

В самом деле, положение было опасным. Но «Наутилус», словно по волшебству, легко скользил среди предательских рифов. Он не придерживался маршрута «Астролябии» и «Зеле», оказавшегося роковым для Дюмон-Дюрвиля. Он взял курс много севернее и, обогнув остров Меррея, опять повернул на юго-запад к Кумберландскому проходу. Я думал, что мы войдем в этот проход, но внезапно «Наутилус» изменил направление и пошел на северо-запад, лавируя меж бесчисленных и малоисследованных островов и островков, к острову Тунда и каналу Опасному.

Я уже спрашивал себя: «Неужели капитан Немо настолько безрассуден, что введет свое судно в канал, где сели на мель оба корвета Дюмон-Дюрвиля?» Но тут «Наутилус», вторично переменяв направление, пошел прямо на запад, к острову Гвебороар.

Было три часа пополудни. Морской прилив почти достиг своей высшей точки. «Наутилус» шел близ берегов Гвебороара, который и по сей час еще живо представляется мне в кудрявой зелени панданусов. Мы плыли вдоль его берегов на расстоянии не менее двух миль.

Вдруг сильным толчком меня свалило с ног. «Наутилус» наскочил на подводный риф и стал на месте, слегка накренившись на бакборт.

Поднявшись, я увидел на палубе капитана Немо и помощника капитана. Они исследовали положение судна, обмениваясь отрывистыми фразами на своем непостижимом наречии.

А вот каково было положение. За штирбортом, в двух милях от нас, виднелся остров Гвебороар, вытянувшийся с севера на запад, как гигантская рука. На юго-востоке уже показывались из воды обнаженные морским отливом верхушки коралловых рифов. Мы сели на мель в таком месте, где морские отливы довольно слабы – обстоятельство весьма неприятное для «Наутилуса». Однако судно не пострадало при столкновении – настолько прочным был его корпус. Но если даже в корпусе «Наутилуса» не было изъяна, пробоины и течи, все же ему грозила опасность остаться навсегда прикованным к подводным рифам. И тогда пришел бы конец подводному кораблю капитана Немо!

Мои раздумья нарушил капитан Немо, как всегда невозмутимый, прекрасно владевший собой. На его лице нельзя было прочесть ни волнения, ни досады.

– Несчастный случай? – спросил я.

– Случайная помеха! – ответил он.

– Помеха, – возразил я, – которая, возможно, принудит вас стать жителем земли, от которой вы бежите!

Капитан Немо метнул на меня загадочный взгляд и отрицательно покачал головой. Жест его говорил достаточно ясно, что ничто и никогда не заставит его ступить ногой на сушу. Затем он сказал:

– Впрочем, господин Аронакс, «Наутилусу» вовсе не грозит гибель. Он еще будет знакомить вас с чудесами океана. Наше путешествие только лишь началось, и я отнюдь не желаю так скоро лишиться вашего общества.

– Однако ж, капитан Немо, – отвечал я, делая вид, что не понял смысла насмешливой фразы, – мы сели на мель во время прилива. Вообще в Тихом океане сила прилива очень незначительна, и если вы не освободите «Наутилус» от излишнего балласта, я не вижу, каким способом судно снимется с мели?

– Морские приливы в Тихом океане незначительной силы, вы правы, господин профессор, – отвечал капитан Немо, – но в Торресовом проливе разница между уровнем прилива и отлива воды в полтора метра. Нынче четвертое января. Через пять дней наступит полнолуние. И я буду крайне удивлен, если луна, верный спутник нашей планеты, не поднимет водяную массу на нужную мне высоту. Тем самым она окажет мне услугу, которую я желал бы принять единственно лишь от ночного светила!

С этими словами капитан Немо в сопровождении своего помощника сошел в ют. Что касается судна, оно приросло к месту, словно коралловые полипы уже успели вмуровать его в свой несокрушимый цемент.

– Ну-с, господин профессор? – сказал Нед Ленд, подойдя ко мне, едва лишь капитан удалился с палубы.

– Ну-с, друг Нед! Стало быть, будем ожидать прилива девятого января? Оказывается, луна любезно снимет нас с мели!

– Только всего?

– Только всего!

– И капитан в надежде на луну сложит руки? Не пустит в ход якоря, машины?

– Хватит и одного прилива! – простодушно ответил Консель.

Канадец посмотрел на Консея и пожал плечами. В нем заговорил моряк.

– Господин профессор, – продолжал Нед, – помяните мое слово, никогда больше эта посудина не будет плавать ни на воде, ни под водой! «Наутилус» годится теперь только на слом. Полагаю, что пришло время избавиться от общества капитана Немо.

– Друг Нед, – отвечал я, – насчет «Наутилуса» я держусь другого мнения. Через четыре дня мы испытаем силу тихоокеанских приливов. Ваш совет был бы уместен в виду берегов Англии или Прованса, но у берегов Папуа он вовсе не к стати! Им можно воспользоваться в том случае, если «Наутилус» не снимется с мели. И то я сочту этот поступок крайне рискованным!

– Нельзя ли хоть взглянуть на эту землю? – сказал Нед Ленд. – Вот остров. На острове растут деревья. Под деревьями разгуливают животные, земные животные, из которых изготавливаются котлеты, ростбифы... Эх, охотно отведал бы я кусочек мяса!

– На этот раз Нед Ленд прав, – сказал Консель. – Я всецело присоединяюсь к нему. Не может ли господин профессор попросить своего друга, капитана Немо, высадить нас хоть ненадолго на землю? Ведь иначе мы разучимся ходить по твердой части нашей планеты!

– Попросить могу, – отвечал я, – но он откажет.

– А если бы господин профессор все же рискнул, – сказал Консель. – По крайней мере мы знали бы, что думать о любезности капитана.

К моему удивлению, капитан Немо ответил согласием на мою просьбу и был настолько деликатен, что не потребовал обещания возвратиться на борт. Впрочем, побег через Новую Гвинею был чрезвычайно опасен, и я бы не посоветовал Неду Ленду искушать судьбу. Лучше быть пленником на «Наутилусе», чем попасть в руки диких папуасов.

Я не допытывался, поедет ли с нами капитан Немо. Я был уверен, что никто из экипажа не будет сопровождать нас в нашей прогулке. Придется самому Неду Ленду взяться за руль! Кстати, до берега было не более двух миль, и Нед Ленд сумеет шутя провести утлую лодку между рифовыми барьерами, столь роковыми для больших судов.

На следующий день, 5 января, шлюпка была вынута из гнезда и прямо с палубы спущена в воду. Два человека легко справились с этим делом. Весла лежали в шлюпке, и мы заняли места на скамьях.

В восемь часов, вооруженные ружьями и топорами, мы отвалили от борта «Наутилуса». Море было довольно спокойное. С берега дул легкий ветерок. Консель и я сидели на веслах и энергично гребли. Нед, лавируя, вел шлюпку через узкие проходы, образованные бурунами. Шлюпка, покорная рулю управления, легко преодолевала риф за рифом.

Нед Ленд не мог скрыть своей радости. Он чувствовал себя узником, вырвавшимся на свободу, и вовсе не думал о том, что придется снова вернуться в темницу.

– Мясо! – твердил он. – Будем есть мясо, и какое мясо! Настоящую дичь! Правда, без хлеба! Я не говорю, что рыба плохая вещь, но нельзя же вечно питаться рыбой! Кусочек свежего мяса, поджаренного на углях, внесет приятное разнообразие в наш обычный стол!

– Лакомка! – заметил Консель. – От одного разговора у меня слюнки текут!

– Надо узнать, не водятся ли в здешних лесах крупная дичь, – сказал я. – И не охотится ли здешняя дичь за охотником?

– Пусть даже так, господин Аронакс, – ответил канадец, показывая зубы, острые, как лезвие топора. – Я готов съесть тигра, тигровое филе, если на острове не сыщется других четвероногих.

– Друг Нед внушает опасения, – заметил Консель.

– Какое ни попадись животное, бесперое – четвероногое или с перьями – двуногое, я отсалютую ему выстрелом!

– Ну вот, – сказал я, – начинаются бесчинства мистера Ленда!

– Не бойтесь, господин Аронакс, – ответил канадец, – гребите вовсю! Не пройдет и получаса, как я угощу вас блюдом собственного приготовления.

В половине девятого шлюпка «Наутилуса» причалила к песчаному берегу, благополучно миновав рифовое кольцо, окружающее остров Гвебороар.

Глава двадцать первая

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НА СУШЕ

Я не без волнения ступил на берег. Нед Ленд пробовал землю ногой, точно испытывая ее прочность. А ведь всего два месяца, как стали мы, по выражению капитана Немо, «пассажирами» «Наутилуса», короче говоря, пленниками его командира!

Спустя несколько минут мы были уже на расстоянии ружейного выстрела от берега. Почва состояла почти исключительно из кораллового известняка; но, судя по руслам высохших рек, усеянным гранитными обломками, можно было предположить, что происхождение острова относится к древней геологической формации.

Горизонт был скрыт великолепной завесой лесов. Гигантские деревья, достигавшие в высоту двухсот футов, переплетались между собой ползучими лианами, которые покачивались от дуновения ветерка, образуя настоящие гамаки, созданные самой природой. Мимозы, фикусы, казуарины, тиковые деревья, гибискусы, панданусы, пальмы в гирляндах зелени, венчающей их вершины, говорили о плодородии здешней природы. Под их зелеными сводами у подножия гигантских древесных стволов пышно разрастались орхидейные, бобовые растения и папоротники.

Превосходные образцы новогвинейской флоры не прельщали канадца: он предпочитал полезное приятному. Кокосовая пальма привлекла его внимание. Он сбил с дерева несколько кокосов, расколол их, и мы пили их молоко, ели кокосовую мякоть, испытывая удовольствие, что отнюдь не говорило в пользу меню «Наутилуса».

– Превосходно! – восклицал Нед Ленд.

– Вкусно! – вторил ему Консель.

– Полагаю, что ваш Немо не запретит погрузить на борт кокосовые орехи? – спросил канадец.

– Думаю, что не запретит, – ответил я. – Но сам он не прикоснется к ним.

– Тем хуже для него, – сказал Консель.

– Тем лучше для нас, – поправил его Нед Ленд. – Нам больше останется!

– Одно лишь слово, мистер Нед! – сказал я гарпунеру, намеревавшемуся приняться за вторую пальму. – Кокосовые орехи – отличная вещь, но, прежде чем загружать ими лодку, не лучше ли сперва узнать, нет ли на острове продуктов не менее полезных. Свежие овощи были бы весьма к месту в кладовых «Наутилуса».

– Господин профессор говорит дельно, – сказал Консель. – Я предлагаю сохранить место для трех продуктов: одно для плодов, другое для овощей и третье для дичи, которой, кстати сказать, и не пахнет!

– Консель, брось отчаиваться! – ответил ему канадец.

– Словом, надо идти дальше, – сказал я. – Но будьте начеку! Остров, по-видимому, необитаем, а все же тут могут найтись охотники, не столь щепетильные насчет дичи, как мы!

– Хр!.. Хр!.. – прорычал Нед Ленд, выразительно лязгая зубами.

– Э-э! Что с вами, Нед? – воскликнул Консель.

– Честное слово, – сказал канадец, – я начинаю понимать прелесть людоедства!

– Нед! Нед! Что вы говорите? – крикнул Консель. – Да вы, оказывается, людоед? Право, жить в одной каюте с вами небезопасно. А если, проснувшись, я вдруг увижу, что наполовину съеден?

– Друг Консель, я люблю вас, но не настолько, чтобы съесть без особой надобности.

– Сомневаюсь в этом! – отвечал Консель. – Давайте-ка лучше охотиться! Настреляем-ка поскорее какой-нибудь дичи и насытим этого каннибала! Иначе господин профессор рискует в одно прекрасное утро найти вместо слуги «ножки да рожки»!

Так, обмениваясь шутками, вступили мы под темно-зеленые своды и в течение двух часов обошли лес из конца в конец.

Случай благоприятствовал нам в поисках съедобного. Нам встретилось дерево – одно из самых полезных представителей растительного мира тропиков, доставившее нам тот драгоценный продукт, которого не хватало на борту «Наутилуса».

Я говорю о хлебном дереве, в изобилии произрастающем на острове Гвемораар. Особенно ценной была его бессеменная разновидность, носящая у малайцев название «рима».

Дерево это отличается от других деревьев совершенно ровным прямым стволом высотой в сорок футов. Верхушка его с большими многопластными листьями, изящно закругленная, как бы подстриженная, ясно говорит натуралисту, что перед ним хлебное дерево, которое так удачно акклиматизировалось на Маскаренских островах. Среди густой листвы висели тяжелые шаровидные плоды величиной в дециметр, с шероховатой кожей, представляющей собой как бы сеть шестиугольников. Это полезное дерево, которым природа одарила страны, где нет зернового хлеба, не требует ухода и приносит плоды в течение восьми месяцев в году.

Неду Ленду хорошо были знакомы плоды хлебного дерева. Ему случалось уже не раз есть их во время своих многочисленных путешествий, и он умел приготовить питательное блюдо из его мякоти. При виде этих плодов у него разыгрался аппетит.

– Сударь, – сказал он, – я умру, если не отведаю этого хлебца!

– Отведайте, друг Нед, отведайте на здоровье! Мы для того и высадились тут, чтобы все испробовать на опыте. Валяйте же!

– За мной дело не станет, – ответил канадец.

И, вооружившись зажигательным стеклом, он развел костер из валежника; сухое дерево вскоре весело затрещало. А тем временем Консель и я выбирали самые спелые плоды хлебного дерева. Многие из них еще не вполне созрели, и толстая кожа прикрывала белую, но все же волокнистую мякоть. Однако в большинстве сочные и желтоватые плоды, казалось, только и ждали, чтобы их сорвали с ветки.

Сердцевина этих плодов не содержала в себе косточек. Консель принес их целую дюжину, и Нед Ленд, разрезав плод на толстые ломти, положил на горячие уголья, приговаривая:

– Вы увидите, сударь, как вкусен этот хлеб!

– Особенно когда долго не видишь хлеба, – сказал Консель.

– Это даже не хлеб, – прибавил канадец, – а пирожное, которое тает во рту! Вам, сударь, не доводилось пробовать его?

– Не доводилось, Нед.

– Ну вот, попробуйте – вещь питательная. Если не попросите второй порции, я больше не король гарпунеров!

Спустя несколько минут наружная оболочка плодов совершенно обуглилась. Изнутри проглянула белая мякоть, похожая на хлебный мякиш; знатоки уверяют, что вкусом она напоминает артишоки.

Надо признаться, хлеб был превосходный, и я ел его с большим удовольствием.

– К сожалению, – сказал я, – едва ли это тесто может долго сохраниться, и, по-моему, напрасно брать его в качестве провизии на борт.

– Помилуйте, сударь! – воскликнул Нед Ленд. – Вы рассуждаете как натуралист, а я действую как булочник. Консель, припасите, да побольше, этих плодов; на обратном пути мы возьмем их с собой.

– А как же вы заготовите их впрок? – спросил я канадца.

– Приготовлю из мякоти кислое тесто, оно долго не портится. Когда понадобится, я испеку его в корабельной кухне. И несмотря на несколько кисловатый привкус, хлеб покажется вам превосходным.

– В таком случае, мистер Нед, я скажу, что ваш хлеб хоть куда, а желать больше нечего...

– А все же, господин профессор, – отвечал канадец, – недостает овощей и фруктов!

– Ну что ж, давайте искать фрукты и овощи!

Окончив сбор плодов хлебного дерева, мы отправились пополнять меню нашего «земного» обеда.

Поиски наши не были напрасны, и к полудню мы собрали достаточное количество бананов. Эти нежные тропические плоды поспевают круглый год, и по-малайски они называются «pisang». Их едят сырыми. Кроме бананов, мы собрали множество jakс, чрезвычайно острых на вкус, плодов мангового дерева и невероятной величины ананасов. Хотя сбор плодов отнял много времени, мы не жалели об этом.

Консель глаз не спускал с Неда. Гарпунер шел впереди и, проходя мимо плодовых деревьев, безошибочно выбирал лучшие плоды для пополнения наших запасов провизии.

– Надеюсь, теперь вы удовлетворены, друг Нед? – спросил Консель.

– Гм! – промычал канадец.

– Как! Вы все еще недовольны?

– Все эти травки не могут заменить обеда, – отвечал Нед. – Это только приправа к обеду, десерт. А где же суп? Жаркое?

– В самом деле, – сказал я, – Нед обещал угостить нас отбивными котлетами, но, видимо, это чистейшая фантазия!

– Сударь, – отвечал канадец, – охота еще не кончилась, охота еще впереди! Потерпите немножко! Нам непременно встретится какая-нибудь пернатая или четвероногая дичь, если не в этом месте, так в другом...

– Если не сегодня, то завтра, – прибавил Консель. – А все же не следует удаляться от берега. Я предлагаю даже воротиться к лодке.

– Как! Уже? – вскричал Нед.

– К ночи мы должны быть на борту, – сказал я.

– А который теперь час? – спросил канадец.

– Часа два, не меньше, – отвечал Консель.

– Как быстро бежит время на твердой земле! – воскликнул мистер Нед Ленд, вздохнув.

– В путь! – сказал Консель.

Мы шли обратно лесом и попутно пополняли наши запасы листьями капустного дерева, за которыми приходилось взбираться на самую верхушку, и зелеными бобами, которые малайцы называют «абру».

Мы были нагружены до отказа, когда подходили к лодке. Однако Нед Ленд находил, что провизии еще недостаточно, и судьба оказала ему свою милость. Мы уже собирались сесть в шлюпку, как вдруг внимание канадца привлекли саговые деревья, из семейства однодольных, достигавшие двадцати пяти – тридцати футов в высоту. Эти деревья столь же ценны, как и хлебное дерево, и справедливо причисляются к полезнейшим из представителей флоры Малайи.

Это были саговые пальмы девственных лесов, которые не нуждаются в уходе и размножаются из отростков и семян.

Нед Ленд знал, как обращаться с этими пальмами. Он взял топор, размахнулся что есть силы и в одно мгновение повалил на землю две или три пальмы. Белая пыль, осыпавшая их листву, говорила о зрелости плодов.

Я следил за работой канадца скорее глазами натуралиста, нежели проголодавшегося человека. Прежде всего Нед снял с каждого ствола кусок коры толщиной в большой палец, причем обнажилась сеть волокон, переплетавшихся в самые запутанные узлы, связанные неким подобием клейкой муки. Мука эта и была *саго*, съедобное вещество, основной продукт питания меланезийского населения.

Нед Ленд разрубил ствол на куски, как рубят дрова, отложив временно добывание из него муки, которую нужно было просеять, чтобы отделить от волокон, затем высушить на солнце и, наконец, дать ей затвердеть в формах.

В пять часов вечера, погрузив в лодку все наши сокровища, мы отчалили от острова и через полчаса пристали к борту «Наутилуса». Никто не вышел нам навстречу. Огромный стальной цилиндр казался пустым. Освободившись от ноши, я сошел в свою каюту. Там был для меня приготовлен ужин. Поужинав, я лег спать.

На другой день, 6 января, на борту ничто не изменилось. Ни малейшего шума, ни признака жизни. Шлюпка покачивалась у борта. И мы решили вернуться на остров Гвемороар, Нед Ленд надеялся, что на этот раз охота будет удачнее, чем накануне, и хотел попытать счастья в другой части леса.

С восходом солнца мы были уже в пути. Лодка, увлекаемая морским прибоем, вскоре пристала к берегу.

Мы высадились на берег и, рассудив, что вернее всего положиться на инстинкт канадца, последовали за ним, рискуя не раз потерять из виду своего длинноногого товарища.

Нед Ленд вел нас в глубь западной части острова. Пройдя вброд несколько шагов, мы вышли на равнину, окруженную великолепным лесом. Вдоль ручейков бродили зимородки, но при нашем приближении они улетали. Видимо, крылатые не однажды сталкивались с двуногими нашей породы и знают, что можно ожидать от человека. Поэтому я заключил, что если даже остров и необитаем, то все же сюда наведываются человеческие существа.

Миновав довольно тучные луга, мы подошли к опушке молодого леса, откуда доносился птичий гомон и слышалось хлопанье крыльев множества птиц.

– Тут одни только птицы, – сказал Консель.

– Но есть же и съедобные птицы! – ответил гарпунер.

– Едва ли, друг Нед, – возразил Консель, – я вижу одних только попугаев.

– Друг Консель, – важно отвечал Нед, – и попугай сойдет за фазана, коли есть нечего!

– А я скажу, – заметил я, – что если эту птицу хорошо приготовить, она вполне пригодна на завтрак.

И в самом деле, в густой листве деревьев гнезвился целый мирок попугаев, готовых заговорить на человеческом языке, если бы кто-нибудь занялся их обучением. Они перепархивали с ветки на ветку, болтали с попугайчиками всех цветов. Тут были шлемоносные какаду, важные, казалось, занятые решением какой-то философской проблемы; тут, точно лоскутки красной материи, развеваемые ветром, мелькали ярко окрашенные лори; тут на широко распахнутых крыльях с шумом проносились kалаос и радовали глаз своим оперением лазоревого цвета самых тончайших оттенков. Словом, тут были представлены все виды отряда пернатых – прелестных, но большей частью несъедобных птиц.

Однако ж в этой коллекции недоставало одного экспоната, а именно: птицы, которая водится только в здешних краях и никогда не покидает предела островов Ару и Папуа. Но позже случай все же позволил мне полюбоваться этой замечательной птицей.

Пройдя сквозь довольно редкий лесок, мы вышли на поляну, местами густо заросшую кустарником. Тут мне довелось увидеть великолепных птиц, которые, судя по расположению их длинных перьев, приспособлены были к полету против ветра. Их волнообразный полет, изящество, с которым они описывают в воздухе круги, игра красок их оперения притягивали и чаровали взор. Я сразу же узнал этих птиц.

– Райские птицы! – вскричал я.

– Отряд воробьиных, семейство райских птиц, – ответил Консель.

– Семейство куропаток? – спросил Нед Ленд.

– Не вполне, мистер Ленд! Все же я рассчитываю на вашу ловкость и надеюсь, что вы поймаете хотя бы одного представителя этих очаровательных созданий тропической природы.

– Попробую, господин профессор, хотя я лучше владею острогой, чем ружьем.

Малайцы, которые ведут крупную торговлю райскими птицами с Китаем, ловят их различными способами, но мы не могли к ним прибегнуть. То они расставляют силки на верхушке деревьев, где охотнее всего гнездятся райские птицы, то ловят их, обмазывая ветви особым клеем, лишая птиц возможности двигаться. Иногда даже отравляют источники, из которых обычно пьют воду эти птицы. Что касается нас, то надо было попытаться подстрелить их на лету, что давало мало шансов на успех. И действительно, мы истратили попусту большую часть наших зарядов.

К одиннадцати часам утра мы миновали первую гряду холмов, образующих центральную часть острова, и не подстрелили никакой дичи. Голод уже давал себя знать. Охотники, понадеявшись на богатую добычу, просчитались. Но тут, к великому удивлению самого Конселя, ему удалось двумя выстрелами сряду обеспечить нас завтраком. Он подстрелил белого голубя и вяхиря, которых мы проворно ощипали и, насадив на вертел, стали жарить на костре из сухого валежника. В то время как эти занятные птички жарились, Нед готовил плоды хлебного дерева. Голубь и вяхирь были съедены до косточки, и мы нашли, что птички очень вкусные. Мускатные орехи, которыми они питаются, придавали их мясу особый аромат и вкус.

– Точно пулярки, вскормленные на трюфелях, – сказал Консель.

– Ну а теперь чего вам еще недостает, Нед? – спросил я канадца.

– Четвероногой дичи, господин Аронакс, – отвечал Нед Ленд. – Все эти голуби хороши только на закуску, чтобы губы помазать. Я не успокоюсь, пока не подстрелю животное, годное на котлеты!

– Ну что ж! Будем охотиться дальше, – сказал Консель. – Вернемся только обратно к берегу. Мы

находимся у самых предгорий, а мне сдается, что уместнее охотиться в лесах.

Консель был прав, и мы последовали его совету. Через час мы пришли в густой лес, сплошь состоящий из саговых деревьев. Из-под наших ног выскальзывали змеи, правда, неядовитые. Райские птицы улетали при нашем появлении, и я терял уже надежду поймать хотя бы одну из них, как вдруг Консель, который шел впереди, нагнулся, торжествующе вскрикнул и возвратился с великолепной райской птицей в руках.

– Браво, Консель! – воскликнул я.

– Господин профессор слишком любезен, – сказал Консель.

– Помилуй, дорогой мой, ты мастерски это сделал! Взять птицу живой, да еще голыми руками!

– Если господин профессор пожелает взглянуть на нее поближе, он увидит, что моя заслуга не так велика.

– Почему, Консель?

– Потому что птица пьяна!

– Пьяна?

– Да, сударь, пьяна от мускатных орехов, которыми она объелась, сидя под мускатным деревом, где я и изловил ее. Поглядите, друг Нед, поглядите-ка! Вот пагубное последствие невоздержания!

– Тысяча чертей! – вскричал канадец. – Нашел чем корить меня! А много ли я выпил джину за эти два месяца?

Тем временем я изучал любопытную птицу. Консель не ошибся. Райская птица опьянела от хмельного сока мускатных орехов и пришла в беспомощное состояние. Она не могла летать. Она едва передвигала ноги. Но это меня мало беспокоило, и я оставил ее протрезвиться от мускатного хмеля.

Пойманная птица принадлежала к красивейшему из восьми видов райских птиц, обитающих в Новой Гвинее и на соседних островах. Это была райская птица «большой изумруд», чрезвычайно редкая. В длину она имела тридцать сантиметров. Голова ее была относительно мала, глаза, поставленные близко к клюву, тоже невелики. Оперение птицы отличалось красотой и являло собой прелестное сочетание цветов: клюв желтый, лапки и коготки темно-коричневые, крылья светло-коричневые с пурпурным окаймлением, хохолок и затылок бледно-желтые, шея изумрудная, брюшко и грудь темно-каштановые. Оба удлинённых нитевидных хвостовых пера изящно изогнуты, боковые перья удивительной легкости и изысканной красоты. Короче говоря, это была сказочная птица, которой туземцы дали поэтическое название: «солнечная».

У меня было сильное желание вывезти в Париж этот великолепный экземпляр и подарить его Ботаническому саду, где нет ни одной живой райской птицы.

– Значит, это редкая птица? – спросил канадец. Он, как охотник, не очень высоко ценил дичь с художественной точки зрения.

– Чрезвычайно редкая, мой друг; и, главное, ее трудно взять живой. Даже шкурки убитых птиц высоко оцениваются. Поэтому туземцы подделывают их чучела, как подделывают жемчуг и бриллианты.

– Как! – воскликнул Консель. – Делают фальшивые чучела райских птиц?

– Да, Консель.

– И господин профессор знает, как это делается?

– Разумеется. Райские птицы во время восточного муссона теряют свое великолепное хвостовое оперение, которое на языке натуралистов называется «субаларным». Эти перья и собирают птички

«фальшивомонетки»; затем они искусно клеивают их или вшивают в хвост какого-нибудь злополучного попугая, предварительно его ощипав. Наконец, они закрашивают швы, лакируют птицу и вывозят в европейские музеи или частные коллекции эти произведения своего своеобразного мастерства.

– Ну что ж, – сказал Нед Ленд. – Если птица и поддельная, все же перья настоящие. Я не вижу в этом большой беды, ведь птицу покупают не на жаркое!

Но если мое желание иметь живую райскую птицу осуществилось, то желания канадского охотника еще не были удовлетворены. Все же к двум часам дня Неду Ленду посчастливилось подстрелить превосходную лесную свинью, по-туземному «бари-утанга». Животное пришлось кстати, и мы получили настоящее мясо четвероногого. Нед Ленд был горд своей удачей. Свинья, сраженная электрической пулей, была убита наповал. Канадец освеживал ее, выпотрошил и нарезал с полдюжины отбивных к ужину. Затем охота возобновилась и вскоре ознаменовалась охотничьими подвигами Неда и Конселя.

Два друга, обшаривая кустарники, спугнули стадо кенгуру. Животные пустились бежать, припрыгивая на своих эластичных лапах. Но как быстро ни бежали зверьки, электрические пули их настигли.

– Ах, господин профессор! – вскричал Нед Ленд в охотничьем раже. – Какая отличная дичь, особенно в тушеном виде! Сколько тут съестных припасов для «Наутилуса». Два! Три!.. Пять штук убито! Подумать только, что мы одни съедим это мясо, а те остолопы на борту не получают ни кусочка!

Я думаю, что в приливе радости канадец перебил бы все стадо, если бы не увлекся болтовней! Но он удовольствовался дюжиной этих любопытных сумчатых, которые составляют, со слов Конселя, первый отряд млекопитающих, у которых плацента отсутствует.

Животные были невелики. Они принадлежали к виду «кенгуру-кроликов», которые обычно живут в дуплах и отличаются большой увертливостью. Несмотря на то что зверьки эти не крупные, мясо их считается одним из самых вкусных.

Мы были очень довольны результатами охоты. Удачливый Нед предлагал вернуться на другой же день на этот прелестный остров и перебить всех четвероногих, годных в пищу. Но он, как обычно, не принимал во внимание непредвиденных обстоятельств.

Около шести часов вечера мы вышли на берег моря. Лодка стояла на прежнем месте. В двух милях от берега выступал из волн силуэт «Наутилуса», напоминавший рифовую полоску.

Нед Ленд, не теряя времени, занялся приготовлением обеда. Он был мастером в поваренном искусстве. Отбивные котлеты из «бари-утанга» скоро зашипели на углях, распространяя приятнейший запах!

Но я ловлю себя на том, что, кажется, сам иду по стопам канадца. Я прихожу в восторг от куска жареного мяса! Да простят мне читатели, как я прощаю мистеру Ленду, и по той же причине, нашу общую слабость!

Обед удался на славу. Два вихря довершили роскошество меню. Саговое тесто, плоды хлебного дерева, несколько манго, штук шесть ананасов и перебродивший сок кокосовых орехов привели нас в радужное настроение. Я даже подозреваю, что мысли моих уважаемых спутников не отличались должной ясностью.

– А что, если мы не вернемся нынче на борт «Наутилуса»? – сказал Консель.

– А что, если никогда туда не вернемся? – прибавил Нед Ленд.

В этот момент у наших ног упал камень, и вопрос гарпунера остался без ответа.

Глава двадцать вторая

МОЛНИЯ КАПИТАНА НЕМО

Мы оглянулись в сторону леса: я так и замер, не успев поднести ложку ко рту; Нед Ленд заканчивал свое занятие.

– Камни не падают с неба, – сказал Консель, – разве только метеориты.

Второй камень, тщательно округленный, выбил из рук Конселя аппетитную ножку вяхиря, придав еще больший вес его замечанию.

Вскочив на ноги и вскинув ружья на плечо, мы приготовились отразить нападение.

– Неужто обезьяны? – вскричал Нед Ленд.

– Вроде того, – ответил Консель. – Дикари!

– К шлюпке! – крикнул я.

И мы опрометью бросились к берегу.

Наше бегство было своевременным. Справа, в ста шагах от нас, на опушке рощи, заслонявшей открытый горизонт, показались туземцы, вооруженные луками и пращами. Их насчитывалось десятка два.

Берег был в десяти туазах от нас.

Дикари шли не спеша; но они явно были настроены враждебно. Камни и стрелы так и сыпались!

Нед Ленд, несмотря на грозившую нам опасность, не забыл захватить с собой благоприобретенную провизию и бежал к шлюпке, держа тушу свиньи под мышкой и кенгуру в руках.

В две минуты мы были на берегу. Погрузить в шлюпку провизию и оружие, оттолкнуть ее от берега, взяться за весла было делом одной минуты. Не успели мы отплыть и двух кабельтовых, как добрая сотня дикарей, гнавшихся за нами с диким воем и угрожающе размахивая руками, оказалась уже по пояс в воде. Я глаз не отрывал от «Наутилуса», надеясь, что крики туземцев привлекут внимание команды. Но нет! Пустынно было на палубе огромного подводного судна, стоявшего в виду берега.

Минут двадцать спустя мы поднялись на борт «Наутилуса». Люк был открыт. Укрепив шлюпку, мы вошли внутрь судна.

Из салона доносились звуки органа. Я вошел туда. Капитан Немо, склонившись над клавишами, унесся в мир звуков.

– Капитан! – сказал я.

Он не слышал.

– Капитан! – повторил я, касаясь его плеча.

Он вздрогнул и обернулся.

– А, это вы, господин профессор! – сказал он. – Удачна ли была охота? Обогатился ли ваш гербарий?

– Вполне удачна, капитан, – отвечал я. – Но, на нашу беду, мы привели с собой целую толпу двуногих!

– Каких двуногих?

– Дикарей!

– Дикарей? – повторил капитан Немо насмешливым тоном. – И вы удивляетесь, господин профессор, что, ступив на землю в любой части земного шара, вы встречаете дикарей? Дикари! Да где же их нет? И чем эти люди, которых вы называете дикарями, хуже других?

– Но, капитан...

– Что до меня, сударь, то я встречал их повсюду.

– Но все же, – возразил я, – если вы не желаете видеть их на борту «Наутилуса», не следует ли принять меры предосторожности?

– Не волнуйтесь, господин профессор, остерегаться их нет причины.

– Но их очень много.

– Сколько же вы их насчитали?

– Не менее сотни.

– Господин Аронакс, – сказал капитан Немо, не отнимая пальцев от клавишей, – пусть все население Новой Гвинеи соберется на берегу, и то «Наутилусу» нечего бояться их нападения.

Пальцы капитана забегали по клавишам; и тут я заметил, что он ударял только по черным клавишам. Поэтому его мелодии приобретали совершенно шотландский колорит. Он забыл о моем присутствии, весь отдавшись грезам. Я не стал более беспокоить его.

Я поднялся на палубу. Ночь уже наступила. Под этими широтами солнце заходит внезапно. В этих краях не знают сумерек. Очертания острова Гвекороар уже сливались с туманной далью. Но костры, зажженные на берегу, говорили, что туземцы и не собираются расходиться.

Я провел на палубе в полном одиночестве долгие часы, то вспоминая о туземцах – но уже без чувства страха, потому что уверенность капитана передалась и мне, – то, забыв о них, наслаждаясь великолепием тропической ночи. Мысленно я переносился во Францию, вслед за созвездиями Зодиака, которые через несколько часов засияют над моей родиной. Взошла луна среди созвездий зенита. И я подумал, что этот верный и галантный спутник нашей планеты вернется через двадцать четыре часа в здешние края, чтобы вздыбить океанские воды и поднять наш корабль с его кораллового ложа.

Около полуночи, убедившись, что на темных водах так же спокойно, как и в прибрежных рощах, я сошел в каюту и заснул спокойно.

Ночь прошла без происшествий. Папуасов, несомненно, пугало чудовище, возлежавшее на коралловой отмели, иначе через открытый люк они легко бы проникли внутрь «Наутилуса».

В десять часов утра 8 января я поднялся на палубу. Занималась утренняя заря. Туман рассеивался, и вскоре показался остров: сначала очертания берегов, затем вершины гор.

Туземцы по-прежнему толпились на берегу; их было больше, чем накануне, – человек пятьсот – шестьсот. Более смелые, воспользовавшись отливом, обнажившим прибрежные рифы, оказались не далее двух кабельтовых от «Наутилуса». Я видел ясно их лица. То были настоящие папуасы атлетического сложения, с высоким крутым лбом, с большим, но не приплюснутым носом и белыми зубами. Красивое племя! Курчавые волосы, выкрашенные в красный цвет, представляли резкий контраст с их кожей, черной и лоснящейся, как у нубийцев. В ушах с разрезанными надвое и оттянутыми книзу мочками были продеты костяные серьги. Вообще же дикари были нагие. Между ними я приметил нескольких женщин в настоящих кринолинах, сплетенных из трав; юбки едва прикрывали колени и поддерживались на бедрах поясом из водорослей. Некоторые мужчины носили на шее украшения в виде полумесяца и ожерелья из белых и красных стекляшек. Почти все они были вооружены луками, стрелами и щитами, а за плечами у них висели

сетки, наполненные округлыми камнями, которые они мастерски метали пращей.

Один из вождей довольно близко подошел к «Наутилусу» и внимательно рассматривал его. Должно быть, это был «мадо» высшего ранга, потому что на нем была наброшена цинковка ярчайшей раскраски и с зубцами по краю.

Не составляло труда подстрелить туземца; но я решил, что разумнее подождать нападения с их стороны. При столкновении европейцев с дикарями нам следует защищаться, а не нападать.

Во время отлива туземцы неотступно сновали вокруг судна, но ничем не проявляли своей враждебности. Я расслышал слово «assai», которое они часто повторяли, и по их жестам понял, что меня приглашают сойти на берег, но я уклонился от приглашения.

Итак, шлюпка не трогалась с места, к величайшему огорчению мистера Ленда, которому не терпелось пополнить запасы провизии. Канадец, не теряя времени, занялся приготовлением консервов из мяса и муки, вывезенных с острова Гвебороар. Что касается дикарей, то они в одиннадцать часов утра, лишь только начался прилив и верхушки коралловых рифов стали исчезать под водой, возвратились на берег. Очевидно, туземцы пришли с соседних островов, или, вернее, с Папуа. Однако не видно было ни одной пироги.

Чтобы убить время, я вздумал поскрести драгой морское дно, сплошь усеянное раковинами, полипами и богатое водорослями: сквозь прозрачные воды глаз проникал в морские пучины. Кстати, нынче был последний день пребывания «Наутилуса» в здешних краях, потому что завтра, во время прилива, по словам капитана Немо, «Наутилус» выйдет в открытое море.

Я позвал Конселя, и тот принес мне легкую драгу, напоминавшую устричные.

– А как дикари? – спросил Консель. – С позволения господина профессора, эти туземцы как будто не так уж злы!

– Однако они людоеды, друг мой!

– Пускай хоть и людоеды, а все же, возможно, честные люди! – отвечал Консель. – Разве сладостно не может быть порядочным человеком? Одно не мешает другому.

– Ладно, Консель, пусть будет по-твоему! Допустим, что эти честные людоеды честно пожирают своих пленников. Но я не желаю быть съеденным, хотя бы и честно, поэтому буду держаться настороже. Капитан Немо не собирается, видимо, принимать меры предосторожности. Ну-с, давай-ка выметывать сети!

В продолжение двух часов мы старательно бороздили драгой морское дно, но ничего примечательного не выловили. Драга собирала множество разных ракушек; тут были и «уши Мидаса», арфы, гарпы и особенно молотки, пожалуй, самые красивые, какие когда-либо доводилось видеть. Попалось также несколько голотурий, жемчужных раковин и с дюжину мелких черепах, которых мы оставили для корабельного стола.

И вот, когда я менее всего ожидал удачи, мне в руки попало настоящее чудо природы, вернее сказать, уродство природы, какое чрезвычайно редко встречается. Консель, закинув драгу, вытащил множество довольно обыкновенных ракушек. Я взглянул в сетку и, сунув в нее руку, с чисто конхиологическим, попросту говоря, с пронзительным криком, какой когда-либо вырывался из человеческого горла, вынул оттуда раковину.

– Что случилось с господином профессором? – спросил с удивлением Консель. – Не укусил ли кто господина профессора?

– Не беспокойся, друг мой! Но я охотно бы заплатил пальцем за такую находку.

– Находку?

– Вот за эту раковину, – сказал я, показывая ему предмет своего восторга.

– Да это же простая пурпурная олива, рода олив, отряда гребенчатожаберных, класса брюхоногих, типа моллюсков...

– Верно, Консель! Но у раковины завиток идет не справа налево, как обычно, а слева направо!

– Неужели? – воскликнул Консель.

– Да, мой друг! Раковина-левша!

– Раковина-левша! – повторил Консель взволнованным голосом.

– Погляди-ка на ее завиток!

– Ах, если господину профессору угодно мне поверить, – сказал Консель, взяв дрожащей рукой драгоценную раковину, – я никогда еще так не волновался!

И было от чего волноваться! Из наблюдений натуралистов известно, что в природе движение идет справа налево. Все светила и их спутники описывают круговые пути с востока на запад! У человека правая рука развита лучше, нежели левая, а следовательно, все инструменты, приборы, лестницы, замки, пружины часов и прочее приспособлены, чтобы действовать справа налево. Природа, свивая раковины, следует тому же закону. Завитки раковины за редкими исключениями завернуты справа налево. И если попадается раковина-левша, знатоки ценят ее на вес золота.

Итак, мы с Конселем были поглощены созерцанием нашего сокровища. И я уже мечтал обогатить своей находкой Парижский музей, как вдруг камень, брошенный каким-то туземцем, разбил нашу драгоценность в руке Конселя.

Я вскрикнул. Консель, схватив мое ружье, прицелился в дикаря, размахивавшего пращей в десяти метрах от нас. Я бросился к Конселю, но он уже успел выстрелить, и электрическая пуля разбила браслет из амулетов, украшавший запястье дикаря!

– Консель! – кричал я. – Консель!

– Да разве господину профессору не угодно было видеть, что этот каннибал первым бросился в атаку?

– Раковина не стоит человеческой жизни, – сказал я.

– Ах, бездельник! – вскричал Консель. – Лучше бы он разможил мне плечо!

Консель был искренен, но я остался при своем мнении. Между тем за то короткое время, что мы были заняты раковиной, положение изменилось. Десятка два пирог кружило вокруг «Наутилуса». Пирог туземцев – попросту говоря, выдолбленные древесные стволы, длинные и узкие, удивительно быстроходные и устойчивые благодаря двойному бамбуковому балансерному шесту, который держится на поверхности воды. Пирог управлялись ловкими полунагими гребцами, и я не без тревоги наблюдал, как они все ближе подплывали к нашему судну.

Папуасы уже входили, видимо, в сношения с европейцами, и суда их были им знакомы. Но эта длинная стальная сигара, едва выступавшая из воды, без мачт, без труб!.. Что могли они думать? Ничего хорошего, потому что некоторое время они держались от нас на почтительном расстоянии. Но, обманутые неподвижностью судна, папуасы постепенно осмелели и теперь выжидали случай свести с нами знакомство. Но именно это знакомство и надо было отвратить. Наши ружья, стрелявшие бесшумно, не могли испугать туземцев, уважающих только громобойные орудия. Гроза без раскатов грома менее страшит людей, хотя опасен не гром, а молния.

Пирог подошел довольно близко к «Наутилусу», и на борт посыпалась туча стрел.

– Черт возьми! Настоящий град! – сказал Консель. – И, как знать, не отравленный ли град!

– Надо предупредить капитана Немо! – крикнул я, спускаясь в люк.

Я пошел прямо в салон. Там никого не было. Я решил постучать в каюту капитана.

– Войдите, – ответили мне из-за двери.

Я вошел в каюту. Капитан Немо был занят какими-то вычислениями, испещренными знаками x и сложными алгебраическими формулами.

– Я потревожил вас? – спросил я из вежливости.

– Совершенно верно, господин Аронакс, – ответил мне капитан, – но, очевидно, у вас на это есть серьезная причина?

– Чрезвычайно серьезная! Пирог туземцев окружил «Наутилус», и через несколько минут нам, вероятно, придется отражать нападение дикарей.

– А-а! – сказал спокойно капитан Немо. – Они приплыли в пирогах?

– Да, капитан!

– Ну что ж! Надо закрыть люк.

– Безусловно! И я пришел вам сказать...

– Ничего нет проще, – сказал капитан Немо.

И, нажав кнопку электрического звонка, он отдал по проводам соответствующее приказание в кубрик команды.

– Вот и все, господин профессор, – сказал он минутой позже. – Шлюпка водворена на место, люк закрыт. Надеюсь, вы не боитесь, что эти господа пробьют обшивку, повредить которую не могли снаряды вашего фрегата?

– Не в этом дело, капитан! Есть другая опасность.

– Какая же, сударь?

– Завтра в этот же час потребуется открыть люк, чтобы накачать свежего воздуха в резервуары «Наутилуса».

– Совершенно верно, сударь! Наше судно дышит на манер китообразных.

– Ну а в это время папуасы займут палубу! Как тогда мы избавимся от них?

– Значит, вы уверены, сударь, что они взберутся на борт?

– Уверен!

– Ну что ж, сударь, пускай взбираются. Я не вижу причины мешать им. В сущности, папуасы – бедняги! Я не хочу, чтобы мое посещение острова Гвебороар стоило жизни хотя бы одному из этих несчастных!

Все было сказано, и я хотел уйти. Но капитан Немо удержал меня и усадил около себя. Он с интересом расспрашивал меня о наших экскурсиях на остров, о нашей охоте и, казалось, никак не мог понять звериной жадности канадца к мясной пище. Затем разговор перешел на другие темы; и хотя капитан Немо не стал откровеннее, все же он показался мне более любезным.

Речь зашла и о положении «Наутилуса», севшего на мель в тех же водах, где чуть не погибли корветы Дюмон-Дюрвиля.

– Этот Дюрвиль был одним из ваших великих моряков, – сказал капитан, – и одним из просвещеннейших мореплавателей! Это французский капитан Кук. Злосчастный ученый! Преодолеть сплошные льды Южного полюса, коралловые рифы Океании, увернуться от каннибалов тихоокеанских островов – и погибнуть нелепо при крушении пригородного поезда! Если этот энергичный человек имел время подумать в последние минуты своей жизни, представляете себе, что он должен был пережить!

Произнося эти слова, капитан Немо явно волновался, и его взволнованность делала ему честь.

Затем, с картой в руках, мы проследили пути всех экспедиций французского мореплавателя, всех его кругосветных путешествий, вплоть до его попыток проникнуть к Южному полюсу, окончившихся открытием земель Адели и Луи Филиппа. Наконец, мы просмотрели его гидрографические описания и карты важнейших островов Океании.

– То, что сделал ваш Дюрвиль на поверхности морей, – сказал капитан Немо, – я повторил в океанских глубинах, но мои исследования, притом более точные, не потребовали стольких усилий. «Астролябия» и «Зеле», вечно боровшиеся с морскими бурями, не могут идти в сравнение с «Наутилусом», настоящим подводным домом, с рабочим покойным кабинетом!

– Но все же, капитан, – сказал я, – между корветами Дюмон-Дюрвиля и «Наутилусом» есть некоторое сходство.

– А именно, сударь?

– «Наутилус», как и корветы, тут же сел на мель!

– «Наутилус» не садился на мель, сударь, – холодно ответил капитан Немо. – «Наутилус» так устроен, что может невозбранно отдыхать на лоне морей. И мне не придется, подобно Дюрвилю, чтобы снять с мели свои корветы, прибегать к мучительным усилиям: «Астролябия» и «Зеле» едва не погибли в этом проливе, а мой «Наутилус» не подвергается ни малейшей опасности. Завтра в положенное время морской прилив бережно поднимет судно, и оно выйдет в открытое море.

– Капитан, – ответил я, – не сомневаюсь, что...

– Завтра, – сказал в заключение капитан Немо, – завтра, в два часа сорок минут пополудни, «Наутилус» всплывет и без малейшего повреждения выйдет из Торресова пролива.

С этими словами, сказанными крайне резким тоном, капитан Немо встал и слегка кивнул головой, что означало: разговор окончен! Я вышел из каюты и направился к себе.

Я застал там Консея, желавшего знать, каковы результаты моего свидания с капитаном.

– Друг мой, – сказал я, – капитан высмеял меня, стоило мне заикнуться, что якобы туземцы Папуа угрожают «Наутилусу». Ну что ж! Будем полагаться на капитана и пожелаем себе покойной ночи!

– Господину профессору не понадобятся мои услуги?

– Нет, друг мой! А что делает Нед Ленд?

– С позволения господина профессора, – отвечал Консель, – Нед Ленд готовит паштет из кенгуру. Паштет, говорит, будет просто чудо!

Оставшись один, я лег в постель, но спал дурно. До меня доносились неистовые крики дикарей, ворвавшихся на палубу. Так прошла ночь. Экипаж «Наутилуса» по-прежнему бездействовал. Присутствие на судне каннибалов беспокоило команду столько же, сколько беспокоят солдат в блиндированном форту муравьи, ползающие по блиндажу.

Я встал в шесть часов утра. Люк был закрыт. Стало быть, запас кислорода не возобновлялся со

вчерашнего дня. Но все же аварийные резервуары, своевременно приведенные в действие, выпустив несколько кубических метров кислорода, освежали воздух.

До полудня я работал в каюте, не выдав даже мельком капитана Немо. На борту не заметно было каких-либо приготовлений к отплытию.

Подождав еще некоторое время, я вышел в салон. Часы показывали половину третьего. Через десять минут морской прилив должен был достигнуть своей высшей точки, и, если капитан Немо не ошибся в расчетах, «Наутилус» снимется с мели. Иначе придется ему долгие месяцы почивать на своем коралловом ложе!

Но тут корпус корабля начал вздрагивать, предвещая скорое освобождение. Я услышал, как заскрипела его обшивка, касаясь известковых отложений шероховатого кораллового дна.

В два часа тридцать пять минут в салон вошел капитан Немо.

– Отплываем, – сказал он.

– А-а!.. – молвил я.

– Я приказал открыть люк.

– А папуасы?

– Папуасы? – повторил капитан Немо, чуть пожав плечами.

– А они невзначай не проникнут внутрь судна?

– Каким путем?

– Через открытый люк.

– Господин Аронакс, – спокойно ответил капитан Немо, – не всегда можно войти через люк «Наутилуса», даже если он открыт.

Я посмотрел на капитана.

– Не понимаете? – спросил он.

– Ни слова!

– Прошу вас следовать за мной, и вы все поймете.

Мы подошли к среднему трапу. Нед Ленд и Консель были уже там и с величайшим любопытством наблюдали, как несколько матросов открывали люк при диких криках и воплях, раздававшихся с палубы.

Крышка люка откинулась наружу... В отверстии показалось десятка два страшных физиономий. Но не успел первый же туземец взяться за поручни трапа, как был отброшен назад неведомой силой. Дикарь с диким воем пустился бежать без оглядки, выкидывая отчаянные сальто-мортале.

Десяток его сородичей кинулись было к трапу, но их постигла та же участь.

Консель ликовал. Нед Ленд, движимый своими дикими инстинктами, тоже кинулся к трапу. Но и канадца, в свою очередь, отбросило назад, стоило ему схватиться за поручни!

– Тысяча чертей! – вопил он. – В меня ударила молния!

И тут я понял все. Металлические поручни представляли собой кабель тока высокого напряжения. Всякий, кто прикасался к ним, получал электрический удар, – и удар мог быть смертельным, если б капитан Немо включил в этот проводник электричества ток всех своих батарей. Короче говоря, между нападающими и нами была как бы спущена электрическая завеса, через которую никто не мог

безнаказанно проникнуть.

Перепуганные насмерть, папуасы обратились в бегство. А мы, сдерживая улыбку, успокаивали и растирали Неда Ленда, изрыгавшего ругательства.

В этот момент девятый вал вынес на своем гребне наше судно, и наконец-то «Наутилус» восстал со своего кораллового ложа!

Было два часа сорок минут – время, назначенное капитаном Немо. Заработали винты, и водорез с величественной медлительностью начал рассекать океанские воды. Скорость вращения винта все увеличивалась, и подводный корабль, всплыв на поверхность океана, вышел целым и невредимым из опасных вод Торресева пролива.

Глава двадцать третья

НЕОБЪЯСНИМАЯ СОНЛИВОСТЬ

На следующий день, 10 января, «Наутилус» вышел в открытый океан. Он шел со скоростью тридцать пять миль в час. Винт вращался с такой быстротой, что я не мог сосчитать количество его оборотов в минуту.

Но моему восхищению не было предела, стоило лишь вспомнить, что электричество, эта чудесная сила, не только приводит в движение, обогревает и освещает судно, но и служит защитой от нападения извне, превращая его в некий ковчег завета, неприкосновенный для непосвященного. И невольно мои мысли перенеслись на творца, создавшего такое диво!

Мы держали курс прямо на запад и 11 января обогнули мыс Уэссел, расположенный под 135° долготы и 10° северной широты и образующий собой восточную оконечность залива Карпентария. Коралловые рифы встречались часто, но они были разбросаны далеко друг от друга и притом с большой точностью обозначены на карте. «Наутилус» благополучно миновал буруны Моне и рифы Виктория, под 130° долготы, на десятой параллели, которой мы неуклонно держались.

Тринадцатого января мы вошли в воды Тиморского моря, в виду острова того же названия, под 122° долготы. Этот остров, занимавший площадь в тысяча шестьсот двадцать пять квадратных лье, управляется раджами. Раджи именуются сыновьями крокодила, короче говоря, относят себя к существам высшей породы, на какую только может притязать человек. Их пресмыкающиеся предки в изобилии водятся в местных реках и являются предметом особого почитания. Их оберегают, балуют, ласкают, кормят, им предлагают в пищу молодых девушек, и горе чужеземцу, который занесет руку на священное животное!

Но «Наутилусу» не пришлось столкнуться с этими гадами. Остров Тимор мы видели мимоходом, в полдень, когда помощник капитана делал свое очередное наблюдение. Также мельком видел я и островок Роти, входящий в ту же группу; говорят, здешние женщины славятся на малайских рынках своей красотой.

Тут «Наутилус» уклонился к юго-западу от принятой ранее широты и пошел по направлению к Индийскому океану. В какие края увлекает нас фантазия капитана Немо? Возвратится ли он к берегам Азии? Приблизится ли к берегам Европы? Вряд ли! Зачем плыть туда человеку, который бежит от населенных континентов? Не ринется ли он на юг? Не обогнет ли он мыс Доброй Надежды, а затем мыс Горн? Не отважится ли направить свой путь к Южному полюсу? А может быть, возвратится в моря Тихого океана, где для подводного корабля такой простор? Ответ даст будущее.

Пройдя вдоль рифов Картье, Гиберния, Серингапатама, Скотта, этих последних усилий твердой стихии победить стихию жидкую, 14 января мы были уже за пределами каких-либо признаков земли. «Наутилус» перешел на среднюю скорость и, покорствуя воле капитана, то опускался в морские глубины, то всплывал на поверхность океана.

Во время этого плавания капитан Немо сделал интересные наблюдения относительно температуры Мирового океана на разных глубинах. В обычных условиях для измерения колебаний температуры в морях пользуются довольно сложными приборами, показатели которых не всегда заслуживают доверия, особенно показания термометрических зондов, стекло которых часто не выдерживает давления в глубинных слоях воды, а также и показания аппаратов, действие которых основано на неодинаковой электропроводимости некоторых металлов. Проверить полученные данные повторным опытом представляет значительные трудности. Между тем капитан Немо измерял температуру глубинных вод

океана, погружаясь в морские пучины, и его термометр, приходя в соприкосновение с водными слоями различных глубин, давал точные и бесспорные показания.

Итак, приводя попеременно в действие то резервуары, наполненные водой, то наклонные рули глубины, капитан Немо имел возможность исследовать температуру, начиная от поверхностных слоев воды до глубинных, погружаясь постепенно на три, четыре, пять... семь... девять и десять тысяч метров ниже уровня океана: и он пришел к выводу, что под всеми широтами температура воды на глубине тысячи метров понижается до четырех с половиной градусов.[\[92\]](#)

Я следил за этими исследованиями с величайшим интересом. Капитан Немо вносил в свои опыты истинную страсть. Я часто спрашивал себя: на что ему научные исследования? Для пользы человечества? Невероятно, потому что рано или поздно его труды погибнут вместе с ним в каком-нибудь море, не обозначенном на карте! Не готовился ли он сделать меня душеприказчиком своих открытий? Не рассудил ли он положить конец моему подводному путешествию? Но конца еще не предвиделось.

Как бы то ни было, капитан Немо ознакомил меня с цифровыми данными, полученными им в результате исследования плотности воды в главнейших морях земного шара. Из этих научных наблюдений я сделал отнюдь не научный вывод, касающийся меня лично. Произошло это утром 15 января. Капитан Немо, с которым мы прохаживались по палубе, спросил меня, известна ли мне плотность морской воды на различных глубинах? Я отвечал отрицательно, прибавив, что в этой области не имеется еще достаточно проверенных научных исследований.

– Я сделал эти исследования, – сказал он, – и ручаюсь за их точность.

– Хорошо, – отвечал я, – но на борту «Наутилуса» совсем обособленный мир, и открытия его ученых никогда не дойдут до Земли.

– Вы правы, господин профессор, – сказал он после короткого молчания. – На борту обособленный мир! Он так же обособлен от Земли, как обособлены планеты, вращающиеся вместе с Землей вокруг Солнца; и наши труды так же не дойдут до Земли, как и труды ученых Сатурна или Юпитера. Но раз случай соединил наши жизни, я посвящу вас в конечные выводы моих исследований.

– Я вас слушаю, капитан.

– Вам, господин профессор, разумеется, известно, что морская вода обладает большей плотностью, нежели пресная, но что плотность воды не везде одинакова. В самом деле, если принять за единицу плотность пресной воды, то плотность вод Атлантического океана будет равна одной целой и двадцати восьми тысячным, вод Тихого океана – одной целой и двадцати шести тысячным, и одной целой и тридцати тысячным равняется плотность вод Средиземного моря...

«А-а! – подумал я. – Он заходит и в Средиземное море!»

– ...одной целой и восемнадцати тысячным для вод Ионического моря и одной целой и двадцати девяти тысячным для вод Адриатического моря.

По-видимому, «Наутилус» не избегал и самых оживленных морей Европы. Я из этого заключил, что когда-нибудь – и, как знать, не скоро ли? – мы приблизимся к берегам более цивилизованных континентов. И подумал, что Нед Ленд, вполне естественно, обрадуется подобной возможности. Некоторое время мы с капитаном посвящали целые дни научным исследованиям – определяли соленость морской воды на различных глубинах, проникновение света в толщу воды, – и во всех случаях капитан Немо выказывал удивительную изобретательность, которая равнялась только его внимательности ко мне. Затем он снова исчез, и я по-прежнему оказался в одиночестве на борту его подводного корабля.

Шестнадцатого января «Наутилус», казалось, погрузился в сон в нескольких метрах под уровнем

моря. Электрические машины остановились, винт бездействовал, отдав судно на произвол течения. Я решил, что экипаж занят ремонтом машин, связанным с их работой на больших скоростях.

В тот день мне и моим товарищам довелось быть очевидцами любопытного явления. Створы в окнах салона раздвинулись. Электрический прожектор не был зажжен. Небо, затянутое грозowymi тучами, бросало слабый свет в верхние слои океанских вод. В окружающей нас жидкой среде царил полумрак.

Я любовался водной стихией в этом сумеречном освещении, и большие рыбы проносились мимо нас, как китайские тени. И вдруг мы попали в полосу яркого света. Сначала я думал, что заработал прожектор и, попав в полосу его лучей, засветились темные воды. Но я ошибся и, взглядевшись внимательнее, понял свое заблуждение.

«Наутилус» был снесен течением в светящиеся слои воды, вспыхивающей огнями, особенно ослепительными во мраке морских пучин. То было свечение мириадом микроскопических морских организмов. Интенсивность свечения еще увеличивалась, отраженная металлической обшивкой судна. Светящаяся водная масса то, подобно доменной печи, изливала как бы огненные струи, и взметались тысячи искр, то превращалась в сплошной поток как бы расплавленного свинца. Все вокруг этого полыхающего пространства уходило в тень, если это понятие тут применимо! Нет! То не был искусственный свет нашего прожектора! Тут чувствовался избыток жизненных сил! То был живой свет!

И действительно, в этих водах образовалось скопление морских жгутиковых ночесветок (*Noctiluca miliaris*), настоящих студенистых шариков с нитеобразными щупальцами, образующих целые колонии: в тридцати кубических сантиметрах воды их насчитывают до двадцати пяти тысяч. Сияние ночесветок усиливалось трепетным мерцанием медуз, сиянием фолад и множества других фосфоресцирующих организмов, выделяющих светящееся вещество.

В течение многих часов «Наутилус» плыл в светящихся водах; и нашему восхищению не было границ, когда мы увидели больших морских животных, резвившихся, как саламандры, в пламени! В этом живом свете плескались изящные и увертливые дельфины, неутомимые клоуны морей, и предвестник ураганов – меч-рыба длиной в три метра, порой задевавшая своим грозным мечом хрустальное стекло. Затем появились более мелкие рыбки, спинороги, макрели-прыгуны, щетинозубы (хирурги-носачи) и сотни других рыбок, бороздивших светящуюся стихию.

Было что-то чарующее в ослепительном свечении моря. Быть может, атмосферные условия усиливали напряженность этого явления? Быть может, над океаном разразилась гроза? Но на глубине нескольких метров под уровнем моря не чувствовалось бушевания стихий, и «Наутилус» мирно покачивался в лоне спокойных вод.

Мы плыли, и все новые чудеса разворачивались перед нашим изумленным взором.

Консель без конца классифицировал своих зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб. Дни летели, и я потерял им счет. Нед, по обыкновению, старался разнообразить наш стол. Мы, как улитки, сидели в своей раковине. И я могу засвидетельствовать, что в улитку превратиться совсем нетрудно!

Наше пребывание на подводном корабле начинало нам казаться вполне естественным и даже приятным, и мы уже стали забывать, что существует иная жизнь на поверхности земного шара. Но одно происшествие неожиданно вернуло нас к сознанию действительности.

Восемнадцатого января «Наутилус» проходил под 105° долготы и 15° широты. Надвигались грозвые тучи, на море начинался шторм. Задул крепкий норд-остовый ветер. Барометр, постепенно падавший последние дни, предвещал бурю.

Я взошел на палубу в то время, как помощник капитана исследовал горизонт. Я ожидал, что он скажет

свою обычную фразу. Но на этот раз он произнес другие слова, столь же непонятные. Тотчас же на палубе появился капитан Немо со зрительной трубой в руке и стал всматриваться в горизонт.

Несколько минут капитан, не отводя от глаз зрительной трубы, пристально вглядывался в какую-то точку на горизонте. Затем, резко обернувшись, он обменялся со своим помощником несколькими словами на непонятном наречии. Последний, казалось, был очень взволнован, хотя и пытался сохранить спокойствие. Капитан Немо лучше владел собой и не терял своего обычного хладнокровия. По-видимому, он высказывал какие-то соображения, которые его помощник опровергал. По крайней мере я понял так по их тону и жестам.

Я внимательнейшим образом всматривался в туманную даль, но ничего не приметил. Пустынны были бледные очертания горизонта.

Капитан Немо ходил взад и вперед по палубе, не глядя в мою сторону; возможно, он меня и не заметил. Шаг его был тверд, но, может быть, несколько менее размерен, чем обычно. Иногда он останавливался и, сложив руки на груди, вглядывался в море. Чего искал он в этой необозримой пустыне? «Наутилус» шел в сотнях миль от ближайшего берега.

Помощник капитана, в свою очередь, поднес к глазам зрительную трубу и напряженно всматривался в даль; он явно нервничал, топал ногами, метался по палубе, являя собой полную противоположность своему начальнику.

Впрочем, таинственная история должна была вскоре разъясниться, потому что по приказанию капитана машины заработали на большой скорости.

Помощник опять обратил внимание капитана на какую-то точку на горизонте. Капитан прекратил хождение по палубе и навел трубу в указанном направлении. Он долго не отнимал трубы от глаз. А я, чрезвычайно заинтригованный происходящим, сошел в салон, взял там отличную зрительную трубку, которой всегда пользовался, и вернулся на палубу. Опершись на выступ штурвальной рубки, я приготовился обозреть горизонт.

Но не успел я поднести трубку к глазам, как ее вырвали из моих рук.

Я обернулся. Передо мной стоял капитан Немо. Я не узнал его. Лицо его исказилось. Глаза горели мрачным огнем, брови сдвинулись. Полуоткрытый рот обнажил зубы. Его напряженная поза, сжатые кулаки, втянутая в плечи голова – все дышало бешеной ненавистью. Он не шевельнулся. Трубка валялась на полу.

Чем вызвал я его гнев? Не вообразил ли он, что я раскрыл какую-то тайну, которую не положено было знать пленнику «Наутилуса»?

Нет! Не на меня был обращен его гнев! Он даже не взглянул на меня. Взор его был прикован к горизонту.

Наконец капитан Немо овладел собой. Его лицо обрело обычное холодное выражение. Он обратился к своему помощнику на незнакомом языке. Сказав ему несколько слов, капитан заговорил со мной.

– Господин Аронакс, – сказал он повелительным тоном, – вы обязаны выполнить условие, которым вы связаны со мной.

– В чем дело, капитан?

– Вы и ваши спутники обязаны побыть взаперти, покуда я не сочту возможным освободить вас из заключения.

– Здесь вы хозяин, – отвечал я, пристально глядя на него. – Но разрешите задать вам один вопрос?

– Ни единого, сударь!

Спорить было бесполезно. Приходилось подчиниться.

Я вошел в каюту, отведенную Неду Ленду и Конселью, и объявил им волю капитана. Предоставляю вам судить, какое впечатление произвел на канадца этот приказ! Впрочем, рассуждать не было времени. Четыре матроса ожидали у двери. Нас отвели в ту же самую каюту, в которой мы были заключены в первый день нашего пребывания на «Наутилусе».

Нед Ленд пытался протестовать. Но в ответ захлопнулась дверь.

– Не угодно ли господину профессору объяснить, что все это означает? – спросил Консель.

Я рассказал о всем случившемся. Они были так же удивлены, как и я, и терялись в догадках. Разгневанное лицо капитана не выходило у меня из головы. Мысли мои путались, и я строил самые нелепые предположения. Из раздумья меня вывел возглас Неда Ленда:

– Ба! Завтрак на столе!

В самом деле, стол был уставлен яствами. Распоряжение было, видимо, сделано в тот момент, когда капитан отдавал приказ развить большую скорость.

– Не пожелает ли господин профессор выслушать небольшой совет? – спросил Консель.

– Пожалуйста, мой друг, – отвечал я.

– Господину профессору нужно позавтракать из благоразумия. Ведь неизвестно, что может случиться.

– Ты прав, Консель.

– Увы, – сказал Нед Ленд, – нам подали рыбные блюда!

– Друг Нед, – возразил Консель, – а что бы вы сказали, если б вовсе не было завтрака!

Этот довод пресек жалобы гарпунера.

Сели за стол. Завтракали молча. Я ел мало, Консель «насиловал себя» из того же благоразумия, один Нед Ленд не терял времени попусту. Позавтракав, прикорнули по уголкам.

Но тут матовое полушарие у потолка погасло, и мы остались в полной темноте. Нед Ленд сразу же уснул. Но меня удивило: дремал и Консель! Что могло вызвать у него столь внезапную сонливость? Однако и меня самого неодолимо клонило ко сну. Я боролся со сном. Но веки тяжелели и непроизвольно смыкались. У меня начинались галлюцинации. Очевидно, в кушанья было подмешано снотворное! Неужто капитану Немо мало было посадить нас под замок, ему понадобилось еще усыпить нас?

Я из последних сил пытался побороть сонливость. Но нет! Дыхание становилось все затрудненнее. Смертельный холод сковывал, как бы парализовал, мои конечности. Веки, словно налитые свинцом, сомкнулись. Я не мог открыть глаз. Тяжелый сон овладевал мной. Меня мучили кошмары. Вдруг видения прекратились. Я потерял сознание.

Глава двадцать четвертая

КОРАЛЛОВЕ ЦАРСТВО

Я проснулся утром со свежей головой. К моему немалому удивлению, я лежал в постели, в своей каюте. Несомненно, и мои спутники тоже были перенесены в их каюту. Стало быть, они не больше моего могли знать, что произошло минувшей ночью. Оставалось лишь уповать, что какая-нибудь случайность раскроет в будущем эту таинственную историю.

Мне захотелось подышать свежим воздухом. Но могу ли я выйти, не заперта ли каюта на ключ? Я толкнул дверь. Дверь отворилась, и я узким коридором прошел к трапу. Люк, запертый накануне, был открыт. Я вышел на палубу.

Нед Ленд с Конселем уже ожидали меня там. Я спросил, как они провели ночь. Но они ничего не помнили. Заснув вчера тяжелым сном, оба друга очнулись только нынче утром и, к своему удивлению, в своей каюте!

«Наутилус» нем и таинствен по-прежнему. Мы шли в открытом море с умеренной скоростью. На борту не чувствовалось никакой перемены.

И напрасно Нед Ленд впивался глазами в горизонт. Океан был пустынен. Канадец не заметил на горизонте ни паруса, ни полосы земли. Дул крепкий западный ветер. «Наутилус» переваливался с волны на волну.

Запасшись кислородом, «Наутилус» опять нырнул под воду метров на пятнадцать. В случае необходимости судно легко могло всплыть на поверхность. Кстати сказать, в тот день, девятнадцатого января, маневр этот, против обыкновения, повторялся неоднократно. И всякий раз помощник капитана выходил на палубу и произносил традиционную фразу.

Капитан Немо не показывался. Из команды я видел в тот день одного лишь невозмутимого стюарда, который, как всегда, молча и внимательно прислуживал за столом.

Около двух часов пополудни в салон, где я приводил в порядок свои записи, вошел капитан Немо. Я поклонился ему. Он молча кивнул мне головой. Я снова взялся за работу, надеясь втайне, что капитан заговорит о событиях прошедшей ночи. Но он молчал. Я взглянул на капитана. У него был утомленный вид. Покрасневшие глаза выдавали, что он провел бессонную ночь. Глубокая грусть, неподдельное горе наложили свой отпечаток на это волевое лицо. Он ходил взад и вперед по комнате, садился на диван, опять вставал, брал в руки первую попавшуюся книгу, тут же бросал ее, подходил к приборам, но не делал записей, как обычно. Казалось, он не находил себе места.

Наконец он обратился ко мне.

– Вы врач, господин Аронакс? – спросил он.

Я был захвачен врасплох вопросом капитана и в недоумении молча смотрел на него.

– Вы врач? – повторил он. – Многие ваши коллеги получили медицинское образование: Грасиоле, Мокен-Тандон и другие.

– Да, – отвечал я. – Мне приходилось работать врачом. Прежде чем стать музейным работником, я был ординатором клиники и много лет занимался медицинской практикой.

– Отлично, сударь!

Ответ мой, по-видимому, вполне удовлетворил капитана. Но, не зная, к чему он клонит речь, я ожидал дальнейших вопросов, рассудив, что отвечать буду в зависимости от обстоятельств.

– Господин Аронакс, – сказал капитан, – один из моих матросов нуждается в помощи врача. Не могли бы вы осмотреть его?

– На борту есть больной?

– Да.

– Я готов служить вам.

– Идемте.

Признаюсь, сердце у меня учащенно билось. Безотчетно болезнь матроса я ставил в связь с событиями минувшей ночи. И вся эта таинственная история занимала меня не менее самого больного.

Капитан Немо провел меня на корму «Наутилуса» и отворил дверь в кабину рядом с матросским кубриком.

Там лежал на койке мужчина лет сорока, с энергичным лицом, чисто англосакского типа.

Я подошел к постели. Это был не просто больной – это был раненый. Его голова, повязанная окровавленными бинтами, лежала на подушках. Я снял повязку. Раненый смотрел на меня широко раскрытыми глазами. И пока я его разбинтовывал, не издал ни единого стога.

Рана была ужасна. В черепной коробке, пробитой каким-то тупым орудием, образовалось зияющее отверстие, в которое часть мозга выходила наружу. Сгустки запекшейся крови, в результате многочисленных кровоизлияний, превращали размозженную мозговую ткань в красноватую кашу.

Тут наблюдались одновременно явления контузии и сотрясения мозга. Дыхание больного было затрудненным. Лицо временами искажалось судорогой. То был характерный случай воспаления мозга с явлениями паралича двигательных центров.

Я пощупал пульс. Сердце работало с перебойми. Пульс порой пропадал. Конечности уже начинали холодеть: человек умирал, и ничем нельзя было предотвратить роковой конец. Я наложил на рану свежую повязку, opravил изголовье. Обернувшись, я спросил капитана Немо:

– Каким орудием нанесена рана?

– Не все ли равно? – уклончиво отвечал капитан Немо. – От сильного сотрясения сломался рычаг машины, удар пришелся по голове этого человека. Ну, как вы находите больного?

Я колебался ответить.

– Вы можете говорить, – сказал капитан. – Этот человек не знает французского языка.

Я еще раз посмотрел на раненого и сказал:

– Этот человек умрет часа через два.

– И ничто не может спасти его?

– Ничто.

Рука капитана Немо сжалась в кулак. Слезы выступили на глазах. Я не думал, что он способен плакать.

Несколько минут я не отходил от раненого. Электричество, заливавшее своим холодным светом смертный одр, еще усиливало бледность лица умирающего. Я вглядывался в это выразительное лицо, изборожденное преждевременными морщинами – следами невзгод и, возможно, лишений. Я ждал, что тайна его жизни раскроется в последних словах, которые сорвутся с его холодеющих уст...

– Вы свободны, господин Аронакс, – сказал капитан Немо.

Я оставил капитана одного у постели умирающего и вернулся к себе, чрезвычайно взволнованный этой сценой. Мрачные предчувствия тревожили меня весь день. Ночью я спал дурно. Просыпался часто. Мне все слышались чьи-то тяжкие вздохи, похоронное пение. Не читались ли молитвы по усопшему на чуждом мне языке?

На рассвете я вышел на палубу. Капитан Немо был уже там. Увидев меня, он подошел ко мне.

– Господин профессор, – сказал он, – не угодно ли вам принять сегодня участие в подводной прогулке?

– Вместе с товарищами?

– Если они пожелают.

– Мы к вашим услугам, капитан.

– В таком случае будьте любезны надеть скафандр.

Об умирающем или умершем ни слова! Отыскав Неда Ленда и Консея, я передал им приглашение капитана Немо. Консель обрадовался предстоящей прогулке, и канадец на этот раз охотно согласился принять в ней участие.

Было восемь часов утра. В половине девятого, облачившись в скафандры, запасшись резервуарами Рукейроля и электрическими фонарями, мы тронулись в путь. Двойная дверь распахнулась, и мы с капитаном Немо во главе, под эскортом двенадцати матросов, ступили на глубине десяти метров под водой на каменистое дно, на котором отдыхал «Наутилус».

Легкий вначале уклон дна завершился впадиной с глубинами до пятнадцати саженей. Грунт дна под поверхностью Индийского океана резко отличался от грунта под тихоокеанскими водами, где мне довелось побывать во время своей первой подводной прогулки. Тут не было ни мягкого песка, ни подводных прерий, ни зарослей водорослей. Я сразу же узнал волшебную область. Это было коралловое царство!

Среди кишечнополостных, класса коралловых полипов, подкласса восьмилучевых кораллов, особенно примечательны кораллы из отряда горгониевых – роговых кораллов, как то: горгонии, белый коралл и благородный коралл. Коралловые полипы – занятные существа, их относили поочередно к минералам, к растительному и к животному миру. Кораллы – лекарственное средство древних, драгоценное украшение в наши дни, – только лишь в 1694 году были окончательно причислены к животному миру марсельским ученым Пейсоннелем.

Кораллы – это скопление отдельных мелких животных, соединенных в полипник ломким, каменистым скелетом. Начало колонии кладет отдельная особь, прикрепившись к какому-нибудь предмету. Колония получается в результате размножения почкованием одного полипа. Каждая новая особь, входя в состав колонии, начинает жить общей жизнью. Естественная коммуна.

Мне были известны последние труды ученых, посвященные этим причудливым животным, которые разрастаются древовидными каменистыми колониями, что подтверждено тщательными исследованиями натуралистов. И для меня не было ничего более интересного, как посетить один из таких окаменелых коралловых лесов, которые природа взрастила в глубинах океана.

Приборы Румкорфа были зажжены, и мы пошли вдоль кораллового рифа, находившегося в начальной стадии развития и обещавшего в будущем возвести барьерный риф в этой части Индийского океана. Вдоль дороги росли диковинные кустарники, образовавшиеся из плетевидно переплетающихся между собой

ветвей, усыпанных белыми шестилучевыми звездочками. Только в отличие от земных растений коралловые деревца росли сверху вниз, прикрепившись к подножию скал.

Свет наших фонарей, играя на ярко-красных ветвях коралловых деревьев, порождал изумительные световые эффекты. Мне казалось порой, что все эти уплощенные и цилиндрические трубочки колышутся от движения воды. И мной овладевало искушение сорвать их свежие венчики с нежными щупальцами, только что распутившиеся или едва начинавшие распускаться. Мимо нас, касаясь их своими плавниками, точно птицы крыльями, проносились легкие рыбы. Но стоило моей руке протянуться к этим удивительным цветам, к этим чувствительным животным, как вся колония приходила в движение. Белые венчики вытягивались в свои красные футляры, цветы увядали на глазах, а кустарник превращался в грудку пористых окаменелостей.

Мне представился случай увидеть редчайшие образцы «животных-цветов». Благородный коралл здешних мест мог соперничать с кораллами, которые добываются в Средиземном море у французских, итальянских и африканских берегов. Поэтические названия «красный цветок», «красная пена», которые ювелиры дали самым лучшим экземплярам, вполне оправданы яркой окраской благородного коралла. Стоимость такого коралла доходит до пятисот франков за килограмм, а здешние воды таили в себе сокровищницу, способную обогатить целую толпу искателей кораллов. Это драгоценное вещество, часто сросшееся с другими полипами, образует прочное и неразрывное целое, так называемые массивные колонии «massiota», и тут мне посчастливилось увидеть прелестный образец розового коралла.

Вскоре кустарники стали гуще, коралловые чащи выше. И наконец, перед нами возникли настоящие окаменелые леса и длинные галереи самой фантастической архитектуры. Капитан Немо вступил под их мрачные своды. Дорога все время вела под уклон, и постепенно мы спустились на глубину ста метров.

И когда свет наших фонарей касался порой ярко-красной шероховатой поверхности этих коралловых аркад и навесы свода, напоминавшие люстры, загорались красными огоньками, создавалось волшебное впечатление. Среди кустиков кораллов мне встречались другие, не менее любопытные кораллы: мелиты, ириды с членистыми разветвлениями, пучки кораллин, зеленые, красные, настоящие водоросли с перисто-разветвленным, сильно инкрустированным известью слоевищем. После долгих споров натуралисты окончательно приобщили их к растительному миру. Как сказал один мыслитель: «Быть может, это и есть та грань, где жизнь смутно пробуждается от своего окаменелого сна, но не имеет еще сил выйти из оцепенения».

Наконец, часа через два, мы достигли глубины трехсот метров под уровнем моря, короче говоря, того предела, где завершается процесс последовательного развития кораллового рифа и коралловые известняки при их ветвистом строении приобретают формы древовидных окаменелостей. То не были одинокие кустики, скромные, напоминавшие рожицу колонии полипняков. То были дремучие леса, величественные известковые заросли, гигантские окаменелые деревья, переплетенные между собой гирляндами изящных плюмарий, этих морских лиан всех цветов и оттенков. Мы свободно проходили под их ветвистыми сводами, терявшимися во мраке вод, а у наших ног тубипориды, астреи, меандрины, фунгии и кариофиллеи расстилались цветным ковром, осыпанным сверкающей пылью.

Какое непередаваемое зрелище! Почему не могли мы поделиться впечатлениями! Почему были мы в этих непроницаемых масках из металла и стекла! Почему наш голос не мог вырваться из их плена! Почему не можем мы жить в этой водной стихии, как рыбы или, еще лучше, как амфибии, которые живут двойной жизнью, привольно чувствуя себя и на суше и в воде!

Меж тем капитан Немо остановился. Остановились и мы. Обернувшись, я увидел, что матросы выстроились полукругом позади своего начальника. Вглядевшись, я рассмотрел какой-то продолговатый предмет, который несли на плечах четыре матроса.

Мы стояли посреди обширной лужайки, окруженной как бы высеченным в камне подводным лесом. В неверном свете наших фонарей на землю ложились гигантские тени. Вокруг царила глубокая тьма. И лишь порой, попадая в полосу света, вспыхивали красные искорки на гранях кораллов.

Нед Ленд и Консель стояли рядом со мной. Мы ждали, что будет дальше. И вдруг у меня мелькнула мысль, что нам предстоит присутствовать при необычной сцене. Оглядевшись, я заметил, что то тут, то там виднеются невысокие холмики, покрытые известковым слоем и расположенные в известном порядке, изобличающем работу рук человеческих.

Посредине лужайки, на возвышении, воздвигнутом из обломков скал, стоял коралловый крест, раскинувший свои длинные, как бы окровавленные руки, обратившиеся в камень.

По знаку капитана Немо один из матросов вышел вперед и, вынув кирку из-за пояса, стал вырубать яму в нескольких футах от креста.

Я понял все! Тут было кладбище, яма – могила, а продолговатый предмет – тело человека, умершего ночью! Капитан Немо и его матросы хоронили своего товарища на этом братском кладбище в глубинах океана...

Никогда я не был так взволнован! Никогда я не испытывал такого смятения чувств! Я не хотел верить своим глазам!

Могилу рыли медленно. Вспугнутые рыбы метнулись в сторону. Я слышал глухой стук железа об известковый грунт и видел, как разлетались искры при ударе кирки о кремень, лежавший в глубинных водах. Яма становилась все длиннее и шире и вскоре стала достаточно глубока, чтобы вместить человека.

Тогда подошли носильщики. Тело, обернутое в белую виссоновую ткань, опустили в могилу, полную воды. Капитан Немо и его товарищи, сложив руки на груди, преклонили колена... А мы, все трое, склонили головы.

Могилу засыпали обломками выкопанного грунта, и над ней образовалась невысокая насыпь.

Когда все было кончено, капитан и его товарищи, опустившись на одно колено, подняли руки в знак последнего прощания...

Затем похоронная процессия тронулась в обратный путь. Мы снова прошли под аркадами подводного леса, мимо коралловых рощиц и кустарников; путь неуклонно вел в гору.

Вдали мелькнул огонек. Мы шли на этот путеводный огонь и через час взошли на борт «Наутилуса».

Переменив одежду, я поднялся на палубу и сел около прожектора. Я весь был во власти мрачных мыслей.

Вскоре ко мне подошел капитан Немо. Я встал.

– Как я и предвидел, – сказал я, – этот человек умер ночью?

– Да, господин Аронакс, – ответил капитан Немо.

– И он покоится теперь на коралловом кладбище, рядом со своими товарищами?

– Да, забытый всеми, но не нами! Мы вырыли могилу, а полипы замуруют наших мертвых в нерушимую гробницу...

И капитан Немо, закрыв лицо руками, напрасно старался подавить рыдания. Овладев собой, он сказал:

– Там, на глубине нескольких сот футов под водой, наше тихое кладбище...

– Ваши мертвые спят там спокойно, капитан. Они недосягаемы для акул.

– Да, сударь, – сказал капитан Немо, – и для акул, и для людей!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Здесь начинается вторая половина нашего подводного путешествия, начало которого завершилось волнующей сценой на коралловом кладбище, оставившей по себе глубокое впечатление. Итак, не только жизнь капитана Немо протекала в лоне необозримого океана, но он и могилу себе приготовил в его недостижимых глубинах! Там никакое морское чудовище не потревожит последнего сна владельцев «Наутилуса» – друзей, соединенных в смерти, как и в жизни! Недостижимых и «для людей», как сказал капитан.

Вечный вызов человеческому обществу, неукротимый в своей жестокости!

Предположения, которые строил Консель, не удовлетворяли меня. Он видел в командире «Наутилуса» одного из тех непризнанных ученых, которые платят человечеству презрением за равнодушие к их особе. Он видел в нем непонятого гения, который, свергнув бремя земных обольщений, укрылся в свободной стихии, столь родственной его вольнолюбивой душе. Но, по-моему, подобное объяснение вскрывало лишь одну сторону натуры капитана Немо.

В чем крылась тайна прошлой ночи? Зачем заточили нас в темнице? Зачем усыпили снотворными средствами? Зачем так резко вырвал капитан из моих рук зрительную трубку, прежде чем я успел окинуть взглядом горизонт? А смертельное ранение одного из матросов при обстоятельствах самых таинственных? Все это наводило на размышления. Нет! Капитан Немо не просто бежал от людей! Его грозное судно служило, может быть, не только приютом вольнолюбца, но и орудием страшной мести.

Все это лишь гадания, слабый проблеск света в глубоком мраке; и я вынужден вести свои записки, так сказать, под диктовку событий.

Впрочем, ничто нас не связывало с капитаном Немо. Он знал, что побег с «Наутилуса» немислим. Ему не нужны были наши клятвенные заверения. Никакие обязательства нас не стесняли. Мы были невольниками, были пленниками, которых из учтивости именуют гостями. Однако Нед Ленд не теряет надежды вырваться на свободу. Он не преминет воспользоваться для этого первым удобным случаем. Конечно, и я последую его примеру. И все же не без сожаления унесу я с собой тайны «Наутилуса», так великодушно доверенные нам капитаном Немо! Что ж, наконец, должен внушать этот человек – ненависть или восхищение? Кто он – жертва или палач? И я желал бы, искренне говоря, прежде чем расстаться с ним навсегда, завершить кругосветное подводное путешествие, начатое столь блистательно! Я желал бы исчерпать весь кладезь чудес, таящихся в водах земного шара. Я желал бы проникнуть в самое сокровенное, скрытое от глаз человека, рискуя даже поплатиться жизнью за ненасытную потребность познать непознанное! Что же открылось мне по сию пору? Ничего или почти ничего, потому что мы прошли всего лишь шесть тысяч лье под водами Тихого океана!

А мне было известно, что «Наутилус» приближается к берегам обитаемых земель, и было бы жестоко пожертвовать спутниками в угоду моей страсти к неизведанному. Да и представится ли еще когда-нибудь такой случай? Придется, видимо, следовать за ними, возможно даже указывать им путь. Человек, лишенный свободы, искал случая вырваться из плена, но любознательный ученый страшился такой

возможности.

В полдень 21 января 1868 года помощник капитана, по обыкновению, вышел на палубу определить угол склонения солнца. Я тоже поднялся наверх и, закулив сигару, стал следить за его действиями. Очевидно, этот человек ни слова не понимал по-французски. Я нарочно сделал вслух несколько замечаний, на которые он невольно реагировал бы, если бы понимал смысл моих слов. Но он был нем и невозмутим.

В то время как помощник капитана, приставив секстан к глазам, производил свои наблюдения, на палубу вышел матрос – тот самый богатырь, который сопровождал нас в нашей подводной экскурсии на остров Креспо, – и начал протирать стекла прожектора. Я заинтересовался устройством прибора, в котором, как в маяках, сила света увеличивалась благодаря особому расположению чечевицеобразных стекол, концентрирующих световые лучи. Накал электрической лампы был доведен до максимума. Вольтова дуга помещалась в безвоздушном пространстве, что обуславливало постоянство и равномерность света. Подобное устройство сберегало графитовые острия, между которыми возникала светящаяся дуга, – экономия весьма существенная для капитана Немо, которому нелегко было возобновлять запасы графита.

«Наутилус» готовился к подводному плаванию, и я поспешил спуститься в салон. Люк закрылся, и корабль направил свой бег на запад.

Мы плыли по водам Индийского океана, по необозримой водной равнине, раскинувшейся на пятьсот пятьдесят миллионов гектаров, по океанским водам такой прозрачности, что голова кружится, если смотреть на них сверху вниз. Большею частью «Наутилус» шел на глубине от ста до двухсот метров под уровнем моря. Так плыли мы несколько дней. Всякий другой на моем месте, пожалуй, счел бы путешествие утомительным и однообразным. Но для меня, влюбленного в море, не оставалось времени ни для усталости, ни для скуки. Каждодневные прогулки по палубе, овеваемой живительным дыханием океана, созерцание сокровищ морских глубин сквозь хрустальные стекла в салоне, чтение книг из библиотеки капитана Немо, приведение в систему путевых записей – все это наполняло мои дни.

Состояние нашего здоровья было вполне удовлетворительное. Пищевой рацион на борту шел нам впрок. И я охотно обошелся бы без всяких «прибавок», которые Нед Ленд из духа противоречия ухитрялся вносить в наше меню. Притом температура в этой водной среде была настолько ровная, что нечего было бояться даже насморка. Впрочем, на борту «Наутилуса» имелся достаточный запас мадрепоровых кораллов – дендрофилий, известных в Провансе под названием «морского укропа»: сочная мякоть этого полипа является превосходным средством против простуды.

Вот уже несколько дней сряду нам встречается множество водяных птиц из отряда водоплавающих, семейства чайковых – морских чаек-поморников. Нам удалось подстрелить несколько птичек, и водяная дичь, приготовленная особым способом, оказалась вкусным блюдом. Среди крупных птиц, способных совершать дальние перелеты и отдыхать в пути на гребнях волн, я заметил великолепных альбатросов, хотя их неблагозвучный крик напоминает крик осла, – птиц из отряда трубконосых. Семейство веслоногих было представлено быстрокрылыми фрегатами, которые с проворством вылавливали рыб, плававших близ поверхности воды, и множеством фаэтонов – тропических птиц, среди которых выделялись алохвостые фаэтоны величиной с голубя; белое в розовых тенях оперение этих птиц еще более подчеркивало черную окраску крыльев.

Сети «Наутилуса» принесли разного рода морских черепах, из которых в промысловом отношении самые ценные большие черепахи – каретты с выпуклым костяным панцирем, роговые пластинки которого идут для художественных изделий. Эти пресмыкающиеся легко ныряют и могут очень долго держаться под водой, закрыв мясистый клапан у наружного носового отверстия. Некоторые из пойманных каретт еще спали, спрятавшись в свой панцирь, служивший им защитой от морских животных. Мясо этих черепах невкусно, но яйца их составляют лакомое блюдо.

Что касается рыб, мы постоянно приходили от них в восхищение, проникая сквозь хрустальные стекла окон в тайны их подводной жизни. Тут я обнаружил многие виды рыб, которые мне еще не случалось встречать в натуре.

Прежде всего назову кузовков, которые преимущественно водятся в водах Красного моря, Индийского океана и у берегов Центральной Америки. Эти рыбы, как и черепахи, броненосцы, морские ежи и ракообразные, защищены панцирем, но не известковым, не кремнезёмовым, а совершенно костяным, состоящим из плотно прилегающих друг к другу шестигранных или четырехгранных пластинок. Мое внимание привлекли кузовки с трехгранным панцирем, коричневым хвостом и желтыми плавниками; некоторые особи достигали в длину полуметра; мясо их питательно и превосходно на вкус, и я советовал бы акклиматизировать этот вид кузовков в пресных водах, в которых, кстати сказать, многие морские рыбы легко приживаются. Упомяну также кузовков с четырехгранным панцирем, у которых над глазами выступают четыре сильных шипа, так называемых четырехрогих; кузовков крапчатых с белыми точками на брюшке, которые, подобно птицам, легко становятся ручными; тригонов или хвостоколов, род скатов, с длинным, тонким хвостом с иглой на его спинной стороне, которых за их своеобразное хрюканье прозвали «морскими свиньями»; наконец, «дромадеров» с конусообразным горбом на спине, мясо которых жестко и малосъедобно.

В ежедневных записях Конселя отмечены некоторые рыбы из рода иглобрюхов, характерные обитатели здешних морей, *spengleriens* с красной спинкой, белой грудкой, примечательные своими тремя продольными прожилками на спине, электрические рыбы длиной в семь дюймов самых ярких расцветок. Затем, как образцы других родов, яйцевидные, бесхвостые, темно-коричневого, почти черного цвета в белую полосу; диодоны, настоящие морские дикобразы, усаженные шипами и способные раздуваться точно шар, ошетилившийся колючками; морские коньки, водящиеся во всех океанах; летучий пегасик с вытянутым рыльцем и грудными плавниками в виде крыльев, позволявшими если не летать, то все же выскакивать в воздух; плоскоголовки с хвостом, сплошь унизанным чешуйчатыми кольцами; длинночелюстные макрогнаты, превосходные рыбы в двадцать пять сантиметров длиной, блистающие великолепной окраской самых приятных тонов; и тут же рядом, окрашенные в явственно свинцовый цвет, плоскоголовки с шершавой головкой; мириады прыгающих собачек, сплошь в черных полосках, с длинными грудными плавниками, скользившими с удивительной быстротой у поверхности вод; прелестные парусники-хирурги, вздымавшие свои плавники, точно паруса при попутном ветре; блистательные рыбки-дракончики, которых природа одела в охру и лазурь, в золото и серебро; гурами с волокнистыми плавниками; из семейства бычковых упомянут рявец, вечно испачканный в тине и при трении костей жаберной крышечки о другую издающий шум; тригла, род барвены, печень которой считается ядовитой; каменный окунь с подвижными веками глазниц; наконец, брызгуны, с длинным трубчатым рылом, настоящие океанские мухоловки, вооруженные ружьями, о которых не мечтали ни Шаспо, ни Ремингтон: из них убивают насекомых одной каплей воды!

Из рыб, относящихся по классификации Ласепада к восемьдесят девятому роду отряда костистых, отличительным признаком которых является наличие жаберной крышки и перепонки, я заметил скорпену с чудовищной формы головой и сильно развитой колючей частью спинного плавника; у некоторых представителей этой группы в зависимости от рода, к которому они принадлежат, область туловища и хвоста покрыта чешуями, у других же остается довольно широкое незащищенное пространство. Ко вторым относятся бугорчатка двуперая длиной в три-четыре дециметра, с желтыми полосами на туловище и головой самого фантастического вида. Что касается первого рода, он представлен многими образцами фантастической рыбы, справедливо названной «морской жабой», большеголовой с коротким мозолистым туловищем; от множества тупых шипов, усеявших тело, образовались вздутия и глубокие впадины; некоторые виды этих рыб снабжены иглами на задней части головы. Уколы их опасны. Вид этих рыб

ужасен и внушает отвращение.

С 21 по 23 января «Наутилус» шел со скоростью двести пятьдесят лье в сутки; иначе говоря, он делал пятьсот сорок миль в двадцать четыре часа, или двадцать две мили в час. Нам довелось наблюдать лишь за теми рыбами, которые следовали за нами в полосе света, отбрасываемого прожектором «Наутилуса». Но при быстроте хода нашего судна ряды эскорта постепенно редели, и лишь немногие рыбы соревновались еще некоторое время в быстроте бега с «Наутилусом».

Утром 24 января, под 12°15 южной широты и 94°33 долготы, мы увидели остров Килинг, кораллового происхождения, сплошь покрытый великолепными кокосовыми пальмами. В свое время его посетили Дарвин и капитан Фиц-Рой. «Наутилус» прошел на близком расстоянии от берегов этого необитаемого острова. Драги выловили множество образцов разного рода полипов и иглокожих, а также любопытных раковин моллюсков. Несколько драгоценных экземпляров раковин дельфинок дополнили сокровищницу капитана Немо, к которой я присоединил одного представителя звездчатых кораллов, часто поселяющихся на раковинах двустворчатых моллюсков.

Вскоре остров Килинг скрылся за горизонтом, и мы направили свой путь на северо-запад к южной оконечности Индийского полуострова.

– Цивилизованные страны! – сказал мне в тот день Нед Ленд. – Это будет лучше островов Папуа, где больше дикарей, чем диких коз! В Индии, господин профессор, есть шоссейные и железные дороги, города английские, французские и индусские. Тут на каждом шагу встретишь земляка! А что, не пора ли нам распрощаться с капитаном Немо?

– Нет, Нед, нет! – отвечал я весьма решительно. – Пусть будет что будет, как говорите вы, моряки. «Наутилус» держит курс на континенты. Приближается к европейским берегам. Пусть он доставит нас туда. А вот когда мы войдем в европейские моря, тогда посмотрим, что подскажет нам благоразумие. Впрочем, я не думаю, чтобы капитан Немо позволил нам охотиться на Малабарских и Коромандельских берегах, как в лесах Новой Гвинеи.

– Ну что ж, сударь! Придется обойтись без его позволения?

Я не ответил канадцу. Я не хотел затевать спора. В глубине души я решил испытать все превратности судьбы, бросившей меня на борт «Наутилуса».

Пройдя остров Килинга, мы замедлили ход. Но направление судна все время менялось. Мы часто погружались на большие глубины. Несколько раз приходилось пускать в ход наклонные плоскости, которые посредством внутренних рычагов могли ложиться наискось от ватерлинии. Это давало возможность опускаться на два и три километра под уровень моря, но ни разу не удалось установить предельной глубины вод Индийского океана, где зонды длиной в тринадцать тысяч метров не достигали дна.^[93] Что касается температуры глубинных водных слоев, термометр неизменно показывал четыре градуса выше нуля. Я, кстати, заметил, что температура поверхностных слоев воды всегда ниже в прибрежных районах, чем в открытом море.

Двадцать пятого января океан был совершенно пустынен, и «Наутилус» весь день шел по поверхности вод, рассекая волны своим могучим винтом, из-под которого взлетали в высоту целые каскады брызг. Как же было не принять его за гигантского кита? Я провел на палубе три четверти дня. Я смотрел на море. Пустынен был горизонт. Но около четырех часов вечера показался пароход, который шел к западу от нас. Его рангоут короткое время вырисовывался на горизонте, но с парохода не могли заметить «Наутилуса», едва выступавшего из воды. Я подумал, что этот пароход принадлежит пароходному обществу «Пенинсулар энд Ориентл Компани», обслуживающему линию Цейлон – Сидней, с заходом в Мельбурн и на мыс Короля Георга.

В пять часов вечера, перед наступлением коротких тропических сумерек, мы с Конселем наблюдали очаровавшее нас зрелище.

Существует прелестное животное, встреча с которым, по мнению древних, предвещает счастье. Аристотель, Афиней, Плиний и Аппиан изучали его вкусы и наклонности и ради его описания истощили весь поэтический арсенал Греции и Рима. Они дали ему имя *Nautilus* и *Pompylius*. Но современная наука не утвердила этих названий. Ныне этот моллюск известен под именем «аргонавта».

Если бы кто-нибудь завел с Конселем речь о моллюсках, то узнал бы незамедлительно, что моллюски, или мягкотелые, подразделяются на пять классов; что класс головоногих моллюсков включает в себя два подкласса: двужаберных и четырехжаберных, в зависимости от количества жабер; что животные, относимые к подклассу двужаберных, – это осьминоги, каракатицы, кальмары, аргонавты; что к подклассу четырехжаберных относится единственный представленный в современной фауне род «наутилуса». И если бы какой-нибудь невежда спутал аргонавта, имеющего настоящие *присоски*, с наутилусом, у которого простые *щупальца*, он не заслуживал бы извинения.

Навстречу нам плыл целый отряд аргонавтов. Их было много сотен. Они принадлежали к роду *Argonauta tuberculata*, распространенному в Индийском океане.

Эти изящные моллюски передвигались задом наперед посредством своей воронки, выкидывая ею воду, которую вобрали в себя при вдыхании. Из их восьми щупалец шесть, тонких и длинных, расстилались по поверхности воды, а остальные два, округленные дланевидно, вздувались как паруса с подветренной стороны. Я хорошо разглядел спиралевидный завиток их раковины, которую Кювье справедливо сравнивает с изящной шлюпкой. В самом деле, это настоящая лодка! Построенная из вещества, которое выделяется двумя верхними щупальцами, или руками, моллюска, раковина носит животное, но нигде с ним не срастается.

– Аргонавт волен покинуть свою раковину, – сказал я Конселю, – но он никогда с ней не расстанется.

– Так же, как и капитан Немо, – рассудил Консель. – Поэтому лучше было бы ему назвать свое судно «Аргонавтом».

Почти целый час плыл «Наутилус» под эскортом моллюсков. Вдруг, неизвестно почему, животных обуял страх. Словно по команде все паруса мгновенно были спущены, щупальца втянулись в раковину, тела сжались, раковины опрокинулись, переместив центр тяжести, и вся флотилия исчезла под водой. Никогда еще корабли ни одной эскадры не маневрировали с такой четкостью.

В это мгновение солнце закатилось. Внезапно наступила ночь. Только легкий ветерок подернет зыбью морскую гладь да под кормой плеснет волна...

На другой день, 26 января, мы пересекли экватор на восемьдесят втором меридиане и вступили в воды Северного полушария.

В этот день нашу свиту составляла грозная армада акул. Здешние моря кишат этими страшными животными, и потому плавание по ним не безопасно. Это были акулы с бурой спиной, белым брюхом и одиннадцатью рядами зубов; акулы глазчатые с круглым черным пятном на шее, напоминавшим глаз; акулы синие, с округлой головой, испещренной черными точками. Хищные животные с яростью малоутешительной набрасывались на хрустальные стекла окон. Нед Ленд был вне себя. Он рвался на поверхность океана, чтобы пустить гарпуном в морских хищников. В особенности ему не давали покоя разъяренные тигровые акулы длиной в пять метров и акулы гладкие, пасть которых, усаженная зубами, точно мозаикой выложена!

Вскоре «Наутилус» взял большой ход, оставив далеко позади самых резвых акул.

Двадцать седьмого января, при входе в широкий Бенгальский залив, нам не раз пришлось видеть страшную картину... Навстречу нам плыли трупы. Это были трупы умерших индийцев, уносимые Гангом в открытое море. Грифы, единственные могильщики в стране, не успели пожрать их. Но акулы не преминут помочь им выполнить погребальный обряд.

Около семи часов вечера «Наутилус», поднявшись на поверхность, плыл по молочному морю. Синее море, куда хватало глаз, стало молочным. Не было ли это игрой лунного света? Нет! Молодой месяц всего два дня как родился и еще не взошел на горизонте. И звездное небо казалось черным в сравнении с молочной белизной вод.

Консель глазам своим не верил и просил меня объяснить причину этого поразительного явления. К счастью, я мог разъяснить ему, в чем дело.

– Это так называемое молочное море, – сказал я. – Огромные пространства молочно-белых вод – нередкое явление у берегов Амбоина и вообще в этих широтах.

– Но не объяснит ли мне господин профессор, – сказал Консель, – причину такого явления? Не превратилась же в самом деле вода в молоко!

– Конечно, нет, друг мой! Молочная окраска воды, которая так удивляет тебя, вызвана присутствием в воде мириадом мельчайших животных, бесцветных слизистых светящихся червячков толщиной в волос и длиной в одну пятую миллиметра. Животные прилепляются друг к другу и образуют сплошные поля в несколько лье.

– В несколько лье! – вскричал Консель.

– Да, друг мой! И не пытайся вычислять, сколько их тут! Напрасно время потратишь! Если не ошибаюсь, некоторым мореплавателям случалось плыть по таким молочным морям более сорока миль.

Не знаю, послушался ли Консель моего совета, но он умолк, глубоко задумавшись. Он, несомненно, занялся вычислением, какое количество простейших поместится на площади в сорок квадратных миль, если длина каждого из них равна одной пятой миллиметра. Что же касается меня, я продолжал наблюдать это удивительное явление. В течение нескольких часов «Наутилус» рассекал своим водорезом воды молочного моря, и я обратил внимание, что он скользил совершенно бесшумно по этой взмыленной воде, словно бы плыл во вспененном водовороте двух встречных течений, порой образуящемся в бухтах.

Около полуночи море вдруг приняло обычную окраску, но за кормой, до самой линии горизонта, небо, отражая белизну вод, казалось, было озарено отблеском северного сияния.

Глава вторая

НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАПИТАНА НЕМО

Двадцать восьмого января в полдень, всплыв на поверхность вод, «Наутилус» оказался в виду земли, лежавшей в восьми милях к западу. Сначала выступили из дымки вершины гор: хаотическое нагромождение горных кряжей, желтых, лиловых, серых, смотря по освещению солнца и расстоянию. Иные горные пики вздымались в высоту двух тысяч футов. Как только были установлены координаты, я сошел в салон и, отыскав это место на карте, увидел, что мы находимся у берегов острова Цейлон – этой жемчужины Индии, – лежащего у южной оконечности Индийского полуострова.

Я пошел в библиотеку поискать, нет ли такой книги, где можно было бы почерпнуть сведения об этом острове, который считается самым плодородным на земном шаре, и нашел труд Сирра, озаглавленный «Цейлон и сингалезы». Возвратясь в салон, я прежде всего ознакомился со статистическими данными, касавшимися Цейлона, которому в древности давали так много различных названий. Остров Цейлон лежит между 5°55 и 9°49 северной широты и 79°42 и 82°4 долготы к востоку от меридиана Гринвича. С севера на юг он простирается на двести семьдесят пять миль, с востока на запад – не больше чем на сто пятьдесят миль; площадь его равна двадцати четырем тысячам четыремстам сорока восьми милям, иначе говоря, немного менее площади Ирландии.

В это время в салон вошли капитан Немо и его помощник.

Капитан взглянул на карту. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

– Остров Цейлон славится своими жемчужными промыслами. Не угодно ли вам, господин Аронакс, побывать на месте ловли жемчуга?

– Вне всякого сомнения, капитан.

– Хорошо. Это легко устроить. Но вот в чем дело: мы побываем на месте ловли, но ловцов не увидим. Сезон ловли жемчуга еще не начался. Но это не важно. Я прикажу взять курс на Манарский залив. Мы придем туда ночью.

Капитан сказал несколько слов своему помощнику, и тот вышел из салона. Через короткое время «Наутилус» вновь возвратился в свою водную стихию; манометр показывал, что судно шло на глубине тридцати футов.

Склонившись над картой, я стал искать Манарский залив. Я нашел его на девятой параллели, у северо-западных берегов Цейлона. Залив этот образуется продолговатой линией маленького острова Манар. Чтобы попасть туда, нужно было обогнуть весь западный берег Цейлона.

– Господин профессор, – обратился ко мне капитан Немо, – жемчуг ловят в Бенгальском заливе, в Индийском море, в Китайском и Японском морях, в морях Южной Америки, в Панамском заливе, в Калифорнийском заливе, но основные промысловые районы морского жемчуга сосредоточены на Цейлоне. Мы придем туда, правда, прежде времени. Ловцы жемчуга появляются в Манарском заливе не раньше марта месяца. К этому времени здесь собирается до трехсот судов, которые в течение тридцати дней занимаются этим доходнейшим промыслом. На каждом судне десять гребцов и десять водолазов. Водолазы работают в две смены. Погружаясь на глубину двенадцати метров, они держат между ногами тяжелый камень, который выпускают, достигнув нужной глубины. Тогда гребцы вытягивают камень, привязанный к веревке, обратно на борт.

– Стало быть, первобытный способ ловли жемчуга все еще практикуется?

– Практикуется, к сожалению, – отвечал капитан Немо, – хотя эти жемчужные россыпи принадлежат самой промышленной стране в мире – Англии, получившей их в собственность по Амьенскому договору тысяча восемьсот второго года.

– Мне кажется все же, что ваш усовершенствованный скафандр мог бы оказать большую помощь в этом деле.

– Да! Бедные ловцы жемчуга не могут долго оставаться под водой. Правда, англичанин Персиваль в своем «Путешествии на Цейлон» упоминает об одном кафре, который мог держаться целых пять минут под водой; но мне это кажется маловероятным. Я знаю, что некоторые водолазы остаются под водой пятьдесят семь секунд, а самые выносливые даже восемьдесят семь секунд; но таких очень немного; и у этих несчастных, когда они возвращаются на борт, из ушей и носа течет вода, окрашенная кровью. Я думаю, что средняя продолжительность пребывания водолаза под водой не свыше тридцати секунд. И за это короткое время надо успеть собрать в сетку раковины жемчужниц, которые им удастся найти! Водолазы не доживают до старости. Они рано дряхлеют, слабеет зрение, глаза начинают гноиться, тело покрывается язвами, и они часто умирают под водой от кровоизлияния в мозг.

– Да, – сказал я, – невеселая профессия. И все это ради удовлетворения женских причуд. Но скажите мне, капитан, сколько раковин может выловить за день одно такое судно?

– Приблизительно от сорока до пятидесяти тысяч. Говорят даже, что в тысяча восемьсот четырнадцатом году английское правительство организовало такую ловлю на государственный счет, и ловцы за двадцать дней добыли семьдесят шесть миллионов раковин.

– По крайней мере труд ловца высоко оплачивается? – спросил я.

– Очень низко, господин профессор. В Панаме они зарабатывают не больше доллара в неделю. Чаще всего они получают по одному су за раковину, содержащую жемчужину. А сколько попадается раковин, в которых нет жемчужин!

– По одному су... А бедняга обогащает своих хозяев! Это возмутительно!

– Итак, господин профессор, – сказал капитан Немо, – вместе со своими спутниками вы посетите Манарскую банку. И если случайно там окажется какой-нибудь нетерпеливый ловец, вы ознакомитесь с техникой этого промысла.

– Решено, капитан.

– Кстати, господин Аронакс, вы не боитесь акул?

– Акул? – вскричал я.

Вопрос показался мне по меньшей мере праздным.

– Ну, что вы скажете насчет акул? – настаивал капитан Немо.

– Должен признаться, капитан, что я еще не вполне освоился с этой породой рыб.

– А мы уже привыкли к ним, – сказал капитан Немо. – Со временем освоитесь и вы. Притом мы будем вооружены и, если удастся, поохотимся за какой-нибудь акулой. Охота за акулами чрезвычайно интересна. Итак, до завтра, господин профессор. Завтра будьте готовы пораньше.

Сказав это самым беззаботным тоном, капитан Немо вышел из салона.

Если бы вас приглашали охотиться на медведей в горах Швейцарии, вы бы сказали: «Отлично! Завтра пойдем на медведя!» Если бы вас приглашали охотиться на львов в долинах Атласа или на тигров в

джунглях Индии, вы бы сказали: «А-а-а! Стало быть, мы идем на тигра или на льва!» Но если вас приглашают охотиться на акул в их родной стихии, вы, наверное, задумаетесь, прежде чем принять такое решение.

Что касается меня, я провел рукой по лбу, на котором выступило несколько капель холодного пота.

«Обдумай хорошенько, – сказал я сам себе. – Спешить некуда. Охотиться за морскими выдрами в подводных лесах острова Креспо – еще куда ни шло! Но шататься по морскому дну, зная, что можешь наткнуться на акулу, – совсем иное дело!» Мне известно, что в некоторых местах, в частности на Андаманских островах, негры, не колеблясь, нападают на акул с кинжалом в одной руке, с петлей в другой. Но мне известно также, что многие из смельчаков, вступающих в единоборство с этим страшным животным, отправляются к праотцам! К тому же я не негр, а если б и был негром, то некоторое колебание с моей стороны все же простительно.

Мне мерещились акулы, я видел их огромные пасти, ощерившиеся несколькими рядами зубов, способных перекусить пополам человека. Я уже чувствовал боль в пояснице. И я не мог снести беспечного тона, которым капитан сделал мне это щекотливое предложение! Речь-то ведь шла не о том, чтобы обойти в лесу какую-нибудь безобидную лисицу...

«Хорошо! – думал я. – Консель, конечно, откажется принять участие в такой охоте, и у меня будет причина отклонить приглашение капитана».

Что касается Неда, признаться, я не был уверен в его благоразумии. Опасность, как бы велика она ни была, всегда таила в себе приманку для его воинственной натуры.

Я взял книгу Сирра, но перелистывал ее машинально. Между строк мне виделись разверстые грозные пасти.

Но тут вошли Консель и канадец. Они были настроены благодушно, даже весело. Они не знали, что их ожидает.

– Честное слово, сударь, – сказал Нед Ленд, – ваш капитан Немо – чтоб ему провалиться! – сделал нам очень любезное предложение.

– А-а! – сказал я. – Вы уже знаете...

– С позволения господина профессора, – ответил Консель, – командир «Наутилуса» пригласил нас завтра вместе с господином профессором посетить знаменитые цейлонские жемчужные промыслы. Он был крайне вежлив и выказал себя настоящим джентльменом.

– И больше он ничего не сказал?

– Ничего, сударь, – отвечал канадец. – Он сказал только, что вас он уже пригласил принять участие в этой подводной прогулке.

– Совершенно верно, – сказал я. – И он не упомянул об одном обстоя...

– Ни о каком обстоятельстве не было речи, господин профессор. Вы пойдете с нами, не правда ли?

– Я... конечно! Я вижу, что вы, мистер Ленд, входите во вкус подводных прогулок.

– О да! Это так занятно, очень занятно!

– И, может статься, опасно! – вставил я.

– Опасно? – ответил Нед Ленд. – Простая экскурсия на устричную банку!

Очевидно, капитан Немо не счел нужным навести моих товарищей на мысль об акулах. Я встревоженно смотрел на них, словно они уже лишились какой-нибудь конечности. Должен ли я

предупредить их о грозящей опасности? Несомненно. Но я не знал, как к этому подойти.

– Не пожелает ли господин профессор рассказать нам подробнее о ловле жемчуга?

– О ловле жемчуга, – спросил я, – или о связанных с ним случайностях, которые...

– Конечно, о ловле жемчуга! – сказал канадец. – Прежде чем отправляться в путь, надо знать дорогу.

– Ну-с, друзья мои, садитесь, и я расскажу вам о жемчужном промысле все, что сам узнал из книги Сирра.

Нед и Консель сели на диван, и канадец тут же задал мне вопрос:

– А что такое жемчужина, господин профессор?

– Для поэта, друг мой Нед, жемчужина – слеза моря, – отвечал я, – для восточных народов – окаменевшая капля росы; для женщин – драгоценный овальной формы камень с перламутровым блеском, который они носят, как украшение, на руках, на шее, в ушах; для химика – соединение фосфорнокислых солей с углекислым кальцием; и, наконец, для натуралиста – просто болезненный нарост, представляющий собой шаровидные наплывы перламутра внутри мягкой ткани мантии у некоторых представителей двустворчатых моллюсков.

– Типа моллюсков, – сказал Консель, – класса пластинчатожаберных, отряда анизомиарий.

– Совершенно верно, мой ученый друг! Способностью образовывать жемчужины обладает не только настоящая морская жемчужница, но и брюхоногие и головоногие моллюски, как то: морское ушко, или пинна, турбо, тридакна – словом, все моллюски, которые выделяют перламутр – органическое вещество, отливающее радужными цветами, голубым, синим, фиолетовым, которое устилает внутреннюю поверхность створок их раковин.

– Даже и съедобные ракушки? – спросил канадец.

– Да, и съедобные ракушки некоторых водоемов Шотландии, Уэльса, Ирландии, Саксонии, Богемии и Франции.

– Так-с! Примем это к сведению, – отвечал канадец.

– Но главным образом производит жемчуг жемчужница, *méléagrina margaritifera* – драгоценная перловица. Жемчужина представляет собой не что иное, как отложение перламутрового вещества, принявшее сферическую форму. Самые красивые, круглые, почти свободно лежащие жемчужины образуются между мантией и раковиной при размыкании створок от раздражения неорганическими тельцами, засевшими в мантии моллюсков. При образовании жемчужницы от неорганического вещества, прилегающего к внутренней поверхности раковины, образуются жемчужины, прикрепленные к раковине. Но во всех случаях жемчужина имеет ядро, вокруг которого тонкими концентрическими слоями из года в год нарастают отложения перламутрового вещества.

– А бывает в одной раковине по несколько жемчужин? – спросил Консель.

– Бывает, друг мой. Встречались раковины, представлявшие собой настоящий ларчик с драгоценностями. Говорят, хотя я в этом сомневаюсь, что в одной раковине было найдено не меньше ста пятидесяти акул.

– Сто пятьдесят акул! – вскричал Нед Ленд.

– Неужели я сказал «акул»? – воскликнул я смутившись. – Я хотел сказать – сто пятьдесят жемчужин. При чем тут акулы?

– Уж действительно, – сказал Консель. – А все же желательно было бы знать, как извлекают из

раковин этот самый жемчуг?

– Есть различные способы. Если жемчуг плотно прирос к створке раковины, его извлекают щипчиками. Но чаще всего выловленные раковины высыпают на циновки, разостланные на берегу. Моллюсков оставляют гнить на вольном воздухе. Через десять дней, когда процесс разложения завершится, раковины ссыпают в водоем с морской водой. После неоднократной промывки вскрывают створки раковин, и самые крупные жемчужины выбирают руками, а остающаяся грязь с мелкими жемчужинами вымывается из раковин. Теперь приступают к работе сортировщики. Сперва они отделяют от раковин перламутровые пластинки, известные в промышленности под названием *беспримесных серебристых, неполноценных белых, неполноценных черных*, которые продаются на вес, по сто двадцать пять и сто пятьдесят килограммов в каждом ящике. Затем извлекают из раковины паренхиму; мягкое тело животного подвергают кипячению до полного растворения и отцеживают из жидкости все, вплоть до мельчайших жемчужин.

– Ценность жемчужины зависит от ее величины, не так ли? – спросил Консель.

– Не только от величины, – отвечал я, – но и от формы, от того, чистой ли «воды» жемчужина, – иными словами, от ее цвета; наконец, от «игры», то есть от того, блестит и иридирует ли камень перламутровым блеском, столь приятным для глаза. Особенно ценным считается жемчуг, представляющий собой шаровидный наплыв перламутра, иногда прикрепленный к раковине, но обычно образующийся внутри мягких тканей мантии, так называемый *perles vierges*. Жемчужины эти образуются в складках ткани моллюска и покоятся там свободно; они белого цвета и большей частью непрозрачные, но у некоторых жемчужин опаловые переливы цветов. Форма этих драгоценных жемчужин чаще всего сферическая или грушевидная. Сферические жемчужины идут на браслеты, грушевидные – на серьги. Этот сорт жемчуга самый ценный и продается поштучно. Жемчужины, прикрепленные к раковине и более неправильной формы, ценятся дешевле и продаются на вес. Наконец, низший сорт жемчуга – мелкий жемчуг, известный под названием «бисера», – продается мерками и идет главным образом на вышивки и церковные облачения.

– Сортировка жемчуга, по-видимому, работа трудная и канительная, – сказал канадец.

– Отнюдь нет, друг мой! Сортировка жемчуга производится посредством сита или решета. Имеется одиннадцать различных сит для отсеивания жемчужин. Жемчуг, который остается после просеивания в редком сите, имеющем от двадцати до восьмидесяти отверстий, считается первосортным. Жемчуг второго сорта остается на решетках, в которых от ста до восьмисот отверстий. Наконец, жемчуг третьего сорта остается на решетках, имеющих от девятисот до тысячи отверстий.

– Хитро придумано! – сказал Консель. – Я вижу, что сортировка и классификация жемчуга производится механически. Не скажет ли господин профессор, какой доход приносит эксплуатация промысловых районов морского жемчуга?

– Судя по книге Сирра, – отвечал я, – цейлонские жемчужные банки ежегодно приносят три миллиона акул!

– Франков! – заметил Консель.

– Да, да, франков! Три миллиона франков, – поправился я. – Но кажется, теперь жемчужные промыслы не столь доходны, как в прежние времена. Хотя бы взять, к примеру, американские жемчужные промыслы. При Карле Пятом они приносили ежегодно четыре миллиона франков, а теперь едва ли дают две трети этой суммы. В общей сложности годовой доход с жемчужных промыслов можно исчислить в девять миллионов франков.

– Но я слышал, – сказал Консель, – что некоторые знаменитые жемчужины оценивались очень

высоко?

– Верно, мой друг! Говорят, что Цезарь подарил Сервилии жемчужину, стоившую сто двадцать тысяч франков на наши деньги!

– А вот я слышал, – сказал канадец, – что в древности одна дама пила жемчуг, растворенный в уксусе!

– Клеопатра! – заметил Консель.

– Напиток едва ли приятный на вкус! – прибавил Нед Ленд.

– Просто пренеприятный, друг Нед! – сказал Консель. – Зато рюмка такого раствора оценивалась в сто пятьдесят тысяч франков! Круглая сумма!

– Жаль, что эта дама не была моей женой, – сказал Нед Ленд, выразительно поглядывая на свои руки.

– Нед Ленд – супруг Клеопатры! – вскричал Консель.

– Я собирался жениться, Консель, – серьезно сказал канадец. – И не моя вина, что дело не сладилось. Я даже купил жемчужное ожерелье для Кэт Тендер, моей невесты. Но она, впрочем, вышла за другого. И что ж? Ожерелье стоило мне всего-навсего полтора доллара! Но – поверьте мне на слово, господин профессор, – ни одна жемчужина из этого ожерелья не прошла бы сквозь сито с двадцатью отверстиями!

– Мой дорогой Нед, – отвечал я смеясь, – это был искусственный жемчуг! Простые стеклянные шарики, наполненные жемчужной эссенцией.

– Все же эта эссенция должна дорого стоить, – возразил канадец.

– Эссенция ничего не стоит! Это не что иное, как серебристое вещество с чешуи рыбки-уклейки, растворенное в азотной кислоте. Даровое сырье.

– Поэтому-то, видно, Кэт Тендер и вышла за другого, – философски рассудил мистер Ленд.

– Но возвратимся к нашему разговору о драгоценных жемчужинах, – сказал я. – Не думаю, чтобы какой-нибудь монарх владел жемчужиной, равной жемчужине капитана Немо.

– Вот этой? – спросил Консель, указывая на великолепную жемчужину, хранившуюся под стеклом.

– Не ошибусь, оценив ее в два миллиона...

– ...франков! – поспешил сказать Консель.

– Да, – сказал я, – в два миллиона франков. А капитану стоило только нагнуться, чтобы взять ее!

– Э-э! – вскричал Нед Ленд. – А почему знать, может, и нам завтра, во время прогулки, попадется такая же?

– Б-ба! – произнес Консель.

– А почему же нет?

– А на что нам миллионы на борту «Наутилуса»?

– На борту, верно, не на что, – сказал Нед Ленд, – но... в другом месте...

– Э-э! В другом месте! – сказал Консель, качая головой.

– В самом деле, – сказал я, – Нед Ленд прав. И если мы когда-нибудь привезем в Европу или Америку жемчужину стоимостью в несколько миллионов, это придаст большую достоверность и большой вес рассказу о наших приключениях.

– Я думаю! – сказал канадец.

– Неужто, – сказал Консель, возвращавшийся всегда к познавательной стороне вопроса, – ловля жемчуга опасное ремесло?

– О нет, – отвечал я с живостью, – особенно если принять некоторые меры предосторожности.

– А что может быть опасного в этом ремесле? – сказал Нед Ленд. – Разве только хлебнешь лишний глоток соленой воды!

– Совершенно верно, Нед! А кстати, – сказал я, стараясь принять беспечный тон капитана Немо, – вы боитесь акул, Нед?

– Я? Гарпунер по профессии! – отвечал канадец. – Мое ремесло – плевать на них!

– Речь идет не о том, чтобы поймать акулу на крюк, втащить на палубу судна, отрубить ей хвост топором, вспороть брюхо, вырвать сердце и бросить его в море!

– Стало быть, речь идет...

– Вот именно!

– В воде?

– В воде!

– Черт возьми! А на что при мне мой гарпун? Видите ли, господин профессор, акулы довольно неуклюжие животные. Чтобы хапнуть вас, им надобно перевернуться на спину... Ну а тем временем...

Нед Ленд произносил слово «хапнуть» с такой интонацией, что мороз пробежал по спине.

– Ну а ты, Консель? Как ты насчет акул?

– Я, – сказал Консель, – буду говорить начистоту с господином профессором.

«В добрый час!» – подумал я.

– Ежели господин профессор решается идти на акулу, – сказал Консель, – как же я, его верный слуга, не последовал бы за ним!

Глава третья

ЖЕМЧУЖИНА ЦЕННОСТЬЮ В ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ

Наступила ночь. Я лег спать. Спал я дурно. Акулы играли главную роль в моих сновидениях, и я находил очень верным и в то же время неверным грамматическое правило, производящее слово «акула» – requin от слова requiem – «панихида».

На следующий день в четыре часа утра меня разбудил матрос, приставленный ко мне для услуг капитаном Немо. Я быстро встал, оделся и вышел в салон.

Капитан Немо ждал меня там.

– Господин Аронакс, – сказал он, – вы готовы?

– Я готов.

– Потрудитесь следовать за мной.

– А мои спутники, капитан?

– Они уже предупреждены и ждут нас.

– Мы наденем скафандры?

– Пока нет. Я не хочу, чтобы «Наутилус» подходил слишком близко к здешним берегам, ведь мы еще довольно далеко от Манарского мелководья; но я приказал снарядить шлюпку, в которой мы и подплывем к самой отмели, а это значительно сократит нашу переправу. Водолазные аппараты уже перенесены в шлюпку, и мы наденем их перед самым погружением в воду.

Капитан Немо подвел меня к центральному трапу, ведущему на палубу. Нед и Консель, обрадованные предстоящей «веселой прогулкой», уже ожидали нас там. Пять матросов из команды «Наутилуса» с веслами наготове дожидались в шлюпке, спущенной на воду.

Еще не рассвело. Редкие звезды мерцали в просветах густых облаков, обложивших небо. Я искал глазами землю, но мог различить лишь туманную полоску, затянувшую три четверти горизонта, от юго-запада до северо-запада. «Наутилус», прошедший за ночь вдоль западного побережья Цейлона, находился теперь близ входа в бухту, или, вернее, в залив, образуемый берегами Цейлона и острова Манар. Там, под темными водами, таились рифы – неистощимые жемчужные поля, расстилавшиеся почти на двадцать миль в округе.

Капитан Немо, Консель, Нед Ленд и я заняли места на корме шлюпки. Один из матросов стал к рулю; четверо его товарищей взяли за весла; был отдан конец, и мы отчалили.

Шлюпка держала путь на юг. Гребцы действовали не спеша. Я заметил, что взмахи весел следовали с промежутками в десять секунд, как это практикуется в военно-морском флоте. И в то время, когда шлюпка шла по инерции, слышно было, как водяные брызги падали с весел на темные воды, образуя как бы пену расплавленного свинца. Легкая зыбь с открытого моря чуть покачивала шлюпку, и гребешки волн с плеском разбивались о ее нос.

Мы молчали. О чем думал капитан Немо? Не о том ли, что земля, к которой мы стремились, была уже чересчур близка, хотя, по мнению канадца, мы находились слишком далеко от нее. Что касается Конселя, он присутствовал тут просто в качестве любопытного.

В половине шестого, с первыми проблесками зари, обозначилась более четко линия гор на горизонте. Низменный восточный берег переходил постепенно в гористые южные берега. Мы находились теперь в пяти милях от острова, и его берега все еще сливались с линией свинцового моря. Море было пустынно. Ни шлюпки, ни водолазов. Тишина пустыни царила в этих краях искателей жемчуга. Капитан Немо был прав – мы прибыли сюда раньше времени.

В шесть часов утра, внезапно, как это свойственно тропическим странам, не ведающим ни утренней зари, ни вечерних закатов, настал ясный день. Солнечные лучи вдруг прорвались сквозь завесу туч, собравшихся на горизонте, и дневное светило озарило небосвод.

Теперь я отчетливо видел землю и даже редкие деревья на берегу.

Шлюпка приближалась к острову Манар, береговая полоса которого закруглялась с южной стороны. Капитан Немо поднялся со скамьи и стал всматриваться в морскую даль.

По его знаку шлюпка стала на якорь, но пришлось вытравить не больше одного метра якорной цепи, так как в этом месте жемчужная отмель лежала неглубоко под водой. Но в этот момент отлив подхватил шлюпку и отнес ее в открытое море, насколько позволяла якорная цепь.

– Вот мы и приехали, господин Аронакс, – сказал капитан Немо. – Вы видите эту замкнутую бухту? Тут через месяц соберется множество промысловых судов, и тысячи отважных водолазов погрузятся в эти воды. Превосходная бухта для промысла такого рода! Она защищена горами от самых сильных ветров, а море здесь не бывает слишком бурным – обстоятельства, чрезвычайно благоприятные для водолазов. Ну а теперь давайте облачаться в скафандры и отправимся на прогулку!

Я ничего не сказал в ответ и, не сводя глаз с этих предательских вод, стал с помощью одного из матросов облачаться в тяжелый водолазный наряд. Капитан Немо и оба моих товарища тоже одевались. Никто из команды «Наутилуса» не должен был сопровождать нас в этой необычной экскурсии.

Вскоре мы были заключены по самую шею в резиновые одежды, и на спину нам повесили резервуары со сжатым воздухом. Что касается аппаратов Румкорфа, их не было и в помине. Прежде чем надеть на голову водолазный шлем, я напомнил о них капитану.

– Эти аппараты нам не нужны, – отвечал капитан. – Мы не станем опускаться на большие глубины, а мелководе достаточно освещается солнцем. Вдобавок было бы неблагоразумно зажигать электрические фонари в этих водах. Свет фонаря может привлечь внимание опасных хищников, обитающих в здешних морях.

В то время как капитан Немо произносил эти слова, я обернулся в сторону Консея и Неда Ленда. Но друзья уже успели нацепить на голову металлические шлемы и ничего не могли слышать.

Мне оставалось лишь предложить капитану Немо последний вопрос.

– А наше оружие? – спросил я. – Наши ружья?

– Ружья? На что они нам? Ведь ходят же горцы на медведя с кинжалом в руках! А разве сталь не надежнее свинца? Вот отличный клинок, заткнете его за пояс – и в поход!

Я посмотрел на товарищей. Они были вооружены, как и мы с капитаном, а Нед Ленд вдобавок размахивал огромной острогой, которую он захватил с собой, покидая «Наутилус».

Мне оставалось только, следуя примеру капитана, всунуть голову в тяжелый медный шар, и тут же наши резервуары со сжатым воздухом были приведены в действие.

Минуту спустя матросы высадили нас одного за другим в воду, и уже на глубине не более полутора метров мы нащупали ногами песчаное дно. Капитан Немо сделал знак рукой. Мы последовали за ним по

отлогому спуску. Вскоре мы погрузились на изрядную глубину.

Угнетавшие меня мысли вдруг рассеялись. Я обрел удивительное спокойствие. Легкость движений придала мне уверенности, а невиданное зрелище пленило мое воображение.

Солнечные лучи, проникая сквозь прозрачные воды, достаточно ярко освещали дно. Видны были даже самые мельчайшие раковины. Еще десять минут, и мы уже находились на глубине пяти метров; дно становилось все ровнее.

Из-под наших ног, словно бекасы на болоте, вспорхнула стайка занятных рыб из рода одноперых, не имеющих другого плавника, кроме хвостового. Я признал яванскую, настоящую змею длиной в девяносто сантиметров, с брюшком белесовато-серого цвета, которую легко можно было принять за морского угря, если бы не золотистые полоски на боках. Из рода строматид, с их характерным чрезвычайно сплюснутым телом, я заметил рыб-паров яркой окраски, со спинным плавником в виде серпа; рыбы эти съедобны и в высушенном и в маринованном виде являются превосходным блюдом, известным под названием karavade. И наконец, я увидел морских карасей – транкебаров, тела которых покрыты чешуйчатым панцирем из восьми продольных полос.

Между тем всходившее солнце все ярче и ярче освещало морское дно. Характер почвы понемногу изменялся. Мягкий песчаный грунт уступил место как бы подобию шоссе из обломочных пород, покрытой ковром из моллюсков и зоофитов. Среди образцов этих двух вышеупомянутых особей я заметил устрицеобразные раковины, тонкостенные, с нежными замочными зубами из плиоцена Красного моря и Индийского океана, шарообразные раковины оранжевых луцин, шиловок, персидских багрянок, снабжавших «Наутилус» превосходной краской, рогатых каменок длиной в пятнадцать сантиметров, вытянутых вверх, точно руки, готовые вас схватить, роговидных кубаревиков, сплошь покрытых шипами, двустворчатых раковин-лингул, уткородок, съедобных раковин, экспортируемых на рынки Индостана, полипов, пелагийпанопир, слегка фосфоресцирующих, и, наконец, очаровательных веерообразных глазчаток – этих великолепных опал, являющих собой одно из самых роскошных воспроизведений океанской фауны.

Среди этих «животных-цветов», под сенью гидроидов, кишки легионы членистоногих животных, преимущественно ракообразных, с треугольным, слегка округленным панцирем: «пальмовые воры» – особенность здешних побережий, ужасные партенопы омерзительного вида. Мне довелось несколько раз встретить другое, не менее гнусное животное – это был гигантский краб, описанный Дарвином. Природа наделила пальмового вора инстинктом и силой в такой степени, что он может питаться кокосовыми орехами; вскарабкавшись на прибрежные деревья, крабы обрывают кокосы; орехи при падении трескаются, и животные вскрывают их своими мощными клешнями. Здесь, в этих прозрачных водах, крабы передвигались с удивительной быстротой, между тем как морские черепахи, из тех, что водятся у малабарских берегов, медленно ползали между скал.

Около семи часов утра мы наконец добрались до жемчужной отмели, где размножаются миллионами жемчужницы. Эти драгоценные моллюски прикрепляются к подводному утесу и буквально присасываются к нему посредством биссуса коричневого цвета, лишаясь тем самым возможности передвигаться. В этом отношении жемчужницы уступают обычным устрицам, которым во взрослом состоянии природа не отказала в способности свободно двигаться.

Жемчужница мелеагрина, перламутровая устрица, представляет собой округлой формы раковину, плотные створки которой почти одинаковой величины, а наружная поверхность чрезвычайно ребристая. Спиральные ребра некоторых раковин изоборждены зеленоватыми обрастаниями водорослей, которые идут лучеобразно. Раковины эти принадлежат молодым устрицам. Раковины в возрасте десяти лет и выше, наружная поверхность которых благодаря утолщению створок покрывается более грубыми

концентрическими краями почти черного цвета, достигают в ширину пятнадцати сантиметров.

Капитан Немо указал мне на это удивительное скопление раковин, и я понял, что этот кладезь поистине неисчерпаем, ибо творческая сила природы все же превышает разрушительные инстинкты человека. Нед Ленд, верный своей склонности к разрушению, спешил наполнить самыми лучшими моллюсками сетку, висевшую у его пояса.

Но подолгу останавливаться мы не могли. Нужно было идти следом за капитаном, который, по-видимому, вел нас по знакомой ему дороге. Дно заметно повышалось, и порой моя поднятая рука выступала над поверхностью моря. И тут же под ногами неожиданно возникала впадина. Часто нам приходилось обходить высокие пирамидальные утесы. В мраке их расщелин гнездились огромные ракообразные. Приподнявшись на высоких лапках, они впивались в нас взглядом своих круглых глаз, напоминая собой пушки с наведенными дулами, а под нашими ногами копошились nereиды, глициеры, ариции и другие кольцецы, вытягивавшие свои длинные усики и щупальца.

Но вот перед нами возник обширный грот, образовавшийся в живописной группе скал, покрытых пестрым ковром подводной флоры. Вначале мне показалось, что в этой подводной пещере царит глубокий мрак. Солнечные лучи словно бы угасали у самого входа в грот. То был призрачный свет поглощенных водой солнечных лучей.

Капитан Немо вошел в грот. Мы последовали за ним. Я скоро освоился с относительной темнотой пещеры. Я различил купол свода, столь причудливо округленного, опиравшегося на естественные пилястры с широким гранитным основанием, напоминавшие тяжелые колонны тосканской архитектуры. Зачем понадобилось нашему непостижимому вожатому влечь нас за собой в глубь этой подземной пещеры? Я скоро понял, в чем была причина.

Спустившись по довольно крутому склону, мы очутились на дне некоего подобия круглого колодца. Тут капитан Немо остановился и указал нам на предмет, которого я сразу не заметил.

Это была раковина необыкновенной величины, гигантская тридакна диаметром в два метра и, стало быть, больше той, которая украшала салон «Наутилуса». Чаша, вместившая бы в себя целое озеро святой воды!

Я подошел поближе к этому чудесному моллюску. Он прикрепился своим биссусом к гранитному пласту и рос в одиночестве в спокойных водах грота. По моим соображениям, эта тридакна весила килограммов триста. В такой устрице было, надо полагать, не менее пятнадцати килограммов мякоти. Надобно иметь желудок Гаргантюа, чтобы переварить дюжину подобных устриц!

Капитан Немо, по-видимому, знал о существовании этой двустворчатой раковины. Вероятно, не в первый раз приходил он в этот грот. И я вообразил, что он привел нас сюда ради того лишь, чтобы показать нам этот курьез природы. Но я ошибся. У капитана Немо были к тому свои причины: он интересовался состоянием тридакны.

Обе створки моллюска были приоткрыты. Капитан Немо, подойдя к раковине, вложил кинжал между створками, чтобы не дать им сомкнуться; затем он приподнял рукой бахромчатый край мантии.

Там, между листовидными складками мантии, свободно покоилась жемчужина величиной с кокосовый орех. Жемчужина безупречной сферической формы, чистой воды, бесподобного отлива! Драгоценность баснословной стоимости! В порыве неуместного любопытства я протянул руку, чтобы схватить этот перл, осязать его, взвесить! Но капитан, знаком остановив меня, быстрым движением вынул кинжал из раковины, и створки его мгновенно сомкнулись.

И тут я понял намерение капитана Немо. Оставляя жемчужину под мантией тридакны, он давал ей

возможность постепенно расти. С каждым годом выделения моллюска прибавляли к ней новые концентрические слои. Один только капитан Немо знал грот, где «зреет» этот прелестный плод; один он, так сказать, растил его, чтобы со временем перенести в свой великолепный музей. Могло быть и так, что, по примеру китайцев или индусов, он сам вызвал развитие этой жемчужины путем внесения в мантию моллюска инородного твердого тела – в виде бусинки или металлического шарика, – которое благодаря отложениям перламутра постепенно обросло перламутровым покровом. Как бы то ни было, но, сравнивая эту жемчужину с теми, которые мне доводилось видеть прежде, и с теми, что хранились в коллекции капитана Немо, я мысленно оценил ее по крайней мере в десять миллионов франков. Это был перл творчества природы, а не предмет роскоши! И какое женское ухо могло бы выдержать тяжесть такой жемчужины?

Осмотр великолепной тридакны был окончен. Капитан Немо вышел из грота, и наше шествие в этих спокойных водах, еще не вспененных искателями жемчуга, возобновилось. Путь к жемчужной отмели пролегал в гору.

Мы шли порознь, точно заправские фланеры; каждый из нас задерживался на месте или уклонялся в сторону по своей воле. Я уже не страшился более опасностей, столь смешно преувеличенных игрой воображения. Подводная скала заметно вела нас к поверхности моря. И наконец, на глубине одного метра под уровнем океана моя голова выступила из воды. Консель догнал меня и, приблизив стекла своего шлема к моим, передал мне глазами дружеский привет. Но плоскогорье простиралось всего лишь на несколько метров.

Вскоре мы опять вступили в свою стихию. Неужели я не вправе теперь называть водную среду своей стихией?

Десять минут спустя капитан Немо вдруг остановился. Я думал, что он хочет вернуться обратно. Но нет! Движением руки он приказал нам спрятаться в расщелине скалы. Затем он указал на какую-то точку в водной массе. Я стал внимательно всматриваться.

В пяти метрах от меня мелькнула и пошла ко дну какая-то тень. Тревожная мысль об акулах пронеслась в моем мозгу. Но я ошибся: на этот раз мы имели дело не с морскими чудовищами.

Это был человек, живой человек, – индус, ловец жемчуга, бедняга, явившийся, несомненно, собирать колосья раньше жатвы. Я заметил дно его лодки, стоявшей на привязи в нескольких футах над его головой. Он нырял и всплывал непрерывно. Опускаясь в воду, он держал между ног камень, обточенный в виде сахарной головы и привязанный веревкой к корме лодки, что помогало ему быстрее опускаться на дно. В этом состояло все его водолазное снаряжение. На глубине примерно пяти метров он выпускал камень, бросался на колени и торопливо заполнял сетку, привязанную у пояса, первыми попавшимися под руку раковинами. Затем он всплывал на поверхность, опоражнивал сетку, опять брал камень и снова начинал ту же операцию, продолжавшуюся секунд тридцать.

Водолаз не видел нас. Мы укрывались за выступом скалы. Да и как мог этот бедняга индус предположить, что люди, существа, подобные ему, находятся рядом с ним, под водой, наблюдая за каждым его движением, не упуская ни единого момента его ловли?

Много раз он всплывал и снова погружался в воду. И всякий раз он приносил не более десятка раковин, потому что их надо было отрывать от грунта, к которому они прикрепились своими крепкими биссусными нитями. А сколько раковин, из-за которых он рисковал жизнью, было пустыми!

Я внимательно следил за ним. Он нырял и всплывал на поверхность через определенные промежутки времени, и в течение получаса никакая опасность не угрожала ловцу.

У меня начал уже пропадать интерес к этой занятой работе, как вдруг индус, стоявший на коленях,

шарахнулся в сторону, вскочил на ноги и сделал попытку всплыть на поверхность воды.

Я понял причину его испуга. Гигантская тень пронеслась над несчастным водолазом. Это была акула огромной величины, она приближалась к нему наискось, с горящими глазами, с разверстой пастью!

Я замер от ужаса, не мог сделать ни малейшего движения.

Сильным ударом плавников прожорливое животное ринулось на индуса; индус отскочил в сторону и избежал зубов акулы, но он не успел уклониться от удара ее хвоста: удар пришелся по груди и сшиб его с ног.

Все это свершилось в несколько мгновений. Акула сначала несколько приостановилась, а затем, перевернувшись на спину, снова ринулась на индуса, собираясь перекусить его пополам; но тут я увидел, что капитан Немо, стоявший возле меня, выхватил из-за пояса кинжал и шагнул навстречу чудовищу, готовясь вступить с ним в единоборство.

В тот момент, когда страшная тварь уже готова была вцепиться зубами в несчастного ловца, внимание ее привлек новый противник. Перевернувшись на брюхо, животное бросилось в сторону капитана Немо.

Я, как сейчас, вижу его. Откинувшись немного назад, он с удивительным хладнокровием ожидал приближения страшной акулы; и как только та бросилась на него, капитан с удивительной ловкостью отскочил в сторону, уклонился от удара и тут же по самую рукоятку всадил ей в брюхо кинжал. Но не все еще было кончено. Завязалась отчаянная борьба.

Акула, образно говоря, взревела. Кровь потоком лилась из ее раны. Море окрасилось в багрец, и сквозь окровавленные воды я уже не мог ничего увидеть.

Я не мог ничего увидеть до той минуты, пока кровавые волны не отхлынули и пространство вокруг нас не очистилось.

И тут я увидел, что отважный капитан, вцепившись в плавник акулы, отчаянно борется с животным, нанося ему в брюхо рану за раной. Но он был лишен возможности нанести решительный удар, попасть в самое сердце! Растерзанная акула изгибалась и разбрасывала хвостом воду вокруг себя с такой силой, что я едва держался на ногах.

Я хотел было броситься на помощь капитану. Но, скованный ужасом, не мог сделать ни шагу.

Я был в состоянии полной растерянности. Я видел, что положение сражающихся меняется. Капитан упал, опрокинутый тяжестью огромной туши. Пасть акулы раскрылась. И все было бы кончено для капитана, если б Нед Ленд, быстрый, как мысль, не подскочил к акуле и не сразил животное своим страшным орудием.

Воды снова обгарились хлынувшей кровью. Заходили волны под ударами хвоста взбешенного животного. Нед Ленд не промахнулся. То была агония чудовища. Акула билась в предсмертных судорогах, описывая хвостом круги среди вспененных вод. И сила волны была такова, что сбила Конселя с ног.

Тем временем Нед Ленд помог капитану высвободиться из-под животного. Капитан не был ранен. Он встал, кинулся к индусу, перерезал веревку, которая связывала его с камнем, и, обхватив несчастного рукой, оттолкнулся от дна и всплыл на поверхность океана.

Мы всплыли за ним следом и через несколько секунд оказались возле лодки водолаза.

Прежде всего капитан Немо позаботился привести беднягу в чувство. Я не был уверен, удастся ли ему спасти индуса. Правда, под водой он пробыл короткое время. Но ударом хвоста акула могла его убить...

К счастью, благодаря энергичным мерам, принятым капитаном и Конселем, сознание постепенно возвращалось к утопленнику. Он раскрыл глаза. Можно представить себе, каково было его удивление,

даже испуг, когда он увидел четыре медные головы, склонившиеся над ним!

Но что мог он подумать, когда капитан Немо, вынув из кармана мешочек с жемчугом, вложил его ему в руку! Бедный цейлонский индус дрожащей рукой принял великолепный дар обитателя морей... Его испуганный взгляд говорил, что он не знает, каким неведомым существам обязан он и жизнью и богатством.

По знаку капитана мы пошли обратно к жемчужной отмели и после получаса ходьбы по знакомой дороге оказались возле шлюпки «Наутилуса», стоявшей на якоре.

Мы сели в шлюпку и с помощью матросов освободились от своих тяжелых металлических шлемов.

Первое слово капитана Немо было обращено к канадцу.

– Благодарю вас, мистер Ленд! – сказал он.

– Не стоит благодарности, капитан, – отвечал Нед Ленд. – Я был у вас в долгу.

Легкая улыбка скользнула по губам капитана, и этим все кончилось.

– К «Наутилусу»! – приказал он.

Шлюпка понеслась по волнам. Несколько минут спустя нам повстречался труп акулы, всплывший на поверхность.

По черной окраине плавников я узнал страшную акулу-людоеда Индийского океана. Рыба была более двадцати пяти футов в длину; огромная пасть занимала одну треть тела. Это была взрослая акула, судя по шести рядам ее зубов, расположенным в верхней челюсти в форме равнобедренного треугольника.

Консоль разглядывал околевшую акулу с чисто научным интересом; и я уверен, что он отнес ее, и не без основания, к подклассу элазмобранхит, отряду селахиевых или широкооротых.

В то время как я рассматривал эту безжизненную тушу, около дюжины прожорливых акул этого же вида всплыло вокруг шлюпки. Не обращая на нас никакого внимания, они накинулись на труп, вырывая друг у друга куски мяса.

В половине девятого мы взошли на борт «Наутилуса».

Мысли мои постепенно возвращались к нашей экскурсии на Манарскую отмель. Я отдавал дань несравненной отваге капитана Немо, в чем я имел случай убедиться. И затем я понял, что этот человек способен пожертвовать собой ради спасения представителя человеческого общества, от которого он бежал в морские глубины! Что бы ни говорил о себе этот загадочный человек, все же ему не удалось убить в себе чувство сострадания.

Я высказал ему это. Он ответил мне, заметно взволновавшись:

– Но это был индус, господин профессор, представитель угнетенного народа, а я до последнего вздоха буду защитником угнетенных!

Глава четвертая

КРАСНОЕ МОРЕ

Днем 29 января остров Цейлон скрылся за горизонтом. «Наутилус» со скоростью двадцати миль в час лавировал в лабиринте проливов между Мальдивскими и Лаккадивскими островами. Мы обогнули остров Киттан, кораллового происхождения, открытый Васко да Гама в 1499 году, один из главных девятнадцати островов Лаккадивского архипелага, лежащего между 10° и 14°30 северной широты и 69° и 50°72 восточной долготы.

Мы сделали, стало быть, с момента выхода из Японского моря шестнадцать тысяч двести двадцать миль, или семь тысяч пятьсот лье.

На следующий день, 30 января, когда «Наутилус» всплыл на поверхность океана, островов уже не было видно. Он держал курс на северо-северо-запад, по направлению к Оманскому заливу, который лежит между Аравией и Индийским полуостровом и служит входом в Персидский залив.

Очевидно, это был закрытый залив, не имевший выхода в море. Куда же вел нас капитан Немо? Я не мог этого сказать. Такой ответ не удовлетворил канадца, который именно в этот день спрашивал меня, куда же мы держим путь.

– Мы держим путь туда, мистер Ленд, куда ведет нас фантазия капитана.

– Фантазия капитана не может завести нас далеко, – отвечал канадец. – Персидский залив не имеет другого выхода, и если мы войдем в него, нам придется возвращаться обратно тем же путем.

– Ну что ж! И возвратимся, мистер Ленд. Если после Персидского залива «Наутилус» пожелает посетить Красное море, то Баб-эль-Мандебский залив всегда к его услугам.

– Позвольте, господин профессор, – отвечал Нед Ленд, – но Красное море, как и Персидский залив, не имеет другого выхода! Суэцкий перешеек еще не прорыт. Да и будь он прорыт, неужто такое законспирированное судно, как наше, отважилось бы вступить в канал, перекрытый шлюзами? Стало быть, Красное море не тот путь, который приведет нас в Европу.

– Но я не говорил, что мы идем в Европу.

– Что же вы полагаете?

– Я полагаю, что, посетив воды, омывающие берега Аравии и Египта, «Наутилус» возвратится в Индийский океан либо через Мозамбикский пролив, либо мимо Маскаренских островов и достигнет мыса Доброй Надежды.

– Ну-с, а когда мы достигнем мыса Доброй Надежды? – с особенной настойчивостью спросил канадец.

– Обогнув мыс Доброй Надежды, мы выйдем в Атлантический океан. В этих водах мы еще не бывали. Послушайте, друг Нед, неужели вам наскучило подводное плавание? Я же буду крайне огорчен, если наше увлекательное путешествие неожиданно окончится. Не всякому выпадет на долю такая удача!

– Но не забывайте, господин Аронакс, – отвечал канадец, – что вот уже три месяца мы живем пленниками на борту «Наутилуса»!

– Я этого не помню, Нед! Не хочу помнить! На борту «Наутилуса» я не считаю ни часов, ни дней!

– Но чем все это кончится?

– Кончится в свое время! Кстати, мы бессильны ускорить наступление конца, и споры на эту тему напрасны. Если б вы, Нед, сказали мне: «Представился случай бежать!» – я обсудил бы с вами шансы побега. Но такого случая не представляется, и, говоря откровенно, я не думаю, чтобы капитан Немо когда-либо рискнул войти в европейские моря.

Что касается Неда Ленда, он закончил разговор в форме монолога: «Все это хорошо и распрекрасно! Но, по моему мнению, в неволе ничто сердце не радуется!»

В течение четырех дней, до 3 февраля, «Наутилус» плавал в Оманском заливе с разными скоростями и на разных глубинах. Казалось, он шел наудачу, как бы колеблясь в выборе пути; но ни разу за это время мы не пересекли тропик Рака.

Выходя из Оманского залива, мы на короткое время увидели Маскат, главный город протектората Оман. Я был очарован живописным расположением города среди черных скал, на фоне которых резко выделялись белые стены зданий и крепостей. Четко вырисовывались круглые купола мечетей, изящные шпили минаретов, радовала глаз свежая зелень набережных, спускавшихся террасами к самому морю. Но это было лишь мимолетное видение, и вскоре «Наутилус» погрузился в глубины этих угрюмых вод.

Затем мы прошли на расстоянии шести миль от аравийских берегов, мимо Хадрамаута, вдоль волнистой гряды прибрежных гор с развалинами древних храмов. Наконец, 5 февраля, мы вошли в Аденский залив, настоящую воронку, вставленную в горлышко Баб-эль-Мандебского пролива, через которую воды Индийского океана вливаются в Красное море.

Шестого февраля «Наутилус» шел в виду города Адена, расположенного на скале, далеко выступающей в море и соединенной с континентом узким перешейком, настоящим аравийским Гибралтаром. Будучи захвачен англичанами в 1839 году, он превратился в неприступную крепость. Промелькнули вдали восьмигранные минареты этого города, который, по сказанию историка Эдризиджи, был некогда самым оживленным и богатым торговым пунктом на всем побережье.

Я был уверен, что капитан Немо, дойдя до этих мест, повернет обратно. Но, к моему удивлению, я ошибся.

На следующий день, 7 февраля, мы вошли в Баб-эль-Мандебский пролив, что по-арабски означает: «Врата слез». При двадцати милях ширины этот пролив в длину насчитывает всего пятьдесят два километра, и «Наутилус», дав полный ход, в один час прошел это пространство. И мне не удалось увидеть даже берегов острова Перим, захваченного англичанами с целью установить господство Адена над морем. Слишком много английских и французских пароходов, связующих Суэц с Бомбеем, Калькутту с Мельбурном, остров Бурбон с островом Святого Маврикия, бороздило воды этого узкого пролива, чтобы «Наутилус» попытался всплыть на поверхность. Поэтому мы благоразумно держались под водой.

Наконец, в полдень, мы вошли в воды Красного моря.

Красное море! Прославленное озеро библейских преданий! Никогда не проливаются ливни над его водами! Никакая многоводная река не пополняет его водоем! Ежегодно испарение его вод понижает на полтора метра уровень его поверхности. Удивительный залив! Будучи замкнут со всех сторон подобно озеру, он, может статься, совершенно бы высох. В этом отношении он находится в худшем положении, нежели Каспийское и Мертвое моря, уровень которых понижался только до тех пор, пока их испарение не уравновесилось суммой вливающихся в них вод.

Красное море простирается на две тысячи шестьсот километров в длину при средней ширине в двести сорок километров. Во времена Птолемея и римских императоров оно было главной артерией мировой

торговли. Открытие Суэцкого канала вернет ему былое значение, которое уже отчасти восстановлено с проведением железных дорог.

Я не желал искать причины, побудившей капитана Немо войти в этот залив. Но я принял без оговорок возможность побывать в здешних водах. Мы шли средним ходом, то держась на поверхности, то погружаясь в глубины, чтобы избежать встречи с каким-либо судном. И я мог наблюдать это любопытное море и на поверхности и в глубинах.

Восьмого февраля на рассвете мы завидели Мокка – город, представляющий собой груды развалин, которые обрушиваются при одном звуке пушечного выстрела. Среди развалин тут и там зеленели финиковые пальмы. В былые времена город был крупным торговым центром; там было шесть рынков, двадцать шесть мечетей и четырнадцать фортов, окружавших его кольцом в три километра.

«Наутилус» приблизился к африканским берегам, где имеются глубокие впадины. Там, в глубинах кристаллически чистых вод, мы любовались сквозь хрустальные стекла окон прелестными кустистыми колониями ярко-красных кораллов, подводными скалами, устланными великолепным зеленым ковром водорослей. Незабываемое зрелище! Какие очаровательные пейзажи являют собой эти подводные рифы и острова вулканического происхождения, примыкающие к Ливийскому побережью! Но во всей своей красоте подводная флора и фауна предстала у восточных берегов, к которым «Наутилус» вскоре приблизился. То было у берегов Тихама, где эти зоофиты во множестве пышно распускались не только в морских глубинах, но и вздымались в причудливом сплетении на десять саженей поверх воды. Последние были более живописными, но менее красочными, чем первые, свежесть которых поддерживалась живительной влагой вод.

Сколько чудесных часов провел я, сидя у окна в салоне! Сколько новых образцов подводной флоры и фауны увидел я при свете нашего прожектора! Тут были грибовидные кораллы, актинии аспидного цвета, тубипориды – восьмилучевые кораллы, похожие на флейты, ожидавшие, казалось, лишь дуновения Пана, бесчисленные глубоководные организмы, характерные для здешних вод: мадрепоровые кораллы – основные компоненты коралловых рифов, дающие в своей пористой, ноздреватой массе приют богатейшей фауне; наконец, тысячи разновидностей еще не встречавшейся мне обыкновенной морской губки.

Класс губок, первый из группы полипов, получил свое название от любопытного продукта, полезность которого бесспорна. Губка – отнюдь не растение, как думают еще некоторые натуралисты, а самый низший тип многоклеточных животных, стоящих на более низкой ступени развития, чем даже кораллы. Принадлежность губок к животному миру не подлежит сомнению, и нельзя поэтому согласиться с древними, которые относили губку к промежуточным формам между животными и растениями. Но я должен сказать, что натуралисты до сих пор не пришли к согласию относительно строения губок. По мнению некоторых, это целая колония микроскопических организмов. Другие же, как Мильн Эдвардс, считают, что каждая губка – самостоятельное животное.

Класс губок включает много сот видов, которые водятся только в морях, за исключением семейства «пресноводных», или бодяг. Но чаще всего губки встречаются в водах Средиземного моря, Греческого архипелага, у берегов Сирии и в Красном море. Там главным образом водятся тончайшие туалетные губки, цена которым доходит до ста пятидесяти франков за штуку; золотистая сирийская губка, жесткая берберийская и т. д. Но раз я не мог изучать этих зоофитов в пределах Леванта, от которого нас отделял Суэцкий перешеек, приходилось удовольствоваться лицезрением их в водах Красного моря.

Я позвал Консея, и мы оба смотрели в окно, в то время как «Наутилус» медленно шел на глубине восьми-девяти метров под уровнем моря, мимо живописных подводных утесов восточного берега.

Тут росли губки всех видов: губки ветвистые, листоватые, шаровидные, лапчатые. Поистине своей формой они оправдывали названия – корзиночки, чашечки, прялки, лосий рог, львиная лапа, павлиний хвост, перчатка Нептуна, – которыми одарили их ловцы губок, более поэтически настроенные, нежели ученые. Волокнистая ткань губок, насыщенная студенистым веществом, благодаря подвижным жгутикам клеток, выстилающих внутреннюю полость, постоянно обмывается водой, которая поступает через вводящие поры и выходит наружу через выводное отверстие, так называемое устье. Вещество губки разлагается после отмирания и, разлагаясь, выделяет аммиак. Когда процесс распада студенистого вещества завершается и все живые ткани выгнивают и вымываются водой, от животного остается только роговой скелет, постепенно приобретающий золотисто-соломенный цвет и мягкость, из которого и состоит обыкновенная туалетная губка. Смотря по степени своей упругости, водопроницаемости или прочности при вымочке, губка применяется для разных надобностей.

Губки лепились по скалам, прикреплялись к раковинам моллюсков, даже к стеблям гидроидов. Они гнездились в расселинах скал, стлались понизу, ползли вверх, свисали, точно коралловые полипы. Я объяснил Конселю, что губки собирают двояким способом: драгами и вручную. Ручной способ считается лучшим потому, что губки плотно прирастают к твердому грунту и обитают на небольших глубинах, доступных ныряльщику, который отрывает их осторожно, без повреждения ткани, что неизбежно при ловле драгой. Губка, добытая вручную, высоко ценится.

Среди зоофитов, кишевших вокруг зарослей губок, больше всего было медуз чрезвычайно изящной формы; моллюски были представлены разного вида кальмарами, которые, по данным д'Орбиньи, свойственны водам Красного моря; из пресмыкающихся тут водились морские, так называемые суповые черепахи, из которых готовили вкусные и тонкие блюда.

Что касается рыб, они населяли здешние воды в изобилии. Я назову рыб, которые чаще всего попадались в наши сети: скаты, в том числе лиммы овальной формы и кирпичного цвета, усеянные неравной величины голубоватыми пятнами, с двойным иглообразным шипом – хвосток-арнак с серебристой спиной, шиповатый скат с колючим хвостом и другие громадные скаты, широкие мантии которых длиной в два метра развеваются среди волн, аодоны, совершенно лишенные зубов, из хрящевых рыб, близкие к акулам; кузовки-дромадеры, у которых горб оканчивается загнутым шипом длиной в полтора фута, ошибни, настоящие мурены с серебристым хвостовым плавником, голубоватой спиной и коричневыми грудными плавниками, окаймленными серым кантиком; фиатолы, виды строматеев, исчерченные узкими золотистыми полосками и украшенные тремя цветами Франции; горамисы длиной в сорок сантиметров, великолепные толстоголовки, примечательные семью поперечными полосками отменного черного цвета, с плавниками голубого и желтого цветов, с золотой и серебряной чешуей, центроподы, султанки с желтыми плавниками и хохолком, зеленобрюшки, губаны, спинороги, колбни и тысячи других рыб, которые уже встречались нам во время плавания.

Девятого февраля «Наутилус» шел в самой широкой части Красного моря, между Суакином на западном берегу и Кунфуда на восточном, находящимися на расстоянии ста девяноста миль друг от друга.

В полдень того же дня после установления координат капитан вышел на палубу, где в то время находился я. Я решил воспользоваться случаем и выведать у капитана Немо, хотя бы приблизительно, каковы его дальнейшие намерения. Увидев меня, он сразу же подошел ко мне, любезно предложил сигару и сказал:

– Ну-с, господин профессор, как вам понравилось Красное море? Удалось ли вам наблюдать чудеса, скрытые в его водах? Рыб, зоофитов, цветники из губок и коралловые леса?

– Ну конечно, капитан Немо! – отвечал я. – И «Наутилус» чудесно приспособлен для подобных наблюдений. Какое умное судно!

– Да, сударь, умное судно! Отважное и неуязвимое! Оно не страшится ни бурь, свирепствующих в Красном море, ни его течений, ни его подводных рифов.

– В самом деле, – сказал я, – Красное море считается одним из самых опасных, и, если не ошибаюсь, в древние времена оно пользовалось дурной славой.

– Дурной, господин Аронакс! Греческие и латинские историки отзываются о нем весьма нелестно. Страбон говорит, что во время пассатных ветров и в период дождей оно особенно неприятно. Арабский историк Эдризиди, описывая Кользумский залив, подразумевает под этим вымышленным названием Красное море. По его словам, корабли во множестве погибали на его песчаных отмелях и ни один капитан не решался плавать по нему ночью. Он говорит, что на Красном море бушуют страшные ураганы, оно усеяно негостеприимными островами и «не представляет собой ничего хорошего». Ни на поверхности, ни в глубинах. Такого же мнения о Красном море Арриан, Агатархит и Артемидор, историки Древней Греции.

– Видно, что эти историки не плавали на борту «Наутилуса»! – отвечал я.

– Само собой! – улыбаясь, сказал капитан. – Впрочем, в области судостроения наши современники ушли недалеко от древних. Несколько веков понадобилось, чтобы открыть механическую силу пара! Кто знает, появится ли даже через сто лет второй «Наутилус»? Прогресс движется медленно, господин Аронакс!

– Совершенно верно, – отвечал я, – ваше судно опережает свою эпоху на целый век, если не на целые века. Как жаль, что такое открытие умрет вместе с изобретателем!

Капитан Немо ничего не ответил. После нескольких минут молчания он сказал:

– Мы говорили, как помнится, о том, какого нелестного мнения были историки древнего мира о Красном море?

– А вы находите, что их опасения были преувеличены? – спросил я.

– И да и нет, господин Аронакс, – отвечал мне капитан, по-видимому в совершенстве изучивший «свое Красное море». – То, что не представляет опасности для современного судна, хорошо оснащенного, солидно построенного, вольного избирать тот или иной путь благодаря паровым двигателям, было чревато всякого рода опасностями для судов древних мореплавателей. Надобно вообразить себе этих первых мореходцев, пускавшихся в плавание на утлых дощатых барках, скрепленных пальмовыми вервями, проконопаченных древесной смолой и смазанных жиром дельфина! У них не было никаких приборов для определения курса корабля, они плавали по воле ветров и течений малоисследованных морских пространств! В этих условиях кораблекрушения были – и не могли не быть – обычным явлением. Но в наши дни пароходы, которые курсируют между Суэцким перешейком и морями Южного полушария, не имеют причины опасаться гневливости Красного моря, несмотря на противные муссоны. Капитаны и пассажиры не приносят уже перед отплытием искупительных жертв и по возвращении, увешанные гирляндами цветов, с золотыми повязками на голове, не спешат в храмы благодарить богов за благополучное окончание путешествия.

– Верно, – сказал я. – И мне кажется, что пар убил чувство благодарности в сердцах моряков. Вы, по-видимому, основательно изучили это море, капитан! Не скажете ли вы, почему его называют Красным?

– По этому поводу, господин Аронакс, существует много различных толкований. Угодно вам знать мнение одного летописца четырнадцатого века?

– Прошу вас!

– Старый фантазер уверяет, что название «Красное» было дано морю после перехода израильтян, когда преследовавший их фараон погиб в его водах, сомкнувшись, по словам Моисея:

И в знак, что чудо совершилось,
В багрец все море претворилось,
И ныне, чудо поминая,
То море Красным называют.

– Толкование поэта! – отвечал я. – Но в данном случае, капитан Немо, на слова поэтов я не полагаюсь.

– Видите ли, господин Аронакс, по моему мнению, название «Красное море» является переводом еврейского слова «Edom». И древние дали такое наименование этому морю благодаря особой окраске его вод.

– Однако ж я не вижу какой-либо особой окраски, – сказал я. – Воды, как и во всех морях, прозрачны и не имеют красноватого оттенка.

– Совершенно верно! Но, войдя в глубину залива, вы заметите одно странное явление. Однажды мне случилось видеть в бухте Тор, как вода стала такой красной, точно передо мной было озеро крови.

– Чем же объясняется такое явление? Присутствием микроскопических красящих водорослей?

– Именно! Это результат выделения микроскопических растений, известных под названием триходесмий. Чтобы покрыть пространство в один квадратный миллиметр, потребуется сорок тысяч таких организмов. Вам тоже доведется, может быть, наблюдать это явление, когда мы войдем в бухту Тор.

– Стало быть, капитан Немо, вы не впервые плаваете по Красному морю на борту «Наутилуса»?

– Не впервые, сударь!

– Вы упомянули о переходе израильтян через Красное море и о катастрофе, постигшей египтян. Позвольте вас спросить, капитан, вы не любопытствовали исследовать под водами место этого замечательного исторического события?

– Нет, господин профессор, и по вполне понятной причине.

– А именно?

– То самое место, где Моисей якобы прошел со своим народом, так обмелело, что верблюды проходят по нему, едва замочив ноги. Вы понимаете, что для моего «Наутилуса» тут слишком мелководно.

– А где это место? – спросил я.

– Оно находится немного повыше Суэца, в рукаве, который в те времена, когда Красное море простиралось до Горьких Озер, представлял собой глубокий лиман. Будь то легенда или истинное событие, но, по преданию, именно тут прошли израильтяне, следуя в Обетованную землю, и войско фараона погибло на этом самом месте. Я думаю, что при археологических раскопках нашлось бы множество египетского оружия и прочих инструментов.

– Надеюсь, что археологи рано или поздно предпримут такие раскопки. Дайте только открыть Суэцкий канал, и вы увидите, какие тут понастроят города! Ну а для такого судна, как «Наутилус», такой канал совершенно бесполезен.

– Несомненно! – сказал капитан Немо. – Но канал полезен для всего мира. Древние хорошо понимали, как важно для торговых сношений установить сообщение между Красным и Средиземным морями. Но они не догадались прорыть Суэцкий перешеек, а избрали более длинный путь, соединив Нил с Красным морем. Весьма вероятно, что работы по прорытию канала были начаты, если верить преданиям, при фараоне Сезострисе. Но достоверно известно, что уже в шестьсот пятнадцатом году до нашей эры фараон Нехо (Necos) предпринял работы по проведению канала, несущего воды Нила в Красное море через ту часть египетской низменности, которая обращена к Аравии. При сооружении канала исходили из

того расчета, что суда могли бы пройти от Нила до Красного моря в четыре дня, а ширина его была бы такова, что две триремы могли бы рядом плыть по нему. Строительство канала продолжалось при Дарии, сыне Гистаспа, и закончилось, надо полагать, при Птолемее Втором. Страбон видел суда, проходившие по каналу; но недостаточная глубина канала, начиная от Бубаста и до самого Красного моря, ограничивала срок навигации весенними месяцами, связанными с разлитием Нила. Канал служил торговой артерией до века Антонинов. Потом канал пришел в упадок, обмелел и стал несудоходным. По повелению Халифа Омара он был восстановлен; и наконец, в семьсот шестьдесят первом или в семьсот шестьдесят втором году был окончательно засыпан Халифом Аль-Манзором с целью прекратить подвоз продовольствия для войск восставшего против него Мохаммеда-бен-Абдуллаха. Генерал Бонапарт во время своего египетского похода напал на следы этого канала в пустыне возле Суэца и, застигнутый приливом, едва не погиб тут, в нескольких часах пути до Гаджерота! И на том же самом месте, где Моисей раскинул лагерь тому три тысячи триста лет назад!

– Ну что ж, капитан! То, что не удалось сделать древним, а именно: соединить между собой два моря и тем самым сократить на девять тысяч километров путь из Кадикса в Индию – сделает Лессепс. Может статься, он обратит Африканский материк в огромный остров!

– Да, господин Аронакс, вы имеете право гордиться своим соотечественником! Этот человек делает честь нации, и даже в большей степени, чем самые прославленные капитаны! Он начал, как и многие, с треволнений и неудач, но все же восторжествовал, ибо у него гениальная воля! Грустно думать, что творение, которое могло быть достоянием международным и гордостью целого государства, создано энергией одного человека! Честь и слава Лессепсу!

– Честь и слава великому гражданину! – сказал я, удивленный выпренностью тона капитана Немо.

– К сожалению, – продолжал капитан, – я не могу показать вам Суэцкий канал, но послезавтра, когда мы войдем в Средиземное море, вы увидите длинную линию дамб у Порт-Саида.

– В Средиземном море? – вскричал я.

– Да, господин профессор! Вас это удивляет?

– Меня удивляет, что мы через день будем там!

– Ах вот оно что!

– Да, капитан, я удивлен! Хотя, плавая на борту «Наутилуса», пора бы перестать удивляться чему бы то ни было!

– Но все же что именно вас так удивило?

– Какую же скорость должен развить «Наутилус», чтобы в один день перенести нас в Средиземное море, обойдя Африканский материк и обогнув мыс Доброй Надежды!

– Кто вам сказал, господин профессор, что мы обойдем Африку и станем обгибать мыс Доброй Надежды?

– Помилуйте, если «Наутилус» не поплывет по суше и не пронесется по воздуху над Суэцким перешейком...

– Или под ним, господин Аронакс!

– Под перешейком?

– Разумеется, – спокойно отвечал капитан Немо. – Природа давно уже соорудила под этой полоской земли то, что люди сооружают теперь на ее поверхности.

– Как! Неужто есть подземный проход?

– Да, подземный проход, названный мной Аравийским туннелем. Он начинается под Суэцем и доходит до Пелузиума.

– Но ведь Суэцкий перешеек образовался из наносных песков?

– До известной степени! Но на глубине пятидесяти метров уже начинается неколебимый гранитный слой.

– И вы случайно обнаружили подземный проход? – спросил я, все более и более удивляясь.

– И случайно и обдуманно, господин профессор! И помог тут не столько случай, сколько пытливость ума.

– Слушаю вас, капитан, и не верю своим ушам.

– Ах, сударь! *Aures habent et non audient*^[94] – это свойственно всем временам. Подземный проход не только существует, но и служит водным путем! Не однажды я уже пользовался им. Иначе я не решился бы сейчас войти в замкнутое Красное море.

– Быть может, я буду нескромен, спросив вас, как вы обнаружили этот туннель?

– Сударь, – отвечал капитан Немо, – какие тайны могут быть между людьми, связанными навсегда!

Я сделал вид, что не понял намека, и ожидал, что скажет капитан Немо.

– Господин профессор, – начал он, – пытливость натуралиста навела меня на мысль, что под Суэцким перешейком должен существовать проход, никому не известный. Я заметил, что в Красном море и в Средиземном встречаются совершенно одинаковые виды рыб, как то: ошибень, губан радужный, долгопер. Установив этот факт, я задал себе вопрос: нет ли сообщения между этими морями? Если оно существовало, то ввиду более высокого уровня воды в Красном море подземное течение непременно должно было брать свой исток оттуда, а не из Средиземного моря. Чтобы проверить себя, я выловил в большом количестве разных рыб в водах окрест Суэца. Я надел каждой рыбке по медному кольцу на хвост и пустил их в воду. Спустя несколько месяцев у берегов Сирии в сети попались рыбы с моими опознавательными кольцами. Подземное сообщение между двумя морями было доказано. Я пустился в поиски прохода, отыскал его, рискнул ввести в него свое судно. И через короткое время вы, господин профессор, переправитесь через мой Аравийский туннель!^[95]

Глава пятая

АРАВИЙСКИЙ ТУННЕЛЬ

В тот же день я передал Конселью и Неду Ленду ту часть нашей беседы с капитаном Немо, которая должна была их заинтересовать. Когда я сказал, что через два дня мы будем в водах Средиземного моря, Консель захопал в ладоши, а канадец пожал плечами.

– Подводный туннель! – воскликнул он. – Сообщение между морями! Слыхано ли это?

– Друг Нед, – отвечал Консель, – а вы когда-нибудь слышали о «Наутилусе»? Нет! Однако ж он существует. Итак, не пожимайте плечами понапрасну и не отвергайте существование вещей под предлогом, что вы о них не слышали.

– Поживем – увидим! – возразил Нед Ленд, покачав головой. – Впрочем, чего лучше, если проход, о котором толкует капитан, и впрямь существует! И хвала небу, если ему удастся переправить нас в Средиземное море!

В тот же вечер, под 21°30 северной широты, «Наутилус», всплыв на поверхность моря, шел в виду аравийских берегов. Вдали виднелся город Джидда, важный торговый пункт таких стран, как Египет, Сирия, Турция и Индия. Я довольно ясно различал очертания домов, корабли, пришвартованные вдоль набережных, и те, которые из-за своего водоизмещения вынуждены были бросить якорь на рейде. Солнце, клонившееся к закату, бросало последние лучи на городские здания, слепившие своей белизной. За городом виднелись деревянные или тростниковые хижины бедуинов, ведущих оседлый образ жизни.

Вскоре вечерние тени окутали город, и «Наутилус» быстро стал погружаться в слегка фосфоресцирующие воды.

На другой день, 10 февраля, показались встречные суда. «Наутилус» опять пошел под воду. Но в полдень, к моменту определения координат, море было пустынно, и судно вновь всплыло на уровень своей ватерлинии.

Я вышел на палубу вместе с Недом и Конселем. На востоке, в мгlistом тумане, едва вырисовывалась линия берега.

Опершись о дно шлюпки, мы беседовали на разные темы, как вдруг Нед Ленд, указывая рукой на какую-то точку в море, сказал:

– Вы ничего не видите, господин профессор?

– Ровно ничего, Нед! – отвечал я. – Но вы же знаете, я не хвалюсь зоркостью глаз.

– Смотрите хорошенько, – сказал Нед. – Вон там, впереди нас, по штирборту, почти вровень с прожектором! Неужто не видите?

– В самом деле, – сказал я, пристально взглядевшись, – на воде как будто движется какое-то темное длинное тело.

– Второй «Наутилус»! – сказал Консель.

– Ну нет! – возразил канадец. – Если не ошибаюсь, это какое-то морское животное.

– Неужели в Красном море водятся киты? – спросил Консель.

– Да, друг мой, – отвечал я. – Киты тут изредка попадают.

– Только это не кит, – заметил Нед Ленд, не сводивший глаз с темной массы. – Киты – мои старые знакомцы, я узнаю их издали!

– Запасемся терпением, – сказал Консель. – «Наутилус» идет в ту сторону, и мы скоро узнаем, что это за штука.

Действительно, мы скоро были на расстоянии одной мили от заинтриговавшего нас предмета. Темная глыба напоминала вершину подводной скалы, выступившую из вод в открытом море. Но все же что это такое? Я не мог еще этого определить.

– Ба! Да оно плывет! Ныряет! – воскликнул Нед Ленд. – Тысяча чертей! Что это за животное? Хвост у него не раздвоен, как у китов или кашалотов, а плавники похожи на обрубки конечностей.

– Но в таком случае... – начал было я.

– Фу-ты! – кричит канадец. – Оно поворачивается на спину. Ба! Да у него сосцы на груди!

– Э-э! Да это ж сирена! – кричит Консель. – Настоящая сирена, не в обиду будь сказано господину профессору!

«Сирена!» Слово это навело меня на правильный путь. Я понял, что мы встретили животное из отряда сиреновых, которое легенда превратила в фантастическое морское существо – полуженщину, полурыбу.

– Нет, – сказал я Конселю, – это не сирена, а другое любопытное животное, которое еще изредка попадает в Красном море. Это дюгонь.

– Из отряда сиреновых, класса млекопитающих, высшего класса позвоночных животных, – отрапортовал Консель.

Объяснение Конселя не вызвало возражений. Однако ж Нед Ленд был начеку. У него глаза разгорелись при виде животного. Рука канадца готовилась метнуть гарпун. Короче говоря, наш гарпунер выжидал момента броситься в море и сразиться с животным в его родной стихии.

– О, – сказал он голосом, дрожавшим от волнения, – мне еще не доводилось бить *таких!*

Весь человек сказался в этом слове.

В эту минуту капитан Немо показался на палубе. Он сразу же заметил дюгоня, понял волнение канадца и обратился прямо к нему:

– Ежели бы при вас был гарпун, он жег бы вам руку, не так ли?

– Верно, сударь!

– И вы не отказались бы вернуться на денек к своей профессии китолова и внести это китообразное в перечень ваших трофеев?

– Не отказался бы!

– Ну что ж, попытайте счастья!

– Благодарю вас, сударь! – ответил Нед Ленд, сверкнув глазами.

– Только смотрите, – продолжал капитан, – не промахнитесь! Это в ваших интересах.

– Неужели дюгонь такое опасное животное? – спросил я, не обращая внимания на канадца, который выразительно пожал плечами.

– В некоторых случаях, – отвечал капитан. – Бывает, что животное бросается на китоловов и опрокидывает их суденышко. Но не мистеру Ленду бояться дюгоня. У него верный глаз и твердая рука. Я особенно рекомендовал бы ему не упускать дюгоня, потому что его мясо считается тонким блюдом, а

мистер Ленд не прочь полакомиться.

– А-а! – сказал канадец. – Так оно еще позволяет себе роскошь иметь вкусное мясо?

– Да, мистер Ленд! Мясо дюгоня не отличишь от говяжьего, и оно чрезвычайно ценится. В Меланезии его подают только к княжескому столу. Но за этим превосходным животным охотятся столь хищнически, что дюгонь, как и ламантин, встречается все реже и реже.

– А что, если случайно этот дюгонь последний в своем роде? – серьезно спросил Консель. – Не следует ли его поберечь в интересах науки?

– Все может быть, – отвечал канадец, – но в интересах кулинарии следует за ним поохотиться.

– Итак, за дело, мистер Ленд! – сказал капитан Немо.

Тем временем семь человек из команды «Наутилуса», как всегда безмолвных и невозмутимых, взошли на палубу. Один из них держал в руке привязанный к веревке гарпун, вроде тех, какими пользуются китобои. Шлюпку сняли с привязей, вынули из гнезда, спустили на воду. Шестеро гребцов сели на весла, седьмой стал за руль. Нед, Консель и я поместились на корме.

– А вы, капитан? – спросил я.

– Я не поеду, сударь. Желая счастливо поохотиться!

Шлюпка отчалила. Гребцы дружно взялись за весла, и мы понеслись навстречу дюгоню, плававшему в двух милях от «Наутилуса».

Приблизившись к дюгоню на несколько кабельтовых, шлюпка пошла медленнее, и весла бесшумно опускались в спокойные воды. Нед Ленд с гарпуном в руке стал на носу. Как известно, к китобойному гарпуну привязываются длинейшие веревки, которые легко разматываются, когда раненое животное уходит в воду. Но тут веревка была не длиннее десяти маховых сажений, и другой конец ее был привязан к пустому бочонку, который должен был указывать, в каком месте под водой находится дюгонь.

Я привстал и внимательно разглядывал противника нашего канадца. Дюгонь, или, как его называют, индийский морж, имеет большое сходство с ламантином. Его продолговатое тело оканчивается чрезвычайно длинным хвостом, а боковые плавники – настоящими пальцами. Все отличие от ламантина состояло в том, что его верхняя челюсть была снабжена двумя длинными и острыми зубами, образующими по обе стороны пасти расходящиеся клыки.

Дюгонь, за которым Нед Ленд охотился, был колоссальных размеров – не менее семи метров в длину. Животное не двигалось с места. Казалось, дюгонь уснул на поверхности воды.

Шлюпка бесшумно подошла сажени на три к животному. Я вскочил на ноги. Нед Ленд, откинувшись несколько назад и занеся руку, метнул гарпун.

Послышался свист, и дюгонь исчез под водой. Видимо, удар гарпуна, пущенного с большой силой, пришелся по воде.

– Тысяча чертей! – вскричал взбешенный канадец. – Я промахнулся!

– Полноте, – сказал я, – животное ранено, вот следы крови на воде! Но оно увлекло с собой и ваш снаряд.

– Гарпун! Мой гарпун!.. – кричал Нед Ленд.

Матросы снова взмахнули веслами, и рулевой повел шлюпку в направлении бочонка, который мирно покачивался на волнах. Выловив гарпун, мы стали выслеживать животное.

Дюгонь всплывал время от времени на поверхность моря, чтобы подышать. Ранение, видимо, не

обессилило животное, потому что плыло оно с удивительной быстротой. Шлюпка, при взмахах весел в сильных руках, неслась по следам животного. Иной раз мы почти нагоняли его, и канадец уже заносил свой гарпун, но дюгонь всякий раз уходил под воду – недосягаемый для гарпунщика.

Можно себе представить, как гневался и бушевал нетерпеливый Нед Ленд! Он проклинал несчастное животное в самых крепких выражениях, существующих в английском языке. А я был раздосадован, что дюгонь разрушает все наши хитроумные планы.

Мы выслеживали дюгоня в течение целого часа, и я уже начинал склоняться к мысли, что животное неуловимо, как вдруг бедняге вздумалось отомстить своим преследователям. Животное оборотилось в нашу сторону и ринулось прямо на шлюпку.

Маневр животного не ускользнул от канадца.

– Внимание! – крикнул он.

Рулевой произнес несколько слов на своем загадочном наречии, очевидно, приказывая матросам быть настороже.

Дюгонь был на расстоянии футов двадцати от шлюпки и втягивал воздух своими широкими ноздрями, находившимися не в нижней, а в верхней части рыла. Передохнув, он снова бросился к шлюпке.

Мы не успели увернуться от удара, шлюпка накренилась и изрядно набрала воды, которую пришлось вычерпывать. Но благодаря ловкости рулевого удар пришелся наискось, а не в лоб, и мы не опрокинулись. Нед Ленд, взобравшись на форштевень, осыпал ударами гарпуна гигантское животное, которое, вонзив клыки в планшир, поднимало шлюпку над водой, как лев поднимает в воздух козленка.

Мы повалились друг на друга. Не знаю, чем кончилось бы это происшествие, если б взбешенный канадец не нанес, наконец животному удара в самое сердце.

Послышался скрежет зубов о железную обшивку шлюпки, и дюгонь скрылся под водой, увлекая за собой наш гарпун. Но вскоре бочонок всплыл на поверхность воды, а через короткое время показалась туша животного, опрокинутая на спину. Мы зацепили багром тушу дюгоня, взяли ее на буксир и направились к «Наутилусу».

Пришлось пустить в ход самые крепкие тали, чтобы поднять дюгоня на палубу судна. Туша животного весила пять тысяч килограммов. Разделка туши производилась под наблюдением канадца, который вникал во все подробности этой операции. В тот же день стюард подал мне к столу блюдо, искусно приготовленное из мякоти дюгоня судовым поваром. Мясо дюгоня показалось мне вкуснее телятины и, уж конечно, не уступало говяжьему.

На следующий день, 11 февраля, кладовая «Наутилуса» обогатилась еще одной превосходной дичью. Стая морских ласточек опустилась на палубу «Наутилуса».

Это были нильские крачки, или чеграва, вид *sterna nilotca*. Они водятся только в Египте. У них черный клюв, серая голова, белые крапинки вокруг глаз, спинка, крылышки и хвост сероватые, брюшко и горло белые, лапки красные. Мы еще поймали несколько дюжин нильских уток. Нильские крачки чрезвычайно вкусная птица. Шея у них и верхняя часть головы белая с черными пятнышками.

«Наутилус» шел средним ходом. Он, так сказать, прогуливался! Я заметил, что по мере приближения к Суэцу вода в Красном море становилась менее соленой.

Около пяти часов вечера мы завидели на севере мыс Рас-Мухаммед. Мыс этот образует оконечность Каменистой Аравии, лежащей между заливом Суэца и заливом Акабы.

«Наутилус» через пролив Губаль вошел в Суэцкий залив. Я хорошо видел высокую вершину мыса Рас-

Мухаммед, господствующую над двумя заливами. То была гора Ореб, библейский Синай, на вершине которого Моисей встретился лицом к лицу с богом.

В шесть часов «Наутилус», то погружаясь, то всплывая на поверхность, прошел в виду города Тор, лежащего в глубине бухты, воды которой, как уже наблюдал капитан Немо, имели красноватый оттенок. Наступила ночь. Глубокая тишина нарушалась лишь криком пеликана или какой-нибудь ночной птицы, шумом прибоя, разбивавшегося о прибрежные утесы, либо отдаленными гудками пароходов, тревоживших воды залива неугомонным хлопанием лопастей своего винта.

От восьми до девяти часов «Наутилус» шел в нескольких метрах под водой. По моим расчетам, мы находились неподалеку от Суэцкого перешейка. Сквозь окна салона я видел основания прибрежных скал, ярко освещенные нашим прожектором. Мне казалось, что пролив постепенно суживается.

В четверть десятого судно всплыло на поверхность. Я поспешил на палубу. Я сгорал от нетерпения войти скорее в туннель капитана Немо. Мне не сиделось на месте, и я жадно вдыхал свежий ночной воздух.

Вскоре на расстоянии мили от нас блеснул огонек, ослабленный ночным туманом.

– Плавучий маяк, – сказал кто-то позади меня.

Обернувшись, я увидел капитана.

– Суэцкий плавучий маяк, – продолжал он. – Мы скоро подойдем к входу в туннель.

– Пожалуй, не так просто войти в него? – спросил я.

– Разумеется, сударь. Поэтому я вменил себе в обязанность находиться в рубке штурмана и лично управлять судном. А теперь, господин Аронакс, не угодно ли спуститься вниз? «Наутилус» погрузится под воду и всплывет на поверхность лишь после того, как мы минуем Аравийский туннель.

Я последовал за капитаном Немо. Ставни задвинулись, резервуары наполнились водой, и судно ушло на десять метров под уровень моря.

Я хотел было войти в свою каюту, но капитан остановил меня.

– Господин профессор, – сказал он, – не хотите ли побыть со мной в штурвальной рубке?

– Я не смел просить вас об этом, – отвечал я.

– Ну что ж, пойдете! Вы увидите оттуда все, что можно увидеть во время подводного и вместе с тем подземного плавания.

Капитан Немо подвел меня к среднему трапу. Поднявшись на несколько ступеней, он отворил боковую дверь, и мы оказались в верхнем коридоре, в конце которого помещалась рубка, находившаяся, как было сказано, на носу судна.

Рубка на «Наутилусе» представляла собой квадрат, стороны которого равнялись шести футам, и несколько напоминала рубки на пароходах, ходивших по Миссисипи и Гудзону. Посредине ее помещался штурвал, соединенный штуртросами с рулем управления, проходившими до самой кормы судна. Четыре иллюминатора с черепитчатыми стеклами позволяли рулевому наблюдать во всех направлениях.

В рубке было темно; но скоро глаза освоились с темнотой, и я различил фигуру штурмана, державшего обе руки на штурвале. Море ярко освещалось прожектором, находившимся позади рубки, в другом конце палубы.

– Ну а теперь, – сказал капитан Немо, – поищем вход в туннель.

Электрические провода соединяли рубку с машинным отделением, и капитан мог одновременно

управлять направлением и скоростью хода «Наутилуса». Он нажал металлическую кнопку, и в ту же минуту винт уменьшил число оборотов.

Я молча смотрел на отвесную гранитную стену – неколебимое подножие песчаного берегового массива. Мы шли в течение часа вдоль этой стены, тянувшейся несколько метров. Капитан Немо не сводил глаз с компаса, висевшего на двух concentрических кругах. По знаку капитана рулевой поворачивал штурвал, поминутно меняя направление судна.

Я поместился возле иллюминатора бакборта и любовался великолепным зодчеством кораллов, зоофитов, водорослей и ракообразных, протягивавших свои огромные лапы из всех расселин в скалах.

Четверть одиннадцатого капитан Немо стал у руля. Широкая галерея, темная и глубокая, зияла перед нами. «Наутилус» смело вошел под ее мрачные своды. Непривычный шум послышался по ту сторону борта. То бурлили воды Красного моря, стремившиеся по склону туннеля в Средиземное море. Судно, увлекаемое стремниной, несло как стрела, несмотря на все усилия судовой машины затормозить скорость хода, сообщив винту обратное вращение.

Огненные блики, борозды, зигзаги – световые эффекты электрического прожектора – исчерчивали стены узкого прохода, вдоль которого мы устремлялись с бешеной скоростью. Сердце отчаянно колотилось, и я невольно приложил руки к груди.

В десять часов и тридцать пять минут капитан Немо передал штурвал рулевому и, обращаясь ко мне, сказал:

– Средиземное море!

«Наутилус», увлекаемый течением, прошел под Суэцким перешейком менее чем в двадцать минут.

Глава шестая

ГРЕЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ

На следующий день, 12 февраля, чуть забрезжил рассвет, «Наутилус» всплыл на поверхность воды. Я бросился на палубу. В трех милях от нас, на южной стороне горизонта, смутно вырисовывался силуэт древнего Пелузиума. Подземный поток перенес нас с одного моря в другое. Спуск по пологому руслу потока был легок, но разве можно было вернуться обратно тем же путем, с таким крутым подъемом и против течения?

Около семи часов утра Нед Ленд и Консель тоже вышли на палубу. Неразлучные друзья спокойно проспали всю ночь, совсем не интересуясь подвигами «Наутилуса».

– Ну-с, господин натуралист, – обратился ко мне канадец шутливым тоном, – а где же Средиземное море?

– Мы плывем по нему, друг Нед.

– Э-э! – сказал Консель. – Значит, нынешней ночью...

– Нынешней ночью мы в несколько минут прошли через непроходимый перешеек.

– Я этому не верю, – отвечал канадец.

– И напрасно, мистер Ленд! – возразил я. – Низменный берег, что виднеется на юге, – египетский берег!

– Рассказывайте, сударь! – возразил упрямый канадец.

– Ежели сударь говорит, – сказал Консель, – надо ему верить.

– Послушайте, Нед, – сказал я, – капитан оказал мне честь, показав свой туннель. Я был вместе с ним в штурвальной рубке. Он сам вел «Наутилус» через этот узкий проход.

– Слышишь, Нед? – сказал Консель.

– У вас отличное зрение, Нед, – прибавил я, – и вы легко различите выступающий далеко в море мол гавани Порт-Саида.

Канадец стал пристально вглядываться.

– Да, – сказал он, – вы правы, господин профессор, и ваш капитан – мастер своего дела. Мы в Средиземном море. Ну, стало быть, потолкуем, если угодно, о наших делишках, но так, чтобы никто не мог нас подслушать.

Я хорошо видел, куда клонит канадец. «Но все же, – подумал я, – лучше поговорить с ним, если ему так хочется». И мы, все трое, сели возле прожектора, где нас не так захлестывало волной.

– Ну-с, слушаем вас, Нед, – сказал я. – Что скажете?

– А вот что скажу, – отвечал канадец. – Мы в Европе. И прежде чем капитану Немо придет фантазия погрузиться на дно полярных морей или плыть обратно в Океанию, надо удирать с «Наутилуса»!

Признаюсь, что дискуссии с канадцем на эту тему меня смущали. Я никоим образом не желал стеснять моих спутников в их действиях, но у меня не было ни малейшего желания расставаться с капитаном Немо. Благодаря ему, благодаря его судну я пополнял каждодневно свои познания в области

океанографии, я заново писал свою книгу, посвященную тайнам морских глубин, в самом лоне водной стихии. Представится ли еще случай наблюдать чудеса, скрытые в океане? Конечно, нет! И я не мог свыкнуться с мыслью, что нужно покинуть «Наутилус», не завершив цикла наших океанологических исследований.

– Друг Нед, – сказал я, – отвечайте мне откровенно. Неужели вы скучаете на борту «Наутилуса»? Сожалеете, что судьба бросила вас в руки капитана Немо?

Канадец ответил не сразу. Потом, скрестив руки на груди, он заговорил.

– Откровенно говоря, – сказал он, – я не сожалею, что мне довелось совершить подводное путешествие. Я буду вспоминать о нем с удовольствием, но для этого надо, чтобы оно кончилось. Вот мое мнение.

– Оно кончится, Нед.

– Где и когда?

– Где? Не знаю. Когда? Не могу сказать, но думаю, что плавание наше окончится, когда все моря откроют нам свои тайны. Всему на свете приходит конец!

– Я согласен с господином профессором, – сказал Консель. – И может статься, что, объездив все моря земного шара, капитан Немо отпустит нас, всех троих, на волю!

– Отпустит! – вскричал канадец. – Вышвырнет, вы хотите сказать?

– Постойте, постойте, мистер Ленд! – возразил я. – Капитана нам нечего бояться, но я все же не согласен с Конселем. Мы нечаянно овладели тайной капитана Немо, и я не думаю, что он позволит, чтобы мы разнесли по свету весть о его «Наутилусе».

– На что же вы надеетесь? – спросил канадец.

– Надеюсь, что в будущем обстоятельства сложатся благоприятнее и мы ими воспользуемся. Нынче ли, через шесть ли месяцев – не все ли это равно?

– Неужели! – насмешливо произнес Нед Ленд. – А скажите, пожалуйста, господин натуралист, где мы будем через шесть месяцев?

– Может быть, здесь же, а может быть, в Китае. Вы же знаете, «Наутилус» – быстроходное судно. Он проносится по океанам, как ласточка в воздухе или курьерский поезд на материке! Он не боится заплывать в европейские моря. Кто поручится, не пойдет ли он близ побережий Франции, Англии или Америки, где условия для побега будут еще благоприятнее?

– Господин Аронакс, – отвечал канадец, – ваши доводы грешат против здравого смысла. Вы говорите в будущем времени: «Мы будем там! Мы будем тут!» А я говорю в настоящем времени: «Мы тут, и надо этим воспользоваться!»

Логика Неда Ленда выбивала меня с моих позиций, и я чувствовал себя побежденным. Доводы в пользу моего предложения были исчерпаны.

– Сударь, – продолжал Нед Ленд, – допустим невозможное: капитан Немо нынче же предложит вам покинуть «Наутилус». Воспользуетесь вы его предложением?

– Не знаю, – отвечал я.

– А если он скажет, что вторично такого предложения он не сделает? Как вы к этому отнесетесь?

Я промолчал.

– А что скажет друг Консель?

– Друг Консель, – спокойно отвечал тот, – друг Консель ничего не скажет. Ему совершенно безразлично, как разрешится этот вопрос. Он холост, как и его хозяин, и как его приятель. Ни жена, ни родители, ни дети – никто не ждет его на родине. Он служит у господина профессора и думает и говорит, как господин профессор. К величайшему сожалению, на него нечего рассчитывать, чтобы получить большинство при голосовании по этому вопросу. Тут две стороны: господин профессор и Нед Ленд. Все этим сказано! Друг Консель весь внимание! Он готов приступить к подсчету шаров.

Я невольно улыбнулся, слушая комическую речь Конселя. В глубине души канадец, конечно, был доволен, что избавился от лишнего противника.

– Итак, сударь, – сказал Нед Ленд, – раз Консель не участвует в споре, решать вопрос придется нам с вами. Я все сказал. Вы меня выслушали. А теперь что вы скажете?

Приходилось принять решение, увертки мне претили.

– Друг Нед, – сказал я. – Вот мой ответ. Вы правы, и мои доводы менее вески, нежели ваши. Капитан Немо по своей воле не отпустит нас, на это нечего надеяться. Из чувства самосохранения он не выпустит нас на свободу. Но из того же чувства самосохранения нам придется при первом удобном случае покинуть борт «Наутилуса».

– Мудро сказано, господин Аронакс!

– Но еще одно замечание, – сказал я. – Нужно выждать момент действительно благоприятный. Нужно, чтобы наша попытка увенчалась успехом. В случае провала мы пропали! Капитан Немо этого никогда не простит нам.

– Все это так, – отвечал канадец. – Но ваше замечание одинаково относится к любой попытке бежать с судна, будь то через два года или через два дня. Стало быть, вопрос стоит так: будет удобный случай, надо им воспользоваться!

– Согласен. А теперь скажите-ка, Нед, что вы называете удобным случаем?

– Ну, предположим, выдастся темная ночь, судно идет поблизости от европейских берегов... Вот вам и удобный случай!

– И вы попытаетесь спастись вплавь?

– Конечно, попытаюсь, если судно будет идти по поверхности моря, в виду берега. А если же судно погрузится под воду...

– Ну-с, а в таком случае?

– В таком случае попытаюсь захватить шлюпку. Я знаю, как с ней обращаться. Проберемся внутрь шлюпки и, отвинтив затворы, всплывем на поверхность. Штурман из своей рубки на носу судна не заметит нашего бегства.

– Ну что ж, Нед Ленд, ловите удобный случай! Но не забывайте, что неудача нас погубит.

– Не забуду, сударь.

– А теперь, Нед, хотите выслушать мое мнение насчет ваших планов?

– Охотно, господин Аронакс.

– Я думаю – не говорю «надеюсь», – что такого удобного случая не представится.

– Почему?

– Потому что капитан Немо трезво смотрит на вещи и, конечно, будет стеречь нас, особенно вблизи европейских берегов.

– Я держусь одного мнения с господином профессором, – сказал Консель.

– Поживем – увидим! – отвечал Нед Ленд, потрянув головой, как настоящий сорванец.

– А теперь, Нед Ленд, – прибавил я, – на этом окончим нашу беседу. Ни слова более! В тот день, когда вы вздумаете бежать, вы нас предупредите, и мы последуем за вами. Я вполне полагаюсь на вас.

Так окончился наш разговор, который должен был иметь такие серьезные последствия. Скажу кстати, что, к великому огорчению канадца, события, по-видимому, подтверждали мои предположения. Не доверял ли нам капитан Немо, плавая в европейских морях, или же он избегал встречи с судами всех наций, во множестве бороздившими Средиземное море? Не знаю. Но мы шли большей частью под водой и на далеком расстоянии от берегов. Порой «Наутилус» всплывал на поверхность настолько, что из воды выступала штурвальная рубка, но чаще судно погружалось на глубины, весьма значительные в здешних водах. Так, между Греческим архипелагом и Малой Азией, погружаясь на глубину двух тысяч метров, мы не достигали дна.

О том, что мы прошли мимо острова Карпатос, из группы островов Южные Спорады, я узнал от капитана Немо, который, указав какую-то точку на карте, произнес стих Вергилия:

Est in Carpathio Neptuni gurgite vates

То был легендарный остров, владения Протея, древнего пастуха Нептуновых стад, нынешний остров Скарпанто, лежащий между Родосом и Критом. Я видел через окно в салоне лишь его гранитное подножие.

На следующий день, 14 февраля, я решил посвятить несколько часов изучению рыб Греческого архипелага. Но в тот день по каким-то причинам герметические ставни в салоне не раздвигались. Установив по карте координаты, я увидел, что мы идем в направлении Кании, к древнему острову Криту. В те дни, когда я уходил в плавание на борту «Авраама Линкольна», пришло известие, что население этого острова восстало против турецкого ига. Но чем кончилось восстание, я не знал; и, конечно, не капитан Немо, порвавший все связи с землей, мог дать мне эти сведения.

Вечером, встретившись с капитаном Немо в салоне, я не стал касаться этой темы. Кстати, мне показалось, что капитан в мрачном настроении и чем-то озабочен. Вопреки обыкновению он приказал раздвинуть ставни обоих окон и, переходя от одного окна к другому, пристально всматривался в водную ширь. Что это означало? Я не стал гадать и занялся изучением рыб, пронесившихся мимо окон.

Тут были бычки-афизы, упоминаемые Аристотелем и известные в просторечии под названием морских вьюнов, которые встречаются обычно в соленых водах близ дельты Нила. Среди них извивались фосфоресцирующие пагры из семейства морских карасей; египтяне причисляли этих рыб к священным животным, и появление их в водах Нила отмечалось религиозными церемониями, ибо оно предвещало разлив реки, а стало быть, и хороший урожай. Я заметил также хейлин – костистых рыб с прозрачной чешуей, синеватого цвета, в красных пятнах; они большие любители морских водорослей, что придает их мясу нежность и приятный вкус. Потому-то хейлины были излюбленным блюдом гурманов Древнего Рима; внутренности их, приправленные молоками мурен, мозгом павлинов и языками фламинго, составляли дивное блюдо, приводившее в восхищение Вителлия.

Еще один обитатель здешних вод привлек мое внимание и воскресил в памяти легенды Древнего Рима. Это рыба-прилипала, которая путешествует, присосавшись к брюху акул. По преданию, эта рыбка, вцепившись в подводную часть судна, останавливала корабли; и, говорят, одна из них приковала к месту

трирему Антония и тем самым помогла Августу одержать победу. От чего только не зависят судьбы народов! Мимо окон проплыли прелестные антиасы из семейства морских карасей, священные рыбы древних греков, которые приписывали им способность изгонять морских чудовищ из тех водоемов, где они водились; «антиас» – по-гречески означает «цветок»; и рыбки вполне оправдывают это название игрой красок, богатством оттенков, включающих всю гамму красного цвета, начиная от бледно-розового до рубинового, и серебряными отблесками на их грудных плавниках. Не отводя глаз, любовался я чудесами морских глубин, как вдруг новое явление потрясло меня.

В водах показался человек – водолаз с кожаной сумкой у пояса. То не было безжизненное тело, преданное на волю волн. То был живой человек, который плыл, рассекая воду взмахами сильных рук. Он то всплывал на поверхность, чтобы перевести дыхание, то снова нырял в воду.

Я оборотился к капитану Немо и взволнованным голосом крикнул:

– Человек тонет! Надо спасти его! Спасти во что бы то ни стало!

Капитан Немо бросился к окну.

Человек подплыл и, прильнув лицом к стеклу, смотрел на нас.

К моему глубокому удивлению, капитан Немо сделал ему знак рукой. Водолаз ответил утвердительным кивком головы и, всплыв на поверхность, не появлялся больше.

– Не волнуйтесь, – сказал капитан Немо. – Это Николя с мыса Матапан по прозвищу Рыба. Он известен на всех островах Киклады. Отличный пловец! Вода – это его стихия. Он больше живет в воде, чем на суше. Вечно в плаванье! С одного острова он переплывает на другой, и так до самого Крита.

– Вы знаете его, капитан?

– А почему бы мне его не знать, господин Аронакс?

С этими словами капитан Немо подошел к шкафу, стоявшему по левую сторону от окна. Возле шкафа находился окованный железом сундук с медной пластинкой на крышке, на которой был выгравирован девиз «Наутилуса»: «Mobilis in mobile».

Пренебрегая моим присутствием, капитан Немо открыл шкаф, представлявший собой сейф, наполненный слитками.

То были слитки золота. Откуда тут взялся этот драгоценный металл? И на такую баснословную сумму! Откуда у капитана Немо столько золота? И что он собирался с ним делать?

Я слова не обронил и смотрел во все глаза.

Капитан Немо вынимал из шкафа слиток за слитком и аккуратно укладывал их в сундук, пока тот не наполнился доверху. По-моему, тут было более тысячи килограммов золота; короче говоря, около пяти миллионов франков.

Он тщательно запер сундук, написал на крышке адрес на новогреческом языке, как мне показалось.

Затем капитан Немо нажал кнопку электрического звонка, проведенного в кубрик команды. Пришли четыре матроса и не без труда вынесли сундук из салона. Я слышал, как они волочили его на таях по железным ступеням трапа.

Тут капитан Немо оборотился ко мне.

– Что вы сказали, господин профессор? – спросил он.

– Я ничего не говорил, капитан, – отвечал я.

– В таком случае позвольте пожелать вам покойной ночи, сударь!

Сказав это, капитан Немо вышел из салона.

Вернувшись в каюту, я напрасно пытался уснуть. Я был крайне заинтригован поведением капитана. Какая связь была между появлением водолаза и сундуком, набитым золотом? Вскоре по легкой боковой и килевой качке я понял, что «Наутилус» всплыл из глубинных слоев на поверхность вод.

Послышался топот ног на палубе. Стало быть, отвинчивают шлюпку и спускают ее на воду. Шлюпка слегка толкнулась о корпус «Наутилуса», и все стихло.

Прошло два часа. Шум и топот ног на палубе возобновились. Но вот шлюпку подняли на борт, водворили в гнездо, и «Наутилус» снова пошел под воду.

Итак, золото было доставлено по адресу. Но в какие края на континенте? Кто был корреспондентом капитана Немо?

На другой день я поделился с Конселем и канадцем впечатлениями минувшей ночи. Они удивились не менее моего.

– Откуда у него такие золотые запасы? – спросил Нед Ленд.

Что можно было ответить? Позавтракав, я пошел в салон и сел за работу. До пяти часов я приводил в порядок свои записи. Вдруг мне стало жарко, я сбросил с плеч свою виссоновую куртку. В чем дело? Мы находились далеко от тропиков. «Наутилус» шел в глубинных слоях, где не ощущалось повышения температуры. Я посмотрел на манометр: мы шли в шестидесяти футах под уровнем моря; на таких глубинах повышение атмосферного давления не оказывает никакого действия.

Я работал, а жара становилась все нестерпимее.

«Не пожар ли на судне?» – подумал я.

Я хотел уже выйти из салона, как на пороге появился капитан Немо. Он подошел к термометру, посмотрел на ртуть и оборотился в мою сторону.

– Сорок два градуса! – сказал он.

– И это чувствительно, капитан, – отвечал я. – Если температура будет повышаться, мы заживо сваримся.

– О господин профессор, температура не повысится, если мы того не пожелаем!

– В вашей власти управлять колебаниями температуры?

– Помилуйте! Но я могу уйти от очага, повышающего температуру.

– Стало быть, такова температура внешней среды?

– Разумеется! Мы плывем в кипящей воде.

– Не может быть! – вскричал я.

– Посмотрите!

Створы раздвинулись, и я увидел белые гребни бурунов вокруг «Наутилуса». Клубы сернистого пара стлались по воде, хлопотавшей как в котле. Притронувшись к стеклу, я быстро отдернул руку – так оно было горячо.

– Где мы? – спросил я.

– Близ острова Санторин, господин профессор, – отвечал капитан. – В проливе, который отделяет Неа-

Каменни от Палеа-Каменни. Я хотел показать вам подводное извержение вулкана. Явление любопытное!

– Я думал, – сказал я, – что процесс формирования новых островов уже завершился.

– В областях вулканического происхождения процесс формирования никогда не завершается, – отвечал капитан Немо. – Внутренний огонь земли извечно действует в недрах земного шара. По свидетельству Кассиодора и Плиния, еще в девятнадцатом году нашей эры на том самом месте, где недавно образовались эти острова, появился остров Божественная Тейя. Потом остров скрылся под водой, чтобы снова возникнуть в шестьдесят девятом году и снова исчезнуть в морских пучинах. С той поры вулканическая деятельность приостановилась. Но третьего февраля – шел уже тысяча восемьсот шестьдесят шестой год! – новый остров, наименованный островом Георгия, возник среди клубов пара близ Неа-Каменни, а шестого числа того же месяца он слился с Неа-Каменни. Ровно через неделю, тринадцатого февраля, появился остров Афроэсса, образовав между собой и Неа-Каменни пролив шириной в десять метров. Как сейчас помню, каким образом все это произошло. Я был как раз в здешних морях. Я проследил вулканические явления во всех их фазах! Остров Афроэсса, округлой формы, имел в поперечном сечении около трехсот футов и возвышался над уровнем моря на тридцать футов. Он состоял из смеси черной стекловидной лавы и обломков полевого шпата. Но вот десятого марта появился еще островок, немного поменьше, названный Рэка. Острова эти слились с Неа-Каменни и ныне составляют одно целое.

– А где же пролив?

– Вот он, – отвечал капитан Немо, показывая мне карту Греческого архипелага. – Видите, я уже нанес на карту новые острова.

– Со временем пролив может исчезнуть?

– Весьма вероятно, господин Аронакс, ибо в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году, как раз напротив порта Святого Николая, на Палеа-Каменни появилось восемь островков вулканического происхождения. Можно ожидать, что в ближайшее время Неа и Палеа образуют одно целое. Ежели в Тихом океане рифообразующие кораллы создают материки, то в здешних морях ту же роль играют вулканические извержения. Поглядите, сударь, поглядите-ка, какая кипучая деятельность наблюдается в морских глубинах!

Я подошел к окну. «Наутилус» стоял на месте. Жара была нестерпимая. Вода из белой стала красной от присутствия железистых солей. Несмотря на герметические рамы, в салон проникал удушливый запах серы, и по ту сторону окон вспыхивали порой языки пламени, столь яркого, что меркнул свет прожектора.

Я обливался потом, не хватало воздуха, казалось, вот-вот сварюсь!

– Немыслимо оставаться дольше в этом кипящем котле! – сказал я капитану.

– Да, это было бы неосторожно! – ответил невозмутимый капитан.

Он отдал приказание, «Наутилус» лег на другой галс и вышел из этого пекла, где дальнейшее пребывание становилось небезопасным.

Четверть часа позже мы вздохнули полной грудью, всплыв на поверхность вод.

«Ежели бы Нед Ленд, – подумал я, – избрал для побега здешние воды, живыми мы не вышли бы из этого огненного моря!»

На другой день, 16 февраля, мы покинули этот бассейн, где, между Родосом и Александрией, встречаются впадины глубиной чуть ли не в три тысячи метров. И «Наутилус», обогнув мыс Матапан, вышел в открытое море, оставив позади себя Греческий архипелаг.

Глава седьмая

В СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ ЧЕРЕЗ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Средиземное море, лазурное море, «Великое море» иудеев, море греков, «mare nostrum»^[97] римлян, с побережьями, утопавшими в зелени апельсиновых рощ, алоэ, кактусов, морских сосен, овечье чистым морским воздухом, напоенным благоуханием миртов, в окружении высоких гор, но подверженное вулканическим извержениям, оно поистине является полем битвы, где Нептун и Плутон извечно оспаривают власть над миром. Тут, на этих берегах, в этих водах, говорит Мишле, в этом климате, лучшем на земле, человек черпает новые силы.

Но как бы прекрасно ни было Средиземное море, я мог лишь окинуть беглым взглядом этот водный бассейн, поверхность которого занимает два миллиона квадратных километров. Я не мог даже обратиться с расспросами к капитану Немо, потому что этот удивительный человек ни разу не показался за все время нашего молниеносного прохождения через Средиземное море. Думаю, что «Наутилус» прошел под водами этого моря около шестисот лье, покрыв это пространство в двое суток. Мы отошли от берегов Греции 16 февраля, а 18 февраля, с восходом солнца, миновали Гибралтарский пролив.

Я понимал, что капитану Немо не по душе Средиземное море, со всех сторон окруженное той землей, от которой он бежал. Слишком много воспоминаний, если не сожалений, будили в нем его лазурные воды, его легкие ветры. Тут не было той свободы в выборе пути, той полной независимости, какую он обретал в океанских просторах. Как и «Наутилусу», ему было тесно в пространстве, замкнутом между берегами Африки и Европы, столь сближенными под этими широтами.

Мы шли со скоростью двадцати пяти миль в час. Не приходится говорить, что Нед Ленд, к великому огорчению, должен был отказаться от своего намерения нынче же бежать с судна. При скорости «Наутилуса» от двенадцати до тринадцати метров в секунду нельзя было воспользоваться шлюпкой. В таких условиях бежать было так же безрассудно, как выскочить на ходу из вагона курьерского поезда. Кстати сказать, «Наутилус» всплывал на поверхность только ночью, чтобы запастись свежим воздухом, а остальное время шел, следуя показаниям компаса и лага.

Итак, Средиземное море промелькнуло передо мной, как проносится пейзаж перед глазами пассажира курьерского поезда. Короче говоря, мне открывались далекие горизонты, а все остальное, более близкое, ускользало из поля зрения. Все же нам с Конселем удалось наблюдать некоторых средиземноморских рыб, сильные плавники которых позволяли им плыть короткое время вровень с «Наутилусом». Мы проводили многие часы в салоне, сидя у окна. И наши беглые заметки позволяют мне сделать краткий обзор ихтиофауны Средиземного моря.

Рыбы, во множестве населяющие Средиземное море, в большинстве своем ускользнули от моего внимания, иных я видел лишь мельком, но все же некоторых мне удалось наблюдать достаточно. Поэтому позвольте мне, описывая их, придерживаться совершенно фантастической классификации, которая все же вернее всего воспроизведет всю непосредственность моих впечатлений.

В глубинных водах, в полосе яркого света, падавшего от прожектора, извивались миноги в метр длиной, которые водятся почти во всех морях обоих полушарий. Длиннокрылые скаты до пяти футов в ширину, белобрюхие, с пятнами на пепельно-серой спине, расстились по воде словно платки, унесенные течением. Прочие скаты проносились с такой быстротой, что я не мог заключить, оправдывают ли они свое название морских орлов, которое им дали древние греки, или же они заслуживают прозвищ – крысы,

жабы, летучие мыши, – которые им присвоили нынешние рыбаки. Собачьи акулы длиной в двенадцать футов, особенно опасные для водолазов, состязались в скорости со скатами.

Морские лисицы, не менее восьми футов в длину, известные тонкостью обоняния, проносились словно синеватые тени. Дорады из семейства морских карасей, достигавшие в длину тридцати сантиметров, щеголяли своим серебристо-лазоревым одеянием с поперечными полосками, отчетливо выступавшими на темном фоне плавников. Рыба эта с золотистыми бровями над глазами посвящена древними Венере. Этот драгоценный вид морских карасей не брезгает ни солеными, ни пресными водами. Он населяет реки, озера, океаны, осваивается во всех климатах, выносит любую температуру. Вид этот восходит к прежним геологическим периодам земли и поныне сохраняет свою первозданную красоту.

Великолепные осетры длиной в девять-десять метров проносились вслед им, ударяя могучими хвостами в хрустальные стекла, и мы любовались их голубоватой спиной в коричневых пятнышках. Осетры схожи с акулами, но уступают им в силе и встречаются во всех морях; весной они вступают в борьбу с течением Волги, Дуная, По, Рейна, Луары и Одера; они питаются сельдью, семгой, треской.^[98] Несмотря на то что осетры принадлежат к классу хрящевых рыб, мясо их очень нежное; их едят в свежем виде, вялеными, маринованными и копчеными; некогда осетры подавались с большой торжественностью к столу Лукулла. Но из всех обитателей Средиземного моря лучше всего мне довелось познакомиться – в то время как «Наутилус» всплывал на поверхность – с представителями шестьдесят третьего рода костистых рыб. Это были тунцы, у которых спина иссиня-черного цвета, брюхо покрыто серебристой чешуей, а спинные плавники отливают золотом. Говорят, что тунцы сопутствуют судам, укрываясь в их прохладной тени от палящих лучей тропического солнца; и они не опровергали молву, сопровождая наше судно, как некогда сопровождали корабли Лаперуза. В течение многих часов соревновались они в скорости с «Наутилусом». Я не мог вдоволь наглядеться на этих животных, как нельзя лучше приспособленных для быстрого передвижения: у них маленькая голова, гладкое и веретенообразное тело, у иных оно достигает трех метров в длину; у них необыкновенно сильные грудные плавники, а хвостовой плавник раздвоен виллообразно. Тунцы плыли треугольником, как некоторые перелетные птицы, которым они не уступают в быстроте, что дало основание древним говорить, будто бы этим рыбам хорошо известны правила геометрии и стратегии. Однако ничто не спасает их от сетей провансальцев, которые ценят тунца не менее, чем ценили его жители древней Пропонтиды и Рима, и драгоценные животные тысячами погибают в сетях марсельцев.

Попробую назвать тех рыб Средиземного моря, которых нам с Конселем посчастливилось наблюдать более основательно: мимо нас проплывали голубоватые электрические угри;^[99] извивались змееобразные мурены в три-четыре метра длиной, раскрашенные в зеленые, голубые и желтые цвета; плыли мерланы длиной в три фута, печень которых считается изысканным блюдом; лентовидные цеполы, напоминавшие стебли водорослей; проносились триглы, которым поэты дали прелестное название «рыбалира», а моряки – прозвище «морской петух», – несколько напоминавшие видом своего рыльца лиру древнего Гомера; триглы-ласточки плыли с быстротой птиц, чему они и обязаны своим названием; красноголовые морские судаки показывали свой спинной плавник, разукрашенный нитевидными придатками; проплывала сельдь-железница, испещренная черными, серыми, коричневыми, голубыми, желтыми, зелеными пятнами, чувствительная к серебряному звону колокольчиков; блистательные камбалы-тюрко, настоящие морские фазаны ромбоидальной формы, с желтыми плавниками, сплошь в коричневых точках, верхняя часть боков у них окрашена в коричневые и желтые тона, что придает им вид мрамора. И наконец, стаи прелестных барабулек, этих райских птиц океана. Римляне платили по десять тысяч сестерций за одну такую рыбу! Им доставляло удовольствие наблюдать, как, умирая, рыба постепенно теряла свою окраску горной киновари и становилась мертвенно-бледной.

И если мне не удалось наблюдать ската-мирале, спинорогов, скалозубов, морских коньков, морских

оскалов, морских собачек, султанок, губанов, летучек, морских карасей, камбаловых большеглазых спаров, морскую иглу – словом, всех главных представителей, населяющих Атлантический океан и Средиземное море, то причиной тому головокружительная скорость хода, которую развил «Наутилус», проходя по водам самого продуктивного водоема в мире.

Что касается морских млекопитающих, то, когда мы шли в виду Адриатического моря, нам встретились два или три кашалота из семейства кашалотовых, с одним спинным плавником, несколько дельфинов, характерных для Средиземного моря, – у них передняя часть головы разлинована тонкими светлыми полосками; я видел мельком не менее двенадцати тюленей-белобочек длиной в три метра, с белым животом и черной шерстью, прозванных монахами и, верно, напоминавших доминиканцев.

Консель успел разглядеть черепаху с панцирем шириной в шесть футов, вдоль которого выступали три гребня, или ребра. Я пожалел, что не удалось увидеть это пресмыкающееся, которое, по словам Конселя, видимо, представляло собой редкий вид черепахи. Я же заметил лишь несколько черепах-какуанов с удлинённым спинным щитом.

Что касается зоофитов, я мог полюбоваться всего лишь несколько минут изумительной оранжевой галеолярией, прилипшей к оконному стеклу правого борта, – сифонофорой, снабженной ветвистыми щупальцами, веточки которой переплетались в столь тонком узоре, что никакой паук не мог бы сплести подобного кружева. К сожалению, я не мог выловить этот замечательный экземпляр. Вероятно, мне вовсе не удалось бы увидеть зоофитов в Средиземном море, если б «Наутилус» вечером шестнадцатого числа вдруг не умерил скорость хода. И вот при каких обстоятельствах.

Мы шли между Сицилией и берегом Туниса. В этом узком пространстве, между мысом Бон и Мессинским проливом, морское дно неожиданно поднимается на большую высоту. Образуется настоящий горный хребет, едва прикрытый водным слоем, в толщу метров семнадцать, между тем как по обеим сторонам этой возвышенности дно опускается до ста семидесяти метров под уровнем моря. Поэтому «Наутилус» вынужден был маневрировать, чтобы не натолкнуться на этот подводный барьер.

Я указал Конселю на карте Средиземного моря то место, где проходит гряда подводных рифов.

– С позволения господина профессора, – сказал Консель, – это ж настоящий перешеек, соединяющий Европу с Африкой!

– Да, друг мой, – отвечал я, – исследования Смита показали, что некогда эти материки соединялись между мысом Бон и мысом Фарина узкой полоской земли.

– Охотно верю, – сказал Консель.

– Думаю, – продолжал я, – что подобный барьер некогда существовал между Гибралтаром и Суэтой, и в геологическую эпоху он совершенно замыкал собой вход в Средиземное море.

– Э-э! – сказал Консель. – А что, ежели этот перешеек во время вулканического извержения опять поднимется на поверхность вод?

– Наверяд ли, Консель!

– Пусть господин профессор позволит мне закончить мою мысль. Я хочу сказать, что, случись нечто подобное, господин Лессепс огорчился бы. Сколько труда стоит ему его затея прорыть перешеек!

– Согласен с тобой, Консель. Но, повторяю, в наше время нечто подобное случиться не может. Сила внутреннего огня Земли постепенно ослабевает. Вулканы, столь многочисленные в первые дни мироздания, мало-помалу угасают. Внутренний жар уменьшается, температура глубинных слоев земной коры из века в век понижается в ущерб нашей планете, ибо теплота – источник жизни!

– А солнце...

– Солнца недостаточно, Консель! Может ли оно вернуть теплоту охладевшему телу?

– Не думаю...

– Итак, друг мой, когда-нибудь и наша планета превратится в охладевшее тело. Станет необитаемой, как необитаема Луна, давно уже утратившая свою жизненную теплоту.

– И произойдет это через сколько же веков? – спросил Консель.

– Через сотни тысячелетий, друг мой!

– Э-э! – отвечал Консель. – Времени достаточно, чтобы закончить наше подводное путешествие! Вот только бы Нед Ленд не испортил дела!

И Консель, успокоенный моим сообщением, принялся за свои научные занятия, пользуясь тем, что рельеф дна вынуждал наше судно идти средним ходом.

Там, на скалах вулканического происхождения, распустился целый цветник живой флоры: губки, голотурии, прозрачные как стекло, ктенофоры-цидиппы с красноватыми щупальцами и слегка фосфоресцирующие, ктенофоры-бероз, известные под названием морских огурчиков, отливающие всеми цветами солнечного спектра, способные передвигаться морские лилии-коматулы, достигающие высоты до одного метра и окрашивающие воды в пурпур. Необыкновенной красоты морские лилии-эвриалии с древовидно-ветвящимися лучами, павонии на длинных стеблях, множество различных видов съедобных морских ежей и зеленых актиний с коричневым диском, скрытым под густой шевелюрой оливковых щупалец.

Внимание Конселя было обращено главным образом на моллюсков и членистоногих. И хотя номенклатура их несколько суховата, я не хочу обижать моего спутника, не упомянув результаты его собственных наблюдений.

Из представителей моллюсков он упоминает многочисленных двустворчатых моллюсков-спондиллов – «ослиное копыто», громоздящихся один на другого, треугольных донаций, трезубчатых стеклушек с прозрачными раковинами, оранжевых голых моллюсков-плевробранхий, яйцевидок, испещренных или усеянных зеленоватыми точками, аплизий, известных также под названием морских зайцев, скоблюшек; упомянуты и мясистые ацеры, характерные для Средиземного моря, морское ушко-галиотис, раковина которого производит драгоценный перламутр, морские гребешки, аномии, которых в Лангедоке, говорят, предпочитают устрицам, столь излюбленные марсельцами кловисы, несколько двустворчаток, в изобилии водящихся у берегов Северной Америки и составляющих предмет широкого потребления в Нью-Йорке, морские гребешки с раковинами различной расцветки, морские финики-литодомусы, забившиеся в свои норы, вкусом напоминающие перец, венерикардии рубчатые, у которых раковина снабжена выпуклой верхушкой и выступающими ребрами, цинтии, покрытые алыми бугорками, каринарии с загнутыми концами раковины, похожие на гондолы, венценозные феролы, атланты с улитковидной раковиной, серые фетиды в своей бахромчатой мантии с белыми пятнами, голожаберники-эолисты, похожие на маленьких слизняков, каволины, ползающие на спине, аурикулы, рыжеватые скалярии, литорины, жантуры, камнеточцы-петриколы, кабашоны, пандоры и т. д.

Что касается членистых, Консель в своих записках совершенно правильно подразделил их на шесть классов, из которых три класса включают в себя и морских животных: ракообразных, усоногих и кольчатых червей. [\[100\]](#)

Класс ракообразных подразделяется на девять отрядов. Первый отряд включает в себя десятиногих, голова и грудь которых слита в головогрудь, прикрытую общим панцирем и несущую пять пар ног.

Консель, следуя нашему учителю Мильну Эдвардсу, разделяет десятиногих на три подотряда: короткохвостых, длиннохвостых и среднехвостых. Названия эти звучат несколько дико, но они точны и понятны. Между короткохвостыми Консель упоминает своеобразных крабов, лоб которых вооружен двумя расходящимися шипами, крабов-инахусов, которые – не знаю почему – были символом мудрости у древних греков, разные виды крабов-ламбров, видимо, случайно попавших на эту подводную скалу, потому что они обычно живут на больших глубинах.

– Ксанто, пилумны, каляппы, – замечает Консель, – зубчатые користы, эбалии, стыдливые крабы и прочие.

Консель упоминает обыкновенных лангустов – мясо их самок высоко ценится, – раков-медведей, гебий и все прочие виды съедобных ракообразных. Но он ничего не говорит о семействе астацид, к которому принадлежат омары, потому что лангусты – единственные «омары» Средиземного моря.^[101] Наконец, среди среднехвостых он заметил обыкновенных дреоцин, спрятавшихся в пеструю раковину, которую они обживают, гомоль с шишковатым лбом, раков-отшельников, порцеллан и проч.

На этом окончились научные труды Конселя. Ему не достало времени пополнить класс ракообразных изучением ротоногих бокоплавов, равноногих, листоногих, усконогих, ракушковых, или острокод, и некоторых других низших ракообразных. И чтобы закончить список морских членистых, он почел необходимым упомянуть также класс кольчатых червей, в который входят различные свободноживущие и сидящие в трубках кольчецы.

Но «Наутилус», миновав горный хребет Ливийского пролива и войдя в глубокие воды, пошел, как обычно, большим ходом. И не стало больше моллюсков, зоофитов и членистоногих! Лишь крупные рыбы, как смутные тени, пронеслись мимо окон.

В ночь с 16 на 17 февраля мы вошли во второй бассейн Средиземного моря, наибольшая глубина которого достигает трех тысяч метров. «Наутилус», повинувшись рулю глубины, оказался в самых глубинных слоях моря.

Там, в пучинах вод, взамен чудес природы развернулись перед моими глазами сцены волнующие и страшные. Мы шли в той части Средиземного моря, где произошло столько морских катастроф! Сколько кораблей потерпело тут кораблекрушение, сколько судов бесследно исчезло между берегами Алжира и Прованса! В сравнении с обширным водным бассейном Тихого океана Средиземное море всего лишь озеро, но озеро капризное, воды его обманчивы. Нынче оно милостиво ласкает хрупкую тартану, которая плывет между двойной лазурной гладью вод и небес; а завтра, разъяренное, вздыбленное штормом, оно короткими и частыми ударами своих валов разносит в щепы самые большие корабли.

Сколько остовов разбитых кораблей, поверженных на дно моря, увидел я во время этой стремительной прогулки в глубинных водных слоях! Якоря, пушки, ядра, железная оковка, лопасти винта, части машин, разбитые цилиндры, котлы без дна – останки кораблей, покоящиеся в этих водах, – одни уже покрытые отложениями кораллов, другие только ржавчиной.

Все эти потерпевшие крушение корабли погибли при столкновении или разбились о подводные скалы. Одни пошли ко дну совершенно отвесно, с уцелевшими мачтами и такелажем, как бы окостеневшими в соленой морской воде. Казалось, они стояли на якоре в открытом рейде, ожидая сигнала к отплытию. И когда «Наутилус», проходя мимо, заливал их светом своего прожектора, чудилось, что вот-вот на флагштоке взвьется флаг и корабли дадут приветственный салют! Но безмолвие и смерть царили в этой области бедствий!

Я заметил, что по мере приближения «Наутилуса» к Гибралтарскому проливу все чаще встречались печальные останки, погребенные в водах Средиземного моря. Чем более сближаются берега Африки и

Европы, тем чаще происходят в этом узком пространстве столкновения судов. Я видел тут множество железных остовов, корпусов, фантастических развалин пароходов; одни лежали на боку, другие стояли прямо, точно какие-то чудовищные животные. Я видел судно с пробоиной в боку, с изогнутой трубой, с одними ступицами вместо колес; руль отделился от ахтерштевня и болтался на железной цепи, задний планшир был изъеден морскими солями... Страшная картина! Сколько жизней погибло при этом кораблекрушении! Сколько жертв унесли волны! Спасся ли хоть один матрос, который мог бы рассказать об этом несчастном случае, или море по сию пору хранит в себе страшную тайну? Не знаю почему, но у меня мелькнула мысль, не «Атлас» ли это, бесследно исчезнувший с людьми и грузом тому лет двадцать? Какое страшное повествование получилось бы, если бы вскрыть тайны глубин Средиземного моря, этого необозримого кладбища, где погребено столько богатств, где столько жизней нашло себе вечный покой!

Но равнодушный ко всему «Наутилус» стремил свой бег среди руин. 18 февраля около трех часов утра мы были у входа в Гибралтарский пролив.

Тут существуют два течения: течение верхнее, издавна известное, несущее океанские воды в бассейн Средиземного моря, и нижнее течение, встречное, существование которого ныне доказано наукой. И в самом деле, уровень воды в Средиземном море, непрерывно пополняемый водами Атлантического океана и реками, впадающими в него, должен был бы из года в год повышаться, ибо одних испарений недостаточно, чтобы держать его в равновесии. Естественно, приходилось допустить существование нижнего течения, которое через Гибралтарский пролив несет избыток вод Средиземного моря в бассейн Атлантического океана.

Так оно и оказалось. «Наутилус» воспользовался этим попутным течением и быстро прошел через узкий пролив. На секунду мелькнули развалины храма Геркулеса, опустившегося, по словам Плиния и Авиценны, на самое дно вместе с островом, на котором он стоял; а несколько минут позже мы скользили уже по волнам Атлантического океана.

Глава восьмая

БУХТА ВИГО

Атлантический океан! Необозримая, огромная водная равнина, раскинувшаяся на двадцать пять миллионов квадратных миль! Вдоль она простирается на девять тысяч миль, вширь – в среднем на две тысячи семьсот миль! Море, столь значительное, но почти не изведенное в древности, за исключением разве карфагенян, этих голландцев древнего мира, объездивших во время своих торговых плаваний западные берега Европы и Африки. Океан, побережья которого с их излучинами охватывают огромный периметр! Водоем, в который несут свои воды величайшие в мире реки: Святого Лаврентия, Миссисипи, Амазонка, Ла-Плата, Ориноко, Нигер, Сенегал, Эльба, Луара, Рейн, орошающие страны самые цивилизованные и самые дикие! Величественная водная гладь! Из конца в конец бороздят эти воды корабли всех стран, под флагами всех наций мира, и охраняют их два грозных стража, внушавшие страх мореплавателям – мыс Горн и мыс Бурь![\[102\]](#)

«Наутилус» рассекал своим водорезом воды Атлантики, пройдя в три с половиной месяца около десяти тысяч лье! Образно говоря, он прошел расстояние большее, нежели длина пути вокруг земного шара, если объехать его по экватору. Куда мы держим путь? Что сулит нам будущее?

Миновав Гибралтарский пролив, «Наутилус» взял курс в открытое море. Он снова всплыл на поверхность вод, и наши каждодневные прогулки по палубе возобновились.

Я сейчас же пошел наверх освежиться; вслед за мной вышли Нед Ленд и Консель. В двенадцати милях от нас рисовался неясно мыс Святого Винцента, образующий юго-западную оконечность Пиренейского полуострова. Задул довольно крепкий южный ветер. Море бурно и неприветливо. Начиналась боковая качка. «Наутилус» шел, переваливаясь с волны на волну. Палубу захлестывало водой, обдавая нас солеными брызгами и пеной. Мы поспешили спуститься в трюм, успев все же подышать свежим воздухом.

Я пошел в свою каюту. Консель направился к себе; но канадец, чем-то озабоченный, последовал за мной. Наш сверхскоростной рейс через Средиземное море нарушил все планы Неда Ленда, и он не скрывал своего огорчения.

Как только дверь каюты затворилась за нами, он сел и молча посмотрел на меня.

– Друг Нед, – сказал я, – понимаю вас! Но вы ни в чем не можете себя упрекнуть. «Наутилус» развил такую бешеную скорость, что думать о побеге было бы безумием!

Нед Ленд молчал. Его плотно сжатые губы, нахмуренные брови говорили, что он одержим одной-единственной мыслью.

– Послушайте, Нед, – продолжал я, – отчаиваться еще рано. Мы идем вдоль берегов Португалии, вблизи Франции и Англии, где легко найти убежище. Вот если бы «Наутилус» по выходе из Гибралтарского пролива взял курс на юг, направляясь в пустынные воды, не омывающие берега материков, я разделял бы вашу тревогу. Но мы знаем, что капитан Немо не избегает европейских морей. А раз так, я не сомневаюсь, что через несколько дней условия сложатся более благоприятно, и тогда...

Еще пристальнее посмотрел на меня Нед Ленд и, разжав наконец губы, сказал:

– Нынче же вечером.

Я вскочил на ноги. Признаюсь, подобное предложение явилось для меня неожиданным. Я хотел ответить канадцу, но не находил слов.

– Мы условились ждать удобного случая, – продолжал Нед Ленд. – Случай представляется. Сегодня вечером мы будем в нескольких милях от испанского берега. Ночь темная. Ветер с моря. Вы дали слово, господин Аронакс, я рассчитывал на вас.

Я молчал. Канадец поднялся и подошел ко мне.

– Сегодня в девять часов! – сказал он. – Консель предупрежден. Капитан запретя к тому времени в своей каюте и, наверное, ляжет спать. Люди из команды, матросы, механики не увидят нас. Мы с Конселем проберемся к среднему трапу. Вы, господин Аронакс, побудьте в библиотеке, в двух шагах от нас, покуда я не дам сигнала. Весла, мачта и парус в шлюпке. Я снес туда кое-что из провизии. Достал и английский ключ, чтобы отвинтить гайки болтов, на которых прикреплена шлюпка. Все готово! Итак, до вечера!

– Море беспокойно, – сказал я.

– Согласен с вами, – отвечал канадец, – но придется рискнуть. Дело стоит того! Впрочем, шлюпка надежна и отмахать несколько миль при попутном ветре не составит труда. Как знать, не окажемся ли мы поутру за сто лье от европейских берегов? Если все пойдет благополучно, то между десятью и одиннадцатью часами вечера мы уже высадимся где-нибудь на берегу... или же нас не будет в живых. Итак, до вечера!

С этими словами канадец вышел, оставив меня в состоянии полной растерянности. Я льстил себя надеждой, что удобный случай представится не так скоро и у меня достанет времени обдумать и обсудить положение вещей. Но мой упрямый спутник отказывал мне во времени. И что я мог сказать ему? Нед Ленд был тысячу раз прав! Представлялся случай, он пользовался им. Мог ли я нарушить данное слово и ради личных побуждений брать на себя ответственность за судьбу моих спутников? Разве не может капитан завтра же выйти в открытое море, далеко от всякой земли?

В эту минуту довольно сильный свист дал мне понять, что резервуары наполняются водой и «Наутилус» погружается под воды Атлантического океана.

Я не выходил из каюты. Мне не хотелось встречаться с капитаном из боязни выказать при нем свое волнение. Так провел я томительный день, колеблясь между желанием вырваться на свободу и сожалением, что предстоит расстаться с этим чудесным «Наутилусом», не завершив исследования морских глубин. Покинуть океан – «мою Атлантику», как я любил его называть, – не заглянув в его сокровенные глубины, не вырвав у него его тайны, которую открыли мне Индийский и Тихий океаны! Роман выпал из моих рук, едва я успел прочесть первый том, страница обрывалась в самом интересном месте... Как мучительно тянулись часы! То мне грезилось, что я уже в безопасности, ступаю ногой по твердой земле, рядом со своими спутниками; то вопреки рассудку мной овладевало желание, чтобы какое-либо непредвиденное обстоятельство помешало выполнению замысла Неда Ленда.

Два раза я выходил в салон. Я хотел проверить по компасу. Хотел знать, действительно ли «Наутилус» держал курс близ берегов Португалии, или же удалялся от них. Но нет! Мы по-прежнему бороздили португальские воды. Курс судна лежал на север, вдоль берегов Португалии. Приходилось покориться необходимости и готовиться к побегу. Багаж мой был невелик: одни записки.

Ну а капитан Немо? Как он отнесется к нашему поступку? Какое беспокойство, какой вред может ему причинить наш побег? И как он поступит с нами, если наша попытка окончится неудачей? Разве он давал мне малейший повод к недовольству? Напротив! Он оказал нам самое радушное гостеприимство. Он не может мое бегство с судна приписать неблагодарности. И я не давал ему никаких обещаний. Он знал, что мы связаны с ним не обещаниями, а силой обстоятельств. Но именно его постоянные заявления, что наша судьба навеки связана с его судьбой, и извиняли наши попытки порвать с ним.

Я не видел капитана со времени нашего посещения острова Санторин. Сведет ли нас случай накануне

побега? Я и желал встречи и страшился ее. Я прислушивался, не раздадутся ли его шаги в каюте, смежной с моей. Ни малейшего шума не улавливало мое ухо. В каюте, видимо, никого не было.

Тут мне пришла мысль: да и вообще на борту ли таинственный капитан? С той ночи, когда шлюпка отвалила от борта «Наутилуса», выполняя какое-то секретное поручение, я несколько изменил свой взгляд на капитана Немо. Я понял, что, несмотря на все декларации, он все же сохранил какую-то связь с землей. И верно ли, что он никогда не отлучается с «Наутилуса»? Разве не бывало, что он не показывался целыми неделями? Что он делал в это время? Я воображал, что он страдает припадками мизантропии. А на самом деле не выполнял ли он какую-либо тайную миссию, недоступную моему пониманию?

Мысли эти и тысячи других не давали мне покоя. Необычность положения открывала широкое поле для всяких догадок. Мной владела мучительная тревога. Часы ожидания казались вечностью. День тянулся чересчур медленно.

Обед, по обыкновению, подали в каюту. Я едва прикоснулся к пище. Встал из-за стола в семь часов. Сто двадцать минут – я считал каждую минуту – отделяли меня от момента, когда я должен буду последовать за Недом Лендом. Мое волнение все возрастало. Пульс бился учащенно. Я не мог сидеть на месте. Шагал взад и вперед по каюте, надеясь в движении рассеять тревожные думы. Мысль, что я могу погибнуть, менее всего меня беспокоила; но при мысли, что наш план будет открыт прежде, чем мы успеем бежать с судна, при мысли, что мне придется предстать перед капитаном Немо, взбешенным, еще хуже, огорченным моим вероломным поступком, сердце у меня замирало.

Мне захотелось в последний раз заглянуть в салон. Узким коридором прошел я в этот музей, где провел столько приятных и полезных часов. Я смотрел на это собрание сокровищ, как смотрит человек на родные места, которые он завтра должен навсегда покинуть. Я говорил последнее «прости» всем этим произведениям искусства, всем этим чудесным экспонатам природы... Мне захотелось окинуть последним взглядом воды Атлантики, но ставни были наглухо закрыты, и их железная завеса скрывала от моих глаз океан, который мне не удалось изучить.

Проаживаясь по салону, я подошел к потайной двери в стене, ведущей в каюту капитана. К моему глубокому удивлению, дверь была полуотворена. Я невольно отступил на шаг. Будь капитан Немо у себя, он заметил бы меня. Но все было тихо. Я подошел поближе. Каюта была пуста. Толкнув дверь, я огляделся по сторонам и вошел внутрь. Все та же суровая обстановка жилища отшельника.

Несколько офортов на стенах – в тот раз я их не заметил – бросились мне в глаза. То были портреты – портреты видных исторических лиц, посвятивших себя служению высокой идее гуманизма: Костюшко, герой, боровшийся за освобождение Польши, павший с криком: «Конец Польше!»; Боцарис – этот Леонид современной Греции; О'Коннель – борец за независимость Ирландии; Вашингтон – основатель Северо-Американского союза; Манин – итальянский патриот; Линкольн, погибший от пули рабовладельца; и, наконец, мученик, боровшийся за освобождение негров от рабства и вздернутый на виселице, – Джон Браун: страшный рисунок в карандаше, сделанный рукой Виктора Гюго!

Какая связь могла быть между капитаном Немо и этими героями? Не приоткроют ли их портреты тайну его жизни? Не был ли он защитником угнетенных народов, освободителем поработанных племен? Не участвовал ли он в политических и социальных потрясениях последнего времени? Не был ли он одним из героев братоубийственной войны между северными и южными штатами Америки, войны прискорбной и памятной?

Часы пробили восемь. При первом же ударе мои мечтания прервались. Я вздрогнул, как если бы какое-то недремлющее око проникло в тайну моих грез, и бросился вон из каюты капитана.

В салоне я кинул последний взгляд на компас. Стрелка указывала на север. Лаг показывал умеренную

скорость, манометр – глубину около шестидесяти футов. Обстоятельства складывались благоприятно для осуществления замысла Неда Ленда.

Я вернулся к себе. Надел теплую одежду: морские сапоги, бобровую шапку, куртку из биссуса, подбитую тюленьей кожей. Я был готов. Я ждал. Только дрожание судна при вращении винта нарушало глубокую тишину, царившую на борту. Я прислушивался, напрягал слух. Не раздастся ли среди этого безмолвия крик, который даст мне знать, что Нед Ленд пойман? Смертельная тревога обуяла меня. Напрасно старался я обрести самообладание. В девять часов без нескольких минут я приложил ухо к двери капитана. Полнейшая тишина. Я вышел из каюты, вернулся в салон, погруженный во мрак и по-прежнему пустой.

Отворил дверь в библиотеку. Тот же полумрак и та же пустота. Я сел у двери, выходящей к среднему трапу, и стал ожидать сигнала Неда Ленда.

В эту минуту сотрясение корпуса судна значительно уменьшилось и затем совсем прекратилось. Что означает такое изменение хода «Наутилуса»? Благоприятствует ли его остановка планам канадца или вредит им? Кто знает?

Вдруг я почувствовал легкий толчок. Я понял, что «Наутилус» опустился на самое дно океана. Тревога моя возросла. Канадец не подавал сигнала. Меня подмывало бежать к Неду Ленду и просить его отложить побег до другого раза. Нынче наше плавание – я чувствовал это – проходит не в обычных условиях...

Но распахнулась дверь салона, и на пороге появился капитан Немо. Увидев меня, он обратился ко мне без всяких предисловий.

– А-а! Господин профессор, – сказал он любезным тоном. – А я вас искал! Вам знакома история Испании?

Если бы он спросил меня, знакома ли мне история Франции, в моем состоянии крайнего смущения и тревоги я не мог бы ему на это ответить.

– Нуте? – продолжал капитан. – Вы слышали мой вопрос? Вам знакома история Испании?

– Очень плохо, – отвечал я.

– Ох уж эти ученые! – сказал капитан. – Он не знает! А раз так, – прибавил он, – садитесь-ка, и я расскажу вам любопытный эпизод из истории Испании.

Капитан растянулся на диване, а я машинально сел подле него. Стоял полумрак.

– Слушайте внимательно, господин профессор, – сказал он. – Случай для вас небезынтересен, в нем вы найдете ответ на вопрос, который вы, несомненно, еще не решили.

– Слушаю, капитан, – сказал я, не понимая, к чему ведет речь мой собеседник. И мысленно я спрашивал себя: не относится ли этот случай к задуманному нами побегу?

– Господин профессор, – продолжал капитан Немо, – если позволите, мы обратимся к прошлому. Шел тысяча семьсот второй год. Как вы, наверное, помните, в то время французский король Людовик Четырнадцатый, возомнив, что по одному мановению его руки Пиренеи провалятся сквозь землю, посадил на испанский престол своего внука, герцога Анжуйского. Незадачливый принц, воцарившись под именем Филиппа Пятого, вынужден был вступить в борьбу с сильными внешними врагами.

Надо сказать, что годом раньше царствующие дома Голландии, Австрии и Англии заключили в Гааге союз, поставивший своей целью лишить Филиппа Пятого испанской короны и возложить ее на голову некоего эрцгерцога, которого они заранее наименовали Карлом Третьим.

Испания принуждена была бороться против этой коалиции. Но у нее почти не было ни армии, ни

флота. Впрочем, она пользовалась неограниченными средствами, но при условии, что ее галионы, нагруженные американским золотом и серебром, могли бы беспрепятственно входить в испанские порты.

Как раз в конце тысяча семьсот второго года ожидался богатый транспорт, который шел под эскортом французской эскадры в составе двадцати трех кораблей под командованием адмирала Шато-Рено. Конвоирование испанских судов объяснялось присутствием в водах Атлантического океана объединенного флота коалиции.

Транспорт ожидался в Кадиксе, но адмирал, узнав, что в кадикских водах крейсируют английские суда, решил войти в какой-нибудь французский порт.

Командиры испанских кораблей воспротивились приказу адмирала. Они потребовали, чтобы транспорт обязательно ввели в испанский порт, и если не в Кадикс, то хотя бы в бухту Виго, на северо-западном берегу Испании, которая еще не была блокирована союзниками.

Адмирал Шато-Рено по малодушию подчинился требованию испанцев, и галионы вошли в бухту Виго.

К несчастью, гавань Виго представляла собой открытый рейд, непригодный для обороны. Надо было торопиться с выгрузкой до прихода союзных кораблей. Времени было достаточно. Но тут по самому пустейшему поводу возникла распря.

Вы внимательно следите за ходом событий? – спросил меня капитан Немо.

– Я весь внимание, – отвечал я, не соображая еще, по какому случаю давали мне этот урок истории.

– Итак, продолжаю, – заговорил снова капитан. – Что же произошло? Кадикские купцы пользовались, видите ли, привилегией принимать все грузы, прибывавшие из Вест-Индии. Стало быть, разгрузка галионов с золотом в порту Виго была нарушением их привилегии. Они обратились с жалобой в Мадрид. И слабовольный Филипп Пятый приказал оставить транспорт под секвестром до выхода из кадикских вод вражеского флота.

А пока суд да дело, двадцать второго октября тысяча семьсот второго года английские корабли вошли в бухту Виго. Адмирал Шато-Рено, несмотря на превосходящие силы противника, оказал героическое сопротивление. Но как только он понял, что вверенные ему богатства попадут в руки врага, он поджег и затопил галионы, которые пошли ко дну со всеми несметными сокровищами, находившимися на борту.

Капитан Немо умолк. Признаться, я все еще не понимал, чем могла заинтересовать меня эта история.

– Ну а далее?

– Далее! – сказал капитан Немо. – Мы находимся в бухте Виго, и вы, господин Аронакс, будь на то ваша воля, можете ознакомиться с тайной здешних вод.

Он поднялся с дивана и пригласил меня следовать за собой. Я уже взял себя в руки. Пришлось повиноваться. В салоне было темно, но сквозь хрустальные стекла поблескивали океанские воды. Я подошел к окну.

Вокруг «Наутилуса» – в радиусе полумили – воды, казалось, были пронизаны электрическим светом. Ясно было видно чистое песчаное дно. Там, между почерневшими останками кораблей, сновали матросы из экипажа, одетые в скафандры. Они раскапывали занесенные илом, полусгнившие бочонки, искалеченные ящики. Из этих ящиков и бочонков сыпались слитки золота и серебра, целые каскады пиастров и драгоценных камней. Песчаное дно было буквально усыпано этими сокровищами. Взвалив на плечи драгоценную кладь, матросы шли к судну, складывали там свой груз и опять направлялись разгружать этот неисчерпаемый источник золота и серебра.

И я понял. Тут 22 октября 1702 года было поле военных действий. Тут были затоплены галионы с

золотом для испанского короля. Отсюда, смотря по надобности, черпал капитан Немо миллионы, пополняя золотые запасы «Наутилуса». Он, только он, владел этим богатством. Он был прямым и единственным наследником сокровищ, отнятых у инков, побежденных Фердинандом Кортесом!

– Ведомо ли вам, господин профессор, – спросил капитан улыбаясь, – что воды хранят в своих глубинах такое богатство?

– Мне было известно, – отвечал я, – что в морской воде содержится в растворенном виде два миллиона тонн серебра.

– Верно! Но чтобы выделить серебро из воды, потребовались бы большие и неоправданные расходы. А тут я собираю то, что утрачено людьми. И не только тут, в бухте Виго, но и в тысяче других мест, где случались кораблекрушения; места эти нанесены на мою карту морского дна. Вы воочию видите, что я владею миллионами, не так ли?

– Совершенно верно, капитан. Но позвольте заметить, что в эксплуатации бухты Виго вы лишь опередили одно акционерное общество.

– Ах вот как!

– Да, акционерное общество, получившее от испанского правительства право производить работы по розыску потонувших галионов. Акционеры уповают на богатые доходы, ибо погибшие сокровища оцениваются в пятьсот миллионов!

– Пятьсот миллионов! – вскричал капитан Немо. – Они тут были, но их более нет!

– А раз так, – сказал я, – было бы актом милосердия предупредить этих самых акционеров об этом прискорбном обстоятельстве! Впрочем, еще неизвестно, как бы отнеслись они к такому сообщению. Игрок жалеет обычно не о проигрыше, а о крушении надежд на выигрыш. Я же жалею больше всего те тысячи бедняков, которым эти богатства при правильном распределении облегчили бы условия жизни. А теперь они для них потеряны!

Едва сказав это, я почувствовал, что слова мои задели за живое капитана Немо.

– «Потеряны!»! – воскликнул он, воодушевляясь. – Стало быть, вы считаете, сударь, что богатства потеряны, раз они попали в мои руки? Неужто же я собираю для себя это золото? Кто вам сказал, что оно не пойдет на доброе дело? Неужто я не знаю, что на земле существуют обездоленные люди, угнетенные народы? Несчастные, нуждающиеся в помощи жертвы, вопиющие об отмщении! Неужто вы не понимаете, что...

Капитан Немо не окончил фразы. Кто знает, не сожалел ли он, что сказал лишнее? Но я и так все понял. Каковы бы ни были причины, побудившие его искать независимости в глубинах морей, все же он оставался человеком! Его сердце отзывалось на человеческие страдания, и он широкой рукой оказывал помощь угнетенным!

И тут я понял, кому предназначались миллионы, отправленные капитаном Немо в тот памятный день, когда «Наутилус» вошел в воды охваченного восстанием острова Крит!

Глава девятая

ИСЧЕЗНУВШИЙ МАТЕРИК

На следующий день утром, 19 февраля, ко мне в каюту зашел канадец. Я ожидал этого посещения. Вид у него был чрезвычайно расстроенный.

– Ну-с, сударь? – сказал он.

– Ну-с, Нед! – отвечал я. – Обстоятельства сложились против нас.

– Эх! Надо же было этому окаянному капитану остановить судно именно в тот час, когда мы готовились бежать!

– Ну что ж, Нед! Ему нужно было побывать у своего банкира.

– Банкира?

– Вернее, в банке! Я под этим разумею океан, где богатства капитана находятся в большей сохранности, нежели в любом государственном банке.

И я рассказал канадцу, что произошло минувшей ночью, втайне надеясь навести его на мысль никогда не покидать капитана; но мой рассказ вызвал у Неда Ленда лишь горькое сожаление, что ему не пришлось принять участие в прогулке на поле битвы при Виго.

– Однако ж, – сказал он, – не все еще потеряно! Промаяхнул гарпуном, так сказать. Второй раз будем бить без промаха. Нынешним вечером можно попытаться...

– Куда ложится курсом «Наутилус»? – спросил я.

– Не могу знать, – отвечал Нед.

– Ну что ж! В полдень мы это узнаем.

Канадец отправился к Конселю. А я, одевшись, вышел в салон. Показание компаса было неутешительно. Курс «Наутилуса» лежал на юго-юго-запад. Мы обернулись спиной к Европе.

Я с нетерпением ожидал момента, когда координаты местности будут обозначены на карте. Около половины двенадцатого резервуары опорожнились, и наше судно всплыло на поверхность океана. Я бросился на палубу. Нед Ленд опередил меня.

Ни признака земли в виду. Ничего, кроме необозримой водной пустыни. Лишь несколько парусов на горизонте. Несколько парусных судов, видимо, выжидавших попутного ветра, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, прижимает к мысу Сан-Рок. Небо было обложено тучами. Все предвещало бурю.

Нед был взбешен. Он напрягал зрение, пытаясь проникнуть взглядом сквозь туман, застилавший горизонт. Он еще не терял надежды, что за этой туманной завесой лежит желанная земля.

В полдень проглянуло солнце. Помощник капитана, воспользовавшись этим моментом, определил его высоту. На море начинался шквал, мы снова пошли под воду, и люк был закрыт.

Часом позже, взглянув на карту, я увидел, что мы находимся под 16°17' долготы и 33°22' широты, в ста пятидесяти лье от ближайшего берега. О побеге нечего было и думать. Можете представить гнев канадца, когда я сообщил ему координаты местности.

Я со своей стороны особенно не сокрушался. Точно тяжкий груз свалился с моих плеч, и я мог с

относительным спокойствием приняться за свои обычные занятия.

Вечером, около одиннадцати часов, ко мне совершенно неожиданно зашел капитан Немо. Он очень любезно осведомился, не утомила ли меня прошедшая бессонная ночь. Я отвечал отрицательно.

– В таком случае, господин Аронакс, я предложу вам принять участие в одной любопытной экскурсии.

– Весьма тронут, капитан.

– Вы опускались в морские глубины днем, при солнечном свете. Не желаете ли посмотреть морское дно в темную ночь?

– С большой охотой!

– Предупреждаю вас, что прогулка будет утомительной. Идти придется далеко. Взбираться на гору. Дороги здесь не совсем исправны.

– Все это только возбуждает мое любопытство, капитан. Я готов сопутствовать вам.

– Пойдемте же, господин профессор! Надобно надеть скафандр.

Войдя в гардеробную, я не встретил там ни моих спутников, ни матросов из экипажа. Никто из них, видимо, не примет участия в ночной экскурсии. Капитан Немо, против обыкновения, не предложил мне взять с собой Неда или Консея.

Через несколько минут мы были готовы. На спину нам прицепили резервуары с большим запасом воздуха, но электрическими фонарями нас не снабдили. Я обратил на это внимание капитана.

– Они нам не понадобятся, – отвечал он.

Мне показалось, что я плохо расслышал, но вторично спросить уже не мог, потому что голова капитана скрылась под металлическим шлемом. И я вслед за ним надел на голову этот медный шар; в руку мне вложили палку с железным наконечником; и спустя несколько минут мы, после обычных церемоний, ступили на дно Атлантического океана на глубине трехсот метров.

Приближалась полночь. Глубокий мрак царил в морских глубинах, но капитан Немо указал на красноватое пятно в двух милях от «Наутилуса», похожее на отдаленное зарево. Огонь? Из какого источника он исходил? И как мог огонь гореть в жидкой среде? Я не находил объяснений. Но как бы то ни было, мерцающий светоч облегчал нам путь; светил он, правда, неярко, но я скоро освоился с этим красноватым полусветом. И тут я понял, что в этих условиях аппараты Румкорфа действительно были бы бесполезны.

Я шел рядом с капитаном Немо навстречу путеводному огоньку. Дно, ровное вначале, незаметно возвышалось. Мы шли большими шагами, опираясь на палки; но все же мы подвигались медленно, потому что ноги увязали в сплошном месиве водорослей и мелких камней.

Мы шли, а над головой слышался мелкий частый стук. Шум усиливался, словно там, над нами, выбивали барабанную дробь. Вскоре я понял причину этого шума. Над океаном шел дождь. Я невольно подумал, что дождь может промочить меня до костей. В воде промокнуть от дождя! Но тут же расхохотался. Какая нелепая мысль! Надо сказать, под скафандром вовсе не чувствуешь, что находишься в воде, и замечаешь только, что окружающая среда несколько плотнее воздуха.

Шли мы около получаса. Дно становилось каменистым. Медузы, микроскопические ракообразные, морские перья излучали слабый фосфоресцирующий свет. Я мельком видел груды камней, покрытых целыми миллионами животных, похожих на цветы, и космами водорослей. Ноги скользили по вязкому ковру из морских растений, и, не будь у меня палки, я не раз упал бы. Оборачиваясь, я все еще видел свет от прожектора «Наутилуса», начинавший бледнеть по мере того, как мы удалялись от судна.

Нагромождение камней на океанском дне, о чем я только что говорил, все же носило на себе следы упорядоченности, необъяснимой для меня. Мое внимание привлекали гигантские борозды, терявшиеся во мраке. Наблюдались и другие странные явления. Но я не допускал и мысли о подобной возможности. Мне казалось, что под свинцовыми подошвами моих сапог хрустят иссохшие кости. Не идем ли мы полем, усеянным костями? Я хотел обратиться с вопросом к капитану, но условный язык знаков, которым он обменивался с товарищами во время подводных экскурсий, был мне неведом.

Между тем красноватый свет, служивший нам путеводителем, становился все ярче; словно зарево отдаленного пожара освещало горизонт. Огонь среди водной стихии в высшей степени возбуждал во мне любопытство. Не объяснялось ли это свечение действием электрической энергии? Не был ли я очевидцем явления природы, еще не известного нашим ученым? И не рукой ли человека – мелькнула у меня мысль – поддерживается этот подводный очаг? Не встречу ли я в глубинных слоях океана друзей и единомышленников капитана Немо, живущих своеобразной жизнью, как и он? Не увижу ли я тут целую колонию изгнанников, презревших земные условности, которые искали и обрели независимость в глубинах океана? Безумные и праздные мысли буквально преследовали меня.

И в том состоянии крайнего возбуждения, в котором я находился, оказавшись в стране чудес, мне представлялось вполне естественным встретить в морских глубинах один из тех подводных городов, о которых мечтал капитан Немо.

Наш путь освещался все ярче и ярче. Беловатое сияние исходило из-за вершины горы, вздымавшейся на восемьсот футов над уровнем дна. Но это сияние было лишь отражением световых лучей, преломленных в слоях воды. Самый очаг, источник этого необъяснимого сияния, находился по ту сторону горы.

По лабиринту каменных глыб, загромоздивших дно Атлантического океана, капитан Немо шагал уверенно. Он хорошо знал этот мрачный путь. Видимо, он так часто проходил тут, что не боялся заблудиться. Я шел за ним вполне спокойно. Он представлялся мне каким-то гением морей! Я любовался его высокой фигурой, которая вырисовывалась черным силуэтом на фоне зарева.

Был час ночи. Мы подошли уже к подошве горы. Но чтобы подняться по ее крутизне, приходилось взбираться по неисхоженным тропам среди густой лесной чащи.

Да! Тут была чаща мертвых, лишенных листвы и жизненных соков деревьев, окаменевших под действием солей в воде. И среди этой ископаемой чащи и там и тут вздымали свои вершины гигантские сосны. То был лес, обратившийся в каменный уголь, но уголь, еще не слежавшийся пластами! Лес, еще тянувшийся вверх, цепляясь корнями за размытый грунт. И его окаменевшие ветви, точно вырезанные из черной бумаги, четко вырисовывались на фоне вод. Вообразите себе Гарц, леса на склонах гор, оказавшиеся на дне морском! Горные тропы заросли водорослями и в том числе фукусами, между которыми копошился целый мир ракообразных животных. Я шел, взбираясь на скалы, шагая через поваленные стволы деревьев, разрывая морские лианы, образовавшие живую изгородь среди омертвевших древесных остовов, вспугивая рыб, порхавших с ветки на ветку, словно птицы. Увлечшись, я не чувствовал усталости. Я шел следом за своим неутомимым вожатым.

Какое зрелище! Какими словами описать его? Какими красками изобразить подводные деревья и скалы, с их основаниями, погруженными во мрак, с их вершинами, окрашенными в пурпур заревом отдаленных огней, отраженных в водах? Мы взбирались на утесы, которые вслед за нами обрушивались с глухим гулом лавины. А по правую и по левую сторону тропы зияли мрачные галереи, в которых терялся взгляд. И вдруг перед нами открывались широкие лужайки, казалось, расчищенные рукой человека, невольно наводя на мысль, что вот-вот навстречу нам выйдет какой-нибудь обитатель этих подводных стран!

Капитан Немо все шел вперед. Я не хотел отставать и бодро шагал вслед за ним. Палка оказывала мне большую помощь. Один неверный шаг, и тебе грозила гибель на этих узких тропах, проложенных у края пропасти! Но я шагал уверенно, не чувствуя головокружения.

Я перепрыгивал через расселины, глубина которых – случись это на ледниковых вершинах земных гор – вынудила бы меня отступить. Не глядя под ноги, я смело переходил по хрупким остовам деревьев через бездонные пропасти, любясь дикой красотой здешних мест. Там величественные скалы, стоявшие в наклон на своих источенных основаниях, казалось, опровергали законы равновесия. Из расселин скал пробивались древесные стволы, как из фонтана бьют струи воды под сильным давлением. А тут башни, воздвигнутые природой и срезанные под таким углом, который нарушал законы тяготения, нерушимые на земле!

И я сам чувствовал влияние плотности водной среды, когда в своем тяжелом скафандре, в медном шлеме и сапогах на металлической подошве взбирался на отвесные скалы с легкостью серны!

Я хорошо понимаю, что мое описание этой подводной экскурсии должно показаться сплошной фантастикой. Но я повествую о явлениях, на поверхностный взгляд невероятных, но, однако ж, существующих в действительности. Нет, мне это не пригрезилось! Все это я видел своими глазами, все это я пережил!

Прошло два часа, как мы покинули «Наутилус». Мы уже миновали лесную полосу, и в ста футах над нами вздымалась остроконечная горная вершина, тень от которой падала на ярко освещенный склон по ту сторону горы. Редкие кустарники, видневшиеся и там и тут, казалось, окаменели в судорожной гримасе. Рыбы стаями поднимались из-под наших ног, как вспугнутые птицы из высоких трав. Скалистый массив был изрыт непроходимыми трещинами, глубокими пещерами, зияющими пропастями, из глубин которых доносились какие-то грозные шумы! Кровь прилиwała к сердцу, когда наш путь вдруг преграждали чудовищное щупальце или страшная клешня, которая с шумом втягивалась в тень расселин! Тысячи светящихся точек поблескивали в темноте. То были глаза исполинских ракообразных животных, укрывавшихся в своих логовищах, морских раков-гигантов, шевеливших клешнями, издававшими звук железа, – словно в старину воины, вооруженные алебардами, – крабов-титанов, стоявших на своих лапах, точно пушки на лафетах с наведенным дулом, и страшных осьминогов, щупальца которых извивались, как клубок змей!

Чудовищный, неведомый мир! К какому отряду относятся эти беспозвоночные, которым скалы служили как бы вторым верхним панцирем? Как могла природа найти секрет их растительного существования? Сколько веков населяют они глубинные слои океана?

Но подолгу останавливаться я не мог. Капитан Немо, привыкший к этим страшным гадам, не обращал на них внимания. Мы дошли до плоскогорья, где меня ожидали новые нечаянности. Живописные развалины, изобличавшие творение рук человеческих, а не творчество природы, представились моему изумленному взору. В этом бесформенном нагромождении камня, под пестрым ковром живописных «животных-цветов», под покровом ламинарий и фукусов, заступивших место плюща, угадывались архитектурные пропорции зданий, дворцов, храмов.

История потопов на земном шаре включила ли в свой синодик этот потонувший материк? Какой зодчий высек эти скалы и камни наподобие друидического памятника доисторических времен? Где я находился? Куда увлекла меня фантазия капитана Немо?

Я должен был это знать. Окликнуть капитана я не мог. Я схватил его за руку. Но он, отрицательно покачав головой, указал на вершину горы, как бы говоря: «Иди! Иди вперед! Все выше!»

Собрав последние силы, я пошел за капитаном; и через несколько минут мы вскарабкались на горный пик, метров на десять взметнувшийся над скалистым массивом.

Я оглянулся. С той стороны, откуда мы пришли, высота склона была не более семисот или восьмисот футов от уровня дна. Но по другую сторону гора была вдвое выше, поднимаясь отвесно над уровнем глубокой впадины в этой части Атлантического океана. Перед моими глазами расстилалось необозримое, ярко освещенное пространство. Гора, на которой мы стояли, была вулканом. Футах в пятидесяти от горной вершины, среди настоящего ливня камней и шлака, из широкого жерла кратера изливались потоки лавы, низвергавшиеся по склонам вулкана огненными каскадами в лоно вод. Вулкан, как чудовищный факел, освещал, насколько хватает глаз, равнину, лежавшую у его подножия.

Я сказал, что подводный вулкан извергал расплавленную лаву, но не пламень. Для пламени необходим воздух, насыщенный кислородом, и огонь в жидкой среде не горит. Но потоки раскаленной добела лавы при соприкосновении с водой образуют водяные пары. Образовавшиеся пары быстро рассеивались, а потоки огненной лавы растекались до самой подошвы горы, подобно потокам лавы при извержении Везувия, изливающимся на Торре дель Греко.

И тут перед моими глазами возник мертвый город: развалины зданий с обвалившимися крышами, обрушившимися стенами; руины храмов с осевшими арками, с колоннами, поверженными на землю, но не утратившими солидных пропорций тосканской архитектуры; вдали – гигантские остовы водопровода; у подножия вулкана, занесенные илом, останки Акрополя, предвосхитившего Парфенон; а далее – следы набережной, все приметы приморского порта, служившего убежищем для торговых судов и военных трирем; а еще дальше – длинные ряды рухнувших зданий, пустынные провалы бывших улиц, – новая Помпея, скрытая под водами! И она возникала передо мной волею капитана Немо!

Где я? Где? Я хотел знать это, хотел спросить об этом, хотя бы пришлось сбросить с головы защитный шлем!

Но капитан Немо уже подходил ко мне и знаком остановил мою руку. Затем, подняв кусок мелового камня, он начертал на черной базальтовой стене одно лишь слово:

Словно молния пронзила мысль! Атлантида! Древняя Меропида Теопомпа! Атлантида Платона! Материк, существование которого оспаривали Ориген, Порфирий, Ямблих, д'Анвиль, Мальтбрен, Гумбольдт, относя историю его исчезновения в область легенд! Но его существование признавали Посидоний, Плиний, Аммиан Марцеллин, Тертуллиан, Энгель, Шерер, Турнефор, Бюффон, д'Аверзак. Атлантида лежала перед моими глазами со всеми свидетельствами постигшей ее катастрофы! Так вот он, этот исчезнувший материк, о котором известно было лишь то, что он находился вне Европы, вне Азии, вне Ливии, по ту сторону Геркулесовых столбов, и что жило там могущественное племя атлантов, с которыми древние греки вели свои первые войны!

Летописцем, запечатлевшим своим пером великие деяния того времени, был Платон. Диалог между Тимеем и Критием был написан под вдохновенным влиянием Солона, поэта и законодателя.

Однажды Солон беседовал с некими учеными старцами из Саиса – города, насчитывавшего уже тогда около восьми столетий своего существования, о чем свидетельствовали летописи, высеченные на стенах храма. Один из старцев рассказал историю города древнее Саиса на тысячу лет. Этим первым афинским городом, существовавшим уже девятьсот столетий, овладели атланты и частично его разрушили. Эти атланты, говорил он, обитали на материке, который был больше Африки и Азии, взятых вместе, и занимал пространство, лежащее между 12° и 40° северной широты. Власть атлантов распространялась даже на Египет. Они хотели подчинить себе и Грецию, но должны были отступить перед мужественным сопротивлением эллинов. Прошли века. Потопы, землетрясения обрушились на нашу планету. И достаточно было одной ночи и одного дня, чтобы была стерта с лица земли Атлантида. Только вершины ее самых высоких гор – Мадейры, острова Азорские, острова Канарские, острова Зеленого Мыса – видны и поныне!

Все это я вспомнил, прочтя надпись капитана Немо. Так вот куда привела меня непостижимая судьба! Я стоял на вершине горы исчезнувшего материка! Прикасался к камням зданий, современных геологическим эпохам! Ступал по земле, по которой ходили современники первого человека! Под моими ногами хрустели кости ископаемых, живших в баснословные времена под сенью деревьев, ныне обратившихся в камень!

Ах, почему у меня не было достаточно времени! Я бы спустился по крутому откосу горы, прошел бы весь этот легендарный материк, некогда соединявший, несомненно, Африку с Америкой! Посетил бы города допотопных времен, там, может статься, я набрел бы на воинственный Махимос, на религиозный Эусебес, где обитали гиганты, жившие целыми столетиями и своей могучей рукой ворочавшие эти глыбы, противостоящие и поныне разрушительному действию воды! Как знать, не настанет ли день и силой какого-нибудь процесса внутри земли не поднимется ли этот погребенный под водой материк на поверхность океана? Разве в этой части океана не обнаружено множество подводных вулканов и разве многие суда, плавая в этих беспокойных водах, не ощущали сильных толчков, сотрясавших их корпус? На одних слышен был глухой гул, говоривший о разгуле разбушевавшихся стихий; на других удавалось собрать вулканический пепел, выброшенный на поверхность вод. Вплоть до экватора вся эта часть нашей планеты подвержена действию плутонических сил. И кто знает, в какую-нибудь отдаленную эпоху, в процессе вулканических извержений при новообразованиях из наслоений лавы, не покажутся ли снова на поверхности Атлантического океана вершины подводных огнедышащих гор?

В то время как я предавался мечтаниям, в то время как я старался запечатлеть в памяти все подробности этого грандиозного пейзажа, капитан Немо, облокотясь о замшелую стену, застыл в немом восторге. Думал ли он об этих исчезнувших поколениях? Искал ли тут разгадку человеческих судеб? И не затем ли явился сюда этот странный человек, чтобы почерпнуть новые силы в историческом прошлом, пожить жизнью гигантов? Чего бы я не дал, чтобы узнать его мысли, понять их и разделить с ним!

Мы провели тут целый час, созерцая раскинувшуюся у наших ног равнину при блеске раскаленной лавы порой ослепительной яркости! От внутриземного клокотания расплавленных пород дрожь пробегала по поверхности горы. Глухой гул вулкана, отчетливо передававшийся через воду, звучал величественно!

В эту минуту луна проглянула сквозь водную толщу и бросила свои бледные лучи на потонувший материк. То был только отблеск лунного света, но впечатление оказалось незабываемое! Капитан выпрямился, окинул последним взглядом равнину, затем подал мне знак следовать за ним.

Мы быстро сошли с горы. Миновав ископаемый лес, я увидел вдали прожектор «Наутилуса», светившийся как звезда. Капитан шел на этот свет. И мы взошли на борт судна в то самое время, когда первые лучи восходящего солнца коснулись поверхности океана.

Глава десятая

ПОДВОДНЫЕ КАМЕННОУГОЛЬНЫЕ КОПИ

На следующий день, 20 февраля, я встал очень поздно. Ночная усталость дала себя знать, и я проспал до одиннадцати часов. Быстро оделся. Поспешил узнать курс «Наутилуса». Приборы показывали, что судно по-прежнему идет на юг, со скоростью двадцати миль в час, на глубине ста метров под уровнем моря.

Пришел Консель. Я рассказал ему о нашей ночной экскурсии. Створы в салоне были раздвинуты, и он успел увидеть мельком часть потонувшего материка.

«Наутилус» шел на глубине десяти метров над уровнем дна. Он проносился над Атлантидой, как воздушный шар, гонимый ветром, проносится над земными лугами. Пожалуй, правильнее было бы сказать, что мы неслись со скоростью экспресса. Первым планом проходили перед нашими глазами скалы фантастического вида, деревья, перешедшие из растительного царства в ископаемое, окаменелые силуэты которых искажались набегавшими волнами. Груды камней, скрытые под ковром асцидий и морских анемонов, ошетилившиеся зарослями водорослей, стоящими вертикально, чудовищно исковерканные наплывы застывшей лавы – все свидетельствовало о разрушительной силе плутонических извержений.

Причудливые пейзажи возникали, попадая в фокус нашего прожектора, а я тем временем рассказывал Конселю об атлантах, фантастическая история которых вдохновила Бальи посвятить им столько прелестных страниц. Я рассказывал ему о том, какие войны вел этот героический народ. Я толковал об Атлантиде как человек, не сомневавшийся в ее существовании. Консель слушал меня рассеянно; его равнодушное отношение к столь волнующему историческому событию вскоре объяснилось.

Внимание его привлекли рыбы, во множестве плававшие вокруг судна. А Консель при виде рыб, по обыкновению, погружался в дебри классификации и уносился за пределы действительности. Поэтому мне оставалось только следовать его примеру и заняться вместе с ним ихтиологическими изысканиями.

Впрочем, рыбы в Атлантическом океане не слишком резко отличались от рыб, встречавшихся нам в других морях. Тут были гигантские скаты длиной в пять метров, обладающие большой мускульной силой, позволявшей им подниматься над поверхностью воды; различные виды акул, и между ними акула обыкновенная, или мокой аспидно-синего цвета, длиной в пятнадцать футов, с острыми, трехгранной формы зубами, которая благодаря своей окраске почти не отличима в морских водах; коричневые морские караси; акулы-людоеды, с шероховатой, бугристой кожей, с цилиндрическим телом; осетры, похожие на своих сородичей в Средиземном море; морские иглы-трубачи длиной в полтора метра, светло-бурого цвета, с маленькими серыми плавниками, лишенные зубов и языка. Они извивались в воде, как змейки.

Между костистыми рыбами внимание Конселя привлекала черноватая меч-рыба длиной в три метра, с острым мечом на верхней челюсти; из ярко окрашенных рыб его заинтересовала рыба, известная во времена Аристотеля под названием морского дракона; шипы ее спинного плавника жестки и колючи, уколы их болезненны и опасны, потому что слизь, окружающая шипы, обладает ядовитыми свойствами; корифена, или золотая макрель, глянцевого-голубого цвета, с золотой каймой; прелестные дорады, или золотые рыбки; луна-рыба, похожая на серебряный диск, с чудным отливом в лазурь, – при солнечном свете рыбки поблескивали в воде, как серебряные монеты; наконец, саблянка – с вытянутым и сжатым с боков телом, длиной в восемь метров, у которой грудные и спинные плавники серповидной формы, а большой хвостовой шесть футов длиной, в виде полумесяца, – хищное животное, скорее травоядное, нежели рыбоядное; ее самцы повинуются малейшему знаку своих самок, как хорошо вышколенные мужья.

Но, наблюдая различных представителей морской фауны, я в то же время любовался равнинами Атлантиды. Порой из-за удивительной неровности морского дна «Наутилус» замедлял ход и скользил с увертливостью китообразного в узких проходах между холмами. Случалось, этот лабиринт так запутывался, что становился непроходимым; тогда подводный корабль, как аэростат, взмывал на большую высоту и, миновав препятствие, снова стремил свой бег в нескольких метрах над уровнем дна. Увлекательное, восхитительное плавание! Оно напоминало полет на воздушном шаре, с той лишь разницей, что «Наутилус» слепо повиновался руке штурмана.

Около четырех часов вечера характер дна, покрытого густым слоем ила, смешанного с окаменевшими ветвями деревьев, начал видоизменяться.

Оно становилось более каменистым, как бы усеянным конгломератами, базальтовым туфом, натеками лавы и сернистыми обсидианами. Я подумал, что мы вступаем, видимо, в гористую полосу, которая заступит место нескончаемой равнины. И в самом деле, в то время как «Наутилус» делал свои эволюции, я заметил, что горизонт на юге прегражден высоким горным кряжем, по-видимому, совершенно непроходимым. Вершина его, очевидно, выступала над уровнем океана. Гранитная стена являлась, видимо, подножием материка или по меньшей мере острова, – будь то один из островов Зеленого Мыса или Канарских. Координаты местности не были нанесены на карту – как знать, не умышленно ли? – и я не имел представления, где именно мы находимся. Но, как мне казалось, эта гранитная стена представляла собой оконечность Атлантиды, лишь малую часть которой нам довелось обозреть.

Я не прерывал своих наблюдений и ночью. Консель ушел к себе. Я остался один в салоне. Замедлив бег, «Наутилус» вольтижировал над массивными взбросами вулканического происхождения, загромождавшими океанское дно. Порой, точно готовясь сесть, он шел, прижавшись к его серым массивам, едва различимым в густой мгле, – и вдруг взмывал на поверхность океана!

В эти короткие мгновения сквозь кристальные воды поверхностных слоев я мельком видел пять или шесть зодиакальных звезд, что блещут в хвосте Ориона.

Долгие часы мог бы я любоваться торжественной красотой моря и неба! Но ставни задвинулись. В этот момент «Наутилус» как раз подходил к высокой гранитной стене. Как преодолет он гранитную преграду? Я не мог себе этого представить. Поневоле пришлось возвращаться в каюту. Судно стояло на месте. Я заснул с твердым намерением проснуться пораньше.

Но когда утром я вышел в салон, было уже восемь часов. Я взглянул на манометр. Он показывал, что «Наутилус» всплыл на поверхность вод. Слышались шаги на палубе. Однако ж боковой качки, неизбежной при плавании на море, не ощущалось.

Я направился к люку. Люк был открыт. Я выглянул наружу, но вместо дневного света меня окутал глубокий мрак. Где мы? Не ошибся ли я? Неужто еще стоит ночь? Нет! Ни одной звезды на небе. И ночью не бывает такой непроглядной тьмы.

Я растерялся. Чей-то голос окликнул меня:

– Это вы, господин профессор?

– А-а! Капитан Немо! – сказал я. – Где мы находимся?

– Под землей, господин профессор.

– Под землей! – вскричал я. – Но «Наутилус» идет?

– Идет по-прежнему.

– Ничего не понимаю.

– Потерпите несколько минут. Включат прожектор, и, если вы предпочитаете ясность ситуации, вы будете довольны.

Я вышел на палубу и стал ждать. Мрак был так глубок, что я даже не видел капитана Немо. Однако ж, взглянув вверх, я заметил над самой моей головой полосу слабого света, вернее, проблеск света, проникавший через кругообразное отверстие. Но тут включили прожектор, и его ослепительное сияние поглотило мерцающий лучик.

Я закрыл на минуту глаза, ослепленные электрическим освещением. Затем стал осматриваться кругом. «Наутилус» стоял покачиваясь возле высокого берега, напоминавшего набережную. Море превратилось в озеро, заключенное в кольцо каменных стен. Диаметр озера равнялся двум милям, иначе говоря, шести милям в окружности. Уровень воды в озере – как и показывал манометр – не мог различаться с уровнем воды в океане, ибо между озером и океаном, несомненно, имелось сообщение.

Высокие наклонные стены постепенно смыкались на высоте пятисот или шестисот метров, образуя как бы огромную перевернутую воронку. Воронка оканчивалась круглым отверстием, через которое и проникал рассеянный дневной свет.

Прежде чем внимательно исследовать внутреннее расположение огромной пещеры и доискиваться, было ли это делом рук человеческих, или работой природы, я подошел к капитану Немо.

– Где же все-таки мы находимся? – спросил я.

– В недрах потухшего вулкана, – отвечал капитан, – вулкана, залитого морем вследствие какого-нибудь тектонического сотрясения. В то время как вы спали, господин профессор, «Наутилус» проник в эту лагуну через естественный канал, прорытый в десяти метрах под уровнем океана. Тут его гавань. Гавань надежная, удобная, скрытая от всех глаз, защищенная от ветров всех румбов. Укажите мне на берегах ваших материков или островов хоть один рейд, который мог так же надежно укрыть судно от бушевания урагана!

– Совершенно верно, – отвечал я, – здесь вы в безопасности, капитан Немо! Что может грозить вам в недрах вулкана? Но в его вершине я заметил какое-то отверстие.

– Да, это кратер! Кратер, некогда извергавший лаву, серные пары и пламень. Теперь же он снабжает нас чистым воздухом.

– Но какая же это огнедышащая гора?

– Здешние воды усеяны островами вулканического происхождения, и таких гор тут множество. Для моряков – это простой риф, для нас – огромная пещера. Я случайно открыл ее, и этот случай оказал мне большую услугу.

– А нельзя ли спуститься сюда через жерло вулкана?

– Ни спуститься, ни подняться нельзя. Футов на сто от основания горы еще можно вскарабкаться, но выше – стены уклоняются от отвесной линии, образуя купол свода, и становятся неприступными.

– Я вижу, капитан, что природа оказывает вам услугу везде и всегда. Вы в полной безопасности на этом озере! И никто не нарушит покоя здешних вод. Но на что вам эта гавань? «Наутилус» не нуждается в гавани.

– Не нуждается, господин профессор! Но он нуждается в электричестве, чтобы двигаться, в батареях, чтобы производить электрическую энергию, в натрии, чтобы питать эти батареи, в угле, чтобы получать натрий, в каменноугольных копях, чтобы добывать уголь. Еще в геологические эпохи море поглотило

целые леса, которые уже минерализировались и, превратившись в каменный уголь, служат мне неисчерпаемым источником топлива.

– Стало быть, ваши матросы, капитан, исполняют обязанности углекопов?

– Точно так. Эти копи находятся под водой, как и угольные шахты Ньюкасла. В скафандрах, с киркой и заступом в руках, матросы с «Наутилуса» добывают здесь уголь, избавляя меня от нужды в наземных рудниках. Когда я сжигаю это горючее, чтобы получить натрий, дым, выбиваясь из кратера, придает горе вид действующего вулкана.

– И мы увидим ваших матросов в работе?

– Нет. По крайней мере на этот раз. Я спешу завершить наше подводное кругосветное плавание. Поэтому я ограничусь тем, что возьму хранящийся тут запас каменного угля. Как только мы его погрузим, то есть ровно через день, мы пойдем дальше. И если вы хотите осмотреть эту пещеру и обойти лагуну, воспользуйтесь сегодняшним днем, господин Аронакс.

Я поблагодарил капитана и пошел за своими спутниками, которые еще не выходили из каюты. Я пригласил их пройти со мной, не сказав, где мы находимся.

Мы вышли на палубу. Консель, который ничему не удивлялся, нашел совершенно естественным, что, заснув под водой, проснулся под землей. Нед Ленд думал только о том, не имеет ли эта пещера нескольких выходов.

После завтрака, около десяти часов, мы сошли на берег.

– Вот мы и опять на земле, – сказал Консель.

– Я не могу сказать, что нахожусь «на земле», мы скорее под землей.

Между подошвой горы и водами озера открывался песчаный берег, который в самом широком месте имел не более пятисот футов. По этой узкой ровной полоске можно было обойти вокруг озера. Но у подошвы гранитных стен пещеры лежали в живописном беспорядке изверженные вулканические глыбы и огромные куски пемзы. Расплавленная подземным огнем и затем застывшая масса загоралась тысячью огней, едва свет прожектора касался ее как бы отполированной поверхности. Слюдяная пыль, поднятая нашими ногами, разлеталась облаком искр.

За полоской наносной земли вокруг озера дно пещеры заметно возвышалось. Вскоре мы дошли до уступов, тянувшихся вдоль стены, постепенно уходя ввысь наподобие лестницы, и позволявших с большими предосторожностями подниматься среди груды конгломератов, ничем не сцементированных между собой. Наши ноги скользили по стекловидным трахитам, состоявшим из кристаллов полевого шпата и кварца.

Вулканическое происхождение этой гигантской пещеры подтверждалось на каждом шагу. Я обратил на это внимание своих спутников.

– Представляете себе, – сказал я, – что происходило в этой воронке, когда тут клочкотала кипящая лава и уровень этой раскаленной добела жидкости поднимался до самого устья кратера, как расплавленный в доменной печи?

– Отлично представляю, – отвечал Консель. – Но не скажет ли господин профессор, почему плавильщик остановил свою работу и как случилось, что в горниле вулкана образовалось мирное озеро?

– Вероятнее всего, Консель, в процессе тектонических сотрясений в склоне горы образовалась трещина, именно та самая, через которую «Наутилус» прошел в эту пещеру. Воды Атлантического океана устремились внутрь горы. Завязалась лютая борьба между двумя стихиями, борьба, окончившаяся победой

Нептуна. Но много веков прошло с того времени, и затопленный вулкан превратился в тихий грот.

– Вот и отлично, – заметил Нед Ленд, – объяснено правильно! Только жаль, что трещина, о которой говорил господин профессор, образовалась не над уровнем моря.

– Помилуй, друг Нед! – возразил Консель. – Будь эта трещина в горе, возвышавшейся над уровнем моря, «Наутилусу» не было бы в ней нужды!

– А я прибавлю, мистер Ленд, что тогда воды не вступили бы внутрь горы и вулкан остался бы вулканом! Ваши сожаления напрасны.

Подъем в гору продолжался. Уступы становились все круче и уже. Глубокие трещины пресекали порой наш путь; через них надо было перескакивать. Приходилось обходить обвалившиеся скалы. Взбираться на четвереньках, ползать, лежа на животе! Но благодаря ловкости Конселя и мускульной силе канадца мы преодолели все препятствия.

На высоте приблизительно тридцати метров характер почвы изменился, но от этого дорога не стала удобнее для ходьбы. За конгломератами и трахитами следовали черные базальты; тут они расстилались ровной поверхностью, шероховатой от застывших пузырей лавы; там вздымались правильными призмами, в виде колоннады, которая поддерживала заплечья громадного свода, являя собой дивный образец архитектурного искусства природы. Между базальтами змеились застывшие лавовые потоки, с вкрапленными в них полосками битуминозных сланцев и местами широкими наплывами серы. Рассеянный дневной свет, поступавший под эти мрачные своды сквозь жерло кратера, слабо освещал изверженные породы, навеки погребенные в недрах угасшего вулкана.

Однако наше восхождение вскоре было прервано непредвиденным препятствием. На высоте примерно двухсот пятидесяти футов стены, уклоняясь от отвесной линии, переходили в свод, и нам, стало быть, оставалось ограничиться прогулкой вокруг озера. Растительное царство вступало тут в борьбу с царством ископаемых. Несколько кустов и даже редкие деревца росли в выемках камней. Я узнал молочайник, выделявший едкий сок. Гелиотропы, вовсе не оправдывавшие своего названия, потому что солнечные лучи никогда не ласкали их, печально клонили свои головки, бесцветные и без аромата. И там и тут чахлые златоцветы робко выглядывали из-за жалкого алоэ. Но между лавовых потоков цвели фиалки, еще сохранившие свое нежное благоухание. Признаюсь, я с наслаждением вдыхал их аромат. Запах – душа цветка, а морские цветковые растения и великолепные водоросли не имеют запаха.

Мы подходили к группе мощных драцен, раздвигавших своими могучими корнями расселины скал, как вдруг Нед Ленд вскричал:

– Глядите-ка, господин профессор, улей!

– Улей? – спросил я с недоверием.

– Улей! Улей! – повторил канадец. – И вокруг него жужжат пчелы.

Я подошел и должен был поверить очевидности. Там, в расселине, в дупле драцены, приютился настоящий пчелиный улей; оттуда слышалось жужжание целого роя трудолюбивых пчел, продукция которых высоко ценится на Канарских островах.

Естественно, канадец пожелал запастись медом, в чем я ему не препятствовал. Охалка сухих листьев, смешанных с серой, вспыхнула от искр его огнива. И Нед начал выкуривать пчел. Жужжание вскоре прекратилось, улей опустел, и мы достали несколько литров душистого меда. Нед Ленд до краев наполнил им свою сумку.

– Прибавив мед в тесто хлебного дерева, – сказал он, – я угощу вас превкусным пирогом.

– Ей-ей! – сказал Консель. – Это будет просто пряник!

– Пряник так пряник, – сказал я, – а все же пойдете-ка дальше!

При некоторых поворотах тропинки, по которой мы шли, перед нами разворачивалось озеро во всю свою ширь. Проектор «Наутилуса» освещал его тихие воды, не знавшие ни бриза, ни бурь. «Наутилус» стоял не шелохнувшись. На палубе и на берегу сутились люди, отбрасывая темные тени на освещенные скалы.

Итак, мы обходили верхнюю гряду скалистых уступов, на которую опирался свод. И тут я увидел, что не одни пчелы представляли животное царство в недрах вулкана. Хищные птицы парили и кружились над нами или с шумом вылетали из гнезд, свитых в неприступных утесах. Это были белогрудые ястребы и крикливая пустельга. По скатам удирали со всей скоростью своих длинных ног вспугнутые нами великолепные жирные дрофы. Предоставлю судить, какая алчность обуяла канадца при виде этой вкусной дичи и как он жалел, что при нем нет ружья! Он попробовал заменить свинец камнями, и после многих неудачных попыток ему удалось сбить великолепную дрофу. Скажу без преувеличения: он раз двадцать рисковал жизнью, пока не поймал раненую птицу! И все же дрофа оказалась в его походной сумке, в соседстве с сотами.

Гранитная гряда становилась непроходимой, и вскоре нам пришлось спуститься на берег. Над нами зияло жерло кратера, казавшееся отверстием грандиозного колодца. Сквозь него я видел кусочек неба. Облака, гонимые западным ветром, застилали порой своей туманной дымкой жерло кратера. Это означало, что облака несутся на небольшой высоте, ибо вершина вулкана вздымалась всего на восемьсот футов над уровнем океана.

Через полчаса после последнего охотничьего подвига канадца мы снова вышли на подземный берег. Флора была тут представлена широкими лужайками мелкого зонтичного растения, известного также под названием камнеломка, или морского укропа, служащего отличной приправой к пище. Зеленым ковром укропа был покрыт весь берег, и Консель собрал несколько пучков этого растения. Что касается фауны, представителями ее являлись тысячи ракообразных всех видов – омары, крабы-отшельники, креветки, мизиды, сенокосцы, галатеи и множество раковин – ужомов, багрянок и блюдечек.

Мы открыли здесь чудесный грот и с наслаждением растянулись на мелком песке. Огонь отполировал гранитные стены и осыпал их искрящейся слюдяной пылью. Нед Ленд испытывал стены и на стук и на ощупь, пытаясь определить их толщину. Глядя на него, я не мог скрыть улыбки. Разговор зашел, по обыкновению, о побеге. И я на этот раз счел возможным без особого риска обнадежить Неда Ленда, сказав ему, что капитан Немо повернул на юг затем только, чтобы пополнить запасы угля. «И я надеюсь, что он вернется к берегам Европы и Америки, – сказал я. – Вот тут-то и представится случай бежать с „Наутилуса“!»

Мы провели уже час в этом прелестном гроте. Беседа, оживленная вначале, почти замерла. Сонливость овладевала нами. Спешить было некуда, и я не стал бороться с дремотой. Мне снилось – а мы не вольны в снах! – что я веду растительный образ жизни моллюска. Мне пригрезилось, что этот грот не грот, а моя двустворчатая раковина...

Меня разбудил голос Конселя.

– Скорей! Скорей! – кричал он.

– Что случилось? – спросил я, приподнимаясь.

– Вода! Вода прибывает!..

Я вскочил на ноги. Море врывалось в грот, как прорвавший препятствие поток; и так как мы не были

моллюсками, приходилось спасаться.

В несколько минут взобравшись на вершину грота, мы избежали опасности утонуть.

– Что тут происходит? – спросил Консель. – Какое-нибудь новое явление природы?

– Нет, друзья мои! – отвечал я. – Это прилив, обыкновенный прилив, который чуть не настиг нас, как героев Вальтера Скотта! Уровень воды в океане повысился в час прилива, и, в силу закона равновесия жидкостей в сообщающихся сосудах, поднялся уровень воды и в озере. Мы отделались ножной ванной. А теперь бегом к «Наутилусу»!

Через три четверти часа, прогулявшись вокруг озера, мы вернулись на борт. Команда уже заканчивала погрузку, и «Наутилус» мог с минуты на минуту тронуться в путь.

Однако ж капитан Немо не отдавал приказа к отплытию. Не хотел ли он дожждаться ночи и выйти незамеченным из этого подводного канала? Может быть.

Утром «Наутилус» уже шел открытым морем, вдали от всяких признаков земли, в нескольких метрах под уровнем воды Атлантического океана.

Глава одиннадцатая

САРГАССОВО МОРЕ

Надежда на возвращение к европейским берегам рушилась. Капитан Немо держал курс на юг. Куда он вел свой корабль? Я не смел давать воли воображению.

В тот же день «Наутилус» пересекал своеобразный район Атлантического океана. Всем известно, что существует теплое течение Гольфстрим. От берегов Флориды оно направляется к Шпицбергену. Около сорок четвертого градуса северной широты Гольфстрим распадается на две ветви. Главное течение направляется к северо-востоку вдоль берегов Ирландии и Норвегии, вторая ветвь идет на юг к Азорским островам. Дойдя до африканских берегов, южное течение описывает вытянутую дугу и возвращается к Антильским островам.

Ветвь эта – скорее кольцо, нежели ветвь, – омывает своими теплыми водами те спокойные, лишенные постоянного внутреннего течения воды Атлантического океана, которые носят название Саргассова моря. Саргассово море – поистине озеро в открытом океане! Площадь его такова, что требуется три года, чтобы теплое течение Гольфстрим совершило свой кругооборот по его окружности.

Под Саргассовым морем, собственно говоря, находятся глубины, поглотившие Атлантиду. Участники научных экспедиций, встречавшие тут целые плавающие острова водорослей, долго держались того мнения, что это прибрежные заросли затонувшего материка, всплывшие на поверхность моря. Но вероятнее всего, что саргассовые водоросли приносятся в Саргассово море с побережий Европы и Америки течением Гольфстрим. Вот эти-то плавающие водоросли, помимо других признаков, и навели Колумба на мысль о существовании Нового Света. Когда корабли отважного исследователя вошли в Саргассово море, то, к великому огорчению команды, бурные космы плавающих водорослей настолько затрудняли движение судов, что плавание в этих водах затянулось на целых три недели!

Таково было море, по которому шел «Наутилус». Настоящие луга! Сплошной покров из водорослей-саргассумов скрывал собой голубые воды Саргассова моря. Покров столь плотный, что форштевень судна с трудом рассекал его. И капитан Немо, опасаясь за целостность винта, держался на глубине нескольких метров под поверхностью вод.

Саргассово море получило свое название от испанского слова «sargazo», что означает «фукус». Громадное скопление этих водорослей образует настоящий растительный риф.

Чем же объясняется такое скопление морских растений в этой тихой заводи Атлантического океана? Ответ на это дает Мори, автор «Физической географии земного шара».

«Объяснение подобного явления, – говорит он, – можно получить путем самого простого опыта. Если в сосуд с водой опустить кусочки пробки или какие-либо плавающие тела и сообщить воде в сосуде круговое движение, то увидим, что разрозненные кусочки пробки соединятся в центре сосуда, иначе говоря, в самом спокойном месте. Вообразите, что сосуд – Атлантический океан, круговое течение – Гольфстрим, а центр, где соединяются плавающие тела, – Саргассово море».

Я разделяю мнение Мори. Мне довелось наблюдать подобное явление в условиях среды, недоступной обычно для судов. Над нами, среди бурных водорослей, плыли стволы деревьев, поваленные бурей в Андах или на Скалистых горах и принесенные в эти воды течением Амазонки или Миссисипи, обломки кораблекрушений, сломанные кили, части оснастки, обшивные доски, настолько отягченные раковинами, что они не могли всплыть на поверхность океана. Время подтвердит и другое утверждение

Мори, а именно, что все эти предметы и вещества, скопляющиеся в продолжение веков, минерализуются от действия морской воды и образуют неистощимые залежи каменного угля. Драгоценный запас топлива, который предусмотрительная природа готовит к тому времени, когда люди исчерпают каменноугольные копи материков.

Среди этого хаоса водорослей виднелись звездчатые, нежно-розовые прелестные альционии, актинии, раскинувшие длинные кудри своих щупалец, медузы, зеленые, красные, голубые, и между ними корнерот Кювье, голубоватый зонтик которого окаймлен фиолетовыми фестонами.

Весь день 22 февраля мы провели под водами Саргассова моря, где рыбы, большие охотницы до морских растений и ракообразных, находят обильную пищу. На другой день океан утратил свое своеобразие.

С того времени в течение девятнадцати дней, с 23 февраля по 12 марта, «Наутилус», держась середины Атлантического океана, уносил нас на юг со скоростью ста лье в сутки. Видимо, капитан Немо осуществлял кругосветное подводное плавание по намеченному маршруту, и я не сомневался, что, обогнув мыс Горн, он вернется в южные воды Тихого океана.

Опасения Неда Ленда были основательны. В этих открытых морях, где редко встречались острова, нечего было и думать о побеге. Воля капитана Немо была законом на борту «Наутилуса». Приходилось покориться своей участи. Но если действовать против капитана Немо силой или хитростью бесполезно, то нельзя ли войти с ним в переговоры? Не согласится ли он, по окончании нашего подводного путешествия, вернуть нам свободу под клятвенное обещание не выдавать его тайны? Мы выполнили бы этот долг чести. Но как начать столь щекотливый разговор с капитаном? И как он отнесся бы к моим вольнолюбивым притязаниям? Не заявлял ли он неоднократно и весьма решительно, что мы прикованы навсегда к борту «Наутилуса» во имя сохранения в тайне его существования? Не принял ли он мое молчание в течение четырех месяцев за согласие с его ультиматумом? Поднять этот вопрос теперь – не значило ли возбудить в нем подозрительность, что могло только повредить осуществлению нашего замысла? Взвесив и обдумав все соображения, я поделился ими с Конселем, который был озадачен не менее меня. Хотя я не склонен впадать в отчаяние, но, рассуждая здраво, понимал, что шансы когда-либо вернуться в человеческое общество падали с каждым днем, и особенно теперь, когда капитан Немо очертя голову несся в тропические зоны Атлантического океана!

В течение девятнадцати дней нашего плавания, о чем я уже говорил выше, ничего примечательного не произошло. Капитан редко показывался. Он много работал. В библиотеке мне часто попадались на глаза книги, преимущественно по естественной истории, оставленные им раскрытыми на какой-нибудь странице. Моя книга «Тайны морских глубин» была испещрена пометками на полях, опровергавшими порой мои теории и гипотезы. Но капитан довольствовался беглыми критическими замечаниями на полях книги, не вступая со мной в словопрения. Порой до меня доносились меланхолические мелодии, исполняемые с большим чувством. Капитан играл на органе, но только глубокой ночью, когда мрак окутывал воды и «Наутилус» дремал в пустыне океана.

Все эти дни мы плыли по поверхности океана. Море было пустынно. Лишь изредка покажется парусник с грузом для Индии, направлявшийся к мысу Доброй Надежды. Однажды за нами погналось китобойное судно, видимо, принявшее «Наутилус» за ценного гигантского кита. Но капитан Немо, не желая, чтобы моряки тратили попусту время и труд, прекратил бесполезное занятие китобоев, уйдя под воду. Этот случай, казалось, живо заинтересовал Неда Ленда. Не ошибусь, сказав, что канадец сожалел, что китобои не пронзили насквозь своим гарпуном наше китообразное судно!

Рыбы в здешних водах мало чем отличались от тех, которых мы видели под другими широтами. Нам встретились представители одного из трех подродов страшного рода хрящевых рыб – акул, в котором

насчитывается не менее тридцати двух видов: полосатые акулы длиной в пять метров, с плоской головой гораздо шире тела, с закругленным хвостовым плавником, у которых на спине семь черных продольных полос; серые акулы пепельных оттенков, с семью жаберными щелями и с одним спинным плавником почти на самой середине тела.

Плавали близ судна и акулы – морские собаки, самые прожорливые рыбы. Рыболовы рассказывают, что будто бы в брюхе одной такой акулы была найдена голова буйвола и чуть ли не целый теленок; у другой – два тунца и матрос в полной амуниции; у третьей – солдат с саблей; нашлась и такая, что проглотила всадника с лошадей! Впрочем, все эти рассказы отнюдь не заслуживают веры. А препарировать этих негодниц мне не довелось: ни одна из них не попала в сети «Наутилуса».

Целые стада изящных и шаловливых дельфинов неотступно следовали за судном, забавляя нас своими играми. Они держались сообществами в пять-шесть особей, как волки в лесу. Кстати сказать, в прожорливости дельфины не уступают акулам, если верить одному копенгагенскому профессору, который будто бы вынул из желудка дельфина тринадцать морских свинок и пятнадцать тюленей! Впрочем, ему попалась косатка, смелое, хищное и прожорливое животное, достигающее в длину более двадцати четырех футов. Дельфины из семейства зубатых китов насчитывают десять родов, и рыбы, замеченные мной, принадлежали к длинноносым дельфинам, у которых сравнительно небольшая голова удлинена в виде клювообразного, резко отделенного от лба рыла. Длина тела, сверху черного, снизу бело-розового в редких пятнышках, достигала трех метров.

Назову также умбрицу – рыбу из семейства горбылей, отряда колючеперых. Некоторые авторы – скорее поэты, нежели натуралисты – утверждают, что эти рыбы наделены музыкальным органом и дают концерты не в пример лучше целого ансамбля певцов. Не смею спорить, но с сожалением замечу, что нам эти умбрицы не изволили петь серенады.

Упомяну в заключение, что Консель классифицировал множество летающих рыб. Курьезно было наблюдать, с какой ловкостью за ними охотились дельфины. Как бы высоко ни взлетали рыбки, как бы длинна ни была траектория их полета – пусть даже над «Наутилусом», – всюду бедняжки попадали в разверстую пасть дельфина! Это были или летучки, или другие рыбы со светящимся ртом. Когда ночью, взлетев и очертив в воздухе светящуюся кривую, рыбки опять погружаются в воду, они напоминают падающие звезды.

До 13 марта наше плавание не ознаменовалось чем-либо примечательным. Весь день 13 марта ушел на промеры глубины. Занятия эти вызывали во мне живой интерес.

Мы прошли около тринадцати тысяч лье с момента нашего выхода в открытые моря Тихого океана. В данное время мы находились под 45°37 южной широты и 37°53 западной долготы. Именно в этих местах зонд, опущенный капитаном «Герольда» Дэнхэмом на глубину четырнадцати тысяч метров, не достиг дна. Тут же лейтенант Паркер с американского фрегата «Конгресс» не мог достать морского дна даже на глубине пятнадцати тысяч ста сорока метров.

Капитан Немо решил, опустившись на предельную глубину, установить точные промеры впадины, имевшейся в этой части Атлантического океана. Я приготовился записывать результаты испытания. Ставни в салоне открыли, и «Наутилус» стал готовиться к погружению на самое ложе Атлантического океана.

Вероятно, никакой балласт не был бы способен увеличить вес судна настолько, чтобы оно могло погрузиться на такие большие глубины. Не говоря уже о том, что для возвращения на поверхность океана понадобилось бы тут же, на самом дне, выкачивать воду из резервуаров; но для подобной операции, при огромном внешнем давлении, даже насосы «Наутилуса» при всей их мощности оказались бы бессильными.

Капитан Немо решил погрузиться на дно океана, пользуясь отлогими диагоналями боковых плоскостей. Рулям глубины был придан наклон под углом в сорок пять градусов в отношении ватерлинии «Наутилуса». Вертикальный гребной винт вращался с предельной скоростью, и его четыре лопасти сильными взмахами врезались в воду.

Корпус «Наутилуса» вздрогнул, как натянутая струна, и начал плавно погружаться в воду. Мы с капитаном стояли в салоне и следили за быстрым движением стрелки манометра. Вскоре мы миновали среду обитания большинства рыб.

Фауна меняется с увеличением глубины океана. Некоторые рыбы водятся только в поверхностных водах морей и рек, другие, менее многочисленные, обитают в самой толще вод. Именно тут мы попадаем в среду удивительных животных, как то: гексанхи из отряда акулковых – вид акулы, с шестью жаберными щелями, рыбы-телескопы с огромными глазами, покрытые панцирем рыбы-кузовки, с серыми брюшными и черными грудными плавниками, с нагрудником из бледно-розовых костяных пластинок, и, наконец, рыбы-долгохвосты, живущие на глубине тысячи двухсот метров, где давление равняется ста двадцати атмосферам.

Я спросил капитана, не случалось ли ему встречать рыб в глубоководной зоне океана.

– Рыб? – отвечал капитан Немо. – Очень редко. Но какого мнения держится на этот счет современная наука?

– Видите ли, капитан, установлено, что нижние горизонты материкового плато лежат за пределами зоны водорослей. Фауна этой зоны приобретает характерный глубоководный облик. На глубинах, где существует еще животная жизнь, растительная жизнь отмирает. Установлено, что устрицы существуют на глубине двух тысяч метров под уровнем моря и что Мак Клинтон, герой полярных морей, однажды выловил морскую звезду на глубине двух тысяч пятисот метров! Установлено, что экипаж фрегата «Бульдог» английского королевского флота на глубине двух тысяч шестисот двадцати саженей, то есть на глубине более чем одного лье, также выловил морскую звезду. Ну а вы, капитан Немо, пожалуй, скажете, что мы ничего не знаем?

– Нет, господин профессор, – отвечал капитан, – я не позволю себе такой неучтивости. Но скажите, пожалуйста, чем вы объясняете, что живые существа могут жить в таких глубинах?

– Объясняется это двумя причинами, – отвечал я. – Прежде всего тем, что вертикальные и горизонтальные течения, перенося из одних мест океана в другие массы вод, имеющих определенную соленость и температуру, способствуют распространению организмов. Взять хотя бы морские лилии и морские звезды, которые ведут донное существование.

– Совершенно справедливо, – сказал капитан.

– А затем количество растворенного в воде кислорода, необходимого для жизни организмов в море, не только не падает в глубинных слоях океана, но, напротив, возрастает; а высокое давление водной толщи лишь способствует его сжатию.

– А-а! И это известно! – сказал капитан несколько удивленно. – Ну что ж, господин профессор, истина остается истиной для всех! Позвольте лишь прибавить, что в плавательном пузыре рыб, выловленных в поверхностных водах океана, содержится больше азота, нежели кислорода; тогда как у рыб, пойманных в глубинных водах, больше кислорода, нежели азота. Это наблюдение подтверждает ваши выводы. Ну-с, займемся-ка и мы наблюдением!

Я посмотрел на манометр. Стрелка указывала глубину в шесть тысяч метров. Наше погружение продолжалось уже целый час. «Наутилус» плавно опускался в воды все глубже и глубже. Воды, скудные

жизнью, поражали своей неопишуемой прозрачностью. Часом позже мы были уже на глубине тринадцати тысяч метров под уровнем моря – около трех с четвертью лье, – а близость морского дна все еще не давала о себе знать.

Однако на глубине четырнадцати тысяч метров я увидел среди кристально прозрачных вод темные силуэты горных вершин. Возможно, горы были столь же высокие, как Гималаи или Монблан, даже более высокие, – ведь глубина бездны была неизмерима!

«Наутилус» скользил в бездонные глубины, несмотря на огромное давление внешней среды. Я чувствовал, как скрипят скрепы железной обшивки судна, как изгибаются распоры, как дрожат переборки, как стекла в окнах салона, казалось, прогибаются внутрь под давлением воды. Если бы наше судно не обладало сопротивляемостью стали, как говорил его командир, его бы, конечно, расплющило!

В то время как судно скользило по своей диагонали, едва не касаясь выступов скал, затерянных среди океанских вод, мне довелось увидеть несколько известковых трубок, представителей двух наиболее известных родов полихет-трубкожилов: спиробрисов и серпул, а также несколько образцов морских звезд – астриас.

Но вскоре и эти представители животного мира исчезли, и на глубине более трех лье «Наутилус» переступил за пределы водной среды, заселенной живыми организмами, подобно воздушному шару, поднявшемуся выше биосферы. А мы были уже на глубине шестнадцати тысяч метров – четырех лье – под уровнем океана, и обшивка «Наутилуса» испытывала давление в тысячу шестьсот килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности!

– Вот так коллизия! – вскричал я. – Очутиться в таких глубинах, куда не проникал ни один человек! Посмотрите, капитан, посмотрите-ка! Какие величественные скалы, какие пещеры, не оказавшие приюта ни одному живому существу! Вот последний край материковых массивов земного шара! За его пределами кончается жизнь! Зачем мы должны, побывав в этих неизведанных зонах, унести с собой лишь одни воспоминания?

– А вы хотели бы, – спросил меня капитан Немо, – унести отсюда нечто более существенное, нежели воспоминания?

– Как прикажете понимать ваши слова, капитан?

– Я хочу сказать, что ничего нет проще, как увековечить на снимке этот подводный пейзаж!

Не успел я выразить своего удивления, как капитан Немо уже распорядился, чтобы принесли фотографический аппарат. Створы в салоне были широко раздвинуты, и водная среда, освещенная электричеством, представляла собой прекрасный объект. Ни светотени, ни малейшего мерцания! Этот искусственный свет создавал лучшие условия, нежели солнце, для нашей съемки подводного пейзажа. «Наутилус», покорный воле своего винта и положению наклонных плоскостей, застыл на месте. Мы навели объектив аппарата на облюбованный нами пейзаж океанского дна и через несколько секунд получили великолепный негатив.

Я сохранил этот снимок. Тут видны первозданные скалы, никогда не озарявшиеся дневным светилom, гранитные устои коры земного шара, глубокие пещеры, выдолбленные в каменистом массиве, бесподобный по четкости рисунка очерк горных вершин, точно вышедший из-под кисти фламандского живописца. А там, на заднем плане, волнообразная линия гор завершала чарующий пейзаж! Как живописать этот ансамбль гладких, черных, словно отполированных скал, без прозелени мха, без единого цветного пятна! Скал, таких не причастных этой водной стихии и так гордо попирающих своими подножиями песчаное дно, облитое электрическим светом!

Между тем, сделав снимок, капитан Немо сказал:

– Ну а теперь пора и подниматься, господин профессор! Не следует злоупотреблять нашими возможностями и слишком долго подвергать корпус «Наутилуса» столь сильному давлению.

– Поднимемтесь, капитан! – отвечал я.

– Держитесь крепче!

Не успел я вникнуть в смысл предостережения капитана, как меня свалило с ног.

По приказу капитана винт пришел в бездействие, рули глубины были поставлены вертикально, и «Наутилус» взвился, как воздушный шар. Он рассекал толщу вод с глухим свистом. Все исчезло в этом бешеном взлете. В четыре минуты преодолев целых четыре лье – расстояние между ложем и поверхностью океана – и вынырнув из воды подобно летучей рыбе, он вновь опустился на океанские воды, взметнув в высоту фонтан брызг!

Глава двенадцатая

КАШАЛОТЫ И КИТЫ

В ночь с 13 на 14 марта «Наутилус» снова взял курс на юг. Я думал, что на широте мыса Горн, обогнув мыс, он войдет в воды Тихого океана и с этим закончит свое кругосветное плавание. Однако мы направлялись в сторону Австралии. Куда держал он путь? К Южному полюсу? Ну, это просто безумие! Я начинаю склоняться к мысли, что поступки капитана вполне оправдывают опасения Неда Ленда. В последнее время канадец не посвящал меня в свои планы. Он стал сдержаннее, молчаливее. Я видел, как тяготило его наше пленение. Я чувствовал, что с каждым днем он становился все раздражительнее. При встрече с капитаном у него глаза загорались мрачным огнем, и можно было опасаться, что вспыльчивый канадец позволит себе какую-нибудь дерзкую выходку.

В тот день, 14 марта, Консель и Нед Ленд в неурочное время пришли ко мне в каюту. Я поинтересовался, что их привело ко мне.

– Хочу вас кое о чем спросить, – отвечал канадец.

– Пожалуйста, Нед.

– Как вы думаете, много ли людей на борту «Наутилуса»?

– Не могу сказать, мой друг.

– По-моему, – продолжал Нед Ленд, – для управления таким судном, как «Наутилус», не требуется большого экипажа.

– Совершенно верно, – отвечал я, – для управления таким судном, оснащенным электрическими навигационными приборами, достаточно десяти человек.

– Так-с! – сказал канадец. – А почему же тут их больше?

– Почему? – спросил я и пристально посмотрел на Неда Ленда.

Догадаться, к чему он ведет речь, было нетрудно.

– Потому что, – сказал я, – если мои догадки правильны и я верно понял, в чем смысл жизни капитана Немо, то «Наутилус», стало быть, не просто корабль! Это подводное судно служит убежищем для тех, кто, как и сам командир судна, порвал всякие связи с землей.

– Все может быть, – сказал Консель. – Но, в конце концов, «Наутилус» вмещает ограниченное число людей! Не может ли господин профессор определить, какое максимальное количество людей вмещает судно?

– Определить количество людей на судне? Каким же образом, Консель?

– Простым расчетом. Водоизмещение судна известно господину профессору, а следовательно, и кубатура полезного воздуха. Зная, с другой стороны, сколько кислорода потребно для дыхания человека, и приняв во внимание, что «Наутилус» каждые двадцать четыре часа возобновляет...

Консель не окончил фразы, но я отлично видел, куда он клонит.

– Я понял тебя, – сказал я. – Высчитать нетрудно, но едва ли расчет будет верный.

– Не важно! – сказал Нед Ленд. – Пускай будет хоть примерный.

– Извольте, – ответил я. – Каждый человек расходует в час количество кислорода, содержащееся в ста литрах воздуха, короче говоря, расходует в течение двадцати четырех часов количество кислорода, содержащееся в двух тысячах четырехстах литрах. Стало быть, надо разделить водоизмещение судна на две тысячи четыреста...

– Так точно, – сказал Консель.

– А так как водоизмещение «Наутилуса» равно полутора тысячам тонн, а в каждой тонне тысяча литров воздуха, каковая цифра, деленная на две тысячи четыреста...

Я взялся за карандаш.

– ...дает шестьсот двадцать пять. Иначе говоря, «Наутилус» содержит количество воздуха, достаточное для шестисот двадцати пяти человек в течение двадцати четырех часов.

– Шестисот двадцати пяти, – повторил Нед.

– Но, уверяю вас, – прибавил я, – что мы все, вместе взятые, пассажиры, матросы, офицеры, не составим и десятой части этой цифры.

– И того чересчур много для трех человек, – пробормотал Консель.

– Итак, бедный мой Нед, могу вам только посоветовать запастись терпением.

– И не только терпением, – заметил Консель, – но и покорностью.

Консель нашел нужное слово.

– Впрочем, – прибавил он, – не может же капитан Немо все время идти на юг. Когда-нибудь и остановится! Встретятся на пути ледовые поля, вот и придется возвращаться в моря более цивилизованные! И тогда, Нед Ленд, наступит время снова попытаться счастья.

Канадец покачал головой, провел рукой по лбу и вышел, не обронив ни слова.

– С позволения господина профессора, – сказал тогда Консель, – поделюсь с ним моими наблюдениями. Бедняга Нед вбил себе в голову всякую всячину. Все вспоминает прошлое. Все мы так! Что прошло, то стало милым... Сердце свое он надрывает этими самыми воспоминаниями. Надо понять его! Что ему делать на борту «Наутилуса»? Нечего! Он не ученый, как господин профессор. Чудеса подводного мира не радуют его, как они радуют нас. Он всем готов пожертвовать, лишь бы вечерком посидеть в таверне, там, у себя на родине!

В самом деле, однообразие жизни на борту судна, видимо, тяготило канадца, привыкшего к жизни деятельной и вольной. Происшествия, которые могли бы его интересовать, редко случались. Впрочем, в тот день одно событие напомнило китобойю счастливые времена.

Около одиннадцати часов утра «Наутилус», всплыв на поверхность океана, оказался среди целого стада китов. Встреча с китами не удивила меня: я знал, что эти млекопитающие, за которыми охотятся целые китобойные флотилии, спасаясь от своих преследователей, перемещаются в воды Атлантики и в прилегающие к ним части океана.

Киты играли важную роль и оказали немалые услуги в эпоху великих открытий. Это они, увлекая за собой басков, а затем астурийцев, англичан и голландцев, приучили их пренебрегать опасностями дальних плаваний и смело бороздить океаны во всех направлениях. Старинные легенды полны описаниями подвигов этих китообразных, которые заводили китобоев чуть ли не до Северного полюса – не доставало до него всего каких-нибудь семи лье! Пусть это будет вымысел, но в нем предвосхищено будущее! Весьма вероятно, что, охотясь за китами в арктических и антарктических морях, люди откроют полюсы обоих полушарий!

Мы сидели на палубе. Море было спокойное. Октябрь месяц под этими широтами дарил нас прекрасными осенними днями. Канадец первый – он не мог ошибиться – заметил кита на восточной стороне горизонта. Присмотревшись внимательно, можно было различить милях в пяти от «Наутилуса» какую-то черную массу, то всплывавшую на поверхность, то исчезающую под водой.

– Эх! – вскричал Нед. – Будь я на борту китобоя, отвел бы я душу! Кит здоровенный! Глядите-ка, какой он столб воды выбрасывает, тысяча чертей! И зачем только я прикован к этой железной посудине!

– Неужели, Нед, – сказал я, – в вас еще живы замашки китобоя?

– А какой же китобой, сударь, забудет свое прежнее ремесло? Что может заменить охоту на китов? Она горячит кровь!

– Вам не доводилось охотиться на китов в здешних морях?

– Не доводилось, сударь. Я плавал в северных морях, доходил до Берингова пролива, до Девисова пролива.

– Значит, с китами Южного полушария вы еще не знакомы. Да и не мудрено! Вы до сих пор били северных китов; южные киты не переходят теплых вод экватора.

– Вы не шутите, господин профессор? – недоверчиво сказал канадец.

– Говорю то, что есть.

– А вот, кстати! Послушайте-ка, что я вам расскажу. В шестьдесят пятом году – этому будет два с половиной года – я подцепил близ Гренландии кита, у которого в боку торчал гарпун с клеймом китобойного судна из Берингова пролива! Спрашивается, как могло случиться, что животное, раненное у западных берегов Америки, было убито у восточных берегов, если оно, обогнув мыс Горн или мыс Доброй Надежды, не перешло через экватор?

– Я держусь одного мнения с Недом, – сказал Консель. – Жду, что нам ответит господин профессор.

– Господин профессор ответит вам, друзья мои, что различные виды китов живут в различных морях и никогда их не покидают. И если какой-нибудь кит из Берингова пролива пожаловал в Девисов пролив, стало быть, между морями существует проход либо у берегов Америки, либо у берегов Азии.

– И я должен вам верить? – спросил канадец, прищурился.

– Надо верить господину профессору, – сказал Консель.

– Выходит так, – возразил канадец, – раз я не охотился в здешних водах, значит, и здешних китов не знаю, а?

– Выходит так, Нед.

– Тем резоннее завести с ними знакомство, – заметил Консель.

– Глядите! Глядите-ка! – взволнованным голосом крикнул канадец. – Кит подходит! Эх, ты! Идет прямехонько на нас. Дразнится, bestия! Чует, что у меня руки пусты!

Нед топнул ногой. Рука сжалась в кулак, потрясая воображаемым гарпуном.

– А что, здешние киты такие же крупные, как в северных областях океана?

– Почти такие же, Нед.

– А я, надо вам сказать, сударь, видывал здоровенных китов, в сто футов длиной! Мне даже случалось слышать, будто киты у Алеутских островов бывают длиннее ста пятидесяти футов.

– Ну, это уж явное преувеличение! – ответил я. – Эти животные не настоящие киты, у них имеются

спинные плавники, и они, как и кашалоты, меньше настоящих китов.

– Эй-эй! – закричал канадец, глаз не отводивший от океана. – Подходит! Идет в кильватере «Наутилуса»!

И, возвращаясь к прерванному разговору, он сказал:

– Вы говорите, что кашалоты мелкие рыбы? А рассказывают, будто встречаются гигантские кашалоты. Это животные умные. Они, говорят, маскируются водорослями, фукусами и прочими морскими растениями. Их принимают за островки. К ним причаливают, высаживаются, разводят огонь...

– Строят дома, – сказал Консель.

– Ах ты, шутник! – ответил Нед Ленд. – Ну а в один прекрасный день животное уходит под воду и все его население – фьють! – вместе с ним в морские пучины...

– Как в путешествиях Синдбада-Морехода, – смеясь, заметил я. – Ах, мистер Ленд, вы, кажется, любите необыкновенные истории! Вот каковы ваши кашалоты! Надеюсь, вы сами не верите этим небылицам.

– Господин натуралист, – серьезно отвечал канадец, – когда дело касается китов, надо всему верить!.. Эй-эй! Глядите-ка, глядите! Вот так плывет! Вот так ныряет! Говорят, эти животные успевают за пятнадцать дней обойти вокруг света!

– Не стану спорить.

– А вы знаете, господин Аронакс, что в самом начале сотворения мира киты еще проворнее плавали?

– А-а... В самом деле, Нед? Почему же это?

– Потому что в то время хвост у них был поперечный, как у рыб; так вот, стало быть, хвост у них был сплюснен и стоял вертикально, они и помахивали им слева направо и справа налево! Но создатель, увидев, что рыбки-то чересчур прытки, взял да и свернул им хвост! Так с той поры и хлопают они хвостом по воде сверху вниз. Ну, прыткости у них и поубавилось!

– Все это так, Нед, – сказал я, – и я должен вам верить?

– Не обязательно, – отвечал Нед Ленд. – Во всяком случае, не больше, как если бы я сказал, что существуют киты длиной в триста футов и весом в сто тысяч фунтов.

– Что говорить, многовато! – сказал я. – Но надо признаться, что некоторые китообразные достигают значительных размеров. Одного жира, говорят, вытапливают из них до ста двадцати тонн!

– Что до этого, я своими глазами видел, – сказал канадец.

– Охотно верю, Нед! Так же, как верю в то, что иные киты величиной равны ста слонам. Судите сами, какое любопытное зрелище: такая туша, взявшая большой ход!

– Правда ли, – спросил Консель, – что кит может потопить корабль?

– Корабль? Сомневаюсь! – отвечал я. – Впрочем, рассказывают, что в тысяча восемьсот двадцатом году в этих самых южных морях кит бросился на «Эссекс» и начал толкать его задом наперед со скоростью четырех метров в секунду. Судно зачерпнуло кормой и затонуло почти в ту же минуту!

Нед лукаво посмотрел на меня.

– А вот однажды кит так хватил по мне хвостом, – сказал он, – то есть не по мне, а по моей шлюпке, что нас с товарищами подбросило в воздух этак метров на шесть! Что говорить, против кита господина профессора мой просто китенок!

- А что, киты подолгу живут? – спросил Консель.
- По тысяче лет, – отвечал канадец не задумываясь.
- Откуда вы это знаете, Нед?
- Говорят так.
- А почему так говорят?
- Потому что знают.

– Нет, Нед! Не знают, а только предполагают. А свои предположения строят на том основании, что в первый период развития китобойного промысла, тому лет четыреста, порода китов была значительно крупнее нынешней. Отсюда сделали довольно логический вывод, что нынешние киты находятся еще в стадии роста. Поэтому Бюффон и сказал, что эти китообразные могут и должны жить по тысяче лет. Вы поняли?

Нед Ленд не слышал меня. Впрочем, он и не слушал. Кит подходил все ближе и ближе. Нед пожирал его глазами.

– Эге-ге! Кит, и не один! Десять... двадцать... да их тут целое стадо! И приходится сидеть сложа руки. Связан я по рукам и по ногам!

– Послушайте, друг Нед, – сказал Консель, – отчего вы не попросите у капитана Немо разрешения поохотиться?...

Консель еще не окончил фразы, а канадец уже кинулся к трапу и исчез в люке.

Через несколько минут он возвратился вместе с капитаном.

Некоторое время капитан Немо смотрел на китов, резвившихся в миле от «Наутилуса».

– Южные киты, – сказал он. – Богатая пожива для целой флотилии китобоев!

– А не разрешите ли, капитан, – спросил канадец, – поохотиться на них? Ведь иначе рука отвыкнет метать гарпун!

– Зачем напрасно истреблять животных? – ответил капитан Немо. – Китовый жир нам не нужен.

– Однако, капитан, – возразил канадец, – в Красном море вы разрешили нам охотиться на тюленя!

– Это иное дело! Экипаж тогда нуждался в свежем мясе. Тут же будет убийство ради убийства. Человек часто присваивает себе это право, я знаю! Но я не признаю подобного варварского времяпрепровождения. Хищнически истребляя южного кита – простодушное, безвредное, доброе животное, ваши товарищи по ремеслу, Нед Ленд, творят дело, достойное порицания. Выбив китов в Баффиновом заливе, они скоро совершенно истребят весь класс этих полезных животных. Оставьте-ка в покое несчастных китов! И без вас у них много своих врагов: кашалоты, меч-рыба, пила-рыба!

Можно себе представить, с какой физиономией канадец выслушивал нравоучения капитана Немо! Читать нотации охотнику – стало быть, даром тратить слова. Нед Ленд во все глаза смотрел на капитана, не понимая, видимо, что тот хочет сказать. Все же капитан был прав. Варварское истребление этого вида животных приведет к тому, что скоро не останется ни одного кита в океане.

Нед Ленд просвистал свою «Янки-Дудль», [\[103\]](#) заложил руки в карманы и повернулся к нам спиной.

Между тем капитан Немо, наблюдая за стадом китов, говорил мне:

– Я был прав, сказавши, что у кита и помимо человека довольно врагов в своей среде. Вот сейчас, на наших глазах, этому стаду китов придется иметь дело с сильным противником. Вы замечаете, господин

Аронакс, в восьми милях под ветром движутся черные точки?

– Замечаю, капитан.

– Это кашалоты, страшные животные! Я встречал целые стада кашалотов, от двухсот до трехсот особей! Вот этих-то кашалотов, хищных, вредных животных, следует истреблять.

При последних словах капитана канадец живо обернулся.

– Что ж, время еще не упущено, капитан, – сказал я, – и даже в интересах китов...

– Зачем подвергать себя опасности, господин профессор? «Наутилус» и сам рассеет кашалотов. Его стальной таран не уступит, полагаю, гарпуну Неда Ленда.

Канадец без стеснения пожал плечами, как бы говоря: «Бить кашалотов судовым тараном! Слышанное ли это дело?»

– Погодите, господин Аронакс, – сказал капитан Немо. – Мы вам покажем охоту, какой вы еще не видывали. Никакой жалости к этим кровожадным китообразным! У них только и есть, что пасть да зубы!

Пасть да зубы! Лучше нельзя было описать большеголового кашалота гигантских размеров, до двадцати пяти метров в длину! Громадная голова китообразного занимала около трети всего его тела. В отличие от беззубых китов, у которых верхняя челюсть вместо зубов усажена роговыми пластинками, так называемым китовым усом, у кашалота, из подотряда зубастых китов, в нижней челюсти имеется двадцать пять крупных заостренных зубов, длиной в двадцать сантиметров и весом по два фунта каждый. В углублениях костей гигантского черепа находится объемистая полость, разделенная на две камеры перегородкой и наполненная драгоценной маслянистой массой, так называемым спермацетом, в количестве до трехсот – четырехсот килограммов. Кашалот, неуклюжее животное, – скорее головастик, нежели рыба, как заметил Фредоль. Он сложен нескладно, левая сторона тела непропорциональна в отношении правой; видит он только правым глазом, – словом, вышел «кривым на левый бок», говоря фигурально.

Тем временем чудовищное стадо приближалось. Кашалоты уже завидели китов и готовились к бою. Можно было заранее сказать, что победа останется на стороне кашалотов, и не только потому, что кашалоты лучше приспособлены для борьбы, чем их беззубые противники, но и потому, что кашалоты могут дольше китов оставаться под водой, не переводя, так сказать, дыхания.

Время было спешить на помощь китам. «Наутилус» ушел под воду. Консель, Нед и я уселись возле окон в салоне. Капитан Немо прошел в штурвальную рубку и сам стал у руля, чтобы лично управлять своим судном, превратившимся в орудие истребления. Вращение винта ускорилося, и судно взяло большой ход.

Кашалоты уже вступили в бой с китами, когда на поле брани вышел «Наутилус». В расчеты капитана входило врезаться в стадо большеголовых. Кашалоты сначала не очень встревожились при виде чудища, вмешавшегося в их схватку с китами. Но вскоре они почувствовали силу его ударов.

Ну и была же битва! Даже Нед Ленд пришел в восторг и хлопал в ладоши. «Наутилус» в руках капитана превратился в грозный гарпун. Он врубался в эти мясистые туши и рассекал их пополам, оставляя за собой два окровавленных куска мяса. Страшные удары хвостом по его обшивке были ему не чувствительны. Толчки мощных туш ему нипочем! Уничтожив одного кашалота, он устремлялся к другому, поворачивался с галса на галс, чтобы не упустить жертвы, давал то передний, то задний ход, погружался, покорный воле штурмана, в глубины, когда животное уходило под воду, всплывал вслед за ним на поверхность океана, шел в лобовую атаку или наносил удар с фланга, нападал с фронта, с тыла, рубил, резал своим страшным бивнем!..

Какая шла резня! Какой шум стоял над океанскими водами! Какой пронзительный свист, какое

предсмертное хрипение вырывалось из глоток обезумевших животных! Взбаламученные ударами могучих хвостов, спокойные океанские воды бурлили, как в котле! Целый час шло это гомерическое побоище, где большеголовым не было пощады. Несколько раз, объединившись в отряды из десяти – двенадцати особей, кашалоты переходили в наступление, пытались раздавить судно своими тушами. Разверстые зубастые пасти, страшные глаза животных, метавшихся по ту сторону окон, приводили Неда Ленда в ярость. Он осыпал большеголовых проклятиями, грозил им кулаком. Кашалоты впивались зубами в железную обшивку подводного корабля, как собаки впиваются в горло затравленного кабана. Но «Наутилус», волею кормчего, то увлекал их за собой в глубины, то извлекал на поверхность вод, невзирая на огромную тяжесть и могучие тиски животных.

Наконец стадо кашалотов рассеялось. Волнение на море улеглось. Мы всплыли на поверхность океана, открыли люк и поднялись на палубу.

Море было покрыто обезображенными трупами. Разрыв снаряда не мог бы так искромсать, растерзать, выпотрошить эти мясистые туши. Мы плыли среди гигантских тел с голубоватой спиной, белым брюхом, с вывороченными внутренностями. Несколько перепуганных кашалотов обратились в бегство. Вода на несколько миль в окружности окрасилась в пурпур, и «Наутилус» шел по морю крови.

Капитан Немо подошел к нам.

– Ну-с, мистер Ленд? – сказал он.

– Ну-с, господин капитан, – отвечал канадец, энтузиазм которого уже успел остыть, – действительно, зрелище страшное. Но я охотник, а не мясник, а это настоящая бойня.

– Не бойня, а истребление вредных животных, – возразил капитан. – И «Наутилус» не нож мясника.

– А по-моему, гарпун лучше, – сказал канадец.

– У каждого свое оружие, – ответил капитан, пристально глядя на Неда Ленда.

Я испугался, как бы канадец в раздражении не наговорил капитану дерзостей, грозивших плачевными последствиями. Но его гнев укротился при виде кита, к которому в этот момент подходил «Наутилус».

Животное не успело увернуться от зубастых кашалотов. Я сразу же узнал южного кита с совершенно черной, как бы вдавленной головой. Анатомически он отличается от обыкновенного кита и от нордкапского тем, что его семь шейных позвонков срастаются и что у него двумя ребрами больше, чем у северных его сородичей. Несчастное животное лежало на боку; все брюхо у него было в ранах. Кит был мертв. На конце его изуродованного плавника повис детеныш, которого ему не удалось спасти. Из рта погибшего животного, между пластинками китового уса, ручейком текла вода.

Капитан Немо причалил к трупам животного. Двое матросов взобрались на бок убитого животного, и я, к своему удивлению, увидел, что они выцеживают молоко из его млечных желез, которого скопилось там около двух-трех тонн!

Капитан предложил мне чашку теплого молока. Я не мог скрыть своего отвращения к этому напитку. Но он уверил меня, что молоко отличное и по вкусу ничем не отличается от коровьего.

Я попробовал и нашел, что молоко действительно отличное. Итак, мы обогатили наши продовольственные запасы полезным приобретением! Масло и сыр внесут приятное разнообразие в наше повседневное меню.

С того дня я стал с тревогой замечать, что Нед Ленд в отношении капитана Немо проявляет явную враждебность, и я решил зорко следить за каждым шагом канадца.

Глава тринадцатая

СПЛОШНЫЕ ЛЬДЫ

«Наутилус» неуклонно шел на юг. Он стремил свой бег по пути пятидесятого меридиана. Неужели он рвался к полюсу? Какой вздор! Любые попытки проникнуть к этой точке земного шара терпели неудачу. 13 марта в антарктических зонах соответствует 13 сентября в северных областях, когда начинается период равноденствия.

Четырнадцатого марта под 55° широты показались плавающие льды – свинцового оттенка глыбы футов двадцать – двадцать пять высотой, образовавшие заторы, о которые с шумом разбивались волны. «Наутилус» шел по поверхности океана. Нед Ленд плавал в арктических морях, и айсберги ему были не в диковинку. Мы же с Конселем любовались ими впервые.

По небосводу, с южной стороны горизонта, тянулась ослепительной белизны полоса. Английские китобои называют ее «iceblink».[\[104\]](#) Как бы густы ни были облака, они не могут затмить ее сияния. Сияние это – отражение ледяного поля.

И в самом деле, скоро показались более мощные скопления льдов. Блеск их то усиливался, то ослабевал, застилаемый густым туманом. Иные льдины были изборозжены зелеными прожилками, как бы начерченными сернистой медью. Другие, как драгоценный аметист, светились насквозь. Одни загорались всеми огнями, отражая солнечные лучи тысячами граней своих кристаллов, иные представляли собой целые каменоломни зернистого известкового шпата, которого достало бы на возведение мраморного города!

Чем дальше мы шли на юг, тем чаще встречались плавающие ледяные поля, тем мощнее становились ледяные горы. Арктические птицы гнездились на них тысячами. Глупыши и буревестники оглушали нас своим криком. Иные, принимая наше судно за кита, садились на него отдыхать и усердно долбили железную обшивку его корпуса, звеневшую под их клювом.

Во время нашего плавания среди льдов капитан Немо часто выходил на палубу. Он пристально вглядывался в бескрайнюю ледовую пустыню. Порой его взгляд загорался. Что думал он в такие минуты? Не чувствовал ли он себя властелином этих антарктических вод, этой области сплошных льдов, недоступной человеку? Может быть. Но он хранил молчание. Он часами стоял, отдавшись своим думам, пока инстинкт мореходца не одерживал верх над созерцателем. Тогда он сам становился к штурвалу и, искусно маневрируя, избегал столкновения с ледовыми торосами и айсбергами, достигавшими иногда нескольких миль в длину при высоте надводной части в семьдесят – восемьдесят метров. Часто сплошная стена льдов, казалось, преграждала путь. Под 60° широты чистая вода исчезла. Но капитан Немо скоро открывал какую-нибудь узкую щель между льдами и смело входил в нее, зная хорошо, что вслед за судном льды сразу же сомкнутся.

Так, управляемый искусной рукой кормчего, «Наутилус» преодолевал льды, точная классификация которых в зависимости от формы и размеров восхищала Консея: айсберги, или ледяные горы, ледяные поля, дрейфующие льды, пак, или разбитые поля, круглые или удлиненные.

Температура воздуха была довольно низкая. Термометр показывал два-три градуса ниже нуля. Но у нас были теплые медвежьи дохи, куртки из тюленьей шкуры, отлично защищавшие от холода. «Наутилус» отапливался электрическими приборами, которые поддерживали в помещении ровную температуру, независимо от температуры воздуха. К тому же стоило судну погрузиться на несколько метров под уровень

моря, как мы попадали в сносные температурные условия.

Будь мы под этими широтами два месяца назад, круглые сутки тут стоял бы день; но полярная ночь уже вступала в свои права, отнимая у дня три-четыре часа и готовясь на шесть месяцев отбросить свою тень на эти околополюсные области.

Пятнадцатого марта мы прошли на широте Южно-Шетландских и Южных Оркнейских островов. Капитан Немо рассказал мне, что некогда в этом водоеме водились во множестве тюлени; но английские и американские китобои хищнически перебили взрослых самцов и самок, истребив дочиста тюленей в этих некогда полных жизни водах, где ныне царит могильная тишина.

Шестнадцатого марта к восьми часам вечера «Наутилус», следуя вдоль пятьдесят пятого меридиана, пересек Южный полярный круг. Льды наступали на него со всех сторон, суживая линию горизонта. Однако капитан Немо неуклонно шел на юг.

– Куда он идет? – спрашивал я.

– Куда глаза глядят, – отвечал Консель. – Расшибет себе лоб – остановится.

– Ну, я за это не поручусь! – сказал я.

И, говоря откровенно, чреватая опасностями экспедиция приходилась мне по душе. Не умею выразить всю степень моего восхищения величавой красотой полярных стран! Льды принимали величественные формы. Возникали архитектурные ансамбли восточных городов с минаретами и мечетями. Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже распадается, и на его месте встает город в развалинах зданий! Видения меняют окраску: под косыми лучами уходящего солнца все одевается в пурпур и золото; и вдруг серая пелена тумана застилает горизонт, и все пропало в снежной буре! Внезапно со всех сторон начинается адский грохот, обвалы, столкновение льдин – и декорация меняется, как пейзаж в диораме! Если в тот момент, когда нарушалось равновесие льдов и морских пучин, «Наутилус» оказывался под водой, грохот обвалов передавался жидкой средой с ужасающим нарастанием, и падение ледяных гор вызывало опасные водовороты в самых глубинных слоях океана. Тогда «Наутилус» швыряло с волны на волну, и он нырял носом, как парусное судно, застигнутое бурей на море.

Часто, запертые во льдах, мы не видели выхода; но, руководимый своим замечательным инстинктом, капитан Немо по самым легким признакам открывал спасительные трещины во льдах. Тонкие струйки синеватой воды, бороздившие ледяные поля, указывали ему путь. И он никогда не ошибался в выборе дороги. Несомненно, ему уже доводилось плавать во льдах антарктических морей!

Однако 16 марта нас все же затерло льдами. Это еще не была полоса вечной мерзлоты, а всего лишь обширные ледовые поля, сцементированные морозом. Но препятствие не остановило капитана Немо, и он со всего разгона врезался в ледовое поле. Стальной корпус «Наутилуса» врезался в эту массу ломкого льда, и льдины с треском раскалывались на части. Он действовал, как в старину таран, но пущенный с невероятной силой. Осколки льда, взметнувшись ввысь, градом падали вокруг нас. Силой своего натиска наше судно прокладывало себе дорогу. Увлеченное инерцией разбега, оно порой взлетало на льдину и продавливало ее своей тяжестью. А иной раз, врезавшись под лед, раскалывало его движением боковой качки, и мы шли дальше по образовавшейся в ледовом поле широкой трещине.

В эти дни на море бушевали шквалы. Густой туман ложился на льды, и с одного конца палубы не видно было другого. Ветер резко менял направление. Снег, выпавший за ночь, одевал палубу ледяным покровом, который приходилось сбивать киркой. Вообще, как только температура воздуха опускалась до пяти градусов ниже нуля, все наружные части «Наутилуса» покрывались льдом. Парусное судно не могло бы маневрировать в таких условиях, потому что все блоки и тали обледенели бы. Только судно с электрическим двигателем, которое обходится без парусов и каменного угля, могло пуститься в плавание

под такими широтами.

Барометр стоял очень низко. Показания компаса не внушали никакого доверия. Обезумевшая стрелка компаса растерянно металась, давая противоречивые указания по мере приближения к магнитному южному полюсу, который не совпадает с географическим полюсом Южного полушария.

В самом деле, по Ганстену, южный магнитный полюс находится под 70° широты и 130° долготы, а по наблюдениям Дюпере – под 135° долготы и 70°30 широты. Приходилось вести контрольные наблюдения, переносить компасы в различные части судна, и брать средние показания. Но часто мы были вынуждены определять пройденный путь на основании показаний лага, далеко не точных, потому что в извилистых трещинах льдов судно постоянно меняло курс.

Наконец, 18 марта, после множества напрасных попыток пробить себе дорогу, «Наутилус» был окончательно затерт во льдах. Это были уже не торосы, не дрейфующие льды, не ледяные поля, а неколебимый сплошной барьер из ледяных гор.

– Сплошные льды, – сказал канадец.

Я понял, что Нед Ленд, как и все прежние мореходы-полярники, считает ледяную преграду непреодолимой. Около полудня выглянуло солнце, и капитан Немо установил координаты местности. Оказалось, что мы находимся под 51°30 долготы и 67°39 южной широты. Итак, мы зашли уже в глубь Антарктики!

Ни признака свободного моря, ни малейшего намека на чистую воду не было и в помине! Перед «Наутилусом» расстилалась бескрайняя торосистая равнина, хаотическое нагромождение льдов, огромные глыбы в виде параллелепипедов с вертикальными гранями – словом, поверхность реки в ледоход, но в гигантском масштабе. Тут и там ледяные обелиски, шпили утесов вздымались на высоту двухсот футов; а еще дальше крутые берега, окутанные легкой дымкой, как зеркало, отражали солнечные лучи, прорывавшиеся сквозь туман. Унылая природа, погруженная в суровое молчание, изредка нарушаемое хлопаньем крыльев буревестников или пuffedинов! Все оледенело, даже звук.

«Наутилус» вынужден был остановить свой дерзновенный бег среди ледовых полей.

– Господин профессор, – сказал мне в тот день Нед Ленд, – если ваш капитан пройдет и дальше...

– Ну и что ж?

– Он будет молодцом!

– Почему, Нед?

– Потому что никто еще не преодолевал сплошные льды. Он силен, ваш капитан. Но – тысяча чертей! – не сильнее же он природы! А там, где самой природой положен предел, волей-неволей надо остановиться.

– Верно, Нед Ленд! Но все же я хотел бы знать, что находится за этими льдами. Вот эта стена меня самого раздражает!

– Господин профессор прав, – сказал Консель. – Стены на то и созданы, чтобы портить нервы ученым. Стены всюду помеха!

– Э-э! – сказал канадец. – Всем известно, что находится там, за этими сплошными льдами.

– Что же именно? – спросил я.

– Лед, и только лед!

– Вы в этом уверены, Нед? – возразил я. – А я нет. Вот почему я хотел бы преодолеть эти льды.

– Послушайте меня, господин профессор, откажитесь-ка от этой затеи! – ответил канадец. – Мы дошли до сплошных льдов, и с нас хватит! Ни вы, ни ваш капитан Немо, ни его «Наутилус» дальше ни шага не ступят. Хотите вы или нет, но мы вернемся на север, то есть в страны, где живут порядочные люди.

Я должен был признать правоту Неда Ленда в одном отношении: пока корабли не будут приспособлены к плаванию среди ледяных полей, им придется останавливаться у границы сплошных льдов.

И в самом деле, несмотря на все усилия, несмотря на отчаянные попытки расколоть льды, «Наутилус» был обречен на бездействие. В обычных условиях, если судно не может продолжать путь по маршруту, оно возвращается назад. Но тут возвращение было так же невозможно, как и продвижение вперед, ибо мы были затерты во льдах! И если бы нам пришлось стоять на месте, наше судно вмерзло бы в лед. Так оно и случилось около двух часов пополудни: разводье, в котором стоял «Наутилус», с невероятной быстротой стало затягиваться молодым льдом. Приходилось признаться, что поведение капитана Немо было верхом неосторожности.

Я находился в этот момент на палубе. Капитан, наблюдавший некоторое время за образованием ледяного покрова, обратился ко мне:

– Ну-с, господин профессор, как вы находите наше положение?

– Я нахожу, что мы затерты во льдах, капитан.

– «Затерты»? Как прикажете вас понимать?

– Я хочу сказать, что мы не сможем двинуться ни вперед, ни назад, ни в какую бы то ни было сторону. Вот что означает слово «затерты», по крайней мере в цивилизованных странах.

– Стало быть, господин Аронакс, вы думаете, что «Наутилус» не в состоянии выбраться из льдов?

– Трудное дело, капитан! Время года позднее, и вряд ли можно рассчитывать на вскрытие льда.

– Ах, господин профессор, вы верны себе! – отвечал капитан Немо несколько иронически. – Вам всюду представляются преграды и препятствия! Я же заявляю, что «Наутилус» не только выйдет из ледяного затора, но и пойдет дальше!

– Дальше на юг? – спросил я, глядя на капитана.

– Да, сударь, к самому полюсу.

– К полюсу? – вскричал я, не сумев скрыть своего недоверия.

– Да, – хладнокровно ответил капитан, – к антарктическому полюсу, к той неизвестной точке, где скрещиваются все меридианы земного шара. Вы знаете, что я делаю с «Наутилусом» все, что хочу.

Да, я это знал! Я знал, что этот человек отважен до безрассудства! Но надеяться преодолеть препятствия, преграждающие путь к Южному полюсу, еще более неприступному, нежели Северный полюс, до которого напрасно пытались добраться самые дерзновенные мореплаватели, отважиться на столь безумное предприятие мог только безумец!

Мне пришла мысль спросить капитана Немо, уж не открыл ли он в самом деле этот пресловутый полюс, куда еще не ступала нога ни единого человеческого существа.

– Нет, сударь, – ответил он. – Мы сделаем вместе это открытие. То, что не удалось другим, удастся мне. Никогда еще мой «Наутилус» не заходил так далеко в южные моря; но, повторяю вам, он пойдет еще дальше.

– Хотел бы верить вам, капитан, – отвечал я с легкой иронией. – И я вам верю! Идемте вперед!

Препятствий нет для нас! Расколем эти сплошные льды! Взорвем их! А если они не поддадутся, дадим крылья «Наутилусу», и пусть он пронесется надо льдами!

– Надо льдами, господин профессор? – спокойно спросил капитан Немо. – Нет, не надо льдами, а подо льдами!

– Подо льдами? – воскликнул я.

И вдруг я все понял. Мне стали ясны намерения капитана Немо. Чудесные свойства «Наутилуса» должны были сослужить службу и в этом фантастическом предприятии!

– Я вижу, что мы начинаем понимать друг друга, господин профессор, – сказал капитан, улыбнувшись. – Вы уже предвидите возможность – а я говорю, успех – нашей попытки. То, что неисполнимо для обыкновенного судна, вполне осуществимо для «Наутилуса». Если у полюса обнаружится материк, «Наутилус» остановится. Но ежели и полюс омывается океаном, мы дойдем до самого полюса!

– Пожалуй, вы правы, – сказал я, увлекшись речами капитана. – Если поверхность океана скована льдами, то глубинные слои свободны, согласно мудрому закону, по которому наибольшая плотность морской воды соответствует температуре выше градуса замерзания. И, если не ошибаюсь, надводная часть льда относится к подводной, как один к четырем?

– Почти так, господин профессор! На каждый фут айсберга, выступающего над уровнем моря, приходится три фута под уровнем моря. Поскольку эти ледяные горы не превышают ста метров в высоту, стало быть, толщина их подводной части не более трехсот метров. А что такое триста метров для «Наутилуса»?

– Ровно ничего, сударь!

– «Наутилус» может опуститься в самые глубинные воды, где температура одинакова под всеми широтами; а там не страшны нам и тридцати-сорокаградусные морозы, сковывающие поверхностные воды.

– Верно, сударь, совершенно верно, – отвечал я, воодушевляясь.

– Единственная трудность в том, – продолжал капитан Немо, – что нам несколько дней придется пробыть под водой, не возобновляя запасов воздуха.

– Только-то? – возразил я. – Резервуары «Наутилуса» вместительны. Мы их наполним до отказа воздухом и, стало быть, не будем чувствовать недостатка в кислороде!

– Отлично придумано, господин Аронакс, – смеясь, сказал капитан. – Но я не хочу, чтобы вы обвинили меня в безрассудстве, а потому заранее скажу, чего нам следует опасаться.

– А именно?

– Только одного! Возможно, что море – если море существует у Южного полюса – сковано сплошными льдами, и тогда, пожалуй, нам не выбраться на поверхность!

– Неужели вы, капитан, запомнили, каков таран у «Наутилуса»? Неужели нельзя пустить судно по диагонали прямо в ледяной потолок и пробить в нем отверстие?

– А-а! Да вы сегодня находчивы, господин профессор!

– И наконец, – продолжал я, все более и более воодушевляясь, – почему бы нам не встретить на Южном полюсе свободное ото льдов море? Полюсы вечной мерзлоты и географические полюсы не совпадают ни в Южном полушарии, ни в Северном; и покуда не доказано обратное, позволительно допустить существование материка или же свободных ото льдов морей в этих двух точках земного шара!

– Я держусь того же мнения, господин Аронакс, – отвечал капитан Немо. – Однако разрешите вам заметить, что, выдвинув столько возражений против моего проекта, теперь вы засыпаете меня доводами в его пользу.

Капитан Немо был прав. Я перещеголял его в смелости. Теперь я увлекал его к полюсу! Я даже превзошел его, оставил за собой... Но нет, жалкий глупец! Капитан Немо знал лучше тебя все «за» и «против» своего плана. И он подсмеивался, видя, как ты увлечен несбыточными мечтаниями...

Однако капитан Немо не терял времени. Он вызвал своего помощника. И они оживленно о чем-то заговорили на своем непонятном языке. И был ли помощник предупрежден заранее, или он нашел предложение исполнимым, но он не выказал ни малейшего удивления.

Но как ни хладнокровно встретил помощник предложение капитана, Консель еще более хладнокровно отнесся к известию о нашем намерении идти к Южному полюсу.

– Как будет угодно господину профессору, – ответил он своей обычной фразой.

И это было все, что он сказал. Что касается Неда Ленда, он так высоко вздернул плечи, что его голова ушла в них.

– Видите ли, сударь, – сказал он, – вы с вашим капитаном Немо внушаете мне жалость!

– Мы откроем полюс, мистер Ленд!

– Возможно, но обратно вы не воротитесь!

И Нед Ленд пошел к себе в каюту, «чтобы не натворить беды», как он сказал в заключение.

Тем временем начались приготовления к нашей смелой экспедиции. Мощные насосы «Наутилуса» нагнетали воздух в резервуары под высоким давлением. Около четырех часов капитан Немо объявил, что подъемная дверь в люке сейчас будет закрыта. Я кинул последний взгляд на сплошные льды, которые мы готовились преодолеть. Погода стояла ясная, воздух чист, хотя было довольно холодно – двенадцать градусов ниже нуля, но ветер утих и мороз не был так чувствителен.

Десять человек из экипажа с кирками в руках поднялись на палубу и стали разбивать лед вокруг корпуса судна. Операция эта не составила большого труда, потому что молодой лед лежал тонким слоем. Когда все было кончено, мы вошли внутрь корабля. Резервуары, по обыкновению, были наполнены водой до ватерлинии. «Наутилус» начал погружаться.

Я вошел в салон вместе с Конселем. Через открытые окна мы могли видеть глубинные слои Антарктического океана. Ртуть в термометре поднималась. Стрелка манометра отклонялась вправо по циферблату.

На глубине трехсот метров, как и предвидел капитан Немо, мы оказались под волнистой нижней поверхностью сплошных льдов. Но «Наутилус» все еще продолжал погружаться. Мы достигли глубины восьмисот метров. Температура воды была уже не двенадцать градусов, как на поверхности моря, а всего одиннадцать градусов. Уже один градус был выигран! Само собой, что температура внутри «Наутилуса», обогреваемого электрическими приборами, была значительно выше. «Наутилус» маневрировал с необычайной точностью.

– Если угодно знать господину профессору, мы все-таки пройдем, – сказал мне Консель.

– Надеюсь, – отвечал я тоном глубочайшей уверенности.

На этой свободной ото льда глубине «Наутилус» взял курс прямо к полюсу, не уклоняясь от пятьдесят второго меридиана. Оставалось пройти от 67°30 до 90°, двадцать два с половиной градуса широты, иначе говоря, немного более пятисот лье. «Наутилус» шел в среднем со скоростью двадцати шести миль в час, то

есть со скоростью курьерского поезда. Если судно не замедлит хода, мы через сорок часов подойдем к полюсу.

Часть ночи мы с Конселем провели в салоне. Новизна пейзажа приковала нас к окнам. Воды искрились при свете нашего прожектора. Но морские глубины были пустынно. Рыбы не населяли эти скованные ледяным покровом воды. Только в определенное время они появляются в этих зонах, направляясь из Антарктики в водоемы, свободные ото льдов. Мы шли большим ходом. Но это чувствовалось лишь по дрожанию стального корпуса судна.

Около двух часов ночи я пошел к себе, поспать несколько часов. Консель поступил так же. Проходя по корабельным коридорам, я надеялся встретить капитана Немо, но он, очевидно, находился в штурвальной рубке.

На следующий день, 19 марта, я с пяти часов утра занял свой пост в салоне. Электрический лаг показывал, что «Наутилус» шел на умеренной скорости. Судно осторожно поднималось к поверхности океана, постепенно опоражнивая свои резервуары.

Сердце бешено колотилось. Удастся ли нам выйти на поверхность? Свободно ли ото льдов море у полюса?

Но увы! Сильный толчок показал мне, что «Наутилус» натолкнулся на нижнюю поверхность толстого слоя сплошных льдов, судя по глухому удару при столкновении. В самом деле, мы «коснулись дна», говоря языком моряков, но в обратном смысле и на глубине тысячи футов! Стало быть, над нами лежал слой льда в две тысячи футов толщиной.

Итак, ледяной покров в этом месте был толще, чем там, где мы погрузились! Обстоятельство малоутешительное!

В тот день «Наутилус» несколько раз возобновлял попытки пробиться сквозь льды, но всякий раз ударялся о ледяной потолок. Бывало, что льды встречались на глубине девятисот метров, из чего следовало, что толщина ледяного покрова равнялась тысяче двумстам метрам, считая и те триста метров, которые выступали над уровнем моря. Это уже втрое превышало высоту ледяной поверхности в момент нашего погружения в воду!

Я тщательно отмечал различные глубины залегания сплошных льдов и получил таким образом рельеф подводной части ледяного покрова.

Наступил вечер, а наше положение не изменилось. Толща льдов колебалась между четырьмя и пятью сотнями метров. Ледяной покров заметно истончался. Но все же какой еще толщи слой льда отделял нас от поверхности океана!

Было восемь часов вечера. По распорядку, установленному на борту, «Наутилус» должен был еще четыре часа назад возобновить запасы воздуха. Впрочем, я не ощущал острой потребности подышать свежим воздухом, хотя капитан Немо не прибегал до сих пор к помощи запасных резервуаров.

В ту ночь я спал тревожно. То меня одолевал страх, то вспыхивала надежда. Я вскакивал несколько раз с постели. «Наутилус» то и дело прощупывал ледяной потолок. Около трех часов утра приборы в салоне показали мне, что нижняя поверхность ледового поля лежит всего в пятидесяти метрах под уровнем моря. Сто пятьдесят футов отделяет нас от поверхности океана! Сплошные льды превращались в айсберги! Гирлянды подводных гор переходили в плоскогорья!

Я не сводил глаз с манометра. Судно всплывало, следуя по диагонали наклонной поверхности ледового поля, сверкавшего при свете нашего прожектора. Ледяной покров утончался и сверху и снизу. Он становился тоньше с каждой милей.

Наконец, в шесть часов утра того памятного дня, 19 марта, дверь салона отворилась. Вошел капитан Немо.

– Открытое море! – сказал он.[\[105\]](#)

Глава четырнадцатая

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Я бросился на палубу. Да! Открытое море! Только кое-где рассеяно несколько льдин и плавающих айсбергов; кругом необозримая водная ширь; тысячи птиц в воздухе и мириады рыб в водах, которые, смотря по свойствам дна, переходили из густого синего в зеленовато-оливковый цвет. Термометр показывал три градуса по Цельсию ниже нуля. Словно повеяло весной после пройденной нами полосы сплошных льдов, рисовавшихся профилем на северной стороне горизонта.

– Полюс? – с замиранием сердца спросил я капитана.

– Не знаю, – ответил он. – В полдень установлю координаты местности.

– Но проглянет ли солнце сквозь сплошной туман? – сказал я, глядя на серенькое небо.

– Пусть хоть на минуту покажется, и этого достаточно, – отвечал капитан.

В десяти милях к югу от «Наутилуса» виднелся одинокий остров, возвышавшийся метров на двести над уровнем моря. Лавируя, судно медленно приближалось к острову, возможно, окруженному подводными рифами.

Часом позже мы подошли к острову. А два часа спустя уже его обогнули. Береговая линия острова в окружности равнялась четырем-пяти милям. Узкий пролив отделял остров от земли, может быть даже материка, о чем трудно было судить, ибо береговая полоса уходила за линию горизонта. Существование земли в этой зоне Южного полушария, казалось, подтверждало гипотезу Мори. Пытливый американский ученый заметил, что между Южным полюсом и шестидесятой параллелью море покрыто дрейфующими льдинами громадных размеров, чего не встречается на севере Атлантического океана. Из этого наблюдения он сделал вывод, что в зоне Южного полярного круга находится большая земля, поскольку сплошные льды образуются не в открытом море, а у побережий. По его вычислениям, ледяной массив окружает Южный полюс широким кольцом, достигающим в диаметре четырех тысяч километров.

Опасаясь сесть на мель, «Наутилус» остановился в трех кабельтовых от берега, над которым в живописном нагромождении господствовали величественные утесы. Шлюпка была спущена на воду. Капитан, двое матросов с измерительными приборами, Консель и я сели в шлюпку. Было десять часов утра. Я сегодня не видел Неда Ленда. Канадец, видимо, стоял на своем, вопреки близости Южного полюса.

Несколько взмахов веслами, и мы пристали к песчаному берегу. Консель хотел было выскочить на землю; я остановил его.

– Сударь, – сказал я капитану Немо, – вам принадлежит честь первому ступить на эту землю.

– Да, сударь, – отвечал капитан, – я не колеблюсь сойду на полярные земли, где ни одно человеческое существо не оставило следа своих ног!

Сказав это, он легко спрыгнул на берег. Я видел, что капитан был сильно взволнован. Взобравшись по отвесному ребру утеса, возвышавшегося на оконечности мыса, он остановился там, скрестив руки. Так и застыл он в этой позе, торжественный и сосредоточенный, словно вступая во владение этими южными областями. Так продолжалось минут пять. Затем он обратился ко мне:

– Пожалуйста, сударь!

Я тотчас же выпрыгнул из шлюпки, а следом за мной и Консель. Оба матроса остались в шлюпке.

Почва, насколько хватало глаз, состояла из красноватого туфа, как бы посыпанная толченым кирпичом. Шлаки, наплывы лавы, куски пемзы выдавали ее вулканическое происхождение. В некоторых местах из земли выбивались легкие струйки дыма с сернистым запахом – свидетельство того, что действие подземного огня еще не прекратилось. Но, взобравшись на вершину утеса, я не заметил ни одного вулкана в радиусе нескольких миль. Однако известно, что в этой антарктической полосе Джеймс Росс обнаружил на сто шестьдесят седьмом меридиане, под 77°32 широты, два действующих вулкана – Эребус и Террор.

Растительность на этом пустынном острове была представлена весьма скудно. Мхи и лишайники из вида *Unsnia melanoxantha* лепились по черным скалам. Микроскопические растеньица, примитивные диатомеи, клетки которых зажаты между двумя кремнеземовыми створками, длинные пурпуровые и алые водоросли, занесенные в эти зоны течением и выкинутые на берег прибоем, составляли всю флору этой области.

Берег был усыпан моллюсками, мелкими ракушками, морскими чашечками, гладкими буккардами в виде сердца и главным образом клионами, с продолговатым перепончатым телом и головой в виде двух округленных лопастей. Я видел мириады клионов северных, длиной в три сантиметра, которых тысячами пожирают киты. Эти прелестные крылоногие, настоящие морские бабочки, оживляли воды, омывавшие берег.

Из других животных было несколько древовидных кораллов, из тех, которые, по словам Джеймса Росса, живут в морях Антарктики на глубине до тысячи метров; затем были видны восьмилучевые кораллы – альционарии, а также множество красновато-бурых астриасов, свойственных этому климатическому поясу, и других морских звезд, буквально вызвездивших землю.

Но где кипела жизнь, так это в воздухе! Тысячами порхали и летали птицы разных видов, оглушая нас своими криками. Тысячами сидели они на уступах скал, бесцеремонно оглядывая нас и безбоязненно разгуливая возле самых наших ног. Тут были пингвины, столь легкие и проворные на воде, где их порой принимали за макрель, и такие неуклюжие, тяжелые на суше. Скупые в движениях, но шумливые, собравшись целыми стаями, они оглашали воздух своим диким криком.

Среди птиц я заметил долгоперых куликов из семейства белых ржанок, величиной с голубя, белоснежных, с коротким коническим клювом и красным ободком вокруг глаз. Консель наловил этих птичек. Они очень вкусны, если их хорошо приготовить. В воздухе проносились альбатросы с широким, в четыре метра, размахом крыльев, прозванные по справедливости океанскими коршунами; гигантские глупыши и между ними зловещие буревестники (костоломы) с выгнутыми дугой крыльями, большие охотники до тюленей; кайский черно-белый буревестник, разновидность утки; наконец, целый выводок глупышей – белых с коричневой окраской на крыльях и синих птиц, которые водятся только на островах Антарктики.

– Эти глупыши такие жирные, – сказал я Конселю, – что жители Фарерских островов пользуются ими как светильниками, вставляя в убитую птицу фитиль.

– Еще бы немножко, – ответил Консель, – и получились бы отличные лампы! Впрочем, природа не настолько предусмотрительна, чтобы заранее снабдить их фитилем!

Отойдя еще полмили от берега, мы увидели, что вся земля изрыта гнездами, похожими на норки, – это были гнезда пингвинов, оттуда вылетало множество птиц. Позднее капитан Немо устроил на них охоту, и было поймано несколько сотен этих птиц с темным, но очень вкусным мясом. Крик пингвинов очень напоминает крик ослов. Пингвины величиной с гуся, с оперением аспидного цвета, с белой грудью и лимонного цвета ободком вокруг шеи. Они не искали спасения и падали замертво от удара камнем.

Туман не рассеивался; было уже одиннадцать часов, а солнце еще не показывалось. Это меня очень беспокоило. Какие же могли быть наблюдения, если нет солнца! А как же иначе установить, достигли ли мы полюса?

Я подошел к капитану Немо. Он стоял, облокотясь о выступ утеса, и смотрел на небо. Казалось, он был взволнован и раздосадован. Но что тут поделаешь! Этот смелый и сильный человек не властен был повелевать солнцем, как он повелевал водной стихией!

Наступил полдень, а дневное светило еще не показывалось. Небосвод, затянутый густой пеленой тумана, не позволял определить высоту солнца. Скоро туман разрешился снегом.

– До завтра, – коротко сказал капитан, и мы возвратились на борт «Наутилуса» в снежную бурю.

Во время нашего отсутствия были закинута сети, и, вернувшись, я с интересом принялся изучать пойманных рыб. Антарктические моря служат местом массовой миграции рыб, спасающихся от бурь более низких широт. Я заметил несколько южных бычков длиной в один дециметр, белых в поперечную синюю полоску, с колючим шипом, массу морских игл, антарктических химер из подкласса хрящевых рыб, отряда цельноголовых, с вытянутым, длиной в три фута телом, голой кожей серебристо-бурого цвета, с круглой головой, конусообразной, выступающей вперед мордой, с тремя спинными плавниками и длинной хвостовой нитью. Я попробовал их мясо, но оно показалось мне безвкусным, несмотря на уверения Консея, что лучшего блюда не найти.

Снежная буря бушевала до самого утра. Невозможно было стоять на палубе. Из салона, где я записывал все перипетии нашей экспедиции к берегам Антарктиды, я слышал крики глупышей и альбатросов, резвившихся, несмотря на метель. «Наутилус», однако, не стоял на месте. Он продвинулся вдоль берега еще на десяток миль к югу. Царила полутьма; лишь слабая полоска света у края горизонта выдавала присутствие солнца.

На следующий день, 20 марта, метель утихла. Стало немного холоднее. Термометр показывал два градуса ниже нуля. Туман поднялся, и у меня появилась надежда, что сегодня нам удастся наконец установить координаты местности.

Капитан Немо еще не выходил на палубу, но шлюпка была в нашем распоряжении. И мы с Конселем переправились на берег. Почва и тут указывала на вулканическое происхождение. Повсюду следы лавы, шлаки, базальты. Но, как я ни смотрел, обнаружить кратер мне не удалось. Тут, как и на острове, мириады птиц оживляли суровую природу полярного края. Но тут пернатые разделяли свою власть с целыми стадами морских млекопитающих, смотревших на нас своими кроткими глазами. Тут были всякие виды тюленей. Одни распластались на берегу, другие лежали на льдинах, прибитых к берегу прибоем. Те ныряли в воду, а эти выползали из воды. Их не пугало наше присутствие; видно было, что им не случалось иметь дело с человеком. Стада тюленей, по моему подсчету, хватило бы на сотни промысловых судов!

– Ей-ей! – сказал Консель. – Их счастье, что Нед Ленд не пошел с нами!

– Почему, Консель?

– Потому что этот ярый охотник всех бы их перебил.

– Ну, это сильно сказано! Хотя едва ли нам удалось бы помешать нашему другу канадцу загарпунить несколько великолепных представителей ластоногих. А это причинило бы неприятность капитану Немо: он не любит проливать напрасно кровь безобидных животных.

– Он прав.

– Безусловно прав, Консель. Но скажи-ка мне, ты, верно, успел уже классифицировать этих превосходных представителей морской фауны?

– Господину профессору известно, что я не больно силен на практике, – отвечал Консель. – Если бы господин профессор потрудился назвать мне этих животных...

– Это тюлени и моржи. [\[106\]](#)

– Два рода из отряда ластоногих, – поспешил сказать мой ученый Консель, – типа позвоночных, класса млекопитающих.

– Bravo, Консель! – отвечал я. – Но роды подразделяются на виды, и, если я не ошибаюсь, нам представляется случай наблюдать их. Пойдем!

Было восемь часов утра. Оставалось еще четыре часа до полудня, короче говоря, до того желанного момента, когда устанавливались координаты. Пользуясь свободным временем, мы с Конселем решили прогуляться по берегу обширной бухты, глубоко врезавшейся в гранитные берега.

Все вокруг – берега, прибрежные льдины, вода – было населено морскими млекопитающими. И я невольно искал глазами старого Протея, мифологического пастуха Нептуновых стад! Больше всего тут было тюленей. Они располагались группами: самцы заботливо оберегали свое семейство, самки кормили детенышей, подростки резвились в отдалении. Тюлени с трудом передвигаются по земле короткими неуклюжими скачками путем мускульных сокращений тела, причем они беспомощно хлопают своими плохо развитыми плавниками, которые у их сородича ламантина образуют настоящее предплечье. Должно сказать, что в воде, их родной стихии, эти животные с гибким позвоночником, узким тазом, гладкой короткой шерстью и перепончатой лапой плавают превосходно. На воде и выползая для отдыха на сушу, тюлени принимают грациозные позы. Недаром древние за кроткое выражение их прекрасных бархатистых глаз и милые позы, поэтизируя этих животных, превратили их в мифологических тритонов и сирен.

Я обратил внимание Конселя, как сильно развиты у этих смысленных животных мозговые полушария. Ни у одного млекопитающего, кроме человека, нет такого количества мозгового вещества. Поэтому-то тюлени хорошо поддаются дрессировке, они легко становятся ручными; и я согласен с теми натуралистами, которые считают, что, если их хорошенько выдрессировать, они могли бы принести значительную пользу в рыбной ловле и морской охоте, играя роль охотничьих собак.

Большинство тюленей спало на прибрежных камнях и на песке. Между обыкновенными тюленями без внешнего уха – чем они отличаются от сивучей, у которых ухо выступает наружу, – я наблюдал некоторые разновидности стеноринхов длиной в три метра, с белой шерстью, головой бульдога с десятью зубами в каждой челюсти, причем в верхней и нижней челюстях имеется по четыре резца и по два больших клыка в форме лилии. Между тюленями попадались морские слоны, похожие на тюленей, с коротким и подвижным хоботом, гиганты своего рода, которые при объеме в двадцать футов достигают в длину десяти метров. При нашем появлении они даже не шевельнулись.

– А эти животные опасны? – спросил меня Консель.

– Нет, не опасны, если их не трогают, – отвечал я. – Но когда тюлень защищает своего детеныша, он страшен. Бывает, что он разносит в щепы рыбацье судно.

– Животное вправе так поступать, – заметил Консель.

– Не спорю.

Мы прошли еще две мили. Но тут нам преградил путь скалистый мыс, защищавший бухту от южных ветров. Скалы отвесно выступали над морем, и пенистые волны прибоя разбивались об их подножие. По ту сторону мыса слышалось грозное мычание, как будто там паслось целое стадо жвачных животных.

– Ба! – сказал Консель. – Быки дают концерт!

- Ошибаешься! Концерт дают моржи.
- Дерутся?
- Дерутся или играют.
- С позволения господина профессора, надо бы на них взглянуть.
- Надо взглянуть, Консель!

И вот мы снова шагаем вдоль черных базальтовых скал, под грохот обвалов, по скользким обледенелым камням. Не один раз я падал и отбивал себе бока. Консель, более осторожный или более твердый на ногах, не спотыкался и, поднимая меня, приговаривал:

– Если бы господин профессор потрудился пошире расставлять ноги, ему легче было бы удерживать равновесие.

Взобравшись на гребень мыса, я увидел перед собой обширную снежную равнину, испещренную темными тушами моржей. Животные играли. Мычание их было выражением радости, а не гнева.

Моржи очень схожи с тюленями формой тела и расположением конечностей. Но в их нижней челюсти недостает клыков и резцов, тогда как верхние клыки представляют собой два бивня, каждый длиной в восемьдесят сантиметров при тридцати трех сантиметрах в окружности, если считать у самого корня. Моржовый клык гораздо крепче слоновьего, кость меньше желтеет и поэтому высоко ценится. Из-за этих-то ценных клыков охотятся за моржами столь хищнически, что скоро истребят всех до единого. Охотники бьют без разбору и самок и детенышей, истребляя ежегодно более четырех тысяч моржей.

Проходя мимо этих любопытных животных, я мог свободно их разглядывать. Моржи безмятежно спали. Кожа у них толстая, морщинистая, шерсть рыжеватая, короткая и не очень густая. Иные из них были в четыре метра длиной. Здешние моржи спокойнее и смелее своих северных родичей и не выставляют дозорных для охраны своего лагеря.

Насмотревшись на моржей, я стал подумывать о возвращении на борт. Было одиннадцать часов. Если капитан Немо сочтет возможным приступить к установлению координат, я желал бы при этом присутствовать. Но у меня была слабая надежда, что солнце все же проглянет. Облака сплошь заволкли небо. Ревнивое светило не желало, казалось, обнаружить этот заветный уголок земного шара.

Все же я решил вернуться к «Наутилусу». Мы пошли по узкой тропе, огибавшей вершину береговой скалы. В половине двенадцатого мы дошли до того места, где высадились на берег. Я тотчас же увидел капитана Немо. Он стоял на базальтовой глыбе. Астрономические приборы находились подле него. Его взгляд был устремлен на северную сторону горизонта, где солнце описывало в это время свою удлинненную спираль.

Я молча встал рядом с капитаном. Наступил полдень, но солнце, как и накануне, не показалось.

Неудача преследовала нас. Установить координаты опять не удалось. Если и завтра в полдень солнце не выглянет, придется отказаться от попытки определить, где мы находимся.

Нынче 20 марта. Завтра, 21 марта, день равноденствия, и, если не принимать во внимание преломления лучей, солнце скроется за горизонтом, и наступит долгая полярная ночь. Со времени сентябрьского равноденствия солнце, взошедшее над северным горизонтом, поднималось по небосводу удлиняющимися спиралями до 21 декабря. В этот период летнего солнцестояния в северных областях оно снова стало склоняться к горизонту и завтра, должно быть, пошлет нам свои последние лучи.

Я поделился своими опасениями с капитаном Немо.

- Вы правы, господин Аронакс, – сказал он. – Если завтра мне не удастся определить высоту солнца,

то эту операцию придется отложить на шесть месяцев. Но если завтра в полдень солнце выглянет, мне будет особенно легко определить его высоту, потому что случай привел нас в эти моря накануне равноденствия.

– Ну и что же?

– Трудно определить с точностью высоту солнца, когда оно описывает удлиненную спираль. Показания приборов в таких случаях не всегда точны.

– Как же вы поступите завтра?

– Я воспользуюсь хронометром, – отвечал капитан Немо. – Ежели завтра, двадцать первого марта, в полдень солнечный диск, принимая во внимание преломление лучей, будет пересечен точно пополам линией горизонта, это будет означать, что мы находимся на самом Южном полюсе!

– Ах вот как! – сказал я. – Но все же определение таким способом нельзя считать математически точным, потому что наступление равноденствия не совпадает с полднем.

– Без сомнения, сударь, но ошибка будет в какой-нибудь сотне метров. Но это не имеет для нас никакого значения. Итак, до завтра!

Капитан Немо вернулся на борт. Мы бродили до пяти часов по берегу, наблюдали, беседовали, классифицировали. Ничего любопытного нам не удалось найти, если не считать яйца пингуина, примечательного своей величиной. Любитель редкостей не задумываясь дал бы за него тысячу франков. Окрашенное в синий цвет, исчерченное какими-то похожими на иероглифы знаками, оно представляло собой забавную редкость. Я вручил яйцо Конселю, и тот благополучно доставил его, как драгоценную китайскую вазу, на борт «Наутилуса».

Я поместил это редкостное яйцо в одну из витрин музея. Затем мы поужинали с большим аппетитом. На ужин была подана тюленья печенка, по вкусу напоминавшая свежее свиное сало. Поужинав, я лег спать, не забыв, как индусы, призвать на себя милость лучезарного светила.

На следующий день, 21 марта, в пять часов утра я поднялся на палубу. Капитан Немо был уже там.

– Погода немного проясняется, – сказал он. – Надежда есть. После завтрака сойдем на берег. Выберем удобный пункт для наблюдений.

Когда все было условлено, я пошел к Неду Ленду. Мне хотелось взять его с собой. Несмотря на уговоры, упрямый канадец отказался. Я заметил, что его хандра и раздражительность увеличиваются день ото дня. Впрочем, при данной ситуации меня не очень огорчило его упрямство. На берегу было слишком много тюленей, и не следовало подвергать напрасному искушению нашего неисправимого охотника!

Позавтракав, я поехал на берег. «Наутилус» за ночь прошел еще несколько миль. Он стоял теперь в открытом море, на расстоянии целой мили от берега, над которым господствовал горный пик, взметнувшийся в высоту четырехсот – пятисот метров. В шлюпке, кроме меня, находился капитан Немо, два человека из экипажа и несложные приборы: хронометр, зрительная труба и барометр.

В то время как мы плыли к берегу, нам встретилось множество китов, принадлежащих к трем основным видам, населяющим южные моря: обыкновенный, или гладкий кит-англичан, лишенный спинного плавника, кит-горбач, со складчатым брюхом, с широкими белесыми плавниками, напоминающими крылья, что, однако, не делает его пернатым, и финвал, коричневато-желтый, самый подвижный из китообразных. Это могучее животное слышно издали, когда оно выбрасывает в высоту столбы воздуха и пара, напоминающие клубы дыма. Целые стада млекопитающих резвились в спокойных водах, и я понял, что бассейн антарктического полюса служит убежищем китообразным, которых так безжалостно истребляют.

Я заметил также и длинные белесые цепочки сальп из оболочниковых и качавшихся на гребнях волн больших медуз.

В девять часов мы пристали к берегу. Небо прояснилось. Облака уносились на юг. Холодные воды сбросили с себя пелену тумана. Капитан Немо направился прямо к вершине горы, облюбованной им для своей обсерватории. Крутой подъем по острым обломкам лавы и пемзы, в атмосфере, пропитанной сернистыми испарениями из трещин в горах вулканического происхождения, был тягостен. И хотя капитан, казалось, отвык ходить по земле, он взбирался по самым отвесным скалам с ловкостью, которой позавидовал бы охотник за пиренейскими сернами. Я едва поспевал за ним.

Мы два часа взбирались на вершину горы по уступам скал из порфира и базальта. С той высоты, где мы стояли, взор обнимал открытое море по самую линию горизонта, резко обозначенную с северной стороны кромкой сплошных льдов. У наших ног расстилалась, ослепляя своей белизной, снежная равнина. А над нами сияла безоблачная лазурь небес! Как огненный шар, наполовину срезанный лезвием горизонта, на севере показался солнечный диск. Из водных глубин возникали сотни великолепных фонтанов. Вдали – «Наутилус», точно уснувший кит. А позади нас, к югу и востоку, – необозримая земля, хаотическое нагромождение скал и льдов!

Взобравшись на вершину горного пика, капитан Немо тщательно измерил с помощью барометра его высоту над уровнем моря, чтобы в дальнейшем на основании этих данных корректировать свои наблюдения.

Без четверти двенадцать солнце, которое мы видели лишь благодаря рефракции, выплыло из-за горизонта, как золотой диск, и бросило свои последние лучи на этот пустынный материк, на эти воды, которые не бороздило еще ни одно судно!

Капитан Немо, вооружившись зрительной трубой с зеркалом, исправляющим обман зрения при преломлении лучей, наблюдал светило, которое клонилось к горизонту, описывая по диагонали удлиненную дугу. Я держал хронометр. Сердце мое учащенно билось. Если момент, когда половина солнечного диска скроется за горизонтом, совпадет с полднем, значит, мы в самом полюсе!

– Полдень! – воскликнул я.

– Южный полюс! – торжественно сказал капитан Немо, передавая мне зрительную трубу.

Я взглянул: солнечный диск наполовину был срезан горизонтом.

Последние лучи солнца золотили вершину утеса, а ночные тени уже ложились на его склоны.

В эту минуту капитан Немо, положив руку на мое плечо, сказал:

– В тысяча шестисотом году голландец Герик, увлекаемый течениями и бурями, достиг шестьдесят четвертого градуса южной широты и открыл Южно-Шетландские острова. В тысяча семьсот семьдесят третьем году, семнадцатого января, знаменитый капитан Кук, следуя по тридцать восьмому меридиану, достиг шестьдесят седьмого градуса тридцать седьмой минуты широты, и в тысяча семьсот семьдесят четвертом году, тридцатого января, на сто девятом меридиане он достиг шестьдесят первого градуса пятнадцатой минуты широты. В тысяча восемьсот девятнадцатом году русский исследователь Беллинсгаузен находился на шестьдесят девятой параллели, а в тысяча восемьсот двадцать первом году – на шестьдесят шестой под сто одиннадцатым градусом западной долготы. В тысяча восемьсот двадцатом году англичанин Брансфилд дошел до шестьдесят пятого градуса. В том же году американец Морел, рассказы которого, впрочем, подлежат сомнению, поднимаясь по сорок второму меридиану, открыл свободное ото льдов море под семидесятым градусом четырнадцатой минутой широты. В тысяча восемьсот двадцать пятом году англичанин Поуэл из-за льдов не мог пройти далее шестьдесят второго

градуса. В том же году простой охотник за тюленями, англичанин Уэдл, поднялся до семьдесят второго градуса четырнадцатой минуты широты по тридцать пятому меридиану и до семьдесят четвертого градуса пятнадцатой минуты широты по тридцать шестому. В тысяча восемьсот двадцать девятом году англичанин Форстер, командир «Шантеклера», открыл антарктический материк под шестьдесят третьим градусом двадцать шестой минутой широты и под шестьдесят шестым градусом двадцать шестой минутой долготы. Первого февраля тысяча восемьсот тридцать первого года англичанин Биско открыл землю Эндерби под шестьдесят восьмым градусом пятидесятой минутой широты, пятого февраля тысяча восемьсот тридцать второго года землю Аделаиды под шестьдесят седьмым градусом широты и двадцать первого февраля землю Грэхем под шестьдесят четвертым градусом сорок пятой минутой широты. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году француз Дюмон-Дюрвиль, задержанный сплошными льдами под шестьдесят вторым градусом пятьдесят седьмой минутой широты, открыл землю Людовика-Филиппа; два года спустя, двадцать первого января, тот же Дюмон-Дюрвиль под шестьдесят шестым градусом тридцатой минутой открыл остров Адели, а через восемь дней под шестьдесят четвертым градусом сороковой минутой – берег Кларанс. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году англичанин Уилкс дошел до шестьдесят девятой параллели на сотом меридиане. В тысяча восемьсот тридцать девятом году англичанин Беллени открыл землю Сабрина на границе Полярного круга. Наконец, в тысяча восемьсот сорок втором году англичанин Джеймс Росс двенадцатого января, плавая на кораблях «Эребус» и «Террор», открыл землю Виктории под шестьдесят шестым градусом пятьдесят шестой минутой широты и сто семьдесят первым градусом седьмой минутой долготы; двадцать третьего числа того же месяца он дошел до семьдесят четвертой параллели, самой дальней точки, до которой до тех пор доходили; двадцать седьмого числа он находился под шестьдесят шестым градусом восьмой минутой; двадцать восьмого числа – под шестьдесят седьмым градусом тридцать второй минутой; второго февраля – под шестьдесят восьмым градусом четвертой минутой. В тысяча восемьсот сорок втором году он снова отправился в Антарктику, но не дошел далее семьдесят первого градуса широты. Я, капитан Немо, двадцать первого марта тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года дошел до Южного полюса, под девяностым градусом южной широты, и вступил во владение этой частью земного шара, равной одной шестой всех известных материков.

– От чьего имени, капитан?

– От моего собственного!

И с этими словами он развернул черный флаг с вышитой на нем золотой буквой «Н».

Затем, обращаясь к дневному светилу, бросавшему свой последний луч в морскую ширь, воскликнул:

– Прощай, солнце! Скройся, лучезарное светило! Уйди за пределы этих свободных вод, и пусть полярная ночь покроет мраком мои новые владения!

Глава пятнадцатая

СЛУЧАЙНАЯ ПОМЕХА ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

На следующий день, 22 марта, в шесть часов утра начались приготовления к отплытию. Последние проблески сумерек тонули во мраке ночи. Мороз крепчал. Поразительно ярко блистали звезды. В зените неба сверкала полярная звезда Антарктики – чудесный Южный Крест.

Термометр показывал двенадцать градусов мороза, а ветер, становясь свежее, больно пощипывал лицо. На свободном пространстве вод все больше накапливались льдины. Море было готово затянуться льдом. Множество черноватых пятен, разбросанных по его поверхности, указывало на скорое образование свежего льда. Видимо, бассейн Южного полюса, в течение шести зимних месяцев скованный льдом, был в это время совершенно недоступен. Что было делать китам при наступлении зимы? Несомненно, они, ныряя под торосы, отправлялись искать более удобных мест. Что же касается тюленей и моржей, привыкших жить в самых суровых условиях, то они оставались здесь, на ледяных побережьях. Эти животные обладают природной способностью проделывать в ледяных полях отдушины и не давать им замерзать. Если им надо подышать, они плывут к своим отдушинам, и когда птицы, гонимые холодом, улетают к северу, тюлени и моржи становятся единственными хозяевами на южнополярном континенте.

Между тем резервуары наполнились водой; «Наутилус» стал медленно опускаться. Достигнув глубины в тысячу футов, он остановился. Винт заработал, и «Наутилус» со скоростью пятнадцати миль в час двинулся прямо на север. К вечеру он уже плыл под огромным ледяным панцирем торосов. Окна в салоне были закрыты ставнями из осторожности, так как судно могло натолкнуться на случайную плавучую льдину. Поэтому весь этот день я провел, переписывая начисто свои заметки. Мой ум весь отдался воспоминаниям о полюсе. Мы наконец достигли этой недоступной точки, достигли благополучно, без утомления, точно наш плавучий вагон гладко катился по железнодорожным рельсам. И вот начался наш обратный путь. Готовит ли он для меня столько же удивительных вещей? Я думаю, что так оно и будет, поскольку запас подводных чудес неисчерпаем! Пять с половиной месяцев тому назад случай забросил нас на «Наутилус»; мы проплыли четырнадцать тысяч лье, покрыв за это время расстояние длиннее земного экватора; и сколько случайных приключений, и страшных и любопытных, делали волшебным наше путешествие: охота в подводных лесах у Креспо, счастливое избавление в проливе Торреса, коралловая гробница, ловля жемчуга у Цейлона, Аравийский туннель, санторинские огни, золотые запасы в бухте Виго, Атлантида, Южный полюс! Всю ночь эти воспоминания сменялись в моих грезах одно за другим и не давали покоя моему мозгу ни на одну минуту.

В три часа ночи я проснулся от какого-то страшного сотрясения. Я приподнялся на постели и стал прислушиваться, как вдруг меня отбросило на середину каюты. Ясно, что «Наутилус» на что-то натолкнулся и дал сильный крен. Опираясь руками на стенки проходов, я наконец добрался до салона, освещенного светящимся потолком. Вся мебель опрокинулась. По счастью, стеклянные шкафы, прочно прикрепленные своими основаниями к полу, остались на месте. Картины, висевшие по стенке правого борта, сместились по вертикальной линии и плотно прилегли к обоям, картины по стенке левого борта своими нижними краями отошли от обоев на целый фут. Следовательно, «Наутилус» лег на правый борт и в этом положении остался недвижим. Внутри корабля неясно слышались чьи-то голоса и шаги. Но капитан Немо не появлялся. В то мгновение, как я собирался выйти из гостиной, вошли Нед Ленд и Консель.

– Что случилось? – спросил я.

– А я хотел спросить об этом вас, – ответил Консель.

– Тысяча чертей! – воскликнул канадец. – Я-то знаю, что случилось! «Наутилус» на что-то натолкнулся и, судя по положению, в каком находится, едва ли выпутается из беды так легко, как выпутался в проливе Торреса.

– А всплыл ли он на поверхность моря? – спросил я.

– Нам это неизвестно, – ответил Консель.

– В этом нетрудно убедиться, – ответил я.

Я взглянул на манометр. К моему великому удивлению, он показывал глубину в триста шестьдесят метров.

– Что это значит? – воскликнул я.

– Надо спросить капитана Немо, – сказал Консель.

– А где его найти? – спросил Нед Ленд.

– Идемте со мной, – предложил я моим товарищам.

Мы вышли из салона. В библиотеке – никого. Я высказал предположение, что капитан Немо, вероятно, находится в кабине рулевого. Самое лучшее было подождать. Мы вернулись в салон. На все упреки и придирки канадца я молчал. Он имел полную свободу горячиться. Не отвечая канадцу, я предоставил ему излить свое плохое настроение сколько его душе угодно.

Так прошло минут двадцать; все это время мы старались уловить малейший звук внутри «Наутилуса», как вдруг вошел капитан Немо. По-видимому, он нас не замечал. Обычно бесстрастное его лицо на этот раз выражало определенную тревогу. Он молча взглянул на компас, на манометр, затем приложил палец к какой-то точке на карте полушарий в той его части, которая изображала Южный океан.

Я не хотел мешать ему. Но через несколько секунд, когда он обернулся ко мне, я воспользовался его же выражением, какое он употребил, когда мы находились в проливе Торреса, и спросил:

– Что это, капитан, случайная помеха?

– Нет, на этот раз несчастный случай, – ответил он.

– Тяжелый?

– Возможно.

– Опасность непосредственная?

– Нет.

– «Наутилус» сел на мель?

– Да.

– И это произошло вследствие...

– ...каприза природы, а не по вине людей. В нашем маневрировании не сделано ни одной ошибки, но не в наших силах помешать действию закона равновесия. Можно идти наперекор людским законам, но нельзя противиться законам природы.

Странную минуту выбрал капитан Немо для философских размышлений. В конце концов, его ответ не сказал мне ничего.

– Нельзя ли узнать, – спросил я, – какова причина несчастного случая?

– Огромная ледяная глыба – целая гора – перевернулась, – ответил капитан Немо. – Когда самое основание ледяных гор размывается более теплыми слоями воды или же разрушается последовательными ударами льдин друг о друга, то центр тяжести перемещается выше, в таком случае ледяная гора всей массой перевертывается вверх основанием. Вот это и случилось. Одна из таких ледяных глыб опрокинулась и ударила по «Наутилусу», который стоял на месте под водой. Затем она скользнула по его корпусу, с непреодолимой силой приподняла его, вытеснила кверху, в менее плотный слой воды, где «Наутилус» и лежит, накренившись набок.

– А разве нельзя освободить «Наутилус», выкачав воду из резервуаров, чтобы привести его в равновесие?

– Это и делается. Вы можете слышать, как действуют насосы. Взгляните на стрелку манометра. Она показывает, что «Наутилус» поднимается, но вместе с ним поднимается и ледяная глыба, а до тех пор, пока какое-нибудь препятствие не остановит ее движение вверх, наше положение останется таким же.

И в самом деле, «Наутилус» все время имел крен на правый борт. Конечно, если бы ледяная глыба остановилась, то «Наутилус» принял бы нормальное положение. Но можно ли было ручаться за то, что мы сейчас не натолкнемся на верхний слой торосов и не будем сдавлены между двумя поверхностями ледяных массивов? Я задумался над возможными последствиями такого положения. Капитан Немо продолжал наблюдать за манометром. С того момента, как ледяная глыба обрушилась, «Наутилус» поднялся футов на сто пятьдесят, но сохранил все тот же угол наклона по отношению к линии перпендикуляра.

Вдруг почувствовалось легкое движение корпуса. Видимо, «Наутилус» начал мало-помалу выпрямляться. Предметы, висевшие на стенах салона, заметно стали принимать более нормальное положение, а плоскости стен приближаться к вертикали. Никто из нас не произнес ни слова.

С волнением в сердце мы видели, мы чувствовали, как выпрямлялся «Наутилус». Пол принимал все больше горизонтальное положение. Прошло десять минут.

– Наконец мы стоим прямо! – воскликнул я.

– Да, – сказал капитан Немо, направляясь к двери салона.

– А всплывем ли мы на поверхность? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Как только резервуары освободятся от воды, «Наутилус» поднимется на поверхность моря.

Капитан вышел, и вскоре я увидел, как по его приказанию подъем прекратился. И это было правильно: «Наутилус» мог бы скоро удариться о нижнюю часть торосов, поэтому было лучше держать его в слое воды между верхним и нижним льдом.

– Удачно выкрутились! – заметил Консель.

– Да. Нас могло раздавить между двумя ледяными глыбами или по меньшей мере затереть. В таком случае возобновить запас воздуха было бы невозможно, а тогда... Да, мы выкрутились удачно.

– Если это еще конец! – пробурчал Нед Ленд.

Я не хотел затевать бесполезный спор с канадцем и не ответил. В это время раздвинулись ставни, и сквозь стекла окон ворвался наружный свет.

Как я и говорил, мы находились среди воды, но по обе стороны, всего в десяти метрах, вздымались ледяные стены. Сверху и снизу такая же стена. Наверху расстилалась гигантским потолком нижняя поверхность ледяных торосов; внизу перекувырнувшаяся глыба, проскальзывая вверх, нашла наконец в

боковых стенках две точки опоры, которые и задержали ее в этом положении. «Наутилус» оказался заключенным в ледяном туннеле шириной около двадцати метров и наполненном спокойной водой; он мог легко выйти из него, двинувшись вперед или назад, а затем, погрузившись на несколько сот метров глубже, найти свободный проход под ледяным пологом. Светящийся потолок потух, но тем не менее салон весь сиял от окружающего сосредоточенного света. Благодаря способности отражать свет ледяные стены с огромной силой отбрасывали внутрь туннеля лучи от прожектора «Наутилуса». Я не в силах описать световые эффекты вольтовой дуги на этих прихотливо высеченных глыбах, где каждый угол, каждый гребень, каждая плоскость отбрасывали особый свет в зависимости от характера трещин, прорезывавших лед. Это был ослепительный рудник различных самоцветов, где сапфиры сливали свои синие лучи с зелеными лучами изумрудов. Опаловые тона невыразимой нежности ложились то там, то здесь среди пламенеющих точек, настоящих, огнем горевших бриллиантов такого блеска, что они слепили глаза. Сила света от прожектора возросла в сто раз, подобно свету лампы сквозь чечевицы стекол маяка.

– Какая красота! Какая красота! – воскликнул Консель.

– Да, – сказал я, – изумительное зрелище.

– Да, тысяча чертей! – ответил Нед Ленд. – Это превосходно! Я взбешен, что вынужден признаться в этом. Это невиданно. Но это зрелище может обойтись нам дорого. А уж если говорить все, как есть, так мы посмотрим на такие вещи, какие бог воспретил людям видеть!

Нед был прав. Все было чересчур красиво. Вдруг Консель вскрикнул, и я невольно обернулся.

– Что такое? – спросил я.

– Закройте глаза! Не смотрите!

И, говоря это, Консель закрыл ладонями свои глаза.

– Но что с тобой, милый мальчик?

– Я перестал видеть, я ослеп!

Помимо моей воли я перенес взгляд на стеклянную поверхность окна и не мог вынести ее огненного блеска.

Я понял, что произошло. «Наутилус» двинулся вперед, развивая большую скорость. Все вокруг – поверхности и точки ледяных стен, до сих пор спокойно мерцавшие, превратились в полосы, сверкавшие как молния. Мириады ледяных бриллиантов сливались в огненное месиво. «Наутилус» благодаря силе своего винта неся в окружении молний!

Стеклянные окна в салоне закрылись, но мы стояли, прикрыв ладонями глаза, еще наполненные бликами концентрированного света, какие плавают перед сетчатой оболочкой глаза, чересчур сильно раздраженной лучами солнца. Требовалось некоторое время, чтобы вернуть глазам нарушенную способность видеть.

Наконец мы опустили руки.

– Честное слово, я бы не поверил, – сказал Консель.

– А я и сейчас еще не верю! – отвечал канадец.

– Когда мы вернемся на землю, избалованные зрелищем таких чудес природы, – продолжал Консель, – что мы будем думать о наших жалких континентах и ничтожных произведениях человеческих рук? Нет! Мир, обитаемый людьми, достоин нас.

Такие речи в устах бесстрастного фламандца свидетельствовали о высокой степени нашего восторга.

Но и тут канадец не преминул плеснуть на нас холодной водой.

– «Мир, обитаемый людьми!» – повторил он, качая головой. – Не беспокойтесь, Консель, в него мы не вернемся.

Пробило пять часов утра. В это мгновение «Наутилус» ударился обо что-то носом. Я сообразил, что он натолкнулся на ледяную глыбу. Наверное, это был результат ошибки в маневрировании, вполне возможной, поскольку подводный туннель, загроможденный льдами, представлял собой нелегкий путь для плавания. Я подумал, что капитан Немо, изменяя направление, будет огибать такие препятствия, пользуясь извилинами туннеля. Во всяком случае, не мог же наш путь быть пересечен непреодолимой преградой. Тем не менее вопреки моим суждениям «Наутилус» дал задний ход.

– Неужели мы движемся назад? – спросил Консель.

– Да, – ответил я, – наверное, в этом направлении туннель не имеет выхода.

– Что же тогда делать?

– А тогда все будет очень просто. Мы вернемся обратно и выйдем через южный выход. Вот и все!

Говоря так, я постарался иметь вид человека, более уверенного в успехе, чем был на самом деле. Между тем «Наутилус» все ускорял обратный ход и, продолжая действовать контрвинтом, уносил нас назад с большой скоростью.

– Это уже задержка, – сказал Нед.

– На несколько часов раньше или позже, какое это имеет значение? – ответил я. – Лишь бы выйти!

Несколько минут я прохаживался из салона в библиотеку и обратно. Вскоре я сел на диван, взял книгу и начал механически пробежать глазами ее страницы.

Прошло четверть часа. Ко мне подошел Консель и спросил:

– Интересную книгу вы читаете?

– Очень интересную, – ответил я.

– Конечно. Ведь это книга господина профессора.

– Разве?

Действительно, в моих руках была книга «Тайны морских глубин». Я даже не подозревал об этом. Я закрыл книгу и снова принялся за свою прогулку. Нед и Консель встали, собираясь уходить.

– Подождите, – сказал я, желая удержать их. – Побудем вместе, пока не выберемся из этого тупика.

– Как вам будет угодно, – отвечал Консель.

Прошло уже несколько часов. Я часто поглядывал на приборы, висевшие на стене в салоне. Судя по манометру, «Наутилус» держался все время на глубине трехсот метров; компас неизменно указывал направление на юг, а лаг крутился со скоростью двадцати миль в час – скорость чрезмерная в таком узком пространстве. Но капитан Немо знал, что никакая поспешность не будет лишней, что теперь минуты имели значение веков.

В восемь часов двадцать пять минут произошло второе столкновение, на этот раз удар пришелся по корме. Я побледнел. Мои товарищи подошли ко мне. Я сжал руку Конселя. Мы переглянулись, задавая вопрос друг другу только взглядом, но более выразительно, чем если бы мы передали словами нашу мысль.

В эту минуту появился капитан. Я подошел к нему и спросил:

– Путь загорожен и на юг?

– Да. Ледяная глыба, перевернувшись, загородила последний выход.

– Мы заперты?

– Да.

Глава шестнадцатая

НЕДОСТАТОК ВОЗДУХА

Итак, вверху, внизу, со всех сторон «Наутилус» окружен непроницаемой стеной льда. Мы стали пленниками ледяных торосов! Канадец стукнул по столу своим громадным кулаком. Консель молчал, а я смотрел на капитана. Лицо его стало по-прежнему бесстрастным. Он стоял сложив руки на груди. Он что-то обдумывал. «Наутилус» не двигался.

– Господа, – произнес он, – в том положении, в каком находимся мы, бывает два рода смерти.

Этот непонятный человек имел вид профессора математики, доказывающего теорему своим ученикам.

– Первый – быть раздавленными. Второй – умереть от недостатка воздуха. О возможности умереть с голоду я не говорю, так как запасы продовольствия на «Наутилусе» наверняка переживут нас. Поэтому рассмотрим только две возможности – расплющиться или задохнуться.

– Что касается возможности задохнуться, – сказал я, – то этого бояться нет оснований, поскольку мы имеем воздушные резервуары, наполненные свежим воздухом.

– Верно, – ответил капитан, – но их хватит только на два дня. Уже тридцать шесть часов, как мы погружены в воду, воздух в «Наутилусе» становится тяжелым и требует возобновления. В течение двух суток запас свежего воздуха будет исчерпан.

– Так что же, капитан, давайте освободим себя раньше двух суток.

– Во всяком случае, будем пытаться это сделать, пробивая окружающую нас стену.

– В какую сторону?

– Это покажет зонд. Я посажу «Наутилус» на нижнюю стенку, а мои люди, одетые в скафандры, пробьют ледяной покров в наименее толстой его части.

– А нельзя ли раскрыть ставни в салоне?

– Теперь это безопасно. Мы не находимся в движении.

Капитан Немо вышел. Шипящие звуки дали нам знать, что в резервуары пустили воду. «Наутилус» стал тихо погружаться – до той глубины, на какую погрузился нижний ледяной пласт, – и осел на ледяное дно на глубине в триста пятьдесят метров.

– Друзья мои, – сказал я, – положение тяжелое, но я рассчитываю на ваше мужество и вашу энергию.

– Конечно, – ответил мне канадец, – сейчас не такое время, чтобы я стал надоедать вам своими жалобами или вопросами. Я готов сделать все для общего спасения.

– Отлично, Нед, – сказал я, протягивая канадцу руку.

– Добавлю еще вот что, – продолжал он, – я ловко владею и киркой и гарпуном, и если я могу быть полезным капитану, то я в его распоряжении.

Я проводил канадца в помещение, где люди из экипажа «Наутилуса» надевали на себя скафандры. Я сообщил капитану предложение канадца, и он его, конечно, принял. Канадец быстро облекся в подводный костюм и был готов одновременно со своими товарищами по работе. Каждый из них нес за спиной аппарат Рукейроля, снабженный резервуарами с большим запасом чистого воздуха. Это был значительный, но

необходимый заем из воздушных запасов «Наутилуса». Что касается до ламп Румкорфа, то они были не нужны в этих водах, светящихся в лучах электрического света.

Как только Нед переоделся, я вернулся в салон, где ставни были уже открыты, и, став рядом с Конселем, начал рассматривать окружающие льды, на которых держался «Наутилус».

Через несколько минут мы увидели, как двенадцать человек экипажа вышли на лед и среди них – Нед, хорошо заметный своим высоким ростом. Их сопровождал капитан Немо.

Раньше чем долбить стены, он распорядился прощупать их зондами и таким образом обеспечить нужное направление работ. Длинные зонды стали врезаться в боковые стены туннеля; но, пройдя пятнадцать метров, они застряли в толще другой стены. Направлять свои усилия против верхнего пласта было бесполезно, поскольку он представлял собой нагромождение торосов вышиной более четырехсот метров. Капитан Немо распорядился прозондировать нижний пласт. Оказалось, что здесь нас отделяло от воды только десять метров, составлявших толщу этого ледяного поля. Теперь работа сводилась лишь к тому, чтобы высечь в нем кусок, по своей площади равный площади «Наутилуса». Следовательно, для того чтобы мы могли опуститься ниже ледяного поля, необходимо было продолбить в нем соответственной величины отверстие, а для этого надо было вынуть около шести тысяч пятисот кубических метров льда.

Немедленно же приступили к этой работе и продолжали ее с неиссякаемой настойчивостью. Вместо того чтобы долбить лед вокруг самого «Наутилуса», что очень затруднило бы работу, капитан Немо распорядился наметить огромную круглую канаву, отступя на восемь метров от левого борта «Наутилуса». После этого все двенадцать человек одновременно стали бурить канаву в нескольких точках по ее окружности. В скором времени заработали кирки, мощно проникая в компактную массу льда и откалывая от нее большие глыбы. В силу меньшего удельного веса эти глыбы как бы взлетали под верхний свод туннеля, вследствие чего он начал утолщаться сверху настолько же, насколько становился тоньше снизу. Но это не имело значения, раз нижний слой делался в такой же мере тоньше.

После двух часов напряженной работы Нед измучился и вернулся в салон. Его вместе с товарищами по работе сменили свежие работники; к ним присоединились я и Консель. Нами руководил помощник капитана. Вода мне показалась особенно холодной, но вскоре я согрелся, работая киркой. Движения мои были вполне свободны, хотя производились при внешнем давлении в тридцать атмосфер. Проработав два часа и вернувшись в салон, чтобы перекусить и немного отдохнуть, я почувствовал большую разницу между потоком чистого воздуха, поступавшего ко мне в аппарат Рукейроля, и атмосферой в «Наутилусе», где уже накопился углекислый газ. В течение двух суток воздух не возобновлялся, и его животворные качества значительно понизились. А между тем за двенадцать часов работы мы сняли с намеченной поверхности пласт только в один метр толщиной, иначе говоря, около шестисот кубических метров льда. Допустим, что каждые двенадцать часов будет выполняться такая же работа, тогда понадобится еще четыре дня и пять ночей, чтобы довести дело до желаемого конца.

– Четыре дня и пять ночей! – сказал я своим товарищам. – А запас воздуха в резервуарах только на два дня.

– Не считая того, – добавил Нед Ленд, – что когда мы выйдем из этой проклятой тюрьмы, мы еще останемся в заключении под торосами без всякой связи с наружным воздухом.

Соображение правильное. Кто мог сказать заранее, сколько тогда понадобится времени для нашего освобождения? Не задохнемся ли мы раньше, чем «Наутилус» сможет вернуться на поверхность моря? Не суждено ли ему со всем его содержимым быть погребенным в этой ледяной могиле? Опасность казалась грозной. Но все смотрели прямо ей в глаза, и все решились исполнить долг свой до конца.

Как я и предполагал, за ночь удалось снять еще один метр со дна огромной выемки. Но на следующее

утро, облекшись в свой скафандр и похажив в этой плотной жидкости, имевшей температуру шесть-семь градусов ниже нуля,^[107] я заметил, что боковые стены начали постепенно сближаться. Слои воды, более отдаленные от выемки, начинали замерзать. При наличии этой новой и непосредственной опасности что станется с нашими надеждами на спасение? Чем воспрепятствовать превращению жидкой среды в твердую, грозившую раздавить, как стеклышко, стенки «Наутилуса»?

Я уже не стал говорить об этой новой опасности своим товарищам. Зачем было испытывать людей и, может быть, лишить их той энергии, какую проявляли они в тяжелой работе для общего спасения? Но, вернувшись на борт, я тотчас сообщил капитану Немо об этом важном осложнении.

– Знаю, – ответил он своим спокойным тоном, который не менялся ни при каких стечениях обстоятельств, хотя бы самых страшных. – Да, это еще одна опасность, но я не вижу средства устранить ее. Единственная возможность для нашего спасения – это действовать быстрее. Нам надо дойти первыми. Вот и все.

Дойти первыми! Уж мне бы следовало привыкнуть к его манере разговора. За этот день я проработал несколько часов киркой с большим упорством. Эта работа поддерживала во мне бодрость. К тому же работать – это значило выходить из «Наутилуса», дышать чистым воздухом, взятым из резервуаров корабля и поступавшим ко мне через аппараты снаряжения; это значило расстаться с удушливой и вредной атмосферой в «Наутилусе».

К вечеру был вынут еще один метр с окружности всей выемки. Когда я возвратился на борт, я чуть не задохнулся от углекислого газа, которым был насыщен воздух в «Наутилусе». Ах, почему в нашем распоряжении нет химического средства поглотить этот тлетворный газ! В самом кислороде не было недостатка. Он находился, и в большом количестве, во всей окружающей нас воде, и, выделенный при помощи наших мощных батарей, он мог восстановить животворные свойства атмосферы в «Наутилусе». Я об этом думал, но напрасно, поскольку углекислый газ выделялся нашим собственным дыханием и заполнял собой весь корабль. Чтобы поглощать этот газ, надо было наполнять сосуды едким калием и непрерывно их трясти. Но этого вещества не было на корабле, а заменить его нельзя ничем.

В этот вечер капитану Немо пришлось открыть краны из резервуаров и впустить несколько струй чистого воздуха внутрь «Наутилуса». Без этой меры мы, пожалуй, не проснулись бы совсем.

На следующий день, 26 марта, я вышел работать и принялся за пятый метр. Боковые стены и нижняя часть торосов стали заметно толще. Было очевидно, что они сойдутся раньше, чем «Наутилус» освободится. На одну минуту я впал в отчаяние. Кирка едва не выпала из моих рук. Какой имело смысл долбить лед, если мне суждено задохнуться или быть расплюснутым этой водой, превращавшейся в камень, – подвергнуться казни, какой еще не выдумали даже самые жестокие дикари! Мне казалось, что я нахожусь в разверстой пасти какого-то чудовища, готового сжать свои страшные челюсти.

В эту минуту капитан Немо, работавший вместе с нами, прошел мимо меня. Я тронул его за руку и показал на стены нашей тюрьмы. Стена с правого борта отстояла не больше четырех метров от корпуса «Наутилуса».

Капитан понял меня и сделал мне знак последовать за ним. Мы вернулись на борт. Сняв свой скафандр, я вслед за капитаном прошел в салон.

– Господин Аронакс, – сказал он, – надо пойти на героическое средство, иначе эта вода, превращаясь в твердое тело, охватит нас как цемент.

– Да, но как быть? – ответил я.

– Ах, если бы мой «Наутилус» был так крепок, чтобы выдержать это давление и остаться целым!

– Что же тогда? – спросил я, не уловив мысли капитана.

– Разве вы не понимаете, что тогда бы оледенение воды нам только помогло? Разве вы не видите, что само превращение этой воды в лед разорвало бы ледяные поля, которые нас окружают, так же как оно рвет самые твердые породы камней? Разве вам непонятно, что оно станет средством нашего спасения, а не средством нашего уничтожения?

– Возможно, капитан. Но как бы ни была велика сила сопротивления «Наутилуса», он не выдержит такого чудовищного давления и расплывется в лист железа.

– Знаю. Следовательно, мы должны надеяться не на помощь природы, а на нас самих. Надо воспрепятствовать замерзанию воды. Надо задержать этот процесс. Сближаются не только боковые стены, но спереди и сзади «Наутилуса» осталось не больше десяти футов воды. Оледенение захватывает нас со всех сторон.

– Сколько времени резервуары «Наутилуса» дадут возможность дышать здесь внутри?

Капитан взглянул прямо мне в лицо и сказал:

– Послезавтра резервуары будут пусты.

По всему телу у меня выступил холодный пот. А вместе с тем разве должен был удивить меня такой ответ? 22 марта «Наутилус» окунулся в свободные воды полюса. Сейчас у нас 26 марта. В течение пяти суток мы жили за счет запаса воздуха в резервуарах «Наутилуса». Тот запас годного воздуха, который еще остался, необходимо было сохранить для работников. Все эти обстоятельства запечатлелись во мне так ярко, что в ту минуту, как я записываю их, невольный ужас охватывает мою душу, и мне все кажется, что моим легким не хватает воздуха.

А между тем капитан Немо что-то обдумывал, молча и не двигаясь с места. Судя по выражению его лица, какая-то мысль мелькнула в его уме. Но, видимо, он ее отверг. Покачивая головой, он сам себе ответил отрицательно. Наконец одно слово вырвалось из его уст.

– Кипяток! – прошептал Немо.

– Кипяток? – воскликнул я.

– Да. Мы заключены в пространстве, сравнительно ограниченном. Если насосы «Наутилуса» будут все время выбрасывать струи горячей воды, разве температура окружающей нас среды не поднимется и не задержит процесс оледенения?

– Надо попробовать, – решительно ответил я.

– Давайте пробовать, господин профессор.

Наружный термометр показывал семь градусов ниже нуля. Капитан Немо провел меня в отделение камбуза, где действовали объемистые дистилляционные аппараты для добывания питьевой воды путем выпаривания. Их накачали водой, и все тепло от электрических батарей направилось в змеевики, погруженные в воду. Через несколько минут вода нагрелась до ста градусов. Ее переключили в насосы, а на ее место поступила свежая вода. Тепло от электрических батарей было настолько велико, что холодная вода прямо из моря, только пройдя сквозь аппараты, поступала в насосы уже в виде кипятка. Через три часа после накачивания кипятка внешний термометр показывал шесть градусов ниже нуля. Получился выигрыш в один градус. Еще через два часа термометр показывал уже четыре.

– Мы победим, – сказал я капитану, после того как убедился в успехе принятых мер и сам дал несколько полезных советов.

– И я так думаю, – ответил капитан. – Нас не раздавит. Остается одна опасность – задохнуться.

За ночь температура воды поднялась до одного градуса ниже нуля. Накачивание горячей воды уже не могло поднять температуру выше. Но так как оледенение морской воды происходит при температуре минус два градуса, я наконец успокоился – угроза замерзания воды отпала.

На следующий день, 27 марта, были вынуты шесть метров льда. Осталось вырубить еще четыре метра. На это нужно еще сорок восемь часов работы. Следовательно, обновлять воздух в «Наутилусе» было невозможно. За этот день наше положение делалось все хуже.

Невыносимая тяжесть в теле угнетала меня. К трем часам вечера чувство тоски достигло предельной силы. От постоянной зевоты сводило челюсти. Легкие судорожно искали свежую струю, необходимую для нашего дыхания, а воздух все больше разрежался. Я чувствовал полное моральное оцепенение. В изнеможении я лег пластом, почти что без сознания.

Мой милый Консель, испытывая те же болезненные симптомы, страдая теми же страданиями, все же не покидал меня. Он брал меня за руку, подбадривал, и я расслышал, как он шептал себе:

– Ах, если бы я мог перестать дышать, чтобы оставить больше воздуха для господина профессора.

Слезы навертывались мне на глаза, когда я слышал этот шепот.

Но если положение нас всех, находящихся внутри корабля, стало невыносимым, зато с какой радостью, с какой поспешностью надевали мы скафандры, чтобы идти работать в наш черед. Бодро стучали кирки по ледяному пласту. Уставали плечи, обдирались руки, но что значила усталость, какое было дело нам до ссадин, – животворный воздух вливался в наши легкие! Мы дышали! Дышали! И все-таки ни один человек не продолжал своей работы под водой больше назначенного срока. Как только кончался срок работы, каждый передавал свой резервуар товарищам, чтобы влить в них жизнь. Капитан сам подавал этому пример и первый подчинялся суровой дисциплине. Бил урочный час, и капитан, отдав свой аппарат другому, возвращался в отравленную атмосферу корабля, всегда спокойный, никакой расслабленности, никаких жалоб.

За этот день обычная работа велась с особым напряжением. Со всей поверхности осталось вынуть лишь два метра. Только два метра отделяли нас от моря, свободного ото льда. Но резервуары с воздухом были почти пусты. То небольшое, что еще осталось, необходимо было сохранить для работавших людей. Ни одного атома для «Наутилуса»!

Когда я вернулся на борт, я уже совсем задыхался. Какая ночь! Я этого не в силах описать. Таких страданий описывать нельзя... На следующее утро стало предельно тяжело дышать. К головной боли присоединились одуряющие головокружения, от которых я был похож на пьяного. Мои товарищи испытывали те же самые страдания. Несколько человек из экипажа только хрипели.

Сегодня, на шестой день нашего пленения, капитан Немо, полагая, что кирки и ломы являются средством слишком медленным, решил проломить ледяной пласт, еще отделявший нас от водяной поверхности моря, иным способом. Он неизменно сохранял и свое хладнокровие и свою энергию, нравственной силой он подавлял физические страдания. Он думал, комбинировал и действовал.

По его приказанию корабль приподняли с ледяного слоя, облегчив его и изменив этим центр его тяжести. Когда «Наутилус» всплыл, его подтянули канатами с таким расчетом, чтобы он стал точно над огромной выемкой, сделанной по очертанию его ватерлинии. Как только резервуары достаточно наполнились водой, «Наутилус» опустился и вклинился в прорубленную выемку. К этому моменту весь экипаж вошел в корабль и запер двойную дверь внешнего сообщения. «Наутилус» лежал на ледяном пласте толщиной в один метр, продырявленном во множестве мест зондами.

В то же время краны резервуаров были открыты до отказа, и в них хлынули сто кубических метров

воды, увеличив вес «Наутилуса» на сто тысяч килограммов.

Мы ждали, слушали, даже забыв свои страдания. Делалась последняя ставка на спасение.

Несмотря на шум в голове, я вскоре услышал какое-то потрескивание под корпусом «Наутилуса». Происходило смещение поверхности пласта. Наконец лед треснул со странным шумом, похожим на разрыв листа бумаги, и «Наутилус» начал опускаться.

– Прошли! – шепнул мне на ухо Консель.

Я был не в силах отвечать, я только схватил его руку и непроизвольным, конвульсивным движением стал ее сжимать.

«Наутилус», под действием своей огромной тяжести, стал врезаться в воду, как ядро, иначе говоря, стал падать точно в пустоту. Сейчас же всю электрическую энергию переключили на насосы, чтобы выкачивать воду резервуаров. Через несколько минут падение затормозилось. А вскоре манометр показал уже восходящее движение судна. Винт заработал с такой скоростью, что железный корпус весь дрожал вплоть до заклепок, и мы понеслись на север.

Но сколько же времени продлится наше плавание под торосами, пока мы не достигнем свободного пространства океана? Еще день? Но я до этого умру.

Полулежа на диване в библиотеке, я задыхался. Лицо мое сделалось лиловым, губы – синими, наступало полное функциональное расстройство. Сознание времени исчезло. Мускулы потеряли способность сокращаться. Не могу сказать, сколько часов длилось такое состояние. Я только сознавал, что это начало агонии. Я понимал, что умираю...

Вдруг я пришел в себя. Несколько глотков чистого воздуха проникли в мои легкие. Неужели мы всплыли на поверхность моря? Неужели мы прошли торосы?

Нет! Это мои милые друзья, Нед и Консель, пожертвовали собой, чтобы спасти меня, отдав мне несколько молекул воздуха, оставшихся в одном из аппаратов! Вместо того чтобы вдохнуть в себя, они их сохранили для меня и, сами задыхаясь, вливали капля по капле в меня жизнь. Я хотел оттолкнуть аппарат, но они схватили меня за руки, и в течение нескольких минут я с наслаждением дышал.

Я перевел взгляд на часы; они показывали одиннадцать часов дня. Значит, наступило 28 марта, «Наутилус» шел со страшной скоростью – сорок миль в час. Он точно ввинчивался в море.

Где же капитан Немо? Неужели он погиб? Неужели вместе с ним умерли и его товарищи?

Судя по показаниям манометра, мы находились всего в двадцати футах от поверхности. Простое ледяное поле нас отделяло от воздуха земли. Разве нельзя его пробить? Может быть! Во всяком случае, «Наутилус» намеревался это сделать, я это чувствовал: он принял наклонное положение, опустив корму и приподняв кверху бивень. Для этого достаточно было впустить воду определенным образом и тем нарушить обычную точку равновесия. Затем, сделав разгон всей мощностью своего винта, он ринулся на ледяное поле снизу, подобно гигантскому тарану. Он стал долбить его мало-помалу, то отплывая, то вновь бросаясь на ледяное поле, которое все больше трескалось, и, наконец, последним броском «Наутилус» пробился на оледенелую поверхность моря и продавил ее своей тяжестью.

Стеклянные окна раскрылись, можно сказать – разверзлись, и волны морского воздуха стали вливаться в «Наутилус».

Глава семнадцатая

ОТ МЫСА ГОРН ДО АМАЗОНКИ

Как я очутился на палубе, я не знаю. Может быть, перенес меня туда канадец. Так или иначе, но я дышал. Я втягивал в себя животворящий воздух моря. Рядом со мной мои товарищи упивались его освежающими молекулами. Несчастливым, долго голодавшим людям нельзя набрасываться на первую предложенную пищу. Нам же, наоборот, не надо было сдерживать себя, мы могли всей силой своих легких вдыхать атомы морского воздуха, а морской бриз сам собой вливал в нас этот сладостный, пьянящий воздух.

– Ах, кислород, какое это благо! – говорил Консель. – Теперь, господин Аронакс, не бойтесь наслаждаться им. Здесь хватит его на всех.

Нед Ленд не произносил ни слова, а только раскрывал свой рот, но так, что даже акуле сделалось бы страшно. А какой у него могучий вдох! В легких канадца была такая «тяга», как в хорошо растопленной печи.

К нам быстро возвращались наши силы, и когда я огляделся, я увидел, что на палубе были только мы. Никого из экипажа. Даже капитана Немо. Странные моряки «Наутилуса» удовлетворялись тем воздухом, который циркулировал внутри самого судна. Ни один не вышел насладиться вольным воздухом.

Первые произнесенные мной слова были словами благодарности двум моим товарищам. За долгие часы нашей агонии Консель и Нед поддерживали во мне жизнь. Никакой благодарностью нельзя было отплатить за их преданность.

– Ладно уж, господин профессор, не стоит и говорить об этом! – ответил мне Нед Ленд. – В чем же тут заслуга? Никакой. Это простая арифметика. Ваша жизнь дороже нашей. Стало быть, ее и надо сохранить.

– Неверно, Нед, – ответил я. – Нет никого выше человека доброго и благородной души, а вы – такой!

– Ладно, ладно! – повторял смущенный канадец.

– И ты, мой милый Консель, ты тоже очень страдал.

– Да нет, не очень. Говоря правду, мне, конечно, не хватало немного воздуха, но, по-моему, я к этому был приспособлен. Кроме того, я видел, что господин профессор теряет сознание, а от этого у меня пропадало желание дышать. Как говорится, у меня в зобу спирало дыхание...

Консель, чувствуя, что запутался в общих рассуждениях, замолк.

– Друзья мои, – ответил я, глубоко тронутый, – теперь навеки мы связаны друг с другом, и по отношению ко мне вы имеете полное право...

– Которым я воспользуюсь, – прервал меня канадец.

– Эге! – произнес Консель.

– Да, – продолжал Нед Ленд, – правом взять вас с собой, когда я брошу этот дьявольский «Наутилус».

– В самом деле, – сказал Консель, – разве мы не идем в хорошую сторону?

– Да, – ответил я, – мы идем к солнцу, а здесь солнце – это север.

– Все так, – заметил канадец, – но вопрос в том, пойдём ли мы в Атлантический или в Тихий океан, иными словами, в море, часто посещаемое кораблями или безлюдное.

На это я не мог ответить, я сам побаивался, что капитан Немо поведет нас в тот великий океан, который омывает берега Америки и Азии. Этим он закончит свое подводное кругосветное плавание и вернется в те моря, где «Наутилус» будет находиться в полной независимости. А если мы вернемся в Тихий океан, далеко от обитаемой земли, что станется с планами Неда Ленда?

Но в скором времени мы будем точно осведомлены в этом отношении. «Наутилус» шел большим ходом. Мы быстро пересекли Южный полярный круг и держали курс на мыс Горн. 31 марта в семь часов вечера мы были на траверсе южной оконечности Америки.

К этому времени все наши прошлые страдания были забыты. Воспоминания о нашем заключении во льдах мало-помалу ступали в нашей памяти. Мы думали только о будущем. Капитан Немо не появлялся ни на палубе, ни в салоне. Ежедневные отметки на карте полушария, которые делал помощник капитана, давали мне возможность точно следить за курсом «Наутилуса». И вечером того же дня выяснилось, к моему глубокому удовлетворению, что мы возвращаемся на север по Атлантическому океану.

Я сообщил канадцу и Конселью результат своих наблюдений.

– Хорошая новость, – заметил канадец, – но куда пойдет «Наутилус»?

– Этого, Нед, сказать я не могу.

– Уж не вздумает ли капитан после Южного полюса попасть на Северный, а потом вернуться в Тихий океан через пресловутый Северо-Западный проход?

– За него не поручишься, – ответил Консель.

– Ну и пусть его, – сказал канадец, – мы улепетнем от него раньше.

– Во всяком случае, – добавил Консель, – капитан Немо – человек, какой надо, и мы не пожалеем, что свели с ним знакомство.

– Особенно когда мы с ним расстанемся! – заметил Нед Ленд.

На следующий день, 1 апреля, за несколько минут до двенадцати часов, когда «Наутилус» всплыл на поверхность, мы заметили на западе берег. Это была Огненная Земля, прозванная так первыми мореплавателями, которые увидели на ней множество дымок, поднимавшихся над хижинами туземцев. Огненная Земля представляет собой скопление островов, раскинутых на пространстве тридцати лье в длину и двадцати четырех в ширину, между пятьдесят третьим и пятьдесят шестым градусами южной широты и шестьдесят седьмым градусом пятидесятой минутой и семьдесят седьмым градусом пятнадцатой минутой западной долготы. Берег мне показался низким, но вдали высились большие горы. По-моему, я даже различил среди них гору Сармиенто, достигающую высоты 2070 метров над уровнем моря, – это пирамидальная глыба из сланцевых пород, с очень острой вершиной, которая в зависимости от того, закрыта ли она облаками или нет, предсказывает, как сообщил мне Нед Ленд, плохую или хорошую погоду.

– Отличный барометр, мой друг, – заметил я.

– Да, барометр природный, он не обманул меня ни разу, когда я плавал по Магелланову проливу.

В это время пик Сармиенто отчетливо вырисовался на фоне неба. Это предсказывало хорошую погоду, что и подтвердилось.

«Наутилус», погрузившись в воду, приблизился к берегу, но шел вдоль него только несколько миль.

Сквозь стекла окон в салоне я видел длинные, похожие на лианы стебли гигантских представителей фукусовых водорослей, несущих грушевидные пузыри и представленных несколькими видами в

свободных водах Южного полюса; их клейкие гладкие стебли достигают трехсот метров в длину. Это настоящие веревки толщиной в большой палец, очень крепкие; они нередко служат вместо причальных канатов для небольших судов. Другой вид травы, под названием вельпы, с листьями длиной в четыре фута, покрытыми коралловидными наростами, устилал морское дно. Он служил пищей и местом скопления мириадов ракообразных, моллюсков, крабов, каракатиц. Среди них пиршествовали тюлени и морские выдры, соединяя на английский манер рыбу с зеленью.

По этим исключительно плодовитым глубинам «Наутилус» плыл с предельной скоростью. К вечеру он уже приближался к Фолклендским островам, и на следующее утро я мог видеть горные вершины этих островов. Глубина моря была тут незначительна. Я полагал, и не без оснований, что два главных острова, окруженные многочисленными островами, когда-то образовывали часть Магеллановой земли. Фолклендские острова были открыты, вероятно, Джоном Девисом, который назвал их Южными островами Девиса. Позднее Ричард Хаукинс назвал их Майдэн-Айланд – островами Девы Марии. В начале XVIII века французские рыбаки из Сен-Мало называли их Малуинами, и, наконец, англичане, которым теперь принадлежат эти острова, дали им имя Фолкленд.

У их побережий наши сети захватили несколько интересных видов водорослей и среди них фукусов, корни которых были усеяны лучшими в мире ракушками. Дикие гуси и утки десятками слетались на побережье; они по заслугам заняли подобающее место в кухне «Наутилуса».

Что касается рыб, то я специально заинтересовался костистыми из группы бычков. В особенности меня привлек один вид бычка в двадцать сантиметров длиной, покрытый желтыми и беловатыми крапинами.

Я любовался многочисленными медузами и самыми красивыми из них – хризаорами, свойственными водам Фолклендских островов. Они имели форму то полусферического зонтика, совершенно гладкого с буро-красными полосками и обрамленного двенадцатью правильными фестонами, то форму корзинки, откуда изящно свешивались широкие листья и длинные красные веточки. Они плавали, гребя своими листовидными губными щупальцами и распуская по течению свою густую шевелюру из тонких краевых щупалец. Мне хотелось сохранить несколько образцов этих нежных зоофитов, которые, к сожалению, быстро разрушаются вне родной стихии.

Когда последние высоты Фолклендских островов скрылись за горизонтом, «Наутилус» ушел под воду на двадцать – двадцать пять метров и плыл вдоль берега Южной Америки. Капитан Немо не появлялся.

До 3 апреля мы еще плыли вдоль берегов Патагонии, то под водами океана, то на его поверхности. Наконец «Наутилус» пересек широкий лиман, образованный устьем Ла-Платы, и 4 апреля оказался на траверсе Уругвая, но на пятьдесят миль от него в открытом море. Следуя причудливым извилинам берега Южной Америки, он все время держался направления на север. Таким образом, с того времени, когда мы вступили на борт «Наутилуса» в Японском море, мы покрыли расстояние в шестнадцать тысяч лье.

К одиннадцати часам утра мы пересекли тропик Козерога у тридцать седьмого меридиана и прошли в открытом море мимо мыса Фрио. К великому неудовольствию Неда Ленда, капитану Немо, видимо, не нравилось соседство этих обитаемых берегов Бразилии, и потому он шел с головокружительной быстротой. Ни одна рыба, ни одна из самых быстролетных птиц не могла следовать за нами, и все, что было любопытного в этой части океана, ускользнуло от нас.

Такой быстрый ход держался несколько дней, и вечером 9 апреля мы увидели самую восточную точку Южной Америки, какую представляет собой мыс Сент-Рок. Но «Наутилус» опять ушел в другую сторону и направился в самые глубины подводной долины, образовавшейся между этим мысом и горной цепью Сьерра-Леоне на африканском берегу. На широте Антильских островов эта долина расходится в разные

стороны; к северу долина заканчивается огромной впадиной в девять тысяч метров глубиной. Геологический срез в этом месте океана до малых Антильских островов представляет собой отвесную скалу в шесть километров вышиной, а на широте островов Зеленого Мыса высится другая, не менее почтенная стена, и здесь, в морских глубинах, меж этих двух скалистых стен, затонул целый материк – Атлантида. На дне огромной морской долины вздымаются несколько гор, придающих живописный вид ее подводным глубинам. Я говорю об этом, руководясь главным образом картами в библиотеке «Наутилуса», которые вычерчены, видимо, рукой капитана Немо и основаны на его личных наблюдениях.

В течение двух дней мы бороздили эти пустынные глубины, пользуясь нашей системой наклонных плоскостей, благодаря которым «Наутилус» мог держать курс по длинным диагоналям на любую высоту. Но 11 апреля судно вдруг поднялось прямо вверх, и мы увидели побережье огромной лагуны, образованной впадением Амазонки, которая изливает в море такое количество воды, что море опресняется на пространстве многих миль.

Мы пересекли экватор. В двадцати милях к западу от нас осталась французская Гвиана, где мы легко могли бы найти себе убежище. Но бушевал ветер, и яростные волны не дали бы достичь ее на утлой лодке. Нед Ленд это понимал и не заговаривал о бегстве. Я, со своей стороны, ни одним словом не намекнул на его планы, опасаясь вызвать какую-нибудь попытку, которая заведомо была обречена на неудачу.

Я вполне вознаградил себя за эту задержку интересной научной работой. Последние два дня, 11 и 12 апреля, «Наутилус» не погружался, и его шлюпка привозила чудесный улов всяких зоофитов, рыб и рептилий. Некоторые зоофиты были выловлены шлюпочным канатом. Большею частью это были красивые фикталины одного из семейства актиний, и среди других видов – *rhystalis protexta*, свойственная только этой части океана; она имеет вид коротенького цилиндрика, украшенного продольными линиями и красными точечками, а сверху увенчанного чудесным букетиком из щупалец. Что касается улова моллюсков, то он состоял из видов, которые я уже наблюдал, – турителлы, оливы, порфиры с правильно перекрещивающимися линиями и с рыжими крапинками, ярко выступающими на телесном фоне; фантастические птероцеры, похожие на окаменелых скорпионов; прозрачные хиалы, аргонавты и превосходные для еды каракатицы, а также несколько видов кальмаров, которых древние натуралисты причисляли к летающим рыбам и которые служат главной насадкой при ловле трески.

Среди рыб, обитающих у этих берегов, я отметил несколько различных видов, которых я еще не имел случая наблюдать. В подклассе хрящевых: угревидные миноги-прикка длиной пятнадцать дюймов, с зеленоватой головой, фиолетовыми плавниками, серо-голубой спиной, серебристо-бурым брюхом, усеянным яркими крапинами, и с золотистой радужиной вокруг глаз – животное очень интересное, вероятно, занесенное в море течением Амазонки, так как, вообще говоря, живет в пресных водах; затем бугорчатые скаты с острой мордой и длинным, гибким хвостом, который вооружен длинным зазубренным шипом; затем маленькие акулы в метр длиной, покрытые серой и беловатой кожей, – у них зубы расположены в несколько рядов и загнуты внутрь; затем рыба – летучая мышь, похожая на красноватый равнобедренный треугольник, в полметра длиной, грудные плавники у нее в виде мясистых лопастей, что делает ее похожей на летучих мышей, этих рыб называют также морскими единорогами по той причине, что у них около ноздрей есть роговой нарост; наконец, несколько видов балистов-спиногогов, бока которых, покрытые мелкими точечками, сверкали ярким золотистым цветом, и, наконец, каприски светло-лилового цвета с переливчатыми оттенками, как на груди у голубя.

Свое несколько сухое, но точное описание я закончу рядом костистых рыб, каких я наблюдал: пассаны из рода аптеронотов, имеющие тупую морду снежно-белого цвета, черное тело красивого оттенка и длинный, очень подвижный мясистый хвост; одонтагнаты – колючие сардины в тридцать сантиметров длиной, отливающие ярким серебристым блеском; скомбры-гары с двумя анальными плавниками;

контронаты-негры черноватой окраски, которых ловят при свете факелов, – это рыбы длиной до двух метров, с белым жирным, но плотным мясом; жаренные в свежем виде, они имеют вкус угрей, а сушеные – вкус копченой семги; затем светло-красные губаны, одетые чешуей только у основания спинных и анальных плавников; хризоптеры, у которых золотистая и серебристая окраска переходит в цвета рубина и топаза; золотохвостые морские караси с очень нежным мясом, обладающие способностью испускать фосфорический свет, что и выдает их присутствие в воде; оранжевые спары-пробы с тонким языком; горбыли с золотистыми хвостами; черноватые рыбы-хирурги, суринамские четырехглазые рыбы-анаблепсы и прочие.

Впрочем, выражение «прочие» не может удержать меня от упоминания еще одной рыбы, которую будет долго помнить Консель, и не без причины.

В один из наших неводов попал очень плоский скат такой формы, что если ему обрубить хвост, то получится правильной диск; вес – двадцать килограммов, окраска – снизу белая, сверху красноватая с большими круглыми темно-синими пятнами в черном ободке, кожа – гладкая, задняя часть оканчивается двухлопастным плавником. Когда его положили на палубу, он бился, стараясь судорожными движениями тела перевернуться, и благодаря этим усилиям он чуть было не соскользнул в море, но Консель, дороживший добытой им рыбой, бросился к нему и, прежде чем я успел удержать его, схватил ската обеими руками. В то же мгновение Консель, наполовину парализованный, упал вверх ногами, крикнув мне:

– Профессор! Профессор! Помогите! – Впервые бедный юноша назвал меня просто – профессор.

Мы с канадцем его подняли и растерли руками, а когда этот неисправимый классификатор пришел в себя, то дрожащим голосом забормотал:

– Класс хрящевых, отряд хрящеперых, с неподвижными жабрами, подотряд акулообразных, семейство скатов, род – электрический скат.

– Да, мой друг, это электрический скат, он-то и причинил тебе большую неприятность.

– О господин профессор, можете мне поверить, я отомщу этому животному.

– Каким образом?

– Я его съем.

Он так и сделал в тот же вечер, но только в порядке наказания, потому что, говоря откровенно, мясо было твердо, как подошва.

Бедняга Консель пострадал от самого опасного вида скатов – куманы. В таком хорошем проводнике, как вода, это своеобразное животное поражает рыб на расстоянии нескольких метров – такова сила разряда его электрических органов, из коих два основных имеют площадь не менее двадцати семи квадратных футов.

На следующий день, 12 апреля, «Наутилус» подошел к нидерландской Гвиане, недалеко от устья реки Марони. Здесь находилось несколько групп ламантинов. Ламантины, как дюгони и стеллерова корова, – тоже морские коровы и принадлежат к отряду сирен. Эти красивые мирные и безобидные животные длиной шесть-семь метров достигают веса до четырех тысяч килограммов. Я сообщил Неду Ленду и Конселю, что прозорливая природа отвела этим животным важную роль. Так же, как тюленям, им приходится пастись на подводных морских лугах, и таким образом они уничтожают скопления трав, которые заносят устья тропических рек.

– А знаете ли вы, – добавил я, – что происходит с той поры, как человек почти уничтожил эти полезные виды животных? Теперь скопления трав гниют и заражают воздух, а зараженный воздух

вызывает желтую лихорадку, которая является бичом этой удивительной страны. Ядовитая гниющая растительность накопилась в этих морских водах жаркого пояса, и лихорадка гуляет беспрепятственно от устья Рио-де-ла-Плата до Флоридского пролива.

Если верить Туссенлю, этот бич еще ничто сравнительно с тем бедствием, какое постигнет наших потомков, когда человек истребит всех тюленей и китов; тогда морские воды будут захвачены полчищами кальмаров, медуз, спрутов и станут огромными очагами всяких инфекций, потому что не будет тех обладателей «объемистых желудков, которым повелел сам бог бороздить поверхность моря».

Тем не менее экипаж «Наутилуса», хотя и не относился с пренебрежением к этой теории, все же добыл штук шесть морских коров. Для кухни было действительно необходимо запастись свежим мясом, к тому же превосходным, гораздо лучше говядины и телятины. Эта охота не представляла интереса. Морские коровы давали убивать себя не защищаясь. Несколько тысяч килограммов их мяса, предназначенного для сушки, попали в склады «Наутилуса». Здешние морские воды обладали таким количеством всякой «дичины», что в тот же день своеобразная по своему способу ловля еще больше пополнила запасы «Наутилуса». Шлюпка захватила в свои сети некоторое количество рыб, у которых голова заканчивается овальной пластинкой с мясистыми краями. Это были рыбы-прилипалы из третьего семейства мягкоперых. Их овальный диск состоит из подвижных поперечных хрящевых пластинок, а рыба обладает способностью образовывать между ними пустоту, что позволяет ей присасываться к предметам наподобие кровососной банки.

Ремора, которую я наблюдал в Средиземном море, принадлежит к тому же роду. Но та, о которой идет речь теперь, – это особая рыба-прилипала, свойственная лишь здешним водам. Наши моряки, вылавливая этих рыб, тут же опускали их в чан с морской водой.

Когда лов закончился, «Наутилус» подошел ближе к берегу. Здесь несколько морских черепах предавались сну, плавая на поверхности воды. Захватить такую интересную рептилию трудно, – их будит малейший шум, а крепкий панцирь противостоит даже гарпуну. Но при помощи рыб-прилипал можно ловить этих черепах с полным успехом. Действительно, прилипала представляет собой как бы живой крючок, который осчастливил бы простоватого рыбака.

Моряки «Наутилуса» привязали к хвосту этих рыб колечко, достаточно широкое, чтобы не стеснять их движений, а к колечку – длинную веревку, зачалив другой ее конец за борт лодки.

Выброшенные в море, рыбы-прилипалы сейчас же приступили к своей «охоте», подплыли к черепахам и присосались к их панцирям, причем цепкость этих рыб настолько велика, что они скорее разорвутся, чем отпустят свою добычу. Затем их подтянули к борту, а вместе с ними и тех черепах, к которым они присосались.

Таким способом поймали нескольких какуан длиной в целый метр и весом в двести килограммов. Их щит, покрытый крупными роговыми пластинами, тонкими, прозрачными, бурого цвета, с белыми и желтыми крапинами, представляет большую ценность. Вдобавок морские черепахи ценны и со съедобной точки зрения, так же как и обычные черепахи, очень тонкие на вкус.

Этой ловлей закончилось наше пребывание у берегов в районе Амазонки, и той же ночью «Наутилус» вышел в открытое море.

Глава восемнадцатая

СПРУТЫ

В течение нескольких дней «Наутилус» неизменно отдалялся от американских берегов. Он явно не хотел заплывать в воды Мексиканского залива или Антильских островов. Но и без этого под его килем было вполне достаточно воды, так как средняя глубина моря в этих местах имеет тысячу восемьсот метров. Но здешние воды, усеянные островами и посещаемые пароходами, не нравились капитану Немо.

Шестнадцатого апреля мы познакомились с Гваделупой и Мартиникой, но на расстоянии около тридцати миль. Их высокие горные пики я увидел лишь на одну минуту. Канадец, который рассчитывал привести в исполнение свое намерение в Мексиканском заливе, либо достигнув земли, либо подплыв к одному из многочисленных судов, совершавших каботажные рейсы между островами, был весьма расстроен. Наше бегство могло вполне осуществиться, если бы Неду Ленду удалось завладеть лодкой потихоньку от капитана Немо. Но теперь в открытом океане нечего было об этом и думать.

Канадец, Консель и я имели по этому поводу достаточно долгий разговор. Уже полгода мы были пленниками на «Наутилусе». За это время мы прошли семнадцать тысяч лье, и, как говорил канадец, конца нашему плаванию не предвидится. Он кончил тем, что потребовал от меня в последний раз спросить капитана Немо, уж не намерен ли он нас держать у себя до бесконечности?

Подобный шаг был мне не по душе. На мой взгляд, он не мог достичь цели. От командира «Наутилуса» ждать было нечего, а все зависело от нас самих. К тому же с некоторого времени капитан Немо становился все более мрачным, отчужденным и необщительным. Он явно избегал меня. Бывало, он с удовольствием давал мне объяснения о разных подводных чудесах; теперь он оставлял меня работать в одиночестве и перестал бывать в салоне.

Какая произошла в нем перемена? Что стало этому причиной? Я не мог упрекнуть себя ни в чем. Может быть, его тяготило наше присутствие на «Наутилусе»? А вместе с тем у меня не было надежды на то, чтобы человек такого склада мог нам вернуть свободу.

Вот почему я и просил канадца дать мне время все обдумать, прежде чем перейти к действию. В случае если бы мое выступление не имело никакого результата, оно могло возбудить подозрение у капитана, ухудшить наше положение и повредить планам самого канадца. Добавлю еще то, что ссылаясь в этом вопросе на здоровье я уже никак не мог. Если исключить жестокое испытание в торосах Южного полюса, то мы – Консель, Нед и я – никогда еще не чувствовали себя так хорошо. Здоровая пища, благодатный воздух, упорядоченная жизнь, ровная температура исключали возможность заболевания, и я хорошо понимал все преимущества подобного образа жизни для человека, отбросившего без всяких сожалений воспоминания о земле, в особенности для такого, как капитан Немо, который находится здесь у себя дома, плывет, куда ему угодно, и своими таинственными для других, но хорошо ему известными путями стремится к своей цели. Но мы не рвали связей с человечеством. Говоря о себе, я не хотел бы уносить с собой в могилу мои работы, такие любопытные и новые. Как раз теперь я имел право написать настоящую книгу о море, и я хочу, чтобы эта книга, лучше раньше, чем позже, вышла в свет.

Вот хотя бы здесь, в водах Антильских островов, всего в десяти метрах от поверхности, сколько интересных произведений природы я мог отметить, глядя сквозь открытые окна в салоне!

Среди других зоофитов были и сифонофоры-физалии, известные под названием «военных португальских корабликов», вроде продолговатых пузырей с перламутровым отливом, которые плавают,

подставив ветру свои мембраны и распустив по воде синие щупальца, похожие на шелковые нити; чарующие взор медузы, которые при прикосновении испускают едкую жидкость, обжигающую, как крапива; среди кольчатых червей-аннелид длиной до полутора метров, снабженных розовым хоботом и тысячами семействами двигательных органов, параподий, которые извиваются в воде и светятся всеми цветами радуги. В разряде рыб – малабарские скаты, огромные представители хрящевых рыб длиной до десяти футов и весом до шестисот фунтов, с треугольными грудными плавниками, горбатой спиной и с глазами, укрепленными в задней части головы.

Тут были и американские баллисты, которым природа отпустила только черную и белую краску, и длинноперые бычки, продолговатые, мясистые, с желтыми плавниками, с выдающейся челюстью, макрели в сто шестьдесят сантиметров, с короткими острыми зубами, покрытые мелкой чешуей и принадлежащие к альбакорам, барабули полосатые, от головы до хвоста опоясанные золотыми полосками, носились стайками, быстро шевеля сверкающими плавниками. Эти ювелирные произведения природы были когда-то посвящены Диане и особенно ценились римскими богачами, державшимися поговорки: «Лови их, но не ешь!» Золотистые помаканты, украшенные изумрудными полосками, одетые в шелк и бархат, проходили перед нашими глазами, как богатые синьоры на картинах Веронезе; шпорцовые спары убегали от нас, быстро работая грудными плавниками; клюпонодоны, величиной в пятнадцать дюймов, окутывали себя фосфоресцирующим светом; кефали хлестали по воде толстыми мясистыми хвостами; красные корегонусы как будто косили волны отточенными грудными плавниками, а серебристые силены (из ставрид), достойные своего названия, поднимались над гладкой поверхностью воды, сияя беловатым светом, как маленькие луны.

Сколько еще новых, чудесных видов я мог бы увидеть, если бы «Наутилус» не стал уходить в глубинные слои! Пользуясь системой своих наклонных плоскостей, он постепенно опустился на глубину двух-трех тысяч метров. Здесь животная жизнь оказалась представленной только анкринами, морскими звездами, прелестными пентакринами с головой медузы, с маленькой чашечкой на прямом стебле; троки, кровавые кенотты и фиссурелы – большой вид береговых моллюсков.

Двадцатого апреля мы поднялись на тысячу пятьсот метров. Наиболее близкой к нам землей оказался Лукайский архипелаг – группа островов, разбросанных по поверхности океана, как кучки мостового камня. А в глубине вод высились подводные большие скалы, представляя собой отвесные стены из размытых глыб, лежавших высокими слоями, между которыми образовались такие углубления, что электрические лучи «Наутилуса» не достигали до их дна. Сами скалы были устланы густой растительностью – гигантскими ламинариями, бесконечно длинными фукусами: подлинными шпалеры из водолюбов, достойных титанического мира.

Рассуждая об этих колоссальных растениях, мы – Нед, Консель и я, – естественно, перешли к гигантским морским животным. Одни из них, очевидно, предназначались на съедение другим. Но среди этих длинных волокон я заметил лишь несколько членистых представителей животных из группы короткохвостых, длиннопалых ламбр, лиловатых крабов и клисов, свойственных морским водам Антильских островов.

Было около одиннадцати часов дня, когда Нед Ленд обратил мое внимание на то, что среди огромных водорослей шевелилось, видимо, какое-то жуткое животное.

– Да, – сказал я, – здесь много пещер, удобных для спрутов, и я нисколько не удивлюсь, если увижу здесь этих чудищ.

– Какие же это чудища, – удивился Консель, – простые кальмары из отряда головоногих?

– Нет, – ответил я, – это большие спруты. Но наш друг Ленд, видимо, ошибся, я ничего не замечаю.

– Жаль, – заметил Консель. – Хотелось бы мне встретиться лицом к лицу с одним из этих спрутов, о которых рассказывают, будто они способны утащить в морскую бездну целый корабль. Этих животных зовут у нас крак...

– «Крак» – и капут! – иронически ответил канадец.

– Кракены, – закончил слово Консель, не обращая внимания на шутку своего товарища.

– Никогда я не поверю, – сказал Нед Ленд, – что подобные животные существуют на свете.

– Почему же нет? – спросил Консель. – Мы же поверили в нарвала господина профессора.

– И ошиблись.

– Конечно, но возможно, что многие в него верят до сих пор.

– Вообще говоря, это правдоподобно, – ответил я Конселю, – но я лично решил поверить в существование таких чудовищ только тогда, когда их вскрыю собственной рукой.

– Значит, сам господин профессор не верит в существование гигантских спрутов? – спросил меня Консель.

– А кой черт в них поверит! – воскликнул Нед.

– Многие, друг мой Нед.

– Только не рыбаки! Ученые – возможно!

– Простите, Нед, и рыбаки и ученые!

– Но я-то уж, – заговорил Консель с самым серьезным видом, – своими собственными глазами видел, как один головоногий своими щупальцами утащил под воду большое судно.

– И вы сами это видели? – спросил канадец.

– Да, Нед.

– Собственными глазами?

– Собственными глазами.

– Где же, будьте любезны?

– В Сен-Мало, – невозмутимо отвечал Консель.

– В гавани? – насмешливо спросил канадец.

– Нет, в церкви, – ответил Консель.

– В церкви! – воскликнул Нед.

– Да, друг мой Нед. Такой спрут был изображен там на стене.

– Здорово! – воскликнул Нед, заливаясь хохотом. – Господин Консель строит из меня дурака.

– Нет, формально он прав, – сказал я. – Я слышал об этой картине, но сюжет ее взят из легенды, а вы знаете, чего стоят легенды из области естественной истории! В особенности же когда дело касается чудовищ, воображению нет пределов. Не только верили, что спруты могут потопить корабль, но известный Олаф Великий рассказывает о спруте величиной в целую милю, походившем не на животное, а на остров. Рассказывают даже такой случай. Однажды епископ Нидросский вздумал отслужить обедню на одной громадной скале. Когда обедня кончилась, скала поплыла, а потом нырнула в море; оказалось, что это не скала, а спрут.

– И это все? – спросил канадец.

– Нет, – ответил я. – Другой епископ, Понтопидам Бергенский, тоже рассказывает о спруте, на котором мог бы производить учение целый эскадрон кавалерии.

– Здоровы были врать эти древние епископы! – заметил Нед Ленд.

– Наконец, античные натуралисты упоминают чудовища такой величины, что у них пасть – целый залив, а сами они не могли бы пройти в Гибралтарский пролив.

– И слава богу! – заметил канадец.

– Но что есть истинного во всех этих рассказах? – спросил Консель.

– Ничего, – ответил я, – ничего, кроме того, что они переходят границы правдоподобия и превращаются в миф или легенду. Тем не менее для игры воображения рассказчиков нужно какое-нибудь основание или предлог. Нельзя отрицать того, что среди спрутов и кальмаров есть виды очень больших размеров, но, конечно, меньше, чем китообразные. Наши рыбаки нередко видят спрутов длиной более метра восьмидесяти сантиметров. В музее Триеста и Монпелье хранятся скелеты спрутов величиной в два метра. К тому же, по расчетам натуралистов, такое животное, длиной даже только в шесть футов, должно иметь щупальца в двадцать семь метров длиной. А этого уже достаточно, чтобы оно стало страшным.

– А ловятся ли такие в наше время? – спросил канадец.

– Если и не ловятся, то моряки видят их часто. Один из моих друзей, капитан Голь Бос из Гавра, не один раз уверял меня, что видел в Индийском океане этих чудовищ огромного размера. Но самый поразительный случай, не допускающий сомнений в существовании гигантских спрутов, произошел несколько лет тому назад, в тысяча восемьсот шестьдесят первом году.

– Что это за случай? – спросил Нед Ленд.

– А вот какой. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году к северо-западу от Teneriffa, приблизительно на той же широте, на которой находимся сейчас и мы, экипаж разведочного судна «Алектон» заметил чудовищного кальмара, плившего на их пути. Командир Буге подплыл к животному и атаковал его гарпунами и ружейными выстрелами, но безуспешно, так как и гарпуны и пули проникали сквозь мягкое тело кальмара, как сквозь студенистую массу. После нескольких бесплодных попыток экипаж накинул мертвую петлю на тело этого моллюска. Петля скользнула по телу до хвостовых плавников и тут же захлестнулась. Тогда пробовали подтянуть чудовище на борт, но его вес был так велик, что веревка перетерла хвост, и кальмар, лишившись этого украшения, ушел в воду.

– Наконец хоть один факт, – сказал Нед Ленд.

– Факт бесспорный, мой дорогой Нед, настолько, что было предложено назвать этот вид спрута «кальмар Буге».

– А какова его длина? – спросил канадец.

– Не шесть ли метров приблизительно? – спросил Консель, стоя у окна и снова приглядываясь к углублениям в скале.

– Совершенно верно, – ответил я.

– А не было ли, – продолжал Консель, – на голове его восьми щупалец, которые ворошились на воде, словно змеиный выводок?

– Верно.

– А не было ли у него посередине головы глаз, притом больших размеров?

– Да, Консель.

– А его челюсти не имели ли большого сходства с клювом попугая? Только это клюв огромный?

– Вполне точно, Консель.

– Так вот, если угодно господину профессору, – спокойно ответил Консель, – не есть ли вон тот кальмар – кальмар Буге или по крайней мере его брат?

Я посмотрел на Конселя, а Нед Ленд бросился к окну.

– Жуткая скотина! – крикнул Нед.

Я тоже взглянул в окно и невольно отшатнулся. На моих глазах двигалось страшное чудовище, достойное играть роль в животном эпосе.

Это был кальмар колоссальных размеров, длиной в восемь метров. Он плыл задом наперед, с громадной скоростью прямо на «Наутилус», глядя на нас серо-зелеными неподвижными глазами. Восемь рук или, вернее, ног, посаженных на голове, что и дало этим животным название головоногих, были вдвое длиннее тела и все время извивались, как волосы у фурий. Отчетливо виднелись двести пятьдесят присосок, расположенных на внутренней стороне щупалец в виде полукруглых капсул. Временами присоски касались оконных стекол, пустели и присасывались к ним. Челюсти чудовища, в виде рогового клюва такой же формы, как у попугая, все время открывались и закрывались. Язык из рогового вещества, тоже снабженный острыми зубами в несколько рядов, содрогался, высовываясь из этого страшного рта. Какая фантазия природы! Дать птичий клюв моллюску! Веретенообразное тело, раздутое посередине, представляло собой мясистую массу весом в двадцать – двадцать пять тысяч килограммов. Непостоянная окраска, менявшаяся с необычайной быстротой в зависимости от степени раздражения животного, переходила из серо-свинцового оттенка в красно-бурый.

Что раздражало так моллюска? Несомненно, присутствие «Наутилуса», более огромного, чем он, а также то, что ни его щупальца-присоски, ни челюсти не могли ничего поделать. И все-таки какое это чудовище – подобный спрут! Какую мощь вложил творец в его движения, какую жизненную силу, дав ему трехкамерное сердце!

Только неожиданный случай свел меня с таким кальмаром, и я не хотел упустить возможности старательно изучить этого представителя головоногих. Я превозмог ужас, вызванный его видом, взял карандаш и начал зарисовывать.

– Может быть, это тот же, что попался «Алектону»? – сказал Консель.

– Нет, – отвечал канадец, – этот целый, а тот потерял хвост.

– Это не довод, – возразил я. – Щупальца и хвост у этих животных способны к восстановлению, а за семь лет кальмар Буге успел, конечно, нажать себе и новый хвост.

– Ну, коль не тот, так вот из этих! – ответил Нед.

В самом деле, у правого окна появились еще кальмары. Я насчитал их семь. Они сопровождали «Наутилус». Я слышал, как лязгали их клювы по железной обшивке судна. Мы были удовлетворены сполна.

Я продолжал свою работу. Чудовища с такой точностью держались нашего курса, что казались неподвижными, я мог бы рисовать их в уменьшенном виде прямо на оконном стекле. К тому же мы шли умеренной скоростью.

Вдруг «Наутилус» остановился, и весь его остов содрогнулся.

– Неужели мы на что-нибудь наткнулись? – спросил я.

– Во всяком случае, мы уже выпутались, – ответил канадец, – потому что мы стоим в чистой воде.

«Наутилус» стоял действительно в чистой воде, но на одном месте. Лопастей его винта не работали. Прошла минута. В салон вошел капитан Немо и с ним его помощник.

Я не видел капитана уже несколько дней. Он показался мне мрачным. Не разговаривая с нами, а может быть, не видя нас, он подошел к окну, посмотрел на спрутов и сказал несколько слов своему помощнику. Помощник вышел. Сейчас же створы задвинулись. Потолок засветился.

Я подошел к капитану.

– Интересная коллекция спрутов, – сказал я развязным тоном любителя, смотревшего сквозь хрустальное стекло аквариума.

– Да, господин натуралист, – ответил он, – и сейчас мы будем биться с ними врукопашную.

Я растерянно посмотрел на капитана. Я думал, что я его не понял.

– Врукопашную? – повторил я вопросительно.

– Да. Винт остановился. Полагаю, что роговые челюсти одного из кальмаров завязли в его лопастях. Это обстоятельство мешает нам идти.

– Что же вы собираетесь делать?

– Подняться на поверхность и перебить всю эту мерзость.

– Это трудно.

– Верно. Электрические пули недействительны против мягкой массы их тела, где они не находят достаточного сопротивления, чтобы разорваться. Но мы их атакуем топорами.

– И гарпуном, капитан, – добавил канадец, – если вы не отказываетесь от моей помощи.

– Согласен, мистер Ленд.

– Мы тоже вам поможем, – сказал я, и вместе с капитаном мы прошли к центральной лестнице.

Там уже стояли человек двенадцать с абордажными топорами в руках, готовые для нападения. Канадец схватил гарпун, а мы с Конселем – топоры. К этому времени «Наутилус» уже выплыл на поверхность. Один из моряков начал отвинчивать гайки. Едва они отвинтились, крышка люка поднялась с необычайной силой, видимо, притянутая присосками какого-нибудь спрута. Тотчас же длинное щупальце скользнуло, как змея, в отверстие трапа, а еще двадцать извивалось сверху. Капитан Немо одним ударом топора отсек страшное щупальце, и оно упало на лестницу, извиваясь по ее ступенькам.

Пока мы протискивались на палубу, два других щупальца прорезали воздух, обрушились на моряка, стоявшего впереди капитана Немо, и подняли его в воздух с непреодолимой силой.

Капитан вскрикнул и бросился наружу. Мы кинулись за ним.

Какое зрелище! Схваченный щупальцами и прилипший к их присоскам, бедняга болтался в воздухе по прихоти огромного хобота. Он задыхался и хрипел, крича: «Помогите! Помогите!» Эти слова, произнесенные на французском языке, меня ошеломили. На борту был мой соотечественник, а может быть, и не один! Этот раздирающий душу крик я буду слышать всю мою жизнь!

Бедняга погибал... Кто мог бы его вырвать из этого мощного объятия? Но капитан Немо набросился на спрута и отрубил ему другое щупальце. Его помощник яростно дрался с другими чудовищами, которые всползли на боковые стены «Наутилуса». Экипаж боролся с ними, пустив в ход топоры. Канадец, Консель и я всаживали наше оружие в мясистую массу спрутов. Сильный запах мускуса наполнил воздух. Все было

ужасно!..

Одну минуту мне казалось, что бедняга, обвитый хоботом, будет освобожден от могучего действия присосок. Из восьми щупалец было отрублено уже семь. Одно, оставшееся, еще взвивалось в воздухе, потрясая своей жертвой, как перышком. Но в то мгновение, когда капитан Немо и его помощник накинулись на спрута, он выбросил струю черноватой жидкости из особого мешка у анального отверстия. Мы сразу все ослепли. Когда же черное облако рассеялось, то кальмар исчез, а вместе с ним и мой несчастный соотечественник!

С какой яростью накинулись мы на чудовищ! Все были вне себя! Десять или двенадцать спрутов захватили палубу и боковые стены «Наутилуса». Мы оказались среди обрубков змей, извивавшихся в потоках крови и черной жидкости. Казалось, эти липкие щупальца вновь нарождались, подобно головам гидры. Нед Ленд метил своим гарпуном в серо-зеленые глаза чудовищ и каждым ударом выкалывал по глазу. Случилось, однако, так, что мой храбрый товарищ не успел увернуться, и щупальца одного чудовища сбили его с ног.

Не знаю, как не разорвалось у меня сердце от волнения! Страшный клюв уже раскрылся над канадцем. Я кинулся на помощь. Но капитан Немо обогнал меня. Его топор скрылся в огромной пасти спрута; чудом спасенный канадец вскочил на ноги и вонзил весь свой гарпун до трехкамерного сердца спрута.

– Я был обязан отплатить! – сказал канадцу капитан Немо.

Вместо ответа Нед Ленд только поклонился.

Бой длился четверть часа. Побежденные чудовища, убитые и искалеченные, наконец уступили поле битвы и скрылись под водой.

Капитан Немо, залитый кровью, стоял недвижно у прожектора, глядя на море, поглотившее его товарища, и слезы текли у него из глаз.

Глава девятнадцатая

ГОЛЬФСТРИМ

Никто из нас не мог забыть ужасное событие 20 апреля. Я описал его, переживая еще сильное волнение. Свой рассказ я перечитал сам, а затем прочел его Конселю и канадцу. Они нашли, что в передаче самого факта рассказ точен, но, недостаточно эффектен. Для описания такой картины надо иметь перо знаменитого нашего поэта, автора «Тружеников моря».

Я говорил, что капитан Немо плакал, смотря на море. Горе его было безгранично. Со времени нашего пребывания на «Наутилусе» погибал уже второй его товарищ. И какая смерть! Раздавленный, задушенный, исковерканный страшными щупальцами, измолотый железными челюстями, этот друг не будет покоиться среди своих товарищей в мирных водах коралловой гробницы...

Что касается меня, мое сердце разрывалось от крика отчаяния, вылетевшего в разгаре этой битвы из уст того бедняги. Несчастный француз, забыв воспринятый диалект, снова обрел язык родной земли и своей матери для последнего, напрасного призыва! Итак, в числе товарищей капитана Немо, преданных ему душой и телом, так же, как он, бежавших от общения с людьми, находился мой соотечественник! Один ли представлял он Францию в этом таинственном сообществе, видимо состоявшем из людей различных наций?

Вот одна из неразрешимых проблем, все время возникавших в моем уме.

Капитан Немо вернулся к себе. Некоторое время я больше не видел его. Но какую грусть, отчаяние, нерешительность он должен бы испытывать наедине с самим собой, если судить по поведению судна, где капитан Немо был душой, ибо его душевное состояние сказывалось и на корабле. «Наутилус» то шел вперед, то возвращался, он перестал держаться определенного направления, плывал по воле волн, точно труп. Винт был очищен, но почти бездействовал. Капитан Немо вел судно по наитию. Он был не в силах расстаться с местом последнего сражения, с морем, что поглотило его друга...

Так протекли десять дней. Наконец, 1 мая, «Наутилус» решительно взял прежний курс на север, пройдя в виду Лукайских островов у Багамского пролива. Мы плыли по течению самой большой морской реки со своими собственными берегами, рыбами и температурой. Я говорю о Гольфстриме.

Это настоящая река, но течет она среди Атлантического океана. Вода в ней тоже соленая и даже солонее окружающего моря. Средняя глубина ее три тысячи футов, а средняя ширина – шестьдесят миль. В некоторых местах скорость течения достигает четырех километров в час. Неизменность объема ее воды значительно больше, чем у всех рек земного шара.

Подлинный источник Гольфстрима, исследованного командиром Мори, или, если хотите, его исходная точка, находится в Гасконском заливе. Там его воды, сначала еще слабо нагретые и светлые, начинают принимать особый свой характер. Оттуда это течение идет на юг, вдоль берегов экваториальной Африки, где солнечные лучи жаркой зоны прогревают его воды, затем пересекает Атлантический океан, достигает мыса Сент-Рок на бразильском берегу, здесь разветвляется, и часть его направляется к Антильским островам, где снова прогревается. И вот тут, как будто предназначенный самой природой установить равновесие температур, Гольфстрим, смешав тропические воды с северными, начинает выполнять роль уравнителя температур: раскаленное солнцем Мексиканского залива, течение Гольфстрим поднимается на север к североамериканским берегам Ньюфаундленда. Здесь под действием холодного течения из пролива Девиса оно отклоняется к востоку, опять течет сквозь океан вдоль одного из больших

кругов земного шара по локсодромической линии и у сорок третьего меридиана разделяется на два рукава, причем один, под действием северо-западного пассата, возвращается к Гасконскому заливу и к Азорским островам, другой же, обогрев берега Ирландии и Норвегии, доходит до Шпицбергена, где его температура, упав до четырех градусов, все же достаточна, чтобы образовать море, свободное от льдов.

По этой-то океанической реке и плыл «Наутилус». При выходе из пролива Багама, шириной четырнадцать лье и глубиной триста пятьдесят метров, Гольфстрим течет со скоростью восьми километров в час. Скорость течения все больше падает по мере его продвижения на север, и было бы желательно, чтобы и впредь сохранялась такая равномерность, ибо, если скорость и направление Гольфстрима когда-нибудь изменятся, как это уже предполагали, климат европейских стран может подвергнуться такого рода потрясениям, последствия которых даже нельзя предвидеть.

Около полудня я находился на палубе и рассказывал Конселю об особенностях Гольфстрима. Кончив объяснения, я предложил ему опустить руки в воду. Консель исполнил мое желание и был крайне удивлен, не ощутив ни тепла, ни холода.

– Происходит это оттого, – объяснил я, – что температура Гольфстрима при его выходе из Мексиканского залива мало отличается от температуры нашей крови. Гольфстрим – это огромный калорифер, который дает возможность западноевропейским берегам щеголять вечнозеленой растительностью. Если верить вычислениям Мори, то полное использование тепла Гольфстрима дало бы количество калорий, вполне достаточное, чтобы превратить массы чугуна в расплавленную реку величиной с Миссури или Амазонку и все время поддерживать ее текучесть.

Скорость течения Гольфстрима достигала в это время двух метров двадцати пяти сантиметров в секунду. Течение это настолько отличается от окружающего моря, что его уплотненные воды выступают над поверхностью океана, и таким образом воды теплые и воды холодные имеют разный уровень. Воды Гольфстрима, богатые солями, ярко-синего цвета и ясно выделяются среди зеленых волн океана. Линия их водораздела проходит настолько четко, что когда «Наутилус» на широте Каролинских островов врезался своим бивнем в воды Гольфстрима, его винт в эту минуту еще рассекал воды океана.

Сила течения увлекает с собой целый мир живых существ. Обычные и для Средиземного моря аргонавты плавают здесь целыми стаями. Среди хрящевых наиболее замечательны здесь скаты с очень развитым хвостом, который составляет треть всей длины ската и по своей форме представляет большой ромб длиной в двадцать пять футов, затем мелкие акулы величиной в метр, с большой головой, с коротким округлым рылом и с острыми зубами в несколько рядов, а их тело покрыто как бы чешуей.

Среди костистых рыб отмечу свойственных только этим водам губанов-перепелок; затем идут синагриды с радужной оболочкой, сверкающей огнем; горбыли-сциены, обладающие способностью издавать писк, длиной в метр, с широкой пастью, усаженной мелкими зубами; центроноты-негры, которых я уже упоминал; голубые корифены с золотистыми и серебристыми отливами; перроке, настоящие радуги, своей окраской способные поспорить с наиболее красивыми тропическими птицами; морские собачки с треугольной головой; камбалы-ромбы, синеватые бесчешуйные рыбы; батрахоиды с желтой продольной и поперечной полосой в виде русского «Т»; кругом кишели маленькие бычки, усеянные коричневыми крапинами; затем идут диптеродоны с желтым хвостом и серебристой головой; тут же и представители лососевых – стройные мугиломоры с их нежным блеском, которых Ласепед посвятил своей милой подруге жизни, и, наконец, – красивая рыба, американский рыцарь, украшенный всеми орденами и лентами, часто встречающийся у берегов Североамериканского материка, чей народ так мало ценит и ордена и ленты.

Скажу еще об одном явлении в Гольфстриме, а именно о фосфорическом свете воды, соперничавшем, особенно во время частых гроз, со светом нашего прожектора.

Восьмого мая мы находились еще на траверсе мыса Гаттераса, на широте Северной Каролины. Здесь ширина Гольфстрима достигала семидесяти пяти миль, а глубина – двухсот десяти метров. «Наутилус» плыл куда глаза глядят. На корабле не существовало никакой охраны. Надо сознаться, что бегство при таких обстоятельствах могло удасться. Населенные берега являлись очень удобным убежищем. Море все время бороздили пароходы, обслуживавшие рейсы между Нью-Йорком или Бостоном и Мексиканским заливом, днем и ночью между различными точками американского берега сновали шхуны каботажного плавания. Была надежда, что они нас подберут. Все это было благоприятным обстоятельством, несмотря на тридцать миль, отделявших «Наутилус» от берегов Соединенных Штатов.

Но другое обстоятельство, очень досадное, совершенно исключало планы канадца. Погода стояла очень плохая. Мы приближались к берегам, где бури очень часты, к родине циклонов и смерчей, рождаемых самим Гольфстримом. Пускаться на утлой лодке в разгулявшееся море значило идти на верную гибель. Сам Нед Ленд соглашался с этим. Он грыз удила, чувствуя жестокую тоску по родине, а единственным лекарством было бегство.

– Господин профессор, – сказал он в тот же день, – пора кончать с этим делом. Я хочу действовать в открытую. Ваш Немо уходит от земли и взял курс на север. Заявляю вам, что с меня хватит Южного полюса, и к Северному я с ним не пойду.

– Как быть, Нед, раз бегство сейчас неосуществимо?

– Я стою на своем: надо поговорить с капитаном. Вы не захотели с ним говорить, когда мы были в водах вашей родины. Теперь мы в водах моей родины. У меня одна дума – через несколько дней «Наутилус» поравняется с Новой Шотландией, где около Ньюфаундленда есть большая бухта, а в эту бухту впадает река Святого Лаврентия, а река Святого Лаврентия – это моя река, на ней – родной мой город Квебек, и вот стоит мне подумать об этом, как вся кровь приливает у меня к лицу, а волосы шевелятся на голове. Знаете, господин профессор, я уж лучше брошусь в море! А здесь я не останусь! Тут я задохнусь.

Ясно, что канадец дошел до предела своего терпения. Его богатырская натура не могла приноровиться к такому долговому лишению свободы. Он изменялся в лице день ото дня. С каждым днем он становился все мрачнее. Я чувствовал, как он страдал, потому что тоска по родине захватывала и меня. Уже семь месяцев мы ничего не знали о земле. Вдобавок и отчужденность капитана Немо, и перемена его настроения, в особенности после сражения со спрутами, и его безмолвие – все это мне показало вещи в другом виде. Восторженность первых дней пропала. Надо было быть таким фламандцем, как Консель, чтобы мириться с подобным положением в среде, предназначенной для китообразных и других обитателей морских глубин.

Поистине если бы этот юноша имел не легкие, а жабры, из него получилась бы вполне благовоспитанная рыба.

– Ну, так как же, господин профессор? – спросил Нед Ленд, не получив от меня ответа.

– Итак, Нед, вы хотите, чтобы я спросил у капитана Немо, каковы его намерения относительно нас?

– Да.

– И несмотря на то, что он уже дал их понять?

– Да, я хочу установить это в последний раз. Если желаете, можете говорить только обо мне, от моего имени.

– Но я встречаюсь с ним редко. Меня он даже избегает.

– Это еще причина, чтобы пойти к нему.

– Я поговорю с ним, Нед.

– Когда? – настойчиво спросил канадец.

– Когда встречу.

– Господин Аронакс, вы что же, хотите, чтобы я сам пошел к нему?

– Нет, предоставьте это мне... Завтра...

– Сегодня, – сказал Нед Ленд.

– Хорошо. Я повидаюсь с ним сегодня, – ответил я канадцу, чувствуя, что если вступится он в это дело сам, то все испортит.

Я остался один. Раз вопрос был поставлен, я решил покончить с ним немедленно. Я предпочитаю решенное дело делу, еще ждущему решения.

Я вернулся к себе в комнату. Оттуда я услышал шаги в комнате капитана Немо. Нельзя было упускать случая с ним встретиться. Я постучал к нему в дверь. Ответа не было. Я снова постучал и повернул дверную ручку. Дверь открылась. Я вошел. В комнате находился один капитан Немо. Склонившись над столом, он не слышал, как я вошел. Решившись не уходить, пока не переговорю с ним, я подошел к столу. Он резко вскинул голову, нахмурил брови и сказал достаточно суровым тоном:

– Это вы! Что вам угодно?

– Поговорить с вами, капитан.

– Но я занят, у меня работа. Я предоставил вам полную свободу быть одному, неужели я не могу пользоваться тем же?

Прием казался мало ободряющим. Но я решил выслушать все, чтобы сказать все.

– Капитан, – холодно произнес я, – я должен поговорить с вами о таком деле, которое нельзя было отложить.

– Какое? – спросил он иронически. – Вы сделали открытие, не удавшееся мне? Море раскрыло перед вами новые тайны?

Мы были далеки от согласия. Но прежде чем я успел ответить, капитан Немо показал мне на раскрытую перед ним рукопись и внушительно сказал:

– Вот, господин Аронакс, рукопись, переведенная на несколько языков. Она содержит краткую сводку моих работ по изучению моря, и, коли это будет угодно богу, она не погибнет вместе со мной. Эта рукопись с добавлением истории моей жизни будет заключена в нетонущий аппарат. Тот, кто останется в живых последним на «Наутилусе», бросит аппарат в море, и он поплывет по воле волн.

Имя этого человека! Его автобиография! Значит, когда-нибудь его тайна разъяснится? Но в данную минуту его сообщение являлось для меня только средством, чтобы подойти к интересующему меня делу.

– Капитан, – ответил я, – я не могу одобрить самой идеи ваших действий. Недопустимо, чтобы плоды ваших научных изысканий могли погибнуть. Но избранное вами средство мне кажется слишком примитивным. Кто знает, куда загонят ветры этот аппарат, в какие руки попадет он? Разве не могли придумать что-нибудь вернее? Разве вы сами или кто-нибудь из ваших...

– Нет! – резко прервал меня капитан.

– Но тогда я да и мои товарищи готовы взять вашу рукопись на хранение, и если вы вернете нам свободу...

– Свободу? – спросил капитан Немо, встав с места.

– Да, как раз по этому вопросу я и хотел поговорить с вами. Уже семь месяцев, как мы находимся на вашем корабле, и вот сегодня я спрашиваю вас, от имени моих товарищей и собственного, намерены ли вы удержать нас навсегда?

– Господин Аронакс, – сказал капитан Немо, – сегодня я вам отвечу то же, что ответил семь месяцев тому назад: «Кто вошел в „Наутилус“, тот из него не выйдет».

– Значит, вы обращаете нас в рабство?

– Называйте это как хотите.

– Но раб повсюду сохраняет за собой право возвратить себе свободу! И ради этой цели для него все средства хороши!

– А кто же отрицает за вами это право? Разве когда-нибудь мне приходила мысль связывать вас клятвой?

И, скрестив руки на груди, капитан смотрел на меня.

– Капитан, – обратился я к нему, – ни у вас, ни у меня нет охоты возвращаться к этому вопросу. Но уж раз мы его затронули, давайте доведем его до конца. Повторяю вам, что дело идет не только обо мне. Для меня научная работа – это моральная поддержка, одухотворение, могущественное отвлечение и страсть, способные заставить меня забыть все. Так же, как вы, я могу жить никем не знаемый, в тени, с хрупкой надеждой передать потомству результат своих исследований посредством гипотетического аппарата, доверенного случайной воле ветров и волн. Одним словом, лишь я способен и любоваться вами и без неудовольствия следовать за вами, играя роль, в некоторых отношениях для меня понятную; в вашей жизни есть и другая сторона, а она мне представляется в окружении сложных обстоятельств и тайн, к которым непричастны мы, я и мои товарищи. И даже в таких случаях, когда бы наше сердце и болело за вас, тронутое вашими скорбями или взволнованное проявлениями вашего талантливости ума и мужества, нам все-таки пришлось бы затаивать в себе малейшее свидетельство той симпатии, которая возникает в нас при виде чего-нибудь красивого и доброго, независимо от того, исходит ли оно от друга или от врага. И вот это сознание нашей полной непричастности ко всему, что вас касается, делает наше положение неприемлемым, невозможным даже для меня, а уж в особенности для такого человека, как Нед Ленд. Каждый человек – только потому, что он человек, – достоин того, чтобы о нем думать. Задавались ли вы вопросом, на что способна любовь к свободе и ненависть к рабству, какие планы мести могут они внушить таким натурам, как наш канадец, что может он замыслить и попытаться сделать?...

Я умолк. Капитан Немо встал с места.

– До того, что может замыслить и попытаться сделать Нед Ленд, мне нет дела! Не я искал его! Не для своего удовольствия я держу его на корабле. Что касается вас, господин Аронакс, то вы принадлежите к числу тех людей, которые способны понимать все, даже и молчание. Больше отвечать мне нечего. Пусть первый разговор ваш на эту тему будет и последним, так как второй раз я вам могу и не ответить.

Я вышел. С этого дня наше положение стало очень напряженным. Я доложил о разговоре моим товарищам.

– Теперь по крайности мы знаем, – сказал Нед, – что ждать нам от этого человека нечего. «Наутилус» подходит к Лонг-Айленду. Какая бы погода ни была, мы убежим.

Однако небо становилось все грознее. Появились предвестники урагана. Воздух принимал молочно-белый оттенок. Перистые облака на горизонте сменялись кучевыми. Ниже их быстро бежали темные тучи. Море начинало вздыматься большими длинными валами. Исчезли птицы, кроме буревестников. Барометр

заметно падал, указывая сильное скопление водяных паров в воздухе. Смесь в штормовом приборе разлагалась под действием электричества, насыщенного в атмосфере. Близилась борьба стихий.

Буря разразилась 18 мая, как раз в то время, когда «Наутилус» поравнялся с Лонг-Айлендом, в нескольких милях от морских каналов Нью-Йорка. Я имею возможность описать эту борьбу стихий благодаря тому, что капитану Немо, по какому-то необъяснимому капризу, захотелось помериться с бурей на поверхности моря.

Дул юго-западный ветер, сначала очень свежий, то есть со скоростью пятнадцати метров в секунду, затем к трем часам дня скорость его достигла двадцати пяти метров в секунду. Словом, начинался шторм.

Непоколебимо выдерживая порывы бушующего ветра, капитан Немо стоял на палубе. Он привязал себя в поясе к палубе, чтобы его не смыли чудовищные волны. Взобравшись на палубу и привязав себя, я любовался то бурей, то этим ни с кем не сравнимым человеком, который принял бой с неистовой стихией.

Большие клочья облаков неслись над самым морем, мешаясь с его бушующими волнами; я уже не видел тех мелких промежуточных валов, какие образуются в провалах между высокими валами, – ничего, кроме длинных черных волн, таких компактных, что даже их гребни не дробились. Высота их все прибывала. Они сталкивались друг с другом. «Наутилус» то ложился на бок, то вставал дыбом, то жутко кувыркался в килевой качке.

К пяти часам разразился ливень, но он не успокоил ни силы ветра, ни бушевания моря. Ураган несся со скоростью сорока пяти метров в секунду, или сорока лье в час. Достигая такой силы, он рушит дома, уносит в вихре кровельные черепицы, рвет железные решетки и сдвигает с места двадцатичетырехфунтовые орудия. И тем не менее даже в условиях такого урагана «Наутилус» оправдывал слова одного ученого инженера: «Нет такого хорошо сконструированного судна, которое не могло бы противостоять морю». «Наутилус» не был скалой, которую могли бы разрушить волны, – он был стальным веретеном, послушным, подвижным, без мачт и без оснастки и потому с безнаказанной дерзостью противостоял их ярости.

Я внимательно наблюдал за огромными валами. Они доходили до пятнадцати метров высоты и ста пятидесяти – ста семидесяти метров длины, а быстрота их распространения, равная половине скорости ветра, достигала пятнадцати метров в секунду. Чем глубже было море, тем выше становились волны. И тут я понял особую роль волн, которые захватывают воздух и нагнетают его в морскую глубину, внося в нее источник жизни в виде кислорода. Исключительная, но уже вычисленная сила их давления может достигать до трех тысяч килограммов на квадратный фут, когда они обрушиваются на какую-нибудь поверхность. У Гебридских островов морские волны такой же силы сдвинули с места камень весом в восемьдесят четыре тысячи фунтов. А во время бури 23 декабря 1864 года такие же валы, разрушив в Японии часть города Иедо, устремились на восток со скоростью семисот километров в час и в тот же самый день разбились о берега Северной Америки.

К ночи буря разгулялась еще больше. Так же, как во время циклона 1860 года у островов Согласия, барометр упал до 710 миллиметров. В сумерках я заметил на горизонте корабль, который еле боролся с бурей. Он дрейфовал под слабым паром, чтобы только держаться на волнах. Вероятно, это был пароход, курсирующий на линии Нью-Йорк – Ливерпуль или Гавр. Скоро он скрылся в темноте.

В десять часов вечера небо пылало. Все вокруг было пронизано молниями. Я был не в состоянии переносить этот блеск, а капитан Немо смотрел широко раскрытыми глазами, точно вбирая в себя самую душу бури. Грохот разбивающихся волн, вой ветра, раскаты грома создавали невообразимую какофонию. Ветер переносился с одной точки горизонта на другую; вырвавшись с востока, циклон, обойдя север, запад, юг, возвращался снова на восток, вразрез ходу циркулирующих бурь в Южном полушарии.

Ну и Гольфстрим! Он оправдал свое название – короля бурь! Он был создатель всех этих страшных циклонов вследствие разницы температур его течений и слоев воздуха, лежавших над его поверхностью.

К водяному ливню присоединился ливень молний. Водяные капли превращались в светящиеся эгретки. Можно было подумать, что капитан Немо искал достойной себя смерти и хотел, чтобы его убила молния. Среди ужасной килевой качки «Наутилус» нередко вздымал кверху стальной бивень, как острие громоотвода, и несколько раз я видел, как из него летели искры.

Выбившись из сил, совсем разбитый, я налег на крышку люка, открыл ее и сошел в салон. В это время буря достигла предела своей силы. Внутри «Наутилуса» нельзя было держаться на ногах.

Около полуночи вернулся и капитан Немо. Я слышал, как мало-помалу наполнялись резервуары, и «Наутилус» тихо опустился ниже поверхности воды. Сквозь открытые окна я видел больших испуганных рыб, плывших, как призраки, в воде, светящейся от вспышек молний.

«Наутилус» продолжал опускаться. Я предполагал, что на глубине пятнадцати метров он найдет затишье. Нет, – слишком сильно разбушевались верхние слои. Надо было искать спокойствия еще ниже и опуститься в недра моря на пятьдесят метров.

Какой царил здесь мир, покой, какая тишь! Кто мог бы сказать, что там наверху неистовствует грозный ураган.

Глава двадцатая

НА 17°24 ШИРОТЫ И 17°28 ДОЛГОТЫ

Силой бури нас отбросило к востоку. Исчезла всякая надежда бежать на берега штата Нью-Йорк или реки Святого Лаврентия. Бедняга Нед с отчаяния уединился, как капитан Немо, но я и Консель не расставались.

Я уже сказал, что «Наутилус» уклонился на восток. Надо было сказать точнее – на северо-восток. В течение нескольких дней, то поднимаясь на поверхность, то опускаясь в глубину, «Наутилус» блуждал по океану среди туманов, которых так боятся мореплаватели. Главной причиной этих туманов является таяние льдов, которое поддерживает большую влажность в воздухе. Сколько здесь погибло кораблей, когда они, блуждая в прибрежных водах, напрасно старались увидеть неясные огни на берегу! Сколько бедствий причинял этот непроницаемый туман! Сколько столкновений с подводными камнями, когда шум ветра заглушал буруны! Сколько столкновений кораблей, несмотря на их сигнальные огни, на предупредительные свистки и тревожный звон колоколов!..

Вот почему дно здешних морей имеет вид поля сражений, где полегли все побежденные океаном: одни суда, уже затянутые тиной, давнишние, другие новые, недавние, еще блесившие железными частями и медными киями при свете прожектора «Наутилуса». Сколько из них погибло со всем экипажем, с толпами эмигрантов в таких местах, отмеченных статистикой, как мыс Рас, пролив Белиля, бухта Святого Лаврентия! А сколько жертв занесено в этот синодик по линиям морских сообщений – пароходов Монреальской компании и королевской почты: «Сольвейг», «Изида», «Параматта», «Венгерец», «Канадец», «Англосакс», «Гумбольдт», «Соединенные Штаты», – все эти суда затонули; «Артик», «Лионец» – потоплены при столкновении; «Президент», «Пасифик», «Город Глазго» – погибли по неведомым причинам; и вот среди таких мрачных останков плыл «Наутилус», как будто делая смотр мертвецам.

Пятнадцатого мая мы оказались у южной оконечности Ньюфаундлендской мели. Она образовалась от морских наносов, целого скопища органических остатков, занесенных и с экватора Гольфстримом и с Северного полюса холодным противотечением, проходящим у североамериканских берегов. Тут же скопились и валуны ледникового периода, затащенные ледяными торосами. Тут же образовались огромные кладбища рыб, зоофитов и моллюсков, которые здесь погибали в несметном количестве.

Глубина моря около Ньюфаундлендской мели незначительна – всего несколько сот саженей. Но к югу от нее дно моря сразу обрывается глубокой впадиной в три тысячи метров глубиной. Гольфстрим здесь расширяется. Воды его растекаются в целое море, но зато его скорость и температура падают.

Среди рыб, испуганных приходом «Наутилуса», назову: пинагора длиной в один метр, с черноватой спиной и желтым брюхом, дающего своим соплеменникам плохой пример супружеской верности; затем большие хюпернаки, род изумрудных мурен, отличного вкуса; большеглазые карраки с головой, похожей на собачью; живородящие бленнииды, похожие на змей; колбневые бульроты, или черные пескари, величиной в двадцать сантиметров; длиннохвостые макрурусы с серебристым блеском, быстроходные рыбы, заплывающие далеко из северных морей.

В сети попалась одна рыба, дерзкая, смелая, очень мускулистая, вооруженная колючками на голове и шипами на плавниках, настоящий скорпион длиной в два-три метра, заклятый враг бленниид, тресковых и лососевых, – это бычок северных морей, с пупырчатым телом бурого цвета и с красными плавниками. Матросы с «Наутилуса» не без труда завладели этим животным, которое благодаря особым жаберным

крышкам предохраняет свои дыхательные органы от сушающего действия воздуха и может жить некоторое время вне воды.

Заношу еще для памяти – боскиены, маленькие рыбки, которые подолгу сопровождают корабли в северных морях; оксиринхи, присущие северной части Атлантического океана. Перехожу к тресковым рыбам, главным образом к треске, которую мне удалось поймать в этих обетованных водах на плодородной Ньюфаундлендской мели.

Можно сказать, что этот вид трески здесь, на склонах морского дна, – рыба горная, так как Ньюфаундленд не что иное, как подводная гора. Когда «Наутилус» прокладывал себе дорогу сквозь густые фаланги этих рыб, Консель не удержался от следующего замечания:

– Так это и есть треска! А я думал, что треска такая же плоская, как лиманды и камбала-соль.

– Наивный! – воскликнул я. – Треска бывает плоской только в рыбном магазине, где она лежит выпотрошенная и распластанная. Но в воде, живая, она такой же веретенообразной формы, как султанка, и своей формой хорошо приспособлена для длительного плавания.

– Охотно верю, – отвечал Консель. – Их целая туча! Они кишат, как муравейник.

– Эх, друг мой, их было бы гораздо больше, если бы не их враги. Знаешь ли ты, сколько яиц только в одной самке?

– Ну, на хороший конец – пятьсот тысяч, – сказал Консель.

– Одиннадцать миллионов, мой дружок.

– Одиннадцать миллионов! Вот чему я не могу поверить, разве что сосчитаю сам.

– Посчитай, Консель. Но поверь мне на слово, так будет скорее. Французы, англичане, американцы, норвежцы, датчане ловят треску тысячами, потребляют ее в количестве невероятном и скоро истребили бы ее во всех морях, не будь треска так плодовита. Только в одной Америке и Англии пять тысяч кораблей и семьдесят пять тысяч их экипажа заняты ловлей трески. В среднем каждый корабль добывает сорок тысяч рыб, а в общем – двадцать пять миллионов рыб. Столько же добывается и у берегов Норвегии.

– Хорошо, полагаюсь на господина профессора, а сам считать не буду, – отвечал Консель.

– Что?

– Одиннадцать миллионов яиц, но позволю себе одно замечание.

– Какое?

– Если бы из всех яиц выходили мальки, то для прокормления Англии, Америки и Норвегии достаточно было бы четырех самок трески.

Пока мы плыли у дна Ньюфаундлендской мели, я хорошо разглядел длинные снасти для ловли трески; на каждой снасти двести крючков, а каждая рыбацья лодка ставит такие снасти дюжинами. Снасть опускается вглубь посредством маленького якорька, а верхний конец ее удерживается на поверхности леской, прикрепленной к пробковому поплавку. «Наутилусу» приходилось очень умело маневрировать в этой подводной сетке из снастей.

Впрочем, «Наутилус» недолго пробыл в этих часто посещаемых прибрежных водах. Он поднялся до сорок второго градуса северной широты. Это – широта Сен-Жана на Ньюфаундленде и Хэртс-Контента, где находится другой конец трансатлантического кабеля.

Вместо того чтобы продолжать свой путь на север, «Наутилус» направился к востоку, как будто собирался идти вдоль телеграфного плато, на котором лежит этот кабель и где рельеф дна благодаря

неоднократному зондированию определен с большой точностью.

Семнадцатого мая милях в пятистах от Хэртс-Контента, на глубине двух тысяч восьмисот метров, я увидел лежащий на грунте кабель. Консель принял его за гигантскую морскую змею и, следуя своему методу, собирался ее классифицировать. Но я рассеял его заблуждение и, чтобы вознаградить его за огорчение, подробно рассказал ему историю о прокладке кабеля.

Первый кабель был установлен в течение 1857 и 1858 годов; но после передачи около четырехсот телеграмм кабель перестал действовать. В 1863 году инженеры сконструировали новый кабель, длиной три тысячи четыреста километров и весом четыре тысячи пятьсот тонн, погруженный на корабль «Грэт-Истерн». Это предприятие тоже провалилось.

Двадцать пятого мая «Наутилус» погрузился на три тысячи восемьсот тридцать метров и оказался как раз в том месте, где кабель порвался и разорил предпринимателей. Это произошло в шестистах тридцати восьми милях от Ирландии. В два часа дня там заметили, что сообщение с Европой вдруг прекратилось. Электрики решили сначала разрезать кабель, а уж потом выловить его; к одиннадцати часам вечера они вытащили поврежденную часть кабеля, сделали новое соединение и срастили его с основным кабелем, после этого кабель опять погрузили в море. Но спустя несколько дней кабель опять порвался где-то в океане, а достать его из глубины Атлантического океана было невозможно.

Однако американцы не потеряли присутствия духа.

Смелый Кирус Фильд, главный зачинатель предприятия, рисквавший потерять все состояние, предложил новую подписку. Она немедленно была покрыта. Изготовили новый кабель, создав для него лучшие условия. Пучок проводников в резиновой изоляционной оболочке покрыли предохранительной текстильной крышкой и заключили в металлическую арматуру. 13 июля 1866 года «Грэт-Истерн» вновь вышел в море.

Прокладка кабеля шла благополучно. Однако дело не обошлось без происшествия. Разматывая кабель, электрики несколько раз находили в кабеле недавно забитые гвозди, очевидно, с целью повредить его сердцевину. Капитан Андерсон собрал инженеров и офицеров корабля для обсуждения этого вредительства. Собрание вывесило объявление: если кого-нибудь на корабле застанут за этим делом, то виновный будет брошен за борт без всякого суда. С тех пор вредительские попытки прекратились.

Двадцать третьего июля «Грэт-Истерн» находился не далее восьмисот километров от Ньюфаундленда, когда была получена телеграмма из Ирландии о перемирии, заключенном между Пруссией и Австрией после битвы под Садовой. А 27 июля «Грэт-Истерн» увидел сквозь туман гавань Хэртс-Контента. Предприятие окончилось вполне удачно, и в первой телеграмме молодая Америка передала старой Европе мудрые, но редко доходящие до сознания слова: «Слава в вышних богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

Я, разумеется, не ожидал увидеть электрический кабель в том состоянии, в каком он вышел с завода. Он имел вид длинной змеи, облепленной осколками раковин, усаженной форманифорами и обросшей каменистой коркой, которая предохраняла его от сверлящих моллюсков. Кабель лежал спокойно, вне воздействия волнений моря и под давлением, благоприятным для передачи электрической искры, пробегавшей от Европы до Америки в тридцать две сотых секунды. Время действия этого кабеля бесконечно, так как, по наблюдениям электриков, резиновая оболочка становится лучше от пребывания в морской воде.

Вдобавок кабель, лежа на удачно выбранном плато, нигде не опускается на такую глубину, где мог бы лопнуть. «Наутилус» доходил до самого глубокого места его залегания на глубине четырех тысяч четырехсот тридцати одного метра, и даже здесь кабель не обнаруживал никаких признаков напряжения.

Затем мы подошли к месту, где произошел несчастный случай в 1863 году. В этом месте дно океана представляло собой глубокую долину шириной в сто двадцать километров, и если бы в нее поставили Монблан, то все-таки его вершина не выступила бы на поверхность моря. С востока долина заперта отвесной стеной в две тысячи метров вышиной. Мы подошли к ней 28 мая и находились всего в ста пятидесяти километрах от Ирландии.

Уж не намеревался ли капитан Немо подняться выше и высадиться на Британских островах? Нет. К моему большому удивлению, он вновь пошел на юг и вернулся в европейские воды. Когда мы обходили Изумрудный остров, я на одно мгновение увидел мыс Клир и маяк Фастонет, который светит тысячам кораблей, выходящих из Глазго или Ливерпуля.

Очень важный вопрос возник в моем уме. Решится ли «Наутилус» войти в Ла-Манш?

Нед Ленд, вновь появившийся на людях с того времени, как мы шли вблизи земли, все время спрашивал меня об этом. Что я мог ему ответить? Капитан Немо не показывался нам на глаза. Он уже дал канадцу возможность взглянуть на берега Америки, не покажет ли он мне берега Франции?

Между тем «Наутилус» продолжал идти на юг. 30 мая он прошел в виду Ландсэнда и островов Силли, оставшихся у нас справа. Если он намеревался войти в Ла-Манш, ему следовало взять курс прямо на восток. Он этого не сделал.

В течение всего дня 31 мая «Наутилус» описал в море несколько кругов, что меня очень заинтриговало. Казалось, что он разыскивает какое-то определенное место, которое было нелегко найти. В полдень капитан Немо сам встал за управление. Мне он не сказал ни слова. Вид у него был мрачный, как никогда. Что могло так огорчить его? Может быть, близость европейских берегов или же всплывали в нем воспоминания о брошенной им родине? Что чувствовал он в это время? Угрызения совести или сожаление? Эти мысли долго вертелись у меня в уме, и в то же время было какое-то предчувствие, что случайно в самом близком будущем эта тайна капитана обнаружится.

На следующий день «Наутилус» маневрировал все теми же кругами. Ясно, что он искал в этой части океана какой-то нужный ему пункт. Так же, как накануне, капитан Немо вышел определить высоту солнца. Море было спокойно, небо чисто. На линии горизонта вырисовывалось большое паровое судно. На корме не развевалось никакого флага, и я не мог определить его национальность. За несколько минут до прохождения солнца через меридиан капитан Немо взял секстан и с исключительным вниманием стал наблюдать показания его. Полное спокойствие моря облегчало наблюдение. Не подвергаясь ни боковой, ни килевой качке, «Наутилус» стоял недвижно.

В это время я тоже находился на палубе. Закончив свое определение, капитан произнес:

– Здесь!

И он сошел в люк. Заметил ли он, что появившееся судно изменило направление и как будто шло на сближение с нами? Этого я не могу сказать.

Я вернулся в салон. Створы задвинулись, я услышал шипение воды, наполнявшей резервуары. «Наутилус» стал погружаться по вертикальной линии. Спустя несколько минут «Наутилус» остановился на глубине восьмисот тридцати трех метров и лег на дно.

Светящийся потолок в салоне погас, окна опять раскрылись, и я сквозь хрусталь стекол увидел море, ярко освещенное лучами прожектора в радиусе полумили. Я посмотрел направо, но увидел лишь массу спокойных вод.

С левого борта виднелась на дне моря какая-то большая вздутость, сразу обратившая на себя мое внимание. Можно было подумать, что это какие-то развалины, окутанные слоем беловатых раковин, как

снежным покровом. Внимательно приглядываясь к этой массе, мне казалось, что она имеет форму корабля без мачт, затонувшего носом вниз. Это грустное событие, видимо, совершилось давно. Если этот останок кораблекрушения успел покрыться таким слоем отложений извести, он должен был уж много лет лежать на дне.

Что это за корабль? Почему «Наутилус» приплыл навестить его могилу? Не вследствие ли кораблекрушения затонуло это судно?

Я не знал, что думать, как вдруг рядом со мной заговорил капитан Немо и с расстановкой, не спеша поведал следующее:

– Когда-то корабль этот носил имя «Марселец». Он был спущен в тысяча семьсот шестьдесят втором году и нес на себе семьдесят четыре пушки. Тринадцатого августа тысяча семьсот семьдесят восьмого года он смело вступил в бой с «Престоном». Четвертого июля тысяча семьсот семьдесят девятого года он вместе с эскадрой адмирала Эстэна способствовал взятию Гренады. Пятого сентября тысяча семьсот восемьдесят первого года он принимал участие в битве графа де Грасса в бухте Чесапик. В тысяча семьсот девяносто четвертом году Французская республика переименовала его имя. Шестнадцатого апреля того же года он присоединился в Бресте к эскадре Вилларэ-Жуайоза, имевшей назначение охранять транспорт пшеницы, который шел из Америки под командованием адмирала Ван Стабеля. Одиннадцатого и двенадцатого прериаля второго года эта эскадра встретила с английским флотом. Сегодня тринадцатое прериаля, первое июня тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года. Семьдесят четыре года тому назад ровно, день в день, на этом самом месте, сорок седьмом градусе двадцать четвертой минуте северной широты и семнадцатом градусе двадцать восьмой минуте долготы, упомянутый корабль вступил в героический бой с английским флотом, а когда все три его мачты были сбиты, трюм наполнила вода и треть экипажа вышла из боя, он предпочел потопить себя вместе с тремястами пятьюдесятью шестью своими моряками, и, прибив к корме свой флаг, команда с криком «Да здравствует республика!» вместе с кораблем исчезла в волнах.

– «Мститель»! – воскликнул я.

– Да, «Мститель»! Какое прекрасное имя, – прошептал капитан Немо и задумчиво скрестил руки на груди.

Глава двадцать первая

ГЕКАТОМБА

Эта неожиданная сцена, эта манера говорить, эта историческая справка о корабле-патриоте, начатая холодным тоном, затем волнение, с каким этот своеобразный человек произносил последние слова, наконец, самое название «Мститель», сказанное в подчеркнутом, ясном для меня значении, – все это глубоко запало в мою душу. Я не сводил глаз с капитана. А он, простирая руки к морю, смотрел горящим взором на достоправные останки корабля. Может быть, мне и не суждено узнать, кто этот человек, откуда он пришел, куда идет, но я все яснее видел, как самый человек в нем выступал из-за ученого. Нет, не пошлая мизантропия загнала капитана Немо с его товарищами в железный корпус «Наутилуса», но ненависть, столь колоссальная и возвышенная, что само время не могло ее смягчить.

Но эта ненависть – была ли она действенной, искала ли она возможностей для мести? Будущее мне это показало очень скоро.

Между тем «Наутилус» стал тихо подниматься к морской поверхности; смутные формы «Мстителя» все больше и больше уходили с моих глаз. Наконец легкая качка показала, что мы уже вышли на чистый воздух.

В это время послышался глухой звук пушечного выстрела. Я взглянул на капитана. Он даже не пошевелился.

– Капитан? – вопросительно окликнул я его.

Он не ответил.

Я ушел и поднялся на палубу. Канадец и Консель меня уже опередили.

– Откуда этот выстрел? – спросил я.

Взглянув по направлению к замеченному кораблю, я увидел, что он стал приближаться и усилил пары. Нас разделяли шесть миль пространства.

– Пушка, – ответил мне канадец.

– Что это за судно, Нед?

– Судя по оснастке, по низким мачтам, бьюсь об заклад, что корабль военный, – отвечал канадец. – Пусть он идет на нас и, коли нужно, потопит этот проклятый «Наутилус».

– Друг мой Нед, – сказал Консель, – а что он может сделать «Наутилусу»? Разве он может атаковать его в воде? Расстрелять на дне моря?

– Скажите, Нед, – спросил я, – можете вы определить национальность корабля?

Канадец нахмурил брови, сощурил глаза и несколько минут всей силой своей зоркости вглядывался в корабль.

– Нет, господин профессор, не могу. Флаг не поднят. Могу только сказать наверно, что корабль военный, потому что на конце его главной мачты полощется длинный вымпел.

Мы уже четверть часа наблюдали за кораблем, который шел на нас. Я не мог допустить, чтобы он разглядел «Наутилус» на таком расстоянии, а еще менее, чтобы он понял, с какой морской машиной имеет дело.

Вскоре канадец сообщил мне, что это военный корабль, с тараном и о двух блиндированных палубах. Густой черный дым валил из его двух труб. Убранные паруса сливались с линиями рей. На гафеле никакого флага. Расстояние не позволяло определить цвет вымпела, который вился тонкой ленточкой.

Он быстро шел вперед. Если капитан Немо даст ему подойти близко, то нам представится возможность на спасение.

– Господин профессор, – сказал Нед Ленд, – если корабль подойдет к нам на милю, я брошусь в море и предлагаю вам сделать то же.

Я не ответил на предложение канадца и продолжал разглядывать корабль, вырвавшийся прямо на глазах. Будь он английский, французский, американский или русский, он, несомненно, подберет нас, если мы доплывем до его борта.

– Господин профессор, соблаговолите припомнить, – сказал канадец, – что мы лично имеем некоторый навык в плавании, и если господин профессор согласится последовать за своим другом Недом, то он может возложить на меня обязанности своего буксира.

Только я хотел ему ответить, как белый дымок пыхнул с передней части корабля. Через несколько секунд морская вода, взбаламученная падением тяжелого тела, обрызгала корму «Наутилуса». Чуть позже раскат выстрела донесся до моих ушей.

– Как?! Они по нас стреляют! – воскликнул я.

– Молодцы! – пробормотал канадец.

– Значит, они не принимают нас за потерпевших кораблекрушение и уцепившихся за какой-то обломок судна!

– Не в обиду будет сказано господину... Здорово! – буркнул канадец, стряхивая с себя воду, брызнувшую на него от второго ядра. – Не в обиду будет сказано господину профессору, но они признали вашего «нарвала» и палят по «нарвалу».

– Но ведь они должны видеть, что имеют дело с людьми! – воскликнул я.

– Может быть, поэтому-то и палят! – ответил Нед Ленд, поглядывая на меня.

Меня сразу осенило. Теперь они, конечно, знали, как относиться к существованию этого якобы чудовища. Еще тогда, при abordage, когда канадец хватил «нарвала» гарпуном, капитан Фарагут, конечно, понял, что нарвал не что иное, как подводная лодка, гораздо более опасная, чем сверхъестественный представитель китообразных.

Наверное, это было так, и несомненно, что теперь по всем морям гонялись за этой страшной машиной разрушения.

И в самом деле, страшное орудие, если капитан Немо, как можно было и подозревать, предназначал «Наутилус» для мести! Разве той ночью в Индийском океане, когда он запер нас в глухую камеру, он не совершил нападения на какой-то корабль? А тот человек, похороненный в коралловой гробнице, не стал ли жертвой удара, нанесенного «Наутилусом» кораблю? Да, да, наверное, это было так. Одна частица таинственной жизни капитана Немо прояснилась. И хотя его личность была не установлена, объединившиеся нации теперь гонялись не за каким-то химерическим животным, а за человеком, который обрекал их своей непримиримой ненависти!

Все это страшное прошлое предстало вновь моим глазам. Вместо друзей на этом военном корабле, который шел на нас, мы, может быть, найдем только безжалостных врагов.

Между тем ядра падали все чаще вокруг нас. Некоторые, ударяясь о воду, отлетали рикошетом на

большое расстояние. Но ни одно ядро не попало в «Наутилус».

Бронированный корабль был от нас не далее трех миль. Несмотря на сильный обстрел, капитан Немо не появлялся на палубе. А между тем стоило одному коническому ядру ударить прямо в корпус «Наутилуса», и оно стало бы роковым для его существования.

В это время канадец мне сказал:

– Господин профессор, нам надо сделать все, чтобы выпутаться из этого дрянного положения. Давайте сигнализировать! Тысяча чертей! Может быть, там поймут, что мы-то порядочные люди!

И Нед Ленд вынул носовой платок, чтобы махать им в воздухе. Но едва он развернул его, как был сбит с ног железной рукой и, несмотря на свою огромную силу, упал на мостик.

– Негодяй! – крикнул капитан. – Ты хочешь, чтобы я всадил в тебя бивень «Наутилуса» раньше, чем он ударит в этот корабль!

Страшно было слушать капитана Немо, но еще страшнее был его вид. Лицо его стало белым от спазмы в сердце, которое, наверное, на мгновение перестало биться. Его зрачки расширились невероятно. Он не говорил, а рычал. Наклонившись над канадцем, он тряс его за плечи.

Бросив канадца, он обернулся к кораблю, сыпавшему ядра вокруг «Наутилуса», и крикнул могучим голосом:

– Ага! Корабль проклятой власти! Ты знаешь, кто я такой! Мне не нужно расцветки твоего флага, чтобы знать, чей ты! Гляди! Я покажу тебе цвет моего флага!

И капитан Немо развернул черный флаг, такой же, какой он водрузил на Южном полюсе.

В эту минуту одно ядро ударило по касательной в корпус «Наутилуса», не повредив его, рикошетировало мимо капитана и зарылось в море.

Капитан Немо только пожал плечами. Потом, обращаясь ко мне, отрывисто сказал:

– Сходите вниз, и вы и ваши товарищи!

– Капитан, – воскликнул я, – неужели вы атакуете этот корабль?

– Я потоплю его!

– Вы этого не сделаете!

– Сделаю, – холодно ответил капитан Немо. – Не советую вам судить меня. Рок дал вам возможность увидеть то, чего вы не должны бы видеть. На меня напали. Ответ будет ужасным. Спускайтесь!

– Чей это корабль?

– А вы не знаете? Тем лучше! По крайней мере его национальность будет для вас тайной. Спускайтесь!

Мне, канадцу и Конселю оставалось только повиноваться. Пятнадцать моряков «Наутилуса» окружили капитана и с выражением непримиримой ненависти смотрели на корабль, все ближе подходивший к нам. Чувствовалось, что все они дышали единым веянием мести.

Я сходил по трапу в тот момент, когда еще одно ядро скользнуло по «Наутилусу», и я слышал, как капитан крикнул:

– Бей, сумасшедший корабль! Трать бесполезно свои ядра! Ты не уйдешь от бивня «Наутилуса»! Но ты погибнешь не в этом месте! Я не хочу, чтобы твои останки мешались с останками героического «Мстителя»!

Я ушел к себе в каюту. Капитан и его помощник остались на палубе. Винт заработал. «Наутилус» быстро оказался вне пределов досягаемости снарядов с борта корабля. Преследование продолжалось, но капитан Немо довольствовался только тем, что стал держаться на определенном расстоянии.

Часам к четырем вечера, сгорая от нетерпения и беспокойства, я вернулся к центральной лестнице. Крышка люка была открыта. Я осмелился подняться на палубу. Капитан прохаживался быстрым шагом, посматривая на корабль, оставшийся под ветром в пяти-шести милях от «Наутилуса». Капитан Немо кружил вокруг двухпалубного корабля, как хищное животное, и, вызывая на преследование, заманивал его в восточном направлении. Однако сам не нападал. Может быть, он еще колебался в своем решении.

Я хотел заступиться еще раз. Но едва я обратился к капитану Немо, как он принудил меня умолкнуть.

– Я сам право и суд! – сказал он. – Я угнетенный, а вон мой угнетатель! Он отнял у меня все, что я любил, лелеял, обожал: отечество, жену, детей, отца и мать! А все, что я ненавижу, там! Молчите!

Я посмотрел в последний раз на корабль, разводивший пары. Затем я сошел в салон к канадцу и Конселю.

– Бежим! – воскликнул я.

– Отлично! – сказал Нед. – Чей это корабль?

– Не знаю; но чей бы ни был, его потопят еще до ночи! Во всяком случае, лучше погибнуть вместе с ним, чем быть сообщниками в возмездии, когда не знаешь, справедливо ли оно.

– Я так же думаю, – ответил Нед. – Подождем ночи!

Настала ночь. Полная тишина царила на «Наутилусе». Компас показывал, что курс не изменился. Я слышал биение винта, быстрыми ритмичными движениями врезавшегося в воду. «Наутилус» плыл на поверхности моря, покачиваясь с боку на бок.

Мои товарищи и я решили бежать, как только военный корабль подойдет настолько близко, что нас могут услышать или увидеть, благо луна, за три дня до полнолуния, светила полным светом. Очутившись на борту военного корабля, мы если и не сумеем предупредить грозящий ему удар, то сделаем по крайней мере все, что обстоятельства позволят предпринять. Несколько раз мне казалось, что «Наутилус» готовится к атаке. Нет, он только давал противнику подойти поближе, а затем опять пускался в бегство.

Часть ночи прошла без всяких происшествий. Мы дожидались возможности бежать. Нед Ленд хотел теперь же броситься в море. Я вынудил его повременить. По моим соображениям, «Наутилус» должен атаковать двухпалубный корабль на поверхности моря, а тогда наше бегство станет не только возможным, но и легким.

В три часа утра я, тревожась, поднялся на палубу. Все это время капитан не сходил с нее. Не сводя с корабля глаз, он стоял возле своего флага, и легкий ветер развеивал черное полотнище над головой капитана. Казалось, его взгляд, необычайно напряженный, держал, тянул и влек за собой этот корабль вернее, чем буксир!

Луна переходила меридиан. На востоке показался Юпитер. В этом мирном спокойствии природы небо и океан соперничали своей безмятежностью, морская гладь предоставляла ночным звездам смотреться в свою зеркальную гладь – самое прекрасное из всех зеркал, когда-либо отражавших их светлый образ.

И когда я сравнивал этот глубокий покой стихий с тем чувством злобы, какое таилось в недрах неуловимого «Наутилуса», все существо мое содрогалось.

Военный корабль находился от нас в двух милях. Он приближался, все время держа курс по

фосфорическому свету, который указывал ему местонахождение «Наутилуса». Я видел его сигнальные огни, красный и зеленый, и белый фонарь на большом штаге бизань-мачты. Расплывчатый отраженный свет давал возможность разглядеть его оснастку и определить, что огонь в топках доведен до предела. Снопы искр и раскаленный шлак вылетали из его труб, рассыпаясь в темном пространстве.

Я пробыл на палубе до шести часов утра, но капитан Немо делал вид, что не замечает меня. Корабль шел в полтора милях от нас и при первых проблесках зари открыл обстрел. Наступало время, когда «Наутилус» нападет на своего противника, а я и мои товарищи навсегда расстанемся с этим человеком, которого я лично не решусь осуждать.

Я собирался сойти вниз, чтобы предупредить моих товарищей, в это время на палубу поднялся помощник капитана. Его сопровождали несколько моряков. Капитан Немо не видел или не хотел их видеть. Но они сами приняли необходимые меры, которые можно было бы назвать «изготовкой к бою». Их меры были очень просты. Балюстраду из железных прутьев вокруг палубы опустили вниз. Кабина с прожектором и рубка рулевого тоже вошли в корпус «Наутилуса» заподлицо. Теперь на поверхности длинной стальной сигары не осталось ни одной выпуклости, которая могла бы помешать ее маневру.

Я вернулся в салон. «Наутилус» продолжал держаться на поверхности. Проблески наступавшего дня проникли и в верхний слой воды. При определенных колебаниях волн стекла окон оживлялись красноватым отсветом восходящего солнца.

Наступал ужасный день 2 июня.

В пять часов лаг показал, что «Наутилус» убавил скорость. Я понял, что он подпускал к себе противника.

Выстрелы слышались гораздо отчетливее. Снаряды падали вокруг «Наутилуса» и с особым шипением врезались в воду.

– Друзья, – сказал я, – подадим друг другу руки, и да хранит нас бог!

Нед Ленд был решителен, Консель спокоен, я нервничал и еле себя сдерживал. Мы перешли в библиотеку. Но, отворяя дверь, выходящую к центральному трапу, я услышал, как крышка люка резко опустилась.

Канадец кинулся к ступенькам, но я остановил его. Хорошо знакомое шипение дало нам знать, что вода стала поступать в резервуары. Через несколько минут «Наутилус» опустился на несколько метров ниже поверхности воды. Я понял его маневр. Теперь нам было поздно действовать. «Наутилус» оставил мысль нанести удар двухпалубному кораблю в его непроницаемую броню, а собирался это сделать ниже ватерлинии – там, где его обшивка не защищена металлом.

Снова мы оказались в заключении и готовились стать невольными свидетелями зловещей драмы. Впрочем, мы не успели задуматься над этим. Забравшись в мою каюту, мы только смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Мой мозг впал в полное оцепенение. Остановилась работа мысли. Я находился в том тягостном моральном состоянии, когда ждешь, что вот-вот произойдет страшный взрыв. Я ждал, весь обратившись в слух.

Между тем скорость движения «Наутилуса» заметно возросла. Он делал разбег. Весь его корпус содрогался. И вдруг я вскрикнул: «Наутилус» нанес удар, но не такой сильный, как можно было ждать. Я ощутил пронизывающее движение стального бивня. Я слышал лязг и скрежет. «Наутилус» благодаря могучей силе своего стремления вперед прошел сквозь корпус корабля так же легко, как иголка парусного мастера сквозь парусину.

Я был не в силах сдержаться. Вне себя я как безумный вылетел из комнаты и вбежал в салон. Там

стоял капитан Немо. Молча, мрачно, непримиримо смотрел он в хрустальное окно правого борта.

Огромная масса тонула в океане, а вровень с ней погружался в бездну «Наутилус», чтобы не потерять из виду ни одного момента этой агонии. В десяти метрах от меня я увидел развороченную корму, куда вливалась с грохотом вода, затем пушки и предохранительные переборки; по верхней палубе металась толпа черных призраков. Вода все поднималась. Несчастные карабкались на ванты, цеплялись за мачты, барахтались в воде. Это был человеческий муравейник, внезапно залитый водой!

Я был парализован, скован ужасом, волосы вставали у меня дыбом, голос пропал, дыхание прерывалось и... все же я смотрел! Непреодолимая сила влекла меня к окнам.

Громадный корабль погружался медленно. «Наутилус» следовал за ним, следя за каждым его движением. Внезапно раздался взрыв! Сжатый воздух взорвал палубы, словно кто-то поджег пороховые погреба. Толчок воды был такой силы, что наше судно отбросило.

Теперь несчастный корабль стал быстро идти ко дну. Вот показались марсы, облепленные жертвами, реи, согнувшиеся от громоздящихся людей, и, наконец, вершина главной мачты. Темная масса скрылась под водой со всем своим экипажем мертвецов, захлестнутых ужасным водоворотом.

Я обернулся и посмотрел на капитана Немо. Этот страшный судия, настоящий архангел мести, не отрывал глаз от тонущего корабля... Когда все кончилось, капитан Немо направился к своей каюте, отворил дверь и вошел к себе. Я провожал его глазами.

На стене против двери, над портретами его героев, я увидел портрет еще молодой женщины и двух детей. Капитан Немо несколько секунд смотрел на них, протянув к ним руки, затем упал на колени и горько зарыдал.

Глава двадцать вторая

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА КАПИТАНА НЕМО

Жуткое зрелище кончилось, и створы закрылись, но свет в салоне не зажегся. Внутри подводного корабля царили безмолвие и мрак. «Наутилус» уходил от места скорби с невероятной быстротой, на глубине ста метров. Куда он шел? На юг или на север? Куда бежал этот человек, совершив свое ужасное возмездие?

Я вернулся к себе в каюту, где молча сидели Консель и Нед. Я чувствовал отвращение к капитану Немо. Сколько бы он ни пострадал от других людей, он не имел права наказывать их так жестоко. Он превратил меня если не в сообщника, то в свидетеля деяний своей мести! Это уже слишком!..

В одиннадцать часов дали свет. Я прошел в салон. В нем было пусто. Я посмотрел на инструменты. «Наутилус» неся к северу со скоростью двадцати пяти миль в час то на поверхности, то на тридцать футов ниже. По отметкам на карте я видел, что мы прошли мимо Ла-Манша и с невероятной скоростью идем по направлению к северным морям. Я еле успевал ловить глазами мелькавших перед окнами длинноносых акул, рыб-молотов, морских волков, частых посетителей этих вод, больших морских орлов, тучи морских коньков, похожих на шахматных коней, угрей, извивавшихся, как фейерверочные змейки, полчища крабов, плывших в наклонной плоскости, скрестив клешни на панцире, наконец, стаи косаток, соперничавших с «Наутилусом» в быстроте. Но, конечно, о наблюдении, изучении, классификации не могло быть речи.

К вечеру мы прошли Атлантическим океаном двести миль. Смеркалось, и до восхода луны море окутал мрак. Ужасная сцена разгрома все время воскресала в моем воображении.

С этого дня кто мог сказать, куда нас увлечет «Наутилус», все время шедший с непостижимой скоростью? Дойдет ли он до шпицбергенских кос, до круч Новой Земли? Пройдет ли по неведомым морям – по Белому и Карскому, по Обскому заливу, архипелагам Ляхова, вдоль неизвестных берегов Азиатского материка? Трудно сказать. Не знаю, сколько прошло времени. Время остановилось на судовых часах. Казалось, день и ночь шли не обычным чередом, а как в полярных странах. Я чувствовал себя во власти фантастического мира, где так свободно вращалось большое воображение Эдгара По. Каждую минуту я был готов увидеть мифического Гордона Пима, «эту туманную человеческую фигуру, гораздо большего объема, чем у любого обитателя земли, распростертого поперек водопада, который преграждает доступ к полюсу!».

Я предполагаю – может быть, и ошибочно, – что отважный бег «Наутилуса» длился пятнадцать или двадцать дней, и неизвестно, сколько бы он продолжался, если бы не катастрофа, закончившая это путешествие. О капитане Немо не было ни слуху ни духу. О помощнике капитана – тоже. Ни один человек из экипажа не появлялся. Почти все время «Наутилус» держался под водой. Когда он поднимался на поверхность, чтобы обновить воздух, створы открывались и закрывались автоматически. Ни одной отметки на карте. Я не имел понятия, где мы находимся.

Добавлю, что канадец, утратив силы и терпение, не появлялся тоже. Конселю не удавалось выжать из него ни одного слова, и он боялся, как бы канадец в припадке безумия или под влиянием невыносимой тоски по родине не покончил самоубийством. Он следил за ним, не оставляя его ни на одну минуту.

Каждому понятно, что в таких условиях наше положение стало невыносимым.

Однажды утром – но какого числа, сказать трудно, – в первые часы дня я заснул, но сном болезненным, тяжелым. Когда я пробудился, я увидел Неда, который нагнул надо мной и шепотом

сказал:

– Бежим!

Я вскочил.

– Когда? – спросил я.

– В эту же ночь. Похоже на то, что «Наутилус» остался без присмотра. Можно сказать, что на судне все оцепенели. Вы будете готовы?

– Да. А где мы?

– В виду земли; сегодня я ее заметил сквозь туман, на расстоянии двадцати миль к востоку.

– Что это за земля?

– Не знаю, но, какая б ни была, мы там найдем пристанище.

– Да, Нед! Да, этой ночью мы бежим, хотя бы нам грозило утонуть в море.

– Море бурное, ветер крепкий; но сделать двадцать миль на легкой посудинке с «Наутилуса» меня нисколько не пугает. Я сумею незаметно перенести в шлюпку немного еды и несколько бутылок с водой.

– Я буду с вами, Нед.

– А если меня застанут, – добавил Нед, – я буду защищаться, пока меня не убьют.

– Мы умрем вместе, Нед.

Я решился на все. Канадец ушел. Я вышел на палубу, где с трудом мог удержаться на ногах – так сильно били волны. Небо не предвещало ничего хорошего, но, раз в этом густом тумане была видна земля, надо бежать. Мы не могли терять ни дня, ни часа.

Я вернулся в салон, опасаясь и вместе с тем стремясь встретить капитана Немо, желая и не желая его видеть. Что я ему скажу? Смогу ли скрыть невольный ужас, какой внушал он мне? Нет! Лучше не встречаться лицом к лицу! Лучше забыть его! А все-таки...

Как долго тянулся этот день, последний день, который я должен провести на «Наутилусе»! Я оставался один. Нед Ленд и Консель избегали говорить со мной, чтобы не выдавать себя.

В шесть часов я сел обедать, хотя мне не хотелось есть. Но, несмотря на отвращение, я принуждал себя, чтобы не ослабеть. В половине седьмого Нед вошел ко мне в каюту. Он сказал:

– До нашего отплытия мы не увидимся. В десять часов луны еще не будет. Мы воспользуемся темнотой. Приходите в лодку. Консель и я будем вас ждать.

Канадец сейчас же вышел, не дав мне времени ответить.

Я захотел проверить курс «Наутилуса» и сошел в салон. Мы шли на северо-северо-восток с пугающей скоростью на глубине пятидесяти метров.

В последний раз я посмотрел на чудеса природы, на великолепные произведения искусства, теснившиеся в этом музее, на эти бесподобные коллекции, обреченные когда-нибудь погибнуть на дне моря вместе с тем, кто их собрал. Мне захотелось запечатлеть их навсегда в моей памяти. Так я провел здесь целый час; залитый струями света, падающего с потолка, я все ходил и любовался сокровищами, сиявшими в витринах.

Затем я вернулся к себе в каюту. Там я надел непромокаемый морской костюм. Собрал свои записки и спрятал их на себе. Сильно билось сердце. Я не мог умерить его стук. Мое смущение, мое волнение не ускользнули бы, конечно, от капитана Немо.

Что делал он в эту минуту? Я подошел к двери его каюты. Там слышались шаги. Немо был у себя. Он не ложился спать. При каждом его движении мне все казалось, что он вот-вот появится передо мной и спросит: «Почему вы хотите бежать?» Я пугался малейшего звука. Воображение преувеличивало мои страхи. Это болезненное состояние настолько обострилось, что я не раз спрашивал себя: не лучше ли войти к капитану, стать перед ним и вызывающе взглянуть ему в лицо?

Сумасшедшая мысль! К счастью, я удержался и, возвратясь к себе, лег на койку, чтобы ослабить физическое возбуждение. Нервы успокоились, но мой разгоряченный мозг работал, – в нем быстро проносились воспоминания о жизни на борту «Наутилуса»; перед моим духовным взором промелькнуло все, что случилось после моего исчезновения с «Авраама Линкольна», все происшествия, плохие и хорошие; я снова увидел подводные охоты, пролив Торреса, берега Папуасии, мель, коралловую гробницу, Суэцкий канал, Санторинский остров, критского ловца, бухту Виго, Атлантиду, ледяной затор, Южный полюс, ледяную тюрьму, бой со спрутами, бурю в Гольфстриме, «Мстителя» и ужасное зрелище корабля, потопленного вместе с экипажем! Все эти события развертывались перед глазами, как движущаяся декорация на театральном заднем плане. И в этом своеобразном окружении фигура капитана возрастала непомерно. Его личность выделялась и получала сверхчеловеческие соотношения. Он становился не подобием меня, а властелином вод, гением морей!

Настала половина десятого. Зажмурив глаза, я сдавливал голову руками, чтобы не дать ей лопнуть. Мне не хотелось думать. Еще полчаса ожидания! Полчаса такого кошмара, что можно сойти с ума!

И в это время я услышал смутные звуки аккордов на органе, печальную гармонию вроде заунывной песни, истинный плач души, готовый порвать земные связи. Я слушал всем существом своим, едва дыша и отдаваясь целиком тому же музыкальному восторгу, какой, бывало, увлекал и капитана Немо в нездешний мир.

Но вдруг я ужаснулся одной мысли. Капитан Немо вышел из своей каюты. Он был в салоне, а мне, чтобы бежать, надо пройти через салон. И там я встречу с ним в последний раз, он меня увидит, а может быть, заговорит! Он может уничтожить меня одним жестом, приковать к борту одним словом!..

Сейчас пробьет десять часов. Настало время выходить из каюты и присоединиться к моим друзьям. Не могло быть колебаний, хотя бы капитан Немо стоял передо мной. Я отворил дверь очень осторожно, и все-таки мне показалось, что она вращается на петлях с ужасным скрипом. Возможно, этот скрип был лишь игрой моего воображения!

Я начал двигаться ползком по темным проходам «Наутилуса», все время останавливаясь, чтобы сдерживать сердцебиение. Я добрался до угловой двери салона и тихонько приотворил ее. Полный мрак царил в салоне. Слабо звучали органные аккорды. Капитан Немо сидел у органа. Он не видел меня. Мне кажется, он не заметил бы меня даже при полном свете, настолько он весь ушел в свое восторженное состояние.

Я пополз по мягкому ковру, стараясь ни на что не наткнуться, – малейший шум мог меня выдать. Понадобилось пять минут, чтобы добраться до главной двери, ведущей в библиотеку. Я уже собрался отворить ее, как вдруг глубокий вздох капитана Немо приковал меня на месте. Я понял, что он встал. Мне даже удалось, хотя и смутно, разглядеть его, поскольку тонкий луч света из освещенной библиотеки проникал в салон. Капитан шел по направлению ко мне, молча, скрестив на груди руки, как-то скользя, а не шагая, – точно призрак. Его стесненная грудь вздымалась от рыданий. И мне послышались его слова, последние, дошедшие до моего слуха:

– Боже всемогущий! Довольно! Довольно!..

Что это? Голос совести, крик души этого человека?

В полном смятении я проскочил библиотеку, взобрался по центральному трапу и по верхнему проходу добрался до лодки. Я проник в нее сквозь отверстие, уже впустившее туда моих товарищей.

– Едем! Едем! – крикнул я.

– Сейчас! – ответил канадец.

Сначала мы закрыли отверстие, проделанное в стальной обшивке «Наутилуса», и закрепили его гайками при помощи английского ключа, которым запасся Нед Ленд. Таким же образом закрыли и отверстие для лодки, а затем канадец стал отвинчивать гайки, еле соединявшие нас с «Наутилусом».

Вдруг внутри послышался какой-то шум, чьи-то голоса быстро, коротко перекликались. Что там случилось? Неужели они заметили наш побег? Я почувствовал, как Нед Ленд дал мне в руки кинжал.

– Да, – прошептал я, – мы сумеем умереть!

Канадец приостановил свою работу. В это время до меня донеслось одно слово, повторенное раз двадцать, – слово страшное, и благодаря ему мне сразу стала ясной причина волнения, охватившего весь «Наутилус». Его экипажу было не до нас!

– Мальстрим! Мальстрим! – крикнул я.

Мальстрим! Могло ли в нашем и без того ужасном положении раздаться слово более ужасное, чем это? Значит, мы очутились в самых опасных водах Норвежского побережья. Неужели в эту пучину затянуло «Наутилус», и как раз в то время, когда наша лодка была уже готова отделиться от его железных стен? Давно известно, что здесь морские воды, зажатые в часы прилива между Лофотенами и островами Феро, превращаются в стремнину неодолимой силы. В ней образуется водоворот, из которого еще никогда ни один корабль не мог спастись. Со всех точек горизонта неслись чудовищные волны. Они-то и образуют эту бездну, справедливо названную «пуп Атлантического океана» – водоворот такой мощи, что втягивал в себя все плывущее на расстоянии пятнадцати километров. Его бездна засасывала не только корабли, но и китов и белых медведей полярных стран.

В этой бездне и оказался «Наутилус», попав туда невольно, а может быть, и волей капитана Немо. «Наутилус» кружился по спирали, радиус которой становился все короче. Само собой разумеется, что и наша лодка, еле прикрепленная к «Наутилусу», носилась с головокружительной быстротой. Я это чувствовал, испытывал такое же болезненное состояние, какое наступает после долгого вращения на одном месте. Нас обуял предельный ужас, кровь застывала в жилах, нервная реакция исчезла, все тело покрылось холодным потом, как при агонии... А какой шум стоял вокруг уютной нашей лодки! Какой рев, разносимый эхом на много миль! Какой грохот волн, разбивающихся об острые вершины подводных скал – там, где дробятся самые твердые тела, где бревна перемалываются и превращаются в мочало!

Какое положение! Нас трепало во все стороны! «Наутилус» боролся, как человеческое существо. Стальные мускулы его трещали. Временами он вздымался кверху, а вместе с ним и мы!

– Надо держаться и завинтить гайки! – сказал Нед. – Пока мы прикреплены к «Наутилусу», мы можем еще спастись!..

Не успел он договорить, как раздался треск; гайки отлетели, лодку вырвало из углубления и швырнуло, как камень из пращи, в водоворот!

Голова моя ударилась о железный каркас лодки с такой силой, что я потерял сознание...

Глава двадцать третья

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и конец моему путешествию. Что произошло той ночью, каким образом выскочила наша лодка из страшного водоворота, как Нед Ленд, я и Консель спаслись из этой бездны, я не могу сказать. Но когда вернулось ко мне сознание, я уже лежал в хижине у рыбака с Лофотенских островов. Оба мои товарища – целы и невредимы – сидели около меня и пожимали мои руки. Мы горячо расцеловались.

В то время мы не могли и подумать о возвращении во Францию. Пассажирское сообщение между северной Норвегией и южной бывает редко. Приходилось ждать парохода, совершающего раз в два месяца рейс к Северному мысу. И вот, оставшись жить у милых, приютивших нас людей, я пересматриваю рассказ о наших приключениях. Он точен – ни один факт не пропущен, ни одна частности не раздута. Это – достоверная повесть о невероятной экспедиции в недрах морской стихии, еще не доступных человеку; но прогресс культуры их превратит когда-нибудь в свободные пути, открытые для всех!

Вопрос – поверят ли мне люди? В конце концов, это не важно. Я твердо могу сказать одно, что теперь имею право говорить о тех морских глубинах, где, менее чем в десять месяцев, я проплыл двадцать тысяч лье и совершил кругосветное путешествие, которое открыло мне такое множество чудес – в Индийском и Тихом океанах, в Красном и Средиземном морях, в Атлантике и в южных и в северных морях!

Однако что же случилось с «Наутилусом»? Устоял ли он против могучих объятий Мальстрима? Жив ли капитан Немо? Продолжает ли он плавать в глубинах океана и вершить свои ужасные возмездия, или же его путь пресекся на последней гекатомбе? Донесут ли волны когда-нибудь до нас ту рукопись, где описана история его жизни? Узнаю ли я, наконец, его настоящее имя? Не выдаст ли исчезнувший корабль своей национальностью национальность самого капитана Немо?

Надеюсь. Надеюсь и на то, что его могучее сооружение победило море даже в самой страшной его бездне и «Наутилус» уцелел там, где погибало столько кораблей. Если это так и если капитан Немо все еще живет в просторе океана, как в своем избранном отечестве, пусть ненависть утихнет в этом ожесточенном сердце! Пусть созерцание такого множества чудес природы затушит огонь мести! Пусть в нем грозный судья уступит место мирному ученому, который будет продолжать свои исследования морских глубин.

Если судьба его причудлива, то и возвышенна. А разве я его не понял? Разве не жил я десять месяцев его сверхъестественной жизнью? Уже шесть тысяч лет тому назад Экклезиаст задал такой вопрос: «Кто мог когда-либо измерить глубины бездны?» Но дать ему ответ из всех людей имеют право только двое: капитан Немо и я.

Таинственный остров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ураган 1865 года. — Возгласы над морской пучиной. — Воздушный шар, унесенный бурей. — Разорванная оболочка. — Кругом только море. — Пять путников. — Что произошло в гондоле. — Земля на горизонте. — Развязка драмы.

— Поднимаемся?

— Какое там! Книзу идем!

— Хуже, мистер Сайрес! Падаем!

— Боже мой! Балласт за борт!

— Последний мешок сбросили!

— Как теперь? Поднимаемся?

— Нет!

— Что это? Как будто волны плещут?

— Под нами море!

— Совсем близко, футов пятьсот.

Заглушая вой бури, прозвучал властный голос:

— Все тяжелое за борт!.. Все бросай! Господи, спаси нас!

Слова эти раздались над пустынной ширью Тихого океана около четырех часов дня 23 марта 1865 года.

Наверно, всем еще памятна ужасная буря, разыгравшаяся в 1865 году, в пору весеннего равноденствия, когда с северо-востока налетел ураган и барометр упал до семисот десяти миллиметров. Ураган свирепствовал без передышки с 18 по 26 марта и произвел огромные опустошения в Америке, в Европе и в Азии, захватив зону шириною в тысячу восемьсот миль, протянувшуюся к экватору наискось от тридцать пятой северной параллели до сороковой южной параллели. Разрушенные города, леса, вырванные с корнем, побережья, опустошенные морскими валами величиною с гору, выброшенные на берег корабли, исчислявшиеся сотнями по сводкам бюро *Веритас*, целые края, превращенные в пустыни губительной силой смерчей, все сокрушавших на своем пути, многие тысячи людей, погибших на суше или погребенных в пучине морской, — таковы были последствия этого грозного урагана. Разрушительной силой он превзошел даже бури, принесшие ужасные опустошения в Гаване и в Гваделупе, 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

Но в мартовские дни 1865 года, когда на суше и на море творились такие бедствия, не менее страшная драма разыгралась в воздухе, сотрясаемом бурей.

Ураган подхватил воздушный шар, подбросил его, как мяч, на вершину смерча и, завертев вместе со столбом воздуха, помчал со скоростью девяносто миль [\[108\]](#) в час; шар волчком вращался вокруг собственной оси, как будто попал в некий воздушный мальстрим.

Под нижним обручем сетки воздушного шара колыхалась плетеная гондола, где находились пять человек, — их едва можно было различить в густом тумане, смешанном с водяной пылью и спускавшемся до самой поверхности океана.

Откуда же несся этот аэростат, жалкая игрушка неумолимой бури? Из какого уголка земного шара ринулся он в небеса? Несомненно, он не мог пуститься в путь во время урагана. А ведь ураган бушевал уже пять дней: его первые признаки дали о себе знать 18 марта. Были все основания предположить, что этот воздушный шар примчался издалека, ибо он, вероятно, пролетал не менее двух тысяч миль в сутки.

Путники, находившиеся в гондоле, не имели возможности установить, далекий ли путь они совершили и куда занесло аэростат, — для этого не было у них ни единой вехи. Вероятно, они испытывали на себе чрезвычайно любопытное явление: несясь на крыльях свирепой бури, они ее не чувствовали. Шар уносило все дальше, а пассажиры не ощущали ни его вращательного движения, ни бешеного перемещения по горизонтали. Глаза их ничего не различали сквозь облака, клубившиеся под гондолой. Вокруг них все застилала пелена тумана, такого плотного, что они не могли бы сказать — день это или ночь. Ни единого отблеска небесных светил, ни малейшего отзвука земных шумов, ни хотя бы слабого гула ревущего океана не доходило до них среди безмерной тьмы, пока они летели на большой высоте. И лишь когда шар стремительно понесся вниз, они узнали, что летят над бушующими волнами, и поняли, какая опасность грозит им.

Но как только сбросили весь груз, имевшийся в гондоле — запас патронов, оружие и провиант, — шар вновь поднялся и полетел на высоте четырех тысяч пятисот футов. Услышав, как плещет под гондолой море, путники, сочли, что вверху для них меньше опасности, и без колебаний выбросили за борт даже самые нужные вещи, ибо старались всячески сберечь газ — эту душу своего воздушного корабля, несшего их над безднами океана.

Ночь прошла в тревогах, которые были бы смертельны для людей менее мужественных. Наконец занялась заря, и лишь только забрезжил свет, ураган как будто стал стихать. 24 марта с самого раннего утра появились признаки затишья. На рассвете нависшие над морем грозовые тучи поднялись высоко. За несколько часов воронка смерча расширилась, и столб его разорвался. Ураган превратился в «очень свежий ветер», то есть скорость перемещения слоев воздуха уменьшилась вдвое. Все еще, как говорят моряки, дул «ветер на три рифа», но разбушевавшиеся стихии почти успокоились.

К одиннадцати часам утра небо почти очистилось от туч, во влажном воздухе появилась та особая прозрачность, которую не только видишь, но и чувствуешь после того, как пронесется сильная буря. Казалось, ураган не умчался далеко, на запад, а прекратился сам собою. Может быть, когда разорвался столб смерча, буря разрешилась электрическими разрядами, как это бывает иной раз с тайфунами в Индийском океане.

Но в тот же самый час пассажиры воздушного шара вновь заметили, что они медленно, но непрерывно спускаются. Оболочка шара постепенно съеживалась, вытягивалась, и вместо сферической аэростат принял яйцеобразную форму.

К полудню он уже летел над морем на высоте двух тысяч футов. Объем шара равнялся пятидесяти тысячам кубических футов; благодаря таким размерам он и мог так долго продержаться в воздухе, то поднимаясь вверх, то плывя по горизонтали.

Чтоб облегчить вес гондолы, путники уже выкинули за борт последние сколько-нибудь тяжелые

предметы, выбросили оставленный было малый запас пищи и даже все, что лежало у них в карманах; затем один из пассажиров взобрался на нижний обруч, к которому была прикреплена веревочная сетка, защищающая оболочку шара, и попробовал плотнее привязать нижний клапан аэростата.

Стало ясно, что удержать шар в высоте уже невозможно — для этого не хватало газа.

Итак, всех ожидала гибель!

Внизу был не материк, не остров, а ширь морская.

Нигде не было хотя бы клочка суши, полоски твердой земли, за которую мог бы зацепиться якорь аэростата.

Кругом только море, все еще с непостижимой яростью перекатывавшее волны. Куда ни кинешь взгляд — везде только беспредельный океан; несчастные аэронавты, хотя и смотрели с большой высоты и могли охватить взором пространство на сорок миль вокруг, не видели берега. Перед глазами у них простиралась только водная пустыня, безжалостно исхлестанная ураганом, изрытая волнами, — они неслись, словно дикие кони с разметавшейся гривой; мелькавшие гребни свирепых валов казались сверху огромной белой сеткой. Не было в виду ни земли, ни единого судна!

Остановить, во что бы то ни стало, остановить падение аэростата, иначе его поглотит пучина! Люди, находившиеся в гондоле, употребляли все усилия, чтобы поскорее добиться этого. Но старания их оставались бесплодными — шар опускался все ниже, вместе с тем ветер нес его с чрезвычайной быстротой в направлении с северо-востока на юго-запад.

Путники оказались в ужасном положении. Сомнений не было — они утратили всякую власть над аэростатом. Все их попытки ни к чему не приводили. Оболочка воздушного шара съеживалась все больше. Газ выходил из нее, и не было никакой возможности удержать его. Спуск заметно ускорялся, к часу дня гондолу отделяло от поверхности океана расстояние только в шестьсот футов. А газа становилось все меньше. Он свободно улетучивался сквозь разрыв, появившийся в оболочке шара.

Выбросив из гондолы все, что там находилось, путникам удалось продержаться в воздухе несколько лишних часов. Но это было лишь отсрочкой неизбежной катастрофы: если до ночи не появится в виду земля, — и шар и гондола канут в бездну океана.

Оставалось испробовать только одно средство, и путники прибегли к нему, показав себя людьми энергичными и отважными, которым не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Ни малейшего ропота не сорвалось с их уст. Они решили бороться до последней минуты и всеми мерами пытаться замедлить падение шара. Гондола представляла собой нечто вроде плетеной корзины и, конечно, не могла плавать: стоило ей упасть в воду, она сразу бы затонула.

К двум часам дня аэростат оказался уже на расстоянии четырехсот футов от поверхности океана.

И тогда раздался мужественный голос — голос человека смелого, чье сердце не ведает страха. На оклик его ответили голоса не менее решительные.

— Все выбросили?

— Нет! Осталось золото — десять тысяч франков!

И тотчас тяжелый мешок полетел в океан.

— Поднялся шар?

— Чуть-чуть. Сейчас опять упадет!

— Что еще можно выбросить?

— Ничего!

— Ничего? А гондола?

— Цепляйтесь все за сетку. А гондолу в воду!

Действительно, оставалось только это единственное и последнее средство облегчить шар. Веревки, которыми гондола была привязана к обручу сетки, перерезали, и, лишь только гондола оторвалась, аэростат поднялся на высоту в две тысячи футов.

Пятеро путников вскарабкались выше обруча и теперь держались в ячейках сетки, уцепившись за веревки. Все пятеро смотрели вниз, туда, где ревел океан.

Известно, какой необыкновенной чувствительностью отличается любой аэростат. Уменьшите хоть немного его груз, и шар сразу поднимется ввысь. Аэростат, парящий в воздухе, своей чувствительностью подобен математическим точным весам. И вполне понятно, что, если шар избавится от довольно тяжелой гондолы, он тотчас взлетит на значительную высоту. Так и произошло в данном случае.

Но, продержавшись одно мгновение вверху, аэростат опять стал спускаться. Газ утекал сквозь дыру в оболочке, и повреждение невозможно было исправить.

Путники сделали все, что могли, и теперь уж никакие силы человеческие не спасли бы их. Надежда была только на чудо.

В четыре часа дня шар оказался всего лишь на высоте пятисот футов от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Путники взяли с собой собаку, и теперь она находилась в сетке аэростата рядом со своим хозяином.

— Топ что-то увидал! — воскликнул один из пассажиров.

И тотчас раздался громкий возглас:

— Земля! Земля!

Шар по-прежнему несло ветром к юго-западу; с рассвета он уже пролетел сотни миль, и действительно перед путниками возник довольно высокий берег.

Но земля эта находилась на расстоянии тридцати миль. Достигнуть ее аэростат мог по меньшей мере через час, да и то при условии, что ветер не переменится. Через час! А что, если до этого срока утечет весь оставшийся газ?

Вопрос ужасный! Несчастные воздухоплаватели ясно различали сушу. Они не знали, остров это или материк, едва ли представляли себе, в какую часть света их занесло бурей. Но пусть даже вместо гостеприимной земли перед ними был необитаемый остров, до него необходимо было добраться любой ценой.

Однако в четыре часа дня стало совершенно очевидно, что шар больше держаться в воздухе не может. Он летел, касаясь поверхности воды. Гребни огромных валов не раз лизали нижние ячейки сетки, она намокла, отяжелела, и аэростат едва приподнимался, как птица с перебитым крылом.

Полчаса спустя до берега оставалось не больше мили, но в аэростате газ уже почти весь иссяк и держался только в верхней части дряблой, сплющенной оболочки, свисавшей крупными складками. Пассажиры, ухватившиеся за сетку, стали для шара непосильной ношей — вскоре он наполовину погрузился в воду, и разъяренные волны принялись стегать по нему. Оболочку выгнуло горбом, и ветер, надув ее, помчал по воде, словно парусную лодку. Казалось, вот-вот аэростат достигнет суши.

И действительно, он был уже в двух кабельтовых от берега, как вдруг у четырех путников вырвался

крик ужаса. Взметнулся грозный вал, и шар, как будто уже лишившийся подъемной силы, неожиданно взлетел вверх. словно избавившись от какой-то части своего груза, он поднялся на тысячу пятьсот футов, но тут попал в воздушную воронку, его закрутило ветром и понесло уже не к суше, а почти параллельно ей. Но минуты через две ветер переменился и швырнул, наконец, шар на песчаный берег, где он оказался недосягаемым для волн.

Путники помогли друг другу выбраться из опутавшей их сетки. Шар, освободившись от отягчающего бремени, взлетел при первом порыве ветра и, словно раненая птица, на миг вернувшись к жизни, взмыл вверх и исчез в небесном просторе.

В гондоле аэростата было пятеро путников и собака, но на берег выбросило только четырех человек.

Тот, кого не хватало, очевидно, был смыт волной, что облегчило груз аэростата, позволило ему подняться в последний раз и несколько мгновений спустя достигнуть суши.

Но лишь только потерпевшие крушение (их вполне можно назвать так) ступили на землю, — все четверо, не видя пятого спутника, воскликнули:

— Может быть, он пытается добраться вплавь... Спасем его! Спасем!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эпизод гражданской войны в США. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Непр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юный Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отлет в бурю.

Люди, которых ураган выбросил на какой-то далекий берег, не были аэронавтами-профессионалами или любителями воздушных путешествий. Их держали в заключении как военнопленных, и прирожденная отвага побудила их бежать из плена при обстоятельствах весьма необычайных! Сто раз они могли погибнуть! Сто раз аэростат с разорвавшейся оболочкой мог сбросить их в бездну. Но небо уготовило им удивительную участь. Двадцатого марта путники уже находились в семи тысячах миль от Ричмонда, осажденного войсками генерала Улисса Гранта, — они бежали из этой столицы штата Виргиния — главной крепости сепаратистов в дни ужасной гражданской войны. Воздушное их путешествие продлилось пять дней.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошло бегство пленников, закончившееся катастрофой, о которой мы уже рассказали читателям.

В 1865 году, в феврале месяце, во время одного из штурмов, при помощи которых генерал Грант тщетно пытался завладеть Ричмондом, несколько офицеров федеральной армии попали в руки неприятеля и были интернированы в этом городе. Один из наиболее примечательных пленников состоял при главном штабе армии Гранта, звали его Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, по профессии инженер, был первоклассным ученым; во время войны правительство Соединенных Штатов доверило ему управлять железными дорогами важного стратегического значения.

Худой, костлявый, сухопарый, он и по внешности мог считаться настоящим североамериканцем, и, хотя ему было не больше сорока пяти лет, в его коротко стриженных волосах блестела седина; серебряные нити проглядывали бы и в бороде, но Сайрес Смит не носил бороды, оставляя только густые усы.

Лицо его поражало суровой красотой и чеканным профилем — такие лица как будто созданы для того, чтобы их изображали на медалях; глаза горели огнем энергии, строгие губы редко улыбались, — словом, у Сайреса Смита был облик ученого, наделенного духом воителя. Он принадлежал к числу тех инженеров, которые в начале своей карьеры по доброй воле орудовали молотом и киркой, уподобляясь генералам, начинавшим военную службу рядовыми. Поэтому не удивительно, что при исключительной изобретательности и остроте ума у него были и очень ловкие, умелые руки. Развитая мускулатура указывала на его большую силу. Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал без всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач. Большие познания сочетались у него с практическим складом ума и, как говорят солдаты, с большой сметкой; к тому же он выработал в себе замечательную выдержку и ни при каких обстоятельствах не терял головы, — короче говоря, у него в высокой степени развиты были три черты, присущие сильному человеку: энергия физическая и умственная, целеустремленность и могучая воля. Он мог бы избрать своим девизом слова, сказанные в XVII веке Вильгельмом Оранским:

«Предпринимая что-либо, я не нуждаюсь в надеждах; упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах».

Вместе с тем Сайрес Смит был олицетворением храбрости. Он участвовал во всех боях гражданской

войны. Начав службу под командой Улисса Гранта в отряде волонтеров Иллинойса, он сражался под Падьюкой, Белмонтом, Питсбургом-Лендингом, при осаде Коринфа, у Порт-Гибсона, у Черной Реки, под Чаттанугой, близ Уайльдернесса, на Потомаке — и повсюду сражался доблестно, как солдат, вполне достойный генерала Гранта, который на вопрос о потерях ответил: «Я своих убитых не подсчитываю». Сто раз Сайрес Смит мог оказаться в числе тех, кого не подсчитывал грозный полководец, но, хоть он и не щадил себя в этих битвах, ему везло до того дня, когда он получил ранение под Ричмондом и был взят в плен.

Вместе с Сайресом Смитом в тот же день попал в руки южан и другой выдающийся человек — не кто иной, как Гедеон Спилет, специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», прикомандированный к армии северян для того, чтобы следить за перипетиями войны.

Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе репортеров, по преимуществу англичан и американцев, которые по примеру Стенли и ему подобных не отступают ни перед чем, лишь бы добыть точные сведения о злободневном событии и поскорее сообщить их в свою газету. В Соединенных Штатах такие крупные газеты, как «Нью-Йорк геральд», стали подлинной силой, и с их представителями, «специальными корреспондентами», приходится считаться. Гедеон Спилет занимал одно из первых мест среди этих «специальных корреспондентов».

Человек весьма достойный, энергичный, подвижный и решительный, журналист, объехавший весь свет, солдат и художник, кипучий ум, способный во всем разобраться, натура предприимчивая и деятельная, Спилет не боялся ни труда, ни усталости, ни опасностей, когда ему хотелось что-нибудь «узнать», — прежде всего для самого себя, а затем для своей газеты. Это был сущий герой любознательности, неутомимый искатель новых сведений, всего неизведанного, неизвестного, невозможного, невероятного, — один из тех отважных наблюдателей, которые пишут газетные заметки под свист пуль, составляют «хронику» под пролетающими ядрами и считают любую опасность увлекательным приключением.

Он тоже участвовал во всех боях, всегда был на передовых позициях с револьвером в одной руке, с записной книжкой в другой, и под градом картечи карандаш не дрожал в его руке. Не в пример тем репортерам, которые особенно красноречивы, когда им нечего сказать, он не занимал телеграфные провода нескончаемыми депешами, но каждая его заметка, краткая, точная, ясная, всегда проливали свет на какое-нибудь важное событие. Кстати сказать, он не был лишен юмора. Это он после боя у Черной Реки, желая во что бы то ни стало сохранить свою очередь у окошечка телеграфа и сообщить в газету об исходе сражения, в течение двух часов передавал по телеграфу первые главы Библии. Такой трюк обошелся «Нью-Йорк геральд» в две тысячи долларов, но зато газета первая получила информацию.

Гедеон Спилет был высокого роста и еще не стар — лет сорока, не больше. У него были рыжеватые бакенбарды. Живые, быстрые глаза смотрели спокойно и уверенно. Такие глаза бывают у людей, привыкших мгновенно схватывать все подробности открывающейся взору картины. Сложения он был крепкого да еще закалился, путешествуя под различными широтами, — так закаляют холодной водой раскаленный стальной брусок.

Уже десять лет Гедеон Спилет состоял постоянным корреспондентом «Нью-Йорк геральд» и обогащал газету своими заметками и рисунками, — он одинаково хорошо владел пером литератора и карандашом рисовальщика. В ту минуту, когда его захватили в плен, он описывал ход сражения и делал наброски. Заметки в его записной книжке оборвались на следующих словах: «Неприятель прицеливается в меня и...» Стрелок промахнулся: Гедеон Спилет, как всегда, вышел из жаркого боя без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет знали друг друга только понаслышке. Обоих переправили в Ричмонд. Инженер быстро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с журналистом. Они

почувствовали взаимное уважение и приязнь. Вскоре их соединила цель, неотступно стоявшая перед ними. Оба хотели только одного: бежать, возвратиться в армию Гранта и вновь сражаться в ее рядах за федеральное единство.

Два друга решили воспользоваться для бегства любыми благоприятными обстоятельствами, но хотя в Ричмонде они жили на свободе, город так строго охранялся, что побег следовало считать невозможным.

В то время к Сайресу Смиту ухитрился пробраться безгранично преданный ему слуга. Этот отважный человек, увидевший свет на ферме родителей инженера, был негр, сын невольников и сам невольник, но Сайрес Смит, будучи по убеждению и по голосу сердца противником рабства, дал негру вольную. Раб, став свободным, не пожелал расстаться со своим хозяином. Он горячо его любил и готов был умереть за него. Ему шел тридцать первый год, он был сильный, проворный, ловкий и сообразительный человек, кроткий и спокойный, порой очень наивный, всегда улыбающийся, услужливый и добрый. Его звали Навуходоносор, но он не любил этого пышного имени и предпочитал ему привычное с детства уменьшительное имя — Наб.

Узнав, что господин его попал в плен, Наб без колебаний покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и при помощи всяческих хитростей, двадцать раз рискуя жизнью, проник в осажденный город. Невозможно передать словами радость Сайреса Смита, увидевшего своего слугу, и счастье Наба, соединившегося с любимым хозяином.

Итак, Набу удалось проникнуть в Ричмонд, но куда труднее было выбраться оттуда, так как военнопленные солдаты федеральной армии находились под строжайшим надзором. Для попытки к побегу, дававшей хотя бы малую надежду на успешный ее исход, приходилось ждать исключительных обстоятельств, но такие обстоятельства все не возникали, а создать их было не так-то легко.

Тем временем Грант продолжал вести решительные военные действия! В жарком бою с южанами под Петерсбергом он одержал победу. Но соединенные силы его армии и войска Бутлера пока еще ничего не могли добиться в осаде Ричмонда, и ничто не предвещало близкого освобождения военнопленных. Однообразная жизнь узника не давала репортеру никакой пищи для заметок, и он уже не в силах был ее выносить. Его не оставляла мысль бежать из Ричмонда, бежать любой ценой. Несколько раз он пытался сделать это и не мог: препятствия были непреодолимыми.

Осада города шла своим чередом, и, если военнопленные жаждали бежать из него, чтобы возвратиться в армию Гранта, кое-кому из осажденных очень хотелось покинуть Ричмонд, чтобы добраться до армии сепаратистов; среди этих вояк был и Джонатан Форстер — заядлый приверженец южан. В самом деле, если военнопленные федеральной армии не имели возможности выйти из города, не могли этого сделать и сепаратисты, так как армия северян обложила его со всех сторон. Губернатор Ричмонда уже давно потерял связь с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить ему о положении в городе и просить поскорее двинуть армию в помощь осажденным. И вот Джонатану Форстеру пришла мысль вылететь из Ричмонда в гондоле воздушного шара, пересечь таким способом линии осаждающих войск и добраться до лагеря сепаратистов.

Губернатор разрешил такую попытку. Был изготовлен аэростат, и его предоставили в распоряжение Джонатана Форстера, намеревавшегося совершить свое воздушное путешествие с пятью спутниками. Аэронавтов снабдили оружием на случай, если они, приземлившись, натолкнутся на неприятеля и вынуждены будут защищаться. Получили они и запас провианта на случай длительного пребывания в воздухе.

Вылет назначили на 18 марта. Предполагалось, что он осуществится в ночное время, при свежем северо-западном ветре: путешественники рассчитывали за несколько часов долететь до штаб-квартиры генерала Ли.

Но северо-западный ветер оказался иным, чем ожидали. Восемнадцатого марта уже с утра видно было, что надвигается буря. А вскоре поднялся такой ураган, что отлет Форстера пришлось отсрочить, ибо опасно было отдать аэростат и пятерых путешественников на волю разбушевавшейся стихии.

Наполненный газом воздушный шар находился на главной площади Ричмонда, готовый к вылету при первом затишье, и весь город ждал этого затишья с возрастающим нетерпением, а между тем погода все не улучшалась.

Восемнадцатого и девятнадцатого марта буря свирепствовала без передышки. С большим трудом оберегали от нее привязанный канатами воздушный шар, который порывами шквала прибивало к самой земле.

Прошла ночь с девятнадцатого на двадцатое марта, а поутру буря разыгралась еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к инженеру Сайресу подошел на улице какой-то незнакомый ему человек. Это был моряк лет тридцати пяти или сорока, носивший фамилию Пенкроф, рослый, крепкий и очень загорелый, с живыми, быстро мигавшими глазами и добродушным лицом. Он был уроженец Северной Америки, плавал по всем морям, побывал во всяческих переделках, изведаль множество необыкновенных приключений, какие иному сухопутному обывателю и во сне не приснятся. Нечего и говорить, что это был человек предприимчивый, смельчак, ничего не боявшийся и ничему не удивлявшийся. В начале 1865 года Пенкроф приехал по делам в Ричмонд из Нью-Джерси с пятнадцатилетним Гербертом Брауном, сыном своего капитана, оставшимся сиротой; Пенкроф любил этого юношу, как родного сына. До начала осады ему не удалось выехать из города, и, к великому своему огорчению, он оказался запертым в Ричмонде. Теперь и у него тоже было лишь одно желание: бежать, воспользовавшись любым случаем. Пенкроф много слышал об инженере Сайресе Смите, он знал, что этот решительный человек жаждет вырваться на свободу. И вот на третий день бури он смело подошел к Смиту и без всяких предисловий спросил:

— Мистер Смит, вам не надоел этот чертов Ричмонд?

Инженер поглядел в упор на незнакомца, заговорившего с ним, а Пенкроф добавил вполголоса:

— Мистер Смит, хотите бежать?

— Когда? — тотчас отозвался инженер, и можно с уверенностью сказать, что этот ответ сорвался у него с языка невольно, ибо он даже не успел рассмотреть неизвестного, обратившегося к нему с таким предложением.

Однако, всмотревшись проницательным взглядом в открытое лицо моряка, он уже не сомневался, что видит перед собой честного человека.

— Кто вы такой? — отрывисто спросил он.

Пенкроф коротко рассказал о себе.

— Прекрасно! — сказал Смит. — А каким способом вы предлагаете бежать?

— Да вот воздушный шарик тут без толку болтается, будто нарочно, бездельник, нас поджидает!

Пенкрофу не понадобилось входить в подробности. Инженер понял его с полуслова. Он схватил моряка под руку и быстро повел к себе.

Пенкроф изложил ему свой план. Все очень просто. Конечно, рискуешь при этом жизнью, но что ж поделаешь! Ураган, понятно, разъярился, бушует во всю мочь, но ведь такой искусный и смелый инженер, как Сайрес Смит, прекрасно сумеет управиться с воздушным кораблем. Ежели бы он, Пенкроф, знал, как обращаться с этим шариком, он бы не задумываясь вылетел на нем, разумеется, вместе с Гербертом. Мало

ли моряк Пенкроф видел бурь на своем веку! Таким ураганом его не удивишь!

Сайрес Смит слушал молча, но глаза у него блестели. Вот он — благоприятный случай. Разве можно его упустить. План очень рискованный, но и только, — он вполне осуществим. Несмотря на охрану, ночью можно пробраться к воздушному шару, залезть в гондолу, потом перерезать канаты, удерживающие шар! Понятно, тут легко и голову сложить, но возможно, что все сойдет хорошо, а без этой бури... Да, без этой бури шар уже давно бы вылетел, и долгожданный случай так и не представился!

— Я не один! — коротко заключил он вслух свои размышления.

— Сколько человек хотите взять с собой? — спросил моряк.

— Двух — моего друга Спилета и слугу Наба.

— Значит, вас трое, — заметил Пенкроф, — да я с Гербертом. Итого — пятеро. А предполагалось, что на шаре полетят шестеро...

— Отлично. Мы полетим! — воскликнул Сайрес Смит.

Он сказал «мы», давая обязательство и за журналиста, — действительно Геден Спилет был не робкого десятка, а когда узнал о возникшем замысле, одобрил его безоговорочно. Он только удивился, что ему самому не пришла в голову такая простая мысль. А что касается Наба, то он последовал бы за хозяином всюду, куда бы тому ни вздумалось отправиться.

— Стало быть, до вечера, — сказал Пенкроф. — Будем все пятеро слоняться вокруг да около, словно из любопытства.

— До вечера, — подтвердил Сайрес Смит, — встретимся в десять часов. Хоть бы эта буря не утихла до нашего вылета!

Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик знал о замыслах моряка и с беспокойством ожидал результатов его разговора с инженером. Как видят читатели, тут сошлось пятеро смельчаков, раз они решались броситься навстречу неумолимому урагану!

Да, буря не стихла, и ни Джонатан Форстер, ни его спутники даже не подходили к хрупкой гондole! Погода весь день была ужасная. Инженер боялся только одного: как бы оболочка аэростата, который ветром пригибало к земле, не разорвалась на тысячу кусков. Целыми часами Смит бродил по почти безлюдной площади, наблюдая за воздушным шаром. То же самое делал и Пенкроф; засунув руки в карманы, он прохаживался по площади, время от времени позевывал, словно забрел сюда от нечего делать и не знает, как ему убить время; а в действительности тоже был полон страха, что оболочка шара разорвется или, чего доброго, лопнут канаты и шар умчится в небеса.

Наступил вечер. Спустилась непроглядная тьма. По земле полз густой туман, похожий на облака. Пошел дождь, смешанный со снегом. Сразу похолодало. Какая-то влажная мгла нависла над Ричмондом. Казалось, что неистовая буря установила перемирие между осаждающими и осажденными, и пушки умолкли, устрасась грозного рева урагана. Улицы города были пустынные. Ни души и на площади, посреди которой бился на ветру аэростат, — вероятно, не считали нужным в такую лютую непогоду охранять его. Итак, все благоприятствовало побегу пленных, но как же решиться на страшное путешествие, как отдать себя на волю неистовых стихий?

— Неважная погодка! — пробормотал Пенкроф и, ухватившись за шляпу, ударом кулака покрепче ее нахлобучил. — Ну, да ничего! Как-нибудь справимся!

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон прокрались на площадь, где царил

непроницаемый мрак, ибо ветер загасил все газовые фонари. Не видно было даже очертаний огромного аэростата, прибитого ветром к земле. Помимо мешков с балластом, привязанных к предохранительной сетке, гондолу шара еще держал прочный канат, — он был пропущен сквозь железное кольцо, вделанное в мостовую, и оба его конца привязаны к плетеной гондоле.

Пятеро пленников встретились возле этой корзины. Никто их не заметил — стояла такая темь, что и сами они друг друга не видели.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт, не произнеся ни слова, забрались в гондолу, а тем временем Пенкроф, по указанию инженера, отвязывал один за другим мешки с балластом. Через несколько секунд моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь аэростат удерживал только канат, и Сайресу Смиту оставалось лишь дать приказ к отлету.

И вдруг в эту минуту в гондолу прыгнула собака. Это был Топ, любимый пес инженера, оборвав свою цепь, он прибежал вслед за хозяином. Боясь, что собака окажется лишним грузом, Сайрес Смит хотел ее прогнать.

— Не беда, возьмем и собаку! — сказал Пенкроф и выбросил из гондолы два мешка с песком.

Потом он отвязал канат, и шар, взлетев по косо́й, с яростной силой взвился в поднебесье, сбив при взлете две дымовые трубы.

Ураган бушевал во всю свою лютую мощь. Ночью нечего было и помышлять о спуске, а когда настал день, земли не было видно из-за плотной пелены тумана. Только на пятый день в просвете меж тучами под аэростатом, который ветер гнал с ужасающей быстротой, показалось море.

Читателям уже известно, что из пяти беглецов, поднявшихся 20 марта на воздушном шаре, четырех выбросило 24 марта на пустынный берег, находившийся на расстоянии шести тысяч миль от Ричмонда, [\[109\]](#) а тот, кого не оказалось среди спасшихся, тот, к кому они прежде всего бросились на помощь, был не кто иной, как Сайрес Смит — человек, который вполне естественно стал их предводителем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В пять часов вечера. — Тот, кого не хватает. — Отчаяние Наба. — Поиски в северном направлении. — Островок. — Ночь тоски и тревоги. — Утренний туман. — Наб пускается вплавь. — Земля в виду. — Переправа через пролив.

Инженера Смита, угнездившегося в ячейках предохранительной сетки, смыло волной, когда порвались веревки. Исчезла и его собака Топ, — верный пес сам бросился в море на помощь хозяину.

— Вперед! — крикнул журналист.

И все четверо — Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, — позабыв о голоде и усталости, пустились на поиски своего товарища.

Бедняга Наб плакал от ярости и отчаяния при мысли о том, что он потерял самого дорогого ему в мире человека.

Не прошло и двух минут с того мгновения, как Сайрес Смит исчез. Следовательно, спутники его, достигшие земли, еще могли надеяться, что они успеют спасти инженера.

— Искать его надо. Искать! — восклицал Наб.

— Да, Наб, — отвечал Гедеон Спилет. — Мы найдем его!

— Живым?

— Живым!

— Умеет он плавать? — спросил Пенкроф.

— Умеет! — ответил Наб. — К тому же с ним Топ...

Моряк прислушался к реву океана и покачал головой.

Инженер исчез у северной части побережья, приблизительно на расстоянии в полмили от того места, куда выбросило остальных. Если ему удалось добраться до ближайшей отмели — значит, пройти им надо было самое большее полмили.

Время близилось к шести часам вечера. Туман сгустился, и стало совсем темно. Аэронавты, потерпевшие крушение, шли в направлении к северу по восточному берегу земли, на которую их выбросило волей случая, земли, совершенно им неизвестной, о географическом положении которой они не могли строить никаких догадок. Они шли, чувствуя под ногами то песок, то камни, — казалось, что земля тут совсем лишена растительности. Продвигаться вперед было очень трудно. Они шагали в темноте по каким-то буграм, местами попадались глубокие рытвины. Из них поминутно поднимались невидимые во мраке большие птицы и, грузно взмахивая крыльями, разлетались во все стороны. Другие птицы, поменьше, попроворнее, выпархивали целыми стаями и живым облаком проносились над головами путников. Моряку казалось, что это были бакланы и чайки, — он узнавал их по жалобным пронзительным крикам, перекрывавшим грозный рев прибоя.

Время от времени путники останавливались, громко кричали, зовя исчезнувшего товарища, и настороженно прислушивались, не послышится ли его голос со стороны океана. Быть может, Сайресу Смиту удалось спастись и они уже недалеко от того места, где он выбрался на берег; а если сам Смит и не в силах позвать на помощь, то залает его пес, и звонкий лай Топа донесется до них. Но они ничего не слышали, кроме сурового гула океана да шума гальки, перекатываемой волнами. И маленький отряд двигался дальше, исследуя малейшие извилины берега.

Минут через двадцать все четверо вдруг остановились — дальше идти было некуда, перед ними набегали на берег высокие волны, разбиваясь о камни. Они оказались на краю остроконечного скалистого мыса, у которого злобно бурлили волны.

— На мыс вышли, — сказал моряк. — Назад надо податься. Держитесь правее, подальше от берега.

— Но ведь он там! — воскликнул Наб, указывая на море, где белели во тьме пенистые гребни огромных валов.

— Хорошо! Давайте кричать, звать его!

Все четверо крикнули разом, но громкий их зов остался без ответа. Они выждали минуту затишья. Снова бросили во тьму призыв. И снова не услышали отклика.

Тогда путники обогнули оконечность мыса и пошли дальше, ступая по песчаной и каменистой почве. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, поднимается выше, и предположил, что он довольно длинной грядой соединяется с косогором, очертания которого смутно вырисовывались в темноте. В этой части побережья птиц уже было меньше. И море здесь не так бурлило и ревело, волнение даже заметно уменьшилось. Едва доносилось шуршание перекатываемой гальки. Несомненно, извилина берега образовала тут бухту, которую скалистый выступ мыса защищал от валов, игравших в открытом море.

Однако, следуя в этом направлении, путники удалялись к югу, в сторону, противоположную той части побережья, до которой мог добраться Сайрес Смит. На протяжении полутора миль они не обнаружили ни малейшего изгиба берега, который дал бы им возможность повернуть на север. Но ведь мыс, который пришлось обогнуть, соединялся с сушей. И, напрягая последние силы, изнуренные путники мужественно шли вперед, надеясь, что вот-вот линия берега сделает крутой поворот и они снова пойдут на север.

Каково же было их разочарование, когда они, пройдя около двух миль, опять оказались на краю довольно высокого выступа, состоявшего из скользких глыб.

— Мы попали на какой-то островок! — сказал Пенкроф. — И уже исходили его из конца в конец.

Замечание моряка было правильным. Наши аэронавтов выбросило не на материк и даже не на остров, а на островок, имевший в длину не более двух миль и, очевидно, очень узкий.

Был ли этот каменистый бесплодный островок, унылый приют морских птиц, частью какого-нибудь большого архипелага? Как знать? Когда наши путники увидели его сквозь туман из гондолы воздушного шара, они не могли хорошенько его рассмотреть и определить, велик ли он. Но теперь Пенкроф зорким взглядом моряка, привыкшего всматриваться в темноту, казалось, различал на западе массивный силуэт гористого берега.

Однако ж в ночной тьме Пенкроф не мог установить, лежал ли их островок близ какого-то одного острова или же был частью архипелага. Не могли они также выбраться с островка, потому что его окружало море. А поиски инженера Смита, который, к несчастью, ни малейшим возгласом не дал о себе знать, приходилось отложить до утра.

— Молчание Сайреса еще ничего не доказывает, — сказал журналист. — Может быть, он потерял сознание, может быть, он ранен и сейчас не в состоянии ответить нам. Не будем отчаиваться.

Журналисту пришла в голову мысль зажечь на первом из выступов берега костер, чтоб подать сигнал Сайресу Смигу. Но тщетно все четверо искали топлива для костра, хотя бы стеблей сухого бурьяна. Кругом были только камни и песок.

Нетрудно понять, как горевали Наб и его спутники, — все они уже успели привязаться к отважному Сайресу Смигу. Но было совершенно ясно, что сейчас они бессильны ему помочь. Приходилось ждать

рассвета. Возможно, что Смиту удалось спастись и он уже нашел себе прибежище на берегу, а может быть, он погиб в море. Потянулись долгие и мучительные часы. Ночью сильно похолодало. Несчастные беглецы жестоко мерзли, но почти не замечали своих страданий. Они даже и не подумали прилечь отдохнуть. Забывая о себе, они думали только о своем руководителе и товарище, надеялись, что он жив, поддерживали друг у друга надежду; они бродили по этому бесплодному островку, и все их тянуло к северному выступу берега, который был ближе всего к месту катастрофы. Они прислушивались, они звали исчезнувшего друга, старались различить, не слышится ли крик, взывающий о помощи, и, вероятно, их голоса разносились далеко, потому что ветер улегся и грозный шум океана уже начал стихать, так как волнение уменьшилось.

В какое-то мгновение им даже показалось, что на громкий вопль Наба отозвалось эхо. Герберт сказал об этом Пенкрофу и добавил:

— Пожалуй, тут неподалеку берег другого острова, и довольно высокий, — от него и отдалось эхо.

Моряк утвердительно кивнул головой. Ведь ему уже сказали об этом его зоркие глаза. Если Пенкроф хотя бы мельком, хотя бы на одно мгновение увидел землю, значит, перед ним действительно была земля.

Но далекое эхо оказалось единственным откликом на громкие призывы Наба, — весь восточный берег островка, затерявшегося в беспредельности океана, замер в безмолвии.

Тучи постепенно рассеялись. Около полуночи появились звезды, и если б инженер Смит в тот час был со своими спутниками, он заметил бы, что на небе взошли не те звезды, которые сияют в Северном полушарии. В самом деле, на этом чужом небосводе не зажглась Полярная звезда; созвездия, сверкавшие в зените, были совсем не похожи на те, какие привыкли видеть жители северной части Нового Света; блиставший во тьме Южный Крест указывал, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь миновала. 25 марта около пяти часов утра небо в вышине чуть-чуть порозовело, но на горизонте еще лежал зловещий мрак, а с моря надвинулся такой густой туман, что за двадцать шагов уже ничего не было видно. Туман клубился и тяжело полз по земле.

Итак, погода не благоприятствовала поискам. Беглецы ничего не могли различить вокруг. Наб и журналист Спилет тщетно всматривались в морскую даль; моряк и Герберт искали взглядом высокий берег на западе. Но нигде не было видно ни клочка суши.

— Хоть я и не вижу берега, — сказал Пенкроф, — а чувствую его... Он здесь, он где-то близко... Это так же верно, как и то, что мы бежали из Ричмонда!

Однако завеса тумана вскоре разорвалась, он стал подниматься в вышину, превращаясь просто в дымку, предвещающую погожий день. В небе засияло яркое солнышко, жаркие лучи, проникая сквозь прозрачную пелену, разливали в воздухе тепло.

Около половины седьмого, через три четверти часа после восхода солнца, туман стал все больше редеть. Вверху он сгущался в облака, но внизу рассеивался. Вскоре отчетливо обрисовался весь островок, потом из мгlistой пелены выступило и синее полукружие моря, на востоке беспредельное, а на западе ограниченное высоким обрывистым берегом.

Да, там была земля. Там было спасение, хотя бы и временное. От высокого берега этой неведомой земли островок отделялся проливом шириною в полмили; вода в нем бежала шумным, стремительным потоком.

И вдруг один из путников, повинувшись голосу сердца, не посоветовавшись с товарищами, не промолвив ни слова, бросился в пролив. Это был Наб. Он спешил добраться до другого берега и направиться по нему на север. Никто бы не мог его остановить. Напрасно Пенкроф звал его. Журналист намеревался

последовать за Набом.

Пенкроф крикнул, подходя к нему:

— Вы хотите переплыть пролив?

— Да, — ответил Гедеон Спилет.

— Послушайтесь совета, подождите, — сказал моряк. — Наб один справится и окажет помощь своему хозяину. Смотрите, какое бурное течение в проливе. Попробуй мы переплыть его, нас унесет в открытое море. Но, если не ошибаюсь, начинается отлив. Видите, как уже отступило море от кромки берега. Повременим немного, и в разгар отлива нам, пожалуй, удастся переправиться вброд...

А Наб тем временем отважно боролся с течением и наискось пересекал пролив. С каждым взмахом могучих рук из воды взметывались черные плечи. Наба относил с огромной скоростью, но все же он понемногу приближался к берегу. Больше получаса потратил он на то, чтоб переплыть пролив шириною в полмили, его отнесло на несколько тысяч футов вниз по течению, но, наконец, он достиг берега.

Он выбрался из воды у подножия высокой гранитной кручи и энергично отряхнулся, затем опрометью бросился бежать и вскоре исчез за скалистым мысом, выдававшимся в море почти напротив северной оконечности островка.

Спутники с тревогой следили за смелым пловцом, а когда он скрылся из виду, устремили взгляд на берег, где собирались найти себе убежище; обозревая эту неведомую им землю, они в то же время утоляли голод ракушками, которыми был усеян песок, — трапеза, конечно, очень скудная.

Берег, лежавший перед ними, изгибался, образуя широкий залив, ограниченный с южной стороны далеко выступающей в море дикой, голой скалой. Она соединялась с берегом прихотливо очерченной грядой высоких гранитных утесов. К северу залив расширялся, берег шел округлой линией с юго-запада на северо-восток и заканчивался узким острым мысом. Между двумя этими выступами, завершавшими дугу залива, расстояние было, вероятно, миль восемь. Островок же, отделенный от этих гранитных берегов узким проливом, походил своей формой на огромного кита. Наибольшая его ширина не превышала четверти мили.

На переднем плане противоположного берега тянулась песчаная отмель, усеянная темными скалами, — их постепенно обнажал отлив; за нею вздымалась, подобно крепостному реду, отвесная гранитная круча высотой в триста футов, увенчанная причудливым карнизом. Она тянулась сплошным кряжем на протяжении трех миль и резко обрывалась справа отвесной гранью, словно обтесанной рукою человека. С левого же края этот необыкновенный гранитный вал словно раскололся, разбился на скалы призматической формы, обрушился каменными осыпями и, постепенно понижаясь, вытянулся длинным спуском, сливавшимся внизу с подводными рифами южного мыса.

Вверху кряж переходил в голое плоскогорье, без единого деревца, ровное, как стол, подобно вершине Столовой горы, возвышающейся над Кейптауном у мыса Доброй Надежды, только меньших размеров. По крайней мере таким оно казалось, когда на него глядели с островка. Однако справа, за отвесным обрывом, на нем имелась растительность. Ясно можно было различить зеленые кроны больших деревьев, которые сливались в сплошную чащу, уходившую куда-то вдаль, недоступную взгляду. Зеленая эта радовала глаз после суровой картины голых гранитных берегов.

И, наконец, на заднем плане, на расстоянии по меньшей мере семи миль к северо-западу, на солнце сверкал ярко-белый конус. То была вершина какой-то далекой горы, покрытая шапкой вечных снегов.

Пока еще нельзя было определить, что представляет собою видневшаяся перед глазами земля — остров или часть материка.

Зато, взглянув на хаотическое нагромождение огромных каменных глыб с левого края залива, геолог, не колеблясь, сказал бы, что они, несомненно, вулканического происхождения и, бесспорно, являются результатом извержения огнедышащих гор.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт пристально смотрели на ту землю, на которой им, быть может, предстояло жить долгие годы, возможно до самой смерти, если только мимо ее берегов не пролегал путь морских кораблей.

— Что же ты молчишь, Пенкроф? — спросил Герберт. — Что там? Как ты думаешь?

— Да что ж, есть там, наверное, и хорошее и дурное, как везде. Посмотрим. А отлив-то здорово работает! Через три часа попробуем перейти вброд на тот берег. А когда перейдем, попытаемся как-нибудь выпутаться из беды и первым делом найти мистера Смита!

Пенкроф не ошибся в своих расчетах: через три часа большая часть песчаного дна пролива обнажилась. Между островком и противоположным берегом оставалась только узкая полоска воды, через которую, вероятно, нетрудно было перебраться.

И действительно, около десяти часов утра Гедеон Спилет и два его товарища разделись и, придерживая на голове узел с одеждой, перешли вброд узкий проливчик глубиной не более пяти футов. Для Герберта даже такая глубина была еще не по росту, но он плавал, как рыба, и прекрасно вышел из затруднительного положения. Все трое без всяких злоключений достигли берега. Там они быстро обсохли на солнце, надели платье, которое сумели уберечь от воды, и стали держать совет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Литодомы. — Устье реки. — Трущобы. — Продолжение поисков. — Зеленая чаща леса. — Запас топлива. — Ожидание прилива. — На гребне гранитного кряжа. — Плот. — Возвращение на берег.

Прежде всего решили предпринять разведку, и Гедеон Спилет, велев моряку ждать его на том самом месте, куда они вышли с островка, тотчас пустился в путь по берегу в том же направлении, по которому несколько часов назад помчался негр Наб. Журналист шел торопливыми шагами и вскоре исчез за скалами, — ему не терпелось узнать, что стало с Сайресом Смитом.

Герберт хотел было идти вместе с ним.

— Не ходи, дружок, — сказал ему моряк. — Нам с тобой нужно приготовить стоянку и, по возможности, раздобыть еды — чего-нибудь посолиднее, чем ракушки. Когда друзья наши возвратятся, им надо будет подкрепиться. Значит, у них свое дело, у нас — свое.

— Согласен, Пенкроф, — ответил Герберт.

— Ну вот и хорошо, — одобрил моряк. — Все устроим по порядку. Мы устали, нам голодно, холодно. Стало быть, всем потребуется пристанище, огонь и пища. Дров в лесу сколько хочешь, найдутся там и птичьи гнезда — значит, наберем яиц. Остается только подыскать себе дом.

— Ну что ж, — подхватил Герберт. — Я поищу в скалах пещеру. Наверное, уж найду какую-нибудь нору, и мы все туда заберемся.

— Правильно, — сказал Пенкроф. — В дорогу, мальчик!

И оба пустились в путь вдоль огромной гранитной стены, шагая по песчаной полосе, широко обнажавшейся в часы отлива. Но вместо того чтобы повернуть на север, как Гедеон Спилет, они двинулись на юг. Пенкроф заметил расселину, перерезавшую кряж в нескольких стах шагах от места их переправы, и решил, что это, наверно, русло речки или ручья. Они направились туда, так как было очень важно устроить стоянку около источника пресной воды; кроме того, не исключена была возможность, что Сайреса Смита отнесло течением именно в эту сторону.

Как мы уже говорили, берег поднимался сплошной стеной высотой в триста футов, и даже внизу, где волны, случалось, лизали камень, не было в ней ни одной пещеры, ни одного углубления, которое могло бы послужить путнику временным убежищем. Перед нашими исследователями был отвесный вал из очень твердого гранита, не тронутого морем. У верхнего его карниза летали тучи морских птиц, главным образом всякие породы перепончатопалых с длинными и тонкими острыми клювами; все эти пернатые поднимали невероятный шум и нисколько не были напуганы появлением людей — очевидно, впервые человек нарушил их покой. Среди птиц Пенкроф распознал многочисленных поморников — один из видов бакланов, которых иногда называют разбойниками, а также мелких прожорливых чаек, гнездившихся во впадинах гранитного карниза. Выстрелив из ружья наугад в эти птичьи стаи, кружившие в воздухе, можно было бы получить богатую добычу, но для того чтобы выстрелить, нужно было иметь ружье, а как раз ни у Пенкрофа, ни у Герберта ружья-то и не имелось. Впрочем, чайки и поморники почти несъедобны, и даже их яйца отличаются отвратительным вкусом.

Но вот Герберт, который шел по левую руку от Пенкрофа, ближе к морю, заметил несколько скал, покрытых водорослями, — вероятно, море в часы прилива затопляло их. На этих скалах среди скользких стеблей морской травы к камню лепилось множество съедобных двустворчатых ракушек, которыми на голодный желудок не следовало пренебрегать. Герберт окликнул Пенкрофа; тот сейчас же подбежал.

— Э, да тут устрицы! — воскликнул моряк. — Будет чем заменить птичьи яйца, пока мы до гнезд не добрались.

— Вовсе это не устрицы, — заметил Герберт, внимательно разглядывая ракушки, — это литодомы.

— А их едят? — спросил Пенкроф.

— Еще как!

— Ну что ж, отведаем литодомов.

Моряк вполне мог положиться на Герберта. Юноша был очень силен в естествознании и всегда страстно им увлекался. Направил его на этот путь покойный отец и дал ему возможность учиться у лучших профессоров-естествоведов Бостона, которым сразу полюбился умный и прилежный мальчик. Склонности и познания юного натуралиста впоследствии не раз служили службу его старшим товарищам, и с самого начала он не ошибся в своем определении.

Литодомы представляли собою продолговатые ракушки, прилепившиеся к скале целыми гроздьями и так крепко приросшие к ней, что их трудно было оторвать. Они принадлежали к виду моллюсков-сверлильщиков, которые высверливают себе ямку в самом твердом камне, а их раковина бывает закруглена с обоих концов, — такого устройства у обыкновенных двустворчатых раковин не наблюдается.

Пенкроф и Герберт вдоволь угостились литодомами, которые приоткрыли на солнышке створки своих домиков. Есть их надо было так же, как устриц. И оба они нашли, что у литодомов очень острый вкус и поэтому можно не жалеть об отсутствии перца и прочих приправ.

Итак, путники немного утолили голод. Но жажда у обоих еще усилилась после того, как они проглотили изрядное количество пряных от природы моллюсков. Теперь нужно было разыскать где-нибудь пресной воды, и казалось невероятным, чтобы на таком гористом берегу не нашелся хотя бы маленький родник. Сделав большой запас ракушек, то есть наполнив ими все карманы и насыпав их в носовые платки, Пенкроф и Герберт возвратились к подножию гранитного кряжа.

Пройдя к югу еще шагов двести, они действительно увидели расселину, в которой, как и думал Пенкроф, текла узкая, но полноводная речка. В этом месте гранитная стена как будто раскололась от сильного вулканического толчка. У выхода из ущелья образовалась небольшая почти треугольная бухточка. Ширина горного потока достигала тут ста футов, а русло его занимало почти все ущелье. Берега были не шире двадцати футов. Речка неслась почти по прямой линии меж двух гранитных стен, понижавшихся вверх по течению. На некотором расстоянии она резко поворачивала и через полмили исчезала в лесных зарослях.

— Здесь — вода, а там — дрова! — воскликнул Пенкроф. — Ну, теперь, Герберт, нам не хватает только дома!

Речка была совсем прозрачная. Пенкроф убедился, что в часы отлива, когда до нее не доходили морские волны, вода в ней была пресная и вполне годилась для питья. Лишь только это важное обстоятельство было установлено, Герберт принялся искать какую-нибудь пещеру, где можно было бы приютиться, но поиски его оказались тщетными. Повсюду гранитный кряж высился ровной, гладкой, отвесной стеной.

Однако недалеко от устья реки, выше того места, куда доходил прилив, они обнаружили очень своеобразное нагромождение каменных глыб. Такие природные сооружения нередко встречаются на гранитных возвышенностях и носят название «каминов».

Исследуя этот лабиринт, Пенкроф и Герберт довольно далеко углубились в него, двигаясь по усыпанному песком проходам, куда свет просачивался в щели между глыбами, из которых иные сохраняли

равновесие каким-то чудом. Однако в щели проникал не только свет, но и ветер, — по каменным коридорам гуляли самые настоящие сквозняки, приносившие с собой пронизывающий холод. Но Пенкроф решил, что, если перегородить некоторые проходы, заложить их отверстия камнями да засыпать песком, Трущобы, как он их назвал, станут пригодны для жилья. Расположение их, — если изобразить его на чертеже, — представляло подобие типографского знака &, сокращенно обозначающего латинские слова et cetera; [110] отгородившись от верхней петли этого знака, через которую врывался южный и западный ветер, несомненно, можно было воспользоваться для пристанища нижней петлей.

— Местечко славное! — сказал Пенкроф. — Если когда-нибудь вернется к нам мистер Смит, уж он сумеет навести порядок в этом лабиринте.

— Он обязательно вернется, Пенкроф! — воскликнул Герберт. — Мы должны к его возвращению устроить здесь сколько-нибудь сносное жилище. Прежде всего надо сложить очаг в левом коридоре и не закрывать там верхнего отверстия, чтобы в него выходил дым.

— Ну, очаг-то сложить нетрудно, голубчик, — сказал моряк. — А право, славное местечко эти Трущобы (придуманное Пенкрофом название так и осталось за этим временным убежищем). Но первым делом пойдём-ка запасемся дровами. Думается, сучья и ветви пригодятся нам и на то, чтоб позатыкать щели, а то здесь будто сам дьявол свищет.

Герберт и Пенкроф вышли из Трущоб и, обогнув срезанный угол кряжа, направились по левому берегу речки. Довольно быстрое ее течение несло упавшие в воду стволы деревьев. Прилив (а в эти минуты его наступление было заметно), вероятно, заходил в устье реки, с силой отбрасывая ее воды на довольно большое расстояние. И моряк подумал, что действием прилива и отлива можно было бы воспользоваться для сплава плотами всяких грузов.

Четверть часа спустя моряк и юный Герберт дошли до излучины, где речка круто поворачивала влево. Начиная с этого места она текла через лес, состоявший из великолепных деревьев. Несмотря на холодное время года, деревья были зелены — они принадлежали к различным хвойным породам, распространенным во всех климатических поясах земного шара — от северных широт до тропических стран. Юный натуралист распознал тут породу деодаров, многочисленные разновидности которых встречаются в зоне Гималайских гор; эти деревья распространяли вокруг очень приятный запах. Между исполинскими деодарами разбросаны были купы сосен, раскинувших свою густую крону широким зонтом. Внизу земля была устлана ковром травы, и, ступая по нему, Пенкроф слышал, как хрустели под ногами упавшие с деревьев сухие сучья, — они трещали, как взлетающие ракеты.

— Ладно, милый мой, — говорил Пенкроф Герберту, — я, конечно, не знаю, как называются эти деревья, но могу тебе сказать, что они вполне годятся на дрова, — а нам сейчас нужнее всего именно «дровяная порода».

— Давай собирать хворост! — ответил Герберт и тотчас же принялся за работу.

Набрать топлива оказалось очень легко, не приходилось даже обламывать сухие ветки, — хворост в изобилии лежал на земле. Итак, в топливе недостатка не было, но тут встал вопрос, как доставить его к месту стоянки. Сухие дрова горят очень быстро — следовательно, нужно было принести в Трущобы невероятную грудку хвороста, ношу, непосильную для двух человек. Герберт сказал об этом Пенкрофу.

— Э, голубчик, надо придумать, как переправить дрова. При желании все можно сделать! Будь у нас ручная тележка, тут и разговаривать бы нечего было.

— Зато у нас есть речка! — воскликнул Герберт.

— Правильно! — подтвердил Пенкроф. — Есть речка — значит, дрова поплывут сами собою. Недаром

же люди придумали сплавлять лес плотами.

— Только вот беда, — возразил Герберт, — они поплывут не в ту сторону, в которую нам надо: ведь прилив сейчас гонит воду против течения.

— Подождем тогда отлива, — ответил моряк, — и наше топливо преспокойно доплывет до Трущоб. Давай пока готовить плот.

Моряк в сопровождении Герберта направился к опушке леса, подступавшего к излучине реки. Каждый тащил на спине вязанку хвороста, какую мог унести. На берегу, поросшем травой, по которой, наверно, еще не ступала нога человека, тоже нашлось немало валежника. Пенкроф тотчас же принялся делать плот.

В маленькую заводь, защищенную выступом берега, о который разбивалось течение, моряк и Герберт спустили несколько древесных стволов, крепко связав их между собой сухими лианами. Получилось нечто вроде плота, на него сложили весь собранный хворост — ношу, которую могли бы поднять человек двадцать, не меньше. За час они закончили работу и причалили плот к берегу — тут он должен был ждать, когда начнет спадать вода.

До начала отлива оставалось еще несколько часов, и, чтобы скоротать время, Пенкроф и Герберт решили подняться на верхнее плато, откуда должен был открываться широкий вид на ту неведомую землю, где они очутились.

В двухстах шагах от излучины реки гранитная стена заканчивалась каменной осыпью и, постепенно понижаясь, полого опускалась к лесной опушке. Природа как будто устроила тут лестницу. Герберт и моряк стали подниматься по ней. У обоих были быстрые ноги, крепкие мышцы, и через несколько минут они уже достигли гребня возвышенности и остановились на выступе, возвышавшемся над устьем реки.

Лишь только оба они оказались на плоскогорье, взгляд их обратился к океану, над которым они пролетели в такую ужасную бурю. С глубоким волнением смотрели они на северный берег острова — ведь именно около него произошла катастрофа и где-то там исчез Сайрес Смит. Они искали взглядом, не плывет ли по волнам обрывок оболочки аэростата, за который мог бы уцепиться человек. Нет, нигде ничего не было видно. Только необозримая пустынная ширь океана. Пустынным был и берег. Ни Гедеон Спилет, ни Наб не появлялись. Быть может, однако, они ушли так далеко, что их нельзя было увидеть.

— А я вот уверен, — вдруг сказал Герберт, — да, уверен, что такой человек, как мистер Сайрес, не мог утонуть... Он ведь энергичный, смелый, он не растеряется. Наверно, он добрался до берега. Правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Сам он уже не надеялся увидеть когда-нибудь Сайреса Смита, но не хотел лишать юношу надежды.

— Ну, понятно, понятно, — сказал он. — Уж кто-то, а мистер Смит сумеет выбраться из беды там, где другому несдобровать.

А в это время он с пристальным вниманием оглядывал берег. Перед глазами его тянулась песчаная полоса, ограниченная справа от устья реки грядой подводных скал. Черные их глыбы, едва еще выступавшие из воды, походили на гигантских морских зверей, лежавших среди кипевших бурунов; за линией рифов сверкало на солнце море. С юга кругозор закрывал остроконечный высокий мыс, и нельзя было определить, продолжается ли за ним суша, или же она вытянута в направлении с юго-востока на юго-запад и образует некий длинный полуостров. С северной стороны берег, обозримый на большом расстоянии, плавно изгибался, окаймляя округлую бухту. Там он был низкий, плоский, без гранитных скал, с широкими песчаными отмелями, обнажавшимися в часы отлива.

Пенкроф и Герберт повернулись к западу; взгляд обоих прежде всего привлекала гора со снежной вершиной, возвышавшаяся вдаль, на расстоянии шести или семи миль. От первых ее уступов и ниже, по широкому плато, шли лесные заросли, и среди них яркими пятнами выделялись кучи вечнозеленых деревьев. В двух милях от края этого плато лес заканчивался, и там зеленела поросшая травой широкая полоса, по которой прихотливо раскиданы были маленькие рощицы. Слева в просветах между деревьями блестела речка, такая извилистая, что казалось, она возвращалась обратно к тем отрогам высокой горы, среди которых, вероятно, брала начало. В том месте, где Пенкроф оставил свой плот, она текла меж высоких гранитных берегов, но левый берег все время шел обрывистой кручей, а правый постепенно понижался; сплошная стена сменялась грядой отдельных глыб, затем россыпью камней, а дальше, до самого конца косы, — мелкой галькой.

— Что это? Остров? — пробормотал моряк.

— Ну, если и остров, то довольно большой! — заметил юноша.

— Что ни говори, а остров всегда останется островом! — сказал Пенкроф.

Но как ни был важен этот вопрос, разрешить его они пока еще не могли. Приходилось отложить его выяснение. Однако, чем бы ни была суша, на которую они попали, — островом или материком, — земля здесь казалась плодородной, а природа красивой и богатой многими дарами.

— Хорошо еще, что так вышло, — сказал Пенкроф. — И за это нам, несчастным, надо возблагодарить провидение.

— Ну, конечно. Слава богу! — воскликнул Герберт: его юное сердце было полно признательности к творцу всего сущего.

Долго еще Пенкроф и Герберт смотрели на ту неведомую землю, куда их забросила судьба, но и после этих первых впечатлений ни тот, ни другой не могли представить себе, что ждет их тут.

Затем они пустились в обратный путь по южному краю плоскогорья, окаймленному карнизом из скал самых причудливых очертаний. Во впадинах здесь гнездились сотни птиц. Перепрыгивая с одной глыбы на другую, Герберт вспугнул целую стаю пернатых обитателей скал.

— Ах! — воскликнул он. — Это не бакланы и не чайки!

— Что же это за птицы? — спросил Пенкроф. — Ей-богу, похожи на голубей.

— Да это и есть голуби, только дикие — скалистые голуби, — ответил Герберт. — Я их сразу узнал. Вот погляди, у них двойная черная кайма на крыльях, хвост белый, а все остальное оперение голубовато-пепельного цвета. Я читал, что скалистые голуби — лакомая дичь, и, наверно, у них очень вкусные яйца. Может быть, в гнездах остались яйца!..

— Тогда зажарим себе яичницу! — весело подхватил Пенкроф.

— А в чем? В твоей шляпе?

— Нет, дружок, я, к сожалению, не волшебник. Ничего, не горюй. Мы испечем яйца. Хочешь, поспорим, кто больше съест?

Пенкроф и юноша принялись весьма внимательно осматривать все впадины меж гранитных глыб; кое-где действительно оказались яйца. Собрав несколько десятков голубиных яиц, сложили их в носовой платок моряка, а затем, полагая, что прилив уже кончился, спустились по склону к реке.

К часу пополудни они дошли до знакомой излучины. Прилив уже не мешал течению реки. Надо было воспользоваться этим, чтобы пригнать плот к ущелью. Пенкроф вовсе не намеревался пустить свой плот по воле случая, оставив его без всякого управления. Не хотел он также и взобраться на плот, чтобы им

управлять. Тут ему пришло на помощь умение моряков смастерить канат из того, что есть под рукой, — моряк всегда выйдет из положения.

Набрав сухих лиан, Пенкроф ссучил из них веревку длиной в несколько сажень. Этот импровизированный канат привязали к плоту сзади, и конец его моряк крепко держал в руке, а Герберт, вооружившись длинной жердью, отталкивал плот от берега на стрежень реки.

Способ сплава оказался очень удачным. Шагая по берегу, Пенкроф сдерживал канатом тяжело нагруженный плот, и он спокойно плыл по течению. Берег тянулся обрывистой кручей, и нечего было опасаться, что плот застрянет где-нибудь на отмели. Часа через два он благополучно достиг устья реки, находившегося близ Трущоб.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Благоустройство Трущоб. — Важнейший вопрос — как добыть огонь. — Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста и Наба. — Единственная спичка. — Пылающий костер. — Ужин. — Первая ночь на суше.

Лишь только плот разгрузили, первой заботой Пенкрофа было сделать Трущобы пригодными для жилья, заложив коридоры, чтобы по ним не разгуливали сквозняки. Пустив в ход песок, камни, щиты, сплетенные из веток, и мокрую глину, Пенкроф и Герберт плотно закупорили галереи, открытые холодным ветрам, и отделили верхнюю петлю типографского знака &. Оставили только один узкий, соединявшийся с боковой галереей извилистый коридор, который должен был служить дымоходом и давать тягу для очага. Теперь Трущобы состояли из трех-четырех «комнат», если можно так назвать темные берлоги, которыми вряд ли удовольствовались бы даже дикие звери. Но здесь было сухо, и здесь можно было стоять, выпрямившись во весь рост, по крайней мере в самой большой из этих «зал», находившейся в середине. Землю везде устилал слой мелкого песка. Словом, оказалось возможным в ожидании лучшего как-нибудь приютиться в этом убежище. Работая над его благоустройством, Герберт и Пенкроф оживленно разговаривали.

— Может быть, наши товарищи отыскали что-нибудь получше этих нор, — говорил Герберт.

— Может, и отыскали, — отвечал Пенкроф, — но если не уверен, не сиди сложа руки! Лучше иметь запасное жилье, чем совсем остаться без крова.

— Ах, только бы они нашли мистера Смита! — повторял Герберт. — Тогда все будет хорошо. Больше ничего я у неба не прошу!

— Да, — отозвался Пенкроф. — Вот был человек! Настоящий человек.

— Был? Почему ты говоришь «был»? Ты, значит, больше уже не надеешься увидеть его?

— Что ты, что ты! Боже упаси! — возразил моряк.

Работа по благоустройству Трущоб закончилась быстро, и Пенкроф заявил, что он вполне доволен.

— Ну, теперь наши друзья могут возвращаться, — сказал он. — Пристанище у нас неплохое.

Оставалось только соорудить очаг и приготовить обед, — дело в сущности простое и нетрудное. В глубине первого коридора слева сложили из плоских камней очаг возле отверстия «дымохода». Конечно, не все тепло выносило бы наружу вместе с дымом, и «комнаты» должны были нагреваться. Один из коридоров обратили в дровяник. Моряк стал укладывать в очаге дрова и мелкие сухие ветки. Он еще не закончил работу, как вдруг Герберт спросил, есть ли у них спички.

— Ну, разумеется, — ответил Пенкроф и добавил: — К счастью, есть. А то без спичек и без огнива пропадешь.

— Все нет. Мы бы могли добыть огонь трением, как это делают дикари, — возразил Герберт. — Терли бы друг о друга две сухие чурки.

— Что ж, попробуй, дружок, попробуй. Увидишь, что ничего у тебя не выйдет, только руки себе натрудишь.

— Но ведь это способ очень простой, и его до сих пор применяют на многих островах Тихого океана.

— Я не говорю, что так нельзя добыть огня, — ответил Пенкроф, — но, надо полагать, дикари лучше нас за это дело умеют взяться, а может, знают, какое надо выбрать дерево. Я вот, например, не раз пытался

добыть огонь таким способом, и ничего у меня не получалось. Нет, я уж лучше спичками разожгу. Куда я их подевал?

Пенкроф искал в карманах куртки коробку со спичками, с которыми никогда не расставался, как и полагается заядлому курильщику. Коробки там не оказалось. Он пошарил в карманах брюк, но и там не нашел драгоценной коробки.

— Вот глупость какая!.. Прямо беда! — сказал Пенкроф, растерянно глядя на Герберта. — Должно быть, из кармана выпала. Потерял я коробку. А у тебя, Герберт, ничего нет? Хоть зажигалки какой-нибудь, чтобы нашу печку растопить?

— Нет, Пенкроф, ничего нет.

Моряк, а вслед за ним и Герберт вышли из Трущоб. Пенкроф досадливо тер себе лоб.

Оба принялись усердно искать на песке и между скалами у берега реки, но поиски их оказались напрасными. А между тем медная коробочка, в которой Пенкроф держал спички, наверно, бросилась бы им в глаза.

— Слушай, Пенкроф, — спросил Герберт, — а когда мы были в гондоле, ты ее не выбросил за борт?

— Да разве бы я ее бросил! — возмутился моряк. — Только вот, может, сама выпала. Ведь нас крепко потрянуло, а долго ли выпасть такому малому предмету? Трубки и то я лишился. Проклятая коробка! Где же она может быть?

— Тогда вот что, — сказал Герберт, — как раз сейчас отлив, пойдем на берег, к тому месту, куда нас выкинуло. Может быть, найдем ее.

Мало было надежды разыскать коробку, — если даже море и выбросило ее, то, при большой воде, волны, вероятно, зарыли ее среди гальки. Однако не мешало попытать счастья, и Герберт с Пенкрофом поспешно направились на конец той самой косы, у которой их выбросило накануне на сушу. Это место было шагах в двухстах от Трущоб. Там они тщательно осмотрели весь берег, усыпанный галькой, каждую впадину между камнями. Бесплодные старания! Если коробка и выпала тут, — должно быть, волны унесли ее в море. По мере того как отлив обнажал дно, моряк обшаривал каждую щель между рифами, но ничего не нашел. Потеря была очень тяжелая и пока что непоправимая.

Пенкроф не мог скрыть своего огорчения. На лбу у него залегли складки, он замкнулся в угрюмом молчании. Герберту очень хотелось его утешить, и он сказал, что, вероятно, спички подмокли и все равно от них не было бы никакой пользы.

— Да нет, голубчик, — ответил моряк. — Я их держал в медной коробке, и крышка прекрасно закрывалась! Как же нам теперь быть?

— Как-нибудь ухитримся добыть огонь, — сказал Герберт. — Мистер Смит и мистер Спилет не встанут в тупик, как мы с тобой!

— Может, и так, — уныло произнес Пенкроф. — Но сейчас-то мы не можем разжечь костер и, стало быть, плохо накормим друзей, когда они вернутся.

— Не горюй, — с живостью ответил Герберт. — Не может быть, чтоб у них не было спичек или хотя бы огнива.

— Сомневаюсь! — возразил моряк, качая головой. — Во-первых, Наб и мистер Смит не курят, а мистер Спилет, думается мне, скорее уж постарается спасти свою записную книжку, чем коробку спичек!

Герберт промолчал. Потеря коробки спичек была, разумеется, прискорбным событием, но юноша рассчитывал, что тем или другим способом огонь удастся добыть. Несмотря на свой решительный нрав,

Пенкроф, как человек более опытный, не разделял уверенности своего воспитанника. Но как бы то ни было, оставалось только одно: ждать возвращения Наба и журналиста. Приходилось, однако, отказаться от намерения угостить их крутыми яйцами, а перспектива питаться сырыми ракушками вряд ли могла быть им приятной, так же, как не улыбалась она и Пенкрофу.

На тот случай, если невозможно будет разжечь огонь, моряк и Герберт пополнили запас литодомов, а затем молча направились к своему жилищу.

Пенкроф шагал, устремив взгляд в землю, так как все надеялся найти исчезнувшую коробку. Он даже прошел по левому берегу речки от устья до той заводи, где они спустили на воду плот. Потом он взобрался на верхнее плато, исходил его во всех направлениях, искал и в высокой траве, зеленевшей на опушке леса, — все было напрасно!

Было пять часов вечера, когда Пенкроф с Гербертом вернулись в Трущобы. Разумеется, они и там все обшарили, вплоть до самых темных закоулков. Увы, от поисков спичечной коробки пришлось отказаться.

Около шести часов, когда солнце уже закатывалось за возвышенность, поднимавшуюся на западе, Герберт, который бродил у берега моря, крикнул, что идут Наб и Гедеон Спилет. Но они возвращались одни!.. У юноши сжалось сердце от невыразимой тоски. Значит, предчувствия Пенкрофа оправдались! Сайреса Смита уже не найти!

Подойдя к Герберту, журналист молча сел на обломок скалы. Он возвратился еле живой от усталости и голода и не в силах был промолвить ни слова.

У Наба покраснели глаза, так много он плакал, и слезы, которые он и теперь не мог сдержать, ясно говорили о его отчаянии.

Передохнув, журналист рассказал о бесплодных попытках найти Сайреса Смита. Вместе с Набом он прошел по берегу больше восьми миль — следовательно, они зашли значительно дальше того места, около которого исчезли инженер и его собака Топ. Песчаный берег оказался совершенно пустынным. Ни единой приметы, никакого отпечатка. Незаметно было, что вот тут недавно перевернули камень, а там остался на песке след человеческой стопы; на всей этой части побережья не нашлось ни одного знака. Если это обитаемая земля, то, очевидно, ни один человек не появлялся на побережье. Море было так же пустынно, как и берег, близ которого инженер Смит нашел себе могилу.

Но при этих словах Наб вскочил в страстном волнении, показавшем, что надежда еще живет в нем, и воскликнул:

— Нет, нет, он не умер! Не может этого быть! Он — и вдруг так погибнуть! Не верю! Я или кто другой — может так умереть! А он — нет! Никогда!.. Он такой, такой человек... Он всякую беду одолеет!..

Силы изменили ему, он пошатнулся.

— Ох, сил больше нет, — тихо сказал он.

Герберт подбежал к нему.

— Наб, — сказал юноша. — Не теряйте надежды. Господь возвратит его нам! А сейчас успокойтесь, отдохните. Вы голодны. Подкрепитесь немного. Поешьте, прошу вас.

И, говоря это, он положил перед беднягой Набом несколько горстей ракушек. Скучная и совсем не сытная трапеза.

Наб не ел уже много часов, но и тут он отказался от пищи. Лишившись своего хозяина, он не мог, он не хотел жить!

Что касается Гедеона Спилета, он проглотил немалое количество литодомов, потом лег на песок под

скалой. Он был крайне изнурен, но спокоен.

Герберт подошел к нему и сказал, взяв его за руку:

— Мистер Спилет, мы нашли убежище, где вам будет гораздо лучше, чем здесь. Уж ночь наступает. Пойдемте Вам надо отдохнуть! А завтра посмотрим, что делать..

Журналист поднялся, и Герберт повел его к Трущобам.

В эту минуту Пенкроф подошел к Спилету и самым естественным тоном спросил, нет ли у него случайно спичек, хотя бы одной.

Журналист остановился, пошарил по карманам и, ничего там не обнаружив, ответил:

— Спички у меня были. Но, должно быть, я их выбросил.

Тогда Пенкроф окликнул Наба, задал ему тот же вопрос и получил такой же ответ.

— Эх, проклятье! — не сдержавшись, воскликнул моряк.

Услышав этот возглас, журналист подошел к Пенкрофу.

— Ни одной спички? — спросил он.

— Ни единой, и, стало быть, нечем разжечь огонь.

— Нечем, — горько повторил Наб. — Будь здесь мой хозяин, уж он бы сумел добыть огонь.

Все четверо застыли на месте, с тревогой глядя друг на друга. Герберт первым прервал тяжелое молчание:

— Мистер Спилет, вы ведь курильщик и всегда носите при себе спички! Может быть, вы плохо искали? Поищите хорошенько, пожалуйста! Нам достаточно одной спички.

Журналист снова принялся рыться в карманах жилета, брюк, пальто и, наконец, к великой радости Пенкрофа и крайнему своему удивлению, нащупал тоненькую палочку за подкладкой жилета. Он ее чувствовал сквозь ткань, он крепко сжимал пальцами спичку, но не мог вытащить. Это, несомненно, была спичка, одна-единственная спичка, и задача состояла в том, чтобы ее вытащить, не повредив фосфорной головки.

— Позвольте, я достану? — сказал Герберт.

И очень ловко, в целостности и сохранности он извлек из-за подкладки жилета спичку, ничтожную, но драгоценную палочку, имевшую сейчас такое важное значение. Головка нисколько не пострадала.

— Спичка! — воскликнул Пенкроф. — Я так рад, будто у нас целый воз спичек!

Он осторожно принял из рук Герберта спичку и направился вслед за своими товарищами к Трущобам.

Спички, которые в обитаемых краях так мало ценятся, которыми пользуются так равнодушно и жгут их так расточительно, тут были сокровищем, и с этой единственной спичкой нужно было обращаться с великой бережностью. Прежде всего моряк удостоверился, что спичка совершенно сухая. Потом он сказал:

— Бумаги бы надо.

— Вот, возьмите, — отозвался Гедеон Спилет, с некоторым трепетом вырывая листочек из своей записной книжки.

Пенкроф взял протянутый ему журналистом листок и присел на корточки перед очагом. Там уже лежал хворост, искусно уложенный так, чтобы между сучьями проходил воздух, а снизу были подложены сухие листья, сухая трава и сухой мох — растопка, которая должна была сразу запылать и быстро зажечь

ветки.

Листок бумаги Пенкроф свернул фунтиком, как это делают курильщики, разжигая трубку на ветру, и пристроил этот фунтик среди мха. Затем взял шершавую гальку, тщательно обтер ее и, с сильно бьющимся сердцем, затаив дыхание, легонько чиркнул спичкой о гальку.

Первая попытка не дала результатов: Пенкроф боялся раскрошить фосфор и чиркнул слишком слабо.

— Нет, не могу, — сказал он, — рука дрожит... Только спичку испорчу... Не могу!.. Не стану больше! — И, поднявшись, Пенкроф попросил Герберта заменить его.

Юноша никогда еще не испытывал такой тревоги. Сердце у него колотилось. Наверное, Прометей, решаясь похитить огонь с неба, не ведал подобного волнения! Однако юноша, не раздумывая, быстро чиркнул спичкой о камешек. Послышался слабый треск, и на конце спички затрепетал голубоватый огонек, распространявший едкий дым. Герберт тихонько повернул спичку головкой вниз, чтоб огонек лучше разгорелся, потом осторожно просунул ее в бумажный колпачок. Бумага вспыхнула, и тотчас же загорелся мох.

Через несколько мгновений послышалось потрескивание разгоревшихся сучьев, и в темноте весело заиграло пламя, костра, который моряк раздувал изо всех сил.

— Ну, наконец-то! — вставая, воскликнул Пенкроф. — Прямо извелся! Никогда еще так не волновался!

Радостно было смотреть, как в очаге, сложенном из плоских камней, жарко горит огонь. Дым свободно выходил через узкий проход, тяга была хорошая, и вскоре по Трущобам уже разливалось приятное тепло.

За огнем, разумеется, надо было следить, а чтобы он не угасал окончательно, всегда сохранять под золой несколько раскаленных углей — дело нетрудное, требовавшее только заботы и внимания; дров в лесу было достаточно, и всегда можно было вовремя пополнить запас топлива.

Пенкроф решил прежде всего воспользоваться очагом для того, чтобы приготовить ужин посытнее, чем сырые литодомы. Герберт принес десятка три голубиных яиц. Журналист сидел в углу и безучастно смотрел на эти приготовления. Он старался разрешить три мучительных вопроса. Жив ли еще Сайрес? Если жив, то где он сейчас находится? Если он уцелел после своего падения в море, то чем объясняется то, что он не нашел возможности подать о себе весть? Вот о чем думал Гедеон Спилет, а Наб тем временем томился на берегу моря, блуждая там, словно тень, лишенная души.

Пенкроф знал пятьдесят два способа приготовленной яиц, но тут у него не было выбора: пришлось просто испечь их в горячей золе.

Через несколько минут яйца испеклись, и моряк пригласил Гедеона Спилета принять участие в ужине. Такова была первая трапеза злополучных аэронавтов на неведомом для них берегу. Крутые яйца оказались очень вкусными, а так как в яйцах содержатся все питательные вещества, необходимые человеку, то несчастные путники хорошо подкрепились и вскоре почувствовали себя бодрее.

Ах, если бы возвратился тот, кого не хватало за этой трапезой! Если б все пятеро пленников, бежавших из Ричмонда, были сейчас вместе, в этом убежище среди скал, у этого ярко пылавшего костра, на этом сухом песке, они от души возблагодарили бы небо. Но, увы! Недоставало Сайреса Смита, человека такого изобретательного, такого ученого, признанного их главы, — он погиб, и они даже не могли предать земле его прах.

Так прошел день — 25 марта. Настала ночь. Снаружи доносилось завывание ветра и однообразный шум прибоя, ударявшегося о берег. Волны с оглушительным грохотом перекатывали камни и гальку.

Наскоро записав в свой блокнот события истекшего дня — появление неведомой земли, возможная гибель Сайреса Смита, поиски на побережье, эпизод со спичками и т. д., — журналист улегся в углу темного коридора и, сломленный усталостью, наконец забылся сном. Герберт заснул сразу. Моряк дремал, как говорится, вполглаза, примостившись у очага, не забывая подбрасывать в него дров.

Но один из обитателей Трущоб не мог сомкнуть глаз. Как ни уговаривали Наба его спутники прилечь, отдохнуть немного, он всю ночь напролет бродил по берегу моря и звал своего хозяина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Имущество потерпевших крушение. — Ровно ничего. — Опаленная тряпка. — Прогулка в лес. — Лесная флора. — Убежавший жакамар. — Следы диких зверей. — Куруку. — Тетерева. — Удивительное применение удочек.

Имущество наших аэронавтов, потерпевших крушение и выброшенных на неведомую землю, перечислить нетрудно: у них не осталось ровно ничего, кроме той одежды, которая была на них в момент катастрофы. Впрочем, нужно упомянуть, что у Гедеона Спилета — вероятно, по чистой случайности — уцелели часы и записная книжка, но ни у кого не сохранилось ни оружия, ни инструментов, ни даже перочинного ножа. Пассажиры воздушного шара все выбросили за борт гондолы, чтобы облегчить груз аэростата.

Вымышленные герои Даниеля Дефо и Виса, все эти Селькирки и Рейналы, потерпевшие крушение у острова Хуан-Фернандес или в Оклендском архипелаге, никогда не попадали в такое положение. Все для себя необходимое они находили на своем разбитом корабле — зерно, и домашних животных, и инструменты, и ружья, и запасы пороха и пуль, — или же море выбрасывало на берег обломки судна и часть его груза, дававшие им возможность удовлетворять свои насущные потребности. Они не оказывались безоружными перед лицом природы. Но у наших путников не было ни одного инструмента и никакой утвари. Из ничего надо было создать все!

Если б еще судьба возвратила им Сайреса Смита, если б он своими знаниями и практическим умом помог в беде товарищам, надежда, возможно, еще не была бы потеряна. Увы! Нечего было и думать, что он вернется. Потерпевшим крушение приходилось рассчитывать только на самих себя и на помощь providения, ибо оно никогда не оставляет тех, кто полон искренней веры.

Но прежде чем обосноваться на этом побережье, разве не нужно было путникам узнать, куда они попали? Где они? На каком-нибудь материке или на острове? Живут ли в этих краях люди или это берег необитаемой земли?

Столь важный вопрос следовало выяснить как можно скорее — от этого зависели все дальнейшие шаги, которые могли предпринять наши путники. Однако, по совету Пенкрофа, решили подождать несколько дней, прежде чем отправиться на разведку. Сначала надо было раздобыть провиант и запастись в дорогу не голубиными яйцами и ракушками, а более сытной снедью. Вероятно, предстоят утомительные переходы, на привалах не будет кровя над головой — в таких условиях людям прежде всего необходимо хоть пищей подкреплять свои силы.

Для временной стоянки можно было удовлетвориться и Трущобами. Огонь удалось разжечь, сохранять под слоем золы кучку тлеющих углей было нетрудно. Пока что достаточно имелось ракушек на берегу и яиц в гнездах диких голубей среди скал. Голуби сотнями кружили над карнизом плато, и, вероятно, нашелся бы какой-нибудь способ убить несколько штук хотя бы ударом палки или метко брошенным камнем. Может быть, в соседнем лесу растут деревья, приносящие съедобные плоды. И наконец, рядом протекает река — источник пресной воды. Словом, было решено остаться еще на несколько дней в Трущобах и заняться подготовкой к экспедиции для исследования побережья и ближайших окрестностей.

Наб горячо одобрил намерение задержаться некоторое время на стоянке — он упорно цеплялся за свою надежду и не хотел удаляться от той части берега, где произошла катастрофа. Он не верил, не хотел верить предположению, что Сайреса Смита больше нет в живых. Ему казалось просто невозможным, чтобы такой человек погиб столь нелепой смертью, чтобы волна смысла его и он утонул совсем близко от берега!

Нет, пока море не выбросит на берег труп Сайреса Смита и пока он, Наб, собственными глазами не увидит его, не коснется руками, он не поверит в гибель своего хозяина! Мысль эта крепко завладела Набом, в сердце его не угасала надежда. Быть может, он сам себя обманывал, но такой самообман заслуживал уважения, и Пенкроф не решался разубеждать Наба. Сам же он был уверен, что инженер Сайрес Смит нашел себе могилу в пучине океана, но с Набом, конечно, спорить было невозможно. В своей привязанности к Сайресу Смицу он был подобен верной собаке, которая не может уйти с того места, где умер ее хозяин, и горе так снедало его, что вряд ли он был в силах перенести свою утрату.

Утром 26 марта, чуть рассвело, Наб снова отправился на берег и пошел по направлению к северу, туда, где, по всей вероятности, волны океана сомкнулись над головой несчастного Сайреса Смита.

Завтрак в то утро опять состоял лишь из голубиных яиц и ракушек. Герберт нашел во впадине скалы соль, оставшуюся после испарения морской воды, и эта минеральная приправа пришлась очень кстати.

Покончив с едой, Пенкроф спросил журналиста, не желает ли тот пойти вместе с ним и с Гербертом в лес, где они собираются поохотиться. Но, обсудив этот вопрос, обитатели Трущоб решили, что кому-нибудь нужно остаться на стоянке для того, чтобы поддерживать огонь в очаге, а также на тот маловероятный случай, если Наб найдет хозяина и ему понадобится помощь.

Хранителем огня остался Гедеон Спилет.

— Ну, пойдем, Герберт, на охоту! — воскликнул моряк. — Пули подберем дорогой на земле, а ружье выломаем в лесу.

Перед уходом Герберт сказал, что раз у них нет трута для высекания огня, было бы неплохо чем-нибудь его заменить.

— Чем? — спросил Пенкроф.

— Опаленной тряпкой, — ответил юноша. — В случае надобности она может заменить трут.

Моряк признал предложение Герберта вполне разумным. Правда, жаль было пожертвовать обрывком носового платка, но цель оправдывала такую жертву, и вскоре от обширного клетчатого платка Пенкрофа был оторван лоскут и опален на огне. Эту легковоспламеняющуюся ткань спрятали в средней «комнате», в узкой впадине каменной глыбы, — там она была защищена от ветра и от сырости.

Было девять часов утра. Погода хмурилась, дул сильный юго-восточный ветер. Герберт и Пенкроф завернули за скалы, образовавшие Трущобы, и оба бросили взгляд на струйку дыма, извивавшуюся над одним из выступов каменной кровли; затем они направились по левому берегу реки вверх по течению.

Как только дошли до леса, Пенкроф сломал две толстых ветки, которые стали палицами наших охотников; Герберт обточил концы этих дубинок об острый край скалы. Ах, чего бы он не дал за самый обыкновенный нож! Охотники двинулись дальше по берегу, поросшему высокой травой. Начиная с той излучины, где речка резко поворачивала на юго-запад, она становилась все уже, текла в очень высоких берегах, и над ней арками сплетались ветви деревьев. Боясь заблудиться, Пенкроф решил, что и возвращаться надо будет берегом реки, — она приведет их к тому месту, откуда они вышли. Но избранный им путь оказался очень нелегким: тут мешали гибкие ветви деревьев, склонившиеся к самой воде, там дорогу преграждали лианы или колючий кустарник, и приходилось дубинкой расчищать себе путь. Зачастую Герберт с проворством дикой кошки, проскользнув между кустами, исчезал в густых зарослях. Но Пенкроф тотчас звал его обратно и настойчиво просил не отходить в сторону.

Моряк внимательно присматривался к рельефу местности, подмечал характер ее природы. Левый берег был низкий и переходил в незаметно повышавшуюся равнину. Кое-где он становился болотистым — чувствовалось, что тут под почвой целой сетью струек бегут родники, ищут себе выхода и, найдя его,

изливаются в реку. Иногда зеленую чащу прорезал ручей, но через него нетрудно было перебраться. Правый берег был высокий, неровный и отчетливо обрисовывал очертания ложбины, по которой пролегало русло реки. По его уступам росли деревья, закрывая кругозор. Идти правым берегом было бы куда труднее, так как нередко склон его становился обрывистым; деревья, сгибавшиеся к воде, держались там лишь силой крепких корней.

Нечего и говорить, что в этом лесу так же, как и на берегу моря, где они уже побывали, не было никаких признаков присутствия человека. Пенкроф заметил только свежие следы четвероногих — несомненно, здесь недавно проходили звери, но какие именно, он не мог определить. Очень возможно, думал Герберт, что сюда наведывались и грозные хищники, с которыми им, вероятно, когда-нибудь придется столкнуться, но нигде не было ни зарубки, сделанной на дереве топором, ни остатков угасшего костра, ни отпечатка человеческой ноги; впрочем, этому, пожалуй, следовало порадоваться: встреча с человеком в диких дебрях у берегов Тихого океана ничего хорошего не сулила.

Герберт и Пенкроф почти не разговаривали, так как дорога была тяжелая, и продвигались они очень медленно — за целый час едва ли прошли одну милю. Пока что охотники не могли похвастаться удачей. Кругом раздавался птичий гомон, птицы перепархивали с дерева на дерево, но все они оказались очень пугливы, как будто верный инстинкт внушал им страх перед людьми. В болотистой части леса Герберт приметил среди пернатых птицу с длинным и острым клювом, похожую на зимородка-рыболова, однако от рыболова она отличалась более ярким оперением с металлическим отливом.

— Это, должно быть, жакамар, — прошептал Герберт, пытаясь незаметно приблизиться к птице.

— Хорошо бы отведать этого жакамара, — заметил Пенкроф, — если он согласится попасть к нам на жаркое.

В это мгновение камень, ловко брошенный Гербертом, подбил жакамару крыло, но не свалил с ног птицу, она обратилась в бегство и вмиг исчезла.

— Экий я разиня! — воскликнул Герберт.

— Нет, голубчик, — утешал его моряк, — удар был очень меткий, другому бы ни за что так не попасть. Не горюй! Мы твоего жакамара в другой раз поймаем!

Обследование местности продолжалось. Охотники заметили, что чаша постепенно редееет, деревья уже не заглушают друг друга и разрастаются превосходно, но ни на одном не было съедобных плодов. Напрасно Пенкроф искал здесь драгоценных для человека пальмовых деревьев, которые приносят ему столько пользы и встречаются в Северном полушарии вплоть до сороковой параллели, а в Южном — до тридцать пятой. Но тут лес состоял только из хвойных деревьев — таких, например, как деодары, которые Герберт приметил уже накануне, дугласы, похожие на те, что растут на северо-западном берегу Америки, и великолепные сосны высотой в сто пятьдесят футов.

Вдруг перед нашими охотниками пронеслась большая стая красивых пестрых птичек с длинными хвостами переливчатой окраски; они тучей спустились на ветки деревьев, роняя перышки, и усеяли землю нежным пухом. Герберт подобрал несколько перышек и, рассмотрев их, сказал:

— Это куруку.

— Лучше бы цесарку или глухаря поймать, — заметил Пенкроф. — Разве такие пташки для еды годятся?..

— Годятся, — ответил Герберт, — мясо у них очень нежное. И, если не ошибаюсь, к ним очень легко можно подобраться и убить их просто палкой.

Моряк и Герберт, прячась в высокой траве, подкрались к дереву, у которого нижние ветки были

сплошь усеяны птичками. Куруку подстерегали насекомых, служивших им пищей. Видно было, как они крепко уцепились мохнатыми лапками за веточки, на которые уселись.

Охотники поднялись и, взмахивая своими дубинками, как косами, сбивали куруку, целыми рядами, но глупые птицы и не думали улетать. Лишь когда на земле их лежало уже не меньше сотни, остальные умчались прочь.

— Вот повезло! — воскликнул Пенкроф. — Дичь как раз для таких охотников, как мы! Бери ее просто руками.

Сбитых птичек моряк нанизал на гибкий прутик, и охотники отправились дальше. Они заметили, что река поворачивает к югу, но, по всей вероятности, это была лишь излучина, истоки же реки должны были находиться на севере, в горах, где ее питали тающие снега, покрывавшие склоны центральной конусообразной вершины.

Как известно. Пенкроф и Герберт отправились в поход с тем, чтобы принести для обитателей Трущоб как можно больше дичи. Задача эта еще не была выполнена. Поэтому моряк деятельно продолжал поиски и слал проклятия, когда, промелькнув перед ним в высокой траве, исчезла какая-нибудь дичь, которую он даже не успевал разглядеть. Ах, если б охотников сопровождала собака! Но Топ исчез одновременно с хозяином и, вероятно, погиб вместе с ним.

Около трех часов дня охотники увидели на прогалинке между деревьями новую стаю птиц, которые сидели на кустах можжевельника и клевали его пахучие ягоды. Вдруг по лесу разнесся звук, похожий на пение медной фанфары. Эти странные, трубные звуки издавали птицы, принадлежавшие к семейству куриных, — тетерева, которых в Соединенных Штатах называют «тетрасы». Вскоре на прогалину вылетело несколько пар этих птиц. Окраска у них была рыжеватая, переходившая в коричневую, и темно-коричневый хвост. Герберт узнал самцов по красивому пушистому воротнику с двумя остроконечными зубцами по обе стороны шеи. Птицы эти величиною с курицу, а мясо у них такое же вкусное, как у рябчиков. Пенкроф решил во что бы то ни стало поймать хоть одного тетраса. Но задача оказалась трудной: тетерева не подпускали к себе охотников. После нескольких бесплодных попыток, только вспугнувших осторожных птиц, Пенкроф сказал:

— Ну, раз нельзя их подбить камнем, попробуем поймать на удочку.

— Будто окуней? — удивленно спросил Герберт.

— Будто окуней, — ответил моряк совершенно серьезным тоном.

Пенкроф нашел в траве с полдюжины тетеревиных гнезд, в каждом было по два, по три яйца. Моряк не тронул этих гнезд, зная, что птицы обязательно к ним вернуться, а вокруг гнезд он решил расставить свои удочки — не силки с петель, а настоящие удочки с крючком. Он отвел Герберта в сторону и там приготовил свою удивительную спасть с терпением и ловкостью, которые сделали бы честь даже ученику Исаака Уалтона.^[111] Герберт следил за его работой с вполне понятным интересом, но сомневался в успехе этого замысла. Лески Пенкроф сделал длиною в пятнадцать — двадцать футов из тонких сухих лиан, связав их между собой. Крючками послужили очень крепкие шипы с загнутым концом, которые он обломал с куста карликовой акации. Пенкроф привязал их к своим лескам и насадил на эти крючки приманку — толстых красных червяков, ползавших по земле.

Закончив работу, Пенкроф, ловко прячась в высокой траве, подобрался к тетеревиным гнездам и разложил возле них свои лески с приманкой. Потом он вернулся и, зажав в руке свободные концы лесок, спрятался вместе с Гербертом за толстое дерево. Оба охотника замерли в терпеливом ожидании. Герберт, однако, не очень рассчитывал на успех изобретения Пенкрофа.

Прошло с полчаса, и, как предвидел моряк, тетерева и тетерки вернулись к своим гнездам. Самцы, подпрыгивая, расхаживали около гнездовья, что-то выклевывали из земли, совсем не замечая охотников, которые, кстати сказать, постарались укрыться с подветренной стороны.

Герберта, разумеется, очень увлекла эта охота. Он ждал затаив дыхание. А моряк, замирая от волнения, не сводил глаз с тетеревов, раскрыв рот и вытянув губы трубочкой, как будто хотел проглотить лакомый кусочек.

Однако тетерева бродили между удочками, не обращая на них никакого внимания. Пенкроф легонько подергал лески, и червяки зашевелились, словно были еще живые.

Несомненно, в эту минуту моряк волновался куда сильнее, чем рыболов, который, сидя с удочкой на берегу, не может видеть сквозь толщу воды, как рыба вертится около приманки.

Червяки, колыхавшиеся от подергивания лески, привлекли к себе внимание птиц, и острые их клювы ухватили добычу. Три тетерева, видимо очень прожорливые, жадно проглотили и червяков и крючки. Пенкроф сразу подсек свои удочки, и шумное трепыхание крыльев указало ему, что птицы попались.

— Ура! — закричал он и, бросившись к тетеревам, мигом схватил пойманную дичь.

Герберт захлопал в ладоши. Впервые он видел, как ловят птиц на удочку. Но Пенкроф скромно сказал, что, хотя это и не первый его опыт, однако заслуга такого изобретения принадлежит не ему.

— Способ для нас очень удобный, — заметил он. — Да и то ли нам еще придется придумывать в нашем положении.

Тетеревов привязали за лапы, и Пенкроф, просяив от мысли, что с охоты он вернется не с пустыми руками, предложил идти поскорее домой, так как уже начинает смеркаться.

Дорогу к Трущобам найти оказалось нетрудно. Нужно было только не отдаляться от реки и идти вниз по течению. Около шести часов вечера Герберт и Пенкроф, усталые, но довольные, возвратились к своему убежищу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наб все не возвращается. — Размышления Гедеона Спилета. — Ужин. — Тревожная ночь. — Буря. — Поиски в ночную пору. — Борьба с дождем и ветром. — В восьми милях от первого убежища.

Гедеон Спилет неподвижно стоял на берегу, скрестив на груди руки, и смотрел, как над морем с востока быстро надвигается черная грозовая туча. Ветер крепчал, с наступлением сумерек стало холодно. Небо было каким-то зловещим, все предвещало приближение шторма.

Герберт пошел в Трущобы, а Пенкроф направился на берег моря, к журналисту. Спилет, задумавшись, не заметил, как он подошел.

— Ох, ночью и непогода же разыграется, мистер Спилет! — сказал моряк. — Штормовая, с дождем! На радость буревестникам.

Гедеон Спилет обернулся и, увидев Пенкрофа, вдруг спросил:

— Как по-вашему, на каком расстоянии от берега волна смыла нашего товарища?

Пенкроф, не ожидавший такого вопроса, удивленно посмотрел на Спилета и, подумав немного, ответил:

— Да не больше как в двух кабельтовых.

— А что такое кабельтов?

— Сто двадцать сажений, или шестьсот футов.

— Так, значит, Сайрес Смит исчез на расстоянии тысячи двухсот футов от берега?

— Вроде того.

— И собака исчезла вместе с ним?

— И собака.

— Меня вот что удивляет, — продолжал Спилет — Допустим, что наш товарищ погиб, а вместе с ним погибла и собака, — но как же это море не выбросило до сих пор на берег ни труп собаки, ни мертвое тело хозяина.

— Что ж тут удивительного? Вон какое волнение на море, — ответил Пенкроф. — А может быть, их отнесло течением далеко отсюда.

— Так вы считаете, что товарищ наш утонул? — еще раз спросил журналист.

— По-моему, утонул.

— А по-моему — нет, — сказал Гедеон Спилет. — Хотя я с уважением отношусь к вашей опытности, Пенкроф, но это бесследное исчезновение и Сайреса и его собаки — живы они или мертвы — мне кажется просто непостижимым, невероятным.

— Рад бы согласиться с вами, — ответил Пенкроф, — но, к сожалению, не могу!

Сказав это, Пенкроф возвратился в Трущобы. Там в очаге уже горел яркий огонь, Герберт подкинул в него охапку сухого хвороста, и высокие языки пламени осветили все темные закоулки коридора.

Пенкроф тотчас занялся приготовлением обеда. Он считал необходимым накормить товарищей посытнее, зная, как им нужно подкрепить свои силы. Нанизанных на прут птичек он оставил на завтра, но из трех тетеревов двух ощипал, выпотрошил, и вскоре представители семейства куриных уже

поджаривались на импровизированном вертеле.

В семь часов вечера Наба все еще не было. Отсутствие его очень беспокоило Пенкрофа: он боялся, как бы не случилась с ним какая-нибудь беда на этой незнакомой земле. А что, если бедняга Наб в отчаянии наложил на себя руки? Но Герберт делал совсем иные выводы из долгого отсутствия Наба. Он уверял, что если Наб не возвращается, значит, что-то побудило его продолжать поиски, значит, появились какие-то обстоятельства, конечно благоприятные для Сайреса Смита. Почему Наб не возвращается? Несомненно, из-за того, что его надежда окрепла. Может быть, он обнаружил на берегу отпечатки ног Сайреса Смита, обрывок оболочки аэростата и ведет дальше свои розыски. Может быть, он уже набрел на верный след. Может быть, даже нашел своего хозяина...

Так размышлял и так говорил Герберт. Спутники не возражали юноше. Журналист даже кивал головой в знак согласия. Но Пенкроф думал иначе — он полагал, что Наб во время поисков зашел еще дальше, чем вчера, и потому не успел вернуться засветло.

Какие-то смутные предчувствия волновали Герберта, и он несколько раз порывался пойти навстречу Набу. Но Пенкроф убеждал его, что это совершенно бесполезно: в такой темноте да еще в такую ужасную погоду невозможно найти Наба, и лучше всего подождать его в убежище. Если завтра утром негр не вернется, то Пенкроф без всяких разговоров пойдет вместе с Гербертом разыскивать Наба.

Гедеон Спилет поддержал моряка, говоря, что им не следует разлучаться, и Герберту пришлось отказаться от своего намерения, но сделал он это с горестью, из глаз его покатались слезы.

Журналист не мог удержаться и поцеловал великодушного юношу.

Тем временем действительно разыгралась непогода. С дикой силой налетели порывы юго-восточного ветра. В темноте слышно было, как море, где наступил тогда отлив, ревело и билось вдали от берега, у первой полосы рифов. Подхватывая струи дождя, шквал дробил их в водяную пыль и мчал в пространство облаком холодной влаги. По берегу словно ползли клочья седых туманов; море с таким грохотом перекатывало камни, как будто кругом одну за другой опрокидывали телеги, груженные булыжниками. Поднимая целые тучи песку, ветер смешивал их с потоками ливня, и выдержать его напор было невозможно. Воздух был насыщен песочной и дождевой пылью. Ударяясь о прибрежный гранитный вал, ветер кружился вихрем, не находя себе иного выхода, с бешеной силой врвался в ущелье, откуда вытекала речка, и с диким воем гнал вспять ее вздувшиеся воды. Неистовые порывы ветра то и дело забивали обратно в узкую щель, служившую дымоходом, весь дым от очага, и в коридорах Трущоб нечем было дышать.

Поэтому Пенкроф, как только тетерева изжарились, погасил костер и, оставив лишь несколько тлеющих углей, прикрыл их золой.

В восемь часов вечера Наб еще не вернулся, но теперь вполне можно было предположить, что его задержала буря, что ему пришлось искать себе пристанища в какой-нибудь пещере и он пережидает, когда кончится непогода, или просто хочет дожидаться рассвета. Нечего было и думать идти ему навстречу.

Ужин состоял только из одного блюда — жареной дичи. Все отдали ему честь, тем более что мясо тетеревов славится своим превосходным вкусом. После долгой охотничьей экспедиции Пенкроф и Герберт сильно проголодались и ели теперь с волчьим аппетитом.

Поужинав, каждый устроился в том самом углу, где спал накануне; первым, конечно, заснул юный Герберт, прикорнув возле моряка, который расположился у костра.

Потекли ночные часы; буря все усиливалась и с грозной силой бушевала во мраке. Налетел ураган, похожий на тот, который унес пленников из Ричмонда и забросил их на эту землю среди Тихого океана.

Над его бескрайней ширью нет преград для ярости ветров; бури, очень частые в пору равноденствия, свирепствуют там на полной воле, творя жестокие бедствия! Вполне понятно, что берег, обращенный к востоку, то есть как раз навстречу порывам урагана, принимал на себя все его удары, и самые яркие описания не могут передать, с какой невероятной силой он бросался в наступление на землю.

К счастью, нагромождение скал, образовавшее Трущобы, держалось прочно. По даже среди этих огромных каменных глыб иные, наименее устойчивые, казалось, слегка покачивались.

Пенкроф заметил это: приложив ладони к гранитной глыбе, он почувствовал, что она чуть-чуть колеблется. Но он успокаивал себя, справедливо рассуждая, что бояться нечего, ибо это импровизированное жилище не рухнет. Однако он слышал, как грохочут камни, которые ветер сбивал с края верхнего плато и гнал по склону до самого моря. Иногда срывавшиеся камни падали на скалы, служившие Трущобам кровлей, и если они летели отвесно, то, ударяясь о гранит, разбивались на мелкие осколки. Два раза моряк вставал и, хватаясь за стенку каменного коридора, добирался до выхода — посмотреть, что там творится. Но обвалы были незначительны, они не представляли никакой опасности, и Пенкроф, возвратившись на свое место, снова ложился около очага, где под слоем пепла тихо потрескивали раскаленные угли.

Несмотря на свирепый ураган, вой ветра и грохот обвалов, Герберт спал крепким сном. Задремал, наконец, и Пенкроф, привыкший в своей жизни ко всяким бурям. Только Гедеон Спилет не мог заснуть. Он корил себя, зачем не пошел вместе с Набом. Мы уже говорили, что надежда не оставляла Спилета. Предчувствия, волновавшие Герберта, волновали и его самого. Он все думал о Набе. Почему Наб не вернулся? И журналист в тревоге ворочался с боку на бок на своем песчаном ложе, едва замечая битву стихий. Иногда усталость брала свое, на мгновение его отяжелевшие веки смыкались, но тотчас же какая-нибудь мысль, промелькнувшая в голове, будила его, и он открывал глаза.

Время шло. Было, вероятно, уже два часа ночи, как вдруг Пенкрофа, заснувшего крепким сном, кто-то встряхнул за плечо.

— Что? Кто тут? — вскрикнул Пенкроф, мгновенно проснувшись, как это и подобает истому моряку.

Журналист, наклонившись к нему, сказал вполголоса:

— Прислушайтесь, Пенкроф, прислушайтесь!

Моряк насторожился, но ничего не услышал, кроме завываний ветра.

— Ветер воет, — сказал он.

— Нет, — возразил Спилет, напряженно вслушиваясь. — Я как будто слышал...

— Что слышали?

— Лай собаки.

— Лай собаки? — воскликнул Пенкроф и тотчас вскочил на ноги.

— Да, да... Лай собаки...

— Нет, какое там!.. Да и буря так ревет... Разве услышишь?

— Постойте. Опять лает! — Слушайте... — быстро проговорил журналист.

Пенкроф весь обратился в слух, и действительно, в мгновение затишья как будто услышал донесшийся издали лай собаки.

— Ну что? — прошептал журналист, крепко стиснув Пенкрофу руку.

— Да, да! — ответил Пенкроф. — Это Топ лает!

— Топ! — воскликнул проснувшийся Герберт, и все трое бросились к выходу из Трущоб.

Вокруг царил непроглядная тьма. Море, небо, земля были неразличимы в этом черном мраке. Казалось, в мире нет ни единой искорки света.

Выбраться наружу стоило великого труда. При каждой попытке ветер отбрасывал их назад. Наконец удалось побороть порыв ветра, но, чтобы удержаться на ногах, пришлось прислониться к скале. Они молча смотрели друг на друга, разговаривать было невозможно.

Несколько минут Гедеон Спилет и оба его спутника не могли ступить ни шагу — шквал словно пригвоздил их к скале, все трое промокли до нитки, песок слепил глаза. И вдруг в краткое мгновение затишья они явственно услышали отдаленный лай собаки.

Так лаять мог только Топ! Но прибежал ли верный пес один или кто-нибудь был с ним? Вероятно, один — ведь если бы вместе с ним шел Наб, он, несомненно, поспешил бы вернуться в Трущобы.

В налетевшем порыве ветра невозможно было перемолвиться ни одним словом, и моряк только крепко сжал руку Гедеону Спилету, как будто хотел сказать ему: «Подождите», и скрылся в каменном коридоре.

Через мгновение он вышел, держа в руках вязанку зажженного хвороста, и принялся размахивать ею в темноте, оглашая воздух пронзительным свистом.

Собака словно ждала этого сигнала: лай послышался ближе, и вскоре она вбежала в каменный проход. Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поспешили вслед за ней.

На тлеющие угли бросили охапку сухих сучьев. Яркое пламя осветило всю «комнату».

— Топ! Ведь это Топ! — воскликнул Герберт.

В самом деле, это был Топ, великолепная англо-нормандская гончая, получившая от скрещенных двух пород необычайно тонкое чутье и быстрые ноги — качества, отличающие охотничью собаку.

Итак, собака инженера Сайреса Смита нашлась.

Но Топ прибежал один. Ни хозяин, ни Наб не пришли вслед за ним.

Но каким образом инстинкт мог привести его сюда, к Трущобам, где он никогда не бывал, да еще в такую темную ночь, в такую бурю! Непостижимое явление! И еще более странным было то, что собака не казалась усталой, изнуренной и даже не была испачкана грязью и песком...

Герберт подозвал Топ и сжал ладонями его морду. Собака, видимо, обрадовалась ласке и, вытягивая шею, терлась головой о его руки.

— Ну, раз собака нашлась, найдется и хозяин! — сказал Гедеон Спилет.

— Дай-то бог! — отозвался Герберт. — Идемте скорей! Топ будет нашим проводником.

Пенкроф ничего не возразил ему. Он чувствовал, что появление Топ, быть может, опровергнет все его мрачные догадки.

— В дорогу! — воскликнул он.

Пенкроф разгреб жар в очаге и бережно прикрыл кучку раскаленных углей золою, чтобы можно было по возвращении разжечь огонь. И тотчас же, захватив с собою остатки ужина, он бросился к выходу вслед за Топом, который как будто подзывал их коротким, отрывистым лаем; позади моряка бежали Гедеон Спилет и юный Герберт.

Буря бушевала с неистовой яростью и, вероятно, достигла наибольшей своей силы. В ту ночь было

новолуние, молодой месяц узким серпом поднимался в небе, но бледное его сияние не могло пробиться сквозь тучи. Идти становилось все труднее. Самое лучшее было положиться на инстинкт Топа. Путники так и поступили. Гедеон Спилет и Герберт шли вслед за собакой, моряк замыкал шествие. Невозможно было перемолвиться ни единым словом. Дождь уже не обрушивался водопадом, так как дыхание урагана развеивало его водяной пылью, но сам ураган был ужасен.

Было, однако, обстоятельство, благоприятное для Пенкрофа и его товарищей. Ветер неся с юго-востока и, следовательно, дул им в спину. Он забрасывал их сзади целыми тучами песка, но не мешал идти вперед — стоило только не оборачиваться. Порою наши путники даже двигались быстрее, чем хотели, и поневоле ускоряли шаг, для того чтобы ветер не сбил их с ног, но окрепшая надежда придавала им силы. Ведь они шли теперь не наугад, — они уже не сомневались, что Наб нашел своего хозяина и послал за ними верную собаку. Но жив ли был Сайрес Смит? Быть может, Наб звал их лишь затем, чтобы отдать последний долг умершему?

Миновав острую грань гранитного кряжа, который они благоразумно обошли сторонкой, путники остановились: всем троим надо было передохнуть. Выступ скалы защищал их от ветра; запыхавшись от быстрой ходьбы, вернее, от пятнадцатиминутного бега, они с жадностью глотали воздух. Очутившись за этим прикрытием, они могли слышать друг друга, и вдруг, когда Герберт произнес имя Сайреса Смита, Топ затавкал, будто хотел сказать, что хозяин его жив.

— Он жив! Ведь правда, Топ? Правда? — взволнованно твердил Герберт. — Он спасся!

Собака тихонько взвизгивала, словно подтверждала его слова.

Наконец двинулись дальше. Было около половины третьего. В море начинался прилив, а в такие сильные штормы прилив, да еще прилив в новолуние, отличается грозной силой. У гряды рифов ревели высокие валы, бросались на них с неистовой яростью; должно быть, эти водяные горы перекатывались и через невидимый в густом мраке островок. Теперь он уже не прикрывал, как длинная дамба, берег, по которому они шли, не защищал его от разгневанной водной стихии.

Лишь только моряк и его спутники вышли из-за выступа скалы, ветер снова, как бешеный, налетел на них. Низко согнувшись, подставляя спину его свирепым толчкам, они быстро шагали вслед за Топом, уверенно бежавшим впереди. Они двигались на север; справа от них горами вздымались и оглушительно ревели пенные волны, а слева была невидимая, незримая во тьме земля. Но они хорошо чувствовали, что поверхность ее относительно ровная и низкая, так как ветер дул теперь в одном направлении, а не кружился вихрем, как это было, когда он наталкивался на гранитный кряж.

К четырем часам утра они, вероятно, прошли около пяти миль. Тучи уже не ползли над самой землей, а поднялись выше. Дождь почти перестал, ветер стал менее влажным, зато пронизывал холодом. И Пенкроф, и Герберт, и Гедеон Спилет продрогли до костей, но у них не вырвалось ни единого слова жалобы. Они твердо решили идти за Топом туда, куда ведет их умная собака.

Около пяти часов утра забрезжил рассвет. Сначала посветлело в вышине неба, где тучи лежали не такой густой пеленой; края их приняли жемчужно-серые тона, а вскоре ниже их, под темной плотной полосой тумана, более светлой чертой обозначился морской горизонт. По воде пробежали тусклые блики, и гребни волн опять стали белыми. С левой стороны, еще очень смутно, серыми силуэтами на черном фоне, выступили неровные очертания берега.

В шесть часов утра совсем рассвело. Высоко в небе торопливо бежали облака. Пенкроф и его спутники прошли уже около шести миль от своего убежища. Теперь они двигались по песчаному плоскому берегу, вдалеке от него в море пролегла гряда подводных скал, едва видневшихся над волнами, так как уже была полная вода. Слева простиралась широкая пустынная равнина, занесенная песками, и на ней возвышались

дюны, поросшие колючим чертополохом. Слабо изрезанный берег защищала от океанских ветров лишь прерывистая цепь невысоких холмов. Кое-где, в одиночку или купами, разбросаны были кривые, уродливые деревья, изгибавшие к западу и ствол и ветви. Далеко позади, на юго-западе, темнела опушка леса.

Вдруг собака заметалась: то она мчалась вперед, то возвращалась и подбегала к Пенкрофу, как будто молила его ускорить шаг. Потом она свернула с берега на равнину и, движимая поразительным своим чутьем, без малейшего колебания побежала между дюнами.

Путники двинулись вслед за нею. Кругом была глушь, ни одного живого существа. Широкая полоса дюн состояла из прихотливо разбросанных бугров, пригорков и даже холмов. Это была настоящая песчаная Швейцария, и лишь благодаря своему поразительному инстинкту собака не заблудилась.

Минут через пять после того как свернули с берега, журналист и его спутники очутились перед неглубокой пещерой, образовавшейся во внутреннем склоне высокой дюны. Топ остановился и звонко залаял. Спилет, Герберт и Пенкроф вошли в пещеру.

Там стоял на коленях Наб, склонившись над безжизненным телом, распростертым на ложе из травы.

В недвижно лежавшем человеке они узнали Сайреса Смита.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Жив ли Сайрес Смит? — Рассказ Наба. — Следы на песке. — Неразрешимая загадка. — Первые слова Сайреса Смита. — Изучение следов. — Обрато в Трущобы. — Ужас Пенкрофа.

Наб не шелохнулся. Моряк бросил ему только одно слово:

— Жив?

Наб ничего не ответил. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт замер, крепко стиснув руки. Ясно было, что бедный негр так подавлен горем, что не заметил своих товарищей, не слышал вопроса Пенкрофа.

Журналист опустился на колени у распростертого тела, расстегнул на Сайресе одежду и приложил ухо к его груди. Прошла минута — целая вечность, — пока он уловил еле слышное биение сердца.

Наб приподнял голову и посмотрел вокруг невидящим взглядом. На нем лица не было — так он исстрадался. Разбитый усталостью, истерзанный душевной мукой, он изменился до неузнаваемости. Ведь он думал, что Сайрес Смит умер.

Гедеон Спилет долгим, внимательным взглядом всмотрелся в Смита и, поднявшись, сказал:

— Жив!

Тогда на колени опустился Пенкроф, прильнул ухом к груди Сайреса Смита и тоже услышал слабое биение его сердца и даже почувствовал едва заметное его дыхание.

— Воды! — коротко сказал журналист, и Герберт бросился искать воды.

Шагах в ста от пещеры он нашел струившийся в песчаном ложе прозрачный ручеек, сильно вздувшийся от вчерашнего ливня. Но чем зачерпнуть воды? В дюнах не было ни единой раковины! Тогда юноша намочил в ручье носовой платок и помчался к пещере.

К счастью, оказалось достаточным и мокрого платка: Гедеон Спилет хотел только смочить Сайресе губы. Несколько капель холодной воды оказали чудесное действие. Сайрес Смит глубоко вздохнул, казалось даже, он пытается что-то сказать.

— Мы спасем его! — воскликнул журналист.

Слова эти вновь пробудили в сердце Наба надежду. Он раздел своего хозяина, осмотрел, нет ли ран на его теле. Но нигде не было ни ран, ни ушибов, ни ссадин, что очень всех удивило, так как волны, несомненно, пронесли его через подводные скалы; даже на руках не оказалось ни одной царапины, и было просто непостижимо, как на теле утопавшего не осталось никаких следов его борьбы со слепой стихией, его усилий пробиться через линию рифов.

Но объяснения такого удивительного обстоятельства приходилось ждать до тех пор, пока Сайрес Смит в силах будет говорить и расскажет обо всем, что с ним произошло. А сейчас нужно вернуть его к жизни. Может быть, для этого необходимы растирания? Моряк скинул с себя куртку и принялся изо всех сил растирать ею закоченевшее тело Сайреса Смита. Согревшись от этого энергичного массажа, тот слегка пошевелил руками, дыхание его стало ровнее. Он умирал от истощения, и, если б Гедеон Спилет с товарищами не подоспели вовремя, инженеру Смиут пришел бы конец.

— Так вы думали, что умер ваш хозяин? — спросил Наба моряк.

— Да, — ответил Наб. — И если бы Топ не нашел вас и вы не пришли бы сюда, я бы похоронил мистера Смита и сам помер бы у его могилы!

Как видите, жизнь Сайреса Смита висела на волоске!

Тут Наб рассказал, как он нашел хозяина. Накануне, выйдя на рассвете из Трущоб, он опять пошел на поиски, двинулся по берегу на север и дошел до того места, где уже был накануне.

И опять — хотя и без всякой надежды, как он сам признался, — Наб принялся искать: заглядывал в каждую впадину между скал, всматривался в поверхность песчаной террасы — нет ли там какого-нибудь следа, который поможет его поискам. Осматривал он главным образом ту часть берега, которую не затопляла вода, потому что у кромки моря прилив и отлив, чередуясь, несомненно, стерли все следы. Наб больше не чаял найти своего хозяина живым. Он искал тело Сайреса Смита, чтобы своими руками предать его земле!

Долго искал Наб. Все его усилия оставались бесплодными. Казалось, на этом пустынном берегу никогда не появлялся человек. Ту полосу береговой террасы, до которой доходил прилив, усеивали миллионы раковин и ни одна из них не была растоптана. На протяжении двух-трех сотен ярдов Наб не мог обнаружить следов человека. Было ясно, что к берегу никто не приставал. Наб решил пройти еще несколько миль. Возможно, что тело отнесло течением. Если утопленник плывет недалеко от низкого берега, редко случается, чтоб волны рано или поздно не выбросили труп. Наб это знал, и ему хотелось в последний раз взглянуть на своего хозяина.

— Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел во время отлива все рифы, а в часы прилива весь берег и уже отчаялся: ничего, мол, я не найду. И вдруг вчера около пяти часов вечера я заметил на песке следы человеческих ног.

— Следы человеческих ног? — воскликнул Пенкроф.

— Да! — подтвердил Наб.

— И откуда же шли эти следы? От самых рифов? — спросил журналист.

— Нет, только от границы прилива, а между ним и рифами море, должно быть, стерло следы.

— Продолжай, Наб, — сказал Гедеон Спилет.

— Я, как увидел эти следы, словно с ума сошел. Они очень ясно отпечатались и шли по направлению к дюнам. Я побежал в ту сторону; бежал с четверть мили, держась этих следов, но старался их не затоптать. Минут через пять, когда уж стало смеркаться, слышу — лает собака. Это Топ лаял. Он и привел меня сюда, к моему хозяину!

И в заключение Наб рассказал о том, как он горевал, когда увидел бесчувственное тело Сайреса Смита. Напрасно он пытался обнаружить в нем хоть какие-нибудь признаки жизни. Он искал мертвое тело, то теперь, найдя его, жаждал возродить в нем жизнь! Все его усилия были тщетны. Оставалось лишь отдать последний долг тому, кого он так любил.

И тогда Наб подумал о своих товарищах. Наверно, они тоже хотят проститься с умершим. Около него был Топ. Разве нельзя положиться на сообразительность такого умного пса, такого преданного друга? Наб несколько раз произнес имя журналиста: из спутников хозяина Топ лучше всех знал Гедеона Спилета. Потом Наб показал рукой на юг, и собака помчалась по берегу в ту сторону.

Мы уже знаем, как Топ, руководствуясь инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, нашел дорогу в Трущобы, хотя ни разу там не бывал.

Товарищи Наба слушали его рассказ с напряженным вниманием. Все же оставалось необъяснимым, почему у Сайреса Смита нет ни одной царапины на теле, несмотря на то, что лишь ценою тяжких усилий он мог выбраться из бурунов, кипящих вокруг рифов. И непонятно было также, как полуживой Сайрес Смит

мог пройти больше мили от берега к пещере, затерявшейся среди дюн.

— Послушай, Наб, — сказал журналист, — так, значит, это не ты перенес сюда своего хозяина?

— Нет, не я, — ответил Наб.

— Стало быть, мистер Смит сам сюда добрался — это ясно, — сказал Пенкроф.

— Ясно-то ясно, да невероятно! — заметил Спилет. Разрешить эту загадку мог один только Сайрес Смит.

Нужно было ждать, когда он в силах будет говорить. К счастью, жизнь уже возвращалась к нему. От крепких растираний восстановилось кровообращение. Сайрес Смит вновь пошевелил руками, потом повернул голову и произнес какие-то бессвязные слова.

Нагнувшись, Наб окликнул его, но Смит, казалось, ничего не слышал и по-прежнему не открывал глаз. Жизнь пробуждалась в нем, он шевелил руками, но то были произвольные, бессознательные движения.

Пенкроф очень жалел, что в пещере не горит костер, да и нельзя развести огня, потому что, выходя из Трущоб, он позабыл захватить с собой жгут из опаленной тряпки, — этот заменитель трута было бы легко зажечь, высекая искры при помощи двух кремней. У инженера спичек не оказалось, во всех его карманах было пусто, только в жилетном кармане уцелели часы. Посоветовавшись, друзья Сайреса Смита пришли к единодушному решению — поскорее перенести его в Трущобы.

Благодаря заботливому уходу товарищей Сайрес Смит очнулся скорее, чем можно было ожидать. Вода, которой смачивали ему запекшиеся губы, подействовала на него благотворно. Пенкрофу пришла удачная мысль — подбавить к нее мясного сока, выжатого из остатков жаркого, которое он захватил в дорогу. Герберт побежал на берег моря и принес оттуда две большие двусторчатые раковины. Составив нечто вроде микстуры, моряк осторожно влил в рот Сайресу Смиту несколько капель, и тот с жадностью их проглотил.

Наконец, он открыл глаза. Наб и журналист наклонились над ним.

— Мистер Смит! Мистер Смит! — позвал его Наб.

Сайрес Смит услышал. Он посмотрел на Наба и Спилета, потом на двух других своих спутников — Герберта и моряка — и каждому слабо пожал руку.

Опять он произнес что-то бессвязное, как будто те же слова, что вырвались у него в беспамятстве и выражали мысль, даже тогда не дававшую ему покоя. Но теперь эти слова можно было разобрать.

— Остров или материк? — тихо спросил он.

— Да ну его ко всем чертям! — не удержавшись, воскликнул Пенкроф. — Разве это важно? Только бы вы были живы, мистер Смит! Остров или материк! Потом узнаем.

Инженер слегка кивнул головой, соглашаясь с ним, потом как будто задремал.

Гедеон Спилет остался в пещере оберегать сон Сайреса Смита, а трое остальных, по совету журналиста, ушли приготовить носилки, чтобы перенести больного, по возможности не беспокоя его. Наб, Герберт и Пенкроф направились к высокой дюне, увенчанной купой чахлах деревьев. Дорогой моряк все твердил удивленно:

— Остров или материк? Вот о чем он думает, а ведь сам еле дышит! Ну и человек!

Взобравшись на верхушку дюны, Пенкроф и два его товарища, не имея иных орудий, кроме собственных рук, просто-напросто обломали самые толстые ветки довольно хилого, потрепанного ветром дерева, принадлежащего к разновидности морской сосны; из веток они сделали носилки и наложили на

них листьев и травы, чтобы Сайресу Смиту удобнее было лежать.

На всю эту работу ушло минут сорок, и когда моряк, Наб и Герберт возвратились в пещеру, к Сайресу Смит, от которого не отходил Спилет, было десять часов утра.

Инженер проснулся, наконец, или, вернее, пришел в себя после своего долгого забытья. На его лице, поражавшем до той минуты восковой бледностью, выступили краски. Он приподнялся на локте и посмотрел вокруг недоуменным взглядом, как будто спрашивая, где он очутился.

— Вы можете выслушать меня? — спросил Спилет. — Или это очень утомит вас?

— Говорите, — ответил инженер.

— А по-моему, мистер Смит будет слушать вас еще лучше, если отведаст вот этого желе из тетерева, — сказал моряк, — Отведайте, мистер Сайрес. Это тетерев, честное слово, тетерев, — добавил он, подавая Смит, свое «желе», в которое он добавил на этот раз немножко мяса.

Сайрес Смит свел несколько кусочков; все остальное разделили между собой его проголодавшиеся товарищи и нашли свой завтрак довольно скудным.

— Не беда! — сказал моряк. — В Трущобах поедим получше. Надо вам сказать, мистер Сайрес, у нас вон там, в южной стороне, есть собственный дом в три комнаты, с постелями и с печкой, а в кладовой у нас лежит несколько десятков птичек, которых Герберт называет «куруку». Носилки для вас готовы, и, как только вы немного оправитесь, мы вас перенесем в нашу квартиру.

— Спасибо, друг мой, — ответил инженер. — Еще часок-другой полежу тут, и можно будет отправиться. А теперь рассказывайте, Спилет.

Журналист поведал обо всем, что произошло, и, описывая события, о которых Сайрес Смит не мог знать, рассказал, как воздушный шар выбросило на берег, как его пассажиры вступили на какую-то неведомую землю, по всей видимости необитаемую, хотя еще неизвестно, что она собою представляет — остров или материк; как они устроили себе убежище в Трущобах и как стали искать Сайреса Смита; рассказал о самоотверженных поисках Наба, о том, как многим они обязаны сообразительности верного пса Топа и т. д.

— Так вы, значит, не на берегу меня нашли? — слабым голосом спросил Сайрес Смит.

— Нет, — ответил Гедеон Спилет.

— И значит, не вы перенесли меня в эту пещеру?

— Нет.

— А далеко до нее от рифов?

— С полмили будет, — ответил Пенкроф. — Вам удивительно, мистер Смит, как вы сюда попали, а мы еще больше этому удивимся!

— В самом деле, странность какая! — заметил инженер.

Постепенно, оживляясь, он с возрастающим интересом слушал своих товарищей.

— Да, странно, — согласился Пенкроф. — А можете вы рассказать, что с вами было после того, как вас смыло волной?

Сайрес Смит старался собраться с мыслями. Но он мало что мог вспомнить. Волной его выбросило из сетки аэростата, и он погрузился в воду на глубину в несколько саженей. Потом выплыл на поверхность. В полумраке он заметил около себя какое-то живое существо, борющееся с волнами. Это был Топ, бросившийся на помощь хозяину. Подняв глаза, Смит уже не увидел воздушного шара: лишь только

инженер и его собака выпали из сетки и тяжесть аэростата уменьшилась, он стрелой взлетел в высоту. И вот Смит оказался среди бушующих волн, на расстоянии в полмили от берега. Он пытался выплыть, напрягал все силы. Топ поддерживал хозяина, ухватившись зубами за его одежду; но вдруг стремительное течение подхватило его, понесло к северу, а тут захлестнула волна, и после получасовой борьбы он пошел ко дну, увлекая за собой Топа. С этого мгновения и до той минуты, когда он очнулся на руках у своих друзей, он ничего не помнил.

— Ну, так, верно, волны выбросили вас на берег, — сказал Пенкроф, — и у вас хватило сил дойти сюда, ведь Наб нашел на песке следы ваших ног.

— Да... Должно быть, так и было... — раздумчиво сказал инженер. — А других следов вы не замечали на берегу?

— Ни единого, — ответил журналист. — Да если бы вдруг и явился в грозную минуту какой-то неведомый спаситель, почему же он бросил вас после того, как вырвал из пучины океана?

— Вы правы, дорогой Спилет. Послушай, Наб, — добавил инженер, пристально глядя на своего слугу. — Может быть, это все-таки ты... Может быть, от горя у тебя тогда в голове помутилось, и ты запмятовал... Да нет, какая нелепая мысль... А следы эти еще целы? — спросил Сайрес Смит.

— Да, некоторые целы, — ответил Наб. — Вон там, у внутреннего склона этой дюны, следы сохранились, — они были тут защищены и от ветра и от дождя. А все другие буря уничтожила.

— Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — возьмите, пожалуйста, мои башмаки, посмотрите, подходят ли они к отпечаткам на песке.

Моряк выполнил его просьбу; вместе с Гербертом он пошел вслед за Набом к тому месту, где сохранились следы на песке.

Оставшись наедине с репортером, Сайрес Смит сказал:

— Здесь произошло что-то необъяснимое!

— Совершенно необъяснимое! — подтвердил Гедеон Спилет.

— Не будем пока вникать во всякие загадки, дорогой Спилет. Поговорим об этом позднее.

Через минуту Наб и Герберт вернулись.

Никаких сомнений быть не могло: подошвы башмаков Сайреса Смита в точности совпадали с уцелевшими отпечатками. И так, следы на песке принадлежали Сайресу Смицу.

— Ну, вот и хорошо, — сказал он. — Значит, это у меня самого был провал в памяти, в котором я заподозрил Наба. Я шел, как лунатик, совсем не сознавая, что куда-то иду. А привел меня сюда Топ, привел, следуя своему инстинкту. И он же спас меня из волн... Иди сюда, Топ, иди, хороший мой пес!

Красавец пес с радостным визгом бросился к хозяину. И конечно, был награжден за свою преданность бесчисленными ласками.

Читатель, безусловно, согласится, что объяснить спасение Сайреса Смита как-нибудь иначе было невозможно и что эта честь целиком принадлежала Топу.

Около полудня Пенкроф спросил инженера, можно ли теперь перенести его в убежище. Вместо ответа Сайрес Смит усилием воли заставил себя подняться, но тут же ноги у него подкосились, и, чтобы не упасть, он ухватился за плечо Пенкрофа.

— Ладно уж, ладно! — сказал Пенкроф. — Подать карету господину инженеру!

Принесли носилки, покрытые мягким мхом и травой, уложили на них Сайреса Смита и понесли его к

берегу. Пенкроф взялся за носилки спереди, а Наб сзади.

До Трущоб надо было пройти восемь миль, а так как нести больного следовало медленно, не спеша и, вероятно, предстояло часто останавливаться, то путники рассчитывали, что они доберутся до места часов через шесть.

По-прежнему дул сильный ветер, но дождь, к счастью, перестал. Лежа на носилках, инженер приподнялся на локте и оглядывал берег, особенно верхнюю террасу. Он не промолвил ни слова, но смотрел внимательно, и, несомненно, очертания этого побережья, его пески, скалы и леса запечатлелись в памяти инженера Смита. Однако часа через два усталость взяла свое, он вытянулся на носилках и заснул.

К половине шестого вечера маленький караван достиг срезанного угла гранитного кряжа, а вскоре добрался до Трущоб.

Все остановились. Носилки опустили на землю. Сайрес Смит не проснулся — так крепко он спал.

К крайнему своему удивлению, Пенкроф увидел, что буря, бушевавшая ночью, изменила уже знакомую картину. Произошли довольно значительные обвалы, на песке лежали скатившиеся большие глыбы, весь берег ковром устилал толстый слой водорослей. Очевидно, волны, перекатываясь через островок, доходили до подножия гранитного кряжа.

Перед входом в убежище земля была изрыта — несомненно, и на эти глыбы бросались приступом сокрушительные морские валы.

Страшная догадка мелькнула в голове Пенкрофа, и он опрометью кинулся в каменный проход. Но тотчас же выбежал оттуда и замер у входа, растерянно глядя на товарищей...

Огонь потух. Мокрая земля превратилась в грязь. Опаленная тряпица, которая должна была заменять трут исчезла. Море, проникнув в глубину коридора, все там перевернуло, все уничтожило!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сайрес вновь с товарищами. — Попыты Пенкрофа. — Безуспешная попытка. — Остров или материк? — Замыслы инженера Смита. — В каком месте Тихого океана? — В лесной чаще. — Сосновая шишка. — Охота на водосвинку. — Многообещающий дымок.

Моряк коротко поведал Гедеону Спилету, Герберт и Набу о приключившейся беде. Однако несчастье, чреватое, по мнению Пенкрофа, печальными последствиями произвело на товарищей славного моряка далеко не одинаковое впечатление.

Наб был так счастлив возвращению хозяина, что не слушал Пенкрофа — вернее, не желал омрачать своей радости.

Герберт, казалось, до некоторой степени разделял опасения моряка.

А журналист, выслушав сетования Пенкрофа, ответил весьма просто:

— Поверьте, Пенкроф, меня это меньше всего интересует.

— Да ведь я говорю вам, что у нас нет огня!

— Подумаешь!

— И никак его теперь не добыть.

— Чепуха!

— Да что вы, мистер Спилет!..

— Разве с нами нет Сайреса? — сказал журналист. — Инженер наш цел и невредим. Уж он-то придумает, как добыть огонь.

— Да из чего?

— Из ничего.

Что мог ответить на это Пенкроф? Он промолчал, ибо в глубине души не меньше своих товарищей верил в Сайреса Смита; для них инженер Смит был чудом вселенной, кладезем премудрости и всех познаний человеческих! Лучше было сказать с Сайресом на необитаемом острове, чем без Сайреса в самом большом и культурном городе Соединенных Штатов. С Сайресом у них ни в чем не могло быть недостатка. С ним невозможно было потерять надежду. Если б кто-нибудь сказал этим добрым людям, что землю, на которую их выбросило, уничтожит извержение вулкана, что земля эта канет в бездну Тихого океана, они преспокойно ответили бы: «Тут Сайрес. Вы же видите, Сайрес с нами!»

Но пока что инженер, утомленный долгим путешествием на носилках, все еще спал беспробудным сном, и спутники не могли обратиться к его изобретательности. Пришлось обойтись без огня и ограничиться весьма скудным ужином. Тетеревов уже съели, а зажарить какую-нибудь другую дичь не представлялось возможным.

Прежде всего Сайреса Смита, перенесли в центральный коридор пристанища. Там ему устроили ложе из подсохших водорослей. Глубокий сон, овладевший инженером, мог принести ему только пользу, восстановив его силы лучше, чем самая обильная пища.

К ночи подул резкий северо-восточный ветер, и стало очень холодно. Так как море уничтожило перегородки, сделанные Пенкрофом в коридорах, то там теперь беспрепятственно разгуливали сквозняки, и найденное убежище стало мало пригодным для жилья. Сайрес Смит совсем бы замерз, если бы

товарищи не снимали с себя кто куртку, кто блузу и не укутали его хорошенько.

Ужин в тот вечер состоял из неизменных литодомов; Герберт и Наб принесли их множество с берега, а к ракушкам юноша добавил еще изрядное количество съедобных водорослей, найденных им на прибрежных скалах, которые затопляло только в самые большие приливы. Водоросли эти, принадлежавшие к семейству фукусовых, были разновидностью саргассов и, высыхая, давали клейкую массу, довольно богатую питательными веществами. Журналист и его товарищи, поглотив немало литодомов, принялись за саргассы и нашли, что они совсем недурны на вкус. Надо сказать, что на тихоокеанских берегах Азии туземцы довольно широко употребляют саргассы в пищу.

— А все-таки пора уж мистеру Смиту проснуться и прийти нам на выручку, — сказал моряк.

Меж тем холод становился все сильнее, и нечем было защититься от него.

Пенкроф, крайне раздосадованный, всячески пытался добыть огонь. Наб помогал ему в этих опытах. Они нашли немного сухого мха и, ударя друг о друга два кремня принялись высекать искры. Но волокна мха были недостаточно сухи, и он все не загорался, тем более что вылетающие искры были слабее тех, что высекают при помощи стального огнива. Попытка не удалась.

Затем Пенкроф вздумал добыть огонь по способу дикарей и попробовал тереть друг о друга два куска дерева. Если б движения самого Пенкрофа и Наба можно было, согласно новой теории превращения энергии, обратить в тепловую энергию, ее оказалось бы достаточно чтоб закипела вода в котле паровоза. Однако огня он не добыли: куски дерева сделались горячими, а Набу и моряку стало жарко, вот и все.

Проработав час, Пенкроф, обливаясь потом, с досадой отбросил чурки.

— Так я и поверю, что дикари добывают огонь таким способом! — воскликнул он. — Дереву хоть бы что, а руки, того гляди, загорятся!

Пенкроф напрасно не верил в этот способ. Дикари действительно умеют добывать огонь быстрым трением друг о друга кусков дерева. Но не всякое дерево пригодно для этого. К тому же недаром говорится, что дело мастера боится, а Пенкроф не умел взяться за дело.

Досада скоро прошла у Пенкрофа. Куски дерева, которые он отшвырнул, подобрал Герберт и тоже принялся тереть их друг о друга. Пенкроф не мог удержаться от смеха, глядя, как хрупкий подросток вздумал тягаться с ним, здоровяком Пенкрофом, и самонадеянно повторяет его неудавшийся опыт.

— Три, дружок, три хорошенько! — язвил он.

— Да я тру только для того, чтобы согреться, как ты, Пенкроф, — ответил, смеясь, Герберт, — а то у меня зуб на зуб не попадает!

Действительно, Герберт хорошо согрелся, но и только. Попытку добыть огонь пришлось отложить до утра. Гедеон Спилет в двадцатый раз заявил, что для Сайреса Смита такая задача — суший пустяк. А пока что журналист улегся спать прямо на песке в одном из коридоров Трущоб, Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру, а Топ растянулся у ног своего хозяина.

На следующий день, 28 марта, инженер проснулся около восьми часов утра, увидел возле своего ложа товарищей, ожидавших его пробуждения, и так же, как накануне, прежде всего спросил:

— Остров или материк?

Как видно, мысль эта не давала ему покоя.

— Откуда же нам знать, мистер Смит? — возразил Пенкроф.

— Не знаете?

— Нет. Но обязательно узнаем, как только вы нас поведете осмотреть здешние места, — продолжал Пенкроф.

— Мне думается, я могу уже встать, — ответил инженер и без особых усилий поднялся на ноги.

— Вот и хорошо! — воскликнул моряк.

— Я просто умирал от истощения, — заметил Сайрес Смит. — Друзья мои, дайте мне немножко поесть, и все пройдет. У вас, конечно, есть огонь?

Моряк замялся и не сразу ответил на щекотливый вопрос. Наконец, собравшись с духом, сказал:

— Вот в том-то и беда, мистер Сайрес! Нет у нас огня, или, вернее сказать, был огонь, да весь вышел!

И Пенкроф рассказал о том, что случилось накануне. Инженера насмешил эпизод с единственной спичкой, а затем неудавшаяся попытка добыть огонь по способу дикарей.

— Посмотрим, — сказал он. — Если не найдем ничего такого, что может заменить трут...

— То что тогда? — спросил моряк.

— Тогда сделаем спички.

— Химические?

— Химические!

— Не такое уж это трудное дело, — сказал журналист, похлопав Пенкрофа по плечу.

Моряк совсем не разделял такого мнения, но возражать не стал. Все вышли из Трущоб. Погода была отличная. Яркое солнце поднялось над горизонтом, и лучи его весело играли на призматических гранях высоких утесов.

Окинув быстрым взглядом окрестность, инженер сел на обломок скалы. Герберт принес ему несколько пригоршней ракушек и водорослей и сказал извиняющимся тоном:

— Вот все, что у нас есть, мистер Сайрес.

— Спасибо и на том, дорогой, — ответил инженер. — На сегодняшнее утро достаточно.

Он с аппетитом съел свой скудный завтрак, запивая его прозрачной, чистой водой, которую зачерпнули из реки большой раковиной.

Товарищи молча смотрели на него. Утолив с грехом пополам голод, Сайрес Смит скрестил на груди руки и сказал:

— Итак, друзья, вы еще не знаете, куда нас забросила судьба — на материк или на остров?

— Нет, мистер Сайрес, не знаем, — ответил юноша.

— Ну так завтра узнаем, — сказал инженер. — До завтра придется подождать.

— Только вот... — смущенно заговорил Пенкроф.

— Что вот?

— Как же с огнем-то быть? — спросил Пенкроф, у которого тоже была свои неотвязная мысль.

— Не беспокойтесь, Пенкроф, огонь мы добудем, — ответил Сайрес Смит. — А вы вот что мне скажите... Вчера, когда меня несли на носилках, я как будто видел на западе гору, возвышающуюся над всем этим краем.

— Да, — подтвердил Гедеон Спилет, — гора тут есть, и довольно высокая...

— Прекрасно, — продолжал инженер. — Завтра же мы поднимемся на ее вершину и увидим, куда мы попали — на остров или на материк. А до тех пор, повторяю, ничего не будем предпринимать.

— Как ничего? Огонь нам нужен, — упрямо повторил моряк.

— Будет у нас огонь, будет! — сказал журналист. — Потерпите немножко, Пенкроф.

Моряк поглядел на него весьма выразительным взглядом, ясно говорившим: «Да уж если на вас положиться, мистер Спилет, то не скоро мы попробуем жареной дичи!» Однако он сдержался и промолчал.

А Сайрес Смит не ответил ему ни слова, как будто вопрос об огне совсем его не интересовал. Погрузившись в свои мысли, он долго молчал и, наконец, промолвил:

— Друзья мои, положение наше, может быть, и плачевное, но очень ясное. Все очень просто. Возможно, что мы находимся на материке, а тогда после более или менее долгих странствий мы доберемся до каких-нибудь населенных мест. Но, может быть, мы попали на остров, и уж тут одно из двух: если на острове есть население, мы постараемся выпутаться из беды с помощью местных жителей, а если он необитаем, — сообразим, как нам отсюда выбраться собственными силами.

— Да, все очень просто, чего уж проще! — проворчал Пенкроф.

— Но куда же нас все-таки занес ураган? Как вы сами-то думаете, Сайрес? — спросил журналист.

— Я, конечно, не могу этого знать наверняка, но есть все основания предполагать, что мы где-то в Тихом океане. Ведь, когда мы вылетели из Ричмонда, дул северо-восточный ветер, и сама уж сила урагана говорит за то, что направление его не менялось. А если все время сохранялось одно и то же направление — с северо-востока на юго-запад, то, значит, мы пролетели над несколькими штатами — Северной Каролиной, Южной Каролиной, Джорджией, над Мексиканским заливом, над самой Мексикой, в самой узкой ее части, потом над какой-то полосой Тихого океана. Я думаю, что всего шар пролетел не меньше шести-семи тысяч миль, и если направление ветра изменилось хоть на полрумба, он мог нас занести на Маркизские острова или на острова Туамоту, а если скорость его была больше, чем я думаю, то возможно, что мы очутились в Новой Зеландии. В таком случае нам нетрудно будет возвратиться на родину, — мы сможем рассчитывать на помощь англичан или туземного населения маори. Но если мы попали на какой-нибудь необитаемый остров Микронезии (это мы, возможно, установим, когда поднимемся на высокую гору, о которой я говорил), то уж нам придется остаться здесь навсегда!

— Навсегда? — воскликнул журналист. — Дорогой Сайрес, что вы сказали? Навсегда?

— Разумнее всего приготовиться к самому худшему, — ответил инженер. — А все хорошее пусть будет приятной неожиданностью.

— Правильно! — заметил Пенкроф. — Но будем все-таки надеяться, что около нашего острова — если мы на острове — проходят морские суда! Иначе нам совсем худо придется!

— Ничего нельзя узнать, пока мы не поднимемся на гору, и это надо сделать как можно скорее, — ответил инженер.

— А будете ли вы завтра в силах, мистер Сайрес, совершить такое трудное восхождение? — забеспокоился Герберт.

— Надеюсь, что выдержу, — ответил инженер, — но при условии, что Пенкроф и ты, дитя мое, окажетесь умелыми и ловкими охотниками.

— Мистер Сайрес, — взмолился моряк, — раз уж вы заговорили об охоте, то позвольте вам сказать, что напрасно мы дичь принесем, если ее не на чем будет жарить.

— Принесите, Пенкроф, принесите дичи, — сказал Сайрес Смит.

Было решено, что инженер и Гедеон Спилет останутся около Трущоб, чтобы осмотреть берег и верхнее плато. А тем временем Наб, Герберт и Пенкроф пойдут в лес, пополнят запас топлива и постараются побольше принести добычи — и пернатой и четвероногой, какая попадется.

Охотники отправились в поход в десятом часу утра. Герберт был полон надежд, Наб шел в веселом расположении духа, зато Пенкроф сердито бормотал:

— Не будет у них никакого огня. Разве что с неба молния ударит и зажжет им дрова.

Все трое двигались по берегу реки, и, когда дошли до ее излучины, моряк остановился и спросил своих спутников:

— С чего начнем? С охоты или сперва дров наберем?

— С охоты, — ответил Герберт. — Вон уж Топ ищет.

— Ладно, сперва поохотимся, а потом вернемся сюда за дровами.

Приняв такое решение, Герберт, Наб и Пенкроф выломали себе в молодом ельнике три дубинки и двинулись вслед за Топом, бежавшим в высокой траве.

На этот раз охотники отошли от берега реки и углубились в лес. Кругом по-прежнему были хвойные деревья, главным образом сосны. Кое-где лес редел, и на открывавшейся взору поляне стояли огромные, мощные сосны. По-видимому, наши аэронавты очутились в более высоких широтах, чем предполагал инженер. Порой попадались прогалины, где торчали во все стороны сучья старого, замшелого сухостоя и земля была устлана валежником — словом, богатейший природный склад топлива. Затем опять тянулся лес, почти непроходимые заросли, смыкавшиеся сплошной стеной.

В этих незнакомых чащах, где не пролегалo ни единой хоженной тропы, легко было заблудиться. Поэтому Пенкроф время от времени заламывал на деревьях ветки, намереваясь по этим вехам найти обратный путь к реке. Он уже думал, что, пожалуй, напрасно они не направились вдоль берега, как в первую свою экспедицию, ибо шли они уже целый час, а дичи как не бывало. Топ рыскал под низко нависшими ветвями и поднимал птиц, но они не подпускали к себе наших охотников. Все куруку куда-то исчезли, и Пенкроф уже подумывал, не пойти ли опять в болотистую часть леса, где он так удачно поймал на удочку тетеревов.

— Э-э, Пенкроф! — насмешливо произнес Наб. — Где же дичь? Ты ведь обещал моему хозяину много, много дичи. А гляди-ка, жарить-то будет нечего. Зря ты об огне беспокоился!

— Потерпи, Наб, — ответил моряк. — Мы свое дело сделаем, а вот что найдем, когда вернемся?

— Ты, значит, не веришь мистеру Смиту?

— Верю.

— Только не веришь, что он добудет огонь?

— Увижу огонь в очаге, тогда поверю.

— Раз мой хозяин сказал — значит, будет огонь!

— Посмотрим.

Солнце еще не достигло зенита, и экспедиция могла продолжаться. Герберт сделал открытие — нашел дерево со съедобными плодами. То была кедровая сосна, которая растет в умеренном климате Америки и Европы и дает превосходные, весьма ценимые орехи. В шишках оказались совсем спелые орехи, и Герберт с товарищами полакомились ими.

— Ну вот, — сказал Пенкроф, — вместо хлеба — водоросли, вместо мяса — сырые слизняки, а на десерт — кедровые шишки. Какой еще может быть обед у людей, раз у них нет ни единой спички!

— Да будет тебе жаловаться! — заметил Герберт.

— Я, дружок, вовсе не жалуюсь. Но уж что ни говори, в такой еде сытости мало, это ведь не мясо.

— Топ что-то высмотрел! — воскликнул Наб и побежал в чащу, откуда слышался лай, к которому примешивалось какое-то странное хрюканье.

Моряк и Герберт бросились вслед за Набом. Если попалась добыча, надо ее поймать, а не спорить, на чем ее зажарить.

Нырнув в зеленые заросли, охотники увидели, что Топ треплет какое-то животное, схватив его за ухо. Это четвероногое, похожее на поросенка, было длиной фута в два с половиной и покрыто жесткой темно-коричневой шерстью, более светлой на брюхе. Лапы, которыми оно крепко упиралось в землю, были перепончатые.

Герберт решил, что это водосвинка — один из самых крупных представителей семейства грызунов.

Водосвинка и не думала отбиваться от собаки, только тарщила глупые, заплывшие жиром глаза. Вероятно, она в первый раз видела людей.

Наб покрепче сжал в руке свою дубинку и хотел было уже пристукнуть грызуна, как вдруг тот рванулся и, оставив в зубах Топа кончик своего уха, с громким хрюканьем бросился наутек, наскочил на Герберта и, чуть не сбив его с ног, исчез в лесу.

— Ах, негодяй! — воскликнул Пенкроф.

Все кинулись вслед за Топом догонять беглеца и вот-вот уже готовы были схватить его, как вдруг животное бросилось в озерко, окруженное вековыми соснами, и скрылось под водой.

Охотники в растерянности остановились. Топ прыгнул в воду, но водосвинка, нырнув на дно, не показывалась.

— Подождем, — сказал Герберт, — она скоро вынырнет.

— А может, она утонула? — спросил Наб.

— Нет, — ответил Герберт. — Вы видели, какие у нее лапы? Перепончатые. Это почти что земноводное. Подстережем ее.

Топ все не вылезал из воды. Охотники встали на берегу в разных концах, чтобы отрезать водосвинке путь к отступлению, а Топ, разыскивая ее, плавал по озеру.

Герберт не ошибся. Через несколько минут водосвинка вынырнула, и Топ тотчас схватил ее, не давая ей уйти под воду. В одно мгновение водосвинку вытащили на берег, и Наб прикончил ее ударом палки.

— Ура! — закричал Пенкроф, любивший этот победный клич. — Теперь бы только угольков горячих, и мы этого грызуна сгрызем до косточки!

Он взвалил добычу на плечо и, определив по солнцу, что время близится к двум часам дня, подал команду к возвращению.

Чутье Топа и тут сослужило службу охотникам — благодаря умному животному они, не плутая, выбрались из чащи и через полчаса были уже у излучины реки.

Так же как и в первый раз, Пенкроф быстро соорудил плот из стволов деревьев, хотя это казалось ему бесцельной работой, ведь огня теперь не было; плот пустили по течению реки.

Но шагах в пятидесяти от Трущоб Пенкроф вдруг остановился и, оглушительно крикнув «ура», протянул руку указывая на край каменной крыши.

— Герберт! Наб! Смотрите! — крикнул он.

Над скалами, клубясь на ветру, поднимался столб дыма.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Изобретение инженера. — Вопрос, беспокоящий Сайреса Смита. — Экспедиция в горы. — Лес
Вулканическая почва. — Трагопаны. — Муфлоны. — Первая площадка. — Ночлег. — На вершине горы.

Минуту спустя все три охотника уже были у пылавшего в очаге огня, возле которого сидели Сайрес Смит и журналист. Пенкроф остановился и безмолвно смотрел на них, держа в руках свою добычу.

— Ну что, милейший? — воскликнул репортер. — Огонь-то горит! Самый настоящий огонь. На нем прекрасно можно изжарить сие животное, и мы устроим пиршество.

— Кто зажег?.. — недоумевал Пенкроф.

— Солнце!

Ответ был совершенно правильный. Огонь, так восхитивший Пенкрофа, дало само солнце. Моряк глазам своим не верил и так был ошеломлен, что и не подумал расспросить инженера.

— У вас было увеличительное стекло, мистер Смит? — спросил Герберт.

— Нет, дитя мое, — ответил инженер, — но я сделал его.

И Сайрес Смит показал прибор, сыгравший роль увеличительного стекла. Он просто-напросто воспользовался двумя выпуклыми стеклами от карманных часов — своих собственных и Гедеона Спилета. Налив в стекла воды, он сложил их и слепил края глиной. У него получилось таким образом двояковыпуклое зажигательное стекло; поймав в его фокусе пучок солнечных лучей, он направил их на горсточку сухого мха, и мох воспламенился.

Моряк посмотрел на остроумное приспособление, потом посмотрел на инженера и не произнес ни слова. Но как красноречиво говорили его глаза! Если Сайрес Смит не стал для него божеством, то во всяком случае уже не был простым смертным. Наконец дар слова вернулся к Пенкрофу.

— Запишите-ка, мистер Спилет, — сказал он. — Запишите это в своей книжечке!

— Уже записано, — ответил журналист.

Затем Пенкроф с помощью Наба установил вертел, и вскоре искусно выпотрошенная водосвинка, словно молочный поросенок, уже подрумянивалась на ярком огне.

Трущобы опять стали сносным жилищем — от костра потянуло теплом по коридорам; снова сложены были из камней перегородки.

Как мы видим, инженер Смит и его товарищи с пользой провели день. У Сайреса Смита окрепли силы, и он попробовал взобраться на верхнее плато. Оттуда он своим зорким глазом, привыкшим определять расстояния, долго смотрел на конусообразную вершину, на которую должны были завтра подняться. Гора эта отстояла миль на шесть к северо-западу, высота же ее, как казалось, достигала трех с половиной тысяч футов над уровнем моря. Следовательно, с вершины горы наблюдатель мог видеть на пятьдесят миль вокруг. Весьма вероятно, что тогда удастся разрешить вопрос: «Остров или материк?» — вопрос, который Сайрес Смит не без оснований считал пока самым важным.

Пужинали очень вкусно. Мясо водосвинки оказалось превосходным. Трапезу дополнили водоросли и кедровые орехи. Инженер почти ничего не говорил, его поглощали мысли о предстоящем путешествии.

Раза два Пенкроф высказывал свои соображения о том, что следовало бы предпринять, но Сайрес Смит, очевидно обладавший весьма методическим умом, только кивал головой.

— Завтра все выясним, — твердил он, — и в соответствии с обстоятельствами будем действовать.

После ужина подбросили в очаг побольше дров, и все обитатели Трущоб, включая и верного пса Топа, крепко уснули.

Никакие злоключения не потревожили в ту ночь их мирный сон, и на следующее утро, двадцать девятого марта, они проснулись отдохнувшие и бодрые, все запаслись силами для экспедиции, от которой зависела их участь.

Приготовления были окончены. Остатками жаркого путники могли питаться еще сутки. К тому же они надеялись пополнить дорогой запас провианта. Так как стеклышки вставили опять на свое место — в ободок часов инженера и часов Гедеона Спилета, — то Пенкроф опалил на огне тряпицу, взамен отсутствующего трута. Кремней же можно было найти сколько угодно у подножия этих скал, состоявших, несомненно, из вулканических пород.

В половине восьмого утра исследователи, вооружившись дубинками, вышли из своего становища. По совету Пенкрофа решили идти уже знакомыми местами — через лес, а возвратиться другой дорогой. К тому же это был, несомненно, кратчайший путь к горе. Итак, все двинулись к югу и, завернув за южный край гранитного кряжа, пошли полевому берегу реки, а от того места, где она поворачивала на юго-запад, углубились в лес. Нашли тропинку, уже проложенную нашими охотниками под сенью хвойных деревьев, и к девяти часам Сайрес Смит с товарищами вышли на опушку леса с западной его стороны.

Сначала шли по болотистой низине, потом почва стала сухой, песчаной: начался пологий подъем, который вел от берега в глубь этих незнакомых краев. Под высокими деревьями мелькали какие-то зверьки. Но не успевал Топ поднять дичь, как хозяин тотчас же его отзывал, считая, что сейчас не время охотиться, — позже видно будет. Таких людей, как инженер Сайрес Смит, нельзя отвлечь от намеченной цели, от мысли, овладевшей ими. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что он даже не обращал внимания на характер местности, по которой они проходили, на ее рельеф и природные богатства. Он поставил себе задачу взойти на гору и не хотел отвлекаться от нее.

В десять часов сделали короткий привал. Как только путники вышли из лесу, перед их глазами предстали очертания горного хребта. Самую высокую его часть составляли две конусообразные вершины. Одна была высотой приблизительно в две с половиной тысячи футов; отроги, как будто служившие ей опорой, имели какие-то странные изгибы и напоминали когти огромной звериной лапы, вцепившейся в землю. Между этими отрогами пролегали ущелья, обрывистые склоны которых поросли деревьями вплоть до усеченной вершины первой горы. На северо-восточном склоне растительность, очевидно, была менее густой, между зелеными рощицами виднелись довольно извилистые просветы, вероятно проложенные потоками лавы.

Возле первого конуса возвышался второй; слегка округлая его макушка стояла немного вкривь, словно шапка, заломленная набекрень. На ее голых склонах во многих местах вздымались красноватые скалы.

Как раз на вершину этой второй горы им и предстояло подняться; и, очевидно, лучше всего было идти по гребням отрогов.

— Мы с вами находимся в горах вулканического происхождения, — сказал Сайрес Смит и двинулся впереди твоих спутников по извилистому и довольно пологому склону одного из отрогов, который вел к первому плато.

Поверхность земли была изрезана, вздыблена, вспучена действием вулканических сил. Повсюду были разбросаны одиночные валуны, глыбы базальта, пемзы и обсидиана. Кое-где зеленели высокие хвойные деревья, — те же самые породы, что на несколько сот футов ниже покрывали дно и обрывы ущелий,

сливаясь в густую чашу, непроходимую для лучей солнца.

В начале подъема Герберт заметил свежие следы, принадлежавшие каким-то крупным животным, возможно опасным хищникам.

Пожалуй, эти симпатичные звери не согласятся по доброй воле уступить свои владения, — сказал Пенкроф. — Ну что же, мы постараемся от них избавиться, — отвечал журналист, которому уже приходилось охотиться в Индии на тигров, а в Африке на львов. — Но пока будем держаться начеку.

Путники поднимались медленно, из-за всяческих неодолимых препятствий приходилось отклоняться от прямого пути. Иногда склон вдруг рассекала пропасть, и маленький отряд должен был ее обходить. Иной раз поневоле отступали, возвращались назад, отыскивая более удобное для подъема место. Время шло, возрастала усталость. В полдень остановились в тени высоких елей около ручейка, каскадом сбегавшего по камням; к этому времени одолели только половину подъема на первый уступ, и стало ясно, что засветло до него не доберешься.

С места привала открывался широкий вид на море, но с правой стороны кругозор ограничивал высокий остроконечный мыс, протянувшийся к юго-востоку, и нельзя было определить, идет ли за ним море или суша. Слева Даль видна была к северу на несколько миль. На северо-западе картина завершалась горным отрогом причудливых очертаний, — он казался застывшим потоком лавы, некогда извергнутой вулканом. Итак, пока еще не было возможности дать ответ на вопрос, который Сайрес Смит хотел разрешить.

В час дня отправились дальше. Надо было повернуть на юго-запад и снова углубиться в довольно густой лес. Там на глазах путников перелетали с дерева на дерево несколько пар птиц, принадлежавших к семейству фазановых. Это были трагопаны, украшенные мясистым наростом, висевшим у зоба, и двумя цилиндрическими выступами, посаженными позади глаз. Птицы были величиной с домашнего петуха; самок облекало скромное коричневое оперение, а самцы щеголяли в великолепных красных перьях, усеянных белыми крапинками. Метко брошенным камнем Гедеон Спилет убил одного из трагопанов, на которых Пенкроф, проголодавшись на свежем воздухе, смотрел с вождением.

Выйдя из леса, путники, подтягивая друг друга, взобрались по обрывистой круче высотой в сто футов и поднялись на верхний почти безлесный ярус хребта, несомненно состоявший из вулканических пород. Тут нужно было опять повернуть на восток и двигаться, петляя по склону, так как подъем становился все круче, все труднее, — каждый должен был идти с осторожностью и смотреть, куда он ставит ногу. Впереди подымались Наб и Герберт, Пенкроф замыкал шествие, в середине взбирался Сайрес Смит и журналист. Животные, водившиеся на этих высотах (следов тут встречалось немало), несомненно, должны были обладать стальными мышцами и большой гибкостью, которой отличаются, например, серны и дикие козы. Некоторые из этих обитателей гор даже попадались им на глаза, и, увидев их в первый раз, Пенкроф окрестил их по-своему.

— Бараны! — воскликнул он.

Путники остановились. Шагах в пятидесяти от них стояло шесть-семь крупных животных с широкими, загнутыми назад рогами, сжатыми на концах, с длинной шелковистой шерстью бурого цвета, прикрывающей густой подшерсток.

Это вовсе не были обыкновенные бараны, а бараны особой породы, встречающиеся в горных областях умеренного климата. Герберт назвал их муффонами.

— А годятся они на жаркое или на отбивные котлеты? — спросил моряк.

— Вполне, — ответил Герберт.

— Ну, стало быть, это бараны!

Застыв неподвижно среди базальтовых глыб, муфлоны удивленно глядели на пришельцев — вероятно, они впервые видели людей. И вдруг испуганно шарахнулись и мигом исчезли между скал.

— До свиданья! — крикнул им вдогонку Пенкроф с таким забавным видом, что все невольно засмеялись.

Подъем продолжался. Часто на склоне причудливыми зигзагами выступали натеки застывшей лавы. На пути не раз попадались дымящиеся вулканчики — сольфаторы, которые приходилось обгибать. Иногда сера отлагалась в форме кристаллических друз, вкрапленных в породы, которые вулкан выбрасывает перед тем, как начинает изливаться из него лава: крупнозернистые, сильно спекшиеся пуццоланы и беловатый вулканический пепел, состоящий из бесчисленных мелких кристаллов полевого шпата.

С приближением к первому плато, образованному подошвою ближнего вулкана, подниматься стало еще труднее. К четырем часам дня уже миновали лесную зону. Лишь кое-где попадались уродливо изогнутые оголенные сосны, должно быть очень живучие, раз они выдерживали на такой высоте порывы океанских ветров. К счастью для Сайреса Смита и его спутников, день был ясный, тихий — ведь на высоте в три тысячи футов сколько-нибудь резкий ветер очень затруднил бы восхождение на вершину. Небо было чистое, безоблачное, воздух совершенно прозрачный. Кругом стояла глубокая тишина. Солнце уже зашло за верхний конус вулкана, закрывавшего на западе полгоризонта; огромная тень этой горы протянулась до самого берега и удлинялась все больше, по мере того как опускалось солнце. На востоке в небе стояли легкие, полупрозрачные облачка, и лучи заката окрашивали их во все цвета радуги.

Только пятьсот футов отделяло наших путников от того плато, где они хотели остановиться на ночлег, но, чтобы добраться до него, пришлось столько кружить, что этот короткий путь увеличился по меньшей мере на две мили, зачастую на крутом подъеме ноги скользили на гладкой, словно отшлифованной поверхности застывшей лавы, если только выветрившиеся породы не давали достаточной точки опоры. День был на исходе, и уже надвигались сумерки, когда Сайрес Смит и его друзья, очень усталые после семичасового восхождения, добрались, наконец, до плато и остановились у подножия первого конуса.

Поскорее устроиться на привале, подкрепить свои силы ужином, а затем — спать! Второй ярус горы покоился на гранитном основании, и вокруг было столько скал, что найти среди них убежище оказалось нетрудным делом. Топлива вокруг было немного, но все же удалось развести костер, набрав мха и сухих веток кустарника, кое-где росшего на этом плато. Пока Пенкроф складывал из камней очаг, Наб и Герберт отправились за дровами. Вскоре они принесли по большой охапке хвороста. При помощи кремней высекли искры на опаленную тряпицу, служившую трютом. Наб раздул огонь, и через несколько мгновений на привале под защитой скал, весело потрескивая, уже пылал костер.

Костер предназначался лишь для того, чтобы погреться у огня, ибо к вечеру стало очень свежо, а жарить на нем фазана не стали — Наб берег птицу на завтрашний день. На ужин пошли остатки жареной водосвинки и кедровые орехи. К половине шестого трапеза была закончена.

Сайресу Смигу пришла тогда мысль осмотреть, пока еще не стемнело, широкое округлое основание верхнего конуса. Прежде чем прилечь отдохнуть, он захотел узнать, удастся ли обойти вокруг конуса, в случае если невозможно будет подняться по крутым склонам на самую его вершину. Мысль эта не оставляла его, ведь с той стороны, куда кренилась снеговая шапка, то есть с севера, гора могла оказаться неприступной. А если нельзя будет ни подняться на вершину, ни обойти ее вокруг подножия, то, значит, окрестности, расположенные с западной стороны горы, не осмотришь и, следовательно, цель экспедиции полностью не будет достигнута.

И вот Сайрес Смит, позабыв об усталости, зашагал по краю плато, направляясь к северу; Герберт

пошел вместе с ним, меж тем как Пенкроф и Наб занялись приготовлениями к ночлегу, а Гедеон Спилет заносил в свою записную книжку события истекшего дня.

Вечер выдался ясный, тихий. Еще не совсем стемнело. Сайрес Смит и юноша шли молча. Подошва конуса то расширялась, и тогда идти было легко, то суживалась, загроможденная обвалами, и тут уже наши исследователи продвигались осторожно, один вслед другому. Минут через двадцать им пришлось остановиться. Дальше оба конуса совершенно срослись у основания. Обойти же эту гору по скату, имевшему наклон в семьдесят градусов, было невозможно.

Итак, Сайрес Смит и его юный спутник потерпели не дачу в своих попытках обогнуть вершину, зато они увидели, что можно взобраться на нее.

В самом деле, перед ними была глубокая трещина, рассекавшая край верхнего кратера, или, если угодно, воронки, из которой в далекие времена, когда этот вулкан был еще действующим, вытекала расплавленная лава. Охладев, лава затвердела, и куски шлака, застывшие в ее корке, образовали как бы устроенную природой лестницу с широкими ступенями, которая могла облегчить восхождение на гору.

Сайрес Смит сразу заметил эту особенность в расположении трещины и, хотя темнота уже сгущалась, без колебаний стал взбираться по огромной «лестнице» вместе с Гербертом, не отстававшим от него.

Предстояло одолеть подъем в тысячу футов. Доступны ли были стенки кратера? Мы скоро это узнаем. Инженер решил подниматься до тех пор, пока будет возможно. К счастью, по стенкам кратера тянулись извилистые борозды, словно нарезки исполинского винта, что облегчало подъем.

Вулкан, несомненно, принадлежал к числу потухших. Ни малейшей струйки дыма не поднималось над его склонами. Ни малейшего язычка пламени не вырывалось из его глубины. Не слышно было даже слабого рокота, гула, подземного содрогания, — все было спокойно в темной бездне, доходившей, быть может, до самых недр земли. Воздух внутри кратера не был насыщен сернистыми испарениями. Вулкан не погрузился в дремоту, — нет, в нем иссякла жизнь.

Попытка Сайреса Смита сулила удачное восхождение. Вместе с Гербертом он поднимался все выше, воронка кратера ширилась все больше. Округлый клочок неба, видневшийся между краями кратера, все увеличивался. Можно сказать, что с каждым шагом Сайреса Смита и Герберта у них в поле зрения появлялись все новые звезды и великолепные, яркие созвездия Южного полушария. В зените горел красным огнем Антарес в созвездии Скорпиона, а подальше сверкала звезда бета созвездия Кентавра, которую считают ближайшей к Земле звездой.

Затем, по мере того как расширялась воронка кратера, возникли Фомальгаут из созвездия Рыбы, Звездный треугольник и, наконец, почти над самым антарктическим полюсом засверкал Южный Крест, путеводная звезда Южного полушария, подобно Полярной звезде, указывающей путь мореходам в Северном полушарии.

Около восьми часов вечера Сайрес Смит и Герберт вышли на вершину вулкана, являвшуюся высшей точкой на острове.

Уже настала ночь, нечего было и пытаться различить что-нибудь на расстоянии в две мили. Окружает ли со всех сторон эту неведомую землю море, или она соединяется на западе с каким-либо материком, омываемым Тихим океаном, — сейчас этого нельзя было сказать. На западе четко вырисовывалась гряда облаков, еще увеличивавших сумрак; уже нельзя было отличить море от неба, они сливались в единый широкий темный круг.

Но в одной точке горизонта замерцал тусклый свет, медленно опускавшийся по мере того, как поднимались в небесную высоту облака.

То был тонкий серп месяца, уже клонившегося к закату, уже готового исчезнуть. Но в недолгом его сиянии под длинной полосой облаков, протянувшейся в небе, четко обрисовалась линия горизонта, и на краткий миг затрепетала на подернутом зыбью морском просторе лунная дорожка.

Сайрес Смит схватил юношу за руку, и, когда молодой месяц погрузился в воды океана, инженер воскликнул:

— Остров!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На вершине потухшего вулкана. — Внутри кратера. — Вокруг — только океан. — Вид берега с высоты птичьего полета. — Гидрография и орография. — Обитаем ли остров? — Крещение заливов, бухт, мысов, рек и так далее. — Остров Линкольна.

Через полчаса Сайрес Смит и Герберт возвратились на стоянку. Инженер сказал своим друзьям, что земля, на которой они очутились по воле случая, — остров; завтра надо многое обдумать и решить, что делать. Затем каждый устроился как мог для ночлега под прикрытием базальтовой скалы на высоте в две тысячи пятьсот футов над уровнем моря, и в эту тихую ночь наши островитяне уснули мирным сном.

На следующее утро, 30 марта, после скудного завтрака, состоявшего только из трагопана, зажаренного на вертеле, инженер решил вновь подняться на вершину потухшего вулкана и оттуда внимательно осмотреть остров, где потерпевшим крушение аэропланам, быть может, предстояло остаться узниками на всю жизнь, если остров расположен далеко от материка и не находится на путях кораблей, посещающих тихоокеанские архипелаги. Все спутники инженера Смита решили идти вместе с ним в эту новую экспедицию. Им тоже хотелось увидеть общую картину этого острова, где они вынуждены жить и бороться за свое существование.

Около семи часов утра Сайрес Смит, Герберт, Пенкроф, Гедеон Спилет и Наб распростились с базальтовым убежищем. Никто, казалось, не тревожился о своей участи, все полны были веры в свои силы, но надо сказать, что эта вера зиждилась у Сайреса Смита на иной основе, чем у его друзей. Инженер верил в будущее потому, что чувствовал себя способным вырвать у этой дикой природы все необходимое для своей жизни и для жизни своих товарищей, а они не боялись ничего, зная, что с ними Сайрес Смит. И это было понятно. Пенкроф преисполнился такого доверия к инженеру с тех пор, как вновь запылал в очаге потухший огонь, что, окажись они все на голой скале, он и тогда не потерял бы надежды, лишь бы там был с ними Сайрес Смит.

— Ничего! — сказал он. — Мы удрали из Ричмонда без разрешения тюремщиков. А тут у нас никаких надзирателей нет, так неужели мы в один прекрасный день не распростимся с этим благословенным уголком?

Сайрес Смит направился той же дорогой, какой он поднимался накануне. Обогнули конус вулкана по плато, на котором он вздымался, и вскоре добрались до огромной расселины. Погода стояла прекрасная. Солнце, сиявшее в безоблачном чистом небе, заливало своим светом восточный склон горы.

Подожли, наконец, к кратеру. Он оказался именно таким, каким смутно видел его Сайрес Смит в темноте, то есть огромной, расширяющейся кверху воронкой, поднятой на тысячу футов над горным плато. От нижнего конца трещины по склону горы змеились широкие и мощные окаменевшие потоки лавы, а глыбы изверженных пород раскиданы были до нижних долин, изрезавших северную часть острова.

Стенки кратера имели наклон не больше тридцати пяти — сорока градусов, и подниматься по ним оказалось совсем нетрудно. На них заметны были очень древние следы лавы — вероятно, при извержении она переливалась через верхний край кратера, пока боковая трещина не открыла ей нового выхода.

Что касается внутреннего канала, которым кратер сообщался с недрами земли, глубину его нельзя было определить на глаз, так как он терялся в темноте. Но несомненным оставалось то обстоятельство, что вулкан принадлежит к числу потухших.

Около восьми часов утра Сайрес Смит и его спутники уже взобрались на конический бугор, торчавший на северном краю кратера.

— Море! Кругом море! — воскликнули путники в один голос, как будто не могли не произнести этих слов, подтверждавших, что они очутились на острове.

Совершая вторичное восхождение на потухший вулкан, Сайрес Смит, быть может, лелеял надежду увидеть неподалеку другую землю, другой остров, которых он накануне не рассмотрел в темноте. Но до самого горизонта, то есть на протяжении пятидесяти миль вокруг, простиралась водная пустыня. Никакой земли в виду! И ни одного паруса! Беспредельная ширь океана, и в ней затерялся их остров.

Инженер и его сотоварищи застыли в молчании и долгое стояли неподвижно, окидывая взглядом океан. Глаза их жадно впивались в морскую даль. Но даже Пенкроф, отличавшийся чудесной зоркостью, не увидел ничего, а ведь если бы где-то на горизонте показалась земля, то пусть она даже возникла бы в виде неуловимой для другими полоски тумана, Пенкроф, несомненно, разглядел бы ее ибо природа наделила его сущими телескопами, которыми он озирал мир из-под насупленных бровей.

От океана они обратили взгляд на остров, которыми виден был весь как на ладони. Гедеон Спилет задал возникший у всех вопрос:

— А велик ли он?

Ведь остров казался таким ничтожным среди безграничных просторов океана.

Сайрес внимательно присмотрелся к очертаниям острова, принял в соображение высоту горы, на которой они стояли, и, подумав немного, сказал:

— Друзья мои, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что берега нашего острова имеют больше ста миль протяжения.

— А какая у него площадь?

— Трудно сказать. Очень уж он прихотливо изрезан.

Сайрес Смит не ошибся в своем определении — остров по величине был приблизительно равен Мальте или остров Закинф в Средиземном море, но отличался гораздо более неправильной формой, а вместе с тем был менее богат мысами, стрелками, косами, заливами, бухтами. Его странные очертания поражали взгляд, и, когда Гедеон Спилет, по просьбе инженера, зарисовал контуры острова, все нашли, что он похож на какое-то фантастическое животное, на чудовищное крылоное, спящее на волнах Тихого океана.

Журналистом была тотчас же составлена довольно точная карта острова.

Нелишним будет ознакомить читателей с очертаниями острова. В той части берега, куда пристали наши путники, когда их шар потерпел крушение, имелась широкая бухта, ограниченная с юго-востока остроконечным мысом, который во время первого путешествия Пенкрофа был скрыт от его глаз. С северо-востока бухту защищали две другие косы, а между ними был узкий залив, похожий на пасть огромной акулы.

В направлении с северо-востока на юго-запад берег выдавался в море округлым выступом, напоминавшим приплюснутый череп какого-то хищного зверя, а затем, близ того места, где находился потухший вулкан, поднимался горбом несколько расплывчатых контуров. Далее берег тянулся с севера на юг довольно плавной кривой вплоть до небольшой бухты, врезавшейся в берег на середине периметра острова, а за нею изгибался скалистый мыс, похожий на хвост гигантского аллигатора. Этот мыс представлял собою оконечность большого полуострова тридцати миль длиной, считая от юго-восточного мыса, о котором мы уже упоминали, внизу берег полуострова плавно изгибался, образуя широкий открытый залив. Таковы были причудливые очертания острова.

В самой узкой своей части — между Трущобами и бухтой, лежавшей на западном берегу, как раз напротив них, — остров имел только десять миль в поперечнике, а в самой широкой части — от северо-восточного мыса, похожего на челюсть акулы, и до юго-западной оконечности острова — не меньше тридцати миль.

Поверхность острова отличалась разнообразием: от первых отрогов горы до самого берега океана его покрывал густой лес, а северная часть была безводная, песчаная, голая. Между горой и восточным берегом Сайрес Смит и его спутники, к удивлению своему, обнаружили озеро, окаймленное зеленью. Они и не подозревали о его существовании. С высоты казалось, что озеро лежит на одном уровне с океаном, но, поразмыслив, инженер объяснил своим спутникам, что оно расположено футов на триста выше, так как водоемом служит впадина плоскогорья, являющегося продолжением гранитного берегового кряжа.

— А вода-то в нем пресная? — спросил Пенкроф.

— Разумеется, пресная, — ответил инженер. — Должно быть, его питают горные источники.

— Смотрите, вон течет маленькая речушка. Она как раз впадает в озеро, — сказал Герберт, указывая на ручей, вероятно бравший начало в западных отрогах хребта.

— Да, да, — подтвердил Сайрес Смит. — И раз эта речка впадает в озеро, там, со стороны моря, должен быть сток, по которому выливается избыточная вода. На обратном пути увидим.

Этот быстрый, довольно извилистый горный ручей и уже обследованная река, очевидно, представляли собой всю речную систему острова, насколько она была доступна взгляду наших путников. Возможно, что в лесных чащах, покрывавших две трети острова, текли к морю и другие речки. Такое предположение напрашивалось само собой, ибо лесистая часть острова была, по-видимому, весьма плодородной и изобиловала великолепными образцами флоры умеренного пояса. В северной части ничто не указывало на присутствие речек или ручьев. Возможно, что на болотистой северо-восточной оконечности острова скопились стоячие воды, — в общем, там была дикая и, видимо, бесплодная область дюн, песков и камня — местность, которая представляла собой резкий контраст с остальной территорией острова, отличавшейся богатой природой.

Вулкан, находившийся не на середине острова, а ближе к северо-западному побережью, как будто служил границей двух этих зон.

На юго-западе, на юге и на юго-востоке нижние уступы горных отрогов совсем исчезали под зеленым плащом лесов. Зато на севере можно было проследить все их разветвления и увидеть, как они, постепенно понижаясь, уступают место песчаным равнинам. Как раз с северной стороны в те далекие времена, когда происходили извержения вулкана, потоки лавы, вытекавшие из него, проложили себе широкую дорогу и вымостили ее своей застывшей толщей вплоть до того остроконечного мыса, который закрывал бухту с северо-востока.

Сайрес Смит и его товарищи пробыли на вершине горы не меньше часа. Остров лежал перед ними, словно рельефная раскрашенная карта с обычной расцветкой: зеленым цветом обозначались леса, желтым — пески, голубым — воды. Всю его поверхность они могли охватить глазом, для взгляда их оставались непроницаемы только лесные чащи, глубокие и узкие долины, где стояла тень, да теснины ущелий, черневшие у подножия вулкана.

Оставалось разрешить еще один вопрос, чрезвычайно важный для участи наших аэронавтов, потерпевших крушение.

Был ли это обитаемый остров?

Журналист первым задал вслух этот вопрос. Всем казалось, что, после того как они обзрели остров с

вершины горы, на такой вопрос уже можно дать отрицательный ответ.

Нигде не заметно было творений рук человеческих — ни селений, хотя бы состоявших из жалких лачуг, ни одиноко стоящих хижин, ни сетей, ни рыбацких лодок у берега. В воздух не поднималось ни малейшей струйки дыма от костра, которая указывала бы на присутствие человека. Правда, длинная, похожая на хвост аллигатора оконечность острова, протянувшаяся на юго-запад, отстояла от наблюдателей на тридцать миль, и даже зоркие глаза Пенкрофа не могли бы увидеть на таком расстоянии человеческого жилья. Невозможно было также приподнять зеленую завесу, прикрывавшую три четверти поверхности острова, и поглядеть, не таится ли в лесной глуши какой-нибудь поселок. Но обычно население тихоокеанских островов, этих клочков суши, словно выплывших из морской пучины, живет на побережье, а тут побережье казалось совсем пустынным.

Словом, до более полного исследования можно было предполагать, что остров необитаем.

Но что, если сюда наведывались, хотя бы ненадолго, туземцы с каких-нибудь соседних островов? Ответить на этот вопрос пока было невозможно. На пятьдесят миль вокруг не виднелось никакой земли. Но ведь пятьдесят миль нетрудно одолеть в малайских прао или в больших полинезийских пирогах. Все зависело от расположения острова: стоит ли он одиноко среди океана, или находится недалеко от каких-нибудь архипелагов. Удастся ли позднее Сайресу Смиту без инструментов определить широту и долготу острова? Задача очень трудная. А так как пока еще ничего не известно, не мешает принять меры предосторожности на случай возможного посещения острова соседями-дикарями.

Общее знакомство с островом было закончено, определены его конфигурация и рельеф, вычислена площадь, установлены его гидрография и орография. На плане, наскоро составленном журналистом, было в общих чертах обозначено расположение лесов и равнин. Теперь следовало спуститься по склону горы и исследовать остров в отношении его минеральных богатств, его растительного и животного мира.

Но прежде чем подать сигнал к отправлению, Сайрес Смит обратился к товарищам с маленькой речью.

— Друзья мои, — сказал он с обычным своим спокойствием и серьезностью, — волей всемогущего нас забросило на этот маленький клочок земли. Здесь нам с вами придется жить, и быть может, очень долго. Разумеется, возможно, что нежданно-негаданно придет нам помощь, если мимо нашего острова случайно пройдет корабль... Я говорю «случайно», потому что остров весьма невелик, здесь не найдется ни одной естественной гавани, пригодной для стоянки кораблей, и боюсь, что он находится вне обычных путей морских судов, то есть гораздо южнее курса кораблей, которые плавают к тихоокеанским архипелагам, и гораздо севернее курса тех судов, которые ходят в Австралию, огибая мыс Горн. Таково наше положение. Я ничего не хочу скрывать от вас...

— И хорошо делаете, дорогой Сайрес, — горячо отозвался журналист. — Вы же имеете дело с настоящими мужчинами. Мы доверяем вам. Можете на нас рассчитывать. Правда, друзья?

— Я во всем, во всем буду вас слушаться, мистер Сайрес, — сказал Герберт, сжимая руку инженера.

— Я везде и всюду пойду за вами, хозяин! — воскликнул Наб.

— А я вот что скажу, — заявил моряк. — Пенкроф никогда от работы не отлынивал! И если хотите, мистер Смит, мы из этого острова сделаем маленькую Америку! Понастроим здесь городов, проложим железные дороги, проведем телеграф, и в один прекрасный день, когда мы тут все преобразим, цивилизуем, мы преподнесем этот остров правительству нашей страны. Только я об одном вас прошу...

— О чем? — спросил журналист.

— Давайте смотреть на себя не как на несчастных людей, потерпевших крушение, а как на

поселенцев, прибывших на этот остров с определенной целью — основать тут колонию!

Сайрес Смит не мог удержаться от улыбки. Предложение моряка было принято. Затем инженер поблагодарил своих товарищей за доверие и добавил, что крепко рассчитывает на их энергию и на помощь неба.

— Ну что ж, пора в обратный путь к Трущобам! — воскликнул Пенкроф.

— Одну минутку, друзья, — остановил всех инженер. — Мне думается, надо дать название и нашему острову, и каждому мысу, и косе, и речкам, которые мы тут видим.

— Отлично, — сказал журналист. — В будущем это упростит дело, когда нам придется говорить о какой-нибудь местности на нашем острове.

— Правильно! — согласился моряк. — Очень удобно, когда можно указать, куда или откуда идешь. И как-то, знаете, приличнее получится, будто мы в путном месте находимся.

— В Трущобах, например, — лукаво заметил Герберт.

— Верно, — подтвердил Пенкроф. — Очень подходящее название и само собой пришло мне на ум. Оставим за нашим первым становищем это название, так и будем говорить: «Трущобы». Согласны, мистер Сайрес?

— Конечно, Пенкроф, раз вы так окрестили их.

— Да, конечно, и другим местам названия придумать нетрудно, — продолжал, разохотившись, моряк. — Возьмем названия из книги про Робинзона — мне Герберт много читал из нее. Помните, как там написано? «Бухта Провидения», «коса Кашалотов», «мыс Обманутой надежды»!

— Нет, лучше не так, — возразил Герберт. — Лучше назовем заливы и мысы именем мистера Смита, мистера Спилета, именем Наба...

— Моим именем? — воскликнул Наб и улыбнулся широкой улыбкой, сверкнув белоснежными зубами.

— А почему бы и не назвать твоим именем? — заметил Пенкроф. — «Бухта Наба». Очень даже хорошо получается. «Мыс Гедеона»...

— Нет, по-моему, надо дать такие названия, чтобы они постоянно напоминали нам о родине, — ответил Гедеон Спилет.

— Да, для главных пунктов — для бухт, для заливов — так и надо сделать, — сказал Сайрес Смит. — Я вполне с этим согласен. Например, ту большую восточную бухту назовем: *бухта Соединения*, а ту широкую бухту у восточного берега *бухтой Вашингтона*. Гора, на которой мы сейчас стоим, пусть называется *гора Франклина*, а озеро, что лежит перед нашими глазами, пусть носит имя Гранта. Право, друзья мои, так лучше всего. Пусть эти названия напоминают нам о родине и о тех благородных гражданах, которые прославили ее. Но для рек, для маленьких заливов, для мысов, для скал, которые мы видим с высоты этой горы, я предлагаю выбрать такие названия, чтобы они говорили об их контурах, о каких-нибудь их особенностях. Такие названия лучше запоминаются и будут иметь практическую пользу. Очертания нашего острова такие удивительные, что нам нетрудно будет придумать для них какие-нибудь образные названия. Что касается тех речек, которых мы еще не видели, но, возможно, увидим в различных концах лесистой части острова, когда отправимся ее исследовать, тех заливов и бухточек, которые впоследствии обнаружим, — то будем давать им названия по мере наших открытий. Что вы скажете, друзья мои?

Предложение инженера было принято единогласно. Остров лежал перед глазами путников, словно развернутая карта, и оставалось только дать названия каждому мысу, каждому заливу и возвышенности.

Гедеон Спилет записывал эти названия, и географическая номенклатура острова была окончательно установлена. Прежде всего записали следующие наименования, предложенные инженером: бухта Соединения, бухта Вашингтона, гора Франклина.

— А теперь, — сказал журналист, — я предлагаю назвать вон тот полуостров, что тянется к юго-западу, *Извилистым*, а длинный каменистый мыс, которым он кончается, — назвать *Змеиным*, потому что он в самом деле похож на изогнутый хвост змеи.

— Принято, — сказал инженер.

— А вон тот залив, на другом конце острова, ужасно похож на раскрытую пасть акулы, — сказал Герберт. — Назовем его *залив Акулы*.

— Ловко придумал! — воскликнул Пенкроф. — погоди, и мы от вас не отстанем. Тот мыс, что защищает бухту, предлагаю назвать *мыс Челюсть*.

— Но ведь там два мыса, — заметил журналист.

— Ну что ж, — сказал Пенкроф, — пусть у нас будут *Северная Челюсть* и *Южная Челюсть*.

— Записано, — заключил Гедеон Спилет.

— Надо еще дать название тому остроконечному мысу, что виднеется у юго-восточного берега, — напомнил Пенкроф.

— Тому, что у края бухты Соединения, — добавил Герберт.

— *Мыс Коготь*, — тотчас отозвался Наб — ему тоже хотелось стать крестным отцом какой-нибудь частицы общего владения.

Наб очень удачно придумал название — мыс действительно казался страшным когтем того фантастического животного, которое своими необыкновенными очертаниями напоминало остров. Пенкрофа привело в восхищение это веселое занятие, дававшее простор воображению. Вскоре возникли новые названия.

Реку, ставшую для обитателей острова источником питьевой воды, ту самую реку, близ которой они нашли себе прибежище, назвали *рекой Благодарения*, в знак искренней признательности к провидению.

Островок, на который их выбросило, получил название *островок Спасения*.

Широкое плато, которое простиралось за карнизом береговой гранитной стены, возвышавшейся над Трущобами, и давало возможность охватить взглядом всю обширную бухту, назвали *плато Кругозора*. И наконец, непроходимые чащи, покрывавшие полуостров Извилистый, окрестили *лесами Дальнего Запада*.

Итак, всем доступным взгляду пунктам в разведанной части острова были даны названия. Решили, что список их будут пополнять, по мере того как появятся новые открытия.

По солнцу инженер приблизительно определил положение острова в отношении стран света, и оказалось, что бухта Соединения и плато Кругозора лежат на востоке. Но Сайрес Смит собирался на следующий день заметить точное время восхода и заката солнца, положение солнца на небе на середине пути от восхода до заката и рассчитывал точно установить, где находится северная сторона острова, — в Южном полушарии в момент своей кульминации (то есть в полдень) солнце стоит на севере, а не на юге, в противоположность тому, что мы видим в Северном полушарии.

Итак, все было закончено; новым островитянам оставалось только спуститься с горы Франклина и направиться к своему убежищу в Трущобах, как вдруг Пенкроф воскликнул:

— Ну и хороши же мы!

— Почему? — спросил Гедеон Спилет; закрыв свою записную книжку, он уже собрался тронуться в обратный путь.

— Острову-то, острову забыли дать название!

Герберт хотел было предложить, чтобы острову дали имя Сайреса Смита, — он знал, что товарищи дружно будут приветствовать такое предложение, но инженер опередил его.

— Друзья мои, — сказал он взволнованно, — назовем наш остров в честь благороднейшего гражданина Американской республики, в честь человека, который борется сейчас, защищая ее единство. Пусть эта земля будет *островом Линкольна!*

В ответ на предложение Сайреса Смита все радостно крикнули «ура».

В тот вечер колонисты перед сном говорили о своей родине и о той ужасной войне, которая обгаряет ее кровью. Они питали твердую уверенность, что скоро Юг потерпит поражение, и благодаря Гранту и Линкольну правое дело граждан северных штатов восторжествует!

Это было 30 марта 1865 года. Разве могли они знать о том, что шестнадцать дней спустя в Вашингтоне произойдет злодейское преступление, что в страстную пятницу Авраам Линкольн падет от руки фанатика.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проверка часов. — Пенкроф доволен. — Подозрительный дым. — Красный ручей. — Флора острова Линкольна. — Фауна. — Горные фазаны. — Охота на кенгуру. — Агути. — Озеро Гранта. — Возвращение в убежище.

Поселенцы острова Линкольна бросили вокруг последний взгляд, обогнули кратер по узкой закраине и стали спускаться; через полчаса они уже были на первом плато, там, где останавливались на ночлег при подъеме.

Пенкроф заявил, что уже пора завтракать, и по этому поводу Сайрес Смит и журналист решили сверить свои часы.

Надо сказать, что у Гедеона Спилета часы не пострадали от воды, так как его первым выбросило на берег, где он оказался вне досягаемости для волн. Часы у него были с превосходным механизмом — настоящий карманный хронометр, и журналист ежедневно заводил их самым тщательным образом.

Сайрес Смит, разумеется, не мог заводить свои часы, пока лежал без сознания в дюнах. А тут он завел их и, определив по солнцу, что время близится к девяти часам, соответственно перевел стрелку часов.

Гедеон Спилет хотел было последовать его примеру, но Сайрес Смит остановил его, схватив за руку, и сказал:

— Нет, дорогой мой, подождите. У вас часы поставлены по ричмондскому времени?

— Да, Сайрес.

— Стало быть, часы у вас отрегулированы по меридиану этого города, — то есть, можно сказать, почти по меридиану Вашингтона.

— Совершенно верно.

— Знаете что? Не переводите стрелки. Заводите свои часы аккуратнейшим образом, но стрелок не касайтесь — пусть будут так, как есть. Это нам пригодится.

«Для чего?» — подумал моряк.

За завтраком все ели с завидным аппетитом и уничтожили весь запас дичи и орехов. Но Пенкрофа это несколько не беспокоило — не беда, по дороге можно еще добыть провианта. Топ, наверно, не насытился своей скудной порцией и поднимет в лесу какую-нибудь дичь. Кроме того, моряк уже подумывал, не попросить ли инженера Смита изготовить пороху и парочку охотничьих ружей, — он считал, что для Сайреса Смита это не представит затруднений.

Уходя с места привала, Сайрес Смит предложил товарищам идти к Трущобам другой дорогой. Ему хотелось поближе познакомиться с озером Гранта, так красиво обрамленным деревьями. Стали спускаться по гребню одного из отрогов, меж которых, вероятно, брала начало речка, питавшая озеро. Дорогой наши колонисты вели разговор о своем острове, употребляя придуманные ими сообща названия, и легко понимали друг друга. Герберт и Пенкроф (первый — совсем еще мальчик, а второй — человек по-детски простодушный) были в восторге, и моряк, широко шагая, говорил:

— Здорово-то как, Герберт, а? Теперь уж, голубчик, никогда не заблудишься. Хочешь — иди мимо озера Гранта, хочешь — через леса Дальнего Запада, к реке Благодарения, — все равно выйдешь к плато Кругозора, а значит, попадешь к бухте Соединения!

Путники решили, что дорогой можно разбиться на группы, но не очень отдаляться друг от друга.

Весьма возможно, что в густых лесах на острове водятся хищные звери, и благоразумие требует держаться начеку. По большей части впереди шли трое — Пенкроф, Герберт и Наб, предшествуемые неутомимым Топом, который успевал обрыскать каждый кустик. Гедеон Спилет и Сайрес Смит шли вместе; журналист держал наготове свою записную книжку, чтоб занести в нее любое происшествие; молчаливый Сайрес спокойно шагал рядом с ним, отходя в сторону лишь для того, чтобы подобрать образцы минералов или сорвать какое-нибудь растение, и без лишних разговоров прятал то и другое в карман.

— Что это он там подбирает? — бормотал Пенкроф. — Я все смотрю, смотрю, а не вижу тут ничего дельного. Стоит нагибаться за такой ерундой!

Около десяти часов утра маленький отряд уже спускался по последним отрогам горного хребта. На склонах попадались лишь кусты да изредка одинокие деревья. Затем путь пошел по равнине длиною около мили, а дальше темнела опушка леса. Земля здесь была бугристая желтоватая, словно опаленная огнем, и повсюду были разбросаны извергнутые вулканом большие глыбы базальта, для охлаждения которого в земной коре согласно исследованиям Бишофа понадобилось триста пятьдесят миллионов лет. Однако нигде не замечалось следов лавы — некогда она изливалась главным образом по северному склону вулкана.

Сайрес Смит уже думал, что до речки, протекавшей, как он полагал, под деревьями, на краю долины, они дойдут без всяких приключений, как вдруг увидел, что, навстречу им опрометью бежит Герберт. Наба и моряка не видно было за скалами.

— Что у вас там, мальчик? — спросил Гедеон Спилет.

— Дым! — воскликнул Герберт. — Между скалами, в ста шагах отсюда, дым поднимается!

— Значит, тут есть люди? — взволнованно сказал журналист.

— Не надо показываться им на глаза, пока не узнаем, с кем мы имеем дело, — предостерег товарищей инженер. — Может быть, на острове живут дикари, а встреча с ними, по-моему, более опасна, чем желательна. Где Топ?

— Убежал вперед.

— И не лает?

— Нет.

— Странно. Постараемся все-таки позвать его.

Через несколько мгновений инженер, Гедеон Спилет и Герберт присоединились к товарищам и так же, как они спрятались за базальтовыми глыбами.

И тут все они явственно увидели, что в воздухе клубами поднимается дым характерного желтоватого цвета.

Инженер негромко присвистнул, подзывая Топа; собака тотчас подбежала к нему, и тогда Смит знаками велел товарищам подождать его, и тихонько стал пробираться между скалами.

Колонисты замерли, с тревогой ожидая результатов разведки, как вдруг послышался голос Сайреса Смита, громко окликавшего их, и они стремглав бросились к нему. Все четверо мигом очутились возле инженера и прежде всего были поражены неприятным едким запахом, пропитавшим воздух.

По этому запаху Сайрес Смит сразу догадался, откуда идет дым, сначала вызвавший у него тревогу, которая не лишена была оснований.

— Этот дым или, вернее, эти испарения — дело рук самой природы, — сказал он. — Нам просто-

напросто встретился сернистый источник. Если у кого болит горло, пожалуйста, тут прекрасно можно излечиться.

— Эх, жаль! — воскликнул Пенкроф. — Жаль, что нет у меня простуды!

Путники направились к тому месту, откуда поднимался дым. Они увидели довольно обильный сернистый источник, бежавший между скалами; воды его, поглощая кислород из воздуха, издавали едкий запах сернистой кислоты.

Сайрес Смит окунул в источник руку и нашел, что вода маслянистая. Отпив глоток из горсти, он сказал, что у нее чуть сладковатый привкус, температура же ее, как он полагал, была девяносто пять градусов по Фаренгейту (35 градусов выше нуля по стоградусной шкале). Герберт спросил, на чем он основывает такое определение?

— Да просто на том, дитя мое, что, когда я опустил руку в источник, у меня не было ощущения холода, да и горячей вода мне тоже не показалась. Следовательно, у нее температура человеческого тела, то есть около девяносто пяти градусов по Фаренгейту.

Отметив на карте сернистый источник, пока не имевший для них практической ценности, колонисты направились к опушке густого леса, отстоявшего на несколько сот шагов дальше.

Как и предсказывал инженер, там бежала речка, быстрая речка с чистой, прозрачной водой; ее высокие берега были красноватого цвета, что свидетельствовало о наличии окиси железа в породах, из которых они состояли. По цвету берегов колонисты тут же дали речке название: «Красный ручей».

Да это и действительно был просто глубокий и светлый ручей, бравший начало в горах; то равнинной дремотной речкой, то бурным горным потоком, то мирно протекая по песчаному дну, то с сердитым ревом прыгая по скалистым порогам или низвергаясь водопадом, одолевал он свой путь к озеру; ширина его была где тридцать, где сороке футов, а длина — полторы мили. Вода в нем оказалась пресная, и это позволяло предположить, что и в озере пресная вода. Обстоятельство это пришлось бы очень кстати, если б на берегах озера нашлось убежище более удобное, чем Трущобы.

Деревья, под сенью которых ручей пробегал несколько сот футов, по большей части принадлежали к породам распространенным в умеренном поясе Австралии и в Тасмании, и не похожи были на те хвойные деревья, которые встречались уже в исследованной части острова — в нескольких милях от плато Кругозора. В то время года, то есть в начале осени (в Южном полушарии апрель месяц соответствует нашему октябрю), они еще не лишились листвы. Больше всего тут росло казуарин и эвкалиптов; некоторые из этих пород весной, вероятно, давали сладкую манну, подобную восточной манне. На полянах вздымались купы могучих австралийских кедров, а вокруг рослая высокая трава, именуемая в Австралии «туссок», но кокосовых пальм, которых так много на архипелагах Тихого океана, совсем не было — должно быть, остров отстоял, слишком далеко от тропиков.

— Как жаль! — сетовал Герберт. — Кокосовая пальма — очень полезное дерево, да и орехи у нее превкусные.

Птиц в лесу было множество, и они свободно порхали между ветками эвкалиптов и казуарин, — довольно жидкая зелень этих деревьев не мешала их полету. Черные, белые и серые какаду, пестрые попугаи всех цветов и оттенков, ярко-зеленые королюки с красным хохолком, небесно-голубые лори, — бесчисленное крылатое племя блистало красками, будто живая радуга, и поднимало оглушительный разноголосый гам.

Вдруг из зеленой чащи донеслись диковинные, нестройные звуки: то слышались звонкие птичьи трели, то кошачье мяуканье, то рычание зверя, то какое-то причмокивание, как будто щелкал языком

человек. Позабыв о всякой осторожности, Наб и Герберт бросились к кустам. К счастью, там не оказалось ни грозных хищников, ни притаившегося дикаря, а сидело на ветках полдюжины самых безобидных существ — певчих птиц пересмешников, которых называют «горные фазаны». Несколько метких ударов дубинкой прекратили концерт этих имитаторов, а колонистам досталась на обед превосходная дичь.

Герберт указал своим спутникам на диких голубей, красавцев с бронзовыми крыльями, — одни украшены были великолепным хохолком, другие зеленым воротником, как их собратья на берегах залива Маккуори; но голуби и близко не подпустили к себе охотников так же, как вороны и сороки, улетевшие стаями. Выстрелив из ружья мелкой дробью, можно было бы уложить большое количество этих пернатых, но пока что у наших охотников не было не только дробовиков, не было у них ни копий, ни дротиков, ни пращей; впрочем, примитивное оружие вряд ли бы здесь помогло.

Беспомощность охотников сказалась еще яснее, когда мимо них пронеслась стая каких-то четвероногих; они мчались вприскок и вдруг делали прыжок длиной футов в тридцать, словно взлетали на крыльях; они промчались через лес так быстро и прыгали так высоко, что казалось, будто они, как белки, проносились с дерева на дерево.

— Кенгуру! — воскликнул Герберт.

— А их едят? — тотчас справился Пенкроф.

— Потушить на медленном огне, так получишь кушанье вкуснее всякой дичи! — ответил журналист.

Не успел Гедеон Спилет договорить, как моряк, воодушевленный его словами, а вслед за ним и Наб и Герберт бросились вдогонку за кенгуру. Напрасно Сайрес Смит звал их, пытался остановить. Но тщетны оказались и попытки догнать кенгуру, которые на упругих своих ногах отскакивали от земли, словно резиновые мячи. Через пять минут охотники совсем запыхались, а кенгуру исчезли в чаще. Топа постигла такая же неудача, как и его хозяев.

— Мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, когда Смит и Спилет догнали их. — Мистер Сайрес, сами видите, осязательно надо нам сделать ружья. В силах мы их сделать?

— Может быть, — ответил инженер. — Но прежде всего мы сделаем лук и стрелы. Я уверен, что вы научитесь так же ловко владеть ими, как австралийские охотники.

— Лук и стрелы? — с презрением переспросил Пенкроф. — Лук и стрелы — ребячья забава!

— Какой вы гордец, дружище, — заметил журналист. — А ведь долгие века люди пользовались этим оружием, и его было им достаточно, чтобы обагрять мир кровью. Порох — совсем еще недавнее изобретение, а война, к несчастью, так же стара, как род человеческий!

— А ведь это верно, мистер Сайрес. Ей-богу, верно! Вот я всегда так — скажу не подумавши. Вы уж извините!

Но Герберт, страстно увлекавшийся естествознанием, своей любимой наукой, снова заговорил о кенгуру.

— Кстати сказать, — заявил он, — мы натолкнулись на таких кенгуру, которых поймать очень трудно. Это были огромные животные с пушистым серым мехом. Но, если не ошибаюсь, существуют кенгуру черные и кенгуру рыжие; есть еще горные кенгуру, есть кенгуру-крысы. С ними гораздо легче совладать. Всего насчитывают двенадцать видов кенгуру...

— Герберт, — наставительно сказал моряк, — для меня существует только один вид кенгуру, называется он «жареный кенгуру», а вот его-то как раз нам с тобой не досталось.

Все невольно рассмеялись, услышав эту новую научную классификацию, созданную Пенкрофом.

Добряк не скрывал своей досады, думая о том, что пообедать придется только певчими фазанами, но судьба еще раз смилостивилась над ним.

В самом деле, Топ, чувствующий, что тут затронуты и его собственные интересы, рыскал по всем кустам; голод еще обострил его чутье. Возможно, он прежде всего заботился о самом себе, и если бы схватил зубами какую-нибудь дичь, охотникам ничего бы не досталось однако Наб предусмотрительно следил за ним.

Время приближалось к трем часам дня; вдруг собака нырнула в густые заросли кустарника, и вскоре глухое рычание показало, что она схватилась с каким-то животным.

Наб кинулся к месту сражения и увидел, что Топ пожирает какую-то зверушку. Через десять секунд уже нельзя было бы узнать, какую, — она исчезла бы в желудке Топа. К счастью, собака натолкнулась на целый выводок, — на земле лежали бездыханными два других грызуна (добыча Топа принадлежала к породе грызунов).

Наб, торжествуя, вышел из кустов, держа в каждой руке будущее жаркое. Зверьки были крупнее зайца и покрыты желтой шкурой с зеленоватыми подпалинами. Хвост же у них был очень куцый, можно сказать зачаточный.

Наши охотники, как жители Соединенных Штатов, сразу узнали в этих зверьках марасов — разновидность агути, но несколько крупнее своих собратьев, живущих в тропических странах; марасы — настоящие американские кролики, длинноухие зверьки, вооруженные с каждой стороны челюстей пятью коренными зубами, что как раз и отличает их от агути.

— Ура! — крикнул Пенкроф. — Жаркое имеется! Теперь не стыдно и домой возвратиться!

Прерванное ненадолго путешествие возобновилось. Колонисты по-прежнему шли берегом Красного ручья, несшего свои прозрачные, чистые воды под нависшим сплетением ветвей казуарин, банксий и гигантских каучуковых деревьев. Великолепные лилейные растения, достигавшие двадцати футов высоты, и какие-то незнакомые юному натуралисту древовидные кустарники склонялись к ручью, журчавшему под сенью зеленых сводов.

Ручей заметно становился шире, Сайресу Смиту казалось, что они уже приближаются к устью. И в самом деле, лишь только колонисты вышли из лесной чащи, где они дивились прекрасным деревьям, показалось и устье Красного ручья.

Исследователи вышли к западному берегу озера Гранта. На озеро действительно стоило посмотреть. Оно достигало почти семи миль в окружности, а площадь его равнялась двумстам пятидесяти акрам; спокойную водную гладь окаймляли самые разнообразные деревья. С восточной стороны сквозь живописные просветы местами сверкало на солнце море. Северный берег озера изгибался плавной дугой, представлявшей контраст с резкими очертаниями южной его оконечности. На этом маленьком Онтарио собралось множество водяных птиц. В нескольких стах футах от южного берега из воды выступала одна-единственная скала, заменявшая собой «тысячу островов», которыми славится озеро того же названия в Соединенных Штатах. Здесь жили десятки супружеских пар зимородков-рыболовов; стоя на каком-нибудь прибрежном камне, важные, неподвижные, они подстерегали проплывавшую мимо рыбу, вдруг с пронзительным криком бросались в воду и, нырнув, через мгновение взлетали, держа добычу в клюве. А дальше, на берегах и в островке, чинно расхаживали дикие утки, пеликаны, водяные курочки, красноголовки, щурки, которых природа наделила языком в виде кисточки, два-три представителя лирохвостов, красивейшей породы пернатых, у которых хвостовые перья изящно загнуты в виде лиры.

Вода в озере оказалась пресной, прозрачной и синеватой; а взглянув на пузырьки, в изобилии поднимавшиеся на поверхность воды, и на широко расплывавшиеся по ней круги, можно было с

уверенностью сказать, что в озере этом очень много рыбы.

— А право, прекрасное озеро! — восхитился Гедеон Спилет. — Вот бы здесь пожить!

— Поживем! — лаконично ответил Сайрес Смит.

Желая вернуться в Трущобы кратчайшим путем, путники дошли до южного конца озера, где берега сходились под углом. Не без труда прокладывая себе дорогу в лесных зарослях, которых еще не касалась рука человека, они двинулись дальше к побережью, держа направление на южную часть плато Кругозора. В эту сторону они прошли две мили; наконец раздвинулась последняя завеса деревьев, и перед глазами путников возникло плато, зеленевшее густой травой, и необъятная ширь океана.

Чтобы возвратиться в Трущобы, достаточно было пересечь наискось плато и спуститься по его склону к первой излучине реки Благодарения. Но инженеру хотелось знать, где и как вытекают из озера избыточные воды, а поэтому исследователи прошли под деревьями еще полторы мили к северу. В самом деле, было весьма вероятно, что где-то существовал сток; возможно, вода вытекала через расселину гранитной стены. Ведь озеро представляло собой огромную каменную впадину, которую Красный ручей постепенно наполнил водой; значит, избыток ее должен был где-то стекать к морю, низвергаясь водопадом. «Если это действительно так, — думал инженер, — то, может быть, удастся воспользоваться силой водопада, которая до сих пор пропадала зря, никому не принося пользы». Итак, исследование берегов озера Гранта продолжалось. Прошли по горному плато на север еще полторы мили, но вопреки своим ожиданиям Сайрес Смит нигде не обнаружил стока воды.

Стрелка часов уже показывала половину пятого. Пора было возвращаться в убежище, приготовить на очаге обед. Маленький отряд повернул обратно, и по левому берегу реки Благодарения Сайрес Смит и его товарищи дошли, наконец, до Трущоб.

Разожгли огонь. Наб и Пенкроф оказались заправскими поварами — один благодаря кулинарным способностям, свойственным неграм, а другой — как и подобает моряку, который все умеет делать; они быстро приготовили жаркое из своей охотничьей добычи, и все оказали ему честь.

После ужина, когда путники уже собирались ложиться спать, Сайрес Смит вытащил из кармана камешки — образцы различных минералов — и коротко пояснил:

— Смотрите, друзья. Вот это — железная руда, это — пирит, это — глина, это — известняк, это — уголь. Вот чем богата здесь природа. Это ее вклад в наше общее дело. Завтра очередь за нами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Что носил на себе Топ. — Лук и стрелы. — Кирпичный завод. — Гончарная печь. — Кухонная утварь. — Первая похлебка. — Полюнь. — Южный Крест. — Важное астрономическое наблюдение.

— Ну что ж, мистер Сайрес, с чего начнем? — спросил на следующее утро Пенкроф.

— С самого начала, — ответил инженер.

Действительно, островитянам пришлось начинать с самого начала. У них не было никаких инструментов для изготовления необходимейшей утвари; не могли они также подражать природе, у которой впереди очень много времени, и поэтому она не торопится, сберегая свои силы. У них как раз не было времени; борясь за свое существование, они должны были немедленно изготовить очень многое, и если не делать изобретения на каждом шагу, то по крайней мере воспользоваться опытом других людей. Для них железо и сталь существовали еще в состоянии минералов, гончарные изделия пока еще были просто глиной, а для одежды им предстояло еще найти материал. Надо, однако, сказать, что наши островитяне были действительно людьми в лучшем, в самом высоком значении этого слова. Инженер Смит не мог и желать себе более толковых и усердных помощников, более преданных товарищей. Он побеседовал с каждым и знал их способности и склонности.

Гедеон Спилет, талантливый журналист, изучил очень многое, чтоб иметь возможность говорить в своих статьях обо всем; он и умом и руками должен помочь устройству колонии на острове. Спилет справится с любой задачей, а так как он страстный охотник, то пусть охота, которая до сих пор была для него развлечением, станет отныне его обязанностью.

Герберт — славный мальчик, обладающий большими познаниями в естественной истории; он окажет серьезную помощь общему делу.

Наб — это воплощенная преданность. Умный, ловкий и неутомимый, силач, обладающий железным здоровьем, он к тому же понимал толк в кузнечном деле. Наб, конечно, будет очень полезен колонии.

Пенкроф плавал по всем морям и океанам, плотничал на кораблестроительных верфях в Бруклине, бывал и подручным портного на государственных кораблях, садовником и землепашцем, когда приезжал на побывку домой, — словом, как и подобает моряку, он был мастер на все руки.

Право, тут словно нарочно подобралась пятерка товарищей, способных бороться с судьбой и победить ее.

«Начнем с самого начала», — сказал Сайрес Смит. Этим началом было устройство важного приспособления для обработки минерального сырья, которое давала природа. Известно, какую роль в этой обработке играет высокая температура. Топлива — как дров, так и каменного угля — имелось достаточно. Нужно было только сложить печь.

— А для чего эта печь? — спросил Пенкроф.

— Понаделаем себе всяких горшков. Они нам очень нужны, — ответил Сайрес Смит.

— А из чего печь сложим?

— Из кирпичей.

— А кирпичи из чего сделаем?

— Из глины. В дорогу, друзья! Чтобы зря сырье не перетаскивать, давайте устроим мастерские на месте его добычи. Наб принесет нам провизии, а уж огня для приготовления пищи у нас будет достаточно.

— Прекрасно, — заметил журналист. — Огня будет достаточно, а вот пищи может и не быть, раз нет оружия для охоты.

— Эх, если б хоть самый обыкновенный ножик был! — вздохнул моряк.

— Что тогда? — спросил Сайрес Смит.

— Как что? Да я бы живо сделал лук и стрелы. И было бы у нас к столу сколько угодно дичи!

— Да... нож, какое-нибудь лезвие, — задумчиво произнес инженер, будто разговаривая сам с собой.

Взгляд его случайно упал на Топа, сновавшего по берегу. Глаза Сайреса Смита заблестели.

— Топ, сюда! — крикнул он.

Пес подбежал к хозяину. Сайрес Смит обхватил руками голову собаки, расстегнул ошейник и, разломав его пополам, сказал:

— Вот вам, Пенкроф, два ножа!

В ответ моряк дважды крикнул «ура». Ошейник Топа сделан был из тонкой полосы закаленной стали. Достаточно было наточить ее о камень, чтобы получилось острое лезвие, а потом снять шероховатость осколком мелкозернистого песчаника. Такие камни в изобилии встречались на берегу, и два часа спустя в колонии уже имелось два острых клинка, к ним легко было приделать по прочной рукоятке.

Появление первого орудия было встречено ликованием, как большая победа. Да это и действительно было победой, и притом, одержанной вовремя.

Двинулись в путь. Сайрес Смит повел товарищей на западный берег озера, туда, где он вчера заметил много глины, образец которой захватил с собой. Сначала шли вдоль реки Благодарения, потом пересекли плато Кругозора и, пройдя около пяти миль, остановились на поляне, в двухстах шагах от озера Гранта.

Дорогой Герберт нашел дерево, из ветвей которого индейцы в Южной Америке делают луки. Это дерево — крехимба — принадлежит к семейству пальмовых, но не приносит съедобных плодов. Выбрав длинные и ровные ветви, Пенкроф срезал их, ободрал листья, потом подстрогал ветки на концах так, чтобы посередине они были толще и крепче; оставалось только найти растение, пригодное для тетивы. Растение это, принадлежащее к семейству мальвовых, к роду гибиска, имеет замечательно прочные волокна, которые по прочности, пожалуй, не уступают сухожилиям животных. Так Пенкроф изготовил довольно основательные луки; не хватало только стрел. Правда, стрелы нетрудно сделать из твердых и прямых веток без сучков, но как их снабдить острыми наконечниками? Ведь материал, который мог бы заменить железо вряд ли будет легко найти. Пенкроф утешал себя мыслью, что он потрудился на совесть, а во всем остальном поможет случай.

Островитяне пришли на то место, которое они обследовали накануне. Почва здесь состояла из красной глины, которая идет на выделку кирпича и черепицы, и, следовательно, колонисты вполне могли осуществить свой замысел. Рабочие руки имелись. Производство кирпича дело не такое уж сложное. Надобно было глину замесить с песком, слепить кирпичи и обжечь их в огне большого костра.

Обычно кирпичи делают при помощи форм, но колонистам пришлось заняться формовкой голыми руками. Весь день, до темноты, и весь следующий день посвятили выделке кирпичей. Глину, смоченную водой, месили и руками и ногами, потом массу делили на бруски равной величины. Опытный рабочий может за двенадцать часов изготовить вручную до десяти тысяч кирпичей, но пять наших мастеров на острове Линкольна за два дня работы сделали не больше трех тысяч штук; сырые кирпичи уложили рядами, так им следовало лежать, чтобы как следует высохнуть, три-четыре дня, а затем можно было приступить к обжигу.

Второго апреля днем Сайрес Смит предпринял попытку определить положение острова в отношении сторон света.

Накануне он точно заметил время, когда закатилось солнце, учтя при этом и явление рефракции. А утром 2 апреля он не менее точно установил время восхода солнца. От заката до восхода прошло двенадцать часов; двадцать четыре минуты. Итак, через шесть часов и двенадцать минут после восхода в тот день солнце должно было пройти через меридиан острова, и точка, на которой оно в тот момент окажется в небе, и будет указывать, где находится север.[\[112\]](#)

В назначенное время Сайрес заметил эту точку в небе и проведя мысленно линию от солнца через два дерева, которые он избрал вехами, получил постоянный меридиан для своих астрономических наблюдений.

Перед обжигом кирпичей два дня запасали топливо. Обломали ветки на деревьях, окружавших поляну, собрали весь валежник в ближайших уголках леса. Собирая топливо, конечно, и поохотились в окрестностях, тем более что у Пенкрофа появилось теперь несколько десятков стрел с очень острыми наконечниками. Добыл их не кто иной, как верный Топ: он притащил из лесу дикобраза — животное, не очень годное для еды, но оказавшееся весьма ценным своими иглами. Иглы насадили на тонкий конец стрел, а другой конец оперили, приладив к нему перья хохлатого попугая, чтобы стрела летела ровнее. Герберт и журналист очень скоро научились превосходно стрелять из лука, и теперь в Трущобах не переводилась самая разнообразная дичь: водосвинки, голуби, агути, глухари и т. д. Удачнее всего охота шла на левом берегу реки Благодарения, в лесу, который называли лесом Жакамара в честь той птицы, которую Пенкроф и Герберт безуспешно преследовали в первый день знакомства с островом.

Дичь съедали жареной, но окорока дикого кабана закоптили в дыму костра из зеленых веток, предварительно нашпиговав мясо душистыми травами. Словом, ели наши островитяне очень сытно, но пища была однообразная, жареное мясо им надоело, все мечтали о супе и хотели услышать, как булькает на огне горшок с похлебкой. Однако варить ее было не в чем, приходилось ждать, пока сложат гончарную печь и обожгут в ней горшки.

Во время своих походов по ближайшим окрестностям «кирпичного завода» охотники заметили свежие следы каких-то крупных зверей, вооруженных могучими когтями, но какие это были звери, определить не могли. Сайрес Смит наказывал товарищам соблюдать осторожность — ведь в лесу они могли столкнуться с какими-нибудь опасными хищниками.

Совет пришелся кстати. Однажды Гедеон Спилет и Герберт видели зверя, похожего на ягуара. К счастью, хищник не напал на них, иначе охотникам пришлось бы плохо. Гедеон Спилет дал себе слово, что, как только у них будет «серьезное снаряжение», то есть ружья которых все требовал Пенкроф, он поведет непримиримую, войну против диких зверей и избавит от них остров.

В эти дни колонисты не занимались благоустройством своего убежища в Трущобах, так как инженер надеялся что им удастся отыскать или построить себе более удобное жилище. Пока удовлетворились тем, что в коридорах на песке положили подстилки из мха и сухих листьев. На таких довольно жестких постелях усталым труженикам спалось прекрасно.

Подсчитали, сколько дней они уже провели на острове Линкольна, и решили впредь вести им точный счет. Пятого апреля, в среду, исполнилось двенадцать дней с того времени, как ураган забросил их на этот остров.

Шестого апреля, на рассвете, инженер и его товарищи собрались на той поляне, где они намеревались обжигать кирпич. Разумеется, эту операцию решили произвести под открытым небом, а не в печах, или, лучше сказать, сложили кирпичи клеткой, чтобы она представляла собой огромную печь, где

обжиг производился бы сам собою. На земле аккуратно уложили вязанки хвороста, а вокруг в несколько ярусов поставили друг на друга высохшие кирпичи, так что получился куб, в котором оставили продушины. Работа заняла весь день, и только к вечеру зажгли хворост.

Ночью никто не ложился спать — следили за тем, чтобы огонь не ослабевал.

Обжиг шел двое суток и удался прекрасно. Затем раскаленной башне дали остынуть, а тем временем Наб и Пенкроф, по указанию Сайреса Смита, сделав из часто переплетенных веток носилки, притащили на них в несколько приемов изрядную груду известняка, весьма распространенной горной породы, которой оказалось очень много на северном берегу озера. Из этих камней, рассыпавшихся при прокаливании их на огне, получилась жирная негашеная известь, которая сильно вздувалась и бурлила при гашении, — известь такая же чистая, как та, что получается при обжигании мрамора или мела. Смешивая полужидкий раствор гашеной извести с песком, который не давал ей затвердевать слишком быстро, наши колонисты получали превосходное цементирующее вещество.

Девятого апреля в результате всех этих работ в распоряжении Смита уже было некоторое количество гашеной извести и несколько тысяч кирпичей.

Тогда принялись, не теряя ни минуты, складывать печь для обжига всяких гончарных изделий, необходимых в домашнем быту. С кладкой печи справились без особого труда. Через пять дней в топку заложили каменный уголь (Сайрес Смит нашел около устья Красного ручья залежи угля, выходившие прямо на поверхность земли), и из трубы высотой в двадцать футов поднялся первый столб дыма. Поляна превращалась в завод, и Пенкроф уже недалеко был от мысли, что из этой печи выйдут все изделия современной промышленности.

В первую очередь вылепили самую обыкновенную глиняную посуду, сделанную довольно грубо, но вполне пригодную для варки пищи. Сырьем для горшечных изделий послужила та же глина, что и для кирпичей, но к ней Сайрес Смит велел добавить немного извести и кварца. Получилась настоящая гончарная глина, из которой понаделали горшков, чашек, формуя их во впадинах камней, понаделали тарелок, мисок, больших чанов для воды и т. д. Все эти изделия выходили неуклюжими, кособокими, кривыми, но когда их подвергли обжигу в печи при высокой температуре, то у колонистов появилась необходимая утварь, которая сейчас была для них дороже самых изящных фарфоровых сервизов.

Нелишним будет упомянуть, что Пенкроф, желая узнать, годится ли эта глина для выделки трубок-носогреек, сделал их себе несколько штук; трубки вышли в достаточной мере безобразными, но Пенкроф считал, что они превосходны. Увы! Курить в них было нечего: табаку на острове не обнаружили. Немалое лишение для Пенкрофа!

— Ничего! Будет у нас и табак. Все будет, — говорил Пенкроф, полный непоколебимой уверенности.

Гончарные работы шли до 15 апреля. Понятно, колонисты зря время не теряли: став горшечниками, они добросовестно выделывали горшки. А понадобись Сайресу Смицу обратиться к кузнецам, они с таким же усердием работали бы в кузнице. Но на следующий день, 16 апреля, было воскресенье, даже пасхальное воскресенье, и все решили посвятить этот день отдыху. Эти пятеро американцев были людьми благочестивыми, соблюдали предписания Библии, а при теперешнем положении в их сердцах лишь возросла вера в творца всего сущего.

Вечером 15 апреля они возвратились в Трущобы захватив с собою последнюю партию горшков и загасив печь до новых работ. На обратном пути в убежище было сделано приятное открытие — Сайрес Смит нашел растение, которое могло заменить трут. Как известно, губчатые, бархатистые кусочки трута представляют собою высушенную мякоть грибов из семейства Polyporaceae; соответствующим образом обработанная, она мгновенно вспыхивает от искры, особенно если ее пропитать порошком или прокипятить

в растворе азотнокислой соли или хлорнокислого калия. Но пока что колонистам не попадался ни один из трутовых грибов и даже сморчки, которые могли бы заменить их. И вот в тот день инженер увидел растение, принадлежащее к роду полынных, главными видами которых являются полынь, Melissa, эстрагон и их собратья; сорвав пучок этой травы, Сайрес Смит протянул его моряку:

— Держите, Пенкроф. Травка эта доставит вам удовольствие.

Пенкроф стал внимательно рассматривать растение; стебли были густо покрыты шелковистыми длинными волосками, а листья — беловатым пушком.

— Эге! Что это такое, мистер Сайрес? Неужели табак? — спросил Пенкроф.

— Нет, — ответил Сайрес Смит. — По-ученому говоря, это растение «артемизия», в просторечии — китайский чернобыльник, а для нас оно станет трутом.

И в самом деле, высушенный чернобыльник очень легко воспламеняется; он прекрасно заменил трут нашим колонистам, в особенности когда инженер позднее стал пропитывать его раствором азотнокислой соли калия — на острове оказались целые залежи этого вещества, которое является не чем иным, как селитрой.

В тот вечер колонисты, собравшись в средней «комнате» своего пристанища, неплохо поужинали. Наб приготовил бульон из агуты, окорок дикого кабана, сдобренный душистыми травами, и подал к нему вареные клубни *saladium macrorhizum*, травянистого растения из семейства ароидных, которое в тропической зоне принимает древовидную форму. Клубни его очень вкусны, очень питательны и напоминают так называемое портландское саго, которое продают в Англии; в известной мере это кушанье могло заменить хлеб, ибо у колонистов острова Линкольна хлеба пока еще не было.

Поужинав, Сайрес Смит и его сотоварищи пошли на берег моря подышать чистым воздухом. Было восемь часов вечера. Близилась прекрасная тихая ночь. Луна, пять дней назад вступившая в фазу полнолуния, еще не поднялась, но на горизонте уже серебрилось нежное, бледное сияние — его можно назвать лунной зарей. Высоко в небе блистали околополюсные созвездия, и ярче всех горел Южный Крест, которым Сайрес Смит недавно любовался с вершины горы Франклина.

И сейчас Сайрес долго смотрел на это великолепное созвездие, где вверху и внизу сверкают две звезды первой величины, слева — звезда второй величины, а справа — третьей величины.

Подумав, он сказал:

— Герберт, сегодня у нас пятнадцатое апреля?

— Да, мистер Сайрес, — ответил юноша.

— Так вот, шестнадцатого апреля, если не ошибаюсь, настанет один из тех четырех дней в году, когда истинное время совпадает со средним временем, то есть завтра в полдень по часам (разница может быть лишь в несколько секунд) солнце пересечет меридиан данной местности. Если погода побалуует нас ясным днем, думаю, мне удастся определить, на какой долготе находится остров, с точностью в несколько градусов.

— Без приборов, без секстана? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, — ответил инженер. — А если к ночи небо не затянут облака, я попытаюсь нынче же вечером установить и нашу широту, высчитав, как высоко над горизонтом стоит Южный Крест — созвездие Южного полюса. Вы ведь хорошо понимаете, друзья, что прежде чем, приняться за большие работы и устраиваться здесь надолго, надо по возможности определить, на каком расстоянии находится наш остров от Америки, от Австралии или от главных архипелагов Тихого океана.

— Вы правы, — заметил Гедеон Спилет. — Вместо того чтобы строить дом, для нас, возможно, важнее будет построить корабль — если вдруг окажется, что мы всего лишь в нескольких стах милях от каких-нибудь обитаемых берегов.

— Вот потому-то я и хочу попробовать нынче же вечером определить, на какой широте находится остров Линкольна. А завтра в полдень попробую высчитать и его долготу.

Будь у инженера Смита секстан, прибор, позволяющий с большой точностью определять угловые расстояния по углу отражения предметов, задача не представляла бы для него никакой трудности. Вечером по высоте полюса над горизонтом, а завтра в полдень по прохождению солнца через меридиан данной местности он определил бы координаты острова. Но секстана не имелось, надо было чем-нибудь его заменить.

Сайрес Смит возвратился в Трущобы. При свете огня, пылавшего в очаге, он выстрогал две равных линейки и, соединив их друг с другом, сделал нечто вроде циркуля, ножки которого можно было сдвигать и раздвигать; скрепил он линейки при помощи шипа акации, срезав его с сухой ветки, лежавшей в груде хвороста.

С этим инструментом инженер опять отправился на берег моря; надо было вычислить высоту полюса над горизонтом, для чего следовало выбрать наиболее четкий, а именно морской горизонт; мыс Коготь закрывал южную сторону горизонта, и Сайресу Смицу пришлось искать более удобное место для наблюдения. Лучше всего было бы выйти на берег, обращенный прямо к югу, но для этого пришлось бы переправляться через довольно глубокую реку Благодарения, что представляло немалое препятствие.

Взвесив все обстоятельства, Сайрес Смит решил избрать своей обсерваторией плато Кругозора, учтя при вычислениях его высоту над уровнем моря, а высоту эту он рассчитывал определить завтра, путем применения элементарных теорий геометрии.

Пройдя по левому берегу реки Благодарения, колонисты поднялись на плато и устроили наблюдательный пункт у того края, который шел с северо-запада на юго-восток, то есть над грядой причудливых утесов, окаймлявших берег реки.

Эта часть плато поднималась на пятьдесят футов выше скалистых холмов правого берега, склоны которых шли к мысу Коготь и к южному берегу острова. Следовательно, ничто не заслоняло от наблюдателя полукружие горизонта от мыса Коготь до Змеиного мыса. На юге линия горизонта, освещенного первыми лучами восходящей луны, резко разграничивала море и небо, что должно было способствовать точности вычислений.

Южный Крест предстал перед наблюдателем как бы вверх ногами — звезда альфа этого созвездия оказалась внизу, то есть ближе всех к Южному полюсу.

Созвездие Южного Креста отстоит от Южного полюса дальше, чем Полярная звезда от Северного. Альфа Южного Креста находится от полюса приблизительно на расстоянии в двадцать семь градусов. Но Сайрес Смит это знал и решил принять во внимание при своих выкладках. Он постарался также провести наблюдение в тот момент, когда ближайшая к полюсу звезда — альфа Южного Креста — проходит меридиан острова, что должно было облегчить наблюдение.

Сайрес Смит направил один конец своего деревянного циркуля на линию горизонта, а другой на альфу Южного Креста, словно наставил на них угломер; расстояние между двумя ножками циркуля соответствовало углу между альфой и горизонтом. Желая прочно зафиксировать полученный угол, Сайрес Смит прикрепил при помощи шипов обе планки своего прибора к поперечной перекладине, чтобы расстояние между ними не менялось.

После этого оставалось лишь вычислить полученный угол, приняв во внимание, что наблюдение производилось не на уровне моря, а для этого требовалось определить, как высоко стоит плато Кругозора. Величина угла должна была дать высоту альфы Южного Креста, а следовательно, и высоту полюса над горизонтом, то есть широту острова, ибо географическая широта какой-либо точки земного шара всегда равна высоте полюса над горизонтом в этой точке.

Вычисления эти были отложены до завтра, и в десять часов вечера все колонисты уже спали крепким сном.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Высота гранитной стены. — Применение теоремы о подобных треугольниках. — Географическая широта острова. — Экспедиция в северную часть острова. — Устричная отмель. — Планы на будущее. — Солнце проходит через меридиан. — Координаты острова Линкольна.

На следующий день, 16 апреля, в пасхальное воскресенье, колонисты уже на рассвете вышли из убежища и принялись стирать свое белье, выколачивать и чистить платье. Инженер собирался сварить мыло, как только найдутся необходимые для этого составные части — сода или поташ, сало или какое-либо растительное масло. Важный вопрос пополнения гардероба тоже предполагалось разрешить в свое время. Одежда, даже при физическом труде ее хозяев, могла еще продержаться с полгода, так как была сшита из прочных тканей. Пока самым главным было установить, как далеко находится остров от обитаемых берегов, и колонисты хотели сделать это в тот же день, если позволит погода.

Солнце, поднимавшееся над горизонтом, сулило превосходный день, один из тех чудесных осенних дней, когда лето как будто возвращается на краткий миг, чтобы проститься с землей.

Нужно было дополнить данные вчерашних наблюдений, измерив высоту плато Кругозора над уровнем моря.

— Вам, наверно, понадобится измерительный прибор вроде вчерашнего? — спросил инженера Герберт.

— Нет, дитя мое, — ответил Сайрес Смит, — мы применим другой прием, обеспечивающий, пожалуй, не меньшую точность.

Герберт, юноша чрезвычайно любознательный, всегда стремившийся узнать что-нибудь новое, отправился вместе с инженером. Сайрес Смит отошел от гранитной стены к краю берега. Тем временем Пенкроф, Наб и журналист заняты были другими делами.

Сайрес Смит захватил с собою прямую ровную жердь длиной около двенадцати футов — длину он определил по собственному росту, который он знал совершенно точно. Герберту Сайрес Смит поручил нести отвес — то есть гибкую лиану, к концу которой был привешен обыкновенный камень.

Остановившись шагах в двадцати от кромки моря и шагах в пятистах от гранитного кряжа, Сайрес Смит воткнул жердь в песок и старательно выпрямил ее, добившись путем выверки отвесом, чтобы она стояла перпендикулярно к плоскости горизонта.

Сделав это, Сайрес Смит отошел и лег на землю на таком расстоянии, чтобы в поле его зрения находился и верхний конец жерди и гребень гранитной стены. Это место он отметил на песке колышком и, повернувшись к Герберту, спросил:

— Ты знаком с геометрией?

— Немножко, мистер Сайрес, — ответил Герберт, боясь попасть впросак.

— Помнишь свойства подобных треугольников?

— Да, — ответил юноша, — у подобных треугольников соответствующие стороны пропорциональны друг другу.

— Так вот, дитя мое, у меня тут два подобных прямоугольных треугольника, — один поменьше, в нем двумя сторонами будут: жердь, воткнутая перпендикулярно в песок, и прямая, равная расстоянию от нижнего конца жерди до колышка, а гипотенузой — мой луч зрения; у второго треугольника сторонами

явятся: отвесная линия гранитной стены, высоту которой нам нужно измерить, расстояние от колышка до подошвы стены, а в качестве гипотенузы — мой луч зрения, то есть продолжение гипотенузы первого треугольника.

— Понял, мистер Сайрес! Я все понял! — воскликнул Герберт. — Расстояние от колышка до жерди пропорционально расстоянию от колышка до подошвы стены, а высота жерди пропорциональна высоте стены.

— Правильно, Герберт, — подтвердил инженер. — И когда мы измерим оба расстояния от колышка, то, зная высоту жерди, мы быстро решим пропорцию и таким образом узнаем высоту стены, что избавит нас от труда измерять ее непосредственно.

Основания обоих треугольников были измерены при помощи той же самой жерди, высота которой над поверхностью песка равнялась десяти футам; оказалось, что расстояние между колышком и жердью — пятнадцать футов, а расстояние между колышком и подошвой стены пятьсот футов.

Закончив измерения, Сайрес Смит и юноша возвратились в Трущобы.

Там инженер взял плоский камень, принесенный им из прежних экспедиций, нечто вроде шиферного сланца, на котором легко было нацарапать цифры остроконечной ракушкой. И на этой аспидной доске Сайрес Смит составил следующую пропорцию:

$$15 / 500 = 10 / x$$

$$500 * 10 = 5000$$

$$5000 / 15 = 333,33$$

Следовательно, высота гранитной стены равнялась тремстам тридцати трем футам.[\[113\]](#)

Тогда Сайрес Смит взял инструмент, который сделал накануне; угол между раздвинутыми ножками циркуля соответствовал угловому расстоянию от альфы Южного Креста до плоскости горизонта. Он точно отмерил этот угол по кругу, разделив его на триста шестьдесят равных частей. Угол оказался равным десяти градусам. Увеличив этот угол на двадцать семь градусов, отделяющих альфу от Южного полюса, и сделав поправку на высоту плоскогорья, на котором производилось наблюдение, он получил тридцать семь градусов. Итак, Сайрес Смит пришел к выводу, что остров Линкольна находится на тридцать седьмом градусе южной широты; но, учитывая, что несовершенство его наблюдений и выкладок могло привести к ошибке в пять градусов, он счел более правильным заключить, что остров находится между тридцать пятой и сороковой параллелью.

Чтобы иметь обе координаты острова, оставалось определить долготу. Сайрес Смит решил попытаться это сделать в тот же день, в полдень, когда солнце будет проходить через меридиан данной местности.

Воскресный день решили употребить на прогулку, или, вернее, на исследование той части острова, которая находилась между северным берегом озера и заливом Акулы, а если позволит погода, дойти и до северного склона мыса Южная челюсть. Для обеда намеревались сделать привал в дюнах и вернуться в Трущобы только к вечеру.

В половине девятого утра маленький отряд уже шел по берегу пролива, отделявшего остров Линкольна от островка Спасения, где, важно переваливаясь, расхаживали у воды короткокрылые пингвины, похожие на безруких людей. Они великолепно плавали и ныряли, и их сразу можно было узнать по характерному, очень неприятному крику, похожему на рев осла. Пенкрофа они заинтересовали лишь со стороны кулинарной, и он не без удовольствия услышал, что мясо этих птиц, хотя и темное вполне съедобно.

У самого моря на песке ползали какие-то крупные животные — вероятно, тюлени, избравшие островок своим лежбищем. Помышлять о пригодности тюленей для еды было невозможно — их жирное мясо отвратительно на вкус; однако Сайрес Смит очень внимательно их рассматривал и, не поделившись ни с кем своими мыслями, сказал товарищам, что в скором времени надо будет, навестись на островок.

Берег, по которому шли колонисты, усеивали бесчисленные раковины; некоторые из них обрадовали бы зоологов, изучающих моллюсков. Среди этих раковин были фазианеллы, сверлильщики, тригонии и много других. Но куда более полезным открытием была устричная отмель, обнажившаяся при отливе; Наб обнаружил ее между рифами, милях в четырех от Трущоб.

— Наб молодец, даром времени не теряет! — воскликнул Пенкроф, осматривая отмель, тянувшуюся в открытое море.

— В самом деле, очень важная находка, — заметил журналист. — Говорят, каждая устрица дает в год пятьдесят — шестьдесят тысяч яиц, и, значит, у нас будет неистощимый запас устриц.

— Но, думается мне, устрицы не очень сытная пища, — сказал Герберт.

— Не очень, — подтвердил Сайрес Смит. — В устрице очень мало белковых веществ, и, если питаться одними устрицами, их надо съедать дюжин по пятнадцати-шестнадцати в день.

— Ну и что ж, — заметил Пенкроф, — мы можем глотать их сотнями, пока не уничтожим все это устричное поселение. Не захватить ли несколько дюжин на обед?

И, не дожидаясь ответа, Пенкроф и Наб принялись отрывать раковины от камней. Собранные устрицы положили в кошелку, сплетенную из волокон гибиска; в ней уже лежала снедь, припасенная для обеда. Затем путники двинулись дальше по берегу, тянувшемуся мимо дюн.

Сайрес Смит то и дело посматривал на часы, чтоб успеть подготовиться к наблюдению, которое полагалось произвести ровно в полдень.

Вся эта полоса берега была дикой, голой, бесплодной вплоть до того скалистого мыса, который замыкал бухту Соединения и был назван Южной челюстью. Кругом виднелись только пески, раковины да каменные глыбы. На этот унылый берег прилетали морские птицы — бакланы, ширококрылые альбатросы и дикие утки, вполне заслуженно вызывавшие у Пенкрофа охотничье волнение. Он пустил было в них стрелу, но попытка осталась напрасной — утки не садились на землю, их можно было подстрелить лишь на лету. И тогда моряк еще раз сказал Сайресу Смигу:

— Сами видите, мистер Сайрес, как нам нужны ружья. Хоть бы парочку, хоть одно ружье! А то что у нас за снаряжение...

— Конечно, хорошо бы иметь ружья, Пенкроф, — ответил ему журналист, — но тут уж все зависит от вас! Достаньте сталь для ствола, сталь для казенной части, селитры, древесного угля и серы — для пороха, ртути и азотной кислоты — для запала и, наконец, свинца для пуль и дроби, и Сайрес сделает вам первоклассное ружье.

— Да, да, — подтвердил инженер. — И все эти материалы, несомненно, найдутся на острове, но изготовить огнестрельное оружие — дело сложное, тут нужны хорошие инструменты и приборы большой точности. Но ничего, потом посмотрим...

— Эх, зачем мы выбросили за борт оружие, которое лежало в гондоле, и все наши инструменты, и даже перочинные ножи! — воскликнул Пенкроф.

— Да ведь если б их не утопили, шар нас самих утопил бы в океане, — возразил Герберт.

— Пожалуй, правильно ты говоришь, голубчик, — согласился моряк и тут же добавил: — Хотел бы я

видеть физиономию Джонатана Форстера и его приятелей! Пришли утречком на площадь, а там пусто — улетел шар!

— Вот уж несколько меня не беспокоят переживания этих господ! — сказал журналист.

— А кому пришла в голову мысль воспользоваться для бегства их шаром? Мне! — с гордым видом заявил моряк.

— Да, прекрасная мысль вам пришла, Пенкроф, — смеясь, заметил Гедеон Спилет. — Благодаря ей мы и оказались на необитаемом острове!

— По-моему, лучше быть на необитаемом острове, чем в руках мятежников! — заявил Пенкроф. — А с тех пор как мистер Сайрес опять с нами, я несколько не жалею, что мы очутились здесь.

— И я тоже, честное слово! — отозвался журналист. — Да и чего нам тут не хватает? Все есть.

— А может, наоборот? Ровно ничего нет, — проговорил Пенкроф, расхохотавшись, и повел своими широкими плечами. — Ну, не беда, рано или поздно, а уж мы придумаем, как нам отсюда выбраться.

— И, быть может, скорее, чем вы полагаете, друзья мои, — сказал инженер, — если только остров Линкольна не слишком далеко отстоит от какого-нибудь обитаемого архипелага или материка. Через час мы будем это знать. У меня нет карты Тихого океана, но я очень ясно представляю себе его южную часть. По широте, которую мы с вами сегодня установили, остров Линкольна, несомненно, должен быть расположен на параллели, пересекающей на западе Новую Зеландию, а на востоке — Чили. Но между двумя этими пределами расстояние не меньше шести тысяч миль. Теперь нам надо установить, в какой же точке этой обширной полосы океана находится наш остров, и мы это сейчас установим, надеюсь, с достаточной точностью, когда определим географическую долготу острова.

— Мне кажется, на той же широте ближе всего к нам лежит архипелаг Туамоту. Верно? — спросил Герберт.

— Да, — подтвердил инженер, — но и до него все-таки тысяча двести миль.

— А там что? — спросил Наб, с напряженным вниманием слушавший этот разговор, и указал рукой на юг.

— Там ничего нет, пусто, — ответил Пенкроф.

— В самом деле пусто, — подтвердил инженер.

— Так что ж, Сайрес, — спросил журналист, — как нам быть, если окажется, что от острова Линкольна до Новой Зеландии или до берегов Чили всего двести или триста миль?

— Тогда мы не станем строить себе дом, а построим корабль, и капитан Пенкроф поведет наше судно...

— А что ж, мистер Сайрес, — воскликнул моряк, — готов... Могу и за капитана сойти, если только вы сумеете построить такое суденышко, чтоб оно держалось на волнах!

— Построим, если понадобится, — сказал Сайрес Смит.

Пока эти люди, поистине не знавшие сомнений, вели меж собой такой разговор, приближался час, когда следовало произвести задуманное наблюдение. Но как же Сайрес Смит осуществит его? Как он, не имея ни одного прибора, уловит момент прохождения солнца через меридиан острова? Герберт не мог этого понять.

Наблюдатели находились уже в шести милях от Трущоб — около тех дюн, где был найден Сайрес Смит после его загадочного спасения. Тут сделали привал и занялись приготовлениями к обеду, так как

было уже половина двенадцатого. Захватив кувшин, принесенный Набом, Герберт побежал за водой к ручью, журчавшему неподалеку.

Тем временем Сайрес Смит все приготовил для своих астрономических наблюдений. Он выбрал на берегу совершенно ровное место, которое море во время отлива превосходно выровняло и отшлифовало. Мелкий песок, покрывавший его, лежал слоем гладким, как зеркало. Впрочем, не имело особого значения, горизонтальная ли эта поверхность, так же, как не стоило добиваться того, чтобы палочка длиной в шесть футов, которую инженер воткнул в песок, была к ней строго перпендикулярна. Напротив, он наклонил ее к югу, то есть в сторону, противоположную солнцу, ибо не надо забывать, что для колонистов острова Линкольна в силу того, что он находился в Южном полушарии, видимое свое полуденное движение сияющее светило совершало, поднимаясь над северной, а не над южной стороной горизонта.

И тогда Герберт понял, каким образом инженер хочет установить кульминационную точку восхождения солнца, то есть прохождение его через меридиан острова, — иными словами, определить полдень для данного места. Сайрес Смит хотел это сделать, воспользовавшись тенью, отбрасываемой на песок воткнутой палочкой, — способ этот и без астрономических инструментов мог дать ему с достаточным приближением искомый результат.

В самом деле, тот момент, когда длина тени окажется наименьшей, явится полднем. Достаточно будет следить за концом этой тени, чтобы уловить, как она после постепенного своего укорачивания вновь начнет удлиняться. Наклонив палочку в сторону, противоположную солнцу, Сайрес Смит тем самым удлинил отбрасываемую тень, а от этого легче было следить за ее изменениями. Ведь чем длиннее стрелка, движущаяся по циферблату, тем легче заметить перемещение ее кончика. Тень от палочки была подобием стрелки, двигавшейся по кругу.

Решив, что уже пора начать наблюдение, Сайрес Смит опустился на колени и, втыкая в песок маленькие деревянные колышки, стал отмечать последовательное сокращение тени, отбрасываемой палочкой. Товарищи исследователя, низко наклонившись, сосредоточенно наблюдали за его действиями.

Журналист держал в руке хронометр, готовясь отметить минуту и секунду, в которую тень достигнет наименьшей своей длины. Так как Сайрес Смит производил свое наблюдение шестнадцатого апреля, то есть в тот день, когда истинное время и среднее время совпадают, то час, отмеченный Гедеоном Спилетом, был бы истинным временем для Вашингтона, что облегчало бы выкладки.

Солнце медленно поднималось, тень от палочки все больше укорачивалась, и лишь только Сайресу Смицу показалось, что она начинает удлиняться, он спросил:

— Который час?

— Одна минута шестого, — ответил Гедеон Спилет.

Теперь оставалось вычислить результаты наблюдения — дело совсем нетрудное. Выяснилось, что расстояние между меридианом Вашингтона и меридианом острова Линкольна давало пятичасовую разницу во времени: на острове Линкольна был полдень, а в Вашингтоне уже пять часов вечера. Однако Солнце в видимом своем движении вокруг Земли проходит в каждые четыре минуты один градус, а в час — пятнадцать градусов; помножив пятнадцать градусов на пять, Гедеон Спилет получил семьдесят пять градусов.

Раз географическая долгота Вашингтона равна $77^{\circ}3'11''$, а с округлением — семидесяти семи градусам от Гринвичского меридиана, который и англичане и американцы принимают за отправную точку при определении долгот, — то, следовательно, остров находился к западу от Гринвичского меридиана на семьдесят семь градусов (долгота Вашингтона) плюс семьдесят пять градусов — то есть на сто пятьдесят втором градусе западной долготы.

Сайрес Смит сообщил товарищам результат своих выкладок и, учитывая, как и при определении широты, вероятные ошибки в наблюдении, счел возможным заявить, что остров Линкольна лежит между тридцать пятой и тридцать седьмой южной параллелью и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым меридианом к западу от меридиана Гринвича.

Как видите, он допускал возможность ошибки в пять градусов при определении обеих координат, а так как градус равен шестидесяти милям, то действительная широта и долгота острова, быть может, на триста миль отклонилась от вычисленных данных.

Но эта ошибка ни в коем случае не могла повлиять на решение, которое пришлось принять. Стало совершенно ясно, что остров Линкольна отстоит слишком далеко от всякой земли: нечего и пытаться преодолеть это расстояние в утлом челноке.

Полученные координаты указывали, что по меньшей мере тысяча двести миль отделяют его от Таити и островов архипелага Туамоту, что от него до Новой Зеландии свыше тысячи восьмисот миль и больше четырех с половиной тысяч миль, — до берегов Америки.

Но сколько Сайрес Смит ни обращался к своей памяти и познаниям в географии, он не мог припомнить в этой части Тихого океана ни одного острова, который был бы расположен так же, как остров Линкольна.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Зимовка неизбежна. — Вопросы металлургии. — Исследование островка Спасения. — Охота на тюленей. — Диковинный зверь. — Коала. — Каталонский способ. — Выплавка железа. — Как получить сталь.

В понедельник, 17 апреля, первые слова, которые произнес утром Пенкроф, были обращены к Гедеону Спилету:

— Ну как, мистер Спилет, кем мы нынче будем?

— Это уж как Сайрес скажет, — ответил журналист.

Оказалось, что из мастеров по выделке кирпича и из гончаров им теперь предстояло сделаться металлургами.

Накануне после завтрака они продолжили свое путешествие и дошли до острого выступа мыса Челюсть, находившегося милях в семи от Трущоб. Там кончалась длинная череда песчаных дюн и шли бугры из вулканических пород. Кругом уже не вздымались гранитные валы с плоскими вершинами, как плато Кругозора, а тянулась гряда скал необыкновенно причудливых очертаний, обрамлявшая узкую бухту, отгороженную двумя мысами вулканического происхождения. Дойдя до этого места, колонисты повернули обратно и к ночи достигли своего убежища, но не ложились спать до тех пор, пока окончательно не решили вопроса, можно ли им сейчас предпринять попытку выбраться с острова Линкольна.

От архипелага Туамоту их отделяло значительное расстояние — тысяча двести миль. Для такого плавания простая лодка не годится, особенно в осеннюю непогоду, категорически заявил Пенкроф. И ведь не так-то легко построить хотя бы обыкновенную лодку, даже имея необходимые для этого инструменты, а у колонистов острова Линкольна не было никаких инструментов. Значит, им в первую очередь следовало изготовить молотки, топоры, топорики, пилы, буравы, рубанки и т. д., а на все это требовалось время. Итак, было решено зазимовать на острове и найти себе жилище поудобнее Трущоб — такое, где легче будет провести холодное время года.

Прежде всего следовало пустить в дело железную руду из тех месторождений, которые инженер обнаружил в северо-западной части острова, и добыть из нее железо и даже сталь.

В земной коре металлы обычно не встречаются в чистом виде. В большинстве случаев находят их химические соединения с кислородом или с серой. Как раз два образца, которые принес в Трущобы Сайрес Смит, и были такими соединениями: первый — магнитный железняк без примеси углерода, а второй — пирит, то есть железный колчедан. Легче было обработать первую руду, представлявшую собою окисел железа, — прокалить ее вместе с углем, чтобы удалить из нее кислород и получить чистое, железо. Для удаления кислорода руду и уголь доводят до высокой температуры — либо весьма простым «каталонским» способом, который требует только одного процесса для получения железа, либо прибегая к доменным печам, в которых из руды выплавляется чугун, а затем, удаляя из чугуна три-четыре процента углерода, входившего в него, получают железо.

Что нужно было Сайресу Смицу? Получить чугун, и притом самым скорым способом; кстати сказать, руда, которую он обнаружил, казалась чистой и богатой железом, это был окисел железа — руда, которая встречается рыхлыми залежами темно-серого цвета, дает черноватую пыль, кристаллизуется из растворов правильными восьмигранниками и образует иногда природные магниты; она служит в Европе сырьем для выплавки первоклассной стали, которой славятся Швеция и Норвегия. На острове Линкольна неподалеку от месторождения этой руды имелись и залежи каменного угля, которым уже воспользовались колонисты. Следовательно, обработка руды очень облегчалась, поскольку все элементы, необходимые для

производства, сосредоточивались в одном месте. Подобные обстоятельства превосходно используются в Соединенных Штатах, где каменный уголь служит для выплавки металла, добытого в той же местности, что и уголь.

— Так, стало быть, мистер Сайрес, мы теперь будем выплавлять железо? — спросил Пенкроф.

— Да, друг мой, — ответил инженер. — А для этого мы, с вашего разрешения, сначала отправимся на островок Спасения и поохотимся там на тюленей.

— На тюленей? — удивленно переспросил моряк и повернулся к журналисту. — Разве для обработки руды нужны тюлени?

— Раз Сайрес так говорит, значит, нужны! — ответил журналист.

Но инженер уже вышел из убежища, и Пенкроф занялся приготовлениями к охоте на тюленей, не получив более вразумительных разъяснений.

Вскоре Сайрес Смит, Герберт, Гедеон Спилет, Наб и моряк собрались на берегу пролива, в том месте, где его было легко перейти вброд при малой воде. Как раз наступил отлив, и охотники переправились на островок вброд; вода доходила им только до колен.

Сайрес Смит впервые попал на островок Спасения, а его товарищи очутились там во второй раз, так как именно сюда их выбросил воздушный шар.

Сотни пингвинов, восседавших на берегу, смотрели на них самым доверчивым взглядом. Колонисты были вооружены тяжелыми дубинками и без труда могли бы убить немалое количество птиц из этого полчища, но они и не подумали заняться таким бесполезным избиением, тем более что не хотели испугать тюленей, лежавших на песке в нескольких кабельтовых. Итак, они пощадили глупых уродцев, у которых крылья похожи на обрубки, плоские как плавники, и покрыты жидкими перышками, напоминающими чешуйки.

Колонисты осторожно двигались к северной оконечности островка; весь берег был в промоинах, служивших гнездами для морских птиц. Вдали от берега виднелись в море большие черные пятна, плававшие на поверхности воды: казалось, там пришли в движение подводные камни.

То были тюлени. Колонисты пришли ради охоты на них. Но надо было подождать, пока тюлени вылезут на берег, — благодаря узкой веретенообразной форме тела, густой и очень короткой шерсти тюлени великолепно плавают, и поймать их в море трудно, а на земле они могут лишь медленно ползать на своих коротких лапах.

Зная привычки тюленей, Пенкроф посоветовал не начинать охоты, пока они не выйдут на берег и не лягут погреться на солнышке, — тут они быстро уснут крепким сном, и тогда нужно отрезать тюленям путь к отступлению в море и наносить им удары по переносице.

Охотники спрятались за скалами, разбросанными по побережью, и замерли в ожидании.

Прошел час, и тюлени, наконец, вылезли погреться на солнце. Было их с полдюжины. Пенкроф и Герберт отделились от товарищей и крадучись обогнули отмель, чтобы напасть на тюленей со стороны моря, отрезав им путь к отступлению. Тем временем Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Наб, ползком пробравшись вдоль скал, появились на поле битвы.

Вдруг на берегу поднялась высокая фигура Пенкрофа, и он издал громкий клич; инженер и двое его спутников помчались стремглав, чтобы не подпустить тюленей к воде. Двух тюленей убили ударом дубинки, остальным удалось доползти до моря, и они мгновенно исчезли в волнах.

— Тюлени к вашим услугам, мистер Сайрес! — сказал Пенкроф, подходя к инженеру.

— Прекрасно, — ответил Сайрес Смит. — Мы сделаем из них кузнечные мехи!

— Кузнечные мехи? — воскликнул Пенкроф. — Вот какая честь нашей добыче!

Инженер действительно рассчитывал сделать из тюленьей шкуры кузнечные мехи, необходимые для раздувания огня при выплавке металла. Убитые тюлени были средней величины, не больше шести футов, мордой они походили на собак.

Так как тащить с собою таких тяжелых животных было совершенно бесполезно, Наб и Пенкроф решили снять с них шкуру на месте, а Сайрес Смит и журналист тем временем продолжали свою разведку на островке.

Моряк и Наб прекрасно справились с делом, и три часа спустя в распоряжении Сайреса Смита оказались две тюленьи шкуры, которые он решил поскорее употребить для мехов, не подвергая их дублению.

Колонисты выждали малой воды и, перейдя тогда через пролив, возвратились в Трущобы.

Далеко не легким делом оказалось высушить тюленьи шкуры, натянув их на деревянные рамы, служившие распорками, сшить эти шкуры при помощи тонких лиан, так, чтобы через швы не выходил из мехов воздух. Пришлось несколько раз переделывать работу. В распоряжении Сайреса Смита было лишь два стальных лезвия, сделанные из ошейника Топа, но у него были такие ловкие руки, товарищи так толково помогали ему, что через три дня маленькая колония получила еще один инструмент — кузнечные мехи, предназначенные для нагнетания воздуха при прокаливании руды — условие, необходимое для успеха дела.

Двадцатого апреля с утра начался «металлургический период», как его назвал журналист в своих записях. Как мы уже упоминали, инженер считал самым удобным вести работу на месте залежей угля и железной руды. По его наблюдениям, залежи эти находились у северо-восточных отрогов горы Франклина, то есть в шести милях от Трущоб. Нечего было и думать о ежедневном возвращении на ночлег в свое обжитое убежище, и «металлурги» предпочитали ютиться в шалаше из веток, лишь бы начатые важные работы шли непрерывно круглые сутки.

Приняв такое решение, отправились в то же утро к месту работ. Наб и Пенкроф тащили на большой плетенке кузнечные мехи и кое-какую провизию — дичь и съедобные растения, рассчитывая дорогой пополнить запасы.

Путь выбрали через лес Жакамара и пересекли его наискось с юго-востока на северо-запад. Пришлось прокладывать себе в зарослях дорогу, и впоследствии она стала кратчайшей тропой между плато Кругозора и горой Франклина. Никем не тронутые, росли здесь вековые великолепные деревья — все тех же пород, какие уже встречались на острове нашим колонистам. Но Герберт обнаружил новые породы и среди них драцену, которую Пенкроф презрительно назвал «хвастливым пореем», так как драцена, несмотря на свою высоту, принадлежит к тому же самому семейству лилейных, к которому относится лук обыкновенный, лук зубчатый, лук шарлот и спаржа. Волокнистые корни драцены в вареном виде — превкусное кушанье, а подвергнув отвар из них брожению, делают очень приятный напиток. Колонисты запаслись в лесу этими корнями.

Лесом шли долго — целый день, но благодаря такому путешествию познакомились с флорой и фауной острова. Топ, которого преимущественно интересовала фауна, рыскал в траве и в кустах, поднимая любую дичь без разбора. Герберт и Гедеон Спилет стрелами убили двух кенгуру и еще какое-то животное, похожее и на ежа и на муравьеда: на ежа оно походило тем, что свертывалось клубком, выставляя для самозащиты иглы, а сходство с муравьедом придавали ему когти землеройки, узкая мордочка, заканчивавшаяся неким подобием клюва, тонкий длинный язык, весь в крошечных колючках,

предназначенных для захватывания и удерживания насекомых.

Поглядев на диковинного зверя, Пенкроф задал вполне естественный вопрос:

— А на что он будет похож, если сварить из него суп?

— На кусок превосходной говядины, — ответил Герберт.

— Ну, от него больше ничего и не требуется, — сказал моряк.

Во время этой экспедиции колонисты видели диких кабанов, которые, однако, и не пытались напасть на них; казалось, что в этом лесу не грозит встреча с опасными хищниками, как вдруг в густой чаще журналист увидел в нескольких шагах от себя на нижних ветках дерева мохнатого зверя, которого он принял за медведя, и стал его зарисовывать. К счастью для Гедеоны Спилета, его натурщик не принадлежал к грозному семейству «стопходящих» — оказалось, что это обыкновенный коала, известный также под именем ленивца, безобидный зверь величиною с большую собаку, покрытый лохматым мехом бурого цвета и снабженный длинными крепкими когтями, позволяющими ему лазать на деревья, — он питается листвой. Когда было установлено, какой именно зверь служит натурой Гедеоны Спилету, продолжавшему при обсуждении вопроса работать карандашом, художник стер сделанную под наброском надпись «Медведь» и начертил вместо нее «Коала». Затем все двинулись дальше.

В пять часов вечера Сайрес Смит подал сигнал к отдыху. К этому времени колонисты уже вышли из лесу и были у подножия мощных отрогов, служивших подступами к горе Франклина с востока. В нескольких стах шагах от места остановки протекал Красный ручей, следовательно, за водой ходить было недалеко.

Колонисты тотчас принялись устраивать себе становище. Через какой-нибудь час на опушке леса под сенью деревьев выросло сносное убежище — шалаш из веток, переплетенных лианами и покрытых слоем глины. Геологические изыскания отложили до следующего дня. Занялись приготовлением ужина; развели перед шалашом яркий костер, зажарили на вертеле дичь, а в восемь часов вечера путники уже спали сладким сном, только один сидел у костра и поддерживал огонь на тот случай, если вокруг бродит какой-нибудь опасный зверь.

На следующий день, 21 апреля, Сайрес Смит в сопровождении Герберта отправился на поиски той возвышенности древней формации, где он нашел образцы железных руд. Обнаруженные им залежи, выходящие на поверхность земли, были расположены у подножия одного из северо-восточных отрогов. Легкоплавкая руда, очень богатая железом, вполне подходила для того способа обработки, который думал применить Сайрес; способ этот, называемый каталонским, в упрощенном виде широко применяют на Корсике.

Настоящий каталонский способ требует сооружения больших плавильных печей и тиглей; руда и уголь закладываются в печь чередующимися слоями, превращаются в металл и освобождаются от шлака. Но Сайрес Смит, желая избежать громоздких сооружений, решил просто сложить руду и уголь огромным кубом и в середину его нагнетать при помощи мехов струю воздуха. Должно быть, такой же способ применял некогда библейский Тувалкаин и первые металлурги обитаемого мира. И то, что удавалось правнукам Адама, что все еще приводило к хорошим результатам в краях, богатых железной рудой и топливом, несомненно, можно было сделать и в условиях острова Линкольна.

Уголь наши металлурги добыли без труда близ своего лагеря — из месторождения, лежавшего на поверхности земли. Руду раскололи на мелкие куски и вручную очистили от комьев земли и от песка. Затем перемежающимися слоями насыпали большую грудку угля и руды, как складывают дрова угольщики, когда пережигают их на уголь. Под действием воздуха, нагнетаемого мехами, уголь в этой грудке превращался в двуокись, а затем в окись углерода, которая, воздействуя на окись железа, отнимала от нее кислород.

Сайрес Смит сделал для этого все, что следовало. Возле насыпанной кучи руды и угля установили мехи, сшитые из тюленьих шкур; воздух выходил из мехов через трубку, сделанную из огнеупорной глины, — трубку эту специально изготовили и обожгли в гончарной печи. Привели в действие механизм мехов, состоявший из подвижной рамы, самодельной веревки и противовеса, и тотчас из трубки вырвалась сильная струя воздуха; поднимая температуру прокаливаемой груды, она способствовала также химическому процессу образования железа при взаимодействии руды и угля.

Работа была сложная. Колонистам понадобилось много терпения и сообразительности, чтобы справиться с ней. Но, наконец, они одержали победу и получили железную крицу с корявой губчатой поверхностью; это железо еще надо было проковывать, чтобы снять с него корку приварившегося шлака. У самоучек кузнецов, разумеется, не было кузнечного молота, но они вышли из положения подобно своим собратьям, металлургам первобытного общества, сделав то же, что делали и они.

Первую железную чушку привязали к рукояти, и она послужила молотом; этим молотом принялись ковать на гранитной наковальне следующие крицы и таким образом получили железо грубой поковки, но пригодное для всяких изделий.

И вот после тяжких трудов и усилий 25 апреля было выковано несколько железных болванок, а в дальнейшем их превратили в инструменты — щипцы, клещи, кирки, ломы и т. д. Пенкроф и Наб объявили их сущими драгоценностями.

Однако гораздо больше пользы, чем чистое железо, могла принести сталь. Сталь же представляет собою соединение железа и углерода, которое получают двояким способом: либо из чугуна, отнимая от него избыток углерода, либо из железа, прибавляя к нему отсутствующий углерод. В первом случае путем обезуглероживания чугуна получают натуральную, или пудлинговую, сталь, а путем добавления к чистому железу углерода — томленную сталь.

Как раз такую сталь Сайресу Смиту и хотелось выплавить, ибо у него уже имелось чистое железо. И он добился этого, переплавив железо вместе с толченым углем в тигле из огнеупорной глины.

Сталь поддается и горячей и холодной обработке. Под умелым руководством Сайреса Смита Наб и Пенкроф наделали топоров, накалили их докрасна и окунули в холодную воду; топоры получили превосходную закалку.

Кузнецы изготовили — разумеется, грубо — лезвия для рубанков, топоры, топорики, стальные полосы, пилы и плотничьи ножницы, кирки, заступы, ломы, молотки, гвозди и т. д.

Пятого мая первый «металлургический период» закончился, и кузнецы возвратились в Трущобы, а вскоре, принявшись за новые работы, они овладели новыми навыками и получили право называться мастерами и других ремесел.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вторичное обсуждение вопроса о жилище. — Фантазии Пенкрофа. — Исследование северной части острова. — Северный край плоскогорья. — Змеи. — Дальний край озера. — Беспокойство Топа. — Топ бросается в озеро. — Битва под водой. — Дюгонь.

Настало 6 мая — день, соответствующий 6 ноября в странах Северного полушария. Уже несколько дней небо хмурилось, пора было устраиваться для предстоящей зимовки. Особого похолодания, правда, не наблюдалось, и будь на острове Линкольна стоградусный термометр, он показывал бы среднюю температуру в десять-двенадцать градусов выше нуля. Такое явление не должно нас удивлять, ведь остров Линкольна, весьма вероятно, был расположен между тридцать пятой и сороковой параллелью Южного полушария и, следовательно, находился в тех же климатических условиях, что Сицилия и Греция. Однако известно, что в Греции и на острове Сицилия бывают сильные холода, со снегопадами, и обитателям острова Линкольна тоже следовало ожидать морозов в разгар зимы и своевременно защититься от них.

Во всяком случае, холода еще только грозили нагрянуть, но уже близился период дождей, а на этом одиноком острове, затерявшемся в Тихом океане, где бушуют свирепые штормы, вероятно, бури бывали частыми и грозными гостями.

Колонисты снова обсудили вопрос о жилище, более пригодном, чем Трущобы, и быстро приняли решение.

Пенкроф, разумеется, питал некоторое пристрастие к убежищу, которое он нашел в первые страшные дни, но он хорошо понимал, что надо искать другое жилище. Ведь волны морские, как читатель, вероятно, помнит, уже заглянули в каменные проходы Трущоб и нельзя было вторично подвергаться риску подобного вторжения.

— И к тому же нам с вами надо предохранить себя от всякого нашествия, — сказал Сайрес Смит, беседа в тот день с товарищами о дальнейшей жизни на острове.

— Зачем? Остров же необитаем! — удивился журналист.

— Возможно, — ответил инженер, — хотя не забывайте, что мы обследовали еще далеко не весь остров. Но если на нем и не найдется ни одной живой души, то тут водится много опаснейшего зверья. Надо оградить себя от возможного нападения, а иначе придется нам по очереди дежурить по ночам, чтобы поддерживать огонь в костре. И вообще, друзья, надо быть начеку и все предусмотреть. В этой части Тихого океана не редкость столкнуться с малайскими пиратами...

— Что? — удивленно воскликнул Герберт. — Так далеко от всякой земли?

— Да, представь себе, дитя мое, — ответил инженер. — Пираты — смелые мореходы и отъявленные злодеи. Нам обязательно нужно принять меры предосторожности.

— Ладно, — согласился Пенкроф. — Сделаем укрепления в защиту от двуногих и четвероногих хищников. А не лучше ли нам, мистер Смит, сейчас обследовать весь остров, а потом уж решить, что предпринять?

— Да, так будет лучше, — поддержал его Геден Спитет. — Как знать, может быть, на другой стороне острова мы найдем хорошую сухую пещеру, какой мы здесь до сих пор не могли отыскать.

— Так-то оно так, — ответил инженер, — но вы, друзья мои, забываете, что нам надо поселиться вблизи источника питьевой воды, а с вершины горы Франклина мы не обнаружили в западной части острова ни речки, ни ручья. Здесь же мы находимся между рекой Благодарения и озером Гранта —

большое преимущество, которым нельзя пренебрегать. Кроме того, этот берег защищен от пассатов, дующих в Южном полушарии на северо-запад.

— А знаете что, мистер Смит? Давайте построим себе дом на берегу озера. У нас теперь есть и кирпич и инструменты. Были мы мастерами-кирпичниками, гончарами, литейщиками, кузнецами, а теперь будем каменщиками. Какого дьявола, неужто не справимся?

— Конечно, справимся, друг мой. Но прежде чем принять такое решение, надо поискать. Быть может, мы найдем жилище, которое соорудила для нас сама природа. Это избавит нас от долгого, утомительного труда, и у нас будет надежное убежище, защищенное от врагов, таящихся на острове, и от всех, какие могут пожаловать сюда с океана.

— Вы правы, Сайрес, — сказал журналист. — Но ведь мы уже осмотрели весь береговой гранитный вал, — ни одной пещеры, даже ни одной трещины!

— Как есть ни одной! — подхватил Пенкроф. — Эх, если б выдолбить себе жилье в этом самом гранитном валу — довольно высоко, чтоб снизу никто не мог напасть на нас. Вот бы хорошо! Я так и вижу — шесть, а то и семь комнат, с окнами на море...

— С окнами, и не какими-нибудь, а с большими окнами, чтоб было много света... — смеясь, сказал Герберт.

— И чтоб лестница была! — добавил Наб.

— Ну что вы смеетесь? — возмутился моряк. — Или я что-нибудь невозможное предложил? Разве у нас нет кирок и ломов? И разве мистер Сайрес не может сделать порох? Тогда мы заложим мину и взорвем скалу. Верно мистер Сайрес? Ведь когда нам понадобится, вы сделаете для нас порох?

Сайрес Смит внимательно выслушал Пенкрофа, излагавшего свои фантастические планы. Врезаться в этот гранитный вал, даже путем взрыва пороховой мины, было бы геркулесовым трудом. Оставалось только пожалеть, что природа не взяла на себя самую трудную часть работы. Но Сайрес Смит не стал разочаровывать Пенкрофа, а только предложил хорошенько осмотреть всю гранитную стену — от устья речки до того угла, которым она заканчивалась на севере.

Отправившись в разведку, колонисты прошли около двух миль, самым тщательным образом исследуя гранитную стену. Но нигде, решительно нигде, не было ни единой впадины на ее ровной, отвесной поверхности. Скалистые голуби, летавшие над нею, гнездились в углублениях, встречавшихся лишь на гребне гранитного кряжа и меж причудливых зубцов его карниза.

Отсутствие пещеры было обстоятельством очень досадным, ибо не приходилось и думать, что удастся самим пробить для себя в этом граните грот достаточной величины, пустив в ход кирки и даже порох. Волею случая на всей этой полосе берега имелось только одно место, пригодное хотя бы для временного убежища, — те самые Трущобы, которые открыл Пенкроф; но теперь с этим приютом необходимо было расстаться.

Свое исследование колонисты закончили у северного края стены, где она переходила в длинный скат, полого спускавшийся к самому морю. От этого места и до западной оконечности острова береговая возвышенность шла под уклон не более чем в сорок пять градусов, представляя собою нагромождение камней, земли и песка скрепленных корнями кустов, низкорослых деревьев трав. Кое-где из рыхлой толщи наружного покрова острыми скалами пробивался гранит. По склонам ярусами поднимались купы деревьев и зеленела довольно густая трава. Но книзу растительности становилось все меньше, и от подножия откоса до моря унылой, бесплодной полосой простирался песок.

У Сайреса Смита мелькнула не лишняя основания мысль, что где-нибудь здесь низвергается из

озера Гранта водопад. Ведь должен же был найти себе выход избыток воды, которую непрестанно нес в озеро Красный ручей. Однако до сих пор инженер нигде не находил этого стока, хотя исследовал берег озера от устья ручья до плато Кругозора.

Сайрес Смит предложил товарищам подняться по склону кряжа и возвратиться в Трущобы через плато Кругозора, исследовав дорогой северный и восточный берег озера.

Предложение было принято, и через несколько минут Герберт и Наб уже вскарабкались на плоскогорье. Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф более медленно и степенно шли вслед за ними.

В двухстах футах от края плоскогорья, сквозь сплетение ветвей сверкала на солнце спокойная гладь прекрасного озера. Пейзаж кругом был чудесный. Лаская взгляд своей пожелтевшей и бронзовой листвой, теснились друг к другу в рощах деревья. На зеленом ковре густой травы выделялись черные стволы рухнувших исполинских деревьев, сраженных рукою времени. В воздухе стоял звон от птичьего щебета, от криков шумливых какаду, порхавших с ветки на ветку, словно живая крылатая радуга. Казалось, солнечный свет проникал в эти необыкновенные рощи, лишь разбившись на все цвета своего спектра.

Вместо того чтобы сразу направиться к северному берегу озера, путники обогнули плато, намереваясь добраться до левого берега ручья у самого его устья. Они сделали крюк мили в полторы, но путь оказался легким, так как лес поредел и между деревьями оставались свободные проходы. Чувствовалось, что тут кончается плодородная часть острова — здесь уж не было такой буйной растительности, как в зоне, простиравшейся от Красного ручья до реки Благодарения.

Сайрес Смит и его товарищи довольно осторожно продвигались в этом новом для них уголке острова. Ведь оружием им служили только луки и стрелы да дубинки, окованные железом. Впрочем, ни один хищный зверь не показывался. Возможно, эти опасные враги предпочитали лесные чащи южной части острова. И вдруг произошла весьма неприятная встреча. Топ сделал стойку перед большой змеей четырнадцати-пятнадцати футов длиной. Наб убил ее дубинкой. Осмотрев змею, Сайрес Смит сказал, что она не ядовитая и принадлежит к породе «алмазных змей», которых в Новом Южном Уэльсе туземцы употребляют в пищу. Но, несомненно, тут водились и другие змеи, укусы которых смертельны, как, например, «глухие гадюки» с раздвоенным хвостом, которые вдруг взвиваются из-под ног, «крылатые змеи» с двумя выростами, благодаря которым они бросаются на свою жертву с молниеносной быстротой. Оправившись от растерянности, Топ принялся охотиться на змей с такой яростью, что становилось страшно за него. Поэтому хозяин то и дело подзывал его к себе.

Вскоре участники экспедиции дошли до устья Красного ручья, и, когда переправились на другой берег, перед ними предстала знакомая картина, которую они уже видели, спускаясь с горы Франклина. Сайрес Смит убедился, что дебит Красного ручья довольно значителен, — следовательно, природа должна дать выход излишним водам, иначе озеро могло бы переполниться. Но где же этот сток? Обязательно надо его найти и воспользоваться силой падения воды как механическим двигателем.

Разбившись на группы, но не отдаляясь друг от друга, колонисты двигались по крутому берегу озера. По многим признакам видно было, что в нем очень много рыбы, и Пенкроф решил воспользоваться этим богатством, сделав для такой цели рыболовную снасть.

Сначала направились к северо-восточному узкому краю озера. Имелись достаточные основания предполагать, что вода вытекает как раз в этих местах, ибо озеро тут доходило почти до края плоскогорья. Предположения эти не оправдались, и колонисты пошли дальше по берегу озера, которое после небольшой излучины тянулось параллельно побережью океана.

В этой стороне берег уже не был лесистым, живописно разбросанные вокруг кupy деревьев увеличивали очарование пейзажа. Озеро Гранта предстало перед путниками все целиком, и ни единое

дуновение ветерка не морщило его зеркальной глади. Рыская среди кустов, Топ поднимал самых различных птиц; Гедеон Спилет и Герберт встречали их стрелами. Одна из птиц, жертва меткости юного охотника, упала в высокие камыши. Топ бросился туда и принес красивую водяную птицу аспидно-черного цвета, с коротким клювом, с выпуклой лобной костью, с зубчатой кромкой на пальцах и с белой каймой на крыльях. Величиной она была с крупную куропатку, носила название «лысуха», как пояснил Герберт, и принадлежала к группе длиннопалых птиц, которые представляют собою переход от отряда голенастых к перепончатопалым. Дичь незавидная, с жестким и невкусным мясом, но поскольку Топ проявлял меньше разборчивости, чем его хозяева, решили отдать ему лысуху на ужин.

Колонисты шли по восточному берегу и уже приближались к исследованным местам. Сайрес Смит, к крайнему своему удивлению, нигде не видел никаких признаков стока воды из озера. Разговаривая с Гедеоном Спилетом и Пенкрофом, он не скрыл от них своего изумления.

Вдруг Топ, бежавший впереди хозяина, забеспокоился. Умный пес принялся нервно рыскать по берегу и, внезапно остановившись, уставился в воду и поднял лапу, словно делал стойку над какой-то невидимой дичью; потом он яростно залаял, будто подзывая хозяина, и внезапно умолк.

Ни Сайрес Смит, ни его товарищи сначала не обратили внимания на поведение Топа, но вскоре собака залилась отчаянным лаем, и инженер встревожился.

— Ну что там такое, Топ? — сказал он.

Собака помчалась было к нему, но тотчас повернула обратно и вдруг кинулась в озеро.

— Топ, сюда! Топ! — закричал Сайрес Смит, не желая пускать собаку на поиски добычи в незнакомых и, возможно, опасных водах.

— Что там такое? — спросил Пенкроф, глядя на озеро.

— Должно быть, Топ почуял какое-нибудь земноводное животное, — сказал Герберт.

— А вдруг там аллигатор! — заметил журналист.

— Нет, не думаю, — возразил Сайрес Смит. — Аллигаторы водятся в более низких широтах.

Топ выскочил из воды по приказу хозяина, но ни секунды не мог остаться в покое; он возбужденно прыгал в высокой траве, словно чуял какое-то невидимое людям животное, которое плыло под водой у самого берега. Однако вода оставалась совершенно спокойной, ни малейшей ряби не пробегало по безмятежной глади. Несколько раз колонисты останавливались на берегу и настороженно всматривались. Из воды никто не появлялся. Все это казалось загадкой. Инженера Смита она очень занимала.

— Доведем до конца нашу разведку, — сказал он.

Полчаса спустя колонисты дошли до юго-восточного края озера и вновь очутились на плато Кругозора. Исследование берегов озера могло считаться законченным, но Сайресу Смицу так и не удалось обнаружить, где и каким образом уходит из озера избыточная вода.

— Несомненно, здесь где-то имеется сток, — повторял он, — и раз его не видно на поверхности земли, значит, вода пробила себе дорогу сквозь гранитный кряж.

— Вы, очевидно, считаете, что для нас очень важно знать, где этот сток? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, довольно важно, — ответил инженер. — Ведь если вода проложила себе выход сквозь этот кряж, то весьма вероятно, что там есть пещера, и, быть может, нам удалось бы отвести от нее ручей и приспособить эту пещеру для жилища.

— А разве не может вода уходить через дно озера и стекать в море по подземному руслу? — спросил

Герберт.

— Конечно, может, — ответил инженер, — и если это так, то вскоре нам придется самим строить себе дом, поскольку природа не пожелала помочь нам, выступив в роли каменщика.

Колонисты уже собирались пересечь плато, чтобы возвратиться к Трущобам, так как было пять часов вечера, как вдруг Топ снова забеспокоился. Он неистово залаял и, прежде чем хозяин успел его удержать, вторично бросился в озеро.

Все подбежали к берегу. Собака уже отплыла от него футов на двадцать, и Сайрес Смит громко звал ее. Вдруг из воды высунулась огромная голова какого-то животного; озеро оказалось тут неглубоким.

Герберт сразу узнал, к какому роду земноводных принадлежит это безобразное чудовище с конической мордой, глазами навывкате и длинными шелковистыми усами.

— Ламантин! — воскликнул он.

Но это был не ламантин, а другой представитель водных млекопитающих, который носит название «дюгонь», ноздри расположены у него в верхней части морды. Чудовище ринулось к собаке. Напрасно Топ хотел увернуться и доплыть до берега. Хозяин ничего не мог сделать, чтобы спасти бедного пса. Не успели Гедеон Спилет и Герберт нацелиться и пустить в страшилище стрелы, как дюгонь схватил собаку и исчез с нею под водой.

Крепко сжав в руке окованную железом палицу, Наб хотел уже броситься на помощь собаке и сразиться со свирепым животным даже в воде, его стихии.

— Нет, Наб, не пуцу, — воскликнул инженер, схватив смельчака за руку.

Однако под водой происходила борьба, казалось бы необъяснимая, — ведь собака не могла в таких условиях оказывать зверю сопротивление, борьба отчаянная, ибо поверхность озера буквально кипела, борьба безнадежная, ибо исходом ее могла быть лишь гибель несчастного пса! И вдруг среди пенистого круга из воды вынырнул Топ. Подброшенный в воздух какой-то неведомой силой, он взлетел над озером на десять футов, снова упал в бурлящие волны, потом поплыл, стремительно работая лапами, и вскоре выбрался из воды, спасенный каким-то чудом и даже не получив ни одной серьезной раны.

Сайрес Смит и его товарищи остолбенели от изумления. Но затем их ошеломило обстоятельство еще более загадочное — под водой как будто продолжалась борьба. Должно быть, на дюгоня напал какой-то могучий противник, и чудовище, выпустив собаку, теперь защищало свою собственную жизнь.

Но схватка была недолгой. Вода обагрилась кровью, и на поверхности озера, чернея среди расплывающихся алых кругов, выплыло недвижимое тело дюгоня, а волна выбросила его на узкую песчаную отмель в южном конце озера.

Колонисты побежали туда. Дюгонь был мертв. Он оказался действительно огромным — футов пятнадцати-шестнадцати в длину и весил, вероятно, три или четыре тысячи фунтов. На шее у него зияла рана, словно, нанесенная острым лезвием.

Какое же земноводное животное уничтожило грозного дюгоня, нанеся ему такую страшную рану? Никто из колонистов не мог разрешить эту загадку, и, возвращаясь в свое убежище, все были озадачены необыкновенным происшествием.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Исследование озера. — Течение указывает. — План Сайреса Смита. — Жир дюгоня. — Применение серного колчедана. — Сернистое железо. — Как делается глицерин. — Мыло. — Селитра. — Серная кислота. — Азотная кислота. — Рождение водопада.

На следующий день, 7 мая, Сайрес Смит и Гедеон Спилет, оставив Наба дома готовить обед, поднялись на плато Кругозора, а Герберт с Пенкрофом отправились вверх по течению реки за дровами.

Сайрес Смит и журналист быстро дошли до той песчаной отмели у южного края озера, на которую волны выбросили дюгоня. На его мясистую тушу уже слетелись стаи птиц. Пришлось разогнать их камнями, так как инженер хотел сохранить жир убитого чудовища для нужд колонии. Мясо дюгоня, не только съедобное, но очень вкусное, прекрасно могло пойти в пищу, — недаром в некоторых областях Малайи его подают лишь к столу туземных царьков. Но такими делами ведал Наб. Сайрес Смит был поглощен другими мыслями. У него из головы не выходило вчерашнее приключение. Ему хотелось разгадать тайну подводной схватки и узнать, какой сородич мастодонтов или морских чудовищ нанес дюгоню такую удивительную рану.

Инженер молча стоял на берегу и пристально смотрел на озеро, но ничего не было видно в спокойных, прозрачных водах, блескующих серебром под первыми лучами солнца.

У песчаной полосы берега, где лежал труп дюгоня, было довольно мелко, но постепенно глубина увеличивалась, и на середине озера было, вероятно, очень глубоко. Котловина озера казалась большой каменной чашей, которую Красный ручей наполнил водой.

— Ну, что вы смотрите, Сайрес? — спросил журналист. — По-моему, в этом озере нет ничего подозрительного.

— Ничего подозрительного, дорогой мой, — подтвердил инженер. — Но я, право, не знаю, как объяснить то, что случилось вчера!

— Признаться, и я удивлен, — сказал журналист. — Рана у этого зверя по меньшей мере странная. А как объяснить, что Топа с такой силой вышвырнуло из воды? Ей-богу можно подумать, что его подбросила чья-то сильная рука и эта же рука, вооруженная кинжалом, нанесла дюгоню смертельную рану.

— Да, — задумчиво протянул Сайрес Смит. — Тут есть что-то непонятное. А скажите, дорогой Спилет, вы понимаете, каким образом я был спасен из пучины океана? Кто перенес меня в дюны? Не понимаете, правда? И вот я чувствую, что здесь кроется какая-то тайна. Но мы с вами, конечно, когда-нибудь ее раскроем. Будем наблюдать, внимательно наблюдать, но пока не станем говорить при товарищах об этих необыкновенных приключениях. Давайте хранить наблюдения про себя и делать свое дело.

Как читателям уже известно, Сайрес Смит все еще не мог установить, где именно вытекает из озера избыточная вода, но так как не было ни малейших признаков, что оно когда-либо выходило из берегов, то, значит, где-то существовал водосток. И тут вдруг Сайрес Смит с некоторым удивлением заметил, что в том месте, у которого он стоит, проходит довольно сильное течение. Он бросил в воду несколько веточек и увидел, как они поплыли к южному краю озера. Тогда он пошел берегом вниз по течению, и оно привело его к южной оконечности озера. А там уровень воды сразу понизился, как будто она внезапно уходила в какую-то трещину.

Сайрес Смит лег на берег ничком, внимательно прислушался, чуть не прильнув ухом к воде, и явственно различил шум потока, низвергавшегося куда-то под землю.

— Вот оно что! — воскликнул он, поднимаясь на ноги. — Вон куда уходит из озера вода. Она проложила себе дорогу сквозь гранитный кряж и вытекает в море, пробегая через какую-нибудь пещеру. А мы ее перехитрим и сами воспользуемся этой пещерой! Ну-ка, проверим!

Сайрес Смит срезал длинную ветку, ободрал с нее листья, погрузил в воду в том месте, где два берега озера сходились под углом, и установил, что там действительно есть широкое отверстие, на глубине всего лишь одного фута от поверхности воды. Подземный сток, который Сайрес Смит тщетно искал до сих пор, нашелся. Сила течения, устремлявшегося в него, была так велика, что ветку вырвало из рук инженера и мгновенно унесло.

— Ну, теперь уж сомневаться нечего, — сказал Сайрес Смит, — тут под водой отверстие стока. Я обнажу его.

— Каким образом? — спросил Гедеон Спилет.

— Опущу уровень воды в озере на три фута.

— А как вы это сделаете?

— Открою воде другой выход, шире этого.

— Где, Сайрес?

— Там, где озеро ближе всего подходит к краю плато Кругозора.

— Но ведь там гранитная стена, — заметил журналист.

— Так что ж, — ответил Сайрес Смит, — я взорву гранитную стену, вода ринется в пролом, уровень ее в озере спадет, и отверстие стока обнажится...

— А на берег океана будет низвергаться водопад, — добавил журналист.

— Да, водопад! — подтвердил Сайрес. — И мы воспользуемся его силой. Идемте, идемте скорей!

И инженер быстрым шагом двинулся в обратный путь, увлекая за собой своего друга. Тот так верил в Сайреса Смита, что ни на минуту не усомнился в успехе его замыслов. Однако ж намерения эти были крайне дерзкими. Как проломить гранитный вал? Как без пороха, с жалкими самодельными инструментами раздвинуть несокрушимые скалы? Не затевал ли инженер Смит непосильное дело?

Когда Сайрес Смит и журналист вернулись в Трущобы, Герберт и Пенкроф разгружали плот, на котором они привезли дрова.

— Сейчас дровосеки свое дело кончат, мистер Сайрес, — смеясь, сказал моряк, — и если вам понадобятся каменщики...

— Каменщики не понадобятся, а вот химики требуются, — ответил инженер.

— Да, да, — подхватил Гедеон Спилет. — Хотим остров взорвать...

— Взорвать остров? — изумленно воскликнул Пенкроф.

— Во всяком случае, часть острова! — внес поправку Гедеон Спилет.

— Вот слушайте, друзья мои, — начал инженер.

Он рассказал товарищам о сделанном открытии. По его мнению, внутри гранитного кряжа, на котором находится плато Кругозора, должна быть более или менее обширная пещера, и Сайрес Смит намеревался проникнуть в нее. Для этого следует, говорил он, понизить уровень воды в озере и обнажить отверстие стока, по которому выливается избыточная вода. Как же это сделать? Очень просто: дать воде другой, более широкий выход. Итак, необходимо приготовить взрывчатое вещество и, пустив его в ход,

сделать озеру изрядное «кровопускание» в другом месте берега. И вот он, Сайрес Смит, попробует составить сильную взрывчатую смесь из тех материалов, какие природа предоставила в его распоряжение.

Нечего и говорить, что все, и особенно Пенкроф, с восторгом встретили этот план. Употребить героические меры, взорвать гранит, создать водопад — моряку это пришлось по душе! И раз инженеру Смицу понадобились химики, Пенкроф способен был выступить в роли химика с таким же успехом, как в роли каменщика или сапожника. Он готов был делать все что угодно, даже обратиться в учителя танцев и хороших манер, если сие понадобится, говорил он Набу.

В первую очередь Набу и Пенкрофу было поручено освеживать убитого дюгоня, срезать с туши весь жир, а мясо сохранить впрок. Посланцы немедленно направились к озеру, даже не попросив более подробных разъяснений. Их вера в Сайреса Смита не знала сомнений.

Несколько минут спустя тронулись в путь и три остальных колониста — Сайрес Смит, Герберт и Гедеон Спилет; волоча за собой большую плетенку, они шли вверх по течению реки к месторождению каменного угля, где было также очень много серного колчедана, который встречается в переходных формациях сравнительно недавнего происхождения. Сайрес Смит уже приносил образцы этого минерала.

Весь день трое геологов перетаскивали в Трущобы груды пирита, к вечеру его скопилось там несколько тонн.

В понедельник, на следующее утро, 8 мая, инженер приступил к своим опытам. Пиритоносные сланцы в основном состоят из углерода, кремнезема, окиси алюминия и сернистого соединения железа — его как раз там больше всего; нужно было выделить сернистое железо и как можно скорее превратить его в железный купорос, а получив железный купорос, добыть из него серную кислоту.

Такую задачу и поставил перед собой Сайрес Смит. Серная кислота нашла широкое применение во всем мире; ее потребление для нужд производства является показателем промышленного развития любой страны. В дальнейшем серная кислота оказалась очень полезной колонистам при изготовлении ими свечей, дублении кож и т. д. Но сейчас инженер хотел добыть ее для других целей.

Выбрав позади Трущоб площадку, колонисты тщательно ее выровняли, сложили там костер из хвороста и дров, на него положили куски железного колчедана, так, чтоб между ними проходил воздух, а сверху засыпали тонким слоем серного колчедана, раздробленного на мелкие кусочки, величиной с орех.

Сложив все это, зажгли костер; накалившиеся сланцы воспламенились, потому что содержали в себе углерод и серу. Тогда сверху положили еще несколько слоев дробленого колчедана, и всю эту огромную кучу прикрыли сверху землей и дерном, оставив лишь несколько отверстий, как это делается, когда складывают груды дров, пережигая их на уголь.

Горящую под спудом груды минералов и топлива, в которой происходили химические превращения, оставили в покое — нужно было не меньше десяти — двенадцати дней для того, чтобы колчедан превратился в сернистое железо и далее в железный купорос, а окись алюминия — в сернокислый алюминий, то есть в одинаково растворимые соединения, тогда как кремнезем и углерод, перешедшие в золу, нерастворимы.

Пока происходили эти химические процессы, колонисты под руководством Сайреса Смита занялись другой работой и делали ее не только усердно, но с каким-то неистовым рвением.

Наб и Пенкроф срезали весь жир с туши дюгоня и сложили его в большие глиняные корчаги. Из этого жира нужно было выделить одну из составных его частей — глицерин. Для этого достаточно было обработать его содой, или известью. И в том и в другом случае получилось бы мыло и выделился необходимый Сайресу Смицу глицерин. Как мы знаем, извести у колонистов имелось достаточно, но

обработка жира известью дает нерастворимое и, следовательно, бесполезное мыло, тогда как при обработке содой получилось бы растворимое мыло, которое могло пригодиться колонистам в их домашнем быту... Как человек практический, Сайрес Смит решил обработать жир содой. Добыть соду оказалось не так уж трудно. Море выбрасывало на берег очень много водорослей — кремнистые, фукоиды, морской мох и другие. И вот колонисты собрали целые груды водорослей, сначала их высушили, а потом сожгли в открытых ямах. Сгорание длилось несколько дней, и температура поднялась так высоко, что зола расплавилась; в результате пережигания получилась сплошная сероватая масса, давно известная под названием натуральной соды.

Теперь Сайрес Смит имел возможность обработать жир содой, получив таким образом растворимое мыло и нейтральное вещество — глицерин.

Но этого еще было недостаточно. Для будущих работ Сайресу Смигу нужна еще была азотнокислая соль, более известная под названием селитры. Сайрес Смит мог бы получить ее, обработав азотной кислотой углекислую соль поташа, которую легко извлечь из золы растений. Но азотной кислоты у него не имелось, — как раз ее-то он и хотел получить. Словом, тут был порочный круг; казалось, выхода не найти. К счастью, сама природа предоставила инженеру Смигу селитру — пришлось только потрудиться, чтобы ее собрать. Герберт открыл целые залежи селитры в северной части острова, у подножия горы Франклина; оставалось только очистить эту азотнокислую соль.

Все эти разнообразные работы заняли с неделю; закончились они прежде, чем произошло превращение сернистого железа в железный купорос. Колонисты еще успели до тех пор изготовить глиняные огнеупорные сосуды и сложить кирпичную печь особого устройства для предстоящей перегонки железного купороса. Все было закончено 18 мая и в тот же день почти завершились происходившие химические процессы. Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф под руководством инженера стали превосходными рабочими. Впрочем, необходимость — лучший учитель, и ее больше всех слушаются.

Когда всю грудку колчедана пережгли, в результате химических превращений получился железный купорос, серноокислый алюминий, кремнезем, остаточный уголь и зола. Все это положили в корчагу, наполненную водой, разболтали в ней, дали отстояться, и когда жидкость стала прозрачной, ее слили — она представляла собой раствор железного купороса и серноокислого алюминия, все остальные вещества остались на дне корчаги в виде нерастворимого осадка. Жидкость частично выпарили, при этом отложились кристаллы железного купороса, а невыпаренную воду, содержащую в себе купорос алюминия, оставили без употребления.

Теперь в распоряжении Сайреса Смита было изрядное количество кристаллов железного купороса; предстояло получить из него серную кислоту.

В промышленной практике для производства серной кислоты требуется дорогостоящая установка. Тут нужны и заводы и лаборатории, специально оборудованные платиновой посудой, свинцовые камеры, в которых происходят химические реакции (свинец не поддается действию кислоты) и т. д. Конечно, у Сайреса Смита и в помине не было такого оборудования, но он знал, что в некоторых странах, например в Богемии, серную кислоту производят более простым способом и при этом даже достигают лучших результатов — получают кислоту более сильной концентрации. В частности, этим способом вырабатывается так называемая кислота Нордхаузена.

Для получения серной кислоты Сайресу Смигу оставалось произвести сухую перегонку: прокалить в закрытом сосуде кристаллы железного купороса для того, чтобы серная кислота выделилась в виде паров, а затем, конденсируясь, эти пары превратились бы в жидкую серную кислоту.

Для перегонки послужили приготовленные огнеупорные глиняные сосуды, в которые положили

кристаллы железного купороса, и специально сложенная печь. Перегонку и конденсацию провели превосходно, и 20 мая, через двенадцать дней после начала всего процесса, в распоряжении Сайреса Смита был сильнейший реактив, который он рассчитывал употреблять позднее для самых разнообразных целей.

Для чего же ему нужна была серная кислота в первую очередь? Да просто для получения азотной кислоты; получить ее оказалось нетрудно: обработав серной кислотой селитру, он путем дистилляции добился выделения азотной кислоты.

Но зачем понадобилась Сайресу Смиту азотная кислота? Этого сотоварищи инженера пока еще не знали — он не посвятил их в конечную цель своих работ.

Однако инженер уже приближался к своей цели, и последние его опыты дали, наконец, то вещество, для получения которого понадобилось столько трудов.

Добыв азотную кислоту, Сайрес Смит подлил к ней глицерина, предварительно сгустив его путем выпаривания в водяной бане, и получил (даже без добавления охлаждающей смеси) несколько пинт желтоватой маслянистой жидкости.

Составление смеси Сайрес Смит произвел один и поодаль от Трущоб, так как это соединение являлось опасным и могло привести к взрыву; а когда он принес своим товарищам сосуд с полученной жидкостью, то коротко сказал:

— Вот нитроглицерин!

Действительно, он добыл это ужасное взрывчатое вещество, пожалуй, в десять раз превосходящее по силе действия порох и уже вызвавшее столько несчастных случаев. Правда, применение нитроглицерина стало более безопасным с тех пор, как химики нашли способ превращать его в динамит, смешивая с такими веществами, как сахар или глина, которые могут впитывать в себя эту опасную жидкость. Но в то время когда колонисты очутились на острове Линкольна, динамит еще не был известен.

— И вот этой самой жидкостью вы хотите взорвать здешние скалы? — недоверчиво спросил Пенкроф.

— Да, друг мой, — ответил инженер. — Нитроглицерин произведет свое действие, и тем более сильное, что гранит, как исключительно твердая горная порода, не так-то легко поддается взрыву.

— А когда мы это увидим, мистер Смит?

Завтра, как только выроем яму и заложим мину, — ответил инженер.

На следующий день, 21 мая, минеры на рассвете направились к заливику, образованному озером Гранта, всего лишь в пятистах шагах от побережья океана. В этом месте край плато Кругозора был ниже уровня озера, и воды его сдерживала лишь гранитная круча высокого берега. Было совершенно ясно, что, если удастся пробить эту каменную ограду, вода вырвется из озера через этот выход, польется по наклонной плоскости горного плато и водопадом низвергнется на берег океана. В результате уровень озера понизится и отверстие прежнего водостока обнажится, чего и хотел добиться Сайрес Смит.

Итак, колонистам предстояло проломить гранитную ограду озера. Под руководством инженера Пенкроф, вооружившись киркой, принялся ловкими и сильными ударами выдалбливать углубление в камне. Гранит начал долбить у горизонтальной основы берега и вели выемке наискось, с таким расчетом, чтобы дно ее оказалось ниже уровня воды в озере. Сила взрыва, раздробив скалу должна была дать воде широкий выход и заметно понизить ее уровень.

Работа шла долго, так как инженер хотел произвести взрыв чудовищной силы, употребив для этого не менее десяти литров нитроглицерина. Но Пенкроф и Наб, сменяя друг друга, работали с таким рвением,

что к четырем часам дня яма для закладки мины уже была готова.

Осталось разрешить вопрос, как воспламенить взрывчатую смесь. Обычно для нитроглицерина это делается при помощи запальных патронов из гремучей ртути. Для того чтобы произошел взрыв, нужен толчок, а если просто зажечь нитроглицерин, он будет спокойно гореть и не взорвется.

Для Сайреса Смита, конечно, не представляло особого труда сделать запальные патроны. Гремучей ртути у него не было, но он мог получить вещество, подобное хлопчатобумажному пороху, так как уже имел в своем распоряжении азотную кислоту. А достаточно было опустить в нитроглицерин патрон, набитый таким порохом, и поджечь его при помощи фитиля, как он, вспыхнув, вызвал бы взрыв.

Но Сайрес Смит поступил проще, зная, что нитроглицерин обладает свойством взрываться от удара. Он решил воспользоваться этим его свойством, а в случае неудачи применить иной способ.

Действительно, стоило налить несколько капель нитроглицерина на камень и ударить по камню в этом месте молотком, как произошел бы взрыв. Однако тот, кто произвел бы такой опыт, оказался бы его жертвой. И вот Сайрес Смит придумал способ избежать опасности. Он решил установить над ямой с нитроглицерином козлы и подвесить к ним железный брусок весом в несколько фунтов, прикрепив его веревкой, сплетенной из лиан. От середины этой веревки отходила другая, пропитанная серой, веревка, которую он протянул по земле; свободный ее конец находился в нескольких футах от ямы. Стоило поджечь эту веревку — и огонь побежал бы по ней, достиг с бы первой веревки, поддерживавшей железный брусок, она перегорела бы, и тяжелая кувалда с силой ударила бы по нитроглицерину.

Установили это приспособление, потом инженер велел товарищам отойти подальше от опасного места и, наполнив яму до краев нитроглицерином, пролил несколько капель своей взрывчатой смеси на камень как раз под железным бруском.

Сделав все это, Сайрес Смит зажег свободный конец веревки, пропитанной серой, и присоединился к своим товарищам, ожидавшим его в Трущобах.

По его расчетам, лиана должна была гореть минут двадцать пять; и действительно через двадцать пять минут раздался взрыв неопишуемой силы. Казалось, дрогнул весь остров до самых своих недр. В воздух фонтаном взлетели камни, словно при извержении вулкана. От сотрясения земли и воздуха зашатались каменные глыбы, громоздившиеся друг на друга в Трущобах. Колонистов, хотя они находились в двух милях от места взрыва, швырнуло на землю.

Они вскочили, выбежали из своего убежища и, взобравшись на плато Кругозора, помчались к тому берегу озера, где произошел взрыв...

А лишь только они добежали, то от восторга трижды прокричали «ура». В гранитном берегу озера зияла широкая пробоина! Бурля и пенясь, вырывался из нее на плато быстрый поток и, достигнув края плоскогорья, с высоты трехсот футов низвергался на берег моря!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пенкроф больше не знает сомнений. — Прежний водосток. — Подземный ход. — Сквозь гранитный кряж. — Топ исчез. — Центральная пещера. — Нижний колодец. — Тайна. — Ударами кирки. — Возвращение.

Итак, замыслы Сайреса Смита осуществились, но, по своему обыкновению, он ничем не выразил своего удовлетворения, и, застыв неподвижно, крепко сжав губы, молча смотрел на необыкновенное зрелище. Наб прыгал от радости, а Пенкроф, покачивая головой, бормотал:

— Вот так штука! Здорово работает наш инженер!

В самом деле, взрыв оказал разительное действие. Выход для воды был так широк, что теперь из озера выливалось втрое больше воды, чем через старый сток. И не удивительно, что вскоре после взрыва уровень озера понизился не меньше чем на два фута.

Колонисты возвратились в Трущобы, захватили кирки, колья, окованные железом, огниво и трут, и снова направились к озеру. Топ сопровождал их. Дорогой моряк не мог не поделиться поразившей его мыслью:

— А знаете, мистер Сайрес, вы приготовили такую симпатичную настойку, что, пожалуй, можете взорвать весь остров.

— Совершенно верно, Пенкроф. И остров, и материки, и всю землю, — ответил Сайрес Смит. — Все дело только в количестве.

— А не можете вы употребить этот ваш нитроглицерин для ружейных зарядов? — спросил моряк.

— Нет, Пенкроф, нитроглицерин — взрывчатое вещество слишком большой разрушительной силы. Но нам нетрудно будет изготовить хлопчатобумажный или даже обыкновенный порох, раз у нас есть азотная кислота, селитра и уголь. Беда только, что ружей у нас нет.

— Ну, мистер Сайрес, — возразил моряк, — вы уж постарайтесь, пожалуйста.

Как видно, Пенкроф решительно вычеркнул слово «невозможно» из словаря обитателей острова Линкольна. Достигнув плато Кругозора, колонисты направились к тому краю озера, где находился старый сток, — теперь он должен был обнажиться, и, поскольку вода больше не бежала в него, вероятно, нетрудно было проникнуть туда и посмотреть, что там делается.

Несколько минут спустя колонисты уже были у южного края озера. Бросив на него взгляд, они убедились, что желанная цель достигнута.

В самом деле, в гранитном берегу, теперь уже выше уровня воды, виднелось отверстие стока, который они так долго искали. Обнажившийся узкий выступ берега позволил добраться до него. Ширина отверстия была приблизительно двадцать футов, а высота — только два фута, — оно напоминало отверстие сточной трубы, чернеющее за решеткой у края тротуара. Итак, проникнуть в этот подземный канал оказалось нелегко, но Наб и Пенкроф взялись за кирки, и через какой-нибудь час туда уже можно было войти.

Инженер подошел к стоку и, всмотревшись, убедился, что вначале он идет вниз с уклоном не более чем в тридцать — тридцать пять градусов. Значит, не так уж трудно будет спуститься по нему и, если крутизна уклона не увеличивается, добраться до самого моря. Вполне вероятно, что внутри гранитного кряжа окажется большая пещера, которой удастся воспользоваться.

— Ну как, мистер Смит? Чего же мы ждем? — спросил моряк, нетерпеливо стремившийся проникнуть в темный проход. — Смотрите, Топ уже побежал туда!

— Отлично, — ответил инженер. — Надо, однако, посветить. Наб, ступай-ка нарежь сосновых веток.

Наб и Герберт побежали к ближайшей рощице и вскоре вернулись с охапкой смолистых ветвей, из которых они тут же сделали нечто вроде факелов. При помощи огнива зажгли эти ветки, и колонисты во главе с Сайресом Смитом двинулись по темному подземному проходу, по которому еще так недавно устремлялись избыточные воды озера.

Вопреки опасениям наших исследователей, проход все расширялся, и вскоре уже не нужно было нагибаться при спуске. Но гранитное русло, которое вода полировала целую вечность, стало скользким, и упасть тут было опасно. Поэтому путники связали себя друг с другом веревкой, как это делается при восхождении на вершины гор. К счастью, спуск облегчали попадавшие под ногами каменные выступы, похожие на ступени. Капли воды, еще сочившиеся по граниту, переливались при свете факелов всеми цветами радуги, и казалось, что с темного свода свисают бесчисленные сталактиты. Инженер внимательно оглядывал черные гладкие стены подземного прохода. Ни одного наслоения, ни одной трещины! Необыкновенно плотная, мелкозернистая гранитная твердь. Подземный ход, вероятно, существовал со времен возникновения острова. Разумеется, не вода проложила себе этот путь. Скорее всего, гранитный кряж пробил рука самого Плутона, а не Нептуна — на стенках прохода видны были следы вулканических толчков, еще не совсем сглаженные водой.

Путники продвигались очень медленно. Все молчали, ибо испытывали невольное волнение, спускаясь в недра каменного кряжа, куда, несомненно, впервые проник человек, и, вероятно, не одному из них приходила мысль, что в каком-нибудь темном закоулке этого подземного канала, сообщающегося с океаном, таится спрут или иной исполинский головоногий. Нужно было продвигаться с осторожностью.

Впрочем, впереди маленького отряда исследователей бежал Топ, и можно было положиться на его чутье и сообразительность: в случае опасности он поднял бы тревогу.

Спустившись довольно извилистым проходом футов на сто, Сайрес Смит, возглавлявший шествие, остановился. Спутники подошли к нему. В этом месте проход, расширяясь, образовывал небольшую пещеру. С каменного ее свода падали капли воды, но они попали сюда не вследствие просачивания из озера через трещины в граните — то просто были еще свежие следы потока, так долго бежавшего тут. Воздух был влажный, но в нем не чувствовалось никаких тлетворных испарений.

— Ну, дорогой Сайрес, — сказал Гедеон Спилет, — вот вам и убежище, весьма уединенное и прекрасно скрытое в горных недрах. Жаль только, что жить в нем нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Пенкроф.

— Тесно и темно.

— А разве мы не можем его расширить и пробить стенку, чтоб впустить сюда свет и воздух? — воскликнул моряк — он теперь уж решительно ни в чем не знал сомнений.

— Пойдемте дальше, — сказал Сайрес Смит, — продолжим разведку. Когда спустимся ниже, может быть, окажется, что природа избавила нас от лишних трудов.

— Мы спустились только еще на одну треть высоты этого кряжа, — заметил Герберт.

— Да, приблизительно на треть, — подтвердил Сайрес. — Мы прошли футов сто от входа, а когда одолеем еще сто футов, то, возможно...

— Где же собака? — встревоженно воскликнул Наб, прерывая хозяина.

Обошли всю пещеру, Топа в ней не было.

— Наверно, вперед убежал, — предположил Пенкроф.

— Пойдемте-ка за ним, — сказал Сайрес Смит.

Все двинулись дальше. Инженер внимательно следил за многочисленными извилинами прохода и без особого труда определил, что, несмотря ни на что, общее его направление сохраняется: он ведет к морю.

Колонисты спустились еще на пятьдесят футов, считая по вертикали, и вдруг внимание их привлекли какие-то отдаленные звуки, доносившиеся из глубины прохода. Все остановились, прислушались. Звуки эти долетали по каменному коридору совершенно отчетливо, словно через слуховую трубку.

— Это Топ лает! — воскликнул Герберт.

— Да, — отозвался Пенкроф. — И еще как лает! Прямо рассвирепел наш славный пес!

— У нас есть оружие — окованные железом колья, — сказал Сайрес Смит. — Держитесь начеку. Вперед!

— Все интереснее делается! — прошептал Гедеон Спилет на ухо моряку, и тот утвердительно кивнул головой.

Сайрес Смит и его товарищи бросились на помощь Топу. Лай его становился все явственнее. И в этом отрывистом лае чувствовалась какая-то необыкновенная ярость. Может быть, пес схватился с каким-нибудь животным, случайно потревожив его в логове? В непреодолимом волнении путники совсем и не думали об опасности, возможно грозившей им. Они уже не просто спускались, они скатывались по скользкому дну канала и, очутившись за несколько секунд на пятьдесят футов ниже, увидели Топа.

В этом месте проход выводил в большую и очень красивую пещеру, где рыскал Топ, заливаясь злобным лаем. Пенкроф и Наб, размахивая факелами, освещали все выступы и впадины гранитных стен, а Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Герберт, подняв окованные железом колья, приготовились встретить любого врага. Но огромная пещера оказалась пустой. Путники обследовали ее вдоль и поперек — в ней не было ни одного живого существа. А Топ лаял все так же неистово. Ни ласками, ни угрозами его не могли утихомирить.

— Вероятно, здесь есть где-нибудь выход, через который озерная вода стекала в море, — сказал инженер.

— Да уж наверняка есть, — согласился Пенкроф. — Осторожнее, друзья! Как бы нам не провалиться в яму.

— Топ, ищи, ищи! — крикнул Сайрес Смит.

Собака встrepенулась и, кинувшись в дальний конец пещеры, залаяла там еще громче.

Колонисты двинулись вслед за ней и при свете факелов увидели черный провал, разверзавшийся в граните. Несомненно, туда и стекала вода, совсем еще недавно пробежавшая внутри каменного кряжа, но этот сток уже не представлял собою коридора с наклонным скатом, а настоящий колодец, и проникнуть в него было невозможно.

Наклонили над отверстием колодца факелы, но ничего там не могли различить. Сайрес Смит взял одну из горящих веток и бросил ее в зияющую пропасть. Смолистая ветка, разгоревшись еще больше от быстрого падения, осветила колодец изнутри, и снова путники ничего не увидели. Потом пламя, затрепетав угасло — должно быть, ветка коснулась воды, значит, достигла моря.

Сосчитав, сколько секунд длилось падение ветки, Сайрес Смит определил, что глубина колодца равняется приблизительно девяноста футам.

Итак, пол гранитной пещеры находился на высоте девяноста футов над уровнем моря.

— Вот и жилище для нас, — сказал Сайрес Смит.

— Но ведь в нем, вероятно, жило какое-то животное, — заметил Гедеон Спилет, — его любопытство не было удовлетворено.

— Ну что ж, прежний хозяин — амфибия или иное существо — уступил нам место, а сам бежал через колодец, — ответил инженер.

— А все-таки хотелось бы мне оказаться тут на месте Топа четверть часа назад, — проговорил моряк. — Ведь не зря же пес так лаял!

Сайрес Смит посмотрел на свою собаку, и если б его товарищи стояли в ту минуту поближе, они услышали бы, как он сказал вполголоса:

— Да, думается мне, Топу многое известно. Куда больше, чем нам!

Оказалось, что найденная пещера удовлетворяет почти всем требованиям колонистов. Волею случая, которому пришла на помощь необыкновенная проницательность их руководителя, в распоряжении колонистов оказалась обширная пещера, размеры которой они еще не могли определить при тусклом свете факелов, но, несомненно, ее нетрудно было разделить кирпичными перегородками на несколько «комнат», и у них получился бы если не настоящий дом, то по крайней мере просторное убежище. Вода из него ушла и уж никогда не вернется. Место было свободно.

Правда, еще оставались две трудности: как осветить огромный грот, скрытый в гранитном кряже, и как сделать вход в него более доступным? Прорубить отверстие вверху нечего было и думать — слишком большая толща гранита лежала над сводом. Но что, если удастся пробить окно в передней стене, обращенной к морю? Спускаясь подземным коридором, Сайрес Смит приблизительно определил его наклон, а следовательно, и длину, и теперь полагал, что передняя стена пещеры не должна быть очень уж толстой. А если удастся прорубить в ней окна, то можно будет пробить и дверь, сделать наружную лестницу, а тогда и вход станет удобнее.

Инженер поделился своими замыслами с товарищами.

— Так что ж, мистер Сайрес, — за работу! — ответил Пенкроф. — Кирка при мне. Будьте покойны, окошко мы прорубим. Где надо бить?

— Вот здесь, — ответил инженер и указал силачу Пенкрофу на довольно глубокую впадину, благодаря которой толщина стены в этом месте, несомненно, уменьшилась.

Пенкроф принялся при свете факелов долбить киркой; вокруг него веером сыпались осколки камня, из-под кирки вылетали искры. Через полчаса его сменил Наб, а после Наба киркой вооружился Гедеон Спилет.

Работа шла уже два часа, и можно было опасаться, что киркой не продолбишь гранита, но вдруг последний удар, сделанный Гедеоном Спилетом, пробил стену, и кирка выпала наружу.

— Ура! Ура! Еще раз ура! — крикнул Пенкроф.

Толщина стены не превышала трех футов.

Сайрес Смит поглядел в отверстие, пробитое на высоте девяноста футов. Он увидел песчаную полосу берега, островок Спасения, беспредельный простор океана.

Граниту нанесли значительный урон — отверстие вышло довольно широким, в пещеру хлынули потоки света, и перед колонистами открылось величественное зрелище.

В левой стороне пещера была не больше тридцати футов высоты и такой же ширины, а длиной в сто футов; зато правая ее часть была огромна; гранитный свод изгибался там округлым куполом на высоте более чем в девяносто футов. Кое-где в прихотливом беспорядке вздымались гранитные колонны, поддерживавшие свод, словно в главном приделе собора. Этот купол опирался по бокам на массивные столбы, соединенные то каменными полукружиями, то высокими стрельчатыми арками, уходившими вдаль темными пролетами, разубран был множеством выступов, похожих на искусные лепные украшения, и поражал своеобразным и живописным сочетанием черт, характерных для византийского, романского и готического зодчества. Пещера казалась дворцом, воздвигнутым зодчим, меж тем она была творением самой природы, создавшей в недрах гранитного кряжа эту великолепную Альгамбру.

Колонисты замерли от восхищения. Там, где они думали найти тесную пещеру, перед ними возник дивный чертог, и Наб обнажил голову, словно очутился в храме!

Минута молчания сменилась шумными возгласами восторга. Под высоким сводом пронеслись крики «ура» и, отдаваясь гулким эхом, затихли где-то в темных проходах.

— О друзья мои! — воскликнул Сайрес Смит. — Мы впустим свет, много света в недра этого гранитного вала; в левой стороне устроим комнаты, склады, мастерские, а вот в этом великолепном гроте у нас будет рабочий кабинет и музей.

— Как мы назовем эту пещеру? — спросил Герберт.

— Гранитный дворец, — ответил Сайрес Смит, и все встретили это название новыми криками «ура».

Факелы уже догорали и, так как нужно было потратить еще немало времени, чтобы выбраться подземным ходом на плато Кругозора, решили отложить работы по устройству нового жилища до следующего дня.

Перед уходом Сайрес Смит еще раз нагнулся над темным колодцем, отвесно спускавшимся к самому морю. Он внимательно прислушался. Из черной глубины не доносилось ни малейшего звука, даже отдаленного шума волн, — а ведь они должны были иногда плескаться в этом провале. Опять бросили туда горящую смолистую ветку. На мгновение стенки колодца осветились, но, как и в первый раз, ничего подозрительного путники там не увидели. Если какое-нибудь морское чудовище и было застигнуто врасплох нежданном иссяканием подземного потока, оно, вероятно, бежало на дно океана, пробравшись тем самым каналом, по которому изливались в море избыточные воды из озера, пока им не открыли новый сток.

И все же Сайрес Смит долго стоял у провала и, устремив взгляд в его темное жерло, напряженно прислушивался, не произнося ни слова. Моряк подошел к нему и, тронув его за плечо, сказал:

— Мистер Смит...

— Вы что, друг мой? — спросил инженер, словно очнувшись от сна.

— Факелы наши, того и гляди, угаснут.

— В дорогу! — скомандовал Сайрес Смит.

Маленький отряд распростился с пещерой и стал подниматься по темному водостоку к берегам озера. Топ на этот раз замыкал шествие и, как это ни странно, время от времени все еще злобно рычал. Подъем был довольно трудный. Колонисты решили передохнуть и на несколько минут остановились в верхнем гроте, представлявшем собою как бы площадку на середине этой длинной лестницы с

гранитными ступенями. Затем все снова принялись карабкаться вверх.

Вскоре на них пахнуло свежим ветерком. На стенках канала уже не блестели капли воды — она испарилась. Побледнел свет горевших факелов. Факел Наба последний раз вспыхнул и угас. Надо было поторапливаться, чтобы не идти в кромешной тьме.

Путники прибавили шагу, и около четырех часов дня, когда потух последний факел, который нес Пенкроф, Сайрес Смит и его товарищи уже выходили из отверстия водостока.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

План Сайреса Смита. — Фасад Гранитного дворца. — Веревоочная лестница. — Мечты Пенкрофа. — Душистые травы. — Природный кроличий садок. — Водопровод для нового жилища. — Вид из окон Гранитного дворца.

На следующий день, 22 мая, начались работы по благоустройству нового жилища. Колонистам не терпелось поскорее переселиться из Трущоб, пристанища очень неудобного, в просторное сухое жилище, скрытое в горном кряже, не доступное ни волнам морским, ни ливням небесным. Совсем забросить Трущобы колонисты не собирались. Сайрес Смит предполагал устроить там мастерскую.

Прежде всего Сайрес Смит постарался точно установить, в какую сторону обращен фасад Гранитного дворца. Он поспешил на берег моря, к подножию гранитного вала, и поскольку кирка, оброненная журналистом, несомненно, упала на берег, то достаточно было найти ее, чтобы определить, куда обращено отверстие, проделанное в стене пещеры.

Кирку Гедеон Спилет разыскал без труда — она вонзилась в песок как раз под окном, пробитым приблизительно на высоте в восемьдесят футов от берега. Скалистые голуби уже влетали и вылетали через это оконце, как будто колонисты для них и отыскивали Гранитный дворец.

Инженер задумал разделить левую сторону пещеры на несколько комнат и прихожую, пробить для них «по фасаду» пять окон и дверь. Пять окон! Пенкроф был этим очень доволен, но дверь считал бесполезной роскошью, поскольку старый водосток представлял собой устроенную самой природой лестницу, по которой всегда легко будет проходить в Гранитный дворец.

— Друг мой, — заметил Сайрес Смит, — если нам легко будет по этой лестнице войти к себе в дом, то и другие также легко смогут туда попасть. Я, наоборот, собираюсь крепко-накрепко замуровать отверстие водостока и, если понадобится, совсем его скрыть, а для этого возвести плотину и поднять уровень воды в озере.

— А как же мы будем входить? — спросил моряк.

— По наружной лестнице, — ответил Сайрес Смит. — Сделаем веревочную лестницу. Лишь только взберемся, поднимем ее, и тогда уж никому не влезть в наше убежище.

— Да зачем такая осторожность? — удивился Пенкроф. — Звери здесь, кажется, не очень опасные. А туземцев на нашем острове не имеется.

— Вы вполне в этом уверены, Пенкроф? — спросил Сайрес Смит, глядя на него.

— Ну, как сказать... Совсем быть уверенным нельзя, пока не обследуем весь остров, — ответил моряк.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит, — мы ведь пока знаем лишь небольшую часть острова. Но если у нас здесь и нет врагов, могут нагрянуть незваные гости из других мест — эти широты Тихого океана пользуются недоброй славой. Давайте-ка примем меры против возможных опасностей.

Доводы Сайреса Смита были резонны, и Пенкроф без лишних разговоров приготовился выполнить его распоряжения.

Итак, с одной стороны пещеры, представлявшей собою квартиру, следовало пробить по фасаду Гранитного дворца пять окон и дверь, а в великолепный грот, который решили обратить в парадный зал, свет должен был проникать в изобилии через широкий проем в передней стене и круглые оконца. Фасад, находившийся на высоте восьмидесяти футов над берегом, был обращен на восток, и первыми своими лучами солнце слало привет Гранитному дворцу. Новое жилище находилось в той части кряжа, которая

тянулась от выступа возле реки Благодарения и до циклопического нагромождения каменных глыб, которое Пенкроф назвал Трущобами. Поэтому порывы лютого норд-оста задевали его лишь вскользь — защитой ему служил вышеуказанный выступ кряжа. Впрочем, в ожидании тех дней, когда будут сделаны рамы, инженер намеревался закрывать оконные проемы прочными ставнями, которые защищали бы жилище от ветра и дождя, а в случае нужды могли быть даже замаскированы.

Но в первую очередь следовало, конечно, пробить эти отверстия, — их еще не было. Долбить твердый гранит ломом было бы очень долго, а, как нам уже известно, Сайрес Смит любил действовать решительно. У него еще оставалось некоторое количество нитроглицерина, это взрывчатое вещество принесло и тут большую пользу. Инженер умело локализовал его действие, и пробоины в граните получились именно в тех местах, которые он наметил. Затем киркой и ломом придали стрельчатую форму пяти оконным проемам «квартиры», широкому окну, слуховым окнам и двери, выровняли края этих пробоин, имевших довольно прихотливые очертания, и через несколько дней благодаря усердию каменщиков Гранитный дворец с восходом солнца уже заливали потоки яркого света, проникавшего в самые темные его тайники.

По замыслу Сайреса Смита, «квартиру» следовало разделить на пять «комнат» с видом на море: налево — передняя с прорубленной дверью, к которой предполагалось добираться по веревочной лестнице, затем кухня шириной в тридцать футов, столовая сорок футов шириной, спальня таких же размеров, и, наконец (по настоянию Пенкрофа), комната для друзей, смежная парадным залом.

«Комнаты» шли в ряд, и «квартира» не занимала всей пещеры, еще оставалось место для коридора, отделявшего ее от длинного и просторного склада для инструментов, провианта и всякого рода запасов. Все, что флора и фауна острова могли дать для нужд колонистов, прекрасно сохранялось бы здесь, не портясь от сырости. Места в складе было достаточно, помещение позволяло все разложить и расставить по порядку. Кроме того, в распоряжении хозяев Гранитного дворца была и маленькая верхняя пещера, которая могла служить амбаром.

Итак, план выработали, оставалось лишь его осуществить. Минеры опять стали кирпичниками, а затем носильщиками: изготовленные ими кирпичи они перенесли на берег и сложили у подножия Гранитного дворца. Сайрес Смит и его товарищи все еще проникали в пещеру через прежний водосток. Такой способ сообщения был очень неудобен: приходилось подниматься на плато Кругозора, обойдя гранитную стену по левому берегу реки, затем спускаться подземным коридором на двести футов вниз, а на обратном пути подниматься по нему. Словом, дорога отнимала много времени и очень утомляла. Сайрес Смит решил, что медлить нечего и пора изготовить веревочную лестницу. Стоило обитателям Гранитного дворца, поднявшись по этой лестнице, убрать ее, никто уже снизу не мог бы проникнуть к ним.

Лестницу изготовили с величайшей тщательностью, ссучив веревки из волокнистых растений при помощи деревянной «вертушки»; прочностью они не уступали толстому канату... Для перекладин взяли легкие и крепкие дощечки, вырезанные из красного кедра; все было сделано умелыми руками Пенкрофа.

Ссучили из волокон растений и другие веревки и установили у двери нечто вроде лебедки. Хотя это приспособление и было сделано довольно грубо, оно очень упростило переноску строительных материалов, и тотчас начались работы внутри пещеры. Извести запасли достаточно, кирпичи лежали в штабелях, готовые к услугам. Строители без особого труда поставили деревянные, довольно топорные стойки для перегородок, и в очень короткий срок «квартира» была разделена на комнаты и склад.

Под руководством Сайреса Смита работа шла чрезвычайно быстро; он и сам орудовал то плотничьим топором, то соколом каменщика. Инженер Смит знал, кажется, любое ремесло и всегда подавал пример своим сметливым и усердным товарищам. Дело спорилось, трудились дружно и даже весело. Пенкроф, работавший и за веревочника, и за плотника, и за каменщика, всех умел посмешить, всех заражал своей бодростью. Его вера в таланты Сайреса Смита была непреложна, ничто не могло бы ее поколебать. Он

считал, что инженер Смит способен провести с успехом любое начинание. Как обновить изношенную одежду и обувь (вопрос бесспорно очень важный), чем освещаться в долгие зимние вечера, как воспользоваться дарами природы в плодородной части острова и превратить дикую растительность в культурные насаждения — все теперь казалось Пенкрофу легким: Сайрес Смит поможет справиться со всяческими трудностями, и в свое время колония ни в чем не будет знать недостатка. Пенкроф мечтал о каналах, которые облегчат перевозку добытых природных богатств острова, о разработке каменоломен и шахт, о машинах для всяких промышленных изделий, о целой сети железных дорог, которая покроев весь остров.

Инженер не разочаровывал Пенкрофа, не высмеивал непомерных мечтаний этого славного человека. Он знал, как заразительна уверенность; он даже улыбался, слушая Пенкрофа, и ничего не говорил о тревоге, которую испытывал порой, думая о будущем. Ведь можно было опасаться, что в этой части Тихого океана, далекой от морских путей, ни один корабль не придет им на помощь. Они могли рассчитывать только на самих себя, ибо преодолеть огромное расстояние, отделявшее их остров даже от ближайшей земли, да еще проплыть его в самодельной убогой лодке, было бы, несомненно, попыткой дерзкой и более чем опасной.

Но, как говорил Пенкроф, колонисты острова Линкольна стоили во сто раз больше, чем все прежние Робинзоны, для которых каждая даже малая удача казалась просто-напросто чудом. Ведь у наших аэронавтов были знания, а раз у людей есть знания, они всегда выйдут победителями там, где других ждет прозябание и неминуемая гибель.

На работах по устройству жилища очень отличился Герберт. Умный и деятельный юноша быстро все схватывал и хорошо выполнял. Сайрес Смит с каждым днем все больше к нему привязывался. Герберт любил инженера глубокой и почтительной любовью. Пенкроф видел, как возрастает эта дружба, но не ревновал своего питомца. Наб оставался все таким же, как прежде, и каким вероятно, ему предстояло быть всегда — воплощением мужества, усердия, преданности и самоотверженности. Верил он в своего хозяина, конечно, не меньше Пенкрофа, но не так шумно проявлял свои чувства. Когда моряк бурно восторгался, Наб посматривал на него с таким видом, словно хотел сказать: «А иначе и быть не может!» Он крепко подружился с Пенкрофом, и они уже давно перешли на «ты».

Геден Спилет в работе не отставал от других и отнюдь не отличался неловкостью, к великому удивлению Пенкрофа: как же так — «газетчик», способный не только красноречиво говорить, но и хорошо работать руками. Двадцать восьмого мая установили, наконец, лестницу длиной в восемьдесят футов, сделав на ней по меньшей мере сто ступеней. К счастью, Сайресу Смицу удалось разделить ее на две части, воспользовавшись уступом гранитной стены, имевшимся на высоте приблизительно в сорок футов. Старательно выровняв киркой этот уступ, его обратили в своего рода лестничную площадку и закрепили на ней конец первой лестницы, которая теперь раскачивалась вдвое меньше; при помощи веревки ее можно было втянуть в Гранитный дворец. Что касается второй лестницы, то ее нижний конец тоже опирался на эту «площадку», а верхний прикрепили к самой двери. Благодаря такому устройству подниматься по лестнице стало не очень трудно. Впрочем, Сайрес Смит рассчитывал устроить впоследствии гидравлический подъемник, чтобы сберечь время и силы обитателей Гранитного дворца.

Колонисты быстро привыкли взбираться по лестнице, а все они были ловкие, проворные, и Пенкроф, в качестве моряка, привыкшего лазать по вантам и реям, мог преподавать им уроки. Но ему пришлось обучать и Топа. Бедное четвероногое животное совсем не было создано для таких акробатических упражнений. Но Пенкроф оказался терпеливейшим учителем, и в конце концов Топ довольно сносно научился карабкаться по перекладинам лестницы, а через некоторое время взбирался на самый ее верх не хуже дрессированных собак, которых показывают в цирке. Трудно сказать, гордился ли моряк успехами

своего ученика; как бы то ни было, поднимаясь по лестнице, он частенько тащил Топа, взвалив его себе на спину, причем пес никогда не выражал неудовольствия на такой способ восхождения.

Заметим, что работы велись самым энергичным образом, ибо приближалось ненастное время; при этом колонисты еще успевали запастись на зиму провиантом. Журналист и Герберт положительно сделали поставщиками дичи для колонии и ежедневно посвящали охоте несколько часов. Они промышляли только в лесу Жакамара, на левом берегу реки Благодарения, — ни моста через реку, ни лодки у них пока что не было, а поэтому на правый берег они еще не заглядывали. Огромные лесные чащи, которым они дали название лесов Дальнего Запада, оставались для них еще неизвестными. Важную экспедицию для их обследования отложили до первых теплых дней будущей весны. Но в лесу Жакамара имелось достаточно дичи; кенгуру и кабаны водились там в изобилии, и в умелых руках наших охотников заостренные колья, окованные железом, лук и стрелы творили чудеса. Кроме того, Герберт нашел к юго-западу от заводи реки Благодарения кроличий садок, устроенный самой природой: кролики избрали для своих нор сыроватый луг, осененный ивами и поросший душистыми травами, разливающимися в воздухе благоухание: тимьяном, богородицной травкой, базиликом, чебрецом и всякого рода ароматическими растениями из семейства губоцветных, до которых кролики большие охотники.

Увидев эту поляну, журналист сказал, что, раз тут приготовлено такое лакомое угощение для кроликов, будет просто удивительно, если на ней не окажется кроликов. Охотники самым тщательным образом осмотрели природный крольчатник, но вместо кроликов пока что обнаружили только множество полезных растений, которые привлекли бы внимание натуралиста, как интересные образцы растительного царства. Герберт нарвал также базилика, розмарина, Melissa, буквицы и других целебных трав, из которых одни помогают от грудной болезни, другие от лихорадки, от сердечных спазмов или от ревматизма. Когда Пенкроф увидел принесенную Гербертом охапку трав, он спросил, для чего понадобилось это «сено»?

— Это целебные травы, — ответил юноша. — Будем лечиться, если захвораем.

— А зачем нам хворать? Ведь докторов-то на нашем острове нет, — совершенно серьезно ответил Пенкроф.

Против такого соображения возразить было нечего, но все же оно не помешало Герберту собрать большую жатву, и в Гранитном дворце ее встретили благожелательно, тем более что, помимо целебных растений, Герберт принес еще много золотой монарды, известной в Северной Америке под названием «чая Освего»; настой этой травы — превосходный напиток.

После долгих поисков наши охотники набрали, наконец, в тот же день на поляну, которая оказалась сущим кроличьим садком. Вся земля была изрыта там норами и казалась дырявой, как шумовка.

— Норы! — воскликнул Герберт.

— Да, да, — проговорил журналист.

— А есть там кто?

— Это еще вопрос!

Вопрос, однако, быстро разрешился: почти тотчас же во все стороны прыснули сотни маленьких животных, похожих на кроликов и мчавшихся с такой быстротой, что даже Топ за ними не мог бы угнаться. Охотники с собакой тщетно преследовали грызунов — кролики исчезли в мгновение ока. Но Гедеон Спилет твердо решил не уходить, пока он не поймает с полдюжины этих зверьков. Сейчас он хотел только снабдить кроличьими тушками кухню Гранитного дворца, но думал заняться позднее разведением кроликов. Поймать их было бы нетрудно, для этого стоило поставить у отверстия нор несколько силков. Но,

силков еще не припасли, а на месте их не из чего было смастерить. Волей-неволей пришлось осматривать каждую нору, шарить в ней палкой — словом, вооружиться терпением, так как иного выхода не было.

Целый час обшаривали норы и наконец изловили четырех грызунов. Оказалось, что эти животные, которых обычно называют американскими кроликами, очень похожи на своих европейских родичей.

Охотники принесли свою добычу в Гранитный дворец и там из них приготовили ужин. Мясо кроликов оказалось превкусным, и поэтому отнюдь не следовало пренебрегать обнаруженным кроличьим поселением: оно могло стать очень ценным подспорьем для колонии, как неистощимый источник мясной пищи.

Тридцать первого мая закончили установку перегородок. Оставалось только обставить комнаты мебелью, но эту работу отложили до скучных зимних дней. В первой комнате, служившей кухней, сложили очаг. Над трубой для дымохода печникам-самоучкам пришлось повозиться. Сайрес Смит нашел, что будет проще всего сделать глиняную трубу; вывести ее через свод, упирившийся в каменную толщу плоскогорья, конечно, было совершенно невозможно, поэтому пробили дыру в передней стене над окном кухни и наклонно протянули к ней трубу, как делают дымоходы для железных переносных печурок. При сильном восточном ветре, который штурмовал Гранитный дворец с фасада, печка, вероятно, должна была дымить, но с востока ветер дул редко, и к тому же главный повар Наб не придирался к таким пустякам.

Когда устройство квартиры закончили, Сайрес Смит предпринял другую работу — решил заложить жерло прежнего водостока, чтобы совсем преградить доступ в Гранитный дворец со стороны озера. К отверстию подкатали каменные глыбы и, завалив вход, скрепили их цементом. Сайрес Смит пока не считал необходимым затопить этот замурованный вход, подняв плотиной воду в озере до прежнего уровня. Он только замаскировал его, насадив меж камнями травы и кусты; весной они должны были буйно разрастись.

Все же он воспользовался водостоком для того, чтобы отвести из озера пресную воду в новое убежище. Через узкое отверстие, сделанное ниже уровня озера, по водостоку бежала теперь тоненькая струйка, и этот ручеек давал ежедневно от двадцати пяти до тридцати галлонов чистой, прозрачной воды. Итак, обитателям Гранитного дворца никогда не пришлось бы страдать от недостатка в питьевой воде.

Наконец все работы были завершены, и как раз вовремя — наступила ненастная пора. Окна стали закрывать прочными тяжелыми ставнями — в ожидании тех дней, когда инженер удосужится изготовить оконное стекло.

Вокруг окон Гедеон Спилет насадил разнообразные растения, лианы с вьющимися побегами, декоративные травы, красиво расположив их по выступам скалы, и теперь оконные проемы живописно обрамляла зеленая листва.

Обитатели Гранитного дворца не могли нарадоваться на свое прочное, надежное и здоровое убежище. Недаром вложили они в него столько труда! Из окон их взорам открывался широкий морской горизонт, замыкавшийся с севера двумя мысами Челюстей, а с юга — мысом Коготь. Перед ними развertyвалась великолепной картиной бухта Соединения. Славные труженики испытывали вполне понятное удовлетворение; Пенкроф не жалел похвал новому жилищу, которое он юмористически называл «квартиркой на шестом этаже со всеми удобствами».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сезон дождей. — Вопрос одежды. — Охота на тюленей. — Изготовление свечей. — Работа по отделке Гранитного дворца. — Два мостика. — Снова на устричной отмели. — Что Герберт нашел у себя в кармане.

Зима наступила в июне — этот месяц соответствует декабрю в Северном полушарии. Зимняя пора началась холодными ливнями и свирепыми ветрами, завывавшими без передышки. И тут обитатели Гранитного дворца могли как следует оценить свое жилище, недостижимое для: ярости стихий. Прежнее их убежище плохо защищало бы их от зимних холодов; могло случиться также, что туда снова вторгнутся волны во время больших приливов, когда; их подхлестывают ветры, налетающие с открытого моря. Предвидя такую беду, Сайрес Смит даже принял некоторые меры предосторожности; он желал уберечь от порчи кузнечный горн и плавильные печи, сложенные теперь в Трущобах.

Весь июнь колонисты употребили на различные работы, не забывая, однако, охоты и рыбной ловли, так что запасы в их кладовой не оскудевали. Пенкроф собирался, как только у него выдастся свободный часок, заняться устройством всякого рода западней, на которые он возлагал большие надежды. Он наделал из волокон растений множество силков, и теперь крольчатник ежедневно доставлял Гранитному дворцу изрядное количество кроличьих тушек. Набу некогда было и передохнуть — он все трудился над соленьем и копченьем мяса, запасая его впрок.

Давно пора было подумать об одежде. У колонистов имелось только то платье, в котором они были, когда их выбросило на остров. Одежда эта была теплая, сшита из добротных, прочных тканей, каждый берег ее, старался держать в чистоте, но все же она поизносилась и требовала замены. А кроме того, в случае суровой зимы она плохо защищала бы от холода.

Но как раз об одежде изобретательный Сайрес Смит не позаботился — он занят был удовлетворением других, более насущных нужд: устройством убежища, обеспечением пищей, и, хотя вот-вот могли нагрянуть холода, вопрос об одежде еще не был разрешен. Колонисты смирились с мыслью, что первую зиму всем придется немного померзнуть. Ничего не поделаешь, роптать на испытания не следует. Вот придет весна, тогда поведут охоту на муфлонов, которых видели при обследовании горы Франклина, и настригут с них шерсти. А уж Сайрес Смит сумеет изготовить из этой шерсти теплые и прочные ткани... Каким образом? Он придумает.

— Ну что ж, придется зимой сидеть в Гранитном дворце да греться у камелька, — сказал Пенкроф. — Дров у нас много, нечего их жалеть.

— Да ведь остров Линкольна находится не на очень высоких широтах, — заметил Гедеон Спилет. — Может быть, зима тут совсем и не суровая. Помнится, вы говорили, Сайрес, что в Северном полушарии на тридцать пятой параллели лежит Испания. Правда?

— Совершенно верно, — ответил инженер, — но ведь и в Испании случаются очень суровые зимы, — холод, снег, лед! Может быть, зима не щадит и остров Линкольна. Но как бы то ни было, это все же остров, и поэтому климат на нем должен быть более мягкий.

— А почему, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Видишь ли, голубчик, море является как бы огромным хранилищем тепла, которое накапливается в нем в летнюю пору. Летом солнце нагревает его, а зимой море отдает в воздух сбереженное тепло, поэтому на побережьях морей и океанов средняя температура летом ниже, а зимой выше, чем в глубине материка.

— Посмотрим, посмотрим, — заключил Пенкроф. — Будут холода или не будут — это меня мало

беспокоит. А вот дни уже стали короче, вечера длиннее. Не обсудить ли нам вопрос об освещении нашего дома?

— Ничего нет легче, — ответил Сайрес Смит.

— Обсудить? — спросил моряк.

— Разрешить.

— А когда начнем разрешать?

— Завтра. Устроим охоту на тюленей.

— Будем, значит, делать сальные свечи?

— Ну что вы, Пенкроф! Стеариновые, а не сальные.

Действительно, таков был замысел инженера — замысел вполне осуществимый, так как в распоряжении колонии имелись теперь известь и серная кислота, а тюлени, облюбовавшие островок Спасения, могли дать жир, необходимый для изготовления свечей.

Наступило воскресенье, 4 июня. Это был праздник — троицын день, и решено было отметить его. Все работы прекратили, посвятив этот день отдыху и молитве. Теперь колонисты острова Линкольна возносили к небу благодарения. Они уже не были несчастными людьми, потерпевшими крушение и выброшенными на голый островок. Они больше ни о чем не просили, они благодарили провидение.

На следующий день, 5 июня, в довольно пасмурную погоду, отправились на островок Спасения. Чтобы переправиться вброд через пролив, надо было ждать, когда, спадет вода, и тут колонисты решили, что они обязательно построят, как сумеют, лодку, — тогда им легче будет сообщаться с островком и с любым местом на побережье и можно будет подняться в ней вверх по реке Благодарения во время большой экспедиции для обследования юго-западной части острова, которое было отложено до первых вешних дней.

Тюленей на лежбище оказалось много, и охотники вооружившись палицами с железными наконечниками, без особого труда забили с полдюжины тюленей. Наб и Пенкроф освеживали туши, но принесли в Гранитный дворец только жир и шкуры — из шкур предполагалось сшить прочную обувь.

Охота принесла Сайресу Смиту около трехсот килограммов тюленьего жира, и инженер решил употребить его на выделку свечей.

Способ производства он применил самый простой, и если не получил свечей высшего сорта, то все же они были вполне пригодны для освещения. Будь у Сайреса Смита одна только серная кислота, и то он мог бы, обработав ею какое-либо вещество, вроде тюленьего жира, выделить из этой смеси глицерин, а затем, залив полученное соединение крутым кипятком, он без труда высвободил бы из него олеин, пальметин и стеарин. Но для упрощения дела Сайрес Смит предпочел омылить жир раствором извести. Таким способом он получил известковое мыло, которое под действием серной кислоты легко было разложить на сернистую известь и на жирные кислоты.

Из трех этих кислот — олеиновой, пальметиновой и стеариновой — олеиновая кислота, находившаяся в жидком состоянии, была отжата давлением, а две остальные образовали ту массу, из которой надо было отливать свечи.

Изготовление свечей заняло лишь сутки. Фитили после нескольких проб сделали из растительных волокон и окунули их в расплавленную массу; получились настоящие стеариновые свечи, сформованные вручную, им не хватало лишь отбелки и полировки. Конечно, они уступали качеством свечам фабричной выделки, у которых фитиль пропитывается борной кислотой, а поэтому стекленеет по мере сгорания и

сгорает весь целиком; но Сайрес Смит сделал пару превосходных щипчиков, чтобы снимать нагар, и в долгие зимние вечера самодельные свечи сослужили большую службу обитателям Гранитного дворца и получили высокую оценку с их стороны.

Весь июнь кипела работа по отделке нового жилища. Столярам нашлось много дела. Принялись также улучшать изготовленные раньше инструменты, считая их теперь слишком топорными; пополнили набор инструментов новыми. Так, например, в Гранитном дворце появились ножницы. Наконец-то колонисты могли постричься, и если не побриться, то хоть подправить бороду и придать ей любую форму по своему вкусу. Правда, Герберт был еще безусым юнцом, а у Наба борода плохо росла, зато их товарищи так обросли, что появление ножниц оказалось очень кстати.

Бесконечных трудов стоило сделать ручную пилу, так называемую ножовку, но в конце концов ее смастерили, и направляемая сильной рукой, она прекрасно резала древесину и вдоль и поперек. При помощи пилы наделали столов, табуреток, скамеек, шкафов и обставили этой мебелью главные комнаты; соорудили кровати, но единственной постельной принадлежностью у каждого был тюфяк из морской травы. Прекрасный вид имела теперь кухня с ее многоярусными полками и расставленной на полках разнообразной глиняной утварью, с кирпичной печкой и даже с кусками пемзы для чистки посуды; Наб священнодействовал там, словно химик в своей лаборатории.

Вскоре столяры стали плотниками: после того как был создан при помощи взрыва новый водосток, стало необходимым построить два моста — один на плато Кругозора, другой на берегу моря. Ведь теперь и плато и берег пересекал быстрый поток, через который приходилось перебираться, чтобы попасть в северную часть острова. Желая избежать переправы, колонисты волей-неволей делали большой крюк и огибали плато с западной стороны, доходя до самых истоков Красного ручья. Проще всего было перебросить два мостика длиной в двадцать — двадцать пять футов; для наведения их потребовалось несколько стволов деревьев, кое-как обтесанных топором. Эти работы заняли несколько дней, а как только мосты были готовы, Наб и Пенкроф воспользовались ими для путешествия к устричной отмели, которую в свое время открыл Герберт. Они захватили с собой грубо сделанную тележку, заменившую прежнюю неудобную плетенку, и привезли с отмели несколько тысяч устриц, которые быстро прижились на новом месте. Среди подводных скал, близ устья реки Благодарения, появилась новая устричная колония. Устрицы были превосходного вкуса, и в Гранитном дворце ежедневно лакомились ими.

Как видите, остров Линкольна, хотя он был исследован поселенцами лишь в незначительной части, уже доставлял им все необходимое. И казалось весьма вероятным, что в его лесах, тянувшихся от реки Благодарения до Змеиного мыса, в самых потаенных уголках щедрая природа припасла для них новые сокровища.

Только одного ее дара не хватало поселенцам острова, и это оказалось для них тяжелым лишением. У них было достаточно и мясной пищи и растительной, служившей приправой к мясу; отвар из корней драцены, подвергнутый брожению, давал им кисловатый, похожий на пиво напиток, который они предпочитали воде; хотя на острове не было ни сахарного тростника, ни сахарной свеклы, они даже выделяли сахар, собирая для этого сладкий сок сахарного клена (*Acer sacharinum*) — одного из представителей семейства кленовых, произрастающих во всех странах умеренного климата, на острове его было довольно много; они приготовляли очень приятный чай из монарды, обильно разросшейся в крольчатнике, и, наконец, у них в избытке имелась соль, единственный минерал, употребляющийся человеком в пищу, — не было у них только хлеба.

Быть может, впоследствии колонистам удалось бы заменить хлеб каким-нибудь похожим на него суррогатом: крупой из сердцевины саговой пальмы или мучнистыми плодами хлебного дерева — возможно, что это ценнейшее дерево росло в лесах южной части острова, но пока оно еще не встречалось

колонистам.

Однако и тут провидение пришло им на помощь. Правда, эта помощь явилась в виде бесконечно малой величины, но при всей своей изобретательности, при всем своем уме, Сайрес Смит не мог бы создать того, что Герберт совершенно случайно нашел однажды за подкладкой своей куртки, когда занялся ее починкой.

В этот день с неба потоками низвергался ливень, обитатели Гранитного дворца коротали время за разными поделками, собравшись вместе в своем «зале», и вдруг юноша воскликнул:

— Вот так штука! Смотрите, мистер Сайрес, — зернышко пшеницы!

И он показал товарищам зерно, одно-единственное зернышко, попавшее из дырявого кармана куртки за подкладку.

Находка объяснялась очень просто. В Ричмонде Герберт всегда сам кормил диких голубей, которых подарил ему Пенкроф, и имел обыкновение держать для них в кармане корм.

— Зерно пшеницы? — с живостью спросил инженер.

— Да, мистер Сайрес. Но только одно, одно-единственное!

— Ну, голубчик, одолжил! — смеясь, воскликнул Пенкроф. — Право, одолжил!.. Да что ж мы можем сделать из одного зернышка?

— Хлеб будем печь, — ответил Сайрес Смит.

— Хлеб, булки, пирожные, торты! — насмешливо подхватил моряк. — Много воды утечет, пока это зернышко накормит нас до отвала хлебом.

Не придавая никакого значения своей находке, юноша; хотел было бросить ее на пол, но Сайрес взял зерно; из рук Герберта и, внимательно его рассмотрев, определил, что оно несколько не повреждено.

— Пенкроф, — спокойно спросил он, глядя на моряка в упор, — сколько колосьев вырастает из одного хлебного зерна? Вы знаете?

— Один колос, я полагаю, — ответил моряк, удивленно посмотрев на него.

— Нет, Пенкроф, — десять! А вы знаете, сколько зерен в одном колосе?

— Ей-богу, не знаю.

— В среднем — восемьдесят, — сказал Сайрес Смит. — И вот, если мы посадим это зерно, то при первом урожае соберем восемьсот зерен, а они дадут нам при втором урожае шестьсот сорок тысяч зерен, а при третьем — пятьсот двенадцать миллионов, а при четвертом — более четырехсот миллиардов зерен. Вот какова пропорция!

Товарищи молча его слушали. Такие цифры их ошеломили. Однако подсчеты Сайреса Смита были правильны.

— Да, друзья мои, — продолжал инженер. — Волею природы потомство хлебного зернышка возрастает в геометрической прогрессии. Впрочем, размножение пшеницы, зерно которой дает при первом урожае восемьсот зерен, — ничто по сравнению с маком, у которого в одной коробочке тридцать две тысячи зерен, и с табаком, у которого один корень дает триста шестьдесят тысяч семечек. Если б не многочисленные причины, мешающие их размножению, два этих растения заполнили бы в несколько лет весь шар земной.

И инженер снова принялся допрашивать Пенкрофа:

— А теперь скажите, Пенкроф, вы знаете, сколько буассо составят четыреста миллиардов зерен?

— Нет, не знаю, — ответил моряк. — Зато уж наверняка знаю, что я — дурень.

— Да будет вам известно, что это составит три миллиона буассо, считая по сто тридцать тысяч зерен на буассо.

— Три миллиона буассо? — воскликнул Пенкроф.;

— Три миллиона.

— За четыре года?

— За четыре года, — подтвердил Сайрес Смит, — и даже за два, если в этих широтах мы будем собирать, как я надеюсь, два урожая в год.

Тут уж Пенкроф не мог удержаться и, по своему обыкновению, оглушительно крикнул «ура».

— Итак, Герберт, — добавил инженер, — твоя находка очень важна для нас. В тех условиях, в каких мы здесь оказались, друзья мои, все может сослужить нам службу. Не забывайте этого, прошу вас.

— Не беспокойтесь, мистер Сайрес, не забудем, — ответил Пенкроф. — И если я найду семечко табаку, которое дает по триста шестьдесят тысяч семечек, то — уж будьте уверены — я не пущу его по ветру! А теперь, знаете, что мы должны сделать?

— Посадить зернышко, — ответил Герберт.

— Да, — согласился Гедеон Спиген, — и надо посадить его с должной почтительностью, ибо в нем заложены наши будущие урожаи.

— Только бы оно проросло! — воскликнул моряк.

— Обязательно прорастет, — ответил Сайрес Смит.

Дело происходило 20 июня, в пору, самую благоприятную для посадки единственного и оттого драгоценного зернышка пшеницы. Сперва хотели было посадить его в глиняный горшок, но, рассудив, решили положиться на природу и доверить его непосредственно земле. Посев произвели в тот же день, и, разумеется, приняты были все меры, чтобы это важнейшее дело прошло успешно.

Погода немного прояснилась; колонисты поднялись на плато Кругозора и выбрали неподалеку от Гранитного дворца защищенный от ветра уголок, куда солнце, наверно, слало в полдень весь жар своих лучей. Землю там очистили от камней, старательно вскопали, разрыхлили, можно сказать даже перебрали руками, растирая каждый комочек, удалили всех червей и жучков, подбавили слой перегноя, подмешав к нему немного извести, и, наконец, торжественно посадили зерно в увлажненную землю и обнесли это место изгородью.

У колонистов было такое чувство, словно они заложили краеугольный камень величественного здания. Пенкрофу вспомнился тот день, когда он с такими предосторожностями готовился зажечь единственную уцелевшую спичку. Но теперь дело было куда важнее — ведь огонь злополучные аэронавты тем или иным способом, рано или поздно добыли бы, но никакие силы человеческие не могли бы возродить пшеничное зернышко, если б оно, к несчастью, погибло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Несколько градусов ниже нуля. — Обследование болотистой юго-восточной части острова. — Лисицы. — Картина моря. — Беседа о судьбах Тихого океана. — Непрестанная работа инфузорий. — Что станется с Землей. — Охота. — Утиное болото.

Теперь не проходило ни одного дня, чтобы Пенкроф не побывал на «хлебном поле», как он совершенно серьезно называл то место, где посадили зерно пшеницы. И плохо приходилось насекомым, державшим забраться туда! Пенкроф не давал им пощады.

В конце июня, после бесконечных дождей, наступила зима. И 29 июня термометр Фаренгейта наверняка показал бы не больше двадцати градусов выше нуля (6,67° мороза по Цельсию).

Следующий день, 30 июня, соответствующий в Северном полушарии 31 декабря, пришелся на пятницу. Наб посетовал, что год кончается «несчастливым днем», на это Пенкроф ответил, что новый год зато приходится на субботу — на «счастливый день», а это гораздо приятнее.

Как бы то ни было, новый год начался сильным морозом. В устье реки Благодарения громоздились льдины, вскоре замерзло и озеро.

Несколько раз пришлось пополнять запас топлива. Пока река еще не стала, Пенкроф несколько раз сплавил по ней огромные плоты. Словно неумолимый двигатель, тащила она бревна вниз по течению, но тут и ее сковало льдом. К дровам, в изобилии добытым в лесу, добавили несколько тележек каменного угля, за которым пришлось путешествовать к подножию отрогов горы Франклина. Сильный жар, который дает каменный уголь, был оценен в Гранитном дворце должным образом, ибо холода усилились, и 4 июля температура упала до восьми градусов по Фаренгейту (13° мороза по Цельсию). Сложили вторую печку, в столовой, где теперь все вместе проводили время за работой.

В морозные дни Сайрес Смит мог только порадоваться, что ему в свое время пришла в голову мысль отвести к Гранитному дворцу ручеек из озера. Вода просачивалась подо льдом в отверстие прежнего стока, бежала под землей, не замерзая, и заполняла водоем, устроенный в углу пещеры, за складом, а избыток ее стекал через колодец в море.

Погода все это время стояла совершенно сухая, и колонисты, одевшись насколько возможно теплее, отправились на разведку, решив посвятить целый день обследованию юго-восточной части острова — между рекой Благодарения и мысом Коготь. В этих болотистых местах они собирались и поохотиться, полагая, что там должно быть очень много водяной птицы.

До болот нужно было пройти восемь-девять миль да столько же обратно, и, следовательно, экспедиция должна была занять весь день. Поскольку она направлялась в места, совсем еще не разведанные, решили, что в ней примет участие вся колония. И вот 5 июля, в шесть часов утра, едва забрезжил рассвет, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, вооружившись палицами, силками, луками и стрелами и захватив достаточный запас провизии, вышли из Гранитного дворца. Топ, которого тоже взяли с собой, весело бежал впереди отряда.

Решили идти кратчайшим путем, перебравшись через реку Благодарения по ледяным торосам.

— Не очень это удобно! — заметил Гедеон Спилет. — Настоящий мост надежнее.

Тут же было решено включить в план предстоящих работ постройку «надежного моста».

Исследователи впервые вступили на правый берег реки Благодарения и смело двинулись через лес, где высились в глубокой тишине покрытые снегом хвойные деревья-великаны.

Не успели колонисты пройти и полмили, как из лесной чащи выскочило и понеслось стремглав целое семейство каких-то зверей, которых вспугнул Топ.

— Смотрите, смотрите, как будто лисицы! — закричал Герберт, глядя вслед удиравшей стае.

Это и в самом деле были лисицы, но необыкновенно крупные и лаявшие, как собаки. Последнее обстоятельство так поразило Топу, что он, растерявшись, остановился, и быстроногие звери исчезли.

Топу, неискушенному в естествознании, можно было простить его удивление. Но как раз этот лай и помог Герберту определить происхождение этих странных лисиц — рыжевато-серых с черным хвостом, украшенным на конце белой кисточкой. Он сразу же определил, что они относятся к породе американских диких собак, которые водятся в Чили, на Фолклендских островах и во всех странах Америки, лежащих между тридцатой и сороковой параллелью. Герберт очень досадовал, что Топу не удалось поймать ни одного из этих хищников.

— А их едят? — спросил Пенкроф, который рассматривал любых представителей островной фауны с гастрономической точки зрения.

— Нет, — ответил Герберт. — Но вот что любопытно, зоологи до сих пор еще не установили, как устроен зрачок у этих лисиц, — могут ли они видеть не только днем, но и ночью, и не следует ли отнести их к породе настоящих собак.

Сайрес Смит с невольной улыбкой слушал объяснения юного натуралиста, свидетельствовавшие о его недюжинных познаниях и уме. У Пенкрофа же пропал всякий интерес к лисицам, раз оказалось, что они не съедобны. Однако он заметил, что когда при Гранитном дворце устроят птичник, то надо будет принять меры против возможных нападений этих четвероногих разбойников. Никто ему не возражал.

Обогнув мыс Находки, путники увидели длинную полосу песчаного берега и морскую ширь. Было восемь часов утра. Чистую лазурь неба не омрачало ни одно облачко, как то нередко бывает в сильные холода; пощипывал мороз, но Сайрес Смит и его товарищи, разогревшись от ходьбы, почти его не замечали. Впрочем, день был тихий, безветренный, а когда ветра нет, куда легче переносить даже крепкие морозы. Солнце сияло, но не грело, его огромный диск, поднимавшийся над водой, как будто тихо покачивался в небе. Море простиралось спокойной гладью, ярко-синее, словно залив Средиземного моря в погожий день. Вдали, милях в четырех к юго-востоку, четко вырисовывались очертания мыса Коготь, изогнутого, как турецкий ятаган. Слева болотистую низину отграничивала узкая стрелка, казавшаяся в лучах восходящего солнца огненной чертой. Несомненно, в этой части бухты Соединения, ничем, даже песчаной отмелью, не отделенной от открытого моря, корабли, гонимые восточными ветрами, не нашли бы себе пристанища. По застывшей, спокойной поверхности моря, по ровному синему цвету воды, не замутненной желтоватыми пятнами, и, наконец, по отсутствию рифов чувствовалось, что берег обрывается кручей и тут сразу же начинаются страшные глубины океана. Леса Дальнего Запада остались позади, — милях в четырех едва виднелись темной стеной их первые заросли. Картина вокруг была унылая, колонисты как будто очутились на мрачных берегах какого-нибудь острова Антарктики, покрытого снегом и льдами. Путники сделали привал, чтобы позавтракать. Разожгли костер из высохших водорослей. Наб приготовил завтрак, состоявший из холодного мяса и «чая Освего».

Колонисты ели, настороженно глядя вокруг, — эта часть острова Линкольна оказалась такой бесплодной, представляла такой резкий контраст с западной его стороной! И журналист сказал, что если б по воле случая они, потерпев крушение, очутились на этом берегу, у них составилось бы самое безотрадное представление о своих будущих владениях.

— Я даже думаю, что вряд ли нам удалось бы достигнуть этого берега, — добавил Сайрес Смит. — Глубина здесь большая, из моря не поднимается ни одной скалы, на которой мы могли бы найти себе

пристанище. Близ Гранитного дворца в море есть хоть отмели, есть островок — это все же увеличивало возможности спасения. А здесь ровно ничего — только бездна!

— Странное дело, — задумчиво сказал Гедеон Спилет, — остров наш довольно мал, а какое тут разнообразие поверхности и почвы! В сущности говоря, подобное разнообразие можно было ожидать лишь на обширном пространстве суши, на каком-нибудь материке. Западная часть острова поражает своими природными богатствами и плодородием почвы. Слово ее омывает теплое течение, идущее из Мексиканского залива, а к северным и юго-восточным берегам как будто подступает Ледовитый океан.

— Вы правы, дорогой Спилет, — сказал Сайрес Смит. — Меня это тоже поражает. Весь остров, его очертания, его природа какие-то необыкновенные. Здесь словно собраны образцы всех пейзажей, какие можно встретить на материке, и я не удивлюсь, если окажется, что наш остров был когда-то частью материка.

— Что? Материк посреди Тихого океана? — воскликнул Пенкроф.

— А почему это невозможно? — спросил Сайрес Смит. — Разве не может быть, что Австралия, Новая Ирландия и все, что английские географы называют Австралазия, некогда представляли собою вместе с нынешними архипелагами Тихого океана единый материк, шестую часть света, такую же большую, как Европа или Азия, как Африка и обе Америки? Я вполне допускаю, что все острова, поднимающиеся ныне над бескрайней ширью Великого океана, не что иное, как горные вершины материка, поглощенного морской пучиной, но в доисторические времена он возвышался над водами океана.

— Так же, как Атлантида? Верно? — сказал Герберт.

— Да, дитя мое... Если только Атлантида когда-нибудь существовала.

— Так что ж, может, остров Линкольна был частью этого затонувшего материка? — спросил Пенкроф.

— Весьма возможно, — ответил Сайрес Смит, — и тогда вполне понятным станет разнообразие даров природы, какие мы тут встречаем.

— И значительное количество животных, которые водятся на нем, — добавил Герберт.

— Да, дружок, — ответил инженер. — Вот ты мне и подсказал еще один довод в пользу моего предположения. Ведь мы на нашем острове видели очень много животных, и любопытнее всего, что животный мир отличается здесь большим разнообразием. Причина же, по моему мнению, та, что остров Линкольна некогда был частью какого-то обширного материка, который постепенно погрузился в пучину океана.

— Вот как! — отозвался Пенкроф, видимо не совсем доверяя сказанному. — Стало быть, даже этот остаток прежнего материка тоже может исчезнуть, и тогда уж между Америкой и Азией не будет никакой суши?

— Нет, отчего же, — ответил Сайрес Смит, — будут новые материки. Их сейчас строят миллиарды миллиардов крошечных существ.

— Кто строит? Какие такие камешки?

— Коралловые полипы, — ответил Сайрес Смит. — Ведь это они непрерывной своей работой создали остров Клермон-Тоннер, многочисленные атоллы и другие коралловые острова Тихого океана. Сорок семь миллионов этих полипов весят только один гран, а все же такие микроскопические организмы, поглощая соли и другие твердые вещества, растворенные в морской воде, усваивая их, вырабатывают известняк, а из него образуются огромные подводные сооружения, плотностью и твердостью не уступающие граниту. Некогда, в первозданные времена, природа творила Землю при помощи огня, вздымала складками кору

земную, а теперь она возложила на микроорганизмы обязанность заменить огонь, ибо в недрах земного шара его движущая сила явно уменьшилась — об этом говорит нам большое количество потухших вулканов, разбросанных по поверхности нашей планеты. И я полагаю, что пройдут века и неустанная работа коралловых полипов, быть может, обратит Тихий океан в обширный материк, где поселятся грядущие поколения людей и принесут туда цивилизацию.

— Ой, долго ждать! — заметил Пенкроф.

— Природа не торопится, время работает на нее, — ответил инженер.

— А зачем нам новые материки? — спросил Герберт. — Мне кажется, человечеству вполне достаточно тех пределов Земли, какие сейчас у него есть. А ведь природа не делает ничего бесполезного.

— Действительно, ничего бесполезного она не делает, — согласился Сайрес Смит. — Но вот как можно объяснить, зачем в будущем человечеству понадобятся новые материки, и как раз в тропической зоне, где встречаются коралловые острова. По-моему, такое объяснение вполне допустимо.

— Мы слушаем, мистер Сайрес, — отозвался Герберт.

— Вот в чем дело: большинство ученых сходятся во мнении, что земной шар когда-нибудь погибнет, или, вернее, что из-за его охлаждения всякая жизнь на Земле окажется невозможной. Не согласны они лишь в объяснении причины такого охлаждения. Одни считают, что оно произойдет из-за понижения температуры Солнца, которое наступит через многие миллионы лет, другие говорят, что постепенно угаснет тот огонь, что горит в недрах Земли. Влияние его, на мой взгляд, гораздо значительнее, чем это обычно предполагают. Я лично как раз придерживаюсь этой последней гипотезы, и вот почему. Возьмем, например, Луну. Это совершенно остывшее светило, и на ней уже невозможна никакая жизнь, хотя количество тепла, которое Солнце изливает на ее поверхность, не изменилось. Остыла же Луна из-за того, что в ее недрах совершенно угасли огненные вихри, которым она обязана своим возникновением, как и все тела звездного мира. Короче говоря, какая бы ни была причина, но Земля наша когда-нибудь остынет; остывание произойдет, конечно, не сразу, а постепенно. Что же тогда случится? В более или менее далеком будущем зона умеренного климата станет такой же необитаемой, как теперь необитаемы полярные области. Населяющие ее люди и животные отхлынут к широтам, получающим больше солнечного тепла. Совершится великое переселение. Европа, Центральная Азия, Северная Америка постепенно будут оставлены так же, как Австралия и удаленные от экватора области Южной Америки. Растительность последует за переселением человечества. Флора, а вместе с ней и фауна передвинутся к экватору, жизнь сосредоточится главным образом в центральных частях Южной Америки и Африки. Лопари и самоеды найдут привычные им климатические условия побережья Ледовитого океана на берегах Средиземного моря. Кто может поручиться, что в эту эпоху экваториальные области не окажутся слишком тесны для человечества, что они смогут вместить и прокормить все население земного шара? Почему не предположить, что предусмотрительная природа уже теперь закладывает близ экватора основы нового материка для грядущего переселения растительного и животного мира и что она возложила созидание этого материка на коралловых инфузорий? Я часто размышлял над всеми этими вопросами, друзья мои, и серьезно думаю, что когда-нибудь облик нашей планеты совершенно изменится. Поднимутся из бездн морских новые континенты, а старые опустятся в пучину океанов. В грядущие века новые Колумбы откроют уже неведомые человечеству земли, образованные вершинами Чимборасо, Гималаев или Монбланом, — клочки, поглощенные океанами материков — Америки, Азии, Европы. А потом и новые материки тоже станут необитаемы, угаснет тепло Земли так же, как угасает оно в бездыханном теле, исчезнет жизнь на нашей планете, если не на веки веков, то на какое-то долгое время. И может быть тогда наш сфероид, казалось почивший смертным сном, возродится к жизни в каких-то новых, лучших условиях! Но все это, друзья, тайны мироздания, ведомые лишь творцу всего сущего. Заговорив о работе коралловых полипов, я,

может быть, слишком увлекся догадками о судьбах Земли.

— Дорогой Сайрес, — ответил Гедеон Спилет, — эти теории для меня — пророчества. Когда-нибудь они исполнятся.

— Это тайна провидения, — ответил Сайрес Смит.

— Ну и дела! — воскликнул Пенкроф, слушавший инженера с напряженным вниманием. — А скажите, пожалуйста, мистер Сайрес, может, и остров Линкольна тоже построен полипами?

— Нет, — ответил Сайрес Смит, — он чисто вулканического происхождения.

— Значит, он когда-нибудь исчезнет?

— Возможно.

— Надеюсь, нас тогда уже тут не будет.

— Конечно, не будет. Успокойтесь, Пенкроф. Зачем нам тут вековать? Уж мы как-нибудь отсюда выберемся.

— Но пока что давайте устраиваться здесь как будто навсегда, — сказал Гедеон Спилет. — Ничего не надо делать наполовину.

Слова эти стали заключением беседы. Завтрак закончился. Исследователи двинулись дальше и дошли до кромки болот.

Болота занимали огромное пространство, тянулись до округлого выступа на юго-восточной оконечности острова, общая их площадь составляла приблизительно двадцать квадратных миль. Топкая почва состояла из глины и кремнезема, смешанных с гниющими остатками растений. Тут росли тростник, болотный мох, осока, рогоз; кое-где поверхность трясины покрывал толстый слой дерна, похожий на ковер из зеленого бобрика, кое-где поблескивали на солнце затянутые льдом «окна» болота. Никакие дожди, никакие разливы внезапно вздувшейся реки не могли бы так затопить эти низины. Само собою напрашивалась правильная мысль, что здесь просачивались на поверхность земли грунтовые воды. Следовало опасаться, что в летнюю жару воздух на болоте насыщали вредоносные миазмы, порождающие болотную лихорадку.

Над камышами и у самой поверхности воды летало множество птиц. Искусные стрелки, знатоки охоты на болотах, не потеряли бы здесь зря ни одного выстрела. Дикие утки, шилохвости, чирки, кулики жили тут большими стаями, и вся эта непуганая дичь свободно подпускала к себе людей.

Одним зарядом дробы наверняка удалось бы уложить несколько десятков птиц — так тесно сидели они у воды. Наши охотники могли бить их только стрелами. Трофеев это давало, конечно, меньше, но бесшумные стрелы имели то преимущество, что не распугивали птиц, тогда как от гулкового выстрела они разлетелись бы во все стороны. Охотники удовольствовались на первый раз скромной добычей, состоявшей из дюжины уток; у этих уток было белое оперение с коричневой опояской, зеленая шапочка, черные крылья с белыми и рыжими крапинками, плоский клюв — Герберт сразу узнал в них казарок. Топ усердно подбирал подстреленных птиц; в их честь стоячим водам дали название «Утиное болото». Итак, у колонистов появился новый обильный источник дичи. В дальнейшем следовало только не лениться ходить туда. Кроме того, было весьма вероятно, что некоторые породы этих птиц удастся если не обратить в домашних, то хотя бы переселить в окрестности озера, где они были бы у охотников под рукой.

В пятом часу вечера Сайрес Смит и его товарищи тронулись в обратный путь, пересекли Утиное болото и перебрались через реку Благодарения по ледяному мосту.

В восемь часов вечера все уже были в Гранитном дворце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Западни. — Лисицы. — Пекари. — Ветер с северо-запада. — Вьюга. — Корзинщики. — В разгар морозов. — Сахароварение. — Загадочный колодец. — Проектируемое исследование. — Дробинка.

Холода стояли до пятнадцатого августа, но особенно сильных морозов не было. В безветренную погоду переносить их было довольно легко, но когда дул ветер, колонистам приходилось туго, так как одежда плохо их защищала. Пенкроф уже досадовал, что на острове Линкольна не нашли себе приюта несколько медвежьих семейств вместо лисиц и тюленей, у которых, по его мнению, мех немножко подгулял.

— Да, вот медведи хорошо одеты — по-зимнему! — говорил он. — Снять бы с какого-нибудь мишки шубу да на себя ее приспособить... Тепло!

— Ишь ты какой! — смеясь, поддразнивал Наб. — Так тебе и отдаст мишка добровольно свою шубу. Он не из добреньких.

— Не даст, так сами возьмем, Наб. Придется ему отдать, придется, — непререкаемым тоном возразил Пенкроф.

Но медведей не водилось на острове, по крайней мере они ни разу не показывались.

Все же Герберт, Пенкроф и журналист принялись ставить западни на плато Кругозора и на опушке леса. Пенкроф считал, что любая добыча придется кстати, и обновят ли западни грызуны или хищники, они будут приняты в Гранитном дворце с почетом.

Кстати сказать, западни были устроены очень просто: вырытая яма сверху была прикрыта ветками и травой, а на дне — приманка, привлекавшая зверей сильным запахом, — вот и все. Ямы рыли не где попало, а там, где встречались многочисленные следы, указывающие, что четвероногие часто посещают эти места. Охотники ежедневно ходили осматривать свои западни и в первый же день нашли там трех представителей той самой породы лисиц, которые им уже встречались на правом берегу реки Благодарения.

— Да что ж это такое! От лис проходу нет в здешних краях! — возмущался Пенкроф, вытащив из ямы третью лису, имевшую весьма озадаченный вид. — А звери-то совсем никудышные!

— Ну, не скажи, — заметил Гедеон Спилет. — И лисицы пригодятся!

— На что они нам?

— Пойдут на приманку для западней!

Журналист был прав: тушки убитых лис положили в ямы в качестве приманки.

Моряк наделал также силков из волокон гибиска, от них было больше толку, чем от вырытых ям. Редкий день не попадали в силки обитатели крольчатника. Неизменно к столу подавалось жаркое из кролика, но Наб умел разнообразить соусы, и его сотрапезникам не приходилось жаловаться.

В середине августа раза два-три из ям вытаскивали не лисиц, а животных более полезных, — туда попало несколько пекари, какие уже встречались на севере острова. Пенкроф не стал спрашивать — съедобны ли они, — это сразу было видно по их сходству с домашними свиньями, которых разводят в Америке и в Европе.

— Только ты поосторожнее, Пенкроф, — предупредил Герберт. — Это ведь не домашняя свинья.

— Полно, голубчик, — ответил Пенкроф и, наклонившись над ямой, вытащил оттуда добычу за

маленький закрученный шнурочек, служивший хвостом этому представителю семейства парнокопытных. Позвольте уж мне думать, что это настоящие свиньи.

— А зачем тебе так думать?

— Приятно.

— Ты так любишь свиней?

— Свинину люблю, особенно свиные ножки. Будь у свиней не четыре, а восемь ног, я еще больше любил бы их.

Пойманные животные принадлежали к одному из четырех видов пекари, а именно к виду «таясу», представители которого отличаются темным цветом шкуры и не имеют торчащих длинных клыков, какими вооружены их сородичи. Пекари обычно живут небольшими стадами, и, вероятно, их водилось много в лесистой части острова. Как и обыкновенные свиньи, они съедобны с головы до ног. Пенкроф больше ничего от них и не требовал.

В середине августа вдруг произошла резкая перемена погоды: подул северо-западный ветер, мороз уменьшился на несколько градусов, и водяные испарения, скопившиеся в воздухе, выпали в виде снега. Весь остров покрылся белой пеленой и предстал перед своими обитателями в новом облике. Снег шел густыми хлопьями несколько дней, толщина его покрова быстро достигла двух футов.

Ветер все крепчал, вскоре перешел в бурю, и с высоты Гранитного дворца слышно было, как море ревет и бьется о скалы. На иных поворотах берега носились вихри и, поднимая высокие столбы снега, кружили их с бешеной силой, словно водяные смерчи, которые мчатся, покачиваясь в нижней своей воронке, — те самые губительные смерчи, в которые суда стреляют из пушек. Как уже известно, ураган налетел на остров с северо-запада, Гранитный же дворец был так расположен, что избежал прямых ударов бури. В такую страшную вьюгу, бушевавшую будто в полярных краях, ни Сайрес Смит, ни его товарищи при всем желании не могли выйти из дому и целых пять дней, с двадцатого по двадцать пятое августа, сидели взаперти. Слышно было, как воет ветер в лесу Жакамара. Должно быть, немало бед натворил он там, немало повалил деревьев, но Пенкроф утешался мыслью, что по крайней мере не придется рубить лес.

— Ветер пошел в дровосеки. Пусть старается, — говорил Пенкроф, — не будем ему мешать.

Да разве могли бы люди помешать буйной силе ветра? Как должны были в эту непогоду обитатели Гранитного дворца благодарить небо, устроившее в каменных недрах берега прочное, несокрушимое убежище. Заслуженная доля признательности доставалась и Сайресу Смиту, но ведь создала эту пещеру сама природа, а он только открыл ее. Здесь все были в безопасности, недостижимы для свирепых порывов бури. А если бы они построили себе кирпичный или деревянный дом на плато Кругозора, он бы не устоял перед силой урагана. По дикому реву прибоя, доносившемуся с берега, ясно было, что прежнее пристанище теперь совсем непригодно для жилья, ибо волны, перехлестывая через островок, бьют в него с неодолимой силой. Но здесь, в Гранитном дворце, укрытые в каменной твердыне, против которой были бессильны и море и ветер, они могли ничего не страшиться.

В дни своего невольного затворничества колонисты не сидели без дела. На складе у них лежал изрядный запас досок, и постепенно обстановка комнат пополнилась новыми столами и стульями, если и не изящными, зато прочными, ибо материала на них не жалели. Это тяжеловесное движимое имущество нелегко было передвигать, но Наб и Пенкроф не променяли бы мебель, сделанную их собственными руками, на самые искусные изделия краснодеревцев и даже самого Буля.

Затем столяры обратились в корзинщиков и достигли, больших успехов в своем новом ремесле. На северном берегу озера Гранта оказались целые заросли ивняка; и среди них — немало ивняка-краснотала.

Еще до дождей Пенкроф и Герберт запасли и тщательно очистили множество веток этого полезного кустарника, и теперь прутья можно было с успехом пустить в дело. Первые опыты в плетении корзин оказались неудачными, корзины получались безобразные, но благодаря ловкости и сообразительности плетельщики справились с делом; они советовались друг с другом, припоминали образцы прежде виденных корзин, состязались в усердии, и вскоре в инвентаре Гранитного дворца появились корзины всевозможных размеров и всевозможных фасонов. Сделали корзины и для кладовой, и Наб теперь держал в них сбор съедобных кореньев, орехов и корней драцены.

В последнюю неделю августа погода опять переменилась — стало холоднее, но буря улеглась. Колонисты поспешили выйти на воздух. На берегу нанесло снегу не меньше чем на два фута, но по затвердевшему насту можно было ходить без особого труда. Сайрес Смит и его товарищи поднялись на плато Кругозора.

Какая перемена! Леса, которые еще так недавно они видели зелеными, особенно в окрестностях Гранитного дворца, где преобладали хвойные деревья, покрылись однообразной белой пеленой. Все стало белым — от макушки горы Франклина до побережья — леса, луг, озеро, река и берег моря. Вода в реке Благодарения текла под ледяным панцирем, и при каждом приливе и отливе он с грохотом разбивался на куски. Над замерзшим озером летали утки и чирки, шилохвости и чистики. Их тут было тысячи. Скалы, меж которых с края плато низвергался водопад, оцетинились ледяными иглами, рогами, наплывами — вода текла как будто из гигантского желоба, который художники Возрождения отчеканили в виде разверстой пасти чудовища. Какой урон нанесла лесам буря, судить было нельзя, пока не спала с них белая пелена.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт отправились осматривать западни. С трудом нашли они их под сугробами снега. Пришлось двигаться осторожно, чтоб не свалиться в яму, вырытую для зверей, — это было бы опасно да и досадно: попасть в собственную свою западню! Такой неприятности они избежали, но все ямы оказались пустыми, а приманки нетронутыми. Ни одно животное не попало в западню, однако кругом ясно были видны многочисленные следы, и в числе их отпечатки когтистых лап. Герберт уверенно сказал, что эти следы оставлены каким-то хищником из семейства кошачьих, — следовательно, подтверждалось предположение Сайреса Смита, что на острове водятся опасные звери. Вероятно, они жили в густых лесах Дальнего Запада, но голод выгнал их оттуда, и они забрели на плато Кругозора. Может быть, они почуяли людей.

— Какая ж это кошачья порода? — спросил Пенкроф.

— Ягуары, — ответил Герберт.

— Я думал, что они водятся только в жарких странах.

— В Новом Свете они водятся на пространстве от Мексики до аргентинских памп, — сказал юноша. — А так как остров Линкольна находится приблизительно на той же широте, что и залив Ла-Плата, — не удивительно, что на нем встречаются тигры.

— Ладно. Значит, держи ухо востро! — заметил Пенкроф.

Наконец потеплело — и настолько, что снег начал таять. Пошли дожди и смыли белый покров. Несмотря на ненастье, колонисты пополнили свои запасы растительной пищи — орехов, корней драцены и других съедобных кореньев, кленового сока, а запасы мясной пищи им доставляли кролики из крольчатника, агуты и кенгуру. Несколько раз они ходили в лес на охоту и убедились, что буря действительно повалила там немало деревьев. Пенкроф с Набом неоднократно путешествовали с тележкой к залежам каменного угля, решив запасти его несколько тонн. Дорогой они заметили, что труба гончарной печи сильно повреждена ветром и верхушка ее сбита не меньше чем на шесть футов.

Кроме угля, запасли еще и дров для Гранитного дворца и сплавляли их на плоту по реке Благодарения,

сбросившей с себя оковы льда. Можно было опасаться, что опять наступят сильные холода.

Навелили также и Трущобы, и, побыв в прежнем своем убежище, колонисты могли только порадоваться, что они не жили там во время бури. Море оставило в каменном лабиринте неоспоримые следы своего вторжения. Ветры, разгулявшись на океанских просторах, гнали водяные горы, и волны, перехлестывая через островок, с дикой силой бросались в проходы между гранитных глыб; они до половины забили эти коридоры песком, покрыли камни толстым слоем водорослей. Пока Наб, Герберт и Пенкроф охотились и ходили за дровами, Сайрес Смит с Гедеоном Спилетом наводили порядок в Трущобах; к их великой радости, горн и плавильные печи почти не пострадали, так как кучи песка, нанесенные морем, защитили их от разыгравшейся бури.

Колонисты не напрасно запаслись топливом, — морозы еще не кончились. Как известно, февраль в Северном полушарии всегда бывает отмечен сильными холодами, а в Южном полушарии конец августа соответствует северному февралю, и на острове Линкольна эта пора не была исключением из правила.

К 25 августа после переменной погоды с дождем и снегом подул юго-восточный ветер, и сразу ударил мороз. По мнению Сайреса Смита, ртутный столбик термометра Фаренгейта показывал бы не меньше, чем восемь градусов ниже нуля (22° холода по Цельсию), и державшийся несколько дней мороз переносить было еще труднее из-за резкого ветра. Опять пришлось колонистам запереться в Гранитном дворце, закупорить дверь и окна, оставив лишь узкое отверстие для доступа свежего воздуха; свечей жгли очень много и, чтобы поберечь их, зачастую довольствовались отсветами огня от топившегося очага, для которого дров не жалели. Несколько раз то один, то другой обитатель Гранитного дворца спускался на берег моря, где ежедневно прилив нагромождал целые груды льдин, но, продрогнув, спешил возвратиться домой и не без труда поднимался по лестнице, хватаясь за перекладины замерзшими, коченевшими руками. На морозе обледенелые ступени обжигали пальцы. Нужно было как-то заполнить вынужденные досуги, когда поневоле пришлось сидеть взаперти. И тогда Сайрес Смит придумал работу, которой можно было заняться в четырех стенах.

Читатель, вероятно, помнит, что колонисты употребляли вместо сахара сладкий кленовый сок, который они добывали из стволов дерева, делая в них глубокие надрезы. Сок этот они собирали в глиняные кувшины и пользовались им для кулинарных надобностей, тем более успешно, что, отстоявшись, он становился прозрачным и густым, как сироп.

Но в такой способ получения сахара можно было внести усовершенствования, и в один прекрасный день Сайрес Смит объявил своим товарищам, что они займутся сахароварением.

— Сахароварением? — удивился Пенкроф. — Кажется, за таким делом жарко бывает.

— Очень жарко! — подтвердил инженер.

— Значит, как раз ко времени! — сказал Пенкроф.

При слове «сахароварение» всегда представляются сахарные заводы с их сложным оборудованием и рабочими разных специальностей. В данном случае об этом, конечно, и речи быть не могло. Для кристаллизации сахара прежде всего очистили кленовый сок, прибегнув к очень простому приему. Сок поставили на огонь в больших глиняных мисках, подвергли его выпариванию, и вскоре на поверхность сиропа всплыла пена; ее сняли, а лишь только сироп начал густеть, Наб принялся осторожно помешивать его деревянной лопаточкой, чтобы он скорее выпаривался и не подгорал.

Несколько часов подряд жидкость кипела на жарком огне, который шел на пользу и процессу сахароварения и согревал сахароваров, и в мисках получился очень густой сироп. Его слили в глиняные сосуды, заранее слепленные и обожженные в духовке кухонной плиты. На следующий день остывший сироп затвердел, приняв форму сахарных голов и брусков. Колонисты сварили самый настоящий сахар,

правда, желтоватого цвета, но почти прозрачный и превосходного вкуса.

Холода продержались до половины сентября, и узникам Гранитного дворца наскучило их затворничество. Почти ежедневно они выбирались на свежий воздух, но вылазки их поневоле бывали короткими. Работа по благоустройству жилья продолжалась. За работой шли беседы. Сайрес Смит знакомил своих товарищей с самыми разнообразными предметами — главным образом с прикладными науками. У колонистов не имелось никакой библиотеки, но инженер Смит был живой энциклопедией, всегда готовой к услугам товарищей, всегда открытой на той странице, которая была нужна тому или иному, и к этому источнику, освещавшему любой интересовавший их вопрос, они обращались очень часто. Так проводили; время эти стойкие люди, казалось совсем не боявшиеся будущего.

Однако уже близился конец их пленению. А всем так хотелось, чтобы поскорее пришли весенние дни или хоть прекратились бы невыносимые холода. Если б колонисте были тепло одеты и могли не бояться морозов, сколько путешествий совершили бы они, наведались бы и в дюны и на Утиное болото! Теперь к дичи легко было подобраться, и охота, конечно, проходила бы удачно. Но Сайрес Смит не соглашался, чтоб его товарищи, его сильные и сметливые помощники, рисковали своим здоровьем.

Надо сказать, что нетерпеливее всех (за исключением Пенкрофа) переносил свое заключение Топ. Бедный пес томился в Гранитном дворце, сновал из комнаты в комнату и на свой лад, но очень ясно, выказывал свою тоску и досаду на долгое и надоевшее заключение.

Сайрес Смит не раз замечал, что, как только пес приближался к провалу, сообщавшемуся с морем и открывавшему свой черный зев в углу склада, Топ скалил збы и рычал; он все кружил около этого колодца, прикрытого теперь дощатым трапом. Иногда он даже пытался просунуть под этот трап передние лапы, как будто хотел приподнять его. И лаял он тогда как-то странно — злобно и тревожно.

Инженер не раз наблюдал за такими непонятными выходками Топа. Что же таилось в этой пропасти? Что могло так волновать умную собаку? Провал, несомненно, достигал моря. Быть может, внутри гранитного кряжа он разветвлялся на узкие проходы. Быть может, он сообщался с какой-нибудь другой пещерой, скрытой в недрах гранита. Уж не приплывало ли порою какое-нибудь морское чудовище отдохнуть на дне этого колодца? Сайрес Смит не знал, что и думать, и невольно у него возникали самые странные предположения. Привыкнув глубоко заглядывать в мир научно объяснимой действительности, он не мог простить себе, что воображение влечет его в область каких-то загадочных и почти сверхъестественных явлений. Но как же объяснить тот факт, что собака, которая не отличалась особой нервозностью и никогда, например, не выла на луну, так упорно обнюхивает крышку колодца и настороженно прислушивается, делая стойку над ней. Почему она так волнуется, если в этой пропасти не происходит ничего подозрительного? Поведение Топа интриговало инженера Смита больше, чем он решался признаться в этом самому себе.

Во всяком случае, он поделился своими наблюдениями только с Гедеоном Спилетом, считая излишним посвящать своих товарищей в размышления, на которые его наводят странные повадки, а может быть, и просто причуды Топа.

Наконец морозы кончились. Пошли дожди, вперемежку с мокрым снегом или градом, бывали шквалы, но непогода не затянулась. Лед растаял, растопились снега, стали доступны и побережье океана, и берега реки Благодарения, и лес. Пришла весна, к великой радости обитателей Гранитного дворца, и вскоре они уже проводили дома лишь часы, отведенные для сна и трапез. Во второй половине сентября колонисты много охотились, и тут уж Пенкроф снова стал настойчиво требовать ружей, утверждая, что Сайрес Смит обещал их сделать. Инженер уклонялся, откладывая исполнение обещанного, зная, что без специальных инструментов почти невозможно сделать сколько-нибудь годное ружье. Он уговаривал Герберта и Гедеоном Спилета подождать немного, так как они уже отлично научились стрелять из лука и

приносили с охоты превосходную добычу всех видов, и четвероногую и пернатую: агути, кенгуру, пекари, голубей, дроф, диких уток, чирков. Но упрямый моряк ничего не желал слышать и не давал Сайресу Смиту покоя, добиваясь, чтобы тот исполнил его желание. Впрочем, и Гедеон Спилет поддерживал Пенкрофа.

— На острове, надо полагать, — говорил он, — водятся дикие звери, и следует подумать, как с ними бороться и истреблять их. Может, настанет час, когда это будет для нас первой необходимостью.

Но пока что Сайреса Смита беспокоил вопрос не об оружии, а об одежде. Платье, которое было надето на колонистов, выдержало зиму, но до следующей зимы явно не могло дожить. Во что бы то ни стало требовалось раздобыть звериные шкуры или шерсть жвачных животных, а так как на острове водилось немалое количество муфлонов, надо было найти способ приручить их, завести целое стадо и разводить муфлонов для нужд колонии. Весной и летом предстояла новая работа: устроить загон для домашних животных и большой птичник — словом, основать в каком-нибудь уголке острова нечто вроде фермы.

Для осуществления этого необходимо было прежде всего произвести разведку в еще не исследованной части острова Линкольна — в густых лесах, тянувшихся по правому берегу реки Благодарения, от ее устья до конца полуострова Извилистого, и по всему западному берегу острова. Но эту экспедицию приходилось отложить до тех пор, пока установится хорошая погода, то есть выждать еще с месяц.

Начала разведки колонисты ждали с нетерпением, и вдруг произошло событие, которое еще больше разожгло стремление колонистов исследовать все свои владения.

Случилось это 24 октября. В тот день Пенкроф отправился проверить западни, которые он всегда аккуратно осматривал и менял в них приманку. В одной из ям он обнаружил лакомую добычу — три упавших туда пекари — свинью с двумя поросятами.

Очень довольный такой удачей, Пенкроф возвратился в Гранитный дворец и, как всегда, принялся расхваливать свои охотничьи трофеи.

— Ну, мистер Сайрес, нынче мы вам состряпаем вкусный обед! Да-с, мистер Спилет, будете кушать да пальчики облизывать!

— Прекрасно, — ответил журналист. — Чем же вы нас угощаете сегодня?

— Молочным поросенком.

— Ах вот что! Молочный поросенок... А послушать вас, Пенкроф, так можно подумать, что нам подадут за обедом куропатку с трюфелями.

— Что? Куропатку? — удивленно протянул Пенкроф. — Неужели вы не любите жареной поросятины?

— Нет, отчего же, люблю, — ответил Гедеон Спилет без особого, впрочем, восторга. — Если не злоупотреблять этим кушаньем...

— Вот вы какой привереда, господин газетчик! — возмутился Пенкроф, не допуская критического отношения к своей охотничьей добыче. — Право, очень вы стали разборчивы! А ведь семь месяцев тому назад, когда нас выбросило на этот остров, вы были бы счастливы поесть такого мяса!..

— Ну понятно, — отозвался журналист. — Человек существо несовершенное. Никогда он не бывает доволен.

— Ладно уж, ладно... — продолжал Пенкроф. — Надеюсь, Наб сегодня отличится. Поглядите-ка на этих поросят. Ведь им не больше трех месяцев, мясо у них, верно, нежное, как у перепелок. Пойдем-ка, Наб, на кухню. Я сам послежу, как они будут жариться.

Подхватив Наба под руку, моряк проследовал в кухню и погрузился в поварские труды.

Никто, конечно, не препятствовал его кулинарным затеям. Вместе с Набом он состряпал отличный обед, в него входили оба поросенка, суп из кенгуру, копченый окорок, орехи, пиво из отвара драцены, «чай Освего» — словом, все, что было лучшего в кладовой, но все кушанья затмевало главное блюдо — тушеное мясо пекари.

К пяти часам обед был готов, и обитатели Гранитного дворца собрались в столовую. На столе уже дымился в миске суп из кенгуру. Все нашли его превосходным.

За супом последовали жареные поросята. Пенкроф пожелал сам разрезать мясо и подал каждому сотрапезнику огромную порцию.

Жаркое действительно оказалось отменным, и Пенкроф уплетал свою долю с завидным аппетитом, как вдруг у него вырвалось ругательство.

— Что с вами? — спросил Сайрес Смит.

— Зуб!.. Зуб сломал! — ответил моряк.

— Как же так? В ваших пекари оказались камешки? — спросил Гедеон Спилет.

— Должно быть, — согласился с ним моряк и вытащил изо рта что-то твердое, стоившее ему коренного зуба.

Но то был не камешек... то была дробинка.

Часть вторая

ПОКИНУТЫЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дробинка. — Постройка пироги. — Охота. — На верхушке каури. — Ничто не говорит о присутствии человека. — Наб и Герберт на рыбной ловле. — Черепаха перевернута. — Черепаха исчезла. — Сайрес Смит дает объяснение.

Прошло ровно семь месяцев с того дня, как пассажиры воздушного шара очутились на острове Линкольна. И с той поры, несмотря на все поиски, они не обнаружили ни единого человеческого существа. Ни разу не видели они дымка, говорящего о том, что на острове есть человек. Ни разу не нашли вещи, сделанной рукой человека и свидетельствующей о том, что он жил тут в древние или недавние времена. Казалось, остров этот необитаем; должно быть, здесь еще никогда не бывал человек. И вот теперь из-за дробинки, найденной в теле безобидного зверька, рухнули все догадки и умозаключения!

В самом деле, дробинка вылетела из огнестрельного оружия, а кто же, кроме человека, мог воспользоваться таким оружием?

Пенкроф положил дробинку на стол, и его товарищи изумленно посмотрели на нее. Очевидно, они сразу представили себе, как важны последствия этого, казалось бы, незначительного случая. Даже если бы они вдруг увидели нечто сверхъестественное, то не были бы так поражены.

Сайрес Смит тотчас же высказал кое-какие предположения по поводу этой удивительной и неожиданной находки. Он взял дробинку двумя пальцами, повертел ее, пощупал, потом спросил Пенкрофа:

— Уверены ли вы, что пекари, раненному этой дробинкой, было месяца три?

— Никак не больше, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф. — Поросенок сосал мать, когда я нашел его в яме.

— Итак, — продолжал инженер, — около трех месяцев тому назад на острове Линкольна кто-то выстрелил из ружья...

— И дробинка, — добавил Гедеон Спилет, — ранила, хоть и не смертельно, этого зверька.

— Неоспоримо, — продолжал Сайрес Смит. — И вот какие выводы следует сделать из всего этого: или на острове до нас кто-нибудь жил, или люди высадились здесь месяца три назад, не больше. По своей ли воле, против ли нее они пристали к нашим берегам, потерпели ли они крушение на корабле или на аэростате — кто знает? Все выясним позже. И европейцы они или малайцы, враги наши или друзья — нам тоже пока не разгадать. Да мы и не знаем, живут ли они еще на острове, покинули ли его. Но эти вопросы касаются нас так близко, что нельзя дольше оставаться в неизвестности.

— Сто раз, тысячу раз готов повторить, что нет на острове Линкольна никого, кроме нас, — воскликнул моряк, поднимаясь из-за стола. — Черт возьми! Остров невелик, и мы-то уж заметили бы кого-нибудь из его обитателей!

— Вот если бы пекари родился с дробинкой, это было бы, по-моему, чудом, — ответил журналист.

— Если только она не сидела у Пенкрофа в зубе, — с самым серьезным видом заметил Наб.

— Еще чего выдумал! — живо отозвался Пенкроф.

— Что ж, по-твоему, я не замечал бы ее целых полгода! Да и где же она могла застрять? — добавил моряк, открывая рот и показывая два ряда великолепных зубов. — Посмотри-ка хорошенько, Наб, и если отыщешь дупло, выдирай хоть полдюжины зубов!

— Предположение Наба действительно нелепо, — сказал Сайрес Смит, который не мог сдержать улыбку, хоть и был поглощен своими мыслями. — Нет сомнений, кто-то стрелял на острове из ружья, и не больше трех месяцев тому назад. Но я ручаюсь, что люди, высадившиеся на острове, пробыли здесь совсем недолго и просто обошли его. Жили бы они здесь в ту пору, когда мы обследовали остров с горы Франклина, мы увидели бы их, а они — нас. Может статься, буря выбросила сюда потерпевших кораблекрушение лишь несколько недель назад. Во всяком случае, все это необходимо выяснить.

— По-моему, нужно действовать осторожно, — заметил журналист.

— Я того же мнения, — ответил Сайрес Смит, — боюсь, не высадились ли на остров малайские пираты.

— А не лучше ли, мистер Сайрес, — сказал моряк, — сначала построить лодку, а потом и отправиться на разведку: поднимемся вверх по реке, а если понадобится, выйдем в море и обогнем остров! Лишь бы нас врасплох не застigli.

— Хорошая мысль, Пенкроф, — ответил инженер, — но ждать нельзя. Ведь скорее чем за месяц лодку не построишь...

— Настоящую лодку, — ответил моряк. — Да ведь нам не нужна лодка, чтобы по морю плавать, а за пять дней, самое большее, я берусь построить пирогу — для нашей реки она сойдет.

— За пять дней берешься соорудить лодку? — воскликнул Наб.

— Да, Наб, лодку по индейскому образцу.

— Из дерева? — спросил негр с сомнением.

— Из дерева, — ответил Пенкроф, — или, вернее, из коры. Повторяю, мистер Сайрес, — за пять дней можно это дельце обделать.

— Если за пять дней — согласен.

— Но отныне нам придется быть настороже, — заметил Герберт.

— Неизменно быть настороже, друзья, — сказал Сайрес Смит. — И я прошу вас, не охотьтесь далеко от Гранитного дворца.

Обед прошел не так весело, как хотелось Пенкрофу.

Итак, на острове живут или еще совсем недавно жили какие-то люди. После того как была найдена дробинка, это стало неоспоримым фактом, что встревожило колонистов.

Перед сном Сайрес Смит и Гедеон Спилет долго разговаривали о дробинке. Уж не было ли тут связи с необъяснимым спасением инженера и другими странными явлениями, которые не раз их изумляли? Когда они все обсудили, Сайрес Смит сказал:

— Словом, хотите знать мое мнение, дорогой Спилет?

— Конечно, Сайрес!

— Так вот: мы ничего не обнаружим, как бы тщательно ни исследовали остров.

На следующий же день Пенкроф принялся за работу. Он не собирался строить шлюпку со шпангоутами и обшивкой, а хотел смастерить простую плоскодонку, чтобы спокойно плавать по реке Благодарения, особенно у ее истоков, где было мелко. Из кусков коры, соединенных друг с другом, должно было получиться легонькое суденышко — в случае необходимости его можно было бы перенести на руках. Пенкроф собирался сшить длинные полосы коры деревянными гвоздями, да так, чтобы лодка оказалась водонепроницаемой.

Следовало выбрать деревья с гибкой и прочной корой.

Ураган, пронесшийся недавно, свалил несколько хвойных деревьев, они вполне годились для постройки суденышка.

Деревья лежали на земле, и оставалось лишь одно: содрать со стволов кору, но инструменты у наших колонистов были так несовершенны, что это и оказалось труднее всего. В конце концов справились и с этим делом.

Пока Пенкроф, не теряя ни минуты, работал под руководством инженера, Гедеон Спилет и Герберт тоже не сидели сложа руки. На них лежала обязанность снабжать провизией всю колонию. Журналист не мог налюбоваться Гербертом, который отлично стрелял из лука и метал копье. Юноша был отважен и хладнокровен, а эти качества можно назвать «разумной смелостью». Оба товарища по охоте придерживались совета Сайреса Смита и не заходили дальше чем за две мили от Гранитного дворца. Но даже вблизи, не забираясь в чащу леса, они находили немало агути, кенгуру, пекари и всякой другой живности. С тех пор как кончились холода, звери стали реже попадаться в западни, зато кроличьи садки всегда были полны и могли бы прокормить всех поселенцев острова Линкольна.

Часто во время охоты Герберт заводил разговор с Гедеоном Спилетом о дробинке и о тех выводах, которые сделал инженер; как-то — было это 26 октября — он сказал журналисту:

— Не правда ли, мистер Спилет, просто не верится, что люди, потерпевшие кораблекрушение, если они в самом деле высадились на нашем острове, до сих пор не побывали вблизи Гранитного дворца?

— Да, просто удивительно, если они еще здесь, — ответил журналист, — но ничуть не удивительно, если их уже нет!

— Значит, вы думаете, что их уже нет на острове? — спросил Герберт.

— Вероятно, нет, дружок. Ведь мы бы обнаружили людей, если бы они жили на острове.

— Но раз им удалось отсюда выбраться, — заметил юноша, — значит, они не потерпели кораблекрушения?

— Почему же, Герберт? Я назвал бы их, пожалуй, потерпевшими временное кораблекрушение. Вполне возможно, что ураган выбросил их на остров, не разбив судна, а когда ураган стих, они снова вышли в море.

— Мне кажется, — заметил Герберт, — что мистер Смит не только не хочет, но даже опасается встретить людей на нашем острове.

— Что правда, то правда, — ответил журналист, — он считает, что в здешних водах могут плавать одни малайские пираты, а эти господа — сущие злодеи, их нужно остерегаться.

— Но ведь не исключена возможность, — заметил Герберт, — что мы обнаружим на острове следы пребывания людей, и тогда решительно все пойдем, не правда ли, мистер Спилет?

— Не отрицаю, дружок, — покинутый лагерь, потухший костер могут навести нас на след. Мы и будем искать, производить разведку.

Так разговаривая, охотники зашли в ту часть леса, где протекала река Благодарения и росли удивительно красивые деревья. Были тут и великаны — прекрасные хвойные деревья высотой почти в двести футов: жители Новой Зеландии называют их «каури».

— Знаете, что мне пришло в голову, мистер Спилет? — сказал Герберт. — А не вскарабкаться ли на верхушку какого-нибудь каури? Оттуда мне удастся осмотреть довольно обширное пространство.

— Мысль удачная, — ответил журналист. — Но доберешься ли ты до макушки такого исполина?

— А я попытаюсь.

Ловкий и проворный юноша влез на нижние ветви, которые росли так, что подниматься по ним было очень удобно, и в несколько минут очутился на самой макушке каури, возвышавшейся над целым морем зеленых округлых вершин.

Взгляду юноши открылась вся южная окраина острова, от мыса Коготь на юго-востоке до Змеиного мыса на юго-западе. На северо-западе возвышалась гора Франклина, заслонявшая горизонт.

Со своего наблюдательного пункта Герберт видел часть острова, еще неизвестную колонистам; быть может, там и укрылись люди, о присутствии которых колонисты подозревали.

Юноша с величайшим вниманием стал осматривать море. Но ни на горизонте, ни вблизи острова не белело ни единого паруса; правда, лесной массив скрывал побережье, волны, быть может, и выбросили на берег какое-нибудь судно, особенно если оно потеряло рангоут, но Герберту попросту не было бы его видно. Он ничего не мог рассмотреть и в чаще лесов Дальнего Запада. Леса раскинулись ковром, непроницаемым для взгляда, и тянулись на многие квадратные мили без единой прогалины, без единого просвета. Невозможно было проследить за руслом реки и разглядеть то место в горах, где она брала начало. Вероятно, и другие речки бежали к западу — впрочем, утверждать это было трудно.

Герберту не удалось обнаружить и признака лагеря, но он все ждал, не появится ли дымок, свидетельствующий о присутствии человека? Воздух был так чист, что юноша заметил бы на фоне неба даже тоненькую струйку дыма.

Вдруг Герберту показалось, что он видит легкий дымок на западе; он всмотрелся повнимательнее и понял, что ошибся. А смотрел он зорко, и зрение у него было превосходное... Нет, ничего, решительно ничего не было видно.

Герберт слез с дерева, и оба охотника вернулись в Гранитный дворец. Выслушав рассказ юноши, Сайрес Смит покачал головой и задумался. Да и что можно было сказать, пока они не исследовали остров более подробно.

Через день, 28 октября, произошло еще одно событие, которому никто так и не нашел объяснения.

Герберт и Наб бродили по песчаному берегу в двух милях от Гранитного дворца и натолкнулись на черепаху; экземпляр был великолепный — настоящая морская черепаха с панцирем в красивых зеленых переливах.

Герберт заметил черепаху, когда она пробиралась между скалами к морю.

— Сюда, Наб, сюда! — крикнул он.

Наб подбежал к юноше.

— Хороша черепаха! — воскликнул он. — Но как ее унесешь?

— Да очень просто, Наб, — ответил Герберт. — Перевернем черепаху на спину, она от нас не удерет. Возьми палку и делай, как я...

Черепаша, почуяв опасность, вобрала голову и лапы; она лежала неподвижно под защитой своего панциря, словно каменная.

Тут Герберт и Наб подсунули палки под черепаху и общими усилиями — не без труда — перевернули животное на спину. Длинной черепаху была в три фута и, должно быть, весила четыреста фунтов, не меньше.

— Отлично! — воскликнул Наб. — Вот обрадуется дружище Пенкроф!

И в самом деле, как было Пенкрофу не обрадоваться — ведь мясо черепах, питающихся водорослями, превосходно. В этот миг из-под панциря показалась маленькая приплюснутая головка, расширявшаяся к шее, с сильно обозначенными височными впадинами.

— Как же нам быть, что делать с нашей добычей? — спросил Наб. — Ведь мы не дотащим ее до Гранитного дворца.

— Оставим черепаху здесь, она не перевернется, — ответил Герберт, — и вернемся за ней с тележкой.

— Решено!

Для большей предосторожности, хоть Наб и находил это излишним, Герберт придавил животное большими камнями. Затем наши охотники вернулись домой по песчаному берегу, широко обнажившемуся во время отлива. Герберту хотелось сделать Пенкрофу сюрприз, и он ничего не сказал о «превосходном экземпляре» животного из отряда морских черепах, который ждал их на песке; через два часа, прихватив тележку, они с Набом вернулись туда, где лежала черепаху.

Но «превосходного экземпляра» не оказалось.

Наб и Герберт переглянулись, стали осматриваться. Да, они пришли на то самое место, где оставили черепаху. Юноша даже разыскал камни, которыми ее придавил, — следовательно, он не ошибся.

— Вот так штука! — воскликнул Наб. — Выходит, что черепахи переворачиваются.

— Очевидно, — ответил Герберт; он ничего не мог понять и внимательно разглядывал камни, разбросанные на песке.

— И огорчен же будет Пенкроф!

«А мистеру Смиту будет нелегко объяснить исчезновение черепахи!» — подумал Герберт.

— Что же, мы никому ничего не скажем, — сказал Наб, которому хотелось умолчать об этом неприятном случае.

— Напротив, Наб, нужно обо всем рассказать, — возразил Герберт.

И оба, захватив тележку, которую напрасно притащили, отправились к Гранитному дворцу.

Когда они пришли на то место, где инженер и моряк мастерили лодку, Герберт рассказал обо всем, что произошло.

— Ну и разини! — воскликнул моряк. — Упустить черепаху! Полсотни супов пропало, не меньше!

— Но мы не виноваты, Пенкроф, — возразил Наб, — черепаху удрала — это верно, но ведь сказано тебе, что мы ее перевернули!

— Значит, плохо перевернули! — съязвил возмущенный моряк.

— Как плохо? — воскликнул Герберт.

И он рассказал, что даже придавил черепаху камнями.

— Просто чудеса! — заметил Пенкроф.

— А я-то думал, мистер Сайрес, — сказал Герберт, — что если перевернешь черепаху на спину, она ни за что не встанет на лапы, особенно если она такая большая.

— Правильно, дружок, — ответил Сайрес Смит.

— Как же это могло случиться?..

— А далеко ли от моря вы оставили черепаху? — спросил инженер, отложив работу и размышляя о странном происшествии.

— Да футах в пятнадцати, — сказал Герберт.

— Во время отлива?

— Да, мистер Сайрес.

— Вероятно, в воде черепахе удалось сделать то, чего она не могла сделать на песке. Она перевернулась, когда ее подхватил прилив, и преспокойно уплыла в море, — заметил инженер.

— Ну и разини же мы! — воскликнул Наб.

— Именно это я уже имел честь вам сообщить, — отозвался Пенкроф.

Объяснение Сайреса Смита, конечно, было правдоподобно. Но верил ли он сам в свое объяснение? Утверждать трудно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первое испытание пироги. — Вещи, найденные на берегу моря. — Буксир. — Мыс Находки. — Содержимое ящика. — Инструменты, оружие, приборы, одежда, книги, утварь. — Чего не хватает Пенкрофу. — Евангелие. — Стих из священной книги.

Двадцать девятого октября лодка была вполне готова. Пенкроф сдержал обещание и за пять дней смастерил из коры нечто вроде пироги, корпус которой скрепил гибкими прутьями крехимбы. Банка на корме, банка посередине, для укрепления бортов, третья банка на носу, планшир — для уключин, два весла, кормовое весло для управления — так было снаряжено суденышко длиной в двенадцать футов и весом не более двухсот фунтов. Спустить его на воду было не трудно. Легкую пирогу отнесли на песчаный берег и поставили у самого моря против Гранитного дворца, а прилив поднял ее. Пенкроф тотчас же вскочил в лодку, попробовал управлять кормовым веслом и убедился, что пирога годится для намеченной цели.

— Ура! — крикнул моряк, не пренебрегая случаем похвалиться своим успехом. — На этой посудине можно совершить путешествие вокруг...

— Света? — подхватил Гедеон Спилет.

— Нет, вокруг острова. Несколько камней для балласта, на нос мачту и парус, который мистер Сайрес нам как-нибудь смастерит, и мы пустимся в дальнейшее плавание! Ну что же, мистер Сайрес, мистер Спилет, Герберт, и ты, Наб, неужто вы не хотите испытать наше новое судно? Черт возьми! Нужно же нам узнать, выдержит ли оно нас всех пятерых!

И правда, следовало проделать этот опыт. Пенкроф одним взмахом весла подвел лодку к песчаной отмели по узкому проливу между скалами, и друзья решили, что они сегодня же испытают пирогу, пройдут на ней вдоль берега до первого мыса в южной части бухты Соединения.

Наб крикнул, подойдя к лодке:

— Да в твоём суденышке, Пенкроф, полно воды!

— Пустяки, Наб, — ответил моряк, дереву нужно намочить. Дня через два воды в нашей лодке будет столько же, сколько в утробе у пьянчуги. Влезайте!

Итак, все сели в лодку, и Пенкроф повел ее в открытое море. Погода стояла великолепная, океанская ширь была спокойна, как поверхность небольшого озера, и пирога могла смело плыть, словно по реке Благодарения. Наб греб одним веслом, Герберт — вторым, а Пенкроф, стоя позади, управлял кормовым веслом.

Моряк пересек пролив и обогнул южную оконечность островка Спасения. Слабый ветерок дул с юга. Волнения не было ни в проливе, ни в открытом море. Легкая зыбь ничуть не отражалась на тяжело нагруженной пироге. Путешественники отплыли приблизительно на полмили от берега, чтобы увидеть гору Франклина во всем ее величии.

Затем они повернули пирогу и возвратились к устью реки. Теперь она скользила вдоль берега, который, изгибаясь, заканчивался остроконечным мысом и скрывал от взгляда мореплавателей Утиное болото.

Мыс этот находился приблизительно в трех милях от реки Благодарения, считая не по прямой, а по линий берега. Колонисты решили добраться до крайней точки мыса и оттуда бегло осмотреть все побережье до мыса Коготь.

Итак, лодка шла не больше чем в двух кабельтовых, то и дело огибая подводные камни, почти скрытые приливом. От устья реки до мыса каменистый берег постепенно снижался. То было нагромождение причудливых гранитных глыб, совсем не похожее на кряж, образующий плато Кругозора: пейзаж был суровый. Здесь словно опрокинулась исполинская повозка с обломками скал. Ни былинки не росло на крутом гребне каменной гряды, уходившей на две мили в глубь острова; она казалась рукой великана, торчавшей из зеленого рукава — леса.

Лодка легко шла на двух веслах. Гедеон Спилет, вооружившись карандашом и записной книжкой, крупными штрихами зарисовывал берег. Наб, Пенкроф и Герберт переговаривались, рассматривая эту, еще неведомую часть своих владений; пирога плыла все дальше к югу, и оба мыса Челюсть словно перемещались, еще тесней замыкая вход в бухту Соединения.

Сайрес Смит молчал и смотрел на все таким настороженным взглядом, будто исследовал землю, полную тайн.

Так они плыли три четверти часа; уже пирога почти достигла оконечности мыса и Пенкроф приготовился было обогнуть его, как вдруг Герберт вскочил и, указывая на какое-то темное пятно, крикнул:

— Что это там виднеется на песке?!

Все посмотрели в ту сторону.

— И правда, там что-то лежит, — произнес журналист, — какие-то обломки, наполовину занесенные песком.

— Эге! — крикнул Пенкроф. — А я вижу, что это такое.

— Что же? — спросил Наб.

— Бочки, бочки — и, может статься, полные! — ответил моряк.

— Держите к берегу, Пенкроф! — приказал Сайрес Смит.

Несколько взмахов весел — и пирога, войдя в маленькую бухту, причалила к берегу; путешественники выскочили на песок.

Пенкроф не ошибся. На берегу лежали две бочки, наполовину занесенные песком и крепко привязанные к объемистому ящику, который они поддерживали на воде, пока их не выбросила волна.

— Неужели вблизи нашего острова произошло кораблекрушение? — спросил Герберт.

— Очевидно, — ответил Гедеон Спилет.

— А что в ящике? — воскликнул Пенкроф с вполне понятным нетерпением. — Что в ящике? Он закрыт и нечем сбить крышку! Разве вот камнем ударить...

Моряк поднял увесистый камень и хотел было вышибить одну из стенок ящика, но инженер остановил его.

— Пенкроф, — сказал он, — неужели нельзя подождать?

— Но, мистер Сайрес, подумайте-ка сами! Может быть, в нем есть все, чего нам не хватает.

— Мы это узнаем, Пенкроф, — отвечал инженер, — но послушайте, не ломайте ящик — право, он нам пригодится. Переправим его в Гранитный дворец, там его и вскроем. Он прекрасно упакован, и если доплыл сюда, значит, благополучно доплывет и до устья реки.

— Ваша правда, мистер Сайрес, я чуть дело не испортил, — ответил моряк, — да ведь не всегда с собой совладаешь.

Предложение инженера было разумно. И действительно, в пироге, пожалуй, не поместились бы все вещи, находившиеся в ящике, очевидно тяжелом, так как он держался на воде при помощи двух пустых бочек. Лучше было взять его на буксир и доплыть с ним до Гранитного дворца.

Но откуда же волны принесли ящик? Вопрос был важный. Сайрес Смит и его спутники внимательно оглядели все вокруг. Они прошли по берегу несколько сот шагов, но больше ничего не обнаружили. Друзья долго осматривали море. Герберт и Наб поднялись на высокую скалу, но горизонт был пустынен. В море не виднелось ни гибнущего корабля, ни судна под парусом.

И все же произошло кораблекрушение. Они в этом не сомневались.

Быть может, находка имеет какое-то отношение к дробинке? Быть может, люди с судна высадились на другом конце острова? Быть может, они еще там? Колонисты решили, что потерпевшие крушение не малайские пираты, так как было очевидно, что вещи, выброшенные морем, американского или европейского происхождения.

Все окружили ящик; длиной он был в пять футов, шириной в три. Сделан он был из дубовых досок, очень тщательно сколочен и обшит толстой кожей, прибитой медными гвоздями. Две большие герметически закупоренные бочки, судя по звуку, пустые, были прикреплены к ящику прочными веревками, завязанными, как заявил Пенкроф, морским узлом. Ящик, казалось, сохранился отлично — ведь его выбросило на песок, а не на скалы. Колонисты тщательно осмотрели его и пришли к заключению, что он недолго пробыл в воде и попал на берег совсем недавно. Вода, по-видимому, не просочилась в него, и, значит, вещи не попортились.

Очевидно, ящик выбросили за борт судна, потерпевшего крушение, и он плыл по воле волн к острову, а экипаж, в надежде добраться до берега и потом найти там ящик, привязал его к бочкам.

— Возьмем находку на буксир, а дома сделаем опись вещей, — сказал инженер. — Если найдем на острове людей, оставшихся в живых после предполагаемого крушения, возвратим им все вещи. Если же никого не найдем...

— Оставим вещи себе! — воскликнул Пенкроф. — До чего же не терпится узнать, что там!

Начинался прилив: волны подбирались к ящику и, казалось, вот-вот унесут его в море. Колонисты отвязали одну из веревок от бочки и закрепили ее на корме лодки. Затем Пенкроф и Наб веслами разгребли песок и вытащили ящик; лодка, взяв его на буксир, отчалила и поплыла, огибая мыс, который путешественники окрестили мысом Находки. Груз был тяжелый, и бочки еле-еле удерживали ящик на поверхности воды. Моряк боялся, что ящик отвяжется и пойдет ко дну; но, к счастью, страхи Пенкрофа оказались напрасными, и через полтора часа — столько времени понадобилось, чтобы проплыть расстояние в каких-нибудь три мили, — пирога пристала к берегу возле Гранитного дворца.

Лодку и ящик вытащили на песок; начался отлив, волна уже не могла их захлестнуть. Наб сбегал за инструментами, ящик осторожно вскрыли и тут же приступили к описи содержимого. Пенкроф явно был взволнован.

Моряк сначала отвязал бочки, которые были в полной сохранности и, само собой разумеется, могли пригодиться. Затем вытащил гвозди и поднял крышку.

Под ней находился второй ящик, сделанный из цинка, очевидно, он предохранял вещи от сырости.

— Ой, а вдруг там консервы? — закричал Наб.

— Надеюсь, что нет, — заметил журналист.

— Ах, если бы там нашелся... — пробормотал Пенкроф.

— А что именно? — спросил Наб, услышав его слова.

— Да нет, ничего!

Цинковую крышку рассекли посередине, отогнули к краям ящика, стали извлекать самые разнообразные предметы и складывать их на песок. Как только появлялась какая-нибудь вещь, Пенкроф кричал «ура», Герберт хлопал в ладоши, а Наб танцевал негритянский танец. Были там и книги, которые привели Герберта в восторг, и кухонная посуда, которую Наб готов был расцеловать.

Все колонисты были просто счастливы, потому что в ящике нашлись и инструменты, и оружие, и приборы, и одежда, и книги, и многое другое; вот точный перечень вещей, занесенный в записную книжку Гедеона Спилета:

Инструменты:

3 ножа с несколькими лезвиями,
2 лесорубных топора,
2 плотничьих топора,
3 рубанка,
2 маленьких тесла,
1 двусторонний топор,
6 стамесок,
2 напильника,
3 молотка,
3 бурава,
2 сверла,
10 мешков с гвоздями и винтами,
3 пилы разных размеров,
2 коробки с иглами.

Оружие:

2 кремневых ружья,
2 пистонных ружья,
2 карабина центрального боя,
5 охотничьих ножей,
4 абордажных палаша,
2 бочонка с порохом, фунтов по двадцать пять в каждом,
12 коробок с пистонами.

Приборы:

1 секстан,

1 бинокль,
1 подзорная труба,
1 готовальня,
1 карманный компас,
1 термометр Фаренгейта,
1 барометр-анероид,
1 коробка с фотографическим аппаратом и набором принадлежностей — объектив, пластинки, химические вещества для проявления и т. д.

Одежда:

2 дюжины рубашек из ткани, похожей на шерстяную, но, очевидно, сделанной из растительного волокна.
3 дюжины носков из той же ткани.

Утварь:

1 чугунный котелок,
6 медных луженых кастрюль,
3 чугунные сковородки,
10 алюминиевых приборов,
2 чайника,
1 маленькая переносная печка,
6 столовых ножей.

Книги:

1 Библия с Ветхим и Новым заветом,
1 атлас,
2 словаря полинезийских наречий,
1 Энциклопедия естественных наук в шести томах,
3 стопы писчей бумаги,
2 конторские книги.

Закончив опись предметов, журналист сказал:

— Владелец ящика был человек предусмотрительный, ничего не скажешь. Тут есть все, решительно все: инструменты, оружие, приборы, одежда, посуда, книги, — ничего не забыто. Право, можно подумать, что он ждал кораблекрушения и даже заранее к нему приготовился!

— Да, действительно ничего не забыто, — прошептал Сайрес Смит, о чем-то размышляя.

— И уж конечно, — добавил Герберт, — судно, разбитое бурей, ящик и его владелец не имеют

никакого отношения к малайским пиратам!

— Если только владелец не был в плену у пиратов, — заметил Пенкроф.

— Вряд ли, — возразил журналист, — вернее всего, буря застигла близ берега какое-нибудь американское или европейское судно, а пассажиры, чтобы спасти самое необходимое, уложили вещи в ящик и бросили его в море.

— А ваше мнение, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Я тоже так думаю, дружок, — ответил инженер, — пожалуй, так все и было. Вероятно, предвидя кораблекрушение, люди сложили в ящик предметы первой необходимости, надеясь, что потом найдут их на берегу.

— И даже фотографический аппарат! — заметил с недоверчивым видом моряк.

— И мне непонятно, зачем понадобился фотографический аппарат, — ответил Сайрес Смит, — для нас, как и для всех потерпевших крушение, было бы куда лучше иметь лишнюю смену одежды да побольше боевых припасов!..

— А нет ли на приборах, инструментах и книгах фабричной марки или названия города? Мы узнали бы тогда, откуда прибыл их владелец, — сказал Гедеон Спилет.

Они решили осмотреть все вещи. Внимательно обследовали каждый предмет, особенно книги, приборы и оружие. Но, против обыкновения, на ружьях и книгах не было указано, где они производились или печатались, а ведь фабричная марка не могла стереться, ибо вещи, очевидно, еще не были в употреблении; кухонная посуда и инструменты тоже были совсем новыми. Словом, все доказывало, что люди не впопыхах бросили вещи в ящик, а, напротив, выбирали каждый предмет обдуманно, тщательно. Об этом свидетельствовал и внутренний металлический ящик, предохранявший вещи от сырости, его нельзя было запаять в спешке.

Энциклопедический словарь и словарь полинезийских наречий напечатаны были на английском языке, но ни фамилии издателя, ни года издания указано не было.

Библия, тоже английская, была превосходно издана in quarto,[\[114\]](#) и, казалось, ее много раз читали и перечитывали.

На великолепном атласе с картами обоих полушарий, в проекции Меркатора и с географическими названиями на французском языке, тоже не было указано ни года издания, ни фамилии издателя.

Колонисты тщательно осмотрели все вещи, но не могли догадаться, какой стране принадлежало судно, очевидно недавно побывавшее в здешних водах. Но откуда бы ни появился ящик, он обогатил колонистов острова Линкольна. До сих пор они пользовались лишь дарами природы, все делали сами, а разум и знания помогали им выходить из трудного положения. Не провидение ли, желая вознаградить их, ниспослало им фабричные изделия? И поселенцы вознесли к небесам благодарственную молитву.

Впрочем, один из них — Пенкроф — был не вполне доволен. Очевидно, в ящике не оказалось именно того, чего ему так недоставало, и пока извлекали предмет за предметом, все тише и тише раздавалось его «ура», а когда опись была закончена, все услышали, как он пробурчал:

— Все это чудесно, но сами видите — для меня в ящике ничего не нашлось.

Тут Наб его спросил:

— А чего же ты ждал, дружище?

— Полфунтика табачку! — серьезно ответил Пенкроф. — Уж тогда я был бы вполне счастлив.

При этом замечании Пенкрофа все весело засмеялись. Теперь, после находки, необходимо было тщательнее, чем прежде, обследовать остров. Друзья решили на другой же день, с рассветом, пуститься в путь, подняться вверх по реке Благодарения и добраться до западной части острова. Быть может, потерпевшие кораблекрушение высадились там на побережье и оказались в бедственном положении, — колонистам хотелось поскорее прийти к ним на помощь.

За день поселенцы перенесли все вещи в Гранитный Дворец и аккуратно уложили в большой комнате.

В тот день, 29 октября, было воскресенье, и, прежде чем лечь спать, Герберт спросил инженера, не прочтет ли он им несколько строк из Евангелия.

— Охотно прочту, — ответил Сайрес Смит.

Он взял книгу и собрался было открыть ее, но Пенкроф вдруг сказал:

— Мистер Сайрес, я суеверен. Откройте-ка наугад и прочтите нам первый стих, какой попадется вам на глаза. Посмотрим, подойдет ли он к нашему положению.

Сайрес Смит усмехнулся, но исполнил желание моряка — он открыл Евангелие как раз на том месте, где была вложена закладка.

И вдруг его взгляд упал на красный крестик, сделанный карандашом перед восьмым стихом VII главы Евангелия от Матфея.

И он прочел этот стих, гласивший:

«Просите, и дано будет вам; ищите — и найдете».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отплытие. — Начало прилива. — Вязы и крапивные деревья. — Различные растения. — Жакамар. — Лесной пейзаж. — Эвкалипты-великаны. — Деревья, предохраняющие от лихорадки. — Стаи обезьян. — Водопад. — Ночлег.

На следующий день, 30 октября, колонисты собрались в путь. Теперь, после всего, что недавно произошло, исследование острова нельзя было откладывать.

Действительно, обстоятельства сложились так, что обитатели острова Линкольна уже не думали о том, как помочь себе, а готовы были сами оказать помощь.

Они решили подняться как можно дальше вверх по реке Благодарения. Таким образом, большая часть пути будет не слишком утомительной, и им удастся переправить на лодке продовольствие и оружие почти до западного побережья острова.

Надо было решить, какое снаряжение необходимо взять с собой, помня о том, что, может быть, придется привезти какие-то вещи в Гранитный дворец. Если и в самом деле у берегов острова произошло кораблекрушение, как это предполагалось, найдется немало вещей выкинутых морем и, вероятно, очень полезных. Конечно повозка была бы удобнее утлой пироги, но в тяжелую и громоздкую повозку пришлось бы впрячься самим, и это заставило Пенкрофа пожалеть, что в ящике не оказалось не только «полуфунтика табачку», но и пары сильных породистых нью-джерсийских лошадей, которые оказали бы столько услуг поселенцам.

Наб уже погрузил в лодку провизию: солонину, несколько галлонов пива и напитка из корней драцены, то есть съестные припасы на три дня — самый долгий срок, назначенный Сайресом Смитом для путешествия. Кроме того, поселенцы рассчитывали пополнить запасы в дороге, и Наб предусмотрительно захватил, кроме всего прочего, и переносную печурку.

Они взяли с собой также два топора, чтобы прокладывать дорогу в чаще леса, бинокль и карманный компас. Из оружия выбрали два кремневых ружья, более пригодных здесь, чем пистонные ружья, так как для кремневых ружей нужны лишь кремни, а их нетрудно было заменить: запас пистонов при частом употреблении скоро бы иссяк; путешественники взяли также карабин и патроны. Они захватили с собой и запас пороха — в бочонках его было около пятидесяти фунтов; к тому же инженер собирался взамен его изготовить какое-то взрывчатое вещество. К огнестрельному оружию добавили пять охотничьих ножей в кожаных чехлах; при таком снаряжении можно было смело углубиться в девственный лес, а в случае необходимости и постоять за себя.

Нечего говорить, что Пенкроф, Герберт и Наб, вооружившись до зубов, были вне себя от радости, хотя они и обещали Сайресу Смиту не делать без нужды ни единого выстрела.

В шесть часов утра спустили пирогу на воду. Путешественники, считая и Топа, разместились в ней и поплыли по морю к устью реки Благодарения.

Прилив начался всего лишь полчаса назад. Значит, он должен был продлиться еще несколько часов, и этим следовало воспользоваться: ведь позже, при отливе, плыть против течения было бы трудно. Прилив был высокий, ибо через три дня наступало полнолуние, и пирога, которую он подгонял вверх по течению, быстро скользила между двух высоких берегов, даже без помощи весел.

За несколько минут друзья доплыли до излучины реки и оказались у того места, где полгода назад Пенкроф соорудил первый плот.

Здесь река довольно круто поворачивала и, делая излучину, текла к юго-западу под сенью больших хвойных деревьев.

Берега реки Благодарения были очень живописны. Сайрес Смит и его друзья любовались красотами природы, которые она создает с такой легкостью, сочетая леса и реки. Они продвигались вперед, и породы деревьев менялись. На правом берегу ярусами поднимались великолепные деревья из семейства ильмовых — могучие вязы, древесина которых долго не портится в воде, поэтому за ними так и охотятся кораблестроители. Были тут и целые рощи других деревьев, относящихся к тому же семейству, были тут и крапивные деревья, плоды которых дают полезный продукт — масло. А еще дальше Герберт заметил несколько лардизабаловых деревьев — из их гибких ветвей, вымоченных в воде, получаются превосходные канаты — и два-три ствола черного дерева, густого темного цвета с причудливыми прожилками.

В иных местах, там, где легко было причалить, лодка останавливалась. И Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, с ружьями наперевес, в сопровождении Топа обследовали берег. Здесь попадалась не только дичь, но и полезные растения, пренебрегать которыми не следовало; юный натуралист был очень доволен, ибо он открыл разновидность дикого шпината из семейства лебедовых и множество крестоцветных растений, принадлежащих к роду капустных, — их, без сомнения, можно было выращивать, пересадив на другую почву; тут росли кресс луговой, хрен, репа и небольшие, в метр высотой, покрытые пушком, кустистые растения с коричневатыми семенами.

— Знаешь, что это за растение? — спросил Герберт моряка.

— Да это табак! — воскликнул Пенкроф, которому, очевидно, доводилось видеть свое излюбленное зелье только в трубке.

— Нет, Пенкроф! — ответил Герберт. — Не табак, горчица.

— Горчица так горчица, — сказал моряк, — но ежели случайно, сынок, на глаза тебе попадетя табак — не пренебрегай им.

— Найдем и его когда-нибудь! — заметил Гедеон Спилет.

— Вот было бы хорошо! — воскликнул Пенкроф. — Право, в тот день у нас на острове только птичьего молока не будет!

Они тщательно выкапывали различные растения, переносили их в пирогу, из которой не выходил Сайрес Смит; он сидел в ней и о чем-то размышлял.

Журналист, Герберт и Пенкроф высаживались несколько раз то на правом, то на левом берегу. Правый был не такой крутой, а левый более лесистый. Инженер определил по компасу, что от первой излучины река течет с юго-запада на северо-восток почти по прямой линии на протяжении трех миль. Быть может, дальше ее течение менялось, и она поворачивала к северо-западу, к отрогам горы Франклина, откуда, вероятно, и брала начало.

Гедеону Спилету удалось поймать на берегу двух самцов и двух самок из семейства куриных. То были птицы с длинными и тонкими клювами, длинной шеей, короткими крыльями и без признаков хвоста. Герберт был совершенно прав, определив, что это скрытохвосты, и тут же было решено, что они станут первыми обитателями будущего птичника.

Но до сих пор ружья молчали, и только когда появилась красивая птица, похожая на зимородка, в лесах Дальнего Запада раздался первый выстрел.

— Узнаю ее, — крикнул Пенкроф, ружье которого словно само выстрелило.

— Кого вы узнаете? — спросил журналист.

— Да птицу! Она-то и улизнула от нас, когда мы в первый раз исследовали остров, — в ее честь мы окрестили лес!

— Жакамар! — воскликнул Герберт.

И правда, это был жакамар — прекрасная птица с довольно жестким оперением, отливающим металлическим блеском. Несколько дробинок убили жакамара наповал, и Топ принес его в лодку, а за ним с дюжину хохлатых попугайчиков из семейства парнопалых, величиною с голубя; оперение у них ярко-зеленое, полкрыла — малиновое, а на хохолке — белый ободок. Юноше принадлежала честь удачного выстрела, и он был очень горд. Попугайчики вкуснее жакамара, — его мясо жестковато, но Пенкрофа было трудно убедить, что на свете найдется дичь лучше, чем убитый им жакамар.

В десять часов утра пирога очутилась у второй излучины реки — в пяти милях от устья. Путешественники устроили привал, позавтракали и отдохнули с полчаса в тени высоких красивых деревьев.

Ширина реки достигала тут шестидесяти — семидесяти футов, а глубина — шести. Инженер заметил, что в реку впадают многочисленные притоки, делаая ее полноводнее, но что все эти речушки несудоходны. Лес же, который поселенцы называли лесом Жакамара, а также лесом Дальнего Запада, тянулся все дальше, и казалось, ему нет конца. Но ни в чаще, ни у берега реки ничто не свидетельствовало о присутствии человека. Путники не обнаружили ничего, что говорило бы о том, что здесь есть люди, и было ясно, что топор еще не касался деревьев, что охотничий нож еще не рассекал лиан, перекинувшихся со ствола на ствол, среди непроходимого кустарника и высоких трав. И если люди, потерпевшие кораблекрушение, и высадились на острове, то, очевидно, нашли убежище где-нибудь на берегу, у самого моря, а не здесь, в непроходимых зарослях.

Поэтому-то инженер и торопил товарищей — он спешил добраться до западного берега острова Линкольна, по его расчетам находившегося по крайней мере в пяти милях. Они снова пустились в путь, и хотя им казалось, что русло реки ведет их не к берегу, а скорее к горе Франклина, все же было решено плыть до тех пор, пока под днищем пироги будет достаточно воды, — так сохранялись силы и выгадывалось время; если бы они пошли лесом, им пришлось бы прокладывать дорогу топором.

Но вскоре течение перестало помогать им, может быть, оттого, что ослабел прилив — действительно в этот час пора было начаться отливу, — а может быть, оттого, что прилив не чувствовался на таком расстоянии от устья реки Благодарения. Пришлось взяться за весла. Наб и Герберт уселись на банку, Пенкроф — за кормовое весло, служившее рулем, и пирога снова поплыла вверх по течению.

Чем дальше плыли они к лесам Дальнего Запада, тем реже становился лес. Деревья росли не так густо и даже кое-где стояли поодиночке. Но именно потому, что между ними было много места, света и воздуха, они разрослись на приволье и были великолепны.

Какие роскошные представители растительного мира встречаются в этих широтах! Посмотрев на них, ботаник без колебания определил бы, на какой параллели лежит остров Линкольна.

— Эвкалипты! — крикнул Герберт.

И действительно, то были величественные деревья, последние исполины субтропической зоны, сородичи тех эвкалиптов, что растут в Австралии и Новой Зеландии, лежащих на той же широте, что и остров Линкольна. Иные из них были высотой в двести футов. Окружность ствола достигала у основания двадцати футов, а кора, по которой стекала душистая смола, была толщиной в пять дюймов. Нет на свете ничего чудеснее и своеобразнее этих огромных деревьев из семейства миртовых, листья которых

повернуты ребром к свету и не загораживают солнечных лучей, доходящих до самой земли!

У подножия эвкалиптов землю покрывала сочная трава, из нее стаями вылетали крошечные птички, переливаясь в сверкающих лучах солнца, как крылатые рубины.

— Вот так деревья! — воскликнул Наб. — Только есть ли от них прок?

— Э! Видно, бывают на свете великаны деревья, как и великаны люди! — подхватил Пенкроф. — Их только на ярмарке показывать — какой от них еще прок!

— Думаю, что вы ошибаетесь, Пенкроф, — заметил Гедеон Спилет, — эвкалипт начинают применять — и весьма успешно: из него мастерят красивые столярные изделия.

— Кроме того, — добавил Герберт, — эвкалипты принадлежат к группе, в которой есть множество полезных видов: фейхоа, дающая плоды фейхоа; гвоздичное дерево, из цветов которого готовят пряности; гранатовое, приносящее гранаты; «*eugenia cauliflora*», из ее плодов получается вполне сносное вино, мирт «*igni*», его сок — вкусный алкогольный напиток; мирт «*caryophyllus*» — из его коры добывается превосходная корица; «*eugenia pimenta*» дает ямайский стручковый перец; мирт обыкновенный, ягоды которого заменяют перец; «*eucalyptus robusta*», из которого добывается очень вкусная манна; «*eucalyptus Guinei*», из перебродившего сока которого готовится пиво; наконец, деревья, известные под названием «деревья жизни», или «железные деревья», которые принадлежат к тому же семейству миртовых, оно насчитывает сорок шесть родов и тысячу триста видов.

Юношу не прерывали, и он с воодушевлением преподавал этот урок ботаники. Сайрес Смит слушал его с улыбкой, а Пенкроф с гордостью, не поддающейся описанию.

— Молодец Герберт, — сказал моряк, — но готов побиться об заклад: все полезные растения, которые ты тут перечислил, не такие великаны, как вот эти!

— Что верно, то верно, Пенкроф.

— Выходит, я прав, — заметил моряк, — великаны никуда не годятся!

— Вы ошибаетесь, Пенкроф, — сказал инженер, — как раз эти гигантские эвкалипты, под которыми мы расположились, годятся для многого.

— Для чего же?

— Для оздоровления края, где они растут. Знаете ли вы, как их называют в Австралии и Новой Зеландии?

— Нет, мистер Сайрес.

— Их называют «гонителями лихорадки».

— Они изгоняют лихорадку?

— Нет, предохраняют от нее.

— Так. Записываю, — заметил журналист.

— Записывайте, любезный Спилет, — доказано, что эвкалипты оздоравливают местность. Это благодетельное средство, данное самой природой, испробовали на юге Европы и в Северной Африке, где почва чрезвычайно болотиста, — и что же? Состояние здоровья местных жителей мало-помалу улучшалось. В районах, покрытых лесами эвкалиптов, не встречается перемежающейся лихорадки. Факт этот уже не внушает сомнений, что очень приятно и для нас, поселенцев острова Линкольна.

— Ну и остров! Благословенная земля — наш остров! — воскликнул Пенкроф. — Говорю вам — на нем все есть, чего ни пожелаешь... вот только если бы...

— И это будет, Пенкроф, и его отыщем, — сказал инженер, — но пора в путь, будем плыть до тех пор, пока река не обмелеет.

Итак, путешественники продолжали исследовать край. Они проплыли еще мили две среди эвкалиптов, которые в этой части острова возвышались над всеми другими деревьями. Эвкалиптовые леса были необозримы; они тянулись по обе стороны реки Благодарения, которая змеилась, теснясь между крутыми зелеными берегами. Местами русло заросло высокими травами, из воды выступали острые скалы, что затрудняло плавание. Грести было нелегко, и Пенкрофу пришлось отталкиваться шестом. Видно было, что вода в реке постепенно спадает и что недалек тот час, когда придется стать из-за мелководья. Уже солнце склонялось к горизонту и на землю ложились длинные тени деревьев. Сайрес Смит, понимая что засветло им не добраться до западного берега острова решил расположиться на ночлег в том месте, где из-за мелководья надо будет прервать плаванье. Он полагал, что до морского берега оставалось еще пять-шесть миль, — расстояние было слишком велико, не стоило идти ночью, особенно по этим неведомым лесам.

Лодка плыла вверх по течению, среди леса, который становился все гуще, казалось, что в нем и зверья водилось больше, ибо моряк, если зрение его не обманывало, видел стаи обезьян, снующих между деревьями. Порой то одна, то другая останавливалась неподалеку от лодки и смотрела на путешественников без всякого страха, будто видела людей впервые и еще не знала, что их нужно бояться. Было очень легко перестрелять обезьян, но Сайрес Смит восстал против бессмысленного уничтожения животных, хотя это и соблазняло страстного охотника Пенкрофа. Да и стрелять было неблагоприятно, ибо сильные и необычайно проворные обезьяны в ярости страшны и лучше их не раздражать.

Правда, моряк смотрел на обезьяну с чисто кулинарной точки зрения; и в самом деле, мясо этих травоядных животных превосходно. Но путешественники не нуждались в съестных припасах и не хотели понапрасну расходовать патроны.

Время близилось к четырем часам пополудни; плыть по реке Благодарения стало еще труднее, ибо водоросли и камни преграждали путь. Берега поднимались все выше: река извивалась между первыми отрогами горы Франклина. Очевидно, ее истоки были неподалеку отсюда, они питались водами, бегущими с южных склонов горы.

— И четверти часа не пройдет, как нам придется остановиться, мистер Сайрес.

— Ну что же, и остановимся, Пенкроф, расположимся на ночлег.

— Далеко ли мы отплыли от Гранитного дворца? — спросил Герберт.

— Да миль на семь, — ответил инженер, — но я принимаю во внимание повороты реки, из-за них мы отклонились на северо-запад.

— Поплывем дальше? — спросил журналист.

— Да, пока это возможно, — ответил Сайрес Смит, — завтра на рассвете высадимся из лодки, надеюсь, часа за два доберемся до побережья и за день исследуем прибрежную полосу.

— Вперед! — крикнул Пенкроф.

Но вскоре лодка стала задевать каменистое дно реки, ширина которой в этом месте не достигала и двадцати футов. Густая зелень аркой перекидывалась над рекой и окутывала ее полутьмою. Довольно отчетливо слышался шум водопада, и это говорило о том, что неподалеку отсюда вверх по течению находится естественная плотина.

И действительно, за поворотом реки путешественники сквозь деревья увидели небольшой водопад. Лодка ударилась о дно, а через несколько минут ее привязали к стволу дерева у правого берега.

Было около пяти часов. Последние лучи заходящего солнца проникали сквозь густую листву деревьев, преломляясь в струях воды, и мелкие брызги, разлетавшиеся веером, искрились всеми цветами радуги. А дальше река Благодарения терялась в лесной заросли — там, где брала начало. Речушки, впадавшие в нее на всем протяжении, превращали ее ближе к устью в настоящую реку, здесь же она была прозрачным мелким ручьем.

В этом прелестном уголке путники и расположились на ночлег. Они разгрузили лодку, разожгли костер и приготовили ужин в небольшой рощице крапивных деревьев, в ветвях которых Сайрес Смит и его товарищи могли в случае необходимости найти приют на ночь.

С ужином покончили быстро, потому что все очень проголодались, и теперь оставалось одно — лечь спать. Но лишь только стемнело, раздалось рычание, послышался рев каких-то зверей, поэтому путники подбросили сучьев в костер — пусть горит всю ночь, пусть его сверкающее пламя охраняет спящих. Наб и Пенкроф дежурили по очереди и не жалели топлива. Вероятно, они не ошиблись, думая, что видят тени каких-то животных, — звери бродили вокруг лагеря, мелькали среди ветвей деревьев; однако ночь прошла без приключений, и на следующий День, 31 октября, все уже были на ногах с пяти часов утра, готовясь продолжать путь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

По пути к побережью. — Обезьяны. — Еще одна река. — Почему не ощущается прилив. — Лес вместо берега. — Змеиный мыс. — Герберт завидует Гедеону Спилету. — Как горит бамбук.

Было шесть часов утра, когда колонисты, покончив с завтраком, пустились в путь, им хотелось поскорее достигнуть западного берега. За сколько часов доберутся они туда? Сайрес Смит сказал, что за два, но, очевидно, это зависело от того, какие препятствия встанут у них на пути. Эта часть Дальнего Запада, казалось, была покрыта сплошными лесами — росли там самые разнообразные породы деревьев. Путникам, вероятно, предстояло прокладывать себе дорогу топором сквозь заросли трав, кустарника, лиан, не выпуская из рук, конечно, и ружья, — недаром ночью слышалось рычание хищных зверей.

Точное местоположение лагеря можно было определить по горе Франклина; вулкан возвышался на севере, на расстоянии по крайней мере трех миль, — значит, чтобы добраться до побережья, нужно было идти прямо к юго-западу.

Путешественники тщательно привязали лодку и пустились в дорогу. Пенкроф и Наб несли съестные припасы — их было вполне достаточно для маленького отряда по крайней мере на два дня. Решили не охотиться. Инженер посоветовал своим спутникам без нужды не стрелять, чтобы не выдать своего присутствия вблизи от берега моря.

Первыми ударами топора они расчистили себе путь среди густых зарослей, чуть повыше водопада; и Сайрес Смит с компасом в руке пошел вперед, указывая дорогу.

Почти все деревья, растущие тут, в лесу, уже встречались им на озере и на плато Кругозора. Были тут деодары, дугласы, казуарины, камедные деревья, эвкалипты, драцены, гибиски, кедры и деревья других пород, но росли они так тесно, что почти все были низкорослы. Путники медленно продвигались по тропинке, которую прокладывали на ходу, — Сайрес Смит задумал соединить ее впоследствии с дорогой вдоль Красного ручья.

Они все время шли вниз, спускаясь по широким уступам, характерным для орографической системы острова; почва была сухая, но ее покрывала роскошная растительность, которую, очевидно, питали подземные ручьи, а может быть, поблизости протекала речка. Однако Сайрес Смит не заметил, когда восходил на потухший вулкан, других речек, кроме Красного ручья и реки Благодарения.

Путники шли уже несколько часов, когда им встретились целые стаи обезьян, проявлявших живейшее любопытство, ибо они видели людей впервые. Гедеон Спилет шутливо спрашивал, уж не принимают ли эти проворные и сильные четверорукие его самого и его спутников за своих собратьев-выродков? И правда, путники на каждом шагу останавливались перед зарослями кустарника, путались в лианах, спотыкались о поваленные деревья и не могли блеснуть ловкостью по сравнению с обезьянами, которые легко прыгали с ветки на ветку и преодолевали любые препятствия. Обезьян было множество, но, к счастью, они не проявляли враждебных намерений.

Попадались также кабаны, агути, кенгуру и разные грызуны, а раза два-три — сумчатый медведь. Пенкроф с удовольствием всадил бы в зверей несколько пуль.

— Охота еще не разрешена, — говорил он. — Прыгайте пока, приятели, скачите и летайте спокойно. На обратном пути мы с вами потолкуем.

В половине десятого утра безымянная горная речка шириной в тридцать — сорок футов преградила им путь; течение у нее было стремительное, бурное; волны бились о скалы и шумно бурлили. Плыть по этому глубокому и прозрачному потоку на лодке было невозможно.

— Вот путь и отрезан! — воскликнул Наб.

— Нет, — ответил Герберт, — ведь это всего-навсего ручей, и мы его переплывем.

— Зачем же? — сказал Сайрес Смит. — Ясно, что он течет к морю. Пойдемте вдоль левого берега; держу пари, речка очень скоро выведет нас к морю. Идемте же!

— Погодите, друзья! — воскликнул журналист. — А как мы назовем речку? Пусть не будет «белых пятен» на нашей карте.

— Верно! — одобрил Пенкроф.

— Ну-ка, дружок, дай ей название, — обратился инженер к Герберту.

— Не лучше ли нам подождать и сначала обследовать ее до самого устья? — заметил юноша.

— Ну что ж, — сказал Смит. — Идемте вниз по течению, живее!

— Погодите-ка! — воскликнул Пенкроф:

— Что такое? — спросил журналист.

— Охота запрещена, а вот рыбная ловля, я полагаю разрешается.

— Нельзя терять времени, — ответил инженер.

— Всего пять минут, — возразил Пенкроф. — Задержу вас только на пять минут, — ведь обед от этого выиграет.

И Пенкроф лег на берег, опустил руки в быстрые воды и вмиг наловил несколько дюжин превосходных раков, кишевших между скалами.

— Отличная будет закуска! — воскликнул Наб, помогая другу.

— Я ведь говорил, что, за исключением табака, все есть на этом острове, — пробормотал Пенкроф, вздыхая.

За пять минут наловили уйму раков — так много водилось их в речке. Наполнив целый мешок этими раками с синим, точно кобальт панцирем и небольшими клешнями, колонисты снова двинулись в путь.

Идти вдоль потока стало легче, и путники продвигались вперед быстрее. По-прежнему ничто вокруг не говорило о присутствии человека. Время от времени попадались следы крупных животных, спускавшихся к речке на водопой, — вот и все; разумеется, не в этой части Дальнего Запада в пекари попала дробинка, из-за которой Пенкроф поплатился зубом.

Однако, наблюдая за быстрым потоком, бежавшими к морю, Сайрес Смит предположил, что они находятся гораздо дальше от западного берега, чем думают. Действительно, уже наступил прилив, и он непременно погнал бы вспять воды потока, если бы устье находилось лишь в нескольких милях отсюда. Однако река текла по естественному уклону. Инженер был изумлен; он то и дело посматривал на компас, чтобы удостовериться, не уводит ли их извилистое течение обратно в дебри лесов Дальнего Запада.

А поток все расширялся, и воды его становились все спокойнее. Деревья на правом берегу росли так же густо, как и на левом, чаща была непроницаема, но, конечно, леса были необитаемы — ведь Топ не лаял, а умный пес тотчас же оповестил бы о присутствии людей, если бы они расположились неподалеку от речки.

В половине одиннадцатого, к великому удивлению Сайреса Смита, Герберт, опередивший своих спутников, вдруг остановился и крикнул:

— Море!

Через несколько секунд путники вышли на опушку леса, и перед их глазами предстал западный берег острова.

Но как отличался этот берег от восточного, на который их выбросило волнами! Тут — ни гранитного кряжа, ни рифов, ни песка! Прибрежная полоса поросла лесом, волны добежали до деревьев, склонившихся к воде. То не был обычный берег, каким его создает природа, расстилая обширный песчаный ковер, причудливо нагромождая скалы, то была чудесная лесная опушка с прекраснейшими на свете деревьями. Русло реки было расположено так высоко, что до него не доходило море даже в часы самых сильных приливов; на плодородной почве с гранитным основанием величественные деревья всех пород пустили такие же прочные корни, как и там, в глубине острова.

Колонисты очутились у небольшой бухты, в которой не поместилось бы даже два-три рыболовных судна; она-то и являлась устьем реки; ее воды не впадали в море, плавно катясь по пологому склону, а низвергались с высоты сорока футов, а то и больше, — вот почему прилив не изменял течения потока. Никогда еще, вероятно, волны Тихого океана, как бы высок ни был прилив, не достигали берегов речки, которая как бы образовала естественный шлюз, и, без сомнения, только через миллионы лет водам суждено было подточить его гранитное дно и проложить удобный путь для реки, впадающей в море. Поэтому, с общего согласия, потоку дали название «Водопадная речка».

Лес тянулся к северу по самому берегу, почти на протяжении двух миль; а дальше он редел, и за деревьями вдоль побережья, идущего почти по прямой линии, виднелась живописная гряда холмов. Вся южная часть берега между Водопадной речкой и Змеиным мысом сплошь была покрыта лесом, морские волны доходили до великолепных деревьев с прямыми или склонившимися к воде стволами. Именно здесь, то есть на полуострове Извилистом, и надо было продолжать поиски, ибо в этой части побережья, а не в другой, бесплодной и дикой, очевидно, нашли убежище люди, потерпевшие кораблекрушение, кем бы они ни были.

Стояла отличная, ясная погода, и с высокого скалистого берега, на котором Наб с Пенкрофом готовили обед открывался широкий вид. На горизонте не белело ни паруса. На всем побережье, насколько мог охватить глаз, не виднелось ни лодки, ни обломков кораблекрушения. Но Сайрес Смит все же решил исследовать побережье, вплоть до оконечности полуострова Извилистого.

С обедом быстро покончили; в половине двенадцатого Сайрес Смит дал сигнал собираться в дорогу; перед ними лежал не каменистый берег, не прибрежная песчаная полоса, а им приходилось пробираться через чащу, у самой воды.

Расстояние, отделяющее устье Водопадной речки от Змеиного мыса, равнялось милям двенадцати. Его можно было бы пройти за четыре часа по хорошей дороге, но наши путники шли вдвое дольше, так как приходилось огибать деревья, прорубать густой кустарник и разрывать лианы, в которых путались ноги.

Все это значительно удлиняло путь.

Друзья так и не обнаружили следов кораблекрушения. Быть может, как справедливо заметил Гедеон Спилет, волны все унесли в море; если даже не удастся найти ни одного обломка, нельзя утверждать, будто море не выбросило разбитый корабль на западный берег острова Линкольна.

Журналист рассуждал правильно, кроме того, случай с дробинкой неопровержимо доказывал, что месяца три тому назад на острове кто-то выстрелил из ружья.

Было уже пять часов вечера, а путникам оставалось еще пройти две мили до крайней точки полуострова Извилистого. Было ясно, что, дойдя до Змеиного мыса, они не успеют до захода солнца вернуться к тому месту, где утром устроили привал, — близ истоков реки Благодарения. Поэтому предстояло провести ночь на мысе. Съестных припасов у них было достаточно, и это оказалось очень

кстати, ибо в лесу, на побережье, зверей не попадалось. Птиц же было множество: жакамары, куруку, трагопаны, тетерева, маленькие и большие попугаи, какаду, фазаны, голуби и сотни других пернатых. Не было дерева без гнезда, не было гнезда, из которого не доносилось бы хлопанье крыльев!

К семи часам вечера изнуренные, усталые путники подошли к Змеиному мысу, причудливым завитком выдававшимся в море. Здесь кончился лес, и берег на юге острова превратился в самый обычный морской берег — появились скалы, рифы и песчаные отмели. Может быть, где-нибудь здесь и был выброшен корабль, потерпевший крушение, но уже стемнело, исследование пришлось отложить на завтра.

Пенкроф и Герберт принялись искать место, удобное для ночлега. Лес обрывался, а за ним юноша с удивлением заметил густую бамбуковую рощу.

— Ценное открытие! — воскликнул он.

— Почему же ценное? — спросил Пенкроф.

— А вот почему, — ответил Герберт, — видишь ли, Пенкроф, стволы бамбука, изрезанные на тонкие гибкие полоски, служат для плетения корзин; если его стебли вымочить и превратить в тесто, можно приготовить китайскую бумагу; из бамбуковых стволов, в зависимости от их толщины, выделывают трости, чубуки, водопроводные трубы; большие бамбуки — прекрасный, легкий и прочный строительный материал, его не подтачивает червь. Распилив ствол между двумя узлами, сохранив в качестве дна поперечную перегородку, мастерам прочные и удобные сосуды, они очень распространены в Китае. Но зачем я все это рассказываю, ведь тебе неинтересно. Но вот еще что...

— А что?..

— Знай же, если еще не знаешь, что в Индии бамбук едят вместо спаржи.

— Спаржа в тридцать футов высотой! — воскликнул Пенкроф. — И вкусная?

— Превкусная! — ответил Герберт. — Только в пищу идут, конечно, не тридцатифутовые стволы бамбука, а молодые побеги.

— Отлично, сынок, отлично!

— Молодые побеги, замаринованные в уксусе, — отменная приправа.

— Еще того лучше, Герберт!

— И, наконец, в стволах бамбука содержится сахаристый сок, а из него готовят приятный напиток.

— И это все? — спросил моряк.

— Все.

— А случайно, курить его нельзя?

— Нельзя, дружище.

Герберт и моряк недолго искали место, удобное для ночлега. Волны, подгоняемые юго-западным ветром, нещадно били в прибрежные скалы, и там зияли глубокие пещеры, в них можно было переночевать, укрыться от непогоды. Только приятели собрались войти в одну из пещер, как вдруг услышали яростное рычание.

— Назад! — крикнул Пенкроф. — Наши ружья заряжены лишь дробью, а дробь для зверей с таким громким голосом — крупинка соли.

Схватив Герберта за руку, моряк оттащил его под прикрытие скалы, и в тот же миг из пещеры вышел великолепный зверь.

Это был ягуар, такой же величины, как его сородичи в Азии, то есть длиной в пять футов. Его рыжую шкуру покрывали черные пятна. Они особенно ярко выделялись на белой шерсти брюха. Герберт узнал кровожадного соперника тигра, еще более опасного, чем кагуар, который всего лишь — соперник волка!

Ягуар сделал несколько шагов, потом остановился и стал озираться, шерсть у него поднялась дыбом, глаза засверкали, словно он уже не впервые сталкивался с человеком.

В эту минуту из-за высоких скал появился журналист, и Герберт, думая, что Спилет не заметил ягуара, бросился было к нему, но Гедеон Спилет знаком остановил его и продолжал идти вперед. Ему случалось охотиться на тигров; подойдя шагов на десять к зверю, он замер, целясь в него из карабина. На лице охотника не дрогнул ни один мускул.

Ягуар сжался в комок, готовясь броситься на человека, но в этот миг пуля попала ему между глаз: зверь был убит наповал.

Герберт и Пенкроф кинулись к ягуару, Наб и Сайрес Смит тоже прибежали, и все стали рассматривать зверя, распростертого на земле, решив, что его великолепная шкура украсит зал Гранитного дворца.

— Ах, мистер Спилет! Как я восхищен вами, как я вами завидую! — воскликнул Герберт в порыве вполне понятного восторга.

— Да ты, дружок, выстрелил бы не хуже.

— Я-то, с таким хладнокровием?..

— Надо только представить себе, Герберт, что вместо тигра перед тобой заяц, и ты преспокойно выстрелишь.

— Только и всего, Герберт, — заметил Пенкроф, — штука не хитрая.

— Вот что, — сказал Гедеон Спилет, — раз ягуар покинул свое логовище, почему бы нам и не переночевать у него?

— А вдруг вернутся другие! — с беспокойством заметил Пенкроф.

— А мы разведем костер у входа в пещеру, — возразил журналист, — и они не посмеют войти.

— Итак, вперед, в гости к ягуару! — воскликнул моряк, потащив за собой убитого зверя.

Колонисты направились к покинутому логовищу, а пока Наб сдирал с ягуара шкуру, его товарищи собрали у входа огромную кучу хвороста, которого в лесу было сколько угодно.

Сайрес Смит, увидев бамбуковую рощу, срезал несколько бамбуков и подмешал их к хворосту.

Покончив с делами, все расположились в пещере на песке, покрытом обглоданными костями; ружья были заряжены на случай внезапного нападения; путники поужинали и, прежде чем лечь спать, зажгли костер, разложенный у входа.

И сейчас же, словно по команде, раздался треск ружейных залпов — это загорелся бамбук, он вспыхнул, как настоящий фейерверк! Одного грохота было довольно, чтобы отпугнуть самых бесстрашных хищников.

Этот способ не был изобретением инженера, ибо, по свидетельству Марко Поло, его издревле применяли монголы, чтобы отпугивать от своих походных лагерей страшных хищников Средней Азии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Решено вернуться назад по южному побережью. — Очертания берега. — Поиски следов кораблекрушения. — То, что осталось от воздушного шара. — Открытие естественной гавани. — В полночь на берегу реки Благодарения. — Лодка уплыла.

Сайрес Смит и его спутники отлично выпались в пещере, любезно предоставленной им ягуаром.

С восходом солнца все уже были на берегу, на самой оконечности мыса, и снова осматривали горизонт, широко открывавшийся в этом месте. Инженер еще раз убедился что на море не видно ни паруса, ни остова разбитого судна, он ничего не обнаружил, даже глядя в подзорную трубу.

Ничего не было видно и на берегу моря, во всяком случае на южной стороне мыса — почти прямой полосе в три мили длиною, ибо дальше изгиб небольшого залива скрывал от взора остальную часть побережья; и, даже стоя на крайнем выступе полуострова Извилистого, нельзя было разглядеть мыс Коготь, заслоненный высокими береговыми скалами.

Итак, оставалось одно — исследовать южную часть острова. Но стоило ли отправляться немедленно в эту экспедицию и посвящать ей весь день 2 ноября?

Это не входило в первоначальный план колонистов. Действительно, оставив пирогу у истоков реки Благодарения, они решили после осмотра западного берега вернуться за ней и плыть вниз по течению реки до Гранитного дворца. Тогда Сайрес Смит рассчитывал найти на западном берегу гибнущее судно или корабль, бросивший там якорь, но теперь приходилось искать в южной части острова то, что они не нашли в западной.

Гедеон Спилет предложил обследовать остров, чтобы окончательно решить вопрос, не произошло ли здесь кораблекрушение, и спросил, сколько приблизительно миль отделяет мыс Коготь от крайней точки полуострова.

— Да около тридцати, если идти по берегу, — ответил инженер.

— Тридцать миль! — повторил Гедеон Спилет. — Ведь это целый день пути. И все же, по-моему, мы должны вернуться в Гранитный дворец по южному берегу.

— Но от мыса Коготь до Гранитного дворца еще по меньшей мере десять миль, — заметил Герберт.

— Что ж, сорок так сорок! — ответил журналист. — Пойдемте не теряя времени. Ведь мы узнаем неведомую часть побережья, и нам больше не придется ее исследовать.

— Все это верно, — сказал Пенкроф, — ну, а как быть с пирогой?

— Оставим пирогу у истоков, — ответил Гедеон Спилет, — ничего с ней не случится за два дня! Нельзя пожаловаться, что на острове нет прохода от грабителей!

— Однако стоит мне вспомнить о черепахе, как я начинаю во всем сомневаться.

— «Черепаша, черепаха!» — воскликнул журналист. — Разве вам не известно, что ее перевернуло волной!

— Как знать? — пробормотал инженер.

— Да, но... — начал было Наб.

Очевидно, Набу хотелось что-то сказать, потому что он открыл рот, словно собираясь говорить, но так и не вымолвил ни слова.

— Что ты хочешь сказать, Наб? — спросил инженер.

— Если мы вернемся по берегу, обогнув мыс Коготь, то будем отрезаны от дома, — ответил Наб.

— Рекой Благодарения! Это верно, — сказал Герберт. — Ни лодки, ни моста у нас не будет, и нам не переправиться на другой берег.

— Пустяки, мистер Сайрес, — заметил Пенкроф, — соорудим плот и без труда переплывем реку.

— А все же, — произнес Гедеон Спилет, — нам придется перекинуть мост через реку, чтобы наладить сообщение с лесами Дальнего Запада.

— Подумаешь, мост! — воскликнул Пенкроф. — Да ведь мистер Смит у нас инженер! Понадобится нам мост, он и построит мост; ну, а сегодня вечером я берусь переправить всех вас на другой берег, да так, что вы даже ног не замочите. Съестных припасов у нас хватит еще на день — это все, что нам нужно, да и дичи, надо думать, попадется не меньше, чем вчера. В путь!

Все горячо одобрили предложение журналиста, поддержанное Пенкрофом, ибо каждому тоже хотелось покончить со своими сомнениями и, обогнув мыс Коготь, завершить обследование острова. Но нельзя было терять ни минуты — ведь предстоял долгий путь в сорок миль, и путники не надеялись, что дойдут засветло до Гранитного дворца.

В шесть часов утра маленький отряд двинулся в дорогу. Друзья были начеку и, готовясь к встрече с двуногими или четвероногими зверями, зарядили ружья пулями, а Топ, бежавший впереди, получил приказ облазить опушку леса.

Начиная от мыса, похожего на хвост гигантского пресмыкающегося, там, где заканчивался полуостров, берег слегка изгибался на протяжении пяти миль; путники быстро прошли их, но, несмотря на самые тщательные исследования, ничего не обнаружили — ни следов давнишнего или недавнего кораблекрушения, ни следов привала, ни золы от потухшего костра, ни отпечатка человеческой ноги.

Наконец они пришли на то место, где берег поворачивал к северо-востоку, образуя бухту Вашингтона, и взору их открылось все южное побережье острова. В двадцати пяти милях еле виднелся в утреннем тумане мыс Коготь, и казалось — путников обманывало зрение, — будто он приподнят и висит между небом и водой. От этой точки и до конца обширной бухты тянулся ровный, плоский песчаный берег, на заднем плане окаймленный темной полосой леса. Дальше берег был сильно изрезан, острые косы уходили в море, а на самом краю мыса Коготь чернели скалы, нагроможденные в причудливом беспорядке.

Вот какие были очертания у этой части острова, которую исследователи видели впервые; они остановились, чтобы оглядеть все побережье.

— Судно, попавшее сюда, наверное, погибло, — сказал Пенкроф. — Песчаные мели, уходящие в открытое море, а за ними — подводные рифы! Опасные места!

— Но ведь что-нибудь да осталось бы! — заметил журналист.

— На рифах остались бы обломки судна, а вот на песке ничего бы и не осталось, — ответил моряк.

— Почему же?

— Потому что пески опаснее всяких скал, они все засасывают. За несколько дней мог исчезнуть бесследно корпус корабля, даже в несколько сот тонн.

— Значит, Пенкроф, — проговорил инженер, — нет ничего удивительного, что от корабля и следа не осталось, если он погиб тут на отмелях?

— Да, мистер Сайрес, время или буря, должно быть, замели все следы. И все же странно, что на

берегу, подальше от моря, не видно ни обломков мачт, ни досок.

— Будем же продолжать поиски! — сказал инженер.

В час пополудни поселенцы дошли до середины бухты Вашингтона — уже было пройдено двадцать миль.

Сделали привал, чтобы позавтракать.

Берег изменился: он был скалист, причудливо изрезан длинной грядой выстроились подводные камни, сменившие отмели; море, сейчас спокойное, должно было их обнажить во время отлива. Волны, отороченные пенистой бахромой, мягко разбивались о верхушки подводных утесов. Отсюда до мыса Коготь берег тянулся узкой полосой, стиснутой между грядой рифов и лесом.

Идти становилось все труднее: обломки скал преграждали путь вдоль моря. Все выше становился гранитный кряж, деревья, растущие на нем, казалось, отступали назад — виднелись одни лишь зеленые макушки, — они словно застыли в неподвижном воздухе.

Передохнув с полчаса, путники двинулись дальше и осмотрели каждый уголок в прибрежных скалах и на берегу. Пенкроф и Наб отважно добирались до самых отдаленных рифов, когда что-нибудь привлекало их внимание. И всякий раз обманывались, принимая за обломок корабля какой-нибудь причудливый выступ скалы. Лишь одно они обнаружили, что берег усыпан съедобными ракушками, но собирать их было бесполезно, пока через реку Благодарения не будет переправы и пока колонисты не обзаведутся более совершенными перевозочными средствами.

Итак, здесь тоже не удалось обнаружить следов предполагаемого кораблекрушения, а ведь путники непременно заметили бы, скажем, остов судна или его обломки, если бы море выбросило все это на берег, как выбросило оно ящик, найденный по крайней мере в двадцати милях отсюда. Нет, ровно ничего не было видно.

К трем часам Сайрес Смит и его друзья подошли к тесной, закрытой бухте — туда не впадало ни одной речушки. То была естественная гавань, неприметная с моря; узкий проход извивался между подводными скалами.

Очевидно, сильный подземный толчок расколол гряду утесов в глубине бухты, образовался пологий скат, по которому легко было взобраться на площадку, расположенную менее чем в десяти милях от мыса Коготь и, следовательно, в четырех милях по прямой линии от плато Кругозора.

Гедеон Спилет предложил спутникам сделать привал; они согласились, у всех разыгрался аппетит, и, хоть время обеда еще не наступило, никто не отказался подкрепить силы кусочком дичи. Если сейчас перекусить, можно потерпеть до ужина в Гранитном дворце.

Несколько минут спустя колонисты уселись под чудесными морскими соснами. Наб извлек из походной сумки съестные припасы, и все принялись за еду.

Площадка раскинулась на высоте пятидесяти — шестидесяти футов над уровнем моря. Перед глазами путников расстилалось довольно обширное пространство, до бухты Соединения, синевшей за скалистым мысом. Но не было видно ни островка, ни плато Кругозора, их нельзя было разглядеть, так как рельеф почвы и стена высоких деревьев скрывали северную часть горизонта.

Перед глазами путников открылась беспредельная ширь океана, но никто из них не приметил корабля; тщетно инженер наводил на горизонт подозрную трубу — паруса нигде не белело.

Друзья так же внимательно осмотрели в подозрную трубу и ту часть побережья, которую еще предстояло исследовать, начиная от песчаного берега до рифов, но не обнаружили никаких следов

кораблекрушения.

— Да, — сказал Гедеон Спилет, — придется нам, как видно, примириться с очевидностью. Будем утешаться, что никто не станет оспаривать наших прав на остров Линкольна.

— Ну, а как же дробинка? — спросил Герберт. — Ведь она-то нам не пригрезилась!

— Черт возьми, конечно, нет! — воскликнул Пенкроф, вспомнив о сломанном зубе.

— Какой же вывод? — спросил журналист.

— А вот какой, — ответил инженер, — около трех месяцев тому назад неизвестный корабль, по доброй воле или вынужденно, пристал...

— Значит, вы допускаете, Сайрес, что корабль бесследно исчез? — спросил журналист.

— Нет, дорогой Спилет, но согласитесь, что теперь его здесь нет.

— Значит, если я вас правильно понял, мистер Сайрес, — сказал Герберт, — корабль отплыл?

— Очевидно!

— И мы навеки упустили случай вернуться на родину? — воскликнул Наб.

— Боюсь, что да.

— Что ж, раз случай упущен, тронемся в путь, — сказал Пенкроф, который уже соскучился по Гранитному дворцу.

Но едва он поднялся, как раздался громкий лай Топа, и собака выскочила из леса, держа в зубах грязный лоскут.

Наб выхватил лоскут из пасти собаки. Это был кусок толстого полотна.

Топ возбужденно лаял, бегал и прыгал, будто приглашая хозяина пойти следом за ним в лес.

— А ведь там, вероятно, и есть разгадка дробинки! — воскликнул Пенкроф.

— Человек, потерпевший кораблекрушение! — крикнул Герберт.

— Может быть, раненый, — сказал Наб.

— Или мертвый! — добавил журналист.

И все пошли за собакой, пробираясь между высокими соснами, стеной стоявшими на опушке. На всякий случай Сайрес Смит и его спутники взвели курки.

Поселенцы углубились в лес, но, к своему великому разочарованию, не обнаружили отпечатков человеческих ног. Кустарник и лианы были нетронуты, приходилось рубить их топором, как в непроходимых чащах Дальнего Запада. Трудно было допустить, что здесь побывал человек, а между тем Топ бегал взад и вперед не так, как он бегал, обнюхивая случайные следы, а будто настойчиво добиваясь какой-то цели.

Путники шли семь-восемь минут, пока Топ не остановился. Они очутились на прогалине, окаймленной высокими деревьями, осмотрелись и ничего не увидели ни под кустарником, ни между стволами.

— Да что с тобой, Топ? — спросил Сайрес Смит.

Топ лаял еще громче, прыгая у подножия исполинской сосны.

Вдруг Пенкроф воскликнул:

— Вот так здорово! Вот так штука!

— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— А мы-то ищем обломки кораблекрушения на море и на суше!

— Ну так что же?

— А то, что они — в воздухе.

И моряк показал на какое-то огромное полотнище, белевшее на верхушке сосны: Топ, очевидно, принес лоскут, валявшийся на земле.

— Да ведь это не обломок погибшего корабля, — воскликнул Гедеон Спилет.

— Позвольте-ка... — произнес Пенкроф.

— Неужели же это...

— Да, это все, что осталось от нашего воздушного шара, он повис там, на дереве.

Пенкроф не ошибался и, громко крикнув «ура», добавил:

— А вот и отличная материя! Будет у нас из чего шить себе белье много лет подряд! Сделаем носовые платки и рубашки! А ну, мистер Спилет, что вы скажете об острове, где рубашки растут на деревьях?

И в самом деле, поселенцам острова Линкольна повезло: воздушный шар, в последний раз взмыв в небо, упал на остров, и им посчастливилось его найти. Они решили сохранить оболочку шара на тот случай, если им вздумается вновь предпринять воздушное путешествие, или же с пользой употребить несколько сот локтей бумажной ткани отменного качества, предварительно обезжирив ее. Понятно, что все разделяли радость Пенкрофа.

Но нужно было снять оболочку шара с дерева и спрятать ее в надежном месте — задача не из легких. Наб, Герберт и моряк влезли на верхушку сосны, совершая чудеса ловкости, и принялись отцеплять огромный лопнувший аэростат.

Они возились более двух часов и, наконец, спустили на землю не только оболочку с клапаном, пружинами, медными частями, но и сетку, иначе говоря, веревки и тросы — будущий такелаж, а в придачу — обруч и якорь. Оболочка сохранилась хорошо, если не считать, что нижняя ее часть была порвана.

Целое богатство свалилось им с неба.

— А ведь если нам, мистер Смит, вздумается покинуть остров, то в путь мы пустимся не на воздушном шаре, верно? Воздушные корабли никак не желают лететь, куда тебе хочется, нам-то это известно! Послушайте, давайте построим хороший бот, этак тонн на двадцать. С вашего позволения, я вырежу из этой парусины фок и кливер, а из остального сошьем себе белье!

— Посмотрим, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, посмотрим.

— А пока надо все спрятать в надежное место, — заметил Наб.

Действительно, нечего было и думать о доставке такого тяжелого груза — полотна, тросов, веревок — в Гранитный дворец, для этого нужна была повозка, а пока следовало уберечь богатство от непогоды. Поселенцы общими усилиями донесли все на берег; там они обнаружили в скалах довольно большое углубление, почти пещеру, защищенную от ветра, дождя и морского прибойя.

— Вам понадобился шкаф, вот вам шкаф, — сказал Пенкроф, — на ключ его не запрешь — значит, нелишним будет заделать отверстие. О двуногих ворах я не думаю, а думаю о ворах четвероногих!

В шесть часов вечера работа была закончена. Окрестив бухту «Портом Воздушного шара», путники отправились к мысу Коготь. Пенкроф и инженер беседовали о планах, которые следовало осуществить в

ближайшее время. Прежде всего нужно перекинуть мост через реку Благодарения, чтобы наладить сообщение с южной частью острова, затем отправиться с тележкой за аэростатом, ибо на лодке его не перевезешь, и, наконец, соорудить пагубное судно; Пенкроф оснастит его как шлюп; и тогда можно будет пуститься в кругосветное путешествие... вокруг острова, а затем...

Близилась ночь; уже начало темнеть, когда наши путники добрались до мыса Находки, где был обнаружен драгоценный ящик. Они и тут не нашли следов кораблекрушения; пришлось согласиться с выводом, к которому уже давно пришел Сайрес Смит.

От мыса Находки до Гранитного дворца оставалось еще четыре мили, они были быстро пройдены; путники дошли берегом до устья реки Благодарения; наступила полночь, когда они добрались до первой ее излучины.

Ширина реки тут равнялась восьмидесяти футам, и переплыть реку было нелегко, но Пенкроф обещал преодолеть эту трудность и должен был сдержать слово.

Надо сказать, что наши путники выбились из сил. Переход был длинный, а отдохнуть им после находки шара не удалось. Всем хотелось поскорее добраться до Гранитного дворца, поужинать и лечь спать — был бы мост, они через четверть часа очутились бы дома.

Ночь была очень темная. Пенкроф собирался выполнить обещание — соорудить нечто вроде плота, чтобы переправиться через реку Благодарения. Наб и моряк вооружились топорами, облюбовали у самой воды два дерева, пригодные для плота, и принялись рубить их под корень.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет сидели на берегу и ждали, когда понадобится их помощь, а Герберт бродил неподалеку.

Вдруг юноша, который в эту минуту шел вверх по течению, бегом вернулся и, показывая на реку, крикнул:

— Смотрите, что там такое?

Пенкроф бросил работу и увидел, что по реке плывет какой-то предмет, смутно видневшийся в темноте.

— Да это лодка! — воскликнул он.

Все двинулись туда и, к своему великому удивлению, увидели, что вниз по течению плывет лодка.

— Эй, там, на лодке! — крикнул Пенкроф по привычке, свойственной морякам, не подумав, что лучше, пожалуй, было бы помолчать.

В ответ — ни слова. Лодка все приближалась, и когда она оказалась шагах в двенадцати, моряк изумленно воскликнул:

— Да ведь это наша пирога! Фалинь оборвался, и она поплыла вниз по течению. Право, вовремя явилась!

— Наша пирога?.. — пробормотал инженер.

Пенкроф был прав. То была их лодка. Очевидно, фалинь лопнул, и лодка приплыла сюда от истоков реки Благодарения! Итак, надо было поймать пирогу, пока быстрое течение не унесло ее в море, что Наб и Пенкроф умело сделали с помощью длинного шеста.

Лодка пристала к берегу. Инженер прыгнул в нее первым, схватил фалинь, пощупал его и убедился, что он действительно перетерся о скалу. Журналист сказал ему вполголоса:

— Я бы назвал это случаем...

— И очень странным! — подхватил Сайрес Смит.

Так или иначе, но случай был счастливым! Герберт, журналист и Пенкроф в свою очередь влезли в лодку. Они не сомневались, что фалинь перетерся; всего удивительней было то, что лодка появилась именно в тот миг, когда колонисты находились на берегу, где им удалось ее перехватить; через четверть часа она уплыла бы в море.

Случись все это во времена, когда верили в духов, путники с полным правом могли бы подумать, что на острове поселилось сверхъестественное существо, дарившее людей, потерпевших крушение, своими милостями!

Несколько взмахов веслами, и поселенцы оказались в устье реки Благодарения. Лодку вытащили на песчаный берег возле Трущоб, и все направились к веревочной лестнице Гранитного дворца.

Но вдруг яростно залаял Топ, а Наб, искавший на ощупь первую ступень лестницы, закричал...

Лестница исчезла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Окрики Пенкрофа. — Ночь в Трущобах. — Стрела Герберта. — План Сайреса Смита. — Неожиданно найден выход. — Что произошло в Гранитном дворце. — Как у поселенцев появился новый слуга.

Сайрес Смит молча остановился. Его товарищи обшарили в темноте гранитную стену, сначала подумав, что ветер сдвинул лестницу, потом решив, что она оборвалась, поискали на земле. Но лестница исчезла бесследно. Может быть, ее забросило шквалом на первую площадку, находившуюся на половине подъема к Гранитному дворцу, но выяснить это в непроглядной тьме было просто невозможно.

— Если это чья-нибудь шутка, — воскликнул Пенкроф, — то шутка глупая. Пришли домой и не нашли лестницы, чтобы подняться к себе в комнату, — тут усталым людям не до смеха.

Наб только охал.

— Но ведь ветра не было! — заметил Герберт.

— Начинаю подозревать, что на острове Линкольна творятся странные дела! — пробурчал Пенкроф.

— Странные дела? — переспросил Гедеон Спилет. — Право же, Пенкроф, все это вполне естественно. Кто-нибудь пришел, пока нас не было, расположился в нашем жилище и поднял лестницу.

— Кто-нибудь! — воскликнул моряк. — Да кто же, по-вашему?

— Скажем, охотник, ранивший пекари, — ответил журналист, — уж тогда он за все перед нами отчитается.

— Вот что, если там наверху кто-нибудь есть, — сказал Пенкроф и выругался: он потерял терпение, — то мы сейчас получим ответ.

И моряк крикнул громовым голосом:

— Эй, вы там!

Но только эхо многократно повторило его окрик.

Поселенцы прислушались: им показалось, что там наверху, кто-то насмешливо хихикнул, но невозможно было понять кто. Однако Пенкрофу не ответили, и он снова стал кричать.

Событие это, конечно, могло ошеломить даже людей сторонних, а поселенцев тем более. В их положении каждый пустяк приобретал известное значение, но, право же, за семь месяцев, проведенных на острове, такого удивительного происшествия с ними еще не случалось.

Словом, колонисты позабыли об усталости и были так поглощены всем происшедшим, что стояли у подножия Гранитного дворца, не зная, что думать, что предпринять. Они задавали друг другу вопросы, остававшиеся без ответа, и строили предположения, одно другого невероятней. Наб, обманутый в своих ожиданиях, горько сетовал, что не может попасть в кухню, да и съестные припасы, взятые в дорогу, кончились, и он не знал, где раздобыть еду.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — нам остается только одно: дожидаться утра и тогда, смотря по обстоятельствам, действовать. А пока пойдемте в Трущобы. Там мы найдем пристанище — правда, останемся без ужина, зато выспимся.

— Да что это за наглец сыграл с нами такую шутку, а? — все возмущался Пенкроф, который никак не мог успокоиться.

Кем бы ни был этот «наглец», путникам оставалось одно — последовать совету Сайреса Смита:

добраться до Трущоб и дожидаться там утра. На всякий случай Топу было приказано оставаться под окнами Гранитного дворца, а если Топ получал приказ, то выполнял его беспрекословно. И так, верный пес остался у подножия гранитной стены, а его хозяин с товарищами нашли приют среди скал.

Если бы мы сказали читателям, что поселенцы, несмотря на усталость, хорошо спали, лежа на песке в Трущобах, мы погрешили бы против истины. Они были очень встревожены, понимая, что в их жизни снова свершилось что-то важное. Случайность ли это, виновница которой — стихия, или, напротив, дело рук человеческих, обо всем они узнают наутро; к тому же им было очень неудобно лежать на голой земле. Так или иначе, но их жилище заняли, и попасть домой было невозможно.

Кроме того, Гранитный дворец не только был жилищем, но и складом. В нем хранилось все их имущество: оружие, инструменты, приборы, боевые запасы, всякая снедь и прочее. Если все это расхищено, поселенцам придется снова обзаводиться хозяйством, снова мастерить оружие и инструменты. Дело нелегкое! Они были так встревожены, что не сомкнули глаз: то один, то другой поминутно выходил посмотреть, хорошо ли Топ несет свою службу. Один лишь Сайрес Смит ждал утра с присущим ему хладнокровием, и хотя его мысль упорно работала, он терялся в догадках, не находя объяснений; инженер негодовал, размышляя о том, что они окружены какими-то, очевидно, могущественными силами, а он не в состоянии понять, что это такое. Гедеон Спилет разделял чувства друга, и оба они не раз обменивались мнениями, правда вполголоса, о странных обстоятельствах, обнаруживших всю их недалекость, всю беспомощность. Без сомнения, с островом связана какая-то тайна, но как ее разгадать? Герберт не знал, что и думать, ему очень хотелось расспросить обо всем Сайреса Смита. А Наб в конце концов решил, что все это не его дело, а дело его хозяина, и если бы славный негр не побоялся показаться неучтивым, он в эту ночь спал бы так же крепко, как и на кровати в Гранитном дворце.

Зато Пенкроф был вне себя от ярости.

— Хороша шутка, — ворчал он, — кто же учинил такую шутку! Не любитель я эдаких шуток, и шутнику несдобровать, если он попадетсЯ мне под руку!

Как только занялась заря, поселенцы, вооруженные надлежащим образом, отправились на берег, к кромке подводных скал. Гранитный дворец выходил прямо на восток, с минуты на минуту его должно было озарить восходящее солнце.

И действительно, еще не было пяти часов, как оно осветило сквозь завесу листвы закрытые ставни окон.

Казалось, что все было в порядке, но поселенцы невольно вскрикнули, заметив, что дверь, которую они, уходя, затворили, раскрыта настежь.

Кто-то проник в Гранитный дворец. Сомнений быть не могло.

Верхняя лестница, которая вела от площадки к двери, была на месте, а вот нижнюю лестницу кто-то притянул к самому порогу. Было ясно, что люди, вторгшиеся в дом, решили обезопасить себя от всяких неожиданностей.

Узнать же, что там за непрошеные гости и сколько их, пока было невозможно, потому что на пороге никто не показывался.

Снова раздался окрик Пенкрофа. В ответ ни звука.

— Негодяи! — крикнул моряк. — Изволят спать, словно у себя дома. Эй, вы там, пираты, разбойники, корсары, отродье Джона Буля!

Если Пенкроф, истый американец, называл кого-нибудь «отродьем Джона Буля», значит, хотел нанести смертельное оскорбление.

В эту минуту совсем рассвело, и фасад Гранитного дворца вспыхнул под солнечными лучами. Но внутри дома, как и снаружи, было тихо, спокойно.

Поселенцы недоумевали — да вторгся ли кто-нибудь в Гранитный дворец? Впрочем, сомневаться не приходилось — ведь лестницу кто-то убрал, к тому же незваные гости, кем бы они ни были, не могли убежать! Но как до них доберешься?

Герберту пришла в голову мысль привязать к стреле веревку и пустить стрелу так, чтобы она прошла между нижними ступенями лестницы, болтавшейся у порога, потом тихонько потянуть за веревку — лестница упадет на землю, тогда можно будет подняться в Гранитный дворец.

Ничего другого, очевидно, не оставалось делать, и при известной ловкости можно было добиться успеха. По счастью, луки и стрелы хранились в одном из коридоров Трущоб, нашлось и несколько саженей тонкой веревки из растительного волокна. Пенкроф размотал веревку и прикрепил ее к хорошо оперенной стреле. Затем Герберт вложил стрелу в лук и тщательно прицелился в конец лестницы, свисавшей вниз.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Пенкроф и Наб отступили назад они наблюдали за окнами Гранитного дворца. Журналист, приставив карабин к плечу, направил дуло на дверь.

Тетива натянулась, стрела просвистела, взлетев вместе с веревкой, и прошла между двумя последними ступеньками лестницы.

Дело было сделано.

Герберт сейчас же схватил конец веревки; но в ту минуту, когда он потянул ее, чтобы спустить лестницу, в дверном пролете мелькнула чья-то рука, схватила лестницу и втащила ее в Гранитный дворец.

— Тварь негодная! — закричал моряк. — Хочешь получить пулю, сейчас получишь.

— Да кто же это? — спросил Наб.

— Как? Ты не узнал?..

— Нет.

— Да ведь это обезьяна, макака, сапажу, мартышка, орангутанг, бабуин, горилла, сагуин! Наше жилище захватили обезьяны — взобрались по лестнице, пока нас не было.

И в эту минуту, будто подтверждая, что моряк прав, три или четыре четвероруких показали в окнах: обезьяны открыли ставни и стали кривляться и гримасничать, словно по-своему приветствовали настоящих владельцев дома.

— Так я и знал, что все это — чья-то шутка, — крикнул Пенкроф, — пусть же один из шутников и поплатится за всех!

Моряк вскинул ружье, быстро прицелился и выстрелил. Обезьяны исчезли, и лишь одна, смертельно раненная, упала на песчаный берег.

Это была большая обезьяна, и принадлежала она к первому разряду четвероруких, в этом не было сомнения. Какой она была породы — шимпанзе, орангутанг, горилла или гиббон, — неизвестно, но относилась она к человекообразным обезьянам, названным так благодаря сходству с людьми. К тому же Герберт объявил, что это орангутанг, а мы знаем, что юноша был сведущ в зоологии.

— Замечательное животное! — воскликнул Наб.

— Допустим, что замечательное, — ответил Пенкроф, — но вот не знаю, попадем ли мы домой!

— Герберт — превосходный стрелок, — сказал журналист, — ведь у него есть лук!.. Пусть он снова...

— Хорошо! Но обезьяны ведь хитрущие! — проговорил Пенкроф. — Они уже не сунутся в окна, и нам не удастся их перестрелять, а как я подумую о том, что они натворили в комнатах и кладовой...

— Терпение, — заметил Сайрес Смит, — животные недолго будут нам помехой.

— Поверю в это, когда увижу их на земле, — ответил моряк. — Кстати, не знаете ли, мистер Сайрес, сколько там, наверху, этих шутников?

Ответить на вопрос Пенкрофа было трудно; юноше не так-то легко было попасть в цель, потому что нижний конец лестницы убрали за дверь; когда же он снова потянул за веревку, она лопнула, а лестница осталась на прежнем месте.

Колонисты оказались в трудном положении. Пенкроф бесновался. Была во всем этом и смешная сторона, но он не находил тут ничего забавного. Поселенцы понимали, что в конце концов они попадут в свое жилище и выгонят обезьян. Но когда и каким образом? Этого никто не мог сказать.

Прошло два часа, а обезьяны все не показывались; они притаились в доме, но несколько раз то обезьянья морда, то лапа появлялась в дверях или в окне, и животных тут же встречали ружейные выстрелы.

— Давайте-ка спрячемся, — предложил инженер. — Может быть, обезьяны вообразят, что мы ушли, и снова покажутся. А Герберт и Спилет засядут в скалах и будут стрелять, как только появится хоть одна обезьяна.

Все выполнили приказ инженера, а лучшие стрелки — журналист и юноша — заняли удобную позицию между скалами, обезьянам их не было видно. Между тем Наб, Пенкроф и Сайрес Смит взобрались на плато и отправились в лес пострелять дичь: наступило время завтрака, а есть было нечего.

Не прошло и получаса, как охотники вернулись; они принесли несколько скалистых голубей и на скорую руку зажарили. А из дома так и не показалась ни одна обезьяна.

Гедеон Спилет и Герберт тоже позавтракали, пока Топ сторожил под окнами. Закусив, они вернулись на свой пост.

Прошло еще два часа, но положение ничуть не изменялось. Четвероукие не подавали никаких признаков жизни, можно было подумать, что они разбежались; очевидно, их так напугала гибель сородича, так устрошил грохот выстрелов, что они забились в какой-нибудь укромный уголок Гранитного дворца, может быть даже в кладовую.

Поселенцы, вспоминая о богатствах, хранившихся кладовой, теряли хладнокровие и, несмотря на уговоры инженера, приходили в ярость, откровенно говоря, не без причин.

— Преглупая история, — в конце концов сказал журналист, — и, право, нет основания полагать, что она когда-нибудь кончится.

— Однако пора выгонять негодяев! — воскликнул Пенкроф. — Мы справимся и с двадцатью обезьянами! Только бы схватиться с ними; неужели никаким способом до них не добраться?

— Есть один способ, — ответил инженер, который, по-видимому, что-то придумал.

— Один? Что ж, и это хорошо, раз других нет. Какой же?

— Попытаемся спуститься к Гранитному дворцу через старый водосток, — ответил инженер.

— Сто тысяч чертей! — крикнул моряк. — Как же я сам не додумался!

Действительно, только таким способом и можно было проникнуть в Гранитный дворец, сразиться со стаей обезьян и выгнать их. Правда, отверстие водостока было заделано прочной каменной кладкой,

которую придется разрушить; ну что ж, потом ее можно восстановить. По счастью, Сайрес Смит еще не осуществил свой замысел и не затопил отверстие, подняв уровень воды в озере, — вот тогда пришлось бы потратить немало времени, чтобы проложить дорогу в дом.

Уже было за полдень, когда колонисты, хорошо вооружившись и захватив с собой мотыги и заступы, покинули Трущобы, прошли под окнами Гранитного дворца, приказав Топу оставаться на месте; они собирались пройти по левому берегу реки Благодарения до плато Кругозора.

Но не успели они сделать и пятидесяти шагов, как услышали яростный лай собаки. Казалось, Топ в отчаянии звал их.

Они остановились.

— Бежим обратно, — предложил Пенкроф.

Поселенцы бросились бежать со всех ног по берегу реки. Обогнув кряж, они увидели, что положение изменилось.

И в самом деле, обезьяны, объятые внезапным и непонятным страхом, пытались найти путь к бегству. Две или три метались, подбегая то к одному, то к другому окну, прыгая с ловкостью клоунов; обезьяны даже не попытались спустить лестницу и, вероятно, от страха позабыли, что это облегчило бы им побег. Вот пять или шесть обезьян оказались хорошей мишенью, поселенцы спокойно прицелились и открыли огонь. Раздались пронзительные вопли, раненые и убитые животные падали в комнаты. Остальные же стали прыгать вниз и разбивались насмерть; несколько минут спустя в Гранитном дворце, очевидно, не осталось ни одной обезьяны.

— Ура, ура! — закричал Пенкроф.

— Рано кричать «ура», — заметил Гедеон Спилет.

— Почему? Ведь все они перебиты, — ответил моряк.

— Согласен, но в дом мы все-таки войти не можем.

— Пойдемте к водостоку! — предложил Пенкроф.

— Придется, — сказал инженер. — Однако было бы лучше...

В этот миг, словно в ответ на замечание Сайреса Смита, они увидели, как лестница выскользнула из-за порога двери, затем развернулась и упала вниз.

— Клянусь трубкой! Вот это здорово! — закричал моряк, глядя на Сайреса Смита.

— Да, здорово! Но не слишком ли? — пробормотал инженер и первым стал взбираться по лестнице.

— Осторожней, мистер Сайрес, — крикнул Пенкроф, — может быть, обезьяны еще там...

— Сейчас увидим, — произнес инженер, не останавливаясь.

Его товарищи стали взбираться вслед за ним и через минуту добрались до порога.

Обыскали весь дом. Никого не обнаружили ни в комнатах, ни в кладовой — в ней четверорукие изрядно похозяйничали.

— А как же лестница? — заметил моряк. — Что за джентльмен ее спустил?

В это время раздался крик, и огромная обезьяна, спрятавшаяся в коридоре, бросилась в зал — за ней гнался Наб.

— Ах ты разбойник! — крикнул Пенкроф.

И он взмахнул топором, собираясь разmozжить животному голову, но Сайрес Смит остановил его, говоря:

— Пощадите обезьяну, Пенкроф!

— Помиловать черномордую тварь?

— Да ведь она сбросила нам лестницу.

И инженер произнес это таким странным тоном, что трудно было понять, говорит ли он серьезно или шутит.

Все кинулись на обезьяну, она храбро защищалась, но ее повалили и связали.

— Уф, — отдувался Пенкроф, — а что же мы станем с ней делать?

— Возьмем в услужение, — ответил Герберт.

Говоря это, юноша и не думал шутить — он знал, какую пользу может принести умная обезьяна.

Тут все подошли к обезьяне и внимательно стали ее рассматривать. Она принадлежала к тому разряду человекообразных, лицевой угол которых не очень отличен от лицевого угла австралийцев и готтентотов. Это был орангутанг, а орангутангам не свойственны ни кровожадность бабуина, ни легкомыслие макаки, ни нечистоплотность сагуина, ни непоседливость мага, ни дурные наклонности павиана! У представителей этого семейства человекообразных наблюдаешь черты, свидетельствующие чуть ли не о человеческом разуме. Ручные орангутанги умело прислуживают за столом, убирают комнаты, приводят в порядок одежду, чистят обувь, ловко управляют с ножом, ложкой, вилкой и даже пьют вино... под стать двуногим слугам и не в обезьяньей шкуре. Известно, что орангутанг служил Бюфону, как преданный и усердный слуга.

Связанный орангутанг, лежавший в зале Гранитного дворца, был просто великаном, шести футов ростом; сложение у него было пропорциональное, грудь широкая, голова средней величины, лицевой угол равен был шестидесяти пяти градусам, череп был круглый, нос крупный, тело покрыто мягкой лоснящейся шерстью — словом, то был превосходный представитель человекообразных обезьян. Глаза у него были поменьше человеческих, взгляд — живой, умный, белые зубы сверкали из-под усов, а небольшая вьющаяся борода была каштанового цвета.

— Просто красавчик! — сказал Пенкроф. — Знали бы мы его язык, побеседовали бы с ним!

— Так это правда, хозяин? Он будет нам служить?

— Да, Наб, — улыбаясь, ответил инженер. — Только не ревнуй!

— Надеюсь, что он будет превосходным слугой, — заметил Герберт. — Очевидно, он еще молод, и воспитать его будет нетрудно. Нам не придется прибегать к силе или вырывать у него клыки, как это делается в таких случаях! Он, наверно, привяжется к хозяевам, если они будут добры к нему.

— Конечно, мы будем к нему добры, — ответил Пенкроф, забывший, как он сердился на «шутников».

И, приблизившись к орангутангу, спросил:

— Ну, как дела, приятель?

Орангутанг в ответ тихонько заворчал, не обнаруживая особенно плохого расположения духа.

— Так, значит, хотим войти в семью поселенцев? — спросил моряк. — И станем служить мистеру Сайресу Смиту, так, что ли?

Послышалось одобрительное ворчание.

— И вместо жалования хватит с нас и пищи?

В третий раз слышалось довольное ворчание.

— Речь у него немного однообразна, — заметил Гедеон Спилет.

— И хорошо, — возразил Пенкроф. — Чем меньше говорит слуга, тем лучше. И кроме того — без жалованья! Слышите, приятель? Для начала жалованья вам не назначаем, зато в дальнейшем будете получать вдвойне, если вами будут довольны!

Так появился на острове еще один поселенец, который впоследствии оказал всем множество услуг. Прозвали его по просьбе моряка и в память об обезьяне, которую он знал когда-то, Юпитером, а сокращенно — Юпом.

Вот каким образом дядюшка Юп без особых церемоний поселился в Гранитном дворце.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Работы, которые не терпят отлагательства. — Мост через реку Благодарения. — Плато Кругозора превратится в остров. — Подъемный мост. — Сбор зерна. — Ручей. — Мостики. — Птичий двор. — Голубятня. — Онагры. — Упряжка. — Поездка в порт Воздушного шара.

Итак, поселенцам острова Линкольна удалось вновь завладеть своим жилищем, не прибегая к заброшенному водостоку и не превращаясь снова в каменщиков. И в самом деле, им посчастливилось, ибо в тот миг, когда он уже собрались приступить к работам, стаю обезьян охватил внезапный и необъяснимый ужас, который выгнал их из Гранитного дворца. Быть может, животные почуяли, что им грозит нападение с другой стороны? Только так и можно было истолковать их стремительное бегство. В конце дня поселенцы перенесли трупы обезьян в лес и зарыли; затем они привели в порядок жилище: непрошенные гости все перевернули вверх дном, но почти ничего не поломали. Наб разжег плиту и приготовил из запасов, хранившихся в кладовой, вкусный обед, которому все отдали должное.

Не забыли и Юпа, он с аппетитом съел кедровые орехи и корнеплоды, которыми его просто закармливали. Пенкроф развязал ему руки, но решил ноги ему не развязывать до той поры, пока не убедится в его послушании.

А перед сном Сайрес Смит и его товарищи, сидя вокруг стола, обсудили некоторые планы, которые следовало осуществить поскорее.

Самым важным и спешным делом они считали постройку моста через реку Благодарения — надо было установить сообщение между Гранитным дворцом и южной частью острова; затем следовало устроить кораль для муфлонов и других животных, которых решено было приручить.

Осуществив оба плана, поселенцы разрешили бы самый насущный вопрос — обзавелись бы одеждой. В самом деле, через мост легко будет переправить оболочку шара, из которой получится прекрасное белье, а в корале можно будет настричь шерсти для зимней одежды.

Сайрес Смит намеревался устроить кораль у истоков Красного ручья, вблизи горных пастбищ, где было вдоволь сочного и обильного корма. Дорога между плато Кругозора и истоками Красного ручья была почти проложена, а когда они обзаведутся более усовершенствованной тележкой, передвигаться им будет легче, в особенности если удастся поймать какое-нибудь упряжное животное.

Но если кораль можно было устроить вдали от Гранитного дворца, то не так обстояло дело с птичником, на этом Наб и остановил внимание поселенцев. И в самом деле, домашней птице надлежало быть под рукой главного повара. И все нашли, что нет удобнее места для птичьего двора, чем на берегу озера, рядом со старым водостоком, водяная птица жила бы там на приволье, как и все другие пернатые. Решено было сделать первую попытку и приручить самца и самку скрытохвостов, пойманных во время недавней экспедиции.

Утром 3 ноября предстояло приняться за новые работы — за постройку моста, и в этом важном деле должны были участвовать все поселенцы. Они превратились в плотников и, вскинув на плечи пилы, топоры, прихватив клещи, молотки, пошли к берегу реки.

Пенкроф высказал такую мысль:

— А что, если, пока нас не будет, дядюшке Юпу взбредет в голову втащить лестницу, которую он так учтиво спустил нам вчера?

— Прикрепим-ка ее за нижний конец, — ответил Сайрес Смит.

И они привязали лестницу к двум кольям, глубоко вбитым в землю. Затем поселенцы поднялись по левому берегу реки Благодарения и вскоре дошли до первой излучины реки.

Они остановились, чтобы проверить, можно ли тут перекинуть мост. Место показалось им удобным.

И правда, отсюда до порта Воздушного шара, открытого накануне на южном берегу, было всего лишь три с половиной мили: между этими двумя точками нетрудно проложить проезжую дорогу, которая соединит Гранитный дворец с южной частью острова.

Сайрес Смит поделился с товарищами планом, который он уже давно обдумал. Осуществить его было очень легко, и он принес бы огромную пользу всей колонии. План состоял в том, чтобы оградить от внешнего мира плато Кругозора, обезопасить его от нападения четвероногих и четвероруких. Таким образом, Гранитный дворец, Трущобы, птичий двор и вся верхняя часть плато, которую предполагалось засеять, были бы защищены от хищников.

Выполнить такой проект было довольно просто, и вот каким образом рассчитывал инженер действовать.

Плато и так уже было ограждено с трех сторон озером и двумя реками — искусственной и естественной.

На северо-западе расстилалось озеро Гранта, берег его шел от заливчика прежнего водостока до пробоины, сделанной в восточном берегу для спуска воды.

Из этой пробоины на севере плоскогорья низвергало в море недавно созданный водопад; поток проложил себе путь по склону кряжа и по песчаному берегу. Достаточно было углубить на всем протяжении русло этой искусственной горной речки, и она станет непреодолимой преградой для диких животных.

Вдоль всего восточного края плато, от устья этой речки и до устья реки Благодарения, защитой служило море. Наконец на юге плато было ограничено нижним течением реки Благодарения, от ее устья до той излучины, где поселенцы собирались соорудить мост.

Таким образом, оставался незащищенным лишь западный край плато между излучиной реки и южным берегом озера; длиной он был около мили и открыт для любого вторжения. Поселенцам надо было вырыть широкий и глубокий ров, заполнить водой из озера, устроив второй водосток, на этот раз — в сторону реки Благодарения. Конечно, уровень воды в озере из-за этого немного понизился бы, но Сайрес Смит рассчитал, что Красный ручей даст вполне достаточно воды для осуществления его замысла.

— Таким образом, — добавил инженер, — плато Кругозора превратится в настоящий остров, окруженный со всех сторон водой, а общаться с остальными нашими владениями можно будет благодаря целой системе мостов: один мы перекинем через реку Благодарения, два мостика мы уже соорудили — у самого начала водопада и у его впадения в море, и, наконец, мы построим еще два мостика — один через ров, который, по-моему, следует вырыть, а второй — через реку Благодарения. Итак, если и мосты и мостики будут подъемными, никто больше не вторгнется на плато Кругозора.

Сайрес Смит нарисовал карту плато, чтобы яснее растолковать все это своим товарищам, для которых тотчас же стал понятен его замысел. Они единодушно одобрили его, а Пенкроф, размахивая топором, воскликнул:

— Мост прежде всего!

Дело было неотложное. Строители выбрали деревья, повалили их, обрубили ветви, распилили стволы на балки, брусья и доски. Часть моста, прилегающую к правому берегу реки Благодарения, решили укрепить, а его левую половину поднимать при помощи противовесов, как ворота в некоторых шлюзах.

Работа, конечно, была сложная, и, как бы умело ее ни выполняли, времени ушло много, ибо ширина реки достигала в этом месте восьмидесяти футов. Забили сваи на них должна была покоиться неподвижная часть моста, — а для этого пришлось соорудить копер. Сваями заменили устои моста, так что он мог выдержать большую нагрузку.

К счастью, не было недостатка ни в инструментах, ни в гвоздях, ни в изобретательности. Инженер знал дело, а его товарищи за семь месяцев приобрели много навыков и теперь помогали ему с великим рвением. Нужно сказать, что Гедеон Спилет не отставал от других и даже состязался в ловкости с самим моряком, который «никак не ожидал такой прыти от журналиста».

Строили мост через реку Благодарения три недели и заняты были только этим. Обедали тут же, на месте работы. Погода стояла великолепная, поэтому домой возвращались лишь к ужину.

За это время все убедились, что дядюшка Юп легко осваивается в новой обстановке и привыкает к своим хозяевам, на которых смотрит с живейшим любопытством. Однако Пенкроф из предосторожности не снял с него всех пут, он решил подождать — и это было благоразумно — того дня, когда закончатся работы и плато станет неприступным, а бегство с него невозможным. Топ и Юп подружились и охотно играли вместе, хотя Юп вообще все делал с очень важным видом.

Двадцатого ноября закончили постройку моста. Подъемная часть, уравновешенная противовесами, легко поднималась — достаточно было лишь небольшого усилия: между шарниром и последней поперечиной, на которую она обычно опиралась, получался пролет в двадцать футов шириной, а это преграждало дорогу любому зверю.

И тут встал вопрос, не пора ли отправиться за оболочкой аэростата, которую поселенцам не терпелось спрятать в безопасном месте; но чтобы перевезти ее, необходимо было доставить тележку в порт Воздушного шара, а следовательно — проложить дорогу сквозь лесную чащу; Дальнего Запада. На это требовалось время. Наб и Пенкроф отправились на разведку; дойдя до бухты, они удостоверились, что «запас бельевого полотна» ничуть не пострадал в пещере, где они его припрятали, поэтому было решено не прерывать работ и поскорее превратить в остров плато Кругозора.

— Вот когда, — заметил Пенкроф, — мы наилучшим образом устроим и птичник: не придется больше опасаться, что туда наведается лиса или пролезут всякие другие зловередные твари.

— А кроме того, — добавил Наб, — можно будет вспахать землю, пересадить дикие растения...

— И подготовить для посева наше второе хлебное поле! — воскликнул моряк с торжествующим видом.

Дело в том, что первое поле, в которое было брошено одно-единственное зерно, дало благодаря заботам Пенкрофа чудесные всходы. Он взрастил десять колосьев, обещанные инженером, и так как каждый колос принес восемьдесят зерен, колония получила восемьсот зерен, и притом за полгода, что предвещало два урожая в год.

Из восьмисот зерен пятьдесят надо было спрятать про запас из предосторожности, а остальные посеять на новом поле — и не менее тщательно, чем первое и единственное зерно. Поле вспахали, затем обнесли прочным забором из высоких остроконечных кольев, так что зверям перебраться через него было бы очень трудно. Птиц должны были отпугивать трещотки и страшные чучела — фантастические творения Пенкрофа. Семьсот пятьдесят зерен поселенцы посадили, аккуратно проведя для них бороздки, остальное должна была завершить природа.

Двадцать первого ноября Сайрес Смит стал чертить план рва, которым решили защитить плато с запада, от южной оконечности озера Гранта до излучины реки Благодарения. Слой плодородной почвы в

два-три фута толщиной прикрывал в этом месте гранитный массив. Снова пришлось готовить нитроглицерин, и он произвел обычное действие. Не прошло и двух недель, как в твердом грунте плато удалось проделать ров шириной в двенадцать футов и глубиной в шесть. Таким же способом была сделана еще одна пробоина в скалистом берегу озера, и вода устремилась по новому руслу, образовав речушку, которую окрестили «Глицериновым ручьем», он впадал в реку Благодарения. Как и предсказывал инженер, уровень воды в озере понизился, но почти неприметно. Наконец, чтобы превратить плато в неприступную твердыню, русло ручья, впадавшего в море, порядком расширили, а его песчаные берега укрепили изгородью из двойного ряда кольев.

В первой половине декабря поселенцы закончили все эти работы. Плато Кругозора, напоминавшее по форме неправильный пятиугольник с периметром, приблизительно равным четырем милям, было защищено от любого вторжения благодаря водяному кольцу.

Декабрь стоял знойный. Однако колонистам не хотелось даже на время отказаться от осуществления своих планов, а так как устройство птичьего двора становилось делом неотложным, то они приступили к новым работам. Нечего и говорить, что они предоставили полную свободу дядюшке Юпу, как только оградили плато от внешнего мира. Орангутанг не расставался со своими хозяевами и не обнаруживал ни малейшего желания убежать. Он был замечательно силен, ловок и отличался кротким нравом. Поселенцы, взбираясь по лестнице в Гранитный дворец, и не пытались состязаться с ним в быстроте. Ему уже поручали кое-какую работу: он приносил вязанки дров и таскал камни, оставшиеся после работ на берегу Глицеринового ручья.

— Хоть он еще не каменщик, но уже превосходная обезьяна, — шутил Герберт, намекая на то, что каменщики называют своих подмастерьев «обезьянами». И никогда еще это прозвище не было так уместно.

Птичий двор раскинулся на двухстах квадратных ярдах, на юго-восточном берегу озера. Его окружили частоколом, внутри ограды построили помещения для будущих пернатых жильцов — сараи, разделенные перегородками на клетушки.

Первыми обитателями стали скрытохвосты; они скоро обзавелись многочисленным потомством. К ним присоединилось полдюжины уток, водившихся на берегу озера. Было тут и несколько китайских уток, у которых крылья раскрываются наподобие веера, а оперение такое яркое и блестящее, что они могут соперничать с золотистыми фазанами. Несколько дней спустя Герберт поймал самца и самку из отряда куриных с длинноперым закругленным хвостом — великолепных «хохлачей», которых поселенцы приручили очень быстро. А пеликаны, зимородки, водяные курочки сами явились на берег, к птичьему двору; и пернатое население, щебечущее, пищущее, кудахтающее, сначала ссорилось, а потом пришло к соглашению; птиц становилось все больше и больше, так что за пропитание поселенцев можно было не тревожиться.

Сайрес Смит, стремясь завершить начатое дело, построил в уголке птичьего двора голубятню. Туда водворили дюжину тех самых голубей, которые гнездились на высоких скалах плато. Голуби быстро привыкли возвращаться по вечерам в новое жилище, и приручить их оказалось гораздо легче, чем их сородичей — вяхирей, которые к тому же не размножаются в неволе.

Наконец пришло время воспользоваться оболочкой аэростата и сшить из нее белье. В самом деле, хранить оболочку, чтобы очертя голову покинуть остров и лететь на шаре, наполненном теплым воздухом, над беспредельной ширью океана, могли только люди, доведенные до крайности, а Сайрес Смит, человек рассудительный, об этом и не помышлял.

Итак, речь шла о том, как переправить оболочку шара в Гранитный дворец, и поселенцы переделали

тележку, она стала удобнее и легче. Повозкой они обзавелись — надо было найти тягловую силу. Неужели на острове не водилось жвачных животных, которые могли бы заменить лошадь, осла, быка или корову? Никто не мог ответить на этот вопрос.

— Право же, — говорил Пенкроф, — тягловый скот нам очень пригодится, пока мистеру Сайресу не вздумается соорудить для нас тележку с паровым двигателем или даже паровоз. Не сомневаюсь, в один прекрасный день от Гранитного дворца до порта Воздушного шара пройдет железная дорога с веткой на гору Франклина.

И славный моряк, говоря все это, верил в свои слова! О воображение, ты всемогуще, когда тебя подкрепляет вера!

Но не будем преувеличивать — самое обычное упряжное животное вывело бы Пенкрофа из затруднительного положения, а так как провидение питало к нему слабость, то оно и не заставило моряка долго ждать.

Однажды, дело было 23 декабря, вдруг раздались крики Наба и громкий лай Топа. Поселенцы, работавшие в Трущобах, побежали в ту сторону, откуда неслись крики, опасаясь, не случилась ли беда.

Что же они увидели? Два прекрасных животных забрели на плато, — мостики были опущены. Животные, самец и самка, напоминали лошадей, скорее, пожалуй, ослов; они были буланой масти, хвост и ноги — белые, а голова, шея, туловище — в черных полосах, как у зебры.

Животные спокойно приближались, ничуть не тревожась и посматривая умными глазами на людей, которых еще не признавали хозяевами.

— Да это онагры! — воскликнул Герберт. — Четвероногие животные — нечто среднее между зеброй и кваггой.

— А почему не назвать их попросту ослами? — спросил Наб.

— А потому, что уши у них не такие длинные и сами они изящнее.

— Осел или лошадь, не все ли равно, — вставил Пенкроф, — и то и другое — «тягловая сила». Значит, их надо поймать!

Моряк дополз, прячась в траве, чтобы не испугать животных, до мостика, перекинутого через Глицериновый ручей, и развел его — онагры остались в плену.

Как же с ними поступить — захватить силой и заставить ходить в упряжке? Нет. Было решено так: пусть несколько дней свободно побродят по плато, заросшему травой, а за это время около птичьего двора под руководством инженера будет построена удобная конюшня, — если онагры забредут туда, они найдут мягкую подстилку и пристанище на ночь.

Таким образом, поселенцы оставили красивых животных на свободе и старались не подходить к ним близко, чтобы не испугнуть. Не раз, однако, казалось, что онагры стремятся убежать, что им, привыкшим к вольным просторам и лесным чащам, тесно на плато. Поселенцы видели, как они пытаются выйти за непреодолимую преграду — водное кольцо, как с пронзительным ржаньем скачут по лугу, а затем, успокоившись, целыми часами смотрят на огромные леса, в которые им никогда не вернуться!

Поселенцы изготовили упряжь и постромки из растительных волокон, а через несколько дней, после того как поймали онагров, не только смастерили повозку, но и провели прямую дорогу — прорубили просеку через лес Дальнего Запада, от излучины реки Благодарения до порта Воздушного шара; по ней можно было проехать на повозке. И вот в конце декабря в первый раз попробовали запрячь онагров.

Пенкрофу уже удалось приручить животных: они сами подходили к нему, ели из рук, подпускали к

себе, но стоил только запрячь онагров, как они встали на дыбы, с ними едва удалось справиться. Впрочем, они скоро покорились своей участи. Вообще онагров, не таких строптивых, как зебры, часто запрягают в горных местностях Южной Африки, они приживались даже в относительно холодных поясах Европы.

В тот день все колонисты, кроме Пенкрофа, шагавшего впереди онагров, взобрались на повозку и поехали в порт Воздушного шара. Нечего говорить, что их изрядно трясло на неровной, ухабистой дороге, но все же повозка добралась до места благополучно, и в тот же день поселенцы погрузили в нее оболочку и различные части аэростата. В восемь часов вечера повозка, переехав по мосту через реку Благодарения, спустилась по ее левому берегу и остановилась у моря, перед Гранитным дворцом. Онагров распрягли, отвели в конюшню, а Пенкроф, перед тем как заснуть, так громко вздохнул от удовольствия, что многоголосое эхо откликнулось во всех уголках и закоулках Гранитного дворца.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Белье. — Обувь из тюленьей кожи. — Изготовление пироксилина. — Пересадка растений. — Рыбная ловля. — Черепашьи яйца. — Дядюшка Юп делает успехи. — Кораль. — Охота на муфлонов. — Новые богатства растительного и животного мира. — Воспоминание о далекой родине.

Вся первая неделя января была посвящена шитью белья, необходимого колонистам. Иголки, найденные в ящике, мелькали в не очень гибких, но зато сильных пальцах, и можно было с уверенностью сказать, что все вещи сделаны на совесть.

В нитках недостатка не было: Сайрес Смит предложил воспользоваться нитками, которыми была сшита оболочка аэростата. Гедеон Спилет и Герберт с удивительным терпением распорол ее на длинные полосы, Пенкроф же отказался от этой работы, которая его несказанно раздражала. Зато шил он лучше всех. Как известно, моряки наделены необычайной способностью к портняжному ремеслу.

Полотно, из которого была сшита оболочка аэростата, обезжирили при помощи соды и поташа, полученных из золы сожженных растений, и промасленная ткань снова стала мягкой и эластичной; потом ее расстелили на солнце она выцвела и побелела.

Смастерили несколько дюжин рубашек и носков — носков, разумеется, не вязаных, а матерчатых. С каким наслаждением поселенцы наконец облачились в белье конечно очень грубое, — но такие мелочи их не смущали — и легли спать на простыни: жителям Гранитного дворца показалось, что они легли в настоящие постели.

В эту же пору они сшили себе обувь из тюленьей кожи — и вовремя, так как ботинки и сапоги, вывезенные из Америки, совсем износились. Можно с уверенностью сказать, что новая обувь была просторна и ни капли не жала.

Наступил новый, 1866 год. Зной не спадал, но охота в лесах продолжалась. Агути, пекари, водосвинки, кенгуру и всевозможная пернатая дичь кишмя кишели на острове. Гедеон Спилет с Гербертом были превосходными стрелками и не давали промаха.

Сайрес Смит советовал им беречь боевые припасы и принял кое-какие меры, чтобы заменить порох и пули, найденные в ящике, — ему хотелось сохранить их на будущее. И в самом деле, мало ли куда случай мог забросить его самого и товарищей, если они покинут свои владения? Нужно было заранее подготовиться ко всяким неожиданностям и беречь боевые припасы, заменяя их другими веществами, которые легко было бы добывать.

Вместо свинца, которого не обнаружили на острове, инженер употребил без ущерба для дела дробленое железо, изготавливаемое без особого труда. Железная дробь; была легче свинцовой, поэтому пришлось ее делать крупнее; правда, в заряде таких дробинок было меньше, но ловкость охотников возмещала этот недостаток. Сайрес Смит мог бы изготавливать и порох, так как в его распоряжении были селитра, сера и уголь, но выделка его требует особой тщательности, и без специальных приспособлений трудно получить порох хорошего качества.

Поэтому Сайрес Смит предпочел изготавливать пироксилин, то есть взрывчатое вещество, обычно получаемое из хлопчатой бумаги. Однако можно было обойтись и без хлопка, который применяется только ради содержащейся в нем клетчатки. А клетчатка — иными словами, первичная ткань растений — имеется почти в чистом виде не только в хлопке, но и в волокнах льна и конопли, в бумаге, старых тряпках, в сердцевине бузины и т. д. Бузина же росла в изобилии близ устья Красного ручья, и поселенцы заваривали вместо кофе ягоды этого растения, принадлежащего к семейству жимолостных.

Следовательно, надо было запастись сердцевинной бузины, то есть клетчаткой; другое вещество, необходимое для изготовления пироксилина, — дымящаяся азотная кислота. У Сайреса Смита была серная кислота, и ему нетрудно было добыть азотную кислоту, обработав серной кислотой селитру, которую природа предоставила в его распоряжение.

Итак, он решил изготавливать и употреблять пироксилин, хоть и признавал довольно крупные его недостатки, а именно: неравномерность действия, быстрая воспламеняемость (при ста семидесяти градусах вместо двухсот сорока) и, наконец, мгновенная вспышка, которая может попортить огнестрельное оружие. Зато преимущества пироксилина в том, что он не боится сырости, не загрязняет ствола ружья и обладает в четыре раза большей взрывной силой, чем порох.

Чтобы получить пироксилин, достаточно погрузить на четверть часа клетчатку в дымящуюся азотную кислоту, затем промыть ее в воде и просушить. Как видит читатель, нет ничего проще.

В распоряжении Сайреса Смита была только обыкновенная азотная кислота, а не дымящаяся или крепкая, то есть такая, которая на влажном воздухе выделяет беловатые пары; но, заменив дымящуюся азотную кислоту обыкновенной азотной кислотой, смешанной в пропорции трех к пяти с концентрированной серной кислотой, инженер должен был добиться тех же результатов и действительно добился. Итак, у островитян-охотников скоро появилось превосходное взрывчатое вещество, которое при умелом употреблении отлично им служило.

К этому времени колонисты распахали три акра земли на плато Кругозора, а остальные земли отвели под пастбища для онагров. Несколько раз ходили поселенцы в лес Жакамара и в леса Дальнего Запада и приносили оттуда рассаду дикорастущих овощей — шпинат, кресс-салат, хрен, репу; скоро, при умелом уходе, овощи должны были улучшиться и внести разнообразие в мясную пищу, которой пока приходилось довольствоваться колонистам острова Линкольна. Привозили они из леса и немало дров и угля. Каждая поездка улучшала дороги — колеса повозки постепенно их утрамбовывали.

Кроликов к услугам хозяев Гранитного дворца становилось все больше и больше. Крольчатник находился чуть выше Глицеринового ручья, поэтому его обитатели не могли проникнуть на заповедное плато и, следовательно, повредить молодым насаждениям. На отмели, расположенной среди береговых скал, поселенцы собирали устриц и постоянно обновляли запас этих вкусных моллюсков. Кроме того, поселенцы ловили рыбу в озере и в реке Благодарения; улов бывал теперь обильный, потому что Пенкроф установил донные удочки с железными крючками, и на них часто ловилась превосходная форель и еще какая-то замечательная рыба, серебристая с желтыми крапинками. Таким образом, главный повар Наб мог вносить приятное разнообразие в ежедневное меню колонистов. За трапезой все еще не было хлеба, и это, как мы уже говорили, для всех являлось истинным лишением. Поселенцы стали охотиться и на морских черепахах, вылезавших на мыс Челюсть. Песчаный берег был весь в бугорках — там лежали яйца шаровидной формы с твердой белой скорлупой, белок которых не свертывается, как белок птичьих яиц. Под действием солнечного тепла вылупливались крошечные черепахи; яиц было превеликое множество, так как одна черепаха может нести ежегодно до двухсот пятидесяти яиц.

— Просто яичное поле, — говорил Гедеон Спилет, — остается одно — снять урожай.

Но поселенцы не только собирали яйца, но и охотились на самих черепахах, и после каждой охоты в Гранитном дворце появлялась дюжина этих пресмыкающихся, мясо которых ценится знатоками. Черепаховый суп, приправленный душистыми травами и овощами из семейства крестоцветных, приносил заслуженные похвалы Набу, который мастерски его варил.

Надобно упомянуть об одном счастливом обстоятельстве, позволившем увеличить запас снеди на зиму. В реку Благодарения заплыли косяки лососей — они поднялись на несколько миль вверх по течению.

То была пора, когда самки в поисках удобных мест для нереста идут впереди самцов, с шумом рассекая воду в реках. И так, сотни этих рыб плыли по реке. Поселенцы соорудили несколько заграждений, и множество лососей попало в плен. Не одну сотню лососей выловили, засолили и спрятали про запас, потому что зимой, когда реки покрываются льдом, рыбная ловля невозможна.

В эту пору Юпа — он оказался очень сообразительным — возвели в должность камердинера. Его нарядили в куртку, штаны, сшитые из белого полотна, и передник с карманами, которые ему очень нравились. Он ходил, заложив руки в карманы, и никому не позволял проверять их содержимое. Наб хорошо вымуштровал смышленного орангутанга — когда Наб разговаривал с Юпом, казалось, будто они превосходно понимают друг друга. Юп привязался к Набу, а Наб отвечал ему тем же. Если никто не нуждался в услугах Юпа — не надо было возить дрова или влезать на какое-нибудь высокое дерево, — орангутанг не уходил из кухни и старался во всем подражать Набу. Впрочем, учитель с удивительным терпением и даже рвением обучал ученика, а ученик с поразительной понятливостью применял знания, преподанные учителем.

Судите сами, какое удовольствие неожиданно доставил Юп своим хозяевам. Как-то во время обеда он принялся прислуживать за столом с салфеткой в руке. Он был так ловок, так внимателен, так безукоризненно выполнял свои обязанности — менял тарелки, приносил блюда, наливал напитки, — делал все это с таким важным видом, что поселенцы от души забавлялись, а Пенкроф пришел в неопишуемый восторг.

— Юп, еще супу!

— Юп, кусочек агути!

— Юп, тарелку!

— Юп, славный Юп, молодец Юп!

Только эти возгласы и раздавались за столом, а Юп, ничуть не растерявшись, все выполнял, за всем следил и с понимающим видом кивнул головой, когда Пенкроф снова пошутил:

— Право, Юп, жалованье вам придется удвоить!

Нечего и говорить, что орангутанг в ту пору уже совсем освоился в Гранитном дворце, он часто сопровождал своих хозяев в лес и даже не пытался убежать. Надо было видеть, с каким потешным видом он выступает, вскинув вместо ружья на плечо дубинку, которую смастерил для него Пенкроф. Понадобится, бывало, сорвать плод с макушки дерева, и Юп стремглав влезает на самый верх; увязнет в грязи колесо повозки — силачу Юпу стоит только подтолкнуть ее плечом, чтобы выкатить на хорошую дорогу.

— Ну и молодчина! — восклицал Пенкроф. — Был бы он злым, не нашлось бы на него управы!

К концу января поселенцы предприняли большие работы в центральной части острова. Недалеко от истоков Красного ручья, у подошвы горы Франклина, решено было устроить кораль для жвачных животных — они мешали бы поселенцам близ Гранитного дворца; кораль предназначался главным образом для муфлонов, которые должны были давать колонии шерсть для зимней одежды.

Каждое утро колонисты, иногда все вместе, а чаще только Сайрес Смит, Герберт и Пенкроф, отправлялись к истокам Красного ручья, словно совершая увеселительную прогулку, так как все пять миль онагры везли их по дороге, недавно проложенной под зеленым сводом деревьев и названной «Дорогой в кораль».

Друзья облюбовали обширный луг, лежащий между двумя отрогами горы. Участок этот, кое-где поросший деревьями, был очень удобен. Его не только защищали горы, но и пересекал ручеек, бравший начало на одном из склонов и впадавший в Красный ручей. Трава там была сочная, а редкие деревья не

мешали ветерку гулять по лугу. Надо было окружить участок таким высоким частоколом, чтобы животные, даже самые проворные, не могли через него перепрыгнуть, и подвести ограду с двух сторон к отрогам горного кряжа. Кораль предназначался для сотни голов рогатого скота — муфлонов или диких коз — и молодняка, который появится на свет.

Инженер наметил границы коралья; теперь следовало приступить к рубке деревьев для частокола; но колонисты, прокладывая дорогу, уже свалили немало деревьев, их-то и перевезли сюда, сделали не одну сотню кольев и крепко-накрепко забили в землю.

В передней части — частокола проделали довольно широкие двустворчатые ворота, сбитые из толстых досок и брусьев.

Колонисты трудились недели три и не только обнесли кораль частоколом, но и построили под руководством Сайреса Смита вместительные дощатые сараи — убежище для скота. Старались сделать все строения поосновательнее, потому что муфлоны сильны, и колонисты опасались что, попав в неволю, они будут неистовствовать.

Колья, заостренные сверху и для прочности обугленные, были скреплены поперечными брусьями, а дополнительные подпорки делали частокол еще крепче.

С коралем покончили, теперь предстояло устроить облаву на жвачных животных у подножия горы Франклина, на лугах, где они паслись. 7 февраля, в ясный летний день, все приняли участие в облаве. Оченьгодились оба онагра, уже довольно хорошо объезженные, на них скакали верхом Гедеон Спилет и Герберт.

Все дело сводилось к тому, чтобы окружить муфлонов и коз и, постепенно сужая круг, погнать их к коралю. Сайрес Смит, Пенкроф, Наб и Юп расположились в разных концах лощины, а оба верховых и Топ скакали вокруг коралья на расстоянии полумили.

В этой части острова водилось множество муфлонов; эти красивые животные, с большими рогами и длинной сероватой шерстью, были не больше лани и походили на аргали или диких баранов.

Охотники очень устали на облаве. Сколько они суетились, бегали взад и вперед, сколько кричали! Они окружили целую сотню муфлонов, но животные стали разбегаться, стадо уменьшилось втрое, и к коралю удалось пригнать всего лишь тридцать муфлонов и десять диких коз; животные увидели открытые ворота и, очевидно вообразив, что нашли путь к спасению, ринулись туда и попали в плен.

В общем, все прошло удачно, и сетовать поселенцам не приходилось. Самок оказалось больше, и некоторые должны были скоро принести приплод. Нечего было и сомневаться, что стадо увеличится и что поселенцы получат вдоволь шерсти и кожи.

Вечером охотники вернулись в Гранитный дворец изнемогая от усталости. Но на следующий же день они отправились в кораль. Пленники, очевидно, пытались разнести изгородь, но тщетно — теперь они стали смиреннее.

За февраль месяц не произошло никаких важных событий. Своим чередом шли все будничные работы, поселенцы, улучшая дороги к коралю и к порту Воздушного шара, одновременно начали прокладывать третью дорогу, ведущую от коралья к западному берегу. Все еще не удавалось обследовать один участок острова Линкольна — полуостров Извилистый, покрытый густыми лесами, где водились хищные звери; Гедеону Спилету очень хотелось избавиться от них свои владения.

До наступления холодов друзья усердно выращивали дикорастущие овощи, пересаженные из леса на плато Кругозора. Герберт всегда приносил из своих экскурсий всякие полезные растения: то цикорий, из семян которого можно выжимать превосходное масло; то обычный щавель, противоязвенными

свойствами которого не стоило пренебрегать; приносил он и драгоценные корнеплоды, выращиваемые во все времена в Южной Америке, — картофель, его теперь насчитывают больше двухсот сортов. За огородом следили, его заботливо поливали, заботливо охраняли от птиц; на грядках росли салат, картофель, щавель, репа, редька и другие крестоцветные. Земля на плато была поразительно плодородна, и поселенцы надеялись, что соберут обильный урожай.

Не было недостатка и в самых разнообразных напитках, и даже привереды не могли бы жаловаться при одном условии: не требовать вина. К «чаю Освего», который собирали с губоцветных, и шипучему напитку, приготовленному из корней драцены, Сайрес Смит добавлял настоящее пиво; он изготовлял его из молодых побегов «abies nigra»; если их вскипятить и подвергнуть брожению, получается приятный и чрезвычайно полезный напиток, который англо-американцы называют «spring-berr», то есть еловое пиво.

К концу лета на птичьем дворе завелись самец и самка дроф, из породы дроф-красоток, с пышным оперением, под стать пелеринке, дюжина крупных широконосок с выростами по обеим сторонам клюва и великолепные дикие индюки, напоминавшие мозамбикских индюков, — они с важным видом, словно гордясь своим черным оперением, гребешком и зобом, расхаживали по берегу озера.

Итак, все шло успешно благодаря энергии мужественных и умных людей. Конечно, провидение во многом поддерживало их, а главное — поселенцы, соблюдая мудрую заповедь, сами помогали себе, а уже потом им помогали небеса.

Вечером, после знойного летнего дня, в тот час, когда с моря дул легкий ветерок, колонисты любили посидеть, закончив труды, на плато Кругозора, под навесом из вьющихся растений, которые собственноручно посадил Наб. Они вели беседу, делились знаниями, строили планы на будущее, а грубоватые, добродушные шутки моряка вносили веселье в этот маленький мирок, в котором неизменно царил полнейшее согласие.

Говорили они и о своей родине, о дорогой их сердцу Америке. Идет ли по-прежнему гражданская война между Севером и Югом? Не может быть, чтобы она еще продолжалась. Ричмонд, без сомнения, быстро сдался генералу Гранту! Падение столицы рабовладельческих штатов, должно быть, и послужило заключительным актом кровавой битвы. Север, конечно, восторжествовал в борьбе за правое дело. Как хотелось изгнанникам, приютившимся на острове Линкольна, прочесть газету. Вот уже одиннадцать месяцев, как они отрезаны от мира. Скоро 24 марта — годовщина того дня, когда воздушный шар выбросил их на эти, никому не ведомые берега. Тогда они были потерпевшими крушение и не знали, удастся ли им спасти в борьбе со стихиями свою жизнь. А теперь благодаря знаниям своего руководителя, благодаря своему собственному уму они превратились в колонистов; у них есть оружие, орудия, инструменты, приборы; они сумели поставить себе на службу животных, растения и минералы острова, то есть все три царства природы.

Да, они часто говорили обо всем этом, строили новые и новые планы на будущее!

А Сайрес Смит почти всегда молчал, слушая своих товарищей. Порой какое-нибудь замечание Герберта или забавная выходка Пенкрофа вызывали у него улыбку, но всегда и всюду он размышлял о тех необъяснимых явлениях, о той странной загадке, тайну которой не мог постичь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ненастье. — Гидравлический подъемник. — Изготовление оконного стекла и посуды. — Саговая пальма. — Поездки в король. — Прирост стада. — Вопрос журналиста. — Точные координаты острова Линкольна. — Предложение Пенкрофа.

В первую же неделю марта погода изменилась, начале месяца было полнолуние и все еще стояла невыносимая жара. Чувствовалось, что воздух насыщен электричеством; следовало опасаться, что на довольно долгое время установится период дождей и гроз.

И действительно, 2 марта с неистовой силой грянул гром. Ветер дул с востока, и град стал бить прямо по фасаду Гранитного дворца — шум стоял такой, будто сыпалась картечь. Пришлось плотно затворить дверь и ставни на окнах, иначе затопило бы комнаты.

Увидев, что идет град, а иные градины были величиной с голубиное яйцо, Пенкроф стал бить тревогу: ведь его хлебное поле подвергалось большой опасности. И он немедленно побежал на поле, где колосья уже подняли зеленые головки, и прикрыл его полотнищем от оболочки аэростата. Моряка тоже изрядно побил град, но он не жаловался.

Плохая погода продержалась с неделю, и все это время беспрерывно гремел гром. Гроза раздражалась за грозой — только затихнет одна, не отшумят еще глухие раскаты грома за горизонтом, а уже раздаются новые неистовые удары. Молнии зигзагами прорезали небо, сожгли немало деревьев на острове, а среди них и огромную сосну, возвышавшуюся близ озера, на опушке леса. Два-три раза молния ударила в песчаный берег и расплавила песок, превратив его в стекло. Когда инженер обнаружил «громовые стрелы», он подумал о том, что можно вставить в окна толстые и крепкие стекла, которые выдержат порывы ветра, потоки дождя и град.

Спешных работ на острове не было, и поселенцы воспользовались плохой погодой, чтобы поработать в Гранитном дворце, который они по-хозяйски обставляли все лучше, каждый день добавляя что-нибудь новое. Инженер устроил токарный станок и выточил на нем кое-какие туалетные принадлежности и кухонную утварь; сделал он и пуговицы, необходимые колонистам. Они смастерили козлы для оружия, которое содержали с редкостной аккуратностью, шкафы и полки. Поселенцы пилили, строгали, отделявали, обтачивали, и пока стояли ненастные дни, в ответ на громовые раскаты раздавался визг и скрежет инструментов, жужжание станка.

О дядюшке Юпе тоже не забыли: около главного склада ему отвели отдельную комнатку, похожую на каюту, с подвесной койкой, покрытой подстилкой, — там ему было очень уютно.

— Молодец у нас Юп, всем-то он доволен, бранного слова от него не услышишь, — часто повторял Пенкроф. — Вот кто отменный слуга, Наб, право, отменный!

— Мой ученик, — отвечал Наб, — скоро меня догонит.

— Перегонит, — посмеивался моряк, — потому что ты, Наб, много болтаешь, а он помалкивает!

Юп действительно до тонкости знал свои обязанности. Он вытряхивал одежду, поворачивал вертел, подметал комнаты, прислуживал за столом, складывал дрова и, что особенно восхищало Пенкрофа, перед сном всегда укутывал одеялом почтенного моряка.

Здоровье у всех членов маленькой колонии — двуногих и двуруких, четвероруких и четвероногих — было превосходным. Жили колонисты на свежем воздухе, в краю с хорошим, умеренным климатом, заняты были умственным и физическим трудом; им нечего было опасаться болезней.

И в самом деле, все чувствовали себя великолепно. Герберт за этот год вырос на два дюйма. Его лицо стало строже, мужественнее, и по всему было видно, что из него выйдет хороший человек, наделенный физической и моральной силой. Когда у него оставалось время, свободное от работы, он учился; юноша прочитал все книги, найденные в ящике, а после практических занятий, которые были непосредственно связаны с жизнью на острове, он обращался к инженеру или журналисту, и те с радостью помогали ему пополнять образование: Сайрес Смит — в области науки, Гедеон Спилет — в знании языков.

Инженеру страстно хотелось передать юноше все то, что он знал, наставить его и примером и словом; к чести Герберта следует сказать, что он сделал большие успехи, занимаясь со своим учителем.

«Если я умру, — думал Сайрес Смит, — он заменит меня!»

Буря стихла 9 марта, но небо так и не прояснилось до конца этого последнего летнего месяца. Сильные электрические разряды нарушали спокойствие атмосферы, небо так и не обрело прежней ясности, почти все время лил дождь и клубился туман, выпало всего лишь три-четыре дня, благоприятствующих всевозможным походам.

В ту пору самка онагра произвела на свет детеныша, на удивление крепкого — тоже самку. В корале увеличивалось и поголовье муфлонов: в сараях блеяли ягнята, к великой радости Наба и Герберта, — у каждого из них были любимцы среди новорожденных.

Поселенцы попробовали приручить пекари, и опыт великолепно удался. Около птичьего двора выстроили хлев, и вскоре там появились поросята, жаждавшие приобщиться к цивилизации, то есть откормиться благодаря заботам Наба. Дядюшке Юпу поручили носить им ежедневно пищу — помои, кухонные отбросы, и он добросовестно выполнял свои обязанности. Правда, иногда он потешался над своими подопечными и дергал их за хвостики, но делал это любя, а не со зла — его очень забавляли хвостики, завитые колечком, словно игрушечные, ведь натура у него была совсем детская.

Как-то в марте Пенкроф напомнил инженеру об одном его обещании, которое тот до сих пор не выполнил.

— Вы обещали сделать машину взамен длинной лестницы Гранитного дворца, мистер Сайрес, — сказал ему моряк. — Неужели вы так ее и не устроите?

— Вы говорите о лифте? — спросил инженер.

— Лифт так лифт, это как вы хотите, — ответил моряк. — Дело ведь не в названии, только бы без труда добираться до нашего жилья.

— Да тут нет ничего сложного, Пенкроф, но будет ли от подъемника польза?

— Разумеется, будет, мистер Сайрес. Всем необходимым мы обзавелись, подумаем-ка теперь об удобствах. Для людей, если вам угодно, подъемник — роскошь, но когда ты с грузом, он — необходимость. Ведь не так уж удобно карабкаться по длинной лестнице с тяжелой ношей!

— Хорошо, Пенкроф, попробуем доставить вам это удовольствие, — сказал Сайрес Смит.

— Но у вас ведь нет машины?

— А мы ее сделаем.

— Паровую машину?

— Нет, водяную.

И действительно, в распоряжении инженера была естественная сила, которой можно было воспользоваться без особого труда, чтобы привести в действие подъемник.

Достаточно было увеличить количество воды в небольшом канале, отведенном от озера и снабжавшем водой Гранитный дворец. Поселенцы расширили отверстие, пробитое в скалах и поросшее травой в верхнем конце прежнего водостока, и целый водопад ринулся в канал — избыток воды уходил во внутренний колодец. Под водопадом инженер установил цилиндр с лопастями, который был соединен с колесом, находящимся снаружи и обмотанным прочным канатом; к канату привязали подъемную корзину. При помощи длинной веревки, свисавшей до земли и позволявшей включать и выключать гидравлическое приспособление, можно было подняться в корзине до дверей Гранитного дворца.

Семнадцатого марта, ко всеобщему удовольствию, подъемник заработал в первый раз. Отныне это простое устройство, заменившее примитивную лестницу, о которой никто и не думал сожалеть, поднимало вверх уголь, продовольствие и самих поселенцев. Топ был просто в восторге от усовершенствования: ведь он не мог соревноваться в ловкости с дядюшкой Юпом и с трудом карабкался по лестнице; прежде Набу и даже Юпу часто приходилось нести его на спине, когда они поднимались в Гранитный дворец.

В те же дни Сайрес Смит попробовал изготовить стекло. Дело было новое, но он воспользовался старой гончарной печью. Возникло много затруднений, но после ряда бесплодных попыток ему все же удалось устроить мастерскую для выделки стекла. Гедеон Спилет и Герберт, истинные помощники инженера, не выходили из нее несколько дней.

В состав стекла входят песок, мел и сода (углекислый или сернокислый натрий). На берегу было сколько угодно песка, из отложений известняка поселенцы добывали мел, из водорослей — соду, из серного колчедана — серную кислоту, а из земных недр — каменный уголь для нагревания печи до нужной температуры. Итак, у Сайреса Смита было все необходимое для производства стекла.

Оказалось, что всего труднее изготовить «трость» стеклодува — железную трубку пяти-шести футов длиной, одним концом которой набирают расплавленную стеклянную массу. Но Пенкроф взял тонкую длинную полосу железа, свернул ее наподобие ружейного ствола — получилась трубка, которой колонисты вскоре и воспользовались.

Двадцать восьмого марта печь накалили. Сто частей песку, тридцать пять мелу, сорок сернокислого натрия смешали с двумя-тремя частями угольного порошка и эту массу положили в тигли из огнеупорной глины. Когда все это расплавилось под действием высокой температуры в печи, вернее, превратилось в вязкое месиво, Сайрес Смит набрал в трубку немного стекольной массы и стал ее перемешивать на заранее приготовленной металлической пластине, придавая массе форму, удобную для дутья; затем он протянул трубку Герберту и предложил ему подуть в нее.

— Так, будто выдуваешь мыльные пузыри? — спросил юноша.

— Вот именно, — ответил инженер.

Герберт набрал воздуха и, старательно вращая трубку, стал дуть в нее сильно, но осторожно, выдувая стеклянный пузырь. Добавили еще стекольной массы, и немного погодя образовался пузырь диаметром в один фут. Тогда Сайрес Смит взял трубку из рук юноши и стал ее раскачивать, как маятник, — мягкий стеклянный пузырь вытянулся и принял форму конусообразного цилиндра.

Итак, удалось выдуть стеклянный цилиндр с двумя полусферическими поверхностями на концах, их без труда срезали острым ножом, смоченным в холодной воде; таким же способом разрезали цилиндр в длину, снова нагрели и, размягчив, положили на металлическую пластину, затем раскатали деревянной скалкой.

Так приготовлено было оконное стекло. Повторив пятьдесят раз тот же процесс, они получили пятьдесят стекол. И вот в окна Гранитного дворца вставили стекла, не очень прозрачные, но хорошо пропускающие свет.

Изготовление стеклянной посуды, стаканов и бутылок стало для поселенцев развлечением. Все шло в ход, даже если плохо получалось. Пенкроф тоже испросил разрешения «подуть» — и какое же это доставило ему удовольствие! Правда, он дул с такой силой, что его творения приобретали самые удивительные формы, искренне его восхищавшие.

Как-то, отправившись в экспедицию, поселенцы обнаружили дерево новой породы, которое еще больше разнообразило их питание.

В тот день Сайрес Смит и Герберт пошли на охоту в леса Дальнего Запада, на левый берег реки Благодарения; как всегда, юноша задавал инженеру множество вопросов, на которые тот с удовольствием отвечал. Но охота, как и любое дело, требует внимания, иначе успеха не добьешься. Сайрес Смит охотником не был, а Герберт увлекся химией и физикой, поэтому немало кенгуру, водосвинок и агути спаслись от их пуль, хотя и находились на расстоянии ружейного выстрела. И вдруг, когда день уже был на исходе и охотники, казалось, провели время без всякой пользы, Герберт остановился и радостно воскликнул:

— Ах, мистер Сайрес, взгляните-ка на это дерево! И он указал ему на деревце, скорее, на куст, ствол которого был покрыт чешуйчатой корой, а листья испещрены параллельными прожилками.

— Что же это за дерево, оно похоже на маленькую пальму? — спросил Сайрес Смит.

— Это «*sucas revoluta*», оно изображено на рисунке в нашей энциклопедии естественных наук.

— Что-то на кусте не видно плодов.

— Плодов нет, мистер Сайрес, — ответил Герберт, — зато в стволе содержится мука, — природа нас снабдила мукой.

— Так, значит, это саговая пальма?

— Да, саговая пальма.

— Что же, для нас, дружок, пока не уродится пшеница, это драгоценная находка. За дело, и дай-то бог, чтобы ты не ошибся!

Герберт не ошибся. Он разрубил ствол дерева, состоящий из пористой коры и мучнистой сердцевины, которая проросла волокнами, разделенными концентрическими кольцами из того же вещества. Крахмал был пропитан клейким соком неприятного вкуса, но его легко было удалить. Получалась очень питательная мука наилучшего качества; некогда закон запрещал вывозить ее из Японии.

Сайрес Смит и Герберт, тщательно обследовав тот участок лесов Дальнего Запада, где росли «*sucas revoluta*», сделали отметки на деревьях и поспешили вернуться в Гранитный дворец, чтобы рассказать товарищам о своем открытии.

На другой день поселенцы отправились за мукой. И Пенкроф, все более и более восторговшийся островом, сказал инженеру:

— Не думаете ли вы, мистер Смит, что есть на свете острова для потерпевших крушение?

— Что вы хотите сказать, Пенкроф?

— А то, что есть на свете такие острова, возле которых не страшно потерпеть крушение, — там бедняги вроде нас из всех бед выйдут!

— Может быть, — с улыбкой ответил Сайрес.

— Так оно и есть, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, — и ясно, что остров Линкольна к ним и принадлежит.

В Гранитный дворец вернулись с обильной жатвой — со стволами саговой пальмы. Инженер устроил пресс, отжал клейкий сок, смешанный с крахмалистым веществом, и получил довольно много муки; в руках Наба она превратилась в печенье и пудинги. Вкус хлеба напоминал им настоящий пшеничный хлеб.

В ту пору онагры, козы и муфлоны, находившиеся в корале, ежедневно давали поселенцам молоко. Поэтому приходилось часто бывать в корале; ездили в повозке, вернее, в легкой коляске, которая ее заменила; когда приходила очередь Пенкрофа, он брал с собой Юпа и заставлял его править; Юп хлопал кнутом, выполняя порученное ему дело с обычной своей сообразительностью.

В общем, все шло отлично и в Гранитном дворце и в корале, и колонисты ни на что не сетовали бы, не будь они оторваны от родины. Они так приспособились к условиям жизни на острове, так привыкли к нему, что с печалью и сожалением покинули бы этот гостеприимный край!

Но любовь к родине владеет сердцем человека с непреодолимой силой, и если бы поселенцы заметили корабль, то стали бы давать сигналы, привлекая внимание команды. А пока они жили беспечальной жизнью и скорее боялись, нежели хотели, чтобы ее нарушило какое-либо событие.

Но кто может похвалиться тем, что счастье вечно, что ты огражден от превратностей судьбы!

Поселенцы часто беседовали об острове Линкольна, на котором жили уже больше года, и однажды затронул вопрос, который привел к важным последствиям.

Дело было в воскресенье, 1 апреля, в первый день пасхи, — Сайрес Смит и его товарищи посвятили время отдыху и молитве. День выдался отличный — такая погода бывает в октябре в Северном полушарии.

После обеда все собрались под навесом из зелени краю плато Кругозора и смотрели, как постепенно меркнет небосклон. Вместо кофе Наб подал напиток из бузины; разговор шел об острове, о том, как одиноко стоит он среди Тихого океана, как вдруг Гедеон Спилет спросил:

— Скажите-ка, дорогой Сайрес, вы не определяли положение нашего острова при помощи секстана, найденного в ящике?

— Нет, — ответил инженер.

— А ведь стоило бы это сделать, секстан — прибор совершенный, им точнее определишь координаты, чем тем способом, которым вы пользовались.

— А чего ради? — спросил Пенкроф. — Ведь положение острова не изменится.

— Конечно, — заметил Гедеон Спилет, — но, быть может, из-за несовершенства прибора обсервация была не верна, результаты теперь легко проверить...

— Вы правы, любезный Спилет, — ответил инженер, — следовало сделать это раньше; впрочем, если ошибка и вкралась, то она не превышает пяти градусов долготы или широты.

— Как знать? — продолжал журналист. — Как знать, не ближе ли мы к обитаемой земле, чем думаем?

— Завтра узнаем, — ответил Сайрес Смит, — если бы не такой недосуг, мы узнали бы это раньше.

— Ну и отлично, — сказал Пенкроф. — Мистер Сайрес такой мастер, что не мог ошибиться, и если остров не сдвинулся с места, то находится именно там, куда он его поместил!

— Увидим.

На другой же день при помощи секстана произвели необходимые обсервации, чтобы проверить координаты, которые инженер определил раньше.

По первоначальным данным остров Линкольна находился:

между 150° и 155° западной долготы,

между 30° и 35° южной широты.

Последующие совершенно точные вычисления дали:

150° 30′ западной долготы,

34° 57′ южной широты.

Таким образом, несмотря на несовершенный способ измерений, Сайрес Смит в первый раз определил координаты с такой точностью, что его ошибка не превысила пяти градусов.

— Ведь теперь у нас есть не только секстан, но и атлас, — сказал Гедеон Спилет. — Посмотрим-ка, дорогой Сайрес, в каком именно месте Тихого океана расположен остров Линкольна.

Герберт принес атлас, изданный, очевидно, во Франции, потому что географические названия были на французском языке.

Развернули карту Тихого океана; инженер с циркулем в руке собрался определить местоположение острова.

Вдруг он замер на месте, говоря:

— Да в этой части Тихого океана на карту нанесен остров.

— Остров! — воскликнул Пенкроф.

— Наш, конечно? — сказал Гедеон Спилет.

— Нет, — ответил инженер. — Этот остров расположен на сто пятьдесят третьем градусе долготы и тридцать седьмом градусе одиннадцатой минуте широты, на два градуса с половиной западнее и на два градуса южнее острова Линкольна.

— Что же это за остров? — спросил Герберт.

— Остров Табор.

— Остров велик?

— Нет, это маленький островок, затерянный в Тихом океане, — на него, вероятно, никто не высаживался!

— А мы высадимся, — заявил Пенкроф.

— Мы?

— Да, мистер Сайрес. Построим палубное судно, я берусь им управлять. А в каком мы расстоянии от острова Табор?

— Приблизительно в ста пятидесяти милях к северо-востоку, — ответил Сайрес Смит.

— В ста пятидесяти милях! Сущие пустяки, — заявил Пенкроф. — При попутном ветре будем там через двое суток.

— А зачем? — спросил журналист.

— Да так просто. Надо же посмотреть!

После такого ответа колонисты решили, что судно будет построено и что они пустятся в плавание в октябре, когда наступит хорошая погода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Постройка судна. — Вторая жатва. — Охота на сумчатых медведей. — Новое растение, скорее приятное, нежели полезное. — Кит в море. — Гарпун из Вайньярда. — Туша кита разделана. — На что употребили китовый ус. — В конце мая. — Пенкрофу больше ничего не нужно.

Если Пенкрофу приходила в голову какая-нибудь мысль, он не успокаивался, пока ее не осуществлял. Задумал он, например, добраться до острова Табор, для чего необходимо было довольно большое судно, — и вот пришлось взяться за постройку.

Инженер, с одобрения моряка, остановился на таком проекте.

Длина судна будет равна тридцати пяти футам, ширина — девяти, что придаст ему быстроходность, если удачно выйдут обводы и осадка окажется нормальной: она не должна превышать шести футов, однако судну для устойчивости следует довольно глубоко сидеть в воде. Палубу решили настлать сплошную, от носа до кормы, и, проделав в ней два люка, устроить спуск в две каюты, разделенные непроницаемой переборкой, оснастить судно, как большой шлюп, косым гротом, латинским фоком, брифоком, топселем и кливером, то есть парусами, которыми легко управлять, маневрировать во время шторма или идти круто в бейдевинд. И, наконец, решили, что корпус будет построен с высоким надводным бортом, доски наружной обшивки будут соединены впритык, а не наложены друг на друга; обшивка судна будет пригнана к фальшивым шпангоутам, а затем прикреплена к набору судна.

Из какого же дерева построить судно? Из вяза или сосны, в таком изобилии растущих на острове? Остановились на сосне — правда, дерево это, по выражению плотников, очень уж «колкое», зато обрабатывать его нетрудно и сосна не боится воды.

Продумав все до мелочей, поселенцы решили, что постройкой судна займутся только Сайрес Смит и Пенкроф, ибо до весны оставалось еще целых полгода. Гедеон Спилет и Герберт будут по-прежнему охотиться, а Наб и его помощник, дядюшка Юп, — выполнять свои обязанности по хозяйству.

Итак, остановились на сосне и тотчас же срубили несколько деревьев, обтесали бревна и, как заправские пильщики, распилили их на доски. А неделю спустя в естественном углублении между Трущобами и гранитным кряжем, там, где находилась верфь, уже лежал тридцатипятифутовый брус — киль судна с ахтерштевнем позади и форштевнем впереди.

Сайрес Смит приступил к работе со знанием дела. Он разбирался в кораблестроении, как и во многом другом, и прежде всего сделал чертеж судна. Правда, у него был отличный помощник — Пенкроф, несколько лет проработавший на Бруклинских верфях и понимавший толк в судостроении. После тщательных расчетов и долгих размышлений они решили сделать добавочные шпангоуты.

Пенкроф, само собой разумеется, с воодушевлением принялся за постройку судна и готов был работать без передышки.

Но ради одного дела он как-то, правда лишь на день, ушел со стапеля. Это было 15 апреля, когда он во второй раз снял урожай пшеницы. Урожай был отличный, как и в первый раз, — сколько предполагалось, столько и собрали зерна.

— Пять буассо, мистер Сайрес! — крикнул Пенкроф, тщательно взвесив свое богатство.

— Пять буассо, — повторил инженер. — А в буассо — сто тридцать тысяч зерен; значит, всего у нас шестьсот пятьдесят тысяч зерен.

— Уж теперь мы все зерно посеем, только самую малость оставим про запас, — заметил моряк.

— Согласен, Пенкроф. И если урожай будет таким же, то мы соберем четыре тысячи буассо.

— И будем с хлебом?

— Будем с хлебом.

— Придется построить мельницу!

— И мельницу построим.

Поэтому в третий раз под хлебное поле отвели участок куда обширнее, чем прежде, и, самым тщательным разом обработав землю, посеяли пшеницу. Покончив с этим делом, Пенкроф снова принялся за постройку судна.

А Гедеон Спилет и Герберт все это время охотились в окрестностях или углублялись в неведомые дебри лесов Дальнего Запада, держа наготове ружья, заряженные пулями. Не раз они попадали в непроходимые заросли, где деревья стояли ствол к стволу, словно им не хватало места. Исследовать лесные чащи оказалось делом чрезвычайно трудным, и журналист всегда брал с собой компас, потому что солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густые ветви и легко было заблудиться. Дичи, разумеется, здесь попадалось меньше, так как зверям и птицам не было простора. И все же наши охотники во второй половине апреля подстрелили трех крупных травоядных. То были сумчатые медведи (поселенцы уже как-то видели сумчатых медведей на северном берегу озера); животные попытались спрятаться от охотников за густыми ветвями, но были убиты меткими выстрелами. Охотники принесли шкуры в Гранитный дворец, обработали серной кислотой, выдубили, и они стали пригодны для употребления.

Однажды во время охоты была сделана драгоценнейшая находка, правда совсем в ином духе; честь открытия принадлежала Гедеону Спилету.

Дело было 30 апреля. Охотники зашли в юго-западную часть леса Дальнего Запада, причем журналист, опередив Герберта шагов на пятьдесят, очутился на полянке — деревья там словно расступились и дали дорогу солнечным лучам.

Гедеона Спилета поразил чудесный аромат: благоухало какое-то растение с гроздьями цветов, с прямыми, стройными стеблями и коробочками крохотных семян. Журналист сорвал два-три стебля и вернулся к юноше, говоря:

— Посмотри-ка, Герберт, что это такое?

— А где вы сорвали цветы, мистер Спилет?

— Вон там, на поляне, их там полно.

— Как вам будет благодарен Пенкроф за эту находку, мистер Спилет!

— Неужели это табак?

— Да, правда, не первосортный, но все же табак.

— До чего обрадуется Пенкроф! Но не выкурит же он все, черт возьми! Нам оставит!

— Знаете что, мистер Спилет, не будем пока говорить Пенкрофу о находке, — предложил Герберт. — Приготовим табак и в один прекрасный день преподнесем ему набитую трубку.

— Отлично придумано, Герберт, и тогда нашему другу Пенкрофу больше нечего будет желать в этом мире.

Журналист и Герберт набрали изрядную охапку драгоценных листьев и пронесли их в Гранитный дворец «контрабандой» — с такими предосторожностями, как будто Пенкроф был таможенным надсмотрщиком. Они посвятили в тайну Сайреса и Наба, а моряк ничего не подозревал в продолжение

всего того долгого времени, пока тонкие листья сушились, пока их рубили и держали на горячих камнях. На это ушло два месяца, все удалось проделать так, что Пенкроф ничего и не приметил: он был поглощен своим ботом и только поздно вечером возвращался домой.

Первого мая ему все же пришлось прервать любимую работу и вместе со своими товарищами поохотиться за одним редкостным животным.

Уже несколько дней в двух-трех милях от берегов острова Линкольна в открытом море плавал кит исполинских размеров. Очевидно, это был капский или южный кит.

— Как бы нам изловчиться и загарпунить кита? — как-то раз сказал моряк. — Было бы у нас подходящее судно да прочный гарпун, я бы первый сказал: «Пошли бить кита, — себя не пожалею, а его одолею».

— Хотелось бы мне посмотреть, как вы орудуете гарпуном, Пенкроф, — заметил Гедеон Спилет. — Зрелище, вероятно, прелюбопытное.

— Прелюбопытное и преопасное. Но мы безоружны, — сказал инженер, — поэтому нечего нам и думать о ките.

— Удивительно, — продолжал журналист, — как это кит заплыл в такие широты?

— Что вы, мистер Спилет, — возразил Герберт, — ведь мы находимся именно в той части Тихого океана, которую английские и американские рыбаки называют «китовым полем», — именно тут, между Новой Зеландией и Южной Америкой, попадаетея наибольшее количество китов Южного полушария.

— Что верно, то верно, — вставил Пенкроф, — просто даже не пойму, отчего их здесь так мало. А впрочем, какой от них толк, раз невозможно к ним подойти.

И Пенкроф, вздыхая, принялся за работу, ибо каждый матрос в душе рыбак, а если удовольствие от рыбной ловли прямо пропорционально улову, то посудите сами, какие чувства волнуют гарпунщика, когда он видит кита.

Да если бы все сводилось к одному лишь удовольствию! Ведь колонисты понимали, какую ценную добычу они упускают, как пригодились бы им и ворвань и китовый ус.

А кит словно и не думал покидать воды острова. Наблюдение за животным велось то с плато Кругозора, то из окон Гранитного дворца; когда Герберт и Гедеон Спилет не охотились, они поминутно смотрели в подзорную трубу, как и Наб, иногда отходивший от плиты.

Кит попал в обширную бухту Соединения и стремительно бороздил ее воды от мыса Челюсть до мыса Коготь; он плыл при помощи своего удивительно мощного хвостового плавника, на который он налегал, продвигаясь вперед какими-то скачками и развивая скорость, порою достигавшую двенадцати миль в час. Иногда он так близко подходил к острову, что его можно было хорошо рассмотреть. Оказалось, что это настоящий южный кит; он был черного цвета, голова у него была приплюснута больше, чем у китов Северного полушария.

Было видно, как у него из водометных отверстий высоко взлетает облако пара... или фонтан воды, ибо, как это и не странно, естествоиспытатели и китобои до сих пор ведут споры по этому поводу. Что же он выбрасывает — пар или воду? Есть предположение, что это пар, который превращается в воду, соприкасаясь с холодным воздухом, и оседает, рассыпаясь брызгами.

Одним словом, огромное млекопитающее занимало все помыслы колонистов. Особенно прельщал кит Пенкрофа, даже отвлекал его от работы. Кончилось тем, что наш моряк стал думать только об одном: как бы поймать кита, — так запретный плод манит ребенка. Моряк даже во сне видел кита, и если бы у

него было снаряжение гарпунщика да был бы готов бот, он, конечно, не раздумывая, пустился бы в море вслед за китом.

Но то, что не могли сделать колонисты, сделал случай. 3 мая раздались крики; Наб, стоявший на наблюдательном посту у кухонного окна, сообщил, что кит попал на мель. Герберт и Гедеон Спилет, собравшиеся было на охоту, побросали ружья, Пенкроф отшвырнул топор, Сайрес Смит и Наб присоединились к друзьям, и все побежали к отмели, на которой лежал кит.

Вода спала, а он остался на песчаной отмели у мыса Находки, в трех милях от Гранитного дворца. Очевидно, киту нелегко было оттуда выбраться. Так или иначе друзья решили, не теряя времени, отрезать ему все пути к отступлению.

Прихватив пики, колья с железными наконечниками, колонисты побежали к мысу. Вот они миновали мост через реку Благодарения, перебрались на правый берег реки, вот идут по песку, а спустя двадцать минут — они уже возле огромного животного, над которым тучей кружат птицы.

— Ну и чудовище! — воскликнул Наб.

Замечание было правильно: кит, принадлежавший к породе южных китов, оказался настоящим исполином восьмидесяти футов длиной, весил, должно быть, не меньше ста пятидесяти тысяч фунтов.

Чудовище лежало на отмели, не било хвостом, не пыталось всплыть, пока прилив был еще высок.

Когда начался отлив, колонисты обошли вокруг кита и поняли, отчего он лежит неподвижно.

Он был мертв: в его левом боку колонисты увидели гарпун.

— Следовательно, в наши края заплывают китобойные суда! — живо сказал Гедеон Спилет.

— Откуда вы взяли? — спросил моряк.

— Но ведь гарпун...

— Полно, мистер Спилет, это ничего не значит, — ответил Пенкроф. — Иной кит тысячу миль проплывет с гарпуном в боку; может статься, нашего кита хватили на самом севере Атлантического океана, а он приплыл умирать на юг Тихого океана.

— И все же... — произнес Гедеон Спилет, которого не убедили слова Пенкрофа.

— Это вполне возможно, — заметил Сайрес Смит, — но давайте-ка посмотрим, что это за гарпун. Может быть, китобои, по существующему обычаю, вырезали на нем название своего судна!

И правда, выхватив гарпун, вонзившийся в бок кита, Пенкроф прочел следующую надпись:

— Корабль-то из Вайнъярда! Из моих родных краев! — воскликнул моряк. — «Мария-Стелла»! Ей-богу, отменное китобойное судно. Отлично его знаю. Ах, други вы мои, судно из Вайнъярда, китобойное судно из Вайнъярда!

И моряк, размахивая гарпуном, взволнованно повторял название, говорящее так много его сердцу, название порта, где он родился!

Нечего было ждать, что подплывет «Мария-Стелла», что ее экипаж потребует отдать ему кита, раненного гарпуном, поэтому решили разрубить китовую тушу на части, пока она не разложилась. Хищные птицы, уже несколько дней выслеживавшие богатую добычу, налетели на мертвого кита; колонисты разогнали их, выстрелив из ружей.

Оказалось, что они нашли самку кита, — из ее сосцов бежало молоко, а молоко это, по мнению естествоиспытателя Диффенбаха, вполне заменяет коровье, от которого не отличается ни по вкусу, ни по цвету, ни по густоте.

Пенкроф прежде служил на китобойном судне, поэтому тушу разделявали под его руководством по всем правилам: занятие было не из приятных и длилось три дня, но ни один колонист не отказался от работы — даже Гедеон Спилет, который, как заявил Пенкроф, «сумеет из всякой беды выбраться».

Сало разрезали на ровные ломти в два с половиной фута толщиной, затем их разделили на куски весом, вероятно, по тысяче фунтов и растопили в огромных глиняных чанах, которые колонисты привезли к месту работы, ибо им не хотелось загрязнять окрестности плато Кругозора; жира вышло на треть меньше. Но все же запасы получились изрядные: из одного лишь языка добыли шесть тысяч фунтов жира, а из нижней губы — четыре тысячи.

Пригодился не только жир, благодаря которому колонисты надолго запаслись стеарином и глицерином, мог найти применение и китовый ус, хотя жители Гранитного дворца обходились без зонтов и корсетов. В пасти кита с двух сторон верхней челюсти свисало по ряду эластичных роговых пластинок, их было около восьмисот. Пластинки сужались книзу, и их ряды напоминали две огромные «гребенки» с зубьями в шесть футов длиной. Эти гребенки задерживали уйму микроскопических животных, рыбешек и моллюсков, которыми питается кит.

Закончив, к общему удовольствию, работу и оставив тушу на растерзание прожорливым птицам, под клювами которых она должна была бесследно исчезнуть, колонисты вернулись домой к своим каждодневным делам.

Однако Сайрес Смит не сразу приступил к постройке судна, а принялся что-то мастерить; глядя на него, колонисты сгорали от любопытства. Он взял дюжину пластинок китового уса, разрезал каждую на шесть равных частей и отточил по концам.

— Что мы с ними будем делать, мистер Смит? — спросил Герберт, когда инженер обточил пластинки.

— Будем бить волков, лисиц и даже ягуаров, — ответил Сайрес Смит.

— Теперь?

— Нет, зимой, когда нам поможет лед.

— Ничего не понимаю... — произнес Герберт.

— Сейчас поймешь, дружок, — отозвался инженер. — Не я изобрел эту штуку — она в ходу у охотников-алеутов в той части Америки, которая принадлежит русским.^[116] Так вот, друзья мои, как только наступят морозы, я согну в кольца все эти пластинки китового уса и буду поливать их водой, куда они не покроются льдом, — им тогда и не распрямятся; потом начину ими куски сала и разбросаю по снегу. Что же будет, если голодный зверь проглотит такую пластинку? А вот что: лед в желудке растает от тепла, китовый ус распрямятся, острые его концы пронзят внутренности хищника.

— Хорошо придумано! — воскликнул Пенкроф.

— Вот мы и сбережем порох и пули, — добавил Сайрес Смит.

— Да это получше всякой западни! — вставил Наб.

— Что ж, подождем до зимы!

— Подождем до зимы.

Между тем работы по постройке судна подвигались, и к концу месяца оно было наполовину обшито. Уже и теперь можно было сказать, что судно получается превосходное и будет отлично держаться на воде.

Пенкроф работал с несказанным воодушевлением и только благодаря своему могучему здоровью мог преодолевать усталость; а тем временем товарищи, в награду за все его труды, готовили ему приятный

сюрприз, и 31 мая ему суждено было испытать чуть ли не самую большую радость в жизни.

В тот день Пенкроф, пообедав, собрался было встать из-за стола, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему на плечо руку.

То была рука Гедеона Спилета; журналист сказал:

— Пойдите, дорогой Пенкроф, что же вы убегаете? А десерт?

— Благодарю, мистер Спилет, — ответил моряк, — мне некогда.

— Ну хоть чашечку кофе, дружище?

— Не хочется.

— Ну, а трубочку?

Пенкроф вдруг вскочил, и его широкое добродушное лицо побледнело: он увидел, что журналист протягивает ему набитую трубку, а Герберт — уголек.

Моряк хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова; он схватил трубку, поднес ее к губам, прикурил об уголек и сделал несколько затяжек.

Сизый душистый дымок закружился облаком, а из этого облака раздался радостный голос:

— Табак, воистину табак!

— Да, Пенкроф, — отозвался Сайрес Смит, — и табак отменный!

— О, божественное провидение! Творец всего сущего! — воскликнул моряк. — Теперь на нашем острове есть все, что душе угодно!

И Пенкроф курил, курил без конца.

— А кто же нашел табак? — спросил он вдруг. — Конечно, ты, Герберт.

— Нет, Пенкроф, мистер Спилет.

— Мистер Спилет! — воскликнул моряк, сжимая в объятиях журналиста, которому еще не доводилось попадать в такие тиски.

— Ох, Пенкроф! — простонал Гедеон Спилет, с трудом переводя дыхание. — Воздайте благодарность и Герберту, который определил, что это табак, и Сайресу Смиту, который приготовил курево, и Набу, которому так трудно было держать язык за зубами.

— Да, друзья, я вас непременно отблагодарю. До самой смерти не забуду!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Зима. — Валяние шерсти. — Сукновальня. — Неотвязная мысль Пенкрофа. — Приманки из китового уса. — Какую услугу может оказать альбатрос. — Горючее грядущих веков. — Топ и Юп. — Буря. — Разрушения на птичьем дворе. — Экскурсия на болото. — Сайрес Смит остается дома. — Исследование колодца.

Зима наступила в июне — этот месяц в Южном полушарии подобен декабрю северных широт. Пора было позаботиться о теплой и прочной одежде.

Колонисты настригли шерсти с муфлонов, и теперь предстояло изготовить ткань из этого драгоценного сырья.

Само собой разумеется, у Сайреса Смита не было ни чесальной, ни трепальной, ни гладильной, ни прокатной, ни сучильной, ни прядильной машины, ни механической прялки, чтобы пряхть шерсть, ни ткацкого станка, чтобы изготовить ткань, и ему пришлось обойтись самыми простыми средствами, так чтобы не ткать и не пряхть. Он и в самом деле решил попросту воспользоваться тем, что шерсть, когда ее раскатываешь, сваливается, волокна ее сцепляются и переплетаются, — таким образом изготовляют войлок. Итак, войлок можно было изготовить самым простым способом и, валяя шерсть, получить грубую, но очень теплую материю. Шерсть у муфлонов была короткая, а для изготовления войлока как раз такая и нужна.

Инженер с помощью своих товарищей, считая и Пенкрофа, которому еще раз пришлось бросить постройку бота, принялись за подготовительные работы: надо было очистить шерсть от пропитавших ее маслянистых и жирных веществ, которые называются «жиропотами». Шерсть обезжирили так: погрузили ее в чаны, наполненные водой, нагретой до семидесяти градусов, и продержали там сутки; затем как следует промыли в содовом растворе, выжали под прессом, и шерсть была готова для валянья, то есть для производства войлока — плотной, но грубой материи, не имеющей особой ценности в промышленных центрах Европы и Америки, но весьма дорогой на «рынках острова Линкольна».

Войлок был известен издавна — первые сукна изготовлялись по тому же способу, к которому прибегнул Сайрес Смит.

Познания в области техники очень пригодились инженеру, когда он приступил к постройке валяльной машины; для работы сукновальни он искусно применил не использованную до тех пор движущую силу водопада.

Машина получилась допотопная. Вал, оборудованный кулачками, которые попеременно то поднимали, то опускали вертикальные вальцы, ящики, предназначенные для шерсти, по которой и били эти вальцы, прочная деревянная рама, соединяющая все устройство, — вот какой была эта машина в течение многих веков, пока изобретатели не заменили вальцы компрессорами, пока не перестали валять шерсть, а стали ее прокатывать.

Сайрес Смит руководил работой, и все шло отлично. Шерсть валяли, предварительно смочив ее мыльной водой для того, чтобы шерстинки стали скользкими и мягкими, лучше сцеплялись друг с другом и не рвались бы при валянии; из сукновальни выходили толстые полотнища войлока. Шерстинки благодаря крохотным бороздкам и бугоркам, которые всегда на них бывают, переплелись и свалялись так плотно, что получился материал, пригодный и для одеял и для одежды. Что и говорить, далеко ему было до ткани из шерсти мериноса, до муслина, шотландского кашемира, до штофа, репса, китайского атласа, орлеанской шерсти, альпага, тонкого сукна, фланели. То был «линкольнский войлок»; промыслы острова Линкольна расширились.

У колонистов была добротная одежда, спали они под одеялами и могли без страха встретить зиму.

В двадцатых числах июня наступили настоящие холода, и Пенкрофу, к великой его досаде, пришлось отложить постройку бота; впрочем, он решил во что бы то ни стало закончить его к весне.

Его неотступно преследовала одна мысль — обследовать остров Табор, хотя Сайрес Смит не одобрял это путешествие, считая, что оно предпринимается из пустого любопытства, — кто же мог оказать им помощь на скалистом островке, пустынном и бесплодном? Его тревожила мысль, что Пенкроф собирается проплыть сто пятьдесят миль на утлом суденышке по неведомому морю. А что, если бот, попав в открытое море, не доберется до Табора, а вернуться на остров Линкольна не сможет? Что тогда станет с ним посреди грозного океана, полного опасностей? Сайрес Смит часто говорил об этом с Пенкрофом но моряк с каким-то непонятным упрямством отстаивал свою затею, должно быть сам не отдавая себе отчета отчего он так упорствует.

— Как же так, друг мой, — сказал ему однажды инженер, — вы расхваливали остров Линкольна, жалели, что придется его покинуть, а теперь сами хотите с ним расстаться.

— Всего лишь на несколько дней, — отвечал Пенкроф, — всего на несколько дней, мистер Сайрес. Доберусь туда и тотчас поверну обратно, только посмотрю, что это за островок!

— Да ведь его не сравнишь с островом Линкольна!

— Заранее в этом уверен.

— Зачем же вам рисковать!

— Хочу узнать, что происходит на острове Табор.

— Да ничего там не происходит и не может происходить!

— Как знать!

— Ну, а если разыграется буря?

— Весной это не страшно, — ответил Пенкроф. — Но вот что, мистер Сайрес, ведь все надобно предвидеть, и я прошу вас отпустить со мной в это путешествие одного лишь Герберта.

— Знайте же, Пенкроф, — произнес инженер, положив руку ему на плечо, — если с вами и с юношей, который по воле обстоятельств для всех нас — сын, что-нибудь случится, мы будем безутешны.

— Мистер Сайрес, — ответил Пенкроф с непоколебимой уверенностью, — никогда мы не причиним вам такого горя. Мы еще вернемся к этому разговору, когда придет время. Впрочем, я уверен, что как только вы увидите, до чего прочно построен, до чего хорошо оснащен наш бот, и убедитесь в его мореходных качествах, когда мы обогнем наш остров — ведь мы сделаем это вместе, — то, повторяю, я уверен, вы отпустите меня без колебаний. Не скрою, ваше судно будет сделано на славу!

— Положим, *наше* судно, Пенкроф, — ответил инженер, которого обезоружили слова моряка.

На этом и прервался разговор, но он возобновлялся не раз, однако Сайрес Смит и моряк так и не переубедили друг друга.

Снег выпал в конце июня. Поселенцы заготовили в корале изрядный запас корма, поэтому отпала необходимость ездить туда ежедневно, и они решили бывать там раз в неделю.

Снова расставили западни и впервые испробовали на деле выдумку Сайреса Смита. Кольца из китового уса, покрытые льдом и густо смазанные жиром, разбросаны были у опушки леса, в том месте, где обычно проходили звери, направляясь к озеру.

Инженер был доволен — изобретение алеутских рыбаков действовало отлично. На приманку

попалось с дюжину лисиц, несколько кабанов и даже один ягуар: пластинки китового уса пропоролы им желудок.

Следует рассказать о том, как колонисты впервые попытались установить связь с внешним миром.

Гедеон Спилет давно подумывал, не бросить ли в море бутылку с запиской, рассчитывая, что течение вынесет ее к берегам, населенным людьми, или не послать ли весть о себе с голубем. Но разве можно было уповать на голубей или на бутылку: ведь остров был удален от других земель на тысячу двести миль! Надеяться было бы просто безумием.

Тридцатого июня поселенцы не без труда поймали альбатроса, — Герберт слегка ранил его в ногу, выстрелив из ружья. Птица была великолепная, с широкими крыльями, размах которых достигал десяти футов; альбатросы перелетают даже через Тихий океан.

Герберту очень хотелось сохранить прекрасную птицу — рана у нее быстро зажила, и юноша мечтал ее приручить, — но Гедеон Спилет убедил его, что нельзя пренебрегать возможностью снестись с побережьем Тихого океана и упустить такого гонца, и Герберту пришлось сдаться: ведь если альбатрос прилетел из края, населенного людьми, то стоит его выпустить на свободу — он тотчас полетит в родные места.

Быть может, Гедеон Спилет, в душе которого иногда пробуждался газетчик, и не прочь был отдать на волю случая увлекательный очерк о приключениях колонистов острова Линкольна! Шумный успех ждал постоянного корреспондента «Нью-Йорк геральд»! Читатели вырывали бы друг у друга номер газеты со статьей, если бы ей суждено было попасть к главному редактору, почтенному Джону Бенету!

Гедеон Спилет написал короткую заметку, и ее спрятали в мешочек из непромокаемой ткани, приложив записку с просьбой доставить находку в редакцию газеты «Нью-Йорк геральд». Мешочек привязали к шее, а не к ноге альбатроса, так как он любил отдыхать на поверхности моря, затем быстрокрылого вестника выпустили на свободу, и колонисты не без волнения следили за его полетом, пока он не исчез в туманной дали, на западе.

— Куда же он держит путь? — спросил Пенкроф.

— К Новой Зеландии, — ответил Герберт.

— Счастливо добраться! — крикнул моряк, хотя он и не надеялся на такого почтальона.

Зимой поселенцы стали работать дома: они чинили одежду, мастерили разные вещи; они сделали паруса для бота, выкроили их из оболочки аэростата, которой, казалось, не будет конца...

В июле начались сильные холода, но у колонистов было тепло — они не жалели топлива. Сайрес Смит устроил второй камин в большом зале; возле него друзья и коротали длинные зимние вечера. Проводили время с пользой: в часы работы вели беседы, в часы досуга — читали.

Колонисты испытывали истинное блаженство, когда сидя после сытного обеда у горящего камелька в зале, ярко освещенном свечами, за чашкой «кофе» из бузины, покуривали трубки с душистым табаком и слушали, как за окнами Гранитного дворца завывает буря. Они были вполне довольны, если только могут испытывать полное довольство люди вдали от близких, не имея даже возможности подать о себе весть! И они всегда говорили о своей родине, о далеких друзьях, о могучей американской республике, о ее возрастающем значении, и Сайрес Смит хорошо разбиравшийся во внутреннем положении Соединенных Штатов, многое рассказывал, делился с друзьями выводами, предположениями, и все слушали его с живейшим любопытством.

Однажды Гедеон Спилет спросил:

— Не думаете ли вы, любезный Сайрес, что неизменному промышленному и техническому прогрессу, о котором вы говорите, рано или поздно придет конец?

— Придет конец! Чем же, по-вашему, он будет вызван?

— Отсутствием каменного угля, который поистине является ценнейшим из полезных ископаемых!

— Согласен, уголь — ценнейшее из полезных ископаемых, — ответил инженер, — и природа как будто решила доказать это, создав алмаз, ибо он в сущности не что иное, как кристаллический углерод.

— Не хотите ли вы сказать, мистер Сайрес, — вставил Пенкроф, — что алмаз будут сжигать вместо угля в топках паровых котлов?

— Что вы, друг мой! — засмеялся Сайрес Смит.

— Однако я утверждаю, и вы не будете этого отрицать, — продолжал Гедеон Спилет, — что настанет день, когда все залежи каменного угля истощатся.

— Ну, залежи каменного угля еще так велики, что их не исчерпать и сотне тысяч рабочих, извлекающих из недр земли ежегодно сто миллионов квинталов угля.

— Но потребление угля возрастает, — возразил Гедеон Спилет, — и можно предвидеть, что вскоре углекопов будет не сто тысяч, а двести тысяч и что добыча угля удвоится.

— Без сомнения. Но когда европейские угольные копи истощатся, хотя при помощи новых машин разрабатываются и очень глубокие пласты, промышленность еще долго будут питать залежи угля в Америке и Австралии.

— Сколько же времени? — спросил журналист.

— По крайней мере двести пятьдесят — триста лет.

— Для нас это утешительно, зато бедным нашим правнукам не поздоровится, — вставил Пенкроф.

— Они изобретут еще что-нибудь, — заметил Герберт.

— Нужно надеяться, — ответил Гедеон Спилет, — ведь если не будет угля, не будет и машин, а без машин не будет железных дорог, пароходов, фабрик — словом, всего, что порождено современным техническим прогрессом.

— Но что же еще изобретут? — спросил Пенкроф. — Вы представляете себе это, мистер Сайрес?

— Более или менее представляю, друг мой.

— Какое топливо заменит уголь? Вода, — ответил инженер.

— Вода? — переспросил Пенкроф. — Вода будет гореть в топках пароходов, локомотивов, вода будет нагревать воду?

— Да, но вода, разложенная на составные части, — пояснил Сайрес Смит. — Без сомнения, это будет делаться при помощи электричества, которое в руках человека станет могучей силой, ибо все великие открытия — таков непостижимый закон — следуют друг за другом и как бы дополняют друг друга. Да, я уверен, что наступит день, и вода заменит топливо; водород и кислород, из которых она состоит, будут применяться и отдельно; они окажутся неисчерпаемым и таким мощным источником тепла и света, что углю до них далеко! Наступит день, друзья мои, и в трюмы пароходов, в тендеры паровозов станут грузить не уголь, а баллоны с двумя этими сжатыми газами, и они будут сгорать с огромнейшей тепловой отдачей. Следовательно, бояться нечего. Пока землю населяют люди, она их не лишит своих благ, ни света, ни тепла, она отдаст в их распоряжение растения, минералы и животных. Словом, я уверен, когда каменноугольные залежи иссякнут, человек превратит в топливо воду, люди будут обогреваться водой.

Вода — это уголь грядущих веков.

— Хотелось бы мне поглядеть на все это, — заметил моряк.

— Рано ты появился на свет, Пенкроф, — вставил Наб, до тех пор не проронивший ни слова.

Но на этом замечании Наба беседа оборвалась, — залаял Топ, и лаая он опять как-то странно, что уже не раз заставляло инженера призадуматься. Топ, как бывало и прежде, с лаем вертелся вокруг колодца в конце внутреннего коридора.

— И что это Топ опять так лаает? — воскликнул. Пенкроф.

— Да и Юп разворчался, — добавил Герберт.

Орангутанг в самом деле вторил собаке; он явно был чем-то возбужден, — странное дело, казалось, будто они встревожены, но не рассержены.

— Очевидно, — сказал Гедеон Спилет, — колодец соединен с океаном, и какое-нибудь морское животное время от времени заплывает туда, чтобы подышать.

— Должно быть, ведь другого объяснения не придумаешь, — отозвался моряк. — А ну замолчи, Топ, — добавил он, повернувшись к собаке, — Юп, ступай к себе.

Обезьяна и собака притихли. Юп отправился спать, а Топ остался в зале и весь вечер глухо рычал.

Больше об этом не говорили, но вид у инженера был озабоченный.

Весь конец июля то лил дождь, то шел снег. Температура не опускалась так низко, как прошлой зимой, морозы не превышали восьми градусов по Фаренгейту (13,33° ниже нуля по Цельсию). Но хотя зима и выдалась не очень холодная, зато свирепствовали бури, дули ветры. Бушующие волны не раз с неистовой силой подступали к Трущобам. Казалось, будто внезапный прибой, вызванный подводными толчками, вздымал чудовищные валы и обрушивал их на стены Гранитного дворца.

Колонисты любовались величественным зрелищем, глядя из окон дома, как волны высотой с гору идут приступом на берег, как они отступают, вскидывая фонтаны брызг, как в бессильной ярости бушует океан, как грозные валы в ослепительно белой пене заливают песчаный берег. Казалось, что гранитный кряж выступает из морской пучины, в брызгах пены, взлетающей на сто футов ввысь.

Трудно и опасно было ходить по дорогам: когда бушевала буря — ветер подчас валил деревья. И все же колонисты непременно раз в неделю отправлялись в кораль. К счастью, коралю, защищенному юго-восточными отрогами горы Франклина, бешеные ураганы не принесли особого ущерба, они словно щадили деревья, постройки и частокол. Зато птичник, расположенный на плато Кругозора и, следовательно, открытый восточным ветрам, изрядно пострадал. Дважды сбросило голубятню, повалило ограду. Все это надо было перестроить, и попрочнее, ибо теперь стало ясно, что остров Линкольна расположен в самой бурной части Тихого океана. Казалось, он является центром притяжения могучих циклонов, которые нередко стегали его, как хлыст стегает по волчку. Только в данном случае волчок был неподвижен, а хлыст вертелся.

Наступил август, и в первую же неделю буря стала стихать, небо обрело спокойствие, которое, как еще недавно казалось, утратило навсегда. Стало тихо, но гораздо холоднее, и градусник Фаренгейта показывал восемь градусов ниже нуля (—22° по Цельсию).

Третьего августа колонисты предприняли давно задуманный поход на юго-восточную часть острова, к Утиному болоту. Их привлекала дичь, водившаяся там в изобилии зимой: дикие утки, бекасы, чирки, нырки, шилохвости; было решено посвятить день охоте. В походе приняли участие не только Гедеон Спилет и Герберт, но и Пенкроф с Набом. Только Сайрес Смит, сославшись на занятость остался дома.

Итак, охотники отправились на болото по дороге ведущей к порту Воздушного шара, пообещав вернуться к вечеру. Их сопровождали Топ и Юп. Когда путники перешли мост через реку Благодарения, инженер его поднял и вернулся домой — он решил осуществить давно задуманный план и для этого остался дома.

Инженеру хотелось тщательно исследовать колодец, зиявший в полу коридора Гранитного дворца; колодец этот, несомненно, сообщался с морем, ибо раньше служил стоком для избыточной воды из озера. Почему Топ так часто вертится вокруг него? Почему так странно лает, почему тревожно подбегает к отверстию? Почему и Юп разделяет беспокойство Топа? Быть может, подземные ответвления идут от колодца, соединявшегося с морем, к другим частям острова? Все это и хотел выяснить Сайрес Смит, никого не посвящая в свои сомнения. Он решил исследовать колодец, когда все уйдут из дому, и случай, наконец, представился.

Было нетрудно спуститься в глубь колодца по веревочной лестнице, которой колонисты не пользовались с той поры, как установили подъемник; длина у нее была вполне достаточная. Инженер приволок лестницу к колодцу, диаметр отверстия которого был равен почти шести футам, и, крепко-накрепко привязав за верхний конец, сбросил вниз. Затем он зажег фонарь, вооружился карабином, заткнул за пояс нож и стал спускаться по ступенькам.

Гранитные стены были гладкие, но кое-где торчали выступы, и какое-нибудь проворное животное, цепляясь за них, могло вскарабкаться до самого верха.

Подумав об этом, инженер осветил фонарем все эти выступы, но не обнаружил ни единого следа, ни единое зазубрины, ничто не говорило о том, что по ним, как по лестнице, кто-нибудь взбирался.

Сайрес Смит спустился еще глубже, освещая каждую пядь стены.

Он не заметил ничего подозрительного.

Добравшись до последних ступеней, инженер почувствовал под ногами воду, которая в тот миг была совершенно спокойна. Ни тут, у ее поверхности, ни в стенах не было видно подземного хода, который вел бы от колодца к какой-нибудь части острова. Сайрес Смит простучал стену рукояткой ножа и определил, что пустот нет. Ни одно живое существо не могло бы проложить себе дорогу в сплошном граните; чтобы попасть на дно колодца, а потом подняться наверх, надо было пройти по каналу, затопленному водой и соединяющему этот колодец с морем под скалистым берегом, а это могли сделать лишь одни морские животные. Выяснить же, где именно впадает этот канал в море и на какой глубине, было невозможно. Исследовав колодец, Сайрес Смит поднялся, втащил лестницу, закрыл отверстие колодца и вернулся в большой зал Гранитного дворца, задумчиво повторяя:

— Я ничего не обнаружил, но все же там скрывается какая-то тайна!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Оснастка бота. — Нападение диких собак. — Юп ранен. — Юпа лечат. — Юп поправился. — Постройка бота закончена. — Пенкроф торжествует. — «Бонадвентур». — Первое плавание к южному берегу острова. — Бутылка в море.

Вечером вернулись охотники — им повезло, и они буквально были увешаны дичью; они притащили ее столько, сколько в силах унести четыре человека. У Топа вокруг шеи висели связки шилохвостей, а у Юпа на поясе — кулики.

— Вот, мистер Сайрес, — воскликнул Наб, — мы на славу поработали! Сколько наготовим впрок копченой дичи, сколько вкусных паштетов! Но пусть кто-нибудь мне подсобит. Рассчитываю, Пенкроф, на тебя.

— Ну нет, Наб, — отозвался моряк. — Я занят оснасткой бота, обойдешься без меня.

— А вы, Герберт?

— Я, Наб, завтра еду в кораль.

— А вы, мистер Спилет, не поможете?

— Охотно помогу, Наб, только предупреждаю: пронюхаю о всех твоих кулинарных тайнах и напечатаю твои рецепты в газетах!

— Как вам будет угодно, мистер Спилет, — ответил Наб, — как вам будет угодно!

Итак, наутро Гедеон Спилет водворился в кухне и стал помогать Набу. А накануне инженер рассказал журналисту о том, как он обследовал колодец, и Гедеон Спилет согласился с Сайресом Смитом, считавшим, что там кроется какая-то тайна, хоть ничего и не удалось обнаружить.

Еще неделю держались холода; колонисты сидели дома и выходили лишь посмотреть, все ли благополучно в птичнике. В их жилище вкусно пахло — благоухали кушанья, искусно приготовленные Набом и журналистом; однако не всю дичь, подстреленную на болоте, заготовили впрок, удалось сохранить птицу и в свежем виде, на морозе; колонисты лакомились жарким из диких уток и другой дичи и похваливали, заявляя, что нет на свете ничего вкуснее водяной птицы.

Всю эту неделю Пенкроф с помощью Герберта, ловко управлявшегося с иглой, шивал паруса и работал с таким рвением, что скоро все было готово. На снасти должны были пойти тросы, из которых была сплетена сетка, найденная вместе с оболочкой воздушного шара. Канаты и тросы отличались превосходным качеством, и моряк ими воспользовался. Паруса были обшиты прочными лик-тросами; тросов хватило для изготовления фалов, вант, шкотов и прочего такелажа. По совету Пенкрофа, Сайрес Смит выточил на токарном станке необходимые блоки. Таким образом, вся оснастка была изготовлена раньше, чем построили бот. Пенкроф даже смастерил флаг, расцветив белый фон красной и синей краской, добытой из красящих растений, которых на острове было очень много. К тридцати семи звездам, изображающим тридцати семь штатов на флагах американских судов, моряк прибавил тридцать восьмую — звезду «штата Линкольна», ведь он считал, что остров уже присоединен к Американской республике.

— Чувствую это сердцем, хоть факт еще не свершился, — говаривал он.

А пока флаг не взвился на судне, колонисты под трехкратное «ура» подняли его над главным входом в Гранитный дворец.

Тем временем зима подходила к концу, и колонисты надеялись, что и вторая зима пройдет без

особых событий; как вдруг в ночь на 11 августа плато Кругозора чуть не подверглось опустошению.

Поселенцы, устав от дневных трудов, спали крепким сном, но около четырех часов утра их разбудил лай Топа.

На этот раз собака не бегала с лаем вокруг колодца, а бросалась на дверь, словно хотела ее выломать. Юп пронзительно вопил.

— Потихе, Топ! — крикнул Наб, проснувшийся раньше всех.

Но собака залаяла еще яростнее.

— Что случилось? — спросил Сайрес Смит.

Все наспех оделись и, распахнув окна, посмотрели вниз.

Перед их глазами расстился снежный покров, чуть белевший в ночной тьме. Колонисты ничего не заметили, но в темноте раздавался странный лай. Было ясно, что на берег вторглись какие-то звери, но их невозможно было разглядеть.

— Что же это за звери? — спросил Пенкроф.

— Волки, ягуары или обезьяны, — ответил Наб.

— Черт возьми! Как бы они не добрались до плато, — произнес журналист.

— Пропал наш птичник, — воскликнул Герберт, — пропали посевы!..

— Да как же они пробрались сюда? — спросил Пенкроф.

— Вероятно, по мостику, — ответил инженер, — кто-нибудь из нас забыл его поднять.

— Ах да, вспоминаю, я забыл... — сказал Гедеон Спилет.

— Удружили, нечего сказать! — вскипев, воскликнул Пенкроф.

— Что сделано, то сделано, — заметил Сайрес Смит, — подумаем, как нам теперь быть.

Сайрес Смит и его товарищи торопливо обменялись несколькими словами. Всем было ясно, что какие-то неведомые звери перебрались по мостику, вторглись на побережье и что, поднявшись по левому берегу реки Благодарения, они могли добраться до плато Кругозора. Надо было не мешкая прогнать их и, если понадобится, вступить с ними в бой.

— Но что же это за звери? — недоумевали колонисты, а лай между тем становился все громче.

Герберт прислушался и, вздрогнув, вспомнил, что слышал точно такой лай, когда в первый раз побывал у истоков Красного ручья.

— Это стая диких американских собак! — воскликнул юноша.

— Вперед! — крикнул Пенкроф.

И колонисты, вооружившись топорами, карабинами и ружьями, быстро влезли в подъемник и спустились на берег.

Стаи голодных диких собак опасны. И все же колонисты отважно бросились в самую гущу, первые же их выстрелы, молнией сверкнувшие в темноте, заставили, врага отступить.

Прежде всего нельзя было допустить хищников на плато Кругозора, ибо там они расправились бы с птичником, вытоптали бы насаждения и, конечно, нанесли бы всему огромный, быть может непоправимый, ущерб, особенно хлебному полю. Но звери могли вторгнуться на плато только по левому берегу реки Благодарения, поэтому надо было встать непреодолимой преградой на узкой части берега

между рекой и гранитной стеной.

Колонисты отлично поняли это и по приказу Сайреса Смита поспешили туда; стаи собак ринулись за ними.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб выстроились сомкнутым рядом. Топ, разинув свою страшную пасть, встал впереди, а за ним — Юп, размахивая узловатой дубинкой, как палицей.

Ночь выдалась очень темная. Только при вспышках выстрелов, причем нельзя было стрелять впустую, колонисты видели не меньше сотни зверей, идущих на приступ, с горящими, как угли, глазами.

— Неужели они прорвутся! — воскликнул Пенкроф.

— Нет, не прорвутся! — ответил инженер.

Звери не прорывали живого заслона, хоть и теснили его. Задние ряды надвигались на передние, и колонисты непрерывно стреляли и наносили удары топором. Немало убитых собак уже валялось на земле, но стая, казалось не редела; как будто звери все шли и шли через мостик на берег.

Вскоре звери вплотную подступили к колонистам, и дело не обошлось без ранений, к счастью легких. Герберт выстрелил и убил зверя, который, словно дикая кошка взобрался на спину Наба. Топ сражался с неукротимой яростью: он впивался клыками в горло диких собак и душил их. Юп нещадно избивал врагов дубиной — его невозможно было оттащить назад. Он, очевидно, обладал способностью видеть в темноте; он был в самой гуще боя, то и дело пронзительно свистел, а это означало у него высшую степень возбуждения. В воинственном пылу он ринулся вперед, и при вспышке выстрела все увидели, что его окружили пять-шесть огромных зверей, причем он отбивался от них с редкостным хладнокровием.

Колонисты добились победы, но после упорного сражения, длившегося два часа! При первых же проблесках зари звери, конечно, отступили и убежали к северу по мостику, который Наб тотчас же поднял. Когда солнце осветило поле битвы, колонисты сосчитали убитых животных, валявшихся на берегу, — оказалось, что их около полусотни.

— А где же Юп? — вдруг крикнул Пенкроф. — Где наш Юп?

Юп пропал. Наб звал его, но Юп впервые не откликнулся на зов друга.

Друзья бросились на поиски, их страшила мысль, что Юп валяется среди убитых зверей. Колонисты разгребли трупы на обгаженном кровью снегу и откопали Юпа из-под целой груды убитых собак; раздробленные челюсти, перебитые хребты свидетельствовали о том, что на зверей обрушились сокрушительные удары дубинки неустрашимого Юпа. Бедный Юп все еще сжимал в руке обломок дубины: звери, вероятно, набросились на него, безоружного, и сбили с ног; глубокие раны зияли на груди Юпа.

— Он жив! — крикнул Наб, наклонившись над ним.

— И мы его вылечим, — заявил моряк, — будем ходить за ним, как за сыночком!..

Юп словно понял, потому что припал головой к плечу моряка, как бы в знак признательности. Моряк тоже был ранен, но и его раны и раны его товарищей были не опасны, — огнестрельное оружие почти все время держало зверей на расстоянии. Тяжело пострадала одна лишь обезьяна.

Пенкроф и Наб отнесли Юпа в подъемник, и только тут он слабо застонал. Его осторожно подняли в Гранитный дворец, уложили на матрацы, сняв их с одной из кроватей, и с трогательной заботливостью промыли ему раны. Судя по всему, внутренние органы обезьяны не были задеты, но Юп очень ослаб от потери крови и у него была высокая температура.

Итак, его перевязали, уложили и прописали строжайшую диету, «как доподлинному человеку», — заметил Наб; потом больного заставили выпить несколько чашек жаропонижающего питья, сваренного из

лекарственных трав, хранившихся в аптечке Гранитного дворца.

Сначала Юп забылся тревожным сном, но постепенно дыхание его стало ровнее, и колонисты ушли, чтобы дать ему полный покой. Иногда только Топ тихонько, словно на цыпочках, пробирался в комнату друга, как будто одобряя заботу о нем. Юп лежал, свесив лапу, и Топ ее лизал с сокрушенным видом.

В то же утро колонисты оттащили убитых зверей к лесу Дальнего Запада, где и закопали.

Нападение зверей, которое могло повлечь за собой неприятные последствия, послужило колонистам хорошим уроком, и с той поры они не ложились спать, не удостоверившись, что мосты подняты и что вторжение невозможно.

Между тем Юп, за жизнь которого колонисты очень тревожились, в несколько дней преодолел болезнь. Юпа выручил могучий организм; жар мало-помалу спал, и Гедеон Спилет, сведущий в медицине, скоро заявил, что Юп вне опасности. 16 августа Юп с удовольствием поел. Наб стряпал для него вкусные сладкие блюда, и больной поглощал их с упоением, так как у него был грешок — он любил полакомиться, а Наб не боролся с этим недостатком.

— Что поделаешь? — говорил Наб Гедеону Спилету, когда журналист упрекал его за то, что он балует Юпа. — Ведь у бедняги Юпа только одно удовольствие — полакомиться, и я очень рад, что могу отблагодарить его за верную службу.

Дядюшка Юп десять дней пролежал в постели; 21 августа ему разрешили встать. Его раны зажили, и было видно, что скоро он снова будет силен и ловок. У Юпа, как и у всех выздоравливающих, появился ненасытный аппетит, и журналист позволил ему есть вволю, полагаясь на инстинкт, который зачастую отсутствует у людей: он должен был предохранить орангутанга от излишеств. Наб пришел в восторг, увидев, что его ученик ест с прежним аппетитом.

— Ешь, приятель, — говорил он Юпу, — ешь все, что твоя душа пожелает. Ты пролил кровь ради нас, и мой долг помочь тебе поправиться.

Как-то — дело было 25 августа — раздался крик Наба:

— Мистер Сайрес, мистер Гедеон, Герберт, Пенкроф, скорее сюда!

Колонисты, сидевшие в большом зале, вскочили и побежали на зов в каморку, отведенную Юпу.

— Что случилось? — спросил журналист.

— Да вы только посмотрите! — ответил Наб и расхохотался.

И что же они увидели! Дядюшка Юп мирно сидел на корточках у порога Гранитного дворца, под стать турку, и покуривал трубочку.

— Моя трубка! — воскликнул Пенкроф. — Взял у меня трубку! Что ж, старина, бери ее в подарок! Кури, кури, дружище!

А Юп с важностью выпускал густые клубы дыма и, по-видимому, был несказанно доволен.

Сайрес Смит ничуть не удивился; он рассказал, как ручные обезьяны становились завзятыми курильщиками, и привел множество примеров.

С этого дня у Юпа завелась собственная трубка, принадлежавшая прежде моряку; она висела у Юпа в комнате рядом с кисетом. Он ее набивал, сам прикуривал о горящий уголек и, казалось, был счастливее всех обезьян на свете. Понятно, что общность вкусов скрепила узы дружбы, уже соединявшие Юпа и достойного моряка.

— А может быть, он человек? — иногда говорил Пенкроф Набу. — Ты не удивишься, если он в один

прекрасный день заговорит с нами?

— Честное слово, не удивлюсь, — отвечал Наб, — меня скорее удивляет, что он не говорит!

— Вот была бы потеха, — продолжал моряк, — если бы он вдруг сказал мне: «Давай меняться трубками, Пенкроф!»

— До чего же обидно, — заметил Наб, — что он немой от рождения!

Наступил сентябрь. Кончилась зима, и колонисты с жаром принялись за работу.

Постройка бота быстро подвигалась. Корпус уже был обшит, и сейчас обшивали судно изнутри досками, обработанными паром, которые легко было пригонять по лекалу к обводам шпангоутов.

Леса было достаточно, и Пенкроф предложил инженеру сделать и эту внутреннюю обшивку водонепроницаемой, чтобы увеличить прочность бота. Неизвестно, что ждало их в будущем, поэтому Сайрес Смит одобрил намерение моряка построить добротное судно.

Внутреннюю обшивку и палубу окончили к 15 сентября. Судно проконопачили сухой морской травой, которую забили деревянной колотушкой в пазы палубы, а также внутренней и внешней обшивки; затем залили их кипящей смолой, добытой из сосен, в изобилии растущих в лесу.

Судно было оборудовано чрезвычайно просто. Прежде всего вместо балласта в трюм погрузили гранитные глыбы, весом приблизительно в двенадцать тысяч фунтов, и прочно их укрепили. Над балластом настлали палубу; внутри бот был разделен на две каюты, в каждой, вдоль переборки, стояло по две койки, служивших и сундуками. Основание мачты приходилось как раз посередине перегородки, разделявшей каюты; из кают вели на палубу люки с плотно закрывавшейся крышкой.

Пенкроф без труда отыскал дерево для мачты. Он выбрал молодую, прямую ель с гладким стволом, срубил ее, обтесал и закруглил верхушку. Оковки мачты, руля и корпуса были изготовлены в кузнице Трущоб, грубо, зато прочно. Реи, гики, флагшток и весь прочий рангоут, а также весла и другие части были закончены в первую неделю октября, и колонисты решили испытать судно вблизи берегов острова, чтобы посмотреть, как оно держится на воде и можно ли на нем пуститься в дальнее плавание.

Тем временем каждодневные работы шли своим чередом. В корале были сделаны новые постройки, потому что и у муфлонов и у коз появилось немало молодняка, которому нужны были кров и корм. Колонисты по-прежнему часто бывали на устричной отмели, в крольчатнике, в местах залежей угля и железа и даже в неисследованных дебрях Дальнего Запада, где водилось много дичи.

Они нашли еще кое-какие местные растения, может быть и не такие уж необходимые, зато вносящие разнообразие в меню Гранитного дворца. Это были полуденники различных видов, у одних были мясистые съедобные листья, из семян других добывали что-то вроде муки.

Десятого октября бот спустили на воду. Пенкроф сиял от радости. Все прошло отлично. Вполне оснащенное судно на катках подкатили к самому берегу, где его подхватил прилив, и оно гордо поплыло под рукоплескания колонистов; особенно громко хлопал в ладоши Пенкроф, не проявивший при этом ни малейшей скромности. Его тщеславию льстило и то, что, построив судно, он будет им командовать. Его назначили капитаном при всеобщем одобрении.

Чтобы удружить капитану Пенкрофу, решили прежде всего окрестить судно, и после длительных споров все сошлись на том, чтобы назвать его «Бонадвентур», ибо так был наречен при крещении почтенный моряк.

Как только «Бонадвентур» поплыл по волнам, все убедились, что у него отличная осадка и что он будет хорошо держаться на воде при любом ходе.

Впрочем, в тот же день испытали судно на деле, отправившись в плавание вокруг острова. Стояла отличная погода, ветер был свежий, но волнение было не сильное, особенно у южного побережья; уже больше часа дул норд-вест.

— Пора в путь! — кричал капитан, готовясь к отплытию.

Но, прежде чем пуститься в плавание, следовало позавтракать, а кроме того, захватить провизию с собой, на тот случай, если прогулка затянется до вечера.

Сайресу Смиту тоже хотелось поскорее испытать бот, сделанный по его чертежам, и хотя он не раз менял некоторые детали по совету моряка, но все же не был так непоколебимо уверен в судне, как Пенкроф, и надеялся, что моряк отказался от намерения отправиться на остров Табор, потому что речь об этом больше не заходила. Сайрес Смит не хотел и думать, что двое-трое его товарищей отважатся плыть на таком маленьком суденышке, водоизмещением не больше пятнадцати тонн.

В половине одиннадцатого все были на борту корабля, даже Топ и Юп. Наб и Герберт подняли якорь, зарывшийся в песок около устья реки Благодарения, и «Бонадвентур», подняв косой грот с развевающимся на мачте флагом острова Линкольна, пустился в открытое море под командованием капитана Пенкрофа.

Чтобы выйти из бухты Соединения, нужен был попутный ветер, и оказалось, что при фордевинде бот развивал неплохую скорость. Когда обогнули мыс Находки и мыс Коготь, Пенкрофу пришлось держаться круто к ветру, чтобы плыть вдоль южного берега острова, и, лавируя, он заметил, что «Бонадвентур» может идти в пяти румбах от ветра, не сильно дрейфуя. Он очень хорошо ложился на другой галс, делая поворот оверштаг, как говорят моряки, и даже выигрывал время при этом маневре. Пассажиры «Бонадвентура» поистине были в восхищении. У них появилось превосходное судно, которое в случае необходимости окажет им большие услуги, а сейчас, в этот чудесный день, да еще при благоприятном ветре, плыть было очень приятно.

Пенкроф повел бот в открытое море, держась в трех-четыре милиях от берега и направляя «Бонадвентур» на траверз порта Воздушного шара. Остров предстал перед ними по-новому: во всем своем великолепии развернулась панорама побережья от мыса Коготь до Змеиного мыса: на переднем плане стеной стоял лес, хвойные деревья темнели на фоне молодой, едва распустившейся зелени лиственных деревьев, а над всем возвышалась гора Франклина, на вершине которой белел снег.

— Как красиво! — воскликнул Герберт.

— Да, наш остров красив и гостеприимен, — ответил Пенкроф. — Я его люблю, как любил родную мать! Он приютил нас, бедных и обездоленных, а разве теперь чего-нибудь не хватает его сыновьям, упавшим на берег прямо с неба?

— У нас всего достаточно, — ответил Наб, — всего, капитан!

И оба доблестных островитянина крикнули троекратно громкое «ура» в честь своего острова.

Тем временем Геден Спилет, прислонившись к мачте, рисовал панораму, развернувшуюся перед глазами мореплавателей.

Сайрес Смит молча всматривался в берег.

— Ну, мистер Сайрес, — обратился Пенкроф к инженеру, — что скажете о нашем боте?

— Как будто хорошо держится! — ответил инженер.

— Отлично! А как вы думаете, можно ли предпринять на нем длительное путешествие?

— Какое путешествие, Пенкроф?

— Ну, например, на остров Табор?

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, — я думаю, что в случае нужды можно без колебания вверить свою судьбу «Бонадвентуру» и даже предпринять более длительное путешествие; но знайте, я бы не хотел отпускать вас на остров Табор, вам там делать нечего.

— Надо же познакомиться с соседями, — ответил Пенкроф, упрямо настаивавший на своем. — Остров Табор — наш единственный сосед! Хотя из вежливости следует его навестить!

— Черт возьми, — заметил Геден Спилет, — наш друг Пенкроф, оказывается, соблюдает светские приличия!

— И не думаю, — проворчал моряк, которого сердил отказ инженера, хотя ему и не хотелось его огорчать.

— Слушайте, Пенкроф, ведь нельзя же пускаться в плавание без спутников?

— Одного спутника с меня достаточно.

— Предположим, — ответил инженер. — Следовательно, из-за вас колония острова Линкольна может лишиться двух поселенцев, а ведь всего-то нас пятеро!

— Шестеро, — заметил Пенкроф, — вы забыли Юпа.

— Семеро! — добавил Наб. — Топ не хуже нас с вами!

— Риска тут никакого нет, мистер Сайрес, — возразил моряк.

— Может быть, Пенкроф; но повторяю, вы подвергаете себя ненужной опасности.

Упрямый моряк не ответил, но про себя решил при случае возобновить разговор. Он не думал, что случай так скоро придет ему на помощь и превратит его ничем не оправданную прихоть в человеколюбивый поступок.

После плавания в открытом море «Бонадвентур» приблизился к берегу, направляясь к порту Воздушного шара. Следовало выяснить, может ли он пройти между отмелью и подводными рифами, так как колонисты собирались постоянно держать судно в этой маленькой бухте.

До берега оставалось всего полмили, и приходилось лавировать, чтобы идти против ветра. Плыли медленно — высокие берега ослабляли силу ветра, и он лишь слегка наполнял паруса; под его порывами по зеркальной поверхности моря изредка пробегала рябь.

Герберт, стоявший на носу и указывавший фарватер, вдруг крикнул:

— Держи к ветру, Пенкроф, держи к ветру!

— Что такое? — спросил, вставая, моряк. — Скала?

— Нет... подожди-ка, — ответил Герберт, — не разгляжу... держи к ветру... так, хорошо... чуть-чуть вперед...

Говоря это, Герберт свесился через борт, быстро опустил руку в воду и крикнул:

— Бутылка!

Он держал закупоренную бутылку, которую поймал в нескольких кабельтовых от берега.

Сайрес Смит взял бутылку, молча вышиб пробку и вытащил кусок подмокшей бумаги, на котором можно было разобрать такие слова:

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Решено плыть. — Предположение. — Сборы. — Три пассажира. — Первая ночь. — Вторая ночь. — Остров Табор. — Поиски на песчаном берегу. — Поиски в лесу. — На острове никого нет. — Животные. — Растения. — Жилье. — В домике пусто.

— Кто-то потерпел кораблекрушение, — крикнул Пенкроф, — и совсем один живет в каких-нибудь ста милях от нас, на острове Табор! Ну, мистер Сайрес, теперь вы не станете противиться путешествию!

— Не стану, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — и надо отправляться как можно скорее.

— Завтра?

— Завтра.

Инженер несколько секунд рассматривал бумагу, которую вытащил из бутылки. Он о чем-то размышлял, потом произнес:

— На основании этого документа, друзья мои, можно сделать следующие выводы: во-первых, пострадавший, с острова Табор — человек, сведущий в морском деле, ибо широта и долгота острова, указанные им, совпадают с теми, которые мы определили с точностью до одной минуты; во-вторых, он англичанин или американец, так как документ написан по-английски.

— Вполне логичное замечание, — заявил Гедеон Спилет, — вот вам и разгадка; понятно, откуда ящик, который мы нашли на берегу. Произошло кораблекрушение, раз нашелся человек, потерпевший крушение. И кто бы он ни был, а ему повезло, что Пенкрофу пришла мысль построить бот и сегодня испробовать его; день промедления — и бутылка, пожалуй, разбилась бы о подводные камни.

— Правда, — проговорил Герберт, — как хорошо, что «Бонадвентур» прошел мимо, пока бутылка держалась на воде.

— А вам не кажется это странным? — спросил Сайрес Смит Пенкрофа.

— Мне кажется, что это счастливый случай, вот и все, — ответил моряк. — А вы разве видите в этом что-то необычное, мистер Сайрес? Ведь бутылка куда-нибудь да попала бы? Почему бы ей и не попасть сюда?

— Быть может, вы и правы, Пенкроф, — ответил инженер, — однако...

— Но ведь ничто не доказывает, — заметил Герберт, — что бутылка уже давно плавает по морю?

— Ничто, — ответил Гедеон Спилет, — и даже записка как будто написана недавно. Что вы об этом думаете, Сайрес?

— Трудно сказать, но мы непременно все выясним! — ответил Сайрес Смит.

Во время этого разговора Пенкроф не сидел сложа руки. Он повернул на другой галс, и «Бонадвентур» на всех парусах помчался к мысу Коготь. Каждый думал о человеке, заброшенном судьбой на остров Табор. А вдруг они опоздали и его не спасти? В жизни колонистов произошло большое событие. Они сами потерпели крушение, но боялись, что этому человеку не так повезло, как им, и считали своим долгом поспешить на помощь несчастному.

«Бонадвентур» обогнул мыс Коготь и в четыре часа стал на якорь возле реки Благодарения.

В тот же вечер колонисты подробно обсудили план путешествия. Благоразумнее всего было отправиться на остров Пенкрофу и Герберту, так как оба умели управлять судном. Отплыв на другой день,

11 октября, они могли пристать к острову тринадцатого днем, ибо при попутном ветре за двое суток легко было пройти сто пятьдесят миль; день они пробудут на острове, три-четыре дня потратят на обратный путь, значит, 17 октября они должны вернуться на остров Линкольна. Погода стояла прекрасная, барометр плавно поднимался, направление ветра как будто установилось, — словом, все благоприятствовало отважным путешественникам, которые покинули свой милый остров из чувства долга и из любви к ближнему.

Итак, решено было, что Сайрес Смит, Наб и Гедеон Спилет останутся дома; но Гедеон Спилет, забывший о том, что он корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», вдруг заявил, что готов пуститься вплавь, а подобного случая не упустит, и тоже попал в число путешественников.

Вечером колонисты перенесли на борт «Бонадвентура» кое-какие постельные принадлежности, посуду, оружие, боевые припасы, компас, провизию на неделю и, быстро погрузив все это, вернулись в Гранитный дворец. На другой день в пять часов утра три друга не без волнения попрощались с остающимися, и Пенкроф, подняв паруса, взял курс на мыс Коготь, который нужно было обогнуть, прежде чем плыть на юго-запад.

«Бонадвентур» уже был в четверти мили от берега, когда его пассажиры заметили, что два человека стоят на площадке у Гранитного дворца и машут им на прощание. То были Сайрес Смит и Наб.

— Вот они, наши друзья! — воскликнул Гедеон Спилет. — Мы впервые расстаемся за полтора года.

Пенкроф, журналист и Герберт помахали им в последний раз, и Гранитный дворец скоро исчез за высокими скалами мыса.

Все утро «Бонадвентур» шел в виду южной части острова Линкольна, напоминавшего издали зеленую корзину, из которой торчала гора Франклина. Гористая его поверхность, сглаженная расстоянием, вряд ли могла бы привлечь внимание кораблей, случайно попавших в эти воды.

Около часа дня миновали Змеиный мыс в десяти милях от берега. Отсюда уже нельзя было разглядеть западную часть побережья, простиравшуюся до отрогов горы Франклина, а три часа спустя клочок суши, называвшийся островом Линкольна, скрылся за горизонтом.

«Бонадвентур» шел отлично. Он легко всходил на волну и развивал порядочную скорость. Пенкроф поднял топсель; бот, идя на всех парусах, держал курс прямо ни остров Табор по компасу.

Время от времени Герберт сменял Пенкрофа за рулем; он так уверенно управлял, что бот не отклонялся от курса и капитану не в чем было упрекнуть своего помощника. Гедеон Спилет вел беседу то с моряком, то с Гербертом а иногда помогал им ставить или убирать паруса. Капитан не мог нахвалиться своим экипажем и обещал «поднести вахтенным по стаканчику винца».

Под вечер в прозрачных сумерках показался тонкий серп луны, первая четверть которой должна была появиться шестнадцатого числа; он быстро померк. Наступила темная, но звездная ночь, предвещавшая погожий день. Пенкроф из предосторожности убрал топсель, чтобы не подставлять верхний парус под неожиданный порыв ветра. Быть может, это и была излишняя предосторожность, потому что ночь стояла тихая, но Пенкроф принадлежал к числу благоразумных моряков — не будем его за это упрекать.

Журналист проспал почти всю ночь. А Пенкроф Герберт каждые два часа несли вахту у руля. Моряк полагался на Герберта, как на самого себя: хладнокровие и рассудительность юноши оправдывали его доверие. Пенкроф давал ему указания, как капитан рулевому, и Герберт не позволял судну уклониться в сторону.

Ночь прошла благополучно, и днем 12 октября ничего нового не произошло. Юго-западного направления строго придерживались весь день, и если только «Бонадвентур» не относилось в сторону

неведомое течение, он должен был выйти прямо к острову Табор.

Море, по которому они шли, было пустынно. Только иногда какая-нибудь большая птица — альбатрос или фрегат — пролетала на расстоянии ружейного выстрела. И Гедеон Спилет задавался вопросом, не одному ли из этих крупных пернатых доверил он свой очерк, написанный для «Нью-Йорк геральда». Казалось, что только эти могучие птицы и могли залететь в воды, омывавшие, остров Табор и остров Линкольна.

— А ведь в это время года, — заметил Герберт, — китобои обычно отправляются в южную часть Тихого океана. По правде говоря, я думаю, что нигде на свете не найдешь такого безлюдья.

— Уж не такое здесь безлюдье! — возразил Пенкроф.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил журналист.

— Да ведь мы-то здесь. Или вы принимаете наше судно за обломок кораблекрушения, а нас самих — за дельфинов?

И Пенкроф расхохотался собственной шутке.

Вечером путешественники рассчитали, что за тридцать часов «Бонадвентур», по-видимому, отплыл от острова Линкольна на сто двадцать миль, ибо он шел со скоростью более трех миль в час. Дул такой слабый ветер, что казалось, он вот-вот совсем стихнет. И все же можно было надеяться, что на рассвете появится остров Табор, если только расчеты были правильны и если бот не снесло с курса.

Но никто из них — ни Гедеон Спилет, ни Герберт, ни Пенкроф — не сомкнул глаз в ночь с 12 на 13 октября. Они ждали утра и не могли преодолеть тревоги. Их обуревало столько сомнений! Находятся ли они вблизи острова Табор? Жив ли еще человек, потерпевший кораблекрушение, на помощь которому они спешат? Кто этот человек? Не внесет ли он разлад в дружную семью колонистов? Захочет ли он сменить одну тюрьму на другую? Все эти вопросы, которые, очевидно, должны были разрешиться на другой день, не давали им уснуть, и при первых проблесках утра они, не отрываясь, стали смотреть на запад, вглядываясь в линию горизонта.

— Земля! — вдруг крикнул Пенкроф около шести часов утра.

Пенкроф, конечно, не мог ошибиться — значит, действительно это была земля.

Можно себе представить радость маленького экипажа. Через несколько часов они высадятся на берег!

Пологий островок чуть виднелся среди волн, не дальше чем в пятнадцати милях. Курс «Бонадвентура», которого чуть отнесло к югу, был выправлен, и бот плыл теперь прямо к острову; солнце всходило, и кое-где все яснее вырисовывались невысокие холмы.

— Куда этому островку до нашего острова Линкольна, — заметил Герберт, — но, вероятно, он тоже вулканического происхождения.

В одиннадцать часов утра «Бонадвентуру» осталось пройти всего лишь две мили, и Пенкроф, отыскивая фарватер, вел судно по незнакомым водам с крайней осторожностью.

Теперь друзьям был виден весь островок, на котором зеленели камедные и еще какие-то огромные деревья похожие на те, что росли на острове Линкольна. Но как ни странно, мореплаватели нигде не заметили ни дымка — верного признака того, что остров обитаем, ни сигнала бедствия. А ведь записка гласила, что на острове живет человек, потерпевший кораблекрушение, и он, конечно, ждет помощи!

Между тем «Бонадвентур» отважно плыл между рифами, по извилистым проходам, и Пенкроф с напряженным вниманием вглядывался в каждый их изгиб. Он доверил Герберту руль, а сам, стоя на носу,

вглядывался в воду и, взяв фал, готов был немедленно спустить парус. Гедеон Спилет осматривал берег в бинокль, но ничего не приметил.

Наконец около полудня форштень «Бонадвентура» ударился о песчаный берег. Бросили якорь, спустили паруса, и экипаж бота высадился на сушу.

Не могло быть сомнений в том, что это остров Табор, ибо, судя по последним картам, иного острова между Новой Зеландией и побережьем Америки в Тихом океане не существовало.

Судно крепко пришвартовали, чтобы его не унес отлив. Затем Пенкроф и оба его товарища, хорошенько вооружившись, направились к холму конической формы, который возвышался футов на двести пятьдесят — триста над уровнем моря, в полумиле от берега.

— Осмотрим островок с вершины горки и получим о нем общее представление, а это облегчит нам поиски, — заметил Гедеон Спилет.

— Так сделал мистер Смит на острове Линкольна, взобравшись на гору Франклина! — воскликнул Герберт.

— Именно так, — подтвердил журналист, — с этого и надо начать!

Друзья, беседуя, шли по лугу, доходившему до подножия холма. Над ними кружились стая скалистых голубей и морских ласточек, таких же, как на острове Линкольна. Слева тянулся лес, и оттуда доносился треск сучьев; путники увидели, как заколыхалась трава, — вероятно, почуяв их, разбежались какие-то пугливые зверьки; однако ничто не указывало на присутствие человека.

Колонисты дошли до подножия холма, мигом взобрались на него и осмотрели окрестности.

Они попали на островок, имевший форму удлинённого овала; размеры его не превышали шести миль в окружности, а ровная линия берега почти не была изрезана мысами, бухтами и заливами. Вокруг, сливаясь с горизонтом, расстилалась водная пустыня. Ни земли, ни паруса не было видно.

Островок сплошь был покрыт лесами, не то что остров Линкольна, безводный и дикий в одной части и только в другой — плодородный и богатый растительностью. Над ровным ковром зелени возвышались два-три невысоких холма. Ручей, бежавший по обширному лугу, пересекал наискось остров и впадал в море на западном берегу, слегка расширяясь в устье.

— Да, маловаты владения, — заметил Герберт.

— Маловаты, — отозвался Пенкроф, — нам тут негде было бы разгуляться.

— И к тому же, — добавил журналист, — островок, очевидно, необитаем.

— Действительно, — согласился Герберт, — ничто не указывает на присутствие человека.

— Спустимся, — предложил Пенкроф, — и поспешим на поиски.

Моряк и его товарищи вернулись на берег, к стоянке «Бонадвентура». Они решили обойти пешком побережье, а потом углубиться в лес. Таким образом они исследуют весь остров.

Идти по берегу было легко, только кое-где возвышались скалы, но колонисты их обходили; они держали путь к югу, вспугивая водяных птиц и стада тюленей, которые бросались в море, еще издали заметив людей.

— Животные не впервые видят человека, — сказал журналист. — Они боятся нас, значит, люди им знакомы.

Через час трое друзей добрались до южного берега, заканчивающегося острым мысом, потом повернули к северу, идя вдоль западного берега, тоже покрытого песком и скалами и окаймленного

густым лесом.

Они обошли все побережье за четыре часа и нигде не обнаружили жилья, нигде не приметили следа человеческой ноги.

Это было поразительно. Казалось, что остров Табор вообще необитаем или что тут уже давно никто не живет. Быть может, кто-то написал записку несколько месяцев или даже лет тому назад, — значит, потерпевший кораблекрушение либо вернулся на родину, либо умер от лишений.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт, строя всяческие предположения, наспех пообедали на боте — они торопились вновь пуститься в путь, чтобы исследовать остров до наступления темноты.

И вот в пять часов вечера они углубились в лесную чащу.

Друзья вспугнули каких-то животных, разбежавшихся врассыпную: оказалось, что это козы и свиньи, явно напоминавшие европейских. По всей вероятности, их сюда случайно завезло китобойное судно, и они быстро размножились. Герберт решил во что бы то ни стало поймать несколько самок и самцов и отвезти их на остров Линкольна.

Сомнений не оставалось — на островке побывали люди. Путники убедились в этом, войдя в лес: там валялись стволы деревьев, срубленных топором, и повсюду виднелись следы борьбы человека с природой; правда, стволы почти сгнили, ибо были срублены много лет назад, отметины, сделанные топором, замшели, а тропинки заросли такой густой и высокой травой, что их трудно было отыскать.

— Очевидно, — сказал Гедеон Спилет, — люди не только высадились здесь, но даже некоторое время жили. Что же это были за люди? Сколько их было? Сколько осталось?

— В записке говорится лишь об одном человеке, — заметил Герберт.

— Быть не может, чтобы мы его не отыскали! — воскликнул Пенкроф.

Итак, поиски продолжались. Моряк и его друзья пошли по дороге, наискось пересекавшей островок, и она привели их к речке, впадающей в океан.

Не только животные, вывезенные из Европы, не только следы топора, но и растения, встречающиеся здесь, неоспоримо доказывали, что человек побывал на острове. Кое-где на полянках, в давние времена, очевидно, были разбиты грядки.

Герберт очень обрадовался, когда обнаружил картофель, морковь, капусту, репу: ведь если собрать клубни и семена, можно и на острове Линкольна развести все эти овощи!

— Вот хорошо! — воскликнул Пенкроф. — Набу пригодится, да и нам тоже! Пусть не найдем потерпевшего крушение, все равно не зря попутешествовали, господь нас вознаградил.

— Все это так, — возразил Гедеон Спилет, — но раз огороды в таком запустении, значит, на острове давным-давно никто не живет.

— Верно, — согласился Герберт, — кто бы стал пренебрегать овощами!

— Что тут и толковать, сразу видно, что потерпевший кораблекрушение покинул остров! — добавил Пенкроф.

— По-вашему, записка написана очень давно?

— Разумеется.

— И бутылка долго плавала по морю, пока ее не выбросило на остров Линкольна?

— Что же тут особенного? — ответил Пенкроф и добавил: — Уже темнеет, пора прекратить поиски.

— Вернемся на судно, а завтра все начнем сызнава, — предложил журналист.

Совет был мудрый, и все собрались ему последовать, как вдруг Герберт воскликнул, указывая на какое-то сооружение, темневшее между деревьями:

— Хижина!

И трое друзей тотчас же поспешили к хижине. В сумерках можно было разглядеть, что она построена из досок и покрыта толстой просмоленной парусиной.

Пенкроф распахнул полуоткрытую дверь и вбежал в хижину.

Там было пусто!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Опись вещей. — Ночь. — Несколько букв. — Поиски продолжаются. — Растения и животные. — Герберт избежал гибели. — На борту. — Отплытие. — Непогода. — Привычка сказывается. — Затеряны в море. — Спасительный свет.

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет молча стояли в темной хижине.

Пенкроф громко окликнул хозяина.

Ответа не последовало.

Тогда моряк высек огонь и зажег сухую ветку; свет на миг озарил каморку, и она показалась путникам нежилой. В очаге, сложенном из необтесанных камней, виднелась зола, а на ней — охапка хвороста. Пенкроф бросил туда горящую ветку, хворост затрещал, и яркое пламя осветило хижину.

И тут друзья заметили кровать, покрытую отсыревшими, пожелтевшими одеялами, — очевидно, ею уже давно никто не пользовался; у очага валялись два ржавых котелка и опрокинутая миска; в шкафу висела кое-какая матросская одежда, покрытая плесенью; на столе виднелись оловянные тарелки и Библия, позеленевшая от сырости; в углу лежали инструменты — лопата, кирка мотыга и два охотничьих ружья, причем одно было сломано; на полке стояли бочонок с порохом, бочонок с дробью и несколько коробок с капсулями; все было покрыто густым слоем пыли, накопившейся, быть может, за долгие годы.

— Никого нет, — наконец произнес журналист.

— Никого! — подтвердил Пенкроф.

— Тут давно никто не живет, — заметил Герберт.

— О да, очень давно, — ответил журналист.

— А не переночевать ли нам в хижине, мистер Спилет? — предложил Пенкроф.

— Согласен, Пенкроф, — ответил Гедеон Спилет, если хозяин и придет, он, право, не рассердится на непрошенных гостей.

— Хозяин не придет! — сказал моряк, качая головой.

— По-вашему, он уехал? — спросил журналист.

— Нет, если бы уехал, захватил бы оружие и инструменты, — ответил Пенкроф. — Ведь вы знаете, как дорожит человек вещами, которые вместе с ним уцелели при кораблекрушении. Да нет же, нет, — повторил моряк с глубокой убежденностью, — он не покинул острова. Если он смастерив лодку и пустился на ней в путь, он ни за что не оставил самых необходимых вещей! Нет, он на острове!

— И он жив? — спросил Герберт.

— Может быть, жив, а может быть, умер. А если и умер, то ведь не зарыл же он сам себя, — ответил Пенкроф, — стало быть, мы найдем его останки.

Итак, друзья решили провести ночь в покинутой хижине; они жарко натопили ее, благо дров было припасено достаточно. Закрыв дверь, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет уселись на скамью; они были погружены в свои думы и лишь изредка перебрасывались словами. В таком расположении духа человек строит всяческие догадки и готов ко всяческим неожиданностям; они жадно ловили звуки, доносившиеся из леса. И если бы дверь вдруг распахнулась и кто-нибудь вошел, они ничуть не удивились бы, хотя домик и был заброшен; они от всей души пожалели бы руку человека, потерпевшего кораблекрушение, —

неизвестного, которого ждали, как друга.

Но они так и не услышали шума шагов, дверь так и не отворилась, а время текло.

Какой же длинной показалась ночь моряку и его спутникам! Герберт, правда, проспал часа два, ибо в его возрасте сон необходим. Всем троим хотелось поскорее снова приняться за поиски и осмотреть все укромные уголки острова. Разумеется, Пенкроф сделал правильные выводы, и можно было с уверенностью сказать, глядя на покинутую хижину и уцелевшие в ней инструменты, утварь и оружие, что человек, живший здесь, погиб. Поэтому было решено разыскать его останки и похоронить их по христианскому обычаю.

Рассвело. Пенкроф и его товарищи тотчас же начали осматривать хижину.

Место для нее было выбрано очень удачно, у подножия холма, под сенью пяти-шести великолепных камедных деревьев. Перед фасадом была прорублена широкая просека, хорошо было видно море. Лужайка, обнесенная почти развалившейся деревянной изгородью, спускалась к берегу, а слева от нее в море впадал ручей.

Хижина была построена из досок, по всей вероятности, из обшивки корпуса или палубы какого-то судна. Разбитое судно было, очевидно, выброшено на островок, кто-нибудь спасся и, раздобыв инструменты, построил хижину из обломков корабля.

Никаких сомнений не осталось, когда Гедеон Спилет, обойдя вокруг хижины, заметил на одной из досок — вероятно, бывшего фальшборта — такие, почти стершиеся буквы:

— «Британия»! — закричал моряк, которого подозвал журналист. — Так часто называют корабли, и я, право, не знаю, американское или английское было это судно.

— Это неважно, Пенкроф!

— Неважно, что и говорить, — согласился Пенкроф, — если моряк еще жив, мы спасем его, откуда бы он ни был родом. Но пока мы не возобновили поиски, навестим-ка «Бонадвентур».

Пенкроф стал беспокоиться о своем судне. А что, если на острове живут люди и кто-либо из его обитателей завладел ботом? Но он сам пожал плечами, сделав такое невероятное предположение.

К тому же он охотно бы позавтракал на борту «Бонадвентура». Дорожка, ведущая к берегу, была не длинна — самое большее с милю. Итак, все направились к боту, по дороге заглядывая в лес и заросли кустарника, куда убегали целые стада коз и свиней.

Через двадцать минут они вновь увидели восточный берег острова и свой бот, державшийся на якоре, глубоко засевшем в песке.

Пенкроф облегченно вздохнул. Ведь судно было его детищем, а отцы имеют право поддаваться тревоге, не внимая голосу разума. Путники поднялись на судно и плотно позавтракали, чтобы не проголодаться до обеда, иными словами — до позднего вечера; покончив с едой, они снова отправились на остров и исследовали его самыми тщательным образом.

Вероятнее всего, единственный обитатель острова погиб. Поэтому Пенкроф и его товарищи искали, пожалуй, не человека, а его останки. Но все поиски были тщетны: полдня друзья без толку бродили по лесам, покрывающим островок. Они пришли к выводу, что потерпевший кораблекрушение умер и от него не осталось ни следа: очевидно, хищные звери пожрали труп.

— Отправимся в обратный путь с рассветом, — сказали Пенкроф спутникам, когда около двух часов дня все расположились на отдых в тени под соснами.

— Думаю, — заметил Герберт, — что мы без угрызения совести можем увезти утварь, оружие и

инструменты принадлежавшие хозяину хижины. Не правда ли?

— Согласен, — ответил Гедеон Спилет, — все это нам пригодится. Если не ошибаюсь, в хижине немалые запасы пороха и дроби.

— Да, — проговорил Пенкроф, — не забыть бы прихватить парочку свиней, ведь их у нас на острове Линкольна нет...

— И собрать семена, — добавил Герберт, — будут нас тогда все овощи и Старого и Нового Света.

— А не пожить ли нам еще денек на острове Табор: перетащили бы на судно все, что может нам понадобиться, — заметил журналист.

— Ну нет, мистер Спилет, — воспротивился Пенкроф, — прошу вас — уедем завтра же с самого утра. По-моему, ветер меняет направление и начинает дуть с запада; нас сюда подгонял попутный ветер, с попутным будем и возвращаться.

— Значит, не стоит терять времени! — воскликнул Герберт, вскакивая.

— Да, не стоит, — повторил Пенкроф. — Займись сбором семян, в них ты разбираешься получше нашего, а мы с мистером Спилетом поохотимся на свиней; надеюсь, нам удастся поймать несколько штук даже без Топа.

Герберт пошел по дорожке, ведущей к полям и огородам, а моряк с журналистом углубились в лес.

Тут водились свиньи самых различных пород; но на редкость проворные животные и не думали подпускать к себе людей и разбегались в разные стороны. Через полчаса охотникам все же удалось поймать среди густых зарослей самца и самку, как вдруг в нескольких сотнях шагов к северу раздались крики. Крикам вторило какое-то страшное звериное рычание.

Пенкроф и Гедеон Спилет выпрямились и стали прислушиваться; свиньи, которых моряк не успел связать, разбежались.

— Да это голос Герберта! — воскликнул журналист.

— Бежим! — закричал Пенкроф.

И оба со всех ног побежали к тому месту, откуда доносились крики.

Спешили они не напрасно: когда дорожка, повернув, вывела их на поляну, они увидели, что какой-то дикий зверь, очевидно огромная обезьяна, душит юношу, повалив его на землю.

Пенкроф и Гедеон Спилет с быстротой молнии бросились на чудовище, сбили с ног и, освободив из его лап Герберта, прижали к земле. Моряк был могуч, как Геркулес, журналист тоже отличался немалой силой, и хоть пленник сопротивлялся, его связали так крепко, что он не мог пошевелинуться.

— Ты цел и невредим, Герберт? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, да.

— Попробовала бы эта обезьяна растерзать тебя!.. — с угрозой воскликнул Пенкроф.

— Да это не обезьяна! — возразил Герберт.

При этих словах Пенкроф и Гедеон Спилет взглянули на странное существо, лежавшее на земле.

Действительно, то не была обезьяна. Это было человеческое существо, — то был человек! Но какой человек! Дикарь в самом ужасном смысле этого слова, тем более страшный оттого, что дошел он до последней степени одичания.

Взъерошенные волосы, грязная борода, свисавшая на грудь, вместо одежды — набедренная повязка,

какой-то рваный лоскут, блуждающие глаза, огромные руки с непомерно длинными ногтями, кожа на лице темная, под стать черному дереву, ступни заскорузлые, будто роговые. Вот какой был облик у жалкого создания, именуемого, однако, человеком. И невольно возникал вопрос: сохранилась ли душа у этого существа, или же уцелели одни только животные инстинкты?

— А вы уверены, что это человек или что он бы когда-то человеком? — спросил Пенкроф журналиста.

— Увы! Сомнений тут быть не может, — ответил журналист.

— Так это и есть потерпевший кораблекрушение? — воскликнул Герберт.

— Да, — подтвердил Гедеон Спилет, — но несчастный потерял человеческий облик!

Журналист был прав. И всем стало ясно, что если пленник и был прежде разумным существом, одиночество превратило его в зверя, а не просто в дикаря. Он рычал, ощерив зубы, острые, как у хищников, и словно созданные, чтобы разгрызть сырое мясо. Должно быть, он уже давным-давно забыл, кто он такой, отвык пользоваться инструментами, оружием, разучился добывать огонь. Он был ловок, статен, но, очевидно, эти физические качества развились в нем в ущерб качествам умственным.

Гедеон Спилет заговорил с ним. Но он, казалось, ничего не понял и как будто даже не услышал... И, однако, взглянув повнимательнее ему в глаза, журналист увидел, что разум этого существа еще не вполне угас.

А между тем пленник не отбивался и не пытался порвать веревки, связывающие его. Быть может, он смирился, увидев людей, увидев себе подобных? Или какое-нибудь мимолетное воспоминание заставило его почувствовать, что он вновь стал человеком? Убежал бы он или остался, если бы его освободили? Неизвестно; но колонисты и не собирались его освобождать; посмотрев с величайшим вниманием на несчастного, Гедеон Спилет сказал:

— Кем бы он ни был, чем бы ни занимался в прошлом и что бы с ним ни случилось в будущем, наш долг — отвезти его на остров Линкольна!

— О конечно, — подхватил Герберт, — и быть может, нам удастся, окружив несчастного заботами, пробудить его разум!

— Душа не умирает, — сказал журналист, — и мы будем вознаграждены сторицей, если просветлим разум божьего создания.

Пенкроф с сомнением покачал головой.

— Во всяком случае, следует попытаться, — продолжал журналист, — хотя бы из чувства человеколюбия.

Действительно, таков был долг каждого человека и христианина. Все трое понимали это и хорошо знали, что Сайрес Смит одобрит их поступок.

— Что ж, не будем его развязывать? — спросил моряк.

— Быть может, он пойдет с нами, если развязать ему ноги? — предложил Герберт.

— Попробуем! — согласился Пенкроф.

И они разрезали веревки, мешавшие пленнику идти, руки же у него по-прежнему были крепко связаны. Он встал и даже не попытался убежать. Его острый взгляд следил за тремя людьми, которые шли рядом, но, по-видимому, неизвестный так и не вспомнил, что он сам — человек или что по крайней мере прежде был человеком. Пленник тяжело дышал, вид у него был угрюмый, но он не сопротивлялся.

По совету журналиста, пленника повели в хижину. Колонисты надеялись, что сознание его

прояснится, когда он увидит свои вещи. Быть может, достаточно искорки, чтобы пробудить его затемненный разум, чтобы воскресить угасшую душу.

До хижины было недалеко. Путники очутились там через несколько минут; пленник, казалось, попал в незнакомые места, он словно не сознавал, что пришел домой!

Уже по одному тому, насколько одичал несчастный, можно было судить, что он давно живет на островке, превратившемся для него в тюрьму, что, попав сюда разумным человеком, он под влиянием одиночества потерял рассудок.

Журналист решил попытаться, не подействует ли на пленника огонь, и тотчас же яркое пламя, которое привлекает даже животных, вспыхнуло в очаге.

Сначала пламя как будто приковало внимание несчастного, но немного погодя он отошел от очага, его взгляд потускнел и снова стал бессмысленным.

Да, очевидно, одно только и оставалось — отвести пленника на борт «Бонадвентура»; колонисты так и поступили, и караулить его вызвался Пенкроф.

Герберт и Гедеон Спилет отправились на берег, чтобы завершить начатое дело, и спустя несколько часов вернулись с утварью и оружием, с запасом огородных семян, дичью и свиньями. Они погрузили все это на судно; «Бонадвентур» готовился сняться с якоря утром, как только начнется прилив.

Пленника поместили в каюту на носу, и он сидел там спокойно, молча, словно глухонемой.

Пенкроф предложил ему поесть, но он оттолкнул вареное мясо, от которого, конечно, уже отвывк. И действительно, как только моряк поднес ему утку, подстреленную Гербертом, он набросился на нее и съел жадно, как зверь.

— Неужто вы думаете, что ум его прояснится? — спросил Пенкроф, с сомнением покачав головой.

— Допускаю, — ответил журналист, — благодаря нашим заботам, ибо он стал таким от одиночества, а отныне он не будет одинок.

— Очевидно, бедняга уже давно утратил всякое человеческое подобие, — заметил Герберт.

— Допускаю, — вновь сказал Гедеон Спилет.

— Сколько же ему лет? — спросил юноша.

— Трудно определить, — ответил журналист, — ведь лицо у него скрыто густой бородой, но он не молод: думаю, что ему по крайней мере пятьдесят лет.

— Заметили ли вы, мистер Спилет, как запали у него глаза? — спросил юноша.

— Да, Герберт, и должен добавить, что в глазах у него светится мысль, хотя по его внешности и не скажешь, что он разумное существо.

— Ну, там посмотрим, — произнес Пенкроф. — А любопытно, как отнесется Сайрес Смит к нашему дикарю. Поехали за человеком, а привезли страшилище. Ничего не поделаешь!

Ночь прошла; спал ли пленник, бодрствовал ли, было неизвестно, во всяком случае, он не двигался, хотя его и развязали. Он напоминал хищного зверя, которого неволя сначала подавляет, а потом приводит в ярость.

Ранним утром 15 октября, как и предвидел Пенкроф, погода изменилась: подул северо-западный ветер, благоприятный для «Бонадвентура», но море разбушевалось, что предвещало трудное плавание.

В пять часов утра снялись с якоря. Пенкроф зарифил грот и взял курс на восток-северо-восток,

направляясь к острову Линкольна.

В первый день плавания не случилось ничего примечательного. Пленник притих у себя в каюте, на носу судна, — ведь он был моряком, поэтому волнение на море, очевидно, оказывало на него благотворное действие. Быть может, он вспоминал службу на корабле? Во всяком случае, он вел себя смиренно и, казалось, был скорее удивлен, чем подавлен.

На другой день, 16 октября, ветер усилился, подул почти с севера, что не благоприятствовало «Бонадвентуру». Волны швыряли бот. Пенкрофу пришлось держать судно еще круче к ветру; волны с яростью обрушивались на нос бота, и моряк был встревожен, хотя не говорил этом спутникам. Было ясно, что если ветер не изменится, то до острова Линкольна придется плыть дольше, чем они плыли до острова Табор.

Действительно, 17 октября утром минуло двое суток с того часа, как «Бонадвентур» вышел в море, а ничто не указывало на близость острова. Впрочем, было невозможно рассчитать, сколько миль они прошли, так как и направление и скорость все время менялись.

Минули еще сутки, а земля все не появлялась. Дул восточный ветер, и море бушевало. То и дело приходилось маневрировать парусами бота, который заливало волнами, брать рифы, часто менять курсы, идя короткими галсами. Случилось, что 18 октября «Бонадвентур» целиком накрыла волна, и если бы мореплаватели заранее, из предосторожности, не привязали себя на палубе, их смыло бы волной.

Пенкроф и его товарищи буквально сбились с ног, но тут им неожиданно помог пленник; он выскочил из люка, словно в нем заговорил инстинкт моряка, и могучим ударом вымбовки пробил фальшборт, чтобы сошла вода, залившая палубу; а когда бот освободился от лишнего груза, пленник, не произнеся ни слова, спустился к себе в каюту.

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет, застыв от изумления, предоставили ему свободу действий.

Однако они попали в трудную переделку; моряк опасался, что они затерялись в безбрежном море, что им не доплыть до острова!

Ночь с 18 на 19 октября выдалась темной и холодной. Но около одиннадцати часов ветер стих, волнение улеглось, «Бонадвентур» уже не так швыряло, скорость хода увеличилась. В общем, бот превосходно выдержал бурю.

Ни Пенкроф, ни Гедеон Спилет, ни Герберт не сомкнули глаз. Они бодрствовали и с напряженным вниманием всматривались в море: если остров Линкольна неподалеку, он откроется на рассвете, если же «Бонадвентур» отнесло течением и ветром, то будет почти невозможно определить правильный курс.

Пенкроф, чрезвычайно встревоженный, однако, не унывал, ибо он был закален и душа у него была стойкая; управляя рулем, он всматривался в густой мрак, окружавший суденышко.

Около двух часов ночи он вдруг вскочил с криком:

— Огонь! Огонь!

И действительно, яркий сноп света показался в двадцати милях от них, в северо-восточном направлении. Там, на острове Линкольна, пылал яркий костер, очевидно разведенный Сайресом Смитом, и указывал им путь.

Бот отклонился далеко к северу; Пенкроф взял курс на огонь, блестевший на горизонте, как звезда первой величины.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Возвращение. — Спор. — Сайрес Смит и неизвестный. — Порт Воздушного шара. — Третья жатва. — Ветряная мельница. — Мука и хлев. — Самоотверженность инженера. — Испытание. — Слезы.

На другой день, 20 октября, в семь часов утра, после четырехдневного плавания «Бонадвентур» осторожно причалил к берегу в устье реки Благодарения.

Сайрес Смит и Наб, встревоженные непогодой и долгими отсутствием друзей, с самой зари поднялись на плато Кругозора и, наконец, увидели долгожданный «Бонадвентур».

— Слава богу, они вернулись! — воскликнул Сайрес Смит.

А Наб от радости пустился плясать, закружился, хлопая в ладоши и громко повторяя:

— Ах, хозяин, хозяин!

И эта пантомима была трогательнее всяких пышных речей!

Сначала инженер, сосчитав людей на палубе «Бонадвентура», решил, что Пенкроф не разыскал на острове Табор человека, потерпевшего кораблекрушение, или что несчастный отказался расстаться со своим островком и сменить одну тюрьму на другую.

И действительно, на палубе стояли только трое: Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет.

Когда судно причалило, инженер и Наб уже ждал друзей на берегу, и не успели путешественники ступить на землю, как Сайрес Смит сказал:

— Мы очень тревожились за вас, друзья мои, вы запоздали! Не случилось ли с вами какой-нибудь беды?

— Нет, — ответил Гедеон Спилет, — напротив, все вполне благополучно. Сейчас все вам расскажем.

— Однако вам не удалось никого найти; вы втроем уехали, втроем и вернулись.

— Прошу прощения, мистер Сайрес, — возразил моряк, — нас четверо.

— Вы нашли потерпевшего кораблекрушение?

— Да.

— И вы его привезли?

— Да.

— И он жив?

— Да.

— Где же он? Кто он такой?

— Он — человек, или, вернее, когда-то был человеком! — произнес Гедеон Спилет. — Вот и все, Сайрес, что мы можем вам сказать!

И друзья тотчас же поведали инженеру обо всем, что приключилось с ними во время путешествия. Рассказали о своих поисках, о том, как обнаружили на островке одну-единственную хижину, давным-давно покинутую, как, наконец, попался в плен потерпевший кораблекрушение, который, казалось, не принадлежал более к роду человеческому.

— Никак не пойму, хорошо ли мы поступили, что привезли его сюда?

— Конечно, хорошо, Пенкроф, — живо отозвался инженер.

— Но это же умалишенный!

— Допускаю, однако всего несколько месяцев назад он был таким же человеком, как мы с вами. Кто знает, что случится с тем из нас, кто, пережив друзей, останется в одиночестве на этом острове? Горе тому, кто одинок, друзья мои, и, надо полагать, одиночество быстро доводит человека до безумия, если бедняга впал в такое состояние.

— Но, мистер Сайрес, — воскликнул Герберт, — почему же вы думаете, что несчастный одичал всего лишь несколько месяцев тому назад?

— Потому что записка, найденная нами, написана недавно, а написать ее мог только он, — ответил Сайрес Смит.

— Или его товарищ, ныне умерший, — вставил Гедеон Спилет.

— Это невозможно, любезный Спилет.

— Почему же? — спросил журналист.

— А потому, что в записке упоминались бы два лица, — пояснил Сайрес, — в ней же говорится лишь об одном.

Герберт в нескольких словах рассказал о том, что случилось на обратном пути, как к пленнику вернулся разум в тот миг, когда бешеный шквал словно пробудил в нем моряка; юноша обратил особое внимание Сайреса Смита на этот любопытный факт.

— Да, Герберт, — ответил инженер, — ты прав, придавая большое значение этому факту. Несчастливого можно излечить, ибо он лишился разума, поддавшись отчаянию. Теперь же он будет жить среди людей, и раз в нем еще есть душа, мы исцелим его.

Пленника, привезенного с острова Табор, на которого с глубоким состраданием смотрел инженер и с величайшим удивлением Наб, вывели из каюты, находившейся на носу судна; ступив на землю, он попытался вырваться и убежать.

Но Сайрес Смит подошел к нему и, властным жестом положив ему руку на плечо, посмотрел на него с неизъяснимой добротой. И несчастный, слово подчиняясь какой-то силе, затих, опустил глаза, поник головой и перестал сопротивляться.

— Бедный, всеми покинутый человек! — прошептал инженер.

Сайрес Смит внимательно наблюдал за пленником. Судя по наружности, в жалком этом существе не осталось ничего человеческого, но Сайреса Смита, так же как перед этим и Гедеона Спилета, поразил какой-то неуловимый проблеск мысли в его глазах.

Было решено поселить пленника, или неизвестного, как с отныне стали называть его новые товарищи, в одной из комнат Гранитного дворца, откуда он не мог убежать. Пленник, не сопротивляясь, вошел в свое новое жилище, поэтому поселенцы острова Линкольна стали надеяться, что, окружив его заботой, они в один прекрасный день приобретут еще одного товарища.

За завтраком, который Наб приготовил на скорую руку, потому что журналист, Герберт и Пенкроф умирали от голода, Сайрес Смит попросил подробно рассказать ему обо всем, что приключилось с ними во время путешествия. Он согласился с друзьями, что неизвестный — очевидно, англичанин или американец: само название «Британия» говорило за себя, к тому же Сайрес Смит не сомневался, что, несмотря на косматую бороду и всклокоченные волосы, распознал в лице незнакомца черты, характерные для англосакса.

— Да, кстати, — сказал Гедеон Спилет, обращаясь к Герберту, — ты и не рассказал нам о встрече с этим дикарем. И мы знаем лишь одно, что он задушил бы тебя, не подоспей мы вовремя к тебе на помощь!

— Право же, — ответил Герберт, — мне трудно рассказать о том, что случилось. Я, помнится, собирал растения, когда услышал грохот, будто что-то обрушилось с вершины дерева... Не успел я обернуться, как этот несчастный — а он, очевидно, притаился в ветвях — бросился на меня с быстротой молнии, и, не будь мистера Гедеона и Пенкрофа, я...

— Дружок, — произнес Сайрес Смит, — ты подвергался смертельной опасности, но иначе вы не нашли бы беднягу и у нас не было бы нового товарища.

— Значит, вы надеетесь, Сайрес, что вам удастся сделать его человеком? — спросил журналист.

— Надеюсь, — подтвердил инженер.

Позавтракав, Сайрес Смит и его товарищи вышли из дому и отправились на берег. Они разгрузили «Бонадвентур», и инженер, осмотрев оружие и инструменты, не обнаружил ничего такого, что помогло бы ему установить личность неизвестного.

Свиньи, привезенные с островка, были встречены с одобрением, — они обогатили хозяйство колонии острова Линкольна; животных отвели в хлев, и, конечно, они должны были скоро привыкнуть к новому месту.

Инженер похвалил друзей за то, что они привезли бочонок с порохом и бочонок с дробью, а также ящики с капсюлями. Колонисты задумали устроить маленький пороховой погреб около Гранитного дворца или же в верхней пещере. Тогда не страшен будет никакой взрыв.

Однако все же было решено по-прежнему пользоваться пироксилином, потому что применение этого вещества давало отличные результаты и не стоило заменять его порохом.

Когда судно разгрузили, Пенкроф сказал инженеру:

— По-моему, мистер Сайрес, наш бот нужно держать в более надежном месте.

— А вы считаете, что стоянка возле устья реки Благодарения не годится? — спросил Сайрес Смит.

— Не годится, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Во время отлива бот стоит на песке, а это ему вредит. Видите ли, бот у нас отменный. Он превосходно справился с бурей, которая нас изрядно потрепала на обратном пути.

— А не держать ли его в устье реки?

— Конечно, можно и там держать, но устье не защищено от восточного ветра, и я боюсь, как бы волны не повредили «Бонадвентуру».

— Где же вы думаете поставить бот, Пенкроф?

— В порту Воздушного шара, — ответил моряк. — На мой взгляд, этот маленький залив, защищенный скалами именно то, что нам нужно.

— Не далековато ли?

— Что вы! Да он всего лишь в трех милях от Гранитного дворца, и туда проложена превосходная прямая дорога!

— Действуйте, Пенкроф, ведите туда «Бонадвентур», — согласился инженер, — хотя я предпочел бы, чтобы он был поближе к нам. На досуге оборудуем для него порт.

— Вот это славно! — воскликнул Пенкроф. — Порт с маяком, молотом и сухим доком! Ей-богу, мистер

Смит, с вами из любого затруднения выйдешь!

— Да, дружище, только с вашей помощью, потому что три четверти всех работ выполняете вы!

И вот Герберт и моряк отправились на судно, снялись с якоря, подняли парус и, подгоняемые попутным ветром, быстро пошли к мысу Коготь. Часа через два «Бонадвентур» уже стоял в тихом порту Воздушного шара.

Можно ли было сказать, наблюдая за тем, как ведет себя неизвестный в первые дни пребывания в Гранитном дворце, что его нелюдимый характер смягчился? Прояснилось ли его сознание? Воспрянул ли он душой? Да, без сомнения, и это было настолько очевидно, что Сайрес Смит и журналист начали думать, что вряд ли разум несчастного совсем омрачен.

Вначале на неизвестного, привыкшего к вольному простору и той безудержной свободе, которой он пользовался на острове Табор, находили приступы глухой ярости, и колонисты боялись, как бы он не выбросился из окна Гранитного дворца. Но мало-помалу он смирился, и ему предоставили больше свободы.

У поселенцев появилась надежда. Неизвестный отрешился от своих кровожадных инстинктов; он больше не ел сырое мясо, которым питался на островке, а вареное мясо не вызывало в нем отвращения, как вначале, на борту «Бонадвентура».

Однажды Сайрес Смит, воспользовавшись тем, что неизвестный заснул, подстриг гриву косматых волос и длинную бороду, которые придавали ему такой устрашающий вид. Инженер надел на него более подобающую одежду вместо того лоскута, который он носил. И вот, наконец, в лице неизвестного, окруженного заботой, появилось нечто человеческое и взгляд его, казалось, смягчился. Должно быть, прежде, когда в глазах его светилась мысль, он был просто красив.

Сайрес Смит поставил себе за правило ежедневно проводить несколько часов в его обществе. Он приходил в комнату к неизвестному с работой и всеми силами старался чем-нибудь его заинтересовать. Инженер надеялся, что проблеск мысли озарит его темную душу, какое-нибудь воспоминание вернет к сознательной жизни. Ведь случилось же это на борту «Бонадвентура» во время бури.

Инженер рассказывал ему о чем-нибудь, стараясь разбудить его дремлющий ум, заставляя незнакомца прислушиваться и приглядываться. Иногда в комнату входил то один, то другой колонист, порой друзья собирались все вместе. Чаще всего они говорили о мореходстве — о том, что ближе всего любому моряку. Порой неизвестный как будто вслушивался в речи колонистов, и друзья скоро пришли к убеждению, что он кое-что понимает. Иногда они подмечали у него на лице скорбное выражение, говорившее о душевных страданиях, ибо трудно было предположить, что он притворяется; но несчастный молчал, хотя не раз им чудилось, что слова готовы сорваться с его уст...

Он хранил какое-то печальное спокойствие. Но не было ли его спокойствие кажущимся? Не тосковал ли он в неволе? Трудно было сказать. А может быть, он постепенно менялся к лучшему, ведь это было так естественно. Он попал в тесный круг друзей, в спокойную обстановку, жил в полном довольстве, постоянно общался с колонистами, к которым в конце концов привык, всегда был сыт и тепло одет. Но облагородила ли его новая жизнь, которую он теперь вел, или же, и это слово здесь уместнее, его попросту удалось приручить? Вот в чем был вопрос, и Сайресу Смицу хотелось поскорее разрешить свои сомнения, но он боялся отпугнуть больного, ибо считал его больным! Впрочем, исцелится ли когда-нибудь неизвестный?

Инженер непрестанно наблюдал за ним. Он следил за каждым движением его души, если только это слово можно было применить к неизвестному. Как хотелось Сайресу Смицу постичь эту душу!

Колонисты с искренним волнением следили за тем, как протекало лечение, предпринятое Сайресом

Смитом. Они старались помочь ему в этом деле, продиктованном человеколюбием, и все, за исключением, пожалуй, одного маловера Пенкрофа, надеялись, как и Сайрес Смит, на исцеление неизвестного.

Как уже говорилось, незнакомец хранил невозмутимое спокойствие, но все видели, что он по-своему привязался к инженеру. Поэтому Сайрес Смит решил испытать его и, вырвав из привычной обстановки, отпустить на берег океана, прежде расстилавшегося перед его глазами, на опушку леса, который должен был напомнить ему те леса, где он провел столько лет!

— Но, пожалуй, получив свободу, он убежит от нас? — спросил Гедеон Спилет.

— Однако необходимо произвести этот опыт, — ответил Сайрес Смит.

— Вот увидите, — заметил Пенкроф, — наш красавчик сейчас же улепетнет, как только очутится на вольном воздухе и почувствует свободу!

— Не думаю, — ответил Сайрес Смит.

— Попробуем, — произнес Гедеон Спилет.

— Попробуем! — повторил инженер.

Дело было 30 октября; неизвестный с острова Табор уже девять дней провел в неволе, в Гранитном дворце. Было жарко, и солнечный свет заливал остров.

Когда Сайрес Смит и Пенкроф вошли в комнату, пленник лежал у окна и смотрел на небо.

— Идемте с нами, друг мой! — сказал ему инженер.

Неизвестный вскочил. Пристально посмотрев на Сайреса Смита, он пошел вслед за ним, а моряк, шагая позади, всем своим видом показывал, что ничуть не верит в успех предприятия.

У дверей Сайрес Смит и Пенкроф усадили неизвестного в подъемник, а Наб, Герберт и Гедеон Спилет ждали внизу. Корзина спустилась, и через несколько минут все собрались на берегу.

Колонисты отошли от незнакомца, чтобы не стеснят его.

Он сделал несколько шагов к морю, глаза его возбужденно блестели, но он и не думал убежать. Он смотрел как волны, разбившись об островок, лениво плещут о берег.

— Пока он видит только море, — заметил Гедеон Спилет, — и оно, быть может, не вызывает у него желания убежать.

— Вы правы, — ответил Сайрес Смит, — надо его отвести на плато к опушке леса. Там испытание будет убедительней.

— А ведь бежать-то ему не удастся: мосты разведены, — заметил Наб.

— Как же, — воскликнул Пенкроф, — так он и испугался твоего Глицеринового ручья! Он мигом через него переберется!

— Посмотрим, — только и сказал Сайрес Смит, глядя в глаза своему подопечному.

Колонисты отвели неизвестного к устью реки Благодарения; поднявшись по левому берегу, все вышли на плато Кругозора.

Когда неизвестный очутился на опушке леса и увидел роскошные деревья, листву которых колыхал легкий ветерок, он с упоением стал глотать благоуханный лесной воздух, и глубокий вздох вырвался из его груди.

Колонисты стояли поодаль и готовы были схватить его при малейшей попытке к побегу.

И действительно, несчастный чуть не бросился в ручей, отделявший от него лес, — мускулы на его ногах на миг напряглись... Но он тотчас же отступил, опустился на землю, и крупная слеза скатилась по его щеке!

— Ты плачешь, — воскликнул Сайрес Смит, — значит, ты снова стал человеком!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Необъяснимая тайна. — Первые слова незнакомца. — Двенадцать лет жизни на островке. — Признания. — Исчезновение. — Сайрес Смит не теряет веры. — Постройка ветряной мельницы. — Хлеб испечен. — Преданность. — Рукопожатие честных людей.

Да, несчастный плакал! Очевидно, какое-то воспоминание тронуло его душу, и, как сказал Сайрес Смит, слезы пробудили в нем человека.

Колонисты отошли, оставив его на плато, чтобы он почувствовал себя на свободе, но неизвестный и не думал пользоваться этой свободой, и Сайрес Смит вскоре отвел его в Гранитный дворец.

Спустя два дня после этой сцены неизвестный как будто стал интересоваться жизнью колонии. Было ясно, что он все слышит, все понимает, но упорно не желает разговаривать с окружающими. Однажды вечером Пенкроф, приложив ухо к двери его комнаты, услышал, как он бормочет:

— Нет, только не им!

Моряк передал его слова товарищам.

— Тут кроется какая-то печальная тайна, — проговорил Сайрес Смит.

И вот, наконец, неизвестный взялся за работу — он начал вскапывать грядки на огороде, но часто бросал лопату и неподолгу стоял неподвижно, погружившись в свои думы; колонисты по совету инженера не нарушали уединения, к которому он так стремился. Если кто-нибудь приближался к нему, он убегал, и его плечи содрогались от сдержанных рыданий.

Быть может, его мучили угрызения совести? Так, вероятно, оно и было; однажды Гедеон Спилет, не выдержав, сделал следующее замечание:

— Он молчит потому, что должен сделать слишком тяжкое признание.

Пришлось запастись терпением и ждать.

Несколько дней спустя, 3 ноября, неизвестный, работавший на плоскогорье, вдруг бросил лопату, и Сайрес Смит, издали наблюдавший за ним, опять увидел, что он плачет. В неудержимом порыве, поддавшись жалости, инженер подошел к нему и прикоснулся к его плечу.

— Послушайте, друг мой! — промолвил он.

Неизвестный отвел глаза, а когда Сайрес Смит попытался взять его за руку, отшатнулся.

— Друг мой, — повторил Сайрес Смит твердым голосом, — я хочу, чтобы вы посмотрели мне в глаза.

Неизвестный посмотрел на инженера, подчиняясь его воле, как человек, находящийся под гипнозом. Он хотел было убежать. Но вдруг лицо его преобразилось. Глаза загорелись. С губ готовы были сорваться какие-то слова. Он больше не мог сдерживаться!.. Наконец, скрестив руки на груди, он спросил приглушенным голосом:

— Кто вы такие?

— Мы тоже потерпели крушение, как и вы, — отвечал с несказанным волнением инженер. — Вы в кругу своих, среди людей...

— Среди людей... Нет, я уже не человек!

— Вы — среди друзей.

— Среди друзей! У меня нет друзей!.. — закричал неизвестный, закрыв лицо руками. — Нет... и никогда не будет... Оставьте меня, оставьте...

Он побежал к самому краю плато, возвышавшемуся над морем, и долго стоял там. Сайрес Смит присоединился к товарищам и рассказал им обо всем, что произошло.

— Да, в жизни этого человека есть какая-то тайна, — заметил Гедеон Спилет, — и, по-видимому, лишь угрызения совести разбудили в нем человека.

— Привезли мы сюда какого-то чудака нелюдима, — заявил моряк. — Очень уж он скрытен...

— Он хранит какую-то тайну, и мы обязаны ее уважать, — живо ответил Сайрес Смит. — Если он и совершил проступок, то жестоко за него поплатился, и да простятся ему грехи его.

Два часа неизвестный провел один на берегу; очевидно, под наплывом воспоминаний в его душе ожило прошлое, и, конечно, прошлое печальное; колонисты не теряли из виду несчастного, но не пытались нарушать его уединения.

И вот после долгого раздумья он словно принял какое-то решение и подошел к Сайресу Смицу. Его глаза покраснели от слез, но он больше не плакал. Казалось, он был испуган, пристыжен, ему хотелось сжаться, стать незаметным, взгляд его был потуплен.

— Сэр, — обратился он к Сайресу Смицу, — вы и ваши товарищи — англичане?

— Нет, мы — американцы, — ответил инженер.

— Ах, вот что, — воскликнул неизвестный и негромко добавил: — Тем лучше.

— А вы, мой друг? — спросил инженер.

— Англичанин, — быстро ответил он.

Ему, очевидно, нелегко было произнести эти несколько слов, потому что он тотчас же ушел с берега; он бежал от водопада к устью реки и, казалось, был вне себя от волнения.

Как-то раз, проходя мимо Герберта, он остановился и спросил сдавленным голосом:

— Какой теперь месяц?

— Ноябрь, — ответил Герберт.

— А год?

— Тысяча восемьсот шестьдесят шестой.

— Двенадцать лет! Двенадцать лет! — повторил неизвестный. И внезапно убежал.

Герберт рассказал колонистам об этом разговоре.

— Наш несчастный пленник, — заметил Гедеон Спилет, — потерял счет месяцам и годам.

— Да, — прибавил Герберт, — значит, он прожил двенадцать лет на острове Табор!

— Двенадцать лет! — повторил Сайрес Смит. — Да, если двенадцать лет прожить в одиночестве да еще с пятном на совести, рассудок потерять нетрудно.

— По-моему, — сказал тут Пенкроф, — этот человек вовсе и не терпел кораблекрушения, а просто его отвезли на остров Табор в наказание за какое-то преступление.

— Пожалуй, вы правы, Пенкроф, — поддержал его журналист, — а если это так, то люди, высадившие его на острове, непременно вернутся за ним!

— И не найдут его, — заметил Герберт.

— Значит, надо отправиться на остров... — заметил Пенкроф.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — не будем обсуждать этот вопрос, пока не узнаем, в чем тут дело. Я уверен, что несчастный исстрадался, что он жестоко поплатился за свои проступки, как бы велики они ни были, что он томится желанием открыть нам свою душу. Не будем пока принуждать его к этому. Он, конечно, все сам расскажет, и тогда мы увидим, как поступить. К тому же только неизвестный может сказать нам, надеется ли он, верит ли он, что когда-нибудь вернется на родину. Я лично сомневаюсь, что это будет ему дозволено.

— Почему же? — спросил журналист.

— Потому что, если его осудили на определенный срок, он ждал бы освобождения и не бросил бы записки в море. Нет, скорее всего, ему был вынесен приговор, обрекавший его на пожизненное заключение, на вечное одиночество.

— Никак я не пойму одного, — заметил моряк.

— Чего же именно?

— Если двенадцать лет назад человека высадили на острове Табор, стало быть, он уже много лет пребывает в том одичалом состоянии, в каком мы его и нашли!

— Вполне вероятно, — сказал Сайрес Смит.

— Выходит, он написал записку несколько лет назад!

— Без сомнения... Однако по всему видно, что записка написана недавно...

— Да и не может быть, чтобы бутылка с запиской несколько лет плыла от острова Табор до острова Линкольна.

— В этом как раз нет ничего невероятного, — возразил журналист. — А может быть, ее уже давным-давно прибило к нашему острову.

— Ну, нет! — отвечал Пенкроф. — Не могло ее волной смыть с берега, и думать нечего — ведь на южной стороне полно скал, и она сразу же разбилась бы.

— Вы правы, — произнес Сайрес Смит, о чем-то размышляя.

— Да кроме того, — прибавил моряк, — пролежи записка несколько лет в бутылке, она наверняка попортилась бы от сырости. А ведь она была в целости и сохранности.

Замечание моряка было вполне правильным: в этом-то и заключалось самое непонятное, ибо записка, найденная колонистами, казалось, была написана недавно. Больше того, в ней точно указывались широта и долгота острова Табор, а это говорило о больших познаниях ее автора в гидрографии, которых не могло быть у простого матроса.

— Опять мы встречаемся с чем-то необъяснимым, — сказал, наконец, инженер, — но все же не следует вызывать на откровенность нашего нового товарища. Он сам расскажет нам все, друзья мои, когда захочет.

Прошло еще несколько дней; неизвестный не произнес ни слова и ни разу не вышел за частокол, окружавший плато. Не покладая рук, не теряя ни минуты, он работал на огороде, но поодаль от остальных. В часы отдыха он не поднимался в Гранитный дворец и довольствовался сырыми овощами, хотя все звали его к столу. Он не приходил ночевать в отведенную ему комнату и спал на плато под деревьями, а в ненастную пору прятался среди скал, — словом, он жил так же, как на острове Табор, когда его единственным пристанищем был лес; все попытки колонистов изменить привычки неизвестного были

тщетны — им пришлось запастись терпением. И вот, наконец, в нем заговорил голос совести, и ужасные признания невольно сорвались с его губ, словно под воздействием непреодолимой силы.

Десятого ноября, около восьми часов вечера, когда колонисты сидели в сумерках под навесом, увитым зеленью, перед ними неожиданно предстал неизвестный. Его глаза как-то странно блестели, а на лице вновь появилось свирепое выражение.

Сайрес Смит и его товарищи были поражены, увидев, что неизвестный так взволнован: его зубы стучали, будто от озноба. Что с ним? Быть может, он ненавидит людей? Или ему надоело жить в семье честных тружеников? Или в нем снова заговорили кровожадные инстинкты? Колонисты так и подумали, услышав его бессвязную речь.

— Зачем вы меня привезли сюда? По какому праву разлучили с моим островком?.. Что между нами общего? Да известно ли вам, кто я?.. Что я совершил?.. Почему влачил свои дни там... в одиночестве? А что, если я изгнанник?.. Если осужден умереть там, на острове? Известно ли вам мое прошлое?.. Быть может, я украл, убил... быть может, я отверженный и несу клеймо проклятия... Что, если мне место только среди хищных зверей... Вдали от людей?.. Отвечайте же... известно ли вам все это?

Колонисты слушали, не прерывая полупризнаний неизвестного, которые лились будто помимо его воли. Сайрес Смит хотел успокоить несчастного и подошел к нему, но тот отшатнулся.

— Отойдите! — крикнул он. — Скажите одно лишь слово... Я свободен?

— Да, вы свободны, — ответил инженер.

— Тогда прощайте! — воскликнул он и бросился бежать, словно обезумев.

Наб, Пенкроф, Герберт погнались за ним в лес, но вернулись, так и не догнав.

— Пусть поступает как хочет, — сказал Сайрес Смит.

— Он никогда не вернется, — воскликнул Пенкроф.

— Вернется, — ответил инженер.

С тех пор прошло немало дней, но Сайрес Смит, словно предвидя, по-прежнему был уверен, что несчастный изгнанник рано или поздно вернется.

— Это последняя вспышка необузданного, дикого характера, — твердил инженер, — она вызвана угрызениями совести, но теперь он уже не вынесет одиночества.

Тем временем колонисты продолжали работать, и на плато Кругозора и в корале, где Сайрес Смит задумал построить ферму. Семена, собранные Гербертом на острове Табор, были, разумеется, посеяны самым тщательным образом. На плато раскинулся обширный огород с аккуратными, хорошо возделанными грядками, и колонистам приходилось трудиться не покладая рук. Там для них всегда находилась работа. Овощей становилось все больше, начали вскапывать под огороды даже луга. Но пастбищ на острове было множество, и онагры не остались бы без корма. Разумнее всего было отвести под огороды плато Кругозора, защищенное кольцом глубоких ручьев; животные могли бы пастись на лугах, которые не нужно было оберегать от нашествия зверей.

Пятнадцатого ноября колонисты в третий раз собрали урожай пшеницы. Поле стало неузнаваемым за полтора года, с того дня, когда там было брошено в землю первое зернышко. На второй год посеяли шестьсот тысяч зерен и получили четыре тысячи буассо, то есть свыше пятисот миллионов хлебных зерен. Теперь в колонии вдоволь будет пшеницы, ибо поселенцам достаточно будет ежегодно сеять около десяти буассо, чтобы собирать хороший урожай, обеспечивая хлебом и себя и домашний скот.

Итак, убрав урожай, колонисты посвятили весь конец ноября подготовке к обмолоту зерна.

В самом деле, у них было зерно, но не было муки, и постройка мельницы стала насущной необходимостью. Сайрес Смит сперва хотел воспользоваться вторым водопадом, низвергавшимся в реку Благодарения, чтобы построить там водяную мельницу, ибо первый водопад уже приводил к движению сукновальню, но, поразмыслив, друзья решили построить самую обычную ветряную мельницу на плато Кругозора. Сделать это было не так трудно; кроме того, колонисты не сомневались, что на плато, открытом всем ветрам, дующим с моря, ветряной двигатель будет хорошо работать.

— Вдобавок ветряная мельница оживит и украсит пейзаж, — заметил Пенкроф.

Колонисты принялись за работу, выбрали строевой лес для корпуса и других составных частей. Из глыб песчаника, найденных на северном берегу озера, можно было сделать жернова, а на крылья решили пустить ткани из того неисчерпаемого запаса, каким являлась оболочка воздушного шара.

Сайрес Смит сделал чертежи; мельницу решили поставить чуть правее птичника, у берега озера. Корпус должен был покоиться на стояке, вделанном в сруб, и вращаться целиком, вместе со всем механизмом под действием ветра.

Мельницу построили быстро. Наб и Пенкроф, ставшие заправскими плотниками, работали по чертежам инженера. Вскоре на берегу выросла будка с остроконечной крышей, с виду похожая на перечницу. Мельничные крылья были прочно насажены на вал с помощью железных скрепов. Без особого труда изготовили и внутренние части мельницы: ящик для двух жерновов — неподвижного и подвижного; большое квадратное корыто, расширяющееся кверху, из которого зерно сыплется на жернова, кошель для равномерной подачи зерна, называемый также «потрясок», оттого что он непрерывно трясется, и, наконец, сито, через которое просеивается мука, отделяясь от отрубей. Инструменты у колонистов были хорошие, работа оказалась несложной, так как все, составные части мельницы очень просты.

Колонисты сообща трудились над постройкой мельницы, и 1 декабря все было готово.

Как всегда, Пенкроф восхищался своей работой, не сомневаясь, что мельница получилась превосходная.

— Подул бы ветер посильнее, и наша мельница отлично обмолотила бы все зерно.

— Пусть дует ветер, только не сильный, Пенкроф!

— Но ведь крылья нашей мельницы быстрее завертятся!

— Не нужно, чтобы они вертелись очень быстро, — ответил Сайрес Смит. — Опыт показал, что число оборотов крыльев мельницы должно определенным образом зависеть от скорости ветра, выраженной в футах в секунду. Так, при среднем ветре, скорость которого двадцать четыре фута в секунду, крылья должны делать шестнадцать оборотов в минуту, а большего и не требуется.

— Как раз подул северо-восточный ветер, — воскликнул Герберт, — он нам и поможет!

Колонисты торжествовали и решили, не откладывая обмолотить зерно, ибо им не терпелось отведать хлеба собственного приготовления. В тот же день они за утро перемололи два-три буассо зерна, а на другой день коврига превосходного хлеба, пожалуй слишком крутого, хоть он и был замешен на пивных дрожжах, красовалась на обеденном столе жителей Гранитного дворца. Колонисты уплетали хлеб за обе щеки, и нетрудно себе представить, с каким удовольствием!

А незнакомец все не подавал признаков жизни. Не раз Гедеон Спилет и Герберт ходили по лесу в окрестностях Гранитного дворца, но незнакомца не встретили и даже не обнаружили следов его пребывания. Колонисты начали за него тревожиться. Конечно, человек, который жил, как дикарь, на острове Табор, найдет себе пропитание в лесах Дальнего Запада, богатых дичью, но не вернется ли он к своим старым привычкам и не оживут ли на свободе его кровожадные инстинкты? И все же Сайрес Смит

упорно повторял, что беглец придет, словно так подсказывал ему какой-то внутренний голос.

— Вот увидите, он придет, — твердил инженер с уверенностью, которую отнюдь не разделяли его товарищи. — Когда бедняга жил на острове Табор, он знал, что одинок, теперь он знает, что мы его ждем. Он уже почти признался нам в своем прошлом; кающийся грешник возвратится и все нам расскажет, и в тот день он войдет в нашу семью.

События доказали, что Сайрес Смит был прав.

Третьего декабря Герберт спустился с плато Кругозора и отправился удить рыбу на южный берег озера. Он не взял с собой ружья: бояться было нечего, ибо дикие животные не появлялись в этой части острова.

В это время Пенкроф с Набом что-то делали в птичнике, а Сайрес Смит и журналист готовили соду, так как у них кончилось мыло.

Вдруг раздались крики:

— Помогите, помогите!

Сайрес Смит и журналист были так далеко, что не услышали криков. А Пенкроф вместе с Набом выбежали из птичника и бросились к озеру.

Но впереди них бежал неизвестный, о присутствии которого никто и не подозревал, — он перебрался через Глицериновый ручей, отделявший плато от леса, и выскочил на противоположный берег.

К Герберту подкрался громадный ягуар, напоминавший ягуара, убитого на Змеином мысе. Юноша был захвачен врасплох; он прислонился к дереву, а зверь, припав к земле, готовился к прыжку... И в этот миг неизвестный, выхватив нож, кинулся на хищника; зверь обернулся и напал на нового противника.

Схватка была молниеносной. Неизвестный отличался необыкновенной силой и ловкостью. Одной рукой он сжал, как клещами, горло зверя, а другой всадил ему в сердце нож, не обращая внимания на то, что когти хищника вонзились в его тело.

Ягуар упал. Неизвестный оттолкнул его ногой и, очевидно, намеревался убежать, но тут на поле боя появились колонисты, и Герберт бросился к нему с криком:

— Пойдите же, не уходите!

Сайрес Смит подошел к незнакомцу, и тот, увидев его, нахмурился. Кровь залила его плечо, обгарила разорванную рубашку, но он будто и не замечал этого.

— Друг мой, — сказал Сайрес Смит, — отныне мы ваши должники. Ведь вы чуть не пожертвовали своей жизнью ради спасения нашего сына!

— Своей жизнью! — пробормотал неизвестный. — Разве моя жизнь чего-нибудь стоит? На что мне она?

— Вы ранены?

— Позвольте пожать вам руку!

Герберт подбежал к своему спасителю, чтобы поблагодарить его, но неизвестный скрестил руки; его грудь бурно вздымалась, взгляд затуманился — казалось, он решил убежать, но, сделав над собой невероятное усилие, произнес резким голосом:

— Кто вы и что вам от меня нужно?

Очевидно, ему хотелось узнать историю колонистов. Быть может, услышав об их злоключениях, он

расскажет и о себе?

В нескольких словах Сайрес Смит поведал обо всем, что произошло с ними после бегства из Ричмонда, рассказал, как им удалось спастись и чем они обзавелись тут, на острове.

Неизвестный слушал с напряженным вниманием.

Затем инженер стал говорить о своих товарищах — Гедеоне Спилете, Герберте, Пенкрофе, Набе — и добавил, что самую большую радость с тех пор, как все они живут на острове Линкольна, они испытали в тот день, когда «Бонадвентур» вернулся из плавания, когда они узнали что у них появился новый товарищ.

Услышав эти слова, неизвестный вспыхнул и опустил голову: вид у него был смиренный и растерянный.

— А теперь, когда вы знаете о нас, — промолвил Сайрес Смит, — пожмем друг другу руку!

— Нет, это невозможно, — глухим голосом ответил неизвестный, — потому что вы — честные люди, я же...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Всегда в одиночестве. — Просьба неизвестного. — Постройка фермы в корале. — Прошло двенадцать лет! — Боцман «Британии». — Покинутый на острове Табор. — Рукопожатие Сайреса Смита. — Загадочная записка.

Слова эти подтверждали догадку колонистов. В прошлом несчастный совершил какое-то тяжкое преступление, быть может, он искупил его перед людьми, но не перед самим собой. Преступника мучила совесть, он раскаивался, и, конечно, новые друзья с сердечной теплотой пожали бы ему руку, но он чувствовал, что не достоин пожатия руки честных людей! Однако после схватки с ягуаром он не вернулся в лес и с этого дня уже не покидал плато Кругозора.

Что же за тайна была в его жизни? Откроет ли он ее когда-нибудь? Одно только и оставалось: ждать. Во всяком случае, колонисты твердо решили не расспрашивать его и вести себя так, словно они ничего не подозревают.

Спустя несколько дней жизнь на острове вошла в свою колею. Сайрес Смит и Гедеон Спилет работали вместе, занимаясь то химией, то физикой. Только иногда журналист отправлялся на охоту с Гербертом, ибо теперь, колонисты боялись отпускать юношу одного в лес; приходилось быть настороже. А Наб и Пенкроф трудились — один день в загоне и птичнике, другой день — в корале, к тому же хлопотали по хозяйству, — словом, дел у них набиралось достаточно.

Неизвестный работал в стороне от товарищей, по-прежнему не садился за общий стол, спал под деревом на плато и не принимал участия в беседах. Казалось, что он и в самом деле не выносит общества своих спасителей.

— И чего ради, спрашивается, он обратился за помощью к людям? Зачем бросил записку в море? — недоумевал Пенкроф.

— Он сам обо всем нам расскажет, — неизменно отвечал Сайрес Смит.

— Когда же?

— Быть может, раньше, чем вы думаете, Пенкроф.

И действительно, день признания близился. Десятого декабря, через неделю после возвращения в Гранитный дворец, неизвестный подошел к Сайресу Смицу и тихо, смиренно сказал:

— Сэр, я хочу кое о чем попросить вас.

— Пожалуйста, — ответил инженер, — но сперва позвольте мне кое-что вам сказать.

При этих словах неизвестный покраснел и чуть было не убежал. Сайрес Смит понял душевное состояние преступника, который, очевидно, боялся, что его начнут расспрашивать о прошлом.

Сайрес Смит удержал его.

— Послушайте, — произнес он, — мы для вас не только товарищи по несчастью, но и друзья. Вот все, что я хотел сказать вам, а теперь я вас слушаю.

Неизвестный провел рукой по глазам. Он дрожал и несколько секунд не мог выговорить ни слова.

— Сэр, — наконец произнес он, — я хочу просить вас об одной милости.

— О какой же?

— В четырех-пяти милях отсюда, у подножия горы, находится ваш кораль, там вы держите домашних

животных. Они нуждаются в уходе. Не позволите ли вы мне жить при них?

Сайрес Смит посмотрел на несчастного с глубоким состраданием. Затем ответил:

— Друг мой, в корале нет жилья, одни хлевы, они и для животных не очень-то пригодны...

— А мне, сэр, там будет хорошо.

— Друг мой, — сказал инженер, — мы вам ни в чем не будем перечить. Вам хочется поселиться в корале? Пусть будет по-вашему. Впрочем, вы всегда желанный гость в Гранитном дворце. Но раз вы предпочитаете жить в корале, мы постараемся устроить вас там поудобнее.

— Мне будет удобно в любых условиях.

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, — который умышленно так называл неизвестного, — позвольте нам в данном случае поступить по собственному разумению.

— Благодарю вас, сэр, — ответил неизвестный и тотчас же ушел.

Инженер не преминул рассказать товарищам о просьбе неизвестного, и они решили построить в корале деревянный домик и обставить его поуютнее.

В тот же день поселенцы отправились в кораль, прихватив с собой инструменты; не прошло недели, как жилище было готово и ждало хозяина. Домик стоял на пригорке, футах в двадцати от хлевов, оттуда удобнее всего было наблюдать за стадом муфлонов, насчитывающим уже более восьмидесяти голов. Смастерили кое-что из мебели — кровать, стол, скамью, шкаф, сундук, привезли в кораль оружие, боевые припасы и набор инструментов.

Надо сказать, что неизвестный не ходил смотреть на свое будущее жилище и, не обращая внимания на колонистов, работающих на постройке, трудился на плато, очевидно желая довести до конца начатое дело. И действительно, благодаря его усердию земля была обработана и только ждала, когда наступит пора сева.

Двадцатого декабря все работы по благоустройству домика были закончены. Инженер объявил неизвестному, что его жилище готово, и тот ответил, что сегодня же будет там ночевать.

В тот вечер жители Гранитного дворца собрались в большом зале. Время близилось к восьми часам — неизвестному пора было уходить. Они не хотели стеснять его, не хотели прощаться с ним, решив, что это будет для него тягостно, поэтому, окончив работу, оставили его в одиночестве, а сами отправились домой.

Итак, они беседовали, сидя в большом зале, когда в дверь негромко постучали. В зал быстро вошел неизвестный и сказал без всякого вступления:

— Господа, расставаясь с вами, я хочу, чтобы на прощание вы узнали всю правду обо мне, слушайте же.

Простые эти слова произвели большое впечатление Сайреса Смита и его товарищей.

Инженер поднялся и сказал неизвестному:

— Мы ни о чем вас не спрашиваем, друг мой. Вы вправе молчать...

— Мой долг рассказать все.

— Садитесь же.

— Я постою.

— Мы охотно выслушаем ваш рассказ, — произнес Сайрес Смит.

Неизвестный отступил в полутемный угол комнаты. Он стоял обнажив голову, скрестив руки на груди,

и глухим голосом, будто через силу, повел рассказ, который слушатели ни разу не прервали:

— Двадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года паровая яхта «Дункан», принадлежавшая богатому шотландскому землевладельцу лорду Гленарвану, бросила якорь у западного берега Австралии, у мыса Бернуилли, лежащего на тридцать седьмой параллели. На борту яхты находились Гленарван с женой, майор английской армии, француз-географ и дети капитана Гранта — молоденькая девушка и мальчик. Корабль их отца «Британия» год тому назад затонул, экипаж погиб. Вел яхту капитан Джон Манглс; команда состояла из пятнадцати человек.

Вот какая причина привела яхту «Дункан» к берегам Австралии.

Полгода назад экипаж яхты подобрал в Ирландском море бутылку с запиской на трех языках: английском, немецком и французском. В записке кратко сообщалось, что во время крушения «Британии» спаслось трое — капитан Грант и два матроса, что они попали на какую-то землю; указывались и широта и долгота, но невозможно было разобрать, какая это долгота, — цифру размыло.

Итак, в записке говорилось, что спасенные находятся на тридцать седьмом градусе одиннадцатой минуте южной широты. Но долгота была неизвестна. Поэтому разыскивать капитана Гранта и его спутников надо было где-то на тридцать седьмой параллели, и можно было с уверенностью сказать, что, обследовав материки и океаны, удастся их найти.

Английское адмиралтейство отказалось снарядить спасательную экспедицию, но лорд Гленарван решил сделать все возможное, чтобы отыскать капитана Гранта. Он познакомился с Мери и Робертом Грант. Яхту снарядили в дальнейшее плавание, в котором пожелали принять участие жена лорда и дети капитана Гранта; и вот «Дункан» покинув Глазго, пересек Атлантический океан, вышел Магеллановым проливом в Тихий океан и направился к берегам Патагонии, где, по некоторым предположениям — сначала именно так истолковали записку, — капитан Грант томился в плену у туземцев.

Пассажиры «Дункана» высадились на западном побережье Патагонии, а яхта поплыла дальше, — она должна была ждать их на восточном берегу, у мыса Корриентес.

Гленарван и его спутники прошли всю Патагонию, следуя по тридцать седьмой параллели, и, не найдя никаких следов пребывания капитана Гранта, тринадцатого ноября снова сели на яхту, чтобы продолжать поиски в открытом море.

Они обследовали, но тщетно, два острова, лежащих по пути — Тристан-да-Кунья и Амстердам, — и «Дункан», как я уже говорил, двадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года приблизился к мысу Бернуилли, расположенному на австралийском побережье.

Гленарван, решив пересечь Австралию, как до этого он пересек Южную Америку, высадился на сушу. В нескольких милях от берега стояла ферма некоего ирландца, который радушно принял путешественников. Лорд Гленарван рассказал ирландцу о том, что привело его в эти края, и спросил, нет ли у него сведений об английском трехмачтовом судне «Британия», потерпевшем крушение; около двух лет назад где-то у западных берегов Австралии.

Ирландцу никогда не приходилось слышать о потонувшем корабле, но, к великому удивлению всех присутствующих, в разговор вмешался один из его слуг.

— Милорд, воздайте хвалу господу богу и возблагодарите его, — сказал он. — Если капитан Грант еще жив, то живет он на австралийской земле.

— Кто вы? — спросил лорд Гленарван.

— Шотландец, как и вы, милорд, — ответил незнакомец, — я один из спутников капитана Гранта, спасся при крушении.

Фамилия этого человека была Айртон. Его документы удостоверяли, что он действительно служил боцманом на «Британии». Он рассказал, что будто потерял из виду капитана в тот миг, когда корабль разбился о прибрежные рифы, будто до сих пор был убежден, что из всего экипажа «Британии» уцелел только он, что капитан Грант погиб вместе со всеми.

— Однако, — добавил Айртон, — «Британия» потерпела крушение не у западных, а у восточных берегов Австралии, и если капитан Грант еще жив, о чем свидетельствует записка, значит, он в плену у туземцев где-нибудь на восточном побережье.

Айртон говорил с подкупающей искренностью, смотрел прямо в глаза. В его словах нельзя было сомневаться, к тому же за него ручался ирландец, у которого он прослужил больше года. Лорд Гленарван поверил, что Айртон человек честный, и по его совету решил пересечь Австралию вдоль тридцать седьмой параллели. Гленарван, его жена, дети капитана Гранта, майор, географ, капитан Манглс и несколько матросов, собравшись в небольшой отряд, пустились в путь во главе с Айртоном, а «Дункан» под командой Тома Остина, помощника капитана яхты, взял курс на Мельбурн, где должен был ждать распоряжений Гленарвана.

Двадцать третьего декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года отряд отправился к восточным берегам Австралии.

Надо вам сказать, что Айртон был предателем. Он и в самом деле служил боцманом на «Британии», но вступил в пререкания с капитаном и пытался подговорить экипаж к мятежу — хотел захватить корабль. Капитан Грант высадил его на западном берегу Австралии восьмого апреля тысяча восемьсот пятьдесят второго года — то была вполне справедливая кара.

Следовательно, негодяй этот даже не слышал о гибели «Британии». Впервые он узнал обо всем из рассказа Гленарвана. С той поры как Айртона высадили на берег, он под именем Бена Джойса возглавил шайку беглых каторжников, теперь же нагло утверждал, что кораблекрушение произошло на восточном берегу. Он нарочно, направил лорда Гленарвана по ложному пути, в надежде, что, пока тот будет путешествовать, ему удастся завладеть яхтой, превратить ее в пиратское судно и стать грозой морей.

Неизвестный помолчал. Потом заговорил снова дрожащим голосом:

— Отряд двинулся в путь, намереваясь пересечь австралийский материк. Нет ничего удивительного, что его ждали неудачи: ведь шайка Айртона, или Бена Джойса, называйте его как угодно, шла то впереди, то позади экспедиции, готовясь выполнить замысел своего главаря.

Между тем «Дункан» стоял на ремонте в Мельбурнском порту. Айртон уговорил лорда Гленарвана, что нужно приказать «Дункану» из Мельбурна отправиться на восточное побережье, — там бандиты легко завладели бы яхтой. Айртон завел экспедицию в непроходимые леса неподалеку от побережья, где она терпела невероятные лишения, затем убедил Гленарвана написать письмо помощнику капитана яхты и взялся доставить это письмо, в котором Гленарван приказывал экипажу незамедлительно привести «Дункан» в залив Туфолда, расположенный на восточном побережье в нескольких днях пути от стоянки отряда. Там Айртона должна была поджидать его шайка.

Предателю чуть было не вручили приказ на имя помощника капитана, но тут его неожиданно разоблачили, и ему пришлось бежать. Однако письмо отдавало во власть Айртона яхту, и он постарался раздобыть его любой ценой. Это удалось, и через два дня Айртон уже был в Мельбурне.

До сих пор преступнику везло, и он вообразил, что так будет и дальше: он отправит «Дункан» в залив Туфолда, шайка бандитов перебьет экипаж и завладеет судном, а он, Бен Джойс, будет хозяйничать в здешних морях. Господь не дал злодею привести в исполнение свои кровавые замыслы.

Явившись в Мельбурн, Айртон передал приказ помощнику капитана, Тому Остину, и тот, ознакомившись с его содержанием, тут же велел сняться с якоря; но можно себе представить разочарование и ярость Айртона, когда на второй день плавания он узнал, что помощник капитана ведет яхту не в залив Туфолда, а к восточному берегу Новой Зеландии! Айртон попытался воспротивиться, но Остин показал ему письмо. И правда, благодаря счастливой случайности — описке француза-географа — кораблю велено было отправиться к восточным берегам Новой Зеландии.

Все планы Айртона рухнули! Он вздумал бунтовать. Его заперли. Итак, он плыл против воли в Новую Зеландию, не зная, что случилось с его шайкой, что случилось с отрядом лорда Гленарвана.

«Дункан» плывал вдоль берегов Новой Зеландии до третьего марта. В тот день Айртон услышал выстрелы. «Дункан» палил из всех коронад, и вскоре лорд Гленарван вместе со своими спутниками поднялся на борт яхты.

Вот что произошло за это время.

После множества испытаний, множества опасностей отряд лорда Гленарвана вышел к восточному побережью Австралии и добрался до залива Туфолда. Яхты там не было! Гленарван телеграфировал в Мельбурн. Ему ответили: «Восемнадцатого сего месяца «Дункан» отплыл в неизвестном направлении».

Гленарван решил, что его отважный экипаж попал в руки Бена Джойса, а яхта стала пиратским судном.

И все же Гленарван не отказался от поисков. То был смелый и благородный человек. Он сел на первое попавшееся торговое судно, доплыл на нем до западных берегов Новой Зеландии, пересек ее, следуя по тридцать седьмой параллели, но не нашел никаких следов капитана Гранта; зато на восточном берегу он, к своему изумлению и благодаря божьей помощи, обнаружил «Дункан», который по приказу помощника капитана ждал его здесь целых пять недель!

Случилось это третьего марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года. Итак, Гленарван снова вступил на борт «Дункана», — там уже находился и Айртон. Его привели к Гленарвану, который хотел выведать у злодея, знает ли он что-нибудь об участии капитана Гранта. Айртон отвечать отказался. Гленарван предупредил негодея, что в первом же порту сдаст его английским властям. Но Айртон безмолвствовал.

«Дункан» продолжал плыть вдоль тридцать седьмой параллели. А тем временем леди Гленарван решила побороть упорство злодея. В конце концов ей это удалось, и Айртон обещал все рассказать Гленарвану, но при условии, что его не выдадут английским властям, а высадят на одном из островов Тихого океана. Гленарван согласился, ибо готов был на все, лишь бы что-нибудь узнать об участии капитана Гранта.

Тут Айртон рассказал историю своей жизни, признавшись, что с тех пор, как его высадили на побережье Австралии, он ничего не знает о капитане Гранте.

Гленарван тем не менее сдержал свое слово. «Дункан» плыл все дальше, и вот однажды показался остров Табор. На нем и решено было оставить Айртона; и вот на этом клочке суши, лежащем на тридцать седьмой параллели произошло чудо: оказалось, что там нашли приют капитан Грант и двое его матросов. Вместо них на пустынном острове должен был поселиться преступник. Когда он покидал яхту, Гленарван напутствовал его такими словами:

— Айртон, вы будете отрезаны от мира, от людей. Вам не удастся бежать с островка, на который мы вас высаживаем! Вы будете одиноки, как перст, под всевидящим оком господя бога, который читает в тайниках человеческого сердца, и никто не станет тревожиться о вас, как мы тревожились о капитане Гранте. Вы и не достойны того, чтобы о вас помнили честные люди, но они вас не забудут, Айртон! Мне

известен этот остров, я знаю, где вас найти. Память мне никогда не изменит!

И «Дункан», снявшись с якоря, вскоре исчез из виду!

Произошло это восемнадцатого марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

Айртон остался один, но его снабдили всем необходимым: оружием, инструментами, съестными припасами. В его распоряжении был дом, выстроенный достойным капитаном Грантом. Изгнаннику суждено было одиноко влачить свои дни и искупить содеянные им преступления.

И он раскаялся, господа, совесть не давала ему покоя; он был так несчастен! Он решил, что если в один прекрасный день люди приедут за ним, ему надлежит вернуться в мир иным человеком! Как исстрадался этот отверженный! Как много работал, надеясь, что труд исправит! Как много времени проводил в молитвах, зная, что молитва переродит его!

Так жил Айртон два, три года; но его угнетало одиночество, и он не сводил глаз с горизонта, надеясь увидеть корабль и вопрошая себя, долго ли еще ему придется искупать свою вину? Он мучился, и вряд ли кому доводилось так мучиться. Ведь жизнь в одиночестве — пытка для того, чью душу терзают муки совести!

Но, очевидно, небо еще недостаточно покарало несчастного, ибо он стал замечать, что превращается в дикаря. Он чувствовал, что начинает терять рассудок. Трудно сказать, когда это произошло — через два ли года, через четыре ли, но в конце концов изгнанник утратил всякое подобие человека — таким вы и нашли его!

Нет нужды говорить вам, господа, что Айртон, Бен Джойс и я — одно и то же лицо.

Конец этой исповеди Сайрес Смит и его товарищи выслушали стоя. Трудно передать, как она их взволновала! Они увидели столько искренней скорби, муки, отчаяния!

— Айртон, — торжественно сказал Сайрес Смит, — вы были закоренелым преступником, но я уверен, что господь бог отпустил вам все грехи! И в доказательство он вернул вас к людям. Вы прощены, Айртон! Скажите же, хотите быть нашим товарищем?

Айртон отшатнулся.

— Пожмем друг другу руки, — сказал инженер.

Айртон бросился к Сайресу Смиту, крепко пожал ему руку, и крупные слезы полились из его глаз.

— Согласны вы теперь жить вместе с нами? — спросил Сайрес Смит.

— Мистер Смит, — ответил Айртон, — лучше мне еще немного побыть одному в корале.

— Воля ваша, Айртон, — ответил Сайрес Смит.

Айртон уже собирался уйти, но инженер остановил его.

— Постойте-ка, друг мой, — сказал он. — Ведь вы намеревались жить в одиночестве, зачем же вы бросили в море записку, которая навела нас на ваш след?

— Какую записку? — удивился Айртон, очевидно не зная, о чем идет речь.

— Я говорю о записке, вложенной в бутылку: мы нашли ее в море, в ней сообщались точные координаты острова Табор.

Айртон провел рукой по лбу. Затем, подумав, ответил:

— Я никогда не писал этой записки и не бросал бутылки в море.

— Никогда? — переспросил Пенкроф.

— Никогда!

И Айртон, поклонившись, вышел.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Беседа. — Сайрес Смит и Геден Спилет. — Идея инженера. — Электрический телеграф. — Провода. — Батарея. — Алфавит. — Лето. — Процветание колонии. — Фотография. — Мнимый снег. — Два года на острове Линкольна.

— Бедный Айртон! — сказал Герберт, возвращаясь в комнату после безуспешной попытки догнать Айртон, который спустился по веревке и скрылся во мраке.

— Он вернется, — сказал Сайрес Смит.

— Вот так штука, мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф. — Что это значит? Как же так? Выходит, бутылку с запиской бросил не Айртон? Кто же ее бросил?

Вопрос этот напрашивался сам собой.

— Айртон и бросил записку, — заметил Наб, — только в ту пору он уже ничего не соображал.

— Да, — подхватил Герберт, — он не сознавал, что делает.

— Другого объяснения не найти, друзья мои, — тотчас же согласился Сайрес Смит, — понятно также, почему Айртон знал точные координаты острова Табор — он узнал их еще до того, как его высадили на остров.

— Выходит, что он написал записку до того, как помешался, — заметил Пенкроф, — значит, бросил бутылку в море лет этак семь-восемь назад, отчего же записка так хорошо сохранилась?

— Это доказывает, — ответил Сайрес Смит, — что Айртон потерял рассудок не так давно, как ему кажется.

— Очевидно, так оно и есть, — согласился Пенкроф, иначе тут ничего не поймешь.

— Вы правы, — подтвердил инженер, не желая продолжать разговор на эту тему.

— Как вы думаете, Айртон рассказал нам всю правду? — допытывался моряк.

— Разумеется, — ответил журналист. — Все это — суцая правда. Я отлично помню, что в газетах печатали сообщение о спасательной экспедиции Гленарвана и об ее успешном завершении.

— Айртон рассказал нам правду, сомневаться нечего, Пенкроф, — добавил Сайрес Смит, — и правду жестокую. Люди, избличая себя, всегда говорят правду!

На другой день, 21 декабря, колонисты обошли берег, затем поднялись на плато, но нигде не нашли Айртон. Он еще ночью ушел в кораль, и колонисты решили не мешать ему. Они надеялись, что время сделает то, чего не сделало их дружеское участие.

Герберт, Пенкроф и Наб принялись за свою каждодневную работу. А Сайрес Смит и журналист встретились в мастерской, в Трущобах.

— Послушайте, дорогой Сайрес, — начал разговор Геден Спилет, — ваше вчерашнее объяснение меня отнюдь не удовлетворило. Быть не может, чтобы Айртон позабыл о записке, которую сам же написал и, вложив в бутылку, бросил в море.

— Следовательно, дорогой Спилет, бросил бутылку не он.

— Значит, вы предполагаете...

— Ничего не предполагаю, ничего не знаю, — возразил Сайрес Смит, прерывая журналиста. — Просто

причисляю этот случай ко всем тем загадкам, которые до сих пор не могу объяснить.

— Да, вы правы, Сайрес, все это непостижимо, — согласился Гедеон Спилет. — И то, как вы спаслись, и ящик, выброшенный на берег, и поведение Топа, и, наконец, эта бутылка... Да разгадаем ли мы когда-нибудь все эти загадки?

— Разгадаем! — не задумываясь, ответил инженер. — Весь остров перерою, а тайну разгадаю.

— Быть может, нам на помощь придет случай?

— Случай! Что вы, Спилет! Не верю я в случай, как не верю во всякие таинственные силы. Нет в мире следствий без причин, и я найду причину всех этих необъяснимых явлений. А пока будем работать и наблюдать.

Наступил январь. Начался новый, 1867 год. Как всегда летом, у колонистов было много работы. Однажды Герберт и Гедеон Спилет посетили кораль и убедились, что Айртон живет в домике, который был для него выстроен. Он заботливо ухаживал за большим стадом и избавил колонистов от лишних трудов: они уже не навещали кораль каждые два-три дня. Однако, чтобы не оставлять Айртона подолгу в одиночестве, они все же довольно часто навещали своего нового друга.

Кроме того, за этой частью острова, которая внушала кое-какие подозрения инженеру и Гедеону Спилету, следовало наблюдать, и случись там что-нибудь, Айртон непременно сообщил бы о всех новостях жителям Гранитного дворца.

А вдруг ему понадобилось бы немедленно уведомить о чем-нибудь инженера? Ведь там, даже не говоря обо всем, что было связано с тайной острова Линкольна, могло приключиться немало всяких событий, требующих немедленного вмешательства колонистов: появится судно, произойдет кораблекрушение, высадутся пираты и так далее.

Поэтому Сайрес Смит решил установить прямую связь между коралем и Гранитным дворцом.

Десятого января он рассказал товарищам о своем замысле.

— Да что же вы думаете сделать, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф. — Уж не провести ли телеграф?

— Вот именно, — ответил инженер.

— Электрический? — вскрикнул Герберт.

— Электрический, — подтвердил Сайрес Смит. — У нас есть все необходимое для устройства батарей, труднее будет изготовить железную проволоку, но думаю, что с помощью волочицни мы и с этим справимся.

— Ну, знаете, — заявил моряк, — я не удивлюсь, если в один прекрасный день мы будем разъезжать по острову в поезде!

И вот колонисты взялись за работу, начав с самого трудного, то есть с выделки проволоки, ибо они понимали, что если в этом деле их постигнет неудача, то незачем будет изготавливать батареи и все прочее.

Как известно, железо на острове Линкольна отличалось превосходным качеством, и, следовательно, из него можно было сделать проволоку. Сайрес Смит прежде всего приступил к изготовлению волочицни — стальной доски с отверстиями конусообразной формы и различного диаметра: через них последовательно пропускают проволоку, доводя ее до нужной толщины. Закалив доску волочицни «до отказа», как говорят сталевары, он закрепил ее на подставке, врытой в землю в нескольких шагах от большого водопада; инженер снова решил воспользоваться движущей силой этого водопада.

Там же стояла сукновальня, в ту пору бездействующая с помощью ее вала, приведенного в движение

потоком воды, можно было протягивать проволоку, которая на него наматывалась.

Дело было сложное и хлопотливое. Колонисты вставляли длинные, тонкие железные прутья, заостренные с одного конца напильником, в самое большое отверстие волочильни, а вращающийся вал сукновальни, на который наматывалось двадцать пять — тридцать футов проволоки, вытягивал ее, затем проволока разматывалась, и ее пропускали в отверстия поменьше. В конце концов изготовили куски проволоки длиной от сорока до пятидесяти футов; соединив их, получили провод длиной в пять миль — как раз такое расстояние и отделяло кораль от Гранитного дворца.

Всю эту работу завершили за несколько дней; как только установили волочильню, Сайрес Смит поручил ее товарищам, а сам занялся батареей.

Он собирался изготовить батарею постоянного тока. Как известно, в современных батареях элементы состоят из искусственного графита, цинка и меди. Меди у инженера не было, — несмотря на все поиски, он не обнаружил даже признаков ее на острове Линкольна; пришлось обойтись без этого металла. Искусственный графит получается на газовых заводах после того, как из каменного угля в ретортах выделится весь водород. Наши колонисты могли бы добыть такой графит, но для этого пришлось бы установить специальные приборы — задача слишком сложная.

Зато цинк у них был. Как помнят читатели, в ящик, найденный на мысе Находки, был вложен второй, цинковый, и лучшего применения для этого цинка нельзя было и придумать.

Итак, после зрелых размышлений Сайрес Смит решил сделать самую простую батарею, наподобие той, которую в 1820 году изобрел Беккерель, ибо для этой батареи нужен один лишь цинк. Других же веществ — азотной кислоты и поташа — у инженера было сколько угодно.

Расскажем, как была устроена эта батарея, работавшая благодаря взаимодействию азотной кислоты и поташа.

Инженер изготовил несколько стеклянных банок и наполнил их азотной кислотой. Затем закупорил каждую банку пробкой, прорезал посередине отверстие и вставил в него стеклянную трубку, нижний конец которой заткнул глиняной втулкой и обмотал лоскутком ткани. Опустив в кислоту трубку этим концом, он влил в ее верхнее отверстие раствор поташа, добытого из золы некоторых растений; таким образом, пройдя сквозь глиняную втулку поташ вступал в реакцию с азотной кислотой.

Затем Сайрес Смит взял две цинковые пластинки погрузил одну в азотную кислоту, а другую — в раствор поташа. И тотчас же возник электрический ток; он побежал по проволоке от отрицательного полюса — от пластинки, погруженной в азотную кислоту, к положительному полюсу — к пластинке, погруженной в раствор поташа. Итак, теперь надо было соединить все эти банки, чтобы получить целую батарею, ток которой привел бы в действие электрический телеграф.

Остроумное и простое изобретение помогло Сайрес Смицу установить телеграфную связь между Гранитным дворцом и коралем.

Шестого февраля колонисты начали ставить вдоль всей дороги, ведущей в кораль, столбы со стеклянными изоляторами и натягивать провод. Через несколько дней все было готово, надо было только пустить ток, он побежал бы по проводу со скоростью ста тысяч километров секунду; добавим, что земля должна была служить тем проводником, по которому ток возвращался к отправной точке.

Изготовили две батареи: одну — для Гранитного дворца, другую — для коралья, чтобы установить между ними двустороннюю телеграфную связь.

Приемный и передаточный аппараты были очень просты. На обеих станциях провод был намотан на электромагнит, то есть брусок мягкого железа. В цепь включался ток; он шел по проводу от

положительного полюса к электромагниту, временно намагничивал его и возвращался через землю к отрицательному полюсу. Стоило току прекратиться, как электромагнит размагничивался. Возле электромагнита поместили пластинку из мягкого железа, которая притягивалась к нему, когда проходил ток, и возвращалась в исходное положение, как только ток прерывался. Сайрес Смит использовал движение пластинки для перемещения стрелки, которая всякий раз останавливалась против нужной буквы алфавита, нанесенного на циферблате. Таким образом, инженер установил телеграфное сообщение между Гранитным дворцом и коралем.

Все было окончательно готово 12 февраля. В этот день Сайрес Смит включил ток и запросил Айртона, все ли у него благополучно, а через несколько секунд получил положительный ответ.

Изобретение доставляло огромное удовольствие Пенкрофу; он утром и вечером посылал телеграммы Айртону и никогда не оставался без ответа.

Два преимущества телеграфной связи сразу же дали о себе знать: во-первых, всегда можно было убедиться, дома ли Айртон, а во-вторых, он не был теперь так одинок, как прежде. Впрочем, не проходило недели, чтобы Сайрес Смит не навестил его, а иногда и сам Айртон являлся в Гранитный дворец, где его всегда радушно встречали.

Лето прошло в обычных трудах. Запасы колонистов с каждым днем увеличивались, овощи и злаки были у них в изобилии; растения, вывезенные с острова Табор, принялись превосходно. Плато Кругозора радовало колонистов. Они в четвертый раз сняли отличный урожай пшеницы, и теперь никому и в голову не пришло удостовериться, действительно ли собрано четыреста миллиардов зерен! Впрочем, Пенкроф совсем было собрался пересчитать зерна, но тотчас же отказался от своего намерения, ибо Сайрес Смит втолковал почтенному моряку, что на эту затею ушло бы около пяти с половиной тысяч лет, даже если бы удалось отсчитывать по триста зерен в минуту или по девяти тысяч зерен в час.

Погода стояла великолепная: днем бывало очень жарко, зато к вечеру зной спадал, дул свежий морской ветерок, и обитатели Гранитного дворца наслаждались ночной прохладой. Несколько раз над островом Линкольна разражались непродолжительные, но необычайно сильные грозы. В небе подолгу сверкали молнии, а раскатам грома, казалось, не будет конца.

В ту пору хозяйство маленькой колонии достигло небывалого расцвета. Теперь колонисты питались домашней птицей, ибо ее развелось так много, что они решили сократить число пернатых обитателей. Свиньи опоросились, поэтому Набу и Пенкрофу приходилось много с ними возиться. Гедеон Спилет и Герберт, ставший под руководством журналиста превосходным наездником, нередко катались верхом на онаграх, которые тоже принесли потомство — двух прехорошеньких ослят. Иногда же онагров запрягали в тележку и привозили в Гранитный дворец дрова, каменный уголь, различные материалы, необходимые инженеру.

Поселенцы часто отправлялись на разведку в дебри лесов Дальнего Запада. Их не страшила невероятная жара, ибо солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву, шатром раскинувшуюся над ними. Так обошли они весь левый берег реки Благодарения до дороги, соединявшей кораль с устьем Водопадной речки.

Отправляясь в поход, исследователи брали с собой оружие, ибо им нередко попадались свирепые кабаны, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

Этим же летом колонисты пошли войной на ягуаров. Гедеон Спилет ненавидел их лютой ненавистью, и Герберт разделял его чувства. Оба были превосходно вооружены и ничуть не боялись страшных хищников. Все восхищались отвагой Герберта и хладнокровием журналиста. Штук двадцать великолепных шкур уже украшало большой зал Гранитного дворца, и если бы погода позволила, охотники достигли бы

своей цели и истребили всех ягуаров на острове.

Иногда инженер отправлялся на разведку неисследованных частей острова, осматривая местность с особым вниманием. Он, очевидно, искал чьи-то следы в непроходимых лесных чащах, однако ни разу не заметил ничего подозрительного. Топ и Юп, которых он брал с собой, вели себя спокойно, а между тем дома собака часто с лаем бегала вокруг колодца, который не так давно тщетно исследовал инженер.

В те дни Гедеон Спилет и его помощник Герберт воспользовались найденным в ящике фотографическим аппаратом, который до сих пор лежал без применения, и сделали множество снимков в самых живописных уголках острова.

Кроме аппарата с сильным объективом, нашлось все, что необходимо фотографу. В их распоряжении был коллодий для обработки пластинок, азотнокислое серебро, делающее пластинки светочувствительными, гипосульфит для фиксажа, хлористый аммоний, в котором вымачивается бумага для позитивов, уксуснокислый натрий и хлористое золото, в котором ее пропитывают. В ящике нашлась и бумага, уже пропитанная хлором; прежде чем наложить ее на негатив, надо было сделать только одно: окунуть на несколько минут в раствор азотнокислого серебра.

Вскоре журналист и его помощник стали искусными фотографами; у них получались удачные видовые снимки — панорама острова с горой Франклина на горизонте, снятая с плато Кругозора, устье реки Благодарения, живописно обрамленное высокими скалами, лесная опушка и кораль, прилепившийся к отрогам горы, причудливые очертания мыса Коготь и мыса Находки.

Фотографы не забыли запечатлеть на снимках и всех обитателей острова без исключения.

— Мы множимся, — шутил Пенкроф.

Моряк был в восторге от собственного портрета, украшавшего вместе с другими снимками стены Гранитного дворца; он рассматривал с удовольствием и подолгу эту выставку, точно перед ним была витрина роскошного магазина на Бродвее.

Откровенно говоря, удачнее всего получился дядюшка Юп. Он позировал фотографу с неопишуемой важностью и вышел на снимке как живой!

— Будто сейчас скорчит гримасу, — посмеивался моряк.

Характер у Юпа был норовистый, он бы вспылал, не придишь портрет ему по вкусу; но снимок был так хорош, что он созерцал его с умиленным и самодовольным видом.

В марте стало прохладнее. Порой выпадали дожди, но воздух по-прежнему был теплый. В этом году март — а он соответствует сентябрю в Северном полушарии — оказался дождливее и холоднее, чем ждали. Быть может, это предвещало раннюю и суровую зиму.

Как-то утром, дело было 21 марта, всем даже показалось, что выпал первый снег. Встав рано поутру, Герберт подошел к окошку и вдруг крикнул:

— Смотрите, весь островок Спасения в снегу!

— Рановато идти снегу, — заметил журналист, выглянув в окно.

К ним подбежали друзья — все убедились, что не только островок, но и берег у подножия Гранитного дворца покрыт ровной белой пеленой.

— Самый настоящий снег! — заявил Пенкроф.

— Или что-то вроде него, — отозвался Наб.

— По ведь термометр показывает пятьдесят восемь градусов (14° выше нуля по стоградусному

термометру)! — заметил Гедеон Спилет.

Сайрес Смит смотрел на белую пелену молча, ибо не знал, чем объяснить, что снег выпал в такое время года и при такой теплой погоде.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Все наши насаждения вымерзнут!

Моряк уже собрался спуститься вниз, но непоседа Юп опередил его.

Не успел орангутанг ступить на землю, как толстый пласт снега взвился вверх и рассыпался в воздухе бесчисленными хлопьями, на мгновение заслонив солнце.

— Птицы! — крикнул Герберт.

Действительно, то были стаи морских птиц с ослепительно белым оперением. Сотни тысяч птиц опустились на островок и на побережье, а теперь, взмыв в небо, исчезли вдали, на глазах у изумленных колонистов, перед которыми, точно на сцене, зима неожиданно сменилась летом. К сожалению, все произошло так внезапно, что Гедеону Спилету и Герберту не удалось подстрелить ни одной птицы. Так друзья и не узнали, к какой породе принадлежат эти пернатые и как они называются.

Спустя несколько дней, 26 марта, исполнилось два года с тех пор, как аэронавты, потерпевшие крушение, попали на остров Линкольна!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Воспоминания о родине. — Надежды. — Планы исследования побережья. — 16 апреля — день отплытия. — Вид с моря на полуостров Извилистый. — Базальтовые скалы на западном берегу. — Непогода. — Наступление ночи. — Еще одна загадка.

Прошло целых два года! Два года колонисты жили вдали от людей! Они не ведали о том, что творится в цивилизованном мире, и, попав на остров, затерянный среди океана, словно очутились на крошечном астероиде Солнечной системы.

Что сейчас происходит у них на родине? Их неотступно преследовала мысль о родной стране, стране, которую раздирала гражданская война в тот час, когда они ее покидали, — может быть, мятеж южан заливаает ее потоками крови! Мысль эта наполняла их тревогой, и они часто беседовали о родине, не сомневаясь, однако, что правое дело северян восторжествует во славу Соединенных Штатов.

За эти два года ни один корабль не прошел в виду острова, ни один парус не появился на горизонте. Очевидно, остров Линкольна находился в стороне от морских путей и о нем никто не знал, о чем свидетельствовали также и карты. Иначе источники пресной воды, бесспорно, привлекали бы сюда корабли, хоть на острове и не было удобной бухты.

Безбрежное море, расстилавшееся вокруг, было всегда пустынно, и колонисты знали, что никто не поможет им вернуться на родину, что надо рассчитывать только на самих себя. И все же у них была единственная возможность спастись, о ней колонисты и говорили как-то в начале апреля, собравшись в зале Гранитного дворца.

Речь зашла об Америке, о родной стране, которую они почти не надеялись увидеть снова.

— Право же, у нас только одна возможность покинуть остров Линкольна, — сказал Гедеон Спилет, — надо построить корабль, чтобы пройти по морю несколько сот миль. Раз нам удалось построить бот, построим и корабль.

— И доберемся до островов Туамоту, раз добрались до острова Табор, — подхватил Герберт.

— Я не против этого, — ответил Пенкроф, обладавший решающим голосом во всех вопросах, касавшихся мореплавания, — не против, хотя одно дело — проплыть большое расстояние, а другое — проплыть маленькое! Когда мы плыли на остров Табор, ветер играл нашим ботом, как щепкой, но мы знали, что берег недалек, а тысяча двести миль — не малый путь: ведь до ближайшей земли не меньше!

— Неужели, Пенкроф, вы не отважитесь? — спросил журналист.

— Я-то на все готов, мистер Спилет, — ответил моряк, — сами знаете, перед опасностью я не отступаю!

— Заметь-ка, Пенкроф, ведь у нас завелся еще один моряк, — вставил Наб.

— Кто же? — удивился Пенкроф.

— Айртон.

— Верно, — подтвердил Герберт.

— Если только он захочет отправиться с нами! — сказал Пенкроф.

— Что вы, Пенкроф! — воскликнул журналист. — уж не думаете ли вы, что если бы яхта Гленарвана пристала к острову Табор в те дни, когда Айртон жил там, он отказался бы уехать?

— Вы забываете, друзья, — заметил Сайрес Смит, — что разум у Айртона помутился только за последние годы. Но дело не в этом. Надо решить, можно ли рассчитывать, что шотландский корабль вернется за Айртоном? Ведь Гленарван обещал возвратиться на остров Табор, когда сочтет, что Айртон испустил свою вину, и я уверен, он сдержит свое слово.

— Несомненно, — сказал журналист, — и приедет скоро, ибо Айртон в изгнании уже двенадцать лет!

— Да и я согласен с вами, — сказал Пенкроф, — лорд Гленарван вернется, и ждать его недолго. Но где, по-вашему, пристанет его яхта? Конечно, к острову Табор, а не к острову Линкольна.

— Совершенно верно, — вмешался в разговор Герберт, — тем более что остров Линкольна даже не нанесен на карту.

— Поэтому-то, друзья мои, — продолжал инженер, — надо принять меры и известить того, кто приплывет к острову Табор, что Айртон и мы сами находимся на острове Линкольна.

— Что верно, то верно, — сказал журналист, — по-моему, проще всего оставить в хижине, где жил капитан Грант, а затем Айртон, записку с точными координатами нашего острова, да положить так, чтобы она бросилась в глаза Гленарвану или его спутникам.

— До чего же досадно, — воскликнул моряк, — что мы не сообразили сделать это, когда были на острове Табор!

— Нам это и в голову не пришло! — заметил Герберт. — Ведь мы не знали о прошлом Айртона, не знали, что за ним обещали приехать; все стало известно только осенью, но тогда из-за ненастья нельзя было возвратиться на остров Табор.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит, — тогда было уже поздно, теперь придется ждать до весны.

— А что, если шотландская яхта явится именно теперь? — спросил Пенкроф.

— Вряд ли, — ответил инженер, — зимой Гленарван не пустится в дальнейшее плавание. Но, может статься за те пять месяцев, что Айртон живет здесь, Гленарван побывал на острове Табор, если же нет, то нам еще долго его ждать, и мы не опоздаем; в октябре, когда наступит хорошая погода, отправимся на остров Табор и оставим там записку.

— Не повезло нам, — заметил Наб, — если яхта «Дункан» уже побывала в этих морях.

— Надеюсь, что нет, — отозвался Сайрес Смит, — провидение не лишит нас возможности попасть на родину!

— Во всяком случае, — заметил журналист, — если яхта и подплывала к острову Табор, мы это заметим, когда будем там; на месте и решим, как поступать.

— Совершенно верно, — ответил инженер. — Итак, друзья, запасемся терпением и будем надеяться, что на яхте вернемся к родным берегам; а если надежда нас обманет, тогда подумаем, как быть.

— И уж конечно, — добавил Пенкроф, — мы покинем остров Линкольна не потому, что нам здесь плохо!

— Разумеется, Пенкроф, — отозвался инженер, — покинем потому, что оторваны от всего, что дорого человеку — от семьи, друзей и отчизны!

Приняв такое решение, колонисты больше не заводили разговор о постройке большого корабля, о дальнем плавании на север, к архипелагам, или на запад к берегам Новой Зеландии, и приступили к повседневным делам, готовясь к третьей зимовке в Гранитном дворце.

Правда, до наступления ненастных дней колонисты решили обойти на боте вокруг острова. Они еще

как следует не обследовали побережье, и у них было весьма туманное представление о его северной и западной частях, лежавших между устьем Водопадной речки и мысом Челюсть, а также об узком заливе, похожем на разверстую пасть акулы.

Это был замысел Пенкрофа, и Сайрес Смит, которому хотелось осмотреть свои владения, вполне одобрил его.

Погода стояла неустойчивая, но барометр не делал резких скачков, поэтому колонисты рассчитывали, что атмосферные условия будут благоприятствовать плаванию. В начале апреля стрелка барометра пошла вниз, пять-шесть дней дул сильный западный ветер, а потом она пошла на «ясно» и замерла на уровне 29,9 дюйма (759,45 миллиметра); колонисты сочли, что пришло время пуститься в путь.

Решили отплыть 16 апреля, и «Бонадвентур», стоявший на якоре в порту Воздушного шара, был снаряжен для путешествия, которое могло затянуться.

Сайрес Смит предупредил Айртона о предполагаемой экспедиции и предложил принять в ней участие, но Айртон отказался, и они условились, что до возвращения колонистов он будет жить в Гранитном дворце. Вместе с ним должен был остаться и дядюшка Юп, который отнесся к решению вполне благосклонно.

Утром 16 апреля колонисты в сопровождении Топа пустились в путь. Дул сильный юго-западный ветер, и «Бонадвентур», выйдя из порта Воздушного шара, лавировал, держа курс на Змеиный мыс. Окружность острова равнялась девяноста милям, а южная часть побережья, от гавани до мыса, — двадцати милям. Все эти двадцать миль колонисты плыли против ветра.

Прошел почти весь день, пока бот достиг мыса, ибо через два часа после его отплытия кончился отлив, и «Бонадвентуру» пришлось шесть часов подряд бороться с приливом. Только с наступлением ночи он обогнул мыс.

Тут Пенкроф, взяв два рифа на парусах, предложил инженеру продолжать путь с небольшой скоростью. Но Сайрес Смит предпочел стать на якорь в нескольких кабельтовых от острова, чтобы днем осмотреть берег. Условились плыть только днем, чтобы получше исследовать побережье, а с наступлением сумерек бросить якорь поближе к земле.

Итак, бот простоял на якоре у мыса всю ночь; ветер улегся, клубился туман, и было очень тихо. Мореплаватели, кроме Пенкрофа, уснули, хотя и не таким крепким сном, как у себя дома.

Семнадцатого апреля Пенкроф с восходом солнца снялся с якоря и пошел левым галсом полным бакштагом, держась вблизи западного берега.

Колонистам уже был знаком живописный берег, поросший лесом, по опушке которого они как-то шли пешком, однако они восторгались ландшафтом и на этот раз. Чтобы получше все рассмотреть, плыли, стараясь держаться поближе к суше, осторожно обходя стволы деревьев, носившиеся по волнам. Несколько раз даже бросали якорь, и Гедеон Спилет фотографировал прекрасные пейзажи.

Около полудня «Бонадвентур» подошел к устью Водопадной речки. Вдоль ее правого берега тянулся негустой лес, а подальше, в трех милях отсюда, виднелись лишь редкие рожицы, разбросанные между западными отрогами бесплодного кряжа, спускавшегося к самому морю.

Как отличались друг от друга южная и северная части побережья! С одной стороны — яркая зелень лесов, с другой — дикие, бесплодные скалы! Южный берег можно было бы назвать «железным берегом» — так в иных краях именуют подобные места; вздыбленные скалы, казалось, свидетельствовали о том, что здесь в одну из геологических эпох произошла внезапная кристаллизация кипящей лавы. Колонисты ужаснулись бы при виде страшного нагромождения глыб, если бы случай забросил их сюда в час

крушения! Оглядывая окрестности с вершины горы Франклина, они не представляли себе, как зловещ и мрачен этот берег, ибо смотрели на него с большой высоты, а сейчас он предстал перед ними во всей своей неповторимой самобытности; быть может, нигде на свете нельзя было лицезреть подобного ландшафта.

«Бонадвентур» прошел в полумиле от берега. На таком расстоянии нетрудно было увидеть, что побережье завалено глыбами высотой от двадцати до трехсот футов и самых причудливых очертаний: глыбы цилиндрической формы напоминали башни, призматической — колокольни, пирамидальной — обелиски, конической — фабричные трубы. Даже хаотическое нагромождение торосов в ледовитых морях не являло бы собою такого величественного и страшного зрелища. То чудилось, будто видишь мостики, переброшенные со скалы на скалу, то — арки, подобные вратам храма, в глубине которого терялся взгляд; подальше — обширные пещеры с монументальными сводами; а рядом — лес шпилей, пирамидальных башенок, шпичев, каких не найти ни в одном готическом соборе. Творения природы, более разнообразные и причудливые, нежели произведения, созданные воображением человека, придавали нечто величественное этому берегу, тянувшемуся на восемь-девять миль.

Сайрес Смит и его спутники, застыв от изумления, смотрели на побережье. Зато Топ без стеснения нарушал тишину и громко лаял, пробуждая в базальтовых скалах многоголосое эхо. Лай этот показался странным инженеру — именно так лаял пес, бегая вокруг отверстия колодца — в Гранитном дворце.

— Причалим, — распорядился Сайрес Смит.

И «Бонадвентур» почти вплотную подошел к скалистому берегу. Быть может, там обнаружится какой-нибудь грот, который следовало бы обследовать? Но Сайрес Смит ничего не обнаружил — ни пещеры, ни углубления, негде было притаиться живому существу, ибо волны в прибой заливали подножия скал. Вскоре Топ умолк, и судно поплыло дальше, по-прежнему в нескольких кабельтовых от берега.

Северо-западная часть побережья была пологой и песчаной; кое-где над болотистой низиной, уже знакомой колонистам, торчали одинокие деревья; водяные птицы оживляли пейзаж, представлявший разительный контраст с пустынным берегом, оставшимся позади.

Вскоре «Бонадвентур» бросил якорь у северной оконечности острова в небольшой, но такой глубокой бухточке, что удалось причалить прямо к берегу. Ночь прошла спокойно, ибо ветер, если можно так выразиться, угас с последними лучами солнца и снова ожил только с первыми проблесками зари.

Сойти на берег было нетрудно, поэтому Герберт и Гедеон Спилет, признанные лучшими охотниками колонии, с рассветом отправились в лес и через два часа вернулись со связками уток и куликов. Топ творил чудеса, и благодаря его проворству и усердию они не упустили ни одной птицы.

В восемь часов утра «Бонадвентур» поднял якорь и при попутном ветре, который заметно свежел, понесся к мысу Северная Челюсть.

— Я ничуть не удивлюсь, — вдруг сказал Пенкроф, — если с запада подует штормовой ветер. Вчера закат был багровым, а утром на небе появились «кошачьи хвосты», а они не сулят ничего хорошего.

«Кошачьими хвостами» называют длинные облака, разбросанные в зените и напоминающие легкие хлопья ваты; они не спускаются ниже пяти тысяч футов наш уровнем моря и обычно предвещают бурю.

— Ну что ж! — произнес Сайрес Смит. — Помчимся на всех парусах и поищем убежище в заливе Акулы. Думаю, что там «Бонадвентуру» не будет угрожать опасность.

— Совершенно верно, — подтвердил Пенкроф, — к тому же на северном берегу скучно — одни дюны.

— Я бы охотно провел не только ночь, но и весь завтрашний день в этом заливе, — добавил инженер, — его стоит осмотреть как следует.

— Полагаю, что нам волей-неволей придется это сделать, — ответил Пенкроф, — поглядите-ка, что творится на западе! Черным-черно!

— Во всяком случае, при попутном ветре мы успеем добраться до мыса Северная Челюсть, — заметил журналист.

— Ветер-то попутный, — отозвался моряк, — а лавировать придется, иначе в залив не войдешь, и делать это лучше засветло: ведь мы не знаем, какое там дно!

— Дно там, вероятно, усеяно рифами, — подхватил Герберт, — если судить по южной части залива Акулы.

— Вам виднее, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — мы на вас полагаемся.

— Будьте покойны, мистер Сайрес, — ответил моряк, — зря рисковать не стану! Пусть лучше меня пырнут ножом, только бы нутро «Бонадвентура» не пострадало.

«Нутром» Пенкроф называл подводную часть судна, ведь он дорожил ботом больше, чем своей жизнью.

— Который час? — спросил Пенкроф.

— Десять, — ответил Гедеон Спилет.

— А сколько миль осталось до мыса Северная Челюсть, мистер Сайрес?

— Около пятнадцати, — сказал инженер.

— Через два с половиной часа, — сказал моряк, — то есть в половине первого, мы выйдем на траверз мыса. Досадно, что прилив в эту пору схлынет и настанет отлив. Трудно, пожалуй, будет войти в бухту против течения и ветра, вот чего я боюсь.

— Тем более, — сказал Герберт, — что сегодня полнолуние и что сейчас, в апреле, будут сильные приливы и отливы.

— Как по-вашему, Пенкроф, — спросил Сайрес Смит, — нельзя ли бросить якорь у оконечности мыса?

— Бросить якорь у самого берега, когда вот-вот разразится буря! — воскликнул моряк. — Да вы что, мистер Сайрес! Захотели по своей охоте ко дну пойти?

— Как же быть?

— Постараюсь продержаться в открытом море до начала прилива, то есть до семи часов вечера, и если еще не совсем стемнеет, попытаюсь войти в залив; не удастся — ляжем в дрейф на всю ночь, а на заре я проведу бот в бухту.

— Повторяю, Пенкроф, мы полагаемся на вас, — сказал Сайрес Смит.

— Эх, — вздохнул Пенкроф, — стоял бы здесь маяк, нам плыть по морю было бы куда легче!

— Верно, — поддержал Герберт, — но сейчас на берегу нас не ждет заботливый друг, никто не разожжет костра, не укажет нам пути в бухту!

— Да, кстати, дорогой Сайрес, — обратился к инженеру Гедеон Спилет, — мы даже не поблагодарили вас, а ведь, по совести говоря, нам бы ни за что не увидеть острова, если бы не костер...

— Костер? — с удивлением переспросил Сайрес Смит.

— Речь идет о том, мистер Сайрес, что нам туго пришлось на борту «Бонадвентура», — ответил за журналиста Пенкроф, — когда мы возвращались домой. Мы наверняка прошли бы мимо острова, если бы вы не позаботились, не зажгли костра на площадке возле Гранитного дворца в ночь с девятнадцатого на

двадцатое октября.

— Да, да, конечно... — проговорил инженер, — мысль была удачная!

— А вот сейчас некому оказать нам такую услугу, разве только Айртон догадается, — добавил моряк.

— Да, некому! — подтвердил Сайрес Смит.

А несколько минут спустя, оставшись вдвоем с журналистом на носу судна, инженер тихо сказал:

— Знаю лишь одно, Спилет, что в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября я не зажигал костра на площадке возле Гранитного дворца, да и нигде в ином месте!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ночь в море. — Залив Акулы. — Признание. — Подготовка к зиме. — Ранняя зима. — Холода. — Колонисты работают дома. — Полгода спустя. — Фотографический снимок. — Неожиданность.

Все произошло именно так, как предвидел Пенкроф, — чутье не обмануло его. Ветер все свежел и, разразившись бурей, достиг скорости сорока — сорока пяти миль в час;^[117] парусники, застигнутые таким ветром в открытом море, обычно спешат взять рифы и убрать брамсея. Было около шести часов вечера, когда «Бонадвентур» пришел на траверз залива Акулы, но начался отлив, и судну не удалось войти в бухту. Капитан Пенкроф, вынужденный держаться в открытом море, при всем желании не мог бы добраться даже до устья реки Благодарения. Итак, зарифив грот и поставив кливер, он выжидал, повернув бот носом к суше.

К счастью, несмотря на бешеные порывы ветра, море, защищенное берегом, разбушевалось не очень сильно. Нечего было опасаться валов, удары которых губельны для маленьких суденышек. Да и «Бонадвентур», вероятно, не перевернулся бы, ибо был нагружен балластом по всем правилам, но огромные валы обрушивались на палубу и могли разбить судно. Пенкроф — опытный моряк — приготовился к бою. Он безгранично верил в достоинства своего бота, но все же ждал утра с некоторым беспокойством.

За всю ночь Сайресу Смит и Гедеону Спилету ни разу не удалось остаться с глазу на глаз, а между тем, судя по словам, которые инженер шепнул журналисту, следовало поговорить о новом проявлении таинственной силы, по-видимому управляющей островом Линкольна. Гедеона Спилета неотступно преследовала мысль о новой загадке — о костре, горевшем на взморье. Ведь не приснился же ему костер! Герберт и Пенкроф тоже его видели! Костер помог им в непроглядной тьме определить положение острова; они не сомневались, что его разжег инженер, а теперь, извольте-ка видеть, Сайрес Смит решительно утверждает, что он тут ни при чем!

Журналист дал себе слово обсудить все это с инженером, как только они вернутся домой, и убедить Сайреса Смита, что в тайну необходимо посвятить всех. Быть может, надо сообща исследовать остров Линкольна!

Как бы то ни было, но в эту ночь огонь не появился на побережье у входа в неисследованный залив, и бот до утра дрейфовал в открытом море.

Когда на востоке появились первые проблески зари, ветер чуть утих и переменил направление на два румба, что позволило Пенкрофу без труда провести бот по узкому проливу. Часов в семь утра «Бонадвентур», обогнув мыс Северная Челюсть, осторожно миновал пролив и вошел в бухту, обрамленную глыбами застывшей лавы самых причудливых очертаний.

— Отменный рейд, тут мог бы разместиться целый флот! — воскликнул Пенкроф.

— Примечательнее всего здесь то, — заметил Сайрес Смит, — что берега залива образованы двумя потоками вулканической лавы, очевидно, с каждым извержением ее накапливалось все больше. Поэтому залив превосходно защищен: должно быть, даже во время шторма море тут спокойно, словно озеро.

— Верно, — ответил моряк, — ветер может ворваться сюда только через узкую горловину между двумя мысами, к тому же северный мыс прикрывает южный, так что, шквалам сюда вторгнуться трудновато. Ей-богу, наш «Бонадвентур» мог бы тут целый год спокойно простоять на якорях.

— Залив для него великоват! — заметил журналист.

— Ваша правда, мистер Спилет, — сказал моряк, — для «Бонадвентура» он великоват; но я думаю, что если флоту Соединенных Штатов понадобится надежное убежище в Тихом океане, то лучшего и не найти!

— Мы будто попали в пасть акулы, — заметил Наб, — намекая на очертания залива.

— В самую пасть, старина Наб! — отозвался Герберт. — Нечего бояться — акула нас не проглотит.

— Да я, Герберт, и не боюсь, — ответил Наб, — но все же залив мне не по душе. Очень уж тут мрачно!

— Что же ты, Наб, делаешь, — воскликнул Пенкроф, — порочишь мой залив, а я ведь собрался было преподнести его в дар Америке!

— Как вы думаете, глубоко ли здесь? — осведомился инженер. — Ведь то, что подходит нашему «Бонадвентуру», пожалуй, не подойдет бронированным судам.

— Проверить нетрудно, — ответил Пенкроф.

И моряк бросил в воду самодельный лот — длинный линь с железным грузилом. Этот линь, а в нем было около пятидесяти морских саженей, размотался до конца, но лот дна не коснулся.

— Ну, наши бронированные суда войти могут, на мель не сядут, — заметил Пенкроф.

— Действительно, — согласился Сайрес Смит, — тут настоящая пучина; но ведь остров вулканического происхождения, и потому нет ничего удивительного, что в морском дне попадают такие глубокие впадины.

— Берега залива возвышаются словно отвесные скалы, — заметил Герберт, — я думаю, Пенкроф не достал бы дна, брось он у их подножия веревку в пять-шесть раз длиннее.

— Все это хорошо, — сказал журналист, — но, по-моему, вашему порту, Пенкроф, кое-чего недостает.

— Чего именно, мистер Спилет?

— Выступа, выемки, чтобы выбраться на берег; стена такая гладкая, что по ней и не вскарабкаешься.

И действительно, к высоким, крутым стенам из лавы, окружающим залив, нельзя было подступиться. Словно то были неприступные валы бастиона или берега норвежских фиордов, но еще суровее. «Бонадвентур» шел вдоль стен, чуть ли не касаясь их, но путешественники не обнаружили ни единого выступа, который помог бы им сойти на берег.

Пенкроф утешался тем, что в случае надобности можно будет миной подорвать стену; потом, решив, что в заливе делать больше нечего, направил бот к выходу из бухты и около двух часов пополудни очутился в открытом море.

— Уф! Наконец-то! — воскликнул Наб и вздохнул полной грудью.

Очевидно, нашему славному негру было не по себе в огромной акульей пасти!

От мыса Челюсть до устья реки Благодарения насчитывалось не более восьми миль. Распустив паруса, «Бонадвентур» взял курс на Гранитный дворец и поплыл, Держась на расстоянии мили от берега. Громады скал из застывшей лавы вскоре сменились живописными дюнами, где некогда чудом спасся инженер. Там сотнями водились морские птицы.

Около четырех часов пополудни бот обогнул слева островок Спасения, вошел в пролив, отделяющий островок от побережья, а в пять часов якорь «Бонадвентура» вонзился в песчаное дно устья реки Благодарения.

Трое суток колонисты не были дома. Айртон ждал их на берегу, а дядюшка Юп радостно бросился им

навстречу, посапывая от удовольствия.

Итак, друзья закончили полное обследование побережья, не обнаружив ничего подозрительного. Если на острове и жило некое таинственное существо, то оно, вероятно, пряталось в чаще непроходимых и еще не исследованных лесов, на полуострове Извилистом.

Обсудив все эти вопросы, Гедеон Спилет и инженер решили, что следует указать друзьям на все те странные происшествия, которые случились на острове, особенно на последнее, самое необъяснимое.

Когда они заговорили о костре, зажженном кем-то на берегу, Сайрес Смит не мог удержаться, чтобы в двадцатый раз не переспросить журналиста:

— Да не ошиблись ли вы? Не приняли ли вы за костер сноп огня, вырвавшегося из кратера вулкана, или падающий метеор?

— Нет, Сайрес, — ответил журналист, — это был костер, зажженный человеком. Впрочем, спросите Пенкрофа и Герберта. Они тоже видели его и подтвердят мои слова.

И вот несколько дней спустя, вечером 25 апреля, когда все колонисты собрались на плато Кругозора, Сайрес Смит обратился к ним с такими словами:

— Друзья мои! Считаю своим долгом указать вам на некоторые странные явления, и мне хотелось бы знать ваше мнение о них. Эти, я бы сказал, сверхъестественные явления...

— Сверхъестественные! — воскликнул моряк, дымя трубкой. — Стало быть, наш остров можно назвать сверхъестественным?

— Нет, Пенкроф, но безусловно — таинственным, ответил инженер, — хотя, может быть, вам и удастся объяснить то, чего мы со Спилетом до сих пор не в силах понять.

— Расскажите же, в чем тут дело, мистер Сайрес, — попросил моряк.

— Так вот! Можете ли вы понять, — продолжал Сайрес, — как я, чуть было не утонув в море, очутился в четверти мили от берега, причем я понятия не имею, как добрался до пещеры.

— Вероятно, в беспамятстве... — заметил Пенкроф.

— Это немыслимо, — возразил инженер. — Далее. Можете ли вы понять, каким образом Топ разыскал ваше убежище, — ведь оно находится в пяти милях от той пещеры, где я лежал!

— Ему помог инстинкт... — сказал Герберт.

— При чем тут инстинкт? — перебил его журналист. — В ту ночь лил дождь и бушевал ветер, а Топ явился в Трущобы сухим и чистым.

— Далее, — продолжал инженер. — Можете ли вы понять, что за непостижимая сила выбросила из воды нашего пса после схватки с дюгоном?

— Нет, признаюсь, не могу, — сказал Пенкроф, — как и не могу понять, кто вспорол брюхо дюгону, ведь рана была ножевая...

— Далее, — продолжал Сайрес Смит. — Можете ли вы, друзья, понять, каким чудом угодила дробинка в тело пекари, каким образом море выбросило, на наше счастье, ящик с необходимыми вещами, хотя мы и не обнаружили следов кораблекрушения; по чьей воле бутылка с запиской попала к нам в руки именно в тот день, когда мы впервые пустились в плавание; почему оборвался фалинь и пирога, плывя вниз по реке Благодарения, подоспела в тот миг, когда мы в ней так нуждались; как случилось, что после нашествия обезьян лестница упала из двери Гранитного дворца, и кто, наконец, автор той записки, которую Айртон, так он, по крайней мере, утверждает, никогда не писал?

Сайрес Смит, ничего не упуская, перечислил все странные происшествия, случившиеся на острове. Герберт, Пенкроф и Наб переглядывались, не зная, что ответить, ибо впервые все эти события предстали перед ними как звенья одной цепи и несказанно поразили их.

— Ей-богу, вы правы, мистер Сайрес, — воскликнул, наконец, Пенкроф, — трудно объяснить все это!

— Так вот, друзья мои, — продолжал инженер, — добавлю еще один факт, не менее странный и непонятный.

— Какой же, мистер Сайрес? — с живостью спросил Герберт.

— Вы утверждаете, Пенкроф, — продолжал инженер, — что, возвращаясь с острова Табор, увидели костер, пылавший на берегу острова Линкольна?

— Точно так, — ответил моряк.

— И вы твердо уверены, что видели огонь?

— Разумеется.

— А ты, Герберт?

— Ах, мистер Сайрес, — воскликнул Герберт, — огонь блестел, как звезда первой величины!

— Быть может, это и была звезда? — допытывался инженер.

— Ну нет, — возразил Пенкроф. — Ведь тяжелые тучи застилали небо, да и разве звезда могла повиснуть над самым горизонтом? Мистер Спилет тоже видел костер, пусть он подтвердит наши слова!

— Должен прибавить, — заметил журналист, — что огонь горел очень ярко, напоминая сноп электрического света.

— Совершенно верно... — воскликнул Герберт, — и, без сомнения, горел на площадке у Гранитного дворца.

— Так вот, друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября ни я, ни Наб не разводили костра на берегу.

— Как, вы не... — И пораженный Пенкроф даже не закончил фразы.

— Мы не выходили из Гранитного дворца, — ответил Сайрес Смит, — и если в эту ночь на побережье горел костер, мы тут ни при чем.

Пенкроф и Герберт остолбенели от изумления. Нет, они не могли обмануться: в ночь с 19 на 20 октября они действительно видели огонь, горевший на берегу.

Да! Пришлось согласиться: все это было окружено тайной! Некая непостижимая сила, благосклонно относившаяся к колонистам, очевидно, владела островом Линкольна и вовремя приходила им на помощь. Друзья сгорали от любопытства. Уж не скрывается ли таинственное существо где-нибудь в заповедном месте? Вот что нужно было узнать, и любой ценой!

Сайрес Смит напомнил товарищам о том, как странно вели себя Топ и Юп, бегая вокруг колодца, который спускался из дома прямо к морю, и признался, что обследовал колодец, но не обнаружил ничего подозрительного. Колонисты закончили беседу, решив в первые же весенние дни обыскать весь остров.

С того вечера Пенкроф стал задумчив и озабочен. Ему все казалось, что на острове, который он до сих пор считал своей собственностью, теперь появился еще один хозяин, и что всем им волей-неволей приходится ему подчиняться. Они с Набом часто толковали о загадках острова Линкольна, а так как оба были суеверны, то в конце концов почти поверили, что остров во власти какой-то сверхъестественной

силы.

Подошел май, напоминающий ноябрь в Северном полушарии, и потянулись ненастные дни. Надвигалась ранняя суровая зима. Поэтому надо было, не откладывая, подготовиться к зимовке.

Впрочем, колонисты во всеоружии встречали и самые сильные холода. У них был немалый запас самодельной одежды, а многочисленное стадо муфлонов в избытке снабжало их шерстью, необходимой для изготовления грубой, но теплой материи.

Разумеется, Айртона тоже одели по-зимнему. Сайрес Смит предложил ему с наступлением холодов переселиться в Гранитный дворец, где было гораздо уютнее, чем в корале, и Айртон обещал перебраться, как только закончит все работы. Он сдержал слово и переселился в середине апреля. С той поры Айртон стал жить вместе со всеми колонистами; он был услужлив, держался скромно, но вид у него был печальный, и он никогда не принимал участия в развлечениях товарищей.

Почти всю зиму — третью зиму на острове Линкольна — колонисты не выходили из дома. Бушевали бури, свирепствовали ужасающие ураганы, утесы содрогались под натиском ветра. Огромные волны, казалось, вот-вот зальют остров: корабль, случайно бросивший якорь у берега, непременно разбился бы о скалы. Дважды во время шторма река Благодарения разливалась и грозила снести мосты и мостики. Колонистам даже пришлось укрепить мосты, наведенные на побережье и исчезающие под водой всякий раз, когда волны били о берег.

Разумеется, вихри с дождем и снегом, напоминавшие смерч, натворили немало бед на плато Кругозора. Особенно досталось мельнице и птичнику. Колонистам то и дело приходилось спешно чинить повреждения, спасая от гибели пернатых.

Нередко в те дни, когда разыгрывалась непогода, ягуары, бродившие парами, и стаи обезьян, подгоняемые голодом, подходили к плато; самым ловким и смелым ничего не стоило перебраться через ручей, тем более скованный льдом. Колонисты опасались, как бы от хищников не досталось огородам, полям и домашним животным, и всегда были начеку: нередко приходилось выстрелами из ружья отгонять непрошенных гостей. Конечно помимо этих забот у зимовщиков всегда находилось множество всяких дел, ибо они непрестанно занимались благоустройством своего жилища.

Иногда, даже в эти холодные дни, они отправлялись поохотиться на Утиное болото. Геден Спилет и Герберт с помощью Юпа и Топа поднимали целые тучи уток, куликов, чирков, чибисов и шилохвостей и били их без промаха. Добраться до этих мест, изобилующих дичью, было нетрудно — либо по дороге, ведущей к порту Воздушного шара через реку Благодарения, либо обогнув мыс Находки; словом, охотники удалялись от дома на две-три мили, не больше.

Так миновали четыре самых суровых зимних месяца — июнь, июль, август и сентябрь. Вообще же обитатели Гранитного дворца не очень страдали от непогоды, так же как и обитатели корала, который стоял не на таком открытом месте, как Гранитный дворец, и был с одной стороны защищен горой Франклина, а с других — лесами и высоким скалистым берегом; разбиваясь об эти преграды, шквалы теряли свою сокрушительную силу. Поэтому бури принесли коралю совсем незначительный урон, и деятельный, умелый Айртон все быстро исправил, прожив там несколько дней во второй половине октября.

Никаких таинственных происшествий зимой на острове не случилось. Ничего загадочного не произошло, хотя Пенкроф и Наб готовы были видеть нечто таинственное в каждом пустяке. Топ и Юп больше не вертелись вокруг колодца и вели себя спокойно. Цепь сверхъестественных явлений словно оборвалась, хотя обитатели Гранитного дворца вечерами часто говорили о них и не меняли решения обыскать весь остров, вплоть до самых неприступных его уголков.

Но одно важное событие, чреватое роковыми последствиями, внезапно нарушило все планы Сайреса Смита и его товарищей.

Случилось это в октябре. Приближалась весна. Живительные лучи солнца обновили природу, и на опушке леса, среди хвойных деревьев, уже зазеленели крапивные деревья, банксии, деодары.

Читатель помнит, что Гедеон Спилет и Герберт много раз фотографировали остров Линкольна.

Однажды, дело было 17 октября, около трех часов пополудни, Герберт решил воспользоваться ясной погодой и запечатлеть на фотографии всю бухту Соединения, раскинувшуюся против Гранитного дворца от мыса Челюсть до мыса Коготь.

Четко вырисовывалась линия горизонта, дул легкий ветерок, и море кое-где покрылось легкой рябью, а вдали походило на безмятежно-спокойное озеро; то тут, то там на его глади вспыхивали яркие блики.

Герберт поставил фотографический аппарат на подоконник в большом зале Гранитного дворца, откуда открывался широкий вид на берег и бухту. Сделав по всем правилам снимок, юноша пошел проявить его в темный чулан.

А когда он вернулся и при ярком свете разглядел негатив, то заметил, что на линии горизонта чернеет еле заметное пятнышко.

«Пластинка с изъяном», — подумал Герберт.

Но все же он решил рассмотреть пятнышко в увеличительное стекло, вынутое из подзорной трубы.

Юноша взглянул на снимок и вскрикнул, чуть было не выпустив его из рук.

Вбежав в комнату, где работал Сайрес Смит, он протянул ему негатив и лупу и указал на пятнышко.

Сайрес Смит всмотрелся в точку, черневшую на снимке, и, схватив подзорную трубу, бросился к окошку. Он навел трубу на подозрительное пятнышко. Рассмотрев его, он опустил руку и произнес одно лишь слово:

— Корабль!

И действительно, на горизонте вырисовывался корабль.

Часть третья

ТАЙНА ОСТРОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гибель или спасение? — Срочный вызов Айртона. — Важный спор. — Это не «Дункан». — Подозрительный корабль. — Необходимо принять меры. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь! — Наступление ночи.

Два с половиной года прошло со знаменательного дня гибели воздушного шара, а его пассажирам, выброшенным на остров Линкольна, все еще не удалось установив связи с внешним миром. Однажды журналист попытался воспользоваться для этой цели птицей и, написав несколько слов, доверил крылатой вестнице тайну их исчезновения, но вряд ли можно было рассчитывать на то, что послание попадет к людям. За эти годы только один Айртон, при уже известных читателям обстоятельствах присоединился к маленькой колонии. И вдруг неожиданно-негаданно в день 17 октября на вечно пустынной глади моря показалось судно!

Не могло быть и сомнения: в виду острова шел корабль! Но пройдет ли он мимо или приблизится к острову? Через два-три часа все выяснится.

Сайрес Смит и Герберт тотчас же позвали Спилета, Пенкрофа и Наба в большой зал Гранитного дворца и поделились с ними новостью. Схватив подзорную трубу, Пенкроф поспешно оглядел горизонт и обнаружил черную точку как раз в том месте, где на фотографической пластинке виднелось еле заметное пятнышко.

— Тысяча чертей! Да это действительно корабль! — произнес он без особого, впрочем, восторга.

— А куда он направляется? В нашу сторону? — осведомился Гедеон Спилет.

— Трудно что-либо утверждать, — ответил Пенкроф. — Пока из-за горизонта видны только мачты, а корпус еще не показался.

— Что же нам делать? — воскликнул юноша.

— Ждать, — ответил Сайрес Смит.

Несколько часов колонисты хранили молчание, отдавшись бурному потоку мыслей, чувств, страхов и надежд, порожденных этим происшествием, самым значительным со дня их прибытия на остров Линкольна.

Конечно, нельзя было сравнивать наших колонистов с теми злополучными жертвами кораблекрушения, которых море выбрасывает на бесплодный остров, где надо отвоевывать у мачехи-природы право даже на самое жалкое существование и где человека терзает неотступное желание вернуться на обитаемую землю. В первую очередь был бы огорчен разлукой со своим островом Наб, да и Пенкроф тоже, чувствовавшие себя здесь такими счастливыми и богатыми. Оба они свыклись со своим новым существованием, они жили среди своих собственных владений, которые силою человеческого разума как бы приобщились к цивилизованному миру. Но ведь корабль — это вести с материка, это, быть может, частичка родины, и вот он теперь с каждой минутой приближается к ним, на его борту находятся люди, существа им подобные, — как же было не затрепетать сердцам колонистов при виде этого судна.

Время от времени Пенкроф брал подзорную трубу и подходил к окну. Отсюда он, напрягая все свое внимание, всматривался в очертания судна, которое теперь находилось в двадцати милях к востоку от острова. Значит, нечего было и думать, что оттуда заметят сигналы. Поднять флаг? Но флаг не увидят, звуки выстрелов не услышат и не разглядят дыма костра.

Тем не менее было совершенно ясно, что остров, над которым господствовала гора Франклина, не мог ускользнуть от взора сигнальщиков, сидящих на мачте корабля. Но с какой стати судно пристанет к пустынному берегу? Разве не по чистой случайности очутилось оно в этой части Тихого океана, там, где на географических картах не указывается никаких земель, если не считать островка Табор, да и то он лежит в стороне от обычного курса, которым следуют суда дальнего плавания, направляющиеся к Полинезийским островам, к Новой Зеландии и берегам Америки?

Этот вопрос вставал перед каждым членом колонии, и ответил на него неожиданно для всех Герберт.

— А вдруг это «Дункан»? — воскликнул он.

Имя «Дункан», как помнит читатель, носила яхта лорда Гленарвана, который высадил Айртон на островке Табор и должен был рано или поздно вернуться за ним. А ведь этот островок находится довольно близко от острова Линкольна, и судно, державшее курс на остров Табор, так или иначе пройдет в виду колонистов. Оба острова разделяет всего сто пятьдесят миль по меридиану и семьдесят пять по параллели.

— Необходимо предупредить Айртон и срочно вызвать его сюда, — заметил Гедеон Спилет. — Только он, один может нам сказать, «Дункан» это или нет.

Все согласились с мнением журналиста, и он, подойдя к телеграфному аппарату, связывавшему Гранитный дворец с коралем, выстукал следующие слова:

«Приходите немедленно».

Через несколько мгновений раздался ответный звонок.

«Иду», — сообщал Айртон.

Колонисты вновь обратили взоры на корабль.

— Если это «Дункан», — сказал Герберт, — Айртон конечно, сразу же его узнает, ведь он сам плавал некоторое время на этой яхте.

— И если узнает, — добавил Пенкроф, — вот-то взволнуется, бедняга.

— Да, — согласился Сайрес Смит, — но теперь Айртон может вступить на борт «Дункана» с гордо поднятой головой, и я от души желаю, чтобы это действительно оказалась яхта лорда Гленарвана, вряд ли другое судно может с добрыми намерениями явиться сюда! Недаром же эти места пользуются дурной славой, и я опасаюсь, как бы нам не нанесли визит малайские пираты.

— Мы будем защищать наш остров! — воскликнул Герберт.

— Конечно, дружок, но было бы лучше, чтобы нас не вынуждали к защите, — с улыбкой заметил инженер.

— А знаете что? — вдруг произнес Гедеон Спилет. — Ведь остров Линкольна не нанесен на географические карты даже последних выпусков и, следовательно, мореплавателям неизвестен. И не кажется ли вам, Сайрес, что именно поэтому судно, случайно обнаружившее новую землю, скорее предпочтет обследовать ее, нежели пройти мимо?

— Разумно сказано, — заметил Пенкроф.

— Вполне согласен с вами, — подтвердил инженер. — Можно даже поручиться, что любой капитан

сочтет прямым своим долгом отметить, а значит, и обследовать землю, еще не занесенную на карту, а наш остров как раз и является такой неизвестной географам территорией.

— Ну хорошо, — заметил Пенкроф, — предположим, что судно подойдет сюда, станет на якорь в нескольких кабельтовых от острова, что же мы тогда предпримем?

Общее молчание было ответом на этот вопрос, поставленный в упор. Но после недолгого размышления Сайрес Смит произнес своим обычным спокойным тоном:

— Вот что мы предпримем, друзья, вот что мы обязаны предпринять: мы установим связь с кораблем и покинем наш остров, водрузив здесь флаг Соединенных Штатов. А затем мы вернемся обратно в сопровождении тех, кто выразит согласие последовать за нами, чтобы превратить наш остров в колонию и принести в дар Американской республике новый и весьма полезный клочок земли в этой части Тихого океана.

— Ур-ра! — закричал Пенкроф. — Да, мы сделаем нашей родине неплохой подарок. Освоение острова уже почти закончено, все части его окрещены, здесь имеется естественная гавань, здесь есть источники пресной воды, прекрасные дороги, телеграфная линия, верфь и даже фабрика, значит, остается только одно — нанести остров Линкольна на карту!

— А вдруг во время нашего отсутствия кто-нибудь присвоит себе наш остров? — заметил Гедеон Спилет.

— Черта с два! — воскликнул моряк. — Я здесь останусь и буду его самолично охранять, и уж поверьте Пенкрофу, у меня остров не украдут так походя, как часы из кармана у зазевавшегося простака.

Прошел еще час, но все не представлялось возможности определить, приближается ли судно к острову Линкольна, или нет, и если приближается, то с какой скоростью. Этого Пенкроф не мог установить. Однако, поскольку дул норд-ост, естественно было предположить, что судно идет правым галсом. К тому же ветер гнул корабль к острову, да и при таком спокойном море можно было без опаски приблизиться к берегу, хотя глубины в этих местах не нанесены на карту.

В четыре часа, ровно через час после вызова, в Гранитный дворец явился Айртон.

— К вашим услугам, господа, — сказал он, входя в зал.

Сайрес Смит протянул ему, как и обычно, руку и, подведя к окну, сказал:

— Мы вызвали вас, Айртон, по важному делу. В виду острова находится судно.

В первый момент Айртон слегка побледнел, и в глазах его мелькнула тревога. Он выглянул в окно, внимательной осмотрел горизонт, но ничего не увидел.

— Возьмите подзорную трубу, — сказал Гедеон Спилет, — и посмотрите хорошенько, Айртон; возможно, что это «Дункан», он вернулся в эти воды, чтобы отвезти вас на родину.

— «Дункан»! — пробормотал Айртон. — Так скоро!

Эти слова сорвались с губ Айртона против его воли, и он замолк, уронив голову на руки.

Неужели долгие двенадцать лет, проведенные в одиночестве на пустынном острове, не искупили, по мнению самого Айртона, его вины? Неужели раскаявшийся преступник не простил себе своих злодеяний и не верил, что его простили другие?

— Нет, — пробормотал он, — нет, это не может быть «Дункан».

— А вы посмотрите хорошенько, Айртон, — сказал инженер, — важно знать заранее, с кем имеешь дело.

Айртон взял трубу и навел ее в указанном направлении. В течение нескольких минут он неподвижно, безмолвно вглядывался в горизонт, затем произнес:

— Да, это действительно судно; но полагаю, что не «Дункан».

— Почему же не «Дункан»? — спросил Гедеон Спилет.

— Потому что «Дункан» — паровая яхта, а я при всем желании не могу обнаружить даже полоски дыма ни над кораблем, ни за ним.

— А может быть, он идет только под парусами, — заметил Пенкроф. — Ветер благоприятствует взятому курсу, а морякам, конечно, выгоднее беречь уголь, — где же тут пополнить запасы топлива, когда кругом и земли-то нет.

— Возможно, что вы правы, мистер Пенкроф, — ответил Айртон, — и на судне действительно погасили топку. Пускай оно подойдет поближе к берегу, тогда все выяснится.

Вслед за этим Айртон отошел в угол зала, сел там и замолк. Он даже не принял участия в жарком споре, разгоревшемся по поводу загадочного корабля.

Взволнованные происшедшим, колонисты были просто не в состоянии вернуться к прерванной работе. Особенно нервничали Гедеон Спилет и Пенкроф. Они буквально не могли усидеть на месте и мерили зал вдоль и поперек крупными шагами. Герберт сгорал от любопытства. Один лишь Наб хранил свое обычное спокойствие. Ведь родной край для него был там, где находится Сайрес Смит, его хозяин. Инженер сидел погруженный в свои думы и в глубине души, пожалуй, скорее опасался, нежели желал, чтобы корабль пристал к берегу.

Тем временем судно несколько приблизилось к острову. В подзорную трубу уже можно было разглядеть, что это корабль дальнего плавания, а не тот малайский «прао», на котором тихоокеанские пираты обычно пускаются в путь. Позволительно было думать, что мрачные предчувствия инженера не подтвердятся и что появление этого корабля в водах, омывающих остров Линкольна, не грозит колонистам никакой опасностью. Пенкроф снова внимательно осмотрел неизвестный корабль и заявил, что, судя по оснастке, это бриг, что идет он к берегу наискось, правым галсом, под марселями и брамселями. Айртон подтвердил слова моряка.

Но если судно не замедлит хода, то вскоре оно скроется за оконечностью мыса Коготь, ибо идет оно на юго-запад и тогда дальнейшие наблюдения придется вести с возвышенности у бухты Вашингтона близ порта Воздушного шара. Обстоятельство крайне досадное, тем более что уже было около пяти часов и вечерние сумерки, конечно, помешают наблюдениям.

— Что же нам делать ночью? — говорил Гедеон Спилет. — Может быть, зажжем костер и дадим знать морякам, что здесь находятся люди?

Журналист задал своим друзьям непростой вопрос, и, хотя зловещие предчувствия Сайреса Смита еще не вполне рассеялись, все же решено было зажечь костер. Ведь ночью корабль может скрыться, уйти навсегда, и неизвестно, появится ли снова в водах Линкольна какое-нибудь другое судно. А ведь кто знает, какие неожиданности уготовила колонистам судьба?

— Да, — повторил журналист, — мы обязаны дать знать этому судну, кто бы на нем ни находился, что на острове есть люди. Если мы не воспользуемся единственным представившимся нам случаем, то, возможно, горько пожалеем об этом впоследствии.

Итак, было решено, что Наб и Пенкроф отправятся в порт Воздушного шара и, как только спустится ночь, разожгут огромный костер, пламя которого, несомненно, привлечет внимание экипажа брига.

Но когда Наб и моряк собрались покинуть Гранитный дворец, судно вдруг изменило направление, оно пошло прямо к острову, держа курс на бухту Соединения. Видимо, бриг принадлежал к числу быстроходных, ибо расстояние между ним и берегом заметно уменьшалось.

Наб и Пенкроф задержались в Гранитном дворце, а Айртону вручили подозрительную трубу с просьбой определить, наконец, «Дункан» это или нет. Ведь шотландская яхта тоже имела оснастку брига. Следовательно, речь шла о том, чтобы установить, имеется ли труба между двух мачт судна, которое находилось теперь на расстоянии десяти миль от берега.

Вечерние сумерки еще не окутали небосвод, что облегчало наблюдение. Айртон опустил трубу и веско повторил:

— Нет, это не «Дункан»! Да и не может это быть «Дункан»!

Теперь Пенкроф поймал судно в поле зрения подозрительной трубы и сообщил товарищам, что бриг этот водоизмещением от трехсот до четырехсот тонн, что он прекрасно построен и оснащен, — словом, что это один из быстроходнейших кораблей, какие только бороздят моря. А вот какой национальности он принадлежит, пока сказать еще трудно.

— Правда, на флагштоке полощется вымпел, — добавил моряк, — только я никак не могу различить цвета.

— Через полчаса, самое большее, мы все узнаем, — заметил журналист. — Совершенно ясно, что капитан корабля намерен пристать к берегу, а значит, не сегодня завтра мы с ним познакомимся.

— Так-то оно так! — сказал Пенкроф. — И все же; куда лучше заранее знать, с кем имеешь дело. По правде говоря, я бы не прочь уже сейчас разглядеть флаг корабля.

Ведя беседу с журналистом, Пенкроф не отрывал глаз от подозрительной трубы.

День клонился к закату, и вместе с последними лучами солнца постепенно стихал ветер. Вымпел, развевавшийся на флагштоке, повис как тряпка, запутался в фалах, разглядеть, какого он цвета, стало еще труднее.

— Нет, это, конечно, не американский флаг, — говорил Пенкроф, — да и не английский, на английском флаге красное поле сразу бросается в глаза; не похоже, чтобы тут были цвета французского или германского флага; с другой стороны, это и не белый морской русский флаг, и не желтый испанский... Скорее он одноцветный... А ну... какие же в этих морях могут попасться флаги?.. Чилийский?.. Да нет, он трехцветный... Бразильский?.. Он зеленый... Японский? Он желтый с черным... а этот...

В эту минуту ветер надул загадочный флаг. Айртон выхватил из рук моряка трубу, которую тот как раз опустил, приставил ее к глазу и, взглядевшись, крикнул сдавленным голосом:

— Черный!

В самом деле, на флагштоке корабля плескалось темное полотнище, и теперь имелись все основания считать этого пришельца подозрительным!

Стало быть, предчувствия не обманули инженера? Значит, это разбойничье судно? Значит, оно пиратствует здесь, в южных водах Тихого океана, соперничая с малайскими «прао», все еще бесчинствующими в этих широтах? Зачем намеревается этот корабль пристать к острову Линкольна? Быть может, он избрал эту никому не ведомую, забытую людьми землю в качестве надежной хранилища награбленных им сокровищ? Или, быть может, он ищет здесь тихой гавани, пристанища от зимних бурь? Неужели суждено славным владениям колонистов стать гнусным притоном, резиденцией пиратов Тихого океана?

Все эти мысли невольно возникли у каждого. Увы, слишком ясно было, чем грозила встреча с черным флагом. Черный флаг — флаг пиратов! И такой флаг был бы водружен на мачте «Дункана», если бы каторжникам удалось осуществить их злодейский замысел!

Нельзя было терять ни минуты.

— Друзья, — начал Сайрес Смит, — возможно, что этот корабль хочет лишь издали обозреть остров. Возможно, его экипаж не сойдет на сушу. Будем надеяться на это. Как бы то ни было, мы должны скрыть все признаки нашего пребывания здесь, на острове. Особенно бросается в глаза мельница, установленная на плато Кругозора. Пусть Айртон и Наб пойдут и снимут с нее крылья. Окна Гранитного дворца укроем ветвями. Огни надо потушить. Пусть ничто не выдаст присутствия человека на этом острове!

— А наш корабль? — спросил Герберт.

— Ничего, — ответил Пенкроф, — он спрятан в порту Воздушного шара. Ручаюсь, что эти головорезы его не найдут.

Приказания инженера были немедленно выполнены. Наб и Айртон пошли на плато и приняли все меры, чтобы скрыть там всякие следы пребывания человека. Пока они трудились, их товарищи отправились к опушке леса Жакамара и принесли оттуда огромные охапки веток и лиан, которые издали могли сойти за естественную растительность, и надежно укрыли ими проемы окон, пробитых в гранитной стене. Боевые припасы и оружие разложили с таким расчетом, чтобы все было под рукой на случай внезапного нападения.

Когда приготовления были закончены, Сайрес Смит обратился к колонистам.

— Друзья, — сказал он, и в голосе его прозвучало волнение, — если эти проходимцы осмелятся напасть на остров Линкольна, мы дадим им достойный отпор, не так ли?

— Да, Сайрес, — ответил за всех журналист, — и если нужно, падем в бою, защищая наш остров!

Инженер протянул руку своим товарищам, и те с жаром ответили на его пожатие.

Один только Айртон молча стоял в углу, только он не присоединился к прочим колонистам. Может быть, он бывший преступник, считал себя недостойным этого рукопожатия!

Сайрес Смит понял, что творится в душе Айртона, и подошел к нему.

— А вы, Айртон, — спросил инженер, — что вы намерены делать?

— Выполнять свой долг, — ответил Айртон.

Затем он занял наблюдательный пост у окна и устремил взгляд на море, полускрытое завесой ветвей.

Было уже половина восьмого, минут двадцать назад солнце скрылось за горизонтом позади Гранитного дворца, и восток постепенно темнел. Бриг тем временем по-прежнему держал курс на бухту Соединения. Он находился уже на расстоянии не более восьми миль и был на траверзе плато Кругозора, так как, сделав поворот у мыса Коготь, уклонился к северу, подхваченный приливом. В сущности, бриг уже вошел в бухту, ибо, если провести прямую линию от мыса Коготь до мыса Челюсть, она прошла бы к западу от его правого борта.

Зайдет ли бриг в глубь бухты? Вот какой вопрос особенно волновал колонистов. А зайдя в бухту, бросит ли он там якорь? Этот вопрос тоже мучил их. Возможно, он ограничится лишь осмотром побережья и уйдет в открытое море, не высадив на сушу экипажа? Ответ на этот вопрос будет дан меньше чем через час. Колонистам оставалось, таким образом, лишь одно — ждать.

Сайрес Смит с нескрываемой тревогой думал о подозрительном бриге, на мачте которого развевался

черный флаг. Неужели он несет с собой угрозу их общему делу, делу их колонии, всему, чего они сумели добиться своим трудом? Неужели пираты — теперь уже не оставалось сомнения в том, что экипаж брига состоит из морских разбойников, — посещали и раньше этот остров? Иначе, подплывая к нему, они не стали бы поднимать флаг. Высаживались ли они прежде на его берег? Если да, то это пролило бы свет на некоторые пока еще загадочные обстоятельства. Уж не укрываются ли где-нибудь на неисследованной части острова их сообщники, которые только и ждут высадки, чтобы присоединиться к своим дружкам?

Ни на один из этих вопросов, которые Сайрес Смит задавал себе мысленно, он не находил ответа; он понимал только, что прибытие пиратского брига ставит колонистов перед лицом серьезной опасности.

Тем не менее его товарищи и он сам твердо решили сопротивляться до последней возможности. Как велико количество пиратов, превышают ли они численностью колонистов, насколько лучше вооружены пришельцы — вот что необходимо было узнать в первую очередь! Но как добраться до брига?

Спустилась ночь. Молодой месяц, померкший в лучах заката, уже исчез с небосвода. Глубокий мрак окутывал остров и море. Тяжелые тучи обложили горизонт, не пропуская ни единого луча света. С наступлением сумерек ветер совсем стих. На деревьях не шелестела листва, ленивые волны бесшумно набегали на берег. Корабль пропал во тьме, огни на нем затушили, и если он по-прежнему шел вблизи острова, уже невозможно было определить его местонахождение.

— Э, как знать, — произнес Пенкроф. — Может, этот проклятый бриг уйдет ночью и утром мы и следа его не обнаружим.

Как бы в ответ на замечание моряка, над морем блеснула яркая вспышка и раздался пушечный выстрел.

Бриг был по-прежнему здесь и имел на борту артиллерийские орудия.

Между вспышкой огня и звуком выстрела прошло шесть секунд.

Итак, бриг находился на расстоянии мили с четвертью от берега.

И в ту же минуту до колонистов донесся лязг цепей, с грохотом спускавшихся через клюзы.

Судно бросило якорь неподалеку от Гранитного дворца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Совещание. — Предчувствие. — Предложение Айртона. — Предложение принято. — Айртон и Пенкроф на островке Спасения. — Норфолкские каторжники. — Их планы. — Героическая попытка Айртона. — Возвращение. — Шестеро против пятидесяти.

Теперь уже не оставалось ни малейшего сомнения относительно дальнейших намерений пиратов. Они стали на якорь близ острова и, конечно, завтра на шлюпках попытаются достичь берега.

Сайрес Смит и его товарищи готовы были действовать, но при всей своей решимости они соблюдали осторожность. Их присутствие не будет обнаружено в том случае, если пираты, высадившись, ограничатся осмотром береговой полосы и не сочтут нужным проникнуть в глубь острова. Кто знает, может быть, они и вправду хотят только запастись пресной водой в реке Благодарения и, возможно, не заметят ни моста, переброшенного через реку в полутора милях от устья, ни признаков хозяйничания человека в Трущобах?

Но ради чего они тогда подняли на мачте черный флаг? Ради чего стреляли из пушки? Конечно, из чистого бахвальства, если только этот выстрел не означал, что отныне они, новоприбывшие, — хозяева острова. Сайрес Смит знал теперь, что бриг вооружен, как говорится, до зубов. А чем могут ответить колонисты острова Линкольна пиратским пушкам? Ружейными выстрелами, и только.

— И все же, — заметил Сайрес Смит, — к нам так легко не приступишься. Теперь, когда отверстие прежнего водостока надежно укрыто камышом и травой, враг не сумеет его обнаружить, а следовательно, и проникнуть в Гранитный дворец.

— А наши плантации, наш птичий двор, наш кораль, наши мастерские, все наше добро! — закричал Пенкроф и даже топнул ногой. — Да они все уничтожат, все разрушат за какие-нибудь два-три часа.

— Возможно, что и так, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — но мы бессильны им помешать.

— Много ли их? Вот в чем вопрос, — добавил журналист. — Если их не больше десятка, мы с ними справимся, а вот если их сорок, пятьдесят или еще больше, тогда...

— Мистер Смит, — вдруг произнес Айртон, подходя к инженеру, — я хочу попросить вас... Разрешите мне...

— Что именно, друг мой?

— Разрешите мне пробраться на бриг и узнать, какова численность его экипажа.

— Но, Айртон, — нерешительно возразил инженер, — ведь это значит рисковать своей жизнью.

— А почему бы и нет, мистер Смит?

— Это уж больше, нежели выполнить свой долг.

— Я и должен сделать больше, нежели просто выполнить долг, — ответил Айртон.

— Вы хотите добраться до судна на пироге? — осведомился Гедеон Спилет.

— Нет, я хочу пуститься вплавь. Человек легко проскользнет там, где не пройдет пирога.

— А вы знаете, что до брига миля с четвертью? — спросил Герберт.

— Я ведь хороший пловец, мистер Герберт.

— Но, повторяю, вы рискуете жизнью, — заметил инженер.

— Ну и что из этого, — возразил Айртон. — Я прошу у вас разрешения, как милости, мистер Смит. Для

меня, быть может, это единственная возможность вернуть себе чувство собственного достоинства.

— Что ж, отправляйтесь, Айртон, — сказал инженер; он понимал, что отказ бесконечно огорчил бы бывшего преступника, ставшего честным человеком.

— Я пойду с вами, — вдруг предложил Пенкроф.

— Вы мне не доверяете! — воскликнул Айртон и смиренно добавил: — Что ж, я это заслужил.

— Да нет же, нет, — с жаром воскликнул Сайрес Смит, — нет, Айртон! Пенкроф не сомневается в вас. Вы просто не поняли его.

— Верно, — подтвердил моряк, — я только вот что хотел предложить Айртону — проводить его до островка. Кто знает, уж не высадился ли на сушу кто-нибудь из этих головорезов, и два человека, конечно, лучше, чем один, помешают им поднять тревогу. Я подожду Айртон на островке, а на бриг он отправится без нас, ведь он первый предложил это.

Предложение Айртон было принято, и он начал готовиться к походу. Как ни дерзок был его план, однако под покровом ночной темноты он мог увенчаться успехом. Айртон рассчитывал, добравшись вплавь до судна, уцепиться за ватер-штаги или за вант-путенсы и попытаться определить численность экипажа и разузнать намерения пиратов.

В сопровождении остальных колонистов Айртон и Пенкроф спустились на берег. Айртон разделся и натер все тело жиром, что, как известно, позволяет человеку легче переносить низкую температуру. А ведь кто знает, может быть, придется провести в холодной воде не один, час.

Тем временем Пенкроф и Наб отправились за пирогой, которая стояла на причале в сотне шагов оттуда вверх по реке Благодарения; когда они вернулись, Айртон был уже готов.

Кто-то услужливо набросил на плечи Айртон теплое одеяло, и поселенцы по очереди пожали его руку.

Пирога, в которую сели Пенкроф и Айртон, отчалила от берега.

Обоих путников вскоре поглотил мрак — было уже половина одиннадцатого. Колонисты молча отправились в Трущобы ждать возвращения смельчаков.

Пирога быстро пересекла пролив и причалила к берегу островка. Айртон и Пенкроф действовали со всей осторожностью, опасаясь натолкнуться на пиратов. Но, внимательно оглядев островок, они убедились, что там никого нет. Сопровождаемый Пенкрофом, Айртон быстрым шагом пересек островок, вспугивая на ходу птиц, устроившихся на ночлег в расселинах скал; потом он решительно бросился в воду и бесшумно поплыл к кораблю, на борту которого недавно зажглись огоньки, указывая его точное местонахождение.

А Пенкроф укрылся среди береговых скал и стал дожидаться возвращения товарища.

Тем временем Айртон плыл к бригу, рассекая мощными взмахами водную гладь, которая бесшумно смыкалась за телом пловца. Его голова лишь слегка выдавалась над поверхностью воды, а внимательный взгляд был прикован к темному силуэту судна, огни которого отражались в море. Он помнил лишь одно: нужно во что бы то ни стало сдержать данное товарищам слово — выполнить свой долг; ему даже не приходила в голову мысль ни об опасностях, подстерегающих его на борту корабля, ни об акулах, которые нередко появлялись возле острова. Течение несло его, и берег остался далеко позади.

Через полчаса Айртон, ничем не выдав своего присутствия, уже ухватился рукой за ватер-штаги бушприта. Передохнув немного, он вскарабкался на цепь и благополучно добрался до княвдигеда. Здесь сушилось несколько пар матросских штанов. Айртон быстро надел на себя одну пару и, устроившись

удобнее, прислушался.

На бриге еще не спали. Куда там! Слышались голоса, пение, хохот. И вдруг отрывок разговора, сопровождаемый крепкими ругательствами, привлек внимание Айртона.

— Недурное мы сделали приобретение, бриг хоть куда!

— Да, неплохо ходит. Недаром его «Быстрым» прозвали!

— Тут хоть весь норфолкский флот за ним вдогонку пустись! На-ка, поймай.

— Да здравствует наш капитан!

— Да здравствует Боб Гарвей!

Нетрудно представить себе, что испытал во время этой беседы Айртон, особенно если вспомнить, что этот самый Боб Гарвей был не кто иной, как его прежний сообщник, с которым он знался еще в Австралии, сорвиголова и моряк, осуществивший теперь их общие преступные замыслы. Боб Гарвей захватил этот бриг в водах близ острова Норфолка с грузом оружия, боевых припасов, инструментов и утвари, предназначенных к отправке на один из Сандвичевых островов. Его шайка в полном составе перекочевала на борт брига, и теперешние пираты, они же бывшие каторжники, отбросы общества и головорезы, смело бороздили воды Тихого океана, нападая на суда, уничтожая корабельные команды, превосходя в жестокости даже малайских морских разбойников.

До Айртона доносились громкие голоса перепившихся каторжников, которые наперебой хвастались друг перед другом своими подвигами и удачью, и вот что ему удалось понять из их отрывочных слов.

Теперешний экипаж «Быстрого» состоит сплошь из английских каторжников, бежавших из Норфолка.

Расскажем вкратце, что представляет собой этот Норфолк.

На 29°2' южной широты и 165°42' восточной долготы лежит к востоку от Австралии островок, шести лье в окружности, который увенчивает гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, превращенный в место ссылки для самых закоренелых преступников, осужденных английским правосудием. Их там содержится около пятисот человек, там установлена суровая дисциплина, там разработана целая система жестоких наказаний, и охраняет остров сто пятьдесят солдат и столько же надзирателей, находящихся в распоряжении губернатора. Вряд ли где-нибудь на земном шаре есть другое столь гнусное скопище негодяев. Иногда — впрочем, весьма редко — кое-кому из каторжников удается, обманув сверхбдительную стражу, завладеть врасплох каким-нибудь судном, и тогда они пускаются в плавание и разбойничают на Полинезийских островах.

Так поступил и знаменитый Боб Гарвей с шайкой своих сообщников. Так в свое время хотел поступить и Айртон. Боб Гарвей завладел бригом «Быстрый», стоявшим на якоре вблизи острова Норфолк; бандиты перебили судовую команду, и вот уже целый год мирное судно, превращенное в пиратский корабль, бороздило Тихий океан под командованием Гарвея, некогда капитана дальнего плавания, а теперь отъявленного пирата и старого знакомого Айртона!

Большинство преступников собралось на юте, в кормовой части корабля, но несколько человек растянулись на палубе и громко беседовали.

Разговор прерывался пьяными криками и звоном стаканов. Из обрывков фраз Айртон узнал, что «Быстрый» совершенно случайно оказался вблизи острова Линкольна. Пираты ни разу не ступали на его берег, но, как и предвидел Сайрес Смит, капитан, заметив землю, не указанную на картах и поэтому никому не известную, решил посетить ее и, в случае если обнаружится подходящая бухта, устроить на острове стоянку для брига.

А флаг они подняли на мачте и выстрелили из пушки просто так, из хвастовства, в подражание военным кораблям, которые, подняв вымпел, дают залп из орудий. Так что выстрел не служил сигналом, и между беглецами с острова Норфолк и островом Линкольна никакой связи не существует.

Значит, колонии и колонистам грозила серьезная опасность. Нет сомнения, что остров Линкольна придется бандитам по душе — ведь он обладал запасами питьевой воды, удобной для стоянки судов бухтой, здесь немало потрудились колонисты, умножив естественные богатства острова, да и сама природа воздвигла тут надежную крепость — Гранитный дворец. Пираты превратят мирный уголок в свой притон, и именно то обстоятельство, что остров необитаем и еще не открыт мореплавателями, послужит разбойникам верной гарантией безопасности, и не на один год. Бесспорно и то, что Боб Гарвей со своей шайкой не пощадит докучливых свидетелей и уничтожит всех колонистов до одного. Сайрес Смит и его товарищи не могли рассчитывать спастись бегством или укрыться где-нибудь на острове, так как пираты решили там прочно обосноваться; даже когда «Быстрый», предпримет очередную пиратскую вылазку, несколько человек из экипажа, вероятно, останутся на суше. Следовательно, есть только один выход — вступить в бой, истребить всех этих головорезов, не заслуживающих никакого снисхождения, прибегнув для этой цели к любому средству, ибо с такими людьми всякое средство хорошо.

Вот какие мысли теснились в голове Айртона, и он знал, отлично знал, что Сайрес Смит думает то же самое.

Но возможно ли сопротивление и принесет ли оно колонистам желанную победу? Это зависит от того, насколько хорошо вооружен бриг и сколько людей он имеет на борту.

Вот это-то и решил узнать любой ценой Айртон, и, когда, примерно через час, на палубе смолкли крики и проклятья, когда добрая половина пиратов уснула, сраженная непомерным количеством хмельного, он, не колеблясь, проник на палубу, где уже потухли огни и царил полный мрак.

Он вскарабкался по ватер-штагам на бушприт и оттуда пробрался на бак. Осторожно лавируя между спавшими там и сям каторжниками, он обошел все судно и установил, что на «Быстром» имеется четыре восьми- или десятифунтовые пушки. Ощупав их для верности, он убедился, что заряжаются они с казенной части. Следовательно, перед ним были орудия последнего образца, удобные в действии и обладающие огромной разрушительной силой.

На палубе Айртон насчитал десять спящих пиратов, но, очевидно, столько же, если не больше, мирно почивали в кубрике. К тому же из разговоров, которые удалось подслушать Айртону, явствовало, что численность экипажа составляет пятьдесят человек. Пятьдесят против шести колонистов острова Линкольна — не слишком ли много? Но зато благодаря самоотверженному поступку Айртона Сайрес Смит не будет застигнут врасплох, он своевременно узнает о силах противника и сможет действовать обдуманно и осторожно.

Теперь Айртон мог с чистой совестью возвратиться на берег и отдать отчет своим товарищам, ради которых он предпринял эту опасную разведку; он уже намеревался покинуть судно и пуститься в обратный путь.

Но вдруг смелая мысль мелькнула в его голове — недаром Айртон сказал инженеру, что он хочет выполнить свой долг, вернее, сделать больше того, чем требовал долг. Да, он пожертвует жизнью, зато остров и колонисты будут спасены. Бесспорно одно: Сайрес Смит и его товарищи не могут дать отпор пятидесяти прекрасно вооруженным пиратам, которые все равно одержат верх, ворвутся ли они силой в Гранитный дворец или поведут осаду и возьмут поселенцев измором. Перед умственным взором Айртона возникли лица его спасителей, тех, что помогли ему вернуть человеческий облик, стать честным человеком, тех, коим он обязан буквально всем. И вот пираты безжалостно истребят их, уничтожат плоды

их трудов, превратят остров в разбойничий вертеп! А кто окажется прямым виновником всех этих бедствий? Сам Айртон, ибо его прежний друг и сообщник Боб Гарвей лишь осуществил его собственные замыслы. При этой мысли Айртона охватил ужас. Он решил во что бы то ни стало взорвать бриг и вместе с ним весь экипаж. Пусть он, Айртон, погибнет, зато с честью выполнит свой долг.

Айртон больше не колебался. Добраться до крюйт-камеры, которая обычно расположена в кормовой части корабля, не представляло особого труда. На пиратском судне должен иметься солидный запас пороха, и одной-единственной искры будет достаточно, чтобы взорвать его в мгновение ока.

Айртон осторожно спустился в межпалубное помещение, где вповалку лежали пираты, которых свалил с ног не столько сон, сколько хмель. У грот-мачты горел фонарь, а вокруг нее была устроена стойка для огнестрельного оружия всех видов.

Айртон выбрал себе револьвер, убедившись предварительно, что он заряжен и что капсюль на месте. Теперь он может выполнить свой губительный для брига план. И он бесшумно пополз к корме, где под ютом должна была находиться крюйт-камера.

Однако здесь на корабле, погруженном в полумрак, продвижение было сопряжено с немалыми трудностями, так как дорогу преграждали тела пиратов; Айртон то и дело задевал кого-нибудь из спящих, и тот, не открывая глаз, раздражался бранью и даже толкал дерзкого; тогда Айртон, сдерживая дыхание, замирал на месте. Все же он добрался до переборки, отделявшей кормовую часть судна, и нащупал дверь, несомненно дверь самой крюйт-камеры.

Оставалось взломать эту дверь, и Айртон взялся за дело, стараясь не шуметь, что было нелегко, так как ему предстояло сбить висячий замок. Однако под могучей дланью Айртона замок подался, и дверь отворилась.

В ту же самую минуту чья-то рука тяжело опустилась на плечо Айртона.

— Что тебе здесь надо, друг любезный? — раздался над его ухом грубый голос, и какой-то рослый человек вдруг поднес фонарь к самому лицу Айртона.

Айртон невольно отпрянул. В ярко блеснувшем луче света перед ним предстал прежний сообщник — Боб Гарвей, но Гарвей не узнал Айртона, ибо считал, что тот уже давно умер.

— Что тебе здесь надо? — повторил Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс.

Но Айртон, не ответив, с силой отшвырнул от себя вожака пиратов и бросился к крюйт-камере. Один выстрел из револьвера в бочку с порохом — и все будет кончено!..

— Ко мне, ребята! — завопил Боб Гарвей.

Двое или трое пиратов, разбуженные его криком, вскочили и бросились на Айртона, норовя сбить его с ног. Но силачу Айртону удалось вырваться из их рук. Раздались один за другим два револьверных выстрела, и два преступника рухнули на пол; но внезапный удар ножа рассек Айртону плечо, прежде чем он успел увернуться.

Айртон понял, что замысел его сорвался. Боб Гарвей захлопнул дверь крюйт-камеры, а на корабле, где тем временем проснулось большинство пиратов, началась суматоха. Надо было спасать свою жизнь, чтобы продолжить бой в рядах колонистов. Значит, оставалось одно — бежать.

Но не поздно ли? Шансов на спасение было немного, однако Айртон решил во что бы то ни стало добраться до своих товарищей.

В револьвере оставалось четыре патрона. Айртон выстрелил еще дважды, однако ж выстрел, предназначавшийся Бобу Гарвею, не попал в цель, а если и ранил его, то ранил легко; Айртон,

воспользовавшись тем, что пираты на миг отступили, бросился к трапу, ведущему на палубу брига. Пробегая мимо фонаря, Айртон разбил его рукояткой револьвера, палуба погрузилась во мрак, что значительно облегчало бегство.

Кое-кто из пиратов, разбуженных шумом, спускался по трапу. Пятым выстрелом Айртон сбросил одного с лестницы, а остальные шарахнулись в сторону, не понимая толком, что такое происходит на корабле. В два прыжка Айртон выскочил на палубу и через три секунды послал шестой, последний, выстрел прямо в физиономию какого-то пирата, который схватил было беглеца за ворот; затем Айртон перепрыгнул через фальшборт и бросился в море.

Не успел он отплыть и шести саженей, как вокруг него под градом пуль забурлила вода.

Что почувствовал Пенкроф, поджидавший Айртон на островке, под защитой скалы, что почувствовали Сайрес Смит, журналист, Герберт, Наб, укрывшиеся в Трущобах, когда до их слуха долетел звук пальбы. Схватив ружья, они бросились на берег и ждали нападения, готовые смело отразить врага.

Они не строили никаких иллюзий: Айртон попал в руки пиратов и, конечно, уже простился с жизнью; возможно, морские разбойники решили воспользоваться ночным временем и вот-вот высадятся на берег!

Прошло полчаса, но жестокая тревога колонистов не унималась. Выстрелы прекратились, однако до сих пор нет ни Айртон, ни Пенкрофа. Неужели пираты уже завладели островком. Может быть, необходимо сейчас же, немедленно броситься на помощь Айртону и Пенкрофу? Но как? Из-за большой воды невозможно было переправиться через пролив. Да и пирога находилась по ту сторону. Так судите же сами, какие душевные муки переживали Сайрес Смит и его товарищи!

Наконец в половине первого ночи к берегу причалила пирога, в ней сидели два человека. Колонисты с распростертыми объятиями встретили Айртон, который отделался легкой раной в плечо, и Пенкрофа, живого и невредимого.

Не мешкая все отправились в Трущобы. Здесь Айртон поведал слушателям о своих приключениях, не скрыв от них и свою неудачную попытку взорвать бриг.

Едва успевая отвечать на рукопожатия товарищей, Айртон продолжал свой рассказ. Он не утаил от них, что положение весьма серьезное. Пираты сейчас начеку. Они уже знают, что остров Линкольна обитаем, и поэтому не замедлят высадить на берег многочисленный и хорошо вооруженный отряд, который никому спуска на даст. Значит, если поселенцы попадут в руки пиратов, рассчитывать на пощаду нечего.

— Что ж, мы сумеем сложить свои головы, — заметил журналист.

— А теперь возвратимся домой и будем бдительно следить за врагом, — сказал инженер.

— Как вы полагаете, мистер Смит, удастся нам выбраться из беды? — спросил моряк.

— Безусловно, Пенкроф.

— Ну, как сказать! Шестеро против пятидесяти!

— Вы правы, шестеро... если не считать...

— Кого? — спросил Пенкроф.

Сайрес молча указал рукой на небо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Туман рассеивается. — Распоряжение инженера. — Три поста. — Айртон и Пенкроф. — Первая шлюпка. — Еще две другие. — На островке. — Шестеро пиратов на суше. — Бриг снимается с якоря. — Батарея «Быстрого». — Надежды нет. — Неожиданная развязка.

Ночь прошла без происшествий. Колонисты были начеку и не покидали своего наблюдательного поста, то есть Трущоб. Пираты, со своей стороны, казалось, не делали никаких попыток высадиться на берег. С тех пор как смолкли ружейные залпы, посланные вслед Айртону, не было слышно ни выстрела, ни шума; ничто не указывало на присутствие судна в водах, омывающих остров Линкольна. Можно было даже подумать, что бриг снялся с якоря, боясь встретить ожесточенное сопротивление, и счел за благо покинуть эти широты.

Но дело обстояло иначе, и когда занялась заря, колонисты разглядели в утренней дымке неясные очертания корабля. Это был «Быстрый».

— Так вот, друзья мои, — начал инженер, — какие меры необходимо, мне кажется, принять, прежде чем туман окончательно рассеется. Пока что он скрывает нас от пиратов, и мы можем действовать, не возбуждая их подозрений. Прежде всего надо создать впечатление, что остров густо населен и жители его сумеют дать врагу достойный отпор. Поэтому предлагаю разделиться на три группы: первой остаться в Трущобах, второй — направиться к устью реки Благодарения. А третьей, по-моему, всего разумнее устроить засаду на островке, чтобы помешать пиратам высадиться или хотя бы задержать их там. В нашем распоряжении два карабина и четыре ружья. Значит, оружие у нас есть, и мы будем нещадно уничтожать врагов, благо пороха и пуль нам хватит с избытком. А пиратских ружей и даже пушек нам бояться нечего. Ведь они бессильны против этих скал, и, так как мы не будем стрелять из окон Гранитного дворца, пиратам и в голову не придет обстреливать его с брига, что грозило бы разрушением нашему жилищу. Единственно, чего нам следует опасаться, — это рукопашной схватки, поскольку экипаж брига превосходит нас численностью. Поэтому-то мы и должны помешать высадке, в то же время оставаясь невидимыми для противника. Итак, не будем жалеть патронов. Стреляйте без передышки, но притом метко. Каждый из нас должен уложить восемь, а то и десять врагов, и мы это сделаем.

Сайрес Смит наметил четкий план действия, говорил он самым спокойным тоном, будто речь шла о повседневных работах, а не о кровопролитной битве. Товарищи, не прерывая, выслушали его речь, и молчание их было знаком безоговорочного согласия. Теперь каждому предстояло немедленно занять свой пост под покровом еще не рассеявшегося тумана.

Наб и Пенкроф тотчас же отправились в Гранитный дворец и принесли оттуда достаточное количество пуль и пороха. Гедеон Спилет и Айртон — оба первоклассные стрелки — вооружились карабинами, бившими на целую милю. Оставшиеся четыре ружья распределили между Сайресом Смитом, Набом, Пенкрофом и Гербертом.

Теперь поглядим, как были расставлены посты.

Сайрес Смит с Гербертом остались в Трущобах и отсюда из засады могли держать под обстрелом довольно значительную часть берега у подножия Гранитного дворца.

Гедеон Спилет с Набом укрылись в скалах возле устья реки Благодарения, где подняли большой мост, а также и все мостики, — этой группе поручалось не только не подпускать ни одной вражеской шлюпки, но и по возможности воспрепятствовать высадке пиратов на противоположном берегу.

А Пенкроф с Айртоном тем временем спустили на воду пирогу, чтобы переправиться через пролив на

островок, где они и должны были занять два отдаленных друг от друга поста. Увидев, что стрельба идет с четырех сторон, пираты решат, что остров населен и жители его дорого продадут свою свободу.

Если же высадка пиратов все-таки состоится или если возникнет угроза, что Пенкрофа и Айртона обойдут с тыла, оба друга обязаны немедленно вернуться на остров и направиться в наиболее угрожаемый участок.

Прежде чем занять свои боевые посты, колонисты в последний раз крепко пожали друг другу руки.

Пенкроф, обнимая Герберта, своего нареченного сына, собрал всю силу воли, чтобы скрыть обуревавшее его волнение, и друзья расстались.

Не теряя времени Сайрес Смит с Гербертом и журналист с Набом тронулись в путь и вскоре исчезли за скалами, а через пять минут Айртон и Пенкроф благополучно переправились через пролив, высадились на островке и укрылись за скалами на его восточном берегу.

С берега их не заметили, да и сами они с трудом различали в густом тумане очертания корабля.

Было половина седьмого утра.

Скоро завеса тумана разорвалась, и показались окутанные легкой дымкой верхушки мачт. Еще несколько мгновений туман клубился над поверхностью моря, затем поднялся ветер и унес вдаль последние его клочья.

Корпус «Быстрого», четко вырисовываясь на фоне чистого неба, стоял на двух якорях, носом к северу и повернув к острову свой левый борт. Как и предполагал Сайрес Смит, бриг находился примерно в миле с четвертью от берега.

На мачте развевался зловещий черный флаг.

Инженер, вооружившись подзорной трубой, разглядел четыре пушки, составлявшие судовую батарею; дула пушек были обращены в сторону острова. Казалось, они лишь ждали сигнала, чтобы начать обстрел.

Однако «Быстрый» продолжал хранить молчание. По палубе расхаживали двадцать, может статься и тридцать пиратов. Несколько человек стояли на юте, двое других взобрались на салинг у грот-брамселя и, вооружившись подзорной трубой, внимательно озирали остров.

Очевидно, Боб Гарвей и его команда лишь смутно представляли себе события, разыгравшиеся минувшей ночью на борту судна. Какой-то полуголый человек взломал дверь крюйт-камеры, они набросились на него, он выпустил шесть пуль, убил их товарища, ранил еще двоих. Но что же случилось с этим человеком? Настиг ли его ружейный залп? Удалось ли ему добраться вплавь до острова? Да откуда вообще он взялся? Что делал на их судне? Должно быть, и впрямь решил взорвать бриг, как полагал Боб Гарвей. Во всем этом нелегко было разобраться. Но в одном были теперь твердо уверены беглые каторжники: неведомый остров, против которого бросил якорь «Быстрый», обитаем и, возможно, на защиту его встанет все население. И все же ни на берегу, ни на плоскогорье — ни души. И нигде ни малейших признаков человеческого жилья. Неужели жители успели бежать в глубь острова?

Вот какими вопросами задавался предводитель пиратов Боб Гарвей, и, как человек осмотрительный, он желал хорошенько ознакомиться с местностью, прежде чем послать туда свою шайку.

Прошло полтора часа, но ничто на борту брига не указывало, что пираты готовятся к нападению или высадке. Очевидно, Боб Гарвей пребывал в нерешительности. Даже в самую сильную подзорную трубу он, понятно, не мог разглядеть колонистов, притаившихся меж скалами. И вряд ли его внимание привлекла завеса из зеленых ветвей и лиан, скрывавшая окна Гранитного дворца и ярким пятном выделявшаяся на

голой отвесной стене. И вправду, как он мог представить, что здесь, на такой высоте, в недрах гранитного кряжа, устроил себе жилье человек? На всем побережье бухты Соединения — от мыса Коготь до мыса Челюсть — не было никаких признаков того, что остров обитаем.

Однако в восемь часов утра поселенцы подметили на борту «Быстрого» какое-то движение. При помощи талей матросы спустили на воду шлюпку. Семь человек разместились в ней. У каждого было ружье; один из семерки пиратов сел за руль, четверо взялись за весла, а двое пристроились на носу; низко пригнувшись и держа ружья на изготовку, они внимательно оглядывали берег. В их задачу, несомненно, входила разведка острова, а никак не высадка, потому что в этом случае капитан выслал бы более многочисленный отряд.

Пираты, наблюдавшие с салингов, конечно, заметили, что перед островом имеется еще небольшой островок, отделенный от него проливом шириной примерно в полмили. Сайрес Смит вскоре убедился, следя за шлюпкой, что пираты не собираются войти в пролив, очевидно по соображениям осторожности, а хотят сначала пристать к островку.

Пенкроф и Айртон, притаившиеся каждый в своем укрытии, за выступом скалы, видели, что шлюпка направляется прямо к ним, и ждали, когда она подойдет на расстояние выстрела.

Гребцы осторожно продвигались вперед, стараясь не привлекать внимания к шлюпке, и подгоняли ее редкими взмахами весел. Видно было, что один из пиратов, сидевший на носу, держит в руке лот и пытается найти фарватер, проложенный течением реки Благодарения. А это означало, что Боб Гарвей хочет подвести свой бриг как можно ближе к берегу. Человек тридцать пиратов, рассыпавшись по вантам, следили за шлюпкой и примечали путь, чтобы без опасности подойти к берегу.

Не доходя двух кабельтовых до островка, шлюпка остановилась. Рулевой встал и вытянулся во весь рост, ища взглядом, где бы лучше пристать.

В это мгновение раздалось два выстрела. Белое облачко дыма всплыло над утесами. Рулевой и матрос с лотом в руке навзничь упали на дно шлюпки. Пули, выпущенные Айртоном и Пенкрофом, одновременно сразили двух разбойников.

Почти тотчас же послышался страшный грохот, над бригом поднялся столб дыма, и пушечное ядро ударило о скалы, под которыми укрылись Айртон и Пенкроф; осколки камня полетели во все стороны, но, к счастью, наши стрелки уцелели.

Гром проклятий донесся со шлюпки, однако она тут же поплыла дальше. Место рулевого занял один из матросов, гребцы с яростью налегли на весла.

Вместо того чтобы повернуть к бригу, как можно было предположить, шлюпка прошла вдоль берега, намереваясь обогнуть островок с южной стороны. Пираты гребли изо всех сил, стараясь уйти подальше от пуль.

Они подошли на пять кабельтовых к той части берега, которая оканчивалась мысом Находки, и, описав полукруг, по-прежнему под защитой батареи судна, направились к устью реки.

Было ясно, что они хотят проникнуть в пролив и обойти с тыла тех, кто сидит в засаде на островке; таким образом, защитники островка, как бы многочисленны они ни были, очутились бы между шлюпкой, откуда сыпались ружейные пули, и бригом, откуда летели пушечные ядра, — положение явно незавидное.

Добрых пятнадцать минут шлюпка двигалась во взятом ею направлении. На воде и в воздухе царили ничем не нарушаемая тишина, ничем не возмутимое спокойствие.

Хотя Пенкроф и Айртон отлично понимали, что их могут обойти с тыла, они не собирались покидать свой пост по многим соображениям — ни к чему было обнаруживать перед нападающими свое

присутствие, став таким образом мишенью для орудий «Быстрого», да, кроме того, они надеялись на Наба и Гедсона Спилета, охранявших устье реки, а также на Сайреса Смита с Гербертом, укрывавшихся в скалах Трущоб.

Минут через двадцать после первых выстрелов шлюпка подошла к устью реки на расстояние не меньше двух кабельтовых. Начался обычный в этот час прилив, особенно сильный здесь, в узком проливе; шлюпку потащило к реке, и пираты удерживались посередине пролива только потому, что работали изо всех сил веслами, но когда они оказались на расстоянии выстрела от устья реки, две пули, выпущенные им навстречу, уложили еще двух пиратов: Наб и Спилет не промахнулись.

Тотчас же с брига вылетело второе ядро, посланное туда, где поднялся предательский дымок, но оно лишь обломило несколько скал, не причинив ни малейшего вреда людям.

Теперь в шлюпке осталось только три боеспособных человека. Подхваченная течением, она с быстротой стрелы пронеслась мимо Сайреса Смита и Герберта, которые, однако, благоразумно воздержались от выстрелов, опасаясь, что пули не достигнут цели; затем, обогнув северную оконечность островка, шлюпка всего лишь на двух веслах пустилась в обратный путь к бригау.

До сих пор защитникам островка не на что было жаловаться. Первая вылазка окончилась неудачно для врага. Четверо пиратов были тяжело ранены, а может быть, и убиты; ни у кого из колонистов не было даже царапины, а они не выпустили зря ни одной пули. Если враги и впредь не переменят тактики и снова пошлют для высадки шлюпку, не составит труда перебить их одного за другим.

Ясно, какие огромные преимущества представлял маневр, предложенный инженером. Пираты, несомненно, решат, что перед ними многочисленный и хорошо вооруженный неприятель, которого не так-то легко одолеть.

Только через полчаса, не раньше, шлюпка, упорно боровшаяся с набегавшими волнами, добралась до «Быстрого». До колонистов донеслись громкие крики, когда гребцы вынесли из шлюпки своих раненых товарищей; с брига послали три или четыре ядра, хотя они не могли достичь цели.

Но теперь уже целая дюжина пиратов, опьяненных злобой, а быть может, и вчерашними возлияниями, пустилась на шлюпке к берегу. Вслед за ней на воду спустили вторую шлюпку, куда уселись восемь человек, и пока первая шла прямо к островку, надеясь выбить оттуда врага, вторая начала маневрировать с расчетом проникнуть в устье реки Благодарения.

Положение Пенкрофа и Айртона становилось слишком опасным, и они поняли, что пора перебраться обратно на остров.

Однако они решили подпустить поближе первую лодку, и два метких выстрела снова внесли расстройство в ряды гребцов. Затем стрелки выбрались из засады, как ветер пронеслись под градом пуль по островку, вскочили в пирогу и пересекли пролив в тот самый момент, когда вторая шлюпка достигла южной оконечности островка; затем они укрылись в Трущобах.

Едва только они успели присоединиться к Сайресу Смигу и Герберту, как пираты с первой шлюпки высадились на островок и бросились обшаривать его.

Почти одновременно раздались выстрелы у устья реки Благодарения, куда быстро подошла вторая шлюпка. Двое из восьми человек команды были сражены Гедсоном Спилетом и Набом, а шлюпка, увлекаемая непреодолимым течением, разбилась о подводные рифы у входа в устье. Однако шестеро уцелевших пиратов, подняв ружья над головой, чтобы уберечь их от воды, выбрались на правый берег реки. Но, поняв, что здесь они являются слишком хорошей мишенью для стрелков, находившихся в засаде, они со всех ног бросились бежать в направлении мыса Находки, где их не могли настичь вражеские пули.

Положение создалось следующее: на островке находилось двенадцать пиратов, правда, некоторые из них были ранены, но зато в их распоряжении имелась лодка; на остров высадилось шесть человек, но добраться до Гранитного дворца они не могли, так как путь им преграждала река, а все мосты были подняты.

— Держимся пока, — воскликнул Пенкроф, вбегая в Трущобы, — ведь, правда, держимся еще, мистер Сайрес?! Как, по-вашему?

— По-моему, — ответил инженер, — бой неминуемо вступит в новую фазу, нелепо было бы предположить, что пираты какие-то дурачки и будут по-прежнему пытаться высадить команду на берег в столь неблагоприятных для них условиях!

— Ни за что им не перебраться через пролив, — заяви моряк. — Айртон и мистер Спилет не зря вооружились карабинами, не бойтесь, ни одного головореза не пропустят. Вы же знаете, их карабины больше чем на милю бьют!

— Правильно, — подтвердил Герберт, — но что можно сделать с двумя карабинами против судовой батареи?

— Ну, бриг еще в пролив не вошел, — возразил Пенкроф.

— А если все-таки войдет? — спросил Сайрес.

— Да это невозможно, ведь он рискует там сесть на мель, и тогда ему конец!

— Нет, возможно, — вмешался в разговор Айртон. — Пираты могут воспользоваться приливом и войти сюда, даже рискуя сесть на мель во время отлива, и тогда нам не устоять против огня их пушек.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — И верно, эти негодяи, как видно, готовятся поднять якорь!

— Не укрыться ли нам в Гранитном дворце? — заметил Герберт.

— Пока еще подождем, — ответил Сайрес Смит.

— А как же Наб и мистер Спилет? — осведомился Пенкроф.

— Они успеют присоединиться к нам, когда наступит время. Будьте начеку, Айртон. Теперь слово за вашим карабином, равно как и за карабином Спилета.

Замечание Пенкрофа было совершенно справедливо! «Быстрый» поворачивался на якоре, явно намереваясь подойти к острову. Прилив продлится еще часа полтора, и так как течение стало слабее, бриг мог легко маневрировать. Но Пенкроф никак не желал согласиться с Айртоном, что бриг рискнет войти в пролив.

Тем временем группа пиратов, захватившая островок, постепенно добралась до противоположного берега, — теперь от суши их отделял лишь пролив. Вооруженные только ружьями, они не могли причинить никакого вреда колонистам, укrywшимся частью в Трущобах, частью в устье реки; не предполагая, что у неприятеля есть дальнобойные карабины, пришельцы считали, что здесь им не грозит ни малейшая опасность. Поэтому они преспокойно обследовали островок и даже настолько осмелели, что открыто шли по самому берегу.

Но их заблуждению суждено было рассеяться слишком скоро. Вдруг разом заговорили карабины Айртона и Спилета; должно быть, этот «разговор» пришелся не по душе двум каторжникам, навзничь упавшим на землю.

Началась неопиcуемая паника. Десять уцелевших пиратов, даже не потрудившись захватить своих

раненых или убитых товарищей, бросились со всех ног к противоположному берегу островка, прыгнули в шлюпку и погнались к бригу сильными ударами весел.

— Ого, уже восьми человек недочет! — воскликнул Пенкроф. — Да, мистер Спилет и Айртон, видно, стараются не отстать друг от друга.

— Господа, — сказал Айртон, заряжая свой карабин, — положение осложнилось: бриг снимается с якоря.

— Верно, якорь поднимают!.. — закричал Пенкроф.

— Уже пошел!

И в самом деле, отчетливо слышался лязг стопора на кабестане, который вращала команда. В первую минуту «Быстрого» потянуло к якорю, но когда якорь оторвался от грунта, бриг двинулся к берегу. Ветер дул с моря. На судне подняли стаксель и фор-марсель, и оно стало приближаться к острову.

Колонисты, занявшие посты в устье реки и в Трущобах, следили за маневрами брига, не подавая признаков жизни, но не в силах были подавить охватившего их волнения. И действительно, их ждала страшная участь — обстрел вражеской батареи, бьющей по острову чуть ли не в упор, и полная невозможность нанести противнику хотя бы незначительный урон. Как тут воспрепятствовать высадке пиратов?

Сайрес Смит отлично понимал, как велика опасность, и ломал себе голову, стараясь найти выход из положения. Через несколько минут ему так или иначе придется принять решение. Но какое? Запереться в Гранитном дворце, который обложат пираты, и выдерживать осаду неделю, месяц, а возможно, и несколько месяцев, поскольку съестных припасов хватит с избытком? Хорошо, допустим даже, что этот план ему удастся. Ну, а дальше что? Все равно пираты станут хозяевами острова, они натешатся здесь вволю, все перевернут вверх дном и в конце концов одолеют пленников Гранитного дворца.

Впрочем, оставался еще один шанс: что, если Боб Гарвей не рискнет ввести бриг в пролив и не пристанет к островку? В этом случае судно очутится в полумиле от острова, и с такого расстояния его ядра не смогут нанести колонии и колонистам особенно сокрушительных ударов.

— Да ни за что на свете, — твердил Пенкроф, — ни за что на свете Боб Гарвей, если он только опытный моряк, не станет рисковать своим бригам. А вдруг погода переменится? Что тогда будет с кораблем, а?

Однако бриг приблизился к островку: по-видимому, пираты намеревались достичь южной его оконечности. Дул слабый ветер, и так как течение значительно ослабело, Боб Гарвей имел возможность направить свой корабль, куда ему заблагорассудится.

Пиратские шлюпки, посланные на разведку, нашли фарватер, и поэтому бриг смело продвигался вперед. Не составляло труда угадать его планы: он бросит якорь напротив Трущоб и отсюда ответит градом ядер и снарядов на пули колонистов, перебивших часть экипажа.

Вскоре «Быстрый» достиг оконечности островка и беспрепятственно обогнул ее; на судне подняли косой грот, и бриг, держась круто к ветру, пришел на траверз реки Благодарения.

— Ах, разбойники, лезут-таки! — закричал Пенкроф.

В эту минуту к Сайресу Смигу, Айртону, моряку и Герберту присоединились Наб и Гедеон Спилет.

Журналист и его товарищи рассудили, что пришло время покинуть свой пост близ устья реки, и рассудили совершенно справедливо, ибо оттуда стрелять по кораблю было просто бессмысленно. Куда лучше быть всем вместе в решительную минуту, когда, возможно, начнется жестокая схватка. Гедеон

Спилет и Наб добрались до Трущоб, прячась за скалы, и сыпавшиеся градом пули не причинили им ни малейшего вреда.

— Спилет! Наб! — воскликнул инженер. — Надеюсь, вы не ранены?

— Нет, не ранены, — ответил журналист, — правда, слегка задело рикошетом! Но, смотрите-ка, этот чертов бриг входит в пролив!

— Да, — подтвердил Пенкроф, — и через десять минут он встанет на якорь против Гранитного дворца!

— А каков ваш план действия, Сайрес? — обратился Гедеон Спилет к инженеру.

— Придется нам укрыться в Гранитном дворце, пока еще есть время и каторжники нас не обнаружили.

— Совершенно с вами согласен, — ответил Гедеон Спилет, — но запершись там...

— Будем действовать сообразно обстоятельствам, — сказал инженер.

— Ну, тогда в путь, и поскорее! — воскликнул журналист.

— А как, по-вашему, мистер Сайрес, не лучше ли нам с Айртоном остаться здесь? — спросил моряк.

— А зачем, Пенкроф? — возразил Сайрес Смит. — Нет, нам не следует сейчас разлучаться.

Нельзя было терять ни минуты. Колонисты выбрались из Трущоб. Небольшой выступ кряжа скрывал их от глаз пиратов, толпившихся на палубе «Быстрого», но гулко эхо пушечных выстрелов, крушивших скалы, свидетельствовало о том, что бриг подходит к берегу.

Добраться до подъемника, достичь дверей Гранитного дворца, где со вчерашнего дня сидели взаперти в большой зале Топ и Юп, было делом минуты.

И пора! В окна, увитые зеленью, они увидели, как «Быстрый», окутанный клубами дыма, входил в пролив Колонистам пришлось даже немного отойти в сторону, так как все четыре пушки палили не переставая и ядра били вслепую по Трущобам и по устью реки Благодарения, хотя защитники ее уже оставили свой пост. Скалы разлетались на куски, и вслед за каждым залпом раздавались торжествующие возгласы пиратов, кричавших во всю глотку «Ур-ра!».

И все же можно было надеяться, что Гранитный двор уцелеет, ибо Сайрес Смит приказал из предосторожности укрыть окна зеленью, но вдруг ядро снесло двери и влетело в коридор.

— Проклятье! — воскликнул Пенкроф. — Неужели эти негодяи нас обнаружили?

Возможно, что пираты и не заметили колонистов, но, несомненно, Боб Гарвей счел своевременным дать по залп завесе зелени, которая подозрительно ярко выделялась на фоне каменной стены. Обстрел Гранитного дворца продолжался с удвоенной яростью, и вскоре еще одно ядро сорвало зеленые ветви, обнажив в граните зияющее отверстие.

Положение колонистов стало безнадежным. Их жилище было открыто. А они не могли воздвигнуть преграды против ядер, даже не могли укрыться от осколков гранита, фонтаном взлетающих вокруг них. Оставалось только одно: укрыться в верхнем коридоре Гранитного дворца, покинуть свое жилище на произвол судьбы. Вдруг раздался глухой удар и вслед за ним отчаянные крики.

Сайрес Смит и его товарищи бросились к окнам.

Огромный водяной столб, нечто вроде смерча невиданной силы, приподнял бриг, который треснул пополам, и через десять секунд волны поглотили судно и преступников, составлявших его экипаж!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают то, что можно спасти. — Беседа за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательный осмотр брига. — Крюйт-камера уцелела. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок металлического цилиндра.

— Они взорвались! — воскликнул Герберт.

— Верно! Взлетели на воздух, словно Айртон поджег порох в их крюйт-камере! — подтвердил Пенкроф, бросаясь вместе с Набом и юношей к подъемнику.

— Но что же все-таки случилось? — спросил Гедеон Спилет, который никак не мог прийти в себя после столь неожиданной развязки.

— Ну, на сей раз мы все узнаем!.. — живо отозвался инженер.

— Что узнаем?

— Позже, позже, а теперь пойдёмте, Спилет. Главное, пиратов больше не существует.

И Сайрес Смит, увлекая за собой журналиста Айртона, поспешил на берег, где их поджидали Пенкроф, Наб и Герберт.

Морские волны проглотили бриг, даже мачт не было видно. Водяной смерч, приподняв судно, опрокинул его на бок, и в таком положении оно и затонуло — очевидно, волна хлынула в огромную пробоину. Но поскольку в этом месте пролива глубина не превышала двадцати футов, следовало ожидать, что во время отлива обнажится остов затонувшего брига.

На поверхности воды кружились обломки корабля — целый набор запасных мачт и рей, клетки с курами (крылатые пленницы были еще живы), ящики и бочонки, которые напором воды выбросило через люки, и они постепенно всплывали на поверхность; однако не видно было ни досок палубы, ни кусков обшивки, что делало еще более загадочными обстоятельства столь внезапной гибели «Быстрого».

Тем не менее две мачты, которые треснули в нескольких футах выше палубы и порвали при падении штаги и ванты, вскоре показались над водой вместе с парусами; одни паруса были развернуты, другие зажаты между деревянными частями. Но неужели же смотреть сложа руки, как отлив уносит все эти богатства в открытое море, — конечно, нет, и Айртон с Пенкрофом бросились к пироге, намереваясь пригнать уцелевший рангоут к острову или к островку Спасения.

Но когда они уже взяли за весла, их остановил голос Гедеона Спилета.

— А шестеро пиратов, которые высадились на правом берегу реки? — спросил он вдруг.

Он вовремя вспомнил об этих головорезах, которые пешком добрались до мыса Находки, после того как их шлюпка разбилась о прибрежные скалы.

Все взглянули в сторону мыса и не обнаружили ни одного беглеца. Вполне вероятно, что, став свидетелями гибели брига, поглощенного водами пролива, бандиты скрылись в глубине острова.

— Мы займемся ими позже, — сказал Сайрес Смит. — Правда, бандиты могут причинить нам немало зла, так как они вооружены, но ведь шестеро против шести — это значит, что силы равны. У нас есть сейчас дела поважнее.

Айртон с Пенкрофом оттолкнули пирогу от берега, и, повинувшись мощным ударам весел, она понеслась к месту катастрофы.

Море было спокойно, и вода стояла очень высоко, так как два дня тому назад наступило новолуние. Следовательно, пройдет не меньше часа, прежде чем обнажится остов брига, затонувшего в проливе.

Пенкроф и Айртон успели связать мачты и деревянные брусья канатом, конец которого забросили на берег у подножия Гранитного дворца. Колонисты соединенными усилиями втащили их на сушу. Потом на пирогу подобрали все, что плавало на поверхности: клетки с курами, бочонки, ящики, и всю эту добычу немедленно перенесли в Трущобы.

Вместе с обломками корабля всплыло несколько трупов. Среди них Айртон опознал Боба Гарвея и, указав Пенкрофу на мертвое тело пирата, взволнованно произнес:

— Вот кем был и я, Пенкроф!

— Но сейчас-то вы совсем другой, наш славный Айртон! — воскликнул моряк.

Заслуживало удивления то обстоятельство, что трупов было очень мало. Колонисты насчитали только пять-шесть утопленников, их уносило течением в открытое море. По всей вероятности, пираты, застигнутые врасплох катастрофой, не успели покинуть корабль, и, поскольку он перевернулся на бок, большинство погибло, запутавшись в бортовых сетках. Отлив, увлекавший в море трупы, избавлял колонистов от печальной необходимости предавать их земле где-нибудь в отдаленном уголке острова Линкольна.

В течение двух часов Сайрес Смит с товарищами вытаскивали обломки корабля на берег, отвязывали от реев паруса, которые, к счастью, оказались совершенно целыми, раскладывали их для просушки на песок. Поглощенные работой, они почти не разговаривали, но как много мыслей теснилось у них в голове! Бриг, со всем его содержимым, — ведь это же настоящее богатство. Всякое судно представляет собой как бы целый плавучий мирок, и имущество колонистов, несомненно, пополнится множеством необходимых предметов. Короче — повторялась, только в более крупных масштабах, история находки ящика, обнаруженного на мысу, получившем поэтому название мыса Находки.

«И почему, — думал Пенкроф, — почему бы нам не поднять затонувшее судно? Если там всего только одна пробоина, заделать ее ничего не стоит, а судно тоннажем в триста, а то и четыреста тонн — это же подлинный гигант по сравнению с нашим «Бонадвентуром»! На таком судне хоть за тысячу миль отправляйся! Куда хочешь, туда и плыви! Надо бы нам с мистером Сайресом и Айртоном взяться за это дело! Стоит потрудиться!»

В самом деле, если на бригае еще можно плавать, шансы колонистов на возвращение в родные края возрастут в сотни раз. Но, для того чтобы решить этот важный вопрос, приходилось ждать конца отлива: тогда можно будет осмотреть со всех сторон корпус судна.

Когда остатки затонувшего корабля были выловлены из воды и сложены на берегу в безопасном месте, колонисты решили передохнуть и позавтракать. Они буквально падали с ног от голода. К счастью, кладовая находилась поблизости, и Наб с честью доказал свои незаурядные кулинарные способности. Завтрак состоялся на открытом воздухе возле Трущоб. Читатель, конечно, догадывается, что во время еды все разговоры вертелись вокруг неожиданного происшествия, чудом спасшего колонистов от неминуемой гибели.

— Именно чудом, — настаивал Пенкроф, — признаемся же, что головорезы взлетели в воздух в самое, что называется, время! В Гранитном дворце становилось уж очень неудобно.

— Послушайте, Пенкроф, — спросил журналист, — как, по-вашему, все это произошло? Вы представляете себе, отчего получился взрыв?

— Нет ничего проще, мистер Спилет, — ответил Пенкроф. — Ведь на разбойничьем бригае разве такая дисциплина, как, скажем, на военном корабле! Пираты — это ведь не матросы. Должно быть, двери крьюйт-

камеры остались открытыми, бандиты били по острову без передышки, ну, а тут достаточно какого-нибудь дурня или ротозея, чтобы все взлетело на воздух.

— А знаете, мистер Сайрес, — начал Герберт, — меня вот что удивляет. Почему взрыв не произвел больших разрушений? Звук был не особенно сильный, и пострадала только обшивка. Право, можно подумать, что корабль скорее утонул, нежели взорвался.

— Это тебя удивляет, голубчик? — спросил инженер.

— Очень, мистер Сайрес.

— И меня тоже, Герберт, — ответил инженер, — и меня это очень удивляет; вот подожди, осмотрим корпус брига и, конечно, пойдем, в чем тут дело.

— Неужели вы хотите сказать, мистер Сайрес, — возразил Пенкроф, — что «Быстрый» просто-напросто затонул, как самое обыкновенное судно, наткнувшееся на риф?

— А почему бы и нет? — спросил Наб. — В проливе много рифов.

— Ай да Наб, — воскликнул Пенкроф. — Значит, дружок, ты самого главного и не заметил. Я-то прекрасно видел бриг за минуту до того, как он затонул, видел, как его подкинула огромнейшая волна, видел, как он опрокинулся на левый борт. А если б он наткнулся на скалу, то пошел бы ко дну спокойно, по примеру любого добропорядочного судна.

— Но ведь «Быстрый» как раз не добропорядочное судно! — возразил Наб.

— Увидим, увидим, Пенкроф, — сказал инженер.

— Конечно, увидим, — подтвердил моряк, — только я готов голову прозаложить, что в нашем проливе никаких подводных рифов нет. Скажите, мистер Сайрес, положи руку на сердце, что вы имели в виду, говоря, будто в этом деле есть доля чудесного?

Сайрес как будто не слышал этого замечания.

— Во всяком случае, — воскликнул Гедеон Спилет, — утонул ли бриг, взорвался ли, согласитесь, Пенкроф, что произошло это весьма кстати!

— Еще бы, еще бы, — ответил моряк, — но дело не в этом. Я вот спрашиваю мистера Смита, что он во всем этом происшествии видит сверхъестественного?

— Я пока не выскажу своего мнения, Пенкроф, — ответил инженер. — Вот все, что сейчас могу вам ответить.

Но эти слова ни в малой степени не удовлетворили Пенкрофа. Он упорно настаивал на версии взрыва и не желал отступить от нее. Никто его никогда не убедит, что в их проливе, дно которого, как и сам берег, покрыто мелким песком, что в их проливе, через который он десятки раз переправлялся во время отлива, могла вдруг существовать никому не известная подводная скала. Да и в ту минуту, когда корабль затонул, был прилив, другими словами — судно могло преспокойно пройти, не задев рифы, которых не видно было даже при отливе. Следовательно, речь могла идти только о взрыве. Следовательно, корабль не разбился о рифы. Следовательно, он взлетел на воздух.

Признаемся, что рассуждения моряка не были лишены здравого смысла.

Около половины второго колонисты сели в пирогу и поплыли к месту кораблекрушения. Жаль только, что не удалось спасти двух судовых шлюпок; но одна, как известно, разбилась близ устья реки Благодарения, и починить ее не представлялось возможным, а другую поглотила пучина одновременно с бригам, который, очевидно, раздавил хрупкую шлюпку, почему она и не всплыла на поверхность.

Тем временем корпус «Быстрого» начал появляться из воды. Оказалось, что бриг лежит даже не на боку, — во время кораблекрушения мачты сломались, балласт переместился и судно перевернулось килем вверх. Таково было действие необъяснимой, но страшной подводной силы, которая, выбросив огромный столб воды, сразу опрокинула судно.

Колонисты обошли корпус брига, и, так как отлив продолжался, им удалось установить если не причину неожиданной катастрофы, то хоть ее последствия.

В носовой части судна, по обе стороны киля, в семи-восьми футах от основания форштевня, бока брига были ужасно разворочены на длине не менее чем в двадцать футов. Нечего было и думать о том, чтобы заделать эти зияющие пробоины. В поврежденных местах не удалось обнаружить не только деревянной, но и медной обшивки, которую, по всей видимости, уничтожило без остатка; исчезли даже части набора, железные гвозди, болты и нагели. По всему корпусу, вплоть до кормовой части, обшивка корабельного набора расшаталась и пришла в полную негодность. Какая-то чудовищная сила сорвала фальшкиль, а сам киль в нескольких местах отошел от кильсона и треснул по всей своей длине.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Да, этот корабль будет не так-то легко починить.

— Вернее, просто невозможно, — добавил Айртон.

— Во всяком случае, — обратился Гедеон Спилет к моряку, — взрыв, если только тут действительно был взрыв, произвел довольно странное действие. Посмотрите-ка, палуба и надводная часть, которым полагалось бы взлететь на воздух, целехоньки! А взгляните на эти пробоины: судя по их размерам, бриг именно наткнулся на подводный риф, а не взорвался.

— Да нет же в нашем проливе никаких рифов, — сказал моряк. — Ладно, я согласен признать любую причину гибели брига, только не ваши рифы!

— Давайте попробуем проникнуть внутрь судна, — предложил инженер. — Возможно, нам удастся установить там истинную причину гибели «Быстрого».

Все согласились с этим разумным предложением, Да, кроме того, надо было составить опись богатств, находившихся в затопленном судне, и попытаться спасти их.

Пробраться во внутреннюю часть брига не составляло теперь особого труда. Вода, постепенно убывая, почти совсем ушла, и проникнуть внутрь судна всего удобнее было через нижнюю палубу, которая теперь оказалась наверху, так как корпус судна перевернулся. Чугунные чушки, использованные в качестве балласта, пробили ее в нескольких местах. Вода с мерным журчанием выбегала из трещин, испещривших корпус брига.

Сайрес Смит и его товарищи, вооружившись топорами, вступили на искалеченную палубу. Проход загромождали ящики всех размеров, и так как они пробыли под водой недолго, можно было ожидать, что содержимое их не пострадало.

Первым делом колонисты оттащили весь груз в надежное место. Прилив начнется только через несколько часов, и друзья не потеряли времени даром. Айртон и Пенкроф установили у пробоины тали для спуска ящиков и бочонков. Их грузили на пирогу и тут же доставляли на берег. Брали с брига все подряд, решив потом на досуге осмотреть и рассортировать новое имущество.

Но и сейчас колонисты убедились, к великой своей радости, что в трюмах брига хранится много ценных вещей — самые разнообразные предметы, домашняя утварь, посуда, штуки материи, инструменты, — словом, обычный груз судна, ведущего торговлю с островами Полинезии. Вероятно, тут было всего понемногу, а это как раз и улыбалось колонистам острова Линкольна.

Однако Сайрес Смит с удивлением убедился в том, что пострадал не только, как мы уже говорили,

корпус брига вследствие какого-то удара, приведшего к катастрофе, но даже внутренность судна, особенно в носовой его части. Переборки и пиллерсы были снесены, словно внутри брига разорвался снаряд поистине огромной разрушительной силы. Колонисты беспрепятственно прошли от носа до кормы, лавируя между ящиками и тюками, которые постепенно извлекались из трюма. К счастью, все эти вещи оказались не тяжелыми, но лежали они в беспорядке.

Колонисты добрались до кормовой части судна — туда, где раньше находился ют. По словам Айртона, здесь-то и следовало искать крьюйт-камеру. Сайрес Смит надеялся, что она не взорвалась, и, следовательно, несколько бочонков с порохом уцелели, а так как порох обычно хранится в металлической упаковке, он, очевидно, не подмок.

Предположения инженера оправдались. Среди множества снарядов колонисты обнаружили десятка два бочонков с порохом, обитых изнутри медными листами; бочонки были тут же со всеми предосторожностями извлечены из крьюйт-камеры. Пенкроф, следовательно, мог собственными глазами убедиться, что «Быстрый» погиб не от взрыва. Как раз та часть судна, где была расположена крьюйт-камера, пострадала меньше других.

— Что ж, возможно, — согласился моряк, но тут же упрямо добавил: — А все-таки никаких рифов в нашем проливе нет!

— Тогда что же произошло? — спросил Герберт.

— Не знаю, — отрезал Пенкроф, — и мистер Сайрес тоже не знает, и никто не знает, и не узнает никогда!

Занятые осмотром судна, колонисты не заметили, как прошло несколько часов и начался прилив. Пришлось прекратить спасательные работы. Впрочем, нечего было бояться, что волны унесут остов брига в открытое море, так как судно уже увязло в песке и держалось прочнее, чем на всех своих якорях.

Поэтому можно было спокойно ждать следующего отлива, чтобы закончить выгрузку обнаруженного на бриге имущества. Но сам корабль погиб безвозвратно, и надо было в спешном порядке спасти хоть обломки корпуса, пока их не засосал зыбучий песок на дне пролива.

Было уже пять часов вечера. Нелегкий выдался для колонистов денек. Они пообедали с отменным аппетитом и, хотя валились с ног от усталости, не могли устоять против искушения ознакомиться с содержимым ящиков, обнаруженных в трюмах «Быстрого».

В большинстве ящиков оказалось готовое платье, которое, по вполне понятным причинам, было встречено радостными возгласами колонистов. Одежды, всевозможного белья и обуви всех размеров было так много, что хватило бы с избытком на целую колонию.

— Ну и богатство нам привалило, — твердил Пенкроф. — Только куда нам такая масса?

То и дело раздавалось громкое «ура», которым неунывающий моряк приветствовал каждую новую находку — то бочонок с водкой из сахарного тростника, то кипы табаку, то огнестрельное или холодное оружие, тюки хлопка, сельскохозяйственный инвентарь, плотничьи, столярные и кузнечные инструменты, мешки с семенами самых различных растений, не пострадавшие от своего кратковременного пребывания в воде. Ах, каким поистине неоценимым кладом было бы все это для них два года тому назад! Но ничего, даже сейчас, когда изобретательные и трудолюбивые колонисты сумели собственными руками создать все необходимое, эти сокровища найдут свое применение.

В кладовых Гранитного дворца места хватало с избытком, но в тот день уже некогда было заниматься переноской вещей. При всем том не следовало забывать, что на острове бродят шестеро уцелевших пиратов с «Быстрого», что незваные гости — отъявленные негодяи и что следует держаться начеку. Пусть

мост на реке Благодарения и все мостики подняты, разве преступников остановит ручей или даже река? А сейчас, доведенные до крайности, они стали вдвойне опасны.

Пока еще незачем было принимать меры против пришельцев. Время само покажет, как нужно действовать, решили колонисты, а пока необходимо зорко охранять ящики и тюки, сложенные возле Трущоб, и поэтому друзья всю ночь по очереди несли дежурство.

Ночь прошла спокойно, пираты не осмелились напасть на поселенцев. Дядюшка Юп и Топ, на которых возложили охрану Гранитного дворца, конечно, не замедлили бы поднять тревогу.

Три следующих дня — девятнадцатое, двадцатое двадцать первое октября — колонисты потрудились на славу, спасая все, что представляло хоть какую-нибудь ценность, — будь то груз «Быстрого» или части его оснастки. Во время отлива они разгружали трюм. Начиная прилив — доставляли имущество на берег. Хотя песок с каждым днем все больше засасывал остов корабля, удалось все же снять с брига большую часть его медной обшивки. Несколько раз Айртон и Пенкроф ныряли на дно канала и извлекали оттуда тяжелые предметы, которые грозил поглотить песок, — цепи, якоря, чугунные чушки и даже четыре орудия судовой батареи; с помощью пустых бочек удалось пригнать этот груз к берегу.

Как мы видим, колонисты изрядно пополнили не только свои склады и кладовые, но и свой арсенал. Пенкроф увлеченный новыми замыслами, лелеял план установить батарею, которая охраняла бы подступы к проливу и устью реки. Ведь у них как-никак четыре орудия, и с их помощью Пенкроф намеревался обратить в бегство любую флотилию, «хоть самую мощную», как он выражался, если таковой придет охота пуститься в плавание по водам, омывающим остров Линкольна.

Между тем, как от брига остался один ни на что не годный остов, началась непогода и завершила дело разрушения. Сайрес Смит решил было взорвать бриг и затем вытащить его останки на сушу, но поднявшийся норд-ост и разбушевавшееся море избавили колонистов от излишней траты пороха.

И действительно, в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое октября буря разбила вдребезги остов брига и выбросила часть обломков на берег.

Вряд ли стоит говорить, что Сайрес Смит в поисках судовых бумаг тщательнейшим образом обшарил все шкафы и ящики на юте, но не обнаружил никаких документов. Очевидно, пираты уничтожили все бумаги, могущие свидетельствовать о личности их капитана или бывшего владельца брига, а так как на кормовой доске не значилось наименования порта, к которому бриг был приписан, то не представлялось возможным определить и его национальную принадлежность. Однако Айртон и Пенкроф утверждали, что, судя по носовой части брига, он вышел из английских верфей.

Через неделю после катастрофы, вернее, после таинственной развязки, спасшей жизнь колонистам, даже во время отлива уже нельзя было обнаружить следов «Быстрого». Последние его обломки унесло в море, а груз обогатил кладовые Гранитного дворца.

Однако обстоятельства столь неожиданной и странной гибели так бы и остались тайной, если бы тридцатого октября Наб, бродивший по берегу, не нашел обломка металлического толстостенного цилиндра, хранившего на себе следы взрыва. Цилиндр этот был перекручен и разорван по краям словно под действием взрывчатого вещества.

Наб принес находку инженеру, который трудился вместе с остальными колонистами в мастерской Трущоб.

Сайрес Смит внимательно осмотрел цилиндр, затем повернулся к Пенкрофу и сказал:

— Вы продолжаете настаивать, мой друг, что гибель «Быстрого» последовала не в результате удара о риф?

— Да, продолжаю, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Вы же сами прекрасно знаете, что в нашем проливе никаких рифов нет.

— Ну, а что, если он наскочил на этот кусок железа? — продолжал инженер, протягивая Пенкрофу обломок металлического цилиндра.

— Вот на эту-то трубку? — воскликнул моряк, даже не пытаясь скрыть недоверия.

— Друзья мои, — обратился Сайрес Смит к колонистам, — надеюсь, вы помните, что, прежде чем затонуть, бриг подхватило и бросило вверх огромным столбом воды?

— Конечно, помним, мистер Сайрес! — поспешно отозвался Герберт.

— Вам угодно знать, чем был вызван смерч? Вот, этим. — И инженер протянул на ладони искалеченный цилиндр.

— Вот этим? — спросил Пенкроф.

— Да, потому что цилиндр — это все, что осталось от подводной мины.

— От мины! — в один голос воскликнули колонисты.

— А кто установил мину-то эту? — сказал Пенкроф, не желая сдаваться.

— Одно могу сказать — не я! — ответил Сайрес Смит. — Но факт налицо: кто-то установил мину, и вы сами могли судить о ее неслыханной разрушительной силе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Выводы инженера. — Грандиозные планы Пенкрофа. — Надземная батарея. — Четыре выстрела. — Разговор об уцелевших пиратах. — Колебания Айртона. — Великодушие Сайреса Смита. — Пенкроф не без сожаления сдает позиции.

Итак, все объяснилось взрывом подводной мины. Сайрес Смит не мог ошибиться; во время гражданской войны в США ему не раз приходилось иметь дело с этими ужасными орудиями разрушения. Именно под действием этого цилиндра, начиненного нитроглицерином, солями пикриновой кислоты или другим взрывчатым веществом, из пролива поднялся водяной столб, и сраженный молниеносным ударом, бриг пошел ко дну; поднять его не представилось возможным, так сильно был поврежден корпус судна. Если подводная мина без труда пробивает броню фрегата, словно простую рыбацью лодку, где уж тут было устоять бригам!

Да, все стало ясным, решительно все... кроме одного обстоятельства: откуда взялась мина в водах пролива.

— Друзья мои, — заговорил Сайрес Смит, — теперь уж не подлежит сомнению, что на острове обитает какое-то таинственное существо, — возможно, как и мы, жертва кораблекрушения. Я говорю это затем, чтобы познакомить Айртона с теми загадочными событиями, которые происходили здесь в течение двух лет. Кто этот неведомый благодетель, который, по счастью, уже не раз приходил нам на помощь, — этого я не берусь сказать. Из каких соображений он действует и почему скрывается от нас, облагодетельствованных им людей, — этого я не могу понять. Но так или иначе, услуги эти были оказаны, и оказать их мог только человек, обладающий поистине необычайным могуществом. Айртон обязан ему в такой же мере, как и все мы, ибо, если этот неведомый покровитель спас меня из морской пучины после гибели воздушного шара, он же, очевидно, написал записку, бросил бутылку в пролив и уведомил нас таким образом о бедственном положении нашего товарища. Добавлю, что это он так своевременно подбросил на мыс Находки ящик, содержащий те предметы, в которых мы особенно нуждались; это он зажег костер на вершине горы, чтобы вы могли достичь острова; это он стрелял в пекари, и дробинку из его ружья мы обнаружили в теле убитого нами животного; это он поставил в проливе мину, на которой подорвался разбойничий бриг, — словом, всеми необъяснимыми и непонятными благодеяниями мы обязаны этому таинственному существу. Итак, кто бы он ни был, жертва ли кораблекрушения или изгнанник, сосланный на этот остров, забыв о нем, мы проявили бы черную неблагодарность. Мы в долгу перед ним и, надеюсь, рано или поздно заплатим наш долг.

— Вы совершенно правы, дорогой Сайрес, — ответил Гедеон Спилет. — Да, вы совершенно справедливо сказали, что где-то здесь, на острове, обитает некое таинственное существо, наделенное почти нечеловеческим могуществом и употреблявшее его до сих пор на благо нашей колонии. Я сказал бы даже, что этот неизвестный обладает сверхъестественной властью, если бы только мы допускали возможность существования сверхъестественной силы и ее вмешательства в нашу повседневную жизнь. Возможно, он тайно сообщается с нами через колодец Гранитного дворца и узнает таким образом обо всех наших планах. Возможно, он подбросил нам бутылку, когда мы пустились на пироге в наше первое плавание по морю. Возможно, это он выбросил Топа из озера и был причиной гибели дюгоня. Возможно, что он спас вас, Сайрес, из морской пучины и притом, заметьте, при таких обстоятельствах, когда простой смертный был бы бессилён сделать что-либо. Если это действительно так — он властвует не только над делами человеческими, но и над стихиями.

Присутствующие не могли не согласиться со справедливыми рассуждениями журналиста.

— Совершенно верно, — подхватил Сайрес Смит, — никто из нас не сомневается более в существовании загадочного обитателя острова, и я признаю, что он располагает такими средствами, которые пока еще не доступны людям. Вот еще одна загадка... Но, обнаружив незнакомца, мы ее разгадаем. Следовательно, нам предстоит решить следующий вопрос: будем ли мы и впредь уважать инкогнито этого великодушного человека или мы сделаем все возможное, чтобы обнаружить его. Мне бы хотелось узнать на этот счет ваше мнение, друзья.

— По-моему, — ответил Пенкроф, — кто бы он ни был — он славный малый, и я уважаю его всей душой.

— Все это очень хорошо, — возразил Сайрес Смит, — но согласитесь, что вы не ответили на мой вопрос, Пенкроф.

— А по-моему, хозяин, — проговорил Наб, — будем мы искать этого человека или нет — безразлично. Прежде чем он сам не пожелает нам открыться, нам его ни за что не найти.

— Здорово сказано, Наб, — похвалил Пенкроф, — прямо-таки умно сказано.

— Я вполне согласен с Набом, — начал Гедеон Спилет, — но это недостаточно веский довод, чтобы отказаться от поисков. Найдем ли мы или не найдем эту таинственную личность, по крайней мере мы выполним в отношении ее свой долг.

— А ты, дружок, что скажешь? — обратился инженер к Герберту.

— Ах! — воскликнул Герберт, и глаза его загорелись. — Мне так хотелось бы поблагодарить его за то, что он сначала спас вас, мистер Сайрес, а потом и нас всех!

— Неплохо придумано сынок, — откликнулся Пенкроф, — и я не прочь это сделать, да и все остальные тоже! Излишним любопытством я, как известно, не страдаю, а все-таки охотно отдал бы правый глаз, чтобы поглядеть на этого героя. Надо полагать, он красивый мужчина, сильный такой, высокий; борода у него длинная, волнистая, волосы — словно сияние; возлежит он, должно быть, на облаках и в руках держит большой такой шар...

— Да ведь вы нам нарисовали самого господа бога, — прервал моряка Гедеон Спилет.

— Не спорю, — ответил Пенкроф, — но что ж поделаешь, если он именно таким мне представляется.

— А ваше мнение, Айртон? — спросил инженер.

— Видите ли, мистер Смит, я не знаю, что и сказать. Что бы вы ни решили, все будет правильно и хорошо. Если вы хотите, чтобы и я принял участие в поисках, я немедленно последую за вами.

— Очень вам благодарен, Айртон, — ответил Сайрес Смит, — но мне хотелось бы получить от вас более прямой ответ. Вы наш полноправный товарищ; вы много раз делом доказали нам свою преданность, и прежде чем принять такое важное решение, мы спрашиваем вашего мнения, как и мнения колонистов. Так скажите же нам, что вы думаете насчет всего этого?

— Мистер Смит, я считаю, что мы обязаны сделать все возможное, чтобы найти нашего таинственного покровителя, — ответил Айртон. — Может быть, он томится в одиночестве. Может быть, страдает. Может быть, с нашей помощью он начнет новую жизнь. Вот вы сейчас сами сказали, что я его должник. Это он, конечно, он а не кто другой, посетил остров Табор, обнаружил там несчастное, страждущее существо и сообщил вам, что необходимо спасти его. Значит, по его милости я снова стал человеком. Никогда я этого не забуду.

— Что ж, решено, — сказал Сайрес Смит. — Начнем поиски, и как можно скорее. Обследуем весь остров, заглянем в каждый уголок. Обшарим все тайники, и пусть наш неизвестный друг простит нам эту

нескромность, ведь она продиктована благими намерениями.

Все последующие дни колонисты деятельно готовились к зиме — запасали корм для скота, убрали урожай. Они рассудили, что сначала надо покончить со всеми неотложными делами, а уж затем пускаться на обследование острова. К тому же созрели овощи, вывезенные с острова Табор. Предстояло сложить в кладовые плоды упорного труда; к счастью, в Гранитном дворце хватило бы места для всех богатств острова. Запасы поселенцев хранились в полном порядке в этих надежных природных кладовых, куда не могли пробраться ни четвероногие, ни двуногие враги. Массивные гранитные стены не пропускали сырости. Несколько естественных пещер, расположенных в верхней части коридора, были расширены или расчищены с помощью кирки или пороха, и таким образом в Гранитном дворце появились огромные склады, где теперь хранились провизия, боевые припасы, инструменты и посуда — словом, все имущество поселенцев.

Пушки, снятые с брига, оказались прекрасными орудиями, отлитыми из стали, и по настоящю Пенкрофа, их втащили в Гранитный дворец с помощью лебедок и талей; между окнами пробиты бойницы, и вскоре из амбразур выглянули длинные блестящие стволы пушек. Орудия господствовали с этой высоты над бухтой Соединения. Получился как бы Гибралтар в миниатюре, и любое судно, ставшее на шпринг у острова Линкольна, оказалось бы прекрасной мишенью для этой батареи.

— Мистер Сайрес, — сказал как-то Пенкроф (это было восьмого ноября), — теперь, когда, наша батарея в полном порядке, не мешает проверить, как далеко бьют пушки.

— А вы думаете, это целесообразно? — спросил инженер.

— Не только целесообразно, но и необходимо! А то как же мы узнаем, на какое расстояние можно посылать эти милые ядра, которых у нас, благодарение небу, скопилось немало?

— Что ж, попробуем, — согласился инженер. — Однако мне кажется, что для опытной пристрелки лучше пользоваться не обычным порохом — зачем тратить его запасы впустую, — а пироксилином, у нас его очень много.

— А выдержат ли наши пушки взрывную силу пироксилина? — спросил журналист, которому, не меньше чем Пенкрофу, хотелось испытать дальнобойность батареи Гранитного дворца.

— Думаю, что выдержат. К тому же, — добавил инженер, — мы будем действовать осторожно.

Сайрес Смит недаром был знатоком артиллерийского дела. Он сразу определил, что пушки сделаны на славу. Для их изготовления пошла лучшая сталь, заряжались они с казенной части, стреляли крупнокалиберными ядрами и, следовательно, били на значительное расстояние. Как известно, дальнобойность орудия тем больше, чем длиннее траектория, описываемая ядром, а протяженность траектории зависит от начальной скорости снаряда.

— Начальная же скорость находится в прямой зависимости от количества пороха, — пояснил инженер своим товарищам. — Таким образом, при изготовлении артиллерийских орудий самое главное — это качество металла, который должен обладать максимальным сопротивлением, а сталь бесспорно самый твердый из всех существующих металлов. Поэтому я полагаю, что наши пушки без риска выдержат расширение газов пироксилина и покажут прекрасные результаты.

— Вот попробуем наши пушечки, тогда все и узнаем! — подхватил Пенкроф.

Нечего и говорить, что все четыре орудия содержались в образцовом порядке. С тех пор как пушки были извлечены из воды и доставлены на берег, Пенкроф, не жалея сил и времени, натирал их, смазывал жиром, полировал, чистил затвор, замок, зажимной винт. И сейчас орудия блестели так, словно находились на борту военного американского фрегата.

Итак, в тот же день, в присутствии всех колонистов, включая, понятно, Топа и дядюшку Юпа, были поочередно испробованы все четыре пушки. Их зарядили пироксилином, учтя его взрывную силу, которая как мы говорили, в четыре раза превосходит взрывную силу обычного пороха; снаряды имели коническую форму.

Пенкроф держал в руке шнур запального фитиля, готовясь действовать.

По знаку Сайреса Смита прогремел выстрел. Ядро, пущенное в сторону моря, пронеслось над островком и исчезло где-то вдали, так что определить точное расстояние не представлялось возможным.

Вторую пушку навели на крайнюю точку мыса Находки, и ядро, ударившись об острый выступ скалы на расстоянии примерно трех миль от Гранитного дворца, разнесло его на куски.

Навел пушку и выстрелил Герберт, и надо ли говорить, как он был горд своим первым выстрелом из орудия. Но, пожалуй, еще больше гордился Пенкроф. Ведь это его сынок оказался таким метким пушкарем.

Третье ядро, посланное в направлении гряды дюн, идущей вдоль берега бухты Соединения, ударило в песок на расстоянии четырех миль от Гранитного дворца, затем силой рикошета подскочило и упало в море, подняв фонтаны брызг.

Готовясь к четвертому выстрелу, Сайрес Смит увеличил количество пироксилина, желая испытать предельную дальность орудий. Потом поселенцы отошли в сторону на случай, если пушку разорвет, и фитиль был подожжен с помощью длинного шнура.

Раздался оглушительный грохот, но пушка выдержала, и поселенцы, бросившись к окну, увидели, как ядро срезало верхушку скалы на мысе Челюсть, на расстоянии примерно пяти миль от Гранитного дворца, и исчезло в водах залива Акулы.

— Ну, что вы скажете, мистер Сайрес, о нашей батарее? — спросил Пенкроф, чьи неистовые крики восторга чуть ли не заглушали грохот пальбы. — Пускай к Гранитному дворцу являются теперь хоть все пираты Тихого океана — добро пожаловать! Попробуй ступи теперь на берег без нашего разрешения.

— Поверьте мне, Пенкроф, — ответил инженер, — лучше обойтись без таких опытов.

— Да, кстати, — воскликнул моряк, — что мы будем делать с шестеркой головорезов, которые расхаживают по острову? Значит, пусть себе разгуливают по нашим лесам, лугам и полям? Да ведь эти пираты — настоящие ягуары, с ними, как с ягуарами, и надо поступать... А вы как думаете, Айртон? — обратился Пенкроф к своему, приятелю.

Айртон не сразу ответил, и Сайрес Смит пожалел, что моряк неосмотрительно задал подобный вопрос. Он с волнением ждал ответа Айртона.

— Я сам был таким ягуаром, мистер Пенкроф, — смущенно произнес Айртон, — и не имею права высказывать своего мнения.

И он медленным шагом вышел из комнаты. Пенкроф все понял.

— Ах я болван, ах дурачина! — воскликнул он. — Бедный Айртон! Но ведь я хотел только узнать его мнение он вправе его высказать, как и любой из нас.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Гедеон Спилет, — но сдержанность Айртона делает ему честь, и мы должны уважать то чувство, с которым он вспоминает свое прошлое.

— Решено, мистер Спилет, — отозвался моряк, — больше я уж не промахнусь! Да лучше свой собственный язык проглотчу, чем обижу Айртона! Но вернемся к вопросу о пиратах. На мой взгляд, они не вправе рассчитывать на наше милосердие, и мы должны как можно скорее очистить от них остров.

— Вы действительно так считаете, Пенкроф? — спросил инженер.

— Да, считаю.

— А не лучше ли, прежде чем действовать столь беспощадно, подождать? Может быть, они и не решатся на новые враждебные действия.

— А того, что они сделали, по-вашему, недостаточно? — ответил вопросом Пенкроф, которому были чужды подобные колебания.

— Но ведь они могут перемениться к лучшему, — возразил Сайрес Смит, — кто знает, могут даже раскаяться...

— Это они-то раскаются? — воскликнул моряк, пожимая плечами.

— Пенкроф, вспомни об Айртоне! — сказал Герберт, беря моряка за руку. — Ведь стал же он честным человеком.

Пенкроф поочередно оглядел своих товарищей. Никогда бы он не подумал, что его предложение будет так принято. Человек прямодушный и суровый, он даже мысли не допускал, что кому-то придет в голову миндальничать с пиратами, высадившимися на их остров, вступать в переговоры с пособниками Боба Гарвея, с разбойничьим экипажем «Быстрого»; он искренне считал их дикими зверями, которых следует уничтожать, как хищников, без колебаний и угрызений совести.

— Смотрите-ка! — воскликнул он. — Все против меня одного! Вы желаете великодушничать с этими бродягами! Пусть будет по-вашему. Только смотрите, как бы нам потом не раскаяться.

— Нам не грозит никакая опасность, — произнес Герберт, — ведь мы будем настороже.

— Как сказать, — отозвался журналист, который до сих пор упорно молчал. — Их ведь шестеро, и они хорошо вооружены. Если бандиты разбредутся по острову или засядут где-нибудь в укромном уголке, они могут нас перестрелять одного за другим и овладеть нашей колонией.

— Почему же они до сих пор этого не сделали? — спросил Герберт. — Конечно, потому, что это не в их интересах. К тому же нас тоже шестеро.

— Ладно, ладно! — отозвался Пенкроф, нимало не убежденный доводами друзей. — Пусть эти пай-мальчики занимаются своими делами, не будем больше говорить о них.

— Да нет же, Пенкроф, — вмешался Наб, — ты вовсе не такой злой, каким притворяешься! Если бы один из этих несчастных очутился вдруг перед тобой на расстоянии ружейного выстрела, ты ни за что не стал бы стрелять...

— Выстрелил бы не раздумывая, как в бешеную собаку Наб, — холодно возразил Пенкроф.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал инженер, — вы не раз считались с моим мнением. Согласны вы и на этот раз положиться на меня?

— Хорошо, я и сейчас не выйду из повиновения вам, мистер Смит, — ответил Пенкроф, которого ничто не могло переубедить.

— Прекрасно, тогда будем ждать и нападём на них лишь в том случае, если они первые на нас нападут.

Предложение инженера было принято, хотя Пенкроф не одобрял эту тактику и считал, что к хорошему она не приведет. Решение было пока выжидать, ничего не предпринимая, но держаться начеку. Ведь остров Линкольна достаточно велик, земля здесь плодородная. Если в душе у пришельцев остались добрые чувства, возможно, они в конце концов исправятся. В тех условиях, в которых они теперь

очутились, в их же собственных интересах вернуться к честной жизни. Во всяком случае, следует ждать хотя бы ради человеколюбия. Правда, поселенцам уже не придется так беспечно, как раньше, разгуливать по всему острову. Доныне они опасались лишь диких зверей, а теперь шестеро преступников, быть может более свирепых, чем хищники, бродят где-то вокруг. Опасность немалая, и, бесспорно, люди не такие храбрые, как наши колонисты, утратили бы надолго душевный покой.

Что ж из того! В споре с Пенкрофом колонисты были правы. Но окажутся ли они правы в действительности — это покажет будущее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Проект экспедиции. — Айртон в корале. — Посещение порта Воздушного шара. — Замечания Пенкрофа на борту «Бонадвентура». — В кораль послана депеша. — Айртон не отвечает. — Выступаем завтра. — Почему бездействует телеграф? — Выстрел.

Тем временем колонисты готовились к тщательному обследованию острова, справедливо считая это своей важнейшей задачей, ибо теперь их экспедиция имела двоякую цель: прежде всего обнаружить таинственного покровителя, в существовании которого уже никто более не сомневался, и одновременно узнать, что стало с пиратами, где они укрываются, чем промышляют и чего следует опасаться с их стороны.

Сайрес Смит охотно бы двинулся в путь без промедления, но путешествие должно было продлиться несколько дней, а поэтому следовало взять с собой повозку, нагрузив ее лагерным оборудованием и разной утварью, необходимой для устройства привалов. Но, как на грех, один из онагров повредил себе ногу и не мог ходить в упряжке; необходимо было дать ему несколько дней отдыха, и колонисты решили отложить отъезд на десять дней, то есть до двадцатого ноября. В этих широтах ноябрь соответствует маю в Северном полушарии. Весна была в самом разгаре. Солнце подходило к тропику Козерога — наступали самые длинные дни в году. Словом, время для экспедиции было выбрано очень удачно. Если даже она и не приведет к желанной цели, то сколько можно будет сделать открытий, обнаружить естественных богатств: ведь по замыслу Сайреса Смита предстояло исследовать густые леса Дальнего Запада вплоть до оконечности полуострова Извилистого.

В течение десяти дней, оставшихся до начала экспедиции, колонисты решили закончить последние работы на плато Кругозора.

Однако Айртону необходимо было вернуться в кораль, так как домашние животные нуждались в присмотре и уходе. Условились, что он проведет там два дня и вернется в Гранитный дворец, задав скоту побольше корма.

Перед самым отъездом Айртона Сайрес Смит спросил его, не хочет ли он, чтобы кто-нибудь из колонистов сопровождал его, так как продвижение по острову теперь небезопасно.

Айртон ответил, что такие предосторожности совершенно излишни — он и один прекрасно справится с работой, да кроме того, не боится встречи с пиратами. Если в самом корале или поблизости что-нибудь произойдет, он тут же даст знать об этом по телеграфу обитателям Гранитного дворца.

Итак, Айртон уехал рано утром 9 ноября на тележке, запряженной онагром, а через два часа телеграф сообщил, что в корале все в порядке.

За эти два дня Сайрес Смит осуществил свой давнишний проект — окончательно оградить Гранитный дворец от возможности неожиданного вторжения. Для этого следовало полностью скрыть верхнее отверстие бывшего водостока в южной оконечности озера Гранта; впрочем, он был уже заложен камнями и замаскирован завесой листвы и трав. Довершить начатое не представляло труда, так как достаточно было поднять на два-три фута уровень воды в озере, чтобы совсем затопить замурованный водосток.

А сделать это можно было, соорудив две запруды на озере — там, где брали начало Глицериновый ручей и Водопадная речка. Колонисты с жаром взялись за дело, и в скором времени выросли две плотины, впрочем не превышавшие семи-восьми футов в ширину и трех футов в высоту; на их постройку пошли обломки скал, скрепленные цементом.

Когда работу закончили и вода в озере поднялась, трудно было даже догадаться, что некогда здесь, у оконечности озера, шел подземный ход, через который раньше изливался избыток воды.

Вряд ли стоит говорить, что отводной ручеек, питавший Гранитный дворец водой и приводивший в действие подъемник, остался нетронутым. Когда подъемник бывал поднят, колонисты в своем надежном, уютном убежище могли не бояться внезапного нападения.

Быстро справившись с этой работой, Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт решили добраться до порта Воздушного шара, благо до отъезда еще оставалось время. Моряку особенно не терпелось узнать, посетили ли пираты маленькую бухточку, где стоял на якоре «Бонадвентур».

— Ведь наши джентльмены, — твердил он, — высадились как раз на южной стороне бухты Соединения, и если они пошли вдоль берега, боюсь, что наш порт уже обнаружен, а тогда я гроша ломаного не дам за «Бонадвентур».

Опасения Пенкрофа были не лишены основания, и никто не оспаривал поэтому его вполне уместного намерения наведаться в порт Воздушного шара.

Моряк и его товарищи отправились в путь 10 ноября после обеда, захватив с собой ружья. Пенкроф с подчеркнуто равнодушным видом вложил по два патрона в каждый ствол своего ружья и, закончив эту операцию, многозначительно кивнул головой; этот кивок не предвещал ничего доброго любому встречному, «будь то зверь или человек», как он сам выражался, осмелившемуся подойти слишком близко к стрелку. Гедеон Спилет и Герберт тоже взяли ружья и около трех часов пополудни покинули Гранитный дворец.

Наб проводил путников до излучины реки Благодарения и, когда они оказались на другом берегу, поднял мост. Было условлено, что на обратном пути один из них выстрелит из ружья, и Наб, услышав сигнал, опустит мост и снова соединит оба берега.

Маленький отряд направился прямо к порту, то есть к южному берегу острова. Предстояло пройти не больше трех с половиной миль, но Гедеон Спилет с товарищами потратили на это два часа. Они тщательно обыскали всю местность, прилегающую к дороге как со стороны леса, так и со стороны Утинога болота, однако не обнаружили никакого следа беглецов; по всей вероятности, не зная ни численности колонистов, ни того, как они вооружены, пираты предпочли укрыться где-нибудь в отдаленной и недоступной части острова.

Когда путники достигли порта Воздушного шара, Пенкроф не мог удержать радостного возгласа — их суденышко спокойно стояло на якоре в узкой бухточке. Впрочем, сама природа позаботилась укрыть ее от человеческих глаз среди нагромождения высоких скал; ни с моря, ни с суши бухточки просто нельзя было увидеть, и только случайно попав туда или взобравшись на прибрежные скалы, человек мог заметить эту естественную гавань.

— Ну, значит, мошенники еще не побывали здесь, — произнес Пенкроф, облегченно вздохнув. — Да и то, ползучим гадам больше по душе высокая трава, чем горы, и поэтому мы их, вероятно, встретим в лесах Дальнего Запада.

— И слава богу, — воскликнул Герберт, — а то бы они нашли наш корабль и уплыли на нем. Как бы мы тогда добрались до острова Табор?

— В самом деле, нам необходимо доставить туда записку с указанием координат острова Линкольна и нового местопребывания Айртона на тот случай, если шотландская яхта придет за ним, — подхватил журналист.

— К счастью, наш корабль на месте, мистер Спилет! — ответил моряк. — Его экипаж и он сам готовы сняться с якоря по первому сигналу!

— Я полагаю, Пенкроф, что, закончив обследование острова, мы так и сделаем. Кстати, если мы

отыщем таинственного незнакомца, он, быть может, сумеет нам многое порассказать об острове Линкольна и острове Табор. Не забудьте того, что не кто иной, как он, написал записку и, наверно, ему известно, когда должна возвратиться яхта.

— Тысяча чертей, — воскликнул Пенкроф, — да кто же он такой? Ведь подумать только, он нас знает, а мы его нет! Если он обычная жертва кораблекрушения, так чего же он тогда прячется? Мы ведь, надеюсь, честные люди, а побыть в обществе честных людей ни для кого не зазорно! Явился ли он сюда добровольно? Может ли покинуть остров, когда ему заблагорассудится? Да и здесь ли он еще? Может, его уже нет?

Продолжая беседу о таинственном незнакомце, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поднялись на корабль и обошли кругом палубу. Вдруг моряк, бросив взгляд битенг, на котором был закреплен якорный канат, воскликнул:

— Ну и ну! Вот так чудеса!

— Что случилось, Пенкроф? — спросил журналист.

— А то, что не я завязал этот узел!

И Пенкроф показал на веревку, которой якорный канат привязали к битенгу, чтобы он не размотался.

— Как не вы? — воскликнул в свою очередь Гедеон Спилет.

— Да так, не я, клянусь головой! Посмотрите-ка — это плоский узел, а я обычно делаю выбленочный узел.

— Может быть, вы ошиблись, Пенкроф?

— Ничего я не ошибся, — ответил моряк. — Тут сама рука действует, так сказать, без участия человека, а разве рука ошибется?

— Значит, на борту побывали пираты? — спросил Герберт.

— Этого уж я не знаю, — сказал Пенкроф, — знаю только, что якорь подняли, а потом снова бросили. А ну-ка, глядите, — вот еще доказательство! Якорный канат травили, а обмотка, видите, не доходит до клюза. Говорю вам, кто-то пользовался нашим судном.

— Но если бы это были пираты, они ограбили бы его или убежали...

— Убежали? А куда, на остров Табор, что ли? — повторил моряк. — Неужели вы думаете, что они решились бы пуститься в открытое море на таком маленьком суденышке?

— Кроме того, это означало бы, что им известен остров Табор, — добавил журналист.

— Как бы то ни было, — заключил моряк, — а наш корабль побывал без нас в плавании, это так же верно, как и то, что зовут меня Бонадвентур Пенкроф и родом я из Вайнъярда.

Моряк произнес эти слова таким убежденным тоном, что ни Гедеон Спилет, ни Герберт не решились ему противоречить. Очевидно, кто-то побывал на судне, стоявшем в порту Воздушного шара с того самого дня, как Пенкроф перегнал его сюда. Моряк не сомневался, что якорь подымали, а потом снова опустили на дно. Но к чему подымать и опускать якорь, если не выходить в море?

— Как же мы не видели «Бонадвентура», когда он шел вдоль острова? — рискнул заметить журналист: он не желал сдаваться, не исчерпав всех возможных возражений.

— Э, мистер Спилет, — ответил моряк, — был бы попутный ветер да ночная мгла, и через два часа ни с какого острова его не разглядишь!

— Допустим, — согласился Гедеон Спилет, — но я вот что хотел бы знать, с какой целью каторжники пользовались нашим судном и почему, совершив на нем поездку, они снова привели его в бухту?

— Эх, мистер Спилет, — возразил моряк, — пусть и это останется тайной... Слава богу, тайн кругом нас достаточно, не будем ломать себе понапрасну голову. Важно то, что наш «Бонадвентур» как был, так и остался на месте. Вот если пираты возьмут его еще раз, тогда пиши пропало, боюсь, что нам уже не видать его больше!

— В таком случае, Пенкроф, — заметил Герберт, — может быть, разумнее отвести «Бонадвентур» к Гранитному дворцу?

— И да и нет, — отозвался Пенкроф, — вернее, все-таки нет. Устье реки Благодарения — неподходящее место для стоянки судов, да и море там бурное.

— Ну, а если втащить его по песку до самых Трущоб?..

— Это, пожалуй, неплохо, — согласился Пенкроф, — но ведь мы должны покинуть Гранитный дворец на долгий срок, и во время нашей экспедиции «Бонадвентур», как мне кажется, будет в большей безопасности здесь. Пускай стоит себе в порту Воздушного шара, пока мы не очистим весь остров от этих проклятых бандитов.

— И я придерживаюсь того же мнения, — подхватил журналист. — Здесь по крайней мере он не так пострадает от непогоды, как в устье реки Благодарения.

— А если пираты снова явятся сюда? — заметил Герберт.

— Что ж поделаешь, сынок, — отозвался Пенкроф. — Представь себе, что, явившись, разбойники не обнаружат здесь корабль, — они тут же разыщут его у Гранитного дворца и во время нашего отсутствия без помех овладеют им. Я согласен с мистером Спилетом — лучше оставить «Бонадвентур» на месте. Вот когда мы вернемся из нашей экспедиции и сумеем избавиться от этих головорезов, тогда дело другое, мы тотчас же перегоним судно к Гранитному дворцу. Так будет разумнее всего, и пусть себе стоит там до нового вторжения, если только найдутся еще охотники нас беспокоить.

— Решено! — воскликнул журналист. — А теперь в обратный путь!

Вернувшись в Гранитный дворец, наши путники рассказали инженеру о том, что произошло, и он полностью одобрил их планы относительно теперешней и будущей стоянки корабля. Он даже пообещал Пенкрофу подробно обследовать часть пролива между островком Спасения и берегом, чтобы установить, нельзя ли устроить там искусственную гавань при помощи запруд. Если это удастся, «Бонадвентур» будет всегда под рукой, на глазах у колонистов, а в случае надобности — даже под замком.

В тот же вечер Айртону была послана телеграмма с просьбой привести из коралля двух коз, так как Наб хотел приучить их к лугам плоскогорья. Но, странное дело, Айртон, против обыкновения, не подтвердил получения депеши. Инженер удивился. Правда, могло статься, что Айртон в эту минуту не было в коралле — очевидно, он уже находился на пути в Гранитный дворец. Со времени его отъезда прошло два дня, а по условию он должен был вернуться десятого к вечеру или, самое позднее, одиннадцатого утром.

Колонисты ожидали, что с минуты на минуту Айртон появится на плато Кругозора. Наб с Гербертом дежурили у моста, чтобы немедленно опустить его при виде друга.

Было уже около десяти часов вечера, Айртон все еще не показывался. Тогда решили послать вторую депешу и потребовать срочного ответа.

Но звонок в Гранитном дворце молчал.

Поселенцы тревожно переглядывались. Что же произошло? Стало быть, Айртон покинул кораль, а

если он еще там, то, очевидно, лишен возможности действовать? Не следует ли, презрев ночной мрак, отправиться в кораль на выручку другу?

Голоса разделились: одни настаивали на немедленном походе, другие говорили, что лучше дождаться утра.

— А вдруг, — сказал Герберт, — испортился телеграфный аппарат?

— Возможно, — подтвердил журналист.

— Подождем до завтра, — предложил Сайрес Смит. — Может статься, Айртон не получил нашей депеши или мы не получили ответной.

Решено было ждать до утра, но беспокойство поселенцев росло.

Одиннадцатого ноября с первыми лучами солнца Сайрес Смит снова привел в действие телеграфный аппарат и снова не получил ответа.

Он повторил свою попытку: то же молчание.

— Скорее в кораль! — воскликнул он.

— И захватим ружья! — добавил Пенкроф.

В Гранитном дворце оставили Наба, чтобы не бросать жилища на произвол судьбы. Наб проводит колонистов до Глицеринового ручья, подымет мост и, спрятавшись за деревом, будет поджидать их возвращения или возвращения Айртона.

В том случае, если явятся пираты и будут пытаться проникнуть на плато Кругозора, он постарается их задержать, открыв ружейную стрельбу, а на худой конец, укроется в Гранитном дворце и уберет подъемник, — в этой неприступной крепости он может ничего не страшиться.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф пойдут прямой дорогой в кораль и, если не обнаружат там Айртона, обшарят все окрестные леса.

В шесть часов утра инженер с тремя своими спутниками перешли через Глицериновый ручей, а Наб укрылся на его левом берегу за бугром, на котором росло несколько высоких драконовых деревьев.

Спустившись с плато Кругозора, поселенцы направились прямо к коралю. Ружья они держали наготове, чтобы открыть огонь при первом подозрительном шорохе. Их вооружение составляли два карабина и два ружья, заряженные пулями.

По обеим сторонам дороги стоял стеной густой кустарник, где легко могли найти себе приют злоумышленники, а ведь они были вооружены — следовательно, встреча с каждым из них представляла серьезную опасность.

Колонисты шагали быстро, не обмениваясь ни словом. Впереди бежал Топ, — он то несся по дороге, то углублял в лес, беспечно обнюхивая землю и не подавая голос. А колонисты знали, что верный пес издали почует опасность и зальется звонким лаем при приближении любого врага.

Вдоль дороги, по которой шагали колонисты, тянулся телеграфный провод, связывавший кораль с Гранитным дворцом. Они прошли уже около двух миль и нигде не обнаружили повреждения. Столбы стояли на месте, провод был хорошо натянут. Однако спустя некоторое время инженер заметил, что провод слегка провис; когда же они добрались до столба под номером семьдесят четвертый, Герберт, который шел впереди, вдруг остановился и закричал:

— Провод порван!

Его спутники прибавили шагу и через минуту присоединились к Герберту.

Поперек дороги валялся опрокинутый столб. Таким образом, колонисты установили место разрыва провода и поняли, почему депеши из Гранитного дворца не доходили до кораля и из кораля — в Гранитный дворец.

— Нет, этот столб не ветром опрокинуло, — заметил Пенкроф.

— Верно, — подтвердил Гедеон Спилет. — Видите, земля вокруг разрыта, да и сам столб, несомненно, повален человеком.

— Кроме того, провод порван, — сказал Герберт.

И действительно, на земле валялись два конца провода, который с силой разорвала чья-то рука.

— А разрыв недавний? — спросил Сайрес Смит.

— Да, — подтвердил Герберт, — очевидно, провод порвали совсем недавно.

— В кораль! В кораль поскорее! — воскликнул моряк.

Колонисты находились на полпути от кораля. Им предстояло пройти еще две с половиной мили. И они молча быстрым шагом двинулись в путь.

И впрямь, в корале, должно, быть, произошло что-то серьезное. Конечно, Айртон мог послать в Гранитный дворец депешу, но она все равно бы не дошла; ясно, не это тревожило колонистов, а то, что Айртон обещал прийти еще накануне вечером и не пришел, вопреки своему обещанию. Вот что было поистине загадочно. И, наконец, не случайно же порвался провод, соединяющий Гранитный дворец с коралем. А кто, кроме беглых каторжников, был заинтересован в том, чтобы прервать телеграфное сообщение?

Колонисты теперь бежали, не помня себя от волнения. Они всей душой привязались к своему новому товарищу. Неужели им суждено найти его убитым рукою тех, чьим главарем он был когда-то?

Вскоре они достигли того места, где дорога шла вдоль небольшого ручейка, притока Красного ручья, орошавшего луга в корале. Здесь они замедлили шаг, чтобы отдышаться и, если понадобится, со свежими силами вступить в бой. Курки ружей были взведены. Каждый следил за определенным участком леса. Топ негромко рычал, что тоже не предвещало ничего доброго.

Наконец из-за деревьев выглянула ограда кораля. С виду она казалась целой. Ворота были, как обычно, на запоре. За ними царила полная тишина: ни привычного блеяния муфлонов, ни строгих окриков Айртон.

— Войдем! — сказал Сайрес Смит.

Инженер подошел к ограде, а его товарищи стояли настороже в двадцати шагах, готовые немедленно открыть огонь.

Сайрес Смит поднял внутреннюю щеколду и хотел было открыть одну створку ворот, как вдруг Топ яростно залаял. Из-за ограды грянул выстрел, и в ответ на него раздался жалобный крик.

Герберт, сраженный пулей, лежал на земле!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Журналист и Пенкроф в корале. — Герберта переносят в дом. — Отчаяние моряка. — Инженер и журналист совещаются. — Курс лечения. — Наконец-то появилась надежда. — Как предупредить Наба? — Верный посланец. — Ответ Наба.

Услышав крик Герберта, Пенкроф отбросил ружье и кинулся к нему.

— Они его убили! — закричал он. — Сынка моего убили! Убили! Убили!

Сайрес Смит и Гедеон Спилет тоже бросились к Герберту. Журналист припал ухом к груди юноши, надеясь уловить биение сердца.

— Жив! — воскликнул он. — Надо его перенести...

— В Гранитный дворец? Да это невозможно, — отозвался инженер.

— Тогда в кораль! — воскликнул Пенкроф.

— Погодите минуту, — ответил Сайрес Смит.

И он бросился налево, желая обогнуть ограду. Здесь он очутился лицом к лицу с пиратом, тот спустил курок, и пуля пробила шляпу инженера. Но вторично выстрелить разбойник не успел и упал на землю, пораженный в сердце кинжалом, ибо Сайрес Смит владел холодным оружием еще искуснее, чем огнестрельным.

Тем временем Гедеон Спилет и моряк, подтянувшись на руках, достигли верхушки ограды, перепрыгнули через нее, отбросили подпорки, мешавшие раскрыть ворота, и ворвались в дом, который оказался пустым. Вскоре несчастный Герберт уже лежал на постели Айртона.

Через несколько мгновений к ним присоединился Сайрес Смит.

При виде бездыханного Герберта моряк впал в неопишное отчаяние. Он плакал, рыдал, хотел размозжить себе голову о стену. Ни инженеру, ни журналисту не удавалось его успокоить. Да они и не могли говорить, так как от волнения у них перехватило дыхание.

Однако они попытались сделать все, чтобы вырвать из лап смерти несчастного Герберта, минуты которого, казалось, были сочтены. Гедеон Спилет, проживший богатую приключениями жизнь, приобрел кое-какие сведения в медицине. Он знал всего понемногу, и нередко случай приводил его в качестве целителя к изголовью раненых огнестрельным или холодным оружием. С помощью Сайреса Смита он осмотрел больного и постарался оказать ему первую помощь.

Прежде всего журналиста поразила полная неподвижность, вернее оцепенение, Герберта, причиной которого могла явиться сильная потеря крови или шок; очевидно, пуля, с огромной силой ударившись о кость, вызвала сотрясение всего организма.

Лицо Герберта покрывала мертвенная бледность, пульс еле бился и с такими перебоями, что Гедеон Спилет, не без труда прощупав его, испугался, как бы сердце совсем не остановилось. Сознание не возвращалось к юноше. Словом, симптомы были самые зловещие.

Журналист осторожно обнажил грудь Герберта, вытер кровь, прикладывая к ране носовые платки, и омыл ее холодной водой.

Теперь можно было рассмотреть пораженное место. Между третьим и четвертым ребром краснело овальное отверстие. Сюда и поразила пуля несчастного Герберта.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет повернули раненого, который испустил еле слышный стон, похожий скорее на предсмертный вздох.

Вторая кровавая рана зияла на спине, и отсюда вылетела пуля, поразившая Герберта.

— Слава богу! — воскликнул журналист. — Рана сквозная, и нам не придется извлекать пулю.

— А сердце? — спросил Сайрес Смит.

— Сердце не задето, иначе бы Герберт уже умер.

— Умер! — закричал, вернее, взревел Пенкроф.

Моряк расслышал только последнее слово журналиста.

— Да нет, Пенкроф, — живо произнес Сайрес Смит, — нет же, он не умер! Ведь можно еще нащупать пульс! Вы же слышали, как мальчик стонал. Успокойтесь, прошу вас, ради вашего же сына. Мы должны сохранить все свое хладнокровие. Не лишайте нас мужества, мой друг.

Пенкроф умолк, но такова была сила душевного потрясения, что по его мужественному лицу заструились слезы.

Тем временем Гедеон Спилет старался собрать воедино все свои медицинские познания и действовать методически. Осмотрев больного, он уже не сомневался, что пуля вошла в грудь и вышла через спину. Но какое разрушение произвела она на своем пути? Какие органы поразила? На этот вопрос сейчас едва ли ответил бы даже опытный хирург, и уж подавно не мог ответить журналист.

Все же Гедеон Спилет твердо знал одно: ему предстоит предупредить воспалительный процесс поврежденной ткани, потом бороться против местного воспаления и лихорадки, которую должна вызвать рана — быть может, смертельная! Но какие имеются в его распоряжении средства, какие лекарства, предотвращающие воспаление? Как избежать осложнений?

Во всяком случае, необходимо незамедлительно перевязать обе раны. Гедеон Спилет решил, что не следует ни омыwać раны теплой водой, ни стягивать их края, так как это могло вызвать новое кровотечение. Кровотечение и так было чересчур обильно, и Герберт очень ослабел.

Поэтому журналист ограничился тем, что омыл обе раны холодной водой.

Юношу повернули на левый бок и следили за тем, чтобы он лежал в этом положении.

— Ему нельзя двигаться, — сказал Гедеон Спилет. — Это положение наиболее благоприятное, так как обе раны, и на груди и на спине, могут свободно выделять гной. Герберту необходим полный покой.

— Значит, мы можем перенести его в Гранитный дворец? — спросил Пенкроф.

— Ни в коем случае, — ответил журналист.

— Проклятие! — воскликнул моряк, грозя небу кулаком.

— Пенкроф! — окликнул его Сайрес Смит.

Гедеон Спилет нагнулся над несчастным мальчиком и вновь принялся внимательно осматривать его. Герберт был по-прежнему бледен как полотно, и журналист почувствовал беспокойство.

— Сайрес, — произнес он, — я ведь не врач... не скорую, я в полном замешательстве... Помогите же вы мне своими советами, своим опытом!..

— Успокойтесь, мой друг, — сказал инженер, крепко пожимая руку журналиста. — Действуйте хладнокровно... Помните только одно: мы должны спасти Герберта!

Услышав эти слова, Гедеон Спилет обрел свое обычное самообладание, которое оставило было его в

минуту отчаяния, когда он вдруг осознал всю глубину своей ответственности. Он присел у постели больного. Сайрес Смит стоял рядом. Пенкроф разорвал свою рубашку и стал машинально щипать корпию.

Гедеон Спилет объяснил Сайресу Смиту, что, по его мнению, необходимо первым делом остановить кровотечение, но закрывать ран не следует, равно как не следует и добиваться их преждевременного зарубцевания, поскольку имеется поражение внутренних органов. Кроме того, надо предупредить скопление гноя в грудной клетке.

Сайрес Смит полностью поддержал журналиста, и было решено лечить раны, не пытаясь раньше времени стягивать их края. К счастью, хирургического вмешательства не требовалось.

Но есть ли в распоряжении колонистов действенное средство против возможного воспаления?

Да, во всяком случае одно средство было у них под рукой, в изобилии поставляемое самой природой. Рядом текла чистая холодная вода, иными словами — великолепное болеутоляющее средство, которым пользуются при воспалительных процессах, связанных с ранением, действенное целительное средство при тяжелых заболеваниях, признанное ныне всеми врачами. Холодная вода имеет сверх того еще одно немалое преимущество; рана благодаря ей может оставаться в покое, вода избавляет от необходимости немедленной перевязки, что весьма ценно, ибо, как показал опыт, в первые дни болезни соприкосновение раны с воздухом губительно для больного.

Гедеоном Спилетом и Сайресом Смитом в данном случае руководил простой здравый смысл, и действовали они, как действовал бы самый искусный хирург. На обе раны несчастного Герберта положили компрессы из полотняной ткани и непрерывно смачивали их холодной водой.

Моряк тем временем развел в очаге огонь и осмотрел домик Айртона, где имелось все необходимое для жизни. Из кленового сахара и лекарственных трав, которые сам Герберт собирал на берегах озера Гранта, сварили освежающий напиток и влили несколько ложечек в рот, юноши, но больной ничего не почувствовал. Температура у него была очень высокая, он целые сутки не приходил в сознание. Жизнь Герберта висела на волоске, и волосок этот мог оборваться в любую минуту.

На следующий день, 12 ноября, у колонистов зародилась слабая надежда. Герберт очнулся от длительного обморока. Он открыл глаза и узнал склонившихся над ним Сайреса Смита, журналиста и Пенкрофа. Он даже произнес несколько слов. Все происшедшее вылетело у него из памяти. Гедеон Спилет вкратце рассказал ему о случившемся, умоляя соблюдать полнейший покой, так как, сказал журналист, хотя опасность уже миновала, надо, чтобы рана поскорее зарубцевалась. Впрочем, Герберт почти не ощущал боли, а холодные, непрерывно сменяемые примочки предотвратили воспалительный процесс. Гной выделялся равномерно, температура не поднималась, можно было надеяться, что страшная рана заживет без осложнений. Пенкроф впервые вздохнул с облегчением. Он превратился в настоящую сиделку, как родная мать ухаживал он за своим «голубчиком».

Герберт снова уснул, но на этот раз спокойным сном.

— Скажите мне еще раз, мистер Спилет, что можно надеяться на его выздоровление! — просил Пенкроф. — Скажите, что вы спасете Герберта.

— Да, мы его спасем! — ответил журналист. — Рана серьезная, не скрою, и, возможно, пуля пробила легкое, но ранение этого органа не смертельно.

— Услышь господь ваши слова! — воскликнул Пенкроф.

Совершенно естественно, что в течение суток, проведенных вдали от Гранитного дворца, поселенцы думали только о Герберте, заботились только о нем. Они забыли об угрожавшей им опасности, о том, что пираты могут возвратиться, не принимали никаких мер для охраны кораля. Но 12 ноября, пока Пенкроф

дежурил у постели больного, Сайрес Смит и журналист решили обсудить создавшееся положение и начать действовать.

Первым делом они обошли весь кораль, но не обнаружили никаких следов Айртона. Неужели несчастного увели с собой его прежние сообщники? Значит, они застигли его врасплох? Вступил ли он с ними в борьбу, пал ли от их руки? Последнее предположение было более чем вероятно. Перелезая накануне через забор, Гедеон Спилет успел заметить, как один из пиратов бросился бежать к южному отрогу горы Франклина, и верный Топ погнался за ним. Это был, конечно, один из незваных пришельцев, чья шляпка разбилась о скалы в устье реки Благодарения. Впрочем, разбойник, сраженный кинжалом Сайреса Смита, труп которого был найден за оградой, тоже принадлежал к шайке Боба Гарвея.

Однако никаких разрушений в корале не оказалось. Муфлоны и козы не разбежались по лесу, так как ворота были на запоре. Колонисты не обнаружили также никаких следов борьбы, никаких повреждений в доме, ни одного пролома в ограде. Только патроны и порох, которые Айртон держал здесь, исчезли вместе с ним.

— Очевидно, беднягу Айртона застали врасплох, — сказал Сайрес Смит, — но он не такой человек, чтобы сдаться без выстрела, и его, очевидно, убили.

— Да, боюсь, что это так! — ответил журналист. — А затем каторжники захватили кораль, где всего имеется в изобилии, но, заметив нас, убежали. Бесспорно также, что в эту минуту Айртон, живой ли, мертвый ли, уже далеко отсюда.

— Надо обшарить весь лес, — подхватил инженер, — и очистить остров от этих негодяев. Предчувствия не обманули Пенкрофа, недаром же он настаивал на том, чтобы устроить облаву и перебить пиратов, как хищных зверей. Если бы мы послушались его, сколько бы несчастий мы предотвратили!

— Да, — подтвердил журналист, — но уж зато сейчас мы вправе беспощадно расправиться с ними.

— Во всяком случае, — сказал инженер, — мы вынуждены пробыть в корале до тех пор, пока можно будет перевезти Герберта в Гранитный дворец.

— А как же Наб?

— Набу ничего не грозит.

— А вдруг его встревожит наше отсутствие, он не усидит в Гранитном дворце и решит прийти сюда?

— Этого нельзя допустить! — живо ответил Сайрес Смит. — Его убьют по дороге!

— А ведь весьма вероятно, что он попытается добраться до коралья.

— Ах, если бы телеграф работал, мы бы его тут же предупредили! Но сейчас это, увы, невозможно! С другой стороны, мы не можем оставить здесь Пенкрофа и Герберта одних... Знаете что, я сам пойду в Гранитный дворец.

— Нет, нет, что вы, Сайрес! — воскликнул журналист. — Вы не имеете права рисковать жизнью. Храбрость в данном случае не поможет. Ведь эти негодяи следят за нами, они засели где-нибудь поблизости в лесу, и если вы пойдете в Гранитный дворец, нам придется оплакивать не одного, а двоих.

— Но как же быть с Набом? — не сдавался инженер. — Ведь он уже целые сутки не имеет от нас никаких известий. Наб, конечно, явится сюда!

— А поскольку он будет остерегаться еще меньше, чем мы, пираты наверняка расправятся с ним!..

— Неужели же нет никакой возможности предупредить его?

Взгляд инженера вдруг упал на Топу; во время всего разговора верный пес беспокойно бегал по

комнате, как бы говоря всем своим видом: «А я-то на что?»

— Топ! — крикнул Сайрес Смит.

Топ бросился к хозяину.

— Правильно, надо послать Топу, — сказал журналист, угадав мысль инженера. — Топ легко пройдет там, где нам не пройти! Он доставит письмо в Гранитный дворец и принесет нам оттуда ответ.

— Не будем терять ни минуты! — воскликнул инженер. — Скорее!

Гедеон Спилет быстро вырвал листочек из записной книжки и написал несколько строчек:

«Герберт ранен. Мы остались пока в корале. Будь осторожен. Не покидай Гранитного дворца. Не появились ли в его окрестностях пираты? Ответ пришли с Топом».

Эта коротенькая записка содержала все новости, которые должен был знать Наб, и все вопросы, ответа на которые с нетерпением ожидали колонисты. Журналист сложил записку и засунул ее за ошейник Топу так, что уголок бумаги выглядывал наружу.

— Топ! Собачка моя! — говорил инженер, лаская Топу. — Наб! Понимаешь, Топ, Наб! Иди! Иди!

Услышав эти слова, Топ немедленно сорвался с места. Он понял, он угадал, что он него требовал хозяин. Дорогу из корала он знал отлично. Через полчаса самое большее он будет дома и, как надеялись колонисты, проберется незамеченным по лесу и густой траве, тогда как человек, вышедший за ограду, подставлял себя под вражеские пули.

Инженер подошел к воротам и приоткрыл их.

— Наб! Топ, понимаешь — Наб! — повторил он снова, указывая рукой в направлении Гранитного дворца.

Топ выскользнул за ограду и через мгновение скрылся из виду.

— Он непременно добежит! — сказал журналист.

— Не только добежит, но и вернется обратно, мой верный Топ!

— А который час? — спросил Гедеон Спилет.

— Ровно десять.

— Через час он может быть здесь. Будем ждать.

Ворота снова заперли. Инженер и журналист вошли в дом. Герберт по-прежнему спал глубоким сном. Пенкроф все время менял ему холодные компрессы. Гедеон Спилет, отложив на время свои обязанности врача, занялся приготовлением несложного обеда, но то и дело поглядывал на ту часть ограды, которая примыкала к отрогу горы и представляла таким образом наиболее удобное место для нападения.

Колонисты с тревогой поджидали возвращения Топу. Около одиннадцати часов Сайрес Смит и журналист, захватив карабины, встали у ворот, чтобы открыть их, как только вдали послышится собачий лай. Они не сомневались, что, если Топу удалось благополучно добраться до Гранитного дворца, Наб тут же отошлет его обратно.

Так простояли они минут десять, как вдруг раздался выстрел, а вслед за ним заливистый лай.

Инженер распахнул ворота и, заметив примерно в сотне шагов пороховой дым, выстрелил в этом направлении.

Почти одновременно Топ проскользнул за ограду корала, и ворота быстро захлопнулись за ним.

— Топ! Топ! — воскликнул инженер, обхватив обеими руками морду славного пса.

К ошейнику Топа была привязана записка, и Сайрес Смит прочел несколько слов, написанных крупным почерком Наба:

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пираты бродят вокруг коралля. — Временное жилище. — Дальнейшее лечение Герберта. — Первые восторги Пенкрофа. — Разговоры о прошлом. — Что сулит будущее. — Мысли Сайреса Смита на этот счет.

Итак, беглые каторжники по-прежнему были здесь, они наблюдали за поселенцами и, очевидно, собирались перестрелять их одного за другим. Незванные пришельцы действительно были дикими зверями и не заслуживали снисхождения. Но прежде всего следовало соблюдать величайшую осторожность, так как все преимущества были на стороне пиратов, — они могли видеть, оставаясь невидимыми, могли напасть из-за угла, а их самих нельзя было застать врасплох.

Сайрес Смит решил поэтому обосноваться в корале, где, к счастью, нашелся запас провизии на несколько недель. В доме Айртона было все, что необходимо человеку для жизни, поселенцы появились здесь столь внезапно, что пираты ничего не успели разграбить. Очевидно, события разыгрались именно так, как и предполагал Геден Спилет: шестеро каторжников, высадившись на остров Линкольна, направились вдоль южного побережья, обогнули полуостров Извилистый и, не желая углубляться в леса Дальнего Запада, добрались до устья Водопадной речки. Отсюда, следуя по правому ее берегу, они достигли отрогов горы Франклина и, здраво рассудив, что в гористой местности нетрудно будет найти убежище, пустились на поиски такового и почти тут же обнаружили кораль, где в ту пору никого из колонистов не было. Здесь они, по всей вероятности, и решили устроить себе притон, выжидая благоприятной минуты для осуществления своих злодейских замыслов. Неожиданное появление Айртона расстроило их планы, но им удалось захватить несчастного... и не трудно себе представить, что произошло вслед за этим.

Теперь пираты — правда их осталось пятеро, но все пятеро вооружены до зубов — бродят по окрестностям, и всякая попытка пробраться через лес связана с огромным риском — любой колонист явился бы прекрасной мишенью для разбойничьей пули, а сам не мог ни предотвратить нападения, ни приготовиться к нему.

— Ждать и только ждать! — повторял Сайрес Смит. — Иного выхода у нас нет. Когда Герберт поправится, мы устроим настоящую облаву и расправимся с бандитами. Вот еще одна цель нашей экспедиции, кроме...

— Кроме поисков нашего таинственного покровителя, — договорил за него Геден Спилет. — Надо признаться, дорогой Сайрес, что он не оказал нам помощи именно тогда, когда мы в ней особенно нуждались.

— Как знать! — отозвался инженер.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросил журналист.

— А то, дорогой Спилет, что наши испытания еще не кончились и, возможно, наш всемогущий покровитель найдет еще случай помочь нам. Но сейчас не это важно. Главное — чтобы Герберт остался жив.

Здоровье Герберта было предметом огорчений и забот колонистов. Прошло несколько дней, и, к счастью, состояние бедного юноши не ухудшилось. А вырвать у болезни несколько дней — это уже немало. Бесперывно сменяемые холодные компрессы не дали ранам воспалиться. Журналист считал даже, что эта вода, содержащая небольшое количество серы вследствие близости вулкана, оказала на рану заживляющее действие. Выделение гноя почти прекратилось, и благодаря неусыпным заботам Герберт медленно возвращался к жизни; температура у него постепенно снижалась. Так как больного держали на

строжайшей диете, он очень ослабел; все же целебные настойки, а главное, полный покой оказывали свое благотворное действие.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф — все трое достигли большого мастерства в искусстве перевязки ран. Все белье, обнаруженное в домике Айртона, пошло в дело. Раны Герберта, на которых лежали компрессы и корпия, были перевязаны не слишком туго и не слишком свободно, а это ускоряло рубцевание, не вызывая воспалительного процесса. Журналист с особой тщательностью делал перевязку, зная, насколько это важно, — он не раз напоминал своим друзьям, что такого же мнения придерживаются и врачи; недаром же говорится — легче сделать удачную операцию, чем удачную перевязку.

Через десять дней, 22 ноября, Герберту стало значительно лучше. Он уже мог проглотить несколько ложек супа. На щеках его заиграл румянец, глаза с ласковой улыбкой следили за хлопотавшими вокруг него добровольными сиделками. Он даже пытался разговаривать вопреки стараниям Пенкрофа, который болтал с утра до вечера, чтобы заставить больного молчать, и рассказывал ему множество самых невероятных историй. Как-то Герберт осведомился об Айртоне; не видя его у своей постели, он очень удивился, так как считал, что Айртон должен находиться здесь, вместе со всеми. Не желая огорчать больного, моряк коротко пояснил ему, что Айртон вернулся в Гранитный дворец, который они с Набом должны защищать в случае нападения пиратов.

— Вот проклятые пираты! — добавил он. — С такими, джентльменами церемониться нечего! А мистер Смит еще хотел воздействовать на их чувства. Нет, на них можно воздействовать только с помощью пуля крупного калибра.

— А они еще здесь не показывались? — спросил Герберт.

— Нет, сынок, — ответил моряк, — но мы их отыщем, не бойся; а когда ты выздоровеешь, посмотрим, осмелятся ли эти трусы, стреляющие из-за угла, встретиться с нами лицом к лицу!

— Но я еще очень слаб, мой бедный Пенкроф!

— Ерунда! Силы постепенно восстановятся! Подумаешь, пуля пробила грудь! Да это сущие пустяки! Я еще не такие раны получал и, как видишь, жив, здоров!

Дело явно шло на поправку, и если болезнь обойдется без осложнений, можно считать, что опасность миновала. Но в каком поистине ужасном положении очутились бы колонисты, если бы, скажем, пуля застряла в кости или пришлось бы ампутировать Герберту руку или ногу!

— Нет, — признавался Гедеон Спилет, — я не раз с содроганием думал, что бы мы стали делать в таком случае!

— И если бы все же пришлось, вы бы не колебались? — как-то спросил его в упор инженер.

— Нет, не колебался бы, — ответил Гедеон Спилет, — но, благодарение богу, нас миновало это испытание.

На этот раз, как и в ряде других случаев, поселенцы призвали на помощь здравый смысл, который часто вызволял их из затруднительного положения, и снова благодаря своим знаниям они одержали новую победу! Но вдруг наступит такая минута, когда все их знания, вся их логика будут бессильны? Ведь они одни на этом острове! А в обществе один человек дополняет другого, люди не могут обходиться друг без друга. Сайрес Смит прекрасно знал это и подчас с тревогой думал о том, что могут возникнуть такие обстоятельства, против которых колонисты окажутся бессильны.

Ему казалось даже, что его товарищи, да и он сам, жившие до сего дня так счастливо, вступили в роковую полосу. В течение двух с половиной лет, с того самого дня, как им удалось вырваться из Ричмонда, все шло удачно, все складывалось так хорошо. Недра острова были богаты металлами и минералами, леса

и равнины — полезными растениями и животными, и если природа неизменно предлагала им свои дары, то люди благодаря знаниям и труду умели пользоваться ее щедростью. Материальное благосостояние колонии не оставляло желать ничего лучшего. К тому же какая-то непонятная сила в тяжелые минуты приходила им на помощь! Но не могло же все это длиться вечно!

Словом, Сайрес Смит смутно чувствовал, что удача отвернулась от них.

И в самом деле, в водах, омывающих остров, появился разбойничий бриг, и пусть пираты погибли при помощи некоего таинственного вмешательства, шестеро из них все же спаслись от катастрофы. Мало того, они высадились на берег, и пятеро, оставшиеся в живых, практически неуловимы. Айртон, без сомнения, пал от руки этих негодяев, вооруженных до зубов и испробовавших на несчастном меткость своих карабинов. Герберта настигла вражеская пуля, еле удалось вырвать его из когтей смерти. И не обрушит ли судьба на поселенцев новые беспощадные удары? Вот какие мысли волновали Сайреса Смита. Вот о чем он не раз говорил с журналистом, и обоим подчас казалось, что они лишились необъяснимого, но могущественного покровительства. Может быть, этот таинственный человек, в существовании которого они не могли более сомневаться, покинул остров? Или, может быть, его тоже сразила разбойничья пуля?

Все эти вопросы оставались без ответа. Но было бы неверно думать, что Сайрес Смит и Гедеон Спилет, нередко беседовавшие на эту тему, отчаялись и сложили руки. Не такие они были люди! Они смело шли навстречу любым испытаниям, они старались найти из всякого положения наиболее разумный выход, они во всеоружии ждали любой неожиданности, которую судьбе заблагорассудится им поднести, они уверенно смотрели в лицо будущего, и если вновь суждено было обрушиться на них бедствию, они встретили бы его как мужественные борцы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

От Наба нет известий. — Предложение журналиста и Пенкрофа отвергнуто. — Вторая вылазка Гедеона Спилета. — Обрывок ткани. — Послание. — Спешный отъезд. — Прибытие на плато Кругозора.

Здоровье Герберта улучшалось с каждым днем. Колонисты желали теперь лишь одного: как только юноша достаточно окрепнет, доставить его в Гранитный дворец. Хотя домик в корале был снабжен всем необходимым, все же он бесспорно уступал по части удобств их каменному жилищу. Помимо того, здесь колонисты не чувствовали себя в полной безопасности и, несмотря на всю свою бдительность, могли в любую минуту стать мишенью для пиратской пули, пущенной из-за угла. А там, в их убежище, в самом сердце неприступного гранитного кряжа, им нечего было бояться — напротив, любая попытка пиратов посягнуть на него кончилась бы для них весьма и весьма плачевно. Поэтому они с нетерпением поджидали того дня, когда можно будет перевести Герберта домой без риска для его здоровья, и решили во что бы то ни стало осуществить свой план, хотя отлично представляли себе, как трудно будет пробраться через лес Жакамара.

От Наба не было никаких известий, но это не смущало колонистов. Храбрый негр, укрывшись в надежном гранитном убежище, так просто не дастся в руки врагу. Поэтому Топа не послали вторично к Набу с письмом — жаль было подвергать верного пса опасности, а тем более лишиться такого ценного члена колонии.

Итак, приходилось ждать, хотя друзьям не терпелось поскорее оказаться всем вместе в Гранитном дворце. Сайрес Смит с горечью видел, что силы колонистов распылены, а это было на руку пиратам. После исчезновения Айртона их осталось только четверо против пятерых, ибо Герберт пока еще не мог идти в счет, и это обстоятельство доставило чуткому юноше немало тяжелых минут, — нелегко ему было сознавать, что он является причиной возникших затруднений!

Днем 29 ноября, воспользовавшись тем, что Герберт спит и не может их слышать, Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф решили наметить дальнейший план действий против пиратов.

— Друзья мои, — начал журналист, когда разговор зашел о том, что они отрезаны от Наба и не могут с ним сообщаться, — я полагаю, как и вы, что выйти за пределы корала, значит, просто подставить себя под пулю, не успев даже ответить выстрелом на выстрел. Но не кажется ли вам, что сейчас разумнее всего было бы начать охоту за этими негодяями?

— Совершенно с вами согласен, — подхватил Пенкроф. — Нам, надеюсь, не пристало бояться пули, и если мистер Сайрес разрешит, я тут же отправлюсь в лес. Подумаешь, великое дело! Один человек всегда другого одолеет!

— Ну, а пятерых человек?.. — спросил инженер.

— Я пойду вместе с Пенкрофом, — перебил журналист, — мы возьмем с собой Топа, и вдвоем, хорошо вооруженные...

— Дорогой мой Спилет, и вы, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — будем рассуждать хладнокровно. Если бы пираты засели где-нибудь на острове и мы знали бы это место, если бы речь шла только о том, чтобы выбить их с позиции, я бы, конечно, согласился атаковать их в лоб. Но разве можно быть уверенным, что пираты не откроют огонь первыми?

— Э, мистер Сайрес, — воскликнул Пенкроф, — не каждая пуля долетает по назначению.

— Но та, что ранила Герберта, как видите, не сбилась с пути, — возразил инженер. — Учтите к тому

же, что если вы оба покинете кораль, мне одному придется его защищать. А можете ли вы поручиться в том, что пираты не завлекут вас с умыслом в лес и не нападут в ваше отсутствие на кораль, зная, что тут находятся только раненый мальчик и один взрослый мужчина?

— Вы правы, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф, хотя в груди его kloкотал гнев, — вы правы. Уж они постараются захватить кораль, ведь им известно, что здесь добра хоть отбавляй! А вы один, конечно, против них не выстоите! Ах, будь мы в Гранитном дворце!

— Если бы мы находились в Гранитном дворце, — ответил инженер, — положение было бы совсем иное! Там я без опасения оставил бы Герберта с любым из вас, а трое остальных отправились бы обследовать лес. Но, увы! Мы находимся в корале и покинуть его можем лишь все вместе.

Было бы просто нелепым оспаривать веские доводы Сайреса Смита, его товарищи отлично поняли это.

— Если бы Айртон был с нами! — вздохнул Гедеон Спилет. — Ах, бедняга, бедняга! Вернуться к честной жизни и умереть так скоро!

— Если только он умер... — произнес Пенкроф каким-то странным тоном.

— Значит, Пенкроф, вы надеетесь, что он жив, что эти разбойники пощадили его? — спросил Гедеон Спилет.

— Конечно, для них это был бы прямой расчет!

— Как! Неужели вы считаете, что Айртон, очутившись в обществе своих прежних сподвижников, забыл все, чем он нам обязан...

— Как знать, — ответил моряк, помедлив, словно это ужасное предложение шло не от него.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, взяв моряка за руку, — вам пришла в голову дурная мысль, и мне не хотелось бы еще раз услышать от вас подобные слова. Не огорчайте же меня. Я могу поручиться за верность нашего Айртона!

— И я тоже, — с жаром отозвался журналист.

— Оно, конечно, мистер Сайрес... я, пожалуй, и не прав, — ответил Пенкроф. — Верно вы сказали, плохая эта мысль, да и ни на чем не основанная! Но что поделаешь? У меня голова крúгом идет. От этого сидения в корале я совсем очумел. Никогда в жизни я так не злился.

— Наберитесь терпения, Пенкроф, — ответил инженер. — Как, по-вашему, дорогой Спилет, когда нам можно будет доставить Герберта в Гранитный дворец?

— Это, знаете ли, трудно сказать, Сайрес, — раздумчиво произнес журналист, — ведь малейшая неосторожность в таких случаях может привести к самым печальным последствиям. Но пока все идет как надо, и если через неделю к Герберту вернутся силы, тогда поглядим!

Через неделю! Значит, возвращение в Гранитный дворец откладывается до первых чисел декабря.

Прошло уже два весенних месяца. Стояла чудесная погода, началась жара. Леса красовались в великолепном зеленом убранстве, близился срок уборки урожая. Следовательно, по возвращении в Гранитный дворец сразу же начнутся полевые работы, которые продлятся вплоть до дня задуманной экспедиции.

Читатели поймут, как пагубно отражалось на благосостоянии колонии это вынужденное заточение. И хотя приходилось молча покоряться необходимости, поселенцев грызла тревога.

Раз или два журналист все же выбрался из корала и обошел вокруг ограды. С ним отправился Топ.

Гедеон Спилет, держа карабин наперевес, был готов к любой неожиданной встрече.

Но никто не попадался ему на пути, никаких подозрительных следов он не обнаружил. Верный пес, конечно, предупредил бы его лаем об опасности, но Топ молчал; ясно было, что опасаться некого, по крайней мере в данную минуту, и что пираты убралась в другую часть острова.

Однако во время второй своей вылазки, 27 ноября, Гедеон Спилет, который рискнул углубиться на четверть мили в чащу леса у южного склона горы, вдруг заметил, что Топ забеспокоился. Пес уже не скакал с беспечным видом, он носился взад и вперед, обнюхивая траву и кусты, словно чуя нечто подозрительное.

Гедеон Спилет последовал за Топом, науськивая его и посылая вперед, а сам зорко глядел по сторонам, взяв карабин на изготовку и пользуясь каждым деревом, как естественным прикрытием. Вряд ли Топ почуял присутствие человека, ибо в таких случаях он начинал отрывисто и глухо лаять, словно гневался на невидимого врага. А сейчас он даже не ворчал — следовательно, опасность была еще далеко.

Минут пять Топ рыскал по лесу, а журналист осторожно следовал за ним, как вдруг собака кинулась к густому кустарнику и вытащила оттуда обрывок материи.

Это был лоскут одежды, испачканный, разорванный, и Гедеон Спилет немедленно отнес находку в кораль.

Колонисты внимательно осмотрели лоскут и признали в нем кусок куртки Айртона, так как сшита она была из грубой шерсти, которая производилась в мастерской Гранитного дворца.

— Вот видите, Пенкроф, — заметил Сайрес Смит, — несчастный Айртон мужественно сопротивлялся. Пираты увели нашего друга с собой против его воли! Неужели и сейчас вы сомневаетесь в его честности?

— Нет, нет, мистер Сайрес, — ответил моряк, — я уж давно не сомневаюсь, это тогда мне что-то в голову взбрело. Но, как мне кажется, отсюда мы можем сделать один вывод!

— Какой же? — осведомился журналист.

— Что Айртона не убили в корале! Его увели отсюда живым, раз в лесу он оказал им сопротивление! А значит, он и сейчас, может быть, жив!

— Возможно, что и так! — задумчиво ответил инженер.

Надежда вновь увидеть товарища ожила в сердцах колонистов. Они думали раньше, что пиратская пуля сразила застигнутого врасплох Айртона, подобно тому как она сразила Герберта, и Айртон погиб. Но если каторжники не убили его сразу же, если они увели его с собой куда-то в глубь острова, разве не может статься, что он и по сей день томится у них в плену? Возможно, кто-нибудь из пиратов признал в Айртоне своего прежнего дружка по Австралии — Бена Джойса, вожака беглых каторжников. И кто знает, не созрели ли у них безумный план снова заманить Айртона в свою пиратскую шайку? Ведь если бы им удалось склонить его к измене, он был бы им крайне полезен!..

Словом, находка лоскута возродила надежды поселенцев, и они решили, что им еще суждено увидеть своего друга. Если Айртон жив, но находится в плену, он сделает все возможное и невозможное, лишь бы вырваться из рук бандитов, и тогда какое мощное подкрепление получит в его лице колония!

— Во всяком случае, — заметил Гедеон Спилет, — если, по счастью, Айртону удастся бежать, он первым делом явится прямо в Гранитный дворец, ведь он-то не знает, что пираты чуть не убили Герберта, и поэтому не представляет себе, что мы сидим здесь как настоящие узники!

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы он был в Гранитном дворце, — вскричал Пенкроф, — и чтобы мы тоже, наконец, там очутились! Хотя негодяи и не подступятся к самому дому, зато они могут опустошить плоскогорье, разорить наши плантации, уничтожить наш птичий двор.

За время пребывания на острове Линкольна Пенкроф стал завзятым фермером и всей душой привязался к своим огородам и полям. Но надо сказать, что и Герберт рвался в Гранитный дворец, понимая, как необходимо там присутствие всех поселенцев. Ведь из-за него они сидят здесь, в корале! Одна мысль неотступно преследовала его: уйти отсюда, уйти во что бы то ни стало! Он считал, что вполне может перенести путешествие в Гранитный дворец. Он уверял своих друзей, что там, в их жилище, откуда открывается вид на море и где веет свежий ветерок, он сразу же выздоровеет!

Десятки раз он доказывал это Гедену Спилету, но тот, справедливо опасаясь, как бы раны Герберта, еще недостаточно зарубцевавшиеся, не открылись в дороге, не давал распоряжения об отъезде.

Однако вскоре произошло событие, заставившее Сайреса Смита и его друзей уступить настояниям юноши, и один бог знает, сколько горя и раскаяния принесло им это решение.

Случилось это 29 ноября, в семь часов утра. Трое колонистов мирно беседовали у постели Герберта, как вдруг до их слуха донесся громкий лай.

Сайрес Смит, Пенкроф и Геден Спилет схватились за карабины и выбежали из дома, готовясь открыть стрельбу.

Топ бегал у ограды корая, прыгал, лаял, но лаял весело, а не злобно.

— Кто-то идет!

— Да!

— Но только это не враг!

— Может быть, Наб идет?

— А вдруг Айртон?

Не успели колонисты обменяться этими короткими фразами, как над оградой появился некто и легко спрыгнул на землю.

Это был Юп, дядюшка Юп собственной персоной, и это его приветствовал радостным лаем верный Топ!

— Юп! — воскликнул Пенкроф.

— Его послал сюда Наб, — сказал журналист.

— В таком случае, — отозвался инженер, — на нем должна быть записка.

Пенкроф бросился к орангутангу. И действительно, если Набу необходимо было подать весть своему господину, он не мог выбрать более надежного и более проворного посланца, чем дядюшка Юп, который без труда пробрался там, где не могли бы пройти не только колонисты, но даже и Топ.

Сайрес Смит оказался прав. На шее Юпа висел крохотный мешочек, и в этом мешочке лежала записка, написанная рукой Наба.

Можно себе представить, какое отчаяние охватило всех, когда они прочитали следующие слова:

Не в силах произнести ни слова, поселенцы молча переглянулись и затем уныло побрели в дом. Что делать? Пираты на плато Кругозора — это означает бедствие, разорение, катастрофу!

Взглянув на озабоченные лица своих старших товарищей, Герберт сразу понял, что случилось нечто важное, а увидя Юпа, он уже не сомневался, что Гранитному дворцу грозит опасность.

— Мистер Сайрес, — взмолился он, — я хочу уехать! Я перенесу дорогу! Я непременно хочу уехать!

Геден Спилет подошел к Герберту. Пристально поглядев на юношу, он произнес:

— Что ж, поедем!

Колонисты быстро обсудили вопрос, нести ли Герберта на носилках или везти в тележке, в которой приехал сюда Айртон. Носилки имеют перед повозкой то преимущество, что больной при передвижении не страдает от толчков, но зато они требуют двух носильщиков, другими словами — в случае внезапного нападения в их маленьком отряде окажется двумя стрелками меньше.

И наоборот, при передвижении на тележке руки всех трех колонистов останутся свободными. И разве нельзя положить на дно повозки побольше матрацев и осторожно вести онагра под уздцы, чтобы уберечь больного от толчков? Конечно, можно.

Тележку подтащили к дому, и Пенкроф запряг в нее онагра.

Сайрес Смит с журналистом взяли матрацы, на которых лежал Герберт, положили их на дно повозки.

День выдался на славу. Сквозь сочную зелень деревьев пробивались веселые солнечные лучи.

— Оружие готово? — спросил Сайрес Смит.

Все оказалось в полном порядке. Инженер и Пенкроф вооружились двустолками, а Гедеон Спилет взял свой карабин. Можно было двигаться в путь.

— Тебе удобно, Герберт? — спросил инженер.

— Да, мистер Сайрес, не беспокойтесь, пожалуйста, не умру же я по дороге в самом деле, — ответил юноша.

Хотя Герберт бодрился, видно было, что он призвал на помощь всю свою энергию и только огромным усилием воли отгоняет слабость и дурноту.

Сердце Сайреса Смита болезненно жалось. Он стоял в раздумье, он медлил давать сигнал к отправлению. Но отложить поездку — значило привести в отчаяние Герберта, может быть даже убить его.

— В путь! — скомандовал Сайрес Смит.

Ворота коралля отворились. Юп и Топ бросились на волю первыми, не подавая голоса, — в случае надобности они умели молчать. Повозка выехала за ограду, ворота захлопнулись; онагр, которым правил Пенкроф, медленно двинулся вперед.

Конечно, колонистам следовало выбрать не ту дорогу, которая вела из коралля в Гранитный дворец, но они опасались, что с тележкой им трудно будет пробраться сквозь лесную чащу. Поэтому волей-неволей пришлось избрать этот путь, хотя он и был известен пиратам.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет шли по обе стороны повозки, готовые отразить любое нападение. Впрочем, вряд ли пираты ни с того ни с сего покинут плато Кругозора. Очевидно, как только Наб заметил врагов, он тут же написал и послал записку. Да и на записке значилось «шесть часов утра», а проворному орангутангу, не раз бывавшему в корале в качестве гостя, не потребовалось и сорока пяти минут, чтобы пройти пять миль, отделявших кораль от Гранитного дворца. Поэтому дорога была сейчас относительно безопасна, а если и придется открыть огонь, то, конечно, где-нибудь ближе к Гранитному дворцу.

Однако колонисты держались начеку. Топ и Юп (последний не выпускал из рук своей дубинки) то забежали вперед, то углублялись в лес, тянувшийся по обеим сторонам дороги, но вели себя спокойно.

Повозка, управляемая Пенкрофом, медленно двигалась вперед. Из коралля колонисты выехали в половине восьмого. Через час они благополучно, без всяких злоключений сделали уже четыре мили.

Дорога была пустынная, как и вся эта часть леса Жакамара, лежавшая между рекой Благодарения и озером. Все было спокойно. Лесные чащи казались столь же безлюдными, как и в тот день, когда

колонисты высадились на остров.

Каждая минута приближала их к плато. Еще только одна миля, и покажется мостик, переброшенный через Глицериновый ручей. Сайрес Смит не сомневался, что мостик опущен; пираты либо уже прошли по нему, либо, перебравшись через одну из водных преград, позаботились заранее его опустить, дабы облегчить себе отступление.

Наконец в просвете между стволами деревьев блеснуло море. Но повозка по-прежнему тихо катилась вперед, и ее защитники вынуждены были замедлять шаг.

Вдруг Пенкроф осадил онагра и крикнул страшным голосом:

— Ах негодяи!

Дрожащей рукой он указывал на густые клубы дыма, подымавшиеся над мельницей, сараями и птичниками.

Какой-то человек то исчезал в клубах дыма, то появлялся снова.

Это был Наб.

Колонисты громко окликнули его. Наб услышал голоса и бросился навстречу друзьям.

Каторжники покинули плато полчасу тому назад, разрушив предварительно все, что могли разрушить.

— Как мистер Герберт? — спросил Наб.

Гедеон Спилет подошел к тележке. Герберт потерял сознание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Герберт снова в Гранитном дворце. — Рассказ Наба. — Сайрес Смит отправляется на плато Кругозора. — Разгром и опустошение. — Безоружный перед болезнью. — Ивовая кора. — Смертоносная лихорадка. — Топ опять лает!

О пиратах, об опасностях, угрожавших Гранитному дворцу, о разрушениях на плато Кругозора больше и речи не было. Важнее всего было здоровье Герберта. Что, если на юноше гибельно отразилась перевозка на тележке? Что, если это путешествие вызовет какое-нибудь серьезное осложнение? Гедеон Спилет не мог ручаться за исход болезни. И он сам и его товарищи были в отчаянии.

Тележку остановили у излучины реки, и там больного в бессознательном состоянии подняли на тюфяках, на которых он лежал, и переложили на носилки, наспех сплетенные из веток. Через десять минут Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф уже были у подножия гранитного вала, поручив Набу доставить тележку на плато Кругозора.

Привели в действие подъемник, и вскоре Герберт уже лежал на своей постели в Гранитном дворце.

Заботливым уходом больного привели в чувство. Он улыбнулся, увидев, что лежит в своей комнате, но от слабости едва мог произнести несколько слов.

Гедеон Спилет осмотрел больного. Он боялся, что у него раскрылись еще плохо зарубцевавшиеся раны. Нет, этого не случилось. Откуда же это состояние прострации? Почему Герберту стало хуже?

Юноша впал в какое-то болезненное, лихорадочное забытие. Журналист и Пенкроф не отходили от его постели.

Тем временем Сайрес Смит рассказал Набу о том, что произошло в корале, а Наб описал ему события, разыгравшиеся на плато Кругозора.

Прошлой ночью пираты показались на опушке леса, близ Глицеринового ручья. Наб, стороживший около птичника, не колеблясь выстрелил в одного из разбойников, собиравшегося перебраться через ручей; но в темноте он не видел, попала ли его пуля в него. Во всяком случае, один выстрел, конечно, не мог разогнать всю банду, и Наб едва успел подняться в Гранитный дворец, где он оказался в безопасности.

Что же теперь делать? Как помешать опустошениям, которыми грозили пираты? Наб ломал себе голову, как предупредить своего хозяина? Но в каком положении находились сами обитатели корала?

Сайрес Смит и его товарищи отправились в кораль 11 ноября, а уже наступило 29 ноября. За девятнадцать дней Наб получил лишь те вести, которые сообщались в записке, посланной с Топом, — вести ужасные: Айртон исчез, Герберт тяжело ранен, инженер, журналист и моряк стали, так сказать, пленниками в корале.

«Что делать?» — размышлял бедняга Наб. За себя лично он не боялся — пираты не могли забраться в Гранитный дворец. Но постройки, плантации, сооружения на плато Кругозора — все это теперь во власти пиратов. Пусть уж лучше сам Сайрес Смит решит, что следует предпринять. Надо хоть предупредить его о грозящей опасности.

И тогда Набу пришла мысль послать в кораль Юпа, доверив ему записку. Он знал не раз испытанную, необыкновенную сообразительность орангутанга. Юп понимал слово «кораль», которое часто произносили при нем, и читатели, наверно, помнят, что он много раз ездил туда на тележке вместе с Пенкрофом. Еще не начинало светать. Ловкая обезьяна сумеет проскользнуть в лесу незаметно, да если пираты и увидят ее, то,

конечно, сочтут прирожденной жительницей этих зарослей.

И Наб, уже не колеблясь, привязал записку на шею Юпа, подвел обезьяну к двери Гранитного дворца и, спустив до самой земли длинную веревку, несколько раз повторил:

— Юп! Юп! Кораль! Кораль!

Обезьяна поняла. Ухватившись за веревку, она соскользнула на берег и исчезла в темноте, не вызвав у пиратов ни малейших подозрений.

— Ты хорошо сделал, Наб, — сказал Сайрес Смит. — Но, пожалуй, лучше бы ты совсем нас не предупреждал.

Говоря так, Сайрес Смит думал о Герберте: ведь юноша выздоравливал, а от вынужденного путешествия состояние его сильно ухудшилось.

Наб подошел к концу своего рассказа. Пираты больше не появлялись на берегу. Велико ли население острова, они не знали и могли предполагать, что Гранитный дворец находится под защитой значительного отряда. Вероятно, они помнили, что при нападении брига на остров их встретили сильным огнем и с нижних и с верхних скал, и, конечно, они не хотели подвергать себя опасности. Но все пути к плато Кругозора были для них открыты, там их не могли обстреливать из Гранитного дворца. И уж тут преступники дали волю своим хищным инстинктам, принялись все громить, грабить, жечь, творили зло ради самого зла и отступили лишь за полчаса до прибытия колонистов, считая, должно быть, что те все еще заперты в корале.

Тогда Наб поспешил выбраться из своего убежища. Он поднялся на плато, рискуя получить пулю; он попытался потушить пожар, пожиравший постройки на скотном дворе, и тщетно боролся с огнем до тех пор, пока на опушке леса не показалась тележка.

Вот какие важные произошли события! Теперь поселенцам острова Линкольна постоянно угрожало разбойничье нападение, а ведь до сих пор они жили так счастливо! Отныне они могли ждать еще более страшных несчастий.

Гедеон Спилет вместе с Пенкрофом остался в Гранитном дворце возле Герберта, а Сайрес Смит в сопровождении Наба отправился на плато, чтоб самому посмотреть, какие опустошения произвели там грабители.

К счастью, разбойники не добрались до подступов к Гранитному дворцу, иначе мастерские, устроенные в Трущобах, не избежали бы разрушения. Впрочем, эта беда была бы более поправимой, чем тот разгром, после которого на плато Кругозора остались одни развалины!

Сайрес Смит и Наб направились к реке Благодарения и перешли на левый берег, не встретив никаких следов переправы бандитов. Да и на другом берегу, в лесной чаще, они не заметили ничего подозрительного.

С полной вероятностью можно было сделать такие предположения: или пираты узнали о возвращении колонистов в Гранитный дворец, увидев их на дороге, ведущей из коралья; или же они ничего не знают об этом возвращении, так как спустились вниз по реке Благодарения и углубились в лес Жакамара. В первом случае они, должно быть, опять двинулись к оставшемуся без защиты коралю, где хранилось столько ценных для них припасов. Во втором случае они, несомненно, вернулись в свой лагерь и, выждав благоприятную минуту, возобновят нападение.

Хорошо было бы первыми напасть на пиратов, но всякая попытка очистить от них остров все еще зависела от состояния здоровья Герберта. Сайресу Смицу нужны были все его помощники, поэтому никто не имел права покинуть Гранитный дворец.

Инженер и Наб вышли на плато Кругозора. Какая ужасная картина! Поля вытоптаны; уже созревшие, готовые для жатвы хлеба полегли, осыпались. Не меньше пострадали и другие насаждения. Весь огород был изрыт. К счастью, в Гранитном дворце хранился запас семян, позволявший поправить беду.

Что касается мельницы, построек птичьего двора и конюшни для онагров — их уничтожил огонь. По плато Кругозора бродили немногие уцелевшие животные. Птица, улетевшая во время пожара на дальний край озера, уже возвращалась на привычное место и копошилась на берегу. Здесь все нужно было создавать заново.

Бледное лицо Сайреса Смита выдавало его негодование, он с трудом сдерживал гнев, но не произнес ни слова. Бросив последний взгляд на опустошенные поля, на дымящееся пожарище, он возвратился в Гранитный дворец.

Для колонистов острова Линкольна настали печальные дни, самые печальные из всех, какие пришлось им тут пережить. Герберт таял у них на глазах. Казалось, потрясение организма, которое вызвали полученные им раны, осложнилось каким-то новым тяжелым недугом, и Гедеон Спилет предвидел роковое ухудшение в состоянии больного, с которым он бессилён был бороться.

Герберт почти все время лежал в полузабытьи, у него уже начался бред. А колонисты располагали лишь весьма несложным лекарством — освежающим отваром трав. Лихорадка еще не очень мучила его, но вскоре ее приступы стали повторяться регулярно.

Гедеон Спилет убедился в этом 6 декабря. У бедного мальчика пальцы, нос и уши стали совсем восковыми, начался озноб, он дрожал так сильно, что у него стучали зубы. Пульс был слабый и неровный, кожа сухая, больного томила жажда. Вдруг поднялся сильный жар, глаза заблестели, покраснелось лицо, пульс участился; затем выступил обильный пот, а после этого жар спал и лихорадка как будто уменьшилась. Приступ длился около пяти часов.

Гедеон Спилет не отходил от Герберта; теперь уже было совершенно ясно, что у больного перемежающаяся лихорадка; нужно было во что бы то ни стало прервать ее, пока она не привела к тяжелым последствиям.

— Но чтобы ее прервать, — сказал Гедеон Спилет Сайресу Смиту, — нам нужны противолихорадочные средства.

— Противолихорадочные!.. — повторил инженер. — Где же их взять? У нас нет ни хинной корки, ни сернокислого хинина!

— Верно, нет их, — сказал Гедеон Спилет. — Но на берегу озера растут ивы, а ведь ивовая кора иногда может заменить хинин.

— Давайте же попробуем, не будем терять ни минуты! — ответил Сайрес Смит.

Ивовая кора справедливо считается в известной мере заменителем хинной корки, так же как и кора индийского каштана, листья остролиста, «драконов корень» и некоторые другие растения. Разумеется, следовало испробовать это средство, хотя оно и уступает хине, и применить его в естественном виде, потому что не было возможности извлечь из коры алкалоид, который носит название салицил.

Сайрес Смит сам ходил на озеро и срезал со ствола черной ивы несколько кусков коры; он принес ивовую кору в Гранитный дворец, истолок ее, и в тот же вечер Герберту дали принять этот порошок.

Ночь прошла благополучно. Герберт немного бредил, но приступов не было ни ночью, ни на следующий день. У Пенкрофа появилась надежда, Гедеон Спилет ничего не говорил. Возможно, что просто удлинились промежутки между приступами и они станут повторяться не ежедневно, а через день. Завтра все должно было решиться. И с какой тревогой в Гранитном дворце ждали этого завтрашнего дня!

Надо также заметить, что после приступов Герберт чувствовал себя совершенно разбитым, голова у него делалась тяжелая, в глазах темнело. Был еще один симптом, очень испугавший Гедеона Спилета: печень у Герберта сильно увеличилась и воспалилась, а вскоре усилился бред, показывавший, что болезнь подействовала и на мозг.

Гедеон Спилет был потрясен этим новым осложнением. Он отвел инженера в сторону и сказал:

— Это злокачественная лихорадка!

— Злокачественная? — воскликнул Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилет. Злокачественная лихорадка не может развиваться так вот, сразу. Надо, чтобы в организме уже были ее зачатки.

— Нет, я не ошибаюсь, — ответил журналист. — Герберт, несомненно, захватил ее здесь, на болоте. Мы были свидетелями первого приступа. Наверно, будет и второй а если нам не удастся предотвратить третий приступ... Герберт погибнет.

— А ивовая кора?..

— Не поможет, — ответил Гедеон Спилет. — А если при злокачественной лихорадке не пресечь третьего приступа, смертельный исход неизбежен.

К счастью, Пенкроф не слышал этого разговора. Он бы с ума сошел.

Вполне понятно, что Сайреса Смита и Гедеона Спилета терзала тревога весь день 7 декабря и всю следующую ночь.

В середине дня начался второй приступ. Кризис был страшен. Герберт чувствовал близость смерти. Он умоляюще протягивал руки к Сайресу Смиту, к Спилету, к Пенкрофу. Он не хотел умирать... Сцена была душераздирающей. Пришлось увести Пенкрофа.

Второй приступ длился тоже пять часов. Стало очевидно, что третьего приступа больному не вынести.

Ночь прошла ужасно. Герберт бредил и говорил такие слова, что у его товарищей сердце разрывалось. Он метался, кричал, ему чудилось, что он борется с пиратами, он звал Айртона. Он умолял исчезнувшего теперь покровителя о помощи, мысль о таинственном незнакомце преследовала его... А потом силы покидали Герберта, и он лежал в глубоком оцепенении, без чувств, без движения... Несколько раз Гедеону Спилету казалось, что бедный мальчик уже умер.

На следующий день, 8 декабря, слабость у Герберта все возрастала. Исхудалые руки его перебирали край одеяла. Ему снова дали толченой ивовой коры, но Гедеон Спилет уже не возлагал на нее надежды.

— Если до завтрашнего утра мы не дадим Герберту сильнодействующего средства против лихорадки, — сказал журналист, — он умрет!

Настала ночь, несомненно, последняя ночь Герберта. Добрый, мужественный, умный мальчик, развитой не по возрасту, умирал. Все любили его, как родного сына, и не могли его спасти! На острове Линкольна не было того единственного средства против злокачественной лихорадки, которое могло ее победить!

В ночь с восьмого на девятое декабря у больного усилился бред. Печень была страшно воспалена, сознание помутилось. Герберт уже никого не узнавал.

Доживет ли он до завтра? Но третий приступ все равно унесет его. Силы Герберта иссякли, и в промежутках между припадками бреда он лежал как мертвый.

Около трех часов утра Герберт вдруг испустил неистовый вопль и забился, казалось в предсмертных судорогах. Наб, дежуривший у его постели, в ужасе бросился за помощью в соседнюю комнату, где сидели

без сна его товарищи.

И в эту минуту Топ как-то странно залаял...

Все кинулись в спальню и успели подхватить умирающего — в бреду он хотел соскочить с постели на пол; взяв Герберта за руку, Гедеон Спилет почувствовал, что пульс его постепенно становится более ровным...

Было пять часов утра. В окна Гранитного дворца уже проникали лучи восходящего солнца. Наступал ясный, погожий день, последний день жизни несчастного мальчика.

Солнечный луч осветил столик, стоявший у кровати умирающего.

И вдруг Пенкроф, вскрикнув, указал на продолговатую коробочку, откуда-то взявшуюся на столике...

На крышке коробочки стояли два слова: «Сернокислый хинин».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Необъяснимая тайна. — Выздоровление Герберта. — Подготовка к экспедиции. — Первый день. — Ночь. — Второй день. — Каури. — Казуары. — Следы в лесу. — Прибытие на Змеиный мыс.

Гедеон Спилет схватил коробочку и раскрыл ее. В ней оказалось около двухсот гран белого порошка. Журналист взял в рот несколько крупинок этого порошка. Страшная их горечь подтвердила, что надпись на крышке не обманула. Действительно, то был драгоценный алкалоид коры хинного дерева, превосходное средство против лихорадки.

Нужно было без долгих размышлений дать Герберту порошок хинина. Как тут очутилась коробочка — об этом можно поговорить потом.

— Кофе! — потребовал Гедеон Спилет.

Наб мгновенно принес чашку теплого кофе. Гедеон Спилет бросил в нее гран восемнадцать хинина, и Герберта удалось напоить этой микстурой.

Еще было не поздно — третий приступ злокачественной лихорадки еще не начался!

И да будет нам позволено добавить — он уже не мог теперь разразиться.

Надо сказать также, что все воспрянули духом. Вновь проявилась таинственная благодетельная сила, да еще в такую минуту, когда все потеряли надежду на ее помощь!..

Через несколько часов Герберт уже спал более спокойным сном. Его друзья могли тогда поговорить о случившемся. Вмешательство незнакомца в их жизнь никогда еще не было таким очевидным. Но как он мог проникнуть в Гранитный дворец, да еще ночью? Это было непостижимо. Все действия таинственного «гения острова» были не менее загадочны, чем сам гений.

В течение дня Герберту через каждые три часа давали хинин.

Уже на следующие сутки ему стало лучше. Конечно, он еще не выздоровел, а перемежающаяся лихорадка зачастую дает опасные рецидивы, но ведь за больным был такой заботливый уход. И к тому же теперь имелось спасительное лекарство и, несомненно, где-то недалеко находился тот, кто его принес. Словом, у всех в сердце затеплилась надежда.

Надежда не оказалась обманчивой. Десять дней спустя, 20 декабря, Герберт начал уже выздоравливать. Он был еще слаб, ему приходилось соблюдать строгую диету, но приступы больше не повторялись. Славный мальчик покорно выполнял все врачебные предписания. Ему так хотелось выздороветь!

Пенкроф как будто тоже воскрес из мертвых, и радость свою он выражал так бурно, словно тронулся умом. Когда благополучно миновал срок третьего приступа, моряк от счастья чуть не задушил Гедеона Спилета в своих объятиях. С тех пор он называл журналиста не иначе, как *доктор*. Всем не терпелось найти того, кто был подлинным врачом.

— Погоди, все откроется! — твердил Пенкроф.

Прошел декабрь и кончился 1867 год, в котором на долю колонистов острова Линкольна выпали такие тяжелые испытания. Новый, 1868 год принес им чудесную погоду, безоблачное небо, солнце и тропическую жару, которую, к счастью, умерял прохладный морской ветер. Герберт возрождался к жизни. Кровать его поставили в Гранитном дворце у окна, и он полной грудью вдыхал целительный морской воздух, животворные дуновения соленого океанского ветра. У него появился аппетит, и, боже мой, как

этому обрадовался Наб! Каких только он ни стряпал легких, питательных и вкусных кушаний для своего юного друга.

— Право, этак и самому захочется при смерти побывать! — шутил Пенкроф.

За все это время пираты ни разу не показывались в окрестностях Гранитного дворца. От Айртона не было никаких вестей. Сайрес Смит и Герберт еще не потеряли надежды найти его, но остальные считали теперь, что бедняга Айртон погиб. Все же нельзя было дольше оставаться в неизвестности, колонисты решили, что, как только юноша поправится, они совершат экспедицию, результаты которой будут очень важны для них. Но раньше чем через месяц невозможно было ее предпринять: для того чтобы одолеть бандитов, требовалось участие в походе всех колонистов.

А Герберту становилось все лучше. Воспаление печени прошло, раны окончательно зарубцевались.

Весь январь колонисты вели на плато Кругозора большие работы, для того чтобы обеспечить, насколько можно, будущий урожай хлеба и овощей. Для предстоящего в скором времени второго посева собрали уцелевшее зерно, заготовили саженцы. Мельницу, конюшни и постройки на птичьем дворе Сайрес Смит не спешил отстраивать заново. Ведь пока он с товарищами будет разыскивать разбойников, эти негодяи могут снова наведаться на плато; не стоило давать им повод лишний раз поупражняться в грабежах и поджогах. Как только остров будет очищен от этих злодеев, дело другое — тогда все надо будет отстроить заново.

Во второй половине января больной уже так окреп, что ему позволили вставать с постели — сначала на час в день, потом на два, а потом и на три часа. Силы быстро возвращались к нему, такой здоровый у него был организм. Герберту исполнилось восемнадцать лет, он очень вырос и обещал стать молодым человеком красивой и благородной наружности. За больным еще требовался уход («доктор» Спилет по этой части оказался неумолим), но выздоровление его шло своим чередом.

К концу месяца Герберт уже бродил по плато Кругозора и по всему побережью. Не раз он купался в море вместе с Пенкрофом и Набом, и эти купания шли ему на пользу. Сайрес Смит уже счел возможным назначить день отправления экспедиции — решили выступить 15 февраля. Как всегда в это время года, ночи были очень светлы — обстоятельство, благоприятное для разведки, которую собирались вести по всему острову.

Итак, началась подготовка к походу, подготовка весьма серьезная, так как колонисты дали зарок не возвращаться в Гранитный дворец до тех пор, пока не достигнут двоякой цели, поставленной ими перед собой: во-первых, они хотели уничтожить пиратов и найти Айртона, если он еще жив, во-вторых, разыскать того, кто принимал такое деятельное участие в судьбе колонии.

На острове Линкольна колонисты знали досконально следующие места: весь восточный берег — от мыса Коготь до мыса Южная Челюсть и Северная Челюсть, обширное Утиное болото, окрестности озера Гранта, лесные заросли Жакамара (ту их часть, которая находилась между дорогой к коралю и рекой Благодарения), берега реки Благодарения и Красного ручья и, наконец, те отроги горы Франклина, меж которых расположен был кораль.

Они исследовали, но довольно поверхностно, побережье бухты Вашингтона — от мыса Коготь до Змеиного мыса, а также леса и болота вдоль западного берега и бесконечные дюны, доходившие до залива, похожего на полуоткрытую пасть акулы.

Но им совершенно были незнакомы большие леса, покрывавшие полуостров Извилистый, весь правый берег реки Благодарения, левый берег Водопадной речки и лабиринт отрогов, ущелий и долин, охватывающих своей запутанной сетью гору Франклина с трех сторон — с запада, с севера и с востока, а там, вероятно, существовали глубокие пещеры. Следовательно, несколько тысяч акров площади острова

еще не подверглись изучению. Поэтому участники экспедиции приняли решение отправиться в путь через леса Дальнего Запада и обследовать весь правый берег реки Благодарения.

Пожалуй, лучше всего было сначала направиться в кораль — ведь туда опять могли нагрянуть бандиты, чтобы окончательно его разграбить или обосноваться там. Но помещать опустошению корала колонисты не могли, оно, вероятно, уже совершилось, а если пираты сочли для себя удобным укрыться в этом уединенном углу, всегда возможно добраться до них, это еще успеется.

И вот, посоветовавшись, остановились на первоначальном плане — двинуться через лес к Змеиному мысу. На протяжении шестнадцати-семнадцати миль путь придется прокладывать топором, и это будет первой дорогой, которая свяжет впоследствии Гранитный дворец и оконечность полуострова Извилистого.

Тележка была в полной исправности. Онагры хорошо отдохнули и могли сделать большой перегон. На тележку погрузили дорожные запасы провианта, оборудование для лагеря, походную кухню и различную утварь, а также оружие и снаряжение, заботливо выбранные в очень богатом теперь арсенале Гранитного дворца. Не мешало помнить, что пираты, быть может, прячутся в лесах; того и гляди, в густых зарослях завяжется перестрелка, а следовательно, маленькому отряду колонистов ни в коем случае нельзя было разбиваться на группы и отдаляться друг от друга.

Решили также никого не оставлять в Гранитном дворце. Даже Топ и Юп должны были принять участие в экспедиции. Непрístupное убежище могло на время остаться без охраны.

Канун выступления, 14 февраля, приходился на воскресенье. Весь этот день посвятили отдыху и благодарственным молитвам создателю. Для Герберта, который уже совсем выздоровел, но был еще немного слаб, решили оставить место в тележке.

На рассвете следующего дня Сайрес Смит принял все меры для того, чтобы уберечь Гранитный дворец от всяких нашествий. Вереочные лестницы, по которым всегда поднимались колонисты, были отнесены в Трущобы и глубоко зарыты в песок, но уложены очень бережно, так как предстояло пользоваться ими и по возвращении; тамбур подъемника, да и все это приспособление успели разобрать — его больше не существовало. Работу эту выполнил Пенкроф, и, задержавшись, для того чтобы ее закончить, он спустился из Гранитного дворца последним по веревке, перекинутой через выступ скалы; а лишь только веревку убрали, не осталось никакой возможности забраться с берега на верхнюю площадку.

Погода выдалась великолепная.

— Жаркий денек нынче будет! — весело сказал журналист.

— Ничего, доктор Спилет, — отозвался Пенкроф. — Мы пойдем лесом, под деревьями и солнца-то не заметим.

— В дорогу! — сказал инженер.

Тележка ждала на берегу около Трущоб; журналист потребовал, чтобы Герберт ехал в ней хотя бы в первые часы пути. Юноше пришлось подчиниться предписанию своего врача.

Наб взял онагров под уздцы. Сайрес Смит, журналист и моряк прошли вперед. Топ, видимо чрезвычайно довольный, прыгал около них. Герберт пригласил Юпа сесть с ним в тележку, и тот без лишних церемоний забрался к нему. Настала минута отправления, и маленький отряд тронулся.

Тележка завернула за выступ гранитного кряжа и, проехав милю по левому берегу реки Благодарения, переправилась по мосту на другой берег, где уже начиналась дорога к порту Воздушного шара; оставив дорогу слева, двинулись в тени высоких деревьев по обширным лесам Дальнего Запада.

На протяжении первых двух миль деревья не смыкались в непролазную чащу, и тележка свободно

проезжала между ними; иногда путникам приходилось разрубать топором сплетения лиан или прокладывать дорогу в зарослях кустарника. Но никакие серьезные препятствия не задерживали отряд.

В густой тени ветвистых деревьев стояла приятная прохлада. Вокруг раскинулось необозримое лесное царство, где, чередуясь, высились деодары, дугласы, казуарины, банксии, камедные деревья, драцены и образцы других древесных пород, уже встречавшихся колонистам.

Были тут в сборе и все представители птичьего населения острова; тетерева, жакамары, фазаны, лори, шумливые стайки какаду, попугаев и попугайчиков. Пробегая между кустами, мелькали агути, кенгуру, водосвинки — все напоминало колонистам их первые экспедиции по острову.

— А все-таки я замечаю перемену, — сказал Сайрес Смит, — все четвероногие и пернатые стали боязливее, чем прежде. Значит, бандиты заглядывали в эти леса, и мы, вероятно, найдем тут следы их пребывания.

В самом деле, во многих местах путники обнаружили приметы, указывающие, что по лесу недавно проходил целый отряд: здесь заломлены ветки деревьев, должно быть для того, чтобы найти по этим вехам обратный путь, тут — куча золы от потухшего костра и отпечатки человеческих ног, сохранившиеся на глинистой почве. Но не было никаких признаков, что проходившие люди где-то остановились лагерем.

Инженер посоветовал товарищам воздержаться от охоты. Выстрелы могли привлечь внимание пиратов — ведь они, чего доброго, бродили в этих лесах. К тому же охотникам волей-неволей пришлось бы отдалиться от тележки, а ходить тут в одиночку Сайрес Смит строго запретил.

Во второй половине дня, когда путники уже были в шести милях от Гранитного дворца, идти стало довольно трудно. В некоторых местах лес смыкался такой густой чащей, что только топором можно было проложить себе дорогу. Прежде чем забираться в заросли, Сайрес Смит посылал туда в качестве разведчиков Топа и Юпа; они самым добросовестным образом выполняли свои обязанности, и, если спокойно возвращались к хозяевам, значит, нечего было опасаться: в лесу отряд не подстерегали ни пираты, ни дикие звери — два вида одинаково опасных хищников.

К вечеру колонисты разбили лагерь милях в девяти от Гранитного дворца, на берегу маленькой речки, притока реки Благодарения, о существовании которого они и не подозревали, — еще один элемент гидрографической системы острова, способствующей необыкновенному плодородию почвы.

В дороге у всех разыгрался аппетит, поэтому все очень плотно поужинали, затем легли спать, приняв меры для того, чтобы ночь прошла без всяких злоключений. Если бы приходилось остерегаться лишь диких зверей, ягуаров или других хищников, Сайрес Смит попросту зажег бы костры вокруг лагеря, — это оказалось бы достаточной защитой; но пиратов огни костров скорее привлекли бы, чем испугали, и густой мрак являлся наилучшим средством обороны от них.

Установили строгий распорядок дозора: караульные по двое должны были следить за окрестностью и сменяться каждые два часа. Герберта, несмотря на его протесты, освободили от дежурства. Две пары караульных — Пенкроф с Гедеоном Спилетом и Сайрес Смит с Набом — по очереди стояли на страже близ лагеря.

Впрочем, ночь была короткая, темнота скорее зависела от густой тени, царившей под ветвистыми деревьями, чем от отсутствия солнца. Тишину лишь изредка нарушал хриплый рев ягуара да язвительный хохот обезьян, видимо особенно раздражавший почтенного Юпа.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день, 16 февраля, маленький отряд вновь двинулся через лес, где путь предстоял нелегкий, а главное, медленный.

В тот день прошли только шесть миль — поминутно приходилось останавливаться и действовать

топором. Как настоящие хозяева, колонисты щадили большие красивые деревья, да и рубить их было очень утомительно, поэтому топоры рушили маленькие деревья, но из-за такого способа передвижения путь отнюдь не шел по прямой, а удлинялся от бесконечных изгибов и поворотов.

В этот день Герберт открыл в лесу новые породы деревьев, которые еще не встречались им на острове. Например, древовидные папоротники — перистые их листья ниспадали до земли, как струи фонтана в бассейне; рожковое дерево с длинными и очень вкусными сладкими стручками — онагры с удовольствием поедали их. Снова колонистам встретились тут кучи великолепных каури, у которых ствол, подобный колонне, возносил на высоту в двести футов темный конус зелени. Эти деревья, царственные исполины лесов Новой Зеландии, так же знамениты, как кедры ливанские.

Фауна была представлена все теми же образцами животного мира, какие уже встречались на острове нашим охотникам. Правда, они мельком увидели вдалеке чету огромных птиц, характерных для природы Австралии, — один из видов казуаров, который называется эму; эти птицы высотой в пять футов, покрытые коричневыми перьями, принадлежат к отряду голенастых. Топ во весь дух помчался за ними вдогонку, но эму без труда опередили его, так как бегают они поразительно быстро.

С бандитами путникам не пришлось столкнуться, но следы их они опять обнаружили в лесу. Возле остатков потухшего костра — потухшего, видимо, недавно — они заметили отпечатки человеческих ног. Следы эти рассматривали с величайшим вниманием, один за другим, измерили их длину и ширину и без труда установили, что тут недавно проходило пять человек. В этом месте они, должно быть, делали привал; но при самом тщательном исследовании колонисты не смогли обнаружить отпечаток ног шестого человека — значит, Айртон с пиратами не было.

— Айртон с ними не было! — сказал Герберт.

— Не было, — подтвердил Пенкроф, — а раз Айртон не было с ними, значит, негодяи убили его. Но послушайте-ка, видно, у этих мерзавцев нет логова, и поэтому нельзя устроить на них облаву, как на тигров.

— Да, логова у них нет, — заметил журналист. — Вероятнее всего, они бродят наугад по лесу. Так им выгоднее. Выжидают того часа, когда станут хозяевами острова.

— Хозяевами острова?! — воскликнул моряк. — Хозяевами острова! — повторил он глухим, сдавленным голосом, словно чья-то железная рука схватила его за горло. Потом, уже спокойнее, добавил: — А знаете, мистер Смит, какой пулей у меня ружье заряжено?

— Нет, Пенкроф, не знаю!

— Той самой пулей, что пробила грудь Герберту. И уж будьте уверены, я не промахнусь!

Но справедливое возмездие злодеям не могло вернуть жизнь Айртону; рассмотрев следы, отпечатавшиеся на сырой земле, колонисты вынуждены были сделать вывод, что нужно оставить всякую надежду когда-либо свидеться с Айртоном!

В тот вечер лагерь разбили в четырнадцати милях от Гранитного дворца; Сайрес Смит считал, что до Змеиного мыса осталось не больше пяти миль.

Действительно, на следующий день дошли до этого мыса, и, следовательно, лес был пройден из конца в конец; но нигде колонисты не обнаружили ни малейших признаков, указывающих, куда скрылись пираты и где находилось потаенное убежище — приют таинственного незнакомца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Исследование полуострова Извилистого. — Лагерь около устья Водопадной речки. — В шестистах шагах от коралля. — Гедеон Спилет и Пенкроф идут в разведку. — Их возвращение. — Вперед! — Открытая дверь. — Огонек в окне. — При свете луны.

Следующий день, 18 февраля, был посвящен исследованию лесистой части побережья, тянувшейся от Змеиного мыса до Водопадной речки. Колонистам удалось основательным образом обследовать весь этот лес, который шел полосой от трех до четырех миль ширины, ограниченной берегами полуострова. Могучие ветвистые деревья свидетельствовали о поразительном плодородии почвы — пожалуй, здесь земля была самой плодородной на всем острове. Казалось, сюда, в умеренный пояс, природа перенесла уголок девственных тропических лесов Америки или Центральной Африки. Очевидно, буйная растительность находила в этой почве, влажной в верхнем своем слое и согреваемой изнутри вулканическим огнем, тепло, не свойственное умеренному климату. Преобладающими породами в лесу были каури и эвкалипты, достигавшие тут гигантских размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы восхищаться великолепной растительностью. Они уже знали, что в этом отношении остров Линкольна мог потягаться с группой Канарских островов, которые сначала названы были Счастливыми островами. Теперь, увы, остров Линкольна уже не принадлежал им полностью — другие завладели им, на землю его ворвались изверги, и нужно было истребить их всех до единого.

На западном берегу колонисты, как ни искали, уже не нашли признаков пребывания пиратов — ни отпечатков ног, ни заломленных веток на деревьях, ни золы потухшего костра, ни следов недавнего становища.

— Это меня не удивляет, — говорил товарищам Сайрес Смит. — Негодяи пристали к берегу около мыса Находки и сразу же пустились в леса Дальнего Запада, пройдя через Утиное болото. Шли они, вероятно, той же дорогой, что и мы, когда расстались с Гранитным дворцом. Оттого мы и наткнулись на следы, оставленные ими в лесу. Но, выбравшись на побережье, пираты поняли, что им не найти сносного убежища, и тогда они опять направились на север, обнаружили наш кораль...

— Может, они опять туда забрались, — сказал Пенкроф.

— Ну, не думаю... — ответил инженер. — Должны же они сообразить, что мы будем их разыскивать в той стороне. Для них наш кораль — место, где можно пожить провиантом, а устраивать там лагерь они не станут.

— Я согласен с Сайресом, — заметил журналист. — По-моему, пираты будут искать убежище меж отрогов горы Франклина.

— Ну так нечего и раздумывать, мистер Смит. В кораль шагом марш! Надо с ними покончить. Что мы зря теряем время!

— Нет, друг мой, — ответил инженер. — Вы забыли, что для нас очень важно выяснить, нет ли в лесах Дальнего Запада некоего жилища. У нашей экспедиции двоякая цель, Пенкроф. Нам нужно покарать преступников и уплатить долг признательности.

— Правильно сказано, мистер Сайрес, — ответил моряк. — А все-таки, думается мне, таинственного джентльмена нам не найти, ежели он сам того не пожелает.

Пенкроф в сущности выразил мнение всех своих сотоварищей. Убежище незнакомца, вероятно, было

не менее таинственным, чем он сам.

К вечеру тележка остановилась у самого устья Водопадной речки. Устроились на ночлег, приняв, как обычно, все меры предосторожности. Герберт вновь стал крепким и здоровым юношей, каким он был до болезни, ему пошла на пользу жизнь на вольном воздухе, океанские ветры и живительное благоухание лесов. Теперь он уже мог не ехать на тележке, а идти во главе каравана.

На следующий день, 19 февраля, колонисты расстались с побережьем, где за устьем речки живописно громоздились базальтовые глыбы самых причудливых очертаний и стали подниматься левым берегом вверх по течению. Дорога там была в значительной ее части расчищена во время прежних походов из коралля до западного берега. Колонисты уже находились в шести милях от горы Франклина.

Сайрес Смит предложил следующий план: держа под тщательным наблюдением всю долину, по которой пролегало русло реки, осторожно подойти к коралю; если кораль захвачен — отбить его силой; если он свободен — укрепиться там и сделать его средоточием дальнейших походов для обследования горы Франклина.

План этот был единодушно одобрен — ведь колонистам не терпелось вновь стать хозяевами на своем острове!

Итак, путники направились по узкой долине, разделявшей два самых больших отрога горы Франклина. Рощи, теснившиеся по берегам речки, редели, поднимаясь к вершине вулкана. Местность вокруг была гористая, изрезанная оврагами и ущельями, очень удобная для вражеских засад, и продвигаться тут следовало с большой осторожностью. Топа и Юпа пустили вперед: бросаясь то направо, то налево в лесные заросли, они прекрасно выполняли обязанности разведчиков, соперничая друг с другом в сообразительности и ловкости. Однако не было никаких признаков, говоривших, что кто-то бродил недавно по берегам горного потока, что пираты находятся где-то поблизости.

Около пяти часов вечера тележка остановилась шагах в шестистах от частокола, служившего оградой коралля. Полукружие высоких деревьев закрывало ее завесой густых ветвей.

Надо было произвести разведку, узнать, не захвачен ли кораль. Но если там засели бандиты, двинуться к коралю открыто, когда светило еще солнце, значило подставлять себя под выстрелы и получить пулю в грудь, как это случилось с Гербертом. Решили, что будет разумнее дожидаться темноты.

Однако Гедеону Спилету хотелось, не мешкая, разведать подступы к коралю, и Пенкроф, совсем уже потерявший терпение, намеревался пойти вместе с ним.

— Нет, друзья мои, — ответил инженер. — Дождитесь темноты. Я не позволю вам бесцельно рисковать жизнью.

— Да что же это, мистер Сайрес!.. — недовольно воскликнул моряк, выйдя из повиновения.

— Успокойтесь, прошу вас, Пенкроф! — сказал инженер.

— Есть успокоиться! — ответил моряк и, дав волю своему гневу против пиратов, принялся честить их на все корки, пустив в ход самые энергичные выражения матросского лексикона.

Итак, колонисты ждали, собравшись около тележки, и внимательно следили за тем, что делается по соседству, в лесу.

Так прошло три часа. Ветер спал. Под высокими деревьями воцарилась тишина, столь глубокая, что она выдала бы самый слабый звук: легкий хруст сломившейся тоненькой веточки, шорох осторожных шагов по сухим листьям, шелест травы, примятой ползущим человеком. Все кругом было спокойно. Топ неподвижно лежал на земле, положив морду на вытянутые лапы, и не проявлял ни малейшей тревоги.

К восьми часам уже достаточно стемнело, и, казалось, все благоприятствовало разведке. Гедеон Спилет заявил, что он готов отправиться вместе с Пенкрофом. Сайрес Смит дал на это согласие. Топу и Юпу пришлось остаться с инженером, Гербертом и Набом: ведь собака могла залаять, а Юп — испустить крик, и этот неуместный шум всполошил бы врагов.

— Зря собой не рискуйте, — сказал Сайрес Смит моряку и журналисту. — Ваша задача не захват коралля, а разведка. Узнайте, засели там бандиты или нет.

— Решено, — ответил Пенкроф.

И оба разведчика тронулись в путь.

В лесу под деревьями уже стояла такая темень, что в тридцати — сорока футах ничего не было видно. Журналист и Пенкроф ступали осторожно и застывали на месте при малейшем подозрительном звуке.

Они шли на некотором расстоянии друг от друга, не желая представлять удобную мишень. Надо сказать, что они каждую минуту ждали выстрела.

Через пять минут Гедеон Спилет и Пенкроф уже вышли на опушку леса; перед ними была поляна, а в конце ее — частокол, окружавший кораль.

Они остановились. Бледный, сумеречный свет еще озарял поляну. В тридцати шагах от себя разведчики увидели ворота коралля. Они казались запертыми. Надо было пройти расстояние в тридцать шагов — от опушки леса до ограды. Но по терминологии, употребляемой в баллистике, пространство это представляло собой «опасную зону». Действительно, несколько пуль и даже одинокий выстрел могли уложить на месте всякого, кто дерзнул бы появиться в этой «опасной зоне».

Гедеон Спилет и моряк никогда не отступали перед опасностями, но они хорошо понимали, что сейчас любая неосторожность могла оказаться роковой не только для них самих, но и для товарищей. Если убьют разведчиков, что станет с Сайресом Смитом, Набом и Гербертом?

Правда, Пенкроф, возбужденный близостью врагов — ведь он предполагал, что разбойники укрылись в корале, — уже двинулся было вперед, но журналист крепко схватил его за плечо.

— Через несколько минут будет совсем темно, — прошептал он на ухо Пенкрофу. — Тогда и приступим.

Пенкроф остановился, крепко сжимая ствол своего ружья, и замер в ожидании, проклиная про себя бандитов.

Вскоре угасли последние, тусклые отсветы. Поляну окутал мрак, словно выползавший из лесной чащи. Гора Франклина высилась, будто огромный заслон, закрывавший полосу заката, быстро настала тьма, как это бывает в низких широтах. Пора было действовать.

С той минуты, как журналист и Пенкроф остановились на опушке леса, они не теряли из виду ограду. Казалось, в корале никого нет. Гребень ограды выделялся в темноте черной линией, и ничто не изменяло его четких очертаний. Однако, будь в корале пираты, им пришлось бы поставить тут дозорного, чтобы обезопасить себя от всякого рода неприятных неожиданностей.

Гедеон Спилет сжал руку своему товарищу, и оба ползком двинулись к коралю, взяв ружья на изготовку.

Они подобрались к воротам: во мраке не мелькнуло ни единой искорки света.

Пенкроф попробовал отворить ворота, но предположения его самого и журналиста были верны — ворота оказались запертыми, и запертыми изнутри: моряк убедился, что наружные засовы не задвинуты. Из этого можно было заключить, что пираты находятся в корале и, по всей вероятности, заперлись крепко-

накрепко, чтобы к ним не могли ворваться.

Гедеон Спилет и Пенкроф прислушались.

За оградой царила мертвая тишина. Должно быть, муфлоны и козы спали, из хлебов не доносилось ни звука.

Не слыша ни малейшего шума, журналист и Пенкроф уже подумывали, не перелезть ли им через ограду. Однако это противоречило указаниям Сайреса Смита.

Попытка могла увенчаться успехом, но она могла привести и к поражению. Ведь если пираты ничего не подозревают о готовящемся нападении, то сейчас есть возможность захватить их врасплох. И разве можно рисковать, все испортить, неосмотрительно перебравшись через ограду?

Журналист не хотел действовать очертя голову. Он думал — не лучше ли подождать, пока все соберутся, а тогда уж попытаться проникнуть в кораль. Во всяком случае, ясно было, что к ограде можно подобраться незаметно и что ее никто не охраняет. Установив это обстоятельство, разведчики решили вернуться к своим и обсудить с ними положение.

Пенкроф, очевидно разделявший теперь эту точку зрения, безропотно последовал за журналистом, когда тот повернул обратно, к лесу.

Несколько минут спустя инженер уже знал, как обстоит дело.

— Прекрасно, — сказал он после краткого размышления. — Я думаю, что бандитов в корале нет.

— А мы это сейчас проверим, — заметил Пенкроф. — Стоит только перелезть через ограду.

— Вперед, друзья! — воскликнул Сайрес Смит.

— Тележку в лесу оставим? — спросил Наб.

— Нет, — ответил инженер. — Это наш обозный фургон для военного снаряжения и провианта. А в случае нужды тележка послужит нам и укрытием.

— Ну, в путь! — сказал Гедеон Спилет.

Тележка выехала из леса и бесшумно покатила к коралю. Кругом был такой же непроглядный мрак, как и в ту минуту, когда Пенкроф с журналистом ползком пробирались по поляне. Густая трава заглушала шаги.

Колонисты приготовились открыть огонь. Юпу моряк велел двигаться позади. Наб держал Топа на сворке, чтоб он не кинулся вперед.

Вскоре подошли к поляне. На ней никого не было. Маленький отряд смело двинулся к ограде. Быстро пересекли «опасную зону». Ни один выстрел не нарушил тишины. Тележка остановилась у частокола. Наб остался около онагров, чтобы сдерживать их. Инженер, журналист, Герберт и Пенкроф направились к воротам, посмотреть не забаррикадированы ли они изнутри.

Одна створка оказалась отворенной!

— Ну, а вы что говорили? — спросил инженер, повернувшись к моряку и Гедеону Спилету.

Оба они были ошеломлены.

— Клянусь честью, — воскликнул Пенкроф, — ворота только что были заперты!

Колонисты стояли в нерешительности. Ведь пираты были в корале, когда Пенкроф и журналист подходили к ограде, производя разведку. Сомнений тут быть не могло. Кто же, кроме самих разбойников, отпер крепко запертые изнутри ворота? А сидят ли они еще в корале? Или кто-нибудь из них вышел

оттуда?

Все эти вопросы проносились в уме у каждого, но как найти на них ответ?

В эту минуту Герберт, пройдя несколько шагов по двору, бросился обратно и схватил за руку Сайреса Смита.

— Что ты увидел? — спросил инженер.

— Свет.

— В доме?

— Да.

Все пятеро подошли к воротам. Действительно, прямо напротив них, в окне, мерцал тусклый огонек. Сайрес Смит быстро принял решение.

— Удача необыкновенная! — сказал он. — Бандиты, верно, заперлись в доме и не ждут нападения. Они в наших руках! Вперед!

Колонисты прокрались во двор, держа наготове ружья. Тележку оставили за оградой под охраной Юпа и Топа, из осторожности привязав их к самой тележке.

Сайрес Смит, Пенкроф, Гедеон Спилет — с одной стороны, а Герберт и Наб — с другой, бесшумно прокрались вдоль ограды. Кругом было темно и безлюдно.

Через несколько мгновений все были около дома, у запертой двери.

Сайрес Смит знаком велел товарищам не шевелиться и заглянул в окно, слабо освещенное изнутри.

Он окинул взглядом комнату — единственную в нижнем этаже дома.

На столе горел фонарь. Рядом со столом стояла кровать, на которой когда-то спал Айртон.

На кровати кто-то лежал.

Вдруг Сайрес Смит отпрянул от окна и произнес вполголоса:

— Айртон!

Тотчас же дверь отворили, вернее, выломали, и колонисты бросились в комнату.

Айртон, казалось, спал. Лицо у него было измученное, говорившее о долгих и жестоких страданиях. На запястьях и на щиколотках виднелись кровоточащие ссадины.

Сайрес Смит наклонился над ним.

— Айртон! — воскликнул инженер и схватил спящего за руки.

При каких необыкновенных обстоятельствах произошла эта неожиданная встреча!

Айртон открыл глаза и посмотрел на Сайреса Смита, потом обвел взглядом всех остальных.

— Вы? — воскликнул он. — Неужели это вы?

— Айртон! Айртон! — повторял Сайрес Смит.

— Где я?

— В нашем корале.

— Один?

— Да.

— Но они сейчас придут! — воскликнул Айртон. — Защищайтесь! Защищайтесь!

И в изнеможении он упал на кровать.

— Спилет, — сказал инженер, — на нас с минуты на минуту могут напасть. Завезите тележку во двор. Потом закройте хорошенько ворота и все возвращайтесь сюда.

Пенкроф, Наб и журналист поторопились выполнить распоряжение инженера. Нельзя было терять ни минуты. Может быть, тележка уже попала в руки пиратов.

В одно мгновение журналист с двумя товарищами промчались через двор, но, выбежав за ограду, услышали глухое рычание Топа.

Оставив на минуту Айртон, инженер вышел за порог и взял ружье на изготовку. Герберт встал рядом с ним. Оба настороженно смотрели на гребень отрога, возвышавшийся над коралем. Если бандиты устроили там засаду, они могли перестрелять всех колонистов одного за другим.

В это мгновение над черной завесой лесных зарослей выплыла луна, и стало светло как днем. Лунное сияние озарило весь кораль, разбросанные по нему купы деревьев, орошавший его ручеек и широко расстилавшийся ковер зеленой травы. В той стороне, где высилась гора Франклина, дом и часть ограды, залитые лунным светом, казались совсем белыми, а на противоположной стороне, в тени, ограда тянулась темной стеной.

Вскоре в светлом круге появилось что-то громоздкое и черное — это въехала во двор тележка, и Сайрес Смит услышал, как захлопнулись ворота и загремели засовы.

Но в эту минуту Топ, сорвавшись с привязи и заливаясь яростным лаем, бросился в глубину коралья, вправо от дома.

— Осторожней, друзья! Целься! — крикнул Сайрес Смит.

Колонисты вскинули ружья и уже готовы были выстрелить. Топ лаял, не умолкая, а Юп, подбежав к нему, пронзительно засвистел.

Колонисты двинулись за ними следом и вышли к ручейку, бежавшему под высокими деревьями.

И что же увидели они у берега, озаренного, ярким светом луны!

На траве лежало пять трупов!

Это были те самые бандиты, которые четыре месяца назад высадились на остров Линкольна!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рассказ Айртона. — Планы его бывших сообщников. — Захват коралья. — Вершитель правосудия на острове Линкольна. — «Бонадвентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — На дне кратера. — Возвращение.

Что же случилось? Кто сразил пиратов? Может быть, Айртон? Нет, ведь за минуту до этого он так боялся их возвращения!

А тем временем Айртоном овладел глубокий сон, невозможно было его добудиться. Произнеся те немногие слова, которые мы привели, он рухнул на постель и лежал неподвижно в тяжелом забытьи.

Теряясь в догадках, колонисты всю ночь не спали от волнения, никто не выходил из дома, не решился еще раз побывать на том месте, где лежали трупы пиратов. Вероятно, Айртон не мог бы сказать, при каких обстоятельствах они нашли смерть, ведь бедняга даже не знал, что он находится в корале. Но, возможно, ему известно было, что произошло перед этой ужасной казнью.

На следующий день Айртон очнулся от забытья, и все сердечно радовались, что после ста четырех дней разлуки видят его живым и почти здоровым.

И тут Айртон вкратце передал, что произошло, — во всяком случае то, что он знал.

Десятого ноября, на следующий день после возвращения Айртона в кораль, как только стемнело, через ограду перелезли пираты и схватили его. Связав Айртона, злодеи заткнули ему рот и отвели к подножию горы Франклина, в одну из тех темных пещер, где они укрывались.

Его обрекли на смерть и собирались убить на следующий день. Но вдруг один из пиратов узнал его и назвал тем именем, которое он носил в Австралии. Негодяи, намеревавшиеся замучить Айртона, не посмели тронуть Бена Джойса.

Но с той минуты, как Айртона узнали, ему пришлось бороться против требований своих бывших соратников. Они решили перетянуть его на свою сторону, рассчитывая, что он поможет им завладеть Гранитным дворцом; они надеялись, что, проникнув в это неприступное убежище, перебьют колонистов и станут хозяевами на острове!

Айртон не поддавался. Бывший разбойник, искупивший вину раскаянием и заслуживший прощение, скорее умер бы, чем выдал своих товарищей.

Его связали, заткнули ему рот и почти четыре месяца держали в пещере, не спуская с него глаз.

Вскоре после высадки на остров пираты обнаружили кораль и с тех пор добывали себе в нем съестные припасы, но не пожелали там поселиться. Двое из этих бандитов 11 ноября натолкнулись на колонистов и стреляли в Герберта; возвратившись к своим собратьям, один из них хвастался, что «ухлопал» кого-то из обитателей острова; но преступник вернулся один — его сообщника, как нам уже известно, сразил кинжал Сайреса Смита.

Нетрудно представить себе тревогу и скорбь Айртона, когда он услышал слова разбойников о смерти Герберта. Значит, колонистов осталось только четверо, и они теперь в полной власти пиратов!

После этого события, в течение тех дней, когда колонисты находились в домике Айртона, где их удерживала болезнь Герберта, пираты прятались в пещере, и, даже опустошив плато Кругозора, они из осторожности не расстались со своим убежищем.

С Айртоном стали обращаться еще хуже. На руках и ногах у него остались кровавые следы от веревок,

которыми его связывали. Каждую минуту он ждал смерти и считал свою гибель неминуемой.

Так обстояло дело до середины февраля. Разбойники все выжидали благоприятного случая для нападения на колонистов и редко выползали из своего логова, лишь предпринимали несколько раз вылазки для охоты, промышляя то внутри острова, то добираясь до южного берега. До Айртона больше не доходило ни единой вести о его друзьях, и он уже потерял всякую надежду увидеть их!

Наконец несчастный так ослабел от мучений, которым его подвергали, что впал в полную прострацию и, находясь в таком состоянии уже два дня, ничего не видел, ничего не слышал и не мог сказать, что произошло.

— Не знаю, мистер Смит, как это получилось, что лежал я связанный в пещере, а вдруг опять очутился в корале.

— А как случилось, что пираты лежат мертвые в ограде коралля? — спросил инженер.

— Мертвые? — воскликнул Айртон и, несмотря на свою слабость, даже приподнялся на кровати.

Товарищи поддержали его. Он хотел встать с постели, ему помогли подняться, и все вместе направились к ручейку.

Уже совсем рассвело.

На берегу ручья лежали бездыханные тела в тех позах, в каких, верно застала пиратов мгновенная смерть.

Айртон был потрясен. Сайрес Смит и все его товарищи молча смотрели на него.

По знаку инженера Наб и Пенкроф осмотрели трупы, уже заочневшие на холоде.

Никаких ранений у мертвецов не обнаружили. И, лишь взглядевшись самым внимательным образом, Пенкроф заметил у каждого из них маленькое красное пятнышко, словно след от ушиба: у одного пятнышко было на лбу, у другого — на груди, у того — на спине, у этого — на плече. Откуда взялись эти пятнышки, установить было невозможно.

— Вот как они были убиты! — сказал Сайрес Смит.

— Но каким оружием? — изумленно сказал журналист.

— И кто же их убил? — спросил Пенкроф.

— Вершитель правосудия на нашем острове, — ответил Сайрес Смит, — тот, кто перенес вас сюда, Айртон; тот, кто своим вмешательством столько раз спасал нас; тот, кто делает для нас все, что мы не в силах сделать сами, и сделав это, таится от нас.

— Поищем же его! — воскликнул Пенкроф.

— Да, мы будем его искать, — отозвался Сайрес Смит. — Но где скрывается это могущественное существо, совершившее для нас столько чудес, мы откроем лишь в том случае, если ему угодно будет позвать нас к себе.

Покровительство невидимого благодетеля, сводившее на нет их собственные усилия, и раздражало и вместе с тем глубоко трогало Сайреса Смита. Всякий раз его вмешательство говорило об относительной беспомощности самого Сайреса Смита, а для гордых душ такое чувство обидно. В великодушной помощи, которую оказывают скрытно, избегая всяких изъявлений благодарности со стороны тех, кому оказывают благодеяние, есть известная доля высокомерия, и, по мнению Сайреса Смита, это уменьшало цену благодеяния.

— Будем его искать, — повторил инженер, — и, дай бог, чтобы нам удалось когда-нибудь доказать

нашему высокомерному покровителю, что нас нельзя назвать неблагодарными! Чего бы я не дал, лишь бы воздать ему добром за добро и хотя бы ценою своей жизни оказать ему какую-нибудь важную услугу!

С того дня поиски незнакомца стали единственной заботой обитателей острова Линкольна. Все побуждало их найти ключ этой загадки, узнать имя человека, обладающего поистине необъяснимым, каким-то сверхъестественным могуществом.

Колонисты поспешили возвратиться в дом, и их заботы быстро возвратили Айртону душевные и телесные силы.

Наб и Пенкроф перенесли трупы пиратов в лес, подальше от коралля, и глубоко зарыли их в землю.

Затем Айртону рассказали, что произошло в то время, как он был в плену. Он узнал тогда о ранении Герберта и о всех испытаниях, выпавших на долю колонистов. Товарищи сказали ему, что они уже не надеялись свидеться с ним, так они боялись, что безжалостные преступники зверски убили его.

— А теперь, — сказал в заключение Сайрес Смит, — нам остается выполнить свой долг. Половина нашей задачи решена. Однако если теперь нам уже нечего бояться пиратов и мы вновь стали хозяевами острова, то обязаны мы этим не самим себе.

— Прекрасно, — отозвался Гедеон Спилет, — обыщем весь этот лабиринт ущелий между отрогами горы Франклина. Не пропустим ни одного грота, ни одной впадины! Ах я думаю, еще ни одному журналисту не приходилось разгадывать такой увлекательной тайны!

— И мы не вернемся в Гранитный дворец, пока не найдем нашего благодетеля, — сказал Герберт.

— Да, — подтвердил инженер. — Мы сделаем все, что в силах человеческих... Но, повторяю, найти его нам удастся лишь в том случае, если он сам того пожелает!

— Останемся в корале, — предложил Пенкроф.

— Останемся, — согласился Сайрес Смит. — Провианта здесь много, и, кроме того, мы находимся в самом центре той местности, где будем производить поиски. И отсюда, если понадобится, можно быстро съездить на тележке в Гранитный дворец.

— Правильно, — сказал моряк. — Имею только одно замечание.

— Какое?

— Вот уже лето приближается, и не надо забывать, что нам предстоит путешествие.

— Какое путешествие? Куда? — спросил Гедеон Спилет.

— На остров Табор, — ответил Пенкроф. — Надо же оставить там записку, указать в ней координаты нашего острова и сообщить, где теперь находится Айртон, на тот случай, если шотландская яхта придет за ним. Кто знает, может, мы уже опоздали.

— Подождите, Пенкроф, — сказал Айртон. — На чем вы думаете добраться до острова Табор?

— На нашем корабле!

— На вашем корабле? — воскликнул Айртон. — Его уж больше нет.

— Как, корабля больше нет?! — закричал Пенкроф, вскочив на ноги.

— Да, Пенкроф, — сказал Айртон. — Неделию тому назад пираты разыскали его в маленькой бухточке, вышли на нем в море и...

— И что же?.. — с замиранием сердца спросил Пенкроф.

— Ведь у них теперь нет Боба Гарвея, значит, некому вести корабль... Ну, они и наткнулись на рифы.

Суденышко ваше разбилось.

— Ах негодяи! Ах бандиты! Подлецы проклятые! — воскликнул моряк.

— Пенкроф, — сказал Герберт, взяв его за руку. — Мы построим другой корабль, еще лучше и больше прежнего. Ведь у нас теперь есть все железные части, весь такелаж и паруса с пиратского брига!

— А вы знаете, сколько времени надо, чтобы построить судно водоизмещением в тридцать — сорок тонн? — горестно заметил Пенкроф. — На это уйдет месяцев пять, а то и полгода.

— Сколько понадобится, столько и потратим времени, но построим судно, — ответил журналист. — А в этом году не поедем на остров Табор.

— Ну, что ж поделаешь, Пенкроф, — утешал его инженер.

— Случилось несчастье, надо перенести его. Будем надеяться, что отсрочка поездки на Табор не принесет нам вреда.

— Эх, «Бонадвентур»! Бедный мой «Бонадвентур»! — воскликнул Пенкроф, глубоко потрясенный утратой суденышка, которым он так гордился.

Гибель корабля действительно была большой потерей для колонистов, и они твердо решили как можно скорее поправить беду. Но сейчас единственной их заботой было обследование всех тайников, имевшихся на острове.

Поиски начались в тот же день, 19 февраля, и длились целую неделю. У подножия горы Франклина, между ее отрогами и многочисленными их разветвлениями, извивался настоящий лабиринт долин и оврагов, расположенных чрезвычайно прихотливо. Очевидно, искать нужно было в этих узких ущельях, может быть даже в недрах горы. Человеку, желавшему оставаться для всех неведомым, легче всего было устроить себе потаенное жилище именно в этой части острова. Отроги так хаотически переплетались меж собою, что Сайресу Смиту пришлось вести поиски со строжайшей методичностью.

Прежде всего обследованы были все долины у южного склона вулкана и у истоков Водопадной речки. Айртон показал колонистам убежище бандитов — ту пещеру, где он томился в заключении, пока его не перенесли в кораль. В пещере все было в том же виде, как и при Айртоне. И так же, как при нем, лежали там оружие, порох, пули и провиант, которые бандиты похитили и держали в своем логове про запас.

Колонисты тщательно обследовали всю соседнюю с пещерой долину, поросшую прекрасными деревьями, главным образом хвойными; затем, обогнув оконечность юго-западного отрога, они направились в узкое ущелье, доходившее до живописного нагромождения базальтовых глыб на побережье.

Здесь деревьев было меньше. Траву заменил камень. Среди утесов прыгали дикие козы и муфлоны. Тут начиналась бесплодная часть острова. Уже можно было заметить, что из многочисленных долин, разветвлявшихся у подножия горы Франклина, только три богаты лесом и пастбищами, как, например, долина, избранная для коралля и граничившая на западе с долиной Водопадной речки, а на востоке — с долиной Красного ручья. Оба эти ручья начинались где-то в горах, а ниже, вобрав в себя несколько притоков, они превращались в речки, орошавшие южную часть острова. Реку Благодарения питали главным образом обильные родники, терявшиеся в густой чаще леса Жакамара; бесчисленные струйки подпочвенных вод, изливавшихся такими же родниками, орошали полуостров Извилистый.

Одна из вышеупомянутых долин, где не было недостатка в питьевой воде, вполне подходила для убежища какого-нибудь отшельника, — он мог найти тут все необходимое для жизни. Колонисты тщательно исследовали все три долины, но нигде не обнаружили присутствия человека.

Где же таинственный незнакомец нашел себе пристанище? Может быть, на северном склоне, в диких ущельях, среди обвалившихся скал, в бесплодных теснинах, между застывшими потоками лавы?

У подошвы горы Франклина с северной стороны пролегали только две широкие и неглубокие долины; они были совсем лишены зелени, усеяны валунами, испещрены длинными полосами морен и потоками застывшей лавы, меж которых вздымались буграми вулканические горные породы и лежали россыпью мелкие обломки обсидиана и лабрадоритов. Эта часть острова потребовала долгих и трудных исследований. В склоны горы врезалось здесь множество пещер, конечно, совсем неудобных для жилья, но совершенно скрытых от глаз и почти неприступных. Колонисты осмотрели даже темные туннели, возникшие еще в эпоху образования острова. При свете смоляных факелов исследователи прошли по всем этим мрачным галереям, обыскали каждый грот, исследовали каждую впадину. Всюду тишина и мрак. Казалось, никогда еще по этим древним подземным ходам не ступала нога человека, никогда он не передвинул тут ни единого камня. Все оставалось таким же, как в те бесконечно далекие времена, когда подземный огонь извергнул со дна морского эти глыбы и над водами океана поднялся остров.

Но хотя эти глубинные ходы казались совершенно пустынными и в них царил беспросветный мрак, Сайресу Смит пришлось убедиться, что они не были царством абсолютной тишины.

Проходя по одной из этих мрачных пещер, врезавшихся в толщу горы на несколько сот футов, он, к удивлению своему, услышал доносившийся издалика рокот, который отдавался эхом под каменными сводами подземной галереи.

Гедеон Спилет, который шел вместе с ним, тоже услышал этот отдаленный гул, указывавший, что в недрах вулкана ожил потухший огонь. Оба прислушались: глухие раскаты повторились несколько раз; очевидно, в глубинах земли происходил некий геологический процесс.

— Значит, вулкан еще не совсем потух? — сказал журналист.

— Возможно, что, с тех пор как мы обследовали кратер, — ответил Сайрес Смит, — в нижних пластах горы начались какие-то процессы. В любом вулкане, который считается потухшим, может снова разгореться огонь.

— Но если огнедышащая гора Франклина оживает и готовится новое извержение, то разве острову Линкольна не грозит опасность? — спросил Гедеон Спилет.

— Не думаю, — ответил инженер. — Ведь кратер вулкана играет роль предохранительного клапана; избыток паров и лавы, как и прежде, вырвется через этот привычный канал.

— Если только лава не проложит себе новый выход в направлении плодородной части острова...

— Да почему же это будет так, дорогой Спилет? — ответил Сайрес Смит. — Почему лава уклонится от того пути, который ей проложила сама природа?..

— Ну, вулканы очень капризны, — ответил журналист.

— Заметьте, — возразил инженер, — что наклон всей горы Франклина благоприятствует стоку изверженной лавы к тем самым долинам, которые мы сейчас обследуем. Для того чтобы она потекла в другую сторону, должно произойти перемещение центра тяжести, что возможно только в результате землетрясения.

— Но ведь в таких случаях, насколько я знаю, всегда следует опасаться землетрясения, — заметил Гедеон Спилет.

— Всегда! — подтвердил инженер. — Особенно когда подземные силы начинают пробуждаться после долгого отдыха, а кратер огнедышащей горы закупорен. Право, дорогой Спилет, извержение вулкана

может стать для нас большим бедствием, и лучше бы он никогда не пробуждался, а спал себе мирным сном. Но тут уж мы бессильны, не правда ли? Однако, что бы ни случилось, я полагаю, что нашим плантациям на плато Кругозора не грозит серьезной опасности. Между плато и горой лежит довольно глубокая впадина, и если когда-нибудь лава потечет по направлению к озеру, она польется из этой впадины в сторону дюн и к заливу Акулы.

— А ведь мы еще не видели над вершиной горы ни малейшего дымка, предвещающего близость извержения, — заметил Гедеон Спилет.

— Да, не видели, — сказал Сайрес Смит. — Над кратером нет ни одного облачка пара, я только вчера внимательно наблюдал за макушкой горы. Но возможно, что в течение веков кратер снизу крепко забили каменные глыбы, вулканический пепел, застывшая лава, и, следовательно, предохранительный клапан, о котором я говорил сейчас, слишком плотно закупорен. Однако при первом же серьезном толчке все это взлетит на воздух, и будьте уверены, дорогой Спилет, что ни остров, который можно сравнить с паровым котлом, ни вулкан — его топка — не взорвутся от давления газов. И все же, повторяю, пусть лучше не будет извержения.

— А меж тем мы с вами не ошибаемся: очень хорошо слышен глухой рокот. В недрах вулкана что-то происходит!..

— Да, да, — ответил инженер, настороженно прислушиваясь.

— Ошибиться невозможно... Тут, несомненно, происходит какой-то процесс, но его значение и окончательный результат пока еще нельзя предвидеть.

Выйдя из пещеры, Сайрес Смит и Гедеон Спилет разыскали своих товарищей и рассказали им о своих наблюдениях.

— Вот оно как! — воскликнул Пенкроф. — Вулкан опять вздумал приняться за свои проделки. Пусть только попробует. Найдется и на него управа!..

— Кто же с ним справится? — спросил Наб.

— Наш покровитель, Наб, наш добрый гений. Уж он заткнет кратер, если вулкан попытается разинуть свою глотку!

Как видят читатели, вера Пенкрофа в новоявленное божество, повелевающее островом, была непреложна, да и, надо сказать, таинственная сила, проявлявшаяся до сих пор во многих и многих случаях, казалась всемогущей. Но этот чародей ускользал от самых тщательных поисков, и, невзирая на все старания колонистов, на их усердие и, главное, на их упорство в исследовании острова, скрытое убежище до сих пор не было обнаружено.

С 19 по 25 февраля круг розысков расширился и захватил всю северную часть острова; обысканы были самые укромные уголки. Дело доходило до того, что колонисты выстукивали склоны утесов, как выстукивает стены полиция, производя обыск в подозрительном доме. Инженер даже составил очень точную карту горы и ее отрогов, и колонисты обошли их все до самых отдаленных уголков. Исследовали они также и верхнюю террасу и возвышавшуюся на ней конусообразную вершину, вплоть до снеговой шапки, белевшей на ее макушке, в которой, зияла воронка кратера.

Больше того: спускались даже в самую воронку кратера, еще не дышавшего огнем, хотя в глубине пропасти уже ясно слышался зловеющий рокот. Однако из кратера не поднималось ни единой струйки дыма, ни единого облачка пара, стенки его нисколько не нагрелись — словом, ничто не предвещало близкого извержения. И нигде — ни на вершине горы, ни на ее склонах, — решительно нигде колонисты не нашли ни малейших следов пребывания незнакомца, которого они искали.

Тогда стали производить розыски по всей полосе дюн. Тщательно осмотрели и высокие берега залива Акулы, представлявшие собой отвесную стену из застывшей лавы, исследовали ее сверху донизу, хотя очень трудно было спускаться к морю по этой круче. Нигде никого!

Слова эти верно выражали плачевный результат бесплодных поисков, потребовавших столько утомительных усилий, столько упорства, и не удивительно, что такая незадача вызвала у Сайреса Смита и его товарищей чувство горького разочарования.

Пришлось, однако, подумать о возвращении домой — поиски не могли продолжаться до бесконечности. Теперь у колонистов были все основания считать, что убежище таинственного незнакомца находится не на поверхности острова, и тогда у каждого в разгоряченном воображении зародились самые безумные предположения. В особенности много фантазировали Пенкроф и Наб; они не только создавали в своих домыслах странный образ, но уносились в волшебный, сказочный мир.

Двадцать пятого февраля колонисты возвратились в Гранитный дворец. При помощи двойного каната, который привязали к стреле и закинули на выступ площадки, они восстановили сообщение между своим жилищем и берегом.

Месяц спустя, 24 марта, поселенцы праздновали третью годовщину своего пребывания на острове Линкольна.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прошло три года. — Вопрос о постройке нового корабля. — Решение. — Колония процветает. — Судостроительная верфь. — Холода в Южном полушарии. — Пенкроф смиряется. — Стирка белья. — Гора Франклина.

Прошло три года с тех пор, как пленники бежали из Ричмонда. Сколько раз за эти три года они говорили о своей родине. Никогда они не забывали о ней!

Они не сомневались в том, что гражданская война кончилась, причем не допускали и мысли, чтобы справедливое дело северян не восторжествовало. Но каковы были перипетии этой ужасной войны? Много ли пролито было крови? Кто из друзей и знакомых пал в сражениях? Вот о чем часто беседовали колонисты, не зная, скоро ли настанет день, когда они увидят родную страну. Возвратиться на родину хотя бы на несколько дней, возобновить связь с обитаемым миром, установить постоянное сообщение между родной страной и островом, — после этого они готовы были провести долгие годы в основанной ими колонии, которая стала бы тогда зависеть от метрополии, и, быть может, эти годы оказались бы лучшей, счастливейшей порой их жизни. И разве все это было несбыточной мечтой?

Но мечта их могла осуществиться лишь двумя путями: или в воды острова Линкольна придет какой-нибудь корабль, или колонисты сами построят достаточно большое судно, чтобы доплыть на нем до ближайшей земли.

— А может быть, — говорил Пенкроф, — наш гений-покровитель предоставит нам возможность возвратиться на родину!

Право, если бы Пенкрофу и Набу сказали, что в заливе Акулы или в порту Воздушного шара их ждет корабль водоизмещением в триста тонн, они бы нисколько не удивились, даже глазом бы не моргнули, решив, что это в порядке вещей, ибо ждали от незнакомца любых чудес.

Но Сайрес Смит, как человек менее доверчивый, советовал им вернуться к реальной действительности и самим приняться за постройку судна; задача эта поистине являлась неотложной, так как следовало поскорее отвезти на остров Табор записку о новом местопребывании Айртона.

«Бонадвентура» уже не существовало, для постройки нового корабля требовалось по меньшей мере полгода. А близилась зима. Словом, до будущей весны нечего было и думать о поездке.

— Что ж, у нас будет достаточно времени, и к наступлению теплых дней мы успеем подготовиться как следует, — сказал инженер Пенкрофу, беседуя с ним на эту тему. — Я думаю, друг мой, что, раз нам нужно заново строить судно, лучше всего сделать его размерами побольше. Еще неизвестно, посетит ли шотландская яхта остров Табор. Может статься, что она приплыла туда несколько месяцев назад, что шотландцы долго искали Айртона и, не найдя никаких следов его пребывания на острове, уплыли обратно. Нет, нам с вами надо построить такой корабль, чтобы в случае нужды мы могли добраться на нем до островов Полинезии или до Новой Зеландии. Как вы думаете?

— Я думаю, мистер Сайрес, — ответил моряк, — я думаю, что вы со всяким делом справитесь, у вас и большой корабль получится не хуже маленького. Деревя и инструментов у нас достаточно. Значит, все зависит от времени.

— А сколько месяцев потребуется на постройку корабля водоизмещением в двести пятьдесят — триста тонн? — спросил Сайрес Смит.

— Месяцев семь-восемь по меньшей мере, — ответил Пенкроф. — Да еще не забывайте, что зима

подходит, а в сильные холода трудно обрабатывать дерево. Значит, считайте, что несколько недель пропадут зря, и дай бог, ежели мы спустим корабль на воду в ноябре месяце.

— Вот и хорошо! — сказал Сайрес Смит. — Самая подходящая пора для путешествия на остров Табор или даже в более далекие края.

— Правильно, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Делайте чертежи. Рабочие готовы. Я думаю, в таком деле Айртон будет нам хорошим помощником.

Посоветовались с остальными колонистами, те одобрили замысел инженера, и действительно идея была превосходная. Правда, построить корабль водоизмещением от двухсот до трехсот тонн — задача нелегкая, но колонисты верили в свои силы, что вполне оправдывалось уже достигнутыми успехами.

Итак, Сайрес Смит занялся составлением расчетов и чертежей для постройки корабля. Тем временем его товарищи рубили и перевозили деревья, которые должны были пойти на изогнутые шпангоуты, на весь набор судна и на его обшивку. Леса Дальнего Запада дали им лучшие для кораблестроения породы дуба и вяза. Воспользовавшись просекой, которую прорубили во время последней экспедиции, проложили по ней дорогу, назвав ее дорогой Дальнего Запада; по ней бревна подвезли к Трущобам, и устроили там корабельную верфь. Что касается дороги, то она шла прихотливыми зигзагами, петляя в зависимости от расположения деревьев, выбранных для рубки, и все же благодаря ей значительная часть полуострова Извилистого стала гораздо доступнее.

Колонисты спешили рубить и обтесывать деревья, так как сырая древесина не годится для постройки судна, и надо было, чтоб она успела высохнуть. Корабельные плотники усердно работали весь апрель: за этот месяц не случилось никаких неприятностей, кроме довольно сильных штормов, обычных в пору равноденствия. Юп хорошо помогал лесорубам — то взбирался на самую макушку дуба и закреплял там веревку, которой валили срубленное дерево, то перетаскивал на своей крепкой спине уже обтесанные стволы.

Бревна сложили штабелями под широким дощатым навесом, поставленным около Трущоб: там они должны были храниться, пока их не пустят в дело.

Апрель выдался погожий, каким в Северном полушарии зачастую бывает октябрь. Помимо постройки корабля, колонисты усердно обрабатывали землю, и вскоре с плато Кругозора исчезли все следы опустошения. Отстроили мельницу, на месте уничтоженного птичника выросли новые сараи. Их построили более просторными, потому что пернатое население фермы очень возросло. В конюшне стояло теперь пять онагров — четверо сильных, крепких и хорошо объезженных животных, ходивших и в упряжке и под седлом, и недавно родившийся жеребенок. Инвентарь колонии увеличился — появился плуг; на онаграх теперь пахали землю, и они тянули плуг не хуже волов, на которых пашут в Йоркшире или в Кентукки. Каждый колонист брал на себя ту или иную работу, никто не сидел сложа руки. Зато каким завидным здоровьем могли похвастаться все эти труженики, как весело проводили они вечера в Гранитном дворце, какие радужные планы на будущее они строили!

Айртон, разумеется, чувствовал себя теперь равноправным членом содружества; он уж не заводил речи о том, чтобы ему жить отдельно в корале. Однако он всегда был задумчив, молчал и больше разделял с колонистами их труды, чем радости. Но работник он был прекрасный — сильный, ловкий, изобретательный и толковый, его любили и уважали, и он не мог этого не чувствовать.

Не был заброшен и кораль. Кто-нибудь из колонистов через день ездил туда на тележке или верхом, задавал корма скоту, доил коз и привозил молоко, которое поступало в распоряжение Наба. Этими поездками пользовались и для охоты, поэтому чаще других ездили в кораль Герберт и Гедеон Спилет в сопровождении Топа, всегда бежавшего впереди: благодаря искусству охотников и их превосходным

ружьям в доме не переводилась крупная дичь — водосвинки, агути, кенгуру, кабаны, пекари; не переводилась и птица: утки, тетерева, глухари, жакамары, бекасы. Кролики из садка, устрицы с отмели, иной раз черепаха, полные невода семги, приплывшей целыми косяками в реку Благодарения метать икру, овощи с огорода на плато Кругозора, дикие плоды из леса — какие щедрые дары природы! Главный повар Наб едва успевал убирать их про запас в свои кладовые.

Само собой разумеется, что телеграфный провод, протянутый между коралем и Гранитным дворцом, был восстановлен, и ничего не стоило теперь послать депешу, когда кто-либо из колонистов, отправившись в кораль, считал нужным там заночевать. Ведь теперь на острове опять стало спокойно, и больше не приходилось опасаться вторжения, по крайней мере со стороны людей.

И все же беда могла повториться, если б на остров опять вздумали высадиться какие-нибудь беглые каторжники. Быть может, приятели и сообщники Боба Гарвея, еще отбывавшие заключение в Норфолке, были посвящены в тайну его замыслов и собирались последовать его примеру. Итак, колонисты беспрестанно вели наблюдение за всеми удобными для высадки частями побережья, и ежедневно их подзорная труба обводила широкую дугу горизонта от бухты Соединения до бухты Вашингтона. Направляясь в кораль, они не менее внимательно оглядывали море и в западном направлении, — с отрогов горы Франклина видно было очень далеко.

Ничего подозрительного ни разу не появлялось в поле зрения, и тем не менее всегда приходилось держаться настороже.

Однажды вечером Сайрес Смит предложил товарищам приступить к укреплению коралья. Он считал разумной мерой предосторожности выше поднять ограду и сбоку построить нечто вроде блокгауза, для того чтобы укрыться там в случае нужды и дать отпор нападающим. Гранитный дворец, говорил инженер, можно считать неприступным благодаря самому его расположению, но кораль с его постройками, запасами продовольствия и содержащимся в загонах скотом всегда может оказаться предметом посягательств со стороны каких-либо грабителей, которые нагрянут откуда-нибудь, и надо создать наиболее благоприятные условия для защиты от них.

План укрепления коралья еще надо было хорошенько обдумать, и осуществление его поневоле отложили до весны.

К 15 мая на верфи был уже заложен киль нового судна, и вскоре почти перпендикулярно к нему поднялись в пазах ахтерштевень на одном конце и форштевень — на другом. Киль, сделанный из крепкого дуба, имел в длину сто десять футов, что позволило поставить средний бимс длиной в двадцать пять футов. Но только это корабельные плотники и успели сделать до наступления ненастья и холодов. На следующей неделе еще поставили первые кормовые шпангоуты, а затем пришлось работы приостановить.

В конце месяца погода совсем испортилась. Дул восточный ветер, иногда достигавший силы урагана. Сайрес Смит опасался за судьбу корабельной верфи. Он выбрал для нее самое удобное место, близ Гранитного дворца, но в бурю островок Спасения был плохой защитой побережья, волны, гонимые ветром, докатывались до гранитной стены и разбивались у ее подножия.

К счастью, его опасения не оправдались. Ветер чаще всего дул с юго-востока, а тогда Гранитный дворец бывал прекрасно защищен выступом мыса Находки.

Пенкроф и Айртон, самые ревностные строители нового судна, не прекращали работы до тех пор, пока это было возможно. Они не боялись ни ветра, трепавшего им волосы, ни дождя, от которого оба промокали до нитки: они находили, что молоток одинаково хорошо бьет и в ненастье и в хорошую погоду. Но когда после слякоти ударили морозы, дерево на холоде затвердело, как железо, и плотникам стало чрезвычайно трудно его обрабатывать — к 10 июня пришлось прервать постройку судна.

Сайрес Смит и его товарищи, конечно, не могли не замечать, как суровы зимы на острове Линкольна. Такие холода бывали разве что в штатах Новой Англии, расположенных приблизительно на таком же расстоянии от экватора, как и остров Линкольна. В Северном полушарии, по крайней мере в той его части, которую занимают Новая Англия и северная полоса Соединенных Штатов, это явление объясняется плоским рельефом, который граничит с полярной зоной: ни одна возвышенность не преграждает там путь северным ветрам; но в отношении острова Линкольна такое объяснение было неприменимо.

— Наблюдениями установлено, — сказал однажды Сайрес Смит своим товарищам, — что при равных географических широтах на островах и морских побережьях холода не так сильны, как во внутренних областях континентов. Например, я часто слышал, что в Ломбардии зимы более суровы, чем в Шотландии, а это, говорят, зависит от того, что море отдает зимой то тепло, которое оно получило от солнца летом. А ведь острова находятся в особо благоприятных условиях для такого согревания.

— Так в чем же дело, мистер Смит? — спросил Герберт. — Почему остров Линкольна как будто представляет собою исключение из общего правила?

— Трудно найти этому объяснение, — сказал инженер. — Однако я полагаю, что такая климатическая особенность зависит от того, что наш остров находится в Южном полушарии, а, как тебе известно, дитя мое, зимы тут холоднее, чем в Северном полушарии.

— Да, это верно, — согласился с ним Герберт. — Недаром плавучие льды можно встретить в южной части Тихого океана на более низких широтах, чем в северной.

— Правильно, — подтвердил Пенкроф. — Когда я плавал на китобойном судне, нам встречались айсберги даже на траверсе мыса Горн.

— В таком случае суровые холода, от которых мы страдаем на острове Линкольна, возможно, объясняются тем, что сравнительно неподалеку от него плавают айсберги и даже образовались ледяные поля, — сказал Гедеон Спилет.

— Ваше объяснение вполне правдоподобно, дорогой Спилет, — заметил Сайрес Смит. — Очень возможно, что суровыми зимами мы обязаны близости льдов. Я хочу напомнить вам, какой чисто физической причиной вызван тот факт, что в Южном полушарии холоднее, чем в Северном. Ведь летом солнце ближе к этому полушарию, а следовательно, зимой оно неизбежно должно отстоять дальше. Этим и объясняется резкая разница в средней температуре зимы и лета. Вспомните-ка, на острове Линкольна зима холодная, зато лето очень знойное.

— А скажите, пожалуйста, мистер Смит, — спросил Пенкроф, нахмутив брови, — почему же это наше Южное полушарие так нехорошо устроено? Это ведь несправедливо!

— Дружище Пенкроф, — смеясь, ответил инженер. — Справедливо это или несправедливо, но уж так оно есть, надо считаться с фактом. Происходит же эта особенность вот отчего. Орбита, по которой движется Земля вокруг Солнца, представляет собою не окружность, а эллипс, что соответствует разумным законам механики. Поэтому Земля в определенный момент достигает афелия, то есть точки наиболее далекой от Солнца, а в другое время — перигелия, то есть находится на самом коротком расстоянии от Солнца. И вот, оказывается, что как раз во время зимы в странах Южного полушария Земля находится в точке, наиболее удаленной от Солнца и, следовательно, в условиях, благоприятствующих тому, чтобы в этих областях были самые сильные холода. Тут уж ничего не поделаешь, Пенкроф, и самым ученым людям никогда не удастся что-либо изменить в устройстве вселенной, установленном господом богом.

— А все-таки удивительно! — добавил Пенкроф, видимо с трудом примиряясь с неизбежностью. — Мудрено устроен мир! Толстые книги получатся, если записать все, что люди знают.

— А еще толще книги можно написать о том, чего люди до сих пор не знают, — сказал Сайрес Смит.

Как бы то ни было, в июне настала уже привычная колонистам суровая зима, и они зачастую даже не выходили из Гранитного дворца.

Каким томительным было для всех это затворничество, и, пожалуй, особенно оно тяготило Гедсона Спилета.

— Знаешь что, — сказал он однажды Набу, — я бы тебе написал дарственную, засвидетельствованную по всем правилам у нотариуса, и отдал бы в твою пользу все наследства, какие меня ждут, если б ты, как добрый малый, сходил бы куда-нибудь, где принимается подписка на газеты и журналы, да подписал меня хоть на какую-нибудь захудалую газетку! Положительно, для полного счастья мне больше всего не хватает газеты. Хочется, друг, узнавать по утрам, что вчера произошло в мире, за пределами нашего острова!

Наб рассмеялся.

— Вот какой любопытный, — сказал он. — А я за работой обо всем забываю. Каждый день у нас дела по горло!

Действительно, и в Гранитном дворце и вне его работы было достаточно.

Благодаря трехлетнему упорному труду обитателей острова Линкольна колония их достигла в том году истинного процветания. Затонувший бриг послужил для них новым источником сокровищ. Помимо полной оснастки, которая могла пойти для строящегося судна, кладовые Гранитного дворца были забиты всякого рода утварью, инструментами, приборами, оружием, боевыми припасами и одеждой. Колонистам уже не приходилось больше выделывать грубое сукно. В первую зиму они страдали от холода, а теперь их несколько не пугали самые лютые морозы. Белья у них тоже стало много, да и держали его они в большом порядке. Из морской соли, в которой содержится хлористый натрий, Сайрес Смит без труда получил натрий и хлор. Натрий шел затем на изготовление соды, а хлор — хлорной извести; и то и другое употреблялось в Гранитном дворце для хозяйственных нужд и, в частности, для стирки белья. Впрочем, большую стирку затевали только четыре раза в год, как это делалось в семейных домах в старое время, и надо добавить, что Пенкроф и Гедсон Спилет, мечтавший об удовольствии читать ежедневно газету, показали себя превосходными прачками.

Так прошли зимние месяцы — июнь, июль и август. Стояли морозы — средняя температура не превышала восьми градусов по Фаренгейту (13,33° ниже нуля по Цельсию). Следовательно, зима выдалась более суровая, чем в прошлом году. Зато как жарко топились каминные в Гранитном дворце! Непрестанно пылал в них огонь, и копоть длинными полосами расписала там стены. Дров не жалели — лес был в нескольких шагах. Шли на дрова и лишние бревна, заготовленные для постройки судна, и это позволяло экономить каменный уголь, который трудно было перевозить с места добычи.

И люди и домашние животные чувствовали себя прекрасно. Правда, дядюшка Юп оказался довольно зябким существом — это был, пожалуй, единственный его недостаток. Пришлось сшить для него теплый халат на вате. Но какой из него вышел замечательный слуга — ловкий, усердный, неутомимый, нелюбопытный, неболтливый; вполне заслуженно он мог стать образцом для всех своих двуногих собратьев в Старом и Новом Свете.

— Что же тут удивительного? — говорил Пенкроф. — Раз у него четыре руки, значит, с него и спросу больше — должен стараться!

И уж как усердствовало умное четверорукое животное!

В течение семи месяцев, которые истекли со времени розысков, производившихся вокруг горы Франклина, и в течение всего сентября, когда вернулись теплые дни, добрый гений острова не давал о себе

знать. Ни в чем не сказывалась его помощь. Да, по правде сказать, в ней и не чувствовалось нужды — за это время не случилось ни одного злополучного происшествия, оказавшегося тяжким испытанием для колонистов.

Сайрес Смит даже заметил, что за это время не было ничего похожего на таинственную связь, как будто установившуюся сквозь каменный кряж между обитателями Гранитного дворца и незнакомцем, чье присутствие Топ, казалось, улавливал чутьем. Собака перестала рычать, да и Юп тоже не выказывал беспокойства. Оба приятеля (Топ и обезьяна крепко подружились) больше уже не сновали около закрытого трапом провала, не таякали и не скулили с какой-то особой тревогой, сразу же насторожившей внимание инженера. Но разве Сайрес Смит мог сказать с уверенностью, что с этой загадкой покончено и на попытках разгадать ее надо поставить крест? Разве мог он утверждать, что уж никогда не возникнут такие обстоятельства, при которых неведомый благодетель вновь выступит на сцену? Как знать, что сулило им будущее?

Зима кончилась. Но как раз в первые вешние дни произошло событие, чреватое очень важными последствиями.

Седьмого сентября Сайрес Смит, рассматривая макушку горы Франклина, заметил над кратером потухшего вулкана извивавшуюся в воздухе струйку дыма и белое облачко пара.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Пробуждение вулкана. — Летняя пора. — Возобновление работ. — Вечер 15 октября. — Телеграмма. — Просьба. — Ответ. — Скорее в кораль! — Записка. — Второй провод. — Базальтовые скалы. — В часы прилива. — В часы отлива. — Пещера. — Ослепительный свет.

Услышав от инженера страшную весть, колонисты бросили работу и молча устремили взгляд на гору Франклина.

Итак, вулкан пробудился от сна; пар и газы, поднявшись из его недр, прорвались сквозь слой твердых пород, скопившихся на дне кратера. Но вызовет ли подземный огонь сильное извержение? Ни предвидеть это, ни предотвратить беду не было возможности.

Но даже если предположить, что извержение неминуемо, еще оставалась надежда, что от него пострадает не весь остров. Изливаясь из вулкана, расплавленные породы не всегда несут с собою гибель. Остров уже прошел через такое испытание: об этом свидетельствовали потоки застывшей лавы, бороздившие северные склоны горы. Кроме того, сама форма кратера и глубокая трещина, рассекавшая его верхний край, должны были направлять извергаемую лаву в сторону, противоположную плодородной зоне острова.

Однако прошлое не гарантировало будущего. Нередко бывает, что у вулканов давние кратеры забыты наглухо, но вместо них раскрываются другие кратеры. Это наблюдалось и в Старом и в Новом Свете — на Этне, на Попокатепетле, на Орисабе, а накануне извержения всего можно опасаться. Ведь бывает достаточно землетрясения — а это явление нередко сопутствует вулканическим извержениям, — чтобы внутреннее строение огнедышащей горы изменилось и расплавленная лава проложила себе новые пути.

Сайрес Смит объяснил все это товарищам и, не сгущая красок, привел все доводы «за» и «против» опасности положения.

В конце концов они тут ничего не могли изменить. Гранитному дворцу как будто ничто не грозило, кроме возможного землетрясения. Но кораль мог быть совершенно уничтожен, если б на южном склоне горы Франклина образовался новый кратер.

С того дня над вершиной горы всегда развеивался белый султан пара, и даже заметно было, что он становится выше и шире. Однако к густым его клубам не примешивалась ни единая искра пламени. Пока еще процессы шли в нижней части центрального очага.

Несмотря ни на что, с первыми теплыми днями работы возобновились. Постройку корабля старались вести как можно быстрее; воспользовавшись движущей силой берегового водопада, Сайрес Смит устроил водяную лесопилку, и теперь колонисты гораздо быстрее, чем вручную, разделяли бревна на доски и балки. Устройство этой установки было такое же простое, как и на сельских лесопилках в Норвегии. Ведь тут нужно было добиться только движения в двух плоскостях: двигать бревно в горизонтальном направлении, а пилу — в вертикальном, вот и все; Сайресу Смицу удалось этого достигнуть при помощи колеса, двух валов и соответствующим образом расположенных блоков.

К концу месяца на верфи уже высился на подпорках набор судна, которое решили оснастить как шхуну. Набор был почти уже закончен, все шпангоуты держались на временных креплениях, и уже ясно выступала форма судна. На этой шхуне, отличавшейся узкой носовой частью и очень широкой кормой, несомненно, можно было в случае нужды делать довольно большие переходы, но требовалось еще много времени на наружную и внутреннюю обшивку судна, на настилку палубы. После взрыва подводной мины удалось, на радость строителям, спасти все металлические части пиратского брига. Из искореженных досок

обшивки, из корабельных шпангоутов Пенкроф и Айртон вырвали клещами болты и множество медных гвоздей. Таким образом, кузнецам пришлось меньше трудиться, но у плотников работы было выше головы.

На неделю строительство шхуны пришлось прервать, заняться уборкой урожая, сенокосом да свезти в амбары и склады зерно и овощи, собранные на плато Кругозора. Но лишь только эти работы закончились, снова принялись за постройку корабля и уже ни на одно мгновение не отвлекались от нее.

К вечеру строители едва держались на ногах от усталости. Чтобы не терять зря времени, они переменили часы своих трапез: обедали в полдень, а ужинали только после захода солнца, когда совсем уж становилось темно. Тогда они поднимались в Гранитный дворец и спешили поскорее лечь спать.

Впрочем, иной раз завязывался разговор на какую-нибудь увлекательную тему, и колонисты ложились позднее обычного. В беседе они делились своими мечтами о будущем и охотно говорили о том, какие счастливые перемены в их судьбе принесет путешествие на шхуне в ближайшие обитаемые края. И все же в планах, которые они строили, неизменно господствовала мысль о возвращении на остров Линкольна. Нет, нет, разве можно расстаться с колонией, которую они основали, вложив в нее столько труда, перенеся такие тяжкие испытания и одержав столько побед? Надо только установить сообщение с Америкой, а тогда развитие колонии пойдет еще быстрее.

Пенкроф и Наб твердо надеялись прожить на острове до конца своих дней.

— Герберт, — говорил моряк, — ведь ты никогда не расстанешься с нашим островом?

— Никогда, Пенкроф, особенно если ты примешь решение тут остаться!

— Да я уж принял такое решение, голубчик, — отвечал Пенкроф. — Я тебя тут буду ждать. Ты приедешь с женой, с детками. Я стану пестовать твоих ребятишек, и они у нас вырастут такими молодцами, только держись!

— Решено! — смеясь и краснея, отзывался Герберт.

— А вы, мистер Сайрес, — мечтал вслух Пенкроф, — вы будете постоянным губернатором острова. Ах да, кстати! Какое население может прокормить наш остров? По-моему, не меньше десяти тысяч.

Случалось, друзья подолгу беседовали так по вечерам. Никто не высмеивал Пенкрофа, напротив — он всех увлекал за собой в область мечтаний, и в конце концов журналист даже основал на острове газету «Нью-Линкольн геральд».

Так уж устроен человек. Потребность созидать, оставить свой след на земле, вложить свою душу во что-то большое, что будет жить долго, переживет его, — вот признак превосходства человека над всеми животными, населяющими нашу планету. Вот почему человек стал венцом творения, вот что оправдывает его господство над миром животных.

А впрочем, как знать. Может быть, у Топа с Юпом тоже были какие-нибудь мечты о будущем?

Один только Айртон держал про себя свои мысли о том, какое бы это было счастье, если б ему довелось встретиться с лордом Гленарваном и предстать перед всеми новым человеком, искупившим свою вину.

Вечером 15 октября приятная беседа затянулась дольше обычного. Было уже девять часов. Уже слышались откровенные протяжные зевки, свидетельствовавшие о том, что всем пора на покой и Пенкроф направился было к своей постели, как вдруг в зале раздался электрический звонок.

Все колонисты были в сборе — Сайрес Смит, Геден Спилет, Герберт, Айртон и Пенкроф, — в корале не осталось никого.

Сайрес Смит поднялся со своего места. Остальные вопрошающе переглядывались, полагая что они

ослышались.

— Что это значит? — воскликнул Наб. — Уж не дьявол ли вздумал позвонить?

Никто не отозвался на эту шутку.

— Погода нынче грозовая, — заметил Герберт. — Может быть, влияют электрические разряды...

Он не договорил. Инженер, на которого все устремили взгляд, отрицательно покачал головой.

— Подождем, — сказал тогда Гедеон Спилет, — если это сигнал, то, от кого бы он ни исходил, звонок, наверно, повторится.

— А кто же, по-вашему, может подать сигнал? — воскликнул Наб.

— Ты разве забыл? — сказал Пенкроф. — Да тот, кто...

Слова его прервал новый звонок — молоточек быстро забарабанил по чашечке звонка.

Сайрес Смит подошел к аппарату и, пустив по проводу ток, послал в кораль телеграмму:

«Что вам угодно?»

Через несколько секунд по кругу с алфавитом задвигалась стрелка, и обитатели Гранитного дворца прочли ответ:

«Немедленно приходите в кораль».

— Наконец-то! — воскликнул Сайрес Смит.

Да, наконец-то раскроется тайна! Усталости как не бывало, сон отлетел от глаз — так всем хотелось поскорее очутиться в корале. Не произнеся ни слова, они мгновенно собрались в путь и через несколько секунд уже были на берегу океана. В Гранитном дворце остались только Юп и Топ. В экспедиции можно было обойтись без них.

Кругом стоял мрак. Молодой месяц, появившийся в тот день, зашел в час заката солнца. Как и говорил Герберт, надвигалась гроза, черные тучи нависли над землей низким тяжелым сводом, не пропускавшим ни единого звездного луча. На горизонте то и дело вспыхивали зарницы.

Следовало ожидать, что через несколько часов гроза разразится над самим островом. Ночь была полна тревоги.

Но беспросветная тьма не могла остановить наших путников. Дорога в кораль была им хорошо знакома. Они прошли по левому берегу реки Благодарения, поднялись на плато Кругозора, перебрались по мосту через Глицериновый ручей и двинулись дальше лесом.

Путники шли быстрым шагом, испытывая живейшее волнение. Никто не сомневался, что сейчас в их руках окажется ключ к разгадке тайны, в которую они так долго и тщетно стремились проникнуть. Скоро, скоро они узнают имя невидимого благодетеля, так глубоко вошедшего в их жизнь, великодушного, могущественного незнакомца. Несомненно, он внимательно следил за их существованием, знал о них все до малейших мелочей, слышал все, что говорилось в Гранитном дворце, иначе его вмешательство не было бы всегда таким своевременным.

Каждый шел быстрым шагом, погружившись в свои мысли. Под сводом деревьев стояла темень, не видно было даже обочины дороги. Лес замер в мертвой тишине. Притихли и застыли в неподвижности и птицы и животные, оцепенев от предгрозовой духоты. Не шелохнулся ни единый листик. Во мраке гулко отдавались шаги колонистов по твердой, как камень, земле.

В первые четверть часа пути молчание нарушило лишь одно замечание Пенкрофа да ответ инженера.

— Надо было захватить с собой фонарь, — сказал моряк.

— Фонарь найдем в корале, — отозвался инженер.

Сайрес Смит и его спутники вышли из Гранитного дворца в двенадцать минут десятого. В сорок семь минут десятого оказалось, что они уже прошли три мили из пяти, отделявших устье реки Благодарения от кораля.

Огромные белые молнии разрывали над островом небо, и при каждой вспышке вокруг отчетливо вырисовывалась черным узором листва. Яркий свет слепил глаза. Вот-вот должна была разразиться гроза. Молнии все чаще прорезали небо, сверкали зловеще. Все ближе громыхали раскаты грома. Воздух был нестерпимо душен.

Путники шли так быстро, как будто их влекла вперед какая-то неодолимая сила.

В четверть одиннадцатого при яркой вспышке молнии они увидели перед собой ограду кораля. Лишь только вошли в ворота, раздался оглушительный раскат грома.

В одну секунду колонисты пробежали через двор и очутились у дверей жилого дома.

Незнакомец, вероятно, находился в доме — ведь телеграмму он, конечно, послал оттуда. Однако ни в одном окне не было света.

Инженер постучался.

Никакого ответа.

Сайрес Смит отворил дверь, и все вошли в совершенно темную комнату.

Наб высек огонь, мигом зажгли фонарь и осветили им все углы...

В доме не было никого. Все вещи стояли на своих местах, в том порядке, в каком их оставили.

— Неужели нам все это померещилось? — прошептал Сайрес Смит.

Нет, обмануться они не могли. В телеграмме ясно говорилось:

«Немедленно приходите в кораль».

Колонисты подошли к столу, предназначенному для телеграфа. Тут тоже все оказалось на месте — батарея и ящик, в котором она стояла, приемник и передаточный аппарат.

— Кто был тут последним? — спросил инженер.

— Я, мистер Сайрес, — ответил Айртон.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— Смотрите, записка! — воскликнул Герберт, указывая на листок бумаги, белевший на столе. На листке было написано по-английски:

«Идите вдоль нового провода».

— В дорогу! — воскликнул Сайрес Смит; он понял, что депеша была отправлена не из кораля, а, несомненно, из таинственного убежища незнакомца и что какой-то дополнительный провод, отведенный от старого, непосредственно соединяет это убежище с Гранитным дворцом.

Наб взял зажженный фонарь, и все вышли из кораля.

Гроза свирепствовала с яростной силой. Все короче становились промежутки между вспышками молнии и ударом грома. Чувствовалось, что скоро гроза разразится над горой Франклина, над всем

островом. При вспышках молнии видна была верхушка вулкана, увенчанная султаном пара.

Во дворе кораля, отделявшем дом от ограды, не было никаких признаков телеграфной связи. Выйдя за ворота, Сайрес Смит подбежал к ближайшему столбу и при свете молний увидел, что от изолятора спускается до земли новый провод.

— Вот он! — сказал инженер.

Провод тянулся по земле, но по всей своей длине был заключен, как подводный кабель, в изоляционную оболочку, что обеспечивало хорошую передачу тока. Судя по направлению провода, он шел через лес и южные отроги горы к западной части острова.

— Держитесь кабеля! — сказал Сайрес Смит.

То при тусклом свете фонаря, то при ослепительных сверканиях молнии колонисты устремились по пути, указанному телеграфным проводом.

Над их головами раздавались такие долгие и оглушительные раскаты грома, что говорить было совершенно невозможно. Впрочем, слова излишни, когда нужно только одно — как можно быстрее идти вперед.

Сайрес Смит и его товарищи одолели сперва отрог, отделявший долину кораля от долины Водопадной речки, перевалили через самую узкую его часть; дорогу им указывал кабель, то подвешенный к нижним ветвям деревьев, то протянутый по земле.

Инженер предполагал, что провод кончится в глубине долины, — там, вероятно, и находится тайное убежище незнакомца.

Предположение оказалось ошибочным. Пришлось подняться по склону юго-западного отрога и спуститься затем на бесплодное плато, которое простиралось вплоть до причудливого нагромождения базальтовых утесов. Время от времени то один, то другой из колонистов наклонялся, ощупывая рукой провод, проверяя взятое направление. Было, однако, уже ясно, что провод идет прямо к морю. Вероятно, там, в глубокой пещере, среди неведомых скал, таилось жилище, которое так долго и напрасно они искали.

Все небо полыхало огнем. Молнии сверкали непрерывно: они ударяли в вершину вулкана, устремлялись в кратер, окутанный густым дымом. Порой казалось, что гора изрыгает пламя.

В одиннадцать часов без нескольких минут колонисты дошли до карниза высокой гряды, поднимавшейся над океаном на западном берегу острова. Внизу, в пятистах футах, ревел прибор.

Сайрес Смит высчитал, что его спутники и он отошли от кораля на полторы мили. От этого места провод шел вниз между скал, протянувшись по крутому склону узкого и извилистого оврага.

Колонисты принялись спускаться, рискуя вызвать обвал плохо державшихся каменных глыб, которые, падая, могли сбросить их в море. Спуск оказался крайне опасным, но путники совсем об этом не думали — они уже не властны были над собой. Таинственное убежище незнакомца влекло их к себе с непреодолимой силой, как притягивает магнит железные опилки.

Они почти бессознательно спустились в овраг, хотя даже среди бела дня склоны его показались бы страшными. Из-под ног путников катились камни и при вспышках молнии сверкали, точно раскаленные метеоры. Сайрес Смит шел впереди. Айртон замыкал шествие. Двигались то медленно, шаг за шагом, то соскальзывали по гладкому, точно отполированному каменному скату, а затем, поднявшись на ноги, продолжали свой путь.

Наконец провод, сделав крутой поворот, потянулся меж прибрежных утесов к черной гряде рифов, о которые, верно, тяжко бились волны в дни больших приливов. Колонисты дошли до нижних уступов

базальтовой стены. По низу ее параллельно морю шел длинный узкий вал, вдоль него вился телеграфный провод, и колонисты двинулись в этом направлении. Не прошли они и ста шагов, как начался пологий скат, который и привел их к морю.

Инженер схватил кабель и увидел, что он уходит под воду.

Спутники остановились около Сайреса Смита, они были ошеломлены.

У всех вырвался возглас разочарования, почти отчаяния. Неужели нужно броситься в море, искать какую-то подводную пещеру? Однако все были так возбуждены, так взволнованы, что, не колеблясь, готовы были сделать даже это.

Сайрес Смит остановил своих товарищей.

Он подвел их к углублению в скале и сказал:

— Подождем здесь. Сейчас прилив. Когда море отступит от берега, путь откроется.

— А почему вы так думаете?.. — спросил Пенкроф.

— Он не позвал бы нас, если б не было к нему пути.

Сайрес Смит сказал это так уверенно, что ни у кого не нашлось возражений. К тому же мысль его казалась вполне логичной. Легко было допустить, что у подножия базальтовой стены существовала подводная пещера, вход в которую закрывали сейчас волны.

Пришлось ждать несколько часов. Колонисты молча стояли, забившись в своего рода нишу, выдолбленную волнами в базальтовой стене. Пошел дождь, и вскоре из черных туч, раздираемых зигзагами молний, потоками стал низвергаться ливень. Эхо гулко повторяло раскаты грома, усиливая их оглушительный грохот.

Колонистов охватило крайнее волнение. У каждого возникло множество странных мыслей. Все ждали чего-то сверхъестественного: вот сейчас возникнет перед ними величественное видение, появится исполин-чародей, — ведь только сказочный образ мог соответствовать их представлению о таинственном могуществе незнакомца.

В полночь Сайрес Смит, взяв фонарь, спустился к самому морю посмотреть, как расположены внизу скалы. Отлив к тому времени длился уже два часа.

Инженер не ошибся. Над водой начал вырисовываться свод обширного грота. Кабель, повернув под прямым углом, уходил в его зияющее отверстие.

Сайрес Смит возвратился к своим спутникам и спокойно сказал:

— Через час можно будет войти в пещеру.

— Стало быть, она действительно существует? — спросил Пенкроф.

— А вы сомневались? — ответил вопросом Сайрес Смит.

— Но ведь в пещере все-таки останется вода; что, если там глубоко будет? — заметил Герберт.

— Во время отлива вода, возможно, полностью уходит из пещеры, — сказал Сайрес Смит, — и тогда мы пройдем по дну, а если вода там остается, нам, несомненно, будут предоставлены те или иные средства переправы.

Прошел час. Все спустились под дождем к морю. За три часа уровень воды понизился на пятнадцать футов. Вход в пещеру постепенно обнажался, верхушка свода уже выступила над морем по меньшей мере на восемь футов. Пенистые волны, бурля, протекали под ним, словно под аркой моста.

Наклонившись, инженер увидел какой-то черный предмет, колыхавшийся на воде, и притянул его к себе. Это была лодка, привязанная веревкой к выступу внутренней стенки пещеры. Лодка была сделана из плотно скрепленных меж собой листов железа. На дне ее, под скамейками, лежало два весла.

— В лодку! — сказал Сайрес Смит.

Через секунду все уже были в лодке, Наб и Айртон сели на весла. Пенкроф взялся за руль. Сайрес Смит, поставив на форштевень фонарь, освещал путь.

Проехали под низко нависшей аркой грота — и вдруг свод поднялся высоко и расширился; но вокруг стояла густая тьма, и при слабом свете фонаря невозможно было определить, как велика эта пещера, установить хотя бы приблизительно ее ширину, высоту и глубину. В недрах этого подводного базальтового тайника царила величавая тишина. Снаружи туда не доносилось ни малейшего звука, сверкание молний не могло проникнуть сквозь толстые стены.

Кое-где на земном шаре существуют огромные подземные пещеры, своего рода естественные исполинские склепы, хранящие следы той далекой геологической эпохи, в которую они образовались. Одни из них затоплены водами морей, другие таят в своих стенах целые озера. Таковы, например, Фингалова пещера на острове Стаффа, одном из Гебридских островов, или гроты Морга в бухте Дуарнене в Бретани, гроты Бонифачо на Корсике, пещера Лиз-Фиорда в Норвегии и исполинская Мамонтова пещера в Кентукки высотой в пятьсот футов и длиной более чем в двадцать миль. Во многих местах земного шара природа вырыла такие склепы, они сохранились и вызывают восторг человека.

Что касается пещеры, в которой оказались колонисты, у них возник вопрос — не доходит ли она до самой середины острова? Лодка плыла уже четверть часа, делая повороты, которые указывал Пенкрофу инженер, коротко подавая сигнал, и вдруг он скомандовал:

— Правее!

Лодка изменила направление и пошла у правой стены пещеры. Инженеру пришло разумное желание проверить, тянется ли по-прежнему вдоль нее кабель.

Кабель шел вдоль стены, цепляясь за ее выступы.

— Вперед! — приказал инженер.

Два весла разом погрузились в черную воду, и лодка тронулась дальше.

Плыли еще четверть часа, от входа пещеры проехали, вероятно, с полмили, и снова раздался голос Сайреса.

— Стоп! — скомандовал он.

Лодка остановилась, и перед глазами изумленных путников засиял яркий свет, озаривший огромную пещеру, так глубоко вырытую природой в недрах острова.

И тогда стало возможно рассмотреть этот тайник, о существовании которого никто не подозревал.

На высоте ста футов поднимался округлый свод, его поддерживали базальтовые столбы, казалось все изваянные по одной мерке. Такие огромные колонны природа воздвигала тысячами в первые эпохи образования земной коры; в найденной пещере на них опирались неправильной формы арки и причудливые карнизы. Обрубки базальта, поднятые друг на друга, достигали сорока — пятидесяти футов высоты; подножия колонн омывала вода — совершенно спокойная, несмотря на бурю, бушевавшую над островом. Лучи, исходившие из неведомого источника света, замеченного инженером, четко обрисовывали каждую грань базальтовых призм, зажигали на них огненные искры и как будто пронизывали стены пещеры, словно они были прозрачные, превращали малейшие их выпуклости в

блистающие самоцветы. Все эти разнообразные сверкающие блики отражались в воде, трепетали на ее поверхности, и казалось, что лодка плывет среди огнеметных струй.

Не могло быть никакого сомнения относительно отражавшегося в воде света, выхватывавшего из темноты снопами своих лучей очертания базальтовых стен, колонн и сводов пещеры. Свет этот, конечно, давало электричество: о его происхождении говорил белый оттенок лучей. Электричество заменяло солнце в этой пещере и всю ее заливало светом.

По знаку Сайреса Смита весла вновь ударили по воде, вокруг дождем алмазов рассыпались брызги, лодка тронулась к тому месту, откуда разливался свет, и вскоре уже была от него не более чем в полкабельтове.

Подземный водоем достигал тут ширины в триста пятьдесят футов, а за ослепительным источником света видна была огромная базальтовая стена, закрывавшая впереди путь. Пещера значительно расширилась, и воды морские образовали тут озеро. Но по-прежнему и свод, и боковые стены пещеры, и каменный заслон, замыкавший ее, все эти базальтовые призмы, цилиндры, конусы затоплял поток электрического света, такого яркого, что он как будто исходил от этих каменных глыб; казалось, что их ограничили, как драгоценные бриллианты, и каждая грань горит разноцветными огнями!

На середине озера виднелся какой-то длинный предмет веретенообразной формы, поднимавшийся над застывшей, неподвижной водой. Из обоих концов его вырывался свет, словно из жерла двух накаливаемых добела печей.

Предмет этот, напоминавший собой огромное морское животное из породы китообразных, имел в длину около двухсот пятидесяти футов и возвышался над уровнем озера на десять — двенадцать футов.

Лодка медленно подплывала к нему. Сайрес Смит, сидевший на носу, поднялся. Он пристально смотрел вперед и вдруг, в глубоком волнении, воскликнул, схватив журналиста за руку:

— Но ведь это он! Только он, и никто другой! Он!..

И, опустившись на скамью, инженер шепотом произнес имя, которое расслышал лишь Гедеон Спилет.

Имя это, очевидно, было знакомо журналисту, ибо произвело на него глубокое впечатление. Он ответил глухим голосом:

— Он? Человек, объявленный вне закона?

— Он! — повторил Сайрес Смит.

По приказанию инженера лодка подплыла к странному плавучему сооружению. Гребцы причалили слева к его округлой стенке, откуда сквозь толстое стекло вырывался сноп ослепительного света.

Сайрес Смит и его спутники поднялись на площадку.

Там зияло отверстие отпертого люка. Все устремились в него.

Внизу от лестницы шел коридор, освещенный электричеством. В конце его прищельцы увидели дверь. Сайрес Смит отворил ее.

Торопливо пройдя через богато убранный зал, они вошли в соседнюю с ним библиотеку, где светящийся потолок разливал яркий свет.

В глубине библиотеки оказалась еще одна дверь. Инженер отворил и эту дверь.

И тогда они увидели просторную комнату, похожую на музей, — в ней были собраны и сокровища царства минералов, и произведения искусства, и чудесные промышленные изделия, — колонистам показалось, что они очутились в каком-то волшебном мире.

На роскошном диване неподвижно лежал человек, как будто не заметивший их появления. Сайрес Смит выступил вперед и, к величайшему удивлению своих спутников, громко сказал:
— Капитан Немо, вы звали нас? Мы пришли.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Капитан Немо. — Первые его слова. — История героя, боровшегося за независимость родины. — Ненависть к захватчикам. — Спутники капитана Немо. — Жизнь под водой. — Одиночество. — Остров Линкольна — последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный гений острова.

При этих словах лежавший на диване человек приподнялся, и свет озарил его лицо: у него была великолепная посадка головы, высокий лоб, гордый взор, седая борода, грива откинутых назад густых волос.

Он встал и оперся рукой на спинку дивана. Взгляд его был спокоен. Заметно было, что долгая болезнь постепенно подточила его здоровье, но голос еще был звучен, когда он сказал по-английски с крайним удивлением:

— У меня нет имени, милостивый государь.

— Мне известно ваше имя, — ответил Сайрес Смит.

Капитан Немо устремил на инженера такой горящий взгляд, словно хотел его уничтожить. Потом, рухнув на диван, он прошептал:

— А не все ли равно в конце концов. Я скоро умру.

Сайрес Смит подошел ближе к капитану Немо, а Гедеон Спилет взял его за руку. Рука была горячая. Айртон, Пенкроф, Герберт и Наб держались на почтительном расстоянии, в углу этого великолепного зала, освещенного электричеством.

Капитан Немо тихонько отвел руку и знаком предложил инженеру и журналисту сесть.

Все смотрели на него с искренним волнением. Так вот он, тот, кого они называли «гением острова», существо могущественное, чье вмешательство во многих случаях оказалось спасительным; вот он, благодетель, которому они стольким обязаны. Перед ними оказался немощный, умирающий человек, меж тем как Пенкроф и Наб ожидали увидеть полубога.

Но как могло быть, что Сайрес Смит знал капитана Немо? Почему капитан Немо вскочил, услышав свое имя, которое, как он думал, никому не ведомо?..

Капитан снова лег на диван и, опираясь на локоть, внимательно посмотрел на Сайреса Смита, сидевшего возле него.

— Итак, сударь, вы знаете имя, которое я носил? — спросил капитан Немо.

— Знаю, — ответил Сайрес Смит, — и знаю также, как называется замечательная подводная лодка...

— «Наутилус», — сказал с полуулыбкой капитан.

— Да, «Наутилус».

— А знаете вы?.. Знаете ли вы, кто я такой?

— Знаю.

— А ведь уже тридцать лет у меня нет ни малейшей связи с обитаемым миром, тридцать лет я живу в морских глубинах, ибо это единственная среда, где я обрел независимость! Кто же мог выдать мою тайну?

— Некий человек, который не связал себя никакими обязательствами в отношении вас, капитан Немо, и, следовательно, не может быть обвинен в измене.

— Не тот ли француз, который по воле случая попал на борт моего судна шестнадцать лет тому назад?

— Он самый.

— Значит, этот человек и два его спутника не погибли в Мальстриме, когда «Наутилус» очутился там?

— Нет, не погибли. И вот появилась книга под названием «Двадцать тысяч лье под водой», в которой рассказывается история вашей жизни.

— История нескольких месяцев моей жизни, и только, сударь! — с живостью возразил капитан.

— Вы правы, — подтвердил Сайрес Смит. — Но достаточно было прожить близ вас несколько месяцев, чтобы составить о вас суждение...

— Как о великом преступнике, не правда ли? — отозвался капитан Немо, и на губах его мелькнула высокомерная улыбка. — Да, как о мятежнике, об отщепенце человеческого общества.

Инженер ничего не ответил.

— Что же вы молчите, сударь?

— Я не вправе судить капитана Немо, — сказал Сайрес Смит, — по крайней мере судить за его прошлое. Ведь никому, и мне в том числе, не известно, что заставило его вести такую странную жизнь, а не зная причин, нельзя судить о следствиях. Но я твердо знаю, что ваше благодетельное вмешательство непрестанно охраняло нас с того дня, как мы очутились на острове Линкольна; я знаю, что все мы обязаны жизнью доброму, великодушному, могущественному покровителю и что этим добрым, великодушным, могущественным покровителем были вы, капитан Немо.

— Да, я помогал вам, — просто ответил капитан Немо.

Инженер и журналист встали. Подошли их сотоварищи, желая выразить капитану Немо благодарность, переполнявшую их сердца.

Капитан Немо движением руки остановил их излияния и с волнением, которое он не мог скрыть, сказал:

— Подождите, сначала выслушайте меня.

И капитан Немо в немногих словах, сжато и ясно, рассказал всю свою жизнь.

Рассказ был короткий, однако ж больному пришлось собрать все свои угасающие силы, чтобы довести его до конца. Видно было, что он все больше слабеет. Несколько раз Сайрес Смит просил его отдохнуть, но капитан Немо отрицательно качал головой. Он ведь знал, что может не дожить до завтра, а когда журналист предложил ему свои услуги в качестве врача, Немо ответил:

— Бесплезно, сударь, бесплезно. Мне осталось жить несколько часов.

Капитан Немо был по происхождению индус, сын раджи, правившего независимым тогда княжеством Бундельханда, племянник знаменитого в Индии героя Типпо-Саиба. Десятилетним мальчиком отец послал его в Европу, желая дать ему всестороннее образование и в тайне надеясь, что когда-нибудь сын его, как равный противник, будет бороться против тех, кого раджа считал угнетателями родной страны.

С десяти до тридцати лет принц Даккар, человек, наделенный высокими дарованиями, благородством души и ума, учился, овладевая различными науками, и достиг больших познаний как в естествоведении и в математике, так и в литературе.

Принц Даккар путешествовал по всей Европе. Благодаря своему знатному происхождению и богатству он везде считался желанным гостем, но утехи светской жизни его никогда не прельщали. Молодой красавец индус всегда был серьезен, даже угрюм и поглощен жаждой знания. В сердце у него горела

неумолимая ненависть. Принц Даккар ненавидел. Он ненавидел ту единственную страну, на землю которой ни за что не хотел ступить, единственную страну, чьи заигрывания он постоянно отвергал; он ненавидел Англию, и тем более ненавидел, что во многом восхищался ею.

Этот индус был воплощением яркой ненависти побежденного к победителю. Поработитель не нашел бы пощады у поработленного. Сын одного из тех князей, которые лишь на словах покорились Соединенному королевству, принц из рода Типпо-Саиба, воспитанный в духе борьбы за независимость и мести, полный неискоренимой любви к своей поэтической родине, закованной в цепи англичанами, он не желал ступить на землю той страны, которую считал проклятой, ибо она поработила Индию.

Принц Даккар стал художником — чудеса искусства вызывали в нем благородное волнение; стал ученым — ничто не было чуждо ему в области высоких знаний; стал государственным деятелем, изучившим при европейских дворах все тонкости дипломатии. Поверхностному наблюдателю он, может быть, показался бы одним из любопытствующих космополитов, жаждущих все знать, но не способных действовать, одним из тех богатых путешественников, высокомерных пустоцветов, которые непрестанно разъезжают по всему свету и не принадлежат ни одной стране.

А на деле он был совсем не таким. Этот художник, этот ученый, этот одаренный человек оставался душой индусом, полным жажды мести, индусом, лелеявшим надежду, что настанет день, когда его соотечественники потребуют прав для своей страны, изгонят из нее чужеземцев и возвратят ей независимость.

И вот в 1849 году принц Даккар вернулся в Бундельханд. Он женился на девушке знатного рода, у которой так же, как у него, сердце обливалось кровью при виде страданий отчизны. Жена подарила ему двоих детей, он обожал их. Но, наслаждаясь семейным счастьем, он не мог забыть о порабощении Индии. Он выжидал случая. И случай представился.

Владычество Англии легло слишком тяжелым бременем на все население страны. Принц Даккар стал глашатаем недовольных. Он зажигал в людях огонь той ненависти к чужестранцам, который горел в нем самом. Он разъезжал по всему полуострову — по княжествам, еще независимым, и по областям, уже находившимся в непосредственном управлении англичан. Он взывал к тем героическим дням, когда Типпо-Саиб, защищая родину, пал в бою под Серингапатомом.

В 1857 году вспыхнуло крупное восстание сипаев. Душой его был принц Даккар. Он поднял огромные массы. Он отдал правому делу все свои дарования и свое богатство. Бесстрашно шел он в бой в первом ряду, рисковал своей жизнью так же, как самый простой человек из этих героев, поднявшихся ради освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках и десять раз был ранен. Но тщетно искал он себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями.

Никогда еще владычеству Великобритании над Индией не грозила такая опасность, и если б сипаям, как они на это надеялись, оказали помощь извне, вероятно, в Азии было бы покончено с влиянием и господством Соединенного королевства.

Имя принца Даккара стало в те дни знаменитым. Герой, носивший это имя, не таился и вел борьбу открыто. Голова его была оценена, и, хотя не нашлось ни одного предателя, готового выдать Даккара, за него заплатились жизнью отец, мать, жена и дети — их убили прежде, чем он узнал, какая опасность грозит им из-за него...

Еще раз право было повержено во прах перед силой. Но цивилизация никогда не отступает, можно подумать, что она заимствует свои права у неизбежности. Сипаи были побеждены, и древние княжества раджей вновь подпали под жестокое владычество Англии.

Принц Даккар, которого пощадила смерть, возвратился в горы Бундельханда. Одиноким, исполненный беспредельного отвращения к самому имени «человек», питая ужас и ненависть к цивилизованному миру, стремясь навсегда бежать от него, он обратил в деньги остатки своего состояния, собрал вокруг себя самых преданных ему соратников и в один прекрасный день куда-то исчез вместе с ними.

Куда же отправился принц Даккар? Где искал он той независимости, в которой ему отказала земля, населенная людьми? Под водой, в глубинах морей — там, где никто не мог преследовать его.

На смену воину пришел ученый. Пустынный остров в Тихом океане послужил ему пристанищем; он заложил там корабельную верфь, и на ней была построена по его чертежам подводная лодка. При помощи способов, которые когда-нибудь станут известны, он сумел воспользоваться неизмеримой механической силой электричества, добывая его из неисчерпаемых источников, и применил эту силу для всех надобностей на своей подводной лодке — электричество служило двигателем судна, освещало и отапливало его. Море и его неисчислимы сокровища, мириады рыб, водные поля с обильно произрастающими на них водорослями, огромные млекопитающие — все то, что природа схоронила в морских пучинах, и то, что потеряли в них люди, вполне удовлетворяло нужды принца Даккара и всего экипажа, а главное, исполнилось самое горячее его желание — не иметь более никаких связей с землей. Он дал своему судну название «Наутилус», себя назвал капитаном Немо и скрылся под водой.

Много лет капитан плавал в глубинах всех океанов, от одного полюса до другого. Пария в мире людей, он собрал в неведомых подводных мирах дивные сокровища. Миллионы, затонувшие в бухте Виго в 1702 году, когда пошли ко дну испанские галеоны с грузом золота, стали для него неистощимым источником богатства, всегда находившимся в его распоряжении, и оставаясь безвестным, он обращал это золото на помощь сражавшимся за независимость своей страны.[\[118\]](#)

Долгое время не имел он никакого общения с людьми, но вдруг в ночь на 6 ноября 1866 года три человека неожиданно оказались на борту его корабля: француз-профессор, его слуга и канадский рыбак. Людей этих капитан Немо подобрал, когда они упали в море во время столкновения «Наутилуса» с американским фрегатом «Авраам Линкольн», гнавшимся за подводной лодкой.

Капитан Немо узнал тогда от профессора, что «Наутилус» принимают то за исполинское морское животное из семейства китообразных, то за подводную лодку, принадлежавшую пиратам, и что за ним охотятся во всех морях.

Капитан Немо мог бы бросить в океан трех чужаков, которые волей случая вторгнулись в его таинственное существование. Но он этого не сделал, он держал их у себя пленниками, и в течение семи месяцев они были свидетелями всех чудесных перипетий путешествия, когда корабль капитана Немо проплыл под водой двадцать тысяч лье.

Двадцать второго июня 1867 года этим трем пленникам, ничего не знавшим о прошлом капитана Немо, удалось бежать — они уплыли на лодке, похищенной ими с «Наутилуса». Но так как в это время «Наутилус» захватило стремительное течение Мальстрима и повлекло к берегам Норвегии, капитан считал, что, попав в этот ужасный водоворот, беглецы нашли себе могилу в пучине моря. Ему так и осталось неизвестным, что француз и двум его спутникам каким-то чудом удалось спастись, что их выбросило на берег, что их подобрал рыбак с Лофотенских островов и что профессор, возвратившись во Францию, напечатал книгу, в которой он рассказал о своем семимесячном плавании на борту «Наутилуса», сделав достоянием любопытных читателей многочисленные приключения, происходившие во время этого необычайного путешествия.

Еще долго капитан Немо вел такую жизнь, плавая по всем морям. Но вот умерли один за другим все

его спутники, и он похоронил их на коралловом кладбище на дне Тихого океана. Пусто стало на «Наутилусе» — из всех, кто бежал на нем от мира людей, в живых остался лишь капитан Немо.

Ему было тогда шестьдесят лет. Одинокому старику удалось провести «Наутилус» в одну из подводных гаваней, где его корабль иногда отстаивался после плавания.

Этой гаванью служила пещера, образовавшаяся под островом Линкольна, она была и теперь пристанищем «Наутилуса».

Уже шесть лет жил тут капитан Немо, не пускаясь в плавания, ибо он ждал смерти — того мгновения, когда он соединится со своими товарищами, и вдруг по воле случая он оказался очевидцем падения воздушного шара, на котором бежали из Ричмонда узники «южан». Надев скафандр, он совершал под водой прогулку в нескольких кабельтовых от острова, в том месте, где инженера Смита поглотило море. Капитан Немо поддался порыву великодушия и спас Сайреса Смита.

Сначала он хотел бежать от пятерых аэронавтов, потерпевших крушение, но выход из его гавани был закрыт: под действием вулканических сил поднялось дно базальтовой пещеры, и «Наутилус» уже не мог выбраться из своего подземелья. Там, где было достаточно глубоко для легкой лодки, не мог пройти «Наутилус», ибо его осадка была довольно велика.

Итак, капитан Немо остался. Он стал наблюдать за своими соседями, выброшенными на необитаемый остров и лишенными самого необходимого. Но сам он не хотел показываться им на глаза. Мало-помалу, видя, какие это благородные, энергичные люди, какой братской дружбой они связаны меж собой, он заинтересовался их борьбой с природой. Волей-неволей он проник во все тайны их жизни. В водолазном костюме ему нетрудно было пробираться на дно провала, существовавшего внутри Гранитного дворца; поднявшись по выступам на стенках этого колодца до верхнего его отверстия, он слышал, как колонисты рассказывали о своем прошлом, говорили о теперешнем своем положении и своих планах на будущее. От них он узнал о кровопролитной борьбе, в которой одна часть Америки поднялась против другой во имя уничтожения рабства негров. Да, эти люди, случайно попавшие на остров, были достойны всяческого уважения и могли бы примирить капитана Немо с человечеством, ибо являлись благороднейшими его представителями.

Капитан Немо спас Сайреса Смита. Он же привел его собаку в Трущобы, он спас Топа от дюгоня в глубине озера; он подбросил на мыс Находки ящик, в котором было столько вещей, полезных для колонистов; он отвязал лодку, и она поплыла вниз по реке Благодарения; во время нашествия обезьян он сбросил вниз веревочную лестницу, укрепленную у двери Гранитного дворца; пустив по морю запечатанную бутылку с запиской, он сообщил, что Айртон находится на острове Табор; он взорвал разбойничий бриг при помощи подводной мины, поставленной на дне пролива; он спас Герберта от смерти, принес для него сернокислый хинин, и, наконец, он же сразил бандитов электрическими пулями — своим изобретением, которым он пользовался на подводной охоте. Вот чем объяснялось столько происшествий, которые могли показаться сверхъестественными; все они свидетельствовали о великодушии и могуществе капитана Немо.

У этого человеконенавистника была потребность творить добро. Ему хотелось еще раз помочь людям, для которых он столько сделал, дать им несколько полезных советов, к тому же он чувствовал приближение смерти; в этот грозный час, дав волю своему сердцу, он, как мы знаем, призвал к себе колонистов, воспользовавшись проводом, который соединял кораль с «Наутилусом», где тоже был установлен телеграфный аппарат. Быть может, он не позвал бы их, если б знал, что его история отчасти известна Сайресу Смигу и что тот назовет его именем Немо.

Капитан Немо закончил повесть своей жизни. Тогда взял слово Сайрес Смит; он напомнил все случаи,

когда вмешательство великодушного незнакомца оказалось благотворным для колонии, и поблагодарил его от своего имени и от имени своих сотоварищей за все, что он сделал для них.

Но капитан Немо не требовал признательности за свои услуги. Одна последняя мысль волновала его, и, пожимая руку, протянутую ему инженером, он сказал:

— А теперь, сударь, когда вы знаете мою жизнь, судите меня.

Говоря это, капитан, очевидно, намекал на тот злополучный случай, свидетелями которого были три иностранца, попавшие на борт «Наутилуса», — об этом происшествии француз-профессор, несомненно, рассказал в своей книге, и оно должно было получить печальную известность.

В самом деле, за несколько дней до бегства профессора и двух его спутников «Наутилус», находившийся в северных широтах Атлантического океана, ринулся на преследовавший его фрегат, протаранил его своим корпусом и потопил без всякой жалости.

Сайрес Смит понял намек и ничего не ответил.

— Ведь это был английский фрегат! — воскликнул капитан Немо, в котором ожил на мгновение принц Даккар. — Английский фрегат! Вы слышите? Он напал на меня. Запер меня в узкой, мелкой бухте... Мне нужно было вырваться... и я вырвался! — Затем он промолвил более спокойно: — И право и справедливость были на моей стороне. Всюду, где мог, я делал людям добро. Иной раз приходилось делать и зло. Не всегда прощение является актом справедливости!

И после краткой паузы капитан Немо повторил:

— Что вы думаете обо мне, господа?

Сайрес Смит протянул капитану руку и серьезным тоном ответил:

— Капитан Немо, ваша вина в том, что вы хотели возродить прошлое и боролись против необходимости, против прогресса. Подобные заблуждения у одних вызывают восторг, других возмущают; разумом человеческим их можно понять, а судья им — один лишь бог. Вы шли неверным путем, но из добрых побуждений, и, борясь против такого человека, к нему не теряют уважения. Ваши ошибки принадлежат к числу тех, которые не порочат честного имени, и вам нечего бояться суда истории. Она любит героические безумства, хотя и выносит строгий приговор их последствиям.

Капитан Немо тяжело вздохнул и, подняв руку к небу, тихо сказал:

— Прав я был или не прав?

Сайрес Смит повторил:

— О великих деяниях пусть судит бог, ведь все от него исходит! Капитан Немо, честные люди, стоящие здесь, люди, которым вы столько помогли, всегда будут оплакивать вас.

Герберт подошел к капитану Немо и, опустившись на колени, взял его руку и поцеловал.

Слезы покатались из глаз умирающего.

— Дитя мое, — прошептал он, — благословляю тебя!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Последние часы капитана Немо. — Воля умирающего. — Подарок друзьям, которые знали его лишь один день. — Гроб капитана Немо. — Советы остающимся. — Последние минуты. — В пучине морской.

Настал день, но ни единый проблеск солнца не проник во мрак пещеры. Прилив заградил вход в нее со стороны моря. Но искусственный свет, вырвавшийся длинными пучками лучей сквозь выпуклые стекла на носу и корме «Наутилуса», не угасал, и водная гладь все так же сверкала вокруг удивительного корабля.

Бесконечная усталость овладела капитаном Немо, он снова упал на диван. Нечего было и помышлять о том, чтобы перенести его в Гранитный дворец, — он выразил желание остаться на «Наутилусе» среди бесценных сокровищ, какие не купить бы и за миллионы; тут он решил ждать уже недалекого часа смерти.

Пока больной лежал неподвижно, почти без сознания, Сайрес Смит и Гедеон Спилет внимательно наблюдали за его состоянием. Видно было, что он постепенно угасает. Силы покидали его; некогда могучее тело стало хрупкой оболочкой души, готовой расстаться с миром. Вся жизнь сосредоточилась в сердце и в мозгу.

Инженер и журналист шепотом посоветовались между собой. Какие врачебные средства применить? Может быть, удастся если не спасти, то хотя бы продлить его жизнь на несколько дней? Сам же он решил, что никакие средства не помогут, и спокойно ждал последнего своего часа — он не боялся смерти.

— Мы тут беспомощны, — сказал Гедеон Спилет.

— Да от чего же он умирает? — спросил Пенкроф.

— Силы угасли, — ответил журналист.

— А все-таки, — продолжал моряк, — вынести бы его на свежий воздух, на солнышко, может, он и ожил бы.

— Нет, Пенкроф, — ответил инженер, — нечего и пытаться! Да капитан Немо и не согласится покинуть свое судно. Он уже тридцать лет живет на «Наутилусе» и хочет на «Наутилусе» умереть.

Вероятно, капитан Немо услышал ответ Сайреса Смита — он немного приподнялся и слабым голосом, но внятно произнес:

— Вы совершенно правы, сударь. Я должен, да и сам хочу умереть тут. И у меня к вам просьба.

Сайрес Смит и его товарищи подошли к дивану, поправили подушки, чтобы больному удобнее было лежать.

Они заметили, что капитан Немо обводит глазами чудеса, собранные в его комнате, залитой мягким электрическим светом, падавшим с отделанного арабесками светящегося потолка; он оглядел одну за другой картины, развешанные по стенам, затянутым великолепными гобеленами, — шедевры итальянских, фламандских, французских и испанских художников; скульптуры — уменьшенные бронзовые и мраморные копии прославленных статуй, стоявшие на пьедесталах; прекрасный орган, поставленный у задней стены; витрины со всякими редкостями, окружавшие устроенный в середине зала бассейн, где красовались прекраснейшие образцы морской фауны и флоры: водоросли, морские травы, морские животные, подобные растениям, и растения, подобные животным; жемчужные раковины и нитки бесценных жемчугов, наконец его взгляд остановился на словах, начертанных над дверью этого музея и являвшихся девизом «Наутилуса»:

Казалось, он в последний раз любовался этими дивными творениями искусства и природы, которыми

ограничил свой кругозор за долгие годы жизни в глубинах океана.

Сайрес Смит не решался нарушить молчание капитана Немо, ожидая, когда он сам заговорит. Так прошло несколько минут; должно быть, перед глазами умирающего за эти краткие мгновения прошла вся его жизнь. Наконец капитан Немо повернулся лицом к колонистам и сказал:

— Вы считаете, господа, что я заслуживаю некоторой признательности с вашей стороны?..

— Капитан, все мы отдали бы жизнь, лишь бы продлить ваши дни!

— Прекрасно, — продолжал капитан Немо, — прекрасно! Обещайте мне, что вы исполните мою последнюю волю, и я буду тогда вознагражден за все, что сделал для вас.

— Обещаем, — ответил Сайрес Смит, давая обязательство за себя лично и за своих товарищей.

— Господа, — проговорил капитан, — завтра я умру.

Движением руки он остановил Герберта, хотевшего что-то возразить.

— Завтра я умру, — повторил он, — и хочу, чтобы «Наутилус» стал моим гробом. Иного гроба мне не надо. Все мои друзья покоятся на дне моря. Я хочу быть вместе с ними.

Слова капитана Немо были встречены глубоким молчанием.

— Выслушайте меня, господа, — промолвил он. — «Наутилус» стал пленником, ибо дно этой пещеры поднялось у входа. Но если для него теперь невозможно бежать из своей темницы, он по крайней мере может опуститься в бездну, таящуюся здесь, и похоронить в ней мой прах.

Колонисты слушали его с благоговейным вниманием.

— Завтра, после моей смерти, — продолжал капитан Немо, — вы, мистер Смит, и ваши товарищи должны покинуть «Наутилус», и я хочу, чтобы все богатства, которые собраны в нем, исчезли вместе со мной. Вам на память о принце Даккаре, чью историю вы теперь знаете, я оставляю только одно: вот этот ларчик... В нем лежат бриллианты на несколько миллионов; по большей части с ними связаны воспоминания о той поре моей жизни, когда я был супругом и отцом, когда я верил, что на земле возможно счастье. А еще лежат там отборные жемчуга, найденные мною и моими друзьями на дне морей. Владая этими сокровищами, вы когда-нибудь сделаете много хорошего, я убежден в этом. В руках таких людей, как вы и ваши товарищи, мистер Смит, деньги не станут орудием зла. Душа моя будет участницей ваших дел: я верю вам и ничего не опасюсь.

Капитан Немо умолк — от слабости он не мог говорить, но, отдохнув немного, промолвил:

— Завтра вы возьмете этот ларчик, выйдете из комнаты и закроете дверь. Потом подниметесь на площадку «Наутилуса», опустите крышку люка и задраите ее.

— Все будет сделано, капитан, — ответил Сайрес Смит.

— Хорошо. Потом садитесь в лодку, на которой прибыли сюда. Но, прежде чем покинуть «Наутилус», подплывите к его корме и откройте там два больших крана, расположенных на ватерлинии. Вода хлынет в камеры. «Наутилус» постепенно погрузится в воду и будет погребен на дне пропасти.

В ответ на движение, вырвавшееся у Сайреса Смита, капитан Немо добавил:

— Не бойтесь, вы действительно похороните мертвеца.

Ни Сайрес Смит, ни его товарищи не считали себя вправе что-либо возразить капитану Немо. Он изъявил последнюю свою волю, им следовало только ее выполнить.

— Вы дали мне слово, господа, — тихо сказал умирающий.

— Мы его сдержим, — ответил инженер.

Капитан лишь знаком выразил благодарность и попросил оставить его одного на несколько часов. Гедеон Спилет предложил побыть возле него на случай, если ему понадобится врачебная помощь, но умирающий отказался:

— Не бойтесь, до завтра я проживу.

Все вышли из комнаты и, пройдя через библиотеку и столовую, направились в носовую часть судна — в машинное отделение, где стояли электрические аппараты, которые давали «Наутилусу» свет, тепло и являлись его двигателями.

«Наутилус» был настоящим чудом техники, заключавшим в себе много других чудес, и инженер восторгался им.

Колонисты поднялись на площадку, возвышавшуюся над водой на семь-восемь футов. Они прилегли там близ очень выпуклой линзы из толстого стекла, сквозь которое электричество бросало во мрак потоки света. За ней виднелась пустая кабина, где установлены были рули управления. Когда-то там находился рулевой, который вел «Наутилус» сквозь толщу морских вод, и электричество озаряло ему путь, бросая на большое расстояние свои лучи.

Взволнованные тем, что им привелось увидеть и услышать, Сайрес Смит и его товарищи долго молчали; у каждого сжималось сердце при мысли, что человек, столько раз протягивавший им руку помощи, их покровитель, которого они узнали лишь несколько часов назад, умирает.

Какой бы приговор ни вынесли грядущие поколения делам и поступкам, совершенным в столь удивительной жизни, прошедшей, можно сказать, вне человеческого общества, принц Даккар все же останется одним из тех необычайных образов, воспоминание о которых никогда не изгладится.

— Что за человек! — сказал наконец Пенкроф. — Подумать только — годы и годы жил на дне океана! А зачем? Ведь, поди, и тут не нашел себе покоя!

— Может быть, «Наутилус» пригодился бы нам, — заметил Айртон, — мы на нем ушли бы с острова Линкольна и доплыли бы до какой-нибудь обитаемой земли.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Никогда бы я не решился управлять таким корабликом! Плыть по морям — пожалуйста! А уж под морями — ни за что!

— А я думаю, Пенкроф, — возразил журналист, — что управлять такой подводной лодкой, как «Наутилус», должно быть, очень легко, и мы все быстро освоились бы с этим делом. Не пришлось бы бояться ни бурь, ни нападений пиратов. На глубине в несколько футов в море царит спокойствие, как в тихом озере.

— Может, и так, — ответил моряк. — А по-моему, крепкий шторм на борту хорошо оснащенной шхуны куда лучше такой тишины. Кораблям положено плавать по воде, а не под водой.

— Друзья мои, — сказал инженер, — бесполезно, во всяком случае бесполезно в отношении «Наутилуса», обсуждать вопрос о подводных лодках. «Наутилус» нам не принадлежит, и мы не имеем права им распоряжаться. Он ни в коем случае не может сослужить нам службу. Дело не только в том, что ему уже не выйти из пещеры, ибо дно ее у входа поднялось. Вспомните, ведь капитан Немо желает, чтобы море поглотило его корабль вместе с ним. Волю свою он выразил совершенно ясно, и мы ее исполним.

Побеседовав еще некоторое время, Сайрес Смит и его товарищи спустились в каюты «Наутилуса». Подкрепившись пищей, друзья возвратились в тот зал, где лежал капитан Немо.

Он как будто уже не испытывал крайней слабости, сковывавшей его, глаза у него блестели, на губах

играла слабая улыбка.

Колонисты подошли к нему.

— Господа, — сказал он, — вы мужественные, честные и добрые люди. И вы всецело преданы вашему общему делу. Я часто наблюдал за вами. Я вас полюбил, я люблю вас!.. Дайте руку, мистер Смит.

Сайрес Смит протянул руку, капитан Немо крепко пожал ее.

— Вот и хорошо! — прошептал он, потом произнес громко: — Но довольно говорить обо мне. Лучше побеседуем о вас самих и об острове Линкольна, на котором вы нашли себе приют... Вы рассчитываете уехать отсюда?

— Но мы обязательно вернемся! — с живостью ответил Пенкроф.

— Вернетесь?.. Что ж, Пенкроф, я знаю, как вы любите этот остров, — сказал капитан, улыбаясь. — Здесь очень многое изменилось вашими стараниями, и это действительно ваш остров.

— У нас вот какие планы, капитан, — сказал тут Сайрес Смит, — принести остров в дар Соединенным Штатам и основать здесь порт для стоянки нашего морского флота, очень удачно расположенный в этой отдаленной части Тихого океана.

— Вы думаете о вашей стране, господа, — ответил капитан. — Вы трудились во имя ее процветания, ее славы. И вы правы. Родина!.. Конечно, надо возвратиться на родину. Умереть надо на родине!.. А я вот умираю вдали от всего, что было мне дорого!

— Может быть, вы желаете передать кому-нибудь вашу последнюю волю? — спросил инженер. — Может быть, хотите что-нибудь завещать на память друзьям? У вас, верно, остались друзья в горах Индии.

— Нет, мистер Смит. У меня больше нет друзей! Я последний в нашем роду... А те, кто знал меня, считают, что я уже давно умер... Но возвратимся к вашей судьбе. Одиночество, оторванность от людей — участь печальная, непосильная... Я вот умираю потому, что вообразил, будто можно жить одному!.. Вы должны все сделать, чтобы уехать отсюда и вновь увидеть ту землю, где вы родились. Я знаю, эти негодяи уничтожили судно, которое вы построили...

— Мы уже строим другое судно, — сказал Гедеон Спилет, — хотим сделать его довольно большим, чтоб можно было доплыть на нем до ближайшей земли. Но если нам удастся уехать с острова Линкольна, мы все равно рано или поздно вернемся. Слишком много воспоминаний у нас связано с островом, и нам его не забыть!

— И здесь судьба свела нас с капитаном Немо, — сказал Сайрес Смит.

— Здесь мы будем часто, часто вспоминать вас, — добавил Герберт.

— Здесь я найду себе покой, уснув вечным сном, если только... — промолвил капитан Немо.

Он запнулся и, оборвав начатую фразу, сказал:

— Мистер Смит, я хотел бы поговорить с вами... с глазу на глаз.

Товарищи инженера, уважая желание умирающего, вышли из комнаты.

Несколько минут капитан Немо беседовал о чем-то с Сайресом Смитом наедине, потом инженер позвал своих друзей, но не сказал им ни слова из того, что умирающий пожелал поведать ему.

Гедеон Спилет внимательно вглядывался в лицо капитана Немо. Было ясно, что больного поддерживает только сила воли, но скоро ему уже не одолеть все возрастающей телесной слабости.

До вечера в состоянии больного как будто не было никаких перемен. Колонисты ни на минуту не

покидали «Наутилуса». Спустилась ночь, хотя наступления ее невозможно было заметить в этом склепе.

Капитан Немо не испытывал никаких страданий, но силы его иссякли. Лицо, запечатленное благородной красотой, осунулось, покрылось мертвенной бледностью. Из уст порой вырывались еле слышные слова — должно быть, ему вспоминались то одни, то другие события его удивительного существования. Чувствовалось, что жизнь постепенно покидает его тело, конечности уже похолодели.

Раза два он еще обращал несколько приветливых слов к колонистам, стоявшим возле него, улыбался им той светлой улыбкой, которая навеки застывает на лице умершего.

Вскоре после полуночи, собрав последние силы, капитан Немо с трудом поднял руки и скрестил их на груди, словно хотел умереть именно в этом положении.

Около часа ночи вся жизнь сосредоточилась у него в пристальном взгляде. Последний раз сверкнули огнем его зеницы, когда-то горевшие пламенем. Потом он прошептал: «Бог и родина!» — и тихо скончался.

Сайрес Смит наклонился и закрыл глаза тому, кто некогда был принцем Даккаром, а теперь уже не был и капитаном Немо.

Герберт и Пенкроф плакали. Айртон смахнул набежавшую слезу. Наб опустился на колени, а журналист словно окаменел.

Сайрес Смит поднял руку над головой усопшего.

— Упокой, господи, его душу! — сказал он и, повернувшись к друзьям, добавил: — Помолимся за того, кого мы лишились!

Несколько часов спустя они сдержали свое слово, выполнив последнюю волю умершего.

Сайрес Смит и его товарищи покинули «Наутилус», унося с собою единственный дар, завещанный покойным их благодетелем, — ларец, содержащий в себе огромные богатства.

Они тщательно заперли великолепный, по-прежнему ярко освещенный зал. Стальную дверь люка задраили крепко-накрепко, чтобы ни одной капли воды не проникло в каюты «Наутилуса».

Затем колонисты сели в лодку, пришвартованную к борту «Наутилуса».

Лодку подвели к корме. Там на ватерлинии были устроены широкие краны, сообщавшиеся с камерами, предназначенными для погружения корабля.

Открыли оба крана, камеры наполнились водой, и «Наутилус», опускаясь все ниже, исчез под ее безмятежной гладью.

Но колонисты еще долго видели его в глубине сквозь толщу морской воды; при свете мощных электрических фонарей она сверкала прозрачной голубизной, меж тем как пещера снова стала черным склепом. Но наконец широкий сияющий ореол корабля померк, и «Наутилус», ставший гробом капитана Немо, лег недвижно на дно океана.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Размышления колонистов. — Возобновление работ на верфи. — Первое января 1869 года. — Столб дыма над вулканом. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит направляются в кораль. — Исследование пещеры Даккара. — Что сказал капитан Немо Сайресу Смицу.

Как только забрезжил рассвет, поселенцы в полном молчании добрались до выхода из пещеры, которую в память усопшего капитана Немо они окрестили «пещерой Даккара». Отлив уже начался, и они без труда выбрались из грота, не обращая внимания на небольшие волны, лизавшие подножие базальтовых стен.

Лодку оставили тут же, в укромном уголке, недостижимом для волн. Для вящей безопасности Пенкроф, Наб и Айртон соединенными усилиями втащили ее на небольшую отмель, идущую вдоль одной из стен пещеры, где лодке ничто не угрожало.

С первыми проблесками зари гроза утихла. Только где-то далеко на западе еще ворчал гром, но раскаты его становились все глуше. Дождь перестал, однако небо было по-прежнему затянуто тучами. Словом, октябрь, первый весенний месяц в Южном полушарии, начался неблагоприятно, и порывистый ветер, все время переходивший от одного румба на другой, предвещал неустойчивую погоду.

Сайрес Смит с друзьями, выбравшись из грота Даккара, повернули в кораль. По дороге Наб с Гербертом отвязали провод, который капитан провел между коралем и пещерой; они справедливо рассудили, что этот провод может им пригодиться впоследствии.

Поселенцы только изредка перебрасывались отрывистыми фразами. Они еще находились под впечатлением всех тех событий, которые разыгрались в ночь с 15 на 16 октября. Их неведомый покровитель, приходивший к ним на помощь в самые трудные минуты, человек, которого они в душе почитали своим добрым гением, их капитан Немо, ушел из жизни. «Наутилус» вместе со своим хозяином погребен на дне океана. И каждый невольно еще острее ощущал свою оторванность от остального мира. Колонисты привыкли рассчитывать на вмешательство этой могущественной силы, которой, увы, уже не стало, и даже Гедеон Спилет, даже Сайрес Смит поддались общему настроению. Вот почему, направляясь в кораль, оба хранили глубокое молчание.

Около девяти часов утра поселенцы возвратились в Гранитный дворец.

Было решено продолжить постройку корабля и вести работы в самом спешном порядке. Сайрес Смит отдавал этому делу все свое время, все свое умение. Неизвестно, что готовило им будущее. Иметь в своем распоряжении большое хорошее судно, на котором можно будет пуститься в плавание даже в бурю, а при случае предпринять и длительное путешествие, значило иметь лишний шанс на спасение. Если, закончив постройку судна, колонисты не решатся сразу покинуть остров Линкольна и добраться до Полинезии или берегов Новой Зеландии, то во всяком случае они смогут посетить остров Табор, чтобы оставить там записку с указанием нового местонахождения Айртона. А сделать это необходимо на тот случай, если шотландская яхта вновь появится в здешних водах. Нельзя же в самом деле пренебрегать подобной возможностью!

Таким образом, прерванные работы начались вновь. Сайрес Смит, Пенкроф и Айртон с помощью Наба, Гедеона Спилета и Герберта работали не покладая рук, если только их не отвлекало какое-нибудь другое, более неотложное дело. Судно должно было быть готово через пять месяцев, то есть к началу марта, — только в этом случае они могли добраться до острова Табор, потому что с равнодушием начинались ветры, не позволявшие пускаться в плавание. И вот плотники не теряли ни минуты. Впрочем,

им не приходилось заботиться об оснастке, так как оснастку «Быстрого», к счастью, удалось полностью спасти. Прежде всего надо было закончить постройку корпуса.

Конец 1868 года прошел в этих важных работах, за которыми были почти позабыты все прочие дела. Через два с половиной месяца шпангоуты были поставлены на место и прикреплены первые доски бортовой обшивки. Уже сейчас можно было смело утверждать, что Сайрес Смит не зря трудился над проектом судна и оно выдержит любые испытания. Пенкроф же работал с каким-то ожесточением, и когда кто-нибудь из колонистов сменял плотничий топор на охотничье ружье, он, не стесняясь, осыпал нерадивого упреками. Однако необходимо было пополнить запасы в кладовых Гранитного дворца из-за приближения зимы. Но что до того было Пенкрофу! Славный моряк, недосчитавшись кого-нибудь из товарищей по работе, каждый раз выходил из себя. В таких случаях он, не переставая брзжать, один работал за шестерых.

Все лето погода не баловала поселенцев. В течение нескольких дней стояла нестерпимая жара, воздух был насыщен электричеством, то и дело разражались страшные грозы. Круглые сутки слышались отдаленные раскаты грома. Небо глухо, но непрерывно ворчало — явление довольно обычное в экваториальных зонах.

Первый день нового, 1869 года ознаменовался жесточайшей грозой, и молния много раз ударяла в остров. Несколько огромных деревьев разбило и сломало грозой и в том числе одно из великолепных крапивных деревьев, защищавших птичий двор со стороны южной оконечности озера. Уж не существовало ли непосредственной связи между этими чудовищными грозами и теми явлениями, что совершались в недрах земли? Не были ли эти грозы отражением тех сдвигов, которые происходили в глубинных слоях земного шара? Сайрес Смит склонялся к этому предположению, тем более что полоса гроз сопровождалась усилением деятельности вулкана.

Третьего января Герберт, вставший с первыми лучами солнца, поднялся на плато Кругозора, чтобы оседлать онагра, как вдруг он заметил над кратером вулкана огромный столб дыма.

Герберт поспешил предупредить остальных поселенцев, они тут же поднялись на плато и стали внимательно смотреть в указанном направлении.

— Эге, — воскликнул Пенкроф, — на сей раз это уж не просто пар! Похоже, что наш богатырь не только дышит, но и курит!

И хотя Пенкроф выразил свою мысль чересчур образно, он вполне точно определил те явления, которые наблюдались над кратером вулкана. Вот уже три месяца из кратера вырывались густые клубы пара, но они указывали лишь на происходящее в недрах вулкана кипение расплавленных масс. Теперь его вершину венчали уже не клубы пара, а густой дым; в небо подымался плотный сероватый столб, достигавший у основания трехсот футов в объеме и высотой в семьсот — восемьсот футов; там, на этой высоте, он расплывался, напоминая по форме огромный гриб.

— В трубе загорелась сажа, — произнес Гедеон Спилет.

— И мы не можем ее потушить! — в тон ему ответил Герберт.

— Хорошо, если бы каждый вулкан время от времени прочищали трубочисты, — заметил Наб самым серьезным тоном.

— Bravo, Наб! — воскликнул Пенкроф. — Уж не хочешь ли ты взяться за ремесло вулканочиста?

И моряк громко рассмеялся своей собственной шутке.

Сайрес Смит внимательно наблюдал за клубами густого дыма, вырывающимися из жерла горы Франклина; он даже стоял немного в стороне от товарищей, слегка вытянув шею, как бы стараясь уловить

отдаленный гул извержения. Затем он подошел к своим товарищам и сказал:

— Действительно, друзья мои, в вулкане произошли значительные изменения. Не будем скрывать от себя этого обстоятельства. Вулканические массы находятся не только в состоянии кипения, они уже разгорелись, и, возможно, в недалеком будущем нам угрожает извержение!

— Ну и пусть себе, мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф. — Если оно получится на славу, это самое извержение, мы ему поаплодируем, и дело с концом! У нас, полагаю, есть дела поважнее всех этих вулканов!

— Нет, Пенкроф, — возразил Сайрес Смит, — старый путь по-прежнему открыт для лавы, а кратер наклонен таким образом, что до сих пор ее поток изливался в северном направлении. А все же...

— А все же, — подхватил Гедеон Спилет, — поскольку от извержения вулкана нам никакой пользы не будет, лучше всего обойтись без такового.

— Как знать! — возразил моряк. — А вдруг наш вулкан возьмет да и выбросит специально для нас какие-нибудь полезные и редкие ископаемые. Не беспокойтесь, мы уж сумеем воспользоваться его любезностью.

Но Сайрес Смит неодобрительно покачал головой, всем своим видом говоря, что лично он не ждет ничего хорошего от процесса, развивавшегося столь стремительно. Он не мог так легко и беспечно, как Пенкроф, относиться к предстоящему извержению. Если из-за наклона кратера поток лавы и не угрожает непосредственно лесистой и возделанной части острова, возможны иные, весьма печальные последствия. Как известно, извержение вулкана нередко сопровождается землетрясением. Остров такого происхождения, как остров Линкольна, может просто распасться на части, ведь по своей структуре он состоит из самых различных пород: из базальта и гранита, застывшей лавы на севере и рыхлых почв на юге, а эти породы, конечно, не прочно связаны между собой. Если даже самое истечение лавы не несет серьезной опасности, то слабый подземный толчок неизбежно приведет к самым трагическим последствиям.

— Мне кажется, — вдруг сказал Айртон (он лег и прижался ухом к земле), — мне кажется, что я слышу приглушенный грохот, знаете, как будто грохочет повозка, нагруженная железными брусьями.

Колонисты внимательно прислушались и должны были признать правоту Айртона. Грохот временами сопровождался подземным гулом, который то усиливался, то затихал, — казалось, там, в недрах земли, проносится яростный вихрь. Однако пока еще не было слышно характерных для извержения звуков, напоминающих выстрелы. Следовательно, пары и дым свободно вырывались из главного кратера, а если выходное отверстие достаточно широко, то можно не опасаться ни взрыва, ни резких смещений земной коры.

— А ну его! — сказал Пенкроф. — Давайте-ка лучше возьмемся за дело. Пусть себе гора Франклина курит, пусть ревет, воеет, пусть выбрасывает огонь и пламя, сколько ее душе угодно, неужели из-за таких пустяков сидеть сложа руки! Идемте же, Айртон, пойдем, Наб, пойдем, Герберт, и вы, мистер Сайрес, и вы, мистер Спилет, сегодня нам всем не грех хорошенько потрудиться! Сейчас мы будем ставить ширстрек, а для такого дела и десятка рук маловато. Чего я хочу? Чтобы наш новый «Бонадвентур» — ведь мы его «Бонадвентуром» назовем, верно ведь? — так вот я хочу, чтобы не дольше как через два месяца наше новое судно уже красовалось в порту Воздушного шара. А если так, то не будем терять зря времени!

Все колонисты послушно пошли за Пенкрофом на верфь, где строился корабль, и приступили к креплению ширстрека — толстой обшивки, которая образует пояс судна, прочно связывающий между собой части судового набора. Нелегкая это была работа, и Пенкроф справедливо требовал, чтобы все в ней приняли участие.

Весь день 3 января они не покидали верфи, позабыв о вулкане, которого, впрочем, и не было видно с берега у Гранитного дворца. Но раза два или три густая тень застилала солнце, совершавшее свой обычный дневной путь по безоблачному небу, — это плотное облако дыма проходило между светилом и островом. Ветер, дувший с моря, уносил дым и пар куда-то на запад. От внимания Сайреса Смита и Гедеона Спилета не ускользнули эти затемнения, они не раз обменивались замечаниями по поводу той быстроты, с какой назревало извержение, однако не бросали работы. Оба понимали, что в их же интересах, в интересах всей колонии, построить корабль в возможно короткий срок. При хорошем судне им не страшны любые неожиданности. И кто знает, не окажется ли в один прекрасный день этот корабль их единственным прибежищем?

Вечером, после ужина, Сайрес Смит вместе с Гедеоном Спилетом и Гербертом отправились на плато Кругозора. Сумрак уже окутал землю, но темнота благоприятствовала их задаче — установить, не примешивается ли к пару и дыму, окутывавшим кратер вулкана, еще и огонь, не выбрасывает ли вулкан частиц раскаленных пород.

— Кратер в огне! — вдруг закричал Герберт, который обогнал спутников и первым добежал до плато Кругозора.

Гора Франклина, отстоявшая милях в шести от плато Кругозора, казалась отсюда огромным факелом, горевшим багровым пламенем. Однако даже во мраке ночи оно бросало лишь тусклый отблеск, что, очевидно, зависело от значительной примеси дыма, шлака и пепла. По острову разливался красновато-желтый свет, и на фоне этого зарева смутно чернел массив леса. Небо заволакивали огромные клубы дыма, в разрывах меж ними кое-где сияли звезды.

— Да, дело пошло слишком быстро! — заметил инженер.

— Это не удивительно, — подхватил журналист. — Вулкан пробудился уже давно. Вспомните-ка, Сайрес, ведь впервые пары показались еще в то время, когда мы обследовали отроги горы в надежде найти убежище капитана Немо. А было это, если не ошибаюсь, примерно в половине октября?

— Вот именно! — воскликнул Герберт. — Значит, уже два с половиной месяца тому назад.

— Следовательно, огонь разгорался под землей в течение десяти недель, — сказал Гедеон Спилет, — и понятно, что за такой срок он набрался сил!

— А вы разве не чувствуете колебания почвы? — спросил Сайрес Смит.

— Чувствую, — ответил Гедеон Спилет, — однако от этого еще до настоящего землетрясения...

— Я и не говорю, что нам угрожает землетрясение, — живо отозвался Сайрес Смит, — храни нас бог от него! Нет. Но эти колебания вызваны подземным огнем. Земную кору можно смело уподобить стенкам котла, а вы сами знаете, что под давлением газа стенки котла дрожат, будто металлическая пластинка. Мы как раз и наблюдаем это явление.

— До чего же красивые снопы огня! — воскликнул Герберт.

В эту минуту из кратера брызнул фейерверк искр, ослепительный блеск которых не могли скрыть густые клубы пара. Тысячи светящихся осколков и огненных точек разлетелись вокруг вулкана. Некоторые из них поднялись даже выше шапки дыма и рассыпались раскаленной пылью. Эта вспышка сопровождалась рядом подземных взрывов, словно где-то поблизости была картечью батарея.

Сайрес Смит, журналист и Герберт целый час провели на плато Кругозора и затем спустились вниз и вернулись в Гранитный дворец. У инженера был такой задумчивый, вернее, такой озабоченный вид, что Гедеон Спилет не удержался и спросил, не предвидит ли он в ближайшем будущем какой-нибудь опасности, прямо или косвенно связанной с извержением.

— И да и нет! — ответил Сайрес Смит.

— Но разве самое большое несчастье, которое может с нами случиться, не землетрясение, грозящее гибелью нашему острову? Откровенно говоря, я этого не опасаясь, поскольку пары и лава нашли себе свободный выход.

— И я тоже боюсь не землетрясения, вернее, не того, что обычно называют этим словом — смещение земной коры, вызываемое расширением подземных газов, — отозвался Сайрес Смит. — Но существуют и другие причины, которые могут повлечь за собой катастрофу.

— Какие же, дорогой Сайрес?

— Пока я еще и сам хорошенько не знаю... Я должен поглядеть... подняться на гору... через несколько дней я надеюсь, что все выяснится.

Гедеон Спилет не стал настаивать, и в скором времени, несмотря на подземный грохот, который с каждым часом становился все громче и отдавался эхом по острову, обитатели Гранитного дворца заснули безмятежным сном.

Прошло три дня — 4, 5 и 6 января. По-прежнему на верфи шла постройка корабля, и инженер старался по мере возможности ускорить работы, хотя прямо об этом ничего не говорил. Вершина горы Франклина была, словно капюшоном, прикрыта темной тучей самого зловещего вида, из кратера вместе с пламенем вырывались теперь раскаленные камни, некоторые из них падали обратно в жерло вулкана. Пенкроф, который даже в извержении видел забавные стороны, время от времени восклицал:

— Смотрите-ка! Наш великан играет в бильбоке! Глядите-ка, наш великан жонглирует!

И действительно, выброшенные вулканом камни снова исчезали в бездне, а это позволяло надеяться, что лава, вздувшаяся под воздействием внутреннего давления, еще не дошла до отверстия кратера. Во всяком случае, наблюдая за северо-восточным скатом, который был отчетливо виден с плато Кругозора, колонисты не обнаружили на склоне горы никаких следов страшного огненного потока.

Однако, как ни торопились колонисты завершить постройку нового корабля, их нередко отвлекали другие столь же важные дела. Первым делом надо было посетить кораль, где стояло стадо муфлонов и коз, и пополнить запас кормов для скота. Было решено, что на следующий день, 7 января, Айртон отправится в кораль, и, так как со всеми этими привычными работами он вполне мог управиться без посторонней помощи, Пенкроф и его товарищи немало удивились, услышав следующие слова инженера:

— Раз вы завтра едете в кораль, Айртон, я поеду вместе с вами.

— Э, нет, мистер Сайрес! — воскликнул моряк. — У нас ведь каждый день на счету, и если вы оба уедете, нам, шутка ли, не хватит двух пар рук!

— Мы вернемся послезавтра, — ответил Сайрес Смит, — мне необходимо побывать в корале... Я хочу знать, скоро ли произойдет извержение.

— «Извержение! Извержение!» — недовольно проворчал Пенкроф. — Будто нет на свете вещей поважнее извержения. Меня, как видите, оно ни капли не беспокоит!

Несмотря на все доводы моряка, поездка, задуманная инженером, была назначена на следующее утро. Герберту очень хотелось отправиться вместе с Сайресом Смитом, но он побоялся, что это окончательно испортит настроение Пенкрофу.

— Прекрасно.

— Но они что-то беспокоятся, мистер Смит.

— В них говорит инстинкт, а инстинкт не обманывает.

— А теперь...

— Возьмите фонарь и огниво, Айртон, — ответил инженер, — и в путь.

Айртон исполнил приказание инженера. Еще заранее он распряг онагров, и они бродили теперь по кораллу. Исследователи заперли ворота с наружной стороны и пошли по узкой тропинке к западному побережью: Сайрес Смит впереди, Айртон позади.

Они шли как по слою ваты: вся почва была покрыта мельчайшими частицами, осевшими из воздуха. В лесах не было видно ни одной живой твари. Даже птицы разлетелись. Иногда ветер, играя, взметал с земли пепел, и тогда путешественники, окруженные плотным облаком, теряли друг друга из вида. Они то и дело прикладывали носовой платок к глазам и ко рту, чтобы не ослепнуть и не задохнуться в этой густой пыли.

Понятно, что в таких условиях Сайрес Смит и Айртон не могли идти быстрым шагом. Да и сам воздух был тяжелый, словно из него выгорела часть кислорода, дышать становилось все труднее. Через каждые сто шагов приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. Было уже больше десяти часов, когда наши путники достигли гряды базальтовых и порфировых скал, в беспорядке нагроможденных вдоль всего северо-западного берега острова.

Айртон и Сайрес Смит начали спускаться вниз по обрывистому склону, стараясь держаться той почти непроходимой тропинки, которая привела их грозовой ночью к пещере Даккара. Впрочем, при дневном свете этот путь был менее опасен, к тому же пепел, покрывавший гладкие, точно отшлифованные склоны, облегчал спуск, не давая скользить ноге.

Вскоре путники достигли вала, который служил продолжением берега на высоте примерно сорока футов. Сайрес Смит вспомнил, что этот вал постепенно понижается, образуя пологий спуск к морю. Хотя уже начался отлив, песчаный берег еще не обнажился, и волны, бурные от осевшей в воду вулканической пыли, били о подножие базальтовых скал.

Сайрес Смит и Айртон без труда отыскивали вход в пещеру Даккара и остановились у скалы, которая служила как бы нижней площадкой вала.

— Лодка здесь? — спросил инженер.

— Да, — ответил Айртон, подтягивая к себе легкий челн, который они укрыли с Пенкрофом под сводом базальтовой пещеры.

— Что ж, отправимся в путь!

Оба сели в лодку. Она легко скользнула по волнам под низко нависшие своды пещеры; Айртон высек огонь, зажег фонарь и поставил его на нос лодки с таким расчетом, чтобы сноп света освещал им путь, затем взялся за весла; Сайрес Смит сел за руль и направил лодку во мрак пещеры.

«Наутилуса» уже не было здесь, не видно было его огней, побеждавших вечную ночь, царящую в гроте. Возможно, электрический свет, питаемый мощными источниками энергии, еще сиял в глубине вод, но сюда, на поверхность, из бездны, где нашел свою могилу капитан Немо, не пробивался ни один луч.

Свет фонаря позволял, впрочем, Сайресу Смицу, уверенно вести лодку вдоль правой стены пещеры. Под базальтовыми сводами царил гробовая тишина, во всяком случае в передней части пещеры, потому что некоторое время спустя инженер отчетливо различил гул, идущий из недр земли.

— Это вулкан, — сказал он.

Вскоре к подземному гулу присоединился и едкий запах химических соединений; Сайрес Смит и

Айртон чуть не задохнулся от сернистых испарений.

— Этого-то и боялся капитан Немо! — пробормотал Сайрес Смит, и лицо его слегка побледнело. — И все же мы должны добраться до цели.

— Что ж, доберемся! — ответил Айртон; он налег на весла, и лодка понеслась в глубь пещеры.

Минут через двадцать пять после начала пути лодка достигла задней стены пещеры и остановилась.

Сайрес Смит встал на скамью и начал водить фонарем, освещая по частям стену, отделявшую пещеру от главного кратера вулкана. Какова толщина этой стены? Сто футов или десять? Никто не мог бы дать ответа на этот вопрос. Но вряд ли стена была очень толстая, так как подземный гул слышался здесь вполне отчетливо.

Обследовав стену в горизонтальном направлении, инженер прицепил фонарь к концу весла и снова стал водить им по базальтовой стене, стараясь осветить ее верхнюю часть.

Отсюда через еле заметные глазу трещины пробивался меж каменных глыб едкий дым, отравлявший воздух в пещере. Вся стена была изборождена трещинами, и некоторые из них, особенно отчетливо вырисовывавшиеся на гладкой поверхности базальта, спускались почти до самой воды.

Сайрес Смит стоял в глубоком раздумье. Потом еле слышно прошептал:

— Да, капитан был прав! Здесь таится опасность, и опасность поистине ужасная!

Айртон ничего не спросил. По знаку Сайреса Смита он снова взялся за весла, и через полчаса путники выбрались из пещеры Даккара.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Рассказ Сайреса Смита о его наблюдениях. — Постройку судна ускоряют. — Последний раз в корале. — Битва огня и воды. — Что осталось на острове. — Спуск корабля. — Ночь с 8 на 9 марта.

Проведя в корале целый день и убедившись, что хозяйство в порядке, Сайрес Смит и Айртон переночевали там и 8 января утром возвратились в Гранитный дворец.

Инженер тотчас собрал товарищей и сообщил им, что острову грозит величайшая опасность, которую никакие силы человеческие предотвратить не могут.

— Друзья мои, — сказал он, и в голосе его слышалось глубокое волнение, — остров Линкольна не принадлежит к числу тех геологических образований, которые просуществуют столько же, сколько и весь земной шар. Он обречен на более или менее близкое разрушение, причина его гибели находится в нем самом, и ничто не спасет его.

Колонисты переглянулись, потом недоуменно посмотрели на Сайреса Смита, — они не поняли всего смысла его слов.

— Объясните яснее, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет.

— Сейчас объясню, — ответил Сайрес Смит. — Я передам вам то, что капитан Немо сказал мне наедине в нашей краткой беседе.

— Капитан Немо? — воскликнули колонисты.

— Да. Он хотел перед смертью оказать нам последнюю услугу.

— Последнюю? — повторил Пенкроф. — Последнюю услугу? Вот увидите, даже и после смерти он еще не раз придет нам на помощь.

— Но что же вам сказал капитан Немо? — спросил журналист.

— Знайте, друзья, — ответил инженер, — что остров Линкольна отличается своим строением от других островов Тихого океана: недра его образованы так, что рано или поздно подводная его часть должна развалиться.

— Развалиться? Это остров-то Линкольна развалится? Полно вам! — недоверчиво произнес Пенкроф и при всем своем почтении к Сайресу Смиту пожал плечами.

— Слушайте внимательно, Пенкроф, — продолжал инженер. — Вот что установил капитан Немо и что я сам заметил вчера, осмотрев пещеру Даккара. Пещера идет под островом вплоть до самого вулкана и отделена от центрального его очага лишь стеной, замыкающей грот. Но вся эта стена испещрена трещинами, и сквозь них уже проникают сернистые газы, образующиеся внутри вулкана.

— И что же? — нахмурившись, спросил Пенкроф.

— А то, что под давлением этих газов трещины увеличиваются. Базальтовая стена раскалывается, и через некоторое время, быть может очень скоро, в трещины хлынет морская вода, заполняющая пещеру.

— Отлично! — произнес Пенкроф, пытаясь, как всегда, пошутить. — Вода потушит огонь в вулкане, и все будет кончено!

— Да, все будет кончено! — сказал Сайрес Смит. — В тот день, когда сквозь брешь в стене море хлынет в центральный очаг вулкана, а оттуда — в глубинные недра острова, где кипят расплавленные породы, в тот день, Пенкроф, остров Линкольна взорвется, как взорвалась бы Сицилия, если б в Этну

хлынуло Средиземное море.

Колонисты ничего не ответили на это категорическое утверждение инженера. Все поняли, какая страшная опасность им угрожает.

И надо сказать, Сайрес Смит нисколько не преувеличивал опасности. Многим уже приходила мысль, что, может быть, удалось бы потушить действующие вулканы, открыв доступ воде в их раскаленные недра, а ведь почти все вулканы высятся на берегах морей или озер. Но такие фантазеры не знали, что тогда бы часть земного шара взлетела на воздух, словно паровой котел, в котором вдруг от внезапного перегрева возросло бы давление пара. Устремившись в замкнутую раскаленную среду, температура которой достигает нескольких тысяч градусов, вода мгновенно обратилась бы в пар, и он вырвался бы наружу с такой силой, что сокрушил бы любую оболочку.

Итак, не подлежало сомнению, что острову грозит ужасный конец, что близится час его уничтожения, — все зависит от того, сколько еще продержится базальтовая стена в пещере Даккара. Тут уж речь идет не о месяцах, не о неделях — речь идет о днях, может быть даже часах!

Первым чувством, охватившим колонистов, была глубокая скорбь. Они не думали об опасности, угрожавшей им, а о неминуемой гибели острова, где они нашли приют, о разрушении того края, который они стремились сделать цветущим и мечтали обратить его в рай земной. Сколько бесполезно затрачено сил! Сколько трудов пойдет прахом!

Пенкроф не мог сдержаться и заплакал; крупные слезы катились у него по щекам, он даже не пытался их скрыть.

Беседа продолжалась еще некоторое время, обитатели острова Линкольна обсуждали, есть ли для них еще какая-нибудь возможность спастись. И в заключение единодушно решили, что нельзя терять ни минуты, надо как можно скорее построить и оснастить корабль, сделать это с молниеносной быстротой, потому что это их единственный шанс на спасение.

Всех поставили работать на верфи. Зачем теперь жать хлеб, убирать урожай, охотиться, умножать запасы провианта, собранные в Гранитном дворце... Того, что хранилось на складе и в кладовых, могло с лихвой хватить для самого долгого плавания на корабле. Необходимо было только одно: чтоб судно оказалось готовым до того, как разразится неизбежная катастрофа.

Итак, работы возобновились и велись с лихорадочной быстротой. К 23 января наполовину уже была закончена обшивка судна. В тех явлениях, какие происходили на вершине вулкана, как будто не было перемен. По-прежнему из кратера вырывались облака пара, дым, языки пламени и раскаленные докрасна камни. Но в ночь с 23 на 24 января, под напором лавы, поднявшейся до верхнего яруса вулкана, с него сорвало конусообразную вершину, похожую на шапку. Раздался невероятный грохот. Колонисты подумали, что остров разваливается, и бросились вон из Гранитного дворца.

Было около двух часов ночи.

Все небо полыхало огнем. Верхний конус высотой в тысячу футов, а весом в миллиарды фунтов низвергся на остров, и земля задрожала. К счастью, он наклонен был к северу и поэтому упал на равнину, покрытую песками и туфом, пролежавшую между горой и морем; кратер вулкана, широко разверзший теперь свое жерло, метал в небо багровое пламя, и в воздухе словно разливалось зарево пожара. Вздвигшийся поток лавы, переливаясь через край новой вершины, словно вода из переполненной чаши, потек длинными каскадами, и по склонам вулкана как будто поползли тысячи огненных змей.

— Кораль! Кораль! — в ужасе воскликнул Айртон.

В самом деле: у нового кратера был иной наклон, лава потекла в сторону коралля и, следовательно,

несла с собою гибель плодородной части острова, истокам Красного ручья и лесу Жакамара.

В ответ на вопль Айртона колонисты кинулись в конюшню, где стояли онагры. Мгновенно запрягли тележку. У всех была одна мысль: мчаться в кораль, выпустить запертый там скот.

Еще не было трех часов утра, когда они подъехали к коралю. Оттуда несло дикое мычание и блеяние, свидетельствовавшее о панике, охватившей муфлонов и коз. Со склона ближнего отрога надвигался пылающий поток расплавленной массы, он уже извивался по лугу, подбираясь к ограде коралья. Айртон распахнул ворота, и обезумевшие животные бросились из них во все стороны.

Час спустя кипящая лава разлилась по всему коралю, обратив в облака пара протекавший по нему ручеек, подожгла жилой дом, и он вспыхнул, как солома, охватила огнем ограду, пожрав ее всю, до последнего столба. От коралья ничего не осталось!

Колонисты пытались бороться с вторжением лавы, — попытка безумная и бесполезная, ибо человек безоружен перед такими страшными катаклизмами.

Настал день 24 января. Прежде чем возвратиться в Гранитный дворец, Сайрес Смит и его сотоварищи решили выяснить, какое направление окончательно примет поток лавы. Начиная от горы Франклина поверхность острова имела скат к восточному берегу, и были основания опасаться, что, несмотря на защитную завесу, которую представляла собою лесная чаща Жакамара, поток лавы дойдет до плато Кругозора.

— Озеро защитит нас, — сказал Гедеон Спилет.

— Будем надеяться, — коротко ответил Сайрес Смит и больше ничего не добавил.

Колонисты хотели было добраться до равнины, на которую упал верхний конус вулкана, но лава преградила им дорогу: она текла по двум впадинам — по долине Красного ручья и по долине Водопадной речки — и воду в них обращала в пар. Перейти через потоки лавы не было никакой возможности, наоборот, приходилось отступать перед ними. Развенчанный вулкан был неузнаваем. Кратер стал плоской дырой, края которой оказались разорваны с восточной и южной стороны, и из этих разрывов непрерывно выливалась лава, сбегая вниз двумя отдельными потоками. Над новым кратером клубились облака дыма и пепла, смешиваясь с тучами, собравшимися над островом. Раскаты грома сливались с грохотом извержения вулкана. Из жерла кратера взметывались на высоту свыше тысячи футов раскаленные каменные глыбы и, разорвавшись в облаках, разлетались тысячами осколков, как картечь. На грохот вулкана небо отвечало громами и молниями.

Укрывшись на опушке леса Жакамара, колонисты наблюдали эту картину, но к семи часам утра им стало невмоготу. Вокруг дождем стали сыпаться камни, а, кроме того, лава, переполнявшая русло Красного ручья, грозила перерезать дорогу к берегу. Ближайшие к опушке деревья загорелись, и оттого что соки их мгновенно обращались в пар, стволы разрывались с треском, как хлопушки; деревья менее сырые стояли нетронутыми.

Колонисты вновь выбрались на дорогу, которая вела из коралья в Гранитный дворец. Они шли медленно, поминутно оглядываясь. Но, следуя наклону долины, лава быстро текла к восточному берегу; лишь только нижние ее пласты застывали, на них тотчас же накатывались новые кипящие волны.

А главный поток, устремившийся по долине Красного ручья, становился все более страшной угрозой. Вся ближняя к нему часть леса была в огне, над деревьями клубился дым, подножия стволов уже потрескивали, загоревшись в раскаленном потоке лавы.

Колонисты остановились у берега озера, на расстоянии полумили от устья Красного ручья. Близилась минута, от которой зависела их жизнь или смерть.

Сайрес Смит никогда не терялся в критических обстоятельствах; зная, что перед ним люди, способные выслушать самую горькую истину, он сказал:

— Может быть, озеро остановит поток лавы, и в таком случае часть острова, будет спасена от полного опустошения, но весьма возможно, что лава разольется по лесам Дальнего Запада, все уничтожит, и на острове не останется ни единого растения. Тогда нас ожидает смерть на голых скалах, и долго ждать ее не придется, ибо остров взлетит на воздух.

— Это что же? — воскликнул Пенкроф и, скрестив на груди руки, топнул ногой о землю. — Значит, нечего нам и трудиться над постройкой судна?

— Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — долг свой надо выполнить до конца.

В эту минуту река расплавленной лавы, проложив себе дорогу среди прекрасных деревьев, которые она быстро пожирала, подобралась к озеру. На пути ее поднимался бугор, и, будь тут подъем круче, он мог бы остановить поток.

— За работу! — крикнул Сайрес Смит.

Замысел инженера сразу поняли. Он решил возвести плотину и таким способом направить поток лавы в озеро.

Колонисты помчались к верфи, принесли оттуда лопаты, кирки, топоры. При помощи земляных насыпей и завалов из срубленных деревьев им удалось за несколько часов сделать плотину высотой в три фута и длиной в несколько сот шагов. Когда они кончили работу, им казалось, что она длилась всего лишь несколько минут.

Успели как раз вовремя. Расплавленная лава уже подползла к перемычке. Поток ее вздулся, как река в половодье, стремящаяся выйти из берегов; казалось — вот-вот он одолеет единственную преграду, которая могла помешать ему затопить леса Дальнего Запада... И все же плотина сдержала его. Была ужасная минута — огненная река остановилась, словно в нерешительности, но вдруг устремилась в озеро Гранта, падая с обрыва высотой в двадцать футов.

Едва дыша, застыв недвижно, онемев, колонисты смотрели на совершавшуюся перед ними борьбу двух стихий.

Шла битва воды и огня! Какое зрелище! Чье перо могло бы описать эту чудесную и страшную битву? Чья кисть могла бы ее нарисовать? В озеро низвергались струи кипящей лавы, и вода с шипением обращалась в пар. Белые клубы взлетали на огромную высоту и кружились вихрем, словно кто-то внезапно открыл клапаны исполинского парового котла. Но как ни велико было количество воды в озере, в конце концов огонь осушил бы его, потому что убыль воды не пополнялась, а страшная огненная река, которую питал неистощимый источник, неустанно катила все новые волны расплавленной массы.

Падая в озеро, лава тотчас же застывала, превращалась в каменные глыбы, и, громоздясь друг на друга, они вскоре уже поднимались над водою. По их поверхности скользили и скатывались в воду новые струи лавы и тоже каменели, но скоплялись ближе к середине озера. Таким образом вырастала каменная гряда, грозившая заполнить всю котловину озера, а оно не могло выйти из берегов, так как воды его обращались в пар. Над озером раздавалось оглушительное шипение и треск, ветер подхватывал и уносил к морю облака испарений, и там они, охлаждаясь, рождали дождь. Каменная дамба все удлинялась, глыбы затвердевшей лавы громоздились друг на друга. Там, где только что простиралась спокойная водная гладь, вздымалось скопище дымящихся скал, как будто землетрясение вздыбило дно озера рифами. Вообразите себе поднятые ураганом огромные волны, внезапно скованные льдом на двадцатиградусном морозе, и вы получите некоторое представление о той картине, какую являло собою озеро через три часа после

вторжения в него всеокрушающего потока лавы.

На этот раз огонь победил воду.

Однако для колонистов было большим счастьем, что лава устремилась в сторону озера Гранта. Это на несколько дней отсрочило катастрофу. Плато Кругозора, Гранитный дворец и корабельная верфь на время оказались вне опасности. За эти несколько дней передышки нужно было закончить обшивку корабля и хорошенько его проконопатить. Потом спустить его на воду; оснасткой же заняться лишь тогда, когда судно окажется на море, в своей стихии. Оставаться на суше стало крайне опасно: острову угрожал взрыв и уничтожение. Гранитный дворец, который еще так недавно был надежным убежищем, с минуты на минуту мог обрушиться.

И вот шесть дней, с 25 по 30 января, колонисты работали над постройкой корабля с неистовым усердием, сделали столько, что и двадцать плотников за ними бы не угнались. Они не давали себе отдыха, почти не спали, вели работу круглые сутки, так как при свете пламени, вырывавшегося из кратера, ночью было видно как днем. Вулкан все еще извергал лаву, но, пожалуй, менее обильно. Этому можно было только порадоваться: ведь котловина озера Гранта была уже почти заполнена, и если б новые потоки устремились в водоем, лава неизбежно разлилась бы по плато Кругозора, а оттуда низверглась бы на берег океана.

Но если с восточной стороны остров был до некоторой степени защищен, не так обстояло дело с западной его частью.

В самом деле, второй поток лавы шел по Водопадной речке, не встречая никаких препятствий в долине, широко простиравшейся по обе стороны речного русла. Несущая гибель расплавленная масса растеклась по лесу Дальнего Запада. В знойную пору года, когда от палящей жары все древесные соки высохли, лес занялся в одно мгновение, пожар распространялся и по низу и по кронам деревьев, пламя побежало по густым сплетениям ветвей. Казалось даже, что поток огня быстрее несется по вершинам деревьев, чем поток лавы у подножия стволов.

И тогда обезумевшие звери — ягуары, кабаны, пекари, коалы, хищники и обычные их жертвы, четвероногие и пернатая дичь, — пытались спастись, устремились к реке Благодарения, к Утиному болоту и за линию дороги, к порту Воздушного шара. Но колонисты, поглощенные своей работой, не обращали внимания даже на самых опасных хищников. Меж тем с Гранитным дворцом они теперь расстались и, не решаясь искать себе убежища в Трущобах, ютились в палатке около устья реки Благодарения.

Ежедневно Сайрес Смит и Гедеон Спилет поднимались на плато Кругозора. Иногда их сопровождал Герберт. Но Пенкроф никогда туда не ходил, не желая смотреть на опустошенный остров, совершенно изменивший свой прежний облик.

Зрелище и в самом деле было тяжелое. Вся лесистая часть острова обнажилась. Лишь на конце полуострова Извилистого зеленела маленькая рощица. Кое-где торчали безобразные почерневшие скелеты деревьев. То место, где прежде простирались леса, стало более бесплодным, чем Утиное болото. Лава все погубила. Там, где еще совсем недавно высились могучие лесные великаны, теперь лежали глыбы вулканического туфа. По руслу Водопадной речки и реки Благодарения уже не текло ни единой струйки воды, и если б еще и озеро Гранта пересохло, колонистам нечем было бы утолить жажду. Но, к счастью, уцелел один уголок озера, у южного края, — там образовалось нечто вроде пруда, где скопилась вся оставшаяся на острове питьевая вода. Вдали, на северо-западе, вырисовывались резкие очертания отрогов вулкана, похожие на гигантские когти, вонзившиеся в землю. Какое грустное зрелище, какая ужасная картина и как больно было смотреть на нее людям, которые видели тут прежде плодороднейший уголок, возделанный их трудом, великолепные леса, прозрачные речки, орошавшие землю, пышные нивы.

В одно мгновение все изменилось, вокруг виднелся только голый камень. Не будь у наших поселенцев запасов пищи, им пришлось бы умирать с голоду.

— Просто сердце разрывается! — сказал однажды Гедеон Спилет.

— Да, Спилет, — отозвался инженер. — Дай бог, чтоб мы успели закончить постройку судна, в нем — единственное наше спасение!

— А вам не кажется, Сайрес, что вулкан как будто успокаивается? Он еще извергает лаву, но, если я не ошибаюсь, не так много, как прежде!

— Это не имеет значения, — ответил Сайрес Смит. — В недрах вулкана все так же пылает огонь, и каждое мгновение туда может ринуться море. У нас с вами положение не лучше, чем у пассажиров корабля, которые плывут по морю, а сами знают, что на корабле пожар, что потушить его они не в силах и что рано или поздно огонь доберется до трюма, где лежат бочки с порохом. Идемте-ка, Спилет, идемте работать. Не будем терять времени!

И еще целую неделю, то есть до 7 февраля, текла из кратера лава, но сила извержения не увеличивалась. Сайрес Смит больше всего боялся, как бы потоки расплавленных горных пород не разлились по берегу, ведь в таком случае они уничтожили бы корабельную верфь. Но через некоторое время колонисты почувствовали, что под почвой, где-то в глубинах земли, происходит сотрясение, и это страшно их встревожило.

Наступило 20 февраля. Еще нужен был целый месяц, чтобы достроить корабль и спустить его на воду. Выстоит ли остров до тех пор? Пенкроф и Сайрес Смит решили приступить к спуску корабля, как только его корпус будет непроницаем для воды. Настилку палубы, надводные постройки, отделку и оснастку намеревались произвести позднее, когда корабль уже будет в море, — самым важным было обеспечить себе убежище вдали от острова. Не следует ли, думали они, отвести корабль в порт Воздушного шара, подальше от очага извержения, так как, находясь близ устья реки, между островком Спасения и гранитной стеной, он будет раздавлен, если остров Линкольна разрушится. Теперь все усилия строителей направлены были на то, чтобы как можно скорее закончить корпус корабля.

Так колонисты прожили до 3 марта и уже рассчитывали произвести дней через десять спуск корабля.

У обитателей острова Линкольна, переживших на четвертом году своего пребывания на острове столько бедствий, возродилась в сердце надежда. Повеселел даже Пенкроф, замкнувшийся в угрюмом молчании с тех пор, как он стал свидетелем опустошения и гибели своих владений. Правда, теперь он думал только о корабле и только на него возлагал надежды.

— Мы его достроим, — говорил он инженеру. — Обязательно достроим, мистер Смит. Спешить надо, время идет, скоро наступит пора равноденствия. Но это ничего. Если понадобится, мы переправимся на остров Табор и там перезимуем. Конечно, после острова Линкольна да вдруг остров Табор! Совсем не то. Эх, горе! Вот уж не думал, не гадал, что увижу такие дела!

— Надо торопиться! — неизменно отвечал инженер.

И все трудились, боясь потерять хоть одну минуту.

— Мистер Смит, — спросил как-то раз Наб, — а если бы капитан Немо был жив, как вы полагаете, случилось бы все это?

— Да, Наб, — ответил Сайрес Смит.

— А я думаю, не случилось бы, — шепнул Пенкроф на ухо Набу.

— И я так думаю, — убежденно сказал Наб.

В первую неделю марта гора Франклина опять стала грозить всякими ужасами. На землю дождем падали тысячи стеклянных нитей, образовавшихся из брызг расплавленной лавы. Снова кратер переполнился, и лава потекла по всем склонам вулкана. Огненный поток побежал по затвердевшим пластам туфа и довершил уничтожение обгорелых деревьев, торчавших уродливыми скелетами после первого извержения. На этот раз поток устремился вдоль юго-западного берега озера Гранта, пересек Глицериновый ручей и разлился по плато Кругозора. Колонистам нанесен был последний и убийственный удар. От мельницы, от построек птичника, от хлевов и сараев ничего не осталось. Перепуганные птицы разлетелись во все стороны. По всем признакам Топ и Юп испытывали панический страх — они инстинктом чували приближение катастрофы. Во время первого извержения погибло много животных. Уцелевшие звери нашли приют на Утином болоте, и лишь немногие из них укрылись на плато Кругозора. Теперь они лишились последнего пристанища, а река огненной лавы, переливаясь через край гранитной стены, уже низвергалась пылающим водопадом на берег океана. Картина величественная и ужасная, никакими словами передать ее невозможно! Всю ночь лилась эта страшная Ниагара, как будто истекавшая струями расплавленной стали, окутанная вверху клубами пара, пронизанного багровыми отсветами, и разбрызгивая внизу тяжелую массу кипящей лавы.

Извержение настигло колонистов в последнем их убежище, и хотя верхние швы корабельного корпуса еще не были законопачены, строители решились спустить судно на воду.

Пенкроф и Айртон приступили к подготовке, желая произвести спуск на следующее утро, 9 марта.

Но в ночь с 8 на 9 марта из кратера с громовым шумом вырвался столб пара и поднялся на высоту свыше трех тысяч футов. Очевидно, стена пещеры Даккара рухнула под напором газов, море хлынуло в центральный очаг вулкана, и пар не мог найти себе свободного выхода. Раздался взрыв чудовищной силы, который слышен был на расстоянии в сто миль. Взлетели вверх обломки скал, упали в океан, и несколько минут спустя его воды уже покрывали то место, где только что был остров Линкольна.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Одинокая скала среди океана. — Последнее убежище. — Впереди — смерть. — Нежданная помощь. — Откуда и как она явилась. — Последнее благодеяние. — Остров на суше. — Могила капитана Немо.

Одинокая скала длиной в тридцать футов, а шириной в пятнадцать, едва выступавшая из воды на десять футов — вот и все, что осталось от острова, поглощенного океаном — единственный обломок кряжа, таившего в себе Гранитный дворец. Стена его рухнула, раскололась, и груда каменных глыб, взгромоздившихся при падении друг на друга, подняла над океаном свою верхушку. Вокруг нее все исчезло в бездне: нижний конус горы Франклина, разлетевшийся на части от взрыва, оба мыса Челюсть, некогда образованные застывшей лавой, плато Кругозора, островок Спасения, гранитные утесы порта Воздушного шара, базальтовые скалы гробницы Даккара, длинный полуостров Извилистый, находившийся так далеко от очага извержения. От острова Линкольна уцелела лишь эта узкая скала, служившая теперь пристанищем шести колонистам и их псу Топу.

В катастрофе погибли все четвероногие животные, все птицы и прочие представители фауны острова — одни были раздавлены, другие утонули; погиб — увы! — и несчастный Юп, упав, вероятно, в разверзшуюся трещину земли!

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, Наб и Айртон остались в живых лишь потому, что из палатки, где они были все вместе, их швырнуло воздушной волной в море в тот момент, когда со всех сторон дождем падали обломки острова.

Когда они вынырнули на поверхность воды в полкабельтовых от берега и огляделись вокруг, то увидели лишь эту вершину гранитных глыб и, подплыв, взобрались на нее.

На этой голой скале они жили уже девять дней! Кое-какая провизия, взятая из кладовой Гранитного дворца перед самой катастрофой, немного дождевой воды, скопившейся во впадине скалы, — вот и все, что было у несчастных. Их корабль, последняя их надежда, разбился. Они лишились возможности выбраться с этой скалы. Они страдали от холода и не могли теперь добыть огня. Судьба обрекла их на гибель.

На девятый день, 18 марта, пищи осталось только на двое суток, хотя они до крайности урезали свой рацион. Все их знания, весь их ум не могли помочь в таком бедственном положении. Участь друзей всецело была в руках провидения.

Сайрес Смит держался спокойно, Гедеон Спилет немного выдавал свое волнение, а Пенкроф, полный глухого гнева, шагал взад и вперед по скале. Герберт не отходил от инженера и смотрел на него таким взглядом, как будто ждал от своего друга помощи, невозможной, немыслимой помощи. Наб и Айртон безропотно покорились судьбе!

— Эх, горе! Вот уж горе-то! — твердил Пенкроф. — Если б у нас был хоть какой-нибудь ялик, хоть ореховая скорлупка, мы бы добрались до острова Табор. Но ведь ничего, ничего нет!

— Капитан Немо вовремя умер! — сказал как-то Наб.

Прошло еще пять дней. Сайрес Смит и несчастные его товарищи едва были живы, ведь ели они лишь столько, чтоб не умереть с голоду. Все ослабели до последней степени. У Герберта и Наба уже начинался бред.

Могли ли они теперь хранить хоть искорку надежды? Нет. На что им было надеяться? На то, что близ скалы пройдет корабль? Но они по опыту знали, что в эту часть Тихого океана корабли не заходят. А разве

можно было рассчитывать, что, по счастливой случайности, как раз в эти дни придет шотландская яхта искать Айртона на острове Табор? Несбыточная мечта! Да впрочем, если б яхта и пришла, ведь колонисты не оставили на острове сообщения о том, где находится Айртон; капитан яхты после бесплодных поисков выйдет опять в море, и корабль возвратится в более теплые края.

Нет, они не могли хранить никакой надежды на спасение. На этой скале их ждала смерть, ужасная смерть от голода и жажды!

Они уже не держались на ногах и лежали неподвижно, почти бездыханные, не сознавая, что происходит вокруг. Один лишь Айртон с трудом поднимал иногда голову и с отчаянием бросал взгляд на пустынное море!

Но вот утром 24 марта Айртон простер руки, указывая на какую-то точку в беспредельном пространстве океана, стал сначала на колени, потом поднялся и выпрямился во весь рост. Он замахал руками, как будто подавая сигнал...

В виду скалы плыло судно. И ясно было, что оно оказалось тут не случайно, что оно направляется именно к этой скале, идет прямо к ней на всех парах. Несчастные пленники скалы могли бы заметить это судно еще несколько часов назад, будь у них силы подняться и обозреть горизонт!

— «Дункан»! — чуть слышно вскрикнул Айртон и упал без чувств.

Когда Сайрес Смит и его товарищи пришли в сознание благодаря заботливому уходу, которым их окружили, они оказались в каюте корабля и не могли понять, как им удалось избежать смерти.

Одно-единственное слово Айртона все им объяснило.

— «Дункан»! — тихо сказал он.

— «Дункан»! — повторил Сайрес Смит. — И, подняв руки, он воскликнул: — Боже всемогущий! Значит, такова была воля твоя! Нас спасли.

Действительно, их спас «Дункан», яхта лорда Гленарвана, которую вел теперь Роберт, сын капитана Гранта; корабль отправлен был за Айртоном, чтобы привезти его на родину после двенадцати лет одинокой жизни на необитаемом острове Табор, которой он искупил свое преступление!..

Итак, колонисты были спасены, корабль уже готовился везти их домой.

— Капитан Роберт, — спросил Сайрес Смит, — когда вы отплыли от острова Табор, не найдя там Айртона, кто подал вам мысль пройти еще сто миль к северо-востоку?

— Мистер Смит, — ответил Роберт Грант, — мы направились сюда не только за Айртоном, но и за вами и за вашими товарищами.

— За мной и за моими товарищами?

— Ну конечно! Мы взяли курс на остров Линкольна.

— На остров Линкольна? — воскликнули в один голос Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, не находя слов от удивления.

— Да откуда же вы узнали об острове Линкольна? — спросил Сайрес Смит. — Ведь этот остров и на картах не значится.

— Я узнал о нем из записки, которую вы оставили на острове Табор.

— Из записки? — изумленно переспросил Гедеон Спилет.

— Разумеется, из записки. Вот она, — ответил Роберт Грант и показал листок бумаги, где сообщались

широта и долгота острова Линкольна, «на котором находится в настоящее время Айртон и пятеро американских колонистов».

— Это капитан Немо!.. — сказал Сайрес Смит, прочтя записку и убедившись, что она написана тем же почерком, что и то краткое послание, которое они нашли в корале.

— Ах, вот оно что! — воскликнул Пенкроф. — Так, значит, это он взял наш корабль и в одиночку рискнул отправиться на нем к острову Табор!..

— Он хотел оставить там записку! — добавил Герберт.

— Ну, я разве неверно говорил, что даже после смерти капитан Немо еще раз окажет нам помощь! — воскликнул моряк.

— Друзья мои, — сказал глубоко растроганный Сайрес Смит, — капитан Немо поистине наш спаситель. Да примет милосердный господь его душу в лоно свое!

При этих словах Сайреса Смита все обнажили головы и тихо произнесли имя капитана.

В эту минуту к инженеру подошел Айртон и спросил:

— Куда ларец положить?

Рискуя жизнью, он спас этот ларец в минуту катастрофы и теперь отдавал его инженеру.

— Айртон! Айртон! — воскликнул глубоко взволнованный Сайрес Смит и, обратившись к Роберту Гранту, добавил: — Сударь, вы оставили на острове Табор преступника, а теперь перед вами честный человек, и я с гордостью пожимаю ему руку!

Роберту Гранту рассказали тогда необыкновенную историю дружбы капитана Немо и поселенцев острова Линкольна. Затем капитан определил и записал координаты нового рифа, которому отныне предстояло значиться на карте Тихого океана, и отдал приказ идти в обратный путь.

Через две недели колонисты прибыли в Америку и увидели, что на их родине наступил мир после ужасной войны, закончившейся, однако, победой правого дела.

Из тех богатств, какие хранились в ларце, завещанном капитаном Немо обитателям острова Линкольна, большая часть была употреблена на покупку обширного земельного владения в штате Айова. Взяв из сокровищницы самую красивую жемчужину, ее послали в подарок леди Гленарван от имени людей, спасенных «Дунканом» и возвратившихся на родину.

Колонисты собрали на приобретенной ими земле всех тех, кому они хотели некогда предложить свое гостеприимство на острове Линкольна, и призвали их к труду, то есть открыли им путь к достатку и счастью. Они основали большую колонию, которой дали имя острова, исчезнувшего в глубинах Тихого океана. У них есть своя река Благодарения, гора Франклина, маленькое озеро Гранта, лес, именуемый лесом Дальнего Запада. Словом, их колония — как бы остров, остров на суше.

Под разумным руководством инженера и его товарищей колония процветала. Ни один из бывших обитателей острова Линкольна не покинул друзей — они поклялись всегда жить вместе: Наб, неразлучный со своим хозяином, Айртон, неизменно готовый на всяческое самопожертвование, Пенкроф, ставший таким же заправским фермером, каким он был заправским моряком, Герберт, закончивший свое образование под руководством Сайреса Смита, и Геден Спилет, основавший газету «Нью-Линкольн геральд» — газету самую информированную во всем мире.

Сайрес Смит и его товарищи не раз принимали в своей колонии дорогих гостей — лорда и леди Гленарван, капитана Джона Манглса и его жену — сестру Роберта Гранта, самого Роберта Гранта, майора Мак-Набса и всех тех, кто были участниками приключений капитана Гранта и капитана Немо.

Все жили в такой же дружбе, как и прежде, и были, наконец, счастливы; но никогда не забывали они острова, на который вступили нищие, голые и где провели, ни в чем не нуждаясь, четыре долгих года, далекого острова, от которого остался лишь гранитный утес, омываемый волнами Тихого океана, — гробница того, кто был капитаном Немо.

1875 г.

1

Бизань-мачта — задняя мачта корабля.

2

Грот-мачта — самая высокая мачта корабля.

3

Ют — передняя часть судна.

4

Ярд — 0,91 метра.

5

Фут равен 30,4 сантиметра.

6

Фунт равен 409 граммам.

7

Коронер — в Англии официальное лицо, ведущее следствие в случае чьей-нибудь внезапной и подозрительной смерти.

8

Английские слова значат: *sink* — терпеть крушение, *aland* — на земле, *that* — этот, *and* — и, *lost* — потерянный, *skipper* — капитан торгового флота, *monition* — документ, *assistance* — помощь.

9

Austral — южный.

10

Aborder — приставать, достигать.

11

Continent — материк.

12

Cruel — жестокий.

13

Longitude — долгота.

14

«Passenjers are requested not to speak to the man ad the wheel» — «Просят пассажиров не разговаривать с рулевым».

15

Свое четвертое путешествие в Америку Христофор Колумб совершил на четырех судах. Самое большое из них — каравелла, на которой плыл сам Колумб, — было водоизмещением в 70 тонн, а самое малое судно — в 50 тонн. Это были суда, пригодные лишь для каботажного плавания. (*Примеч. автора.*)

16

Патент-лаг — инструмент, показывающий на своем циферблате при помощи стрелки скорость движения судна.

17

Морская миля равна 1852 метрам.

18

Камбуз — кухня.

19

Клан — семья, род.

20

Piper-bag — игрок на волынке; игроки на волынке доныне сохранились в шотландских полках (Примеч. автора).

21

Плеть из девяти ремней, часто применявшаяся в английском флоте.

22

Стюард — буфетчик.

23

Никталопия — особенное свойство глаз видеть предметы в темноте. (Примеч. автора.)

24

Шканцы — часть верхней палубы.

25

Пипа равна 50 гектолитрам. (Примеч. автора.)

26

Бушприт — мачта, выставленная вперед с носа корабля.

27

Гипсометрия — измерение высоты местности.

28

Сьерра — горный кряж, хребет.

29

Том Сайерсон — Знаменитый лондонский боксер. (Примеч. автора.)

30

Кацик — вождь туземного племени.

31

Арроб — местная мера веса, равная 11 килограммам.

32

В Южном полушарии зима приходится на летние месяцы Северного полушария.

33

Понижение точки кипения равняется приблизительно 1 градусу на 324 метра подъема. (*Примеч. автора.*)

34

Почти тождественное явление природы произошло на Монбланской горной цепи в 1820 году. При этой ужасающей катастрофе погибли три проводника из Шамуни. (*Примеч. автора.*)

35

Строение лап кондора таково, что он не может поднять что-либо, да еще на более или менее значительную высоту. Жюль Верн был введен в заблуждение многочисленными сказками о кондорах, рассказываемыми в его время, но полностью опровергнутыми позднейшими научными наблюдениями.

36

Espanol? — Испанец?

37

Vos sois um homera de bem — Вы славный человек.

38

Sem duvida, um Patagao? — Конечно, вы патагонец?

39

Dizeime! — Отвечайте!

40

Vos compreendeis? — Вы понимаете?

41

No comprendo — Не понимаю.

42

Espanol? — Испанец?

43

Si, si! — Да, да!

44

Девяносто три мили — 150 километров. (Примеч. автора.)

45

Рестреадорес — Грабители на равнинах (Примеч. автора.)

46

Suvo padre! — Его отец!

47

По этой причине зима в Исландии мягче, чем в Ломбардии. (Примеч. автора.)

48

Тридцать одна миля — 50 километров. (Примеч. автора.)

49

Баррерос — Земли, пропитанные солью. (Примеч. автора.)

50

Эстанции — большие скотоводческие фермы.

51

Колонисты Западной Европы, заселявшие Америку, беспощадно обращались с индейцами, сгоняя их с земель, искони принадлежавших им, спаивая водкой и истребляя. Индейцы оказывали сопротивление пришельцам, но в конце концов были побеждены и почти истреблены завоевателями.

52

Баски — народ, населяющий испанские и французские склоны Пиренеев.

53

Фонда — постоялый двор.

54

Гекатомба — в Древней Греции жертвоприношение из ста быков. В переносном смысле — одновременная массовая гибель живых существ.

55

Anda, anda! — Скорей, скорей!

56

При обращении к мальчику слово «мистер» заменяется словом «*мастер*».

57

Amigos! — Друзья!

58

Quien sabe! — Кто знает!

59

Меркатор (1512–1594) — нидерландский географ-картограф; изобрел особый способ измерения больших расстояний на земной поверхности. Географические проекции Меркатора особенно важны в навигации, а в картографии употребляются и в настоящее время.

60

Сто семьдесят шесть градусов — По Цельсию 80 градусов.

61

Флибустьеры — морские разбойники в XVII веке. Сыграли видную роль в борьбе Англии и Франции с Испанией за колонии. Грабили преимущественно Испанию и ее колонии.

62

Лье — французская мера длины, равная 4,5 км.

63

Сван-Ривер — Лебяжья река.

64

Муссоны — ветры, дующие с чрезвычайной силой в Индийском океане. Их направление различно в зависимости от времени года, причем летнее обычно противоположно зимнему. (Примеч. автора.)

65

Штурмгласс — стеклянный сосуд, содержащий такой состав, который меняет свой цвет в зависимости от направления ветра и атмосферного давления. (Примеч. автора.)

66

Поэтому морской устав запрещает капитанам пускать в ход это средство, если за ним следуют по тому же пути другие суда. (Примеч. автора.)

67

Ахтерштевень — Деревянная часть, которой оканчивается корма судна. (Примеч. автора.)

68

Сипаи — наемные солдаты англо-индийской армии из местного населения (индусов).

69

Линкольн (1809–1865) — президент Соединенных Штатов.

70

Негоциан — торговец.

71

«*Spiro — spero*» — «Пока дышу — надеюсь» (лат.).

72

«Такури мате Марион!» — «Такури убил Мариона!»

73

Перлинь — корабельный пеньковый канат.

74

Минотавр — в греческой мифологии чудовище с телом человека и головой быка.

75

Армия Ганнибала, задержавшись в Капуе, совершенно разложилась.

76

Морское лье равно 5555 метрам.

77

Английский фут равен 30,4 сантиметра.

78

В четверть бумажного листа (*лат.*).

79

Conseil (*фр.*) – совет.

80

Пирс – причальная линия пристани.

81

Вперед! (*англ.*)

82

Туаз равен 1,949 метра.

83

Подвижный в подвижном (*лат.*).

84

Нож с широким лезвием (*англ.*).

85

Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 году.

86

Стюард (*англ.*) – буфетчик на корабле.

87

Нето (*лат.*) – никто.

88

Зоофиты, по научной классификации того времени, объединяли большое число различных групп беспозвоночных и в том числе губок, кишечнополостных, червей, иглокожих и др.

89

Мириаметр – десять тысяч метров.

90

Современная систематика делит позвоночных на 6 классов.

91

Как показали более поздние наблюдения, коралловые полип-няки растут гораздо быстрее, давая иногда за год десять и более сантиметров.

92

Это правильно только для широкого экваториального пояса между 50° северной и южной широты. Севернее и южнее температура воды на глубине 1000 метров значительно ниже.

93

По современным данным, глубина Индийского океана нигде не превышает 6000 м, за исключением впадины Зунда к югу от острова Суматры, имеющей наибольшую глубину 7455 м.

94

Имеют уши – и не слышат (*лат.*).

95

Существование подземного прохода между Средиземным и Красным морями – фантастический вымысел.

96

Есть у Нептуна в глуби Карпатосских вод прорицатель. Это лазурный Протей... (Вергилий, «Георгики», кн. IV.)

97

Наше море (*лат.*).

98

Осетры питаются моллюсками, червями и не достигают таких размеров, как указывает Жюль Верн.

99

Электрические угри обитают только в пресных водах Южной Америки.

100

В настоящее время усоногих (*Cirripedia*) включают в ракообразных, а кольчатых червей рассматривают как самостоятельную группу.

101

В настоящее время лангусты и омары относятся к разным семействам, а омары известны и из Средиземного моря.

102

Мыс Доброй Надежды.

103

Североамериканская патриотическая песенка, сложенная во времена борьбы за освобождение от господства Англии.

104

Отблеск полярных льдов (*англ.*).

105

Антарктический материк был открыт русскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым в плавании 1819–1821 гг. Однако еще много лет спустя наличие сплошного Антарктического материка подвергалось сомнениям.

106

Моржи в Южном полушарии не обитают.

107

Такой температуры в воде быть не может.

108

То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около сорока двух лье, считая в одном лье 4 километра). (*Примеч. автора.*)

109

5 апреля Грант захватил Ричмонд, мятеж сепаратистов был подавлен. Ли отступил на запад, и дело единства Соединенных Штатов восторжествовало. (*Примеч. автора.*)

110

И так далее (*лат.*).

111

Известный автор руководства по ужению рыбы. (*Примеч. автора.*)

112

Действительно, в то время года и на той широте солнце восходило в 5 час. 53 мин. утра и заходило в 6 час. 17 мин. вечера. (*Примеч. автора.*)

113

Имеется в виду английский фут, равный тридцати сантиметрам. (*Примеч. автора.*)

114

В четверть бумажного листа (*лат.*).

115

Порт в штате Нью-Йорк. (*Примеч. автора.*)

116

Аляска была открыта в 1741 году русскими и принадлежала России, но в 1867 году (вместе с Алеутскими островами) была продана США царским правительством.

117

Около 106 километров в час. (*Примеч. автора.*)

118

Речь идет о восстании греков, которым капитан Немо действительно помогал таким образом. (*Примеч. автора.*)

119

Подвижный в подвижном (*лат.*).